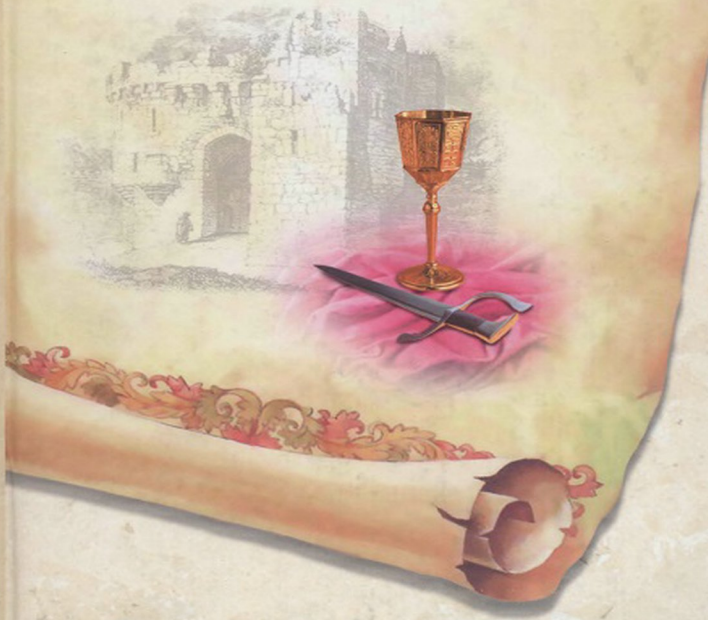
Айзек Азимов



Путеводитель по Шекспиру

Английские пьесы

Путеводитель по Шекспиру. Английские пьесы

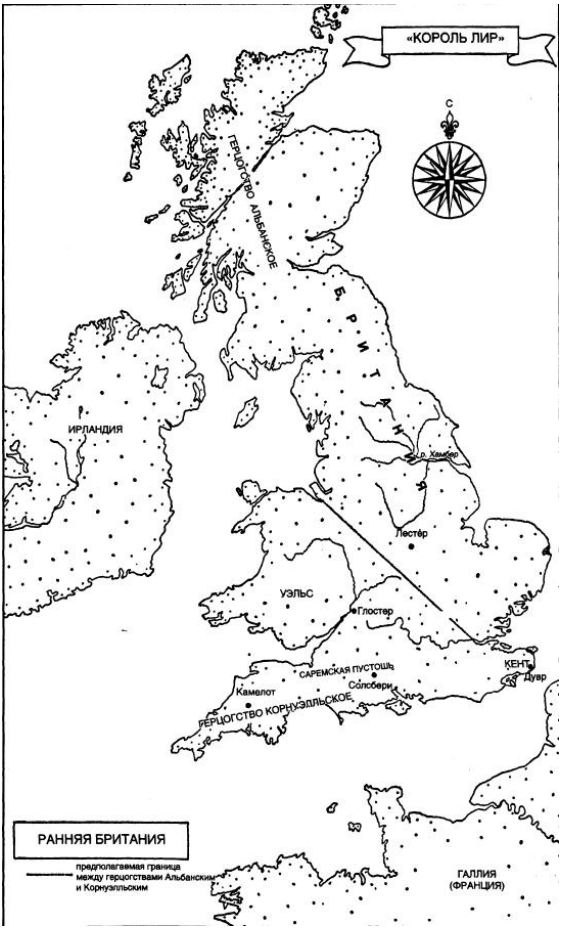
Айзек Азимов

Аннотация
Глава 1 «Король Лир»
Глава 2 «Цимбелин»
Глава 3 «Гамлет»
Глава 4 «Макбет»
Глава 5 «Король Иоанн»
Глава 6 «Ричард II»
Глава 7 «Генрих IV» (часть первая)
Глава 8 «Генрих IV» (часть вторая)
Глава 9 «Виндзорские насмешницы»
Глава 10 «Генрих V»
Глава 11 «Генрих VI» (часть первая)
Глава 12 «Генрих VI» (часть вторая)
Глава 13 «Генрих VI» (часть третья)
Глава 14 «Ричард III»
Глава 15 «Генрих VIII»

Аннотация

Знаменитый писатель-фантаст, ученый с мировым именем, великий популяризатор науки, автор около 500 научно-популярных, фантастических, детективных, исторических и юмористических изданий приглашает вас в мир творчества великого английского драматурга. Эта книга входит в серию популярных азимовских «путеводителей». Автор систематизирует драматургические произведения Шекспира, анализируя их содержание, скрупулезно разбирает каждую цитату, каждый отрывок, имеющий привязку к реальным историческим событиям, фольклорную или мифологическую основу. Он истолковывает значение многих реплик, острот и колкостей персонажей и поясняет, с кем их устами Шекспир ведет словесные дуэли.

Глава 1 «Король Лир»


«КОРОЛЬ ЛИР»
С
ГЕРЦОГСТВО АЛЬБАНСКОЕ
БРИТАНИЯ
ИРЛАНДИЯ
р. Хамбер
Лестер
УЭЛЬС
Глостер
САРЕМСКАЯ ПУСТОШЬ
Солсбери
КЕНТ
Дувр
Камелот
ГЕРЦОГСТВО КОРНУЭЛЬСКОЕ
РАННЯЯ БРИТАНИЯ
предполагаемая граница между герцогствами Альбанским и Корнуэллским
ГАЛЛИЯ (ФРАНЦИЯ)

Шекспир написал пятнадцать пьес, которые так или иначе связаны с английской историей. Четыре из них посвящены довольно темным временам до завоевания Англии норманнами в 1066 г., а одна — еще более древним и чисто легендарным событиям. Это «Король Лир».

Изначальный Лир фигура не просто легендарная, а мифическая, потому что он был богом. В кельтской мифологии Лир (Lear) был бог моря (Lir или Ler у ирландцев и Llyr у валлийцев). Широко известная легенда гласила, что у него было четверо детей, которых злая мачеха превратила в лебедей.

Старая сказка о Лире и его детях никак не связана с версией, которая дошла до нас благодаря Шекспиру; однако благодаря ей имя Лир стало известно многим поколениям детей, которым рассказывали сказки. Даже если они забывали все остальное, то в памяти оставалось, что сказка имеет какое-то отношение к детям Лира.

Около 1135 г. Лир впервые превратился в легендарную историческую фигуру. Это произошло благодаря Historia Regum Britanniae («Истории королей Британии») Джеффри Монмутского.

В то время, когда Джеффри писал свой труд, кельтские народы Британии уже шесть веков

медленно, но верно вытесняли с их земель, и теперь они жили в Уэльсе. Однако англо-норманнское влияние постепенно усиливалось, и спустя полтора века Англия полностью и окончательно овладела Уэльсом.

Умирающие культуры всегда вызывают большой интерес, и Джеффри, который жил на границе Уэльса и, возможно, сам был отпрыском кельтов, проявлял этот интерес. Вполне естественно, что ему хотелось подчеркнуть великое прошлое угасающего народа. С этой целью он широко использовал легенды и мифы и создал во многом выдуманную историю, хотя в Средние века к ней относились вполне серьезно. Если в фантазиях Джеффри и были зерна истины, мы этого уже никогда не узнаем.

Именно в труде Джеффри впервые письменно зафиксированы темные легенды о короле Артуре. Возможно, прототип Артура возглавлял войско кельтов, разбившее саксонских захватчиков и на время остановившее их продвижение.

Лира Джеффри тоже позаимствовал из мифов и сделал его королем всей Британии, причем задолго до появления Артура. Считается, что Лир основал Лирстер (Lear-cester) и сделал его своей столицей. Теперь это город Лестер (Leicester),

расположенный в средней Англии в 95 милях (152 км) к северо-западу от Лондона. (Конечно, единственная связь Лестера с Лиром заключается в случайном совпадении двух начальных букв этих слов.)

Джеффри рассказал легенду о жестокой неблагодарности дочерей Лира, и эта новая версия осталась в людской памяти навсегда. Во времена Шекспира история обрела жизнь в новых формах: например, ей посвящена длинная эпическая поэма «Королева фей», написанная Эдмундом Спенсером в 1590 г. Она появилась в виде пьесы под заглавием «Истинная история короля Лира, приведенная в летописях», впервые постановка была осуществлена в 1594 г. и, видимо, возобновлена в 1605 г.

В 1586 г. английский историк Уильям Кэмден написал популярную историю Британских островов, причем придал легенде новый поворот, связав ее не с кельтским королем Лиром, а с саксонским королем Айном, который правил с 688 по 726 г. н. э.

Решив написать собственную пьесу на этот сюжет, Шекспир обратился к истории, изложенной Рафаэлем Холиншедом. (Его труды Шекспир использовал при написании многих своих пьес.)

Холиншед опубликовал двухтомные «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» в 1577 г., и его работа пользовалась невероятной популярностью. К более ранним опусам Холиншед относился недостаточно критично, и первые главы его книги почти целиком основаны на труде Джеффри Монмутского. Это относится и к истории Лира, которую в какой-то степени унаследовал Шекспир.

Согласно Холиншеду, Лир правил тогда же, когда Иоахаз был царем Иудеи. В таком случае это было около 800 г. до н. э. Впрочем, точная дата ничего не дает, потому что об этом периоде политической истории Британских островов (как и обо всем, что предшествовало вторжению Юлия Цезаря в 55 г. до н. э.) у нас нет достоверных данных.

Однако, если принять на веру, что царствование Лира относится к 800 г. до н. э., это означало бы, что описанные в пьесе события происходят раньше событий «римских» пьес Шекспира. Если же говорить о его «греческих» пьесах, то «Короля Лира» следовало бы хронологически расположить между «Троилом и Крессидой» и «Тимоном Афинским».

«…Герцог Альбанский больше герцога Корнуэллского»

Пьеса начинается во дворце короля Лира, однако где расположен этот дворец — в Лестере или еще где-нибудь — не указано. На сцене появляются два дворянина, и один говорит другому:

> Я думал, что герцог Альбанский нравится герцогу больше герцога Корнуэллского.
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 1–2 (перевод Б. Пастернака)***

Конечно, титул Duke (герцог) — анахронизм. Он возник в эпоху Римской империи от слова «dux» (вождь, предводитель) и первоначально использовался как титул командира вооруженного отряда. Затем этот титул заимствовали германские королевства, пришедшие на смену Римской империи, и постепенно так стали называть только вельмож высшего ранга (особенно во Франции, где это слово превратилось в due).

На Британских островах этот французский титул появился только в XIV в., когда его ввел английский король, пытавшийся одновременно

стать и королем Франции.

Тем не менее этот анахронизм полезен. Несомненно, вожди кельтских племен носили некий кельтский титул, но зачем было его использовать? Этот титул был эквивалентен привычному «герцог», а поскольку кельты, изображенные в пьесе, говорят на языке современном Шекспиру, они могут пользоваться и современными Шекспиру титулами.

Корнуэлл (современный Корнуолл) и Альбани (Олбани), герцоги которых упомянуты в первой же реплике пьесы, соответствуют описанному времени, так как обе области Британии были важными местами проживания кельтов.

Кельты, шаг за шагом отступавшие на запад под давлением саксов с востока, в конце концов были вытеснены на два западных полуострова, Уэльский и Корнуэлльский (которые иногда называют Северным и Южным Уэльсом соответственно).

Корнуэлльский полуостров постепенно сужается и имеет форму рога с длинным мысом, уходящим в море. По-кельтски рог — corn, поэтому слово «Корнуолл» может означать «рогообразный Уэльс».

Когда значение этого слова со временем забы-

лось, мифотворцы придумали героя по имени Кориней (Corineus), который якобы завоевал этот полуостров, убив гиганта; в честь этого героя будто бы и назвали данное место.

В Корнуэлле, меньшем по площади и более узком, чем Уэльс, кельты не могли успешно сопротивляться англичанам. В 815 г. последний тамошний оплот кельтов захватил Эгберт, саксонский король Уэссекса.

Но как быть с Альбани? Это слово происходит от латинского «альба» (белая); иногда так называют высокогорные районы, потому что снеговые шапки на вершинах гор не тают даже летом.

Известно, что Албанией древние римляне называли восточную оконечность Кавказских гор, выходящую к Каспийскому морю.

Можно привести и другой пример: горную часть Балкан, находящуюся напротив каблука «итальянского сапога» и известную древним грекам как Эпир, англоязычные народы и по сей день называют Албанией. Теперь это независимое государство, которое местные жители называют Шкиперия.

Наконец, высокогорный район северной Шотландии (остающийся кельтским и по сей день) в древности также именовался Албанией; это

название иногда употребляют и сейчас в качестве поэтического эпитета. Холиншед указывает, что Албания включала не только шотландское высокогорье (Хайленд), но все земли к северу от реки Хамбер; это может означать, что «Альбани» включала в себя северную Англию и всю Шотландию (хотя, конечно, во времена короля Лира слов «Англия» и «Шотландия» попросту не существовало).

Человека, который произносит первые слова пьесы, зовут граф Кент (точнее, «эрл». Этот титул саксонского происхождения; в Англии он оставался высшим до введения заимствованного у французов титула «дьюк» — герцог). Кентом называется юго-восточная оконечность Англии. Поскольку этот регион расположен ближе всего к континенту, ему чаще грозили иноземные нашествия. Когда там высадились древние римляне, они назвали его Канциум (Cantium, по имени проживавшего там племени). У англичан оно превратилось в Кент (Kent), но в названии древнего города Кентербери (Canterbury), расположенного в этих местах, сохранилась более древняя форма этого наименования.

Настоящие имена герцогов Альбанского и Корнуэлльского в пьесе не приводятся; каждого

называют только по титулу. Согласно Холиншеду, герцога Альбанского звали Маглан (Maglanus), а герцога Корнуэлльского — Хеннин (Henninus). Имя графа Кента тоже не приводится, но этот персонаж полностью придуман Шекспиром, и у Холиншеда такого героя нет.

«Перед разделом королевства…»

Видимо, вопрос о том, какой из герцогов больше по душе королю, имеет принципиальное значение. Тот, к кому обращается граф Кент, отвечает:

> Но теперь, перед разделом королевства,
> стало неясно, кого он любит больше.

Акт I, сцена 1, строки 3–5

Выясняется, что герцоги — наследники короля, поэтому отношение к ним Лира очень важно.

Человека, к которому обращается Кент, зовут граф Глостерский (или просто Глостер). В дошекспировском варианте пьесы о короле Лире такого героя нет, но у Шекспира он играет очень важную роль. На создание сюжетного хода, связанного с Глостером, Шекспир вдохновил эпизод из «Аркадии» — пасторального романа, написанного в 1581 г. английским поэтом сэром Филипом Сидни.

События, изложенные Сидни (чересчур подробно и, на современный вкус, скучно), происходят в Малой Азии; при этом упоминаются такие области, как Галатия, Пафлагония и Фригия.

Шекспир переносит действие в доримскую Британию и таким образом подкрепляет сюжет о короле Лире.

Но почему Шекспир называет этого человека именно графом Глостером, если у Сидни его прототип — король Пафлагонии? Конечно, спросить самого Шекспира нельзя, поэтому попробуем пофантазировать.

Первым историческим графом Глостером был Роберт, сын короля Генриха I Английского. Он жил с 1090 по 1145 г. и сыграл важную роль в гражданской войне, начавшейся после смерти Генриха I. Глостер был главным сторонником дочери Генриха Матильды и оспаривал права на трон племянника покойного короля Стефана.

Но если Роберт Глостер сам был сыном Генриха, почему он не занял место покойного отца? Дело в том, что он был незаконным сыном, а потому не имел права унаследовать трон. Сюжет Глостера тесно связан с темой незаконных сыновей; возможно, именно поэтому Шекспир и вспомнил имя «граф Глостер».

«У меня есть законный сын…»

Речь о незаконных сыновьях заходит тут же. Глостера сопровождает юноша; выясняется, что это его внебрачный сын Эдмунд. Он вернулся из-за границы (где, видимо, учился; во всяком случае, во времена Шекспира юноши из благородных семейств получали образование только на континенте). Глостер представляет сына Кенту и произносит несколько довольно грубых шуток о незаконном происхождении Эдмунда.

Хотя грубость, похоже, не свойственна характеру Глостера (который раскроется позже), однако в этой пьесе столько действующих лиц, что для развития сюжета необходимо сразу сообщить об отношениях Эдмунда с отцом.

Глостер продолжает:

> У меня есть законный сын, сэр, на год с чем-то старше этого…
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 19–20***

Этот старший и законный сын (отцовский наследник по всем статьям), которого зовут Эдгар, появится впоследствии. Их имена для доримской Британии являются анахронизмами. Как Эдмунд,

так и Эдгар — имена не кельтского, а саксонского происхождения. Однако во времена Шекспира саксонские имена уже казались достаточно архаичными, чтобы придать «Королю Лиру» налет древности, так что разница между кельтскими и саксонскими именами для публики значения не имела (как и в наше время).

«...За королем Французским, Глостер, и герцогом Бургундским»

На сцене появляются король Лир и весь его двор. Здесь герцоги Альбанский и Корнуэллький, которых упомянул Кент. Атакже три дочери Лира. По старшинству это Гонерилья, Регана и Корделия. (У Холиншеда старшую дочь зовут Гонорилла, а младшую — Кордеилла.)

Сыновей у Лира нет, поэтому он собирается сделать своими наследницами дочерей. Поскольку герцог Альбанский женат на Гонерилье, а герцог Корнуэллький на Регане, они от этого решения выигрывают.

Корделия не замужем, но на ее руку претендуют сразу два жениха. Властный Лир, входя, упоминает их и говорит Глостеру, щелкая пальцами:

Сходи за королем Французским, Гло-

стер,
И герцогом Бургундским.

Акт I, сцена 1, строки 35–36

Конечно, во времена доримской Англии ни Франции, ни Бургундии еще не существовало. Области, впоследствии получившие эти названия, тогда назывались Галлией. Действительно, Холиншед в своих «Хрониках» указывает единственного жениха, Аганишта, «одного из вождей Галлии (которая теперь называется Францией)». Кроме того, он сообщает, что в тогдашней Галлии было двенадцать вождей.

Это похоже на правду. Галлия была разделена на территории, принадлежавшие отдельным племенам, а сами галлы были такими же кельтами, как и бритты, поэтому их языки не слишком отличались друг от друга.

Однако Шекспир отказывается усложнять рассказ описанием галльских племен, неизвестных публике. Ему легче говорить о Франции.

Что же касается Бургундии, то это обширная область на востоке Франции, в XIV и XV вв. полунезависимая и управлявшаяся герцогами, отпрысками французской царствующей династии. Бургундия играла важную роль в войнах

XV в. между Англией и Францией. Хотя в 1477 г. Бургундия окончательно вошла в состав Франции, память о ней в Англии была свежа, так что Шекспир мог свободно использовать этот титул.

«...Мы разделили край наш на три части»

Наконец Лир излагает свой план. Он состарился и хочет отдохнуть от государственных обязанностей. Король говорит:

> Узнайте все:
> Мы разделили край наш на три части.
> Ярмо забот мы с наших дряхлых плеч
> Хотим переложить на молодые
> И доплестись до гроба налегке.

Акт I, сцена 1, строки 39–43

Короче говоря, Лир отрекается от престола, чтобы в покое и довольстве провести остаток дня.

Сознательное и добровольное отречение от престола под предлогом, что король хочет отдохнуть от государственных дел, в высшей степени необычно. Подавляющее большинство монархов цепляется за власть до последнего вздоха, несмотря на возраст, усталость и сложность своих обязанностей.

Одним из немногих, кто добровольно решился на такой поступок, был Айн, король западных саксов. В 726 г. он отрекся от престола ради того, чтобы посвятить остаток дней религии. Айн начал с паломничества в Рим, но, увы, годы взяли свое, и он умер, не добравшись до цели. Возможно, это отречение и заставило историка Уильяма Кэмдена приписать легенду о Лире именно Айну.

В истории можно найти еще два знаменитых добровольных отречения от престола. В 305 г. н. э. всемогущий римский император Диоклетиан, успешно правивший государством в течение двадцати одного года, отрекся от престола и счастливо прожил последние восемь лет как частное лицо. А в 1554 г. император Священной Римской империи Карл V, самый могущественный правитель в христианской Европе, после тридцати пяти лет правления разделил свою империю и ушел в монастырь, где мирно прожил остаток жизни.

Возможно, пример Карла V, все еще свежий в памяти людей, сделал правдоподобнее легенду о Лире. Без этого пьесу обвинили бы в отрыве от реальности. (У Холиншеда Лир вовсе не отрекается от престола, а просто подготавливает раздел

королевства после своей смерти; но у его зятьев не хватает терпения дождаться естественного конца.)

«…И тайнами Гекаты…»

В этот момент Лир внезапно решает перед объявлением о разделе королевства потребовать у дочерей публичного признания в любви к нему. Это довольно типично для старого короля, много лет слышавшего угодливые речи, но так и не насытившегося лестью. Лир обожает славословие, связанное с королевской властью, и выражает это пристрастие так откровенно, что невольно изумляешься, как он решился расстаться со своим положением. Одного этого пристрастия достаточно, чтобы понять: дело кончится катастрофой.

Гонерилья и Регана охотно включаются в игру, красноречиво признаваясь отцу в своей любви, и Лир чувствует удовлетворение.

Но Корделия, младшая дочь, на это не способна. Она не может принудить себя к унизительной лести. Девушка пытается уклониться от ответа, но, когда ее загоняют в угол, говорит, что любит Лира так, как дочери положено любить отца. Однако впавшему в детство Лиру хочется другого; гнев вспыхивает внезапно и приводит к характер-

ному для него эмоциональному взрыву. Король полностью лишает Корделию наследства:

> Священным светом солнца,
> И тайнами Гекаты, тьмой ночной,
> И звездами, благодаря которым
> Родимся мы и жить перестаем,
> Клянусь, что всенародно отрекаюсь
> От близости, отеческих забот
> И кровного родства с тобой.

Акт I, сцена 1, строки 111–115

Шекспир избегает анахронизма и не говорит в пьесе о христианстве, однако использовать кельтскую мифологию он тоже не может. Римляне успешно стерли с лица земли друидов, кельтских священнослужителей, под тем предлогом, что религия кельтов темна и служит злым силам. (Конечно, настоящая причина заключалась в том, что друиды были организаторами национального сопротивления римлянам.) А то немногое, что осталось от римлян, позднее успешно выкорчевали христиане.

В результате нам совершенно неизвестны верования друидов; есть только впечатление (возможно, ошибочное), что их обряды были отвратительные и кровавые.

Шекспир ограничивается тем, что заставляет Лира взывать к небесным божествам, придуманным самим драматургом. Например, его упоминание о Гекате, связанной с подземным царством, ассоциируется с представлением о мрачных аспектах обрядов друидов.

«Варвар скиф…»

Раздражение Лира доходит до крайних пределов. Он говорит:

> Грубый скиф
> Или дикарь, который пожирает
> Свое потомство, будут мне милей,
> Чем ты, былая дочь.

Акт I, сцена 1, строки 118–122

Лир имеет в виду родителей, которые поедают своих детей («пожирают свое потомство»); но вскоре он получит возможность говорить о детях, поедающих своих родителей. Король упоминает скифов, которые во времена древних греков считались воплощением варварства.

Однако в предполагаемую эпоху короля Лира скифы еще не перекочевали на территории к северу от Черного моря; это произошло минимум

через сто лет. Кроме того, даже после появления на этих землях они были точно такими же варварами, как и сами бритты в то время.

«…Меж драконом и яростью его»

Корделия, на которую обрушиваются громы и молнии, молчит, но прямой и честный Кент пытается вмешаться. Охваченный гневом тиран тут же властно обрывает его:

> Ни слова, Кент! Не суйся меж драконом
> И яростью его.
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 123–124***

Это действительно кельтский образ. Ранние кельтские племена, жившие в Британии, изображали дракона на знаменах, с которыми они шли в бой. Военного вождя называли Пендрагоном («Головой дракона»), потому что он шел во главе тех, кто нес стяг с драконом. Этот титул носило несколько кельтских королей, упоминаемых в древних легендах; самый известный из них Утер Пендрагон, отец короля Артура.

В данном случае Лир упоминает дракона как символ своего королевского положения.

«Аполлон — свидетель...»

В гневе Лир делит часть, предназначенную Корделии, между Гонерильей и Реганой. Кент снова пытается вмешаться и стоит на своем даже после того, как Лир грозит ему суровым наказанием и начинает клясться богами. Кент тут же парирует:

> Да, Аполлон —
> Свидетель, что напрасно ты клянешься.

Акт I, сцена 1, строки 162–163

Конечно, римские боги в доримской Британии такой же анахронизм, как и христианский бог, но разве у Шекспира был другой выход? Единственными «фальшивыми богами», известными публике (не считая идолов, упоминаемых в Библии), были только римские. Позже в пьесе клянутся Юпитером и Юноной.

«...Плохо владел собой»

Лир упрямо ничего не желает слушать. Он прогоняет честного Кента и, продолжая оскорблять

лишенную приданого Корделию, предлагает ее в жены бургундскому и французскому королям. Бургундец отказывается, но француз берет Корделию замуж по любви.

Последние детали соглашения уточнены. Лир отрекается от власти, но сохраняет за собой титул короля и сотню рыцарей в качестве личной свиты. Он собирается жить у дочерей по очереди, проводя у каждой месяц.

Присутствующие расходятся; оставшиеся на сцене старшие дочери Гонерилья и Регана начинают обсуждать ситуацию. Этим женщинам можно посочувствовать. До сих пор у нас не было возможности оценить их по достоинству. Да, конечно, они лицемерили, высказывая любовь к отцу, но Лир сам принудил их к этому. С какой стати им было разделять судьбу Корделии?

Более того, теперь им предстоит иметь дело с выжившим из ума старым королем, который всегда был тираном, а теперь, вероятно, впал в старческое слабоумие. Гонерилья говорит:

> Видишь, как он взбалмошен!
>
> ***Акт I, сцена 1, строка 290***

Регана соглашается:

Это у него от возраста. Хотя он и раньше плохо владел собой.

Акт I, сцена 1, строки 295–296

Иными словами, даже тогда, когда король был вполне разумен, под влиянием лести он искренне считал себя мудрым и предусмотрительным правителем. (Скоро настанет время, когда он поймет, что жестоко ошибался, и получит возможность исправить эту ошибку.)

«Ты, Природа…»

Действие перемещается в замок Глостера, местонахождение которого также не указано. Это мог быть город Глостер, расположенный в 100 милях (160 км) к западу от Лондона. Однако использование этого названия было бы анахронизмом, потому что Глостер был основан только при римлянах, во время правления императора Нервы (около 97 г. н. э.).

Бастард Эдмунд держит в руках письмо и говорит:

Природа, ты моя богиня! В жизни

Я лишь тебе послушен.

Акт I, сцена 2, строки 1–2

Во времена Шекспира была распространена идея, что под влиянием цивилизации изменилось качество человеческой жизни. В «естественном состоянии» люди жили, руководствуясь не законом, а своими желаниями и потребностями, и оставались дикарями. Напротив, развитие общества предусматривало создание правил, которые должны были защитить людей от эгоистичных желаний других. sЭта точка зрения была наиболее четко выражена в книге «Левиафан» английского философа Томаса Гоббса, опубликованной в 1651 г., через поколение после смерти Шекспира.

(Однако существовал и противоположный взгляд. кое-кто доказывал, что человек был счастлив именно в «естественном состоянии». Только с развитием общества люди начали стремиться к власти, высокому положению, богатству и господству над себе подобными. Впрочем, такая точка зрения не имела широкого распространения вплоть до XVIII в., когда ее наиболее красноречиво высказал французский философ Жан Жак Руссо в трактате «Общественный договор», опуб-

ликованном в 1762 г.)

Объявляя своей богиней Природу, Эдмунд отрекается от всех ограничений, налагаемых обществом. В эти ограничения входят законы, устанавливающие различия между законными и незаконными детьми, а также между старшими и младшими сыновьями. Прав тот, кто сильнее, а потому Эдмунд стремится унаследовать земли и титулы по закону природы, согласно которому все наследует сильнейший и умнейший. Эдмунд уже придумал, как этого добиться.

«Эти недавние затмения…»

Входит Глостер, расстроенный и потрясенный событиями при дворе. Он сразу замечает письмо, которое Эдмунд намеренно неловко пытается спрятать. Глостер требует отдать ему письмо. Выясняется, что оно от Эдгара (законного сына). Эдгар завуалированно (но вполне ясно) предлагает Эдмунду вместе убить отца и разделить наследство, не дожидаясь смерти родителя.

Публика знает, что письмо подложное и Эдгар не виноват, но Глостеру это неизвестно.

Глостер, не желающий верить в виновность Эдгара (он не так чудовищно скор на гнев, как Лир), просит Эдмунда придумать, каким способом под-

твердить преступные намерения единокровного брата, и мрачно бормочет себе под нос:

> Вот они, эти недавние затмения, солнечное и лунное! Они не предвещают ничего хорошего.

Акт I, сцена 2, строки 112-+-113

В этой реплике отражена вера древних в то, что всякое отклонение от нормы, происходящее в небесах, представляет божественное знамение и сулит катастрофы.

Однако у этой фразы есть еще одно значение: она содержит намек на событие, происшедшее во время написания пьесы.

Считается, что премьера «Короля Лира» состоялась 26 декабря 1606 г.; следовательно, сама пьеса была написана раньше. В сентябре предыдущего, 1605 г. состоялось затмение Луны, а в октябре — наблюдаемое в Англии затмение Солнца. Вскоре из печати вышла брошюра, в которой утверждалось, что эти явления приведут к грозным последствиям.

Похоже, что Шекспир приступил к пьесе в начале 1606 г. и у него было время вставить в речь Глостера фразу, являющуюся откликом на актуальное событие. Глостер перечисляет

ужасы, которых следует ждать от затмений; возможно, Шекспир заимствовал их из указанной брошюры.

«…Под созвездием Дракона»

Глостер уходит, и Эдмунд насмешливо комментирует речь своего отца. Сам он напрочь отвергает астрологию и возможность влияния небесных светил на человека. Может быть, Шекспир хотел таким образом заклеймить Эдмунда как циника и атеиста, но времена изменились; современная публика от души одобряет слова Эдмунда, красноречиво обличающего лженауку.

Эдмунд начинает:

> Как это глупо! Когда мы сами портим и коверкаем себе жизнь, обожравшись благополучием, мы приписываем наши несчастья Солнцу, Луне и звездам.
>
> ***Акт 1, сцена 2, строки 128–131***

Он приводит характерный пример, насмехаясь над астрологическими прогнозами:

> Отец проказничал с матерью под созвездием Дракона. Я родился на свет под знаком Большой Медведицы. Отсюда следует, что я должен быть груб и развратен. Какой вздор! Я то, что я есть, и был бы тем же самым, если бы самая целомудренная звезда мерцала над моей колыбелью.

Акт I, сцена 2, строки 139–144

Созвездие Дракона[1] представляет собой спираль относительно ярких звезд неподалеку от небесного северного полюса. Большая Медведица также находится рядом с этим полюсом; у американцев она известна под названием Большой Ковш.

Астрологического значения эти созвездия не имеют, поскольку не входят в зодиак, а орбиты Солнца, Луны и планет проходят именно через знаки зодиака. Однако Эдмунду нет до этого дела; у него своя логика. Выражение «Хвост Дракона» дерзко указывает на обстоятельства отцовских «проказ», а «Большая Медведица» — на грубую и дикую медвежью натуру.

---

[1] Примечания: 1
в оригинале — *Хвост* Дракона. — *Е. К.*

«…Тома из Бедлама»

Появляется Эдгар, законный сын Глостера, единокровный брат Эдмунда, и Эдмунд готовится сыграть новую роль. Он говорит:

> Напущу на себя грусть вроде полоумного Тома из Бедлама.

Акт I, сцена 2, строки 146–147

Начнем с того, что Бедлам — искаженное Бетлехем (Вифлеем). В 1402 г. в Лондоне открылась больница Святой Марий Вифлеемской, предназначенная для лечения душевнобольных. Она была достаточно известна; в результате возник обычай называть любого душевнобольного Томом из Бетлехема, а в просторечии — из Бедлама.

До разработки современных программ исцеления душевнобольных лечебница была забита больными, издававшими страшные крики и вопли, поэтому словом «бедлам» начали называть любую сцену, при которой разносятся дикие вопли.

Том — одно из самых распространенных английских имен, поэтому оно часто использова-

лось (и используется до сих пор) для обозначения понятий, имеющих отношение ко многим людям, — например, «Том, Дик и Гарри», «Томми Аткинс» (безымянный солдат) и даже «томкэт» (кот-самец).

По какой-то причине Томами называли мужчин с невысокими умственными способностями; существовало выражение «Тот fool» (Том — дурак), от которого возникли существительные «tomfoolery» (дурачество, паясничанье) и «tommyrot» (дикая чушь, вздор). То же самое можно было сказать и о безумном; поэтому человека, который не настолько буйный, чтобы держать его в сумасшедшем доме, или того, кто отпущен оттуда, так как не представляет опасности для общества, и называли «Томом из Бедлама».

То, что при появлении Эдгара Эдмунд использует выражение «Том из Бедлама», становится драматическим предсказанием будущих событий. Это будущее начинает сбываться, когда Эдмунд убеждает наивного Эдгара, что их отец Глостер сердится на него. Эдгар, сбитый с т0лку неожиданным поворотом событий, дает убедить себя, что он должен постоянно носить оружие ради собственной безопасности.

«...Его шута?»

Король Лир проводит месяц у старшей дочери Гонерильи, во дворце ее мужа герцога Альбанского (местонахождение дворца также неизвестно). Как и подозревали дочери, старик расстался с королевским титулом, но сохранил прежнее высокомерие.

Подобострастный слуга Освальд жалуется Гонерилье на короля (видимо, уже не в первый раз). Гонерилья говорит:

> Правда ли, что отец прибил моего придворного за то, что тот выругал его шута?
>
> ***Акт I, сцена 3, строки 1–2***

Должность придворного шута (или дурака) типична для средневековой Западной Европы и возникла благодаря отношению ранних христиан к безумным. В языческие времена безумие считали результатом воздействия на человека некоей божественной силы, поэтому к таким людям относились с почтением и суеверным страхом (пример подобного отношения можно найти в «Гамлете»).

Напротив, ранние христиане (частично бла-

годаря новозаветным легендам об «обуянных бесами») считали, что безумные наказаны болезнью за собственные грехи. Если выходки умалишенных не вызывали страха или отвращения, то их считали просто забавными. При Шекспире и долго после него любимым развлечением лондонцев было посещение Бедлама, где можно было вдоволь посмеяться над сумасшедшими. Примерно так же мы сегодня ходим в зоопарк; разница лишь в том, что с животными обращаются намного лучше и относятся к ним с большей симпатией, чем раньше относились к душевнобольным.

Если умалишенный действительно был безопасен и казался забавным (например, умел говорить смешные «глупости»), его могла взять в свой дом семья достаточно обеспеченная, чтобы прокормить «лишний рот». Поэтому смекалистый, но бедный человек понимал: если притвориться слегка тронутым и при этом проявить немного остроумия, то можно неплохо устроиться.

После этого шут стал обычной фигурой при дворе, где он заменял современные развлекательные телепередачи: исполнял комические куплеты и танцы, отпускал реплики, устраивал зрелища и так далее. Конечно, присутствие шута в дорим-

ской Англии анахронизм, но шекспировскую публику это не волновало. При Шекспире придворные шуты процветали; они исчезли лишь лет через тридцать после его смерти.

Естественно, шуту сходило с рук то, что другому не спустили бы. Притворись безумным и пользуясь защитой высокопоставленного покровителя, шут позволял себе насмехаться над спесивыми вельможами и епископами и безнаказанно прикасаться к «священным коровам».

Подобный шут (который только притворялся ненормальным, а в действительности, возможно, был самым умным при дворе) часто поддавался искушению поиздеваться над придворными болванами, а если эти болваны не обладали чувством юмора (как часто случается), то они могли испытывать лютую ненависть к такому человеку.

Как выясняется, Гонерилья сама недолюбливает шута и возмущена поведением отца. И все же мы еще сочувствуем ей. Разделению власти всегда сопутствуют трудности, а со строптивым отцом трудно иметь дело.

Гонерилья решает поставить отца на место и приказывает Освальду сбить спесь с короля. Более того, она хочет посоветоваться с Реганой и выступить против капризного старика единым

фронтом.

«…Вот мой колпак»

Граф Кент, изгнанный Лиром за защиту Корделии, возвращается переодетым и нанимается на службу к Лиру. Лир не узнает его, но высоко ценит то, как Кент расправляется с Освальдом, когда тот пытается выполнить приказ Гонерильи. В этой сцене король действует как типичный тиран — дерзко, высокомерно и необдуманно. Пока отношение дочерей к Лиру можно оправдать.

Когда Лир нанимает Кента и дает ему плату вперед, входит шут и говорит:

> Я тоже найму его. Вот тебе моя шапка, носи ее. (Протягивает Кенту свой дурацкий колпак.)
>
> ***Акт I, сцена 4, строка 97***

«Дипломированные» шуты носили специальный костюм, самой заметной частью которого был «дурацкий колпак» — красный головной убор, сшитый в виде гребешка петуха с зубцами. Действительно, петух — безмозглое создание, исполненное глупой спеси и издающее бессмысленные звуки, так что между шутом и петухом

много общего.

Поэтому головной убор шута назывался coxcomb (петушиный гребень). Со временем так стали называть не только дурацкий головной убор, но и самого дурака. Петушиный гребень — это любой глупый человек, в особенности тщеславный и напыщенный.

Однако шут предлагает Кенту свой дурацкий колпак не просто так. Он не только насмехается над предстоящей службой Кента, но и опасается за будущее короля. Это видно из его следующей реплики:

> Служить ему можно только в дурацком колпаке.
>
> ***Акт I, сцена 4, строки 105–106***

Шут (то есть дурак) на самом деле умен и понимает, что в нынешнем положении Лир не сможет достойно вознаградить своего сторонника, потому что теперь, когда король отдал свое королевство, у него больше ничего не осталось. Сам Лир пока еще этого не осознает.

«…Один в пестром…»

Костюм придворного шута выполнял две

функции. Во-первых, он должен был сам по себе вызывать смех и облегчать задачу шута. Во-вторых, он сообщал о предназначении шута и показывал всем, что этот человек обладает особыми привилегиями.

Конечно, костюм, который должен был немедленно привлечь внимание, выглядел необычно. В дополнение к дурацкому колпаку шут носил костюм, сшитый из разноцветных лоскутов сукна. Он назывался motley (буквально: «смесь, мешанина»); впоследствии тем же словом стали называть и самого шута.

Шут использует это слово в маленьком импровизированном стихотворении, где решение Лира разделить свое королевство называется глупостью. (Это его единственная тема; погребальный колокольный звон на одной ноте.)

Он говорит, что дураки есть добрые («сладкие») и злые («горькие»). К первым шут относит Лира, а ко вторым — себя:

> Я злой дурак — и в знак
> Того ношу колпак,
> А глупость добряка

Видна издалека.

Акт I, сцена 4, строки 148–151

Нахмурившийся Лир требует уточнить, кого шут называет дураком. Шут саркастически отвечает:

Остальные титулы ты роздал. А это — природный.

Акт I, сцена 4, строки 153–154

После чего Кент уныло говорит:

Это совсем не так глупо, милорд.

Акт I, сцена 4, строка 155

Конечно, в этом заключается величайшая тайна хорошего шута: он вовсе не дурак.

«Эпикурейство и похоть…»

Входит Гонерилья, разгневанная обращением с ее слугой Освальдом. Она бранит Лира с той резкостью, которой можно ожидать от дочери старого тирана, и не проявляет к родителю ни малейшего почтения. Гонерилья называет рыцарей, сопровождающих короля, шайкой забулдыг и говорит:

Бедовый и отчаянный народ,
Благодаря которым этот замок
Похож на балаган или кабак.

Акт I, сцена 4, строки 249–252[2]

Эпикурейство — учение древнегреческого философа Эпикура, как бы оправдывающее потворство своим желаниям.

Конечно, у Гонерильи есть на это причины. Несомненно, сотней рыцарей, подчиняющихся только королю, управлять трудно, особенно если надменный старый король всегда оправдывает их. Выдает Гонерилью не то, что она говорит, а ее грубость и жестокость.

«…Я неповинен»

Входит герцог Альбанский, муж Гонерильи. Видно, что он сбит с толку. Герцог не понимает, из-за чего возникла ссора. Этот мягкий человек не знает, как себя вести. Увидев разгневанного Лира, он оправдывается:

Милорд, в чем суть? Я ничего не знаю

---

[2] Примечания: 2

В оригинале: «Наш двор под влиянием их манер теперь напоминает кабак. *Эпикурейство и похоть* делают благородный замок более похожим на таверну или бордель». — *Е. К.*

И неповинен.

Акт I, сцена 4, строки 280–281

Характер, которым Шекспир наделяет герцога Альбанского, не похож на изображенный Холиншедом. В «Хрониках» мужья дочерей одинаково противостоят Лиру и в конце концов оба терпят поражение от французского войска.

Однако Шекспир в характерном для него стиле не желает отдать победу французам, предпочитая воспользоваться с этой целью кельтским героем. Оба герцога одинаково подходят для этой роли, но Шекспир выбирает Альбанского; для этого у него есть свои причины.

Поскольку Альбани (Олбани) включает в себя шотландское Высокогорье, сначала этот титул был шотландским. Первым герцогом Альбанским стал Роберт Стюарт, регент Шотландии, получивший этот титул в 1398 г.

Во времена Шекспира титул герцога Альбанского принадлежал Якову VI Шотландскому, который в 1600 г. передал его своему малолетнему сыну Карлу. В 1603 г. Яков VI стал королем Великобритании Яковом I; таким образом, во времена Шекспира этот титул принадлежал сначала правящему королю, а затем — одному

из принцев.

Естественно, Шекспир не мог наградить таким титулом злодея. Если бы пьеса базировалась на исторических фактах, у него были бы связаны руки, но, поскольку речь идет о событиях легендарных, Шекспир сделал герцога Альбанского не отрицательным, а положительным героем, за что король Яков наверняка остался ему благодарен.

Зато герцог Корнуэлльский, которому приходится расплачиваться за двоих, становится злодеем вдвойне. Впрочем, во времена Шекспира такого герцога не существовало, так что стесняться было некого.

(В 1660 г. титул герцога Альбанского перешел к младшему внуку Якова I, позже правившему под именем Якова II. Этот молодой человек был одновременно герцогом Йоркским. Когда флот под его командованием захватил голландскую колонию Новый Амстердам, ее переименовали в его честь в Нью-Йорк; по той же причине Форт-Ориндж, находящийся выше по течению реки Гудзон, получил новое название — Олбани (Альбани).)

«Острей зубов змеи...»

Возможно, гнев Гонерильи чрезмерен, но реакция Лира намного сильнее. Ничем не сдер-

живаемая гордость тирана вырывается наружу: он тут же проклинает дочь, не жалея при этом яда. Кульминации проклятия достигают в эпизоде, который обогатил английский язык одним из самых известных выражений Шекспира. Лир желает своей старшей дочери остаться бесплодной.

А если ей судьба иметь дитя,
Пусть будет этот плод ей вечной мукой,
Избороздит морщинами ей лоб
И щеки в юности разъест слезами.
В ничто и в безнадежность обрати
Все, что на детище она потратит, —
Ее тревоги, страхи и труды,
Чтобы она могла понять, насколько
Больней, чем быть укушенным змеей,
Иметь неблагодарного ребенка!

Акт I, сцена 4, строки 288–296[3]

Отцовское проклятие — страшная штука, особенно для тогдашней публики, которая еще верила в магическую силу подобных заклинаний. Да, Гонерилья проявила неуважение к отцу, но реакция Лира неадекватна вине дочери. В конце

---

[3] Примечания: 3
В оригинале: «Острей зубов змеи…» — Е. К

концов, до этого момента у него не было повода жаловаться на Гонерилью.

Таким образом, если беспристрастно взвесить все предыдущие события, то чаша весов склонится не в пользу Лира.

«…Скорее плут…»

Взбесившийся от ярости Лир готовится переехать к Регане. Тем временем Гонерилья резко говорит испуганному шуту, чувствуя его неодобрение:

> А ты — скорее плут, чем шут, — живей
> Ступай за господином.

Акт I, сцена 4, строка 321

Английское слово «knave» (плут) — производное от немецкого Knabe (мальчик), оно долго имело то же значение. Затем так стали называть молодого слугу, а еще позже благодаря убеждению высших классов в том, что все слуги — бессовестные мошенники и пройдохи, оно стало означать «хитрец, ловкий обманщик».

Фраза «скорее плут, чем шут» стала поговоркой благодаря пьесе Шекспира. Пьеса отражает события, происшедшие задолго до появления римлян

в Англии, однако очень похоже, что впервые это выражение встречается в письмах Цицерона.

«Семь звезд…»

Лир посылает Кента с письмом к Регане. Король уверен, что средняя дочь будет обращаться с ним лучше.

Напротив, Шут в глубине души уверен, что Регана ничем не лучше Гонерильи. Он пытается развлечь старого короля прибаутками, но Лир почти не слушает его. Он жалеет себя; хуже того, начинает подозревать, что дурно обошелся с Корделией.

Шут говорит:

> Любопытна причина, по которой в семизвездье семь звезд, а не больше.
>
> ***Акт I, сцена 5, строки 35–37***

Семь звезд — это Плеяды, россыпь наиболее ярких звезд, видных невооруженным глазом. Согласно греческим мифам, Плеяды были семью сестрами, за которыми гнался охотник. Боги спасли девушек, превратив в голубок, а потом поместив их на небо.

В обычных условиях Лир позволил бы шуту,

загадавшему эту замшелую загадку, одержать победу, но тут он рассеянно отвечает:

> Потому что их не восемь?

Акт I, сцена 5, строка 38

Однако шута не так легко переспорить. Он сразу с горечью парирует:

> Совершенно верно. Из тебя вышел бы хороший шут.

Акт I, сцена 5, строка 39

«Благородный герцог, мой господин»

Второй акт начинается в замке Глостера. Придворный Куран встречает Эдмунда и сообщает ему важную новость:

> Только что я был у вашего отца с извещением, что герцог Корнуэлльский и герцогиня Регана предполагают пожаловать к нему сегодня вечером.

Акт II, сцена 1, строки 2–5

В пьесе ни слова не говорится о том, где пролегала географическая граница между Альбани и

Корнуэллом. (В конце концов, эти подробности никак не связаны с сюжетом.) Поскольку Альбани — это северная часть острова, а Корнуэлл — юго-западная, можно предположить, что к Корнуэллу добавили современный Уэльс и юго-западную часть нынешней Англии, а к Альбани — ее северо-восточную часть.

Если так, то владения Глостера должны находиться на территории Корнуэлла. (Город Глостер лежит в 130 милях (208 км) от современной границы Корнуэлла — точнее, Корнуолла.) Это следует из реплики самого Глостера:

> Мой господин
> И покровитель, благородный герцог,
> Нас посетит сегодня.

Акт II, сцена 1, строки 60–61

Конечно, в то время готовность в любой момент встретить суверена входила в обязанности вассала. Каким бы неожиданным и внезапным ни оказался визит, Глостер должен был считать, что ему оказали великую честь.

«По-видимому, будет война…»

У Курана есть и еще одна новость — точнее,

слух, который он передает в форме вопроса:

> Говорят, что, по-видимому, будет война между герцогами Корнуэлльским и Альбанским. Неужели не слышали?

Акт II, сцена 1, строки 11–12

Нет ничего удивительного, что разделившие между собой королевство позднее перессорились из-за дележа: каждый пытается получить как можно больше, а если удастся, то и все прибрать к рукам. Правильнее было бы сказать, что подобная развязка неизбежна.

Здесь содержится намек на то, что объединенного фронта против Лира (как у Холиншеда) не будет. Шекспир продолжает готовить для герцога Альбанского достойную роль.

Однако на быструю помощь со стороны мужа Гонерильи рассчитывать не приходится. Он не чета своей властной и решительной жене. Действительно, после ссоры между Лиром и Гонерильей герцог Альбанский пытался урезонить жену, но та бросила ему:

> Довольно.

Акт I, сцена 4, строка 320

После этого герцогу Альбанскому пришлось умолкнуть. Не следует забывать, что половину королевства унаследовала именно Гонерилья. Альбанский получил ее только благодаря браку. Если можно так выразиться, он всего лишь принц-консорт и сознает определенную слабость своей позиции.

«...Передам тебе права...»

Эдмунд доволен приездом герцога Корнуэлльского и Реганы. Это позволит ему разоблачить «преступника» Эдгара в присутствии более важных персон, чем он рассчитывал.

По совету брата Эдгар не расстается с оружием. Когда Глостер едва не натыкается на них, Эдмунд настаивает на том, что Эдгар должен бежать, потому что его обвинили в измене герцогу Корнуэлльскому, и даже намекает на то, что неожиданный приезд Корнуэлльского связан именно с этим.

Он заставляет Эдгара вынуть меч и устроить притворный поединок, чтобы Эдмунда не обвинили в пособничестве брату.

Сбитый с толку и не понимающий происходящего Эдгар спасается бегством; оставшийся на сцене Эдмунд наносит себе рану, а затем обви-

няет Эдгара в предательстве и в покушении на жизнь отца. Глостер верит ложному доносу без колебаний. Он даже приказывает отправить за Эдгаром погоню, схватить и казнить его. А Эдмунду он говорит:

Тебе же, мальчик мой, я передам
Права наследовать мои владенья.

Акт II, сцена 1, строки 85–87

Таким образом, первая цель Эдмунда достигнута; во всяком случае, Глостер пообещал оставить наследство именно ему. Однако вошедшему во вкус бастарду этого уже мало. Прибывшие герцог Корнуэлльский и Регана уже знают о «преступлении» и бегстве Эдгара. Корнуэлл говорит:

А вас, Эдмонд, чья преданность и доблесть
Так явно говорят здесь за себя,
Хотел бы я зачислить к нам на службу.

Акт II, сцена 1, строки 115–117

«С бунтарями…»

На самом деле герцог Корнуэлльский и Рега-

на приехали к Глостеру, потому что узнали о конфликте Лира с Гонерильей и не хотят, чтобы старик доставлял им хлопоты.

Допустим, что Гонерилья и Регана являются соперницами и в конце концов перессорятся из-за границы между своими владениями, подтвердив таким образом слухи о «войне между герцогами Корнуэлльским и Альбанским». Однако несносный старый Лир их общий враг или как минимум общее затруднение, поэтому тут они союзницы.

Регана пытается извлечь пользу даже из происшествия с Эдгаром. Она говорит:

> А не водил он дружбы с бунтарями
> В отцовской свите?
>
> ***Акт II, сцена 7, строки 96–97***

Эдмунд тут же заверяет Регану, что так оно и есть, после чего у герцогини появляется еще один козырь, который при случае можно использовать против короля.

«…Спесивой куклы…»

На сцене появляется Кент с письмом, отправленным Лиром Регане. Одновременно прибывает Освальд с письмом Регане от Гонерильи. Кент,

ненавидящий этого хлыща, бросается на него, почти с воодушевлением осыпая проклятиями, которые достигают высшей точки в тот момент, когда он говорит Освальду:

> Подлец, мерзавец, блюдолиз. Низкий надутый дурак и прощелыга, вот ты кто.

Акт II, сцена 2, строки 20–22

Сбитый с толку Освальд пытается спастись от гнева Кента, но тот настаивает на поединке и кричит:

> Вынимай меч, мошенник! При тебе письма против короля. Ты пособник этой спесивой куклы, строящей козни против своего царственного отца.

Акт II, сцена 2, строки 36–38[4]

Здесь Кент допускает анахронизм, упоминая пьесы-моралите, которые стали популярными в Западной Европе около 1400 г. Это были аллегории, указывающие путь к Спасению, на котором человек должен преодолеть все внешние трудности и искушения, а также собственную слабость.

---

[4] Примечания: 4

В оригинале: «Ты… выступаешь на стороне этой *куклы по имени Тщеславие* против ее царственного отца». — *Е. К.*

Абстрактным идеям придавали человеческий облик; одним из пороков было Тщеславие в виде надменной дамы в богатом наряде.

Кент выражает свое презрение Гонерилье, сравнивая ее с порочным Тщеславием, состоящим из дерзости и самолюбия, и усиливает насмешку тем, что это Тщеславие всего лишь персонаж кукольного театра.

«Ижица, лишняя буква в азбуке!»

Шум, поднятый разгневанным Кентом и испуганным Освальдом, привлекает герцога Корнуэлльского, Регану и Глостера, которые требуют объяснить, в чем дело. Освальд пытается что-то сказать, но Кент снова обрывает его и кричит:

Ах ты, ижица, лишняя буква в азбуке!

Акт И, сцена 2, строка 65[5]

Зет — последняя буква алфавита, которую в Соединенных Штатах называют «зи». В греческом алфавите это уважаемая и широко использующаяся буква (которая там называется «дзета»; именно от этого корня и образовано слово «зет»).

---

[5] Примечания: 5

В оригинале: «Ты — шлюхин сын, ты — *никому не нужная* буква «зет»!»

Однако в собственно латинском алфавите она отсутствовала. Так же как и «экс» (греческая «кси»), она появилась намного позже, ее писали только в словах греческого происхождения.

Буква «z» до сих пор последняя буква латинского алфавита, которой пользуются в сегодняшней Англии, ее применяют куда менее часто, чем другие (за исключением ее спутника «x»). Поскольку буква «зет» присутствует только в очень замысловатых словах, не входивших в словарь простого человека, она кажется ненужной.

Кстати, слово «whoreson», во времена Шекспира широко использовавшееся как оскорбление, представляет собой сокращенное son of a whore — то есть сын шлюхи, он же незаконнорожденный (бастард).

«В Саремском поле…»

Когда Освальд только свысока улыбается в ответ, вышедший из себя Кент говорит:

> Какой тут смех? Шут, что ли, я тебе?
> Попался б ты мне, гусь, в Саремском поле,

Летел бы до Камлота гогоча.

Акт II, сцена 2, строки 84–86

Какой метафорический смысл заключен в словесном выпаде, неясно, однако елизаветинской публике он наверняка был понятен. Ответ следует искать в истории кельтов.

Саремское поле[6] — область в 75 милях (120 км) к западу от Лондона и в 40 милях (64 км) к югу от Глостера; они названы по имени города Сарема (который во времена римского владычества назывался Сарбиодонум), находящегося на их южной оконечности. Этот город обычно называют Старым Саремом, поскольку от него остались одни руины; его заменил город, построенный в XIII в. в 2 милях (3,2 км) к югу и получивший название Новый Сарем. Сейчас этот город более известен как Солсбери, а Саремская пустошь ныне называется Солсберийской.

Камлот (точнее, Камелот) — легендарная столица короля Артура, поэтому она также ассоциируется с кельтской Британией. Точное расположение города (или крепости) Камелот неизвестно, однако можно сделать вывод, что он

---

[6] Примечания: 6

в оригинале — Саремская пустошь. — *Е. К.*

находился в юго-западной части Англии, неподалеку от Солсберийских пустошей.

«Неуч и хвастун!»

Гнев заставляет Кента забыть о вежливости, и в конце концов он оскорбляет не слишком терпеливого герцога Корнуэлльского. Приносят колодки и надевают их Кенту на запястья и лодыжки. Это считалось позорным наказанием, его использовали только для простолюдинов. Таким образом, намеренно оскорбляли и короля Лира, слугой которого был Кент.

Приказав принести колодки, Корнуэлл говорит Кенту:

> Подать сюда колодки!
> Ты посидишь в них, неуч и хвастун!
> Я проучу тебя!

Акт II, сцена 2, строки 20–22[7]

Здесь, как и в паре других мест, содержится намек на преклонный возраст Кента. Однако, когда переодетый Кент впервые предстает перед Лиром, на вопрос о своем возрасте он отвечает:

---

[7] Примечания: 7

В оригинале: «Ты — упрямый старый плут, *преподобный* хвастун». — *Е. К.*

> Я не так молод, чтобы полюбить женщину за ее пение, и не так стар, чтобы сходить по ней с ума без всякой причины. Сорок восемь лет жизни за спиной у меня.
>
> ***Акт I, сцена 4, строки 38–40***

В наше время сорок восемь лет — еще не старость[8]. Однако в эпоху Шекспира продолжительность жизни была намного меньше, а питание и медицинское обслуживание сильно уступали современным. Те, кого мы сейчас называем людьми зрелого возраста, во времена Шекспира находились в гораздо худшей физической форме (конечно, не все поголовно) и по меркам того времени считались стариками.

Расхождение в прежней и нынешней оценке возраста героев проявляется во многих пьесах Шекспира.

---

[8] Примечания: 8

Так уж получилось, что во время работы над этой книгой автору тоже исполнилось сорок восемь лет, однако он не считает себя дряхлым стариком, к которому следует относиться с уважением, но в то же время немного свысока. (*Примеч. авт.)*

Но Эдгару, законному сыну Глостера, приходится еще хуже, чем Кенту. Его объявили вне закона; любой может убить его без суда и следствия; кроме того, его ищут. Он вынужден изменить облик (по крайней мере, пока не прекратят поиски). Эдгару приходит в голову мысль притвориться ненормальным, в сельской местности времен Шекспира таких людей было очень много. Он говорит:

> Я возьму пример
> С бродяг и полоумных из Бедлама.

Акт II, сцена 3, строки 13–14[9]

«Полоумный из Бедлама» — это неопасный сумасшедший или человек с несколько поврежденной психикой, которого не держали в больнице. Однако своего места в обществе он найти не мог, а потому был вынужден просить милостыню.

Конечно, личина страшная и унизительная, но едва ли кому-то придет в голову искать за ней

---

[9] Примечания: 9

В оригинале: «Страна дает мне право следовать примеру бедламских попрошаек». — *Е. К.*

молодого аристократа. (Кроме того, это давало Шекспиру возможность усилить напряжение нескольких предстоящих сцен и более выпукло изобразить характеры героев.) Во всяком случае, внешность нищего из Бедлама позволит Эдгару выжить; сохрани он свой облик, его ожидала бы скорая и неизбежная смерть.

Эдгар с горечью начинает осваивать новую роль и произносит в подражание нищим несколько жалобных просьб подать на пропитание:

> «Несчастный Том» еще ведь значит что-то,
> А я, Эдгар, не значу ничего.

Акт II, сцена 3, строки 20–21

«Несчастный Том»[10] — общеупотребительная замена выражения «Том из Бедлама»; так обычно называли нищих. «Турлигод» — возможно, пример невнятицы, которую произносили бедняги с поврежденными мозгами. Тот, кто притворялся идиотом с целью собрать больше милостыни, перенимал эту манеру.

---

[10] Примечания: 10
в оригинале: «Бедный Том, несчастный Турлигод». — *Е. К.*

«Истерика...»

Лир прибывает в замок Глостера (найдя сбежавшую вторую дочь) и сразу замечает своего верного слугу, посаженного в колодки. Явное оскорбление, нанесенное королю в замке, который он считал своим последним убежищем, вызывает у него первые признаки безумия. Лир говорит:

Меня задушит этот приступ боли

Акт II, сцена 4, строки 56–57[11]

Hysterica passio буквально означает «страсть, скрывающаяся в матке». В древности матку ошибочно считали ответственной за неконтролируемые эмоции, то есть истерию. Возможно, такое представление возникло из-за того, что женщины эмоциональнее мужчин; поэтому считалось, что причина истерии кроется в каком-то специфически женском органе.

Лир, теряющий над собой контроль, считает, что какой-то внутренний орган (матка (так у Азимова)) поднимается вверх и пытается овладеть

---

[11] Примечания: 11

В оригинале: *«Hysterica passio*, уймись! Ты гонишь вверх скорбь, хотя твоя стихия ниже». — *Е. К.*

его мозгом.

Дальнейшие события только подливают масла в огонь. Лиру с трудом удается добиться встречи с Реганой. Когда дочь приходит, Лир ищет у нее защиты, но дочь холодно отвечает, что она поддерживает Гонерилью.

Прибывает сама Гонерилья. Старый король все еще гневается на старшую дочь, но его постепенно лишают всех оговоренных привилегий, пока он не понимает, что остался ни с чем.

Но даже сейчас Лир пытается вести себя как прежний самовластный король. Он говорит:

> Я так вам отомщу, злодейки, ведьмы.
> Что вздрогнет мир. Еще не знаю сам,
> Чем отомщу, но это будет нечто
> Ужаснее всего, что видел свет.

Акт II, сцена 4, строки 278–281

До сих пор Лир мало чем отличался от своих старших дочерей. Все они надменны, дерзки, и если обладают властью, то пользуются ею беспощадно. Но теперь Лир лишился власти, а дочери ее приобрели; Лир стар, а дочери молоды.

Теперь Лир оказался в положении Корделии; старшие дочери обращаются с ним не лучше, чем он обращался с ней (причем для этого у Лира бы-

ло куда меньше оснований). Но Корделия тут же нашла пристанище у мужа во Франции, а Лиру податься некуда.

И с этого момента мы начинаем сочувствовать старому королю; Шекспир добивается этого, показывая, что Лир начинает слабеть. Королю хочется плакать, но он старается сдержать слезы, чтобы не испытывать невыносимого унижения перед бессердечными дочерями. Поэтому Лир вынужден обратиться к единственному из присутствующих, кто находится на его стороне. Он с горечью говорит бедному беспомощному шуту:

> Шут мой, я схожу с ума.
>
> ***Акт II, сцена 4, строка 285***

С этого момента Шекспир постоянно поддерживает в нас жалость к королю. Точнее, с каждой сценой усиливает ее.

Приближается буря, и Регана бормочет, что позволит королю остаться в замке, но только одному. Никто из свиты за ним не последует.

Лир, не пожелавший принять это оскорбительное предложение, требует коня и уезжает куда глаза глядят. Отпущенный на свободу Кент бросается его искать.

«...Из Франции»

Третий акт начинается сценой бури. Встревоженный Кент ищет короля. Он сталкивается с одним из сторонников Лира и сообщает ему о разногласиях между герцогами Альбанским и Корнуэлльским. Ранее Кент регулярно переписывается с Корделией (сидя в колодках, он упоминает о полученном от нее письме). Но у Кента есть еще более важные новости. Он говорит:

> Верно лишь одно:
> В истерзанный наш край явилось войско
> Из Франции.

Акт III, сцена 1, строки 30–31

У Холиншеда сказано, что оскорбленный Лир уплыл во Францию, где его приветливо встретила младшая дочь. Однако в версии Шекспира Корделия не ждет приглашения. Узнав о несчастьях Лира, она тут же устремляется ему на выручку.

Видимо, спешащее на помощь войско скоро должно высадиться в Англии, потому что Кент хочет послать Корделии сообщение с человеком, который в данный момент является его собесед-

ником. Он говорит:

> Доверьтесь мне и поспешите в Дувр,
> Там вы найдете ту, кто наградит
> Вас щедро за подобное известье…

Акт III, сцена 1, строки 35–37

Дувр, расположенный на юго-восточной оконечности Англии, является ближайшим портом к Франции. От французского города Кале, находящегося на другом берегу Ла-Манша, его отделяют всего 22 мили (35 км), поэтому логично сделать Дувр местом высадки французского десанта.

«…Царство Альбион»

Кент находит Лира, окончательно обезумевшего и рвущегося навстречу буре. За королем по пятам следует бедный дрожащий шут. С огромным трудом Кенту удается завести Лира в жалкий шалаш, где можно укрыться от дождя и ветра.

По пути к шалашу шут останавливается, чтобы и произнести, обращаясь к публике, рифмованное пророчество с хромающим ритмом. Такие темные стихотворные пророчества во времена Шекспира были весьма популярны. Лучшим примером этого вида творчества являются бес-

смысленные вирши, собранные французским мистиком Мишелем де Нотр-Дамом, более известным под именем Нострадамус. Эти вирши, опубликованные в 1555 г., приобрели огромную известность, когда одно из содержавшихся в них пророчеств сбылось (несомненно, случайно). Там точно описывалась предстоящая необычная смерть Генриха II Французского в 1559 г. Генрих погиб в результате несчастного случая на рыцарском турнире. На нем был золотой шлем (golden helmet), а в стихотворении говорилось о смерти короля в «золотой клетке (golden cage)».

Самой известной английской пророчицей была Матушка Шиптон, предположительно жившая во времена Нострадамуса, хотя первые сведения о ней относятся лишь к 1641 г. Считалось, что в ее бессвязных куплетах предвосхищаются все современные научные открытия, в том числе паровой двигатель. Кроме того, в них говорится, что в 1881 г. наступит конец света.

Куплеты шута высмеивают такие пророчества. В них перечислены четыре обычных условия и шесть фантастических. Когда все они сбудутся,

Тогда придет конец времен,

И пошатнется Альбион.

Акт III, сцена 2, строки 91–92

Альбион — поэтическое название Англии; как и Альбани (Олбани), оно образовано от латинского прилагательного «albus» (белый). Возможно, это название возникло благодаря белым меловым скалам Дувра, которые видели на горизонте приезжие из Галлии. (Конечно, на этот счет существует множество нелепых легенд — например, о том, что остров Британия впервые открыл, а потом правил им некий мифический Альбион, якобы сын Нептуна.)

«…Сделает Мерлин»

Шут заканчивает пророчество следующими словами:

Это пророчество сделает Мерлин, который будет жить после меня.

Акт III, сцена 2, строки 95–96

Мерлин — волшебник, который играет важную роль в легендах об Артуре и особенно в кельтских сказаниях. Если Холиншед датирует правление Лира правильно, то Мерлин должен жить не менее тринадцати веков после шута.

Для Шекспира очень необычно привлекать внимание к анахронизму ради увеселения публики, но он сознательно разряжает невыносимое напряжение сцены бури с тем, чтобы впоследствии усилить его еще больше.

«Я получил вечером письмо»

Пока Лир сражается с бурей, добрый Глостер, находящийся в своем замке, приходит в негодование. Он возражал против того, чтобы Кента сажали в колодки, а сейчас заступается за короля. Но это лишь навлекает на него гнев герцога Корнуэлльского.

Сочувствовать королю Лиру Глостера заставляет не только доброе сердце. Возможно, это политическая необходимость. Глостер обсуждает положение дел с сыном Эдмундом, притворяющимся преданным ему. Он говорит:

Герцоги повздорили! Есть кое-что посерьезнее. Я получил вечером письмо. О нем опасно говорить. Я его запер у себя в комнате. Несправедливости, которые терпит король, не останутся без отмщения. В стране высадилось чужое войско. Нам надо стать на сторону короля.

Акт III, сцена 3, строки 8–14

Получается, что Глостер руководствуется не только жалостью и сочувствием Лиру. Если французское вторжение вызовет в Англии гражданскую войну, французы легко одержат победу и восстановят Лира на троне. Быстро приходящий в гнев, импульсивный и скорый на расправу Лир вспомнит, что его унизили и выгнали за ворота именно в замке Глостера. Хотя сам Глостер в этом не виноват, возмездие быстро настигнет его. Остается один выход: сделать что-то, чтобы доказать, что Глостер находится на стороне Лира.

Он собирается отправиться на поиски Лира, в то время как «преданный» Эдмунд останется в замке, чтобы отвлекать герцога Корнуэлльского и Регану, которые не должны заметить отсутствие Глостера.

Однако у коварного Эдмунда есть более хитрый

план. Если он сообщит герцогу Корнуэлльскому об отцовском милосердии и покажет ему письмо, Глостера объявят изменником — по меньшей мере, по отношению к герцогу. Затем у Глостера отнимут земли и передадут их Эдмунду, так что долго ждать наследства не придется.

«Вот тебе урок, богач надменный!»

В центре внимания вновь оказывается Лир, который вместе с Кентом и шутом добрался до шалаша.

Гневный старый тиран меняется на глазах. Он все еще жалеет себя и проклинает дочерей, но что-то уже забрезжило в его сознании. Он начинает по-другому воспринимать окружающее.

Когда Кент пытается заставить Лира войти в шалаш, король настаивает, чтобы первым туда забрался шут. Шут олицетворяет бедность и слабость, и старый король, сам находящийся в бедственном положении, которого не испытывал за всю свою жизнь, начинает понимать, что на свете есть (и всегда были) люди, страдающие больше, чем он. Лир говорит:

> Бездомные, нагие горемыки,
> Где вы сейчас? Чем отразите вы

Удары этой лютой непогоды —
В лохмотьях, с непокрытой головой
И тощим брюхом? Как я мало думал
Об этом прежде! Вот тебе урок,
Богач надменный! Стань на место бедных,
Почувствуй то, что чувствуют они,
И дай им часть от своего избытка
В знак высшей справедливости небес.

Акт III, сцена 4, строки 28–36

Этот монолог — кульминация пьесы, благодаря страданию начинается перерождение Лира.

«… Пеликанов — дочерей»

Однако шалаш, в который они входят, оказывается занят. В нем Эдгар, играющий роль «бедного Тома», нищего из Бедлама, и также спрятавшийся от бури.

Эдгар не решается (из осторожности, стыда или и того и другого одновременно) сбросить маску даже перед насквозь промокшими беднягами, залезшими в шалаш. Он рассказывает как безумный и по привычке принимается умолять:

Подайте Тому на пропитание. Бес мучит его.

Акт III, сцена 4, строки 59–60

Это, конечно, раннехристианская точка зрения: считалось, что безумными владел дьявол.

Король Лир, сам полубезумный, не в состоянии понять, чего хочет «бедный Том». Ему кажется, что полуголый бедняга доведен до такого жалкого состояния своими дочерьми. Потом он вспоминает о себе и мрачно бормочет:

Их (изгнанных отцов) тело виновато
В рожденье кровожадных дочерей.

Акт III, сцена 4, строки 74–75[12]

Пеликаны складывают пойманную рыбу в мешок под клювом, приносят ее своим птенцам и кормят их. Жадные птенцы прижимают мешок к родительской груди. Невнимательному наблюдателю кажется, что молодежь терзает тело родителя. В результате возникла легенда о том, что птенцы пеликана питаются его кровью.

Лир считает, что дочери тоже, выражаясь фи-

---

[12] Примечания: 12

В оригинале: *«…пеликанов-дочерей». — Е. К.*

гурально, питаются его кровью; это перевертыш фразы (о том, что родители едят своих детей), которую выкрикнул Лир, лишая Корделию наследства.

«По части женского пола был хуже турецкого султана»

Эдгару остается только одно: продолжать изображать нищего. Когда Лир спрашивает его о прошлом, Эдгар кается в грехах, за которые им овладели демоны, лишившие его рассудка. Он говорит:

> Пил и играл в кости. По части женского пола был хуже турецкого султана. Сердцем был лжив, легок на слово, жесток на руку, ленив, как свинья, хитер, как лисица, ненасытен, как волк, бешен, как пес, жаден, как лев.
>
> ***Акт III, сцена 4, строки 91–95***

Случайное упоминание турецкого султана[13] — анахронизм. Турки появились в истории лишь через шестнадцать веков после предполагаемой

---

[13] Примечания: 13
в оригинале — турок. — Е. К.

эпохи Лира. Однако во времена Шекспира они находились на пике могущества, и «турок», то есть султан, правивший в Стамбуле (Константинополе), был самым грозным монархом в Европе. Однако на рядового христианина самое сильное впечатление оказывали не обширные владения султана, не его абсолютная власть над жизнью и смертью подданных, а размеры султанского гарема. Почти все тайно (а кое-кто и явно) завидовали возможностям султана, поэтому слово «турок» стало синонимом необузданного сладострастия.

Перечисляя свои грехи, набожный «бедный Том» попутно совершает ритуал покаяния:

> Не давай скрипу туфелек и шелесту шелка соблазнять тебя, не бегай за юбками, сторонись ростовщиков, не слушай наущений дьявола.
>
> ***Акт III, сцена 4, строки 97–99***

Ритуал «я грешил, но покаялся» был рассчитан на то, чтобы выудить монету у прохожего; он до сих пор имеет успех в таких организациях, как Ассоциация анонимных алкоголиков.

Однако на Лира более сильное впечатление производит то, что есть люди, которым гораздо хуже, чем ему. Хотя он оплакивает потерю по-

ложения, связанного с королевским титулом, однако начинает понимать, что все еще, даже теперь, является продуктом несправедливо устроенного общества. Срывая с себя одежду, он говорит «бедному Тому»:

> …он настоящий. Неприкрашенный человек и есть именно это бедное, голое двуногое животное, и больше ничего.
>
> ***Акт III, сцена 4, строки 108–110***

«… Флибертиджиббет»

Однако приступить к выполнению своего намерения стать «неприкрашенным человеком» Лир не успевает. Входит Глостер с факелом; он нашел короля.

Эдгар смертельно боится, что отец узнает его. Поэтому он притворяется еще более безумным и кричит, входя в образ «бедного Тома»:

> Это бес Флибертиджиббет.
>
> ***Акт III, сцена 4, строка 117***

Имя Флибертиджиббет можно найти в книге по демонологии «Обличение вопиющих папских

обманов», написанной английским прелатом по имени Самуэль Харснетт.

В этой книге Харснетт обличает иезуитов и приводит имена многочисленных демонов. Среди этих демонов есть и Флибертиджиббет. Для этой работы Харснетту нужно было только живое и развитое воображение, а воображения ему хватало.

По ходу пьесы «бедный Том» использует и другие имена демонов: Смолкин, Модо, Мего, Хоппданс, Обидикат и так далее. Все они заимствованы из труда Харснетта. Книга была опубликована в 1603 г., поэтому можно сделать вывод, что «Король Лир» не мог быть написан раньше.

Лир внимает лепету «бедного Тома» как зачарованный. Он с трудом находит время выслушать Глостера, предлагающего ему лучшее убежище, еду и питье. Король отмахивается и говорит:

> Я этого философа сперва
> Хочу спросить: что есть причина грома?

Акт III, сцена 4, строки 157–158

Во времена Шекспира слово «философ» применялось в том же значении, в каком сейчас исполь-

зуется слово «ученый». (Последнее придумали только в XIX в.) Вот почему Лир, вдохновленный продолжающейся бурей, задает вопрос о громе — видимо, надеясь на научный ответ.

К мольбам Глостера присоединяется Кент, но Лир упрямо твердит:

> Лишь слово-два с фиванцем этим мудрым:
> Что ты постиг?

Акт III, сцена 4, строки 160–161

Еще в течение века после смерти Шекспира наука (или, если угодно, философия) ассоциировалась исключительно с древними греками. Поэтому слово «фиванец», то есть уроженец греческого города Фивы, автоматически означало философа.

А вдруг не так? Вдруг Лир здесь иронизирует? Афиняне, которые были воплощением греческой культуры и философии, считали своих северо-западных соседей фиванцев людьми тупыми и глупыми. Поэтому выражение «ученый фиванец» показалось бы им полной чепухой.

Однако Лир не в том настроении, чтобы иронизировать. Он становится все более человечным. Сначала он первым пропустил в шалаш шута, а

теперь отказывается от помощи, если эта помощь не будет оказана и «бедному Тому». Глостер и Кент вынуждены согласиться, а после этого Лир называет нищего самым уважаемым для философа именем:

Пожалуйте, афинянин почтенный.

Акт III, сцена 4, строка 183

«Чайлд Роланд…»

Все это время измученный Эдгар вынужден притворяться безумным, потому что сбросить маску опасно. Когда в конце сцены все выходят из шалаша, он придумывает стишки, сложенные из плохо подогнанных друг к другу кусочков:

Наехал на черную башню Роланд,
А великан как ахнет:
«Британской кровью пахнет».

Акт III, сцена 4, строки 185–187[14]

Чайлд Роланд (или Роуленд) — герой старинной шотландской баллады. (Слово «Чайлд» в данном

---

[14] Примечания: 14

В оригинале: «Чайлд Роланд приехал к черной башне; «Фай, фо и фам, я чую запах крови бритта», — негромко сказал он (великан)». — *Е. К.*

случае что-то вроде титула, который присваивался юноше хорошего рода, еще не посвященному в рыцари.) Судя по сохранившимся пересказам, в балладе шла речь о юноше, который с помощью Мерлина отправился в Страну эльфов, чтобы освободить похищенную сестру, и сделал это несмотря на множество опасностей. Сама баллада утрачена; возможно, «бедный Том» цитирует ее первую строчку. Если так, это единственная уцелевшая строка.

(Роберт Браунинг, вдохновленный этой строкой из «Короля Лира», написал готическую поэму под названием «Чайлд Роланд приехал к черной башне», но эта поэма никак не связана со старинной балладой.)

От героической баллады «бедный Том» переходит к восклицанию злобного великана, который почуял спрятавшегося героя. По крайней мере, Шекспир избегает анахронизма и не заканчивает последнюю строчку словами «я чую кровь англичанина», как часто говорят в современных постановках. Во времена Лира англичан не существовало; они появились только после вторжения англосаксов на остров Британию в V в. н. э.

«…Графом Глостером»

Пока Глостер выполняет свою благородную миссию, Эдмунд совершает главное предательство. Он показывает герцогу Корнуэлльскому письмо, свидетельствующее о том, что Глостеру известно о вторжении французов, но он скрывает это. Эдмунд получает вознаграждение; Корнуэлл мрачно говорит:

> …письмо сделало тебя графом Глостером. Разыщи своего отца, чтобы мы немедленно могли задержать его.
>
> ***Акт III, сцена 5, строки 18–20***

Но Эдмунд не настолько бессердечен; он все же не такой, как Гонерилья и Регана. Бастард хочет пробиться на верхнюю ступень общественной лестницы, столкнув оттуда родного отца, но все же ему не по себе, потому что он произносит в сторону:

Я и дальше буду верен гражданскому долгу, хотя для этого мне придется подавлять голос крови.

Акт III, сцена 5, строки 22–24[15]

Строчка эта очень важна; она доказывает, что Эдмунд — не законченный злодей. В финале пьесы это сыграет решающую роль.

«…Спать в полдень»

Глостер поселяет несчастных отверженных — короля, шута, Эдгара и Кента — на ферме неподалеку от своего замка; это убежище несравненно лучше жалкого шалаша.

Затем он уходит, и безумный король устраивает воображаемый суд над Гонерильей и Реганой, причем делает это так, что Эдгару с трудом удается притворяться «бедным Томом». Когда судебное заседание заканчивается, Лиру кажется, что наступило утро, он лежит в своей постели и велит подать себе завтрак. На что шут едва слышно отвечает:

---

[15] Примечания: 15

В оригинале: «Я и дальше буду хранить верность (герцогу Корнуэллскому), несмотря на болезненный конфликт между долгом и голосом крови. — Е. К.

А я лягу спать в полдень.

Акт III, сцена 6, строка 84

Это последние слова шута в пьесе. В других сценах он не участвует; более того, никто о нем не вспоминает. Можно предположить, что он выполнил свое сценическое назначение, подыгрывая глупостям Лира и подчеркивая его безумие во время бури, после чего надобность в нем у драматурга пропала.

Возможно и другое предположение: шут, измученный холодом, дождем и страхом, знает, что он скоро умрет, несмотря на молодость («а я лягу в постель в полдень»). И все же не хочется верить, что Шекспир не посчитал нужным (или просто забыл) вложить в уста Лира хотя бы одну строчку с эпитафией несчастному шуту.

Возвращается Глостер, еще более взволнованный, чем прежде. Он слышал разговор о намерении убить Лира (видимо, для того, чтобы его не могли использовать как фигуру, объединяющую всех, кто противостоит новому режиму герцогов). Глостер доставляет носилки и обеспечивает эскорт, который в целости и сохранности доставит короля в Дувр.

«Французские войска…»

Герцог Корнуэлльский также получает известие о вторжении французов. Он говорит Гонерилье:

> Поезжайте скорее к вашему мужу. Покажите ему это письмо. Французские войска высадились.

Акт III, сцена 7, строки 1–3

Если между герцогами Альбанским и Корнуэлльским и существовало соперничество, это не мешает последнему рассчитывать, что против общего врага они выступят единым фронтом. Видимо, Гонерилья поддерживает герцога и герцогиню Корнуэлльских; резонно ожидать, что она сможет оказать влияние на своего покладистого мужа.

Эдмунду приказывают сопровождать Гонерилью. Этот сюжетный ход выполняет сразу две функции — положительную и отрицательную. Во-первых, между Эдмундом и Гонерильей возникают любовные отношения, что обогащает фабулу. Во-вторых, Эдмунд не может присутствовать при событии, которое произойдет с минуты

на минуту: Глостер должен быть наказан. Можно предположить, что Эдмунд не знает, какое наказание ожидает его отца; если бы он знал или присутствовал при этом, то, возможно, постарался бы вмешаться.

«…Рвать бороду!»

Глостера хватают и приводят в замок сразу же после ухода его вероломного сына. «Гости» привязывают хозяина к стулу в собственном замке и развлекаются тем, что осыпают его оскорблениями. Регана выдергивает волосы из его бороды, и потрясенный Глостер восклицает:

> Боги, боги, старику
> Рвать бороду!

Акт III, сцена 7, строки 36–37

В наши дни былое уважение к бороде утрачено. Во многих культурах борода была признаком мужского достоинства и мужественности; недаром мальчик превращается в мужчину (физиологически) только после того, как у него начинает пробиваться борода. В таких культурах бритье было попросту немыслимо; в каком-то смысле оно приравнивалось к кастрации.

В иудейском священном писании евреям запрещалось не только бритье, но даже фасонная стрижка бороды («Не стригите головы вашей кругом, и не порти края бороды твоей» (Лев., 19: 27). Насильное бритье считалось неслыханным позором. Когда царь Давид отправил послов к аммонитянам и те силой выбрили послам полбороды в знак непослушания, этого оскорбления хватило, чтобы начать войну (2 Сам., 10: 4–6).

Даже в более поздние времена достаточно было прикоснуться к бороде мужчины, чтобы нанести ему тягчайшую обиду; в этом жесте было больше запретной интимности, чем в прикосновении к гениталиям. Именно отсюда пошло выражение «схватить врага за бороду»; считалось, что одного прикосновения к бороде достаточно, чтобы сделать мужчину импотентом и лишить его способности отомстить. Когда человека *хватали* за бороду, оскорбление становилось еще более страшным, а если из нее выдергивали волоски, это было не только больно, но и превращало этот процесс в чудовищное надругательство над личностью.

Легко представить себе, что елизаветинская публика, впервые смотревшая пьесу, сначала громко ахала, а потом содрогалась от ужаса, видя,

что молодая женщина ведет себя словно последняя шлюха, нанося неслыханное оскорбление старому человеку в его собственном доме. Мы наблюдаем за этой сценой с холодным безразличием; общество бритых остается равнодушным.

«Эдгар был оклеветан!»

Ужасы стремительно нарастают. Глостера заставляют признаться, что он отправил короля Лира в Дувр; это автоматически означает, что он знал о вторжении французов.

Разгневанный герцог Корнуэлльский решает выжечь Глостеру глаза (прямо на сцене!) и приказывает слугам крепче держать стул. Когда Глостеру выжигают глаз, один из слуг в отчаянии выхватывает меч, пытаясь помешать этому чудовищному злодеянию. Во время схватки герцог Корнуэлльский получает тяжелую рану, но Регана, вонзив добропорядочному слуге нож в спину, убивает его. Затем Глостеру выжигают и второй глаз.

Когда слепой Глостер грозит обоим местью Эдмунда, Регана с наслаждением рассказывает старику, что именно Эдмунд его и выдал.

Наконец Глостер осознает все происшедшее и с горечью говорит:

О, как я ошибался!
Эдгар был оклеветан!.. Небеса,
Помилуйте, спасите мне Эдгара!

Акт III, сцена 7, строки 92–93

Герцогу Корнуэлльскому приходится уйти: полученная им рана опасна. У него больше нет времени на Глостера; он приказывает выгнать изувеченного хозяина из замка. Преданный арендатор (обозначенный в списке действующих лиц просто как Старик) ведет Глостера, сокрушаясь, что его бывший хозяин не видит дороги. Но Глостер, понявший, что слепота бывает разной, с надрывом отвечает:

Нет у меня пути,
И глаз не надо мне. Я оступался,
Когда был зряч.

Акт IV, сцена 1, строки 18–19

«Там есть один утес…»

Слепой Глостер, оплакивающий не столько себя, сколько Эдгара, сталкивается с Эдгаром, который все еще не расстается с маской «бедного Тома». При виде слепого и нищего отца Эдгар тут

же забывает нанесенную ему обиду и с горечью говорит:

> Пока мы стонем: «Вытерпеть нет сил»,
> Еще на деле в силах мы терпеть.

Акт IV, сцена 1, строки 27–28

Иными словами, пока человек жив, он не имеет права думать, что самое худшее с ним уже произошло.

Несчастный Глостер выражает еще более мрачную мысль:

> Как мухам дети, в шутку
> Нам боги любят крылья обрывать.

Акт IV, сцена 1, строки 36–37

Старый арендатор знакомит Глостера с «бедным Томом». Глостер сразу понимает, что из того получится идеальный поводырь; даже жестокому герцогу Корнуэлльскому не придет в голову преследовать сумасшедшего за помощь слепому «изменнику». Конечно, нищего из Бедлама нельзя наказывать.

Сломленный скорбью Эдгар с трудом играет свою роль, но он вынужден делать это, по крайней мере в присутствии арендатора. Поэтому он

продолжает что-то бормотать о дьяволах.

Глостер просит Эдгара отвести его в Дувр. Теперь все дороги ведут в Дувр, где высадилось французское войско. Однако у Глостера есть своя цель. Он говорит:

> Там есть один утес,
> Большой, нависший круто над пучиной.
> Поможешь мне взобраться на обрыв?

Акт IV, сцена 1, строки 75–77

Конечно, он имеет в виду знаменитые белые скалы Дувра и собирается покончить жизнь самоубийством.

«Этот поцелуй…»

Тем временем Гонерилья и Эдмунд торопятся к герцогу Альбанскому, чтобы убедить его объединиться с герцогом Корнуэлльским и выступить вместе против французов. Их встречает смущенный Освальд и говорит, что герцога Альбанского вторжение французов ничуть не тревожит. Гонерилья сразу понимает, что на помощь мужа рассчитывать не приходится, и посылает Эдмунда обратно в Корнуэлл, чтобы тот успел

предупредить герцога.

Теперь Гонерилья предстает перед нами в новом свете. Она говорит Эдмунду:

> Нагнитесь. Тише! Этот поцелуй,
> Когда бы обладал он даром речи,
> Вознес бы дух твой ввысь!

Акт IV, сцена 2, строки 22–23

Ясно, что она влюблена в Эдмунда. Прежде в пьесе на это не было и намека; однако легко представить себе, что ее чувство к Эдмунду возникло во время совместной поездки.

Следует помнить, что Эдмунд необычайно красив. Это явствует из открывающего пьесу диалога между Глостером и Кентом. Когда Глостер представляет Эдмунда и довольно скабрезно рассказывает об обстоятельствах его появления на свет, Кент любезно отвечает:

> Нет, если в итоге получился такой бравый малый.

Акт I, сцена 1, строки 17–18[16]

---

[16] Примечания: 16

В оригинале: «Я не могу осуждать ошибку, которая привела к такому прекрасному результату». — *Е. К.*

«Мужчина с молочной печенью»

После отъезда Эдмунда Гонерилья встречается с герцогом Альбанским и выкладывает мужу все, что она о нем думает. Ее ничуть не трогает выговор, полученный от мужа за ее плохое обращение с собственным отцом. Гонерилья презрительно бросает в ответ:

Жалкий трус!

Акт IV, сцена 2, строка 50[17]

Печень считалась вместилищем эмоций. Печень, богатая кровью, вдохновляла человека на мужественные и доблестные поступки. Следовательно, человек с красной печенью был смелым и агрессивным. Напротив, печень, недостаточно снабжавшаяся кровью, не вызывала таких эмоций; она могла принадлежать только трусу и неженке. Обычным выражением было «лилейная печень», то есть белая от недостатка крови. Выражение «молочная печень» означало то же самое, но имело дополнительный оттенок: то есть что человек еще не вышел из младенческого

---

[17] Примечания: 17
В оригинале: «Мужчина с молочной печенью!» — *Е. К.*

возраста.

Конечно, никакого отношения к эмоциям печень не имеет, впрочем, сейчас мы отводим ту же роль сердцу, а это ничуть не лучше. Говоря о людях с «сильным» или «слабым» сердцем, мы совершаем ту же ошибку, что и Гонерилья.

В этот момент прибывает гонец и сообщает супругам, что герцог Корнуэлльский умер от раны, нанесенной ему взбунтовавшимся слугой. Однако это известие не волнует Гонерилью, ни жалости, ни сочувствия к покойному она не испытывает. Смерть герцога Корнуэлльского избавляет ее от соперника и позволяет рассчитывать на совместное с мужем (кем бы этот муж ни был) правление объединенной Британией.

Однако Регана теперь вдова, а Гонерилья сама послала к ней Эдмунда. Овдовевшая Регана имеет большое преимущество в борьбе за красавчика Эдмунда. Таким образом, смерть Корнуэлла знаменует собой начало ожесточенного соперничества между сестрами, каждая из них представляет собой смертельно опасного противника.

«Так неожиданно вернулся…»

Кент добирается до Дувра и находит там французское войско, но не его вождя. Он спрашивает

человека, который в списке действующих лиц значится как Дворянин:

> Почему французский король так неожиданно вернулся во Францию? Вы не слышали, какова причина?
>
> ***Акт IV, сцена 3, строки 1–2***

Дворянин туманно отвечает, что во Франции возникли какие-то внутренние проблемы.

Ход довольно неуклюжий: французский король прибыл в Англию и тут же отправился обратно, так и не появившись на сцене. Возможно, это свидетельствует об антифранцузских настроениях Шекспира. У Холиншеда французы вторгаются на остров и разбивают британцев; естественно, Шекспир не мог с этим согласиться. Он в последнюю минуту удалил французского короля, не затратив на это лишних слов (по свидетельству Бена Джонсона, Шекспир терпеть не мог переписывать свои пьесы), и заменил войну с французами более удобной гражданской.

«Войска британцев…»

Все действующие лица собираются в Дувре. Вновь появляется Корделия, которая команду-

ет высадившейся армией (то, что возглавляет армию британская принцесса, позволяет до некоторой степени заморочить публике голову и сделать поражение соотечественников не таким обидным). Однако войско коренных британцев также на подходе. Прибывший гонец сообщает Корделии:

Войска британцев близко, госпожа.

Акт IV, сцена 4, строка 21

Однако согласия в этом войске нет. Герцог Альбанский явно устранился от дел. Когда Регана (все еще находящаяся в замке Глостера) спрашивает Освальда, кто стоит во главе воинов, тот отвечает:

С большою неохотой.
Его жена воинственней, чем он.

Акт IV, сцена 5, строки 2–3

Нет согласия и между самими сестрами. Освальд (управляющий Гонерильи) приехал в замок Глостера только для того, чтобы передать Эдмунду письмо Гонерильи; становится ясно, что Регана отчаянно ревнует. Она передает Освальду свое письмо, адресованное Эдмунду, которое

Освальд должен доставить в Дувр. Кроме того, Регана велит Освальду убить слепого Глостера, если тот встретится ему по пути.

«Отныне покорюсь...»

Глостер в сопровождении Эдгара тоже добирается до Дувра. Эдгар по-прежнему скрывает свою личность, видимо боясь, что в таком состоянии отец просто не выдержит потрясения. Однако он больше не играет косноязычного «бедного Тома» и начинает выражать свои мысли чеканным белым стихом. Сбитый с толку Глостер говорит:

> Мне кажется, твой голос стал другим.
> Ты говоришь яснее и толковей.
>
> ***Акт IV, сцена 6, строки 7–8***

Эдгар, не обращая внимания на эти слова, описывает утес, на который он якобы привел Глостера, причем делает это так красноречиво, что бедный Глостер и не подозревает об обмане. Цель Эдгара становится ясной из реплики, которую он бросает в сторону:

> Пародиею этой на прыжок

Я вылечить его хочу.

Акт IV, сцена 6, строки 33–34

Фокус удается. Глостер пытается прыгнуть в воображаемую пропасть и вместо этого падает на землю. Эдгар подходит к нему, притворившись другим человеком, и убеждает отца, что демон подвел его к краю утеса, а некая божественная сила спасла ему жизнь. Глостер, чьи предыдущие реплики свидетельствуют о том, что он человек суеверный, принимает это объяснение, понимает, что нельзя торопить смерть, пренебрегая судьбой, и с огорчением говорит:

Отныне покорюсь
Своей судьбе безропотно, покамест
Она сама не скажет: «Уходи».

Акт IV, сцена 6, строки 75–77

«Промочило до костей…»

Король Лир тоже в Дувре. Он по-прежнему безумен, но в минуты просветления Лир отказывается видеть Корделию, так как ощущает жгучий стыд. Видимо, он сумел ускользнуть от охранявших его слуг и теперь бродит среди цветов.

Лиру еще только предстоит познать себя. Он уже понял, что такое лесть, и говорит:

> Они ласкали меня, как собачку, и врали, что я умен не по годам.

Акт IVy сцена 6, строки 97–99[18]

Лиру говорили, что он приобрел мудрость, соответствующую его возрасту; иными словами, перерос глупости, свойственные юности. Но теперь старый король понял, что лесть не должна быть безграничной. Он говорит:

> А вот когда меня промочило до костей, когда у меня от холода не попадал зуб на зуб, когда гром не смолкал, сколько бы я его ни упрашивал, тогда я увидал их истинную сущность, я их раскусил.

Акт IV, сцена 6, строки 101–104

Бесцельно скитаясь, Лир натыкается на Глостера и Эдгара. Глостер узнает его голос и спрашивает, не король ли перед ним. Лир гордо выпрямляется и произносит фразу, вошедшую в пословицу:

---

[18] Примечания: 18

В оригинале: «Они… говорили, что у меня седая борода, еще тогда, когда она была черной». — *Е. К.*

Король и до конца ногтей — король!

Акт IV, сцена 6, строка 109

Но он уже не тот король, что был когда-то. Он проходит через мучительный фарс отправления правосудия, чтобы показать свое величие, но теперь он понимает, что не может вершить справедливый суд, так как не знает души людей. Теперь Лир понимает, что от несправедливости страдают все, а не только он. Он говорит:

Сквозь рубища грешок ничтожный виден,
Но бархат мантий прикрывает все.
Позолоти порок — о позолоту
Судья копье сломает, но одень
Его в лохмотья — камышом проколешь.

Акт IV, сцена 6, строки 166–169

«…У англичан»

Входят те, кто охраняет Лира, но безумный король убегает от них, и они устремляются следом.

Эдгар понимает, что скоро здесь начнется

сражение, и пытается увести слепого отца в безопасное место. Поскольку Глостер утратил волю к жизни, Эдгару хотелось бы назвать себя. Но сначала ему помешал приход Лира, а затем — куда более серьезное событие.

Входит Освальд, замечает Глостера и, чтобы угодить Регане, пытается убить его. Однако Эдгар, притворившийся деревенщиной и говорящий с крестьянским акцентом, мешает ему сделать это. Они сражаются, и Освальд падает.

Перед смертью Освальд в последний раз проявляет преданность своим господам. Он просит мнимого крестьянина:

> Ты одолел. Возьми мой кошелек.
> Письмо, которое найдешь при мне,
> Отдай Эдмонду Глостеру. Он в стане
> У англичан.

Акт IV, сцена 6, строки 251–254

Это явный анахронизм. В каком-то месте пьесы слово «английский» должно было проскочить; оно появляется здесь. В предполагаемую эпоху Лира никаких англичан в Британии не было и быть не могло; они появились там лишь спустя тринадцать веков. В некоторых изданиях пьесы слово «английский» заменено на «британский»,

но в наиболее раннем издании напечатано «английский».

Эдгар вскрывает письма, найденные на теле Освальда. (На войне, как и в любви, все средства хороши.) В письме Гонерилья просит Эдмунда убить герцога Альбанского и одновременно предлагает свою руку и сердце. Бастард сначала превращается в законного наследника отца, затем получает титул графа, а теперь может стать королем всей Британии.

«Я — старый дурень...»

Охранники настигают Лира. Он засыпает, и Корделия наконец-то получает возможность увидеть отца. Она боится будить Лира, надеясь, что сон поможет отцу восстановить рассудок. Вспомнив о том, как жестокие сестры выгнали Лира в бурю из дома, она с жаром говорит:

> Я б пустила греться
> К огню собаку своего врага
> В такую ночь!

Акт IV, сцена 1, строки 36–38

Когда Лир просыпается, дочь опускается перед ним на колени, как перед полноправным

королем. Но теперь Лир полностью познал себя; он больше не сможет стать прежним королем. Он пытается встать перед дочерью на колени, а когда Корделия не дает ему сделать это, старик говорит:

Не смейся надо мной. Я — старый дурень
Восьмидесяти с лишним лет. Боюсь,
Я не совсем в своем уме.

Акт IV, сцена 7, строки 59–63

Убедившись наконец, что перед ним действительно его младшая дочь, Лир говорит:

Не плачь! Дай яду мне. Я отравлюсь.
Я знаю, ты меня не любишь. Сестры
Твои меня терзали без вины,
А у тебя для нелюбви есть повод.

Акт IV, сцена 7, строки 71— 75a

Обиженная им Корделия со слезами на глазах твердит только одно:

Нет, нет его!

Акт IV, сцена 7, строка 75Ь

Вся сцена примирения написана поразительно просто, без поэтических красот и многосложных слов, но ни в одной пьесе Шекспира (и, По-моему, во всей мировой литературе) нет фраз, которые бы так же искусно и беспощадно заставляли сердца людей разрываться от сочувствия к тому, что они видят и слышат.

«Враг показался»

Сражение вот-вот начнется. Войско покойного герцога Корнуэллского возглавляет Эдмунд, и Регана жадно ищет его любви.

Гонерилья привозит герцога Альбанского, и тот впервые объясняет свою позицию:

> Чтоб воевать, я должен быть в ладу
> С своею совестью. И мой противник —
> Французы, наводнившие наш край…
>
> ***Акт V, сцена 1, строки 24–25***

Будучи патриотом, он окажет сопротивление иностранному вторжению, хотя понимает, что правда на стороне врага.

Эдгар (все еще переодетый) незаметно подходит к герцогу Альбанскому и передает ему письмо, найденное на теле Освальда. Он убеждает герцога

прочитать письмо позже, и тот соглашается.

Когда Эдгар уходит, возвращается Эдмунд со словами:

> Враг показался. Стянемте войска.
> Вот сведенья о силах их, примерно.

Акт V, сцена 7, строки 51–53 «Король разбит»

Эдгар отводит отца в безопасное место, но после битвы спешит назад с криком:

> Бежим, старик! Дай руку мне. Бежим!
> Король разбит. Его и дочь схватили.
> Они в плену.

Акт V, сцена 2, строки 5–6

Глостер вновь мечтает о смерти, он предпочел бы остаться на месте и умереть. Но Эдгар говорит:

> Человек
> Не властен в часе своего ухода
> И сроке своего прихода в мир,
> Но надо лишь всегда быть наготове.

Идем.

Акт V, сцена 2, строки 9–11

У Холиншеда сказано, что это сражение выиграли Лир, Корделия и французы. Шекспир выбирает другой вариант. Конечно, у него есть для этого более основательные причины, однако ясно, что поражение французов более соответствует его националистическим предрассудкам.

«Пускай нас отведут скорей в темницу»

Пленная Корделия хочет увидеться с сестрами — возможно, чтобы упросить их освободить отца. Однако Лир отказывается. Он наконец понял, что в этой жизни важно, а что нет. Король говорит:

Нет, нет!
Пускай нас отведут скорей в темницу.
Там мы, как птицы в клетке, будем петь.
Ты станешь под мое благословенье,
Я на колени стану пред тобой,
Моля прощенья. Так вдвоем и будем
Жить, радоваться, песни распевать,
И сказки сказывать, и любоваться
Порханьем пестрокрылых мотыльков.

Так будем узнавать от заключенных
Про новости двора и толковать,
Кто взял, кто нет, кто в силе, кто в опале,
И с важностью вникать в дела земли,
Как будто мы поверенные Божьи.
Мы в каменной тюрьме переживем
Все лжеученья, всех великих мира,
Все смены их, прилив их и отлив.

Акт V, сцена 3, строки 8–19

Можно сказать, что Лир с лихвой искупил свои прошлые грехи. Если бы Лир, разделив свое королевство, умер или если бы дочери Лира заставили себя дождаться его смерти, отнесясь к нему с благоразумным терпением, Лир остался бы таким, каким был изначально: злобным и глупым тираном, неспособным отличить настоящую любовь от заверений в любви.

Но, пройдя через череду испытаний, Лир обрел несколько мгновений безоблачного счастья, и эти мгновения стоят всей его предыдущей жизни.

Потеря свободы и всего остального значения не имеет. Лир говорит:

При виде жертв подобных

Нам боги сами курят фимиам.

Акт V, сцена 3, строки 20–21

«…В государственной измене»

Но Эдмунду мало лишить Лира и Корделию свободы. Он намерен стать королем Британии, а потому должен устранить других претендентов. Следовательно, Лира и Корделию необходимо убить. Эдмунд раскрыл свои намерения в монологе перед битвой и теперь поручает это грязное дело своему офицеру. Когда приходит герцог Альбанский и требует передать пленников ему, Эдмунд под благовидным предлогом выпроваживает его.

Гонерилья и Регана ссорятся из-за Эдмунда. Овдовевшая Регана имеет преимущество и объявляет Эдмунда своим супругом.

Естественно, герцог Альбанский вмешивается в ссору. Он прочитал письмо, которое передал Эдгар, и теперь решительно заявляет:

Я их арестую. Ты, Эдмонд,
Виновен в государственной измене

Совместно с этой золотой змеей.

Акт V, сцена 3, строки 83–85

На «золотую[19] змею» Гонерилью это не производит никакого впечатления. Немного позже она говорит:

Здесь моя держава, не твоя.
Кому судить меня?

Акт V, сцена 3, строки 160–161

Разоблачение намерения убить мужа также оставляет ее равнодушной. Половина Британии принадлежит ей, а герцог Альбанский имеет власть только потому, что является ее мужем. Он бессилен.

Гораздо больше ее тревожит Регана, сестра-соперница, которая претендует на Эдмунда. Регане становится плохо; когда она жалуется на тошноту и рези в животе, Гонерилья бормочет:

Это и понятно. Я разбираюсь в ядах хорошо.

Акт V, сцена 3, строка 97

---

[19] Примечания: 19
в оригинале — позолоченную. — *Е. К.*

Отравить сестру — совершенно в ее духе.

«Боги правы…»

Но Эдмунд имеет право на суд, когда победителя определяют с помощью поединка. Если никто не захочет сражаться, сам герцог Альбанский готов выйти на поле боя. Однако в этом нет необходимости: соперник есть. Это Эдгар, все еще переодетый, но на этот раз явившийся в полных боевых доспехах.

Начинается бой, и Эдмунд терпит поражение. Регану уже увели; Гонерилья, видя Эдмунда во власти его противника, приходит в отчаяние.

Раненый и умирающий Эдмунд понимает, что все кончено. В отличие от Гонерильи он не творит зло ради зла. Когда в Эдмунде умолкает честолюбие, верх берут его положительные качества.

Эдгар называет себя и мрачно говорит:

> Но боги правы, нас за прегрешенья
> Казня плодами нашего греха.
> За незаконность твоего рожденья
> Глазами поплатился наш отец.

Акт V, сцена 3, строки 172–175

Эдмунд покорно соглашается:

Да, правда. Колесо судьбы свершило
Свой оборот. Я здесь и побежден.

Акт V, сцена 3, строки 175–176

Однако перед смертью незаконный сын успевает пережить недолгий триумф. Приносят мертвых Регану и Гонерилью, и Эдгар не может не воскликнуть:

Да, был любим Эдмонд! из-за него
Одна сестра другую отравила
И закололась.

Акт V, сцена 3, строки 241–243

Теперь нетрудно доказать, что честолюбие не главная черта Эдмунда. Он был незаконным сыном, а потому всю жизнь терпел насмешки и оскорбления, хотя его вины в этом не было. Он искал любовь и наконец нашел ее. Это была мрачная и трагическая любовь, и все же она позволяет Эдмунду умереть счастливым.

«…И разорвалось»

Эдгар рассказывает о своем путешествии со слепым отцом. Вооружаясь для поединка с Эдмундом и не будучи уверенным в победе, он наконец от-

крылся старому Глостеру. Затем Эдгар сообщает:

> Удар был слишком резок. Чересчур
> Сошлись в нем вместе радость и страданье.
> Их столкновенья сердце не снесло
> И разорвалось.

Акт V, сцена 3, строки 198–201

Умирающий Эдмунд слышит его слова. Как бы там ни было, но отец любил его. Эдмунд говорил об этом в своем первом монологе (акт I, сцена 2):

> Любовь отца к внебрачному Эдмонду
> Не меньше, чем к тебе, законный брат.

Акт I, сцена 2, строки 17–18

Конечно, одной отцовской любви Эдмунду было мало, так как богатым она бы его не сделала, поскольку все наследство должно было достаться только законному сыну, но, во всяком случае, Эдмунд не забыл о ней. Когда Глостеру выжигали глаза, Эдмунда не было; возможно, он узнал об этом только от Эдгара и ощутил угрызения совести.

Когда Эдгар заканчивает свой рассказ, Эдмунд говорит:

Ты меня растрогал,
Моей душе на благо, может быть.

Акт V, сцена 3, строки 201–202

Перед тем как испустить последний вздох, Эдмунд успевает предупредить герцога Альбанского, что он велел убить Лира и Корделию. Может быть, их еще удастся спасти.

«У нее был нежный голосок…»

Увы, предупреждение Эдмунда опоздало. Его офицер повесил Корделию, но Лир, собрав последние силы, убил палача. Лир свободен, но Корделия мертва. Входит старый король с мертвой дочерью на руках. Лир не может поверить, что Корделия мертва, и в последние мгновения своей жизни пытается убедить себя, что она не умерла. Он говорит:

Корделия, Корделия, чуть-чуть
Повремени еще! Что ты сказала?
Ах, у нее был нежный голосок,
Что так прекрасно в женщине…

Акт V, сцена 3, строки 273–275

«Мою бедняжку...»

Лир не замечает окружающих. На мгновение он узнает Кента, и Кент пытается объяснить, что, когда короля настигли несчастья, он сохранял ему верность. Он говорит:

> А где слуга ваш Кай?
>
> ***Акт V, сцена 3, строка 285***

Видимо, так называл себя переодетый Кент, но это имя упоминается в пьесе впервые.

Лир не обращает на это внимания и остается безучастным к известию о смерти Эдмунда. Думая только о Корделии, он стонет:

> Мою
> Бедняжку удавили! Нет, не дышит!
>
> ***Акт V, сцена 3, строка 307***

Похоже, что слово «бедняжка»[20] выражает его любовь к Корделии. Поскольку в английском языке существительные не имеют рода, это может значить и «бедный дурачок» (то есть шут). Нам очень хочется, чтобы Лир вспомнил шута (даже

---

[20] Примечания: 20
в оригинале: *«бедная дурочка». — Е. К.*

если это будет известие о том, что беднягу тоже повесили), но рассчитывать на такое прочтение не приходится. В тот миг Лир просто не может думать ни о ком, кроме Корделии. Перед смертью Лиру чудится, что его дочь ожила. Он говорит:

> Вы видите? На губы посмотрите!
> Вы видите? Взгляните на нее!

Акт V, сцена 3, строки 312–313

После этого Лир умирает — возможно, счастливым.

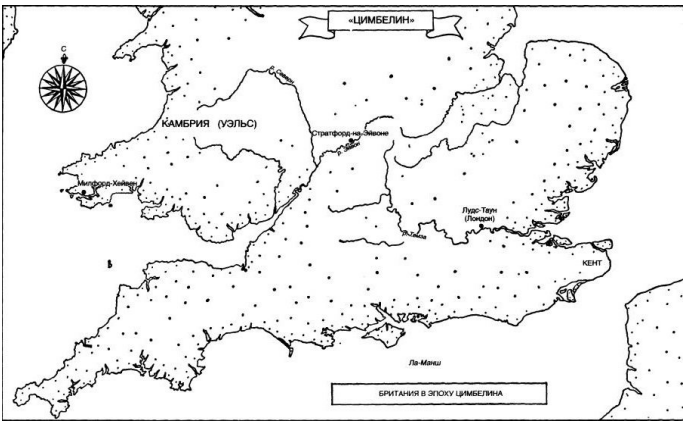
Финал «Короля Лира» считают самым жестоким и душераздирающим у Шекспира. Почему Эдмунд не заговорил раньше? Тогда Корделия осталась бы жива. Шекспир вполне мог сделать это, поскольку в «Хрониках» Холиншеда говорится, что войска Корделии одержали победу и вернули Лиру трон, после чего он правил еще два года.

Но подобное решение в корне изменило бы смысл пьесы. Для Холиншеда счастливый конец не в том, что Корделия осталась жива, а в том, что Лир вернул себе престол, после чего умер у дочери на руках.

Для Шекспира счастливый конец — это перерождение Лира. Поэтому совершенно ясно, что

завершить пьесу по-другому он просто не мог.

Глава 2 «Цимбелин»



В «Цимбелине» Шекспир переходит от откровенно легендарной эпохи «Короля Лира» (написанного четырьмя годами ранее) к времени, когда благодаря приходу римлян впервые встречаются краткие упоминания о Британии в исторических источниках.

Римляне появились в Британии в 55 г. до н. э., когда Юлий Цезарь, завоевывавший Галлию, совершил первый из своих двух походов на северный остров. В результате этих походов острова не

вошли в состав Римского государства, около века Британия имела собственных правителей. Именно в этот век и жил вождь бриттов Кунобелин, которого Шекспир называет Цимбелином.

По мере усиления власти Рима в Галлии, находившейся по ту сторону Ла-Манша, усиливалось и влияние римлян на Британию (по крайней мере, экономическое). Ведя торговлю с Галлией, британцы сталкивались с римской цивилизацией и все более зависели от нее. Южные племена бриттов, которыми правил Цимбелин (он не был королем объединенной Британии), даже начали чеканить на своих монетах латинские девизы.

Холиншед (см. с. 8), скудные упоминания которого о Цимбелине не ускользнули от внимания Шекспира, сообщает, что этот монарх взошел на престол в 33 г. до н. э. и правил тридцать пять лет — иными словами, до 2 г. н. э. Можно с уверенностью утверждать, что Холиншед состарил Цимбелина на целое поколение, ибо надежные римские источники указывают, что тот умер незадолго до установления постоянного господства Рима над Британией. Следовательно, можно предположить, что Цимбелин правил приблизительно с 5 до 40 г. н. э.

Если так, то среди «римских» пьес Шекспи-

ра «Цимбелин» занял бы место сразу вслед за «Антонием и Клеопатрой» и перед «Титом Андроником», действие которого происходит примерно на пять веков позднее.

«За сына той вдовы...»

За исключением самого Цимбелина, в пьесе нет ни одного действующего лица или события, которое имеет отношение к реальной истории. Таким образом, «Цимбелина» следует считать чистым вымыслом.

Действие начинается с описания сложной ситуации (сюжет «Цимбелина» куда более замысловат, чем в других пьесах). У Цимбелина было трое детей, двое сыновей и дочь. Сыновей похитили, когда они были детьми, и больше о них никто не слышал. Наследница престола дочь Цимбелина Имогена.

Жена Цимбелина (мать Имогены) умерла, и король женился снова. Вторая жена, прекрасная вдова, имеет большое влияние на мужа. У королевы есть сын от первого брака по имени Клотен, у Цимбелина на него свои планы.

Первая сцена происходит при дворе Цимбелина (место не указано). Два дворянина обсуждают сложившуюся ситуацию. Первый дворянин объ-

ясняет ее Второму так:

> Он прочил дочь, наследницу престола,
> За сына той вдовы, с которой он
> Недавно повенчался; дочь же мужа
> Достойного, но бедного нашла.
> Она заточена, он изгнан…
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 4–8 (перевод А. Курошевой)***

Мотивы Цимбелина нетрудно понять. В полуварварском племенном обществе женщина не могла править, не имея влиятельного мужа; более того, чтобы держать в узде буйных вассалов, этот муж должен был занимать определенное общественное положение. Человек, за которого вышла замуж Имогена, для этой роли не подходит, потому что он беден и (как вскоре выяснится) занимает при дворе незначительное положение.

Однако вдова, которая стала новой королевой, и ее сын Клотен принадлежат к высшим слоям общества. Если бы Клотен женился на Имогене, они могли бы править вдвоем и установить четкое престолонаследие. Цимбелин правил много лет, и, выполняя свой последний долг перед государством, он должен оставить после себя сильного короля. Неудивительно, что он так раздосадован

поступком Имогены.

Следует заметить, что на этот замысел Шекспира могла вдохновить реальная историческая ситуация, в которой оказался римский император Август (Октавий Цезарь из «Антония и Клеопатры»), который в этой пьесе является современником Цимбелина.

У Августа тоже не было собственных сыновей, которые могли бы унаследовать трон. От первого брака у него тоже была дочь Юлия. Август тоже женился на прекрасной женщине Ливии, но она была не вдовой, а разведенной и имела сына от первого брака (как вскоре выяснилось, она была беременна и вскоре родила второго сына).

Дочь Августа Юлия вышла замуж за Агриппу и родила нескольких детей, в том числе двоих сыновей. Однако ее муж умер в 12 г. до н. э. Если бы Август внезапно умер, его наследниками оказались бы двое маленьких внуков. Поэтому Август выдал Юлию замуж за своего пасынка Тиберия; то же самое хотел сделать Цимбелин, выдав Имогену за Клотена.

Конечно, между пьесой и реальной историей есть различия. В истории вступать в брак не хотел пасынок, а в пьесе этого не желает дочь. В истории план успешно претворили в жизнь,

потому что к моменту смерти Августа (14 г. н. э.) его внуки умерли и Тиберий унаследовал трон на совершенно законных основаниях. В пьесе план Цимбелина провалился еще до начала действия.

«С Кассивеллауном…»

Второй дворянин резонно интересуется, за кого вышла замуж Имогена, и получает ответ:

> Его отец, Сицилий, против римлян
> С Кассивеллауном заключил союз…
>
> ***Акт 1, сцена 1, строки 28–30***[21]

Благодаря запискам Цезаря мы знаем, что Кассибелан — это Кассивеллаун. Во время второго похода Цезаря на Британию (54 г. до н. э.) Кассивеллаун правил территорией, расположенной непосредственно к северу от Темзы, и отчаянно сопротивлялся захватчикам.

Сицилий — слишком римское имя для бритта времен Войны за независимость; впрочем, это личность вымышленная, а Шекспир часто называл своих героев римскими и итальянскими именами даже в тех случаях, когда это было

---

[21] Примечания: 21
В оригинале: «…с Кассибеланом…» — Е. К.

совершенно неуместно. (Впрочем, имя Клотен, которое Шекспир дал сыну королевы, вполне подходит ему. Именно так звали легендарного короля Британии, правившего за пятьсот лет до Цимбелина.)

За участие в войнах против римлян Сицилий получил и второе римское имя. Его прозвали Леонатом (что значит «Рожденный львом»).

Два сына Сицилия погибли на этой войне. Сицилий не перенес такого горя и умер, когда его жена была беременна. Она родила ребенка уже после смерти мужа. Как объясняет Первый дворянин,

> Король младенца принял под защиту;
> Его назвал он Постум Леонат,
> Взрастил, к себе приставил…
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 40–42***

«Постум» по-латыни означает «последний». Ребенка, родившегося после смерти отца, называли так, поскольку он действительно был у этого человека последним. Сына, родившегося после смерти отца, римляне часто называли Постумом. Когда дочь Августа Юлия осталась вдовой после смерти Агриппы, она была беременна. Поэтому родившегося сына назвали Агриппой Постумом;

таким образом, в пьесе вновь слышатся отзвуки ситуации, сложившейся в семье Августа.

«В Риме…»

После выяснения семейных обстоятельств начинается действие. Входит королева с Имогеной и Постумом, которому она выказывает фальшивую симпатию и сочувствие. Постум, которого осудили на изгнание, печально прощается с Имогеной и сообщает ей свой будущий адрес:

> Остановлюсь я в Риме у Филарио:
> Он дружен был с отцом моим…
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 97–98***

Вполне естественно, что тех, кого высылали из стран, находившихся на окраине Римской империи, влек к себе Рим. Там было средоточие власти, и сенат (а впоследствии император) мог не только вернуть изгнанника на родину, но и возвести его на трон.

Что же касается исторического Цимбелина, то его сын (а не зять) Админий действительно был по неизвестной причине отправлен в ссылку. Это случилось в 40 г. н. э.

«...В Британии»

Действие перемещается в Рим, однако при этом происходит скачок не только в пространстве, но и во времени. Внезапно мы оказываемся не в Риме времен первых императоров, а в Италии эпохи Возрождения, наступившей только через 1400 лет. Само имя Филарио, в доме которого собирается поселиться Постум, скорее итальянское, чем римское. В пьесе до конца продолжается смешение Рима времен Августа с ренессансной Италией.

Шекспир заимствовал этот «итальянский эпизод» из «Декамерона» Джованни Боккаччо, но проявил небрежность или лень и не придал ему подлинного римского колорита.

В Риме Филарио и его друзья беседуют о Постуме. Один из друзей говорит:

> Поверьте мне, я знал его в Британии.
>
> ***Акт I, сцена 4, строка 1***

Реплика принадлежит Якимо; это один из многочисленных вариантов имени Яков (в ан-

глийской версии — Джеймс)[22]. Якимо — тоже имя не римское; оно характерно для средневековой Италии.

Еще один из сидящих за столом дворян (обозначенный в списке действующих лиц как Француз) говорит:

> Я знал его во Франции…

Акт I, сцена 4, строка 11

Конечно, во времена Цимбелина не было ни Франции, ни французов. В пояснениях перед началом сцены сказано, что в ней принимают участие также голландец и испанец, однако это роли без слов. Присутствие испанца возможно, если считать его представителем кельтских племен, заселявших полуостров, который римляне действительно называли Испанией. Однако голландец невозможен так же, как и француз.

Когда прибывает Постум, француз приветствует его и напоминает о предыдущей встрече:

---

[22] Примечания: 22

Автор ошибается. Якимо — это один из вариантов греческого имени Гиацинт (Иоахим, Жоашен, Хасинто, Иакинф, Аким и т. д.). В Италии употребительна его форма Джоакино. *(Примеч. пер.)*

Сударь, мы встречались с вами в Орлеане.

Акт I, сцена 4, строка 36

Что верно, то верно: во времена Цимбелина галльское поселение на месте современного Орлеана уже существовало. Его захватил и разрушил Юлий Цезарь в 52 г. до н. э. Позже римляне восстановили город и назвали его Аурелианумом (в честь императора Марка Аврелия); Орлеан — это искаженное Аурелианум.

Несмотря на анахронизмы, по небрежности допущенные Шекспиром в этой сцене, он не делает грубой ошибки и не называет Постума англичанином. Когда входит Постум, Филарио говорит:

А вот и бритт.

Акт I, сцена 4, строка 29[23]

«...Феникс аравийский»

Сразу по прибытии Постум вступает в спор о сравнительных достоинствах женщин разных национальностей и красноречиво говорит о

---

[23] Примечания: 23
В переводе эта фраза пропущена. — Е. К.

верности своей Имогены. (Это очень напоминает трагическое хвастовство Коллатина во время осады Ардеи, см.: *Шекспир У.* Лукреция).

Якимо берется доказать, что он сумеет склонить Имогену к измене. Ему нужно всего лишь рекомендательное письмо от Постума. Он ставит большую сумму денег против бриллиантового кольца Постума (подаренного Имогеной) и клянется привезти в Рим доказательство своей связи с ней.

Пари заключено, и Якимо едет в Британию. Однако при виде Имогены римлянин падает духом. Красота и явное благородство этой женщины пугают его. Якимо признается:

> Коль так же редкостна душа ее,
> То предо мною феникс аравийский!
> Я проиграл!

Акт I, сцена 6, строки 16–18

Согласно легенде, феникс жил в Аравии. На свете существовал только один феникс; прожив пятьсот лет, он воспроизводил сам себя: построив гнездо из веток ароматического дерева, феникс сжигал его. Он умирал в пламени, исполняя мелодичную песню, а из пепла рождался новый феникс. (Может быть, это символ единого солнца,

которое садится в пламя и заново появляется на следующее утро?)

Феникс — символ неповторимости, и Якимо сравнивает с ним Имогену, потому что он циник и не верит в женскую добродетель.

«Как парфянин…»

Все же Якимо намерен овладеть Имогеной, и, если прямая атака не удастся, он прибегнет к обману. Римлянин говорит:

> Будь мне подругой, дерзость,
> И с головы до ног вооружи!
> Иль, как парфянин, отступлю я с боем,
> Верней же в бегство обращусь.

Акт 1, сцена 6, строки 19–20

Было известно, что парфянская конница обычно налетает скопом, а потом устремляется в бегство. Если парфянских всадников преследовали, они вставали в седлах даже на полном скаку, поворачивались и выпускали в противника тучу стрел. Эта «парфянская стрельба» наносила врагу большой урон; парфяне использовали этот маневр, чтобы заставить противника пуститься в беспорядочную и неорганизованную погоню.

«Купить подарок Цезарю…»

Прямой штурм Якимо не удается. Он говорит, что Постум в Риме предается разврату, и предлагает Имогене отплатить мужу той же монетой. Имогена отказывается верить этому и гневно отвергает подобное предположение. Якимо тут же делает вид, что просто испытывал ее, и меняет тактику. Он говорит:

> Мы, римлян несколько, и ваш супруг, —
> В крыле у нас он лучшее из перьев, —
> Купить подарок Цезарю сложились…
>
> ***Акт I, сцена 6, строки 185–187***

Если Шекспир следовал датировке Холиншеда, то упомянутый здесь римский император — это Август. Действительно, согласно Холиншеду, Цимбелин умер на двенадцать лет раньше Августа.

Однако куда более вероятно, что Цимбелин правил позже, поэтому последние годы его правления (а именно это время описано в пьесе) приходятся на царствование либо пасынка Августа Тиберия, который умер в 37 г. н. э., либо правнука

Августа, Калигулы, умершего в 41 г. н. э.

«Наш Тарквиний…»

Якимо говорит, что блюдо и драгоценные камни, купленные для императора, лежат в большом сундуке, и просит позволения оставить сундук на одну ночь в спальне Имогены. Завтра он уедет обратно в Рим и заберет сундук.

Имогена соглашается, и сундук действительно приносят в ее спальню. Однако никаких драгоценных камней там нет. Когда Имогена засыпает, сундук открывается, и оттуда вылезает Якимо. Он подходит к ложу Имогены и говорит:

> Так наш Тарквиний,
> По тростнику подкравшись, разбудил
> Невинность оскорбленьем. О Венера,
> Как ложе украшаешь ты!

Акт II, сцена 2, строки 12–15

Это намек на легенду о римской матроне Лукреции, обесчещенной Секстом Тарквинием. Цитерея[24] — одно из имен Венеры.

---

[24] Примечания: 24
так в оригинале. — *Е. К.*

«Узел гордиев...»

Однако Якимо — не Тарквиний. Он не пытается надругаться над Имогеной; ему просто нужно выиграть пари. Римлянин запоминает подробности убранства комнаты и в качестве вещественного доказательства того, что он был с ней, снимает с руки спящей Имогены браслет. Браслет легко соскальзывает с руки, и Якимо говорит:

> Так же снять его легко,
> Как узел гордиев распутать трудно.

Акт II, сцена 2, строка 34

Греческий миф о гордиевом узле очень древний. Когда в IX в. до н. э. малоазийское царство Фригия было охвачено волнениями, оракул предсказал, что следующий царь скоро приедет на телеге, поэтому прибывшего таким образом крестьянина Гордия тут же провозгласили царем. Гордий посвятил свою телегу Юпитеру (Зевсу) и привязал оглоблю телеги к ярму очень сложным узлом, концы которого были спрятаны внутри.

Впоследствии возник миф, что тот, кто сумеет развязать «гордиев узел», завоюет весь Восток. Несколько веков все попытки развязать узел

оставались тщетными, поэтому выражение «гордиев узел» стало означать любую сложную и даже неразрешимую задачу. Наконец в 333 г. до н. э. Александр Великий, проходя мимо старой фригийской столицы (называвшейся Гордиум), легко решил проблему. Он разрубил узел мечом и отправился завоевывать Восток.

«…Историю Терея…»

Якимо даже поинтересовался тем, что читала Имогена перед сном:

> Она сейчас читала
> Историю Терея; загнут лист
> На месте, где сдается Филомела.
>
> ***Акт II, сцена 2, строки 44–46***

Видимо, это были «Метаморфозы» Овидия, написанные во время правления Августа. По представлениям Шекспира о времени пьесы они считались тогда бестселлером. Эта книга была у Шекспира настольной, а миф о Терее вдохновил драматурга на создание «Тита Андроника».

Затем начинают бить часы (тот же анахронизм Шекспир допускает в «Юлии Цезаре»), и Якимо уходит.

«Юлий Цезарь высмеивал…»

Тем временем между Римской империей и островом Британией возникают трения. Дань, которую платит Британия, запаздывает, и Август направляет туда посла с требованием ускорить выплату. Филарио рассказывает об этом Постуму и выражает уверенность в том, что бритты предпочтут заплатить, а не воевать.

Однако Постум с жаром доказывает, что война будет. Он говорит:

> Британцы
> Обучены с тех пор, как Юлий Цезарь
> Высмеивал неловкость их, хоть гневом
> Их храбрость удостаивал…

Акт II, сцена 4, строки 20–23

Цезарь узнал о Британии в ходе завоевания Галлии; выяснилось, что галлы получают помощь от своих родственников кельтов, проживающих на острове. Он решил, что бриттов необходимо как-то урезонить, но не хотел направлять туда слишком большие силы, оставляя в тылу непокоренную Галлию. У бриттов (как сообщает Шекспир устами Постума) не было такой дисци-

плины, как в римских легионах, но дрались они с отчаянной храбростью, как все кельты.

Через три недели Цезарю пришлось отозвать отряд, который понес большие потери, но ничего не добился. Чтобы сохранить лицо, ему пришлось подготовить второй план вторжения, на сей раз намного более обширного, оно должно было состояться на следующий год.

«…Гордой Клеопатры…»

Беседу прерывает возвращение Якимо, который заявляет, что выиграл пари. Постум ему не верит, но Якимо принимается описывать спальню Имогены:

> …на обоях из шелка с серебром изображен
> Рассказ о встрече гордой Клеопатры
> С Антонием; там Кидн вздымает волны…
>
> ***Акт II, сцена 4, строки 68–71***

Речь идет о первой встрече Антония и Клеопатры в Тарсе на реке Кидн, которая произошла примерно за сорок лет до событий этой пьесы по расчетам Холиншеда и за восемьдесят лет по

нашему расчету.

Эта подробность, за которой следуют и другие, убеждает Постума. Ощущая стыд и отчаяние, он срывает с пальца кольцо с бриллиантом и отдает его Якимо, воскликнув:

> То — василиск[25]: одним своим лишь видом
> Меня он убивает.
>
> ***Акт II, сцена 4, строки 107–108***

«…Сатурна»

Оставшийся в одиночестве Постум тяжело переживает мнимую измену Имогены. Теперь добродетель жены кажется ему лицемерием. Он говорит:

> От ласк моих законных отстранялась,
> Просила воздержанья от меня;
> И розовой стыдливостью могла бы
> Воспламенить Сатурна…
>
> ***Акт II, сцена 5, строки 9–12***

Сатурн (латинский вариант греческого Кроно-

---

[25] Примечания: 25
Василиск — мифическая змея, которая убивала взглядом.

са) был предводителем титанов и отцом Юпитера (Зевса). Мысль о Сатурне (Кроносе), более старом, чем сам глава богов, действительно вызывает ощущение древности. В результате сходства слов «Кронос» и «Хронос» (Время), которое в конце концов побеждает всех, Сатурн (Кронос) превратился в Отца-Время и стал еще более древним, чем прежде.

Иными словами, Имогена могла бы пробудить желание даже в глубоком старике.

«...Трех тысяч фунтов Риму обязался»

Ко двору Цимбелина прибывает римский посол Кай Люций (личность полностью вымышленная) и требует уплатить дань, произнося следующие слова:

> ...твой дядя, Кассивеллаун, от Цезаря хвалы
> Своими подвигами заслуживший,
> В уплате каждый год им и потомством
> Трех тысяч фунтов Риму обязался,
> Ты ж прекратил ее.

Акт III, сцена 1, строки 5–10

Обложение бриттов данью возникло в резуль-

тате второго похода Цезаря, предпринятого в 54 г. до н. э. На этот раз Ла-Манш переплыли восемьсот кораблей, на которых разместили не менее пяти легионов, в том числе двухтысячную кавалерию. Мало-помалу Цезарь оттеснил бриттов к Темзе, где их возглавил Кассивеллаун (Кассибелан). Он сражался очень решительно, при отступлении применял тактику выжженной земли и пытался подговорить южные племена сжечь корабли римлян. Однако ни воинское искусство, ни решимость не помогли Кассивеллауну, в конце концов он был вынужден капитулировать.

«Пришел, увидел, победил…»

Однако поражение бриттов не было позорным. Как говорит жена Цимбелина,

> Что-то вроде
> Победы Цезарь одержал здесь, только
> Не здесь «пришел, увидел, победил»:
> Он со стыдом, испытанным впервые,
> Был дважды отнесен от берегов…
>
> ***Акт III, сцена 1, строки 22–26***

Считается, что Юлий Цезарь вторгся в Малую Азию в 47 г. до н. э., после короткой остановки в

Александрии. В Малой Азии против него выступил Фарнак, правитель Понта — царства, которое сорок лет упорно сражалось с Римом. Однако силы Понта истощились, и в битве при Зеле (городе на западной границе Понта) войско Фарнака было разбито и обратилось в бегство. Юлий Цезарь отправил в Рим лаконичное послание, которое должно было продемонстрировать быстроту одержанной победы: «Veni, vidi, vici». Обычно это послание переводят на английский «Я пришел, я увидел, я победил» («I came, I saw, I conquered»), но перевод Шекспира («Саше and saw and overcame») тоже неплох. (Я придумал собственный довольно неуклюжий вариант, позволяющий передать аллитерацию оригинала: «Went, watched, won».)

И все же королева слегка льстит себе. Первый поход Цезаря действительно закончился бесславно, но второй принес ему несомненную победу, причем довольно легкую. На острове Цезарь не остался, но обложил его формальной ежегодной данью. В общем, бритты легко отделались, так как Цезарь не хотел держать в Британии постоянный гарнизон, пока Галлия оставалась непокоренной. Спустя век ситуация сложилась совсем по-другому.

«...Город Люда...»

Далее королева говорит, что Цезарь мог потерпеть полное поражение, поскольку буря повредила часть его кораблей. (На самом деле это произошло во время первого похода.) Когда это случилось, Кассивеллаун

> Огнями город Люда озарил —
> И бритты возгордились.

Акт III, сцена 1, строки 32–33

Город Люда — это Лондон; название возникло благодаря мифотворцам, придумавшим, что у ранних бриттов был некий король Люд, который якобы основал город на месте современного Лондона. Так, Джеффри Монмутский делает Люда братом и предшественником Кассивеллауна; в результате получается, что Лондон был основан около 66 г. до н. э.

На самом деле нам известно, что Лондон был крепостью, основанной римлянами во время их завоевания острова. Это произошло вскоре после смерти Цимбелина, то есть лет через сто после псевдооснования города Людом. Кроме перенасыщенного легендами труда Джеффри Монмутского

и ему подобных, нет никаких оснований считать, что на свете вообще существовал король по имени Люд (возможно, он, как и Лир, первоначально был каким-то кельтским божеством) или что Лондон когда-то называли «городом Люда».

«Мульмуций…»

Затем Цимбелин приступает к изложению славной и древней истории бриттов:

> Мульмуций, Законы давший нам…
>
> ***Акт III, сцена 1, строки 55–56***

Согласно легендам, Мульмуций был шестнадцатым королем Британии. Он правил около 400 г. до н. э. и учредил первый свод законов. Мульмуций был сыном Клотена — того самого, имя которого носит пасынок Цимбелина.

Однако Цимбелин относит правление Мульмуция к еще более древним временам, утверждая:

> …из бриттов первый
> Свое чело короной увенчал
> И королем назвался.
>
> ***Акт III, сцена 1, строки 59–62***

Если верить его словам, то получается, что Мульмуций правил до Лира, то есть до 800 г. до н. э., еще до основания Рима. Иными словами, Цимбелин претендует на то, что британская королевская власть и, следовательно, цивилизация намного древнее римской.

«Паннонцы и дал маты…»

Цимбелин не испытывает настоящей вражды к римлянам, хотя кое-какие трения между ними есть. Он говорит послу Каю Люцию:

> Привет тебе, Кай Люций!
> Твой Цезарь сделал воином меня:
> Я в юности служил ему…

Акт III, сцена 1, строки 69–71[26]

Упоминание об этом есть у Холиншеда; конечно, под Цезарем имеется в виду не Юлий Цезарь, а Август.

Вряд ли Август посвятил Цимбелина в рыцари в средневековом смысле этого слова; известно, что у римлян был обычай воздавать вассальным королям незначительные почести. Королям

---

[26] Примечания: 26
В оригинале: «…сделал *рыцарем* меня». — *Е. К.*

это доставляло удовольствие и заставляло их хранить верность метрополии. Во время своего правления Цимбелин установил с Римом дружеские связи, и ничего не стоящие титулы наверняка сыграли тут свою роль.

Однако в пьесе Цимбелин не пытается сохранить мир; наоборот, он по-прежнему не платит дани. Им руководит не дикий шовинизм; король уверен, что может это себе позволить:

> Паннонцы и далматы защищают
> Свои права оружьем; если бритты
> С них не возьмут пример, в них кровь остыла.

Акт III, сцена 1, строки 73–76

Паннонцами называли племена, населявшие территорию современной Венгрии к западу от Дуная. Далматы жили в центральной части нынешней Югославии и действительно воевали с Римом.

Виноват в этом был Август. Он был штатским человеком и, в отличие от своего двоюродного деда Юлия Цезаря, не блистал талантами полководца. Когда после поражения Марка Антония Август получил власть над всей Римской империей, его главной заботой стало укрепление

границы, в пределах которой империя могла бы наслаждаться благами мирной жизни.

Он решил, что на севере граница пройдет по Дунаю. Однако для этого пришлось развязать откровенно захватническую войну с независимыми племенами, которые еще жили к югу от этой реки. В 9 г. до н. э. римские легионы достигли Дуная по всей его длине; эта река действительно стала прочной границей империи и оставалась ею около четырех веков.

Но упрямые паннонцы и далматы не смирились с римской оккупацией. В последние годы правления Августа они то и дело поднимали восстание, и римлянам не раз приходилось проводить карательные экспедиции. Собственно говоря, именно необходимость удерживать северную границу не позволяла Августу и его преемнику Тиберию мечтать о заморских авантюрах. Поэтому племена бриттов были в полной безопасности независимо от того, платили они дань или нет.

Ситуация на северной границе разрядилась только после смерти Тиберия, после чего стало возможно переплыть Ла-Манш и оккупировать Британию.

«В Камбрии…»

Между Римом и Британией назревает война, но обезумевший Постум помышляет только о мести. Он велит своему верному слуге Пизанио передать Имогене письмо, которое выманит жену из дворца и заставит ее отправиться на поиски. Во время этих поисков Пизанио убьет ее.

Испуганный и сбитый с толку Пизанио отдает письмо Имогене. В нем говорится, что Постум тайно вернулся в Британию, чтобы повидаться с женой, несмотря на то что, если его обнаружат, ему грозит смертная казнь. В письме указано:

> …знай, что сейчас я нахожусь в Камбрии, в Мильфордской гавани…

Акт III, сцена 2, строки 43–44[27]

Камбрия — часть Британии, которая теперь называется Уэльсом. Однако название Уэльс появилось лишь после вторжения англосаксов, через четыреста лет после правления Цимбелина. Это производное от слова, которое на староанглийском языке означает «иностранец».

---

[27] Примечания: 27

В оригинале: «…в Милфорд-Хейвене…» — Е. К.

Сами валлийцы называли свою страну Кимру, то есть земля кимри (вольных крестьян); латинизированная форма этого названия звучит как Камбрия.

Милфорд-Хейвен — очень удобная бухта в юго-западном углу Уэльса. Город с таким названием находится на северном берегу этой бухты по сей день.

«Наследник Цимбелина...»

Действие перемещается в Уэльс, куда спешат Имогена и Пизанио. На сцене появляются старик и два крепких молодых человека. Читатель, привыкший к рыцарским романам, сразу догадается, что молодые люди — пропавшие сыновья Цимбелина, похищенные в детстве. Старик называет себя верным британским воином, которого осудили, облыжно обвинив в измене. Его имущество было конфисковано, а он сам отправлен в изгнание. В отместку (как старик рассказывает публике) он похитил сыновей короля и воспитал их в глуши. Вот что старик говорит о старшем из них:

> Вот Полидор,
> Наследник Цимбелина и Британии,

Которого Гвидерием назвал он…

Акт III, сцена 3, строки 86–88

Далее он называет младшего:

…Кадвал
(когда-то Арвираг)…

Акт III, сцена 3, строки 95–96

О том, что сыновей Цимбелина звали Гвидерием и Арвирагом, сообщает Холиншед и добавляет, что старший из них (Гвидерий) стал наследником Цимбелина. Конечно, о похищении детей и их жизни в глуши у хроникера нет ни слова; все это чистый вымысел.

Впрочем, Гвидерия и Арвирага могли выдумать мифотворцы, чтобы заполнить пробел в истории.

В римских источниках сыновей Цимбелина называют несколько по-другому: Каратак (латинский вариант распространенного у бриттов имени Карадок), семь лет героически сражавшийся с римлянами. Второй сын короля, Тогодум, погиб в битве с римлянами, а третий, Админий (см. в гл. 2: «В Риме…»), оказался предателем.

Что же касается псевдонимов, данных братьям ссыльным воином, то Полидор — имя греческое,

но имя Кадвал звучит скорее как кельтское. Его носила одна реально существовавшая историческая личность (иногда это имя писали как Кэдвалла или Кадвалладер). Этот валлийский полководец в 633 г. н. э. разбил английского короля Нортумбрии и во время последнего большого наступления валлийцев на вторгшихся англосаксов разорил всю Северную Англию. Кроме того, Кадвалладером звали одного валлийского принца в середине XII в.

Старый воин взял псевдоним и себе:

> А я, Беларий, Морганом зовусь!
> Я за отца им.

Акт III, сцена 3, строки 106–107

Морган — тоже кельтское имя, все еще распространенное у валлийцев. Но самым известным Морганом кельтских легенд является женщина: злая колдунья Фата-Моргана (Морганле-Фей), сестра короля Артура и главная виновница всех бед героев этой легенды.

«Плач Синона…»

На сцене появляются Пизанио и Имогена, прибывшие в Уэльс. Пришло время, когда Пиза-

нио должен либо подчиниться хозяину и убить Имогену, либо ослушаться его. Он выбирает последнее и показывает Имогене приказ убить ее, присланный Постумом.

Бедная Имогена застывает на месте. Отныне она не поверит ни одному красивому молодому человеку, потому что:

> Как честных, что в речах уподоблялись
> Лжецу Энею, за лжецов считали;
> Как плач Синона святость слез позорил…

Акт III, сцена 4, строки 59–61

Измена Энея (сына Афродиты и троянца Анхиса) Дидоне (карфагенской царице) и притворство Синона в истории с троянским конем — любимые темы Шекспира.

Пизанио обещает написать Постуму, что Имогена мертва, убеждает ее переодеться в мужское платье и остаться в Милфорд-Хейвене, где скоро высадится римское войско; может быть, вместе с ними прибудет и Постум.

Кроме того, Пизанио дает ей некое снадобье от расстройства желудка. Ранее слуга получил его от королевы и не догадывается, что это яд. Во всяком случае, так считает сама королева. Она не

знает, что не доверяющий ей врач Корнелий дал ей не яд, а сонное зелье.

Затем Пизанио возвращается ко двору, чтобы его не обвинили в помощи побегу Имогены.

«Пока не перейдете Северн…»

Посол Люций в сопровождении Цимбелина и всего двора также отправляется на запад, в сторону Милфорд-Хейвена. Проводив римлянина до максимально возможного пункта, Цимбелин посылает с ним эскорт со следующими словами:

> Друзья, пока не перейдете Северн,
> Не покидайте Люция.

Акт III, сцена 5, строки 16–17

Устье Северна является границей между Англией и Уэльсом. Северн — самая длинная река Англии; в ней 210 миль (336 км). Римляне называли ее Сабриной; как английское имя (Северн), так и валлийское (Хафрен) происходят от этого названия.

Главный приток Северна — Эйвон, впадающий в Северн с востока, примерно в 20 милях (32 км) от устья. На Эйвоне (примерно в 25 милях (40 км) выше впадения Эйвона в Северн) стоит город

Стратфорд-на-Эйвоне, обессмертивший себя благодаря тому, что в нем родился Шекспир.

«Фиделе, сударь»

Имогена, одетая в мужское платье, натыкается на пещеру, которая служит домом Беларию и его предполагаемым сыновьям (то есть ее родным братьям). Пещера пуста, потому что хозяева отправились на охоту. Голодная Имогена входит в пещеру и начинает есть. Охотники возвращаются и, пораженные красотой «юноши», сразу заводят с ним дружбу. (Вся эта сцена подозрительно похожа на эпизод из «Белоснежки и семи гномов».) Молодые люди спрашивают имя гостя, и Имогена отвечает:

> Фиделе, сударь. Родственник мой хочет
> Из Милфорда в Италию отплыть…

Акт III, сцена 6, строки 60–61

Так она объясняет свою поездку на запад. Выбранное ею имя — производное от латинского fidelis (верный), что свидетельствует о добродетели, в которой ошибочно усомнился Постум.

«Терсит...»

Из короткой сцены становится ясно, что Фиделе присоединился к братьям и их предполагаемому отцу и ведет идиллическую жизнь на лоне природы.

Однако сюда приползает змея в образе Клотена. Он заставил Пизанио рассказать, где находится Имогена, переоделся в платье Постума и решил изнасиловать Имогену, отплатив ей за прежнее унижение.

Однако вместо Имогены он сталкивается с Гвидерием (своим сводным братом). Возникает ссора, перерастающая в поединок. Гвидерий убивает Клотена, отрезает ему голову и бросает ее в ручей.

Тем временем Фиделе возвращается в пещеру, страдая от боли в животе, выпивает лекарство, которое дал Пизанио, и впадает в транс, похожий на смерть.

Братья находят Фиделе, решают, что он умер, и рвут на себе волосы от горя. Затем они совершают над ним похоронный обряд, а заодно и над Клотеном, который как-никак принц. Последнее им не по душе, но Гвидерий уныло говорит:

Принесите труп.
Терсит не хуже, чем Аякс, раз оба
Они мертвы.

Акт IV, сцена 2, строки 251–253

Терсит считался воплощением злоязычного и бесчестного воина, в то время как подвиги Аякса во время осады Трои уступали только подвигам Ахилла.

«Нога Меркурия…»

Спев над телами погребальный гимн и осыпав их цветами, Беларий и братья уходят.

Имогена просыпается, видит рядом с собой труп, по одежде определяет, что это Постум, и говорит:

То форма ног его; его рука;
Нога Меркурия и бедра Марса,
А плечи — Геркулеса. Только нет
Лица Юпитера.

Акт IV, сцена 2, строки 309–311

«Нога Меркурия» в бреду Имогены означает, что Постум был быстроногим, поскольку Меркурий, к сандалиям которого были прикреплены кры-

лышки, являлся вестником богов. Мускулистые голени Марса и бедра Геркулеса тоже на месте, но лицо, величественное, как у Юпитера, исчезло.

Имогена приходит к выводу, что Пизанио лгал ей и все было задумано с целью заманить ничего не подозревавшего Постума в ловушку, расставленную Клотеном. Она проклинает отсутствующего Пизанио:

> Пизанио, проклятия Гекубы
> На греков — пусть разят тебя с моими!

Акт IV, сцена 2, строки 313–314

Гекуба, престарелая царица Трои, считалась символом несчастья, которое сводит человека с ума.

«Брат Сьены…»

Тем временем вторжение римлян приближается. Посол Люций спрашивает, какие силы прибудут, и капитан отвечает ему:

> Брат Сьены предводительствует ими,
> Якимо храбрый.

Акт IV, сцена 2, строки 339–341

Перед нами еще один пример смешения Рима со средневековой Италией: Якимо оказывается братом герцога Сиенского. Сиена — город в 120 милях (192 км) к северо-западу от Рима. Говорить о герцоге Сиены можно было бы в эпоху Возрождения, но не в эпоху Рима времен императора Августа.

За этим анахронизмом тут же следует другой: наткнувшись на Имогену, все еще оплакивающую тело без головы, Люций спрашивает, как зовут убитого. Имогена скрывает правду и говорит:

Ричард дю Шан.

Акт IV, сцена 2, строка 311

Это идеальное имя для французского норманна, но норманн мог появиться в Уэльсе лишь через тысячу лет после эпохи Цимбелина.

Люций тут же проникается симпатией к Имогене (которая по-прежнему в мужском платье) и берет «его» на службу в качестве пажа.

«Легионы галльские...»

Начинается война. К Цимбелину приходит некий вельможа и отвлекает короля от раз-

мышлений об исчезновении Клотена. Вельможа говорит:

> Уж легионы галльские на берег
> Сошли с судов…

Акт IV, сцена 3, строки 24–25

Начнем с того, что во время правления Цимбелина никакого вторжения римлян не было. Возникла всего лишь незначительная угроза такого вторжения, когда сын Цимбелина Админий перешел на сторону Рима.

Админий попросил помощи у Калигулы (третьего римского императора, который, в отличие от двух первых, был молод и совершенно безумен), чтобы получить британский престол.

Вообще-то Рим помогал тем, кто просил такой помощи, ибо это позволяло ему получить еще одного короля-марионетку и в конечном счете присоединить к себе его королевство. Однако в данном случае Калигула ограничился тем, что выдвинул армию на галльский берег пролива Ла-Манш. Попытка форсирования пролива казалась ему слишком рискованной; игра не стоила свеч. Возможно, в этот момент у Калигулы наступило просветление. Позднейшие историки, единодушно не сочувствовавшие Калигуле, писали, что он

велел солдатам собирать ракушки и считать их своими военными трофеями.

Настоящее вторжение состоялось только после смерти и Цимбелина, и Калигулы.

«Стой!»

Получив весть об убийстве Имогены, Постум горько раскаивается в своем поступке, хотя продолжает верить в измену жены. Чтобы наказать себя, он приезжает в Британию, переодевается в крестьянское платье и решает сражаться с римлянами, пока не погибнет в бою.

В Уэльсе, неподалеку от пещеры Белария, начинается битва между римлянами и бриттами. Постум, переодетый крестьянином, вступает в поединок с Якимо и обезоруживает его. Якимо, посрамленный каким-то крестьянином, считает, что это наказание за предательство Имогены, и кается в грехах.

Бритты проигрывают сражение, и Цимбелин попадает в плен. Однако тут на помощь бриттам приходят Беларий, Гвидерий и Арвираг. Они занимают позицию в узком проходе, где несколько крепких воинов могут задержать целую армию. Беларий восклицает:

Стой! Перевес на нашей стороне.
Проход у нас в руках; ничто не может
Нас выбить, — только трусость.

Акт V, сцена 2, строки 11–13

К ним присоединяется Постум в крестьянском костюме. Они спасают Цимбелина, воодушевляют бегущих бриттов и изменяют ход битвы. На сцене появляются Якимо и Люций и заявляют, что римляне потерпели поражение.

Видимо, Шекспир позаимствовал этот эпизод пьесы у Холиншеда, описывавшего вторжение датчан в Шотландию в 976 г. н. э. Когда скотты были разбиты, шотландский крестьянин Хей и его два сына обороняли узкий проход так же, как в пьесе это делают Беларий и его сыновья. Скотты воспрянули духом, а датчане решили, что противник получил подкрепление; в итоге победа осталась за шотландцами.

«О громовержец…»

В конце битвы Люций попадает в плен. Постум, также схваченный бриттами, заявляет, что он римлянин, и готовится к казни, считая, что он заслужил ее. В тюрьме Постум засыпает и видит сон. В этом сне все его умершие родные — отец,

мать и два брата — обращаются к Юпитеру и доказывают, что Постум не заслужил такой участи.

Сипилий, отец Постума, говорит:

> О громовержец, не являй
> Немилость тле земной;
> На Марса прянь, с Юноной спорь,
> Ревнивою женой,
> Что мстит тебе.

Акт V, сцена 4, строки 30–32

Громовержец — это Юпитер (Зевс), оружием которого являются «громовые стрелы» (молнии). Сицилий предлагает Юпитеру помериться силами с тем, кто ему ровня; в греческих мифах содержится множество свидетельств того, что иногда Юпитер откликался на такие просьбы.

Например, в Илиаде описывается его короткая размолвка с Марсом (Аресом). Когда Диомед ранил Марса, бог войны пошел жаловаться к Юпитеру, который ответил ему: «Смолкни, о ты, переметник! не вой, близ меня воссидящий! Ты ненавистнейший мне меж богов, населяющих небо![28]»

Конечно, Юнона (Гера) знаменита тем, что

---

[28] Примечания: 28
Перевод Н. Гнедича. (*Примеч. пер.)*

ревновала Юпитера к его многочисленным любовницам. Многие мифы рассказывают о том, как она бранила его и с мрачной решимостью преследовала не только любовниц мужа, но и детей, которых они родили от царя богов.

«Люцина…»

Мать Постума с плачем упрекает богов за то, что они с самого начала были против ее сына:

> Люцина мне не помогла,
> Взяла средь мук родов;
> Сын вырезан был из меня…

Акт V, сцена 4, строки 37–38

Люцина — римская богиня деторождения; считается, что она со временем отпочковалась от Юноны, которая в качестве царицы небесной и супруги Юпитера отвечала за всех жен и матерей. В данном качестве Юнону часто называли Юноной Люциной; эти слова матери Постума означают, что она умерла при родах.

Появляется сам Юпитер, разгневанный жалобами на него, и восклицает:

> Прочь, тени жалкие, в Элизий; в кущах

Неувядающих покойтесь там…

Акт V, сцена 4, строки 67–68

Элизий — это рай греческих мифов. Юпитер заверяет их, что позаботится о Постуме:

Он родился под нашею звездою,
Венчался в нашем храме.

Акт V, сцена 4, строки 75–76

Звезда Юпитера — это планета Юпитер, которую астрологи считают счастливой для тех, кто родился под ее знаком.

«Август жив…»

Юпитер делает на груди Постума метку, которую Постум обнаруживает, проснувшись. Эта метка четко предсказывает его будущее. Перед отправкой на виселицу его вызывает король.

В последней сцене пьесы полно разоблачений. Во-первых, приходит весть о смерти королевы, не вынесшей исчезновения сына. Перед смертью она призналась, что вышла замуж ради власти, а не по любви и замышляла погубить сначала Имогену, а потом и самого Цимбелина, чтобы расчистить путь Клотену.

Появляется пленный Люций и предупреждает, что проигранная римлянами битва — только начало кампании. Он говорит:

Но Август жив и будет это помнить…

Акт V, сцена 5, строка 82

Это эхо битвы, которая действительно имела для Августа жизненно важное значение. Во время правления Августа никакого проигранного сражения в Британии не было, зато такое сражение произошло в Германии. В 9 г. н. э. бездарный римский полководец Публий Квинтилий Вар завел три легиона в дремучие немецкие леса, где они попали в засаду и были уничтожены германскими племенами.

Такого поражения римская армия не знала более двухсот лет. Август впал в уныние от горя. Он «томился об этом», но не мог отомстить. В то время у него просто не было возможности набрать три новых легиона; для этого пришлось бы обложить всю империю непосильными налогами. Согласно легенде, Август бился головой о стену дворца и кричал: «Вар, Вар, верни мне мои легионы!»

«…Дань выплатить…»

Разоблачения продолжаются одно за другим. Имогена (все еще в образе Фиделе) спрашивает, где Якимо взял кольцо с бриллиантом, которое он носит на пальце, и тот признается в своем подлом обмане. Вслед за этим Постум и Имогена воссоединяются (правда, перед этим несчастный Постум бьет Имогену в мужском наряде). Затем выясняется подлинное происхождение Гвидерия и Арвирага.

Люция отпускают на свободу, и пьеса заканчивается пиром. Цимбелин говорит Люцию:

> …хотя мы победили, Кай Люций, все же
> Цезарю и Риму
> Мы подчиняемся и обещаем
> Дань выплатить обычную…

Акт V, сцена 5, строки 460–462

Кажется, таким способом Шекспир хочет сказать, что Британия стала частью Римской империи, нанеся римлянам поражение, а после этого добровольно надев на себя ярмо. Конечно, это смешно, но на что не пойдешь ради удовлетворения национальной гордости?

Согласно Холиншеду, как только Цимбелин умер и королем стал Гвидерий, платить дань тут же перестали, и война началась снова.

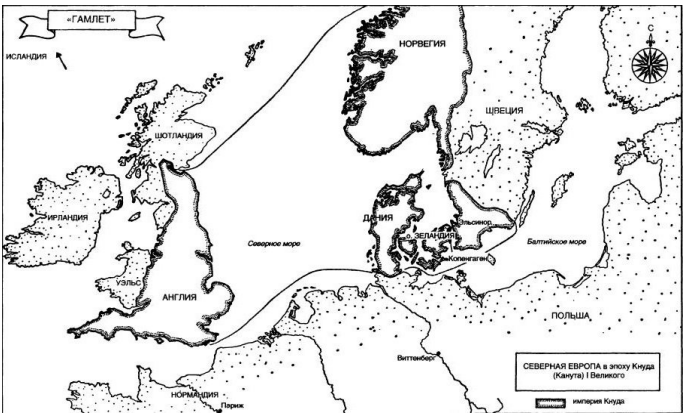
Похоже, что сыновья Цимбелина действительно относились к Риму более враждебно, чем их отец. По крайней мере, так считали сами римляне. В 43 г. н. э., когда к власти пришел новый император, Клавдий, в Британию наконец вторглась армия под командованием Авла Плавта.

В юго-восточной Англии высадилось около сорока тысяч римских легионеров. Вскоре они подчинили всю территорию к югу от Темзы, убили нескольких сыновей Цимбелина (Кунобелина), и борьбу продолжил один Каратак (Карадок).

Каратак отчаянно сопротивлялся несколько лет, потом бежал на территорию современного Уэльса и воевал в горах до 51 г. н. э. Затем он был взят в плен и отправлен в Рим. Семья поехала вместе с ним и была радушно принята Клавдием, который оказался вполне приличным императором.

Затем начался период Римской Британии, во время которого страна жила намного лучше, чем до и после этого; так продолжалось триста пятьдесят лет.

Глава 3 «Гамлет»



Британия оставалась под правлением Рима вплоть до 410 г., когда последние римские легионы покинули остров. В западные провинции империи ворвались германские племена, и Рим больше не мог снабжать свои гарнизоны в Британии.

Еще до конца века языческие германские племена — юты, саксы и англы — переправились с нынешнего немецкого и датского побережья Северного моря и вторглись на южное и восточ-

ное побережье Британии. В течение двух веков они воевали с кельтами, и мало-помалу Британия — остров, где правили такие легендарные короли, как Лир, и полуисторические личности вроде Цимбелина — превращалась в Англию англосаксов.

Однако весь остров так и не стал английским. Северная треть острова, которую сейчас называют Шотландией, во многом сохранила изначальный кельтский дух, несмотря на проникновение южной культуры. Западный полуостров Уэльс также оставался кельтским и практически сохранял независимость вплоть до XIII в.

К 600 г. Англия почти достигла своих современных границ, и следующие четыре с половиной столетия — вплоть до пресловутого 1066 г., когда остров захватили норманны, переправившиеся через Ла-Манш, — считаются периодом Англии англосаксов.

Концу этого периода посвящены две пьесы Шекспира, однако их действие происходит не в самой Англии, а в других странах, непосредственно граничащих с ней.

События, описанные в этих пьесах, в основном выдуманы, и все же в одной из них гораздо меньше исторических фактов. Именно ее мы и

рассмотрим первой.

Эта пьеса — «Гамлет»; как ни странно, именно она стала самым известным и популярным творением Шекспира. Ее полное название — «Трагедия о Гамлете, принце Датском». В пьесе Дания изображена сильной и воинственной империей.

Нам, знающим современную Данию как тихую цивилизованную маленькую страну, занятую своими делами, не доставляющую хлопот соседям и сумевшую создать здоровое, стабильное и миролюбивое общество, это кажется странным.

И в самом деле, новейшая история Дании была в основном мирной. Эта страна участвовала в Наполеоновских войнах, сражалась с Пруссией и Австрией в 1864 г. и была оккупирована Германией в 1940 г., однако каждый раз Дания только оборонялась. Иными словами, она была не участницей войн, а их жертвой.

Последний раз Дания участвовала в войне по собственной инициативе в 1700 г., выступив в роли агрессора. Тогда король Фредерик IV, унаследовавший трон всего год назад, присоединился к Польше и России, воевавшим против Швеции. Швецией правил полусумасшедший военный гений, восемнадцатилетний Карл XII. Карл нанес молниеносный удар, и через несколько месяцев

потерпевшая сокрушительное поражение Дания запросила мира. С тех пор она больше не дерзала нападать на соседей.

Но Шекспир писал «Гамлета» в 1600 или 1601 г., когда Дания еще оставалась империей. Ее королем в то время был Кристиан IV, управлявший из Копенгагена не только своей страной, но также несколькими германскими герцогствами к югу от Дании, всей Норвегией, частью земель нынешней южной Швеции и полярными островами Исландия и Гренландия. Незадолго до того Дании принадлежала и вся Швеция; Швеция стала полностью независимой только в 1523 г.

Однако в «Гамлете» описана не Дания времен Шекспира, а намного более древняя, грозная, кровавая и агрессивная.

Впервые в истории Европы Дания появляется около 800 г. н. э.; тогда она вместе с Норвегией служила базой для викингов, наводивших ужас на жителей Британских островов и франкских королевств, расположенных на континенте.

Примерно в 950 г. Дания начала постепенно принимать христианство, но черствые сердца викингов смягчились далеко не сразу. Агрессивность у этого народа была в крови и выражалась не только в подвигах пиратов. Один из великих

датских королей, Свен I (прозванный Вилобородым за форму бороды), подчинил себе Норвегию, сломил сопротивление Швеции и вторгся в Англию. Свен умер вскоре после вторжения, но при его сыне Кнуде (Кануте) Датская империя достигла пика своего могущества. С 1014 по 1035 г. Кнуд владел всей Северной Европой.

После смерти Кнуда Англия отделилась (хотя некоторое время этой страной продолжали править его сыновья), но Дания продолжала свою экспансионистскую политику в других направлениях.

История Дании, Норвегии и Швеции периода викингов, предшествовавшего правлению Свена, скрывается во тьме. Об этом времени нет достоверных источников, остались только легенды, в которых трудно отыскать зерно истины, а когда оно все же попадается, его невозможно отделить от плевел.

Легенды об этом времени собраны в книге, написанной около 1200 г. датским ученым Саксоном Грамматиком, который довел историю Дании до 1186 г. Это датский аналог сочинения Джеффри Монмутского «История королей Британии»; там приводятся сведения примерно о шестидесяти легендарных датских королях, причем некото-

рые из них — боги норвежской мифологии.

Среди легенд, собранных Саксоном Грамматиком, есть одна чрезвычайно кровавая, рассказывающая о принце по имени Амлет. В ней говорится об убитом отце, узурпаторе дяде и о том, как Амлет притворялся безумным, готовя план мести, который он успешно претворил в жизнь.

Нет и намека на то, что все это было в действительности; возможно, нечто подобное когда-то произошло во владениях викингов и сохранилось в туманных преданиях. Однако Саксон Грамматик описывал события, непосредственно предшествовавшие величайшему периоду датской истории, и его вариант старой сказки волей-неволей проникся духом Датской империи времен Кнуда.

Как бы там ни было, эта легенда пережила века и нашла свое высшее воплощение в шекспировском «Гамлете». В пьесе продолжает чувствоваться державная атмосфера; хотя в «Гамлете» нет ни одного исторического лица или события, сравнительный анализ действительных событий XI в. позволяет сделать вывод, что действие «Гамлета» происходит около 1050 г.

«Кто здесь?»

Пьеса начинается на крепостной площадке мрачного замка, и с первого мгновения ощущается его гнетущая атмосфера. Навстречу друг другу идут двое часовых, они нервничают и полны подозрений. Один из них, по имени Бернардо, при звуке шагов тут же напрягается и восклицает:

Кто здесь?

Акт I, сцена 1, строка 1 (перевод М. Лозинского)

Но другой часовой, которого зовут Франсиско (еще один пример пристрастия Шекспира к итальянским и римским именам даже в тех случаях, когда это абсолютно неприемлемо), не менее подозрителен. Он требует:

Нет, сам ответь мне; стой и объявись.

Акт I, сцена 1, строка 2

Это замок короля Дании, расположенный в Эльсиноре. Этот город, который сами датчане называют Хельсингер, находится в северо-восточном углу острова Шеллан (в английской

транскрипции — Зеландия).

Зеландия — остров вполне приличного размера, равный по площади штатам Род-Айленд и Делавэр, вместе взятым. Он находится в Балтийском море между континентальной Данией и Швецией. Эльсинор расположен в той части, которая ближе к Швеции. От шведского города Хельсингборга его отделяет пролив шириной всего в 3 мили (4,8 км).

Остров Зеландия — сердце Дании, несмотря на то что часть страны находится на континенте. На этом острове живет четвертая часть датчан; нынешняя столица (и крупнейший город) Дании Копенгаген также расположена здесь. Копенгаген стоит на восточном побережье Зеландии, в 25 милях (40 км) к югу от Эльсинора, это самая восточная точка Дании. Лишь 15 миль (24 км) водного пространства отделяют его от крупного шведского города Мальме.

Может показаться странным, что столица Дании находится на восточной границе государства; обычно (но не всегда) столица располагается в центре страны. Впрочем, это условие соблюдают в момент основания города, и по традиции столица продолжает оставаться на прежнем месте даже в том случае, если исторические условия меняются

коренным образом. (Когда в 1800 г. американской столицей стал Вашингтон, округ Колумбия, он располагался в центре первоначальных тринадцати штатов, но теперь Соединенные Штаты разрослись на запад, и Вашингтон тоже оказался на восточной окраине страны.)

Копенгаген стал столицей Дании примерно в 1170 г. (Кстати, это косвенным образом подтверждает правильность отнесения событий пьесы к 1050 г. Двор находится в Эльсиноре, потому что Копенгаген еще не стал столицей.) В то время и Эльсинор, и Копенгаген находились в центре страны, поскольку южная Швеция также принадлежала датчанам, поэтому остров Зеландия лежал между двумя частями континентальной Дании. На самом деле южная Швеция во времена Шекспира все еще принадлежала Дании, и так продолжалось до 1658 г., то есть спустя почти полвека после смерти Шекспира.

Похоже, что Шекспир описывал королевский замок по образцу эльсинорского замка Кронборг. Однако тогда этот замок ни в коей мере не мог претендовать на древность. Он был построен лишь в 1580 г., всего за двадцать лет до написания «Гамлета», Фредериком II, отцом того датского короля, который правил в период работы драма-

турга над пьесой.

Этот замок сохранился по сей день. Шекспир прославил его на весь мир. Но на самом деле Кронборг стал местом действия «Гамлета» совершенно случайно.

«Как был король…»

Наступила полночь, дежурство Франсиско закончилось, и он уходит. К Бернардо присоединяется еще один часовой — Марцелл, который привел с собой друга Горацио. Все трое собираются в кружок и начинают о чем-то шептаться.

Причина нервозности выясняется сразу. Бернардо и Марцелл видели Призрак и пытаются убедить в этом скептика Горацио. Сделать это нетрудно, потому что едва они начали разговаривать, как Призрак появляется снова.

Очень важно понять, что во времена Шекспира люди относились к призракам совсем не так, как мы. Мы все знакомы с этой пьесой (даже если не читали или не видели ее сами, что маловероятно) и заранее знаем, что это привидение — тень отца Гамлета.

Но для елизаветинской публики все выглядело иначе. Призрак — это дух, который может принимать любую форму для разных целей. О

привидении можно лишь сказать, что оно *похоже* на отца Гамлета, то есть решило принять его внешний облик. Кто это на самом деле, неизвестно.

Шекспир сразу дает это понять. Когда привидение приближается к троим мужчинам, Бернардо описывает его так:

> Совсем такой, как был король покойный.

Акт I, сцена 1, строка 41

Потом он подталкивает локтем Горацио, у которого отвисла челюсть, и говорит:

> Похож на короля?

Акт I, сцена 1, строка 43

Когда наконец к Горацио возвращается дар речи, он (самый ученый из троих) выражает ту же мысль, только более сложно:

> Кто ты, что *посягнул* на этот час
> И этот бранный и прекрасный облик,
> В котором мертвый повелитель датчан

Ступал когда-то? Заклинаю, молви!

Акт I, сцена 1, строки 46–49

В оригинале используется слово *узурпировал*, то есть присвоил что-то не по праву. Призрак — существо сверхъестественное, и по нормальным человеческим меркам ему тут не место. В этом смысле он не только «узурпировал» ночное время, но и внешность покойного короля. Похоже, Горацио считает, что это не призрак мертвого короля, а дух, который воспользовался его внешностью для каких-то своих целей. Фактически Горацио спрашивает духа, кто он такой на самом деле.

Если мы не поймем это с самого начала, то не поймем и всю пьесу.

«…С кичливым бился он норвежцем»

Призрак исчезает, не сказав ни слова, и трое мужчин, дрожа от страха, дивятся тому, как он похож на покойного короля. Горацио говорит:

> Такой же самый был на нем доспех,
> Когда с кичливым бился он норвежцем;
> Вот так он хмурился, когда на льду

В свирепой схватке разгромил поляков.

Акт I, сцена 1, строки 60–63

Норвегия действительно была частью Датской империи Свена и Кнуда; возникает соблазн видеть в подвигах, приписываемых покойному королю, отражение исторических завоеваний этих датчан.

Что же касается поляков, то как нация они сформировались в X в., при Мешко I, который правил с 960 по 992 г. При его преемнике Болеславе I, современнике Свена и Кнуда, Польша начала экспансию, завоевав восточную Померанию на южном берегу Балтийского моря. Напротив Померании находилась южная Швеция, в то время принадлежавшая Дании. Выходит, что тогда Польша и Дания были соседями.

После смерти Болеслава в 1025 г. стремление Польши к новым завоеваниям уменьшилось. В 1031 г. Кнуд отобрал у Польши восточную Померанию, так что упоминание о столкновении с поляками исторически достоверно.

Но почему «на льду»? Сражение поляков и датчан в восточной Померании происходило не на льду; можно предположить, что Шекспир слышал

о такой битве, происшедшей где-то на Востоке. После смерти Кнуда Дания в течение нескольких поколений воевала с восточными язычниками (то есть как бы участвовала в Крестовом походе); спустя век эту задачу взяли на себя немцы. Около 1200 г. был создан рыцарский Тевтонский орден, который постепенно завоевал южное побережье Балтийского моря, вытесняя датчан. К 1237 г. они овладели территорией, на которой ныне находятся Эстония, Латвия и Литва.

Используя эти земли как плацдарм, орден планировал вторжение в Россию, которая в то время не смогла устоять перед непреодолимым натиском монголов. Свободным от прямого монгольского правления оставался только Новгород на северо-западе России (выплачивая монголам огромную дань); именно Новгород непосредственно граничил с новыми завоеваниями тевтонских рыцарей.

В то время Новгородом правил князь Александр. В 1240 г. он разбил шведов в битве на Неве (неподалеку от современного Санкт-Петербурга), за что получил прозвище Александр Невский. В апреле 1242 г. он встретил вторгшихся тевтонских рыцарей на тающем льду озера Пейпус (Чудского), по которому сейчас проходит граница

между Россией и Эстонией. Лед не выдержал веса тяжеловооруженных немецких всадников, и их войско было уничтожено. Русские одержали громкую победу и положили конец экспансионистским устремлениям тевтонских рыцарей.

Следовательно, самое знаменитое сражение на льду состоялось не между датчанами и поляками, а между немцами и русскими, причем победу одержали в нем силы Востока, а не Запада. Однако отрывок, процитированный выше, вызывает в памяти именно битву на Чудском озере.

«Юный Фортинбрас...»

Горацио размышляет, не является ли визит Призрака зловещим предзнаменованием. Его можно понять. Старый король победил норвежцев (как сделали исторические Свен и Кнуд), однако Норвегия стремится вернуть себе независимость (что тоже верно с исторической точки зрения; после смерти Кнуда в 1035 г. это стремление действительно усилилось).

Горацио описывает нынешнюю ситуацию:

> И вот, незрелой
> Кипя отвагой, юный Фортинбрас
> Набрал себе с норвежских побережий

Ватагу беззаконных удальцов
За корм и харч для некоего дела,
Где нужен зуб; и то не что иное, —
Так понято и нашею державой, —
Как отобрать с оружием в руках
Путем насилья сказанные земли,
Отцом его утраченные…

Акт I, сцена 1, строки 95–104

Норвежского короля, которого разбил старый датский король, звали Фортинбрасом. Его сын, молодой Фортинбрас, пытается вернуть себе потерянные земли, что легче сделать после смерти короля датчан.

Однако норвежского короля по имени Фортинбрас в природе не существовало. Это имя французское, и означает оно «Крепкий в доспехах». У ранних скандинавских королей был обычай присваивать себе какое-нибудь отличительное прозвище. Например, Свена называли Вилобородым, а его отца Гарольда — Синезубым. Были еще и Эрик Кровавый Топор, Гарольд Гардрада («Суровый правитель») и так далее. От этого рукой подать до прозвища Крепкий в доспехах.

Однако история гласит, что Кнуд Датский отнял Норвегию у Олафа II. Олаф принял христианство

и обратил в него всех норвежцев. В результате Олафа объявили святым, канонизировали его в 1164 г. и сделали небесным покровителем Норвегии. Но это не помогло ему одолеть Кнуда; в 1030 г. Олаф погиб, проиграв Кнуду битву.

Когда в 1035 г. Кнуд умер, сын Олафа действительно предпринял попытку вернуть себе Норвегию. Но этого сына звали Магнус.

«Могучий Юлий…»

Бернардо соглашается с таким объяснением появления Призрака. Оно сулит Дании близкую войну. Призрак нарочно принял этот облик, чтобы предсказать ее; ведь именно старый король завоевал эти страны.

Горацио подтверждает правоту Бернардо и приводит пример из истории:

> В высоком Риме, городе побед,
> В дни перед тем, как пал могучий Юлий,
> Покинув гробы, в саванах, вдоль улиц
> Визжали и гнусили мертвецы…

Акт I, сцена 1, строки 113–116

Это ссылка на легенды о том, что якобы проис-

ходило в ночь накануне убийства Юлия Цезаря. Шекспир использовал эти легенды в пьесе «Юлий Цезарь», написанной за год до «Гамлета».

Но Горацио не ограничивается легендами. Он приводит астрономические данные, связанные с этим убийством:

> …влажная звезда,
> В чьей области Нептунова держава,
> Болела тьмой, почти как в Судный день…

Акт I, сцена 1, строки 118–120

Влажная звезда — луна, хотя она и не звезда, и не влажная. Однако в древности звездой называли любое небесное светило, а Шекспир, как обычно, придерживается воззрений древних, не принимая во внимание взгляды современных ему астрономов. Луна «влажная» не сама по себе, а потому, что она влияет на океан (Нептунову державу). Иными словами, потому, что она вызывает приливы.

Однако в ночь перед убийством Цезаря никакого лунного затмения не было.

Призрак тут же возвращается, и Горацио вновь заговаривает с ним, пытаясь убедить его раскрыть тайну, которая может оказаться роковой для Дании. Призрак хочет что-то ответить, но в это время раздается крик петуха, и привидение исчезает. Горацио говорит:

Я слышал, будто
Петух, трубач зари, своей высокой
И звонкой глоткой будит ото сна
Дневного бога, и при этом зове,
Будь то в воде, в огне, в земле иль в ветре,
Блуждающий на воле дух спешит
В свои пределы...

Акт I, сцена 1, строки 149–155

Это широко распространенное суеверие; как все суеверия, оно сбывается только в особых случаях. Искусственное освещение улиц появилось только в новейшие времена, а до того ночью царила кромешная тьма. В этой тьме у людей разыгрывалось воображение; любое засохшее дерево превращалось в чудовище, а любая

бесшумно пролетевшая сова — в привидение. Поскольку при дневном свете ничего подобного не происходило, возникло поверье, что духи и призраки исчезают с первым лучом солнца.

Механические часы также появились сравнительно недавно, так что по ночам время можно было определить лишь приблизительно. Приходилось делить ночь на три-четыре «стражи» (это слово действительно возникло в результате того, что сторожей оставляли «на часах» и каждый дежурил по очереди). Начало ночи называли первой стражей, середину — второй, конец — третьей, а затем наступало утро.

Конечно, люди с тревогой ждали наступления утра, особенно долгими зимними ночами, и радовались каждому знаку, предвещавшему его приближение. Хриплый крик петуха был именно таким знаком, потому что он возвещал скорый восход солнца. Когда в Библии заходит речь о Втором Пришествии, срок которого не известен никому на свете, там не зря упоминаются ночные сторожа: «Итак, бодрствуйте; ибо не знаете, когда придет хозяин дома, вечером или в полночь, или в пение петухов, или поутру» (Мк., 13: 35).

Если духи исчезают при свете дня, то петушиный крик является для них естественным

сигналом. В такой ситуации это действительно имеет смысл.

Марцелл подливает масла в огонь, утверждая, то в канун Рождества петух поет всю ночь напролет, поэтому ни один дух не смеет покинуть свое убежище. Горацио, который является воплощением рационализма (он не говорит, что крик петуха является сигналом для отступления духов, а только утверждает, что слышал об этом), отвечает Марцеллу учтиво, но все же слегка посмеивается над его излишней доверчивостью:

> Я это слышал и отчасти верю.
>
> ***Акт I, сцена 1, строка 165***

Наконец наступает утро, и Горацио предлагает рассказать о случившемся принцу Гамлету. Если призрак принял обличье старого короля, необходимо сообщить об этом его сыну.

«Смерть нашего возлюбленного брата…»

После первого упоминания о заглавном герое пьесы действие перемещается в тронный зал, где восседают новый король и королева. Король сразу берет быка за рога:

Смерть нашего возлюбленного брата
Еще свежа…

Акт I, сцена 2, строки 1–2

Выясняется, что старого короля тоже звали Гамлетом. Как в Норвегии, так и в Дании отца и сына зовут одинаково. Чтобы различать их, я называю покойного короля Гамлетом-старшим.

Ныне царствующего короля, сменившего Гамлета-старшего, зовут Клавдий. Шекспир намеренно выбрал для него римское аристократическое имя. (Во времена республики Клавдии были патрицианским родом, к которому принадлежало несколько первых императоров, в том числе четвертый. Именно при императоре Клавдии римляне завоевали Британию, и случилось это через несколько лет после смерти Цимбелина.)

У Саксона Грамматика указано, что нового короля звали Фенгом; наверно, Шекспир был прав, отказавшись от этого имени.

Из первых слов Клавдия становится ясно, что Гамлет-старший умер совсем недавно, а новый король приходится покойному братом. (В широком смысле слова братом можно назвать любого близкого родственника, друга или хорошего знакомого, но в данном случае речь явно идет о

младшем брате покойного короля.)

Однако Шекспир обходит молчанием один очень важный вопрос: почему трон унаследовал именно младший брат, а не сын Гамлета-старшего. Мы привыкли к тому, что наследником покойного короля автоматически становится его старший сын, однако строгий порядок престолонаследия — не такое уж древнее изобретение, да и применяется он далеко не повсеместно. Здесь современную публику легко сбить с толку, отчего она может неправильно понять смысл пьесы.

Во многих частях света, а особенно в средневековой Европе, новым королем чаще всего становился близкий родственник умершего короля, но далеко не всегда это был старший сын покойного. Иногда выбор падал не на прямого потомка, а на старшего, более зрелого члена королевской семьи, искусного полководца и руководителя. В эпоху малой продолжительности жизни и насильственных смертей сын покойного короля часто был ребенком, неспособным управлять страной в варварский век. Поэтому куда более логично было сделать королем младшего брата покойного.

Конечно, когда юный принц достигнет зрелости, он, возможно, решит, что имеет больше

прав на престол, и начнет борьбу за него. Король (дядя юного принца) прекрасно знает о такой возможности и может тем или иным способом устранить его — казнить, посадить в тюрьму или выслать из страны. Такое случалось достаточно часто, так что «злой дядя» стал отрицательным персонажем сказок и рыцарских романов, уступая по жестокости только «злой мачехе».

Елизаветинской публике это было хорошо известно. Истории Англии и Франции изобиловали войнами (в том числе гражданскими), связанными с престолонаследием. Выражение «злой дядя» эта публика тоже прекрасно понимала: король Иоанн Безземельный был злым дядей «законного короля», юного Артура Бретонского, а Ричард III — злым дядей «законного короля», юного Эдуарда V. Эти события Шекспир уже обессмертил в написанных ранее пьесах «Король Иоанн» и «Ричард III».

Понимала елизаветинская публика и другое: брат короля сумеет удержать трон только в том случае, если избавится от сына короля. Было ясно без слов, что принцу грозит смертельная опасность. Шекспиру объяснять это не требовалось; но, поскольку он этого не сделал, а времена изменились, современная публика может не

разобраться в происходящем.

«Поэтому сестру и королеву…»

Обычно сын, не вступивший на престол, был очень молод: Артуру Бретонскому было двенадцать лет, а Эдуарду V — тринадцать. Но обойденный Гамлет — отнюдь не ребенок. Почему же тогда он не стал наследником отца? Прямого ответа на этот вопрос в пьесе нет; остается только догадываться. Клавдий продолжает свою речь:

> Поэтому сестру и королеву,
> Наследницу воинственной страны,
> Мы, как бы с омраченным торжеством
> —
> Одним смеясь, другим кручинясь оком,
> Грустя на свадьбе, веселясь над гробом,
> Уравновесив радость и унынье, —
> В супруги взяли…

Акт I, сцена 2, строки 8–14

Жена Гамлета-старшего Гертруда (мать принца Гамлета) вышла замуж за нового короля, в прошлом — своего деверя.

Это очень важно. кто-то проявил государственную мудрость. Если порядок престолонаследия

вызывает спор, трон можно получить, связав себя с предыдущим королем — особенно если этот король был популярен или успешно управлял государством. Новый король мог заявить, что он приемный сын старого правителя, или жениться на его дочери. Можно было жениться и на вдове покойного, если та была достаточно молода, чтобы произвести на свет наследника. (В то время множество женщин умирало от ранних и частых родов, поэтому жен короли меняли довольно часто, и королева, пережившая супруга, вполне могла быть намного моложе покойного.)

В истории, рассказанной Саксоном Грамматиком, брат-наследник женится на вдове брата-предшественника; во времена Саксона это было вполне обычным делом. Именно так поступил король Кнуд, события жизни которого положены в основу сюжета «Гамлета».

Когда в 1016 г. Кнуд стал королем Англии, он лишил трона юных сыновей местного короля Этельреда II. Чтобы придать этому видимость законности и заставить англичан примириться с тем, что их король — датчанин, он женился на Эмме, вдове Этельреда.

Нельзя сказать, что история Этельреда, Кнуда и Эммы оказала непосредственное влияние не

только на Шекспира, но даже на Саксона Грамматика, однако в XI в. государственные дела вершили именно так. То, что нам кажется непристойным кровосмешением, во время написания пьесы выглядело совсем по-другому. Во всяком случае, елизаветинская публика, которой та эпоха была намного ближе, чем нам, смотрела на такие вещи иначе.

«…Норвежца»

Объявив (главным образом для сведения публики) о своем восшествии на престол и браке, король Клавдий переходит к государственным делам. Он отправляет в Норвегию двух послов, Корнелия и Вольтиманда, вручает им письмо, которое следует передать тамошнему королю, и говорит:

> Мы просим этим
> Письмом норвежца, дядю Фортинбраса,
> Который, немощный, едва ль что слышал
> О замыслах племянника, пресечь

Его шаги…

Акт I, сцена 2, строки 27–31

Любопытно, что ситуация в Норвегии сложилась точно так же, как и в самой Дании: Фортинбрасу-старшему наследовал его младший брат (безымянный), а в Дании трон достался младшему брату Гамлета-старшего Клавдию. В Норвегии отлучен от престолонаследия сын старшего брата, которого, как и отца, зовут Фортинбрасом; в Дании трон отобрали у сына старшего брата, которого, как и отца, зовут Гамлетом. Фортинбрас-младший затевает войну с угнетателями датчанами, но Гамлету-младшему предстоит сыграть совсем другую роль.

«…Твоему отцу»

Затем Клавдий обращается к Лаэрту, сыну влиятельного придворного (Лаэрт — имя греческое; согласно сказаниям, так звали отца Улисса (Одиссея). Король Клавдий знает, что у Лаэрта есть просьба, и заверяет, что юноша может ее изложить, не боясь отказа. Он говорит:

Не так родима сердцу голова,
Не так рука услужлива устам,

Как датский скипетр твоему отцу.

Акт I, сцена 2, строки 47–49

Пылкая любовь Клавдия к отцу Лаэрта (как выясняется позже, его зовут Полоний) выглядит довольно странно. Причина ее в пьесе прямо не названа. В изображении Шекспира Полоний старый зануда, постоянно ошибающийся и дающий советы, которые ведут к катастрофе. Но тогда почему хитрый Клавдий так высоко его ценит?

Логично предположить, что Полоний оказал Клавдию большую услугу, о которой нам неизвестно; вероятно, он помог новому королю взойти на престол. Не Полоний ли уговорил вельмож высказаться в пользу брата, а не сына покойного короля? Или он убедил овдовевшую королеву выйти замуж за своего деверя? Остается только гадать.

Если то или другое верно, становится понятной причина острой антипатии, которую принц Гамлет испытывает к старому придворному; иначе эту антипатию объяснить нечем.

Видимо, елизаветинская публика, знакомая с дворцовыми интригами куда лучше нас, ни в каких объяснениях не нуждалась.

«Во Францию вернуться…»

Просьба Лаэрта проста. Он учится за границей. Как лояльный подданный, юноша прибыл на коронацию. Теперь коронация позади, и Лаэрт просит:

> Мой государь,
> Дозвольте мне во Францию вернуться…

Акт I, сцена 2, строки 50–51

В эпоху позднего Средневековья Парижский университет считался лучшим учебным заведением Западной Европы; само собой разумеется, что именно там и должен был учиться Лаэрт. Однако ради соблюдения точности следует напомнить, что этот университет был основан не раньше 1150 г. — спустя целый век после предполагаемого времени действия «Гамлета». Впрочем, это мелочь: у Шекспира встречаются анахронизмы более поразительные.

«…Свой черный цвет…»

Король милостиво разрешает Лаэрту уехать,

а затем обращается к человеку, который до сих пор мрачно хранил молчание и портил праздник траурным облачением.

Елизаветинской публике не требовалось объяснять, что король Клавдий и принц Гамлет враждуют; само существование первого представляет собой смертельную угрозу для второго. Они обращаются друг к другу с холодной и расчетливой вежливостью.

Королева разрывается между ними. Ее зовут Гертруда: имя это тевтонское и является производным от приведенного Саксоном Грамматиком имени Герута. Она приходится женой одному, матерью другому и любит обоих. Гертруда пытается наладить между ними дружеские отношения и говорит Гамлету:

> Мой милый Гамлет, сбрось свой черный цвет,
> Взгляни как друг на датского владыку.

Акт I, сцена 2, строки 68–69

Современную публику поражает ее бестактность. Молодой Гамлет любил отца и оплакивает его память. После смерти отца прошло не так уж много времени; как можно уговаривать принца снять траур?

Конечно, умом Гертруда не блещет. Вся пьеса показывает, что она туповата, плохо ориентируется в происходящем и не думает о последствиях своих действий.

Но здесь дело не в этом. Королевский брак положил конец трауру; теперь сознательное напоминание о старом короле выглядит оскорблением. Гамлет — естественный противник такого престолонаследия, и, если принц продолжает носить траур, ясно, что он не испытывает радости при виде нового короля. Это равносильно откровенным притязаниям на трон. Это прекрасно понимают как Клавдий, так и елизаветинская публика (поднаторевшая в вопросах спорного престолонаследия).

Гертруда знает, что открытая враждебность закончится смертью либо мужа, либо сына, либо обоих, и именно поэтому уговаривает Гамлета снять траур.

«…Всех ближе к нашему престолу»

Гамлет отказывается снять траур, объясняя его глубокой скорбью по отцу и намекая на то, что никакого политического значения это не имеет.

Как можно догадаться, Клавдий этому не верит. Он присоединяется к просьбе Гертруды и даже

предлагает племяннику взятку:

> …о нас помысли
> Как об отце; пусть не забудет мир,
> Что ты всех ближе к нашему престолу…

Акт I, сцена 2, строки 107–109

Иными словами, он обещает сделать Гамлета своим наследником. Если Гамлет не помешает Клавдию управлять королевством, он может рассчитывать на второй раунд. Но вот вопрос: можно ли верить Клавдию? Чуть позже Гамлет ясно дает понять, что лично он доверять дяде не собирается.

«…Для ученья в Виттенберг»

Король применяет политику кнута и пряника. Как и Лаэрт, Гамлет учился за границей. Но в отличие от Лаэрта ему не позволяют уехать. Клавдий говорит:

> Что до твоей заботы
> Вернуться для ученья в Виттенберг,
> Она с желаньем нашим в расхожденье.
> И я прошу тебя, склонись остаться

Здесь, в ласке и в утехе наших взоров…

Акт I, сцена 2, строки 112–116

Запрет звучит как объяснение в любви, но это никого не вводит в заблуждение. За границей Гамлет, возможно, начнет интриговать, искать иностранных союзников и собирать войско. При дворе же он будет на глазах у подозрительного дяди и отчима и в пределах его досягаемости.

Учеба Гамлета в Виттенберге — еще больший анахронизм, чем учеба Лаэрта в Париже. Виттенберг — немецкий город, расположенный в 55 милях (88 км) к юго-западу от Берлина и в 300 с небольшим миль (около 500 км) к югу от Эльсинора. Виттенбергский университет, в котором якобы учился Гамлет, был основан лишь в 1502 г.

Этот город прославился в 1508 г., всего через шесть лет после основания университета, когда в него поступил молодой монах по имени Мартин Лютер. Именно в Виттенберге Лютер заложил основы учения, которое теперь называют лютеранством. Именно к дверям местного собора Лютер в 1517 г. прикрепил свой перечень девяноста пяти тем, предложенных им для диспута. Это положило начало протестантской Реформации.

Виттенбергский университет стал мозговым

центром лютеранства. Понятно, почему Шекспир счел его подходящим местом для учебы Гамлета: во времена Шекспира Дания (как и вся остальная Скандинавия) стала лютеранской. Реформаты проникли в Данию в 1536 г., при короле Кристиане III, который оказывал им покровительство.

Кстати, этот эпизод позволяет лучше понять историю с престолонаследием. В конце концов, принц Гамлет не слишком молод для того, чтобы стать королем; кроме того (как позже дважды указывается в пьесе), его любит народ. Почему же его обошли?

Ответ напрашивается сам собой: тогда Гамлета не было в Эльсиноре; вопрос о престолонаследии решался в его отсутствие. Как вскоре выясняется, Гамлет-старший умер внезапно и неожиданно; в то время Гамлет-младший был в Виттенберге. Можно не сомневаться, что Клавдий сделал все, чтобы новость о смерти отца дошла до принца как можно позже; лишь после этого Гамлет сумел вернуться в Эльсинор.

Все это заняло много времени; когда Гамлет приехал, выяснилось, что вопрос о престолонаследии уже решен.

«Гиперион по сравнению с сатиром»

Королева присоединяется к просьбе короля и молит Гамлета остаться при дворе. Гамлет не испытывает иллюзий: если не остаться добровольно, его задержат силой. Поэтому он холодно и формально соглашается; благодарность короля выражена столь преувеличенно, что граничит с сарказмом.

Двор уходит, Гамлет остается один и дает волю гневу. По его мнению, новый король в подметки не годится старому. Сравнивая обоих, он говорит:

> Такой достойнейший король! Сравнить их —
> *Феб и сатир.*

Акт I, сцена 2, строки 139–140

Гиперион — это титан и бог солнца, а сатир — лесной дух плодородия с рогами, копытами и козлиным задом. Сатир упоминается здесь потому, что самым главным качеством сатира, согласно мифам, была его ненасытная похоть (вполне уместная для духа плодородия).

Как можно догадаться, тут Гамлет необъекти-

вен. Он терпеть не может Клавдия и не видит в нем ничего хорошего, однако тот Клавдий, который описан в пьесе, не заслуживает столь уничижительной оценки. Если мы согласимся с точкой зрения Гамлета, пьеса многое потеряет.

«Как Ниобея, вся в слезах…»

Но Гамлет зол и на мать. Казалось, она любила отца и искренне оплакивала его смерть:

> …шла за гробом,
> Как Ниобея, вся в слезах, она…

Акт I, сцена 2, строки 148–149

Ниобея (Ниоба) — одна из самых трагических героинь греческих мифов. У Ниобы было шесть сыновей и шесть дочерей, поэтому она свысока смотрела на богиню Латону (Лето), которая родила только одного сына и одну дочь. Однако детьми Латоны были ни много ни мало бог Аполлон и богиня Артемида. Они отомстили за унижение матери, убив всех сыновей и дочерей Ниобы своими волшебными стрелами. Ниоба оплакивала смерть детей до тех пор, пока боги из сочувствия не превратили ее в камень — камень, из которого вечно сочится вода.

«А через месяц...»

Гамлета сердит то, что мать снова вышла замуж, и его можно понять. Большинство детей считает вступление одного из родителей в повторный брак предательством по отношению к покойному супругу или супруге. Не стоит доверять словам Гамлета о том, что новый муж матери не идет ни в какое сравнение со старым. Вполне возможно, что сохранившая если не молодость, то красоту Гертруда могла думать иначе.

Гамлет — старший был воинственным королем и великим полководцем; похоже, что в доспехах ему было уютнее, чем в супружеской постели. Клавдий, которого Гамлет-младший называет сатиром, мог оказаться более искусным любовником, чем его старший брат. Ему ничего не стоило, прибегнув к лести, вскружить Гертруде голову. Недалекая королева наверняка решила, что со вторым мужем ей крупно повезло.

Однако важнее другое. Что больше всего раздражает Гамлета в этом браке? Он говорит:

> А через месяц —
> Не думать бы об этом! Бренность, ты

Зовешься: женщина!..

Акт I, сцена 2, строки 145–147

Его сердит то, что браком сочетались невестка и деверь. Согласно строгим церковным правилам это считается кровосмешением. Однако государственные соображения часто заставляют королевских особ заключать браки, которые простым смертным запрещены; обычно церковь смотрит на подобное сквозь пальцы.

Но дело даже не в самом факте кровосмешения. Гамлета возмущает случившееся совсем по другой причине:

Гнусная поспешность —
Так броситься на одр кровосмешенья!

Акт I, сцена 2, строки 156–157

Дело в *спешке*, с которой был заключен брак. Вот что не дает Гамлету покоя, вот почему он возвращается к этой мысли снова и снова.

Негодование, вызванное у Гамлета кровосмесительным браком королевы, позволяет многим критикам утверждать, что это признак неосознанной любви, которую Гамлет испытывает к собственной матери. Они считают это негодование классическим проявлением эдипова

комплекса и трактуют его с фрейдистских позиций: обида принца вызвана уверенностью в том, что в постель его матери забрался чужой человек.

Однако от этой гипотезы не останется камня на камне, если вспомнить, что Гамлет негодует не столько на сам брак матери, сколько на его *поспешность*. Почему эта поспешность имеет такое значение?

Вот почему. Можно представить себе, что Гамлет как сумасшедший мчится в Эльсинор из Виттенберга, чтобы прибыть туда вовремя и предъявить права на престол. А когда он приезжает (может быть, недели через две после смерти отца), выясняется, что Клавдий уже объявил о предстоящем венчании с Гертрудой, что этот брак позволит не менять правила, установленные покойным королем, и этого оказалось достаточно, чтобы склонить знать (мнение которой становится важным при выборах короля) в пользу Клавдия.

Если бы Гертруда повременила, Гамлет успел бы вернуться и предъявить права на престол. В конце концов, при желании королева могла выйти замуж за Клавдия, несмотря на все возражения и жалобы Гамлета.

Следовательно, Гамлета выводит из себя не брак матери, а именно его поспешность. Приехав в Эльсинор, он обнаружил, что обязан смириться с принятым решением и присутствовать на бракосочетании. Единственный признак неповиновения, который он себе позволяет, — это траурная одежда.

А если этот поспешный брак организовал Полоний, этого более чем достаточно, чтобы объяснить неприязнь Гамлета к старому придворному.

Неужели Гертруда не понимала, что этот брак лишил сына престола? Возможно, так оно и было. Возможно, ей льстила любовь нового короля; возможно, ей хотелось остаться правящей королевой (при сыне она была бы всего-навсего королевой-матерью, а это совсем иное положение); кроме того, Гертруде, вероятно, и в голову не пришло, что сын обидится. В конце концов, он ведь остался наследником, не так ли?

Но Гамлет все же обиделся, причем обиделся смертельно. Доказательства этого можно найти в истории царствования Кнуда.

Когда Кнуд женился на Эмме, вдове предыдущего короля, детей Эммы и Этельреда отстранили от престолонаследия. После смерти Кнуда трон

достался не детям Эммы, а детям нового короля (один из которых был общим ребенком Кнуда и Эммы). Но в 1042 г., через семь лет после смерти Кнуда, один из сыновей Этельреда все же взошел на британский престол. Это был Эдуард Исповедник.

Как явствует из прозвища Эдуарда, он был набожным королем и в конце концов стал святым. Мальчик был тихим и вежливым, но вызывал у матери такую неприязнь, что она не пожелала оставить ему трон. Став королем, Эдуард тут же отправил мать в монастырь, где она оставалась до конца своих дней.

Гамлет оказался в точно такой же ситуации, как и Эдуард, но он не был святым и относился к поступку матери без всякого снисхождения. Если так, то при чем тут эдипов комплекс? Действия принца объясняются не подсознательной любовью, а осознанной ненавистью, для которой у Гамлета были все основания.

«...Вновь придет он»

Однако больше всего в истории с потерей трона Гамлета удручает безвыходность ситуации, которую он не в силах изменить. Принц говорит:

Но смолкни, сердце, скован мой язык!

Акт I, сцена 2, строка 158

Гамлет в полном отчаянии, но тут входят Горацио, Марцелл и Бернардо. Гамлет с удивлением узнает в Горацио своего однокашника по Виттенбергу, но после взаимных приветствий Горацио рассказывает Гамлету о появлении Призрака.

Гамлет на мгновение каменеет, но затем пробуждается его острый ум, и принц с жаром выспрашивает подробности. В конце концов он соглашается прийти на крепостную площадку и говорит:

Сегодня буду с вами;
Быть может, вновь придет он.

Акт I, сцена 2, строки 242–243

(Любопытно, что на театральном жаргоне выражение «идет призрак» означает скорую выплату жалованья. Согласно одной из театральных баек, оно возникло благодаря исполнителю роли Призрака в одной из постановок «Гамлета». Недовольный задержкой выплаты, он вышел на сцену, но в последний момент отказался произнести свою реплику. Смущенному управляющему

пришлось заплатить ему немедленно. Вот так и возникло выражение «идет призрак».)

Депрессия Гамлета сменяется нетерпеливым ожиданием. Принц не знает, что скажет Призрак, но любое изменение ситуации дает ему шанс. Он говорит:

> Дело плохо. Здесь что-то кроется. Скорей бы ночь!
>
> Терпи, душа.

Акт I, сцена 2, строки 255–257

«Великие в желаниях не властны…»

Третья сцена начинается в доме придворного Полония. Его сын Лаэрт готов отправиться в Париж. Рядом с Лаэртом стоит его сестра Офелия, которую, похоже, любит Гамлет. (Если Гамлет терпеть не может отца своей возлюбленной, значит, у него есть для этого веские основания.)

Лаэрт предупреждает сестру, чтобы она не принимала ухаживания Гамлета всерьез. Даже если чувство принца искренне, он не хозяин самому себе. Лаэрт объясняет:

> Великие в желаниях не властны;

Он в подданстве у своего рожденья;
Он сам себе не режет свой кусок,
Как прочие; от выбора его
Зависят жизнь и здравье всей державы,
И в нем он связан изволеньем тела,
Которому он голова.

Акт I, сцена 3, строки 17–22

Лаэрт тщательно объясняет то, что Офелия прекрасно знает и без него, а елизаветинская публика — и подавно.

Но тогда зачем он это делает? Может быть, речь идет не столько о браке принца, сколько о браке короля? Разве в словах Лаэрта нет указания на то, что брак Клавдия и Гертруды, возможно, заключен по любви, но в первую очередь — по государственным соображениям? Если так, то резонно предположить, что Гамлет, каким бы благородным ни казалось его отношение к этому браку, увы, не сознает, что он заключен во имя безопасности государства.

«В долг не бери и взаймы не давай…»

Входит Полоний и читает сыну набившую оскомину нравоучительную лекцию, представ-

ляющую набор банальностей, которые Лаэрт выслушивает с терпением, достойным восхищения. Среди его перлов есть и такой:

> В долг не бери и взаймы не давай;
> Легко и ссуду потерять, и друга,
> А займы тупят лезвие хозяйства.

Акт I, сцена 3, строки 75–77

Лучшего подарка бессердечным людям литература сделать не могла. Даже самые толстокожие типы, не знающие ни одной другой строчки Шекспира, эту строку знают назубок и цитируют ее при малейшем намеке на то, что кто-то нуждается в помощи.

Когда Лаэрт уходит, Полоний спрашивает Офелию, о чем она говорила с братом. Покорная дочь признается, что речь шла о Гамлете. Полоний, не сговариваясь с сыном, тоже предупреждает Офелию, что иметь дело с принцем опасно, и приказывает дочери порвать с ним.

«Похвальнее нарушить…»

Снова наступает ночь, и Гамлет присоединяется к Горацио и Марцеллу на крепостной стене. Внезапно раздаются звуки трубы и слышатся

выстрелы. Испуганный Горацио спрашивает, что случилось. Гамлет вынужден объяснить, что король пирует. Когда он выпивает бокал вина, это радостное событие отмечается звуком труб, барабанной дробью и выстрелом из пушки. Гамлет говорит, что таков обычай, и продолжает:

> По мне, однако, хоть я здесь родился
> И свыкся с нравами, — обычай этот
> Похвальнее нарушить, чем блюсти.
> Тупой разгул на запад и восток
> Позорит нас среди других народов;
> Нас называют пьяницами…

Акт I, сцена 4, строки 14–19

Реплика «похвальнее нарушить, чем блюсти» означает, что Гамлет склонен не поддерживать обычаи, а нарушать их. Он осуждает поведение Клавдия — из ненависти то ли к пьянству, то ли ко всему, что делает новый король.

Немаловажный факт: Гамлет говорит, что репутацию пьяницы имеет не Клавдий, а все датчане вообще. Во многих постановках «Гамлета» Клавдий большую часть времени полупьян, однако это несправедливо и умаляет значение многих событий, описанных в пьесе.

В тексте нет и намека на то, что Клавдий — пья-

ница. Перед нами скорее умный и осторожный монарх, достойный противник Гамлета.

«Проклятый дух…»

Призрак появляется снова. Гамлет потрясен, но тем не менее дерзко бросается вперед. Он восклицает:

> Блаженный ты или проклятый дух,
> Овеян небом иль геенной дышишь,
> Злых или добрых умыслов исполнен, —
> Твой образ так загадочен, что я
> К тебе взываю: Гамлет, повелитель,
> Отец, державный Датчанин, ответь мне!

Акт I, сцена 4, строки 40–45

Ясно, что сам Гамлет понятия не имеет о подлинной природе привидения. Она может быть какой угодно. Ему известно только одно: этот дух, кем бы он ни был, принял облик его отца. Раз так, Гамлет будет говорить с ним и готов на все, лишь бы Призрак согласился ему ответить. Принц не говорит, что Призрак — его отец. Он говорит: «Я буду *называть* тебя Гамлетом».

Призрак зовет Гамлета туда, где можно поговорить с глазу на глаз. Горацио приходит в ужас. Он не доверяет Призраку и говорит Гамлету:

Что, если вас он завлечет к волне
Иль на вершину грозного утеса,
Нависшего над морем, чтобы там
Принять какой-нибудь ужасный облик,
Который в вас низложит власть рассудка
И ввергнет вас в безумие?

Акт I, сцена 4, строки 69–74

Но удержать Гамлета уже невозможно. Видимо, он считает, что, каковыми бы ни были намерения Призрака, стоит рискнуть, если есть надежда узнать то, что поможет ему выйти из тупика. Принц говорит:

Мой рок взывает,
И это тело в каждой малой жилке
Полно отваги, как Немейский лев.

Акт I, сцена 4, строки 81–83

Речь идет о чудовище, сразив которое Геркулес совершил свой первый подвиг. Это был огромный и могучий лев, наводивший ужас на долину

реки Немея.

Гамлет вырывается и бежит следом за Призраком. Друзьям принца остается лишь следовать за ним. Марцелл произносит скорбную фразу, которая вошла в пословицу:

Подгнило что-то в Датском государстве.

Акт I, сцена 4, строка 90

«…Помчался к мести»

Оставшись с Гамлетом наедине, Призрак начинает говорить, причем сразу называет себя:

Я дух, я твой отец.

Акт I, сцена 5, строка 9

Затем Призрак сообщает, почему он пришел и чего он хочет от Гамлета. Говоря о себе в третьем лице, Призрак требует:

Отомсти за гнусное его убийство.

Акт I, сцена 5, строка 25

Потрясенный Гамлет требует подробностей. Он восклицает:

Скажи скорей, чтоб я на крыльях быстрых,
Как помысел, как страстные мечтанья,
Помчался к мести.

Акт I, сцена 5, строки 29–31

Перед нами первое указание на то, что главная тема «Гамлета» — это тема мести. Первоначальный вариант легенды, которую исполняли барды, не оставлял сомнений в том, что речь идет о преступлении, совершенном викингами против викингов, и мести за него. Акцент делался на воинских подвигах, совершенных во имя мести сыном убитого.

Во времена Саксона Грамматика сыну пришлось проявить не столько силу, сколько ум. Однако никакой тайны у Саксона нет. Убийство совершено, и о нем знают все.

В 1580–х гг. на английской сцене ставили пьесу «Гамлет», принадлежавшую другому автору. К несчастью, эта пьеса не сохранилась; мы знаем о ее существовании только по кратким отзывам. Возможно, автором этого «Ур-Гамлета» (немецкая приставка, означающая «ранний» или «первоначальный») был Томас Кид, умерший в 1595 г. в возрасте двадцати восьми лет.

Кид был любителем мелодрам и трагедий в стиле Сенеки. Его самая известная пьеса «Испанская трагедия», опубликованная в 1594 г., перенасыщена призраками, благодаря которым и развивается сюжет, посвященный мести. Если Кид написал и «Ур-Гамлета», то для него это была проба пера перед «Испанской трагедией». Именно в «Ур-Гамлете» впервые появлялся Призрак. Если так, то убийство было тайным и осталось нераскрытым, иначе Призраку просто нечего было бы говорить.

Видимо, эта пьеса времен юности Кида страдала чудовищными преувеличениями. Судя по отзывам, она была кровавой и напыщенной. Английский драматург Томас Лодж в 1596 г. писал, что Призрак вопил в ней, как базарная торговка: «Гамлет, отомсти!»

Шекспир сохранил и Призрака, и мотив мести, но добавил множество нюансов, которые в «Ур-Гамлете» наверняка отсутствовали.

Следует обратить внимание, что при первом упоминании о мести Гамлет (импульсивный и легко воспламеняющийся, нерешительным его может считать лишь тот, кто, по моему мнению, не понимает смысла пьесы) обещает мгновенно выполнить наказ. Но вскоре он поймет, что

сделать это невозможно. Первая идея пьесы заключается в том, что месть — дело трудное, а вторая — что всякая месть бесплодна.

«Блудный зверь…»

Призрак рассказывает свою историю. Согласно официальной версии, Гамлет-старший умер, потому что его ужалила змея. Однако Призрак говорит:

> …но знай, мой сын достойный:
> Змей, поразивший твоего отца,
> Надел его венец.
>
> ***Акт I, сцена 5, строки 38–40***

Значит, Клавдий — не только «злой дядя», но и убийца. Призрак не оставляет никаких сомнений. Он продолжает:

> Да, этот блудный зверь, кровосмеситель,
> Волшбой ума, коварства черным даром —
> О гнусный ум и гнусный дар, что властны
> Так обольщать! — склонил к постыд-

ным ласкам
Мою, казалось, чистую жену…

Акт I, сцена 5, строки 42–46

Призрак говорит не только о кровосмешении, но и о супружеской измене. Действительно, в 1576 г. французский писатель Франсуа де Бельфоре составил свой вариант истории Гамлета, изложенной Саксоном Грамматиком. У него Гертруда становится любовницей Клавдия еще при жизни Гамлета-старшего. Тот же намек содержится и в этом эпизоде, и в других местах пьесы. Однако Шекспир не заостряет на этом внимание, концентрируясь исключительно на противостоянии Клавдия и Гамлета.

И в самом деле, Призрак пытается выгородить Гертруду. Он говорит:

Но, как бы это дело ни повел ты,
Не запятнай себя, не умышляй
На мать свою; с нее довольно неба
И терний, что в груди у ней живут,
Язвя и жаля.

Акт I, сцена 5, строки 85–88

Призрак не может объяснить, почему Гертруда предпочла Гамлету-старшему Клавдия; по его

мнению, это извращение. Он говорит:

> Так похоть, будь с ней ангел лучезарный,
> Пресытится и на небесном ложе,
> Тоскуя по отбросам.
>
> ***Акт I, сцена 5, строки 55–57***

Лично я считаю, что здесь Шекспир намеренно ироничен. Стоит сыграть этот эпизод в соответствии с контекстом (конечно, если это не будет противоречить замыслу режиссера), и в зале наверняка раздастся смех. Призрак Гамлета-старшего называет себя «лучезарным ангелом», поэтому мы имеем полное право заподозрить его в отсутствии объективности. Если Клавдий действительно был «отбросом», то без «волшбы» он обойтись не мог. Конечно, обаятельный, веселый и умный младший брат для человека, который считал себя «лучезарным ангелом», всего лишь «отбросы», однако неудовлетворенная женщина, возможно, посчитает того же младшего брата весьма привлекательным.

«…Что можно жить с улыбкой и с улыбкой быть подлецом»

Но наступает рассвет, и Призраку приходится уйти. Гамлет остается один и начинает обдумывать план мести. Шекспир дает нам полную возможность следить за ходом его мысли и размышлять о том, что из этого получится (потому что мы прекрасно знаем, что будет дальше).

Во-первых, Гамлет ни на мгновение не сомневается в словах Призрака. Видимо, Призрак очень убедительно копирует манеру речи покойного короля. Чуть позже Гамлет говорит об этом Горацио:

> А что до привиденья,
> То это честный дух, скажу вам прямо.
>
> ***Акт I, сцена 5, строки 137–138***

Не сомневается Гамлет и в том, что Клавдий убил его отца. У принца есть причина ненавидеть Клавдия, укравшего у него трон, поэтому он готов поверить любому обвинению в адрес дяди; доказательств ему не требуется. Когда Призрак впервые называет Клавдия убийцей, Гамлет говорит:

О вещая моя душа! Мой дядя?

Акт I, сцена 5, строки 40–41

Он это чувствовал! Знал заранее!

Но если Гамлет уверен, что Призрак говорит правду, не сомневается в том, что его дядя — убийца, и клянется помчаться к мести, «как помысел», то почему же он этого не делает?

Это же проще простого. Стоит только оказаться неподалеку от Клавдия или преднамеренно приблизиться к нему, выхватить кинжал — и дяди нет.

Подобный вопрос задают всегда. Гамлета изображают человеком нерешительным, мыслителем, неспособным на действие, и придумывают тысячи сложных объяснений (часто сугубо фрейдистских).

Однако я считаю, что ничего сложного тут нет. Если бы Гамлет стремился к мести только ради мести, если бы он хотел отплатить за убийство отца любой ценой, то казнил бы Клавдия немедленно, как только смог бы коснуться его тела кинжалом.

Но Гамлету этого недостаточно (о чем говорит множество намеков, разбросанных по всей пьесе). Он хочет стать королем. Убийство Клавдия на

глазах возмущенных солдат и придворных, после чего его схватят и немедленно казнят, Гамлета совершенно не устраивает. Даже если принцу удастся убить Клавдия и спастись бегством, как после этого убедить датских вельмож сделать его королем?

Если бы Гамлет мог раскрыть правду об убийстве отца, можно не сомневаться, что он сверг бы короля и сам сел бы на трон. Тогда он мог бы убить Клавдия или казнить его, причем на совершенно законных основаниях. Возможен и другой вариант: сначала принц убивает Клавдия, потом доказывает, что Клавдий совершил цареубийство и что он сам не убийца, а мститель, после чего занимает престол.

Но как это сделать? Как доказать, что Клавдий — убийца?

У Гамлета нет доказательств, кроме слов Призрака, а кто им поверит? Свидетели явления Призрака — трое простых солдат, слушать которых никто не станет, и Горацио, слово которого *могло бы* иметь вес. Но кто из них слышал рассказ Призрака? Никто. Призрак говорил только с Гамлетом, без свидетелей. Да и кто может поручиться, что Призрак — не лживый злой дух? Снова никто. Разве что Гамлет, но он — лицо

заинтересованное.

С другой стороны, если Клавдий действительно пьяный гуляка, бездарный король, жестокий тиран, то в чем проблема? Тогда двор избавился бы от него с наслаждением и поверил бы любой сказке, даже самой невероятной, которая придавала бы убийству видимость справедливой казни.

Но все дело в том, что Клавдия *любят.* Он обаятелен, что признает даже Призрак, и с помощью этого дара ему удалось завоевать Гертруду. На протяжении всей пьесы мы убеждаемся, что Клавдий — король умный и способный; если бы он получил и сохранил корону другим способом, то понравился бы и нам. Более того, позже мы увидим, как он побеждает Лаэрта, проявив в момент величайшей опасности ум, смелость и обаяние.

Разве подобного короля можно убить и оправдаться, ссылаясь на бредни какого-то призрака?

Если Гамлет думал именно об этом, то должен был понять, что убить Клавдия открыто, а затем стать королем невозможно просто потому, что Клавдий — приятный и симпатичный малый. В доказательство справедливости этой догадки приведем слова раздосадованного Гамлета:

Улыбчивый подлец, подлец проклятый! —
Мои таблички, — надо записать,
Что можно жить с улыбкой и с улыбкой
Быть подлецом.

Акт I, сцена 5, строки 106–108

Клавдий — злодей и должен быть убит, но он — улыбающийся злодей, которого убивать опасно. (Необходимо тщательно проанализировать образ мыслей Гамлета, иначе его фраза об «улыбчивом подлеце» покажется нелогичной.)

Гамлет мрачно подчеркивает эту мысль. Он знает себя. Принца можно упрекнуть в чем угодно, но только не в нерешительности; по ходу пьесы он несколько раз впадает в гнев и совершает импульсивные поступки. Гамлет то и дело напоминает себе, что, если он хочет стать королем, торопиться нельзя.

«И в небе и в земле сокрыто больше…»

Больше всего на свете Гамлету нужно время. Он должен составить план действий и претворить его в жизнь так осторожно, чтобы Клавдий ничего не заподозрил. Более того, Гамлет начи-

нает сознавать, что уже подверг себя опасности. Клавдий мог не поверить, что Гамлет продолжает носить траур только в знак скорби по отцу; это опасно само по себе. Но если Клавдий действительно убийца и догадывается, что стоит правде выйти наружу, как принц превратится в демона мщения, он будет в десять раз подозрительнее, а потому угроза жизни Гамлета тоже возрастет десятикратно.

После ухода Призрака к Гамлету подходят Горацио и Марцелл, и какое-то время принц говорит с ними бессвязно; он лихорадочно ищет способы достижения цели и не в состоянии беседовать с друзьями.

Однако, когда Гамлету удается осмыслить ситуацию, он действует быстро. Во-первых, заставляет Горацио и Марцелла поклясться, что они будут молчать. Если Клавдий узнает, что Гамлет беседовал с тенью своего покойного отца, то поймет, что Гамлет узнал правду, и тут же нанесет удар.

Рационалист Горацио дает клятву, но все еще не может поверить в случившееся. Гамлет рассеивает его сомнения двумя знаменитыми строчками:

И в небе и в земле сокрыто больше,

Чем снится вашей мудрости, Горацио.

Акт I, сцена 5, строки 166–167[29]

«Ваша философия» (здесь «ваша» означает не «философия Горацио», а философия вообще) в данном случае-то, что сейчас называют наукой. (Слово «наука» стали использовать в этом смысле только в XIX в.)

Эти две строчки три с половиной века использовали для посрамления того, что считалось догматизмом науки, и обычно цитировали мистики всех мастей.

Тем не менее сами ученые признают правоту этих строк — иначе научные исследования были бы не нужны вообще — и смиренно ищут то, что еще никому не снилось. В отличие от них мистики ничего не ищут, но думают, что они «знают» (с помощью откровений, интуиции и других сверхъестественных способов), а потому надменными, дерзкими и хвастливыми следует называть именно их, а не скромных естествоиспытателей.

---

[29] Примечания: 29

В оригинале: «…вашей философии…» — *Е. К.*

«В причуды облекаться иногда…»

Гамлет приходит к выводу, что необходимо избрать тактику выжидания. Он берет с Горацио и Марцелла клятву никогда не упоминать об этом происшествии, что бы ни делал сам принц. Гамлет предупреждает их, что его дальнейшие поступки могут показаться странными:

> Затем, что я сочту, быть может, нужным
> В причуды облекаться иногда…

Акт I, сцена 5, строки 171–172

Нет смысла гадать, действительно ли Гамлет безумен или только притворяется. Конечно, притворяется. Он сам сказал это. И почему он притворялся, тоже не тайна. Это самое умное, что он мог сделать; следует помнить, что мы имеем дело не с современными предрассудками и даже не с предрассудками эпохи Шекспира, а с гораздо более древними, описанными у Саксона Грамматика, из хроники которого Шекспир позаимствовал идею безумия.

В языческие времена считали, что безумный отмечен печатью богов; такого человека уважали и

даже немного побаивались. Если Гамлет безумен, то любой поступок, который, будь принц в своем уме, сочли бы опасным для короля, теперь сойдет за безобидное чудачество. Более того, в таких обстоятельствах Клавдию будет трудно что- либо предпринять против сумасшедшего Гамлета, так как подобное преступление разгневает богов, которые могут наказать весь народ.

Возникает вопрос, не мог ли Шекспир позаимствовать эту уловку у язычников. (В христианские времена считали, что безумие — это одержимость бесами, посланная человеку в наказание за его грехи; таких людей не только не считали отмеченными Небом, но мучили — иногда беспощадно.) Несомненно, мог, потому что существовал хорошо известный исторический прецедент, в подлинности которого ни Шекспир, ни его современники не сомневались. Речь идет о Луции Юнии Бруте, который во времена царя Тарквиния притворялся, что страдает безобидной формой сумасшествия, чтобы спастись от подозрений тирана, которые могли стоить ему жизни. Когда пришло время, Брут сбросил маску и помог создать Римскую республику.

Гамлет притворяется безумным, стремясь обеспечить себе безопасность и выиграть время,

необходимое для разработки плана, который позволит ему стать королем.

Естественно, задача ему предстоит нелегкая. Роль сумасшедшего Гамлету не по душе, но более легкого способа справиться с хитрым и пользующимся популярностью Клавдием нет. Он мрачно говорит:

> Век расшатался — и скверней всего,
> Что я рожден восстановить его!

Акт I, сцена 5, строки 188–189

«Исступление любви…»

Между первым и вторым актами проходит некоторое время; видимо, в этом промежутке Гамлет сумел доказать, что он действительно лишился рассудка. Притворство должно было выглядеть убедительно, так как принц не может доверять никому, кроме Горацио (и то лишь потому, что Горацио был свидетелем истории с Призраком).

В частности, Гамлету приходится остерегаться Офелии. Точнее, не ее самой, потому что эта недалекая девушка ничуть не умнее глуповатой королевы Гертруды; беда в том, что Офелия нахо-

дится под башмаком у своего отца, ближайшего советника Клавдия. Мало того, Гамлет действительно любит Офелию, и это делает его вдвойне уязвимым. Отсюда следует, что перед Офелией Гамлету приходится изображать безумного изо всех сил. Именно это он и делает.

Сама сцена происходит за кулисами. Мы видим ее глазами Офелии, которая бежит к отцу и рассказывает, как странно вел себя Гамлет, когда нашел ее. Полоний тут же приходит к ошибочному заключению. Старик бранит себя за то, что приказал Офелии прервать дружеские отношения с Гамлетом; в результате бедный принц сошел с ума от горя. Он говорит:

> Идем со мной. Отыщем короля.
> Здесь точно исступление любви…

Акт II, сцена 1, строки 101–102

«Нет ли чего сокрытого…»

Конечно, Клавдий тоже заметил странности Гамлета, но он не дурак. Умом он уступает только Гамлету, а потому не верит в безумие принца. Из событий пьесы явствует, что Клавдий считает его безумие уловкой, удобной маской, прикрываясь

которой Гамлет готовит против него заговор.

Но Клавдию нужны доказательства. Мало кто замечает, что положение Клавдия ничем не лучше положения принца. Гамлет хочет убить короля, но и король хочет убить Гамлета. Однако Клавдий тоже не может просто убить принца. На троне он без году неделя, а потому положение его неустойчиво; убийство сына покойного короля может стоить ему короны. Гамлету мало просто убить короля, ему нужно сесть на трон. А королю мало убить Гамлета; при этом он должен сохранить за собой корону.

Клавдию нужен повод для убийства (как и Гамлету). Если король сумеет доказать, что Гамлет только симулирует безумие, чтобы прикрыть им государственную измену, он сможет казнить принца на законных основаниях; если Гамлет сумеет доказать, что Клавдий убил своего брата, то есть отца Гамлета, он сможет без помех убить преступника.

Нельзя считать, что в пьесе идет речь только об охоте Гамлета на короля; нет, Клавдий и принц охотятся друг на друга. Все зависит от того, кто первым найдет доказательства. Именно на этом и построен сюжет.

Во второй сцене второго акта Клавдий начина-

ет лихорадочные поиски. У него есть абсолютно невинная причина интересоваться здоровьем Гамлета: вполне естественно, что любящий отчим ищет способ помочь дорогому пасынку.

С этой целью Клавдий призывает ко двору Розенкранца и Гильденстерна, которые тоже учатся в Виттенберге и, как и Горацио, являются друзьями принца. Клавдий сообщает молодым людям о безумии Гамлета и наставляет их:

> …своим общеньем
> Вовлечь его в забавы и разведать,
> Насколько вам позволит случай, нет ли
> Чего сокрытого, чем он подавлен
> И что, узнав, мы властны исцелить.

Акт II, сцена 2, строки 14–18

В конце концов, есть шанс, что Гамлет (если он действительно только притворяется безумным, в чем убежден Клавдий) утратит бдительность, поделится своими планами со старыми друзьями и станет убеждать их примкнуть к заговору. Или хотя бы признается им, что он вовсе не сумасшедший. Одного этого признания будет достаточно, чтобы обвинить принца в заговоре.

Розенкранц и Гильденстерн соглашаются стать

шпионами короля. Резонно предположить, что они хорошо знакомы с дворцовыми интригами и даже без помощи Клавдия способны догадаться, что Гамлет стремится захватить власть, а Клавдий хочет задушить это намерение в зародыше. Они охотно соглашаются выполнить поручение: если король доверяет им столь важное дело, то, безусловно, щедро наградит их.

Ближе к концу пьесы, когда Розенкранц и Гильденстерн плывут навстречу собственной смерти, Гамлет наотрез отказывает им в сочувствии, хотя все устроил он сам. Принц говорит:

> Что ж, им была по сердцу эта должность;
> Они мне совесть не гнетут…

Акт V, сцена 2, строки 57–58

«Исход удачный»

Из Норвегии возвращаются послы (это лишний раз свидетельствует, что между первым и вторым актами прошло какое-то время); по крайней мере, этот кризис удалось преодолеть. Король Норвегии заставил Фортинбраса-младшего отказаться от войны с Данией. Вместо этого Фортинбрас

решил воевать с поляками и просит разрешения провести войско через датские земли.

Полоний доволен результатом:

> Исход удачный.
>
> ***Акт II, сцена 2, строка 85***

Это доказывает, что король из Клавдия получился толковый. Он был готов к войне, но не пренебрег дипломатией и добился своей цели без единого выстрела и не потеряв ни одного человека.

У датчан нет повода для недовольства Клавдием, и это еще больше осложняет задачу Гамлета.

«Я вышлю дочь...»

Затем к королю подходит Полоний с известием, которое сильно влияет на последующие события. Когда старик чуть раньше объявлял о прибытии послов, он обмолвился, что выяснил причину сумасшествия принца. Клавдий, с жадностью ухватившись за эту реплику, воскликнул:

> О, так скажи: я жажду это слышать.
>
> ***Акт II, сцена 2, строка 50***

Клавдий считает угрозу, исходящую от Гамлета, куда более серьезной, чем нападение какой-то Норвегии. Но Полоний, конечно, настаивает на том, чтобы сначала принять послов. Он слишком туп, чтобы понять тревогу короля, и Клавдию приходится уступить.

Когда послы наконец уходят, Полоний принимается нудно разглагольствовать. Королева выходит из себя, но король, который должен сгорать от нетерпения, умудряется сохранить присущее ему обаяние.

Наконец Полоний делится своей догадкой, что Гамлет сошел с ума от любви.

Конечно, Клавдий жестоко разочарован словами Полония; лично он уверен, что за маской безумия кроется нечто более важное. Но улик нет. Поэтому он позволяет себе лишь слегка усомниться в словах старого царедворца:

По-вашему, он прав?

Акт II, сцена 2, строка 151

Когда Полоний принимается с пеной у рта доказывать, что так оно и есть, Клавдий терпеливо отвечает:

Как нам доискаться?

Акт II, сцена 2, строка 159

У Полония тут же созревает план. Гамлет часто приходит в комнату, где сейчас находятся король, королева и Полоний. Старик предлагает этим воспользоваться:

В такой вот час к нему я вышлю дочь;
Мы с вами станем за ковром; посмотрим
Их встречу.

Акт II, сцена 2, строки 162–164

Король соглашается. Возможно, наедине с Офелией принц забудет об осторожности и выдаст себя. В конце концов, догадки самого Полония не имеют значения.

«…В нем есть последовательность»

Входит Гамлет с книгой в руках. В пьесе не сказано, что он подслушал предыдущий разговор, но, если предположить, что принц знает о плане Полония, это полностью объяснит последующие события. Может быть, Гамлет услышал, что

король и Полоний о чем-то серьезно беседуют, неслышно подошел к арке, начал подслушивать и вошел лишь после того, как беседа закончилась.

Увидев Гамлета, Полоний предлагает разведать его планы; этот болван очень высокого мнения о своей проницательности.

Гамлет же терпеть не может Полония (о причинах острой неприязни принца к Полонию говорилось выше); если он подслушал план придворного использовать в качестве приманки собственную дочь, это вряд ли добавило ему уважения к старику.

Поэтому Гамлет вступает с ним в словесную дуэль. С виду речи принца кажутся бессвязными, и все же в них есть логика, которая сбивает Полония с толку.

Так, Гамлет туманно намекает на дочь Полония, отрывисто бросив:

> Не давайте ей гулять на солнце.
>
> ***Акт II, сцена 2, строка 185***

Эту фразу можно считать как предупреждением (тем более что Гамлет делает его нарочито грубо), так и мольбой не использовать Офелию в качестве приманки. Если мы примем версию, что Гамлет подслушал план Полония, то вполне

вероятно, что он жалеет девушку, которой будет вынужден причинить боль.

Естественно, Полоний этого не понимает; тогда Гамлет начинает рассказывать, что написано в книге, которую он читает:

> …этот сатирический плут говорит здесь, что у старых людей седые бороды, что лица их сморщенны, глаза источают густую камедь и сливовую смолу и что у них полнейшее отсутствие ума…

Акт II, сцена 2, строки 198–201

Не приходится сомневаться, что это выпад в адрес самого Полония. Намек на глупость Полония («полнейшее отсутствие ума») — жест отчаяния; старик ничего не понял и по-прежнему собирается использовать свою дочь в качестве оружия.

Полоний, окончательно сбитый с толку словами, кажущимися бессвязными и все же имеющими смысл, который он не в силах уловить, произносит знаменитую фразу:

> Хоть это и безумие, но в нем есть последовательность.

Акт II, сцена 2, строки 207–208

«…Ваше честолюбие…»

Полоний с позором ретируется, затем входят Розенкранц с Гильденстерном. Гамлет искренне рад видеть их, и они тут же начинают игру слов, понятную лишь однокашникам.

Затем Гамлет, который не в силах скрыть горечь, похоже, теряет бдительность в присутствии друзей-студентов и проговаривается, называя Данию тюрьмой. Когда Розенкранц возражает, Гамлет говорит:

> Ну, так для вас это не так; ибо нет ничего ни хорошего, ни плохого; это размышление делает все таковым; для меня она — тюрьма.

Акт II, сцена 2, строки 254–255

Розенкранц тут же настораживается. До сих пор слова Гамлета были вполне разумны; его недовольство Данией может означать только одно. Нужно заставить принца подтвердить это. Он говорит:

> Ну, так это ваше честолюбие делает ее тюрьмою: она слишком тесна для вашего духа.

Акт II, сцена 2, строки 256–257

Но управлять Гамлетом трудно; для этого он слишком умен. Можно поклясться, что слово «честолюбие» действует на него как красная тряпка на быка. Он тут же возвращается к имитации безумия и отвечает на фразу «…она [30] слишком тесна для вашего духа» слегка невпопад:

> О боже, я мог бы замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны.

Акт II, сцена 2, строки 258–260

Если бы ложные друзья пропустили эту реплику мимо ушей, Гамлет, возможно, успокоился бы. Но Гильденстерн решает, что нужно ковать железо, пока горячо, и продолжает гнуть свою линию:

---

[30] Примечания: 30
Дания

А эти сны и суть честолюбие…

Акт II, сцена 2, строка 261

Достаточно было дважды повторить слово «честолюбие», чтобы Гамлет понял, чего добиваются Розенкранц с Гильденстерном и как они попали в Данию. Принц заставляет друзей признаться, что их вызвал король. Ясно одно: второй возможности что-то выведать у Гамлета им не представится.

«…Геркулеса вместе с его ношей»

Но у Розенкранца и Гильденстерна тоже есть новости. В Эльсинор прибыла бродячая труппа актеров, чтобы развлечь двор, и Гамлет тут же загорается. Это характеризует принца как человека эпохи Возрождения, интересующегося всем и вся и способного на все; кроме того, этот сюжетный поворот позволяет Шекспиру «прокомментировать» театральную жизнь своего времени. Гамлет спрашивает:

И власть забрали дети?

Акт II, сцена 2, строка 368

Здесь имеются в виду детские труппы (в основном певческие), которые приобрели популярность и успешно конкурировали с взрослыми актерами. Розенкранц отвечает:

> Да, принц, забрали; Геркулеса вместе с его ношей.

Акт II, сцена 2, строки 369–370

Чтобы совершить одиннадцатый подвиг — добыть золотые яблоки гесперид, — Геркулес воспользовался помощью титана Атланта, который держал на плечах небо. Геркулес избавил гиганта от его ноши, пока Атлант ходил за яблоками. Позже Атланта стали изображать держащим на плече не небо, а землю, поэтому, вполне естественно, представляли, что Геркулес избавил титана именно от этой ноши.

Реплику Розенкранца можно считать метафорой, показывающей, как легко дети справились со своей задачей.

Кроме того, на вывеске театра «Глобус», ставившего пьесы Шекспира во время написания «Гамлета», был изображен Геркулес с глобусом (именно поэтому театр и назывался «Глобус»), таким образом, фраза Розенкранца может быть завуалированным намеком на то, что даже театр

«Глобус» бессилен перед новой модой.

«Когда Росций был актером…»

Снова входит Полоний и сообщает, что актеры действительно прибыли. Гамлет, который казался вполне нормальным, когда речь шла о драме, тут же снова начинает играть роль сумасшедшего. Он затевает бессвязный разговор об актерах:

Когда Росций был актером в Риме…

Акт II, сцена 2, строки 399–400

Квинт Росций был самым знаменитым римским комиком в I в. до н. э. У него не гнушался брать уроки красноречия сам Цицерон. Когда в 76 г. до н. э. против Росция затеяли судебный процесс, предъявив иск на огромную сумму, Цицерон защищал его и произнес на суде знаменитую речь. А Сулла, который был римским диктатором с 82 по 79 г. до н. э., даже возвел Росция в ранг, соответствующий приблизительно британскому рыцарю.

Полоний не обращает на Гамлета никакого внимания и взахлеб расхваливает приехавших артистов. По его мнению, они такие разносторонние мастера, что

…у них и Сенека не слишком тяжел, и Плавт не слишком легок.

Акт II, сцена 2, строки 409–410

Сенека писал высокопарные кровавые трагедии. В отличие от него Тит Макций Плавт (III в. до н. э.) считался в Риме мастером грубоватого фарса. Невольно приходит в голову, что здесь Шекспир слегка похвалил за разносторонность самого себя, потому что он писал пьесы как в стиле тяжелого Сенеки («Тит Андроник»), так и в стиле легковесного Плавта («Комедия ошибок»).

«О Иеффай…»

Гамлет отвечает ему насмешливо и цитирует строку из баллады, широко известной во времена Шекспира:

О Иеффай, судья израильский, какое у тебя было сокровище!

Акт II, сцена 2, строки 412–413

Здесь речь идет об Иеффае, командующем израильской армией («судье»). Во время битвы с аммонитянами он поклялся принести в жертву

того, кто первым встретит его при возвращении домой. Полководец одержал победу, а когда вернулся, навстречу ему вышла дочь. Он сдержал клятву и позволил убить девушку на алтаре (Суд., 30: 40).

Это ужасная история; возможно, именно поэтому она была у всех на устах.

Похоже, Гамлет нещадно издевается над Полонием, который пожертвовал дочерью, тщетно пытаясь вывести Гамлета на чистую воду.

Когда Гамлет исполняет еще несколько строк и доходит до той, в которой сказано, что у Иеффая была любимая дочь, Полоний наконец понимает намек и говорит, что у него тоже есть любимая дочь. На что Гамлет мрачно отвечает:

> Нет, следует не это.
>
> ***Акт II, сцена 2, строка 422***

Если предположить, что Гамлет подслушал план короля и Полония, то реплика обретает новый смысл. Принц намекает на то, что Полоний на самом деле вовсе не любит дочь, если готов использовать ее как простую пешку в игре против дорогого для Офелии человека.

«…Пирр ищет старца…»

Но у Гамлета возникает план. Идея, которая должна была прийти ему в голову, как только он услышал, что в Эльсинор прибыли актеры. Эти актеры ему хорошо знакомы; Гамлет — поклонник театра и знает, что когда-то они вполне подошли бы для его целей. Но это было давно. Сохранили ли они свое мастерство?

Он должен проверить их. Гамлет просит одного из актеров с чувством прочитать что-нибудь и даже предлагает нужный ему текст. Это отрывок из пьесы, в котором Эней рассказывает Дидоне о гибели Трои. Тема сама по себе трагическая, но Гамлет выбирает самый душераздирающий эпизод — смерть старого царя Приама. Гамлет сам цитирует первые строки, заканчивающиеся словами:

> …с глазами
> Как два карбункула, Пирр ищет старца
> Приама.

Акт II, сцена 2, строки 474–475

Имя Пирра, сына Ахилла, связано с самыми чудовищными жестокостями, творившимися

при разграблении города.

Первый актер продолжает монолог и читает примерно тридцать строк, в которых описывается убийство Приама. Полоний с полным основанием перебивает:

> Это слишком длинно.
>
> ***Акт II, сцена 2, строка 509***

Но Гамлет, охваченный нетерпением, заставляет его замолчать. Принца интересует не сам монолог, а качество его исполнения. Он говорит:

> …продолжай; перейди к Гекубе.
>
> ***Акт II, сцена 2, строка 512***

Гекуба, жена Приама, во время взятия Трои испытывает нечеловеческие мучения.

Актер продолжает читать строки, посвященные несчастной царице, и изумленный Полоний замечает, что актер действительно начинает переживать описываемые им мучения:

> Смотрите, ведь он изменился в лице, и у него слезы на глазах.
>
> ***Акт II, сцена 2, строки 530–531***

«О мщенье!»

Симуляция безумия и долгое ожидание момента, когда можно будет что-то предпринять, доводят Гамлета до белого каления. Этот «нерешительный человек», каким его обычно себе представляют, сдерживается с величайшим трудом. Когда актеры уходят и принц остается на сцене один, его терпение кончается. Он сокрушается о том, что актер способен плакать из-за страданий давно умершей Гекубы, в то время как сам Гамлет вынужден притворяться и разыгрывать сумасшедшего, потому что все козыри в руках у дяди.

Он ругает себя с нарастающей силой:

Или я трус?
Кто скажет мне: «подлец»? Пробьет башку?
Клок вырвав бороды, швырнет в лицо?
Потянет за нос? Ложь забьет мне в глотку
До самых легких? Кто желает первый?
Ха!
ей-богу, я бы снес; ведь у меня
И печень голубиная — нет желчи,

Чтоб огорчаться злом; не то давно
Скормил бы я всем коршунам небес
Труп негодяя; хищник и подлец!
Блудливый, вероломный, злой подлец!
О мщенье!

Акт II, сцена 2, строки 582–593

«Зрелище — петля»

Но в последний момент, в бешенстве выкрикнув слово «месть», он берет себя в руки и успокаивается. Наступает пауза, и Гамлет тихо говорит:

Ну и осел же я!

Акт II, сцена 2, строка 594

Пора вернуться к делу. Ему нужно доказательство, не слова таинственного Призрака, на которые нельзя положиться, а неопровержимое доказательство, ясное всем и каждому; может быть, такое доказательство лежит на поверхности. Гамлет бормочет про себя:

К делу, мозг! Гм, я слыхал,
Что иногда преступники в театре

Бывали под воздействием игры
Так глубоко потрясены, что тут же
Свои провозглашали злодеянья…

Акт II, сцена 2, строки 599–604

Вероятно, Гамлет вспомнил греческий миф об Ивиковых журавлях, при виде которых разбойники испытали столь сильное потрясение, что выдали себя. Убедившись, что Первый актер сможет эмоционально прочитать монолог, Гамлет попросил сыграть пьесу «Убийство Гонзаго», а затем спросил актера:

Вы могли бы, если потребуется, выучить монолог в каких-нибудь двенадцать или шестнадцать строк, которые я бы сочинил и вставил туда? Могли бы вы?

Акт II, сцена 2, строки 550–553

Так можно убить сразу двух зайцев. Время от времени Гамлета продолжают грызть сомнения насчет Призрака. Честолюбие заставляет принца верить, но он умен и понимает, что может обмануться. Гамлет говорит:

Дух, представший мне,

Быть может, был и дьявол; дьявол властен
Облечься в милый образ…

Акт II, сцена 2, строки 610–612

Чтобы убедить и себя, и других, нужно действовать. Гамлет заканчивает длинную сцену, приняв твердое решение:

Зрелище — петля,
Чтоб заарканить совесть короля.

Акт II, сцена 2, строки 616–617

«…Под раскраской слов»

Розенкранц и Гильденстерн отчитываются перед королем и королевой. Они потерпели неудачу (благодаря собственной неловкости) и ничего не узнали. Ясно одно: Гамлета очень воодушевила мысль о пьесе, которую, как он надеется, придут посмотреть король и королева. Король сразу же соглашается. Любой поступок Гамлета может раскрыть его намерения, а король не хочет пропустить намек.

Розенкранц и Гильденстерн потерпели фиаско, но у Клавдия еще есть в запасе Офелия. Девушку

приводят на нужное место, и Полоний ворчливо приказывает ей читать молитвенник, чтобы ее присутствие выглядело невинно. Затем он разглагольствует о повсеместной распространенности ханжества, и король печально говорит в сторону:

> Ах, это слишком верно!
> Как больно мне по совести хлестнул он!
> Щека блудницы в наводных румянах
> Не так мерзка под лживой красотой,
> Как мой поступок под раскраской слов.
> О, тягостное бремя!

Акт III, сцена 1, строки 49–54

Из этой реплики публика впервые узнает, что король действительно виновен и что Призрак говорит правду. Кроме того, выясняется, что у короля все же *есть* совесть. Если бы Клавдий на самом деле был чудовищным злодеем, пьеса вряд ли могла бы «хлестнуть его по совести». Если бы пьесу смотрела Гонерилья (см. в гл. 1: «…В государственной измене»), она высидела бы представление не моргнув глазом и дерзко отрицала бы все выдвинутые против нее обвинения. Важно понимать, что Клавдий не чета Гонерилье;

именно на этом построен весь расчет Гамлета.

«Быть или не быть...»

Офелия занимает свое место. Королеву отсылают, а король и Полоний прячутся. Входит задумчивый Гамлет и читает монолог, самый знаменитый из всех монологов, написанных Шекспиром. Он начинается следующими строками:

> Быть или не быть — таков вопрос;
> Что благородней духом — покоряться
> Пращам и стрелам яростной судьбы
> Иль, ополчась на море смут, сразить их
> Противоборством?

Акт III, сцена 1, строки 55–60

На первый взгляд это размышление о самоубийстве. Гамлету кажется, что каждый покончил бы с собой и покинул бы этот несчастный мир, если бы был уверен, что по ту сторону его не ждет неизвестный и еще более невыносимый ужас.

Неужели Гамлет всерьез думает расстаться с жизнью и его не спасает от этих размышлений даже перспектива вечно гореть в адском пламени?

В это трудно поверить, потому что Гамлет всю

пьесу только и делает, что пытается избежать смерти. Самоубийство — грех, но если он позволит Клавдию казнить себя, то расстанется с жизнью, не совершив греха. Однако он пытается всеми силами избежать смерти, не гнушаясь играть для этого даже постыдную роль сумасшедшего.

Нетрудно доказать, что Гамлета волнует вовсе не абстрактная идея самоубийства. В пьесе у него только два выхода. Можно действовать прямо, убить короля и смириться с тем, что после этого его самого ждет неотвратимая смерть. Именно это и означает фраза «…ополчась на море смут, сразить их противоборством».

Но можно поступить и по-другому: скрывать свои намерения, симулировать безумие и вынашивать планы, ничего не предпринимая против тех, кто обманул его. В таком случае он будет вынужден «покоряться пращам и стрелам яростной судьбы».

Гамлет не знает, какой из этих путей более благороден и более приемлем для него самого. Поскольку прямое действие является замаскированным самоубийством, принц волей-неволей задумывается над абстрактной идеей суицида.

В конце монолога Гамлету становится стыдно.

Героизм требует прямого действия даже в том случае, если это действие приведет к смерти самого героя. Но принцу нужна корона, а потому он пройдет тот тернистый путь, который ведет к ней, хотя соблазн стать героем велик. Гамлет заключает:

> Так трусами нас делает раздумье,
> И так решимости природный цвет
> Хиреет под налетом мысли бледным,
> И начинанья, взнесшиеся мощно,
> Сворачивая в сторону свой ход,
> Теряют имя действия.

Акт III, сцена 1, строки 83–88

«Горд, мстителен, честолюбив…»

Наконец Гамлет замечает Офелию; похоже, девушка читает молитвенник. Но Гамлет не попадется на крючок. Он знает, что где-то поблизости прячутся и подслушивают Клавдий и Полоний. Либо принц сам подслушал их разговор, когда Полоний впервые предложил устроить Гамлету ловушку, либо догадался о присутствии посторонних, выдавших себя неосторожным движением.

Гамлет понимает, что парировать этот выпад

можно только одним способом: ловко притворившись сумасшедшим. Это будет жестоко по отношению к Офелии, но другого выхода нет. Принц искренне жалеет девушку. Он знает, что Офелия всего лишь беспомощное орудие в руках отца, а потому сначала обращается к ней мягко:

> В твоих молитвах, нимфа,
> Все, чем я грешен, помяни.
>
> ***Акт III, сцена 1, строки 89–90***

Хочется верить, что в список своих грехов, которые нужно отмаливать, Гамлет включает и тот, который ему только предстоит совершить: беспощадную жестокость по отношению к юной и невинной девушке.

Конечно, необходимость быть жестоким с Офелией злит принца больше, чем присутствие двух интриганов, которое заставляет его делать это. Гамлет горько издевается над ними — так же, как недавно он издевался над Полонием. Поэтому в разгар резкой и грубой речи, обращенной к Офелии (чего хорошо воспитанный Гамлет никогда не позволил бы себе, будь он в своем уме; во всяком случае, он надеется, что так подумают король и Полоний), принц скороговоркой произносит:

Сам я скорее честен; и все же я мог бы обвинить себя в таких вещах, что лучше бы моя мать не родила меня на свет; я очень горд, мстителен, честолюбив…

Акт III, сцена 1, строки 122–125

Конечно, так оно и есть. Он горд, как принц, который никогда не смирится с утратой короны, и честолюбив тоже как принц. А его мстительность — стержень всей пьесы. Но этого мало. Когда Гамлет говорит, что было бы лучше, если бы мать вовсе не рожала его на свет, он ничуть не кривит душой. Да, было бы лучше, но для кого? Для матери. Если его планы осуществятся, королева останется жива, но больше не будет королевой; ее заставят уйти в монастырь.

Сарказм Гамлета все возрастает: он советует Офелии уйти в монастырь. Но о ком здесь идет речь — об Офелии или о его матери, королеве Гертруде? (Мы уже указывали, что сразу после восшествия на престол Эдуард Исповедник отправил в монастырь свою мать Эмму.)

Гамлет пулей вылетает из комнаты, и наивная Офелия, уверенная, что принц сошел с ума, оплакивает его, произнося прекрасно написанную скорбную речь.

«В Англию…»

Однако Гамлет то ли переоценил себя, то ли недооценил Клавдия. Должно быть, принц испытывал злобное удовлетворение, прямо говоря королю, как именно он собирается поступить, — в расчете на то, что Клавдий не обратит внимания на слова умалишенного. Видимо, Гамлет ощущал стыд оттого, что предпочел «покоряться пращам и стрелам яростной судьбы», а не совершить то, что носит «имя действия». Что ж, по крайней мере, он пригрозил злодею.

Но когда король выходит из укрытия, выясняется, что одурачить его не удалось. Клавдий никогда не верил, что Гамлет действительно безумен, и явно принял слова принца о том, что тот «очень горд, мстителен, честолюбив», за чистую монету. Король говорит:

> …и речь его, хоть в ней и мало строя,
> Была не бредом. У него в душе
> Уныние высиживает что-то;
> И я боюсь, что вылупиться может
> Опасность…
>
> ***Акт III, сцена 1, строки 166–170***

Клавдий обязан что-то предпринять; он принимает решение — решение, которое в данный момент раскрывает лишь частично:

> Он в Англию отправится немедля
> Сбирать недополученную дань…
>
> ***Акт III, сцена 1, строки 172–173***

Эта связь Дании и Англии снова отправляет Гамлета во времена Кнуда.

Англия платила дань датчанам, совершавшим на нее набеги начиная с 991 г. — задолго до того, как ее завоевал Свен Вилобородый. Эта дань называлась Danegeld (датские деньги, или датский налог); подсчитано, что в общей сложности она составила около 160 тысяч тонн серебра. Естественно, после того как Свен Вилобородый завоевал Англию, дань не платили, потому что датчане и без того владели всей территорией страны. Датское иго продолжалось до 1042 г., пока не умер второй сын Кнуда, которого звали Хардкнуд (Хардеканут). Затем пути англичан и датчан разошлись навсегда: у Дании просто больше не было сил на то, чтобы снова шантажировать всю Англию. Если события «Гамлета» действительно происходят в 1050 г., то упоминание о «недополученной дани» абсолютно точно.

Дани датчанам больше никто не платил и не собирался это делать.

«Ирода переиродить...»

Но глупый Полоний все еще цепляется за догадку Офелии, что Гамлет безумен на самом деле. Он предлагает, чтобы королева Гертруда взялась за Гамлета и выяснила правду (естественно, при этом разговоре будет тайно присутствовать Полоний, большой специалист по части подслушивания). Король вяло соглашается, но не питает на этот счет никаких иллюзий: он уже знает, что нужно сделать.

Тем временем Гамлет, не подозревающий, что он выдал себя, наставляет актеров, как тем следует играть, чтобы пьеса задела короля за живое. Для этого нужно держаться как можно естественнее. Ходульность и напыщенность испортят все дело, поэтому принц советует не переигрывать. Он с жаром говорит:

...я бы отхлестал такого молодца, который старается перещеголять Термаганта; они готовы Ирода переиродить; прошу вас, избегайте этого.

Акт III, сцена 2, строки 13–15

Здесь Гамлет говорит о мистериях, которые были переделками библейских легенд, как правило о жизни Иисуса. Такие пьесы часто ставились в Средние века и были рассчитаны главным образом на публику, не умевшую читать. Чтобы привлечь простонародье и удержать его внимание, требовалось включать в мистерии детективные и комические эпизоды, в которых участвовали как мелодраматические злодеи, так и герои площадных фарсов.

Естественно, самым главным злодеем был царь Ирод, который, согласно библейской легенде, пытался убить младенца Иисуса. Его всегда изображали чудовищным тираном, для чего строили страшные рожи и вопили во всю глотку.

Еще одним привычным злодеем был мусульманин, поскольку Коран являлся вечным (и обычно победоносным) врагом средневекового христианства. Жители Западной Европы практически ничего не знали о мусульманской теологии и

представляли себе, что мусульмане поклоняются какому-то идолу. Они придумали идолоподобного бога по имени Тервагант (которого быстро превратили в Термаганта), завывавшего еще громче, чем Ирод.

«…Следи за дядей»

Актеры с терпеливой досадой заверяют Гамлета, что они знают свое ремесло, но встревоженный принц продолжает наставлять их.

Затем Гамлет зовет Горацио (единственного человека, которому он доверяет) и начинает безудержно льстить бедняге. Скромный Горацио пытается остановить поток славословий, но Гамлет говорит:

> Нет, не подумай, я не льщу;
> Какая мне в тебе корысть, раз ты
> Одет и сыт одним *веселым* нравом?
>
> ***Акт III, сцена 2, строки 58–61***[31]

Конечно, здесь Гамлет слегка кривит душой, но он — умный политик. Принц *действительно* возлагает на друга большие надежды. Горацио —

---

[31] Примечания: 31
В оригинале: *«…добрым* нравом». — *Е. К.*

главный свидетель обвинения, который сможет сказать правду, несмотря на давление. Может быть, именно этим объясняется беспричинное упоминание о бедности Горацио. Если он подтвердит рассказ принца и Гамлет станет королем, Горацио сможет навсегда забыть про бедность.

Покончив с лестью, Гамлет переходит к делу:

> Сегодня перед королем играют;
> Одна из сцен напоминает то,
> Что я тебе сказал про смерть отца;
> Прошу тебя, когда ее начнут,
> Всей силою души следи за дядей…

Акт III, сцена 2, строки 77–82

Если король выдаст себя (а, судя по всему, принц уверен, что так и случится), Горацио сможет засвидетельствовать, что принц узнал о преступлении еще от Призрака, но честно и благородно сдерживался, пока у него не будет более веского доказательства, что он нарочно поставил пьесу, чтобы получить такое доказательство, и это ему удалось. С подобным свидетелем Гамлет сможет беспрепятственно убить короля, отомстить за отца, прослыть героем, исполнявшим волю Бога, и сесть на трон.

«...На хамелеоновой пище»

Горацио может наблюдать за королем, оставаясь незамеченным, но у Гамлета такой возможности нет. Принц знает, что за ним самим будут внимательно наблюдать. Это значит, что ему придется притворяться сумасшедшим (хотя бы недолго). Когда входят король и двор, Гамлет быстро говорит Горацио:

> Они идут; мне надо быть безумным;
> Садись куда-нибудь.

Акт III, сцена 2, строки 92–93

Но Гамлет не может не подразнить ненавистного Клавдия. Король с официальной любезностью спрашивает:

> Как поживает наш *племянник* Гамлет?

Акт III, сцена 2, строка 94[32]

Следует напомнить, что у елизаветинцев слово «cousin» (кузен) означало не только любого близкого родственника, но даже коллегу, друга

---

[32] Примечания: 32

В оригинале: «Как поживает наш *кузен* Гамлет?» Игра слов: fares означает и «поживает», и «питается». — *Е. К.*

или хорошего знакомого. (В пьесах того времени часто встречается сокращенная форма этого обращения — coz.)

Вопрос означает «как поживаешь?», но Гамлет делает вид, будто понял это выражение буквально («как ты питаешься?»), и отвечает:

> Отлично, ей-же-ей; живу на хамелеоновой пище, питаюсь воздухом, пичкаюсь обещаниями; так не откармливают и каплунов.

Акт III, сцена 2, строки 95–97

Ответ, с виду сумбурный и бессмысленный, подтверждает безумие Гамлета и в то же время заключает в себе большой смысл. (Похоже, этой игрой в «бессмыслицу со смыслом» Гамлет забавляется, пытаясь вознаградить себя за постыдную роль, которую он, по его собственному убеждению, вынужден играть.)

Хамелеон — это ленивая и медлительная ящерица, которой для поддержания жизни требуется куда меньше пищи, чем теплокровным млекопитающим, обреченным на короткий век. Мало того, хамелеон добывает себе еду, молниеносно выбрасывая длинный язык, который безошибочно ловит насекомое, и так же молниеносно

убирая его назад. Можно долго следить за хамелеоном, но так и не заметить этого момента. Поэтому возникло поверье, что хамелеон вообще ничего не ест и питается одним воздухом.

Иными словами, Гамлет заявляет, что он питается воздухом, то есть пустыми обещаниями, которые вылетают изо рта, как дыхание, и не представляют собой ничего материального. Конечно, принц имеет в виду обещание короля сделать его своим наследником. Либо Клавдий еще не объявил об этом официально, пользуясь безумием Гамлета как предлогом, либо принц уверен, что король рано или поздно найдет повод убить его. Как бы там ни было, но от обещаний не разжиреешь, словно каплун. Эта реплика — намеренное оскорбление Клавдия.

«Пусть кляча брыкается, если у нее ссадина…»

Пьеса в пьесе начинается пантомимой, раскрывающей сюжет и обстоятельства убийства (видимо, того самого, которое будет представлено на сцене). Все происходит именно так, как рассказал Призрак. В этой пантомиме нет никакой необходимости: она не только лишает напряжения предстоящее действие, но и заранее предупреждает Клавдия. Увидев эту пантомиму,

король либо сразу же прекратил бы представление под любым предлогом, либо получил бы предупреждение и постарался не проявлять во время действий никаких эмоций. Если бы я ставил «Гамлета», то исключил бы эту сцену (даже в том случае, если бы не сделал никаких других купюр).

Далее актер, исполняющий роль Пролога, произносит три чудовищных рифмованных строки (это сознательный шаг Шекспира, стремящегося таким образом подчеркнуть «реальность» событий самого «Гамлета»). Затем актеры, играющие Короля и Королеву, произносят слова, вызывающие ассоциации, от которых волосы Клавдия и Гертруды должны встать дыбом.

Так, в пьесе «Убийство Гонзаго» Король и Королева женаты уже тридцать лет; Король плохо себя чувствует и боится умереть, но надеется, что жена переживет его и снова выйдет замуж. Однако актер, играющий Королеву, с жаром отвергает эту мысль:

> Предательству не жить в моей груди.
> Второй супруг — проклятие и стыд!

Второй — для тех, кем первый был убит.

Акт III, сцена 2, строки 184–186

Гамлет, занявший место рядом с Офелией, чтобы лучше видеть лицо Клавдия, бормочет себе под нос:

Полынь, полынь!

Акт III, сцена 2, строка 187

Можно представить себе, что он говорит это злорадно: камень в огород королевы брошен. Но королева не реагирует: либо она напряглась, стараясь не выдать своих чувств, либо слишком глупа, чтобы понять намек (последнее вероятнее). Гамлет вынужден прямо спросить мать, что она об этом думает, и та отвечает знаменитой (но часто неправильно цитируемой) строчкой:

Эта женщина слишком щедра на уверения, По-моему.

Акт III, сцена 2, строка 236

Возможно, она имеет в виду привычку плохих драматургов делать все возможное и невозможное, чтобы сбить публику с толку, однако сама

неимоверность этих усилий показывает, в каком именно направлении будут развиваться события.

Но король настораживается. Стрелы слишком кучно ложатся в цель, а наивностью королевы он не обладает. Он говорит Гамлету (в конце концов, именно принц отвечает за спектакль):

> Ты слышал содержание? Здесь нет ничего предосудительного?

Акт III, сцена 2, строки 238–239

Если Клавдий еще не знает сюжета, это значит, что он не видел пантомиму. Получается, что она в пьесе совершенно лишняя.

Гамлет мрачно заверяет короля, что бояться следует только тому, кто чувствует себя виноватым:

> …это подлая история; но не все ли равно? Вашего величества и нас, у которых душа чиста, это не касается; пусть кляча брыкается, если у нее ссадина; у нас загривок не натерт.

Акт III, сцена 2, строки 246–248

Клавдий слишком умен, чтобы не понять угро-

зу, заключенную в словах Гамлета, но ему пока еще удается сдерживаться. Может быть, Гамлет блефует; торопиться не следует.

«Слова призрака…»

Приближается кульминационная сцена. Луциан, племянник герцога, собирается убить Гонзаго именно так, как Клавдий убил Гамлета-старшего.

Сгорающий от нетерпения Гамлет не в силах выдержать паузу. Когда актер, играющий злодея Луциана, стремясь усилить напряжение, начинает строить зверские рожи, принц восклицает:

> Начинай, убийца. Да брось же проклятые свои ужимки и начинай.
>
> ***Акт III, сцена 2, строки 258–259***

Луциан произносит свою реплику, а потом наливает яд в ухо Гонзаго. Клавдий явно взволнован, и Гамлет добавляет фразу, которая должна усилить удар:

Сейчас мы увидим, как убийца снискивает любовь Гонзаговой жены.

Акт III, сцена 2, строки 269–270

Этого потрясения Клавдий уже не выдерживает. Он вскакивает и обращается в бегство. Представление резко обрывается.

Все бегут за королем. Гамлет, оставшийся на сцене вдвоем с Горацио, ликует; в этот миг он действительно выглядит полусумасшедшим. Впрочем, ликование не мешает практичному принцу удостовериться в том, что у него есть свидетель:

О дорогой Горацио, я за слова призрака поручился бы тысячью золотых. Ты заметил?

Акт III, сцена 2, строки 292–293

Горацио все видел. Не только он, но весь двор заметил реакцию короля. Когда все выяснится, у людей не останется сомнений в виновности Клавдия. Теперь Гамлет имеет полное право убить его.

«...У меня нет никакой будущности»

Но подозрения Клавдия тоже подтвердились. Гамлет как-то узнал правду и непременно воспользуется этим. Король понимает, что его жизнь висит на волоске.

Королева, которая, видимо, не знает правды, видит лишь то, что Клавдий ужасно расстроен, и боится за сына. (И правильно делает, потому что теперь Клавдий *вынужден* действовать. Для него это действительно вопрос жизни и смерти.)

Королева посылает за сыном и пытается восстановить мир между ним и отчимом, абсолютно не сознавая, что это уже невозможно. Розенкранц и Гильденстерн приходят за принцем, и тот, вполне уверенный в себе, потешается над ними.

Они все еще пытаются выяснить, что именно скрывается за безумием принца, и Гамлет иронически говорит:

> Сударь мой, у меня нет никакой будущности.
>
> ***Акт III, сцена 2, строка 347***[33]

---

[33] Примечания: 33
В оригинале: «Сэр, я нуждаюсь в повышении по службе». — *Е. К.*

Розенкранц напоминает, что Гамлет и так наследник престола, но Гамлет отвечает:

> Да, сударь мой, но «пока трава растет…»
> — пословица слегка заплесневелая.

Акт III, сцена 2, строка 351[34]

Гамлет не заканчивает пословицу, потому что она хорошо известна английской публике. Ее смысл: не следует надеяться на пустые обещания. То же самое принц имел в виду, когда говорил о «хамелеоновой пище».

Насмешки Гамлета над Розенкранцем и Гильденстерном становятся все более язвительными; теперь ему нечего бояться. Он выиграл игру и открыто говорит двоим фальшивым друзьям, что они от него ничего не добьются.

«Душа Нерона…»

Входит Полоний и повторяет приказ королевы, требующей, чтобы сын пришел к ней. Гамлет не может противиться искушению еще раз поиздеваться над **глупым** Полонием, но затем соглашается прийти. На мгновение он остается

---

[34] Примечания: 34

В переводе Б. Пастернака английская поговорка приведена полностью: «покуда травка подрастет, лошадка с голоду умрет». — *Е. К.*

один и говорит про себя:

> Тише! Мать звала.
> О сердце, не утрать природы; пусть
> Душа Нерона в эту грудь не внидет;
> Я буду с ней жесток, но я не изверг;
> Пусть речь грозит кинжалом, не рука…

Акт III, сцена 2, строки 400–404

Мы еще раз убеждаемся, что Гамлет не страдает нерешительностью. Все наоборот. Он постоянно борется с желанием дать волю гневу.

Принц чувствует, что гнев и обида на мать, поспешный брак которой лишил его короны и втянул его в длинную, неестественно запутанную цепь интриг, могут заставить его действовать безрассудно, подвигнув даже на убийство матери.

Нерон — римский император, правивший с 54 по 68 г. н. э., был чудовищным тираном; самый громкий из его «подвигов» — казнь собственной матери, Агриппины, в 59 г. (Есть легенда о том, что она просила убийц разить ее в утробу, которая выносила такого непотребного сына.)

Конечно, Агриппина была порочна и постоянно вмешивалась в дела управления государством, но все же оправдать убийство матери невозможно. Когда в 67 г. Нерон посетил Грецию, он пытался

получить доступ на элевсинские мистерии, но ему отказали, потому что он убил собственную мать; ужас греков перед этим преступлением был так силен, что Нерону, абсолютному тирану, пришлось отступить.

Поэтому Гамлет обязан сдержаться любой ценой. Максимум того, что он мог бы сделать с матерью даже в том случае, если она принимала активное участие в убийстве отца (чего на самом деле не было), — это отправить ее в монастырь. Если бы принц убил мать или приговорил к смертной казни, это стоило бы ему короны. Даже если бы Гамлет стал королем, охваченный ужасом народ проклял бы его.

«Старейшее из всех проклятий...»

Король просто *обязан* немедленно удалить Гамлета от двора и отправить его в Англию. Он посылает вместе с принцем Розенкранца и Гильденстерна. Ясно, что эти двое должны стать его тюремщиками и проследить за тем, чтобы он был доставлен до места назначения.

Входит Полоний и говорит королю, что Гамлет идет к матери; он, Полоний, проследит за ним еще раз, а потом обо всем доложит Клавдию.

Король остается на сцене один, становится на

колени и начинает молиться. Клавдий охвачен угрызениями совести; он говорит:

> О, мерзок грех мой, к небу он смердит;
> На нем старейшее из всех проклятий —
> Братоубийство!

Акт III, сцена 3, строки 36–38

Его пугает имя Каина. Именно Каин первым совершил преступление, убив своего брата Авеля. За это Каин был проклят: «И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей» (Быт., 4: 11). Клавдий чувствует, что на него падает вся тяжесть «самого древнего преступления», совершенного за пределами Эдема.

Однако Клавдий не знает, как заслужить прощение, потому что, каким бы сильным и искренним ни было его раскаяние, он не может расстаться с плодами преступления и, чтобы сохранить их, готов совершить новые убийства.

«Награда, а не месть!»

Гамлет, направляющийся к Гертруде, натыкается на молящегося или пытающегося молиться короля.

Принц вынимает шпагу; теперь он может убить Клавдия. Лучше всего сделать это сейчас, так как он может сказать, что, получив подтверждение вины короля, он был охвачен приступом слепого гнева и не смог дождаться формального осуждения.

Его план сработал великолепно. Теперь достаточно одного удара шпаги, чтобы отомстить и получить трон.

И тут Гамлета подводит страсть!

Король молится; убить его за столь святым занятием — значит отправить в рай. Гамлет размышляет:

> Отец мой гибнет от руки злодея,
> И этого злодея сам я шлю
> На небо.
> Ведь это же награда, а не месть!

Акт III, сцена 3, строки 76–79

Гамлет решает отказаться от своего намерения. Нужно дождаться момента, когда король будет занят чем-нибудь греховным.

В момент триумфа Гамлет перехитрил самого себя. Принц выиграл партию, все в его руках, но теперь он требует большего — того, на что не имел права. Он хочет, чтобы Клавдий был не

только мертв, но осужден на вечные мучения. Но окончательное вынесение приговора — дело Бога, а не Гамлета; решив сыграть роль Бога, принц слишком много на себя берет, а потому заслуживает наказания.

Ирония судьбы в том, что молиться король все равно не способен; если бы Гамлет нанес удар, Клавдий был бы и убит, и проклят одновременно. Король встает с коленей и говорит:

> Слова летят, мысль остается тут.
> Слова без мысли к небу не дойдут.

Акт III, сцена 3, строки 97–98

«Это был король?»

Наконец Гамлет добирается до комнаты матери. Теперь, когда все выяснилось, он может говорить с ней откровенно. Принц начинает свою речь так решительно, что королева боится за свою жизнь. (Не следует забывать, что Гамлет изо всех сил пытался убедить мать в своем безумии, а сама Гертруда не слишком умна.) Она зовет на помощь.

Полоний, подслушивающий за ковром, тоже уверен, что Гамлет хочет убить мать. (Принц

недаром наиболее убедительно притворялся именно перед ним.) Старый придворный зовет стражу, и тут наконец Гамлет дает себе волю. Страсть требует выхода, а все это время ему приходилось сдерживаться.

Гамлет уверен, что Клавдий поднялся по лестнице следом за ним и теперь подслушивает. В этот момент король не занят богоугодным делом. Блестит шпага, Полоний падает замертво, и королева кричит:

Боже, что ты сделал?

Акт III, сцена 4, строка 26

Гамлет, слегка пристыженный тем, что потерял власть над собой, отвечает:

Я сам не знаю; это был король?

Акт III, сцена 4, строка 27

Он отбрасывает ковер, убеждается, что ошибся, и с досадой говорит:

Ты, жалкий, суетливый шут, прощай!
Я метил в высшего…

Акт III, сцена 4, строки 32–33

какое-то время Гамлет движется по инерции. Он получил возможность высказать матери все, что о ней думает, и принц не собирается отказываться от этой возможности — хотя бы для того, чтобы осмыслить ситуацию, изменившуюся коренным образом. Поэтому Гамлет продолжает обличать мать, пока той не изменяет выдержка.

Снова вспоминаются богоподобные достоинства Гамлета-старшего:

> Как несравненна прелесть этих черт;
> Чело Зевеса, кудри Аполлона;
> Взор как у Марса — властная гроза;
> Осанкою то сам гонец Меркурий…

Акт III, сцена 4, строки 56–59

Сравнивая с ним Клавдия, Гамлет не может найти подходящих слов. Принц красноречиво обличает всю мерзопакостность блуда, который, как ему кажется, связывает Гертруду и Клавдия; его гнев все усиливается, и постепенно Гамлет доходит до того, что больше всего гнетет его душу. Он говорит о Клавдии:

Убийца и холоп;
Смерд, мельче в двадцать раз одной десятой
Того, кто был вам мужем; шут на троне;
Вор, своровавший власть и государство,
Стянувший драгоценную корону
И сунувший ее в карман!

Акт III, сцена 4, строки 97–102

Наконец-то! В этой сцене Гамлет выкладывает все. Он перечисляет все преступления Клавдия по нарастающей: сначала братоубийство, затем блуд и незаконная связь с королевой и, наконец, самое страшное — похищение короны. В данном случае Шекспир использует крещендо; он постепенно доходит до самого главного, и этим «самым главным» оказывается потеря трона.

Королева не может остановить Гамлета, которого все сильнее душит гнев, вызванный этой утратой. Он говорит о Клавдии:

Король из пестрых тряпок…

Акт III, сцена 4, строка 103

И тут снова появляется Призрак — теперь уже в

последний раз. Вошедший в раж Гамлет забывает о реальности, и Призрак приходит, чтобы напомнить о ней. Полоний мертв, и принцу вновь нужно действовать. Тратить время на разговоры с матерью бесполезно, тем более что та уже давно исчерпала свои мыслительные способности и не в состоянии понять слова Гамлета.

«…Хитер безумно»

Гамлет с трудом берет себя в руки и осознает, что ему грозит катастрофа. Все, что он выиграл с помощью «пьесы в пьесе», потеряно из- за импульсивного и злосчастного убийства Полония. Если бы он убил короля во время молитвы, это было бы воспринято правильно. Сдержавшись ради того, чтобы Клавдий попал в ад, он дал себе время, чтобы убить Полония, и попал в беду.

Теперь у короля появилась возможность нанести ответный удар. Теперь все, что Гамлет мог сказать о вине Клавдия, останется неуслышанным; король печально заявит в ответ, что слова безумца ничего не стоят. Действительно, теперь у двора есть все основания считать Гамлета сумасшедшим. У него был повод убить короля, но никак не Полония. Если принц заявит, что он не безумный, то убийство Полония стано-

вится преступлением, за которое Гамлета могут приговорить если не к казни, то к длительному тюремному заключению.

Расстроенный Гамлет говорит:

> Что до него (Полония),
> То я скорблю; но небеса велели,
> Им покарав меня и мной его…

Акт III, сцена 4, строки 173–175

Возможно, принц уже понимает, что согрешил, пожелав предать Клавдия вечному проклятию, хотя он имел право требовать только смерти дяди.

В результате Гамлет вынужден опять притворяться безумным, хотя считал, что с этим уже покончено. По иронии судьбы это произошло в тот момент, когда он прямо сказал матери, что вовсе не сумасшедший. Остается только надеяться. Гамлет внушительно приказывает королеве *не раскрывать* его тайну:

> Ему распутайте все это дело:
> Что вовсе не безумен я, а просто
> Хитер безумно.

Акт III, сцена 4, строки 187–189

«В Англию…»

Дело не только в потерянном времени. Гамлет не питает иллюзий: он потерпел поражение. Теперь Клавдий настороже, и застать его врасплох не удастся. Более того, вскоре Гамлету придется предстать перед Клавдием и каким-то образом защищаться. Он говорит королеве:

> Я еду в Англию; вам говорили?
>
> ***Акт III, сцена 4, строка 201***

Гамлет ни на секунду не сомневается, что речь идет не просто о ссылке за границу. Он говорит:

> Готовят письма; два моих собрата,
> Которым я, как двум гадюкам, верю,
> Везут приказ…
>
> ***Акт III, сцена 4, строки 203–205***

В сложившейся ситуации не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться о содержании писем. Король не почувствует себя в безопасности, пока Гамлет не будет мертв. Хотя король Англии больше официально не подчиняется королю Дании, однако он побоится ослушаться его. Ко-

нечно, в письме содержится требование бросить Гамлета в темницу, а то и казнить.

Похожий эпизод есть в «Илиаде» Гомера. Там герой Беллерофонт вызвал ненависть жены хозяина, отказавшись от ее любовных домогательств. Разгневанная жена пожаловалась мужу, что Беллерофонт хотел изнасиловать ее. (Здесь есть сходство с библейской легендой об Иосифе и жене Потифара — см. Исх., 7: 20.) Муж, не желая пачкать руки кровью гостя и нарушать священные законы гостеприимства, посылает Беллерофонта с зашифрованным письмом к своему другу, царю Ликии. После расшифровки выяснилось, что в письме содержалась просьба казнить Беллерофонта. (Однако герою удалось избежать уготованной ему участи.)

Гамлет подозревает, что в его письмах содержится та же просьба, и мрачно утверждает, что сумеет избежать западни.

«Так было бы и с нами…»

К королеве приходит король. Оба многого недоговаривают. Гертруда сообщает, что Гамлет убил Полония в припадке безумия, а король отвечает:

Так было бы и с нами, будь мы там;

Его свобода пагубна для всех…

Акт IV, сцена 1, строки 13–14

Он пользуется этим предлогом, чтобы выслать Гамлета из страны. Королеве он говорит, что это даст ему время простить принца и помешает народу требовать наказания преступника. Королева не говорит о том, что Гамлет на самом деле вовсе не душевнобольной и что он действительно убил бы короля, если бы тот стоял за ковром. (Впрочем, Клавдий достаточно умен, чтобы догадаться об этом без слов.) С другой стороны, Клавдий не говорит, что посылает принца на верную смерть, а сама королева недостаточно умна, чтобы разоблачить его тайные намерения.

Сомневаться не приходится: король жаждет смерти Гамлета. Но он должен соблюдать осторожность. Чуть позже он говорит придворным:

Как пагубно, что он на воле ходит!
Однако же быть строгим с ним нельзя;
К нему пристрастна буйная толпа…

Акт IV, сцена 3, строки 2–4

Отсюда ясно: король испытывает те же трудности, что и Гамлет. Принц хочет убить Клавдия и при этом получить престол. Король хочет убить

принца и при этом сохранить престол. Именно обладание престолом делает невозможным для обоих прямое действие; репутация жестокого убийцы грозит каждому потерей популярности.

«…Твой рубец…»

Гамлет прячет тело Полония и продолжает безмятежно играть роль сумасшедшего, чтобы не дать Клавдию повода для прямого действия. Однако вскоре труп находят, а Гамлету велят готовиться к отплытию в Англию.

Все нужно сделать очень быстро. Клавдий размышляет:

> Когда мою любовь ты чтишь, Британец, —
> А мощь моя ей цену придает,
> Затем что свеж и ал еще рубец
> От датского меча и вольный страх твой
> Нам платит дань, — ты не воспримешь хладно
> Наш царственный приказ, тот, что содержит,
> Как это возвещается в письме,

Смерть Гамлета.

Акт IV, сцена 3, строки 58–65

Теперь публике известен план Клавдия. Упоминание о «рубце от датского меча» подразумевает набеги датчан на Англию в X в. и завоевание Англии датчанами в начале XI в. (Естественно, бестактное напоминание о «датском мече» не добавляло публике времен Шекспира симпатии к Клавдию.)

«…Раздумывать чрезмерно…»

По пути к кораблю, который должен доставить его в Англию, Гамлет встречает войско молодого Фортинбраса, с позволения короля пересекающее Данию, чтобы сразиться с поляками. Гамлет спрашивает капитана армии Фортинбраса, куда они идут. Капитан отвечает:

> Нам хочется забрать клочок земли,
> Который только и богат названьем.
> За пять дукатов я его не взял бы
> В аренду.

Акт IV, сцена 4, строки 18–20

Значит, полякам предстоит защищаться, и в

ходе этой войны погибнут тысячи людей. (Здесь, как и во многих других своих пьесах, Шекспир саркастически выражает отвращение к самому институту войны и национальной славы, хотя вкусы публики и требования времени заставляли его вставлять в свои труды шовинистические эпизоды.)

Гамлет пристыжен: он получил ответ на вопрос, над которым размышлял в своем знаменитом монологе. Фортинбраса, его норвежского двойника, интересует только то, что носит «имя действия». Он «ополчается на море смут» ради ничтожного куска земли, только для того, чтобы действовать.

Но сам Гамлет предпочитает действовать не прямо; он всегда планирует обходные пути ради того, чтобы получить все. Это его раздумье «делает нас трусами». Сейчас он осуждает себя:

> …жалкий навык
> Раздумывать чрезмерно об исходе…
>
> ***Акт IV, сцена 4, строки 40–41***

Но в данный момент его планы провалились; принца отправляют в ссылку и, возможно, на смерть. Изнемогая от интриг, он в отчаянии кричит:

О мысль моя, отныне ты должна
Кровавой быть, иль прах тебе цена!

Акт IV, сцена 4, строки 65–66

«…У совы отец был хлебник»

Смерть Полония не только разрушила план Гамлета в тот момент, когда победа была близка; к ужасу короля и королевы, Офелия сошла с ума от горя.

Речь Офелии сбивчива, но елизаветинская публика понимала ее лучше, чем мы. Например, девушка говорит:

> Говорят, у совы отец был хлебник. Господи, мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем стать.

Акт IV, сцена 5, строки 42–44

Утверждение, что мы не знаем своего будущего, справедливо. Особенно для Офелии, которая не знала, что ее отца убьют, но при чем тут сова и дочь хлебника?

Есть старая английская легенда о том, что Иисус в образе нищего пришел в пекарню и попросил еды. Пекарь замесил тесто и начал печь

для нищего хлеб. Но скупая дочь пекаря решила, что для нищего целой буханки слишком много, и разрезала тесто пополам. В наказание ее превратили в сову; это еще один красноречивый пример того, как человек, знавший, кто он такой, не представлял себе, кем он станет.

«Швейцарцы где?»

Клавдия удручают неприятности, которые увеличиваются как снежный ком. Полония схоронили второпях, чтобы избежать трудностей, но эти усилия привели к обратному результату: начались народные волнения. Дело не столько в безумии Офелии, сколько в гневе ее брата. Лаэрт спешно вернулся из Франции и готовится поднять восстание. (Легкость, с которой можно потерять популярность и восстановить против себя общественное мнение, показывает, что и Клавдий, и Гамлет одинаково правы, пытаясь действовать как можно осторожнее, используя обходные маневры.)

Внезапно раздается шум, и король кричит:

> Швейцарцы где? Пусть охраняют дверь.

Что это там?

Акт IV, сцена 5, строки 97–98

Перед нами очень любопытный анахронизм.

Затерянная в Альпах область Швиц в 1291 г. образовала федерацию с двумя соседними областями. Эта федерация стала ядром государства, которое по-немецки до сих пор называется Schwiz, а по-английски — Switzerland (Швейцария).

Соседняя Австрия хотела подчинить себе эти области (или кантоны), но в 1315 г. в Моргартене, на границе Швейцарии, войско австрийского герцога Леопольда I было наголову разбито стойкими швейцарскими пехотинцами. Кантоны сохранили независимость, и к ним присоединились соседние области. В 1386 и 1388 гг. швейцарцы одержали еще две победы и приобрели славу прекрасных пехотинцев, непобедимых в своей горной стране.

Эта репутация неизмеримо выросла, когда с 1474 по 1477 г. швейцарцы воевали против Карла Смелого Бургундского, считавшегося лучшим полководцем тогдашней Европы, и разгромили его. Карл проиграл им три сражения и в конце концов был убит.

После этого швейцарцы требовались повсюду.

Горная почва была недостаточно плодородной, чтобы этот народ жил в роскоши, поэтому основным экспортным товаром страны стали солдаты, которые верно служили тем, кто им платил. Они считались непревзойденными копейщиками (орудовать длинным и тяжелым копьем нелегко), а потому всякое уважающее себя войско имело отряд швейцарцев.

Это наваждение продолжалось до 1515 г. В тот год французская армия под командованием короля Франциска I одержала победу над швейцарцами и венецианцами в кровопролитной битве при Мариньяно (северо-западная Италия). Впервые эти стойкие копейщики потерпели поражение, после чего миф об их непобедимости развеялся.

И все же короли не расстались с обычаем приглашать роты швейцарских наемников для собственной охраны. Они были неподкупны, преданы только королю (который платил им), практически не знали местного языка, а потому не поддавались на революционную пропаганду и не испытывали к властителям личной вражды. Когда в 1792 г. французские революционеры штурмовали Тюильри, дворец короля Людовика XVI, все швейцарские телохранители короля

были перебиты за то, что они оставались верны ему и пытались сопротивляться в совершенно безнадежном положении.

Перед самой битвой при Мариньяно папа Юлий II пригласил в Ватикан швейцарскую гвардию, которая охраняет пап по сей день, хотя функции у этих гвардейцев теперь чисто церемониальные.

Для Шекспира, творившего в 1600 г., было вполне естественно снабдить швейцарскими телохранителями и Клавдия, хотя во время действия пьесы не существовало не только таких стражей, но и самой нации.

«Жизнью жертвуя, как пеликан…»

Лаэрт во главе возмущенной толпы врывается во дворец и злобно кричит Клавдию:

> Ты, мерзостный король, верни отца мне!
>
> ***Акт IV, сцена 5, строки 115–116***

Теперь ясно: он считает, что Полония убили по приказу короля (несмотря на то, что, как нам уже известно, Клавдий был в долгу у покойного). Лаэрт не разрабатывает хитроумных планов. В отличие от Гамлета его реакция не теряет «имя

действия». Он поднимает восстание и обращается прямо к королю.

Но прежде чем сравнивать его с принцем и делать невыгодные для последнего сравнения, нужно учесть два обстоятельства.

Во-первых, люди знают, что Полоний был убит, и подозревают, что тут не обошлось без короля. Но они не знали, что Гамлет — старший тоже был убит. Гамлет — младший должен был сначала убедить их в этом, а затем в том, что убийцей короля был именно Клавдий. Самым трудным было именно это убеждение, а вовсе не сама месть.

Во-вторых, Лаэрт стремится только к мести, в то время как Гамлету нужно и отомстить, и завладеть троном. Именно этим вызваны все бесконечные сложности. (Если объяснять действия Гамлета *только* стремлением отомстить, пьеса превращается в неразрешимую головоломку.)

В противостоянии с Лаэртом Клавдий показывает себя с самой лучшей стороны. Король (не пьяница и не распутник) умен и бесстрашен. Он сохраняет спокойствие, говорит тихо и заставляет Лаэрта слушать. Он отрицает, что виноват в смерти Полония, и спрашивает Лаэрта, готов ли тот ради мести погубить как врагов, так и друзей его отца.

Лаэрт заявляет, что он пришел мстить только врагам Полония. Друзьям отца он будет другом:

> Его друзей я заключу в объятья;
> И, жизнью жертвуя, как пеликан,
> Отдам им кровь свою.

Акт IV, сцена 5, строки 145–147

В древности было широко распространено поверье, что пеликан кормит своих птенцов собственной кровью.

В Средневековье пошли еще дальше. Представления тогдашнего естествознания (называвшегося «естественной историей») были искажены множеством нравоучительных притч, которые должны были иллюстрировать точку зрения, изложенную в Библии. Можно подумать, что вся Вселенная существовала только для того, чтобы читать человечеству примитивные проповеди. Так была придумана легенда, что юные пеликаны разозлили отца и тот убил их. Птенцы оставались мертвыми три дня, в течение которых самка пеликана поила их своей кровью, и в конце концов они ожили.

Эта аллегория смерти и воскресения Иисуса способствовала широкому распространению ошибочного представления о пеликане, отражен-

ного в метафоре Лаэрта.

«Вот розмарин...»

Тут в зал возвращается безумная Офелия. Она собрала цветы и травы и теперь раздает их:

> Вот розмарин, это для воспоминания; прошу вас, милый, помните; а вот троицын цвет, это для дум.
>
> ***Акт IV, сцена 5, строки 174–176***

Это язык цветов. В обществе более близком к природе, чем наше, было легко придать каждому цветку какое-то значение и использовать его в любовных посланиях или в качестве магического средства. Розмарин был символом верности в любви из-за очень стойкого аромата этого растения. Следовательно, о его существовании было трудно забыть. А троицын цвет[35] символизирует думы самим своим названием (pansies), которое идет от французского слова «решёе» (мысль).

Что касается других цветов, упоминаемых Офелией, то их значение спорно (тем более что фразы девушки странны и сбивчивы).

---

[35] Примечания: 35
в оригинале — анютины глазки. — *Е. К.*

«Один нормандец...»

При виде сестры Лаэрта снова охватывает гнев, и Клавдию стоит немалых трудов успокоить его. Отведя юношу в сторону от Гертруды, король говорит, что убийца Полония Гамлет, и объясняет, почему он не мог выступить против принца открыто. Королева любит Гамлета, а король (который, похоже, любит Гертруду искренне, а не только за то, что она принесла ему корону) не хочет отталкивать супругу, казнив ее сына или заточив его в тюрьму. Кроме того, тут присутствует постоянный страх перед общественным мнением (которое играет важнейшую роль в планах как Клавдия, так и Гамлета). Именно об этом и говорит Клавдий:

> Другое основанье
> Не прибегать к открытому разбору —
> Любовь к нему простой толпы...

Акт IV, сцена 7, строки 16–18

Клавдий уже готов признаться Лаэрту, что велел англичанам убить Гамлета, но в эту минуту прибывает гонец и сообщает, что Гамлет вовсе не в Англии; принц вернулся в Данию.

Клавдий на мгновение задумывается. Он не хочет гражданской войны; ему нужно тихое убийство, похожее на несчастный случай; если что-то пойдет не так, вся ответственность (и риск) падет на Лаэрта.

Он вспоминает нечто связанное с Францией:

> Здесь был,
> Тому два месяца, один нормандец…

Акт IV, сцена 7, строки 81–82

Упоминание о Нормандии — не анахронизм. Датские набеги разоряли не только Англию, но и северное побережье Франции. В 911 г., примерно за полтора века до событий, описанных в «Гамлете», некий викинг по имени Хрольф заставил французского короля Карла III (Толстого) уступить ему и его потомкам земли на побережье пролива Па-де-Кале. Эту территорию стали называть сначала Норманнией («землей норманнов»), а затем Нормандией.

В 1050 г., во время действия «Гамлета», Нормандия была сильным, централизованным, хорошо управлявшимся герцогством, во главе которого стоял знаменитый Вильгельм II (Бастард). Нормандия славилась своим могуществом; ее герцог был сильнее французского короля и как мини-

мум не слабее датского. (Через шестнадцать лет после этих событий Вильгельму предстояло победить Англию и стать ее королем Вильгельмом I Завоевателем.)

За полтора века, прошедшие со времен Хрольфа, норманны полностью ассимилировались и теперь говорили на диалекте французского языка. Со временем их происхождение от викингов забылось, однако следует заметить, что гость из Нормандии, о котором упомянул Клавдий, мог прибыть в Данию (хотя бы отчасти) для того, чтобы посетить свою историческую родину.

«Этим ядом...»

Клавдий вспоминает, что нормандец с восхищением говорил об искусстве Лаэрта как фехтовальщика, а присутствовавший при этом Гамлет мучительно ревновал. Принц наверняка захочет помериться силами с Лаэртом, а Лаэрт сможет использовать этот дружеский поединок, чтобы убить Гамлета. Гамлету заранее подготовят ловушку: у него будет обычная рапира с защитным наконечником, а у Лаэрта «случайно» окажется рапира без наконечника, которой он «случайно» убьет убийцу своего отца.

Лаэрт с жаром соглашается и добавляет к под-

лости короля свою собственную. Он не только воспользуется рапирой без наконечника, но и смажет ее острие сильнейшим ядом, который всегда носит при себе:

> Я этим ядом трону лезвие,
> И если я хоть чуть задену принца,
> То это смерть.

Акт IV, сцена 7, строки 146–148

Иными словами, наносить принцу смертельный удар не обязательно, для этого будет вполне достаточно царапины. И тут публика перестает сочувствовать Лаэрту. Согласно морали того времени, он имеет право на месть, но не ценой такого подлого предательства.

Но этого недостаточно. А вдруг Лаэрту не удастся даже оцарапать Гамлета? Клавдий приготовит отравленный напиток, и, если Гамлет выйдет из поединка целым и невредимым, его убьет напиток, приготовленный для победителя.

И тут сообщают о том, что Офелия утонула. Что это — наказание Лаэрту за готовящееся предательство или попытка раскалить его ненависть до такой степени, когда юношу уже ничто не удержит? Выясняется, что Офелия упала в ручей — то ли намеренно, то ли в припадке безумия — и

не попыталась спастись.

«…Двадцать лет и три года»

Гамлет не просто вернулся в Данию. Он уже в Эльсиноре. Принц и Горацио проходят мимо кладбища и видят, что могильщики роют могилу. Могильщик выбрасывает из земли череп и заявляет, что он знал этого человека:

> Этот череп пролежал в земле двадцать лет и три года.

Акт V, сцена 1, строки 174–175

Выясняется, что это череп Йорика, придворного шута Гамлета- старшего. Гамлет взволнован. Он поворачивается к Горацио и, держа в руках череп, говорит:

> Увы, бедный Йорик! Я знал его, Горацио; человек бесконечно остроумный, чудеснейший выдумщик; он тысячу раз носил меня на спине.

Акт V, сцена 1, строки 185–188

Гамлет помнит Йорика; это значит, что, когда шут умер, принц уже не был младенцем. Вполне

правдоподобно предположить, что в ту пору ему было лет семь. Если шут умер двадцать три года назад, стало быть, самому Гамлету тридцать.

Во времена Гамлета (впрочем, как и во времена Шекспира) этот возраст не считали юным. Если Гамлету действительно тридцать лет, это объясняет негодование принца, лишившегося трона по вине Клавдия. Тогдашнему тридцатилетнему мужчине рассчитывать на великие свершения не приходилось. Закон природы суров; когда дядя умрет, самому Гамлету останется жить не так долго. Зачем ему трон на какие-то жалкие несколько лет?

Однако следует признать, что тридцатилетний Гамлет мало соответствует другим эпизодам пьесы. Тогда получается, что королеве Гертруде где-то под пятьдесят и она уже пожилая женщина. Кроме того, как объяснить, что тридцатилетний Гамлет все еще учится в Виттенберге и остается неженатым в эпоху ранних браков? Куда удобнее представить себе Гамлета двадцатилетним. В общем, все было бы намного проще, если бы могильщик сказал, что череп Йорика пролежал в земле не двадцать три года, а тринадцать лет.

«И Пелион...»!

Прибывает похоронная процессия. В ней участвует весь двор, но видно, что ритуал сокращен. Гамлет сразу догадывается, что хоронят какого-то знатного самоубийцу. Хоронят Офелию; есть подозрение, что на самом деле она покончила с собой. Решение священников сократить обряд выводит Лаэрта из себя. Он восклицает:

> Опускайте гроб.
> И пусть из этой непорочной плоти
> Взрастут фиалки!
> Слушай, черствый пастырь,
> Моя сестра Творца величить будет,
> Когда ты в муке взвоешь.

Акт V, сцена 1, строки 240–244

Гертруда бросает в отрытую могилу цветы и произносит фразу, которая настолько вошла в обиход, что уже немногие помнят про авторство Шекспира и то, при каких обстоятельствах эти слова прозвучали впервые:

Красивые — красивой. Спи, дитя!

Акт V, сцена 1, строка 245

Лаэрт, сломленный горем, соскакивает в могилу и напыщенно требует, чтобы его засыпали землей вместе с сестрой:

Теперь засыпьте мертвую с живым
Так, чтобы выросла гора, превысив
И Пелион, и синего Олимпа
Небесное чело.

Акт V, сцена 1, строки 253–256

В греческом мифе рассказывается о двух юных гигантах Оте и Эфиальте, которые каждый год вырастали на 6 футов (180 см) и становились шире в груди на полтора фута (45 см). Когда им исполнилось девять лет, каждый из них был ростом 54 фута (больше 16 м) и шириной 13 с половиной футов (больше 4 м). После этого они решили напасть на богов и победить их. Гиганты хотели взять гору Олимп, а для этого взгромоздить гору Пелион на гору Осса.

Гора Осса находится в 25 милях (40 км) к юго-востоку от Олимпа и имеет высоту 1,2 мили (1920 м). Гора Пелион лежит в 30 милях (48 км) к

юго-востоку от Оссы; ее высота — миля (1600 м). Если бы Пелион удалось взгромоздить на Оссу, их суммарная высота превысила бы высоту Олимпа — 1,8 мили (2900 м). Оттуда юным гигантам было бы очень удобно обстреливать Олимп метательными снарядами. Однако боги, обладавшие более совершенным оружием, убили гигантов еще до того, как те успели совершить свой подвиг.

Пелион, Осса и даже Олимп на самом деле вовсе не так высоки, но общеизвестность мифа сделала их в литературе символами огромной высоты; в этом качестве их названия используют и поныне.

«В знойной зоне…»

Гамлет подслушивает этот разговор и впервые узнает о смерти Офелии. Ошеломленный принц выходит вперед, объявляет о своей любви к покойной Офелии, злобно передразнивает похвальбу Лаэрта и упоминает третью гору, которую тот пропустил:

> Ты пел про горы; пусть на нас навалят
> Мильоны десятин, чтоб эта глыба
> Спалила темя в знойной зоне, Оссу
> Сравнив с прыщом! Нет, если хочешь

хвастать,
Я хвастаю не хуже.

Акт V, сцена 1, строки 282–286

Согласно аристотелевской картине мира, Вселенная состояла из «элементов» (или «стихий»), уложенных слоями. В центре Вселенной находилась твердая земля; ее обволакивала сфера воды (незамкнутая, потому что суша проникала сквозь нее); затем шла сфера воздуха, а за ней — сфера огня (иногда видимая благодаря свечению); за сферой огня начинались небесные сферы планет и звезд.

Гамлет представляет себе гору такой высоты, что вершина ее пронзит сферу воздуха и окажется в сфере огня.

«Где гибнет глубокий замысел…»

Лаэрта удается оттащить от Гамлета: Во-первых, встревоженная королева говорит юноше, что принц безумен; Во-вторых, король осторожно напоминает ему о предстоящем поединке на шпагах.

Гамлет оставляет их и входит в замок в сопровождении Горацио. Теперь Гамлет намного серьезнее и спокойнее, чем раньше. Должно быть,

принц думает о том злосчастном ударе шпаги, который не только разрушил все его планы, но убил его любимую Офелию и превратил Лаэрта в смертельного врага.

Теперь принц готов рассказать Горацио о том, как ему удалось избежать смерти, ждавшей его в Англии. Все закончилось благополучно благодаря импровизации и везению (в отличие от долгой и осторожной интриги в Эльсиноре). Импровизация победила там, где не преуспела вся его прежняя осторожность. Гамлет находит утешение в фатализме, говоря:

> Хвала внезапности; нас безрассудство
> Иной раз выручает там, где гибнет
> Глубокий замысел; то божество
> Намерения наши завершает,
> Хотя бы ум наметил и не так…
>
> ***Акт V, сцена 2, строки 8–11***

Похоже, что отныне Гамлету не до тонкостей. Принц будет просто ждать своего часа, твердо веря, что рано или поздно он придет.

«…Меж избраньем и моей надеждой»

Гамлет рассказывает, что он, ощущая опас-

ность, не сомкнул глаз на борту корабля, пробрался в каюту Розенкранца и Гильденстерна и украл письмо, которое они везли. Вскрыв письмо, он обнаружил, что короля Англии просят казнить Гамлета. Принц написал новое письмо, где англичанину поручали казнить его подателей, скрепил его отцовской печатью (которую случайно сохранил) и подменил им прежнее послание.

Затем на их корабль напали пираты (о чем Горацио узнал из предыдущего письма Гамлета). Во время абордажа принц перескочил на чужое судно, но корабли расцепились, и принц оказался в плену. Гамлет сумел убедить пиратов отвезти его обратно в Данию; теперь он здесь, а Розенкранц и Гильденстерн плывут навстречу собственной гибели.

Затем Гамлет перечисляет свои обиды на короля Клавдия:

> Не долг ли мой — тому, кто погубил
> Честь матери моей и жизнь отца,
> Стал меж избраньем и моей надеждой,
> С таким коварством удочку закинул
> Мне самому…

Акт V, сцена 2, строки 64–66

Здесь Гамлет в первый и последний раз откры-

то признается в том, что имел «надежды» на трон, и переживает из-за того, что позволил Клавдию перехитрить себя.

Как и в сцене с матерью после убийства Полония, он перечисляет свои обиды в порядке от наименьшей к наибольшей. Порядок прежний: сначала убийство короля, затем брак матери и потеря трона. На этот раз Гамлет добавляет к списку четвертую обиду, о которой заговорил во время свидания с матерью. Эта наихудшая обида — попытка Клавдия убить его.

«В гибели воробья…»

Горацио указывает, что, если Гамлет по-прежнему хочет отомстить и сесть на трон, ему следует учесть, что известие о смерти Розенкранца и Гильденстерна еще больше насторожит короля. Времени мало; рассчитывать на то, что угрызения совести и неуверенность в себе снова позволят застать Клавдия врасплох, не приходится. Гамлет соглашается, что времени не так много:

> Должно быть, скоро; промежуток мой…
>
> ***Акт V, сцена 2, строка 73***

И все же он не торопится. Принц перестал

строить планы, потому что ранее именно они привели его к катастрофе. Когда приходит гонец и предлагает Гамлету выступить в поединке с Лаэртом на шпагах (причем король Клавдий заключил пари на победу Гамлета), принц вяло соглашается.

Прежде Гамлет мгновенно догадался, зачем король посылает его в Англию, но теперь ему все безразлично. Поединок на шпагах с Лаэртом, который стал его смертельным врагом, ничуть не волнует принца. Он заверяет Горацио, что не переставал тренироваться и сможет одержать победу, однако добавляет:

> Но ты не можешь себе представить, какая тяжесть здесь у меня на сердце; но это все равно.
>
> ***Акт V, сцена 2, строки 213–214***

Возможно, принц думает об Офелии и размышляет, не слишком ли дорогую цену, потеряв ее, он заплатил за трон, который все еще не принадлежит ему. Горацио догадывается о дурных предчувствиях Гамлета и уговаривает его отказаться от поединка. Гамлет только пожимает плечами. Отныне он все свои надежды возлагает на божество, которое «намерения наши доверша-

ет». Отвергая совет Горацио, он говорит:

> Отнюдь; нас не страшат предвестия; и в гибели воробья есть особый промысел. Если теперь, так, значит, не потом; если не потом, так, значит, теперь; если не теперь, то все равно когда-нибудь; готовность — это все.
>
> ***Акт V, сцена 2, строки 220–224***

Это намек на заверение в помощи Небес, которым Иисус подбадривал своих апостолов: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий[36]? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего» (Мф., 10: 29).

Если так, то зачем Гамлету тратить силы на то, чтобы управлять событиями, оборачивая их к собственной выгоде? Бог все сделает сам, когда захочет; задача Гамлета состоит лишь в том, чтобы не пропустить этот миг.

«Бедный Гамлет во вражде…»

И вот поединок настал!

Лаэрт и Гамлет церемонно приветствуют друг

---

[36] Примечания: 36
в оригинале: «за фартинг». — Е. К.

друга. Гамлет благородно просит прощения и возлагает вину за смерть Полония на собственное безумие. Он говорит:

> Раз так, он сам из тех, кто оскорблен;
> Сам бедный Гамлет во вражде с безумьем.

Акт V, сцена 2, строки 238–240

Может показаться, что в этот момент Гамлет кривит душой. Он знает, что на самом деле вовсе не был безумен. И все же ему еще приходится притворяться сумасшедшим; именно эта необходимость довела принца до состояния, когда он нанес удар вслепую, через ковер. В этом смысле враг «бедного Гамлета» не само безумие, а необходимость притворяться безумным. И все же… В момент смерти Полония Гамлет испытывал ощущение триумфа от успеха «пьесы в пьесе» и наконец получил возможность высказать матери все, что накипело на душе. Возможно, в тот миг он действительно был безумен.

«…Король виновен»

Поединок начинается. Лаэрт тщательно выбирает рапиру, Гамлет же берет первую, попавшую-

ся под руку, и беспечно спрашивает:

Длина у всех одна?

Акт V, сцена 2, строка 266

В первой схватке Гамлет дерется блестяще, и королева пьет за его победу. Несмотря на инстинктивную попытку Клавдия остановить Гертруду, она выпивает яд, предназначенный для Гамлета.

В последнем обмене ударами Лаэрту удается ранить Гамлета. В большинстве постановок Гамлет внезапно замечает, что на рапире Лаэрта нет защитного наконечника, вынуждает соперника поменяться оружием и, в свою очередь, ранит Лаэрта.

Королева падает с криком, что ее отравили. Лаэрт тоже падает; корчась от боли, он признается в содеянном и кричит Гамлету:

…погибла мать твоя;
Я не могу… Король… король виновен.

Акт V, сцена 2, строки 320–321

Гамлет получает желаемое. Без всяких планов и интриг; божество действительно исполнило его намерения. Короля перед всем двором обвинили

в тягчайших преступлениях, обстоятельства не позволяют усомниться в его намерениях.

Для Гамлета «готовность — это все», и он готов. Он убивает короля.

«Я древний римлянин…»

Но конвейер смерти уже не остановить. Гамлет отравлен. Он тоже умирает. Он отомстил, но королем так и не стал.

Чувствуя, что слабеет, Гамлет просит Горацио достоверно описать события и не позволить распространиться слухам, будто Гамлет действовал бесчестно. (Возможно, принца все еще волнует, что люди могут подумать, будто он выбрал слишком сложный способ мести и, притворяясь безумным, покорился «пращам и стрелам яростной судьбы».)

Однако Горацио тоже не хочет жить. Схватив кубок с остатками отравленного вина, он говорит:

> Я римлянин, но датчанин душою;
> Есть влага в кубке.

Акт V, сцена 2, строки 342–343

Согласно христианскому закону, самоубийство

— грех. Жизнь дается Богом и принадлежит Богу. Сознательный отказ от жизни — это убийство даже в том случае, если убийца лишает жизни самого себя.

Однако дохристианские римляне мыслили иначе. Для них (так же, как для японцев до Второй мировой войны) предпочесть смерть бесчестью считалось благородным поступком.

Возможно, самым красноречивым примером является смерть Катона-младшего, который после разгрома его армии Юлием Цезарем покончил с собой, не желая пережить гибель свободы своей страны.

Умирающий Гамлет напрягает остатки сил и вырывает у Горацио кубок с ядом. Он потерял жизнь и трон, но должен, по крайней мере, спасти свою честь. Клавдия любили; наверняка найдутся те, кто будет настаивать на его невиновности и доказывать, что Гамлет убил короля только из честолюбия. Горацио должен выступить свидетелем и сообщить людям правду:

> Когда меня в своем хранил ты сердце,
> То отстранись на время от блаженства,
> Дыши в суровом мире, чтоб мою

Поведать повесть.

Акт V, сцена 2, строки 347–350

«На Фортинбраса…»

Прибывают второстепенные персонажи. Фортинбрас Норвежский с победой возвращается из Польши. Приплывают послы из Англии. Но глаза Гамлета закрываются, голос слабеет. Он говорит:

Я умираю;
Могучий яд затмил мой дух; из Англии
Вестей мне не узнать. Но предрекаю:
Избрание падет на Фортинбраса.
Мой голос умирающий — ему.

Акт V, сцена 2, строки 355–357

Видимо, Гамлет был единственным сыном Гамлета-старшего, а Клавдий детьми не обзавелся. Судя по тому, что говорится в пьесе, после смерти Гамлета-младшего в живых не осталось никого из королевского рода. Однако Дании нужен король. Норвежцы близкая родня датчанам, а юный Фортинбрас зарекомендовал себя отличным воином. Вполне разумно вручить скипетр ему.

Это еще одно эхо времен Кнуда. Когда в 1042 г.

умер второй сын Кнуда Хардкнуд, датская королевская линия Кнуда оборвалась. Предусмотрев такую возможность, Хардкнуд завещал королевство Магнусу Норвежскому, о котором ранее уже говорилось (см. в гл. 3: «Юный Фортинбрас…») как о прототипе юного Фортинбраса из «Гамлета».

Магнус Добрый правил Норвегией и Данией с 1042 по 1047 г.

Так заканчивается эта горькая пьеса о тщетности мести. Прибывшие послы объявляют, что английский король казнил Розенкранца и Гильденстерна, а Горацио намерен рассказать Фортинбрасу, «как все произошло». Нам остается лишь присоединиться к трогательным словам Горацио о покойном принце:

> Почил высокий дух. Спи, милый принц,
> Спи, убаюкан пеньем херувимов!
>
> ***Акт V, сцена 2, строки 360–361***

Глава 4 «Макбет»

«МАКБЕТ»
С
КЕЙТНЕСС
РОСС
ГЕБРИДЫ
Элгин
Форрес
Кавдор
Инвернесс
(в переводе — Инвернес)
ГАЙЛЕНДС (НАГОРЬЕ)
АНГУС
Дунсинан
Бирнам
Гламис
Данди
Сконе
Перт
ЛЕННОКС
(в переводе — Леноке)
ФАЙФ
Эдинбург
ЛОТИАН
(БЕРНИЦИЯ)
ЛАУЛЕНДС (РАВНИНА)
НОРТУМБЕРЛЕНД
КАМБЕРЛЕНД
(в переводе — Комберленд)
ИРЛАНДИЯ
АНГЛИЯ
УЭЛЬС
ШОТЛАНДИЯ XI ВЕКА

24 марта 1603 г. королева Елизавета I Английская умерла, не оставив наследника. (Более того, она никогда не была замужем.) Ее тетя, Маргарита Тюдор, старшая сестра отца Елизаветы Генриха VIII, была замужем за Яковом IV Шотландским. Во время правления Генриха VIII в Англии Шотландией правил сын Маргариты и Якова IV Яков V. Таким образом, Яков V приходился Елизавете I двоюродным братом по материнской линии.

Яков V умер в 1542 г. в возрасте тридцати лет, еще до начала правления Елизаветы I. Он оставил после себя шестидневную дочь — ту самую, которой предстояло стать знаменитой Марией Стюарт, королевой скоттов. Восставшая знать заставила Марию в 1567 г. отречься от престола, после чего королем стал ее сын двух с половиной лет.

Этот сын, правивший под именем Якова VI, был праправнуком Генриха VII Английского (между ними были два наследника женского пола), в то время как Елизавета приходилась Генриху VII внучкой. Когда Елизавета I умерла, Яков VI все еще оставался королем Шотландии. Поскольку он был ее ближайшим живым родственником (внучатым племянником), то унаследовал английский трон и стал Яковом I, королем Вели-

кобритании и Ирландии.

В 1589 г. Яков VI женился на Анне Датской, дочери Фредерика II Датского, умершего годом ранее, и старшей сестре нового короля, Кристиана IV (которому было суждено процарствовать неправдоподобно долгий для того времени срок — целых шестьдесят лет).

В 1606 г. Кристиан IV нанес визит своему зятю, Якову I Британскому; считается, что Шекспир написал пьесу «Макбет» именно по этому торжественному поводу.

Пьеса была написана по августейшему заказу; чтобы удовлетворить короля, Шекспиру пришлось использовать не только все свое искусство драматурга, но и талант дипломата. В пьесе описан ранний период истории скоттов, это единственное творение Шекспира, посвященное подобной теме. Ясно, что это сочинение — дань шотландскому происхождению Якова.

«(Входят три ведьмы)»

Угождая вкусам нового монарха, Шекспир насытил пьесу колдовством; «Макбет» — единственная пьеса, в которой изображены ведьмы.

Начало нового правления ознаменовалось расцветом охоты на ведьм. И не всегда это было

безумием. Кое-где в Западной Европе у крестьян еще сохранялись дохристианские верования и ритуалы; несомненно, были люди, пытавшиеся заниматься магией и всерьез считавшие себя ведьмами и колдунами, как их называли другие.

Некоторых ловили и обращались с ними как с величайшими грешниками, действительно обладавшими магическими способностями. Но вместе с ними подвергали пыткам и убивали многих старух, вся вина которых состояла в том, что они были старыми и уродливыми. Подобную практику обычно оправдывали, приводя страшную строку из Библии, гласившую: «Ворожеи не оставляй в живых» (Исх., 22: 18).

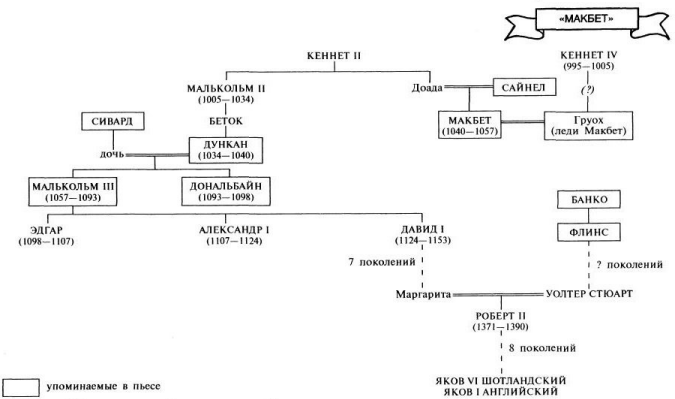
Так уж случилось, что Яков I считал себя ученым. Он писал теологические трактаты, имел твердые убеждения, которые обстоятельно аргументировал, и утомлял окружающих своим напыщенным педантизмом. Этот человек был о себе слишком высокого мнения, но где найти смельчака, который дерзнет спорить с королем и доказывать, что тот не прав? Это может позволить себе только другой король. Генрих IV Французский (куда более способный человек) однажды саркастически сказал о Якове: «Это самый мудрый дурак во всем христианском мире»; боль-

шинство людей считает, что Генрих был прав.

Однако это вовсе не значит, что Яков в самом деле был дураком. Кое в чем Яков действительно разбирался. В 1604 г. он написал анонимную брошюру «О вреде табака», в которой энергично боролся с новой привычкой табакокурения; с некоторыми ее утверждениями охотно согласится современный некурящий, тем более что открытия новейшей медицины их подтверждают.

Яков I считал себя крупным специалистом в области колдовства. В 1597 г. он написал книгу под названием «Демонология», в которой оправдывает применение против ведьм самых крутых мер.

«Что ж, если Яков I интересуется ведьмами, будут ему ведьмы», — решил Шекспир. Придумывать что-то от себя ему не пришлось. Драматург ознакомился с источниками и обнаружил ведьм в рассказе о древнем шотландском короле Макбете. Возможно, единственной причиной выбора этого эпизода шотландской истории было именно то, что он позволил Шекспиру вывести на сцену ведьм.



Примечание. Имена женщин набраны строчными буквами.

Поэтому «Макбет» начинается в таинственном «пустынном месте». Первая же авторская ремарка гласит:

«(Гром и молния. Входят три ведьмы)»

Акт I, сцена 1 (перевод Б. Пастернака)

Они появляются на сцене гротескные — таинственные, предвещающие несчастье. Легко представить себе, как Яков I откидывается на спинку кресла и бросает довольный взгляд на своего августейшего шурина. Он получит возможность изучить театральных ведьм, а после

окончания пьесы дотошно объяснит бедному Кристиану все места, доказывающие, что Шекспир на самом деле совершенно не разбирается в ведьмах.

«Мурлычет кот...»

Первое появление ведьм (если не считать удовольствия, доставленного Якову) служит только одной цели: создать соответствующую атмосферу. Они собрались лишь для того, чтобы решить, когда состоится следующая действительно важная встреча. Из быстрого обмена вопросами и ответами мы узнаем, что вскоре произойдет битва и что ведьмы намерены встретиться с неким человеком по имени Макбет.

Вслед за этим ведьмы вынуждены расстаться, потому что их зовут. Первая ведьма восклицает:

> Мурлычет кот, зовет. Иду!
>
> ***Акт I, сцена 1, строка 8***[37]

Вторая ведьма[38] говорит:

---

[37] Примечания: 37
В оригинале: «Иду, Греймалкин». — *Е. К.*

[38] Примечания: 38
в переводе — Третья. — *Е. К.*

Зов жабы слышу я в пруду.

Акт I, сцена 1, строка 9

Считается, что ведьмы продают душу дьяволу, а взамен получают злых духов в качестве компаньонов и слуг. По-латыни слуга famulus. Поэтому дух-слуга называется «фамильным духом», или просто «фамильяром».

Существовало поверье, что эти фамильяры принимают облик животных, чтобы незаметно жить рядом с ведьмой, не вызывая подозрений. Охотнее всего они принимали облик кошки (возможно, это поверье основывалось лишь на том, что старые дамы, пережившие всех своих родных и оставшиеся в одиночестве, считали кошек созданиями тихими и удобными в общежитии. Если в старости эти дамы становились ведьмами, то кошки являлись их фамильярами).

Видимо, Греймалкинами в свое время часто называли серых кошек: grey означает «серый», а Малкин — уменьшительное от популярного тогда (и теперь) кошачьего имени Матильда.

У фамильяра Второй ведьмы облик жабы (видимо, тоже привычного облика злого духа, поскольку это создание маленькое, широкое и уродливое).

«Кто этот окровавленный солдат?»

Ведьмы допевают последний куплет и исчезают, но гадать, что будет дальше, нам не придется. Предсказание о предстоящей битве сбывается сразу же. На сцене появляется старый король и его двор. Навстречу им попадается раненый солдат. Король спрашивает:

> Кто этот окровавленный солдат?
> Мне кажется, мы от него узнаем
> О ходе мятежа.

Акт I, сцена 2, строки 1–3

Короля, задающего вопрос, зовут Дункан. Он занял престол в 1034 г. В то время шотландцы еще только формировались как нация. Всего два века назад эту территорию заселяли дикие племена, искавшие в горах спасения от римлян, которые управляли южной частью острова до 410 г. н. э., и саксов, начавших проникать туда столетием позже.

Однако к 800 г. н. э. север Британии утратил свою безопасность. Угроза пришла со стороны восточных и северных морей: набеги совершали викинги. Не меньше страдали от этих набегов

Англия и Ирландия.

Викинги захватили северную часть острова и удерживали ее до тех пор, пока скотты, обосновавшиеся в более южных районах, не начали объединяться в целях самообороны. В 840 г. сформировалось ядро нации, впоследствии названной шотландцами, но еще долго за титул короля боролись несколько родов (чаще всего проливая немало крови), таким образом, ранняя история Шотландии покрыта туманом.

Шотландская история стала обретать некие контуры только после воцарения Дункана и появления одной правящей династии. Сохранились династические междоусобицы и постоянные войны с Англией на юге, но с этого времени все шотландские короли были потомками Дункана (за одним-единственным исключением, которое и послужило основой этой пьесы).

Фактически о Дункане I мы знаем только одно: что он правил. Холиншед, который являлся источником для Шекспира, говорит, что Дункан был «мягким и добрым по природе». Возраст Дункана не указан, но похоже, что король был довольно молод. Он сменил на троне своего деда, Малькольма II (1005–1034). Даже если Малькольм II дожил до семидесяти лет (для того времени

возраст неслыханный), можно предположить, что его внуку Дункану во время коронации было около тридцати. Он правил всего шесть лет, так что в последний год его царствования (1040 г. — начало пьесы) королю было всего тридцать шесть лет. Еще одним доказательством относительной молодости Дункана является то, что он оставил после себя двоих сыновей, старшему из которых было только девять лет.

Тем не менее Шекспир изображает его стариком. Частично это должно подчеркнуть ужас кровавого преступления, положившего конец его царствованию, а частично объясняется боязнью оскорбить короля Якова I. Отец Якова, лорд Генри Дарнли, тоже был убит; многие верили, что к этому преступлению имела отношение мать Якова. Напоминать об этом Якову было бы верхом глупости. Однако лорд Дарнли погиб в возрасте двадцати двух лет, поэтому, изображая Дункана почтенным седобородым старцем, Шекспир уменьшал сходство с исторической личностью.

(Поскольку события «Макбета» происходят в 1040–1057 гг., его главные герои — современники Гамлета.)

«…Избегнуть плена»

Один из прибывших с королем узнает раненого и говорит:

> Он — тот сержант,
> Который мне помог избегнуть плена.

Акт I, сцена 2, строки 3–5

Это Малькольм, старший сын Дункана. Он родился около 1031 г., так что в начале «Макбета» ему должно быть всего девять лет. К концу пьесы принцу уже двадцать шесть, и в последнем акте он вполне может играть предназначенную ему роль. Но «сценическое время» у Шекспира никогда не соответствует реальному историческому. На самом деле он преднамеренно развертывает действие пьесы в ураганном темпе, создавая впечатление, что прошло очень мало времени. Поэтому в пьесе возраст героев не меняется; в конце пьесы Малькольму столько же лет, как в начале.

У Малькольма есть младший брат, Дональбайн (он же Дональд Бейн, или Дональд Бонни, то есть Красивый); он тоже появляется на сцене, но в действии практически не участвует.

В пьесе Дункан и Малькольм изображены симпатичными и очень привлекательными; возможно, потому, что Яков I являлся их дальним потомком. От Дункана его отделяло восемнадцать поколений (причем в этих поколениях были три наследницы-женщины), а от Малькольма — семнадцать.

Дональбайн играет в пьесе третьестепенную роль. За все время действия он произносит семь строк. Частично это происходит потому, что он действительно играл незначительную роль в событиях этой пьесы. Частично же потому, что он не был, как мы можем подозревать, прямым предком короля Якова.

«Безжалостный Макдональд...»

Сержант (который в списке действующих лиц издания Signet значится как Капитан) описывает битву:

> Безжалостный Макдональд, сочетавший
> В себе все низости бунтовщика,
> Набрал отряд ирландских копьеносцев

И поднял западные острова.

Акт I, сцена 2, строки 9–13[39]

Шотландское королевство, по-настоящему объединившееся только при Дункане и его ближайших преемниках, было далеко не прочным объединением. Вожди некоторых племен стремились не только сохранить независимость, но и захватить верховную власть, хотя в те времена она стоила немногого. Западные острова, находившиеся у северо-западного побережья Шотландии и в то время чаще называвшиеся Гебридами (от искаженного названия, использовавшегося греческими географами), с 900 г. попали под власть викингов. Фактически викинги владели как этими островами, так и всей северной частью острова (Хайлендс, или Северо-Шотландским нагорьем). Такое положение сохранялось не только во время действия пьесы, но и через двести лет после Дункана.

«Керны и галлоуглассы» (так называли ирландских солдат легко и тяжеловооруженных пехотинцев соответственно) пришли с Гебрид и, согласно Холиншеду, из самой Ирландии, кото-

---

[39] Примечания: 39

В оригинале: «…набрал кернов и галлоуглассов с западных островов». — *Е. К.*

рая в то время также находилась под сильным влиянием викингов.

Следовательно, Макдональд с помощью викингов воюет против нового шотландского королевства, созданного на Равнине (Лаулендс) и грозившего покончить с властью викингов на севере. В конечном, счете так и произошло.

«Храбрец Макбет…»

Согласно свидетельству сержанта, сначала исход битвы складывался в пользу Макдональда:

> Судьба старалась поддержать повстанца,
> Но ничего поделать не могла.
> Храбрец Макбет (он назван так по праву)
> Пробил себе отважно путь мечом,
> Дымившимся кровавым воздаяньем,
> И, став с изменником лицом к лицу…

Акт I, сцена 2, строки 14–20

Получается, что Макбет, о котором мельком упомянули ведьмы в первой сцене, — это преданный вассал Дункана, сражающийся на стороне своего суверена.

Однако на самом деле Макбет не просто полководец. Похоже, он приходится внуком Кеннету II (971–975), отцу Малькольма II; возможно, его мать была сестрой Малькольма. Поскольку Дункан был внуком Малькольма II, Макбет приходился правящему королю двоюродным дядей. Исторический Макбет старше короля; в то время ему было около сорока лет. Однако в пьесе Макбет изображен могучим воином в расцвете лет, а Дункан — пожилым человеком.

В пьесе прямо говорится о наличии родственной связи между Макбетом и Дунканом. Услышав рассказ сержанта о том, как Макбет прорвался к Макдональду и убил его, Дункан восклицает:

> Наш храбрый родич!
>
> ***Акт I, сцена 2, строка 24***[40]

Можно возразить, что во времена Шекспира кузенами называли не только родственников, но и близких друзей. Однако позже о кровном родстве с Дунканом говорит сам Макбет:

---

[40] Примечания: 40
В оригинале: «Наш доблестный кузен!» — *Е. К.*

Я — родственник и подданный его…

Акт I, сцена 7, строка 13

Этот факт родственной связи очень важен. Макбет, как «кузен» (точнее, двоюродный дядя) Дункана, принадлежит к царствующему роду. Нельзя забывать, что в ту эпоху не существовало официальной системы «законного» престолонаследия, согласно которой один член правящей семьи имеет общепризнанное преимущественное право на трон перед другими.

В идеале престол доставался самому сильному и способному члену королевской семьи. Дункан был добрым и мягким, но правил небрежно и неэффективно. Такой король непригоден в трудные времена; при Дункане в стране воцарилась анархия; восстания вспыхивали одно за другим. Макбету это не нравилось. Как сказано у Холиншеда, «…Макбет часто выступал против мягкости короля и его неумения наказывать обидчиков…».

Макбету можно только посочувствовать. Слабость Дункана позволила Макдональду поднять восстание, и Макбету пришлось рисковать жизнью, чтобы компенсировать неудачу Дункана. Видимо, многие замечали инертность Дункана

и неуемную энергию Макбета и жалели, что на троне находится племянник, а не дядя. (Видимо, так же думал и сам Макбет.)

Конечно, ничего этого у Шекспира нет; права Дункана (предка Якова I) на престол бесспорны, в то время как притязания Макбета (который предком Якова не являлся) совершенно беспочвенны.

«Король Норвежский…»

Превосходство Макбета как полководца становится ясным уже после победоносного сражения с Макдональдом, потому что с гибелью предводителя восстание не закончилось. Сержант говорит, что не успела завершиться битва, как на поле боя появился новый соперник:

> Король Норвежский, улучивши миг,
> На нас повел нетронутые силы.
>
> ***Акт I, сцена 2, строки 31–33***

Согласно Холиншеду, это был «Свено, король Норвежский». Возможно, это был Свен II Датский, ставший королем в 1047 г., основавший новую династию после смерти сына Кнуда Хардкнуда и сменивший последнего Магнуса I Норвежского. Если так, то использование имени Свена незна-

чительный анахронизм, хотя в последние годы своего правления он предпринял две тщетные попытки напасть на Англию, которой в то время уже надежно владел Вильгельм Завоеватель.

Вполне вероятно, что в Шотландию вторглись не норвежцы, с которыми пришлось столкнуться Макбету, а датчане, как бы ни звали их предводителя. Во всяком случае, Шекспир предпочел назвать этого человека норвежцем. В конце концов, среди публики присутствовал Кристиан IV Датский, шурин нового короля, поэтому упоминание о поражении датчан было бы аполитично.

Возможно, вторжение норвежцев было не второй битвой, а скорее продолжением первой. Макдональд, воевавший с помощью викингов, мог быть разбит применившим искусный маневр Макбетом, который благодаря поразительной быстроте встретился с Макдональдом еще до того, как тот успел соединиться со своими норвежскими союзниками. Сначала Макбет разбил мятежного тана, а потом напал на норвежцев.

«…Банко и Макбета?»

Расстроенный вестью о новом вторжении, Дункан спрашивает:

И что ж, скажи, он этим устрашил
Командующих — Банко и Макбета?

Акт I, сцена 2, строки 33–34

Это первое упоминание о Банко. Его имя встречается у Холиншеда, но есть основания считать, что это персонаж не исторический. Похоже, его придумали в политических целях.

Яков I Британский принадлежал к роду Стюартов. Первым шотландским королем из династии Стюартов был Роберт II, взошедший на трон в 1371 г.

Роберт II унаследовал трон, потому что его мать была младшей сестрой предыдущего короля, Давида II. По матери Роберт II (а впоследствии и Яков I) считал себя отпрыском старых шотландских королей, в том числе Дункана и его предшественников. Но по отцу он был всего лишь наследником Уолтера Фицалана, норманнского барона, стюарда шотландского короля Давида I, правившего через семьдесят пять лет после Дункана.

По мужской линии род Стюартов идет не дальше Давида I; в ту пору он был представлен иммигрантом из Англии (извечного врага Шотландии), занимавшим не военный, а уни-

зительный для того времени гражданский пост, о котором говорит его прозвище, со временем ставшее фамилией (Steward — Stuart). Конечно, в то время должность стюарда была намного более важной, чем сейчас. В Средние века стюард, или мажордом короля, управлял имением и всеми домашними торжествами. В наше время его называли бы министром двора.

В результате пришлось сочинить легенду о Банко, потомками которого якобы были Стюарты. Во времена Дункана этот мифический Банко принадлежал к благородному шотландскому роду. Более того, он был храбрым и победоносным полководцем. Такой основатель рода годился Стюартам куда больше, чем незначительный Уолтер Фицалан.

К времени Холиншеда легенда о Банко успела пустить корни; именно поэтому он упомянут в хронике. Однако Холиншед творил в эпоху Елизаветы, а потому не имел оснований петь дифирамбы какой-то малоизвестной личности. Положение Шекспира было совсем другим. Поскольку Яков I считал себя потомком не только Дункана, но и Банко, с последним следовало обращаться в лайковых перчатках. Что и было сделано.

«…Новую ль Голгофу»

Предположение о том, что Макбета и Банко может что-то напугать, вызывает у сержанта смех. Он сам покинул поле боя, потому что был ранен, и не знает, чем закончилась битва, но полководцы «удвоили решительность ударов»:

> Омыться ль жаждали они в крови,
> Увековечить новую ль Голгофу.
> Не знаю…

Акт I, сцена 2, строки 39–40

Голгофа (буквально: «лобное место») — название местности, в которой был распят Иисус (см. Мф., 27: 33). Сержант имеет в виду, что честолюбивый Макбет устроил настоящую бойню, после которой поле сражения приобретет такую же печальную известность, как Голгофа.

«…Росский тан»

Сержант слабеет и не успевает закончить рассказ. Его уводят к врачу. Однако прибывают еще двое, и Малькольм узнает одного из них:

Почтенный росский тан.

Акт 1, сцена 2, строка 45

Тан — производное от слова, означающего «сторонник» или «слуга». Поскольку ближайшими сторонниками, или «слугами», короля были аристократы, впоследствии это слово превратилось в дворянский титул, эквивалентный графу.

Росс — область в северной Шотландии; возможно, использование этого названия анахронизм. Похоже, в то время Росс еще принадлежал викингам, а потому первый граф Росский мог появиться лишь через век с лишним после смерти Дункана.

Вместе с росским таном приходит и тан Ангуса (название графства на востоке центральной Шотландии). А короля сопровождает тан Леннокса[41]. Эти титулы также являются анахронизмами. Они были хорошо известны позднее, но не во время Дункана.

«...Кавдорским таном»

Король спрашивает, откуда прибыл Росс, и тот отвечает:

---

[41] Примечания: 41
в переводе — Ленокс. — *Е. К.*

Я, государь, из Файфа,
Где небо овевал норвежский стяг…

Акт I, сцена 2, строки 48–49

Файф — графство в юго-восточной Шотландии, находящееся на противоположном от Эдинбурга берегу залива Ферт-оф-Форт. Высадившимся там викингам удалось нанести удар в самое сердце Шотландии. Более того, они получили помощь от шотландского ренегата:

Там полчища норвежские слились
С отпавшим от тебя кавдорским таном
И завязали с нами страшный бой.
Но подоспел Макбет, жених Беллоны,
В своей непроницаемой броне,
Сошелся с ними в жаркой рукопашной…

Акт I, сцена 2, строки 51–55

Кавдор — маленький город в северной Шотландии, примерно в 10 милях (16 км) к востоку от Инвернесса[42]. Видимо, там и проходила северная граница территории, которой правил Дункан. Севернее находились викинги.

---

[42] Примечания: 42
в переводе — Инвернес. — *Е. К.*

Возможно, кавдорский тан считал, что победу одержат викинги, и переметнулся к ним. Видимо, на поле боя его не было, потому что позже выясняется, что Макбет (который там сражался) не знает об измене кавдорского тана. Скорее всего, этот тан помогал викингам припасами, людьми или как минимум информацией, а доверенные лица короля узнали об этом.

Беллона — римская богиня войны; иногда ее считали женой Марса. Следовательно, женихом Беллоны был именно Марс; иными словами, Макбета, который выиграл вторую битву так же, как первую, величают Марсом. Норвежцы разбиты и вынуждены платить репарации.

Дункан выносит приговор изменнику, поставившему не на ту лошадь:

> Поправший верность нам кавдорский тан
> Наказан будет смертью за обман.
> А с областями вражьего клеврета
> И титулом его поздравь Макбета.

Акт I, сцена 2, строки 63–65

Иными словами, движимое и недвижимое имущество, а также титул кавдорского тана отныне переходят к Макбету.

«Роковые сестры…»

На сцене снова появляются три ведьмы. Они находятся в выжженной степи, или пустоши — месте необитаемом и нераспаханном.

Примерно тридцать строк посвящено их разговорам о колдовских проделках вроде мора свиней или напускания порчи на моряков. Строки не имеют отношения ни к событиям пьесы, ни к самим ведьмам. Они явно сочинены для того, чтобы доставить удовольствие королю Якову.

Но внезапно раздается барабанный бой, сообщающий о приближении Макбета. Ведьмы быстро произносят вслух заклинание:

> Взявшись за руки, бегом
> Вкруговую впляс пойдем.
> Замелькает хоровод,
> Из-под ног земля уйдет.

Акт I, сцена 3, строки 32–34[43]

Обобщающее имя, которое дал этим созданиям Шекспир (впрочем, с подачи Холиншеда), означает, что они не просто ведьмы.

---

[43] Примечания: 43

«Weird sisters» — «Роковые сестры» — в переводе пропущены. — *Е. К.*

Со временем слово «weird» стало означать «жуткий, зловещий, отталкивающий». Использование его в этом смысле оправданно, но первоначально его значение было иным. Это слово происходит от англосаксонского wyrd, что значит «судьба, рок, фатум».

Роковые сестры — это три создания, которые правят судьбой. В скандинавской мифологии их называли норнами. Поначалу была лишь одна норна (Судьба), однако со временем она разделилась на три части, символизирующие Прошлое, Настоящее и Будущее. (У греков их тоже было три.)

Норны — неумолимые судьи, перед которыми бессильны даже боги. Они воплощали то, Что Было, Что Есть и (самое страшное) Что Будет.

Таким образом, перед нами не старые карги, что-то помешивающие в котелках и визгливо хихикающие при этом, а наводящие ужас сверхъестественные создания, олицетворяющие неотвратимую Необходимость, которая ожидает Макбета.

«...До Форреса?»

На сцене появляются Макбет и Банко, и Банко спрашивает:

Далеко ли до Форреса?

Акт I, сцена 3, строка 39

Два полководца в одиночку едут на север от места недавней битвы с викингами. Форрес находится примерно в 90 милях (144 км) к северу от Файфа и примерно в 20 милях (32 км) к востоку от Кавдора.

Видимо, после сражения король и его двор отправились на север вершить суд над кавдорским таном. Согласно Холиншеду, Кавдора судили и приговорили к смерти в Форресе. В любом случае шотландский двор был вынужден проводить некоторое время в Форресе у северных пустошей, чтобы наблюдать за постоянной войной с викингами, которая велась в Хайленде.

Очевидно, король вызвал Макбета и Банко в Форрес, на подступах к которому путешественники и встретили роковых сестер.

«…Королю в грядущем!»

Каждая из роковых сестер по очереди воздает хвалу Макбету.

Первая ведьма

Хвала тебе, Макбет, гламисский тан!
Вторая ведьма
Хвала тебе, Макбет, кавдорский тан!
Третья ведьма
Хвала Макбету, королю в грядущем!

Акт I, сцена 3, строки 48–50

Различия соблюдаются четко. Первая ведьма — это Что Было: Макбет был гламисским таном. (Гламис — город в графстве Ангус, в 10 милях (16 км) к северу от Данди.) Вторая ведьма — Что Есть: сейчас Макбет кавдорский тан, хотя еще не знает ни об этом, ни, судя по всему, об измене предыдущего тана, носившего этот титул. Конечно, Третья ведьма — это Что Будет.

Зачем роковые сестры говорят это Макбету? Достаточно одного предсказания о том, что ему предстоит стать королем. Если воспринимать пьесу поверхностно, то слова Третьей ведьмы зародили в голове Макбета мысли о троне, что обусловило остальные события. Если так, то ведьм следует считать демонами, единственная цель которых — навлечь на Макбета проклятие.

Но что, если роковые сестры олицетворяют темные мысли, бродящие в мозгу самого Макбета? Одержанные победы, вероятно, заставили

его остро почувствовать, что на троне находится не тот человек. Может быть, он уже представлял себя на месте короля, а ведьмы лишь донесли его мысли до публики.

Но Шекспир не сам придумал трех ведьм; их можно найти у Холиншеда, так что не следует считать норн выдумкой великого драматурга.

После описания встречи Макбета с роковыми сестрами у Холиншеда следует комментарий, который Шекспир принимает без всяких возражений: «Впоследствии говорили, что эти женщины были либо роковыми сестрами (которых я сам назвал бы богинями судьбы), либо некими нимфами или феями, обладавшими пророческим даром благодаря занятиям некромантией».

Видимо, Холиншед, а вслед за ним Шекспир приняли на веру не подвергавшуюся сомнению легенду о том, что Макбет действительно встретился с чем-то сверхъестественным. Как возникла эта легенда? Может быть, это и чистая выдумка, однако за ней кое-что кроется.

В VI в. в Ирландии началось нечто вроде Возрождения. Эта эпоха длилась до IX в.; затем пришли викинги, после чего остров вновь вернулся во времена варварства. С XI по IX в. ирландские монахи распространяли свое учение не только

на Британских островах, но и на континенте. Это было христианство, но не римско-католическое; имелись существенные различия в деталях.

Рим боролся с этим «кельтским христианством», причем очень успешно. В 664 г. согласно решению собора в Уитби Англия официально отмежевалась от кельтского христианства и перешла в католичество. Кельтское христианство искореняли даже в самой Ирландии.

Поэтому последним оплотом кельтского духа и национальной идеи стала Шотландия, упорно защищавшая его вплоть до времен Дункана. Мы очень мало знаем о подробностях этой борьбы, потому что после своего триумфа Римско-католическая церковь уничтожила все упоминания о том, что она считала дьявольскими культами и ересями.

Католичество одержало окончательную победу, а кельтское христианство исчезло лишь после правления Макбета. Шотландская церковь могла считать Макбета одним из последних представителей старого кельтицизма и отождествлять его с туманными древними магическими и языческими обрядами. Может быть, смутные воспоминания о том, что он якшался с темными силами (под которыми подразумевалась всего

лишь преданность кельтицизму), в конце концов превратились в легенду о связи Макбета с ведьмами?

«Ты предок королей…»

Пораженный происходящим Макбет застывает на месте, но Банко (менее впечатлительный, чем его товарищ) ведет себя так, словно перед ним ярмарочные гадалки. Он спрашивает, могут ли сестры предсказать и его будущее. Третья ведьма (Что Будет) проясняет туманные пророчества сестер, сказав:

> Ты предок королей, но не король.
>
> ***Акт I, сцена 3, строка 67***

Это намек на легенду о том, что Банко — основатель рода Стюартов. (Можно представить себе, что творилось на премьере «Макбета», когда Третья ведьма декламировала эти строки в присутствии самого короля Якова.)

«Если умер мой отец…»

Наконец Макбет обретает дар речи и выражает свое изумление:

Понятно, если умер мой отец,
Гламисский тан, я, значит, тан гламисский.
Но жив и здравствует кавдорский тан…

Акт I, сцена 3, строки 71–73[44]

Сайнел был отцом Макбета и предыдущим гламисским таном. Этот титул Макбет унаследовал автоматически после смерти отца.

Но как только Макбет просит дополнительных объяснений, роковые сестры исчезают. Сразу вслед за этим появляются Росс и Ангус, разыскивающие полководцев. Они приносят известие от короля, и Макбет впервые узнает об измене Кавдора и о том, что его титул передан Макбету.

Изумленный Макбет понимает, что роковые сестры не солгали как минимум в одном. И тут его осеняет: он действительно может стать королем.

«Которых ужас…»

Для того чтобы Макбет стал королем, нужно, чтобы им перестал быть Дункан. Поэтому единственный способ выполнить пророчество

---

[44] Примечания: 44

В оригинале: «Я знаю, что я гламисский тан, поскольку Сайнел умер…» — *Е. К.*

— убить Дункана. В стране, еще не испорченной цивилизацией, прийти к такой мысли нетрудно; вплоть до описываемого времени история Шотландии представляла собой бесконечную череду междоусобных войн, в ходе которых тот или иной тан пытался убить того, кто в данный момент называл себя королем, чтобы занять его место. Макдональд был лишь последним из многих.

Однако для Макбета эта мысль вовсе не легка. Он восклицает:

> Они[45]
> не могут быть
> к добру; иначе
> Я б разве мог внушеньям уступать,
> Которых ужас волосы мне дыбит
> И заставляет сердце в ребра бить?
>
> ***Акт I, сцена 3, строки 134–137***

Столь сильную реакцию Макбета при мысли об убийстве Дункана следует понимать в свете моральных норм, принятых во времена Шекспира, а не Макбета.

В эпоху феодализма (к которой, несомненно, относится макбетовская Шотландия) король был

---

[45] Примечания: 45
сверхъестественные поощренья. — *Е. К.*

всего лишь первым среди равных. Часто король был слабее своих главных вассалов, и неповиновение этих вассалов королю, а то и прямые мятежи были скорее правилом, чем исключением.

С приходом нового времени феодализм начал разваливаться, и титул короля стал более важным, чем прежде. Короля выбирали уже не на совете вельмож (как в «Макбете» и «Гамлете»); был разработан принцип «законного престолонаследия». Каждый новый король получал свой титул по жесткой очередности рождения, даже если он был тираном, больным или слабоумным.

Считалось, что законный король избран Богом, поскольку именно Бог позволил ему родиться в нужное время, чем сделал его правление неизбежным. Право на престол получают от Бога; не зря Он даровал его именно этому человеку, а не кому-то другому. Иными словами, это была доктрина «божественного права королей».

В любом обществе, признававшем это право, убийство короля становилось самым страшным святотатством. Совершавший это преступление убивал Божьего ставленника, а следовательно, и самого Бога.

В Англии доктрина божественного права

королей никогда не пользовалась такой популярностью, как на континенте, и была не слишком эффективна. На протяжении почти всей своей истории Англия имела парламент, который все более решительно настаивал на участии в принятии управленческих решений и считал, что король отвечает перед дворянством не меньше, чем перед Богом.

Божественное право королей и, следовательно, абсолютизм достигли наивысшей точки при Генрихе VIII, правившем с 1509 по 1547 г. Его неукротимая воля и дьявольская жестокость сочетались с необычным стремлением к популярности у подданных. Елизавета I, вторая дочь Генриха, правившая с 1558 по 1603 г., также стремилась к популярности, но не была такой жестокой. Хотя и Генрих, и Елизавета действовали так, словно считали себя помазанниками Божьими, но внимания на этом не акцентировали.

Яков I был человеком совсем другого рода. Он был шотландцем, обладал омерзительными привычками (даже по елизаветинским моральным нормам не отличавшимися суровостью) и вовсе не стремился завоевать популярность у народа, которому не нравились ни его происхождение, ни его произношение, ни его характер. Он гордил-

ся собственной ученостью, настаивал на своих принципах управления страной и громко восхвалял доктрину божественного права королей.

Впрочем, осуждать его не приходится: время для королей было опасное. 1517 г. начало протестантской Реформации, и народы Европы разделились на два непримиримых лагеря: католиков с одной стороны и протестантов — с другой. Некоторые страны (в том числе и Англия) были частично католическими, частично протестантскими, так что к угрозе внешних войн прибавлялась угроза внутренних.

В такой обстановке было невероятно легко убедить людей в том, что убийство короля — дело не только законное, но и богоугодное. Для этого требовалось только одно: убийца должен был считать, что король исповедовал не ту религию.

Родную мать Якова I, Марию Шотландскую, казнили в 1587 г. как по политическим, так и по религиозным соображениям. В 1589 г. монах-фанатик Жак Клеман заколол кинжалом французского короля Генриха III, считая, что король слишком «мягко» относится к протестантам.

Поскольку «Макбета» играли в присутствии Якова I, взгляды которого на божественное пра-

во королей были хорошо известны, а вопрос о цареубийстве витал в воздухе, это заставило Шекспира изменить исторической правде и изобразить возможное убийство Дункана куда более чудовищным деянием, чем оно считалось во времена Макбета.

«…Судьба мне хочет дать корону»

Макбет со священным ужасом, достойным начала XVII в., отвергает идею цареубийства и пытается найти другой способ. Он продолжает монолог:

> Когда судьба мне хочет дать корону,
> Пусть и дает без помощи моей.

Акт I, сцена 3, строки 143–144

А почему бы и нет? Судьба (точнее, Рок) уже сделала Макбета кавдорским таном без всякого вмешательства с его стороны. К тому же между ним и троном нет бездонной пропасти. Чуть раньше Макбет ответил Третьей ведьме:

> И сделаться им (кавдорским таном) так же невозможно,

Как трудно стать шотландским королем.

Акт I, сцена 3, строки 73–74

Однако это явное преувеличение. В более поздние времена, когда восторжествовал принцип законного престолонаследия, наличие У Дункана двоих здоровых сыновей явилось бы гарантией того, что боковой ветви трон не достанется ни в коем случае. Но во времена Макбета дела обстояли не так.

В тот век недолгой жизни и насильственных смертей Дункан мог умереть в любой момент — в бою или от болезни, — даже если бы он был так же молод, как был в действительности, а если бы он был таким старым, каким его изобразил Шекспир, то тем более. После смерти Дункана его преемника выбрали бы из королевского рода. История свидетельствует, что в то время его сыновья были еще детьми, а Макбет не только принадлежал к правящему роду, но был великим и победоносным полководцем. Преемником наверняка избрали бы его. Таким образом, Судьбе было легко сделать его королем, без особых усилий со стороны Макбета.

Возможно, таким образом Макбет пытается

избавиться от задумчивости и присоединиться к королю и двору, которые все более нетерпеливо ждут его в Форресе.

«…Принца Комберленда»

Тем временем в Форресе казнили кавдорского тана. Король радостно приветствует Макбета, восхваляя его подвиги. Макбет клянется королю в верности, однако делает это вяло и рассеянно.

Но тут Дункан, осчастливленный двойной победой над внутренним и внешним врагом, решает обезопасить свое государство и назвать имя наследника. Он говорит:

> Мы право на престол передаем
> В наследство сыну старшему, Мальколь-му,
> Который этим самым возведен
> В сан принца Комберленда.

Акт I, сцена 4, строки 37–39

Камберленд[46] — одно из северных графств Англии, которое присоединилось к Англии лишь в 1092 г., при сыне Вильгельма Завоевателя Виль-

---

[46] Примечания: 46
в переводе — Комберленд. — *Е. К.*

гельме II Рыжем, спустя полвека после смерти Дункана. Ранее оно находилось под относительно крепкой властью шотландцев.

Титул принца Камберлендского принадлежал наследнику шотландского престола (так же, как наследнику английского принадлежал титул принца Уэльского). Действительно, говоря о «наследстве», Дункан имеет в виду то, что следовало бы прямо назвать жестким порядком престолонаследия.

Для Макбета это звучит как гром среди ясного неба. Желание предыдущего короля (возможно, любимого народом) оказывало сильное влияние не только на общественное мнение, но и на отношение знати. Если бы все привыкли считать Малькольма наследником престола, то после смерти Дункана он стал бы королем автоматически.

Внезапно становится ясно, что Судьба не коронует Макбета без его собственных усилий. Если Макбет хочет стать королем, ему придется что-то предпринять. Он размышляет:

> Принц Комберленд мне преграждает путь.

Я должен пасть или перешагнуть.

Акт I, сцена 4, строки 48–50

«…В Инвернес»

Но пока наступает время для праздника и ликования. Король собирается посетить замок Макбета, чтобы устроить совместный пир со своим великим полководцем и любимым родственником и укрепить дружеские связи с ним. Он говорит Макбету:

Мы едем в Инвернес к тебе
В залог скрепленья нашей тесной дружбы.

Акт I, сцена 4, строки 42–43

Инвернесс находится в 50 милях (80 км) к западу от Форреса. Именно там находится замок Макбета, в котором живет его жена, леди Макбет.

«…Пусть женщина умрет во мне»

Макбет посылает жене письмо; в следующей сцене леди Макбет читает его. Это ее первый выход. Мы знаем эту женщину только как леди Макбет, что, может быть, и неплохо, потому что

жена исторического Макбета носила не слишком благозвучное имя Груох.

Леди Макбет реагирует на рассказ о роковых сестрах совсем не так, как ее муж. Без малейшего промедления она тут же приходит к выводу, что необходимо расчистить путь к трону как можно скорее. Женщина размышляет вслух:

> Сюда, ко мне, злодейские наитья,
> В меня вселитесь, бесы, духи тьмы!
> Пусть женщина умрет во мне. Пусть буду
> Я лютою жестокостью полна.

Акт I, сцена 5, строки 41–44

После этого пассажа можно подумать, что леди Макбет воплощение злодейства в женском облике. Но Шекспир был к ней несправедлив.

Согласно дошедшим до нас фрагментарным сведениям о ранней истории скоттов, леди Макбет была внучкой шотландского короля Кеннета IV, который принадлежал к роду, соперничавшему за трон с родом Дункана. Кеннет IV погиб в битве с Малькольмом II, дедом Дункана.

В клановом обществе первобытной Шотландии историческая леди Макбет была кровным врагом Дункана. (Ее муж был сыном сестры Малькольма

II, а потому кровная месть на него не распространялась.) В таких обстоятельствах леди Макбет могла (и, возможно, делала это) подбивать мужа на мятеж против беспечного короля.

Именно это и произошло. Если Макбет, поощряемый женой, действительно стремился завладеть троном, то, с точки зрения тогдашних шотландских нравов, в этом не было ничего необычного. Он собрал войско и поднял восстание.

Так, Холиншед сообщает: «Он (Макбет) сразил короля у Энверса [47] или, как говорят некоторые, у Ботгосуана в шестой год его (Дункана) правления». Холиншед пишет не «убил», а «сразил» (slew), что означает гибель в бою. Кстати, Ботгосуан — поле в 30 милях (48 км) к северо-востоку от Инвернесса.

Однако восстание и гибель Дункана в бою не соответствовали целям Шекспира. Он хотел написать кровавую трагедию об ужасном убийстве, ведьмах и отчаянии. В поисках подобной истории он перерыл всего Холиншеда и нашел краткое упоминание об убийстве шотландского короля Дуффа одним из его вассалов Дональдом. Дональд не собирался убивать короля, но его толкнула

---

[47] Примечания: 47
Инвернесса

на это жена. Дональд совершил убийство, когда король спал, находясь у него в гостях.

Шекспир позаимствовал этот сюжет, но сделал убийцей именно Макбета, навсегда заклеймив человека, который, возможно, ничего подобного не замышлял и не совершал. Более того, Шекспир на веки вечные осудил леди Макбет за преступление, которое на самом деле совершила леди Дональд.

Перед нами наглядный пример того, как может исказить истину перо гения. Впрочем, у Шекспира можно найти и более красноречивые примеры вопиющей несправедливости. Наверно, самой прискорбной является история Ричарда III.

«...Он — гость»

Но вернемся к Макбету, описанному Шекспиром. Макбета все еще мучает совесть.

Дункан прибыл в замок Макбета, познакомился с леди Макбет и теперь обедает. Но Макбет, который не может найти места от неуверенности и тревоги, ушел из-за стола и что-то бормочет себе под нос, подыскивая доводы против убийства. В конце концов, кроме божественного права королей и вассальной клятвы существует еще и третий фактор, куда более древний и в некотором

отношении более страшный. Макбет спорит с собой:

> Я — родственник и подданный его,
> И это затрудняет покушенье.
> Затем он — гость. Я должен был бы дверь
> В его покой стеречь от нападений,
> А не подкрадываться к ней с ножом.

Акт I, сцена 7, строки 13–16

Священный долг гостеприимства уходит корнями в доисторические времена. В эпоху, когда человек мог рассчитывать на безопасность только в пределах своей деревни или места обитания своего племени, путешественники были вынуждены полагаться на гостеприимство незнакомых людей; инстинкт самосохранения диктовал жесткие правила, запрещавшие хозяевам применять силу по отношению к незнакомому гостю, который завтра мог оказаться твоим хозяином. Долг обязывал хозяина; причинить гостю вред или позволить сделать это другим считалось тягчайшим преступлением.

Так, когда Лот из Содома принимал гостей (которые были ангелами, но сам Лот об этом не знал), нечестивые содомиты решили «познать»

незнакомцев силой. Согласно священному долгу гостеприимства, Лот готов был скорее отдать на поругание толпе своих невинных дочерей, чем позволить дотронуться до гостей (Быт., 19: 1–8).

Таким образом, на Макбета обрушивается лавина запретов. Человек, которого он хочет убить, его суверен, его король, его родственник и его гость. Более того, он стар, слаб и добродетелен. Но самое страшное предательство — это убить спящего человека.

«…Как кошке»

Леди Макбет тоже выходит из-за стола и ищет мужа, боясь, что его странное поведение может показаться подозрительным.

Супруги отлично ладят и были бы вполне симпатичной парой, если бы не их злодейский замысел. Они спорят, но действуют заодно и защищают друг друга. Ясно, что брак у них по любви.

Но в данный момент леди Макбет должна передать свою решимость колеблющемуся мужу. Когда Макбет говорит, что от плана следует отказаться, жена резко спрашивает его:

Но совместимо ль жаждать высшей

власти
И собственную трусость сознавать?
«И хочется и колется», как кошке
В пословице.

Акт I, сцена 7, строки 43–45

Эти строки часто цитируют, когда речь идет о нерешительном человеке, который и хотел бы что-то сделать, но у него не хватает смелости. Однако при этом мало кто помнит поговорку, на которую ссылается леди Макбет.

Средневековая латинская пословица в буквальном переводе гласит: «Кошка любит рыбу, но не хочет мочить лапы». С легкой руки Чосера поговорка настолько вошла в обиход, что Шекспиру не требовалось ее цитировать. Нарисованная леди Макбет картина, как кошка тянется за рыбой, но раз за разом отдергивает лапу, настолько наглядна, что Макбет только поеживается и в конце концов говорит:

Прошу тебя, молчи!
Решусь на все, что в силах человека.
Кто смеет больше, тот не человек.

Акт I, сцена 7, строки 45–47

«Кормила я…»

Но леди Макбет беспощадно продолжает:

Кормила я и знаю, что за счастье
Держать в руках сосущее дитя.
Но если б я дала такое слово,
Как ты, — клянусь, я вырвала б сосок
Из мягких десен и нашла бы силы
Я, мать, ребенку череп размозжить!

Акт I, сцена 7, строки 54–59

И в пьесе, и в исторических источниках говорится, что супруги бездетны. Однако можно догадаться, что у леди Макбет был как минимум один ребенок (либо умерший в младенчестве, либо родившийся от предыдущего брака). И в самом деле, после смерти Макбета его пасынок Лулах попытался продолжить династию.

Однако похоже, что леди Макбет еще в том возрасте, когда можно думать о новых детях, потому что Макбет, потрясенный ее неистовой решимостью, говорит:

Рожай мне только сыновей. Твой дух

Так создан, чтобы жизнь давать мужчинам!

Акт I, сцена 7, строки 72–74

«… И прославляют бледную Гекату»

Наступает ужасная ночь. Во двор замка выходят Банко и его сын Флинс и объявляют, что миновала полночь и король уснул. Появляется Макбет, и Банко вручает ему последний подарок монарха со словами:

А этим вот алмазом
Велел пожаловать твою жену,
Как лучшую хозяйку…

Акт II, сцена 1, строки 15–16

Эта реплика подчеркивает тяжесть преступления, совершенного по отношению к гостю.

Когда Макбет остается один, в его воспаленном воображении возникает призрачный кинжал. Он так описывает предстоящую жуткую ночь:

Полмира спит, природа замерла,
И сновиденья искушают спящих.
Зашевелились силы колдовства

И прославляют бледную Гекату.
Издалека заслышав волчий вой,
Как вызов собственного часового,
Убийство к цели направляет шаг,
Подкрадываясь к жертве, как Тарквиний.

Акт II, сцена 1, строки 49–56

Ужасы громоздятся друг на друга: смерть, кошмарные сны, колдовство, убийство, вой волков, привидения… Геката — таинственная богиня подземного мира; позднее ее считали повелительницей ведьм, так что она соответствует духу пьесы. Предстоящее убийство сравнивается с преступлением Тарквиния, изнасиловавшего добродетельную Лукрецию.

Закончив монолог, Макбет быстро уходит в замок, чтобы совершить убийство.

Все происходит за кулисами, но слова, которыми обмениваются супруги по пути в спальню короля, красноречиво описывают совершенное преступление.

Леди Макбет успешно выполнила свое дело. Она подпоила слуг, которые должны были охранять короля, и удостоверилась, что дверь в спальню не заперта.

Наконец убийство совершено. Выходит полуобезумевший от ужаса Макбет. Глаза убийцы широко раскрыты, он тяжело дышит и несет кинжалы, с которых еще капает кровь.

«Не надо больше спать!»

Макбет, с огромным трудом преодолевший угрызения совести, теперь чувствует, что ему не избавиться от этих мук до конца жизни. Он говорит, проклиная себя:

> Почудился мне крик:
> «Не надо больше спать! Рукой Макбета
> Зарезан сон!» — Невинный сон, тот сон,
> Который тихо сматывает нити
> С клубка забот, хоронит с миром дни,
> Дает усталым труженикам отдых,
> Врачующий бальзам больной души,
> Сон, это чудо матери-природы,
> Вкуснейшее из блюд в земном пиру.

Акт II, сцена 2, строки 34–39

Леди Макбет сердито велит ему не валять дурака и смыть кровь с рук, но Макбет не в силах отвести взгляд от окровавленных рук и бормо-

чет:

> Океана
> Не хватит их отмыть. Скорей вода
> Морских пучин от крови покраснеет.

Акт II, сцена 2, строки 59–62

Но кинжалы, которые Макбет по глупости принес с собой, нужно отнести обратно в спальню. Когда Макбет наотрез отказывается возвращаться на место преступления, это бестрепетно делает леди Макбет. Необходимо испачкать кровью опоенных слуг и оставить рядом с ними окровавленные кинжалы, чтобы подозрение пало на охранников короля.

«…Горгона ослепит»

Слышен стук за сценой. кто-то пытается войти в замок. Макбету и его жене нужно вернуться к себе, надеть ночные рубашки и подойти к двери, словно они только что проснулись.

Людей, находящихся за дверью, наконец впускают (болтовня пьяного привратника позволяет Макбету и леди Макбет подготовиться к встрече). Это уже знакомый нам Леннокс и Макдуф, которого мы еще не знаем. Макдуф-тан Файфа,

который, согласно приказу Дункана, должен был прибыть рано утром, чтобы сопровождать короля в дальнейшей поездке.

Выходит Макбет, полностью владеющий собой, и непринужденно показывает гостям дорогу в спальню короля. Макдуф уходит, но тут же возвращается. Потрясенный тан, обнаруживший окровавленный труп, кричит:

> Войдите
> В ту дверь, и вас горгона ослепит.

Акт II, сцена 3, строки 73–74

Согласно греческим мифам, горгоны — их было три — наводящие ужас чудовища, созданные фантазией древних греков. Это были крылатые создания с горящими глазами, огромными зубами, торчащими наружу языками, а самое главное — с извивающимися змеями вместо волос. (Может быть, греков вдохновило зрелище осьминогов или актиний?) Горгоны были так ужасны, что один взгляд на них превращал людей в камень. Макдуф хочет сказать, что зрелище мертвого короля не менее ужасно.

«Теперь себе простить я не могу…»

Макбету и его жене все сходит с рук. Похоже, никто их не подозревает. Когда сын Дункана Малькольм в ужасе спрашивает, кто убил короля, Леннокс дает объяснение, лежащее на поверхности:

> Двумя своими спальниками, видно.
>
> ***Акт II, сцена 3, строка 103***

Далее Леннокс сообщает, что кинжалы слуг и сами слуги были испачканы кровью и что охранники не смогли дать удовлетворительное объяснение. И тут Макбет роняет знаменательную реплику, надеясь, что в будущем она сможет оправдать его поведение в этом подозрительном эпизоде. Он говорит:

> Теперь себе простить я не могу,
> Что их убил.
>
> ***Акт II, сцена 3, строки 108–109***

Мертвые не говорят. Пять допрошенных слуг сумели бы оправдаться, но мертвые на это не способны.

Однако Макбет не добивается желаемого эффекта: Макдуф обращает внимание на это заявление, тут же оборачивается к Макбету и спрашивает:

Зачем вы их убили?

Акт II, сцена 3, строка 109

Досаду Макдуфа легко понять. Даже если убийцами были охранники, они наверняка сделали это не по собственному почину. Убийство не давало им никакой выгоды; они могли совершить его только в том случае, если их подкупил тот, кто выигрывал от смерти короля. Важно было тщательно допросить слуг (а в те дни без пыток не обходилось) и выяснить, кто их нанял.

Возможно, именно в этот момент Макдуф подумал, что, если бы слуги были причастны к убийству, они вряд ли остались бы на месте преступления и ждали, пока их схватят. Одно это (тем более что и Леннокс только предполагает, что они были убийцами) требовало объяснения.

Во всяком случае, действия Макбета уничтожили улики.

Макбет нервничает и пытается что-то объяснить, но мудрая леди Макбет отвлекает внимание присутствующих, делая вид, что ей дурно.

Но сделанного не воротишь. У Макдуфа воз-

никло подозрение, которое отныне будет только крепнуть.

«... Посторониться»

Теперь самая большая опасность грозит сыновьям короля. Легче заподозрить их, чем кого-то другого. Они больше всех выигрывали от смерти короля, потому что старший сын — наследник престола (его только что назвали принцем Камберлендским, и, возможно, ему не захотелось ждать короны), а младший, как соучастник, мог получить высокий пост.

Конечно, сыновья Дункана знают, что они не убивали отца, но это подвергает их опасности другого рода. Если кто-то убил Дункана или нанял для этого слуг, то наверняка с целью завладеть короной. Если так, то он должен был заодно убить и Малькольма с Дональбайном; впрочем, возможно, такое убийство еще впереди. Малькольм говорит:

> Стрела убийцы
> Еще летит и не попала в цель.
> Благоразумнее посторониться.
> И потому — немедля на коней,

Без всяких церемоний, не прощаясь.

Акт II, сцена 3, строки 143–147

Однако, как указывалось ранее, в то время и Малькольм, и Дональбайн были еще детьми. После проигранной битвы, в которой Дункан был убит, его детей забрали с собой остатки отступавшего войска короля. В пьесе сыновья короля намного старше, а поскольку речь идет не о сражении, а об убийстве, им приходится не отступать, а бежать.

«В Англию…»

Беглые принцы могут рассчитывать на теплый прием в других странах. За границей они станут «законными наследниками» трона и будут способствовать расколу нации, что пойдет на пользу соседям. Те могут организовать вторжение под предлогом поддержки «законного наследника»; в этом случае вторжение будет выглядеть не простой агрессией, а благородным актом.

Малькольм говорит:

Я в Англию уеду.

Акт II, сцена 3, строка 139

Дональбайн отвечает:

> Я отправляюсь
> В Ирландию. Нам безопасней врозь.

Акт II, сцена 3, строки 140–141

Согласно Холиншеду, в Англии Малькольма ожидал «исключительно дружеский прием», а к Дональбайну «очень тепло отнеслись» в Ирландии.

Вскоре мы убедимся в том, что затянувшееся пребывание принцев за границей оказало большое влияние на историю Шотландии; при этом имело значение и место, в которое направились Малькольм и Дональбайн.

«Поехал в Скон…»

Побег Малькольма и Дональбайна оказался Макбету на руку. Видимо, вельможи собрались, чтобы обдумать ситуацию, и вызвали на совет Макдуфа, чтобы тот сообщил новости. Росс, которого на совете не было, спрашивает вернувшегося Макдуфа, кого признали виновным. Макдуф мрачно отвечает:

Да эти же, кого Макбет прикончил.

Акт II, сцена 4, строка 23

Убийство слуг не дает Макдуфу покоя. Конечно, в этой реплике слышится сарказм. Когда Росс интересуется, зачем они это сделали, Макдуф излагает официально утвержденную версию:

Их подкупили. Сыновья Дункана,
Малькольм и Дональбайн, ушли тайком.
Побег наводит мысль на их виновность.

Акт II, сцена 4, строки 24–27

Росс говорит:

На трон, наверно, возведут Макбета?

Акт II, сцена 4, строки 29–30

А почему бы и нет? В конце концов, Макбет — самый выдающийся член королевской семьи, оставшийся в Шотландии. Макдуф отвечает:

Уже он избран и поехал в Скон

Короноваться.

Акт II, сцена 4, строки 31–32

Скон — место в 2 милях (3 км) к северу от Перта и в 30 милях (48 км) к северу от Эдинбурга. Там по традиции короновали шотландских королей; согласно легенде, эта традиция восходит к VIII в., то есть зародилась за три века до времени Макбета.

Говоря о Сконе, невозможно обойти молчанием Кеннета I, правившего скоттами, пришедшими на остров из северной Ирландии. Вождь скоттов распространил свою власть на племена пиктов, которые жили здесь еще во времена римского владычества. Собственно говоря, после объединения этих двух кельтских народов, состоявшегося около 846 г., начинается подлинная история Шотландии.

Скон — древняя столица пиктов; в знак примирения Кеннет I основал там свой престол. Он доставил туда огромный Сконский камень. Очень похоже, что этому камню поклонялись еще до эпохи христианства, но его освятили, а затем монахи придумали легенду о том, что именно на этом камне спал Иаков в Ханаане, когда ему приснились ангелы, восходящие и нисходящие по лестнице между землей и небом: «И встал Иаков

рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятником; и возлил елей на верх его» (Быт., 28: 18).

Шотландских королей короновали, усадив на этот камень. Дело кончилось тем, что в 1296 г. Эдуард I Английский захватил Сконский камень, увез его в Лондон и положил под коронационный трон в Вестминстере. С тех пор на нем короновали королей Англии. Но даже без камня Скон продолжал оставаться местом коронации шотландских королей вплоть до Якова VI, восшествие которого на английский престол в качестве Якова I положило конец истории Шотландии как независимого государства.

«...Ты сплутовал немного»

Кажется, что для Макбета все складывается идеально. Как предсказала Третья ведьма, он стал королем. Но в картине есть изъяны. Ясно, что Макдуф не принял официальную версию. Когда Росс спрашивает, поедет ли он в Скон, Макдуф отвечает:

> Нет, дружок, я в Файф.
>
> ***Акт II, сцена 4, строка 36***

Это явный признак неодобрения. Резонно предположить, что отказ ехать на коронацию продиктован нежеланием произносить клятву верности Макбету как новому королю. Это предвещает будущий мятеж против Макбета, но не противоречит понятию феодальной чести.

Но что-то подозревает не один Макдуф. Банко знает о Макбете нечто такое, чего не знают другие. Он был рядом с ним, когда давали предсказание роковые сестры.

Банко появляется в Форресе, где был казнен старый кавдорский тан и возле которого им явились роковые сестры. Теперь это столица Макбета. Оставшись на сцене один, Банко размышляет:

> Теперь ты все, что предсказали сестры:
> Гламисский и кавдорский тан, король,
> И я боюсь, ты сплутовал немного.

Акт III, сцена 1, строки 1–3

У Холиншеда Банко является соучастником: «Он (Макбет) связался со своими доверенными друзьями, главным из которых был Банко, обсудил с ними свое намерение и, заручившись обещанием помощи, сразил короля…»

Речь явно идет не о предательском убийстве из-за угла, о котором рассказывают лишь избранным

(а лучше вообще никому). Для такого убийства помощь посторонних не требуется. Ясно, что это было заранее подготовленное вооруженное восстание, для которого нужны союзники, способные привести с собой отряды воинов.

Конечно, в Средние века вооруженное восстание было самой обычной процедурой. То же самое вплоть до XV в. происходило и в самой Англии, о чем свидетельствуют многие пьесы Шекспира. Участие в таком мятеже не могло повредить репутации Банко, тем более что мятеж оказался успешным.

Однако Шекспир решил изобразить гибель Дункана как трусливое убийство, нарушавшее законы гостеприимства, а потому Банко следовало исключить из этой истории. В конце концов, среди публики присутствовал Яков I, объявивший себя потомком Банко.

Поэтому в пьесе Банко не подозревает о замысле Макбета и может только догадываться, что тот «сплутовал немного». Следует признать, что подобный учет вкусов публики не улучшил пьесу. Раз уж у Макдуфа, ничего не знавшего о роковых сестрах, зародились сомнения, настолько серьезные, что он отказался присутствовать на коронации, то недогадливость Банко, бывше-

го свидетелем этой встречи, говорит либо о его сверхнаивности, либо об умственной неполноценности.

«Я верю в то, что мне они сулили»

В целях усиления драматизма Шекспир значительно уплотняет время, охватывающее события пьесы. Исторический Макбет правил долгих семнадцать лет. У Холиншеда указано, что первые десять лет прошли мирно и, как можно догадаться, более успешно по сравнению с недолгим царствованием некомпетентного Дункана, отмеченным многочисленными мятежами. Холиншед пишет: «После побега сыновей Дункана Макбет наладил хорошие отношения со своими вассалами, завоевал их симпатии, а затем, поняв, что никто не собирается причинять ему хлопоты, решил установить справедливость, покарать все злоупотребления и преступления, которые пышно цвели во время слабого и неумелого правления Дункана… Он утвердил многие законы и издал указы, полезные для его подданных».

Но затем, по словам Холиншеда, «муки совести (которые всегда испытывают тираны и люди, захватившие власть незаконным путем) заставили Макбета жить в вечном страхе, боясь, что с ним

обойдутся так же, как он сам обошелся со своим предшественником».

Не приходится сомневаться в том, что все возраставшая подозрительность Макбета заставила его жестоко искоренять малейшие намеки на нарушение лояльности или мятеж, однако едва ли причиной этого были «муки совести». Для такого поведения была куда более прозаическая причина: через десять лет сыновья Дункана выросли и принялись день и ночь строить планы свержения Макбета.

В пьесе Шекспир пропускает десять лет мира, процветания и верховенства закона, как будто их не было вовсе. После коронации, описанной в конце второго акта, он сразу переходит к последним годам правления Макбета. Тот предстает подозрительным тираном уже в начале третьего акта.

Страх Макбета перед тем, что ему отплатят той же монетой, заставляет его выбрать своей следующей жертвой Банко. Это совершенно логично, поскольку Банко тоже получил свои прорицания. Роковые сестры предрекли, что сам Банко королем не станет, но трон перейдет к его потомкам.

Тем более что сам Банко не забыл о случившемся. В монологе, которым начинается третий акт,

он говорит:

Однако ими же возвещено,
Что твой престол не перейдет к потомкам,
А я — начало ветви королей.
Но если все сбылось с тобой, не вижу
Причины не надеяться и мне.
Я верю в то, что мне они сулили.

Акт III, сцена 1, строки 3–10

«…И сеют басни для отвода глаз»

Входит Макбет. В первом акте он был храбрым полководцем; во втором — предателем и убийцей; в третьем он — подозревающий всех тиран.

Однако даже в пьесе подозрения, которые мучают нового короля, не лишены оснований. В ходе беседы, следующей сразу за монологом Банко, Макбет говорит:

Один из братьев-кровопийц, по слухам,
В Ирландии, и в Англии — другой.
Они отцеубийство отрицают

И сеют басни для отвода глаз.

Акт III, сцена 1, строки 29–32

Из-за спрессованности событий пьесы создается впечатление, что интриги Малькольма и Дональбайна начинаются сразу после их побега за границу. На самом же деле понадобилось десять лет, чтобы мальчики превратились в молодых людей, способных командовать армиями; в конце концов, именно это делает их опасными.

«Мой дух мельчает…»

Однако Банко представляет для Макбета куда большую опасность. Немного погодя, дождавшись ухода Банко, Макбет размышляет:

Из всех людей мне страшен он один.
В его присутствии мой дух мельчает,
Как Марк Антоний Цезаря робел.

Акт III, сцена 1, строки 54–57[48]

О взаимоотношениях гениев (то есть духов-хранителей) Марка Антония и Октавия Цезаря упоминается в пьесе Шекспира «Антоний и

---

[48] Примечания: 48

В оригинале: «Мой *гений* (демон-покровитель) робеет; говорят, гений Марка Антония так же робел рядом с гением Цезаря». — *Е. К*

Клеопатра», созданной сразу после «Макбета»; возможно, драматург уже обдумывал новый сюжет, когда писал эти строки.

Похоже, у Макбета нет причин опасаться Банко. Чуть раньше он сам говорит о своем товарище:

> Мой страх пред Банко
> Понятен. Банко создан вызывать
> Боязнь в душе. При царственном размахе
> И смелости он действует с умом,
> Обдумывая до конца поступки.

Акт III, сцена 1, строки 50–54

Однако ничто в пьесе не подтверждает эти хвалебные слова. Роль Банко совершенно пассивна. Мудрость, прозорливость и смелость проявляет Макдуф; но подозрения (куда более основательные, чем у Макдуфа) не мешают Банко оставаться сторонником Макбета. Складывается впечатление, что он честолюбив не меньше Макбета и относится к смерти Дункана всего лишь как к способу получения короны, обещанной его потомкам.

Легко предположить, что Шекспир посвятил Банко этот ничем не заслуженный панегирик только ради потомка Банко, находившегося в

зрительном зале.

«Для внуков Банко…»

Ради собственной безопасности Макбету необходимо избавиться от Банко. Король не может казнить его открыто; для этого нет оснований. А казнь без суда оттолкнула бы от него всю шотландскую знать и заставила ее перейти на сторону бежавших сыновей Дункана.

Макбет вынужден использовать против Банко ту же тактику, которую он использовал против Дункана, а именно тайное убийство. Ради этого он выясняет у Банко его планы на вечер.

Король устраивает пир, но Банко должен уехать по делам, а потому первую половину вечера его не будет. Макбет задумчиво спрашивает:

> Вы с Флинсом едете?
>
> ***Акт III, сцена 1, строка 35***

Банко действительно едет с Флинсом; для Макбета это чрезвычайно важно. Если он собирается опровергнуть предсказание о том, что трон займут потомки Банко, то Флинса, его единственного сына, придется тоже убить.

Уже после ухода Банко Макбет приходит к выво-

ду, что, если он этого не сделает, получится, что

> Для внуков Банко зло я совершил,
> Для них убил я доброго Дункана…

Акт III, сцена 1, строки 65–66

И все же стоит Банко появиться на сцене, как возникают проблемы. Существует четкий сюжет о Дункане, Макбете и мести сыновей Дункана. То, что Шекспир превращает гибель на поле боя в предательское убийство, не слишком портит рассказ. Однако инспирированная Стюартами легенда о Банко ему не соответствует. С этим ничего не может поделать даже такой гений, как Шекспир.

Почему Макбета так огорчает возможность того, что престол займут потомки Банко? У самого Макбета детей нет, поэтому его собственное потомство от этого не пострадает. Трон может перейти к кому угодно, а если у Макбета нет законного наследника, то потомки Банко ничем не хуже прочих.

Правда, у Макбета есть пасынок, но в пьесе о нем не говорится ни слова. Конечно, Макбет еще может надеяться обзавестись детьми, но на это в пьесе также нет намека. Короче говоря, у Макбета нет никаких причин сопротивляться тому,

чтобы трон перешел к наследникам его друга и союзника Банко.

Можно только догадываться, что, когда перед автором возникла дилемма — логично развивать сюжет или потрафлять королю Якову, перевесило последнее. Шекспир, не имея на то оснований, делает Банко героем (даже не удосужившись придумать его подвиги) и при каждом удобном и неудобном случае напоминает о потомках Банко, к которым себя причислял Яков I.

«…Они не впрок!»

Макбет договаривается с двумя наемными убийцами, что они займутся Банко, а затем возвращается во дворец, где встречает свою супругу. За прошедшее время оба сильно изменились.

Леди Макбет бестрепетно организовала убийство Дункана, но затем все пошло вкривь и вкось.

> Конца нет жертвам, и они не впрок!
> Чем больше их, тем более тревог.
>
> ***Акт III, сцена 2, строки 4–5***

Эта женщина достигла исполнения желаний, но при этом потеряла покой; отныне ей предсто-

ит постоянная борьба. Ее решимость начинает слабеть, и это будет продолжаться до самой смерти леди Макбет.

Что же касается Макбета, то тут все наоборот. Он прекрасно понимает сложности своего нового положения и тщетность борьбы с ними. Король завидует покойному Дункану:

> Теперь Дункан спокойно спит в гробу.
> Прошел горячечный припадок жизни.
> Пережита измена. Ни кинжал,
> Ни яд, ни внутренняя рознь, ни вражье
> Нашествие — ничто его теперь
> Уж больше не коснется.

Акт III, сцена 2, строки 22–26

Однако трудности только закаляют Макбета. Совершая убийство, он трепетал, но теперь ни о каком трепете нет и речи. Он даже не считает нужным посвящать леди Макбет в свои планы относительно Банко:

> Будь временно в неведенье, голубка,
> Когда ж свершится дело, похвали.

Акт III, сцена 2, строки 45–46

Похоже, Макбет ощущает слабость жены и

считает, что отныне безопаснее действовать в одиночку.

«Флинс бежал…»

Банко и Флинс возвращаются из поездки и торопятся на пир, но у самого дворца их подстерегают убийцы и убивают Банко.

Когда начинается пир, один из убийц приходит к Макбету и докладывает:

> Флинс бежал и спасся.
>
> ***Акт III, сцена 4, строка 21***

Таким образом, план короля потерпел неудачу: предсказание роковых сестер не опровергнуто. Потомки Банко все еще могут получить власть над Шотландией (согласно более поздним легендам, так и случилось).

Вообще все, что связано с Банко, представляет собой загадку. После убийства Банко Флинс бежал и, видимо, покинул Шотландию, хотя Шекспир об этом не упоминает. После сцены убийства Банко имя Флинса в пьесе больше не упоминается; он сделал свое дело, представив будущее потомство. Излагая легенду о Банко и Флинсе, Холиншед сообщает, что Флинс бежал в Уэльс.

Но зачем ему вообще понадобилось бежать? Скорее всего, Флинс ничего не знает о преступлении Макбета, потому что Банко (насколько можно судить по пьесе) ни с кем не делится своими сомнениями и сохраняет лояльность по отношению к своему бывшему коллеге-полководцу. Если бы Банко убили из-за угла, с какой стати Флинс решил бы, что убийц к его отцу подослал именно Макбет? Почему, ускользнув от злодеев, он не бежит во дворец — если не в первую минуту, то потом — и не требует, чтобы Макбет разыскал негодяев и наказал их. Конечно, при этом Флинс оказался бы во власти короля и долго не прожил бы.

Шекспир не удосуживается это объяснить. Спешка мешает ему связать концы с концами. Холиншед, которому торопиться некуда, объясняет случившееся, но очень кратко. Он говорит, что после гибели Банко Флинс, «получивший намек от неких друзей при дво$е, что ему угрожает не меньшая опасность, чем отцу», бежал из страны.

Но куда бежит Флинс? В Англию, к Малькольму? Или в Ирландию, к Дональбайну? Каждый из сыновей был бы рад заполучить такого важного сторонника, как сын Банко. Нет, он бежит в Уэльс и куда-то исчезает. Он не участвует в последней

битве против Макбета и не мстит ему, несмотря на последние слова падающего под ударами кинжалов Банко:

> Предательство! Беги, мой Флинс! Спасайся!
> Беги и отомсти!

Акт III, сцена 3, строки 17–18

Конечно, все противоречия исчезают, если предположить, что никаких Банко и Флинса не существовало, что упоминание о них включили в летописи по настоянию Стюарта и что Шекспир вставил их в пьесу только для того, чтобы доставить удовольствие королю. Тогда все встает на свои места.

«...Гирканским тигром»

Далее следует чрезвычайно драматическая сцена пира. Перед роковым отъездом Банко Макбет сказал ему:

> Не опоздайте только.

Акт III, сцена 1, строка 27

Конечно, он прекрасно знал, что Банко не вер-

нется: это было предусмотрено заранее. Ничего не подозревавший Банко ответил:

Буду в срок.

Акт III, сцена 1, строка 28

Банко держит слово даже мертвый. На пиру появляется его призрак, повергая Макбета в ужас, причину которого окружающие не могут понять, потому что Банко видит только король.

Потрясенный король восклицает:

Явись
Медведем русским, страшным носорогом,
Гирканским тигром, чем-нибудь другим,
И я не дрогну.

Акт III, сцена 4, строки 101–104

«Гирканский тигр» — это тигр из Гиркана, области на юго-восточном побережье Каспийского моря. В древности Каспийское море называли Гирканским.

Любопытный факт: Макбет не уверен, что перед ним призрак именно Банко. Мы на его месте в этом не сомневались бы, достаточно взглянуть

на зияющие раны, из которых сочится кровь. Для Макбета это адское создание, которое решило по каким-то причинам принять облик убитого Банко, хотя могло принять другую форму.

Именно это и предпочел бы Макбет. Он согласен встретиться с любыми чудовищами, потому что в эту минуту только мертвый Банко способен лишить его мужества. (Макбет относится к призраку Банко точно так же, как Гамлет и Горацио относятся к призраку отца Гамлета.)

Появление призрака прерывает пиршество. Леди Макбет вынуждена попросить гостей уйти. При этом она произносит фразу, вошедшую в пословицу:

> Спокойной ночи. *Расходитес*ь разом,
> Без церемоний.
>
> ***Акт III, сцена 4, строка 21***[49]

Иными словами, они должны подняться и уйти скопом, не тратя времени на соблюдение церемонии, согласно которой первыми приходят и уходят лица, занимающие более высокое общественное положение.

---

[49] Примечания: 49
В оригинале: «*Вставайте* не по старшинству, но разом». — *Е. К*

«Макдуф осмелился к нам не явиться!»

И все же даже в этом эпизоде линия Банко выглядит чужеродной. Как только гости уходят, Макбет берет себя в руки и спокойно обсуждает с леди Макбет государственные дела. Складывается впечатление, что эпизода с призраком не было вообще.

Макбета заботит не столько Банко, сколько местная знать. Во время правления Дункана она то и дело поднимала мятежи и может сделать то же самое сейчас. Макбет обязан держать ее в подчинении. Он говорит:

> У всех в домах я содержу средь слуг
> Доносчиков.
>
> ***Акт III, сцена 4, строки 132–133***

Один из танов вызывает у него особые опасения. Макбет говорит леди Макбет:

> Как это нравится тебе? Макдуф
> Осмелился к нам не явиться!
>
> ***Акт III, сцена 4, строки 128–129***

Поскольку Шекспир пропустил десять лет

благополучного царствования Макбета, складывается впечатление, что речь идет о нежелании Макдуфа присутствовать на коронации; есть все основания считать, что описываемый пир завершает этот праздник.

У Холиншеда подозрения Макбета вызывает вовсе не отсутствие Макдуфа на коронации и пире по этому случаю. Этого просто не могло быть, потому что следующие десять лет Макдуф мирно прожил в Шотландии. Холиншед сообщает, что около 1050 г. Макбет решил построить более роскошный дворец и потребовал, чтобы крупные феодалы выполнили свой вассальный долг и помогли ему деньгами и людьми. Когда пришла очередь Макдуфа, он прислал деньги и людей, но в отличие от других сам не явился, потому что не доверял Макбету. Именно его отсутствие подтолкнуло Макбета к жестким мерам, которые Шекспир описывает далее.

«Я пред худшим…»

Покончив с Банко и наметив в качестве следующей жертвы Макдуфа, Макбет понял, что нуждается в совете. В степи под Форресом роковые сестры явились к Макбету и разбудили дремавшее в нем зло. Однако теперь Макбет на-

ходится в таком состоянии, что сам готов искать их и добровольно предаться злу. Он говорит:

> С утра я собираюсь
> К трем вещим сестрам, чтобы заглянуть
> Поглубже в будущее. Я пред худшим,
> Что скажут мне они, не отступлю.

Акт III, сцена 4, строки 133–136

Вслед за этой фразой возникает короткая сцена, в которой роковые сестры появляются вновь. На этот раз с ними повелительница ведьм Геката, которая в рифмованных строчках танцевального ритма отчитывает сестер за то, что они занялись Макбетом тайком от нее; перед нами классический зонг. Затем все исчезают.

Эта сцена кажется искусственной вставкой, написанной не Шекспиром. В 1610 г. младший современник Шекспира Томас Миддлтон написал пьесу «Ведьма», одним из действующих лиц которой была Геката. В этой пьесе есть два зонга, один из которых использован в этой сцене, а второй встречается двумя сценами позже. Некоторые исследователи считают, что Миддлтон пытался создать музыкальный вариант «Макбета» и сцены с Гекатой — остатки этой работы.

Вполне возможно, что вариант «Макбета», которым мы располагаем в настоящее время, не оригинал, а его переработка в либретто музыкального спектакля. (В конце концов, песни и танцы позволяют скоротать время.) Доводом в пользу такой гипотезы является то, что «Макбет» относительно короток. По объему он составляет всего три пятых «Гамлета».

С другой стороны, в сюжете пьесы нет явных несообразностей, неизбежно появляющихся при сокращении, если не считать появления Третьего убийцы в последнюю минуту перед нападением на Банко и Флинса. Ранее Макбет договаривался с двумя убийцами; появление третьего, у которого нет специального задания, никак не мотивировано и представляет собой загадку. Не раз пытались объяснить это; в результате дискуссии все сошлись на том, что в пьесе была сцена, объяснявшая появление Третьего убийцы, но она потеряна.

«…На пир к тирану…»

Смерть Банко действительно вызвала у знати подозрения. Их выражает тан Леннокса в разговоре с безымянным лордом. Как и в случае с Дунканом, виновным признали бежавшего сына,

и Леннокс не может согласиться с этим.

Видимо, безымянный лорд прибыл в Шотландию из-за границы, потому что у него есть сведения о том, что происходит в Лондоне. Леннокс спрашивает его о местонахождении Макдуфа, судьба которого предостерегает от излишней откровенности:

> За вольные слова и за отказ
> Прийти на пир к тирану, как я слышал,
> В немилость впал Макдуф.
>
> ***Акт III, сцена 6, строки 21–23***

И Леннокс, и лорд, к которому он обращается, называют Макбета тираном, но это вовсе не означает, что Макбет действительно был чудовищно жесток. Слово это греческое и первоначально означало человека, который занял престол не по праву рождения. Такого узурпатора называли тираном даже в том случае, если его правление было мягким и справедливым. Однако теперь Макбет становится тираном в современном смысле этого слова.

«Эдуард благочестивый…»

Отвечая на вопрос Леннокса о Макдуфе, лорд

сначала рассказывает, как обстоят дела у Малькольма:

> Дункана сын, которого права
> Присвоил этот похититель власти, —
> Желанный гость английского двора.
> Ему там Эдуард благочестивый
> Помог забыть превратности судьбы.

Акт III, сцена 6, строки 24–29

Эдуард благочестивый — это Эдуард Исповедник, сын короля саксов Этельреда Нерешительного и Эммы, принцессы Нормандской. Он родился в 1003 г., но, когда ему исполнилось одиннадцать лет, его отец (абсолютно бездарный правитель) лишился трона в результате датского вторжения под руководством Свена Вилобородого. Эдуард уцелел лишь потому, что мать успела отправить его на свою родину, в Нормандию.

Вскоре после вторжения Свен умер, но его сын Кнуд (Канут) сумел завоевать Англию и успешно правил ею целых восемнадцать лет. Кнуд женился на вдове Этельреда Эмме и имел от нее сына Хардкнуда (Хардеканута). Когда в 1035 г. Кнуд умер, Эмма поддержала своего младшего сына, а не старшего, рожденного от Этельреда. В результате королем стал Гарольд Быстроно-

гий, незаконный сын Кнуда. Однако Гарольд умер в 1040 г., после чего королем Англии стал Хардкнуд.

Именно в этом году произошло убийство Дункана и бегство его сына Малькольма в Англию.

Хардкнуд был единоутробным братом сына Эммы от Этельреда. Этот сын (Эдуард) все еще находился в Нормандии. Хардкнуд, испытывавший к брату родственные чувства и, возможно, знавший, что сам он наследников не оставит, пригласил Эдуарда вернуться в Англию. Когда в 1042 г. Хардкнуд умер в возрасте двадцати трех лет, Эдуард унаследовал трон. Это произошло через двадцать девять лет после того, как лишился короны его отец.

Эдуард был слабым королем, правление которого принесло Англии немало бед. Молодой нормандский герцог (Вильгельм Бастард, спустя четверть века получивший куда более почетное прозвище Вильгельма Завоевателя) приходился ему двоюродным братом, и сам Эдуард считал его своим естественным преемником, но норманн был совершенно неприемлем для саксонской знати. Более того, Эдуард принял обет целомудрия и свято соблюдал его, так что оспаривать трон у норманна было бы некому в любом случае.

Обет целомудрия такое же свидетельство религиозности Эдуарда, как и прозвище Исповедник. Король получил его потому, что регулярно посещал все церковные службы. Его высоко ценили за набожность еще при жизни, а после смерти, когда (в основном благодаря ему) Англию завоевали норманны и превратили саксов в людей второго сорта, его правление стали задним числом вспоминать как «добрые старые времена» и объявили набожного короля святым. В 1161 г., когда после смерти Эдуарда не прошло и века, его действительно канонизировали.

Скорее всего, Эдуард дружелюбно принял шотландского принца не только благодаря своей святости. Во-первых, побег Малькольма из Шотландии должен был напомнить ему собственный давний побег из Англии. Во-вторых, практичные политики всегда поддерживали претендентов на престол соседнего государства.

«…И Сиварда»

Лорд продолжает свой рассказ. Похоже, Макдуф тоже бежал в Англию. (Макбет, который уготовил Макдуфу судьбу Банко, еще не знает об этом: выходит, он опоздал.) Лорд говорит:

Туда отправился Макдуф с мольбою
О помощи, чтобы святой король
Послал в защиту нам Нортумберленда
И Сиварда и с помощью Творца
Мы возвратили то, что потеряли:
Хлеб за обедом и спокойный сон.

Акт III, сцена 6, строки 29–34[50]

Несмотря на похвалы в адрес Эдуарда, становится ясно, что король он никудышный. После датского вторжения в начале века саксонская знать приобрела полную независимость, и в связи с этим Англию сотрясали феодальные междоусобицы. (Англичанам крупно повезло, что десять лет спустя к управлению страной пришли хорошо организованные и сплоченные норманны.)

Если бы антимакбетовская партия хотела воспользоваться помощью Англии, ей не удалось бы получить ее непосредственно от Эдуарда, который был фигурой чисто декоратитвной. Этой помощи следовало просить у одного или нескольких влиятельных феодалов, используя Эдуарда как посредника.

---

[50] Примечания: 50

В оригинале: «…воинственного *Сиварда*». — Е. К.

Самой подходящей для этого фигурой был Сивард, граф Нортумберлендский. Призвав на помощь именно его, шотландцы сделали весьма удачный выбор.

Во-первых, у них имелись родственные связи. Шекспир об этом не говорит, но у Холиншеда указано, что Дункан был женат на дочери Сиварда; таким образом, беглый Малькольм приходился графу Нортумберлендскому внуком.

Однако родня родней, а политика политикой. Нортумберленд, самое северное графство Англии, находился на границе с Шотландией и был свидетелем многочисленных набегов, совершавшихся через границу как южношотландскими, так и североанглийскими лордами. Графу Нортумберлендскому было выгодно вмешаться в шотландскую междоусобицу, потому что это сулило ему немалую прибыль, причем верную и надежную.

Нортумберленд представлял территорию, оставшуюся от древнего королевства Нортумбрия, которое некогда простиралось от реки Хамбер до залива Ферт-оф-Форт, или, грубо говоря, от Йорка до Эдинбурга.

Северную часть Нортумбрии, тогда называвшуюся Берницией в 970 г. Эдгар I Английский

уступил Шотландии. Причины такого поступка неясны, однако известно, что это не явилось следствием военного поражения англичан. Скорее здесь присутствовал расчет на то, что благодаря этой уступке между обоими государствами установится прочный мир. На какое-то время так и произошло; во всяком случае, Эдгар тридцать один год правил спокойно, за что получил титул Миротворца.

Однако едва ли можно было ждать, что северо-английские лорды смирятся с потерей Берниции. Конечно, графы Нортумберлендские только и ждали возможности вернуть ее. Соглашаясь помогать Малькольму, Сивард наверняка точил зубы на Берницию (которую скотты переименовали в Лотиан).

Конечно, это не могло найти отражения в пьесе Шекспира, потому что здесь противоборствуют не практики, а силы Добра и Зла; в данном случае Сивард встает на сторону Добра.

Хотя в этой пьесе Сивард выведен простым солдатом-героем в лучших английских традициях, однако на рыцаря Добра он совершенно не похож. По происхождению Сивард был датчанином и стал графом в 1041 г., убив прежнего графа, дядю своей жены. Проще говоря, Сивард совершил

то самое преступление, которого исторический Макбет не совершал.

Из-за стремления Шекспира угодить английскому национализму и польстить семейной гордости Якова I Добро и Зло то и дело меняются местами.

«...От всех, кто женщиной рожден»

Макбету пора нанести давно задуманный визит роковым сестрам, и в начале четвертого акта они вновь появляются на сцене. Сестры варят зелье из самых отвратительных компонентов, список которых Шекспир приводит для того, чтобы угодить помешанному на ведьмах педанту Якову I. Геката исполняет свой второй зонг, а затем появляется Макбет.

Роковые сестры готовы показать ему будущее в серии видений. Первой возникает голова в шлеме, символ войны. Призрак говорит:

> Макбет, Макбет, Макдуфа берегись,
> Макдуфа, тана файфского. Довольно.
>
> ***Акт IV, сцена 1, строки 71–72***

Как и во время предыдущей встречи с ведьмами, первая часть сведений неинформативна.

Тогда они приветствовали Макбета как гламисского тана, но он сам прекрасно знал это. Теперь они советуют ему остерегаться Макдуфа, а Макбет уже и без них решил убить файфского тана.

Второй призрак — окровавленный младенец, который говорит:

> Лей кровь, играй людьми. Ты защищен
> Судьбой от всех, кто женщиной рожден.

Акт IV, сцена 1, строки 79–81

Метафора «никто из всех, кто женщиной рожден» обычно означает «никто»; разве на свете есть человек, у которого не было матери? Видимо, Макбет так и понимает эту двусмысленную фразу, потому что тут же с ликованием восклицает:

> Живи, Макдуф! Что мне тебя бояться?

Акт IV, сцена 1, строка 82

Однако Макбету велено проливать кровь, поэтому он быстро передумывает и решает убить Макдуфа просто на всякий случай.

Но фраза «никто из всех, кто женщиной рожден» может означать «никто из всех, кого женщина родила *обычным путем»*, то есть через

вагинальный канал. В этом случае женщина рожает ребенка *активно.* Если же ребенок был извлечен из материнского чрева другим способом — например, с применением того, что теперь называют кесаревым сечением, — у него есть мать, но он ею *не рожден.*

Кесарево сечение отнюдь не является достижением современной хирургии и антисептики; эта операция была известна еще в древние времена. Считается, что именно так родился Юлий Цезарь; во всяком случае, операция названа в его честь.

Макбет, испытавший облегчение при словах второго призрака, не обращает внимания на сопутствующие обстоятельства. Роковые сестры не могут делать фальшивые пророчества, но могут обманывать. То, что предсказание о «не рожденном женщиной» исходит из уст окровавленного ребенка, должно было насторожить Макбета; кровь говорит о том, что младенца вырезали из материнской утробы.

Макбет не обращает внимания и на то, что первое предсказание противоречит второму. Если никто не может причинить ему вреда, то зачем остерегаться Макдуфа?

И тут мы понимаем подлинное значение фразы, произнесенной Банко вскоре после первой

встречи Макбета с роковыми сестрами. Когда роковые сестры приветствовали Макбета как кавдорского тана, казалось, что по крайней мере часть сказанного ими является правдой. Однако подозрительный Банко предупредил Макбета:

> Но духи лжи, готовя нашу гибель,
> Сперва подобьем правды манят нас,
> Чтоб уничтожить тяжестью последствий.

Акт I, сцена 3, строки 124–126

Именно это и происходит в данный момент.

«…Бирнамский лес»

Третий призрак — дитя в короне, с ветвью в руке. Он говорит:

> …никаким
> Врагом и бунтом ты непобедим,
> Пока не двинется наперерез
> На Дунсинанский холм Бирнамский лес.

Акт IV, сцена 1, строки 92–94a

Дунсинанский холм — утес в 1000 футов (300 м)

высотой, часть цепи холмов Сидлоу, которая тянется между Пертом и Данди на востоке центральной Шотландии. Бирнам — город примерно в 12 милях (20 км) к северу от Перта, а Бирнамский лес раскинулся между двумя этими городами.

Довольный Макбет снова понимает это заявление буквально и говорит:

> Но этого не может быть! Я рад.
> Нельзя нанять деревья, как солдат.
> Нельзя стволам скомандовать: вперед.

Акт IV, сцена 1, строки 94Ь—96

При этом он опять не обращает внимания на сам призрак. Ясно, что дитя в короне представляет Малькольма, а ветвь в его руке демонстрирует, каким образом будет создана *видимость* того, что лес пошел на Дунсинан.

«...Появляется восьмой...»

Макбет уже получил все, чего хотел, и по внутренней логике пьесы должен уйти. Но Шекспир ни на минуту не забывает о своей августейшей публике и стремится доставить удовольствие Якову I. Поэтому он заставляет Макбета задать вопрос о том, будут ли когда-нибудь править

потомки Банко.

Роковые сестры с радостью отвечают на этот вопрос чередой призраков, состоящей из восьми королей. За ними следует окровавленный дух Банко.

При этом невыносимом зрелище Макбет испытывает адские муки. Он восклицает:

> Какой-то новый!
> Седьмой! Я больше не хочу смотреть!
> Но в зеркале я вижу у восьмого
> Сплошную вереницу королей
> Со скипетром тройным, с двойной державой.

Акт IV, сцена 1, строки 118–121

Перед нами череда шотландских королей, считающих себя потомками Банко. Это:

1. Роберт II (1371–1390).
2. Роберт III (1390–1406).
3. Яков I (1406–1437).
4. Яков II (1437–1460).
5. Яков III (1460–1488).
6. Яков IV (1488–1513).
7. Яков V (1513–1542).
8. Яков VI (1567–1625).

Можно убедиться, что их действительно во-

семь, но между двумя последними есть пробел в двадцать пять лет. В это время правила королева Мария, дочь Якова V и мать Якова VI (Якова I, короля Великобритании). Однако после долгого тюремного заключения в Англии ее казнили по приказу королевы Елизаветы I. Сын Марии Яков VI не сделал ни малейшей попытки, чтобы освободить мать; более того, он не протестовал против ее казни, предпочитая вести себя тихо и мирно в надежде унаследовать английский престол на правах ближайшего родственника Елизаветы.

После смерти Елизаветы в 1603 г. Яков действительно унаследовал трон, получив его от убийцы своей матери. Вряд ли это случилось бы, если бы он протестовал. Можно сомневаться в том, что трусливое поведение Якова VI пошло Англии на пользу. Однако Шекспир, которого нарушение порядка престолонаследия приводило в ужас (о чем говорит количество пьес, посвященных этой теме, и то, *как* он описывает эти события), наверняка считал, что для страны воцарение Якова было благом. Раз так, зачем искать неприятностей и раздражать Якова VI (ныне Якова I Британского)? Лучше не упоминать Марию вообще. Сказано — сделано.

«Восьмым королем», который шествует в череде призраков с зеркалом в руке, является сам Яков. В зеркале, к неудовольствию Макбета, видна «сплошная вереница королей».

Во время написания пьесы Шекспир понятия не имел, оправдается ли это пророчество, так что с его стороны это была обычная лесть перед царствующим монархом. И действительно, вскоре стало казаться, что его предсказание ошибочно. В 1649 г. Карл I Британский, сын и преемник Якова I, был обезглавлен собственными подданными, после чего в Великобритании несколько лет вообще не было короля.

Однако в 1660 г. Карл II, сын казненного Карла I, был восстановлен на троне, и с тех пор династия не прерывалась. После Якова I Британией правили семнадцать монархов (в том числе тринадцать королей и четыре королевы), и каждый из них был потомком Якова I. Нынешняя королева Великобритании Елизавета II является его потомком в двенадцатом колене.

«Тройные скипетры», которые несут некоторые будущие монархи, отраженные в зеркале восьмого короля, указывают на то, что эти короли будут править не только Шотландией, но также Англией и Ирландией (иными словами, станут

королями Великобритании). И это предсказание тоже сбылось. Яков I был первым королем Объединенного королевства, но все его потомки и по сей день являются законными правителями Англии и Ирландии (во всяком случае, ее части).

«Макбет не раз мне расставлял ловушки…»

Наконец Макбет узнает, что Макдуф бежал в Англию. Причины бегства предельно ясны, но Макдуф проявил беспечность и не взял с собой семью. Макбет приказывает истребить всех, и приказ выполняется.

Однако Макдуф, встретившийся с Малькольмом у дворца английского короля, об этом еще не знает.

Малькольм разговаривает с Макдуфом сухо и подозрительно. А вдруг Макдуф хочет заманить его в Шотландию и отдать в руки Макбета? Если вспомнить историю, то это отнюдь не покажется бессмыслицей. Лет двадцать назад произошло нечто подобное, поэтому мы не можем осуждать Малькольма, который говорит:

Макбет не раз мне расставлял ловушки

И научил не верить ничему.

Акт IV, сцена 3, строки 117–119

История, случившаяся двадцать лет назад (которую Шекспир не счел нужным изложить, потому что она была хорошо известна тогдашней публике), произошла в то время, когда Эдуард Исповедник еще жил в Нормандии. После смерти Кнуда в 1035 г. его незаконный сын Гарольд захватил престол и решил уменьшить число соперников, к которым могли примкнуть недовольные.

В Нормандию отправили подложные письма, подписанные именами саксонских националистов, стремившихся свергнуть датского короля. Эдуард на удочку не попался, но это сделал его младший брат Альфред. Он собрал флот и отплыл в Англию. Там принца встретили те, кто якобы сочувствовал его планам, захватили Альфреда и его людей врасплох и всех перебили.

Поэтому Макдуфу стоит больших трудов убедить Малькольма в своей искренности. Малькольм нарочно обвиняет себя во множестве преступлений: если Макдуф хочет заманить его в Шотландию, то примирится со всем. Но когда этот список вызывает у Макдуфа отвращение,

Малькольм с радостью принимает его и даже сообщает о готовящемся вторжении в Шотландию Сиварда Нортумберлендского.

«Народ зовет ее тут немощью»

Затем следует эпизод, который не имеет никакого отношения к сюжету пьесы и вызван лишь присутствием в зале Якова I.

Из дворца выходит врач. Малькольм спрашивает его, выйдет ли король Эдуард. Врач говорит:

> Да, принц. Там собралась уже толпа
> Несчастных в ожиданье исцеленья.
> Перед болезнью их бессилен врач,
> А он — едва притронется к больному,
> И тот здоров. Такая благодать
> Дана его руке.

Акт IV, сцена 3, строки 141–145

Изумленный Макдуф спрашивает, как называется болезнь, против которой бессильны врачи, а английский король излечивает ее простым прикосновением. Малькольм объясняет:

> Народ зовет
> Ее тут немощью. Угодник Божий —

Король с ней производит чудеса.
Я сам бывал свидетелем нередко,
С тех пор как в Англии. Не знаю, чем
Он вымолил у неба эту силу,
Но золотушных в язвах и прыщах,
Опухших, гнойных и неизлечимых
Он лечит тем, что молится за них
И вешает монетку им на шею.
Я слышал, будто этот чудный дар
Останется в роду его.

Акт IV, сцена 3, строки 146–156

Болезнь, которую в просторечии называют немощью (evil), или королевской немощью, — это золотуха, туберкулезное распухание лимфатических узлов шеи, сопровождающееся множеством побочных эффектов.

По неизвестным причинам распространилась вера в то, что прикосновение короля способно излечить эту болезнь. Сначала этот обычай возник во Франции; Эдуард Исповедник привез его из Нормандии и укоренил в Англии.

Лечение золотухи прикосновением продолжалось и позже и достигло нового пика при Якове I и его ближайших преемниках. Став английским королем, Яков был просто вынужден лечить

золотушных, потому что ранее эта процедура ассоциировалась только с королями Англии. Успешное лечение (а какой англичанин посмел бы публично утверждать, что прикосновение короля ему не помогло?) доказывало, что английский трон достался ему по праву.

Этот эпизод можно было бы безболезненно исключить, потому что Эдуард не появляется на сцене, да и лечение прикосновением не имеет отношения к сюжету пьесы. Единственная его цель — сакраментальное утверждение «я слышал, этот чудный дар останется в роду его». Оно явно адресовано королю; можно представить себе, что актер, играющий Малькольма, смотрит прямо на короля и удостаивается его благосклонного кивка, после чего Яков с глупой улыбкой склоняется к датскому шурину и что-то объясняет ему.

Учитывая физическую нечистоплотность Якова, его прикосновение могло скорее заразить человека, чем вылечить его.

Наконец эпизод с «королевской немощью» заканчивается, и Шекспир вновь возвращается к пьесе. Из Шотландии прибывает Росс с вестью о том, что замок Макдуфа захвачен, а его родные убиты. После этого оскорбленный тан становится кровным врагом Макбета; все горят желанием

присоединиться к войску Сиварда и идти на Шотландию.

«Ах ты, проклятое пятно!»

Макбет укрепляет Дунсинанский холм. Ему добавляют уверенности каменные стены, преданность солдат, собственный гнев и вера в предсказания роковых сестер.

Однако леди Макбет, не выдержав напряжения, превращается в сомнамбулу. Во сне она не только ходит, но и говорит, свидетелями чего становятся врач и придворные дамы. В этих обрывочных фразах оживают воспоминания об ужасном прошлом.

По иронии судьбы леди Макбет, которая когда-то с презрением велела мужу смыть с рук кровь Дункана, являются кошмары, в которых она не может смыть кровь со своих рук. Она беспокойно трет руки и кричит во сне:

> Ах ты, проклятое пятно! Ну когда же ты сойдешь?
>
> ***Акт V, сцена 1, строка 38***

Чуть позже она говорит:

Что это, неужели больше никогда я не отмою этих рук дочиста?

Акт V, сцена 1, строка 46

И наконец произносит:

И рука все еще пахнет кровью. Никакие ароматы Аравии не отобьют этого запаха у этой маленькой ручки!

Акт V, сцена 1, строки 53–55

Мы не считаем Аравию источником ароматов, ошибочно полагая, что она состоит только из пустыни. Однако в южной Аравии почва довольно плодородная; именно там производили ладан, запечатлевшийся в памяти европейцев благодаря Библии как один из даров, принесенных волхвами младенцу Иисусу.

Нервный срыв случился с леди Макбет, когда после ее преступления прошло немало лет. Мы подготовлены к столь неожиданной перемене, поскольку не видели ее очень долго — целых пять сцен.

Однако история свидетельствует, что после смерти Дункана прошло семнадцать лет; намек на это есть в фразе, которую в Дунсинане мрачно

бросает Макбет, готовясь к битве:

> Я пожил на своем веку. Я дожил
> До осени, до желтого листа.
> На то, что скрашивает нашу старость, —
> На преданность, любовь и круг друзей —
> Не вправе я рассчитывать.

Акт V, сцена 3, строки 22–26

Если во время убийства Дункана Макбету было чуть больше сорока, то в 1057 г., когда в Шотландию вторглись Сивард, Малькольм и Макдуф, ему уже около шестидесяти. По меркам Средневековья это глубокая старость, позволяющая говорить об «осени и желтом листе». (Конечно, в пьесе он ничуть не состарился и еще способен на яростные поединки.)

«…Английских сластолюбцев»

В действительности дела Макбета шли еще хуже, чем это изображено в пьесе. К тому времени война продолжалась уже три года, и события складывались для Макбета очень неблагоприятно. В 1054 г. Сивард уже разбил Макбета, но в

пьесе об этом не упомянуто. Сейчас Макбет вынужден оборонять свой последний оплот.

Более того, многие шотландские лорды бросили его и перешли на сторону англичан; об этом говорится в пьесе. Макбета это угнетает, но он все еще уповает на пророчество роковых сестер. Его войско нельзя разбить, пока не придет в движение лес, и он не может умереть от руки рожденного женщиной. Макбет угрюмо говорит:

> Бегите ж, таны лживые, толпой
> На сторону английских сластолюбцев.
> Не дрогнет сердце у меня в груди.
> *Ничто* мне не опасно впереди.

Акт V, сцена 3, строки 7–10

Реплика об «английских сластолюбцах» напоминает о том, что на всем протяжении истории Англия была больше, населеннее, спокойнее и плодороднее Шотландии. Иными словами, она была значительно богаче, чем холодная и голая страна, расположенная намного севернее. Нищие скотты утешались тем, что суровая жизнь закаляет их, в то время как плодородные английские почвы создают условия для роскоши и изнеженности. Конечно, это не так, но шотландцы чувствовали себя лучше от подобных

рассуждений.

«Дональбайн сопровождает брата?»

Одного человека, который мог бы примкнуть к англичанам, там нет. Беглый шотландский вельможа по имени Кэтнес спрашивает:

Что, Дональбайн сопровождает брата?

Акт V, сцена 2, строка 7

Выясняется, что нет. Больше в пьесе имя Дональбайна не упоминается. Дональбайн вырос в Ирландии и находился под куда более сильным кельтским влиянием, чем Малькольм — под английским. К концу жизни Дональбайн стал защитником отживших кельтских элементов шотландской культуры. Вряд ли он мог присоединиться к брату, который маршировал на север, окруженный англичанами и сам фактически ставший одним из них.

Пока брат правил Шотландией, Дональбайн оставался в изгнании, это означало, что он задержался на пограничной территории на *дополнительные* тридцать пять лет.

Что же касается мифического Флинса, сына Банко, то о нем больше не упоминается. Можно

предположить, что он с радостью примкнул бы к наступающей армии, чтобы отомстить за смерть отца, но он этого не делает. Видимо, Шекспир уже выжал из мифа о Банко и Флинсе все, что можно.

«Как удалить из памяти следы…»

Подготовка к сражению не мешает Макбету думать о любимой жене. Он находит время, чтобы осведомиться о ее здоровье. Врач (не желающий упоминать о сомнамбулизме и странных речах) осторожно говорит, что физически королева здорова, но у нее нелады с психикой. Пришедший в отчаяние Макбет говорит:

> Избавь ее от этого. Придумай,
> Как удалить из памяти следы
> Гнездящейся печали, чтоб в сознанье
> Стереть воспоминаний письмена
> И средствами, дающими забвенье,
> Освободить истерзанную грудь
> От засоряющих ее придатков.

Акт V, сцена 3, строки 39–45

Это чрезвычайно любопытный эпизод. Мы, люди XX в., понимаем, что Макбет нуждается в помощи психоаналитика (кстати говоря, задачу

этого специалиста он формулирует очень точно). Психоаналитик помог бы леди Макбет четко осознать воспоминания, которые она так ярко воспроизводит во сне. Но эпоха Фрейда еще не наступила, и врач только разводит руками:

Тут должен сам больной себе помочь.

Акт V, сцена 3, строки 45–46

«…Срубит по ветви»

Тем временем вторгшаяся армия миновала Перт и наступает на укрепленный Дунсинанский замок с запада. Сивард спрашивает, как называется лес, через который они проходят, и получает ответ: «Бирнамский». Затем Малькольм говорит:

Пусть каждый воин срубит
По ветви и несет перед собой.
Скрыв нашу численность, мы тем обманем
Противника.

Акт V, сцена 4, строки 4–6

Расчет заключается в том, чтобы вторгшаяся армия выглядела более многочисленной, чем

она есть на самом деле. (Если кто-то не знает правды, он всегда стремится преувеличить число врагов.)

Так полностью сбывается предсказание третьей ведьмы. Малькольм, «коронованное дитя», держит в руке ветку дерева, как и все остальные воины.

«Полна трескучих слов…»

Тем временем Макбет, засевший в замке, продолжает уповать на пророчества роковых сестер. У него есть все основания надеяться на победу. Английское войско, к которому примкнули шотландские таны, слишком велико, чтобы сразиться с ним на поле боя, но в этом нет необходимости. Замок готов к долгой осаде. Макбет мрачно говорит:

> Смеется над осадой эта крепость.
> Пусть окружат нас. Голод и болезнь
> Их уничтожат.
>
> ***Акт V, сцена 5, строки 2–4***

В Средние века осаду тяжело переносили не только осажденные, но и осаждающие. В эпоху, когда о личной гигиене не имели понятия,

следовало ожидать, что среди страдающих от безделья, скучающих солдат начнется эпидемия. Кроме того, если осаждающее войско состояло из отрядов, потенциально враждебных друг другу (в данном случае англичан и скоттов), следовало ожидать, что они передерутся между собой. Это случалось в истории достаточно часто, так что надежды Макбета не беспочвенны.

В общем, особых причин для уныния у Макбета нет. Пока нет. Но тут происходит событие, которое меняет все.

Входит полководец Макбета Сейтон и приносит скорбную весть:

> Королева умерла.
>
> ***Акт V, сцена 5, строка 16***

Это вся информация, известная публике на данный момент, но в действительности дело обстоит куда хуже, чем кажется. Перед самым концом пьесы Малькольм в заключительной речи говорит:

> И дьявола в венце, его жены,
> Которая сама, как полагают,

Покончила с собой.

Акт V, сцена 8, строки 69— 71

Макбет вынужден признать неоспоримый факт: его любимая жена покончила с собой.

Король-воин, которому предстоит решающая битва. Сначала он пытается принять эту новость как стоик, в стиле Брута из «Юлия Цезаря», узнающего о смерти Порции. Он говорит:

Не догадалась умереть попозже,
Когда б я был свободней, чем сейчас!

Акт V, сцена 5, строки 17–18

Слова «не догадалась умереть» (should have died) создают впечатление, что Макбет черств и лишь досадует на то, что жена не дождалась более подходящего момента. Если бы Шекспир использовал слово «would», мы бы поняли, что Макбет пытается утешиться мыслью о том, что смерть неминуема: если бы леди Макбет не умерла сейчас, это случилось бы позже. Рано или поздно, но ему пришлось бы смириться с этой новостью.

Но затем, после попытки стойко перенести несчастье, Макбет не выдерживает. Теперь, когда жена умерла, ему не для чего жить. Все преступления и угрызения совести, все неудачи не довели

его до отчаяния, но теперь жизнь кажется Макбету бессмысленной и никчемной. Он приходит к безнадежному выводу:

> Жизнь — только тень, она — актер на сцене.
> Сыграл свой час, побегал, пошумел —
> И был таков. Жизнь — сказка в пересказе
> Глупца. Она полна трескучих слов
> И ничего не значит.

Акт V, сцена 5, строки 24–28

Входит гонец и приносит весьма странную весть: Бирнамский лес «как бы задвигался» и приближается к Дунсинану.

Измученного Макбета это скорее радует, чем огорчает. Теперь ни о какой осаде не может быть и речи. Раньше он сомневался, что способен разбить врага в чистом поле, но теперь, когда прорицание роковой сестры сбылось и условие поражения Макбета претворилось в жизнь, Макбет внезапно отдает приказ о вылазке.

Макбет собирается встретить врага лицом к лицу. Он не боится смерти — наоборот, жаждет ее — и говорит:

Я жить устал, я жизнью этой сыт
И зол на то, что свет еще стоит.

Акт V, сцена 5, строки 49–50

«Подобно римскому безумцу…»

Начинается битва. Макбет убивает в поединке сына Сиварда, но англичане с союзниками одерживают полную победу и захватывают замок. Остается только убить или взять в плен самого Макбета. Однако Макбет намерен дорого продать свою жизнь. Разбитый, но не смирившийся король говорит:

Зачем, подобно римскому безумцу,
Кончать с собою, бросившись на меч?
Пока живых я вижу, лучше буду
Их убивать.

Акт V, сцена 8, строки 1–3

Презрительное упоминание о «римском безумце» — намек на римский обычай кончать с собой. Например, так поступил Марк Антоний, который после полного разгрома бросился на собственный меч. Во время написания «Макбета» Шекспир вынашивал план «Антония и Клеопатры», так

что эта реминисценция вполне естественна.

«До срока из утробы материнской был вырезан…»

Никто из воинов вторгшейся армии не разыскивает Макбета более рьяно, чем Макдуф, стремящийся отомстить за жену и детей. Когда они наконец сходятся лицом к лицу, Макбет дразнит Макдуфа, заявляя; что никто из рожденных женщиной не может причинить ему вред.

Однако Макдуф, тут же понявший двусмысленность фразы, парирует:

> Так потеряй
> Надежду на заклятье! Пусть твой *демон,*
> Которому служил ты, подтвердит:
> До срока из утробы материнской
> Был вырезан Макдуф, а не рожден.

Акт V, сцена 8, строки 13–16[51]

Использование слова «ангел» кажется странным современному читателю, привыкшему к тому, что ангелы — добрые божества. Однако в

---

[51] Примечания: 51

В оригинале: «Пусть твой *ангел*, которому служил ты…» — *Е. К.*

Средние века считали, что Сатана и его помощники тоже когда- то были ангелами; в частности, так это трактуется в эпической поэме Мильтона «Потерянный рай». Падшие ангелы стали демонами, или дьяволами; именно о таком падшем ангеле и говорит Макдуф.

Что же касается самого Макдуфа, то он появился на свет с помощью кесарева сечения. Подробности нам неизвестны. Может быть, его мать умерла накануне родов и ребенка пришлось «вырезать из материнской утробы»? Кто знает? Холиншед, которого Шекспир использовал как источник, также обходит этот вопрос молчанием.

Только теперь до Макбета доходит значение облика окровавленного ребенка, который принял третий призрак, говоривший о «не рожденном женщиной». Он вспоминает давнее предупреждение Банко о «подобье правды» и кричит:

> Не надо верить прорицаньям ада,
> Проклятье им за их двоякий смысл!
>
> ***Акт V, сцена 8, строки 19–20***

«…И проклят будь, кто первый крикнет: «Стой!»

Кажется, что Макбет готов отказаться от борьбы, но, когда Макдуф приказывает ему сдаться, чтобы стать презренным заключенным, которого выставят напоказ, король берет себя в руки. Он обречен, знает, что победа невозможна, но хочет умереть как воин. Макбет говорит:

> Хотя Бирнам напал на Дунсинан
> И не рожден ты женщиной, мой недруг,
> Мне хочется, свой щит отбросив прочь,
> Пробиться напролом в бою с тобой,
> И проклят будь, кто первый крикнет: «Стой!»

Акт V, сцена 8, строки 30–34

Это последние слова Макбета. Он убит и наконец обретает покой, который приносит смерть.

«Живи, Малькольм!»

Входит Макдуф, неся голову Макбета, и приветствует Малькольма возгласом:

Живи, Малькольм! Теперь ты наш король.

Акт V, сцена 8, строка 59

Все дружно подхватывают этот клич. В 1057 г., через семнадцать лет после смерти своего отца Дункана, двадцатишестилетний Малькольм действительно стал шотландским королем. Ему было суждено долгое и счастливое царствование под именем Малькольма III Неутомимого, продолжавшееся тридцать пять лет. Ему не пришлось отдавать Сиварду провинцию, потому что тот умер вскоре после финальной битвы с Макбетом, а в январе 1066 г. умер Эдуард Исповедник, после чего в Англии начались беспорядки. Малькольм удержал Лотиан, который оставался шотландским вплоть до эпохи Шекспира.

Малькольм сильно англизировал Шотландию. Об этом свидетельствует заключительная речь нового короля, в которой он говорит:

Таны
И родственники, я решил ввести
В Шотландии впервые графский титул

И вам его даю.

Акт V, сцена 8, строки 62–64

Как шотландский титул уступил место английскому, так и старый кельтский язык уступил тевтонскому английскому. Хотя формально Шотландия сохранила независимость, в области культуры она примкнула к южному королевству.

Вскоре настало время, когда Малькольму пришлось отплатить услугой за услугу. Когда Вильгельм Нормандский завоевал Англию, выиграв битву при Гастингсе (осень 1066 г.), в Шотландию сумели бежать юноша и девушка. Это были брат и сестра Эдгар и Маргарита, внуки Эдмунда Железнобокого, сводного брата Эдуарда Исповедника.

Малькольм дал им приют так же, как в свое время ему самому дал приют Эдуард Исповедник. Более того, впоследствии он женился на Маргарите, так что в жилах шотландских королей течет также кровь саксонских королей Англии.

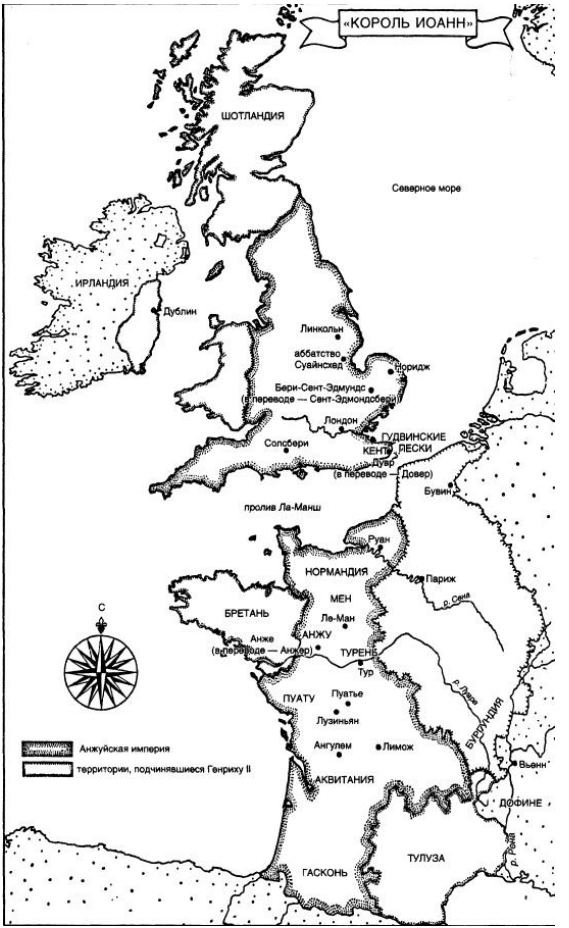
Малькольм сохранял относительно мирные отношения с Вильгельмом Нормандским, теперь королем Вильгельмом I Завоевателем. Но когда в 1087 г. престол занял его сын Вильгельм II Рыжий,

Малькольм осмелел. Во время своего последнего набега на северную Англию (1093) Малькольм столкнулся с войском англичан, потерпел поражение и погиб в битве. В той же битве погиб и Эдуард — старший сын Маргариты, названный в честь короля, который когда-то приютил беглого сына Дункана.

После гибели Малькольма на трон сумел взойти Дональбайн, в годы правления брата остававшийся в изгнании. Это случилось через пятьдесят три года после гибели его отца, несчастного Дункана. Кандидатуру Дональбайна поддержали шотландские кельты, и в годы его правления была предпринята последняя тщетная попытка оживить кельтский дух. Правление Дональбайна было очень неспокойным, и в 1098 г. его свергли.

Затем по очереди правили три сына Малькольма от Маргариты: Эдгар, Александр I и Давид I. Именно Давид стал предком всех последующих шотландских королей, в том числе и Стюартов (включая Якова I). Яков I был потомком Давида в шестнадцатом колене, а нынешняя королева Великобритании Елизавета И является потомком Давида I в двадцать восьмом поколении.

Глава 5 «Король Иоанн»


«КОРОЛЬ ИОАНН»
ШОТЛАНДИЯ
Северное море
ИРЛАНДИЯ
Дублин
Линкольн
аббатство Суайнсхед
Норидж
Бери-Сент-Эдмундс (в переводе — Сент-Эдмондсбери)
Лондон
ГУДВИНСКИЕ ПЕСКИ
КЕНТ
Солсбери
Дувр (в переводе — Довер)
Бувин
пролив Ла-Манш
Руан
НОРМАНДИЯ
Париж
р. Сена
МЕН
БРЕТАНЬ
Ле-Ман
АНЖУ
Анже (в переводе — Анжер)
ТУРЕНЬ
Тур
р. Луара
ПУАТУ
Пуатье
Лузиньян
БУРГУНДИЯ
Ангулем
Лимож
Вьенн
АКВИТАНИЯ
ДОФИНЕ
ТУЛУЗА
ГАСКОНЬ
С
Анжуйская империя
территории, подчинявшиеся Генриху II

Действие всех четырех «английских» пьес, о которых шла речь выше, происходит в период до 1066 г. В них описаны события в основном легендарные, а реальные исторические факты сильно искажены.

В 1066 г. Вильгельм Нормандский отвоевал Англию у саксов; именно с этого времени начинается подлинная история Англии (да и всей Европы). Набеги варваров на Западную Европу наконец прекратились, начался подъем литературы и культуры в целом, а летописи стали вести более тщательно.

В 1590–х гг. Шекспир написал не менее девяти исторических пьес, посвященных периоду истории Англии после ее завоевания норманнами. Восемь из них посвящены беспокойному XV в., и их главная тема — нарушение порядка престолонаследия.

Несомненно, они являются откликом на главную проблему эпохи самого Шекспира. В 1590–х гг. королеве Елизавете I было уже за шестьдесят. Она отказалась выйти замуж, детей не имела, а жить ей оставалось всего несколько лет.

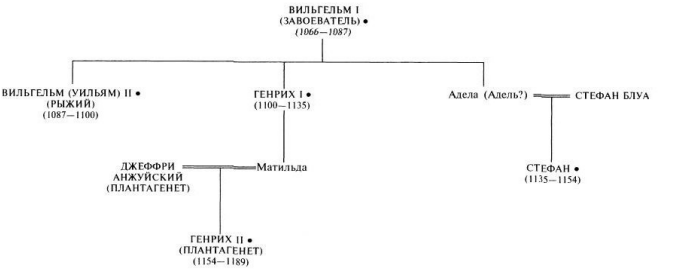
Если бы после ее смерти началась борьба за корону, Англии предстояло бы вновь испытать ужасы гражданской войны, которые так часто

выпадали на ее долю в прошлом. Большинство мыслящих англичан сознавало это и боялось, что однажды утром, проснувшись, они узнают, что великая королева умерла, а знать разделилась на отдельные группировки и вербует сторонников, готовясь к вооруженной борьбе.

Шекспир выражал свою тревогу в одной пьесе за другой, описывая борьбу за трон, с беспощадной четкостью обнажая корыстные мотивы таких войн и их развращающее влияние на главных героев исторических хроник.

Впрочем, около 1596 г., когда пять из восьми пьес, посвященных XV в., было уже создано, а три еще предстояло написать, Шекспир сделал перерыв и написал хронику о короле Иоанне, действие которой происходит в начале XIII в.

ОТ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ ДО ГЕНРИХА II



• короли Англии
Примечание. Включены только значительные личности.
Имена женщин набраны строчными буквами.

ОТ ГЕНРИХА II ДО ГЕНРИХА III

действующие лица пьесы

упоминаемые в пьесе

• короли Англии

○ короли Франции

✱ император Священной Римской империи

Примечание. Имена женщин набраны строчными буквами.
Включены только значительные личности.

Возможно, его вдохновил на это успех анонимной пьесы, появившейся в 1591 г. и называвшейся «Беспокойное правление Иоанна, короля Англии». Шекспир в очередной раз получил возможность переделать популярную пьесу. До сих пор результат был неизменным: новый вариант оказывался настолько лучше прежнего, что тот предавали забвению. В данном случае соблазн был особенно велик, потому что речь шла о нарушении порядка престолонаследия, а также о внутренних и внешних войнах, возникших впоследствии.

Чтобы понять историческую подоплеку пьесы, нужно вернуться к событиям, имевшим место во время царствования короля Генриха II Английского (1154–1189). Генрих, правнук Вильгельма Завоевателя по материнской линии, был сильным и опытным правителем.

У этого Генриха было пятеро сыновей. Старший, Вильгельм (Уильям), умер в 1156 г. в возрасте трех лет, но четверо других пережили детские болезни. Перечислим их по старшинству: Генрих, Ричард, Джеффри (Готфрид, Жоффрей или Жоффруа) и Джон (Иоанн). Двое из них умерли еще во время царствования отца: Генрих — в 1184, а Джеффри — в 1186 г. Ричард, старший из двух

оставшихся сыновей, унаследовал трон в 1189 г. и стал Ричардом I.

Когда в 1199 г. Ричард погиб в бою, королем стал его младший брат Иоанн, последний из сыновей Генриха II. В то время ему было тридцать два года.

«...Сказать нам хочет французский брат...»

Пьеса начинается в 1199 г., когда Иоанн, едва получив корону, сталкивается с враждебностью Франции. Эта враждебность возникла во времена его отца, Генриха И.

Генрих II (а затем его сыновья) владел во Франции землями, площадь которых превышала владения французских королей, и последние больше полувека только и думали о том, как отнять эти земли (или хотя бы их часть).

Большую часть правления Генриха II королем Франции был Людовик VII. Людовик избегал встречаться с Генрихом на поле боя, но плел против него искусные интриги, а в конце царствования подбивал сыновей Генриха на мятеж против отца.

В 1180 г. Людовик умер. Его сын, Филипп И, унаследовал не только отцовский трон, но и отцовскую политику. Филипп воевал против

Генриха и Ричарда, а когда Ричард погиб и престол занял Иоанн, французский король решил удвоить свои усилия.

Пьеса начинается с того, что король Иоанн принимает Шатильона, дерзкого посла своего французского врага. К тому времени тридцатичетырехлетний Филипп занимал престол уже девятнадцать лет.

Иоанн говорит:

> Так что же, Шатильон, сказать нам хочет
> Французский брат наш?

Акт I, сцена 1, строка 1 (перевод Н. Рыковой)

«Назвавшемуся королем…»

Шатильон высокомерно отвечает:

> Вот что мне велел
> Король французский передать с приветом
> Назвавшемуся королем английским.

Акт I, сцена 1, строки 2–4

Из этих слов явствует, что Филипп Французский не признает прав Иоанна на престол Англии. Иоанн якобы отобрал царскую корону у законного наследника. Шатильон сознательно оскорбляет нового короля, но Иоанн — не странствующий рыцарь, а хитрец, умеющий терпеливо переносить оскорбления и при необходимости признавать свои поражения.

Однако при этой сцене присутствует его мать, королева Элеонора, полная противоположность своему сыну. Она тут же вспыхивает и быстро отвечает:

Назвавшемуся? Странное начало!

Акт I, сцена 1, строка 5

Элеонора (у Шекспира — Элинор) — одна из самых необычных женщин Средневековья. Ее отцом был Вильгельм (Гийом) X, герцог Аквитании — богатой и веселой страны, занимавшей юго-западную четверть Франции. Он умер в 1137 г., оставив после себя единственную дочь, пятнадцатилетнюю красавицу и самую богатую наследницу в Европе. По доставшемуся ей наследству она во всех исторических источниках значится как Элеонора Аквитанская.

Естественно, такая наследница не могла долго

оставаться незамужней. Самой подходящей для нее партией был Людовик. Молодой наследник французского престола благодаря этому браку мог бы присоединить Аквитанию к той территории, которая уже принадлежала ему. Венчание состоялось через три месяца после того, как Элеонора стала герцогиней. Спустя месяц (шел все еще 1137 г.) отец Людовика умер, и новобрачный стал королем Людовиком VII Французским.

Однако брак оказался неудачным. Элеонора была веселой, легкомысленной и считала себя полновластной наследницей. Она окружила себя трубадурами и любителями удовольствий, которых король Людовик терпеть не мог.

Людовик был человеком серьезным, мрачным и очень вдумчиво относился к своим королевским обязанностям. Несомненно, он расхолаживающе действовал на свою веселую королеву и портил ей все удовольствия, а Элеонора казалась трудолюбивому королю чересчур легкомысленной.

Но хуже всего было то, что она родила Людовику двух дочерей, а по французским законам ни дочери королей, ни их потомки не имели прав на престол. Людовику нужен был сын, а Элеонора не могла его родить.

Последней каплей, переполнившей чашу тер-

пения, стал Крестовый поход. Полвека назад христианское войско захватило Иерусалим и Святую землю, но сейчас мусульмане усилили натиск, пытаясь отбить их. Возникла необходимость во Втором крестовом походе, и в 1147 г. Людовик VII вызвался стать одним из его предводителей.

Королева Элеонора ничего не хотела принимать в расчет, кроме одного: она должна сопровождать мужа, вместе со своим двором. Все это очень напоминало рыцарские романы: прекрасные дамы следят за тем, как их галантные поклонники побеждают на турнирах, — таким наверняка представлялся Элеоноре захватывающе интересный Крестовый поход.

Но на деле вышло все иначе. Второй крестовый поход оказался дорогостоящим мероприятием и закончился унизительным поражением. Потерпев поражение, Людовик VII был вынужден вернуться домой, после чего его отношения с женой окончательно испортились. В 1152 г. он развелся с Элеонорой, хотя это и означало для него потерю Аквитании.

Элеонора была злопамятна. Унижение, пережитое при разводе, заставило ее быстро вступить во второй брак, чтобы сделать неприятное бывшему

супругу. Тридцатилетняя королева все еще была хороша собой, а главное — богата.

Северо-западной четвертью Франции в то время владел галантный и умный девятнадцатилетний юноша, Генрих Анжуйский. Его отец был всего-навсего графом Анжуйским, но зато мать (Матильда) приходилась дочерью королю Генриху I Английскому. Многие считали Матильду законной королевой Англии, но занять престол она не смогла, и страной правил двоюродный брат Стефан.

(Кстати, смерть короля Генриха I в 1135 г. привела к первому кризису с престолонаследием; странно, что Шекспир не поддался соблазну написать об этом пьесу. Впрочем, если бы он стал писать о Матильде и Стефане, ему пришлось бы изобразить английскую королеву, которая потерпела поражение и была изгнана из Лондона восставшими горожанами. Учитывая, что в это время королевой была Елизавета, которую многие ненавидели по религиозным соображениям, автора такой пьесы могли обвинить в государственной измене. Если у Шекспира и была такая мысль, то он быстро от нее отказался.)

Итак, королем Англии был Стефан, но он старел. Один из его сыновей умер, а второй не имел

ни способностей, ни желания править страной. После смерти Стефана трон должен был перейти к Генриху Анжуйскому.

Элеонора вышла замуж за Генриха, чтобы уязвить Людовика VII (или по каким-то другим соображениям), а Генрих женился на женщине старше себя только ради Аквитании. Элеонора вступила во второй брак спустя всего два месяца после развода с Людовиком VII.

Через два года Стефан умер, и Генрих стал Генрихом II Английским. Англия и его французские владения составили так называемую Анжуйскую (или Ангевинскую) империю, потому что Генрих принадлежал к Анжуйской династии. Именно эту империю и пытались уничтожить Людовик VII и его сын Филипп.

Элеонора сделала для Генриха то, что она не смогла сделать для Людовика: она родила английскому королю сыновей. В конце царствования Генриха их было четверо.

Впрочем, особой радости они отцу не доставили. Король был занят и уделял им мало внимания, так что воспитывала их мать. Более того, второй брак Элеоноры вскоре оказался таким же неудачным, как и первый. Из ненависти к Генриху Элеонора подбила сыновей на мятеж против

отца.

Мятеж не удался; сыновьям пришлось бежать к Людовику VII и искать у него защиты. Элеонора пыталась присоединиться к ним, но Генрих успел перехватить ее и держал в тюрьме до конца своей жизни.

Затем сыновья сумели помириться со своим суровым отцом, но продолжали представлять угрозу для него и друг для друга до самого конца правления Генриха.

6 июля 1189 г. Генрих II умер, и королем стал Ричард. Первое, что он сделал, — освободил мать из тюрьмы. В то время Элеоноре было уже шестьдесят семь лет, но она по-прежнему оставалась грозной и решительной. Остаток жизни она посвятила Ричарду II Иоанну; лично я считаю, что (несмотря на раздутую репутацию Ричарда) у Элеоноры было больше мужества, чем у всех ее сыновей, вместе взятых.

Когда в 1199 г. Ричард погиб, Элеоноре было уже семьдесят семь. Возраст для того времени просто поразительный, но ей хватило сил и энергии, чтобы заставить английскую знать и народ присягнуть на верность ее младшему и самому любимому сыну, после чего Иоанн мог править спокойно.

В отличие от сына она отнеслась к провокационной реплике *«назвавшемуся* королем» с негодованием, и это вполне естественно.

«Артура, отпрыска Плантагенета…»

Иоанн успокаивает мать; он хочет знать, что скажет Шатильон. Шатильон не заставляет себя долго ждать. Он заявляет:

> Король Филипп, вступаясь за права
> Артура, отпрыска Плантагенетов,
> И сына брата твоего Готфрида,
> Желает, чтобы ты ему вернул
> Прекрасный этот остров.

Акт I, сцена 1, строки 7–10

В то время в Западной Европе уже начинал распространяться принцип «законного престолонаследия». Он заключался в том, что корона доставалась не любому представителю королевской семьи (предпочтительно взрослому, проявившему способности полководца и правителя), а тому, кто оказался следующим в очереди, сое явленной по определенной системе, независимо от возраста и способностей.

По этой системе обычно наследником престола

являлся старший сын, а затем дети старшего сына. Второму по старшинству сыну (и его наследникам) корона могла достаться только в том случае, если старший сын умирал бездетным. Третий сын получал права на престол, если у второго не оставалось наследников, и так далее.

Принц Вильгельм (Уильям) умер в возрасте трех лет — естественно, не оставив наследников. Принц Генрих (второй сын) также умер бездетным. Поэтому трон унаследовал принц Ричард (третий сын).

Еще до начала правления Ричарда двадцативосьмилетний принц Джеффри (Готфрид, четвертый сын) во время рыцарского поединка упал с лошади и умер, также не оставив наследников. Поэтому согласно жестким правилам престолонаследия после гибели бездетного Ричарда в 1199 г. корона перешла к Иоанну (пятому сыну).

Но тут возник казус. Четвертый сын Джеффри в момент смерти действительно был бездетным, однако его жена была беременна. В 1187 г. она родила мальчика, которого назвала Артуром. Согласно жестким правилам престолонаследия, Артур, как сын четвертого сына короля, имел преимущественное по сравнению с пятым сыном

Иоанном право на английскую корону.

Именно это право и защищает Филипп И Французский.

Но почему Артура зовут Плантагенетом? И что вообще означает это второе имя?

Все началось с прозвища Джеффри Анжуйского, отца Генриха II. Согласно легенде, Джеффри совершил паломничество в Святую землю и в знак смирения носил на своей одежде пучок простой травы. Еще одним таким знаком была веточка простого ракитника (broom), которую он прикалывал к берету. Согласно другой легенде, он сажал ракитник вдоль своих охотничьих троп, чтобы осушить их. (У ракитника длинные тонкие ветки, которые можно, связав в пучок, прикрепить к черенку и сделать метлу. По-английски любая метла тоже называется broom, из чего бы она ни была сделана.)

По-латыни ракитник называется Planta genista, а на средневековом французском — planta genet. То ли в этом виноват берет, то ли охотничьи тропы, но факт остается фактом: Джеффри прозвали Плантагенетом (Ракитником).

Когда Генрих занял английский трон и стал Генрихом II, его тоже начали называть Генрихом Плантагенетом; иными словами, он унаследовал

прозвище отца. Более поздние историки восприняли это как родовое имя и присвоили его всем прямым потомкам Генриха II по мужской линии.

«Ирландию, Анжу, Турень, и Пуатье, и Мен…»

Но требования Филиппа, выступающего от имени Артура Плантагенета, не ограничиваются Англией. Ему нужны и все французские территории Анжуйской империи. Он перечисляет некоторые из этих территорий:

> Ирландию, Анжу,
> Турень, и Пуатье, и Мен; чтоб ты,
> Свой меч захватнический опустив,
> Его племяннику вручил, как должно,
> Законному монарху твоему.
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 11–15***

В Ирландию англичане впервые вторглись в 1169 г. Норманнские рыцари высадились на западный остров по просьбе некоторых ирландских племенных вождей (чифтанов), потерпевших поражение от других. Норманны воевали успешно, и Генрих II боялся, что они создадут на острове независимые королевства, которые принесут Ан-

глии намного больше вреда, чем разрозненные ирландские племена. Поэтому Генрих привел в Ирландию целую армию и создал вокруг Дублина зону, контролируемую англичанами.

В 1177 г. Генрих сделал своего сына Иоанна (в ту пору десятилетнего) номинальным лордом-протектором Ирландии, чтобы дать ему титул. В 1185 г. Иоанн сделал попытку лично управлять Ирландией, но она оказалась неудачной. Иоанн оставался лордом-протектором Ирландии во время правления Ричарда, но временно лишился этого поста из-за интриг против брата, которые он пел, пока Ричард совершал Крестовый поход.

Что же касается «Пуатье, Анжу, Турени, Мена», то эти четыре области лежали между Нормандией и Аквитанией и входили в империю, созданную Генрихом II.

«Констанция покоя не узнает...»

Естественно, король Иоанн отвергает эти требования, и Шатильон уходит, произнеся напоследок фразу, равносильную объявлению войны.

Едва за ним закрывается дверь, как старая Элеонора Аквитанская гневно восклицает:

Что, сын мой? Не была ли я права?

Констанция покоя не узнает,
Покуда не побудит встать за сына
И Францию, и всех на белом свете.

Акт I, сцена 7, строки 31–34

Упомянутая Констанция — это герцогиня Бретонская. Бретань представляет собой полуостров на северо-западе Франции, который древние римляне называли Арморикой. Когда в VI в. остров Британию захватили саксы, часть бриттов приплыла на полуостров в поисках спасения, и с той поры эта область стала называться Бретанью.

В Средние века Бретань проводила осторожную политику и оставалась наполовину независимой, хотя часто была вынуждена платить дань либо французскому королю, либо нормандскому герцогу. В XI в., когда Нормандия переживала период расцвета, ее герцог Вильгельм II вторгся в Англию и завоевал ее; с тех пор Бретань подчинялась ему и его преемникам.

Бретань являлась частью французских владений Генриха И, но была связана с Англией слабее, чем остальные провинции. Во время правления герцога Конана IV Бретань попыталась добиться независимости. Но Генрих вторгся в Бретань и оккупировал большую часть ее территории, а за-

тем решил укрепить связи с Бретанью с помощью династического брака. Единственным ребенком Конана была дочь Констанция. Генрих женил на ней своего сына Джеффри, и недолгое время после смерти Конана Джеффри носил титул герцога Бретонского.

После смерти Джеффри Бретанью правила Констанция, но после рождения сына у нее возникли в отношении его честолюбивые планы, о чем говорит само имя мальчика. Констанция назвала сына Артуром в честь легендарного героя бриттов, сражавшегося с саксами. Это имя как нельзя лучше подходило для правителя герцогства, в которое когда-то бежали многие бритты.

Когда родился Артур, ближе его к английскому трону стал только Ричард, но имелась большая вероятность, что детей у него не будет. Это означало, что у Артура есть все шансы в один прекрасный день стать королем Англии, и Констанция делала все, чтобы воплотить эти планы в жизнь. Честолюбием она не уступала своей свекрови, Элеоноре, так что все предвещало битву королев, ради своих сыновей готовых на все.

«Львиным Сердцем...»

Высокую политику приходится оставить ради низкой. Речь снова идет о дележе наследства, которым в данном случае является небольшой кусок земли. Шериф приводит на суд двоих братьев, требующих справедливости. Король спрашивает, кто они такие, и старший брат Филипп отвечает:

> ...старший сын Роберта Фоконбриджа,
> Который в рыцари на поле битвы
> Был Львиным Сердцем славно посвящен.

Акт I, сцена 1, строки 51–54

Использованное в оригинале слово «Cordelion» — это искаженное Coeur-de-lion (буквально: «сердце льва»). Таково было широко известное прозвище Ричарда I Английского, старшего брата и предшественника короля Иоанна.

Ясно, что прозвище французское, потому что со времен завоевания при дворе короля Англии изъяснялись только на норманно-французском. Даже во времена короля Ричарда, через век с четвертью после битвы при Гастингсе, в результате которой Вильгельм Нормандский завоевал Ан-

глию, французские владения английского короля были обширнее английских, сам он считал себя скорее французом, чем англичанином, говорил не столько по-английски, сколько по-французски, и действительно был скорее французом, чем англичанином.

Ричард вырос в Аквитании, бывшей приданым его матери, правил ею всю свою юность и считал это герцогство родным домом. За все время своего правления он посетил Англию лишь дважды, да и то с целью собрать деньги. Он сражался во Франции и погиб во Франции.

Тем не менее его прозвище перевели на английский, где оно звучало как Richard Lion-Heart или Richard the Lion-Hearted. Под этим именем он стал самым знаменитым из английских героев, о котором слагали и рассказывали множество легенд.

Конечно, он заслужил это прозвище, потому что любил драться и обычно побеждал. Ричард был прирожденным странствующим рыцаре и больше всего на свете любил обмениваться мощными ударами. Впрочем, он был крупнее большинства людей, лучше питался, наращивал мускулы, тренировался и обладал превосходными доспехами. При таких преимуществах стать

смелым нетрудно.

В пользу Ричарда говорит и то, что он был не только рыцарем, но и трубадуром. Он хорошо пел и писал неплохие для короля стихи. Кроме того, он любил мать.

Однако на этом его достоинства кончаются. Ричард был человеком тщеславным, недостойным доверия и не слишком умным. Его правление стало катастрофой для Англии. Он выигрывал сражения и проигрывал войны, ради достижения цели использовал все средства, в том числе самые недостойные. Он продавал земли, должности и судебные решения, за деньги отказался от своих прав на Шотландию, притеснял евреев и вел себя так, что в Англии начались редкие для этой страны еврейские погромы.

Ричард даже не отличался особым мужеством (если не считать постоянной готовности к драке). Ему не хватало решимости, недаром его вторым прозвищем (куда менее известным, чем Львиное Сердце) было Ричард Ни Да Ни Нет; иными словами, его легко было склонить сначала на одну, а потом на другую сторону.

Но ради героической роли, которую Ричард, как посчитали, сыграл в Крестовом походе, англичане простили ему все. Они судят об этом

человеке главным образом по романам Вальтера Скотта «Айвенго» и «Талисман». Конечно, во всех легендах, воспевающих Ричарда, брат Иоанн не идет с ним ни в какое сравнение. Спору нет, уважения он не заслуживал, но был ничем не хуже Ричарда (если не считать того, что Ричард блистал в рыцарских поединках).

«...Ричард вылитый»

Но вернемся к спору между двумя братьями. Один из них обвиняет другого в том, что тот незаконнорожденный. Мать у них одна — жена рыцаря Фоконбриджа, относительно отца нет никакой ясности. Младший сын (Роберт) утверждает, что старший (Филипп) бастард, поскольку он родился тогда, когда Фоконбридж отправился за море по делам Ричарда; сам же Ричард в это время оставался в доме Фоконбриджа и, судя по всему, исполнял обязанности Фоконбриджа.

Король Иоанн и королева Элеонора верят этому на слово, не выслушав объяснений. Королева находит, что Филипп похож на ее покойного сына лицом и голосом, а король Иоанн говорит:

С него я глаз все время не спускал:

Он — Ричард вылитый.

Акт I, сцена 1, строки 89–90

Короче говоря, старшего сына признают бастардом Ричарда I. Элеонора с ликованием приветствует своего внука, а Иоанн — племянника. (В списке действующих лиц он значится как Филипп Бастард, и все его реплики озаглавлены как принадлежащие Бастарду.)

Кажется странным, что официальные члены царствующей семьи так охотно признают незаконного сына бывшего короля.

Чтобы понять это, необходимо учесть, что ситуация, описанная Шекспиром, вопиюще антиисторична. Краткое упоминание о человеке по имени Филипп, считавшемся незаконным сыном Ричарда I, есть у Холиншеда, однако наличие у короля какого бы то ни было сына, законного или незаконного, совершенно неправдоподобно.

Можно считать установленным, что, хотя Ричард был женат на Беренгарии Наваррской, у него никогда не было серьезных отношений с женщинами. Похоже, он был убежденным гомосексуалистом; этот факт тщательно затушевывался его позднейшими поклонниками, но современникам был прекрасно известен.

Констанция не стала бы так тщательно подготавливать сына к восшествию на престол, если бы не была полностью уверена в том, что у Ричарда не будет детей, которым он сможет передать корону.

Но если забыть историю и согласиться с возможностью существования незаконного сына Ричарда, то зачем Шекспир включил его в пьесу, да еще уделил ему столь много места, если в других пьесах автор относится к бастардам крайне отрицательно (особенно в «Короле Лире»)? Однако Филипп Бастард и есть герой этой пьесы (если в «Короле Иоанне» вообще есть герой).

Во-первых, в истории имелся прецедент существования бастарда, близкого к королевской семье и искренне преданного ей. Это пресловутый Жан Дюнуа, незаконный сын Людовика Орлеанского и, следовательно, двоюродный брат короля Карла VII Французского.

Когда Карл был затравленным дофином во Франции, наводненной ликующими англичанами, он относился к Дюнуа с уважением, а Дюнуа честно сражался на его стороне. Именно Дюнуа с помощью Жанны д'Арк осадил Орлеан, так что имел право дважды называться «бастардом Орлеанским».

Во-вторых, Филипп Бастард необходим с точки зрения драматургии. Король Иоанн в герои не годится, а король Ричард, который мог бы представить Англию с лучшей стороны, мертв. Именно поэтому в пьесе появляется бастард, олицетворяющий собой лучшие черты покойного короля.

В-третьих, если признать существование Филиппа, это будет означать, что только незаконное происхождение мешает ему (а не Артуру или Иоанну) стать полноправным королем Англии. Можно рассчитывать, что в конце пьесы этот факт станет кульминационным моментом.

«Кольбранд-великан…»

Иоанн готов передать наследство Фоконбриджа Филиппу (несмотря на его незаконное происхождение), но Элеонора убеждает Филиппа стать придворным, обменяв землю на возможность завоевать славу и почести.

Филипп делает это с радостью и жестоко (по современным понятиям даже слишком жестоко) насмехается над внешностью тощего и Неказистого брата, лишенного генов могучего короля Ричарда.

Король Иоанн возводит Филиппа в рыцари

и дарует ему титул сэра Ричарда Плантагенета (хотя в пьесе это имя ни разу не используется). Потом Бастард остается на сцене один и произносит монолог о тщеславии с характерным для него насмешливым цинизмом. Монолог прерывает появление матери Филиппа. Она жаждет найти своего младшего сына, чтобы опровергнуть распространяемую им клевету, которая позорит ее честь (он заявляет, что его старший брат незаконнорожденный).

Она гневно спрашивает Филиппа, где его брат, и тот насмешливо отвечает:

> Мой братец Роберт? Это он вам нужен?
> Могучий витязь, Кольбранд-великан
> И сэра Роберта законный сын?

Акт I, сцена 1, строки 224–225

Великан Кольбранд — персонаж очень популярного рыцарского романа «Ги Уорик». Этот роман был написан во времена Генриха II, и со временем его стали воспринимать как исторический источник, хотя ничего исторического в нем не было. Ги Уорик — странствующий рыцарь, совершающий подвиги по всей Европе, сражающийся с сарацинами и колдунами, освобождающий прекрасных дам и побеждающий

чудовищ.

Вернувшись в Англию, Ги обнаруживает, что страна находится под игом датского великана Кольбранда, который возглавляет иноземное войско и облагает Англию огромной данью. (Это исторический факт. В X в. Англия жестоко страдала от постоянных набегов датчан и откупалась от них всем, чем могла.)

Сэр Ги Уорик вызывает Кольбранда на поединок в Уинчестере, убивает его и избавляет Англию от датского ига. Пока роман сохранял популярность, имя великана Кольбранда символизировало что- то огромное и ужасное. Конечно, здесь оно используется в ироническом смысле, потому что Роберт тощий и маленький.

«…Как Базилиско»

Леди Фоконбридж, сбитая с толку подчеркнуто насмешливым тоном Филиппа, тревожно спрашивает:

> А ты, мальчишка, почему так дерзко
> О сэре Роберте заговорил?
>
> ***Акт I, сцена 1, строка 243***

Сын, только что ставший рыцарем благодаря позору матёри, отвечает:

Я рыцарь, мать. Совсем как Базилиско.

Акт I, сцена 1, строка 244

Это намек на пьесу Томаса Кида (см. в гл. 3: «…Помчался к мести») «Трагедия о Солимане и Перседе» (1588), один из главных героев которой хвастливый рыцарь по имени Базилиско. Он очень гордится своим титулом, никому не позволяет о нем забыть, а когда кто-то называет его просто по имени, неизменно поправляет: «Рыцарь, рыцарь, мой добрый друг, рыцарь». После чего «добрый друг» повторяет ту же фразу ироническим тоном, намекая на то, что титул титулом, а характер остается все тот же.

У Шекспира же все наоборот: Бастард относится к своему новому титулу без всякого почтения. Драматург использует реплику, заимствованную у соперника, просто для увеселения публики.

Поняв, что Бастард спокойно относится к своему статусу незаконного сына, мать сдается и подтверждает, что его отцом действительно был Ричард.

«У стен Анжера»

Местом действия второго акта становится

Франция, где начинается война между английским и французским королями. Решается вопрос о судьбе континентальной части Анжуйской империи. Останется ли она у Плантагенетов или перейдет в руки короля Франции? Претензии принца Артура на престол — всего лишь повод для войны, но мать Артура Констанция этого не понимает.

В ходе военных действий Филипп Французский оказывается у ворот одного из главных городов Анжуйской империи. Его первая фраза в пьесе звучит так:

> У стен Анжера.
>
> ***Акт II, сцена 1, строка 1***

Анжер (на современном французском — Анже) — город примерно в 170 милях (270 км) к юго-западу от Парижа. Это столица графства Анжу, исторической родины Анжуйской династии.

«…Доблестный эрцгерцог»

Французский король прибыл не один. С ним Артур, права которого якобы защищает Филипп, и мать Артура Констанция. Кроме того, короля сопровождает союзник, к которому в первой

реплике и обращается Филипп:

> Приветствуем вас, доблестный эрцгерцог,
> У стен Анжера.

Акт II, сцена 1, строка 1

Во времена Шекспира Австрия представляла собой большую силу, но во время действия пьесы она еще оставалась второстепенным немецким герцогством. Долгое время Австрия находилась под владычеством Баварии и обрела независимость лишь в 1156 г. Собственно говоря, Европа заметила Австрию только благодаря действиям того самого человека, к которому в этот момент обращается Филипп, называя его «доблестным эрцгерцогом». (Его реплики в пьесе принадлежат персонажу по имени Австриец.)

На самом деле собеседником Филиппа является Леопольд V, маркграф Австрийский. (Титул маркграфа соответствует английскому графу.) Леопольд распространил свою власть на расположенную южнее Штирию, а поскольку Штирия была герцогством, он стал Леопольдом I, герцогом Австрийским.

Леопольд принимал участие в Крестовых походах и помогал брать Акру — прибрежный город,

находившийся в руках мусульман. В июле 1191 г. войско христиан, главным вождем которого был Ричард Львиное Сердце, захватило Акру.

Леопольд, тоже участвовавший в осаде, водрузил свой штандарт на одной из крепостных площадок захваченной цитадели. Однако Ричард, не признававший ничьих заслуг, кроме своих собственных, приказал снять штандарт и выбросить его. Говорят, что, когда Леопольд попытался протестовать, Ричард дал ему пинка под зад и заставил замолчать.

Похоже, английские летописцы считали этот поступок забавным и героическим одновременно.

Когда пришло время Ричарду вернуться домой, он понял, что сделать это будет сложно. Король успел поссориться почти со всеми в Европе, а армии, которая помогла бы ему проложить путь через враждебно настроенный континент, у него не было. Он доплыл на корабле до Венеции, а дальше ехал инкогнито.

Но маскироваться Ричарду было трудно. Он был крупным, мускулистым и надменным. Что бы ни делал Ричард, все выдавало в нем дерзкого рыцаря высокого ранга. Его разоблачение было делом времени; к несчастью для Ричарда, это

произошло в самый неподходящий момент и в самом неподходящем месте.

В декабре 1192 г. у Вены его окружили вооруженные люди, явно намеренные захватить знатного путешественника, чтобы получить за него выкуп. Ричард вынул меч и сказал, что он сдастся только их предводителю. Этим предводителем оказался герцог Леопольд. Ричарда заточили в темницу.

Конечно, за это Леопольда в Англии предали анафеме. Его сочли подлым трусом, который получил пинок под зад авансом — в отместку за будущую подлость.

В этой пьесе Леопольд действительно играл роль злодея, которому английская публика свистела и улюлюкала. Филиппу Французскому не свистели: он оказался очень способным королем и в конечном счете одержал победу. (Известно, что благодаря этим победам Филипп получил прозвище Август, данное ему в честь великого первого римского императора, см. в гл. 2: «За сына той вдовы…»)

Однако с Леопольдом можно было не церемониться. Само обращение к нему — «доблестный

эрцгерцог»[52] — было рассчитано на немедленную реакцию в виде свистков и шиканья. Этот хвастун носит львиную шкуру, но не совершает ничего героического; сразу видно, что он попросту позаимствовал имидж Ричарда Львиное Сердце. Более того, ясно, что главная задача Бастарда, в котором воскрес дух Ричарда, — отомстить за отца и убить Леопольда.

В этой истории есть только один изъян: Леопольд Австрийский умер в 1194 г., за пять лет до восшествия на престол короля Иоанна, и просто не мог принимать участие в событиях, которые описаны в пьесе.

«…Сражен был этой рыцарской рукой»

Затем король Филипп представляет Австрийца юному Артуру:

> Друг Артур, твой родич,
> У льва исторгший сердце, славный Ричард,
> Отважный паладин Святой земли.

---

[52] Примечания: 52
в оригинале: «храбрый австриец». — *Е. К.*

Сражен был этой рыцарской рукой.

Акт II, сцена 1, строки 2–5

В этой фразе (которая заставляла насторожиться самого тупого зрителя эпохи Шекспира, не понимавшего, почему Австрийца следует считать злодеем) намек на то, что Ричард умер в австрийской темнице, однако это не соответствует истине. На самом деле он оставался в плену у Леопольда совсем недолго. Германский император Генрих VI в конце концов заставил Леопольда отпустить августейшего пленника за 150 тысяч марок, которые Ричард должен был выжать из своих подданных. В 1194 г. целый и невредимый Ричард вернулся в Англию.

Но как же он умер на самом деле?

Пробыв в Англии ровно столько времени, сколько требовалось для сбора выкупа, Ричард пересек Ла-Манш и провел остаток жизни, сражаясь с королем Филиппом.

В 1199 г. какой-то крестьянин нашел в северной Аквитании, на землях Гьомара, виконта Лиможского, золотой самородок. Конечно, Ричард считал Аквитанию своей собственностью, а поскольку он всегда нуждался в деньгах, то потребовал отдать самородок ему. Виконт же

соглашался отдать только часть золота.

Ричард немедленно решил осадить замок виконта Шалю, находящийся в 20 милях (32 км) к юго-западу от Лиможа. Виконт готов был сдаться на определенных условиях, но Ричард эти условия отверг. Когда король объезжал стены замка, стрела попала ему в левое плечо. Ричард тут же отдал приказ о штурме, и замок был взят. Только после этого он удосужился извлечь стрелу.

Но было слишком поздно. В то время не имели представления не только об антибиотиках, но и о личной гигиене. Рана воспалилась, началась гангрена, и 6 апреля 1199 г. Ричард умер.

Нельзя сказать, что его убил Гьомар Лиможский. Ричарда убила собственная глупость и стремление затевать драки по ничтожным поводам.

Шекспир объединяет Леопольда Австрийского и Гьомара Лиможского, создав единый образ. В списке действующих лиц «храбрый австриец» назван Лиможем, герцогом Австрийским; позже Констанция называет его Лиможем. Комбинация абсурдная, но она позволяет Шекспиру создать нужный ему образ злодея.

«…Принцесса Бланка»

Союзные армии Филиппа и Австрийца готовятся к осаде Анжера, но тут прибывает Шатильон с известиями об Иоанне. Он сообщает, что английский король собрал армию и вторгся во Францию:

> С ним королева-мать, — как злая Ата,
> Что подстрекает на раздор и кровь, —
> Ее племянница, принцесса Бланка,
> И Ричарда покойного бастард…

Акт II, сцена 1, строки 62–65[53]

Ата — греческая богиня мщения и раздоров; это очень точное описание Элеоноры Аквитанской, которая прожила долгую жизнь и все это время отравляла существование не только двум мужьям, но и любому, кто имел с ней дело.

Сейчас идет война между ее сыном Иоанном и внуком Артуром, в которой она целиком на стороне сына. Отношение Элеонора к Артуру едва ли можно назвать родственным. Впрочем, у королевы есть два оправдания: Во-первых, она

---

[53] Примечания: 53
В оригинале: «…принцесса Бланка Испанская…» — *Е. К.*

вряд ли когда-нибудь видела Артура; Во-вторых, Элеонора ненавидела свою невестку Констанцию, которая в случае воцарения Артура стала бы королевой-матерью.

Что же касается Бланки (Бланш) Испанской, то она приходится племянницей не Элеоноре, а Иоанну; для Элеоноры она внучка. Кроме пяти сыновей, которых Элеонора родила от Генриха II, у нее были еще три дочери. Если считать двух дочерей, рожденных ею от Людовика VII, то в общей сложности у Элеоноры было десять детей. Поразительно не столько то, что все они выжили (в то время детская смертность была чудовищной), сколько то, что у Элеоноры еще оставалось время причинять другим неприятности.

Тремя дочерьми Элеоноры от Генриха были Матильда, Элеонора и Джоанна, или Жанна (по старшинству). Все они были замужем за королями.

Средняя дочь, Элеонора, названная в честь матери, родилась в 1161 г.; так что она была на шесть лет старше Иоанна. В 1170 г., когда Элеоноре-младшей было девять лет, ее выдали замуж за Альфонсо VIII, короля Кастилии (области, лежащей на севере центральной части современной Испании). В 1187 г. у них родилась дочь, которую

Шекспир называет Бланкой (Бланш) Испанской, однако в истории она осталась как Бланка Кастильская. Когда Иоанн унаследовал трон, Бланке было одиннадцать лет.

«...Обувь славного Алкида»

Прибывает Иоанн со своей армией, и короли тут же вступают в перепалку. Филипп доказывает, что законным королем Англии является Артур, а Иоанн парирует, что мнение Филиппа в данном случае ничего не значит.

Элеонора поддерживает Иоанна, но ей тут же возражает Констанция. Обе женщины обладают бешеным темпераментом. Когда они сцепляются друг с другом, мужчины волей-неволей оказываются по одну сторону баррикад.

Австриец пытается остановить их, но едва герцог открывает рот, как его окликает Бастард. К удовольствию публики, начинается травля Австрийца воскресшим духом Ричарда. Например, говоря о привычке Австрийца носить львиную шкуру, Бастард изрекает:

Ему ж оно[54] пристало, как ослу Пристала обувь славного Алкида.

Акт II, сцена 1, строки 143–144

Конечно, Алкид — это Геркулес. Бастард хочет сказать, что львиная шкура на спине Австрийца выглядит так же, как Геркулес на спине осла.

«…Отмечен Божьим гневом»

Не успевают мужчины обменяться несколькими словами, как между Элеонорой и Констанцией возникает ссора, в которой младшей удается перекричать старшую. Констанция доказывает, что с Артуром обошлись несправедливо исключительно благодаря козням Элеоноры. Ребенка наказывают не за его собственные грехи, а за грехи его бабки:

Страдает мальчик по твоей вине;
Твои грехи на голове его,
За них же он отмечен Божьим гневом
—
Несчастное второе поколенье

---

[54] Примечания: 54
одеяние. — *Е. К.*

Из мерзостного чрева твоего.

Акт II, сцена 1, строки 179–182

Констанция цитирует Библию (Исх., 20: 5): «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня».

«По завещанью…»

Король Иоанн, раздраженный этими ядовитыми намеками в адрес его любимой матери, восклицает:

Молчи, безумная!

Акт II, сцена 1, строка 183[55]

Это упоминание о больнице Святой Марии Вифлеемской (Бедламе) — явный анахронизм; Иоанн называет Констанцию сумасшедшей.

Однако Элеоноре удается забыть о личном и начать спор о престолонаследии. Она презрительно говорит Констанции:

Бранишься без толку! По завещанью

---

[55] Примечания: 55

В оригинале: «ей-богу, это какой-то Бедлам». — *Е. К.*

Артур, твой сын, лишился прав на трон.

Акт II, сцена 1, строки 191–192

Оказывается, что перед отъездом в Святую землю (откуда можно было и не вернуться) Ричард назвал своим наследником Артура. (Похоже, что все распоряжения Ричарда относительно престолонаследия говорят об одном: этот человек не рассчитывал, что у него когда-нибудь появятся дети.)

В то время Артуру было всего два года. Ребенка следовало воспитывать в Англии, Нормандии или Аквитании — там, где он мог получить хорошую подготовку и осознать себя представителем Анжуйской династии и Плантагенетом. Однако бретонцы предпочли воспитывать мальчика в Бретани.

В 1196 г. Ричард благополучно вернулся из Крестового похода и потребовал, чтобы Артура, в ту пору девятилетнего, передали ему. Но бретонцы вновь отказались. Не желая, чтобы мальчика воспитали норманном, они отправили ребенка к королю Филиппу Французскому.

В результате стало ясно, что Артур получит французское воспитание и превратится в насто-

ящего француза. Ричард, считавший Филиппа заклятым врагом, не мог оставить свое королевство марионетке этого врага. Поэтому он лишил Артура наследства и назначил своим преемником Иоанна. Когда Ричард умер, Иоанн продолжал оставаться его наследником. (Иоанн присутствовал при смертном одре брата.) Именно на это и намекает Элеонора.

Конечно, весьма сомнительно, что правящий король может менять порядок престолонаследия по собственному желанию. Однако Констанция не затрагивает эту щекотливую тему. Вместо этого она с не меньшим презрением отвечает, что если у Элеоноры и есть завещание, то наверняка подложное.

«...На городскую стену?»

Спор заканчивается на том, с чего начался: согласия достичь не удалось. Оба войска пытаются войти в Анжер, но горожане возражают. В ответ на звук трубы один из них выходит на стену и кричит:

> Кто вызвал нас на городскую стену?
>
> ***Акт II, сцена 1, строка 201***

В издании Signet это действующее лицо значится как «Хьюберт, анжерский горожанин». Однако впоследствии в пьесе это имя носит другой персонаж, лицо историческое и жителем Анжера не являвшееся. В издании Kitredge и первом издании пьесы произносящий реплику назван просто Горожанином, и, на мой взгляд, это совершенно правильно.

«Святой Георгий...»

Жители Анжера впустят в город только того, кто докажет свое превосходство на поле боя. Поэтому англичане и французы готовятся к битве, а Бастард говорит:

> Святой Георгий, ты, сразивший змея
> И с той поры на вывесках трактирных
> Гарцующий, учи нас биться!

Акт II, сцена 1, строки 288–290

В Средние века была широко распространена легенда о христианском мученике Георгии, жившем в Палестине и убитом в 303 г. н. э., во время последнего грандиозного преследования христиан римлянами. Он был канонизирован как святой Георгий, но главным подвигом мученика,

привлекавшим к нему людей, было избавление девы от зубов злого дракона, которого он сразил.

Может быть, Георгий и существовал на самом деле, но куда резоннее предположить, что история с девой и драконом христианизация популярного мотива древнегреческих мифов — например, мифа о Персее и Андромеде. Как бы там ни было, но норманнским рыцарям эры Крестовых походов личность Георгия казалась привлекательной. Им нравился святой, который тоже был рыцарем. В результате его образ приобрел популярность.

Эдуард III, правивший через полтора века после Иоанна, тоже воображал себя рыцарем и сделал святого Георгия покровителем Англии. Клич «Святой Георгий!» стал боевым кличем англичан; считалось, что с помощью божественной силы он может точнее направлять удары. Поэтому Бастард и говорит: «Учи нас биться».

Конечно, популярность святого Георгия использовалась хозяевами трактиров и постоялых дворов. Вся Англия была испещрена вывесками, на которых святой верхом на коне, в полных боевых доспехах поражал дракона. Именно это подразумевает фраза «на вывесках трактирных гарцующий»; впрочем, во время правления Иоан-

на моды на такие вывески еще не существовало.

«…Иерусалимских граждан во дни их мятежа»

Битва длилась долго и кончилась безрезультатно; во всяком случае, никто не хочет признать себя побежденным.

Нетерпеливый Бастард считает, что глупо устраивать сражение ради развлечения жителей Анжера. Он говорит двум королям:

> Осмелюсь вам совет мой предложить:
> Взяв за пример иерусалимских граждан
> Во дни их мятежа, вражду свою
> На время позабудьте и совместно
> Анжерцам дайте жару.

Акт II, сцена 1, строки 378–380

Противоборствующие стороны редко забывают распри и объединяются против общего врага, хотя это было бы разумнее всего.

Гораздо чаще одна из сторон, боясь потерь, объединяется с общим врагом.

Пример более разумных действий — поведение иудеев в I в. н. э. Несмотря на множество сект, расходившихся в религиозных вопросах, они

сумели объединиться против римлян и с 67 по 70 г. стойко сопротивлялись лучшим римским легионам.

«…Людовику-дофину»

Разгневанные короли соглашаются объединить усилия и штурмовать упрямый город с разных концов, но тут на стену выходит встревоженный глашатай и предлагает воюющим сторонам заключить династический брак:

> Дитя Испании, принцесса Бланка,
> Английскому властителю родня,
> По возрасту в невесты подошла бы
> Людовику-дофину.

Акт II, сцена 1, строки 423–427

Странный титул дофин (буквально: «дельфин») обязан своим происхождением графу, правившему Вьенном — городом на реке Роне. В 1133 г. графом стал Гиг Дофин и принял имя Гига IV. Почему его прозвали Дофином (по-французски это значит «дельфин»), неизвестно. Считается, что изображение дельфина было либо на его щите, либо на боевом штандарте. Впрочем, возможно, это было второе имя графа.

Последующие графы также носили это имя, пока, наконец, оно не превратилось в титул; в результате обширная территория на восточном берегу Роны, которой они владели, со временем стала называться Дофине (то есть «земля рода Дельфинов»).

Гумберт (Юмбер) II Дофине, который начал править в 1333 г., потратил на войну и другие чудачества столько денег, что разорился. В 1349 г. он продал свои земли Иоанну (Жану), старшему сыну Филиппа II Французского. Когда в следующем году этот Жан стал Иоанном II Французским, он сделал правителем Дофине своего старшего сына. После этого каждого старшего сына короля стали называть дофином, и этот титул сохранялся за наследником французского престола пятьсот лет.

Назвать молодого Луи, старшего сына Филиппа II Французского (будущего Людовика VIII), дофином было для Шекспира вполне естественно. Однако этот титул появился во Франции лишь через полтора века после времени действия пьесы, так что его применение здесь явный анахронизм. Хотя Шекспир изображает Луи юношей, способным принимать участие в военных действиях, однако на самом деле тот родился в начале 1187 г.; во время восшествия на престол короля Иоанна

«дофину» было всего двенадцать лет — столько же, сколько и принцу Артуру Бретонскому. Иными словами, он был всего на год старше Бланки Кастильской (видимо, родившейся в самом конце того же 1187 г.).

Однако ни малолетство, ни то, что будущие супруги не подходят друг другу по возрасту, для династического брака препятствием не является.

Стороны соглашаются на компромисс. История свидетельствует, что договор был достигнут в мае 1200 г.; вскоре после этого состоялось бракосочетание. Иоанн уступил дофину (то есть Филиппу) часть земель в качестве приданого (правда, этих земель было совсем не так много, как изображает Шекспир); в ответ на это Филипп признал Иоанна законным английским королем.

«...Графом Ричмондом»

Это означало, что принца Артура бросили. Иоанн предложил ему взятку, вкрадчиво заявив:

> Все уладим.
> Мы герцогом Бретонским утверждаем,
> А также графом Ричмондом Артура.
>
> ***Акт II, сцена 1, строки 550–552***

Однако на самом деле это ничего не значит, потому что герцогом Бретонским Артур был и без того, и никто его титул не оспаривал. Более того, герцог Бретонский по традиции полуторавековой давности, сохранившейся со времен завоевания Англии Вильгельмом, носил и титул графа Ричмонда. Иоанн просто признал существующий факт и не добавил к нему ничего нового.

Иоанн сделал лицемерное предложение, а Филипп лицемерно его принял. Француз с самого начала поддерживал Артура только для удовлетворения собственных интересов.

«Корысти короли предались ныне…»

Все уходят, но на сцене остается Бастард и произносит страстный монолог, критикуя эти «собственные интересы», которые он называет корыстью. Бастард говорит:

> Корысти короли предались ныне, —
> Так будь же, Выгода, моей богиней.

Акт II, сцена 1, строки 597–598

Гнев, который вызвал у Бастарда этот компромисс, можно понять только в свете упомянутой выше пьесы «Беспокойное правление Иоанна,

короля Англии», вдохновившей Шекспира на создание «Короля Иоанна». В «Беспокойном правлении» говорится, что руку Бланки обещали Бастарду. Таким образом, Бастард, предвкушавший брак с красивой и знатной невестой, тоже оказался обманутым. Естественно, корыстность (commodity) двух королей приводит его в ярость. Шекспир совершил ошибку, пропустив фразу, объяснявшую причину гнева, а смягчать выражение этого гнева поленился.

«Вдова...»

Во время договора между королями о браке Луи и Бланки Констанция отсутствовала. Это оказалось очень кстати, потому что иначе поднялась бы такая буря, что предателю не поздоровилось бы. В то время Констанция сидела в шатре короля Филиппа и с тревогой ждала окончания битвы.

Сообщить ей о результатах переговоров поручают графу Солсбери. Это Вильгельм (Уильям) Длинный Меч, внебрачный сын Генриха II, во время правления Ричарда I женившийся на единственной наследнице графства и таким образом ставший третьим графом Солсбери. В ряде случаев он послужил прототипом Бастарда, героя этой пьесы. Правда, Вильгельм был не незаконным

сыном, а незаконным братом Ричарда, но он также удостоился чести стать членом королевской семьи.

Сначала Констанция не верит новости, которую принес Солсбери. Она решает, что граф хотел ее напугать, и грозит ему наказанием:

> Ведь я измучена и жертва страха;
> Угнетена — и вся дрожу от страха;
> Вдова — и нет защиты мне от страха;
> Я женщина — и рождена для страха.

Акт II, сцена 2, строки 12–15[56]

Здесь Шекспир изменяет исторической правде ради пущего эффекта. Да, конечно, Констанция — вдова, но вовсе не «безмужняя». В те дни женщины с богатым приданым без мужей не оставались. Они нуждались в защите мужчины, а многие мужчины нуждались в приданом.

Вскоре после смерти Готфрида (Джеффри), сына Генриха II и отца принца Артура, Констанция вышла замуж за Ранульфа де Бландевиля, графа Честерского. В 1199 г. — том самом, когда на престол взошел Иоанн, — брак был признан недействительным, и Констанция вышла замуж

---

[56] Примечания: 56

В оригинале: «Вдова, безмужняя…» — Е. К.

в третий раз — теперь за некоего Ги де Туара. Этот Ги был мужем Констанции в момент торга между королями и оставался им до конца ее жизни.

Однако скорбь Констанции выглядит очень величественно; в страстном порыве она не оставляет камня на камне, но постепенно осознает, что Солсбери говорит правду и что ее и сына действительно предали.

«Преосвященнейший посланец Рима!»

До сих пор Шекспир более-менее придерживался хронологии, и первые два акта были посвящены событиям, действительно происшедшим в два первых года правления Иоанна. Однако драматургу необходимо упорядочить все случившееся при Иоанне и заставить его служить главной цели, ради которой была написана пьеса (доказать, что любое нарушение порядка престолонаследия приводит к печальным последствиям). Поэтому центральное место в пьесе занимает история принца Артура.

Поскольку вся эта история завершилась в первой трети правления Иоанна, Шекспиру пришлось использовать то, что случилось позже, и свалить все в одну кучу. Чтобы разобраться в хронологии реальных исторических событий,

требуются немалые усилия.

Третий акт начинается сценой, в которой король Иоанн находится в шатре короля Филиппа; здесь же присутствуют все главные герои пьесы. Брань Констанции нетерпеливо обрывают, Бастард опять издевается над Австрийцем, и тут Филипп внезапно восклицает:

Преосвященнейший посланец Рима!

Акт III, сцена 1, строка 61

Прибытие папского легата относится к 1211, а не к 1200 г., в котором происходили действия мгновением раньше. Одиннадцать лет исчезло (хотя события, происшедшие в этот исчезнувший период, все же описываются, однако, получается, что они произошли уже *после* приезда легата). Чтобы объяснить, зачем прибыл легат, придется дать краткий исторический обзор.

После компромисса 1200 г. Филипп ждал только удобного случая, чтобы нарушить его.

Король Иоанн знал об этом и предпринимал все возможное, чтобы организовать оборону своих земель. Для этого было необходимо наладить связь между северными и южными французскими провинциями Анжуйской империи. Легче всего было достичь этого с помощью династи-

ческого брака. Иоанн развелся со своей первой женой и решил жениться на Изабелле, дочери графа Ангулемского. В то время ей было только тринадцать лет, но ее семье принадлежали стратегически важные земли между Анжу на севере и Аквитанией на юге.

Иоанн не терял времени и заключил этот брак в 1200 г. Изабелла была английской королевой до конца его правления и стала матерью следующего короля Англии.

Однако, к несчастью для Иоанна, Изабелла была обручена с Гуго (Югом, Хью) IX, графом Лузиньянским, правившим городом, который находился в 55 милях (88 км) к северу от Ангулема. Иоанн пытался наладить отношения с оскорбленным графом, но тот не смягчился. Граф Лузиньянский был верным товарищем по оружию Ричарда Львиное Сердце, однако обида заставила его обратиться с жалобой к Филиппу. (Любопытно, что после смерти Иоанна Изабелла Ангулемская в 1220 г. была вынуждена вернуться во Францию. В то время ей было чуть больше тридцати. Вторым мужем молодой вдовы стал Гуго X Лузиньянский, сын и наследник ее бывшего нареченного.)

Филипп прислушался к жалобе Гуго IX. Как король Англии, Иоанн был независимым государем,

но, как владелец Нормандии, Анжу, Аквитании и остальных земель, он был вассалом Филиппа — так же, как сам Лузиньян был вассалом Иоанна. Согласно букве феодального законодательства Филипп мог рассматривать жалобы, которые вассал вассала подавал на своего суверена. Поэтому Филипп вызвал Иоанна на суд, чтобы тот ответил на предъявленное обвинение.

Конечно, Иоанн на суд не прибыл. Достоинство короля Англии не позволяло сделать это, но ничего другого Филиппу и не требовалось. В результате Иоанн остался под подозрением; в этом случае Филипп (опять же на основании буквы феодального законодательства) получал право лишить Иоанна земель, которыми тот владел, как вассал Филиппа.

Естественно, решение суда нельзя было провести в жизнь, потому что эти земли пришлось бы отбирать силой, но именно так и собирался поступить Филипп. В 1202 г., через два года после брака дофина и Бланки Кастильской, снова началась война. Филипп объявил Иоанна низложенным, вновь признал Артура законным королем Англии и призвал всех французских вассалов (в том числе и вассалов Иоанна) выступить вместе с ним против Иоанна.

В третьем и четвертом актах пьесы описана эта война, которая поставила Иоанна на грань финансовой катастрофы. Нужда в деньгах была так велика, что он обратился к церкви с просьбой о ссуде. Церковь отказала, и Иоанну пришлось применить силу; впоследствии в связи с этим возникло множество затруднений (которые продолжались и после смерти).

Большую часть своего царствования Иоанн вел мучительную борьбу с церковью (которую в конце концов проиграл), но после его смерти церковные летописцы (имевшие власть над прошлым, поскольку именно они и вели записи исторических событий) выместили свою обиду на короля, очернив его. Конечно, восхищения этот человек не заслуживал, но он и не был таким злодеем, каким его изображают хроники.

Прибытие легата (состоявшееся не в 1200, а в 1211 г.) должно было воодушевить церковь в ее борьбе и означало, что папа поддерживает противников Иоанна.

«…Папы Иннокентия…»

Легат называет себя:

Я, папы Иннокентия легат,

Пандольф, миланский кардинал…

Акт III, сцена 1, строки 64–65

К несчастью (кстати, Иоанну не везло всю жизнь), современником английского короля оказался именно папа Иннокентий. Папство набирало силу с начала Крестовых походов и достигло пика могущества при Лотаре де Сеньи, избранном папой 8 января 1198 г. Он правил под именем Иннокентия III.

Иннокентий стремился доказать верховенство духовной власти над мирской не только Иоанну, но и всем западным королям. Обычно папе сопутствовал успех, потому что он был человеком способным, мрачным и решительным.

«…Стефану Ленгтону»

Пандольф[57] требует, чтобы Иоанн объяснил свои действия против церкви (до сих пор об этих действиях в пьесе не упоминалось, однако они были хорошо известны образованной елизаветинской публике).

Пандольф спрашивает Иоанна:

---

[57] Примечания: 57
в оригинале — Пандульф. — *Е. К.*

Зачем ты церкви, матери святой,
Нанес обиду злую, помешав
Стефану Ленгтону, что ныне избран
Архиепископом Кентерберийским,
Вступить в его права?

Акт III, сцена 1, строки 67–70

Эта проблема возникла только в 1205 г., когда умер Хьюберт Уолтер, сорок третий архиепископ Кентерберийский. Иоанн увидел в этом перст судьбы. Он получил возможность назначить на пост архиепископа своего человека, который стал бы сотрудничать с ним и помог переместить часть золота из церковных сундуков в королевскую казну.

Но папа Иннокентий III не мог этого позволить. Он понимал намерения Иоанна и поддерживал собственного кандидата на этот пост — некоего Стефана Ленгтона[58].

Выбор папа сделал отличный. Во-первых, Лэнгтон был англичанином родом из Линкольншира; во-вторых, у него была репутация известного ученого. В 1181 г., еще будучи молодым человеком, он поехал в Париж и провел там четверть века,

---

[58] Примечания: 58
в оригинале — Стивен Лэнгтон. — *Е. К.*

занимаясь наукой. Лэнгтон первым разделил Ветхий Завет на главы, которые теперь можно найти в любой Библии.

В Париже он познакомился с Лотарем, будущим папой Иннокентием III. Когда Лотарь стал папой, Лэнгтон стал кардиналом.

Однако для Иоанна дело не ограничивалось тем, что следующий архиепископ Кентерберийский будет англичанином и ученым. Во-первых, Лэнгтон, долго проживший в Париже, сильно офранцузился; во-вторых, он являлся личным другом папы и ни за что не согласился бы помогать Иоанну потрошить церковную кассу в поисках денег, необходимых для войны с Францией. Иоанн был обязан воспротивиться этому назначению любой ценой; в результате патовая ситуация продолжалась несколько лет.

«Итальянский поп...»

Рассерженный Иоанн отказывается повиноваться распоряжениям Иннокентия. Он говорит:

> ...итальянский поп
> Взимать не будет во владеньях наших
> Ни десятины, ни других поборов.
> Но если мы под небом — властелин

Своей страны, то под защитой неба,
Его святым покровом, будем править
И не хотим поддержки смертных рук.

Акт III, сцена 1, строки 79–84

Исторический король Иоанн наверняка считал, что имеет право отвергнуть требования папы. Короли и императоры уже сто с лишним лет препирались с папой за право назначать епископов.

Прадед Иоанна Генрих I также спорил с папой за право назначать архиепископа Кентерберийского. В 1107 г. (за сто лет до воцарения Иоанна) был достигнут компромисс, в результате которого английский король получал такое право (хотя и с оговорками). Однако с годами Римско-католическая церковь становилась все сильнее, а Иннокентий III не желал следовать компромиссам, на которые когда- то короли заставляли соглашаться более слабых пап. Естественно, Иоанн думал по-другому.

Однако язык монолога, в котором Иоанн презрительно называет папу «итальянским попом», а себя — «властелином своей страны», характерен для другого времени. Так мог бы говорить Генрих VIII, живший на три века позже Иоанна и вырвавший английскую церковь из-под власти папы.

Шекспир писал «Короля Иоанна» через полвека после этого исторического свершения Генриха VIII и писал для английской публики (в основном протестантской), симпатии которой были целиком на стороне королевской власти. Предельно ясно, что реплика об «итальянском попе» должна была польстить национальным чувствам зрителей; успех протестантской Реформации в Северной Европе в значительной степени объяснялся недовольством той огромной ролью, которую играли в церкви представители Южной Европы, а особенно итальянцы.

Действительно, король Иоанн, еще в начале своего царствования ошельмованный церковью за попытку противостоять ей, провел в Англии некоторые реформы, позволяющие считать его предшественником Реформации и облегчившие последующий переход страны в протестантство. Именно это стало причиной поражения Иоанна — как в истории, так и в пьесе.

Однако Шекспир не был таким ярым антикатоликом, как большинство его публики. Пьеса «Беспокойное правление Иоанна, короля Англии» (похоже, служившая Шекспиру источником вдохновения) написана протестантом-фанатиком. Например, в этой более ранней пьесе Бастард гра-

бит монастыри и обнаруживает в келье аббата спрятанную там монахиню, находит монаха в келье монахини и так далее. Автор отразил в пьесе обвинения в аморальном поведении монахов, которые за полвека до написания «Беспокойного правления…» Генрих VIII использовал как предлог для закрытия монастырей. А кроме того, такие сцены также потакали вкусам любителей клубнички.

Шекспир не опускается до такого уровня, однако явно изображает Пандольфа злодеем; то, что Иоанн находит в себе силы сопротивляться Римско-католической церкви, делает короля чуть ли не героем.

«…Кощунство»

Король Филипп, выслушав дерзкий ответ Иоанна Пандольфу, замечает:

> Английский брат мой, ваша речь — кощунство.
>
> ***Акт III, сцена 1, строка 87***

Он откровенно лицемерит; в пьесе об этом не упоминается, но у Филиппа II были свои проблемы с церковью.

В 1193 г., за шесть лет до воцарения Иоанна, Филипп II, в то время вдовец, женился на Ингеборг, сестре короля Кнуда VI Датского. Что произошло во время первой брачной ночи, никому не известно, но Филиппу это не понравилось. На следующее утро он отрекся от жены, собрал епископов и заставил их признать брак недействительным. Когда Ингеборг отказалась вернуться в Данию, Филипп отправил ее в монастырь и через три года женился на другой.

Такое поведение в корне противоречило установлениям церкви, и датский король, сестре которого нанесли оскорбление, обратился с жалобой к папе Селестину III (предшественнику Иннокентия III).

Папа Селестин III велел Филиппу оставить новую жену и вернуть Ингеборг. Тогда Филипп не обратил на это никакого внимания. Но в 1198 г. Селестин умер, и папой стал Иннокентий. А шутить с Иннокентием было опасно.

В январе 1200 г. папа наложил запрет на проведение во Франции церковных служб, после чего в стране прекратились все церковные службы. Церкви закрылись, колокола больше не звонили, таинства (за исключением крещения и соборования) были прекращены. Когда дофин

женился на Бланке Кастильской, венчание пришлось провести на территории, которой правил Иоанн, потому что на французской земле бракосочетания не совершались. Это было страшным оружием против людей, для которых прекращение богослужений казалось прямой дорогой в ад. В результате король оказался под сильным давлением общественного мнения, напуганного действиями папы.

Поэтому в сентябре 1200 г. Филиппу пришлось сдаться и согласиться вернуть Ингеборг. В действительности он этого не сделал: Ингеборг так и осталась в монастыре, но титул королевы ей возвратили.

И этот наглец еще смеет осуждать обращение Иоанна с Пандольфом!

«...Проклясть и отлучить от церкви»

Несмотря на предупреждение Филиппа, Иоанн продолжает дерзить легату. Он говорит:

> Я восстаю один — да будет так! —
> И каждый друг его — мой смертный враг.
>
> ***Акт III, сцена 1, строки 96–97***

Если бы Иоанн произносил такие речи в начале XIII в., то он был бы никуда не годным политиком, но протестантскую публику они приводили в восторг. В зале раздавались приветственные крики, которые заставляли актера, игравшего Пандольфа, изображать своего героя отъявленным злодеем и соответствовать сложившемуся у протестантов представлению о католических священниках, готовых на все — от призывов к мятежу до цареубийства.

Пандольф вынужден произнести следующие слова:

> Тогда я облечен законной властью
> Тебя проклясть и отлучить от церкви.
> Благословен твой ленник, если он
> Тебе, еретику, нарушит верность;
> Благословен, прославлен, как святой,
> Тот, чья рука открыто или тайно
> Твою отнимет мерзостную жизнь.

Акт III, сцена 1, строки 98–105

В реальной истории Англия и Иоанн потерпели поражение от церкви еще до приезда Пандольфа. Иннокентий III наложил на Англию запрет на проведение церковных служб в марте 1208 г. Однако Иоанн, более упрямый, чем Филипп

Французский, не сдавался. Воспользовавшись королевскими полномочиями, он насильно заставил многих священников выполнять свои обязанности. Полтора года он игнорировал отлучение, и только после этого Иннокентий прибег к более решительным мерам.

В ноябре 1209 г. папа предал Иоанна анафеме. Она распространялась не на все королевство, а только на одного короля. Иоанн был полностью отлучен от церкви, то есть не мог посещать службы и участвовать в отправлении любых религиозных обрядов. Подданные освобождались от выполнения любых обязанностей перед королем. Однако папа пошел еще дальше: он лишил Иоанна владений и передал его королевство Филиппу Французскому.

Эта тема живо интересовала шекспировскую публику, потому что другой папа римский использовал то же оружие против Елизаветы I, которая была английской королевой во время написания «Короля Иоанна». Однако в стране по преимуществу протестантской такие меры были неэффективны; большинство католиков сохранили лояльность по отношению к королеве и стране даже перед угрозой папского отлучения.

И все же открытый призыв к убийству бросал

публику в дрожь; в 1590–х гг. протестанты верили, что монахи и иезуиты планируют массовые убийства видных протестантов.

И у них были для этого основания. В 1584 г. принц Вильгельм Оранский (Молчаливый), возглавивший восстание голландцев против фанатичного католика Филиппа II Испанского, был убит католиком, состоявшим на платной службе у испанского короля. В 1589 г. католика Генриха III Французского убил монах, считавший короля недостаточно ревностным католиком. А в 1572 г. тысячи французских протестантов были убиты в День святого Варфоломея, причем Филипп II Испанский и папа Григорий XIII не скрывали, что это избиение доставило им удовольствие. (Говорили, что при получении известия о бойне Филипп II впервые в жизни громко расхохотался.)

В пьесе изображается, что под влиянием проклятия и анафемы, провозглашенных Пандольфом, Филипп Французский был вынужден нарушить мир с Иоанном и продолжить войну.

Конечно, это извращение исторических фактов. Еще раз повторим, что новая война началась в 1202 г.; предлогом для нее стала женитьба Иоанна на Изабелле Ангулемской и его отказ явиться на

суд Филиппа. Это произошло через два года после бракосочетания Луи и Бланки Кастильской (а не сразу после него, как изображено в пьесе). Данная война не была вызвана трениями с церковью; наоборот, они скорее возникли в результате этой войны.

Шекспир сознательно извратил факты. Это позволило ему не только сжать время и отразить в пьесе все события долгого царствования Иоанна, но придало его драме националистический оттенок, что приводило в восторг тогдашнюю английскую публику.

Что касается брака с Изабеллой Ангулемской, то тут Иоанн явно ошибся, а Филипп оказался прав (по крайней мере, формально), хотя при этом Филипп ханжески игнорировал собственные матримониальные трудности, имевшие место в недавнем прошлом. Этот брак не облегчил положение Иоанна; не случайно в пьесе не упоминается королева Изабелла.

Однако это не мешало протестантской английской публике 1590–х гг. считать Иоанна настоящим героем: еще бы, король не побоялся бросить дерзкий вызов папе Иннокентию 111, громы и молнии которого заставили дрожать от страха самого Филиппа Французского.

«Голову эрцгерцога…»

Англичане и французы снова начинают битву при Анжере. Входит Бастард, одержавший победу в поединке, и говорит:

> День здорово горяч, ей-богу!
> С неба Нам бедствия воздушный демон шлет.
> Здесь голову эрцгерцога положим…

Акт III, сцена 2, строки 1–3

Бастард убил герцога Австрийского, забрал его львиную шкуру и облачился в нее (видимо, этим объясняется его саркастическая реплика о том, что день становится слишком жарким).

Очевидно, этот эпизод продиктован фразой Холиншеда относительно предполагаемого побочного сына Ричарда: «В том же году[59] Филипп, незаконный сын короля Ричарда, которому отец пожаловал титул и даровал замок в Коньяке, убил виконта Лиможского, отомстив за смерть отца…»

Эта победа еще более усиливает драматизм пьесы, потому что благодаря ей Бастард, являющийся

---

[59] Примечания: 59

1199, год смерти Ричарда II восшествия на престол Иоанна. — *Авт.*

реинкарнацией Ричарда, получает новый титул: львиная шкура символизирует то, что он является наследником традиции Львиного Сердца.

«За мальчиком присмотришь, Хьюберт»

Входит Иоанн, также одержавший победу: он взял в плен юного Артура. Король говорит своему спутнику:

За мальчиком присмотришь, Хьюберт.

Акт III, сцена 2, строка 5

Поскольку в издании Signet гражданин Анжера из более ранней сцены назван Хьюбертом, складывается впечатление, что этот гражданин внезапно стал доверенным слугой Иоанна.

Это неправдоподобно. Проще предположить, что этот Хьюберт не имеет ничего общего с жителем Анжера. Тем более что этот Хьюберт — лицо историческое. Хьюберт де Бург был видным администратором Иоанна. К концу его царствования Хьюберт занимал должность главного юстициария (верховного судьи и наместника английских королей норманнской династии).

Он служил королю еще до восшествия Иоанна на престол, а во время войны с Францией зани-

мал важные административные посты. Хьюберт действительно был тюремщиком принца Артура; именно эту роль он играет и в пьесе.

«…Мать в палатке окружена врагами»

Иоанн продолжает:

> Филипп, скорей — на помощь: мать в палатке
> Окружена врагами.

Акт III, сцена 2, строки 5–7

Конечно, речь идет не о французском короле; Иоанн обращается к Филиппу Фоконбриджу, то есть Бастарду.

Упоминание о нападении на мать Иоанна навеяно действительным событием, случившимся во время войны из-за Изабеллы Ангулемской.

В одном из эпизодов этой войны Элеонора была вынуждена искать спасения в замке Мирабо, расположенном в нескольких милях к югу от Анжера. В 1203 г. этот замок осадило войско, номинальным предводителем которого был пятнадцатилетний принц Артур Бретонский (по меркам того времени уже мужчина).

Иоанн — как всегда, преданный и любящий

сын, — бросив все дела, устремляется на выручку матери (которой угрожает собственный внук). 1 августа англичане одерживают победу. Иоанн не только рассеивает французскую армию, но и берет в плен Гуго IX Лузиньянского, бывшего жениха Изабеллы Ангулемской. Однако главным результатом кампании стало пленение Артура. Эта победа ознаменовала пик военной карьеры Иоанна.

Однако в пьесе старую королеву спасает именно Бастард, который успокаивает короля следующей репликой:

> Государь,
> Я королеву выручил, не бойтесь.
>
> ***Акт III, сцена 2, строки 7–8***

«Свечам, колоколам, церковным книгам…»

Иоанн объявляет, что должен срочно вернуться в Англию; ему нужны деньги на продолжение войны. (На самом деле эта война ведется вплоть до полного истощения средств, что и служит причиной ссоры с церковью. В пьесе же именно ссора с церковью приводит к войне.)

Иоанн посылает Бастарда в Англию и при-

казывает ему любой ценой добыть деньги из церковных сундуков, на что Бастард с хищной радостью отвечает:

> Свечам, колоколам, церковным книгам
> Не задержать меня, когда иду
> За звонким золотом и серебром.
>
> ***Акт III, сцена 2, строки 22–23***

В пьесе эти насильственные действия возникают в ответ на суровое наказание в виде анафемы — меры, впервые примененной в VIII в. После зачитывания акта об отлучении раздавался звон колокола, закрывали книгу и гасили свечу. Звон колокола означает публичный характер акции; о ней должны знать все. Закрывающаяся книга подчеркивает значение слов, дающих епископу право совершать ритуалы, и является прозрачным символом того, что отныне отлученному закрыт доступ на церковные службы. И наконец, свечу гасят, чтобы показать, что свет церкви отныне преступнику недоступен.

Бастард говорит, что даже предание анафеме не помешает ему как следует потрясти церковные сокровища. После этого должна была следовать сцена (присутствующая в более ранней пьесе), где Бастард потрошит сундуки аббатов и абба-

тис и обнаруживает свидетельства сексуальной распущенности монахов, но Шекспир в ней не нуждается.

«…Он на моем пути — змея лихая»

Сразу после ухода Бастарда Иоанн сталкивается с новой проблемой. Возникает вопрос, что делать с Артуром. Если бы юноша погиб в бою, Иоанн мог бы ликовать. Это была бы славная смерть, что позволило бы Иоанну стать законным королем Англии по всем статьям.

Но Артур взят в плен; пока принц жив, он останется причиной всех мятежей и восстаний. Однако он находится во власти Иоанна; в таких условиях справиться с неугодным принцем несложно.

У Шекспира Иоанн поддается искушению. Он льстит Хьюберту, заботам которого поручен Артур, туманно сулит ему любовь, повышение по службе и награду, а затем говорит:

> Мой Хьюберт, друг мой Хьюберт! Погляди
> На мальчика. Хочу тебе признаться:
> Он на моем пути — змея лихая.
> Куда б я ни подался, всюду он.

Меня ты понял, страж его?

Акт III, сцена 2, строки 69— 74

Хьюберт все понимает и замышляет убить Артура.

«Люблю и призываю смерть»

Если преимущества собственного положения ясны Иоанну, то еще более они ясны его врагам — во всяком случае, некоторым из них.

К последним относится Констанция Бретонская, безутешная мать. Она боится за судьбу сына, оказавшегося в руках Иоанна, и поднимается до высот трагизма, которому нет равных в мировой литературе. Констанция воспевает смерть, которая кажется ей желанной:

> Смерть, смерть! Люблю и призываю смерть.
> Благоуханный смрад! Блаженный тлен!
> Встань, поднимись от ложа вечной ночи,
> Ты, враг, ты горький ужас для счастливых!

Лобзать я буду мерзостные кости…

Акт III, сцена 3, строки 25–29

Увы, приходится признать, что ничего подобного в истории не было и быть не могло, потому что Констанция умерла в 1201 г., через год после бракосочетания дофина и Бланки Кастильской и за два года до пленения принца Артура.

«…Своей супруги Бланки предъявишь ты права»

Папский легат Пандольф тоже видит опасность, грозящую Артуру, но, естественно, воспринимает ее совсем не так, как Констанция. Это типичный итальянский иезуит, созданный воображением протестанта: неподвластный эмоциям, безразличный к добру и злу и ищущий во всем политической выгоды. Если Филипп Французский и дофин Луи переживают из-за проигранной битвы, а Констанция трагически оплакивает потерю сына, то Пандольф понимает, что на самом деле поражение потерпел именно Иоанн.

Он говорит, что Иоанн непременно убьет пленного Артура. Когда дофин спрашивает, какая от этого корысть Франции, Пандольф отвечает:

От имени своей супруги Бланки
Предъявишь ты права на то, что было
Законным достоянием Артура.

Акт III, сцена 3, строки 142–143

Бланка Кастильская — дочь старшей сестры Иоанна, и это дает ей право претендовать на престол. Однако это несостоятельный довод, так как, согласно английским обычаям, наследники дочерей Генриха II могли бы занять трон только в том случае, если бы не осталось в живых наследников сыновей короля. А поскольку Иоанн жив, мужская линия норманнской династии не пресеклась.

Кроме того, вряд ли англичане согласились бы, чтобы их королем стал французский принц, единственная заслуга которого в том, что он женился на внучке английского короля.

Впрочем, Пандольф тут же отказывается от этого варианта. По его мнению, гораздо важнее другое: убийство Артура обернется против самого Иоанна:

Его деянье злое охладит
Сердца народа, рвенье заморозит.

Акт III, сцена 3, строки 149–150

Пандольф указывает, что в таких обстоятельствах Луи будет достаточно высадиться в Англии с небольшим отрядом, чтобы англичане тысячами устремились к нему.

«Известье ложное...»

Дальнейшая судьба Артура покрыта мраком. Известно только одно: после битвы у замка Мирабо его перевезли в Англию, посадили в башню замка, служившую тюрьмой, и поручили его охрану Хьюберту де Бургу. Больше о принце никто ничего не слышал. Видимо, он умер; большинство ученых считает, что принц был убит по приказу Иоанна еще до конца 1203 г. А кое-кто предполагает, что Иоанн сделал это собственными руками.

Вряд ли Иоанн стал бы убивать принца сам (он вполне мог кого-то нанять), однако все современные историки сходятся на том, что Артура убили. Иоанн должен был учесть, что после исчезновения Артура разразится буря. Если бы он мог предъявить следствию живого Артура или убедительно объяснить причину его смерти, то наверняка сделал бы это. Но король даже не пытался оправдываться, и это является самым убедительным доказательством его вины.

Однако Шекспир толкует этот эпизод в пользу Иоанна. Иоанн — английский король, предок Елизаветы I, что не позволяет изображать его мерзавцем, опозорившим свой род. (Единственный король, которого Шекспир изобразил неслыханным злодеем, — Ричард III, но Ричард *не* прямой предок Елизаветы I. Наоборот, злодейство Ричарда III только укрепляло права Елизаветы на престол, поэтому в данном случае Шекспиру была предоставлена полная свобода.)

Согласно версии Шекспира, Иоанн сначала приказал Хьюберту убить принца, но потом смилостивился и велел всего-навсего ослепить его. Однако Хьюберт не сделал и этого. В чрезвычайно сентиментальной сцене Артур умоляет Хьюберта о пощаде, и тот решает спасти его. Конечно, если Иоанн узнает правду, де Бургу несдобровать, поэтому он говорит Артуру:

> Известье ложное, что ты погиб,
> От псов шпионов дядя твой получит.
>
> ***Акт IV, сцена 1, строки 128–129***

Иными словами, у Шекспира и овцы остались целы, и волки сыты: хотя Иоанн отдал приказ убить принца, юношу не убили и не искалечили, поэтому в крови Артура король не повинен.

«Вновь — в короне…»

Действие перемещается в Лондон, куда Иоанн уехал для повторного коронования. Он говорит:

> Вновь мы воссели здесь, и вновь — в короне;
> И вы, надеюсь, рады видеть нас.
>
> ***Акт IV, сцена 2, строки 1–2***

Повторная коронация предусматривала новую клятву на верность, которую приносили все вельможи королевства. У этой церемонии были две цели: Во-первых, принимая от лордов клятву на верность после его предания анафеме, Иоанн лишал лордов возможности утверждать, что первая клятва, данная в 1199 г., потеряла силу из-за отлучения короля от церкви. В конце концов, после этого они дали новую клятву.

Во-вторых, после предполагаемой смерти Артура оспаривать права Иоанна на престол некому. Если при жизни Артура первая коронация была недействительной, то теперь, когда принца нет, будет действительна вторая. Тот, кто предложил Иоанну провести повторную коронацию еще до того, как распространилась весть о смерти Арту-

ра, обладал государственным умом.

«Нужды не было бы в повторенье…»

Однако лорды не дураки; цели второй коронации не дают им покоя. Один из них — Пембрук — брюзжит:

> Не будь на то высокой вашей воли,
> И нужды не было бы в повторенье…

Акт IV, сцена 2, строки 3–4

Иными словами, повторную процедуру считают капризом короля.

Пембрук — это Уильям Маршалл, первый граф Пембрук. Он родился в 1146 г., был одним из главных полководцев Ричарда Львиное Сердце и помогал управлять Англией, когда Ричард отправился в Крестовый поход. В молодые годы Иоанна Пембрук командовал армиями в Англии и Франции и всегда был самоотверженным сторонником короля.

Солсбери тоже считает вторую коронацию излишней. Его монолог — самый известный фрагмент пьесы, именно из него заимствована одна из наиболее часто цитируемых фраз Шекспира (причем, как правило, цитируемая неверно). Сол-

сбери говорит, что добавлять вторую коронацию к первой совершенно ни к чему:

> Позолотить червонец золотой,
> И навести на лилию белила,
> И лоск на лед, и надушить фиалку,
> И радуге прибавить лишний цвет,
> И пламенем свечи усилить пламя
> Небесного сияющего ока —
> Напрасный труд, излишество пустое.

Акт IV, сцена 2, строки 11–16

Почти все говорят «золотить лилию», хотя смысл насмешки заключается в предложении золотить золото.

«…Артур скончался»

Иоанн пытается успокоить взволнованных лордов, но подлинная причина их тревоги выясняется сразу же. Они не знают, как Иоанн намерен поступить с Артуром: теперь, когда права короля на престол подтверждены, он должен отпустить принца.

Тут входит Хьюберт. Поняв, что Артур мертв, Иоанн с готовностью удовлетворяет просьбу лордов и лицемерно приказывает Хьюберту

освободить Артура. Когда Хьюберт передает королю фальшивый отчет о смерти принца, король оборачивается к пэрам Англии и вкрадчиво произносит:

> Мы руку смерти удержать не властны!
> Хоть воля добрая во мне жива,
> Но смерть не даст исполнить вашу просьбу:
> Он сообщил мне, что Артур скончался.

Акт IV, сцена 2, строки 82–85

Лорды, прекрасно понимающие, что случайная смерть Артура в тюрьме слишком выгодна королю, ни на минуту не сомневаются в том, что смерть не была естественной. Потрясенные и разгневанные этим убийством, лорды уходят. Пророчество Пандольфа сбывается.

«А мать моя? Не слышала она…»

Почти тут же гонец приносит тревожную весть из Франции. Филипп собрал огромную армию и вновь начал войну с Англией.

Приходится признать, что пленение Артура у Мирабо стало для Иоанна началом конца. Как только Артура заточили в темницу, тут же стал

распространяться слух о его смерти, и результаты оказались для Иоанна катастрофическими.

Предполагаемое убийство принца всколыхнуло Бретань. Архиепископ Бретонский открыто обвинил Иоанна в организации этого убийства, а король Филипп сделал все, чтобы заявление прелата распространилось как можно шире. Сторонники Иоанна начали покидать его. На их взгляд, убийство принца заслуживало небесной кары, и им не хотелось оказаться рядом с королем в тот момент, когда того испепелит молния.

Отряды Филиппа, уверенные, что они сражаются за правое дело, проникали во владения Анжуйской династии, а отряды Иоанна, утратившие боевой дух, подолжали отступать.

При известии об успехах Филиппа Иоанн удивляется молчанию матери, которая не сочла нужным предупредить его. Он говорит:

> А мать моя?
> Не слышала она, что столько войска
> Собрал француз?

Акт IV, сцена 2, строки 117–119

Но гонец отвечает:

> Мой государь, земля

Ей слух закрыла. Первого апреля
Скончалась ваша царственная мать.

Акт IV, сцена 2, строки 119–121

Элеонора Аквитанская действительно умерла 1 апреля 1204 г. Королеве было около восьмидесяти двух лет, но она сохраняла бодрость до последнего дня. Ее брак с Генрихом И, заключенный полвека назад, способствовал созданию Анжуйской империи, однако Элеонора прожила достаточно долго, чтобы стать свидетельницей краха этой империи, которой правил последний из ее сыновей.

Гонец добавляет:

А за три дня до этого, как будто,
Констанция, я слышал, умерла,
Лишившись разума.

Акт IV, сцена 2, строки 121–123

Спору нет, ход очень эффектный, но в действительности Констанция умерла за три года до этого.

«Я в Помфрете схватил его…»

После смерти Элеоноры армии Филиппа про-

должили свой победоносный марш и в июне 1204 г. взяли Руан, столицу Нормандии. Нормандия была исторической родиной династии, ныне правившей Англией; и вот, через полтора века после завоевания Англии Вильгельмом Нормандским, она вновь стала французской.

После потери Руана Иоанн был вынужден оставить всю северную Францию (хотя и сохранил северную Аквитанию). Приходилось рассчитывать только на более-менее скорый реванш. Именно в этот момент королю пришлось заняться сундуками английской церкви; увы, Иоанн потерял не только свои французские провинции, но и доход от них.

Возвращается Бастард из экспедиции по сбору денег и сообщает Королю, что тот теряет популярность. Он говорит:

> Вот, со мной пророк:
> Я в Помфрете схватил его, — за ним
> По улицам ходили толпы сброда.
> Он им вещал нескладными стихами,
> Что до полудня в праздник Вознесенья
> Вы, государь, утратите венец.

Акт IV, сцена 2, строки 147–152

Помфрет — искаженное Понтефракт, городов

южном Йоркшире, примерно в 30 милях (48 км) к юго-западу от Йорка. Вильгельм Завоеватель, применявший тактику выжженной земли с целью сломить сопротивление саксов на севере, в 1069 г. разрушил здешний мост, построенный еще римлянами. Позже этот город получил название Понтефракт («сломанный мост»). Его главная достопримечательность — замок, в котором почти два столетия спустя встретил смерть король Ричард II.

Вознесение — сороковой день после Пасхи. Согласно Библии (Деян., 1: 3, 9), Иисус оставался с апостолами сорок дней после Воскресения, а потом «поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их».

«Тысячи солдат французских…»

Пророчество само по себе не так уж страшно, но оно может подорвать моральный дух, внушить людям отчаяние и даже вызвать мятеж и нежелание сражаться с врагом. Этого может быть вполне достаточно.

И в самом деле, Хьюберт докладывает, что население охвачено беспокойством и страхом. Он говорит королю:

И старики на улицах вещают
О судьбах злых, без устали твердя
Про смерть Артура, головой качая
И что-то на ухо шепча друг другу.

Акт IV, сцена 2, строки 187–189

Хьюберт приносит и другую весть. Он говорит:

…в Кенте тысячи солдат французских
Уже стоят в порядке боевом.

Акт IV, сцена 2, строки 199–200

Армия дофина Луи действительно вторглась в Англию (в пьесе говорится, что ему подсказал это Пандольф) и добилась столь значительного успеха, что дофин заслужил кичливый титул Луи Львиное Сердце, поскольку он добился в Англии тех же успехов, как Ричард I во Франции.

Однако вторжение Луи состоялось только в 1216 г. (в то время ему было двадцать восемь лет), то есть ровно через двенадцать лет после смерти Артура. Оно стало возможным не в результате убийства юного принца, а в результате восстания английской знати против Иоанна. И вспыхнуло это восстание не из-за смерти Артура, а из-за финансовых злоупотреблений Иоанна. В 1215 г. аристократы заставили Иоанна подписать

Magna Charta — Великую хартию вольностей, даровавшую им большие права и ограничившую власть короля.

В «Короле Иоанне» об этой хартии нет ни слова; некоторые исследователи считают это странным и необъяснимым.

Но ничего странного и необъяснимого здесь нет. Для современного человека подписание Великой хартии вольностей самое значительное событие царствования Иоанна, поскольку это был первый шаг к созданию в Англии ограниченной монархии и демократической формы правления, которую унаследовали Соединенные Штаты. Однако во времена Шекспира этому событию не придавали такого значения: в Англии уже целый век существовала сильная централизованная власть, монархи были властными и решительными, а парламент — относительно слабым и не пользовавшимся влиянием.

Ситуация изменилась лишь через поколение после смерти Шекспира. Парламент становился все сильнее, воинственнее и в конце концов отрубил королю голову. Но до того времени нужно было прожить еще полвека. В 1590–х гг. о Великой хартии вольностей мало кто помнил.

Но даже если бы о Magna Charta помнили мно-

гие, Шекспир все равно проигнорировал бы факт ее подписания. Главная идея его пьесы — спор за престол, а все остальные события второстепенны. Драматург хотел доказать, что убийство Артура было неверным способом разрешить этот спор, а поэтому сосредоточился на негативных последствиях этого преступления. Таким образом, французское вторжение должно было последовать сразу за смертью Артура, а не за подписанием Великой хартии вольностей, которое только помешало бы публике понять точку зрения Шекспира.

«...Камни с дядей заодно»

Иоанн, осознавший, какую ужасную ошибку он совершил, вымещает зло на Хьюберте, который выполнил его приказ. Хьюберт вынужден признаться, что он не убивал принца, и какое-то время воспрянувший духом Иоанн надеется, что все удастся уладить.

Но как быть Шекспиру? Легко сказать, что если приказ Иоанна не был выполнен, то Иоанн невиновен. Но факт остается фактом: Артур из тюрьмы так и не вышел. *что-то* должно было с ним случиться.

Шекспир заставляет его совершить неудачный

побег. Артур прыгает с башни и разбивается насмерть, но успевает прошептать:

> Ах, камни с дядей заодно. Господь,
> Мой дух — тебе; земле английской — плоть!

Акт IV, сцена 3, строки 9–10

Так что смерть Артура — результат несчастного случая. Но кто этому поверил? Никто. Даже герои пьесы.

«…В Бери»

Пембрук, Солсбери и Бигот, присутствовавшие на второй коронации Иоанна, видят труп Артура и решают, что его убил Хьюберт по приказанию Иоанна. Они не верят словам Хьюберта, и, хотя верный Бастард пытается переубедить лордов, они порывают с Иоанном. Лорд Бигот восклицает:

> Скорее в Бери. Встретимся с дофином!

Акт IV, сцена 3, строка 114

Речь идет о Бери-Сент-Эдмундсе [60], городе в

---

[60] Примечания: 60
в переводе — Сент-Эдмондсбери. — Е. К.

графстве Суффолк в 60 милях (96 км) к северо- востоку от Лондона. Выясняется, что армия дофина значительно продвинулась вперед.

Бери являлся символом аристократической оппозиции, поскольку именно там в ноябре 1214 г. лорды дали клятву не отказываться от требований, которые вошли в Великую хартию вольностей, и заставить короля Иоанна принять ее.

«…Я отдал вам»

Катастрофическое развитие событий вынуждает Иоанна чем-то пожертвовать, иначе ему не уцелеть. Он сдается папе Иннокентию III. Пятый акт начинается сценой, в которой Иоанн подчиняется Пандольфу и вручает ему свою корону со следующими словами:

> Итак, венец величья моего
> Я отдал вам.
>
> ***Акт V, сцена 1, строки 1–2***

Это произошло в 1213 г., задолго до вторжения дофина. Иоанн пытался таким образом развязать себе руки, чтобы вторгнуться во Францию.

В 1213 г. Иоанну почти удалось завершить свой

план вторжения во Францию и возвращения провинций, потерянных им десять лет назад. Именно для этой цели он собирал деньги так рьяно, что был предан анафеме. Но послать армию за море монарх, отлученный от церкви, не мог; это было слишком рискованно. Солдаты, вероятно, начали бы дезертировать, а в это время в Англии, оставшейся без короля, мог вспыхнуть мятеж.

Поэтому Иоанн согласился сделать Стивена Лэнгтона архиепископом Кентерберийским, а в ответ Лэнгтон добился снятия с Иоанна отлучения от церкви. Кроме того, Иоанн согласился передать свое королевство папе и впоследствии править как папский вассал. Для Иоанна это было огромное унижение, но игра стоила свеч. Иоанн платил папе ежегодную дань в тысячу марок; на большее Иннокентий не претендовал. Но взамен Иоанн получил очень многое. Поскольку теперь Англия становилась территорией церкви, Филипп французский не мог вторгнуться в нее, не вступив в серьезный конфликт с Римом.

Хотя сам факт передачи короны не имел большого значения, однако Иоанн сделал это именно в Вознесение, как и предрекал пророк из Помфрета.

Как только разногласия с папой были улажены,

Иоанн стал готовиться к вторжению во Францию, для чего заключил союз с германским императором Оттоном IV. Оттон был сыном старшей сестры Иоанна Матильды, а потому приходился Иоанну племянником.

27 июля 1214 г. армия Оттона IV, в которую входили английские отряды, встретилась с армией Филиппа у деревни Бувин, в 10 милях (16 км) к юго-востоку от Лилля. Это была кровопролитная битва, воздух наполнился звоном металла — с такой яростью рыцари набрасывались друг на друга. В какой-то момент Филиппа схватили и стащили с коня. Но доспехи короля оказались такими добротными, что врагу не удалось найти ни одной щели, чтобы просунуть в нее клинок и прикончить Филиппа. А затем французы отбили его.

Сражение закончилось тем, что войско Оттона было вынуждено оставить поле боя. Филипп II одержал полную победу. Битва при Бунине стала одним из важнейших событий Средневековья.

После этого Иоанн потерял последнюю надежду восстановить Анжуйскую империю и получил прозвище Иоанн Безземельный (или Мягкий Меч). Жадность и корыстолюбие оттолкнули от него знать, что помешало Иоанну доказать свою

правоту, одержав великую победу. Поражение в битве при Бувине усилило позиции лордов и привело к подписанию Великой хартии вольностей. Вторжение дофина Луи в Англию стало возможным из-за того, что в стране началось восстание.

Шекспир не упоминает битву при Бувине так же, как не упоминает Великую хартию вольностей. Его настрой против всего французского не позволял ему признать, что французы способны победить англичан. Если такое и случалось, то только с помощью предательства или колдовства.

«…Французы по слову моему опустят меч»

После того как Иоанн выполнил все указания папы, симпатии Пандольфа переходят на сторону англичан. Раньше он поощрял Луи, но теперь говорит:

> Вы присягнули папе, — и французы
> По слову моему опустят меч.

Акт V, сцена 1, строки 23–24

В 1213 г. Пандольф действительно помог предотвратить вторжение французов, пригрозив Филиппу отлучением от церкви.

Естественно, это означало, что теперь Иоанн мог сам организовать вторжение во Францию, закончившееся катастрофой при Бувине. Можно представить себе гнев Филиппа на папу, который помешал ему вторгнуться в Англию, но не помешал Иоанну вторгнуться во Францию. После победы при Бувине Филипп отправил дофина в Англию, не придавая значения тому, что эта территория принадлежит папе.

Остановить это вторжение Пандольфу уже не удалось, но король Иоанн был до того признателен итальянцу, что в 1216 г. сделал его епископом Нориджеким. В течение нескольких лет после смерти Иоанна Пандольф оставался одним из наиболее влиятельных людей в Англии. В 1220 г. он вернулся в Рим, где в 1226 г. и умер, однако тело его похоронено в Норидже.

«Лондон, словно гостя, дофина с войском принял»

Пандольф не в состоянии сдержать яростного дофина. Входит Бастард и сообщает, что французы продвинулись еще дальше. Он говорит:

> Весь Кент в руках врага, и не сдается
> Лишь замок Довер (Дувр). Лондон, слов-

но гостя,
Дофина с войском принял.

Акт V, сцена 1, строки 30–32

Это показывает, до какой степени Иоанн утратил поддержку собственного народа, упрямо и тщетно пытаясь отвоевать потерянные французские провинции.

30 мая 1216 г. Луи высадился в Кенте (куда его пригласили некоторые английские бароны, недовольные попыткой Иоанна аннулировать Великую хартию вольностей). Всего через три дня, 2 июня 1216 г., Луи вступил в Лондон, не встретив никакого сопротивления.

А 16 июля 1216 г. умер папа Иннокентий III — единственный, кто мог заставить Луи отступить.

После смерти папы, потери Лондона, измены английской знати, перешедшей на сторону врага, и возникновения угрозы вторжения шотландцев с севера Иоанн скатился на дно пропасти.

«Лихорадка…»

Из всех героев пьесы верным духу Ричарда остается только Бастард. Этого героя никогда не терзают сомнения, он всегда готов вступить в бой и демонстрирует ту самую хвастливость, которая

так дорога сердцу английских националистов. Он вступает в бой с дофином Луи и английскими лордами-ренегатами, выкрикивая проклятия:

> А вы, ублюдки, вы, неблагодарный
> Мятежный сброд, кровавые Нероны,
> Терзая чрево родины своей,
> Краснейте от стыда!

Акт V, сцена 2, строки 152–153

Нерон приказал убить свою мать, но справедливости ради следует сказать, что мать сама приказала ударить ее ножом в живот.

Впрочем, мучиться Иоанну осталось недолго. Сражение между англичанами, сохранившими верность своему королю, и французами начинается, но, когда в самый разгар битвы Хьюберт спрашивает Иоанна, как тот себя чувствует, король отвечает:

> Душа болит; к тому же лихорадка
> Давнишняя измучила меня.

Акт V, сцена 3, строки 3–4

Это первый намек на то, что Иоанн тяжело болен. Вынужденный оставить поле боя, король посылает сообщение об этом Бастарду, команду-

ющему его армией, и говорит:

> Направлюсь я в Суинстедское аббатство.

Акт V, сцена 3, строка 8

Это явная ошибка. Имеется в виду не Суинстед, а аббатство Суайнсхед в Линкольншире, находящееся в 25 милях (40 км) к югу от Линкольна.

«…На Гудвинских песках»

Состояние Иоанна стремительно ухудшается, однако король получает сообщение, которое поддерживает его силы. Подкрепление, на которое рассчитывает дофин, не прибудет. Гонец говорит:

> Мужайтесь! Те большие подкрепленья,
> Что ждал дофин, три дня назад погибли
> На Гудвинских песках.

Акт V, сцена 3, строки 9–11

Гудвинские пески — опасная отмель в 10 миль (16 км) длиной, лежащая примерно в 5 милях (8 км) от юго-восточной оконечности Англии.

Существует легенда о том, что когда-то на этом месте были острова, защищенные от моря стеной. Согласно той же легенде, после завоевания Англии Вильгельмом стену не ремонтировали, она разрушилась, и в 1100 г. острова после бури исчезли в море, которое превратило их в песок. История драматическая, но вряд ли достоверная.

«Не отравил ли короля один монах…»

Похоже, победу в сражении одерживают французы. Бастард ищет короля, но находит Хьюберта. Хьюберт говорит ему:

> Боюсь, не отравил ли короля
> Один монах: его почти безмолвным
> Оставил я…

Акт V, сцена 6, строки 23–24

Иоанн действительно умер от лихорадки в ночь на 18 октября 1216 г. в возрасте сорока девяти лет, лишившись большинства своих французских владений и половины Англии, захваченной иностранной армией.

Позднее распространилась легенда, согласно которой Иоанна отравил некий монах. Это полностью соответствовало взглядам протестантской

публики времен Шекспира. Однако, судя по всему, смерть Иоанна была естественной. В то время смерть от лихорадки считалась самым обычным делом.

«...И с ними Генрих»

Но Хьюберт сообщает Бастарду еще одну новость. Он говорит:

> Вернулись лорды,
> И с ними Генрих, наш наследный принц.
> Его величество по просьбе принца
> Их всех простил. Они сейчас при нем.

Акт V, сцена 6, строки 33–36

Шекспир пытается выйти из положения, но делает это крайне неловко. Согласно его взглядам на историю, английская знать бросила короля из-за смерти Артура. Как же она могла вернуться, если Артур не воскрес?

Согласно версии Шекспира, дофин Луи по какой-то неясной причине (возможно, потому, что он был французом, а шекспировская публика считала всех французов злодеями) решил после одержанной победы убить всех англий-

ских лордов, перешедших на его сторону, но был так беспечен, что об этом намерении узнали. Некий французский лорд, который был на четверть англичанином (что делало его порядочнее остальных французов), предупредил английских лордов, и те немедленно вернулись к Иоанну.

Это полный абсурд. Все было куда проще. Английская знать не хотела оказывать поддержки именно Иоанну. Если бы Иоанн не умер, вполне возможно, что французы одержали бы окончательную победу, что оказало бы непредсказуемое воздействие на историю.

Однако теперь вместо Иоанна страной правил Генрих III — девятилетний мальчик, коронованный 28 октября 1216 г. Если соблюдать точность, то он правил только западной и юго-западной Англией; вся остальная территория была в руках дофина и мятежных баронов.

Однако после коронации Генриха настроение мятежников изменилось. Народ тепло относился к новому королю, а бароны не сомневались, что при короле-ребенке никто не посягнет на их недавно завоеванные права. И действительно, ближайшему окружению юного короля (особенно осторожному Хьюберту де Бургу) хватило ума подтвердить действие Великой хартии

вольностей, после чего Magna Charta притянула восставших баронов как магнит. Поскольку Шекспир не сказал о хартии ни слова, он не мог воспользоваться ею, чтобы объяснить причину, изменившую поведение лордов.

«…Быть вашим верным подданным»

Сын Иоанна Генрих не участвует в этой пьесе и появляется только тогда, когда Иоанн лежит на смертном одре. Впрочем, это частично оправданно, поскольку Генрих родился только в 1207 г., через четыре года после смерти Артура.

Внезапное появление юного Генриха дает Шекспиру возможность написать эффектную сцену. Снова, как в случае с Артуром, юный принц предъявляет права на трон согласно строгому порядку престолонаследия. Но если Артуру противостоял Иоанн, то Генриху противостоит Бастард. Конечно, Бастард — незаконный сын и теоретически не имеет никаких прав на трон. Однако он опытный и преданный стране полководец, сын Ричарда Львиное Сердце (хотя и побочный); не приходится сомневаться, что в момент величайшего кризиса, охватившего Англию, многие предпочли бы видеть на троне именно его, а не девятилетнего мальчика. (Естественно, в дан-

ном случае мы принимаем картину, созданную Шекспиром, и забываем о том, что в реальности никакого Бастарда не существовало.)

Шекспир и создал этот образ только для того, чтобы показать, как следует поступать в спорных ситуациях. Бастард отрекается от своих прав; он стремится объединить Англию и избежать гражданской войны.

После смерти Иоанна Бастард преклоняет колено перед юным принцем и говорит:

> Примите счастливо, мой добрый принц,
> Венец и власть над всей страною нашей.
> Склонив колено, клятву я даю
> Быть вашим верным подданным до гроба
> И честью вам и правдою служить.

Акт V, сцена 7, строки 101–105

«Нет, не лежала Англия у ног…»

Тем временем приходит сообщение, что Пандольф сумел убедить дофина принять условия почетного мира, и в финале Бастард произносит

монолог, в котором отражена гордость Шекспира за свой народ, несколько лет назад разгромивший испанскую Непобедимую армаду. Он говорит:

> Нет, не лежала Англия у ног
> Надменного захватчика и впредь
> Лежать не будет, если ран жестоких
> Сама себе не нанесет сперва.
> К ней возвратились пэры. Пусть приходят
> Враги теперь со всех концов земли.
> Мы сможем одолеть в любой борьбе, —
> Была бы Англия верна себе.

Акт V, сцена 7, строки 112–118

На этом пьеса кончается, после чего публика может кричать «ура».

Впрочем, она имеет на это полное право. В 1217 г. французы и примкнувшие к ним англичане были наголову разбиты у Линкольна. После этого почти вся Англия вернулась к Генриху III и тем, кто правил от его имени. Дофин Луи владел лишь Лондоном и его окрестностями.

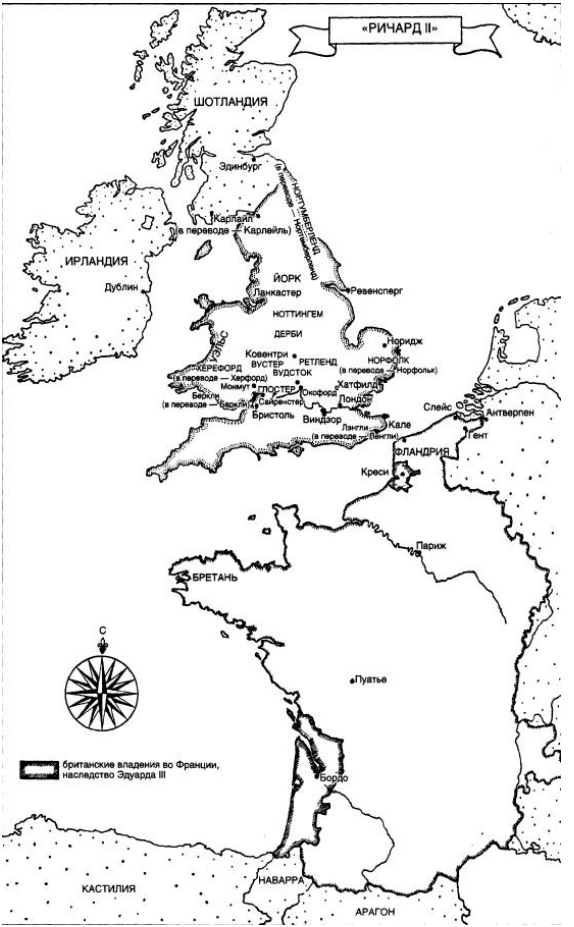
Оставшаяся во Франции Бланка Кастильская попыталась помочь мужу. Она собрала флот и отправила в Англию припасы и подкрепления. Однако Хьюберт де Бург вывел в море корабли,

перехватил французский флот и уничтожил большую его часть.

Луи, оставшийся без припасов и поддержки, согласился покинуть Англию в обмен на десять тысяч марок, полученных от Генриха III.

С тех пор прошло семь с половиной веков, но за все это время ни разу в Лондон не вступала вражеская армия.

Глава 6 «Ричард II»


«РИЧАРД II»
ШОТЛАНДИЯ
Эдинбург
Карлайл
(в переводе — Карлейль)
ИРЛАНДИЯ
Дублин
ЙОРК
Ланкастер
Ревенсперг
НОТТИНГЕМ
ДЕРБИ
Ковентри
ВУСТЕР
ВУДСТОК
РЕТЛЕНД
НОРФОЛК
(в переводе — Норфольк)
Норидж
КЕРЕФОРД
(в переводе — Херфорд)
Монмут
ГЛОСТЕР
Оксфорд
Хатфилд
Лондон
Беркли
(в переводе — Беркли)
Сайренстер
Слейс
Антверпен
Бристоль
Виндзор
Кале
Лэнгли
(в переводе — Лэнгли)
Гент
ФЛАНДРИЯ
Кресси
Париж
БРЕТАНЬ
Пуатье
британские владения во Франции,
наследство Эдуарда III
Бордо
КАСТИЛИЯ
НАВАРРА
АРАГОН

В финале «Короля Иоанна» юный принц Генрих становится королем Генрихом III, это происходит в 1216 г. Действие «Ричарда II» начинается в 1398 г., почти два столетия спустя. Чтобы понять историческую подоплеку последней пьесы, необходимо изложить события, происшедшие в этом промежутке.

Генрих III, унаследовавший трон в девятилетнем возрасте, оставался королем пятьдесят шесть лет и умер в 1272 г. Его сменил на троне сын, Эдуард I. В 1307 г. королем стал его сын, Эдуард II, а в 1327 г. — сын Эдуарда II Эдуард III.

В течение века после смерти короля Иоанна Англия занималась внутренними делами и разбиралась с ближайшими соседями на Британских островах. Это был период относительного изоляционизма. Однако нельзя сказать, что все это время в стране царил мир. В частности, при Эдуарде I английские армии постоянно были заняты делом. В это время был полностью завоеван Уэльс и почти завоевана Шотландия.

Однако французские владения Англии продолжали уменьшаться; о великой Анжуйской империи почти забыли. Когда престол в 1327 г. занял Эдуард III, от нее осталась только часть территории на юго-западном побережье Франции

вдоль Бискайского залива, с главным городом Бордо. Она все еще оставалась наследством Элеоноры Аквитанской.

Эдуард III стал королем в пятнадцать лет, но до того успел два года пробыть герцогом Аквитанским и правил сильно уменьшившейся английской территорией вокруг Бордо. Там он впитал в себя французскую культуру и стал считать себя новым Ричардом Львиное Сердце, который в юности тоже правил Аквитанией.

В первые годы своего правления Эдуарду III оставалось только мечтать. Страной управляли его мать и ее любовник Мортимер, но в 1330 г. новый король взял власть в свои руки, заранее решив править страной на рыцарский манер.

Эдуард III всегда считал себя рыцарем. Он был так же романтичен, как и Ричард I, и видел свое предназначение в том, чтобы стать воином-завоевателем. Эдуард укрепил свою власть над Уэльсом и Шотландией (несколько ослабевшую при его отце, Эдуарде II), а потом занялся Францией.

Эдуард не забывал, что он прямой потомок Генриха II (точнее, его прапраправнук), от которого его отделяли четыре короля. Стремясь подчеркнуть это, он стал именовать себя Эдуардом Плантагенетом. Сыновья и внуки Эдуарда

также продолжали носить это имя.

Что же касается английских владений во Франции, то они оставались камнем преткновения между двумя народами. Филипп II Август Французский разрушил Анжуйскую империю, однако область вокруг Бордо оставалась в руках англичан. Французы шли на любые интриги, лишь бы завладеть ею. Например, они поддерживали скоттов.

В свою очередь, Эдуард поддерживал города Фландрии и Голландии, которые стремились вести торговлю без помех со стороны французского короля, а потому хотели перейти под власть короля Англии.

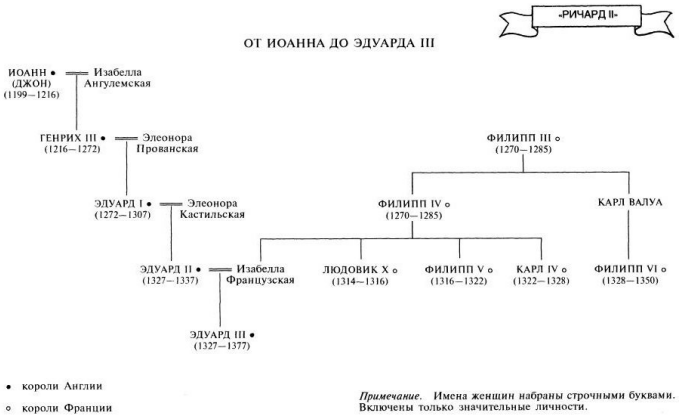
В 1328 г. произошло одно важное событие. Король Карл IV Французский умер, не оставив после себя ни сыновей, ни братьев, ни племянников. Однако у него осталась сестра Изабелла, и эта Изабелла была матерью молодого Эдуарда III, который к тому времени уже год как занимал трон. По английской системе престолонаследия именно он должен был стать королем Франции.

Однако встревоженные французы не хотели, чтобы ими правил английский король. Существовала так называемая Салическая правда, принятая еще племенами франков, которые оби-

тали на территории римской Галлии. Согласно этому закону, женщины и наследники по женской линии не имели прав на королевский трон. Однако этот закон никогда не применялся, потому что подобной ситуации в истории Франции еще не было: впервые король умер, не оставив ни сына, ни брата, которые могли бы стать его наследниками.

Сейчас это произошло, и трон перешел к двоюродному брату Карла IV, Филиппу Валуа. Филипп был не таким близким родственником, как Эдуард III, но в отличие от него вел свою королевскую родословную только по мужской линии. Он и стал королем Франции под именем Филипп VI.

Сначала Эдуард признал нового короля, но, когда разногласия между Англией и Францией из-за Фландрии обострились, английский король предпринял решительные шаги. В 1337 г. он объявил себя законным королем Франции (этот титул британский монарх носит по сей День) и начал готовиться к вторжению, чтобы силой завоевать свой титул. Это стало началом войны, которая вошла в историю под названием Столетней.



Франция была намного больше по территории, богаче и населеннее, и все же Англия была поразительно близка к успеху. И на это были свои причины. Англичане усовершенствовали ратное искусство в войнах с Шотландией и Уэльсом и освоили страшное оружие — длинный лук, позаимствованный у валлийцев. На вид это оружие казалось обманчиво простым. Однако, чтобы правильно им пользоваться, требовалось натягивать тетиву с силой в 100 фунтов (около 46 кг), а для этого были нужны сильные мускулы и долгая тренировка.

Францию же, напротив, раздирали на части

действия непокорной и недисциплинированной знати, которая не умела и не обучалась сражаться в строю и считала лук плебейским оружием, пригодным только для трусов и простолюдинов. (Кроме того, не следует забывать, что в период величайших английских завоеваний во Франции шла гражданская война.)

Первый подарок от фортуны Эдуард получил 24 июня 1340 г., когда после нескольких неудачных попыток высадиться во Франции его корабли разбили и практически уничтожили французский флот у Слейса (нынешнее побережье Нидерландов). Эта победа позволила Эдуарду получить контроль над Ла-Маншем (который Англия сохранила по сей день) и, наконец, дала возможность переправить армию во Францию.

К тому времени вторжение стало абсолютно необходимым, потому что прежние безуспешные попытки переправить армию во Францию сделали Эдуарда банкротом, и он был вынужден прекратить выплату долгов. Только во Франции он мог получить богатую добычу и снова стать кредитоспособным.

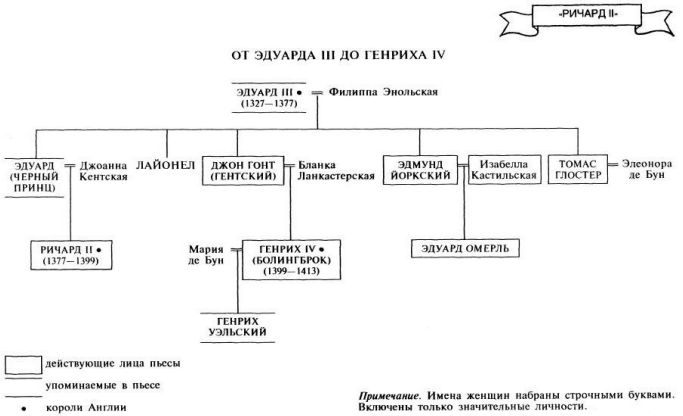
В 1346 г. Эдуард, перестав рассчитывать на своих слишком осторожных континентальных союзников (которым никогда нельзя было пол-

ностью доверять), сам напал на Францию, послав английскую армию в Нормандию. Англичане уже подошли к Парижу, когда французский король наконец сумел организовать оборону.

Затем Эдуард направился на северо-восток; его по пятам преследовала французская армия, численностью вчетверо превосходившая английскую. Англичане свернули к Креси, расположенному в устье Соммы, на клочок земли, уже полвека находившийся под английским владычеством. Первая великая битва Столетней войны состоялась в августе 1346 г. Дезорганизованная и не имевшая способных полководцев французская армия была наголову разбита превосходными английскими лучниками.

После этого Эдуард двинулся к Кале, расположенному на 100 миль (160 км) севернее, и взял его в августе 1347 г. после годичной осады. Кале находится на берегу Ла-Манша прямо напротив Дувра; их разделяют лишь 25 миль (40 км) водной поверхности. Эти победы оказали огромное влияние на боевой дух английского войска; возникла иллюзия, что один англичанин способен победить десяток французов. Долгое время эта иллюзия помогала, но в конце концов подвела: англичане стремились получить слишком много

и потеряли все.



После падения Кале война затихла. В 1350 г. Филипп VI умер, и королем стал его сын Иоанн II. Иоанн был воспитан в тех же рыцарских традициях, что и Эдуард, но полководца из него не получилось. Кроме того, Францию ослабила долгая эпидемия чумы, прозванная Черной смертью. (Эпидемия поразила также и Англию, но не столь сильно.)

Эдуард воспользовался этим и провел несколько наступлений, использовав в качестве плацдармов старую базу Бордо на юго-западе и новую

базу Кале на северо-востоке. В сентябре 1356 г., через десять лет после битвы при Креси, состоялось второе грандиозное сражение при Пуатье, на западе центральной Франции. Французы снова численно превосходили англичан, снова были неорганизованны и не готовы к действиям английских лучников. Тяжеловооруженные французы попали в засаду, устроенную на болотах. Их стаскивали наземь и брали в плен, как выброшенных на берег китов. Король Иоанн 11 Французский также попал в плен и был отправлен в Англию.

Стремясь выйти на свободу, Иоанн согласился на требования англичан и в октябре 1360 г. подписал мирный договор в Кале, которым закончился первый этап Столетней войны. Эдуард получал значительные территории в юго-западной Франции, а взамен отказывался от своих притязаний на французский престол.

Однако победа была скорее кажущейся, чем реальной. Англия была ослаблена войной и Черной смертью и не могла удержать завоеванные территории. В 1364 г. престол унаследовал сын Иоанна И, куда более даровитый Карл V, который с помощью своего полководца Бертрана Дюгеклена изрядно потрепал английские владения во

Франции и значительно сократил их.

Что же касается Эдуарда III, то он продолжал катиться по наклонной плоскости. Он не был действительно великим королем и одерживал победы только на поле боя. Теперь он предоставил возможность сражаться своим сыновьям и постепенно впал в преждевременный маразм. Умер Эдуард в 1377 г., процарствовав пятьдесят лет.

У Эдуарда III было много сыновей; в этом он был похож на своего великого предка Генриха II. И так же, как у сыновей Генриха, у сыновей Эдуарда возник спор о престолонаследии. Поскольку сыновья Эдуарда и их потомки участвуют в восьми пьесах Шекспира (начиная с «Ричарда II»), перечислим их в порядке убывания старшинства:

1) Эдуард Вудстокский;
2) Уильям Хатфилдский (умер молодым);
3) Лайонел Антверпенский;
4) Джон Гонт (Гентский);
5) Эдмунд Лэнглийский;
6) Томас Вудстокский;
7) Уильям Виндзорский (умер молодым).

Старший, Эдуард, родившийся в 1330 г., был наследником трона. В 1337 г. он стал герцогом Корнуэлльским — первым носителем герцог-

ского титула в Англии. Герцог (Duke) — титул французский; до тех пор англичане пользовались собственным титулом эрл (Earl). (Введение французского титула свидетельствовало о том, что Эдуард считает себя королем не только Англии, но и Франции.) В 1343 г. юный Эдуард был произведен в принцы Уэльские; с тех пор этот титул рано или поздно присваивается старшему сыну правящего короля.

Достигнув зрелого возраста, Эдуард Уэльский стал вести жизнь воина-рыцаря. Хотя, подобно своему отцу, Эдуард не разбирался ни в чем, кроме сражений, одержанные победы сделали принца таким же кумиром англичан, каким был его отец. В конце концов возникла легенда, что Эдуард носил черные доспехи и за это его прозвали Черным принцем. Большинству наших современников он известен только под этим прозвищем, хотя впервые оно было зафиксировано письменно лишь лет через сто после смерти принца.

В битве при Креси Черный принц, тогда еще шестнадцатилетний юноша, командовал правым флангом английской армии. Существует легенда, что, когда правый фланг заколебался и встревоженный английский военачальник предложил отправить туда подкрепления, Эдуард III

ответил ему скорее как рыцарь, а не как полководец: «Глупости! Дайте мальчику заслужить его шпоры!»[61]

Мальчик действительно заслужил их и в 1355 г. единолично возглавил отряд, посланный во Францию. Именно этот отряд (кстати сказать, по составу скорее французский, чем английский) вступил в бой с армией французов при Пуатье. Именно Черный принц одержал вторую великую английскую победу в Столетней войне, и именно он взял в плен короля Иоанна II Французского.

После подписания мирного договора в Кале Черный принц стал править существенно расширившимися английскими владениями в юго-западной Франции. Однако правителем он оказался никудышным. Эдуард обзавелся дорогостоящим двором, обложил население непомерным налогом, не сделал ни малейшей попытки заслужить любовь подданных, вызвал у них жгучую ненависть к англичанам и сильно облегчил задачу Карла V и Дюгеклена, мало-помалу отвоевывавших потерянные земли.

Видимо, Черный принц понимал, что умеет только воевать, поскольку в 1367 г. он вмешался

[61] Примечания: 61

Шпоры являются признаком рыцаря и символом рыцарского звания. (Примеч. пер.).

(причем без всякой надобности) в династическую войну в Испании, которую вели два претендента на престол. Эдуард принял сторону Педро (известного под прозвищем

Жестокий) и сделал его правителем страны. Однако после ухода «его чернейшества» Педро быстро свергли. Наградой Черному принцу стало подорванное здоровье, потому что от подхваченной в Испании болезни он так и не оправился.

В 1371 г. принц вернулся в Англию и после долгой болезни умер. Это случилось в 1376 г., за год до смерти его отца Эдуарда III. Его младший брат Лайонел умер еще раньше — в 1368 г.

Таким образом, к моменту смерти Эдуарда III в живых оставалось трое из его семи сыновей. Это были четвертый сын Джон Гонт (тридцати семи лет), пятый сын Эдмунд Лэнглийский (тридцати шести лет) и шестой сын Томас Вудстокский (двадцати двух лет).

В старые времена королем стал бы один из них, но теперь существовал жесткий порядок престолонаследия. Ни один из младших сыновей не мог унаследовать трон до тех пор, пока существовал отпрыск рода старшего брата. Черный принц умер, но оставил после себя сына.

Этого сына звали Ричард; естественно, что

такой человек, как Черный принц, обязан был бредить Ричардом Львиное Сердце. Ричард родился 6 января 1367 г. в Бордо и поэтому в дальнейшем именовался Ричардом Бордоским. В момент смерти отца ему было девять лет. Несколько месяцев спустя (в ноябре 1376 г.) дед мальчика Эдуард III сделал его принцем Уэльским, что было равнозначно признанию Ричарда наследником престола.

Когда Эдуард III умер (21 июня 1377 г.), десятилетний принц Уэльский без всяких хлопот стал королем Ричардом II Английским.

Однако править страной десятилетний ребенок не мог, это предоставило его его дядьям возможность завладеть властью в стране.

Для страны же провозглашение королем мальчика было настоящим несчастьем, потому что в это время Англия переживала серьезные трудности. Война во Франции вспыхивала то здесь, то там; этого было достаточно, чтобы тратить на нее большие деньги, не одерживая при этом больших побед. Высокие налоги, к которым добавилось опустошение, вызванное Черной смертью, вынудили английское крестьянство поднять восстание — одно из первых крестьянских восстаний в истории Англии.

В мае и июне 1381 г. местные волнения охватили всю Англию. Группа восставших под руководством Уота Тайлера захватила Лондон и удерживала его четыре дня. Король Ричард, в ту пору четырнадцатилетний подросток, встретил их без всякого страха. В решающий момент, когда Уот Тайлер был внезапно заколот и казалось, что толпа вот-вот выйдет из-под контроля, мальчик пробрался в ее гущу и заявил, что хочет стать вождем восставших. Этот смелый поступок предотвратил кровопролитие. Крестьянское восстание было подавлено силой, но это подавление было далеко не таким кровавым, как на континенте. Это было самое значительное событие периода царствования Ричарда II.

Тем не менее король был еще мальчиком, и реальную власть осуществляли за него дядья. Следует указать, что такое положение сохранялось большую часть царствования Ричарда — даже в тот период, когда он давно мог править самостоятельно.

Ричарду II удалось обрести свободу лишь в последние годы своего правления; именно этому времени и посвящена пьеса Шекспира. Однако начинается она сценой, где король беседует с дядей.

«Джон Гонт…»

Действие пьесы начинается в 1398 г. в Виндзорском замке на Темзе, примерно в 20 милях (32 км) к западу от центра Лондона. Этот замок был простой крепостью (построенной еще Вильгельмом Завоевателем в 1070 г.), пока Эдуард III не превратил его в королевскую резиденцию.

Это место так тесно связано с английскими королями, что во время Первой мировой войны королевская семья, решившая отказаться от своей фамилии Сакс-Кобург-Готские (полученной в наследство от немецкого принца Альберта, супруга королевы Виктории), сменила ее на фамилию Виндзорские. Когда в 1936 г. Эдуард VIII отрекся от престола, он стал герцогом Виндзорским.

В начале пьесы Ричарду тридцать один год, но вкус настоящей власти он узнал лишь около года назад. Он долго находился под опекой дядьев и теперь обращается к одному из них с царственной надменностью полноправного короля:

> Джон Гонт, почтенный возрастом Ланкастер…

Акт I, сцена 1, строка 1 (перевод А. Ку-

рошевой)

Джон был четвертым сыном Эдуарда III и самым старшим из сыновей, переживших своего отца. Два столетия назад этого было бы достаточно, чтобы унаследовать трон (как Иоанн Безземельный), но времена изменились.

Джон родился в 1340 г., вскоре после того как Эдуард III впервые попытался вторгнуться во Францию, положив начало Столетней войне. Короля и армию сопровождала вся его семья, поэтому Джон родился в городе Генте (сейчас это Бельгия, но в те годы эта местность именовалась графством Фландрским). По месту рождения его называли Джоном Гентским или (в английской транслитерации времен Шекспира) Джоном Гонтом.

Шекспир относится к Джону Гонту с большим пиететом — возможно, потому, что Гонт был предком монархов, занимавших английский престол при жизни самого драматурга. В 1595 г., когда был написан «Ричард II», английской королевой была Елизавета I, приходившаяся Джону Гонту прапрапраправнучкой.

Однако похоже, что реальный Джон Гонт был человеком весьма средних способностей и остался в истории только благодаря тому, что был

королевским сыном.

В последние годы царствования Эдуарда, когда король впал в маразм, а Черный принц стал инвалидом, командование английской армией во Франции перешло к Джону Гонту. В 1373 г. он вывел армию из Кале и через всю страну повел ее в Бордо. Французы, у которых не было желания ввязываться в еще одну великую битву, отступили, и Гонт ничего не добился (если не считать того, что половина его армии умерла от голода).

Вернувшись в Англию, Гонт попытался организовать парламентскую партию, которая должна была служить оппозицией партии, созданной Черным принцем. Однако его политическая карьера оказалась такой же неудачной, как и военная. Хотя смерть Черного принца неизмеримо усилила влияние Джона Гонта на впавшего в маразм Эдуарда III, однако скорая смерть короля снова лишила его этого влияния.

Но не денег. Здесь Гонт обладал мертвой хваткой. Он женился на богатой невесте (впрочем, к этому тогда стремились все, но везло лишь немногим). В 1359 г. Джон Гонт женился на Бланш, дочери Генри, первого герцога Ланкастерского. Когда Генри умер, не оставив сыновей, Гонт унаследовал титул и все огромные доходы гер-

цога. Он стал Джоном Ланкастерским и под этим именем был известен своим современникам. Не случайно Ричард в первой же фразе называет его как Джоном Гонтом, так и Ланкастером.

Джон Гонт, или Ланкастер, получал доходы с трети Англии и был самым богатым из подданных короля, однако это не могло компенсировать его природную тупость и полное отсутствие политических талантов.

Так как при дворе юного короля процветали интриги, в которых Гонт совершенно не разбирался, он воспользовался первым же предлогом, чтобы покинуть Англию, и сделал это с радостью.

Предлог оказался династическим. Первая жена Гонта, наследница Ланкастера, умерла в 1369 г., и Джон тут же нашел себе другую выгодную невесту. В 1371 г. он женился на Констанции Кастильской, дочери Педро Жестокого, которого Черный принц возвел на кастильский престол. (Тогда Кастилия была самым крупным христианским королевством на Пиренейском полуострове.)

Однако в 1369 г. Педро погиб в битве, и в 1380–х гг. Кастилией правил Хуан I, сын незаконного брата Педро. Джон Гонт объявил себя законным королем Кастилии, поскольку он приходился Педро зятем. В 1385 г. Гонт снарядил экспеди-

цию в Испанию. Наверняка при этом он считал себя способным добиться такого же грандиозного успеха, как тот, что выпал на долю его отца (вторгшегося во Францию с той же целью).

Если так, то тот ошибся. Экспедиция с треском провалилась. Хуан I разбил Гонта, и тому пришлось подписать договор, согласно которому он отказывался от притязаний на кастильский престол.

Конечно, при этом Гонт получил денежную компенсацию: этот человек умел извлекать материальную выгоду даже из своих поражений. Более того, его юная дочь от жены-испанки вышла замуж за сына короля Хуана (впоследствии короля Энрико III). В 1406 г. внук Джона Гонта стал кастильским королем Хуаном II, но до этого Гонт уже не дожил.

Когда в 1389 г. Джон Гонт вернулся в Англию, он обнаружил, что ситуация изменилась к худшему, но, как всегда, оказался беспомощным перед лицом надвигавшейся катастрофы.

Тем не менее ему удалось уцелеть, и теперь, в 1398 г., он столкнулся с племянником, который, пережив все трудности, ликует, собираясь вести себя как абсолютный монарх.

Конечно, Джон Гонт, теперь уже в преклонном

возрасте, не сумел воспрепятствовать этому. Однако не следует переоценивать возраст Гонта. Знаменитая первая строка пьесы звучит так, словно Джон Гонт действительно глубокий старик. Так и считалось в то время — впрочем, как и во времена Шекспира. Следует помнить, что тогда средняя продолжительность жизни составляла в лучшем случае тридцать пять лет и каждый, кому было больше сорока, считался человеком почтенного возраста. (Шекспир и сам умер в пятьдесят два года.)

Однако по современным представлениям Гонт вовсе не так уж стар. В данный момент ему всего пятьдесят восемь.

«...Генри Херфорд»

Ричард обращается к Джону Гонту, представляющему здесь интересы своего сына, который вступил в яростный спор, требующий королевского суда. Король спрашивает:

> По долгу и присяге приведен ли
> Тобою Генри Херфорд, сын твой смелый...

Акт I, сцена 1, строки 2–3[62]

Генри, старший сын Джона Гонта, родился 3 апреля 1366 г. в замке Болингброк (графство Линкольншир) и стал известен под именем Болингброк, и на всем протяжении пьесы к нему обращаются как к Болингброку. Он — двоюродный брат короля и старше его на год.

В 1386 г., когда Джон Гонт уехал в Испанию, Болингброк женился на богатой наследнице Марии де Бун. Ясно, что Болингброк унаследовал хватку своего отца. Однако Болингброк был куда более умелым политиком, чем отец; пока Джон Гонт был в Испании, его сын играл очень важную роль в событиях, происходивших в Англии.

Эти события были связаны с Томасом Вудстокским (или просто Вудстоком), шестым сыном Эдуарда III и младшим из троих сыновей, переживших своего отца. Томас Вудсток был самым могущественным из сыновей Эдуарда, уступавшим только Черному принцу. Хотя он был на пятнадцать лет младше Джона Гонта и в момент смерти короля был совсем мальчишкой, именно Томас стал опорой трона. (Кстати, Томаса называли Вудстоком, потому что в 1355 г. он родился в

---

[62] Примечания: 62

Сейчас это графство Великобритании называется Херефорд. — *Е. К.*

том же замке, что и Черный принц.)

Как и Джон Гонт, Томас Вудсток женился на богатой наследнице, Элеоноре де Бун, отец которой, граф Херефорд[63] умер, не оставив сыновей, и дочь получила половину его состояния. Элеонора была сестрой той самой Марии де Бун, которая позже вышла замуж за Болингброка. Таким образом, Томас Вудсток и Генрих Болингброк были не только дядей и племянником, но и свояками.

Томас Вудсток был одним из тех, кто активно подавлял крестьянское восстание. Кроме того, в 1380 г. он возглавлял последний большой поход из Кале на Францию. Как и все кампании после Пуатье, этот поход выглядел впечатляюще, но результатов почти не принес.

Тем не менее энергии Томаса хватало и на то, чтобы управлять страной; именно из-за Томаса Джон Гонт отправился в Испанию.

Во время отсутствия Джона Томас оставался за старшего и фактически был некоронованным королем Англии. В 1385 г. он заставил юного короля (которому было тогда восемнадцать лет, и он считал, что способен править самостоятельно) сделать его герцогом Глостером. Так «дядя Том»

---

[63] Примечания: 63
в переводе — Херфорд. — *Е. К.*

превратился в Томаса Глостера. (В «Ричарде II» он упоминается именно как Глостер.)

В 1386 г. линии фронта были четко обозначены. Молодой Ричард был убежден, что законный король что-то вроде полубога. Бог сделал его единственным сыном старшего сына Эдуарда III, поэтому он больше не собирался терпеть опеку дядьев, которые всего-навсего младшие сыновья покойного короля. Когда Ричард бросился в самую гущу разнузданной и враждебно настроенной толпы, та расступилась, не посмев прикоснуться к помазаннику Божьему; после этого Ричард уверовал, что он не чета простым смертным. А вот Томас Вудсток в этом *не был* убежден.

Именно Томас Вудсток обеспечил в парламенте антимонархическое большинство; когда король Ричард восстал против опеки дяди, Томас пригрозил лишить его трона.

Тогда Ричард II создал в парламенте собственную партию, собрав в нее всех, кто был недоволен Томасом Глостером. В августе 1387 г. Ричард решил добиться независимости и обвинил Томаса Глостера и видных членов антимонархической партии в государственной измене.

Конечно, решение было непродуманным. Томас Глостер и его союзники тут же «апеллиро-

вали» — то есть обвинили в измене всех друзей короля. Впоследствии Томаса Глостера и других аристократов, предпринявших этот ответный шаг, стали называть «лордами-апеллянтами».

В последовавшей за этим борьбе верх одержали «лорды-апеллянты». Королю пришлось созвать парламент, который применил драконовские меры по отношению к друзьям короля, а некоторых из них приговорил к смертной казни. Ричард потерял друзей и остался беспомощным, а влияние Томаса возросло.

Во время этого сражения между племянником-королем и могущественным дядей Генри Болингброк стоял на стороне дяди, который был также и его дядей и свояком. Иными словами, Болингброк был одним из «лордов-апеллянтов».

Несомненно, Томас Глостер считал его сильным и надежным союзником. В конце концов, если бы Джон Гонт умер в Испании, Болингброк унаследовал бы все богатство и власть Ланкастера. Однако в данном случае две головы оказались хуже, чем одна. Томас действительно был готов низложить Ричарда, но тогда вставал вопрос, кого посадить на место племянника.

Конечно, Томас предпочел бы сам стать королем, но Болингброк ясно дал понять, что

логичным преемником Ричарда является Джон Гонт, как старший из оставшихся в живых сыновей Эдуарда III, а следующим по очереди будет он сам, как старший сын Гонта. Томас Глостер не видел смысла в замене слабого короля на умного и решительного Болингброка. Поэтому Ричард уцелел, и кара пала не на короля, а на его сторонников.

Это преподнесло Ричарду хороший урок. Он понял, что нуждается не просто в собственной партии, а в очень большой партии, численно превышающей партию ненавистного дяди и способной нанести сокрушительный удар. Поэтому он несколько лет пытался создать новую группу союзников, представлявшую собой настоящую частную армию.

Более того, Ричард сумел переманить на свою сторону многих «лордов-апеллянтов», пользуясь личным обаянием (которое он при желании мог проявить). В результате Томас Глостер и его главные союзники оказались в изоляции. Но больше всего Ричард обхаживал Болингброка. Лесть сделала свое дело: в решающий момент тот перешел на сторону короля.

Успех вскружил Томасу Глостеру голову; он потерял бдительность и недооценил Ричарда.

Застигнутый врасплох, Глостер слишком поздно начал применять контрмеры. Летом 1397 г., встревоженный растущей силой короля, Томас Глостер предпринял еще одну попытку низложить Ричарда, но к тому времени он уже потерял всех своих союзников. Джон Гонт (которого поддержал сын) выступил против этой попытки, и она провалилась.

Теперь король Ричард мог нанести удар. В сентябре 1397 г. он приехал в замок Томаса Глостера, внезапно арестовал хозяина и выслал его в Кале. Главные союзники Глостера также были арестованы, а затем либо казнены, либо высланы из страны.

Наконец-то Ричард получил верховную власть и смог вознаградить своих сторонников. Болингброк получил титул своего тестя графа Херефорда. Однако, в отличие от тестя, Болингброк стал герцогом Херефордом. Именно поэтому Ричард называет Болингброка Генри Херфордом в уже цитировавшихся строках.

Однако в 1397 г. Болингброк поддерживал короля не так решительно, как кажется на первый взгляд. О благодарности в политике быстро забывают, а Болингброк находился слишком близко к трону, чтобы не вызвать подозрений.

Сыновей у Ричарда не было, поэтому он, в полном соответствии со строгим порядком престолонаследия, собирался завещать трон потомкам Лайонела, третьего сына Эдуарда III (поскольку сам Ричард был последним представителем ветви старшего сына, а у второго сына наследников не было).

Однако наследники Лайонела не могли тягаться в богатстве, престиже и важности с четвертым сыном, Джоном Гонтом, и его сыном Болингброком. Ричард должен был понимать, что умный и честолюбивый Болингброк подбирается к трону, хотя и не является следующим в очереди; ранее Болингброк уже доказал это Томасу Глостеру. Ричарду II приходилось зорко следить за опасным соперником, чтобы при необходимости успеть принять против него жесткие меры.

«…Герцог Норфольк»

Возможно, эта необходимость уже настала. Ричард чувствует щекотливость положения и спрашивает Джона Гонта, который привел сына:

Чтоб доказать, что правым обвиненьям
—
Их выслушать мне было недосуг —

Подвергнут герцог Норфольк, Томас Моубрей?

Акт I, сцена 1, строки 4–6

Томас Моубрей родился в том же 1366 г., что и Болингброк. Он был другом юности короля (тот был его на год младше), который в 1383 г. сделал его графом Ноттингемским.

Но потом Моубрей сменил ориентацию. Он ревновал короля к другим фаворитам и в пику ему присоединился к партии Томаса Глостера, став одним из «лордов-апеллянтов». Однако экстремистом Моубрей не был, и, когда встал вопрос о низложении короля, он поддержал умеренных, выступивших за предание суду фаворитов короля.

Впоследствии король обхаживал Моубрея так же, как и Болингброка, и тоже добился успеха. Моубрей снова стал другом Ричарда. Стремительно атаковав Томаса Глостера и арестовав его, король отдал дядю под надзор Моубрея. Именно Моубрей, доставив Глостера в замок Кале, стал его тюремщиком. Как и Болингброк, Моубрей был награжден за службу и стал герцогом Нор-

фолкским (или Норфолком)[64].

Но что произошло с Томасом Глостером? Как-никак он являлся сыном Эдуарда III, и убрать его с глаз долой было просто невозможно. Его должны были судить за государственную измену; ради этого созвали парламент. Но сессия так и не состоялась: из Кале пришла скорбная весть о том, что Томас Глостер умер.

Конечно, в то время внезапная смерть никого не удивляла. Медицина находилась на очень низком уровне, и малейшая инфекция быстро сводила людей в могилу, а подхватить инфекцию, когда о гигиене не имели никакого представления, не составляло никакого труда. И все же смерть Глостера в сложившихся обстоятельствах была настолько выгодна Ричарду (которому было бы трудно доказать факт государственной измены, потому что Глостер пользовался популярностью в парламенте), что тут же поползли слухи: мол, зловредный дядюшка был тайно убит по приказу племянника. Такая же ситуация сложилась, когда Артура Бретонского тайно убили по приказу его дяди, Иоанна Безземельного (см. в гл. 5: «…Своей супруги Бланки предъявишь ты права»).

---

[64] Примечания: 64
в переводе — Норфольк. — *Е. К.*

Чем громче раздавались шепот и слухи, тем неуютнее чувствовал себя Томас Моубрей. Он охранял Глостера. Если бы Глостера действительно убили, то непосредственный приказ убийцам мог отдать только он. В случае подтверждения этого Моубрея ждала смертная казнь.

Но Ричард находился в не менее затруднительном положении. Защититься Моубрей мог бы только одним способом: заявив, что это было сделано по приказу короля. После этого Ричард оказался бы в положении короля Иоанна, который потерял северную Францию отчасти потому, что его обвинили в смерти принца Артура.

Моубрей не мог не понимать, что опасность грозит ему не только со стороны врагов короля, которые ненавидели его за убийство Глостера (если такое убийство действительно имело место, в чем историки не уверены), но и со стороны самого короля. В конце концов, мертвые не говорят; мертвый Моубрей вряд ли мог бы обвинить Ричарда.

Моубрей испугался и принялся искать способ спасения. Он нуждался в союзнике; таким союзником мог стать Болингброк. Они были последними из уцелевших «лордов-апеллянтов», а потому обоим грозила одинаковая опасность.

Моубрей обратился к Болингброку.

Но Моубрей ошибся в расчетах. Болингброк решил играть по-крупному. Коготок у Моубрея увяз, и Болингброк тут же этим воспользовался. Для начала он пошел к королю Ричарду, рассказал о своей беседе с Моубреем и обвинил того в государственной измене. Несчастному Моубрею, чтобы опровергнуть обвинение, пришлось назвать Болингброка лжецом.

«Жертвенная, Авеля...»

Ричард попадает в чрезвычайно щекотливую ситуацию. Он вынужден вызвать обоих лордов к себе и выслушать их взаимные обвинения. Больше всего ему нужно, чтобы ссора поскорее закончилась. Он хочет, чтобы дело о смерти Томаса Глостера не только не расследовалось, но даже не упоминалось.

А вот Болингброк хочет обратного. Ему нужно, чтобы об этом деле заговорили как можно громче. Чем больше поднимется шума, тем хуже придется королю, а чем хуже королю, тем лучше ему, Болингброку.

Поэтому после обмена обвинениями Болингброк переходит к делу. Он обвиняет Моубрея в растрате неких общественных фондов и мрачно

добавляет:

> …он (Моубрей) убийство Глостера подстроил,
> Его врагов доверчивых подбив,
> И душу неповинную его,
> Коварный трус, исторг в потоках крови.
> Как жертвенная, Авеля, — та кровь
> Из тайников немых земли взывает
> Ко мне о правой и суровой каре…

Акт I, сцена 1, строки 100–106

Убийство Глостера сравнивается с убийством Авеля, жертва которого «от первородных стада его» оказалась угодна Господу, в то время как жертву старшего брата Каина Господь отверг. После этого оскорбленный Каин убил Авеля. Господь, возмущенный этим убийством, говорит: «Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли» (Быт., 4: 10).

Впрочем, сравнение неудачно: Томас Моубрей не был родственником Томаса Глостера. Но если Моубрей действовал по приказу короля, это меняет дело. Тогда выходит, что Глостера убил сын его старшего брата, а потому сравнение имеет вполне законную силу.

Можно представить, что во время своей обличительной речи Болингброк смотрит на Моубрея, а когда добирается до сакраментальных слов «жертвенная, Авеля», то поворачивается к королю и смотрит прямо на него. Намек заставляет Ричарда поморщиться и неловко пробормотать:

Как высоко взнеслась его отвага!

Акт I, сцена 1, строка 109

«…За королевой»

Моубрей делает все, чтобы избежать опасной темы, надеясь продемонстрировать свою верность королю и обеспечить собственную безопасность. Он лаконично и довольно неубедительно отвергает обвинение в убийстве Томаса Глостера, зато начинает красноречиво оправдываться в меньшем преступлении: он не украл общественные фонды.

По его словам, часть средств он выплатил, а часть взял себе, потому что Ричард был ему должен:

А остальную часть, по соглашенью,
В уплату взял себе от государя

По счету крупному с тех пор, как ездил
Во Францию за королевой я.

Акт I, сцена 1, строки 128–131

Ричард был женат дважды. В январе 1382 г. пятнадцатилетний король женился на шестнадцатилетней Анне Богемской. Она была дочерью короля Богемии (он же Карл IV, император Священной Римской империи), умершего за четыре года до этого. Брак оказался счастливым; народ тоже полюбил Анну. Когда Лондон отказал королю в займе, обиженный король хотел лишить город его привилегий, но по просьбе королевы отказался от этого намерения.

Анна умерла от чумы в 1394 г.; ей было двадцать восемь лет. (В том же году умерла жена Болингброка, которой было всего двадцать четыре. В то время жизнь людей была коротка.)

Ричард переживал сильно и, похоже, искренне. Но короли не могут долго предаваться скорби — особенно если у них нет наследников. Кроме того, с помощью династических браков часто решались иностранные дела.

Война во Франции продолжала тлеть, несмотря на мирный договор в Кале, но к 1388 г. практически прекратилась. Ричард изо всех сил старался

продлить срок действия договора, потому что у него не было ни денег, ни желания воевать. Самым легким выходом из этого положения была женитьба на представительнице французской королевской семьи.

Французский король Карл V, смертельный враг Черного принца, умер в 1380 г.; на троне его сменил сын, Карл VI. В 1397 г. дочери Карла Изабелле было всего семь лет, но это не помешало ей стать второй женой Ричарда. Конечно, наследника престола она могла бы произвести на свет лишь через несколько лет, но Ричард был еще довольно молод и мог подождать.

Вести брачные переговоры было поручено Моубрею, и он требовал за это вознаграждения. Впрочем, было за что. Именно после бракосочетания с француженкой Ричард велел арестовать Томаса Глостера. У короля не хватило бы на это духу, если бы он не был уверен, что в данный момент ему не грозит война с Францией и та не предпримет против него враждебных действий.

И все же этот брак оказался непопулярным. Тогда жен-француженок в Англии не одобряли: Франция была врагом, и английские ксенофобы объясняли все беды страны происками французов.

кое-кто утверждал, что, женившись на француженке, Ричард усвоит французские манеры и пороки, воспримет французские идеи об абсолютной монархии и изменит исконным английским добродетелям. Все это чушь. Ричард давно мечтал об абсолютной власти и не нуждался в том, чтобы эту мысль ему подала семилетняя девочка.

«…В День Ламберта святого, в Ковентри»

Ричард отчаянно пытается прекратить ссору, пока ни Моубрей, ни Болингброк не сказали того, что нанесет непоправимый урон репутации короля. Однако попытка оказывается неудачной. Болингброк намерен, воспользовавшись этой историей, поколебать трон, а Моубрей не принимает обвинения в убийстве без тщательного изучения этого вопроса.

Поэтому Ричард вынужден решать спор по законам рыцарства, то есть с помощью поединка. И правильно делает, потому что в сложном и изощренном рыцарском кодексе можно найти зацепку, выиграть время и придумать выход из этой пренеприятнейшей ситуации.

Взаимные обвинения Болингброка и Моубрея прозвучали в январе 1398 г., всего через четыре месяца после убийства Томаса Глостера. Неиз-

бежные отсрочки, вызванные необходимостью соблюдать рыцарский кодекс, заняли еще восемь месяцев. Однако Шекспир не говорит об этом ни слова. В его хрониках время уплотнено до предела; так он поступает и на этот раз. Драматург заставляет Ричарда сказать соперникам:

> Готовьтесь жизнью отвечать за то
> В День Ламберта святого, в Ковентри.
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 198–199***

Когда состоится поединок, остается только гадать.

Ковентри — город в графстве Уорикшир, ставший свидетелем важнейшего события в истории англосаксов. В 1050 г. Ковентри входил в часть центральной Англии, которая тогда называлась Мерсией. Женой графа Мерсии была некая Годгифу (впоследствии ее имя было переделано в более благозвучное — Годива). Эта добросердечная женщина уговаривала мужа уменьшить налог, взимаемый им с жителей Ковентри. Наконец граф сказал, что сделает это, если жена проедет по рыночной площади обнаженная. Годива поймала его на слове и проехала площадь верхом на лошади, но длинные волосы полностью скрыли ее наготу.

В XIV в. Ковентри принадлежал Черному принцу. Впоследствии он отошел к Ричарду II и стал королевской резиденцией. Парламент собирался там как минимум дважды.

В Средние века было принято называть дни по именам святых. У церкви было множество святых, приписанных к определенному дню — обычно тому, когда состоялся их мученический подвиг. Ламберт, уроженец Нидерландов, жил в VII в. н. э. Его день — 17 сентября. Таким образом, поединок назначен на 17 сентября 1398 г.

«Брата твоего жена…»

Промежуток между ссорой у короля и встречей в Ковентри Шекспир заполняет сценой в лондонском доме Джона Гонта. Приехавшая к деверю герцогиня Глостер горько оплакивает смерть мужа.

Шекспир не указывает возраст герцогини, но создается впечатление, что она стара и принадлежит к тому же поколению, что и сам Гонт. Однако во время смерти (или убийства) Томасу Глостеру было всего сорок два года. Тогда его жене было тридцать один год; следовательно, сейчас ей тридцать два.

Герцогиня пытается заставить Гонта предпри-

нять какие-то действия, но Джон отказывается. Тогда она красноречиво доказывает, что если убийство принца крови останется безнаказанным, то все остальные принцы тоже не смогут чувствовать себя в безопасности.

Джон знает, что настоящим убийцей является Ричард II, но не может выступить против короля. Он советует невестке терпеть, потому что

> То — Божье дело: заместитель Бога,
> Наместник и помазанник его,
> Виновник этой (Глостера) смерти…

Акт I, сцена 2, строки 37–39

Эти слова косвенное свидетельство признания полубожественной природы короля, помазанника Божьего, который просто «не способен совершать дурные поступки». Именно такой абсолютной власти и добивается Ричард II. Однако в Англии абсолютизм никогда не имел таких глубоких корней, как в других странах.

Огорченной герцогине остается сказать только одно:

> Прощай же: брата твоего жена

С подругой скорбью кончить жизнь должна.

Акт I, сцена 2, строки 54–55

Так она и поступила, потому что через год умерла в возрасте тридцати трех лет. На всем протяжении истории продолжительность жизни женщин (с которыми обращались как с людьми второго сорта и подвергали страшной опасности частого деторождения) была значительно короче жизни мужчин. И лишь в наше время, когда благодаря медицине уменьшилась опасность родов, проявилась природная выносливость женщин, в результате продолжительность их жизни на несколько лет превысила мужскую.

«Ах, что найдет там Йорк на склоне дней?»

Однако перед уходом герцогиня говорит:

Пусть брат твой, Эдмунд Йорк, привет мой примет.

Акт I, сцена 2, строка 62

Безутешная вдова хочет, чтобы Йорк посетил ее замок, но потом вспоминает про свой траур и со слезами на глазах говорит, что это не имеет

смысла:

> Ах, что найдет там Йорк на склоне дней?
> Что, кроме голых стен, безлюдных комнат…

Акт I, сцена 2, строки 67–68

Эдмунд, пятый сын Эдуарда III, был единственным братом Джона Гонта, еще остававшимся в живых. Он родился в королевском замке Лэнгли (графство Херефордшир) 5 июня 1341 г. и по месту рождения именовался Эдмундом Лэнглийским (или просто Лэнгли).

Эдмунд участвовал во французских и испанских кампаниях, но не выиграл ни одного сражения. Он женился на Изабелле, младшей дочери Педро Жестокого. Поскольку Джон Гонт женился на старшей Дочери Педро Констанции, братья стали друг другу еще и свояками.

Эдмунд был человеком спокойным и мягким и не принимал участия в дворцовых интригах. Он оставался в хороших отношениях с Племянником и в 1385 г. стал герцогом Йоркским (или просто Йорком). В данный момент Эдмунду пятьдесят семь лет; он всего на год младше «старого Джона Гонта», а потому именуется «добрым старым

Йорком» [65]. (Он был единственным из семи сыновей Эдуарда III, которому удалось преодолеть шестидесятилетний рубеж.)

«Милорд Омерль…»

Мы оказываемся в Ковентри, где идут приготовления к поединку. Наблюдает за соблюдением формальностей лорд-маршал, который говорит:

> Милорд Омерль, вооружен ли Херфорд?
>
> ***Акт I, сцена 3, строка 1***

Омерль — это Эдуард, сын Эдмунда Йорка. По месту рождения он именовался Эдуардом Нориджским, но в 1390 г. получил титул графа Ретленда. В тот момент ему было всего семнадцать лет.

Эдуард Нориджский всегда оставался верным сторонником Ричарда — настолько твердым, что после убийства его дяди Томаса Глостера был награжден частью земель покойного и стал именоваться герцогом Альбмарльским (по названию местности в Нормандии). В пьесе Шекспира

---

[65] Примечания: 65
так в оригинале. — *Е.К.*

название Альбмарль, слишком трудное для английского произношения, превращается в Омерль. В этой сцене Омерлю всего двадцать *пять* лет.

«...Бросил жезл король»

После соблюдения всех формальностей (которые Шекспир описывает очень тщательно) Болингброк и Маубрей останавливаются друг против друга и берут пики наперевес, но тут лорд-маршал восклицает:

> Остановитесь: бросил жезл король.
>
> ***Акт I, сцена 3, строка 118***

Этим жестом король Ричард прекращает поединок еще до его начала, а затем оглашает свой вердикт. Вердикт довольно странный: виновными признаны оба, и обоих приговаривают к ссылке — Болингброка на десять лет, а Маубрея — пожизненно.

Впрочем, если вдуматься, в этом вердикте нет ничего странного: Ричард боится обоих. Моубрей слишком много знал, а Болнгброк слишком смел, поэтому король решил одновременно избавиться от обоих. Сохранить столь желанный для Ричар-

да покой можно было только таким способом: победитель (кто бы им ни оказался) вызвал бы у других желание отомстить ему.

Срок ссылки Болингброка короче, потому что он внук Эдуарда III и сын Джона Гонта, а потому заслуживает более мягкого отношения. По просьбе Гонта эти десять лет уменьшаются до шести. Но это всего лишь уловка. Когда Болингброк окажется за границей, помешать его возвращению будет несложно. Несомненно, именно так и думал поступить Ричард.

Но почему Ричард ждал до последней минуты? Конечно, король решил провозгласить вердикт о высылке обоих, чтобы приобрести имидж сильного короля, заботящегося о благе своего народа. Но зачем дожидаться праздника и в течение восьми месяцев привлекать к поединку внимание всей Англии, а затем отменять схватку?

Следует иметь в виду, что это не выдумка Шекспира. Так написано у Холиншеда.

Может быть, Ричард проявил нерешительность, искал выход до последней минуты и нашел его экспромтом? Или все было наоборот? Может быть, тщеславие Ричарда и уверенность в собственной непогрешимости доставляли ему удовольствие? Может быть, ему нравилось

играть роль Бога: сначала довести дело до кульминации, а потом небрежно махнуть рукой и положить ссоре конец?

Чем бы ни был продиктован этот шаг (тщеславием или нерешительностью), однако пользы Ричарду он не принес. Все симпатии тут же оказались на стороне Болингброка и Моубрея. После этого часть англичан посчитала короля трусом, а часть — тираном.

«Родную речь…»

Шекспир искусно вызывает у публики антипатию к Ричарду, играя на национальных чувствах и заставляя обоих изгнанников произнести патетические речи. Моубрей, думая о пожизненной ссылке, говорит:

> Ту речь, которой сорок лет учился, —
> Родную речь, — оставить должен я.
> Мне с этих пор от языка нет пользы,
> Как от бесструнной арфы иль виолы…

Акт I, сцена 3, строки 160–163

На самом деле Моубрею не сорок лет, а тридцать два, но остальное — полная правда. Человеку, знающему один английский язык, Предстоит

прожить всю жизнь там, где говорят только на других языках. Современным англичанам и американцам трудно представить себе весь ужас этой фразы, потому что в наше время по-английски Говорят миллионы людей во всех частях света и на земле не осталось Уголка, где *никто* не знает этого языка.

Во времена Ричарда II по-английски говорили только три миллиона англичан. Редкий иностранец удосуживался изучить этот необычный и малораспространенный язык. Образованные люди предпочитали французский или итальянский, не говоря о латыни. Во времена Шекспира ситуация была немногим лучше.

«...Во льдах Кавказа?»

Болингброку приходится выслушать соболезнования старого Гонта и совет отнестись к ссылке как к добровольному путешествию и радоваться жизни. Но Болингброк с горечью говорит, что для этого ему не хватит фантазии.

> О, кто бы мог в руках держать огонь,
> Вообразив, что он во льдах Кавказа?
>
> ***Акт I, сцена 3, строки 293–294***

Кавказом в греческих мифах называли некую гору, находившуюся на восточной окраине известного им мира — восточном берегу Черного моря. В результате теперь Кавказскими горами называется целый горный хребет между Черным и Каспийским морями. Гору Кавказ представляли самым высоким и холодным местом на земле, так что в поэтическом смысле она символизирует чрезвычайный холод.

«И Грин, и Бегот с Буши…»

Омерль, проводивший своего двоюродного брата Болингброка до корабля, возвращается и докладывает Ричарду, что этот опасный человек благополучно отбыл из страны. Ричард внимательно выслушивает его и признается, что Болингброк вызывал у него сильное подозрение. Ссыльный кузен мечтал о троне и пытался завоевать популярность в народе. Ричард говорит:

> И сами мы, и Грин, и Бегот с Буши
> Заметили, как он учтив был с чернью…

Акт I, сцена 4, строки 23–24

Чтобы понять, кто такие Буши, Бегот и Грин, нужно вспомнить, что Ричард II (впрочем, как и

большинство монархов позднего Средневековья и начала Нового времени) долго пытался доказать, что власть короля выше власти вельмож — гордых герцогов и графов, доходы которых либо равнялись доходам короля, либо превышали их и постоянно боровшихся с королем за равенство в правах.

Власть феодалов высшего ранга уходила корнями в далекое прошлое; герцоги и графы трепетно относились к этой власти и не желали уступать ни пяди. Поэтому Ричард (и вообще любые короли, если только они не были полными тупицами) не симпатизировал советникам из аристократов. Те были слишком гордыми, слишком грубыми, слишком упрямыми, были слишком склонны к интригам, а в трудных ситуациях — и к измене.

Поэтому вполне естественно, что Ричард II и многие другие короли прошлого и будущего искали советников среди мелких дворян и представителей среднего класса. Большой властью такие люди не обладали, а потому были безмерно преданы именно этому королю (другой король их просто прогнал бы).

Еще естественнее было то, что подобных людей вельможи презирали и ненавидели. Чувствуя эту враждебность, приближенные короля, или

фавориты, делали все возможное, чтобы обогатиться или приобрести собственность, которая не исчезнет после смерти короля. А король, в свою очередь, награждал их за преданность деньгами, титулами и знаками внимания.

Конечно, эти награды заставляли вельмож ненавидеть фаворитов еще сильнее. Лорды заявляли во всеуслышание, что фавориты разворовывают королевство.

Однако эти фавориты представляли собой удобную мишень. Король, как помазанник Божий, порицанию не подлежал. Зато фаворитов обвиняли во всех смертных грехах, а особенно в том, что они обманывают и развращают короля. Целя в фаворитов, было легко попасть в короля. Когда «лорды-апеллянты» лишили Ричарда фаворитов в начале царствования, он оставался беспомощным в течение десяти лет.

Сэр Джон Буши, сэр Джон Бегот и сэр Генри Грин, упомянутые в этом эпизоде, сначала были второстепенными членами партии Томаса Глостера. Ричард II переманил их на свою сторону так же, как переманил и более высокопоставленных людей вроде Болингброка и Моубрея.

Но с Буши, Беготом и Грином Ричарду было намного спокойнее. Они были сельскими поме-

щиками, не обладали властью и прекрасно знали, что знать их терпеть не может. Их единственным защитником был Ричард, поэтому фавориты чувствовали себя в долгу перед королем и были безмерно преданы ему.

«Нам против взбунтовавшихся ирландцев…»

Похоже, Ричард добился всего, чего хотел. Он расправился с внутренним врагом и сумел избежать неприятностей, не допустив расследования обстоятельств смерти Томаса Глостера. Теперь настал черед врагов внешних. Грин говорит о Болингброке и его попытках завоевать популярность у черни:

> Ну, он ушел, а с ним — и эти мысли.
> Нам против взбунтовавшихся ирландцев
> Пора принять бы меры, государь…

Акт I, сцена 4, строки 37–38

Долгая и трагическая история Ирландии, в которой Англия неизменно играла роль злодея, началась с вторжения на этот несчастный остров Генриха II.

Восточная часть Ирландии с центром в Дублине

находилась под неустойчивой властью англичан, но большая часть острова оставалась свободной и непокоренной еще несколько веков. За два века, прошедшие со времени правления Генриха II, эта власть ослабла, поскольку слишком часто усилия англичан были направлены в другую сторону. Например, Эдуард III был так занят Францией, что смотрел на Ирландию сквозь пальцы.

К времени правления Ричарда II английские колонисты были вынуждены платить дань вождям западных ирландских кланов.

Ричард II воевать не любил и делал все возможное, чтобы сохранить мир, но общественное мнение (особенно мнение знати, которая смотрела на войну как на способ завоевать добычу и «славу») заставляло его предпринимать военные походы.

Например, он был вынужден начать войну с Шотландией, которая получала помощь, оружие и деньги от Франции и использовала их для набегов на северные английские графства. В 1385 г. Ричард повел английскую армию на север и сжег Эдинбург, но кампания оказалась слишком дорогостоящей и *закончилась* ничем.

Бесконечные волнения в Ирландии предоставили Ричарду еще один шанс одержать победу, и

королю пришлось им воспользоваться. В 1394 г. он возглавил большую армию, вторгшуюся в Ирландию. Однако применять грубую силу король не собирался. Он использовал свою козырную карту — дипломатию, лесть и обаяние. Ричард переманил на свою сторону многих ирландских вождей, возглавлявших кланы, пообещав им громкие титулы и земли. Особое внимание он уделил умиротворению Мак-Мэрроу, главы клана Лейнстера — части Ирландии, непосредственно граничившей с территорией, находившейся под контролем англичан.

Этого удалось добиться (по крайней мере, на бумаге), когда Мак-Мэрроу обнаружил, что большинство ирландских кланов его покинуло, и был вынужден уступить. В 1395 г. Ричард счел свою задачу выполненной и вернулся из Ирландии с армией, не понесшей потерь. Его чествовали как героя-завоевателя. Для короля это было в диковинку; видимо, тогда у него сложилось ошибочное впечатление, что воевать с ирландцами легко.

Но иллюзия длилась недолго. Воспользовавшись борьбой Ричарда с оппозицией, Мак-Мэрроу Лейнстерский разорвал подписанный им договор и вновь перешел к военным действиям. В 1398 г.

он даже сумел убить английского наместника — короля Роджера де Мортимера.

Терпеть это было нельзя. Ричард собирался вернуться в Ирландию и исправить положение дел. Теперь, когда Моубрея и Болингброка не стало, у него появилась полная возможность выполнить задуманное. Тем более что победоносная кампания в Ирландии могла бы отвлечь народ от разговоров о несправедливости ссылки и подозрительном убийстве Томаса Глостера.

«...Королевство сдать в аренду»

Но существовала одна трудность. Войны стоили очень дорого, а средневековые короли всегда испытывали материальные трудности. Согласно феодальной системе, деньги поступали лордам, а король получал лишь доходы с собственных земельных владений и некоторые дополнительные доходы — например, от таможенных сборов. Недостающие суммы ему приходилось просить у вельмож или купцов, но и те и другие щедростью не отличались. Денег не хватало даже на обычные хозяйственные расходы, тем более что большинство монархов было просто обязано жить на широкую ногу, чтобы производить впечатление на своих подданных и других королей. Собрать

же деньги на ведение войны было практически невозможно. (Очень часто для этого приходилось объявлять какого-нибудь богача изменником и конфисковывать его имущество или, одержав победу над врагом, грабить побежденных.)

Разбитого врага, которого можно ограбить, у Ричарда на примете не было, да и с изменниками в тот момент тоже было туго. Он пытается придумать другой способ и говорит:

Придется королевство сдать в аренду…

Акт I, сцена 4, строки 23–24

Иными словами, ему придется сдать в аренду имения, принадлежащие короне, и другие источники королевского дохода на определенное количество лет, получив взамен твердую сумму наличными. Это то же самое, что получить ссуду в банке под большие проценту. Деньги Ричарду нужны немедленно, но доходы за несколько Лет будут намного больше полученной им суммы. При этом король может многое потерять (если, конечно, война не увенчается победой), а сданные в аренду имения принесут владельцу большую прибыль.

Естественно, Ричард отдаст собственность короны в аренду своим фаворитам, а те, кому

прибыли не достанется, придут в ужас от этой процедуры.

«На содержимое казны его…»

Впрочем, при случае Ричард не прочь воспользоваться и другими источниками.

Входит Буши с неприятным известием: Джон Гонт внезапно заболел и просит короля прийти к нему. Ричарда эта новость радует. Он надеется на скорую смерть Гонта, прикидывает, какую часть богатства Ланкастеров можно будет потратить на войну в Ирландии, и говорит:

> На содержимое казны его
> Мы для войны солдат своих оденем.

Акт I, сцена 4, строки 61–62

На самом деле Джон Гонт заболел только через четыре месяца после несостоявшейся дуэли Болингброка и Моубрея.

«…Молве про жизнь Италии роскошной»

Действие переносится в лондонский дворец, где умирает Джон Гонт. У его постели сидит последний брат, Эдмунд Йорк. Оба удручены

неразумным поведением Ричарда, а больше всего — сдачей собственности короны в аренду его фаворитам.

Йорк порицает дурное влияние, оказываемое на молодого Ричарда, и (как всегда было и будет в истории) осуждает новое поколение за легкомыслие, с которым оно следует иностранной моде вместо того, чтобы придерживаться добрых старых обычаев. (Сейчас это принято называть конфликтом отцов и детей.)

Йорк жалуется, что Ричард не слушает добрых советов:

> Нет, льстивым звукам дал заткнуть он уши —
> Хвалам, что любят даже мудрецы;
> Размерам сладострастным, чью отраву
> Впивает юности открытый слух, —
> Молве про жизнь Италии роскошной,
> Где рабски ищет образцов для мод
> Наш ковыляющий за ней народ.

Акт II, сцена 1, строки 17–23

Упоминание об Италии явный анахронизм; в этих строках выражен не столько национализм Йорка (как-никак дело происходит в 1399 г.), сколько самого Шекспира.

В XIV в., во время правления Эдуарда III, в Италии действительно произошел взрыв интеллектуальной активности. Внезапно отношение художников и писателей к греческому и латинскому прошлому коренным образом изменилось и заставило выполнять собственные работы по классическим образцам. Они назвали этот период эпохой Возрождения (или Ренессанса), а столетия, разделявшие древний мир и нынешнее время, — Средними веками.

Из Италии культура Ренессанса медленно, но верно распространялась на север и запад, ослепляя другие народы своим блеском. Однако Англии она достигла только в XVI в. Иными словами, итальянское искусство, литература, музыка, мода, а самое главное — итальянский образ мыслей покорили Англию не времен Ричарда, а времен самого Шекспира.

Итальянское влияние было бесценно, потому что благодаря ему Англия пережила такой взлет гениальности, равного которому не было и уже не будет. Наступил золотой век английской культуры, лучшим украшением которого стал сам Шекспир.

Но радикальные изменения в области культуры никогда не приносят удовлетворения

— даже в том случае, когда люди сами создают их и получают от этого выгоду. Некоторые аспекты итальянского влияния действительно раздражали правящие круги, которые сегодня мы называем истеблишментом. Такие современники Шекспира, как итальянский ученый Галилей, опровергали точку зрения Птолемея и Аристотеля на строение Вселенной, а Макиавелли создал новый идеал политика, не имеющий ничего общего со средневековыми понятиями о рыцарстве и дворянской чести. Шекспир никогда не признавал этих новшеств и в своих пьесах неизменно защищал старые порядки. Кроме того, Англия XVI в. решительно порвала с католицизмом, после чего папистскую Италию англичане воспринимали как «империю зла».

Поэтому в 1595 г, когда Шекспир писал и ставил эту пьесу, старики действительно, покачивая головой, жаловались на засилье всего итальянского, на беспечность молодежи и ее беззащитность перед тлетворным иностранным влиянием. Драматург просто перенес современную ему точку зрения во времена Ричарда, то есть на целых два века назад.

«Трон королей…»

Гонт отвечает ему запоминающейся речью. Он говорит, что своей политикой Ричард губит Англию. Англия, недоступная внешнему врагу из-за своего удачного островного положения, погибает от внутренней болезни. Его панегирик Англии — самое лиричное проявление национализма Шекспира. Гонт описывает Англию так:

> Трон королей, державный этот остров,
> Земля величия, жилище Марса,
> Подобье рая, сей второй Эдем,
> Самой природой созданный оплот,
> От войн защита, от чумной заразы,
> Счастливейшее племя, малый мир,
> Алмаз в оправе серебристой моря,
> Которому оно стеною служит
> Иль рвом, оберегающим жилище
> От зависти не столь счастливых стран;
> Благословенный край, отчизна, Англия…

Акт II, сцена 1, строки 40–50

Но это тоже анахронизм. Здесь описана Англия, находящаяся в блаженной изоляции и придер-

живающаяся оборонительной тактики, но во времена Гонта английская философия войны носила наступательный характер. За предыдущие полвека английские армии одержали блестящие победы во Франции и вмешались во внутренние дела Испании. А до этого они достигли еще больших успехов. В том же монологе Гонт вспоминает английских королей:

> Прославленных за подвиги во имя
> Честного рыцарства и христианства
> Повсюду, в отдаленных землях, вплоть
> До родины упрямого еврейства,
> Где искупителя священный гроб…

Акт II, сцена 1, строки 53–56

Конечно, речь идет о Ричарде Львиное Сердце, который привел свою армию в Святую землю и едва не добрался до Иерусалима.

Но тогда почему в монологе Гонта речь идет об обороне, почему так настойчиво подчеркивается, что Англия, надежно защищенная морями, может уберечься «от зависти не столь счастливых стран»?

Потому что в монологе Гонта речь идет не о времени его смерти, а о времени первой постановки «Ричарда II».

В 1595 г. вся Англия находилась под впечатлением недавно одержанной блестящей победы. Всего семь лет назад, в 1588 г., в северном направлении плыл огромный испанский флот, собиравшийся обрушить свою мощь на Англию. Любой беспристрастный обозреватель пришел бы к выводу, что Испания, самая могучая в военном отношении европейская держава, наверняка победит Англию, к тому времени превратившуюся во второразрядное государство и к тому же балансировавшую на грани гражданской войны.

Однако английские корабли, небольшие, но маневренные, которыми командовали такие опытные и отважные моряки, как сэр Фрэнсис Дрейк, разгромили Непобедимую армаду, одним махом превратив Англию в великую державу. Надо сказать, что немалую помощь оказал и удачно разразившийся шторм.

Легко представить себе гордость, охватившую нацию, которая почувствовала себя непобедимой. Англия действительно должна была казаться ее населению неприступным островом, охраняемым суперменами на суперкораблях. Монолог Джона Гонта, должно быть, заставил публику повскакать с мест. Однако далее Гонт утверждает, что политика Ричарда губит эту

славную Англию:

> Британия, привыкшая к победам,
> Сама себя позорно победила.

Акт II, сцена 1, строки 65–66

Конечно, после таких слов исчезла всякая симпатия, которую публика, возможно, испытывала к Ричарду (если эта симпатия у кого-то еще сохранялась).

«…Все Гонт исчерпал вмиг»

Свидетелем беседы Джона Гонта и Эдмунда Йорка (в первой части сцены не произнесшего ни слова) является граф Нортумберлендский, представитель гордого и древнего рода Перси.

Уильям де Перси переплыл Ла-Манш с Вильгельмом Завоевателем в 1066 г. и получил огромные земельные владения в северной Англии. С тех пор его потомки жили на севере, периодически отбивая набеги скоттов и устраивая такие же набеги на них.

Члены рода Перси, закалившиеся в этих пограничных войнах, считали себя фактически владыками севера, потому что никакой помощи от центральных властей они не получали. Их

позиция сыграла чрезвычайно важную роль в событиях того времени.

Генри Перси сражался при Креси бок о бок с Эдуардом III, а его сын, еще один Генри Перси, стал графом Нортумберлендским (это графство самое северное в Англии и поэтому наиболее уязвимое для набегов со стороны Шотландии). Все реплики этого персонажа в пьесе принадлежат Нортумберленду.

Входит Ричард, и Гонт наконец высказывает племяннику в лицо **все,** что он думает о его сумасбродствах и неразумной фискальной политике. Король приходит в бешенство и угрожает умирающему дяде. Но тот, защищенный близостью смерти, прямо обвиняет Ричарда в Убийстве Томаса Глостера.

Нортумберленд помогает Гонту выйти из комнаты и почти тут же возвращается с известием, что старик умер. Он говорит:

> Бесструнный инструмент — его (Гонта) язык;
> Слова и жизнь — все Гонт исчерпал вмиг.

Акт II, сцена 1, строки 149–150

Джон Гонт умер 3 февраля 1399 г. К тому вре-

мени Болингброк пров ссылке уже четыре с половиной месяца.

«…Всю движимость, казну, доходы, утварь»

Ричард холодно выслушивает известие о смерти Гонта. Его волнует только будущая ирландская кампания, для которой все еще нужны деньги. Поэтому он высокомерно заявляет:

> И мы, как вспоможение, присвоим
> Всю движимость, казну, доходы, утварь,
> Которыми владел наш дядя Гонт.

Акт II, сцена I, строки 161–163

Это событие огромного значения. Джон Гонт, герцог Ланкастерский, был самым богатым человеком в Англии. После смерти отца его титул и все имущество автоматически переходили к Болингброку. Лишить его наследства можно было только одним способом — обвинив в государственной измене. Однако Болингброка выслали, не предъявив ему такого обвинения.

Конфискация являлась незаконной, но Болингброка в стране не было, и Ричард не смог противиться соблазну присвоить имущество

Ланкастера.

«Я — сын последний Эдварда»

Эдмунд Йорк возражает против этого преступления, ссылаясь на особенность своего положения:

> Я — сын последний Эдварда…
>
> ***Акт II, сцена I, строка 171***

(Это положение ему было суждено занимать еще три с половиной года.)

Йорк перечисляет все несправедливости Ричарда, которые он до сих пор покорно терпел, и добавляет к ним еще одну, о которой до сих пор речи не было:

> Чинимые бедняге Болингброку
> Помехи в браке…
>
> ***Акт II, сцена 1, строки 167–168***

Здесь имеется в виду событие, происшедшее во Франции, где Болингброк находился в ссылке.

Французский двор принял его с распростертыми объятиями, и это очень понятно. Болингброк был близок к трону и в случае возобновления

войны с Англией мог стать для Франции важным оружием. С его помощью можно было развязать в Англии гражданскую войну, поддержав претензии Болингброка на трон.

Для Болингброка дружба с французами тоже представляла большую ценность, потому что с их помощью он мог не только вернуть потерянное, но и получить корону. Брачный союз мог бы связать Болингброка с французской королевской семьей, что было бы выгодно обеим сторонам. Болингброк был вдовцом и начал готовить брачный контракт с двоюродной сестрой французского короля.

Естественно, Ричард не был заинтересован в этом браке. Нужно было во что бы то ни стало помешать Болингброку установить родственную связь с французским королем. Ричард тут же направил во Францию посла с требованием запретить этот брак, в результате чего работа над брачным контрактом прервалась. В этом и заключались помехи, чинимые «бедняге Болингброку».

Это еще более обострило вражду между двоюродными братьями. Намечавшийся брак показал Ричарду, что Болингброк намерен воспользоваться французской помощью, а Болингброк понял,

что Ричард не теряет его из виду.

«…Тысячи несчастий на голову свою»

Эдмунд Йорк говорит, что последняя несправедливость — конфискация имущества Ланкастера и лишение Болингброка наследства — переполнила чашу его терпения. Он предупреждает Ричарда, что это плохо кончится:

> Вы навлечете тысячи несчастий
> На голову свою, и вы лишитесь
> Привязанных к вам тысячи сердец…

Акт II, сцена 1, строки 205–206

Ричард II сам должен был понимать, что переполнил чашу терпения. Когда речь идет о деньгах, собственности и доходе, можно стерпеть любые обвинения в тирании. Но сейчас речь шла о самом знатном вельможе королевства. Если конфисковать его имущество, не предъявив обвинения в государственной измене (которое все равно не удалось бы доказать), то кто из вельмож сможет чувствовать себя в безопасности? Ричард посягал на безопасность каждого лорда в королевстве, что приравнивалось к государственной измене.

«К графу Уильтширу…»

Однако Ричард страдает манией величия и уже не способен мыслить здраво. Вера в собственную непогрешимость и головокружение от предыдущих успехов мешают ему предвидеть будущее. Он не обращает внимания на обвинения Йорка и тут же приступает к действию:

> Ты, Буши, к графу Уильтширу спеши:
> Вели ему к нам в Или-Хоуз явиться,
> Чтоб присмотреть за этим домом.

Акт II, сцена 1, строки 215–217

Речь идет о первом графе Уилтшире[66], Уильяме ле Скрупе, которого Ричард возвел в графское достоинство в 1397 г. В 1398 г. Уилтшир стал хранителем королевской казны и должен был подготовить документы, требовавшиеся для перевода владений Ланкастера в собственность короны.

Видимо, это не вызвало у Уилтшира возражений, хотя и он, и его отец служили Джону Гонту. Его отец, Ричард ле Скруп (первый барон Скруп

---

[66] Примечания: 66
в переводе — Уильтшир. — Е. К.

Болтонский), был канцлером, то есть главным администратором короля, с 1378 по 1382 г., однако он пытался ограничить мотовство Ричарда II, а потому его уволили.

«…Правителем верховным»

Наконец Ричард готов отправиться в Ирландию. Шекспир, как всегда, уплотняет время; складывается впечатление, что король оставляет Англию сразу после смерти Гонта, но, конечно, понадобилось какое-то время на решение неотложных финансовых задач. На самом деле Ричард отправился в Ирландию лишь в конце мая 1399 г., когда после смерти дяди прошло четыре месяца.

Он обязан кого-то оставить вместо себя, но выбора у Ричарда нет:

> Пока нас здесь не будет, назначаем
> Правителем верховным дядю Йорка.

Акт II, сцена 1, строки 219–220

Эдмунд Йорк — единственный оставшийся в живых сын Эдуарда III, второй по знатности человек после короля. Его слово должно было чего-то стоить.

Но он был стар, слаб, нерешителен, и это знали

все. Если бы за время отсутствия Ричарда ничего особенного не произошло, Йорк справился бы. Однако, если бы возникли трудности, он был бы беспомощен. Это следовало предвидеть, но Ричард слишком гордился собой и не верил в такую возможность.

«...И восемь кораблей...»

Ричард уходит. На сцене остаются Генри Нортумберленд и два менее знатных дворянина, Росс и Уиллоби. Нортумберленд расстроен. До сих пор граф был на стороне Ричарда, но конфискация владений Ланкастера взволновала его. Он чувствует приближение опасности и говорит об этом остальным. Выясняется, что они тоже нервничают.

Несомненно, действия Ричарда дали Болингброку шанс, и он не преминул им воспользоваться. Болингброк, изгнанный и лишенный наследства, был наказан без всякой вины, и многие лорды поняли, что их может ожидать та же участь.

После смерти Джона Гонта Болингброк вел осторожные переговоры со многими лордами (в случае неудачи ему грозило обвинение в измене) и заключил договор с Нортумберлендом. К времени отъезда Ричарда в Ирландию переговоры

были уже закончены. Удобный момент настал: король покинул страну и оставил вместо себя пугало в лице Эдмунда Йорка.

В пьесе все происходит одновременно: смерть Джона Гонта, отъезд Ричарда в Ирландию и высадка Болингброка. Выше уже указывалось, что Джон Гонт умер в феврале, а король отбыл в Ирландию в мае. Болингброк же высадился в Англии в начале июля 1399 г.

Для высадки требовались корабли, потому что от Англии Болингброка отделяло море. Он не хотел получать корабли непосредственно от французского короля, так как это повредило бы его имиджу и создало бы видимость, что он является вражеским агентом. Однако проблема решилась просто. Это становится ясно, когда Нортумберленд делится своей тайной с явно сочувствующими ему Россом и Уиллоби. Он говорит:

> …из Порле-Блана, порта
> В Бретани, получил я извещенье…

Акт II, сцена 1, строки 211–218

Итак, выполнить эту задачу взялся не ненавистный французский король, а герцог Бретонский.

Во времена короля Иоанна Бретань входила в

Анжуйскую империю. Однако юный герцог Артур Бретонский предъявил права на английский престол и был убит по приказу Иоанна. После этого армии Иоанна пришлось оставить всю северную Францию, а в Бретани появилась новая правящая династия (французская по происхождению и пользовавшаяся поддержкой местного населения). Бертран Дюгеклен, великий французский полководец первых десятилетий Столетней войны, по происхождению был бретонцем.

Однако, когда военное счастье перешло на сторону англичан, в Бретани призадумались и попытались сохранить нейтралитет. Поэтому англичане относились к бретонцам более благосклонно, чем к французам. Бретонский герцог Иоанн V, унаследовавший этот титул в 1399 г., крепко подружился с Болингброком и решил одолжить ему корабли. Это предложение Болингброк мог принять без всякого риска.

Нортумберленд перечисляет сторонников Болингброка, а затем говорит своим слушателям:

> Все, получив три тысячи солдат
> От герцога Бретонского в подмогу

И восемь кораблей, спешат сюда…

Акт II, сцена 1, строки 285–287

«Скорей со мною в Ревенсперг…»

Для высадки Болингброк выбирает северный порт на восточном побережье Англии, где он сможет объединить силы с Нортумберлендом и другими северными лордами. Ричарду же, находящемуся на другой стороне Англии, будет трудно перебросить армию на восток, чтобы дать отпор высадившимся отрядам.

Нортумберленд советует лордам отправиться на север и встретить возвращающегося Болингброка:

Тогда скорей со мною в Ревенсперг…

Акт II, сцена 1, строка 296

Порт Ревенсперг, или Ревенспер (Ravenspur, как обычно пишут в современных словарях географических названий), стоял на песчаной косе, вдававшейся в море севернее устья Хамбера. Ныне его нет на карте; лет через сто после высадки Болингброка косу размыло.

Итак, в июле 1399 г., всего через десять месяцев

после высылки из страны, через пять месяцев после смерти отца и примерно через шесть недель после отъезда Ричарда в Ирландию, Болингброк вернулся в Англию с войском.

«…Юный Генри Перси»

Шекспир продолжает уплотнять время; события у него следуют одно за другим. Ричард только что уехал, а королева уже оплакивает его отсутствие и говорит о своих дурных предчувствиях:

> Не родилось еще, но в чреве рока
> Созрело горе, близится…

Акт II, сцена 2, строки 10–11

Эта королева — Изабелла Французская, которой на самом деле в ту пору было десять лет. Однако ради усиления драматизма Шекспир вводит ее в число действующих лиц пьесы и делает взрослой женщиной.

Не успевает королева выразить свои дурные предчувствия, как вбегает Грин и сообщает о высадке Болингброка, последовавшей так быстро после отбытия короля (в пьесе, но не в действительности), что Грин еще надеялся перехватить Ричарда.

Слишком поздно. Король уехал, а неверные лорды уже стекаются под знамена Болингброка. Грин перечисляет их, особо выделяя двоих:

Нортемберленд и юный Генри Перси…

Акт II, сцена 2, строка 53

Это первое упоминание о сыне графа Нортумберлендского[67], который в следующей пьесе станет одним из главных действующих лиц.

Генри Перси родился в 1364 г., то есть был на три года старше Болингброка. В момент высадки Болингброка Генри Перси тридцать пять лет; для того времени это уже средний возраст, так что называть его «юным» можно было только при наличии неуемной фантазии.

Но Шекспир знал, что делает. Для пущего эффекта двух-трех сцен он сделал королеву значительно старше, а Генри, наоборот, омолодил, потому что этому персонажу еще предстоит сыграть важную роль юного сорвиголовы (причем именно юного).

(Кстати говоря, отцу Генри Перси, графу Нортумберленду, в то время было пятьдесят семь лет; он всего на два года младше покойного Джона

---

[67] Примечания: 67
в переводе — Нортемберленд. — Е. К.

Гонта и на год младше «доброго старого Йорка». Однако Шекспир, которому нужно подчеркнуть молодость Генри Перси, нигде не указывает возраст его отца.)

Условия жизни в ту эпоху были таковы, что во время высадки Болингброка Генри Перси имел двадцатилетний военный опыт, потому что впервые принял участие в битве, когда ему было всего четырнадцать лет. В последние годы он отвечал за охрану границы с Шотландией и выполнял эту задачу так рьяно и агрессивно, что получил прозвище Хотспер (буквально: «Горячая Шпора»). Так называли всадников, которые, преследуя врага, вовсю пришпоривают лошадь. Подобное прозвище могли дать человеку, ни минуты не сидевшему на месте и не умевшему обуздывать свой гнев; именно таким предстанет перед нами Перси в следующей пьесе. В «Ричарде II» все его реплики произносятся от имени Перси, а в следующей пьесе — уже от имени Хотспера. Это один и тот же человек; в этой пьесе я буду называть его Генри Перси.

Однажды Генри Перси попал в плен к скоттам и был освобожден только за большой выкуп. Король Ричард заплатил за него три тысячи марок — по тем временам сумму громадную.

Можно было бы ожидать, что Перси сохранит благодарность к королю (не говоря о том, что он присягал Ричарду на верность). Однако в тогдашней политике (как, впрочем, и в современной) благодарность не принимали в расчет. Генри Перси сразу присоединился к отцу, встав на сторону Болингброка, а не Ричарда.

«Граф Вустер…»

Королева гневно спрашивает, почему Нортумберленда и остальных лордов не объявили изменниками. Грин отвечает:

> Мы объявили, а в ответ граф Вустер
> Сломал свой жезл и сан сложил с себя,
> И к Болингброку слуги все его
> Бежали с ним.

Акт II, сцена 2, строки 58–61

Привычка называть людей их самым громким титулом может сбить сегодняшнего читателя с толку. Граф Вустер занимал пост лорда-стюарда, то есть управляющего хозяйством короля (символом его должности был жезл), и по долгу службы он был обязан выполнять все приказы своего хозяина. Почему же он предал Ричарда?

Все становится на свои места, если учесть, что на самом деле имя графа Вустера Томас Перси и он является младшим братом Нортумберленда. Вместо того чтобы объявлять брата и племянника изменниками, он предпочитает присоединиться к ним. (На самом деле этот человек «сломал свой жезл» лишь через месяц после высадки Болингброка, когда успех восстания был уже предрешен. Вустер был последним из рода Перси, перешедшим на сторону Болингброка.)

«...Явитесь в замок Баркли»

Дело начинает принимать плохой оборот. Герцог Йорк, управляющий королевством, абсолютно не способен справиться с ситуацией. Он сбит с толку, подавлен и слишком стар (хотя на самом деле всего на год старше полного сил Нортумберленда).

Йорк понимает, что север потерян. Вся знать бежит к Болингброку. какое-то время можно продержаться на западе и дождаться возвращения Ричарда из Ирландии. Поэтому Йорк говорит:

Собрать войска скорей идите, лорды,

И после к нам явитесь в замок Баркли.

Акт II, сцена 2, строки 117–118

Город Беркли[68] находится всего в 10 милях (16 км) от границы Уэльса. Однако у замка, в котором собирается обороняться Йорк, зловещая репутация. Именно там всего семьдесят лет назад был жестоко убит свергнутый король Эдуард II.

«В Бристольский замок…»

Фавориты начинают разбегаться. Сложившаяся ситуация выглядит ужасно, а они знают, что станут первой мишенью восставших. Нужно немедленно найти убежище. Грин говорит:

В Бристольский замок поспешу я скрыться;
Граф Уильтшир удалился уж туда.

Акт II, сцена 2, строки 134–135

Бристоль — город примерно в 20 милях (32 км) к югу от Беркли, в то время столица западной Англии. Если падет и он, то не поможет уже ничто. Буши едет вместе с Грином, но Бегот не считает

---

[68] Примечания: 68
в переводе — Баркли. — *Е. К.*

безопасным даже Бристоль. Он говорит:

…к Ричарду в Ирландию я еду.

Акт II, сцена 2, строка 140

В результате он проживет на свете немного дольше, чем другие фавориты.

«От Ревенсперга в Котсуольд…»

Ясно, что теперь все зависит от Ричарда. Если он вернется быстро и будет действовать решительно, его успех может обеспечить одно то, что он является королем. Этот титул в Англии уважают, а кому по душе, когда его называют изменником? Король — помазанник Божий, и мятеж против него — не просто преступление, а смертный грех. В Средние века слишком хорошо знали, что это такое. Большинство лордов было против Ричарда, но достаточно было одной видимости активных действий, чтобы рядовые воины перестали подчиняться своим командирам.

Поэтому восставшим лордам тоже нужно было торопиться и как можно скорее, еще до возвращения Ричарда, добиться решительной победы. Поэтому они устремились на юго-запад. Тем временем Ричард оставался в Ирландии, а Эдмунд

Йорк тщетно пытался собрать на западе все имевшиеся у него силы.

Восставшие, численность которых увеличивается с каждым часом, продвигаются вперед, не встречая ни малейшего сопротивления, и Нортумберленд говорит:

> Сколь тягостной, я думаю, дорога
> От Ревенсперга в Котсуольд оказалась…

***Акт II, сцена 3, строки 8–9*[69]**

Хотя Шекспир использует название Котшелл, на самом деле речь идет о невысоких Котсуолдских холмах, занимающих значительную часть территории графства Глостершир. Ревенсперг отделяет от Глостера и соседнего с ним Беркли, где засел Эдмунд Йорк, 175 миль (280 км) по прямой.

Конечно, Нортумберленд упоминает об этом расстоянии, желая польстить спутнику; он хочет сказать, что беседовать с Болингброком было так приятно, что долгий путь показался коротким. Граф чистит перышки, надеясь, что Болингброк

---

[69] Примечания: 69

В оригинале: «А я-то боялся, что дорога от Ревенсперга до Котшелла (в переводе — Котсуольд, хотя в настоящее время принято транслитерировать это название как Котсуолд) окажется скучной и утомительной». — *Е. К.*

станет королем и щедро оплатит его услуги.

«Я молод и незрел…»

Но так думает не только Нортумберленд. Будущий король должен чувствовать себя в долгу и перед сыном и наследником Нортумберленда. Когда этот сын (он же Генри Перси), посланный к замку Беркли, возвращается из разведки, Нортумберленд представляет его Болингброку, и Перси тут же начинает играть роль, отведенную ему Шекспиром. Он заявляет:

> Я предлагаю вам, милорд, услуги
> По мере сил, — я молод и незрел;
> Но, возмужав, с годами я окрепну…

Акт II, сцена 3, строки 41–43

Перед нами предстает неоперившийся подросток, а не закаленный ветеран, без устали сражавшийся уже двадцать лет. Это чрезвычайно пригодится Шекспиру в следующей по времени действия пьесе, которую он напишет два года спустя.

«…Подобный Марсу»

Из доклада Перси следует, что у Эдмунда Йорка нет сил оказывать сопротивление, а потому восставшие могут действовать дерзко. 26 июля 1399 г. армия Болингброка осадила замок Беркли. После высадки в Ревенсперге не прошло и месяца.

Когда на сцене появляется Эдмунд Йорк, ему остается лишь хвастаться своими былыми подвигами и жалеть об ушедшей молодости:

> Будь юн и пылок я, как в день, когда
> Мной и отцом твоим, отважным Гонтом,
> Был вырван Черный принц, подобный Марсу,
> Из многотысячных рядов французов…

Акт II, сцена 3, строки 98–101

Это типичное для англичан времен Шекспира безудержное хвастовство, намекающее на то, что трое-четверо англичан способны справиться с толпой французов. На самом деле нет никаких сведений о том, что Джону Гонту и Эдмунду Йорку приходилось выручать Черного принца из беды.

Болингброк говорит с дядей кротко и заявляет, что прибыл в Англию лишь для того, чтобы вернуть свои доходы и титул. Чужого ему не нужно. Спутники поддерживают его. Тут Йорк признает, что с Болингброком обошлись несправедливо, и быстро теряет всякую охоту к сопротивлению.

Йорк заявляет о своем нейтралитете (или, по крайней мере, пытается сделать это), но Болингброку его слов недостаточно. Он хочет, чтобы последний из оставшихся в живых сыновей Эдуарда III, пользующийся большим уважением, присоединился к восставшим. Он настаивает на том, чтобы Йорк проводил восставших до Бристоля, где засели фавориты, и в конце концов герцогу приходится согласиться.

«Милорд, мы ожидали десять суток…»

А что же Ричард II? Шторм задержал корабли, совершавшие плавания между Англией и Ирландией (даже звезды были против Ричарда), и прошли решающие три недели, прежде чем весть о высадке Болингброка дошла до короля. За эти три недели повстанцы объединили свои силы и отправились на юго-запад.

Новость ошеломила Ричарда. Король убедил себя в том, что никто не причинит ему вреда;

теперь эта иллюзия развеялась. Но дела приняли дурной оборот еще до высадки Болингброка.

Грубые ирландцы не испытывали никакого почтения перед величием короля. Ричард гонялся за Мак-Мэрроу по болотам, но так и не поймал его. Люди устали преследовать призрак, и королю пришлось вернуться в Дублин несолоно хлебавши. В результате Ричард впал в глубокую депрессию; именно в этот момент он получил известие о вторжении Болингброка.

Король послал одного из своих приближенных, Джона Монтекьюта, третьего графа Солсбери (который *не* был наследником Уильяма Длинный Меч, Солсбери из «Короля Иоанна»), в Северный Уэльс, отделенный от Ирландии проливом Святого Георгия, с приказом набрать армию. Сам король рассчитывал вскоре последовать за ним, но не мог заставить себя сдвинуться с места. В момент, когда все решало время, он застрял в Ирландии еще на восемнадцать дней. Скорее всего, король просто боялся смотреть в лицо фактам.

Эта задержка оказалась роковой. Солсбери набрал в Уэльсе сорокатысячную армию, но о Ричарде не было ни слуху ни духу. Когда так остро стоял вопрос о жизни и смерти, а от короля не поступало никаких известий, возникал логичный

вывод, что король умер — либо погиб в битве, либо утонул в море, либо заболел и отдал богу душу. Лишенная всякой логики причина, что Ричард просто тянет время, никому и в голову не приходила.

Поэтому валлийский капитан, который командует набранной Солсбери армией, говорит:

> Милорд, мы ожидали десять суток,
> С трудом удерживая земляков;
> А все от короля вестей не слышно,
> И мы расходимся теперь. Прощайте.

Акт II, сцена 4, строки 1–4

Солсбери просит подождать еще немного, но получает отказ. Валлийский капитан ссылается на плохие предзнаменования и на то, что его солдаты разбегаются. (Англичане, как правило, изображали валлийцев ужасно суеверными.)

«…Царственного ложа…»

Армия Солсбери перестала существовать, а тем временем повстанцы взяли Бристоль. Буши и Грин схвачены, их ведут на казнь. Чтобы придать этому видимость справедливости, Болингброк обвиняет фаворитов в том, что они обманывали

и развращали Ричарда. Среди прочих обвинений звучит и такое:

> Своим порочным времяпровожденьем
> Расторгли брак меж ним и королевой,
> Нарушив царственного ложа мир…

Акт III, сцена 1, строки 11–13

Это прозрачный намек на то, что между королем и фаворитами существовали гомосексуальные отношения. Когда молодой король окружает себя молодыми фаворитами, подобному обвинению легко поверить; иногда оно действительно подтверждается.

Именно так и было с Эдуардом II, отцом Эдуарда III и прадедом Ричарда II. Эдуард был таким же слабым и сумасбродным королем, как и Ричард. У него тоже были фавориты, ненавистные знати. Против него тоже восставали. Однако то, что Эдуард II состоял в гомосексуальной связи со своими фаворитами, не подлежит сомнению. Оскорбленная королева Изабелла («французская волчица») составила заговор, жертвой которого и пал Эдуард.

Всего за три года до написания «Ричарда II» появилась и была поставлена на сцене историческая пьеса «Эдуард II» Кристофера Марло.

Возможно, Шекспир не смог противиться соблазну добавить привкус скандальности пьесе, которой предстояло конкурировать с написанной ранее.

Однако прием был нечестный. «Оскорбленной королеве» в то время было всего десять лет, так что ни о каком «царственном ложе» не могло быть и речи. Следует вспомнить первую жену Ричарда, Анну Богемскую; во всех источниках говорится, что Ричард страстно любил Анну, а она любила его.

«Сразиться с Глендауром…»

Болингброк наблюдает за казнью Буши и Грина и приказывает хорошо обращаться с королевой. Теперь нужно решить, как быть с войском Солсбери (Болингброк еще не знает, что оно разбежалось). Он говорит:

> Идем сразиться, лорды,
> С Глендауром и подручными его.

Акт III, сцена 1, строки 42–43

Кельты Уэльса восемь веков сопротивлялись сначала саксам, а потом норманнам. Последним независимым князем Уэльса был Ллуэлин аб

Груффидд, который правил Северным Уэльсом во времена Эдуарда 1. Эдуард воевал против Ллуэлина, заставил его подчиниться и в 1277 г. присоединил Уэльс к английской короне. (Впоследствии титул принца Уэльского по традиции присваивали старшему сыну английского короля. Первым его носителем стал малолетний сын Эдуарда, печально известный будущий Эдуард II.)

После этого Уэльс долго пытался вернуть себе независимость. Ллуэлин поднял восстание и был убит в 1282 г. Однако на этом дело не кончилось. Валлийцы продолжали ждать избавителя, который прогнал бы англичан из диких холмов Уэльса.

Казалось, что таким избавителем стал Оуэн Глендаур, хваставшийся тем, что он якобы является потомком древних валлийских князей; похоже, этот человек действительно обладал харизматическим влиянием на своих соотечественников.

Скорее всего, именно он и есть тот «валлийский капитан», который разговаривал с Солсбери в предыдущей сцене. Упоминая валлийское войско, набранное Солсбери, Болингброк говорит о войне не столько с Ричардом, сколько с Глендауром. Шекспир сознательно создает впечатление,

что речь идет не о гражданской войне, граничащей с государственной изменой, а о войне патриотической.

«…Елей с помазанного короля»

Наконец в августе 1399 г. Ричард высаживается в Северном Уэльсе близ того места, где его должна была ждать армия Солсбери. Он задержался в Ирландии на десять недель. Эти десять недель стали роковыми. Ричард отбыл из Англии в апогее могущества, став абсолютным монархом, которому никто не смеет противоречить, а по возвращении обнаружил, что у него нет ни армии, ни подданных.

С этого момента на Ричарда обрушивается лавина катастроф и унижений, в результате чего его характер меняется. Отныне он не упрямый молодой король, стремившийся к абсолютной власти и не слушавший ничьих советов, а поэт, воспевавший приближение смерти в самом мелодичном из монологов, написанных Шекспиром. Намеренно лишив Ричарда симпатий публики, драматург так же намеренно возвращает их; в конце спектакля зрители искренне оплакивают человека, который в первой половине пьесы вызывал у них столь же искренний гнев.

Правда, сначала выясняется, что у Ричарда еще сохранились кое-какие иллюзии. Он продолжает считать, что божественная аура еще покажет себя и что первые победы Болингброка объясняются отсутствием в стране короля. Король говорит:

> Все воды моря бурного не смоют
> Елей с помазанного короля…

Акт III, сцена 2, строки 54–55

Елей (balm), использовавшийся при коронации, был символом божественной благодати, которая делает помазанного королем и не может быть отнята людьми; во всяком случае, так считает Ричард.

Однако, когда король осознает масштабы катастрофы, эта уверенность покидает его. Появляется Солсбери и сообщает, что накануне армия разбежалась. Затем приходит известие о падении Бристоля и казни Буши, Грина и Уилтшира. Довершает удар то, что герцог Йорк, последняя надежда Ричарда, тоже перешел на сторону Болингброка.

Если раньше Ричард страдал манией величия, то теперь он впадает в глубочайшую депрессию. Более практичный человек рассчитал бы свои возможности и попытался бы сделать то, что в его

силах: например, бежать за границу, заручиться помощью и вернуться, как сделал Болингброк. Но Ричард этого не делает. Все, на что он способен, — это взять с собой лорда Омерля и нескольких приближенных и найти ненадежное убежище в расположенном неподалеку замке Флинт.

«…О смерти королей»

Ричарда губит отчаяние. Шекспир показывает, что он ждет самого худшего еще до бегства в замок Флинт. Король ожидает не свержения с престола, а смерти и говорит об этом в трогательном монологе:

> Присядем. Пусть расскажут нам преданья
> Печальные о смерти королей.

Акт III, сцена 2, строки 155–156

Его отчаяние вполне объяснимо, но недостойно вождя, который должен вдохновлять своих сторонников, а не наводить на них тоску.

Более того, Ричард не в состоянии объективно оценить ситуацию. Восхваляя смерть, он, однако, любой ценой стремится избежать ее и, чтобы сохранить жизнь, готов перенести любые

унижения. Оказавшись в подобной ситуации, Клеопатра покончила с собой, чтобы лишить Октавия Цезаря его величайшего триумфа. Положение Ричарда лучше положения Клеопатры, потому что он законный английский король. Все признают это, даже Болингброк. Болингброк может получить корону только после очень непростых переговоров с Ричардом.

Если бы Ричард не так рьяно предавался отчаянию, он мог бы одержать верх над Болингброком, просто отказавшись участвовать в переговорах и согласившись принять смерть, которой он якобы так жаждет.

«Болингброк на коленях…»

В отличие от Ричарда Болингброк способен правильно оценить ситуацию. Он узнает, что валлийцы разбежались, а Ричард укрылся в замке Флинт.

Болингброк ведет туда свое войско и окружает замок, но что делать дальше? Если Болингброк хочет стать королем, ему недостаточно нанести Ричарду поражение. Он должен захватить короля, не причинив ему вреда, привезти его в Лондон и начать переговоры, добиваясь, чтобы его восшествие на престол выглядело законным.

Если Ричард предпочтет смерть плену или, когда его привезут в Лондон насильно, он откажется от переговоров, Болингброк сможет объявить себя королем, но большинство англичан не признает законности этого акта. В результате начнутся восстание за восстанием.

Поэтому Болингброк прилагает такие усилия, чтобы развеять страхи и подозрения Ричарда. Он пытается убедить его, что вернулся исключительно за своим имуществом и не стремится занять более высокое положение. Болингброк посылает Нортумберленда к стенам замка Флинт и просит его сообщить королю следующее:

> …возвестите:
> Я, Генри Болингброк,
> От сердца королю целую руку
> И верность предлагаю на коленях
> Его величеству, сюда явившись
> К его стопам повергнуть меч и власть,
> С условьем, чтоб изгнанье отменил он
> И возвратил сполна мои владенья…

Акт III, сцена 3, строки 33–40

Нортумберленд доставляет послание, а униженный Ричард удовлетворяет просьбу Болингброка. Вердикт о ссылке отменен, земли и титул покой-

ного Джона Гонта возвращены его сыну; отныне Болингброк становится Генри Ланкастером.

Конечно, Ричард знает, как на его месте поступил бы сильный король (если бы сильный король вообще мог оказаться в положении Ричарда). Когда Нортумберленд уходит, Ричард говорит Омерлю:

> Вернув Нортемберленда, не послать ли
> Изменнику наш вызов и погибнуть?
>
> ***Акт III, сцена 3, строки 128–129***

Омерль отговаривает Ричарда и советует ему выиграть время. Но этот совет бесполезен.

Однако король его принимает. Но если он не в силах рискнуть, предпочтя смерть унижению, то соблазн пожалеть себя слишком велик. Ричард говорит, что отдал бы королевство:

> За маленькую бедную могилку,
> Безвестную могилку. Или пусть
> Меня зароют на дороге людной,
> Где все снуют; и подданных стопы
> Пусть попирают голову монарха:
> Ведь сердце мне они живому топчут…
>
> ***Акт III, сцена 3, строки 152–157***

В трогательном монологе короля, который всю жизнь был никем, а потом на какое-то время получил абсолютную власть, нет ничего героического. Однако его слова заставляют плакать не только Омерля, но и большинство публики.

Но если Ричард мечтает только о могиле, то почему бы ему не принять смерть и не посрамить таким образом соперника?

«...Фаэтон блестящий»

Болингброк не уверен, что король не окажет сопротивление и не предпочтет погибнуть в бою. Пока Ричард скрывается за стенами замка, Болингброку не видать покоя. Он должен захватить Ричарда живым и невредимым, но окружив его стражей. Если Болингброк хочет стать королем не только де-юре, но и де-факто, Ричарда нужно доставить в Лондон так, чтобы и волосинки не упало с его головы.

Нортумберленд возвращается с новым требованием. Не сможет ли Ричард спуститься во двор крепости и поговорить с Болингброком с глазу на глаз?

Просьба кажется простой и разумной, но на самом деле это требование безоговорочной капитуляции. Ричард делает свой последний

свободный выбор. Он принимает решение сойти со стены и говорит:

> Вниз, вниз спускаюсь, Фаэтон *блестящий,*
> Не обуздав своих строптивых кляч.

Акт III, сцена 3, строки 177–178[70]

Метафора идеальная! Герой греческих мифов Фаэтон был сыном бога солнца Гелиоса. Осмеянный друзьями, которые не верили в его божественное происхождение, Фаэтон, сыграв на отеческой любви Гелиоса, получает разрешение целый день править золотой колесницей солнца, в которую впряжены божественные кони.

Однако жеребцы, не почувствовав знакомой твердой руки Гелиоса, начинают беситься. Солнце сходит со своей орбиты, приближается к земле, выжигает широкую полосу поперек Африки и превращает ее обитателей в негров. (Так греческие мифотворцы объясняли существование пустыни Сахары и черную кожу африканцев.) В конце концов Юпитер, спасая Землю от уничтожения, метнул в Фаэтона молнию, и мертвый юноша рухнул вниз.

---

[70] Примечания: 70
В оригинале: «*пылающий* Фаэтон». — *Е. К.*

То же самое произошло и с Ричардом. Он был сыном Черного принца и внуком Эдуарда III, которые были сильными личностями и не давали воли английской аристократии. Однако Ричард, получив возможность править золотой колесницей (то есть получив английскую корону), в конце концов не удержал «строптивых кляч» (то есть лордов): Болингброк метнул в короля молнию, и тот покатился вниз, как «пылающий» Фаэтон.

Ричард понимает, что его согласие спуститься означает капитуляцию, и знает, что последует вслед за этим. Он говорит:

> Как должно делать, уступая силе.
> Кузен, вы в Лондон держите свой путь?

Акт III, сцена 3, строки 205–206

«…А на другой — великий Болингброк»

В Лондоне Ричард должен предстать перед судом парламента; сомнений в том, чем кончится этот суд, нет.

Королева, которая находится под домашним арестом во дворце Эдмунда Йорка, слышит разговор садовников, обсуждающих эту тему; они не сомневаются, что Ричард обречен. Она сурово

отчитывает их, уверенная, что это невозможно:

Ты, садовод, подобие Адама,
Как грубым языком посмел ты зло вещать?

Акт III, сцена 4, строки 73— 74

Конечно, садовник — коллега Адама по профессии, поскольку «…и взял Господь Бог человека и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт., 2: 15).

Садовник терпеливо объясняет королеве, что происходит в большой политике:

Во власти Болингброка наш король,
И взвешены их жребии: на чаше
Супруга вашего — лишь он один
Да несколько тщеславцев легковесных;
А на другой — великий Болингброк
И вместе с ним все английские пэры,
С чьей помощью того он перевесил.

Акт III, сцена 4, строки 83–89

Королеве остается только спешить в Лондон; может быть, ей еще удастся увидеть короля.

«…В Кале?»

Сессия парламента началась 13 сентября 1399 г. (за четыре дня до годовщины несостоявшейся дуэли между Болингброком и Моубреем). Она была созвана от имени Ричарда II, который все еще считался законным королем и требовал соответствующего обращения.

Сначала суд рассмотрел ужасное событие, с которого началось падение Ричарда: убийство Томаса Вудстокского, герцога Глостера.

Допрашивают Бегота, последнего из выводка фаворитов короля, и тот сваливает всю вину на Омерля. Он говорит:

> Сказали вы: «Ужель моей руке
> Из мирного дворца не дотянуться
> До дядюшкиной головы в Кале?»

Акт IV, сцена 1, строки 11–13

Бегот обвиняет Омерля в том, что именно он послал в Кале гонцов с приказом, повелевавшим Моубрею убить Томаса Глостера.

Кале, взятый Эдуардом III в 1347 г., оставался в руках англичан все время ведения Столетней войны и служил военным лагерем, поскольку

его было легко снабжать через узкий морской пролив. Оттуда при желании англичане могли совершать набеги на Францию.

После окончания Столетней войны Франция почти полностью очистила свою территорию от англичан, за исключением Кале. Англия цепко держалась за этот жалкий клочок ее былых французских владений.

Англия потеряла Кале лишь в 1558 г., когда королева Мария I втянула Англию в войну, которую вел ее муж, король Филипп II Испанский. Унижение от потери последнего английского владения во Франции было так велико, что королева Мария мрачно сказала: «Когда я умру, все увидят, что на моем сердце написано «Кале».

«Изгнанник Норфольк...»

Затем следует сцена обмена обвинениями и контробвинениями. Омерль отрицает, что отдавал приказ убить Глостера. Одни обвиняют его, другие защищают. Практичный Болингброк предлагает вызвать на суд Томаса Моубрея, герцога Норфолкского, который был тюремщиком Глостера. Сам Болингброк был готов сразиться с ним из-за этого еще год назад.

Епископ Карлайлский — один из немногих,

кто имеет смелость публично поддержать Ричарда, — заявляет, что вызывать Моубрея слишком поздно:

> Изгнанник Норфольк много раз сражался
> В рядах преславных воинов Христа,
> И знаменье креста он поднимал
> На турок, сарацин и чернокожих;
> И, утомлен войною, удалился
> В Италию; в Венеции он предал
> Земле страны чудесной этой тело…

Акт IV, сцена 1, строки 92–98

После изгнания Моубрей совершил паломничество в Святую землю. Однако изображать его новым Ричардом Львиное Сердце, который действительно сражался с сарацинами, нет никаких оснований. Крестовые походы закончились сто с лишним лет назад, и никаких христианских воинств в Святой земле тогда уже не было (и не будет еще пятьсот с лишним лет).

После паломничества Моубрей уехал в Венецию и умер там 22 сентября 1399 г., через девять дней после созыва парламента. Его пожизненная ссылка длилась всего год; после этого из всех «лордов-апеллянтов» в живых остался только

Болингброк.

«…На лоне Авраама!»

Конечно, самый ценный свидетель — это свидетель мертвый. Болингброк, который приложил немало усилий, чтобы обесчестить и даже убить живого Моубрея, теперь может устроить впечатляющее зрелище. Он говорит о своем мертвом враге:

> Блаженный мир его душе блаженной
> На лоне Авраама!

Акт IV, сцена 1, строки 103–104

Выражение «на лоне Авраама» возникло из обычая древних греков есть правой рукой, полулежа и опираясь на левый локоть. Почетный гость обычно садился справа от хозяина; когда он наклонялся влево, его голова почти касалась груди хозяина, то есть «покоилась на его лоне». Таким образом, выражение «покоиться на лоне хозяина» означало «сидеть на почетном месте».

В Евангелии от святого Луки изложена притча о богаче и нищем Лазаре. После смерти обоих богач попал в ад, а нищий — в рай. Используя греческий идиом, Лука (который, судя по всему,

был не иудеем, а греком) пишет: «Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово» (Лк., 16: 22).

Это значит, что на небесах нищий Лазарь стал почетным гостем, поскольку на райских пирах он сидит по правую руку от самого Авраама.

В культурах, где не принято есть полулежа, истинный смысл выражения «лоно Авраама» был утерян, и оно стало синонимом понятия «небо», которым остается по сей день.

«…Из Генрихов четвертый!»

Обсуждение убийства Томаса Глостера (которое в действительности продолжалось несколько дней) принесло свои плоды. На самом деле Болингброк не был заинтересован в поисках виновного, суде над ним и вынесении смертного приговора Омерлю (его двоюродному брату и единственному сыну последнего оставшегося в живых сына Эдуарда III). Ему было достаточно взбаламутить воду, чтобы как следует запятнать Ричарда, вызвав серьезное подозрение в том, что король причастен к этому кровавому преступлению. Чтобы свергнуть Ричарда с престола, его нужно было предварительно очернить.

Видимо, так же думал и сам Ричард. Чувство

вины и невыносимое давление со стороны тех, кто посадил его в тюрьму, заставляют короля в конце концов отречься от престола и назначить своим преемником Болингброка.

Эдмунд Йорк, который приносит эту новость, советует Болингброку:

> Взойди на трон, с которого сошел он.
> Да здравствует из Генрихов четвертый!

Акт IV, сцена 1, строки 111–112

Болингброк с радостью принимает корону; отныне он именуется Генрихом IV. Однако до конца пьесы его реплики по-прежнему будут принадлежать Болингброку.

«Кровь английская…»

Однако это известие радует не всех. Епископ Карлайлский достаточно мужествен и не собирается молчать. Он дерзко называет парламентскую процедуру передачи власти незаконной. Короля судили в его отсутствие, хотя любой преступник имеет право присутствовать на собственном суде.

До сих пор все соответствовало исторической правде, но Шекспир вкладывает в уста епископа

Карлайлского грозное пророчество. Тот говорит:

> Лорд Херфорд, — королем он назван вами, —
> Изменник пред законным королем;
> Коль коронуете его вы, знайте:
> Кровь английская землю утучнит;
> От дела подлого века застонут…

Акт IV, сцена 1, строки 11–13

Конечно, он оказался прав. Пророчества, данные задним числом, всегда сбываются.

Свержение Ричарда, несмотря на отчаянные попытки Болингброка не нарушать закон, нанесло сильнейший удар по строгому порядку престолонаследия. Как только Болингброк стал королем по указу Парламента, а не по воле Господа (по праву рождения), даже самый недалекий из лордов понял, что теперь королем может стать кто угодно. Начался век всеобщей борьбы за трон, овладеть которым ничего не стоило, и английская кровь *действительно* оросила английскую землю.

«Милорд Вестминстер…»

Епископа Карлайла арестовывают за дерзкое поведение. Нортумберленд говорит:

И за измену мы вас здесь задержим.
Возьмите на себя, милорд Вестминстер,
Его стеречь надежно до суда.

Акт IV, сцена 1, строки 151–153

Милорд Вестминстер — это настоятель Вестминстерского аббатства, самого знаменитого из культовых сооружений Англии. Оно расположено неподалеку от здания парламента; там коронуют английских монархов. Многие монархи похоронены в этом соборе, как и самые знаменитые их подданные.

«…Будем вне подозрений»

Но речь епископа Карлайлского тревожит совесть Болингброка. Он знает, что решение парламента слишком ненадежно, чтобы возводить на нем королевскую власть; впоследствии эти люди всегда смогут заявить, что их заставили участвовать в этом хитростью.

Одного заявления Ричарда о том, что он согласен передать корону преемнику, недостаточно. Он должен лично выступить перед парламентом, сделать это во всеуслышание и при свидетелях подписать акт о своем отречении. Болингброк говорит:

Введите Ричарда, чтоб он при всех
Отрекся от престола: так мы будем
Вне подозрений.

Акт IV, сцена 1, строки 155–157

Ричард приходит и смиренно делает все, о чем его просят. В прекрасных строках описано, как он берет корону и передает ее Болингброку. В конце концов Ричард узнает правду о самом себе. Он больше не мечтает о королевской ауре, не представляет себе, что на свете существует некий несмываемый елей. Более того, он говорит:

Слезами сам смываю свой елей…

Акт IV, сцена 1, строка 206

«Иуда предал Христа…»

Сдался ли Ричард или, лишившись всего, сумел преодолеть свою слабость? Ясно, что он отрекся под нажимом, так что его клятвы можно объявить недействительными. Но ему не хватает сторонников. Скольких из тех, кто сейчас стоит и наблюдает за тем, как короля лишают короны, можно привлечь на свою сторону — под давлением жалости или страха или того и другого

вместе?

Может быть, кто-то переживает, видя, как обращаются с законным королем? Если Ричард — король милостью Божьей, разве не святотатство нарушать порядок, установленный Господом?

Передавая корону, Ричард пытается вызвать у парламентариев страх. Он вспоминает другой суд, состоявшийся почти четырнадцать веков назад. Эти люди когда-то льстили королю и расточали ему похвалы. Ричард говорит:

> Приветствия кричали мне. Христа
> Среди двенадцати один лишь предал,
> А мне — двенадцать тысяч изменили.

Акт IV, сцена 1, строки 169–171

Ричард вспоминает эпизод из Библии, когда Иуда предал Иисуса властям, все еще притворяясь преданным учеником: «И тотчас подошел[71] к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал его» (Мф., 26: 49). Этим «иудиным поцелуем» он указал того, кого следует арестовать. Ричард намекает на такую же измену по отношению к нему; только в данном случае его предал не один, а множество людей.

---

[71] Примечания: 71
Иуда. — *Авт.*

Ричард пытается вселить страх в сердца тех, кто следит за происходящим и оправдывает себя тем, что не принимает участия в активных действиях, а потому ни в чем не виноват. Ричард говорит:

> Хоть многие из жалости притворной
> И умывают руки, как Пилат, —
> На крест вы предали меня, Пилаты,
> И вашего греха не смыть воде.

Акт IV, сцена 1, строки 238–241

Понтий Пилат, римский прокуратор Иудеи, вынужденный осудить Иисуса, сожалел о своем решении (согласно Матфею) и пытался снять с себя ответственность: «Пилат… взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего» (Мф., 27: 24). Но это Пилату не помогло: он вошел в историю с дурной славой.

«…С престола свергнуты законно»

Болингброк не слепой и прекрасно видит опасность. У народа не должно сложиться впечатления, что честолюбивый Болингброк насильно заставил Ричарда отречься от престола. Людям должно быть ясно, что Ричард утратил права на

корону, а он, Болингброк, стал королем лишь потому, что стоит ближе всех к трону и просто обязан занять пустующее место. Но почему Ричард утратил права на корону? Не потому ли, что совершил целый ряд преступлений, которые сделали его недостойным имени помазанника Божьего?

Чтобы доказать это, Ричард должен публично признаться в совершении всех преступлений.

Поэтому, когда Ричард передает корону и спрашивает, что еще ему надлежит сделать, Нортумберленд говорит:

> Лишь одно: прочесть
> Вот эти обвиненья в злодеяньях,
> Свершенных вами с вашими друзьями
> В ущерб стране и против государства.
> Сознавшись в них, вы убедите всех,
> Что вы с престола свергнуты законно.

Акт IV, сцена 1, строки 221–226

И тут Ричард наконец дает себе волю. Все сделанное до сих пор можно оспорить. Но если он сознается в преступлениях, перечисленных в документе, обратной дороги уже не будет.

Пока Ричард ищет выход из положения, Нортумберленд не отстает от него, вновь подсовывая

ему документ, и наконец нетерпеливо обращается к нему: «Милорд…»

Для короля (точнее, бывшего короля) мучительно сознавать, что отныне он всего лишь лорд; поэтому он выкрикивает фразу, которая со времени премьеры пьесы навеки ассоциируется с образом исторического Нортумберленда:

Не государь я для тебя, наглец…

Акт IV, сцена 1, строка 253

Тут не выдерживает даже Болингброк и приказывает Нортумберленду остановиться, на что граф отвечает прямо:

Палата общин будет недовольна.

Акт IV, сцена 1, строка 271

И все же последнее слово остается за Ричардом. От полной катастрофы его спасла одна мелочь: он отказался признаться в преступлениях; таким образом, новый титул Болингброка не безупречен. В конце пьесы становится ясно, что хотя самому Ричарду это ничего не дало, но правление Болингброка превратилось в бесконечную череду гражданских войн; знай об этом сам Ричард, он бы подумал, что это лучше, чем ничто.

Как бы там ни было, но больше ждать Болингброк не может. В конце концов, сессия парламента, созванная для совершенно законной передачи власти, тянется уже две с половиной недели; этого вполне достаточно.

«…В Тауэр»

Болингброк заканчивает слушания и приказывает увести Ричарда. Он говорит:

Пусть кто-нибудь его проводит в Тауэр.

Акт IV, сцена 1, строка 316

Лондонский Тауэр был королевской резиденцией (и оставался ею во времена Шекспира). В нем находилось множество государственных учреждений, в том числе монетный двор, архивы и одно время даже королевская трапезная. Кроме того, Тауэр являлся тюрьмой для высокопоставленных лиц. В этом нет ничего удивительного, потому что тюрем в современном смысле слова в средневековой Англии не было, а немногие места, где держали людей, которых могли попытаться освободить силой, находились внутри замков и крепостей.

«Коронованье наше…»

Когда Ричард уходит, Болингброк говорит:

> Коронованье наше в эту среду
> Мы назначаем.

Акт IV, сцена 1, строки 318–319

Низложение Ричарда II датируется 30 сентября 1399 г. Ричард царствовал двадцать два года, но почти все это время не обладал властью. Его свергли через два года и девять дней после сентябрьской смерти Томаса Глостера и через один год и двенадцать дней после сентябрьской несостоявшейся дуэли между Болингброком и Моубреем.

«…Радостный день»

Ричард не ошибся в расчетах. Заговор против нового короля начинает формироваться почти сразу же — во всяком случае, в течение первых недель его правления. Шекспир, всегда стремившийся усилить драматизм, показывает, что это происходит уже во время коронации.

Тем не менее Омерль, например, остается вер-

ным королю. Он, епископ Карлайлский и другие готовы на все, лишь бы вернуть корону Ричарду. Тут они солидарны с настоятелем Вестминстерского аббатства.

Аббат осторожно говорит:

> Идемте ужинать ко мне; я там
> План изложу, что *радость*, даст всем нам.

Акт IV, сцена 1, строки 333–334[72]

«Тауэр, на беду воздвигнутый Юлием Цезарем»

Королева прибывает в Лондон и, убитая горем, надеется увидеть Ричарда по пути к месту заключения. Она говорит:

> Вот здесь пройдет король дорогой к башне, —
> Ее воздвиг на горе Юлий Цезарь…

Акт V, сцена 1, строки 1–2

Лондонский Тауэр, самое знаменитое из некультовых сооружений Англии, вопреки легенде не

---

[72] Примечания: 72
В оригинале: «радостный день». — *Е. К.*

был построен Юлием Цезарем. Два похода Цезаря в Англию, совершенные в 55 и 54 гг. до н. э., были всего лишь набегами, так что он не оставил после себя ничего, кроме воспоминаний.

Однако Юлий Цезарь был одним из самых знаменитых людей в истории, и Англия гордилась своей связью с его именем, хотя в результате этой встречи остались только воспоминания о тяжелом поражении.

Самые древние части Тауэра были построены после другого, намного более важного вторжения. Когда Вильгельм, герцог Нормандский, захватил Британию в 1066 г. и стал Вильгельмом Завоевателем, он тут же начал строить форт на окраине Лондона, где можно было бы разместить норманнский гарнизон на случай восстаний горожан. Со временем этот форт превратился в Тауэр.

Хотя королева утверждает, что Юлий Цезарь построил эту крепость «на горе», то есть с дурной целью, во времена Ричарда II Тауэр еще не имел той мрачной репутации, которой он пользовался во времена Шекспира; в этом смысле реплика является анахронизмом. Короли и королевы начали умирать в Тауэре лишь через сто лет.

«Отправитесь вы в Помфрет...»

Но даже Тауэр — слишком ненадежное место для заключения Ричарда; он чересчур близок к центру событий. Болингброк — слишком большой реалист, чтобы не ожидать заговоров, поэтому Ричарда нужно удалить, увезти подальше, чтобы люди о нем забыли. Прочувствованную встречу и прощание Ричарда и королевы, увидевшихся по пути в Тауэр, прерывает злой гений короля Нортумберленд.

Этот грубиян говорит:

> Милорд, король решенье изменил:
> Отправитесь вы в Помфрет, а не в Тауэр.

Акт V, сцена 1, строки 51–52

В Помфрете, или Понтефракте, был замок, почти столь же древний, как и лондонский Тауэр, потому что норманнский рыцарь по имени Ильберт де Ласи начал его строительство в 1069 г., через три года после завоевания. (В то время норманны строили свои грозные замки по всей Англии с целью контроля захваченной территории; с их точки зрения, такая тактика прекрасно

себя оправдывала.)

Разгневанный Ричард предрекает, что Нортумберленд и Болингброк, сейчас объединившиеся против него, рано или поздно перегрызутся:

> …будешь недоволен,
> Хотя б он дал тебе полкоролевства,
> Затем что ты помог взять все;
> А он подумает, что ты, умея
> Сажать на трон монархов незаконных,
> С захваченного трона и его
> Сумеешь свергнуть по причине вздорной.

Акт V, сцена 1, строки 59–65

Конечно, так и случится; опытный наблюдатель сказал бы, что это неизбежно. Можно предположить, что Ричард надеется, что их ссора не заставит себя ждать, и тогда он сможет вернуть себе трон.

История свидетельствует, что Ричарда отправили в Помфрет далеко не сразу после его отречения. Он оставался в Тауэре еще почти месяц и отбыл в Помфрет лишь 28 октября 1399 г.

Что же касается королевы Изабеллы, то она прожила в Англии еще два года и вернулась во Францию в 1401 г. В Англии она провела пять лет,

и ей было всего двенадцать, когда она вернулась во Францию. Она была также дочерью французского короля, а потому снова вышла замуж — на этот раз за Шарля (Карла) Орлеанского, графа Ангулемского — и умерла в 1409 г. в возрасте двадцати лет.

«...И Ретлендом его должны вы звать»

Действие перемещается во дворец Эдмунда Йорка, заболевшего с горя, после того как Ричард и Болингброк уехали в Лондон, где первого ждет бесчестье, а второго — триумф.

Здесь допущен анахронизм. Герцогиня Йоркская, Изабелла Кастильская, умерла в 1393 г., за шесть лет до отречения Ричарда; тем не менее она присутствует в последнем акте; судя по всему, этот образ плод чистой фантазии Шекспира.

Входит Омерль, и мать называет его по имени. Но Йорк мрачно говорит:

> Он был Омерлем:
> Но, с Ричардом дружа, лишился сана,
> И Ретлендом его должны вы звать.
> В парламенте за преданность его

Монарху новому я поручился.

Акт V, сцена 2, строки 41–45

Омерль стал герцогом после смерти Глостера. Теперь этот титул у него отняли; он снова стал Ретлендом, всего лишь графом. Однако его реплики в последнем акте по-прежнему принадлежат Омерлю.

Лишение Омерля титула было минимальным наказанием; оно было бы более суровым, если бы Болингброк не решил, что у него и так хватает противников, а потому новые враги в переходный период ему не нужны.

Но в случае повторного проступка Омерль так легко не отделался бы. Йорк быстро узнает, что Омерль-Ретленд принял участие в заговоре настоятеля Вестминстерского аббатства, замышляющего убийство нового короля. (На самом деле заговор был раскрыт лишь в январе 1400 г., через три месяца после свержения Ричарда.)

Эдмунд Йорк понимает серьезность ситуации: он поручился за лояльность сына и будет виноват не меньше, чем он. Йорк собирается ехать к Болингброку, чтобы предупредить племянника и выгородить себя. Пришедшая в отчаяние герцогиня, заботящаяся только о сыне, а не о заговоре,

велит Ретленду как можно скорее отправиться к Болингброку, признаться в участии в заговоре и получить прощение прежде, чем ему предъявят обвинение. Отец и сын наперегонки скачут в Лондон, а герцогиня следует за ними.

«…Мой сын беспутный?»

Тем временем во дворце готовятся к пышному рыцарскому турниру, который намечено провести в Оксфорде в честь нового короля. (Именно на этом празднике заговорщики собирались похитить и убить Болингброка.) Но кое-что беспокоит короля больше, чем заговоры. Он спрашивает:

> Не знаете ли, где мой сын беспутный?
> Три месяца я не видал его,
> Он истинная кара для меня.
>
> ***Акт V, сцена 3, строки 1–3***

Болингброк с горечью говорит, что его сын — завсегдатай кабаков, попал в дурную компанию и якшается со всяким сбродом.

Сын Болингброка, который также носит имя Генри, родился в замке Монмут (на границе с юго-восточным Уэльсом) 16 сентября 1387 г. Его матерью была Мария де Бун; следовательно,

Элеонора де Бун, герцогиня Глостерская, приходится ему теткой и двоюродной бабушкой одновременно.

Когда в 1398 г. Болингброка выслали из страны, юный Генри Монмут остался в Англии на попечении Ричарда. Судя по всему, Ричард относился к нему хорошо. Во время неудачной экспедиции в Ирландию он даже возвел мальчика в рыцари.

В октябре 1399 г., всего через несколько недель после коронации Болингброка, юный Генри стал принцем Уэльским. Болингброк стремился к тому, чтобы корона досталась не только ему самому, но и перешла к его потомкам; присваивая мальчику титул принца Уэльского, он делал сына наследником престола.

В январе 1400 г. принцу Уэльскому было всего двенадцать лет. Едва ли в таком возрасте можно было стать завсегдатаем кабаков, а также атаманом всех воров и разбойников.

Здесь Шекспир подчеркнуто ироничен, и эту иронию мог по достоинству оценить каждый зритель того времени. Все знали, что Генри Монмутскому (или просто Монмуту) предстояло стать Генрихом V, величайшим английским героем, рыцарем на троне, автором самых громких побед и идеальным монархом английской истории. Но

Болингброка искренне волнует будущая судьба непутевого сына.

Видимо, Генри Монмут в бытность принцем Уэльским изрядно повеселился (а почему бы и нет?), однако позднейшая легенда сильно преувеличила подвиги юного повесы, чтобы подчеркнуть внезапность превращения принца-гуляки в короля-рыцаря. Шекспир использовал эту легенду в полном объеме и написал о принце Гарри (впоследствии Генрихе V) еще три пьесы этого цикла.

Сейчас драматург готовит для этого почву, делая принца старше его возраста. Тот же прием Шекспир применил в одной из предыдущих сцен, значительно омолодив Генри Перси. Если два этих героя станут ровесниками, может возникнуть весьма драматичный контраст.

«…В публичный дом»

Забавно, что именно Генри Перси сообщает королю, что он видел принца и передал ему приглашение на турнир в Оксфорде.

Когда Болингброк спрашивает, что ответил принц, Перси говорит:

Ответил, что пойдет в публичный дом,

Перчатку вырвет у продажной твари
И, этим знаком милости украсясь,
Сильнейшего он выбьет из седла.

Акт V, сцена 3, строки 16–18

Вряд ли можно красноречивее выразить свое презрение к культу куртуазной любви. Там, где рыцари будут сражаться во имя воображаемых прекрасных дам, принц собирается выступить под знаменем проститутки.

Можно только гадать, почему молодой принц так относится к празднику в честь коронации собственного отца — коронации, которая в конечном счете сделает королем и его самого.

Здесь обнаруживается вражда между королем и принцем, которая станет темой еще двух пьес. Возможно, недружелюбные отношения между человеком, занимающим высокое положение в обществе, и его будущим наследником вполне естественны. В конце концов, наследник может занять место отца только после его смерти; любого короля должно волновать, о чем думает его наследник, не прислушивается ли принц к каждому его чиху. Английская история показывает, что короли и принцы Уэльские почти всегда были врагами.

Но может быть, отношения Генри Болингброка и Генри Монмута определяло не только соперничество за трон?

Может быть, молодой принц искренне любил Ричарда, который обладал несомненным обаянием и хорошо относился к мальчику? Может быть, принц был огорчен свержением Ричарда и его заключением в тюрьму? Болингброк говорит, что он не видел сына три месяца. Возможно, это чистый вымысел Шекспира и перед нами простое совпадение, но именно три месяца прошло после свержения Ричарда.

Кажется, принц так и не сумел оправиться от того, каким способом его отец получил корону, и не научился ценить собственный титул, поскольку считал, что получил его нечестным путем. Ничто не указывает на это, за исключением одного важного монолога в конце третьей пьесы, но все же такая трактовка возможна.

В эпизоде с публичным домом Шекспир впервые обозначает контраст между молодым повесой и Генри Перси, который будет в полной мере использован в следующей пьесе.

Юный воин Генри Перси галантно и дружелюбно обращается к Генри Уэльскому и получает грубый и даже издевательский ответ. Но в конце

концов все встанет на свои места.

«О заговор безумный!»

Вбегает запыхавшийся Омерль-Ретленд, торопливо признается в заговоре и просит прощения за то, что было задумано, но еще не осуществилось. Следом входит Эдмунд Йорк и яростно требует казнить своего сына-изменника. Последней появляется герцогиня и умоляет сохранить жизнь тому же самому сыну. Все трое окружают Болингброка.

Современному человеку поведение Эдмунда Йорка, обрекающего на смерть своего единственного сына и наследника, кажется чудовищным. Тем более что это делает слабый человек, сам предавший короля.

Однако по средневековому кодексу чести преданность суверену считалась высшей доблестью мирянина и была идентична современной любви к родине. Я предлагаю сравнивать этот эпизод с эпизодом из современной пьесы, в которой отец обвиняет сына и приносит его в жертву закону, когда этот сын готов предать Соединенные Штаты в военное время.

В конце концов Омерля прощают вторично, но сам факт заговора выбивает Болингброка из

колеи. Он взрывается:

О заговор безумный, гнусный, дерзкий!

Акт V, сцена 3, строка 58

Что делать? Целью заговора является возвращение Ричарда на трон. Хотя Ричард находится в замке Помфрет, он продолжает привлекать к себе внимание и способен наделать немало бед, несмотря на то что сам в заговоре не участвует.

Ричарду следовало бы умереть, но как это сделать? Конечно, убить Ричарда без лишнего шума ничего не стоит, но, если это случится, Болингброк окажется в положении Ричарда, приказавшего убить Томаса Глостера, и короля Иоанна, приказавшего убить Артура Бретонского. Так что же делать?

«Иль друга нет…»

Существует версия, согласно которой Болингброк прибег к способу, который не раз использовался в истории. Подозревают, что в подходящий момент он задумчиво произнес фразу, которую могли подслушать догадливые люди. Когда эти люди сделают свое дело, от них можно будет отказаться.

Согласно Холиншеду, эту реплику Болингброк уронил за столом, и Шекспир следует Холиншеду. Ее услышал некий сэр Пирс Экстон (который ранее в пьесе не участвовал). Сразу после сцены с Ретлендом и его родителями Экстон выходит на сцену и говорит приятелю:

> Ты не заметил, что сказал король:
> «Иль друга нет, который бы избавил
> Меня от этого живого страха?»
>
> ***Акт V, сцена 4, строки 1–2***

Экстон уверен, что Болингброк говорит о Ричарде II и что друг, который избавит его от бывшего короля, будет щедро вознагражден за этот подвиг. Поэтому он торопится в Помфрет с бандой наемных убийц.

Однако доказательств нет. Есть только одна неуверенная фраза Холиншеда: «Некий писатель, который, кажется, хорошо знал события времен царствования короля Эдуарда, говорил, что…»

Реплика Болингброка «Иль друга нет, который бы избавил меня от этого живого страха?» могла быть заимствована из широко известной легенды о короле Генрихе II. В 1170 г. он произнес эту фразу, имея в виду своего злейшего врага, Томаса Бекета, архиепископа Кентерберийского, кото-

рый затем был убит в собственном соборе сразу четырьмя королевскими рыцарями.

«Сперва ты должен…»

Подлинные обстоятельства смерти Ричарда покрыты мраком. Конечно, его могли убить по приказу Болингброка, однако вполне вероятно, что он умер от истощения. Либо его уморили нарочно (при этом не остается следов насильственной смерти, которые мог бы заметить чей-нибудь дотошный глаз, а крайнюю худобу можно объяснить диареей), либо он уморил себя сам — то ли не желая до конца жизни сидеть в тюрьме, то ли боясь, что его отравят.

Сцена в замке Помфрет, в которой Ричард появляется на сцене в последний раз, содержит намек на последнее. Когда тюремщик приносит Ричарду еду, тот говорит:

> Сперва ты должен, как всегда, отведать.
>
> ***Акт V, сцена 5, строка 99***

Но еда остается нетронутой. Согласно версии Шекспира, в этот момент в камеру врываются Экстон и его подручные и убивают Ричарда. Это

произошло в начале февраля 1400 г., через четыре месяца после низложения Ричарда.

«Город Сайстер…»

Тем временем заговорщики, обнаружив отсутствие Омерля, подозревают, что их предали. Они отказываются от попытки похитить Болингброка, приходят в отчаяние (поскольку им грозит смертная казнь за одно намерение посягнуть на особу короля), собирают своих людей и готовятся оказать сопротивление.

Они бегут на запад, где всего лишь полгода назад пытались удержаться люди, преданные Ричарду. После этого начинается сражение.

В пьесе все это не описано, но сразу после смерти Ричарда действие перемещается в замок Виндзор, где Болингброк рассказывает о ходе битвы. Он говорит:

> Гласит последнее известье, дядя,
> Про город Сайстер в Глостершире: он
> В огне мятежниками истреблен!

Акт V, сцена 6, строки 1–3

Сайстер — искаженное Сайренстер, город в 20 милях (32 км) к востоку от Беркли, где когда-то

Эдмунд Йорк пытался оказать сопротивление Болингброку.

Вскоре прибывает Нортумберленд с известием, что мятежники разбиты, а их предводителей казнили. В числе последних граф Солсбери, который прошлым летом пытался собрать для Ричарда валлийское войско. Настоятель Вестминстерского аббатства тоже убит, но епископ Карлайлский всего-навсего отправлен в тюрьму (где вскоре и умер).

«...Путешествие в Святую землю»

Теперь, когда с последними вооруженными сторонниками Ричарда покончено, остается только сам Ричард. Но и его роль тоже подошла к концу, потому что Экстон привозит гроб с останками бывшего короля. (Тело должны видеть все, иначе наверняка появятся самозванцы, за которыми последует множество обманутых людей, сохранивших верность королю. Это случалось в истории много раз — как до, так и после Ричарда II.)

Это триумф Болингброка и полное поражение Ричарда, но осталось закончить еще одно дело. Никто не должен знать, что Болингброк желал этой смерти, иначе Ричард победит, даже лежа

в гробу.

Поэтому король проклинает Экстона, а когда убийца возражает, что он выполнил просьбу самого Болингброка, тот говорит:

> Кому яд нужен, яд тому не мил.
> Люблю убитого, хоть смерти сам
> Ему желал…

Акт V, сцена 6, строки 38–39

Эту формулу в духе Макиавелли могут понять только придворные, поднаторевшие в государственных делах, но для простых смертных Убийство короля (даже бывшего) — ужасное преступление.

Виновен Болингброк или нет, но он должен покаяться. Он должен притвориться, что охвачен скорбью, приличествующей тому, кто действительно любил бывшего короля. Ричарда нужно похоронить с высшими почестями. Мало того, Болингброк дает обет:

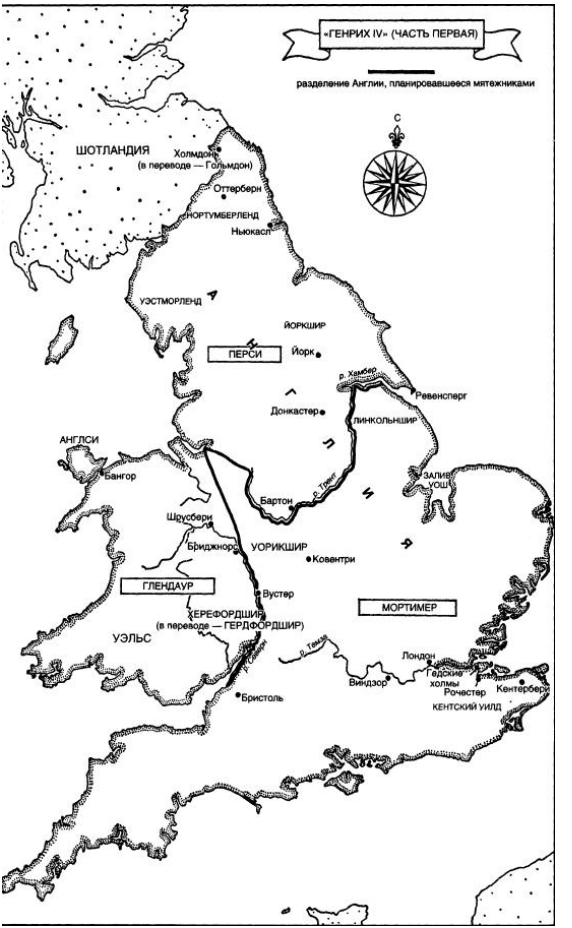
> В Святую землю я намерен плыть,
> Чтоб эту кровь с греховных рук омыть…

Акт V, сцена 6, строки 49–50

Но обет остался невыполненным — отчасти потому, что у Болингброка не было такой возможности. Королю мешали чувство вины и сомнительные права на престол, из-за которых ему приходилось то и дело раскрывать заговоры.

Но эта финальная фраза о Святой земле прекрасно сочетается с другой фразой о Святой земле, которой начинается следующая пьеса — «Генрих IV» (часть первая); оба произведения Шекспира смыкаются так тесно, что не остается ни малейшей зазоринки.

Глава 7 «Генрих IV» (часть первая)


«ГЕНРИХ IV» (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)
разделение Англии, планировавшееся мятежниками
С
ШОТЛАНДИЯ
Холмдон
(в переводе — Гольмдон)
Оттербери
НОРТУМБЕРЛЕНД
Ньюкасл
УЭСТМОРЛЕНД
ЙОРКШИР
ПЕРСИ
Йорк
р. Хамбер
Ревенсперг
Донкастер
ЛИНКОЛЬНШИР
АНГЛСИ
Бангор
ЗАЛИВ УОШ
Бартон
р. Трент
Шрусбери
Бриджнорт
УОРИКШИР
Ковентри
ГЛЕНДАУР
Вустер
ГЕРЕФОРДШИР
(в переводе — ГЕРДФОРДШИР)
МОРТИМЕР
УЭЛЬС
Лондон
Гедские холмы
Рочестер
Кентербери
КЕНТСКИЙ УИЛД
Виндзор
Бристоль

Первая часть «Генриха IV» была написана в 1597 г., через два года после премьеры «Ричарда II». Действие этой пьесы начинается почти сразу же после окончания действия предыдущей пьесы. «Ричард II» заканчивается смертью Ричарда II в феврале 1400 г. «Генрих IV» (часть первая) начинается в Лондоне два с небольшим года спустя, в июне 1402 г. Место действия — королевский дворец.

Король — это Генрих IV, который в «Ричарде II» был Генрихом Болингброком, герцогом Херефордом (в переводе — Херфордом), а позже (после смерти своего отца, Джона Гонта) герцогом Ланкастером. В предыдущей пьесе его реплики были озаглавлены «Болингброк». Теперь они озаглавлены «Король».

В «Ричарде II» Болингброк изображен молодым человеком, властным и сильным. Теперь перед нами предстает усталый и грустный старик. На самом деле в начале пьесы Генриху тридцать шесть лет, но по средневековым меркам это уже средний возраст.

Кроме того, большую часть своего царствования Генрих IV страдал от хронической болезни. Болезнь прогрессировала, и поэтому король казался старше своих лет. Самым заметным симпто-

мом болезни были повреждения кожи; в то время многие считали, что у короля проказа — небесная кара за то, что он отобрал трон у законного короля Ричарда II. Однако это предположение весьма сомнительно. Другие подозревают, что у короля был сифилис; правда, в то время сифилис в Европе еще не был распространен. Скорее всего, это был самый обычный псориаз.

Но даже если бы Генрих IV был совершенно здоров, он бы не выдержал груза государственных забот. Почти весь срок своего правления он был вынужден подавлять мятежи, воевать с валлийцами и скоттами, которые пользовались гражданской войной в Англии и стремились удовлетворить свои национальные амбиции.

«...Господень Гроб»

Первую реплику в пьесе произносит Генрих и тут же называет главную трудность, которая стоит перед ним, как королем:

Хоть до сих пор волненьям нет конца...

Акт I, сцена 1, строка 1 (перевод Б. Пастернака)

Пожаловавшись на мятежи, которые не дают

покоя его стране, король выражает надежду, что это не помешает ему снарядить экспедицию, о которой он мечтал с давних пор:

> Отныне наша цель — Господень Гроб.
> Сплотимся для Крестового похода!
> Составим ополченье англичан,
> Которых руки в материнском чреве
> Крестом сложились, как бы клятву дав
> Освободить мечом Святую землю…

Акт I, сцена 1, строки 18–24

В финале «Ричарда II» Генрих дал обет отправиться в Святую землю, чтобы искупить этим смерть короля Ричарда, и все еще пытается его исполнить.

Однако эта надежда тщетна; если бы Генрих действительно попытался возглавить Крестовый поход, это привело бы к катастрофе, потому что Оттоманская империя, которая была в то время главным мусульманским государством, в военном отношении была намного сильнее любой отдельно взятой европейской страны; возможно, она смогла бы победить все армии Западной Европы, вместе взятые.

Однако можно понять стремление Генриха предпринять хоть *какие-то шаги*, чтобы убедить

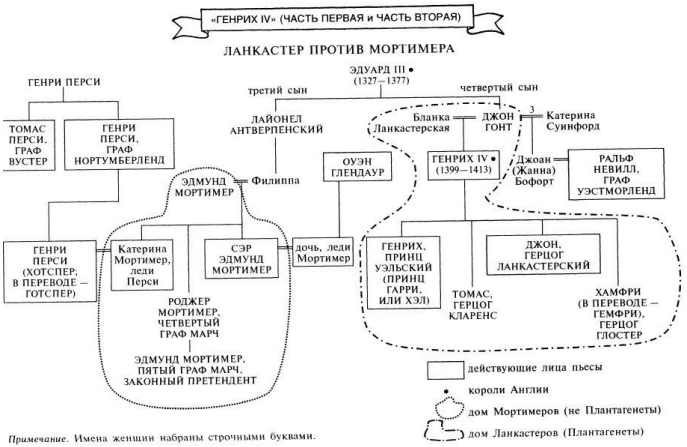
народ, что Господь на него не гневается, и сделать свое правление совершенно законным. Это не только прекратило бы гражданскую войну, но и обеспечило бы безопасность его потомкам. Это означало бы, что его сына и внука тоже посчитают законными королями.

«…Уэстморленд?»

Приняв решение, король Генрих поворачивается к вельможе, находящемуся рядом, и говорит:

> Скажите, что по этому вопросу
> Решил совет вчерашний, Уэстморленд?

Акт I, сцена 1, строки 30–33



Примечание. Имена женщин набраны строчными буквами.

Этого вельможу зовут Ральф Невилл, первый граф Уэстморленд. Сначала он был сподвижником Томаса Глостера, и в 1380 г. его посвятили в рыцари.

Молодой Невилл обладал потрясающим умением улавливать, куда дует ветер. Когда между Томасом Глостером и королем Ричардом II пробежала черная кошка, Невилл перешел на сторону короля и выступил против своего прежнего покровителя. В 1397 г., когда Глостера сначала арестовали, а потом убили, Невилла наградили титулом графа Уэстморленда.

Однако Невилл на этом не остановился и продолжил карьеру, женившись на дочери богатого Джона Гонта, герцога Ланкастерского.

Кроме законных детей, Джон Гонт имел потомство от своей любовницы Катерины Суинфорд. Позже он женился на Катерине и добился официального признания этих детей. Одной из дочерей Гонта и Катерины была Джоан (Жанна) Бофорт, на которой женился Невилл.

Так он стал зятем Генри Болингброка, который был старшим сыном Гонта от его законной жены. Когда Болингброк стал королем Генрихом IV, Ральф Невилл (он же Уэстморленд) стал его «дражайшим кузеном», потому что во времена Шекспира кузенами называли любого родственника.

Но это еще не все. Когда Болингброк высадился в Англии и поднял восстание против Ричарда II, Уэстморленд быстро вычислил победителя и переметнулся еще раз. При короле Генрихе IV он отвечал за оборону западной границы и войну с Уэльсом.

«Мортимер…»

Уэстморленд, выслушав пустопорожнюю речь о Святой земле, тут же закрывает тему. Да, вопрос

о Крестовом походе обсуждался, но есть дела поважнее. Англичане потерпели серьезное поражение на западе:

> Вождь гердфордширцев Мортимер взят в плен
> Разбойничьими шайками Глендаура.
> Убита тысяча его солдат.

Акт I, сцена 1, строки 38–42

Кто такой Мортимер? Чтобы разобраться в этом и понять все значение пленения этого человека, необходимо вернуться к Эдуарду III и его семи сыновьям.

Первым из этих сыновей был Эдуард, Черный принц, сын которого стал королем Ричардом И. Четвертым сыном был Джон Гонт, сын которого, Болингброк, стал преемником Ричарда и царствовал под именем Генрих IV.

Согласно строгому закону престолонаследия, после смерти Ричарда II следующим королем должен был стать потомок второго сына Эдуарда III. Если бы таких не оказалось, очередь дошла бы до потомков третьего сына. И только при отсутствии оных Болингброк мог бы стать законным королем.

Вторым сыном Эдуарда был Уильям Хатфил-

дский (или просто Хатфилд), умерший в детстве и не оставивший наследников. Третий сын Эдуарда — Лайонел Антверпенский, герцог Кларенс — умер в 1368 г. в возрасте тридцати лет; он успел жениться, и у него была дочь Филиппа.

Филиппа вышла замуж за Эдмунда Мортимера, третьего графа Марча. («Марч» означает «марка», то есть земли, прилегающие к границе; в данном случае имелась в виду граница с Уэльсом.) Эдмунд Мортимер умер в Ирландии в 1381 г.

Однако он успел обзавестись сыном. Его сын, Роджер Мортимер, стал четвертым графом Марчем. Четвертый граф, унаследовавший этот титул уже при Ричарде II, строго говоря, должен был унаследовать трон, если бы Ричард умер бездетным. По матери Марч был внуком третьего сына Эдуарда III, а Болингброк — всего-навсего сыном четвертого сына Эдуарда.

Ричард II признал четвертого графа Марча своим наследником и после первой (относительно успешной) экспедиции в Ирландию сделал его наместником Ирландии. Но в 1398 г. вице-король Роджер Мортимер был убит ирландцами; именно эта смерть послужила причиной второй экспедиции Ричарда в Ирландию, закончившейся полной катастрофой.

Однако Роджер Мортимер оставил сына, Эдмунда Мортимера, пятого графа Марча, и Ричард тут же признал его очередным наследником престола. Однако в следующем году Болингброк сместил Ричарда и занял престол сам в обход юного Эдмунда Марча (правнука третьего сына Лайонела), которому в то время было всего восемь лет.

Восьмилетний «законный наследник» не был опасен, но он мог стать марионеткой в руках взрослых людей, готовых поднять восстание ради соблюдения священного принципа строгого престолонаследия. Кроме того, пройдут годы, и ребенок вырастет. Поэтому осторожный Генрих IV держал графа Марча и его младшего брата под строгим домашним арестом, который продолжался в течение всего царствования Болингброка.

Но если так, то кем же был тот Мортимер, который потерпел поражение от валлийцев? Речь идет о сэре Эдмунде Мортимере, дяде пятого графа Марча (младшем брате отца последнего, Роджера), а не о самом законном наследнике. Этот Мортимер был в лучшем случае третьим по очереди наследником, после племянника Эдмунда и его младшего брата Роджера.

Холиншед, трудами которого пользовался Шекспир, спутал двух Эдмундов Мортимеров,

дядю и племянника, и решил, что дядя, командовавший армией, являлся законным наследником трона (хотя на месте Генриха IV только сумасшедший доверил бы армию законному наследнику).

Следуя Холиншеду, Шекспир совершает ту же ошибку и заставляет героев первой части «Генриха IV» вести себя так, словно законный наследник трона действительно взят в плен валлийцами.

Во главе повстанцев Уэльса стоит уже знакомый нам Глендаур; два года назад он командовал валлийской армией, когда Болингброк возглавил восстание против Ричарда II.

Глендаур учился в Англии; его первое серьезное восстание против английского владычества началось в сентябре 1400 г., когда Генрих IV был королем уже полгода. Поводом для этого восстания стала частично феодальная распря с соседним английским лордом, а частично — желание поймать рыбку в мутной воде и воспользоваться беспорядками, устроенными теми, кто считал нового короля узурпатором (а таких было немало).

Успешнее всего восстание Глендаура развивалось в Южном Уэльсе. Когда 22 июня 1402 г. Мортимера взяли в плен, это не только подняло престиж Глендаура, но и позволило ему вмешать-

ся во внутренние дела Англии.

«…Отважный Хотспер…»

Уэстморленд сообщает еще одну новость, не плохую и не хорошую, потому что сражение пока продолжается и неясно, на чьей стороне окажется победа. Это второе сражение происходит на шотландской границе. Уэстморленд говорит:

> В Воздвиженье при Гольмдоне сошлись
> Отважный Перси, *знаменитый Готспер,*
> И богатырь шотландский Арчибальд.

Акт I, сцена I, строки 52–55

Воздвижение, или Крестовоздвижение (в оригинале — День Святого Креста, Holy-rood Day; rood — англосаксонский эквивалент латинского слова «cross», то есть крест), отмечается 14 сентября. Это праздник в честь годовщины обретения Святого Истинного Креста (на котором был распят Иисус) в Иерусалиме императором Восточной Римской империи Ираклием. Это произошло в 627 г. н. э., когда Ираклий разбил персов, которые за тринадцать лет до того взяли Иерусалим и захватили

крест. (Через семь лет после этого «обретения» Иерусалим взяли арабы, и крест исчез навсегда, так что, собственно говоря, для праздника не было никаких оснований.)

На самом деле битва со скоттами состоялась почти через три месяца после сражения с валлийцами. Ради усиления драматизма Шекспир уплотняет время, в результате чего складывается впечатление, что оба события состоялись почти одновременно.

Гарри (Генри) Перси, возглавлявший англичан, играет эпизодическую роль в «Ричарде II». Он — сын Нортумберленда, который в «Ричарде II» был главным сторонником Болингброка.

В предыдущей пьесе Гарри Перси изображен юношей, почти подростком. Спустя два года он уже закаленный молодой воин, получивший прозвище Хотспер (см. в гл. 6: «…Юный Генри Перси»). В промежутке между двумя пьесами Перси возглавлял кампанию против Глендаура и очистил от повстанцев Северный Уэльс (однако в Южном Уэльсе позиции мятежников оставались сильными).

Но на самом деле Перси воевал задолго до этого; в настоящий момент историческому Генри Перси тридцать восемь лет, и он на два года старше

самого короля.

За семнадцать лет до того Хотспер[73] участвовал в другой битве на шотландской границе, которая приобрела легендарную известность. Тогда графы Дугласы, владевшие югом средневековой Шотландии, воевали с Перси, которым принадлежал север тогдашней Англии. Два рода вели пограничную войну, практически не прибегая к помощи своих королей.

В 1388 г. Яков (Джеймс), второй граф Дуглас, вторгся в Англию и три дня осаждал Ньюкасл (находившийся примерно в 40 милях (64 км) к югу от границы). Он захватил боевой штандарт Хотспера; а тот, стремясь отомстить за этот удар по своей репутации, дал ему бой у пограничного Оттерберна. Скотты снова одержали победу и взяли Хотспера в плен; правда, в этом бою Дуглас погиб. Эта битва воспета в знаменитой балладе Chevy Chase («Знатная погоня»); правда, реальные события в ней сильно искажены.

Хотспера освободили за огромный выкуп, большую часть которого внес Ричард II; десять лет спустя Хотспер «отплатил» ему за это сполна.

Наследником Якова (Джеймса) стал его неза-

---

[73] Примечания: 73
в переводе — Готспер. — *Е. К.*

конный сын Арчибальд, третий граф Дуглас. Он умер в конце 1400 г., передав титул своему сыну, тоже Арчибальду, четвертому графу Дугласу, который и есть «богатырь шотландский Арчибальд».

Четвертый граф Дуглас вторгся в Англию в 1402 г. и у Холмдона[74] столкнулся с тем самым Хотспером, который когда-то сражался с его дедом. (Естественно, Шекспир не мог использовать эту интересную историю, так как она разрушила бы замысел пьесы, согласно которому Хотспер и принц Уэльский ровесники. Насколько можно судить, в пьесе Хотсперу лет двадцать с небольшим.)

«...Наш Уолтер Блент»

Недовольный король только разводит руками, но тут прибывает гонец с более свежими новостями. Гонца представляет сам Генрих:

> Вот перед вами друг наш Уолтер Блент.
> Он весь в пыли и только что с дороги.
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 62–63***

---

[74] Примечания: 74
Хамблтон, в переводе — Гольмдон. — *Е. К.*

Блент (настоящее имя которого Блаунт) — старый воин, он сопровождал еще Черного принца в его победоносном походе в Испанию, состоявшемся тридцать пять лет назад, и Джона Гонта в гораздо менее удачной испанской кампании. Сейчас Блент служит сыну Гонта так же преданно, как служил его отцу.

«Граф Мордейк...»

Блент привез хорошее известие. Хотспер одержал блестящую победу.

Эта победа была достигнута с помощью лучников, стрелявших с дальней дистанции, в то время как скотты тщетно пытались атаковать в тесном строю, не имея прикрытия из собственных лучников. Современным аналогом такого сражения было бы столкновение двух армий, у одной из которых нет поддержки с воздуха. Это была настоящая бойня; потери скоттов составили десять тысяч человек против нескольких англичан. (Даже если допустить неизбежное преувеличение, это все равно была бойня.)

Но самое главное — это количество пленных шотландских вельмож. Король перечисляет их:

Взяты в плен

Сын и наследник Дугласа — граф Мордейк,
Граф Этол, Меррей, Энгус и Ментейс.

Акт I, сцена 1, строки 70–73

Самый главный из них упомянутый первым Мордейк (согласно современной орфографии, Мердок), граф Файфский. Он был сыном Роберта Стюарта, первого герцога Альбанского (а не сыном Дугласа).

Это делает его еще более ценным призом, поскольку старший брат Роберта Стюарта, Джон, с 1390 г. правил Шотландией под именем короля Роберта III. Король был стар и немощен, поэтому регентом и настоящим правителем был его младший брат Роберт Стюарт.

Таким образом, Хотспер взял в плен сына регента Шотландии и племянника законного короля.

«…Мой Гарри»

Радость победы и слава, выпавшая на долю Хотспера, наводит короля на печальные мысли. Когда Уэстморленд тоже начинает петь дифирамбы Хотсперу, король говорит:

Увы, нож в сердце мне твои слова.

Завидую отцу Нортумберленду,
Что у него такой удачный сын.
Как лучший ствол среди деревьев леса,
Он выше прочих целой головой.
Он баловень судьбы и гордость века.
В сравненье с ним мой Гарри шалопай.

Акт I, сцена 1, строки 78–85а

В этом заключается основной конфликт пьесы. Главные герои пьесы — двойники; они ровесники, и обоих зовут Гарри. Один из них — герой положительный (воин, ищущий славы, смелый и чрезмерно благородный), другой отрицательный (беспутный, пренебрегающий своими обязанностями и окруженный всяким сбродом).

Именно ради этого конфликта Шекспир не только омолодил Хотспера лет на двадцать, но и добавил несколько лет принцу Уэльскому (которого король называет «мой Гарри»); на самом деле во время битвы при Холмдоне сыну короля было всего пятнадцать лет.

Но столь юный возраст не помешал принцу Уэльскому принять участие в кампании, проходившей в Северном Уэльсе. С кем же? Да с самим Хотспером. Иными словами, Хотспер взял принца с собой на войну и, несомненно, заменял ему

отца; для этого он был достаточно взрослым.

Хотя в реальности Хотспера и принца Уэльского связывали отношения отца и сына, Шекспир изображает их как братские; но пьеса так гениальна, что истории приходится стыдливо умолкнуть.

Шекспир обессмертил шалопая Гарри и доблестного юного Хотспера, и ничто на свете (в том числе и эта книга) не в состоянии изменить картину, созданную Шекспиром, и восстановить истину.

«...И что мое дитя зовется Перси, в то время как его — Плантагенет!»

Опечаленному королю остается только мечтать, чтобы все было наоборот. Он говорит:

> Как счастлив был бы я узнать, что феи
> Нам обменяли наших сыновей
> И что мое дитя зовется Перси,
> В то время как его — Плантагенет!

Акт I, сцена 1, строки 85Ь—88

Эдуард III был Плантагенетом, поскольку являлся прямым потомком Генриха II по мужской линии. Все потомки Эдуарда III по мужской ли-

нии тоже были Плантагенетами. Принц Уэльский был правнуком Эдуарда III и, следовательно, принадлежал к Плантагенетам.

«…Гордость молодого Перси»

Но когда король Генрих, перестав жалеть себя, переходит к более важным вопросам, выясняется, что Хотспер нарушил субординацию. Доблестный молодой человек забрал себе важного пленника, а в ту пору пленники представляли собой большую ценность, поскольку их отпускали на свободу за выкуп. (Напомним, что после битвы при Оттерберне и сам Хотспер попал в плен, а затем его выкупили за огромную сумму.)

Король с негодованием говорит Уэстморленду:

> Ты слышал
> Про эту дерзость? Перси не дает
> Мне пленников, захваченных в сраженье,
> А на словах передает с гонцом,
> Что только графа Файфского уступит.

Акт I, сцена 1, строки 90–94

Видимо, король считает, что все победы, одержанные англичанином, являются победами

Англии, а потому пленники принадлежат королю (сегодня мы сказали бы «государству»), а не полководцу.

Однако Хотспер отказывается подчиняться этому правилу. Согласно древнему обычаю, пленники, взятые в пограничной войне, принадлежали тому, кто взял их в плен, и он не собирается отказываться от выкупа, который заслужил, рискуя жизнью.

Перед нами пример новой феодальной междоусобицы, возникшей в стране, король которой пришел к власти также в результате междоусобицы. Знать (включая самого Генриха IV, в то время Болингброка) восстала против Ричарда II, пытавшегося присвоить себе право распоряжаться налогами. Перси возглавили это восстание; без них Генрих не смог бы стать королем. Воюя против «тирании» центральной власти (выражаясь современным языком, за «гражданские права»), Перси считали, что они просто обязаны пользоваться этими правами и что Генрих IV, которому они помогли сесть на престол, не должен мешать им.

Однако Генрих IV, оказавшись у власти, решал государственные дела примерно так же, как это делал Ричард. Ему нужно было усилить коро-

левскую власть и добыть деньги, в которых он нуждался не меньше, чем Ричард.

Противоречие носило антагонистический характер, но следует заметить, что прав был Перси. В самом деле, Хотспер мог бы справедливо возразить, что он сделал щедрое предложение, согласившись передать королю своего самого главного пленника (Мордейка), за которого можно было получить самый большой выкуп. Отказавшись от этого предложения и потребовав всех пленников, король сразу превратился в глазах Перси в алчного тирана.

(Кстати, в эпизоде с пленниками Шекспир следует за Холиншедом, а Холиншед ошибается. Есть основания думать, что в этом споре король уступил. Но даже если и так, это дела не меняло. Конфликт между центральной и местной властью не мог разрешиться, и если кто-то уступал в одном, то тут же стремился взять реванш в другом.)

«...Школа его дяди»

Услышав о ссоре из-за пленников, Уэстморленд утверждает, что Хотспер слишком молод, чтобы быть ее инициатором. За ним наверняка стоят более опытные и хитрые люди. Он с возмущени-

ем говорит:

> Его так дядя Вустер научил,
> Который вам вредит, где только может.

Акт I, сцена 1, строки 95–96

Вустер — это сэр Томас Перси, граф Вустер, который порвал с Ричардом буквально в последнюю минуту (см. в гл. 6: «…Юный Генри Перси»). Он — младший брат графа Нортумберленда, а потому приходится Хотсперу дядей.

То, что Томас Перси не торопился присоединяться к остальным Перси, восставшим против Ричарда II, говорит, что он либо склонялся на сторону Ричарда, либо не любил Болингброка или не доверял ему (или не любил и не доверял одновременно) и перешел на сторону Болингброка только тогда, когда дальнейшее промедление стало опасно. Отсюда следует, что он первым из Перси готов был восстать против нового короля.

Впоследствии выясняется, что подозрения Уэстморленда в отношении Томаса Перси обоснованны, но Уэстморленд был готов воспользоваться любым предлогом, чтобы навредить сопернику. Уэстморленд принадлежал к роду Невиллов, которые также были северянами и враждовали с Перси, а потому готов был любыми способами

доставлять ему неприятности.

«Ну, Хэл...»

Король решает вызвать всех Перси к себе в Виндзор, чтобы обсудить спорный вопрос. На этом первая сцена, посвященная государственным делам, выигранным и проигранным сражениям, воинам и мятежникам, гневу и опасностям, заканчивается. Действие перемещается в лондонский трактир, в котором поселился принц Уэльский.

Как и предупреждал король Генрих, здесь мы не найдем ничего общею с Хотспером, рыцарем без страха и упрека. Перед нами появляются веселый и очень живой юноша и его закадычный приятель, толстый и беспутный седой проходимец, единственное достоинство которого — остроумие, и благодаря этому он завоевал сердце не только принца, но и публики.

Старого толстяка зовут сэр Джон Фальстаф; хотя это не исторический персонаж, а почти целиком создание фантазии Шекспира, он намного ближе к людям из плоти и крови, чем любое другое действующее лицо пьесы.

Фальстаф стремительно врывается в пьесу, опережая самого принца:

Который час, Гарри?

Акт I, сцена 2, строка 1[75]

(Поскольку Фальстаф постоянно называет Генри этим суперуменьшительным именем, еще менее официальным, чем Гарри, будущий Генрих V известен всему миру под кличкой «принц Хэл».)

Что подтолкнуло Шекспира на создание этого искрометного образа?

Одним из источников, которыми Шекспир пользовался при написании первой части «Генриха IV», была пьеса анонимного автора, называвшаяся «Славные победы Генриха V». Там излагаются события, отраженные во второй части «Генриха IV» и в «Генрихе V», но эта анонимная пьеса короче, чем любая часть трилогии. В «Знаменитых победах» отражена легенда о беспутной юности принца Хэла и его внезапной метаморфозе во время коронации.

В «Знаменитых победах» попадаются зерна некоторых событий пьесы Шекспира, но стоит сравнить соответствующие эпизоды двух пьес, чтобы понять, что такое прикосновение гения.

---

[75] Примечания: 75

В оригинале: «Ну, Хэл, парнишка, какое сейчас время суток?» — *Е. К.*

В «Знаменитых победах» один из спутников принца сэр Джон (Джоки) Олдкасл; Шекспир позаимствовал у него только имя, и ничего больше. У Джона Олдкасла старой пьесы нет и намека на остроумие или чего-то запоминающегося, в то время как Джон Олдкасл Шекспира был и остается одним из величайших комиков на все времена.

Но в таком случае кто этот Джон Олдкасл? Был ли человек с таким именем спутником принца, которого тот отверг, став королем (от этого удара, как нам предстоит убедиться, бедный Фальстаф так и не оправился)?

Оказывается, сэр Джон Олдкасл действительно существовал и действительно был другом принца Хэла. Однако он не был ни старым, ни толстым, ни беспутным. Исторический Джон Олдкасл был всего лет на десять старше принца; во время победы Хотспера над скоттами ему было лет двадцать пять. Он был хорошим воином, участвовал в экспедиции Хотспера в Северный Уэльс и именно там подружился с юным принцем Уэльским, который также принимал участие в этом походе.

Олдкасл дружил с Хэлом не только в бытность его принцем Уэльским, но и после того, как Хэл стал королем Генрихом V.

В 1408 г. (через шесть лет после событий, открывающих первую часть «Генриха IV»; тогда Хэл все еще был принцем Уэльским) Олдкасл женился на богатой наследнице рода Кобемов, в конце концов стал лордом Кобемом и имел полное право рассчитывать на почтенную старость или благородную смерть на поле боя.

Но у него был один изъян. Сэр Джон был иноверцем.

За тридцать лет до начала событий первой части «Генриха IV» религиозный реформатор Джон Уиклиф предложил доктрину, очень похожую на ту, которую полтора века спустя проповедовали умеренные протестанты. Несмотря на происки ортодоксов, Уиклиф остался целым и невредимым и в 1384 г. умер в своей постели, поскольку находился под покровительством пресловутого Джона Гонта, отца Генриха IV.

Уиклиф оставил учеников, называвших себя «лоллардами». Это слово — производное от голландского (следует напомнить, что движение зародилось во Фландрии[76] слова, означающего «бормотать»; они получили это насмешливое прозвище, потому что действительно вечно

---

[76] Примечания: 76
Точнее, в Антверпене. *(Примеч. пер.).*

бормотали молитвы. Церковные власти сурово осудили лоллардов, и Генрих IV, из-за шаткости своего положения вынужденный искать друзей где только можно, начал преследовать тех, кого защищал его отец.

Лолларды вербовали своих сторонников главным образом среди простонародья, поэтому их движение было легко преследовать и в конечном счете подавить, но среди них изредка попадались и аристократы. Одним из таких аристократов был сэр Джон Олдкасл. Более того, он относился к числу преданных и убежденных лоллардов, которые не отреклись бы от своих убеждений даже под угрозой смерти.

К тому времени, когда Хэл стал королем Генрихом V, гонения на лоллардов достигли пика, и жизни Олдкасла стала угрожать опасность. Генрих V, который не хотел наказывать друга юности, но не мог нескончаемо сопротивляться требованиям церкви (в частности, потому, что нуждался в финансовой помощи церкви для ведения агрессивной войны во Франции), лично обратился к Олдкаслу с просьбой покориться и отречься от ереси.

Олдкасл отказался сделать это и был осужден как еретик в сентябре 1413 г. Король отсрочил его

казнь на сорок дней, надеясь, что Олдкасл передумает. Но Джон упорствовал; он сумел бежать и попытался поднять восстание. В частности, в его планы входило похищение короля.

Попытка похищения была плохо подготовлена и провалилась, но Олдкасл бежал снова и скрывался в холмах Уэльса еще четыре года, затем его схватили. Наконец 14 декабря 1417 г. Олдскасла казнили по принятым тогда правилам: как еретик он был приговорен к сожжению на медленном огне, и постепенно его зажарили до смерти. Генрих V был не в силах его спасти.

Почему же сэр Джон Олдкасл, храбрый воин, видный реформатор и мученик, выступает в «Знаменитых победах» как отрицательный герой? Он был еретиком, не так ли? И изменником тоже. А автор пьесы, бездарный писака, не сумел преодолеть тогдашних стереотипов.

Однако во времена Шекспира Кобемы по-прежнему оставались знатным и влиятельным родом. Они могли не обращать внимания на то, как выведен сэр Джон Олдкасл в «Знаменитых победах», поскольку в этой бездарной пьесе ему была отведена эпизодическая роль.

Однако после премьеры пьесы Шекспира, которая тут же обрела неслыханную популярность,

Кобемы несказанно обиделись за своего предка, который выступает там как один из главных героев и изображен в комическом виде. Кроме того, за прошедшие два века Англия стала в основном протестантской страной, где Олдкасла почитали как предтечу протестантов и мученика веры, а потому негодование испытывали не только Кобемы. Шекспир был гением, но при этом обладал прекрасным коммерческим чутьем. Он не собирался ссориться с публикой, а потому сразу же согласился изменить имя персонажа и сделал это еще до напечатания пьесы.

Однако современнику Шекспира лорду Кобему это не помогло. Политические оппоненты тут же прозвали его «сэром Джоном Фальстафом».

Но если Шекспир отказался от имени Олдкасл, то откуда он взял «Фальстафа»?

Когда принц Хэл стал королем, у него появился другой приятель, сэр Джон Фастолф, сражавшийся с ним во Франции и хорошо зарекомендовавший себя во многих битвах. Однако был случай, когда его заподозрили в трусости. Обвинение не подтвердилось, и в конце концов он оправдался. Однако в более ранней пьесе Шекспира «Генрих VI» (часть первая), где Фастолф играет эпизодическую роль, он изображен трусом, бежавшим

с поля боя.

Ничего другого Шекспиру не требовалось. У принца Хэла был друг, который зарекомендовал себя трусом. Драматург изменил несколько букв в имени, и в результате родился сэр Джон Фальстаф.

«От выдержанных сухих вин…»

Фальстаф и принц Хэл состязаются в остроумии; обычно это состязание заканчивается вничью. Принц постоянно атакует, но, хотя Фальстаф является прекрасной мишенью (как в прямом, так и в переносном смысле), он великолепно уклоняется от ударов и дает сдачи.

Однако смысл этого обмена остротами со временем стал непонятен, не говоря о том, что за четыре века наше чувство юмора сильно изменилось. Непонятное можно объяснить в примечаниях, но соль шутки, конечно, будет при этом утрачена. Например, первая реплика принца Хэла, адресованная Фальстафу, гласит:

> У тебя так ожирели мозги от *десертных* вин…
>
> ***Акт I, сцена 2, строки 2–3***

В оригинале используется выражение «old sack» (буквально: «старый мешок»).[77] Однако из контекста выясняется, что речь идет о каком-то алкогольном напитке[78]. Но это совсем не тот напиток, который потребляют современные алкоголики (к коим мы автоматически причисляем и Фальстафа). Речь идет всего-навсего о любом *сухом* вине, которое по-французски называется vin sec. Таким образом, sack — это англизированное французское sec. Так называли в Англии главным образом вина, привезенные из Южной Европы — например, белый испанский херес.

Приведем еще один пример. Фальстаф начинает фразу:

> Знаешь, душенька…

Акт I, сцена 2, строка 23[79]

Слово «marry» — обычное для Елизаветинской эпохи обращение друг к другу, которым в на-

---

[77] Примечания: 77

Напрашивается перевод: «Тебя что, пыльным мешком по голове стукнули?» Это ответ на реплику Фальстафа, спрашивающего, какое сейчас время суток. — *Е. К.*

[78] Примечания: 78

смысл: «Ты что, допился до чертиков?» — *Е. К.*

[79] Примечания: 79

В оригинале: «Клянусь Девой Марией, мой дорогой остряк…» — Е. К

ши дни не пользуются. Поначалу кажется, что оно лишено смысла. Однако на самом деле это сильно сокращенное выражение «клянусь Девой Марией» («by the Virgin Magy»), аналогичное выражению «dear me», которое является искаженным итальянским dio mio, то есть «боже мой». Такие клятвы считались в порядочном обществе чем-то вроде обеззараживающего средства, которое применяли перед тем, как вступить в диалог с уважаемым человеком.

«…Старина»

Один из этих выпадов и контрвыпадов представляет особый интерес. Спасаясь от острот принца Гарри, Фальстаф пытается сменить тему и ни с того ни с сего заговаривает о трактирщицах:

> А скажи, разве моя трактирщица не сладкая бабенка?

Акт I, сцена 2, строки 41–42

Принц Хэл живо реагирует:

Настоящий мед, *старина.* А скажи, разве не сладкая штука куртка из буйволовой кожи?

Акт I, сцена 2, строки 43–45[80]

Применяя известную поговорку (мед из Гиблы, города в Малой Азии, с древнейших времен считался самым сладким на свете), Хэл соглашается с Фальстафом, но тут же наносит следующий укол. Замок — это известный лондонский публичный дом; тем самым принц намекает на наклонности Фальстафа. Игра словами была бы еще более тонкой, если бы Шекспир сохранил первоначальное имя своего персонажа[81]. Эта пикировка слабый след прежнего имени. Шекспир не стал менять этот эпизод — либо по небрежности, либо не желая отказываться от шутки.

Но потом Хэл подкалывает Фальстафа еще сильнее. Он тоже ни с того ни с сего заговаривает о буйволовой куртке (долг платежом красен). Использованное Шекспиром слово «durance»

---

[80] Примечания: 80

В оригинале: «Как мед из Гиблы, мой *старый приятель* из замка. А скажи, разве куртка из буйволовой кожи — не самая долговечная тюремная роба на свете?» — *Е. К.*

[81] Примечания: 81

Олдкасл буквально означает «старый замок». — *Е. К.*

означает не только «прочность», но и «тюремное заключение». С виду принц Хэл отпускает невинное замечание о свойствах одежды, но, поскольку желтовато-коричневые куртки из буйволовой кожи носили шерифы, это намек на то, что Фальстаф кончит свои дни в тюрьме, если не на виселице.

Фальстаф понимает намек, и тут ему изменяет чувство юмора. Он злобно огрызается:

> …черт побери, какое мне дело до буйволовой куртки?
>
> ***Акт I, сцена 2, строки 47–48***[82]

Принц Хэл тут же отвечает вопросом на вопрос:

> А какое мне дело до твоей трактирщицы?
>
> ***Акт I, сцена 2, строки 49–50***[83]

«Покс» — это, конечно, сифилис; по мнению

---

[82] Примечания: 82

В оригинале: «При чем тут буйволовая куртка, чума ее забери?» — *Е. К.*

[83] Примечания: 83

В оригинале: «Ну, чуму не чуму, а «покс» от твоей трактирщицы подхватить можно». — *Е. К.*

принца, именно сифилис ждет тех, кто якшается с трактирщицей и другими особами легкого поведения. Упоминание о сифилисе — конечно, анахронизм, но не такой вопиющий, как в «Троиле и Крессиде».

На серьезное замечание принца Хэла о нежелании иметь дело с трактирщицей следует обратить внимание. Шекспир заботится о репутации своего будущего героя.

Хэл действительно водит компанию с темными личностями, но не говорит и не делает ничего предосудительного. Далее мы увидим, что он участвует в разбое, но это всего-навсего шутка, которую можно простить. Конечно, он пьет, но никогда не напивается допьяна. Более того, никто не может обвинить его в сексуальной распущенности. В изображении Шекспира принц — всего-навсего молодой человек с развитым чувством юмора, которому нравятся грубоватые шутки. Пожалуй, единственное, в чем его можно упрекнуть, — это терпимость, с которой он относится к недостойному поведению людей, развлекающих его.

«Премудрость возглашает…»

Однако терпимость принца Хэла не означает, что он смотрит на это поведение сквозь пальцы. Наоборот, принц постоянно иронизирует над своими разгульными спутниками. Можно заметить, что он получает удовольствие от общения не столько с приятелями Фальстафа, сколько с ним самим (как с отличной мишенью для шуток).

Так, Фальстаф начинает печально говорить об исправлении (что он делает постоянно) и насмешливо, но серьезно рассказывает о почтенном старом господине, который отчитывал его на улице (видимо, за то, что тот плохо влияет на принца). Он со вздохом произносит:

> Тем не менее он говорил очень основательно. И, что существенно, при свидетелях.
>
> ***Акт I, сцена 2, строки 90–91***[84]

Принц Хэл тут же подхватывает это выражение:

---

[84] Примечания: 84

В оригинале: «И все же он говорил мудро, и притом на улице». — *Е. К.*

Как по писанию. Премудрость *возвышает* голос свой на улице, и никто не слушает ее.

Акт I, сцена 2, строки 92–93[85]

Это цитата из Библии: «Премудрость возглашает на улице, на площадях возвышает голос свой. В главных местах собраний проповедует, при входах в городские ворота говорит речь свою: <…> «Я звала, а вы не послушались, простирала руку мою, и не было внимающего…» (Притч., 1: 20–21, 24).

Ирония заключается в утверждении, что Фальстаф, проигнорировав слова пожилого джентльмена, поступил совершенно правильно, то есть в полном соответствии с Библией. Фальстаф достаточно умен и достаточно образован, чтобы понять намек. Это предупреждение: если ты не внимаешь советам персонифицированной Мудрости, эта Мудрость отвернется от тебя тогда, когда ты будешь нуждаться в ней больше всего. Персонифицированная Мудрость говорит: «Я посмеюсь, когда с тобой случится беда; я позло-

[85] Примечания: 85

В оригинале: «Ты поступил правильно, потому что премудрость *возглашает* на улице, а ее никто не слушает». — *Е. К.*

радствую, когда тебя охватит страх».

Иными словами, принц угрожает Фальстафу; в конце концов эта угроза сбывается.

Огорченный Фальстаф снова клянется исправиться, но, когда принц неожиданно предлагает стянуть у кого-нибудь кошелек, старый плут тут же оживляется; к этому он готов всегда. Принц смеется, и Фальстаф говорит с видом оскорбленного достоинства, имея в виду воровство:

> В самом деле, Гарри? Ну что ж, таково мое призвание. Каждый трудится на своем поприще.

Акт I, сцена 2, строки 108–109[86]

Конечно, такой странный и неожиданный довод в свою защиту заставляет принца Хэла рассмеяться и признать свое поражение. Он с удовольствием следит за тем, как Фальстаф выкручивается из любого затруднительного положения, и ради этого готов простить ему все — или почти все.

---

[86] Примечания: 86

В оригинале: «Если человек работает по призванию, это не грешно». — *Е. К.*

«...На Гедских холмах»

Упоминание о краже кошелька готовит публику к чему-то более серьезному. Самой распространенной из легенд о беспутстве принца Хэла является легенда о том, что он грабил людей на большой дороге. Именно этой сценой начинается пьеса «Знаменитые победы Генриха V».

Шекспир не может обойти эту историю, потому что она слишком хорошо известна (наподобие Вашингтона и вишневого дерева), но выворачивает ее наизнанку. Фальстаф, занимаясь словесным фехтованием с принцем, обдумывает более серьезное дело. Готовится разбой на большой дороге, и Фальстаф рассчитывает получить свою часть добычи.

Входит Пойнс (еще один из непутевых приятелей принца) и объявляет, что подготовка к разбою закончена. Он говорит:

…завтра в четыре утра всем быть в сборе на *Гедских холмах.* Мимо пройдут богомольцы в Кентербери и купцы с деньгами и товарами в Лондон. Я достал вам маски. Лошади у вас свои. В ожидании нас *Гедсхиль* будет ночевать в Рочестере. Завтра мы задаем пир в Истчипе.

Акт I, сцена 2, строки 128–134

Кентербери лежит в 50 милях (80 км) к юго-востоку от Лондона. Если Лондон — светская столица Англии, то Кентербери — столица духовная. Для грабителей дорога между этими двумя столицами была настоящим золотым дном: паломники несли в Кентербери богатые дары, а купцы доставляли в Лондон товары. Пойнс обещает, что они успеют закончить дело и с добычей вернутся в Истчип (район Лондона, заселенный простонародьем), чтобы вечером как следует поужинать, разбогатев от награбленной добычи.

На полпути между Кентербери и Лондоном лежит город Рочестер. Там остановился Гедсхиль (точнее, Гэдсхилл, еще один член лихой компании принца), который приготовил все необходимое.

Сходство между именем Гедсхиль[87] и названием Гедские холмы[88][89] может сбить с толку, но первое является производным от второго. В перечне действующих лиц пьесы «Знаменитые победы» есть вор Катберт Каттер по кличке Гэдский Холм; видимо, это излюбленное место его подвигов.

Сам Гэдсхилл (или Гедский холм) — небольшая возвышенность в 3 милях (5 км) к северо-западу от Рочестера. Очевидно, оттуда разбойники могли просматривать дорогу в обоих направлениях; эта местность была печально известна множеством творившихся здесь преступлений. Славу ей принесла не только пьеса Шекспира, но и то, что здесь провел свои последние годы писатель Чарльз Диккенс. Он умер в Гэдсхилле в 1870 г.

«...Ни за что на свете»

Хотя легенда называет принца Хэла участником разбоя, однако Шекспир смягчает удар. Когда

---

[87] Примечания: 87
Gadshill. (Примеч. пер.)

[88] Примечания: 88
Gad's Hill. (Примеч. пер.)

[89] Примечания: 89
точнее, Гэдский холм. — *Е. К.*

Фальстаф предлагает принцу Хэлу присоединиться к шайке, Хэл сердито говорит:

> Кто? Я? Воровать? Грабить? Ни за что на свете.

Акт I, сцена 2, строка 142

На мгновение он колеблется, но затем наотрез отказывается становиться вором, хотя не пытается отговорить остальных.

Однако Пойнс пользуется возможностью поговорить с принцем Хэлом наедине и предлагает ему подшутить над приятелями. Пусть Фальстаф и его подручные нападут на купцов и отберут у них деньги, а затем Пойнс и принц, замаскированные до неузнаваемости, в свою очередь, ограбят грабителей. Вечером они послушают Фальстафа (который наверняка придумает чудовищную небылицу, объясняя случившееся), а потом разоблачат его.

Таким образом, принц Хэл участвует в разбое только из непреодолимого желания подшутить над друзьями, а такая слабость вполне простительна.

«Я всем вам знаю цену...»

И все же Шекспир нервничает. Во-первых, он просто не может позволить принцу Хэлу, будущему королю-герою, совершить неблаговидный поступок (несмотря на все легенды на свете). Ему нужен мотив, который объясняет участие принца в преступлении, причем мотив как можно более благородный.

Когда Фальстаф и Пойнс уходят и принц остается на сцене один, он задумчиво говорит, глядя вслед приятелям:

> Я всем вам знаю цену, но пока —
> Потворщик первый вашим безобразьям.
> Мне в этом солнце подает пример.
> Оно дает себя туманить тучам,
> Чтоб после тем сильнее ослепить
> Своим внезапным выходом из мрака.

Акт I, сцена 2, строки 199–205

Беспутство принца Хэла изображается как розыгрыш; складывается впечатление, что он сознает собственное величие и нарочно старается подчеркнуть его, создавая резкий контраст с

прошлыми глупостями и сумасбродствами.

Это могло сойти для елизаветинской публики, считавшей Генриха V почти полубогом, но на современный слух звучит фальшиво. Такое поведение совершенно не в духе принца; если бы так было на самом Деле, наша симпатия к нему сильно уменьшилась бы. Валять дурака от хорошего настроения или юношеской бравады — еще туда-сюда, но делать это из высших политических соображений омерзительно.

К счастью, этот монолог никак не связан с событиями пьесы. С его помощью Шекспир просто предупреждает публику, что в один прекрасный день принц Хэл станет королем-героем и что волноваться из-за инцидента на Гедских холмах не следует.

Само собой, в легенде о принце Хэле нет и намека на то, что он разбойничал из каких-то политических соображений.

«Бич величия...»

На сцене вновь решают вопросы высокой политики. Король, разгневанный тем, что ему не передали всех пленников, встречается в Виндзорском замке с представителями рода Перси. Когда занавес открывается, становится ясно, что дело

дошло до угроз.

За всех Перси отвечает Вустер, который держится очень независимо:

> Мой государь, наш дом не заслужил,
> Чтобы ему о силе говорила *Та сила,* для
> которой этот дом Служил опорою при
> возвышенье.

Акт I, сцена 3, строки 10–13[90]

Это недвусмысленное требование награды за участие в свержении Ричарда II, которое выдвигается уже не в первый и далеко не в последний раз; именно это требование заставляет короля относиться к Перси с недоверием.

Но король ни словом не заикается о том, что считает себя в долгу перед Перси, потому что такие заверения опасны. Этим подданным дай палец — они всю руку откусят. (Говоря современным языком, Генрих IV понимает тщетность и вредность «политики умиротворения».)

Это заставляет вспомнить пророчество Ричарда II из предыдущей пьесы. Когда свергнутый король сталкивается с Нортумберлендом, Шекспир и Ричард предупреждают дерзкого вельможу, что

---

[90] Примечания: 90
В оригинале: «Бич величия...» — *Е. К.*

придет время, когда любая награда короля покажется ему недостаточной, а новый король будет бояться, что человек, восставший против одного короля, непременно восстанет и против другого (см. в гл. 6: «Отправитесь вы в Помфрет…»).

Пророчество оказывается верным. Король Генрих, понимая, что слова Вустера граничат с бунтом, приказывает ему покинуть дворец.

«…Гадкую селитру»

Нортумберленд, тщетно пытавшийся остановить дерзкие речи Вустера, теперь пытается умилостивить разгневанного короля. Он заявляет, что Хотспер, отказавшись отдать пленников, просто погорячился. Сам Хотспер тоже пытается оправдаться в знаменитом монологе:

> Я их не отказался выдавать,
> А вот как было дело. После битвы,
> Когда, склонясь на меч и чуть дыша
> От напряженья, ярости и жажды,
> Сидел я, подошел какой-то лорд,
> Нарядный, как жених…

Акт I, сцена 3, строки 28–33

Этот придворный хлыщ (личность которого

очень хотелось бы узнать, но, к сожалению, все это происшествие — вымысел Шекспира), появившийся на поле боя, бормочет глупости, которые выводят из себя усталого воина. (На протяжении всей пьесы Хотспер предстает человеком нетерпеливым и раздражительным; впрочем, судя по описанию события, в данном случае осуждать его не приходится.)

Хотспер рассказывает, какие глупости изрекал этот придворный:

> Он очень сожалел, что из земли
> Выкапывают гадкую селитру,
> Которая цветущим существам
> Приносит смерть или вредит здоровью,
> И уверял, что если б не стрельба,
> Он сам бы, может быть, пошел в солдаты.

Акт I, сцена 3, строки 58–63

Порох представляет собой смесь древесного угля, серы и нитрата калия (в просторечии называемого селитрой). Из трех перечисленных компонентов селитра — самый редкий и трудно добываемый. Это узкое место в производстве пороха; именно поэтому светский хлыщ жалеет,

что ее «выкапывают из земли».

Порох был известен в Китае задолго до того, как он появился в Европе; существуют некоторые свидетельства, что европейцы открыли его в XIII в. Алглийский ученый Роджер Бэкон упоминает о чем- то подобном в 1268 г. (В это время Китай и Восточную Европу объединила огромная Монгольская империя, и европейские искатели приключений после долгого сухопутного путешествия добирались до Дальнего Востока. Возможно, сведения о порохе были привезены именно оттуда.)

Первым европейцем, сконструировавшим металлический цилиндр, из которого можно было метать снаряды, взорвав порох, стал немецкий монах и алхимик Бертольд Шварц. Таким образом, первая пушка была изобретена около 1313 г.

Первые пушки были неудобными, малоэффективными и намного более опасными для собственной обслуги, чем для тех, на кого они были нацелены. Впервые в боевых условиях пушки использовал в битве при Креси (1346) Эдуард III, а на следующий год тот же монарх применил их во время осады Кале. Однако в обеих битвах они служили главным образом для создания психологического эффекта, и прошло еще несколько

десятилетий, прежде чем пушки стали широко использовать в военных действиях.

В 1402 г., когда состоялась битва при Холмдоне, пушки еще были редкостью. Хотспер выиграл сражение с помощью лучников; пушки в сражении не участвовали. Что же касается ручного огнестрельного оружия, то тогда его еще не изобрели. Таким образом, жалоба хлыща на селитру — анахронизм.

Однако два века спустя, в эпоху Шекспира, стало предельно ясно, что артиллерия полностью победила на поле боя и изменила не только характер войны, но и всю социальную систему в Европе.

Вплоть до 1400 г. крепостные стены были неуязвимы, и город или замок можно было взять только после долгой осады, а рыцари в латах могли участвовать в битве, не боясь быть убитыми (убить их мог только другой рыцарь в броне, но все же гораздо чаще дело заканчивалось пленом и выкупом). Иными словами, знать, чувствовавшая себя в безопасности, могла позволить себе быть смелой и свысока смотреть на простонародье, не умевшее владеть сложным оружием и ездить верхом, плохо вооруженное и сражавшееся в пешем строю, а потому погибавшее сотнями

и тысячами.

Но тут появился порох. Пушки, из которых стреляло простонародье, разрушали стены замков. Более того, пуля, выпущенная из ружья, которое держал в руках какой-нибудь сапожник или крестьянин, могла пробить доспехи самого лучшего рыцаря задолго до того, как копье или меч рыцаря достанут стрелка. (Конечно, при этом стрелку должна была улыбнуться удача, потому что прошло много времени, прежде чем ручное стрелковое оружие приобрело меткость.)

С появлением пороха отпала необходимость в замках и рыцарях; именно это, а не что-то иное подорвало основы феодальной системы. Эпоха Перси и Дугласов прошла; отныне исход войны решали пушки, но они стоили так дорого, что иметь артиллерию могли позволить себе только короли.

Ясно, что аристократия вздыхала по добрым старым временам, когда еще не изобрели порох, уравнявший дворянина с простолюдином; но рассуждения хлыща на эту тему относятся не к 1402 г., когда происходит описываемое событие, а к 1597 — году, когда пьеса была поставлена на сцене.

«...Безумца Мортимера»

И тут мы подходим к главному (по сравнению с которым вопрос о пленниках, где еще можно достигнуть компромисса, кажется незначительным). Король Генрих сердито говорит, что упрямый Хотспер передаст ему пленников только при соблюдении одного условия:

> Но пленных и сейчас он не дает.
> Он ставит предварительным условьем,
> Чтоб выкупили шурина его,
> Безумца Мортимера.

Акт I, сцена 3, строки 76— 79

В этом все дело. Сестра попавшего в плен сэра Эдмунда Мортимера — жена Хотспера. (Таким образом, Хотспер по жене приходится дядей Эдмунду Мортимеру, пятому графу Марчу, законному наследнику престола.)

Естественно, эта родственная связь тревожит Генриха IV: Перси, которые помогли ему сесть на трон и знают, как это делается, с радостью помогут претенденту, который не только является более законным наследником короны согласно строгому порядку престолонаследия, но и прихо-

дится им родней. (В данном случае то, что Хотспер приходится законному претенденту не шурином (тут Шекспир повторяет ошибку Холиншеда), а дядей, значения не имеет.)

Кроме того, немалую роль здесь играли деньги. Волнения увеличили расходы Генриха и уменьшили его доходы, поэтому Генрих IV просто не мог себе позволить заплатить выкуп за Мортимера, хотя ни за что в этом не признался бы.

Отсюда следует, что предложение Перси вовсе не компромисс. Если они сохранят пленников, то используют деньги, полученные от скоттов, для выкупа Мортимера у валлийцев. Если пленников передадут королю при условии, что он выкупит Мортимера, это ничего не меняет. Деньги перетекут из Шотландии в Уэльс; разница лишь в том, что в последнем случае король сыграет роль посредника.

«...Глендауру»

Чтобы оправдать свой отказ выкупить Мортимера, разгневанный король обвиняет взятого в плен военачальника:

> А известно,
> Что Мортимер нарочно погубил

Моих солдат и сдался в плен Гленда-
уру,
На дочери которого женат.

Акт I, сцена 3, строки 80–84[91]

Упоминание графа Марча — еще один пример путаницы, которую Шекспир унаследовал от Холиншеда. Еще раз повторим, что пленный Мортимер был всего лишь дядей молодого графа Марча, находившегося (и продолжавшего находиться) в руках Генриха.

Упоминание о «великом колдуне Глендауре» соответствует средневековым представлениям о том, что валлийцы якшались с нечистой силой. Частично это объяснялось разницей культур. Религиозные представления валлийцев возникли еще до нашествия англосаксов, и таинственные обряды друидов казались англичанам не только странными, но и устрашающими. Например, ходили слухи о том, что Мортимер проиграл битву Глендауру потому, что валлийские колдуны наслали на англичан бурю. Естественно, ни валлийцы, ни Глендаур не рассеивали страхов

---

[91] Примечания: 91

В оригинале: «…нарочно погубил жизни тех, кого он повел против этого великого колдуна, проклятого Глендаура, на дочери которого, как мы слышали, недавно женился граф Марч…» — *Е. К.*

англичан, такая психологическая поддержка шла им на пользу.

То, что Эдмунд Мортимер женился на дочери Глендаура, в какой-то степени дает возмущенному королю право назвать пленника предателем (естественно, Перси считают это обвинение оскорбительным). Однако в данном случае Шекспир явно несправедлив к Мортимеру.

Мортимер попал в плен в июне, а Хотспер захватил своих пленников в сентябре 1402 г. К тому времени Мортимер уже три месяца томился в плену, но за эти месяцы никто не попытался его выкупить. Об этом не позаботились и после пленения скоттов, а король, пытавшийся забрать пленников себе, тем самым сводил на нет надежды на выкуп.

Поэтому едва ли можно осуждать Мортимера, согласившегося добыть свободу ценой женитьбы на дочери Глендаура. Это произошло в декабре, через полгода пребывания Мортимера в плену. После столь долгого заключения вполне естественно вспомнить, что законный английский король не неблагодарный Генрих, а твой собственный юный племянник.

«Из Северна...»

Хотспер, с негодованием отвергнув обвинение шурина в измене, описывает поединок Мортимера с Глендауром. Он говорит:

> Достаточно напомнить, *сколько* ран
> Он получил в смертельном поединке
> С Глендауром! Схватка длилась целый час.
> Поймите, как она была упорна!
> Бойцы, переводя три раза дух,
> Из Северна три раза пили воду,
> Поток которого бежал, журча,
> Меж камышей, дрожавших от испуга.

Акт I, сцена 3, строки 97–100

Река Северн берет начало в центральном Уэльсе и течет по восточному Уэльсу (где состоялась битва Мортимера с Глендауром) сначала на восток, а потом на север. Затем Северн пересекает западную Англию, сворачивает на юг и впадает в Бристольский залив.

То, что бой произошел на берегу Северна, маловероятно. Хотспер рассказывает о единоборстве между полководцами; такие поединки часто

описывают в рыцарских романах и былинах, но подлинная история подобных случаев не знает. Хотспер описывает подробности (например, как бойцы договорились о трех перерывах, чтобы отдохнуть и выпить воды из Северна); об этом говорится и в легендах о короле Артуре, но не в официальных хрониках.

Напыщенное описание Хотспера на короля Генриха не действует. Он называет всю эту историю выдумкой и утверждает, что Мортимер не дерзнул бы встретиться с Глендауром в поединке. Спор заканчивается решительным требованием короля передать ему пленников и столь же решительным отказом платить выкуп за Мортимера; если Перси не согласятся, их ждет суровое наказание. Затем король запрещает произносить при нем имя Мортимера и уходит.

«…Преемником покойного Ричарда»

Хотспер смотрит вслед королю, кипя от гнева, и тут же заводит речь о восстании:

> …я кровь свою отдам за то,
> Чтоб Мортимера увидать на троне,
> Где восседает этот самодур,

Проклятый Болинброк неблагодарный.

Акт I, сцена 3, строки 133–135

Хотспер называет короля Болингброком[92] (см. в гл. 6: «…Генри Херфорд») — именем, которое тот носил до того, как стал Генрихом IV, — так, словно Мортимер уже сидит на троне, а Генрих низложен.

Возвращается Вустер, сразу понимает, что случилось, и подливает масла в огонь, стараясь воспользоваться гневом племянника. Когда Хотспер злобно описывает отказ короля выкупить Мортимера, Вустер спокойно отвечает:

Еще бы! Мортимер был наречен
Преемником покойного Ричарда!

Акт I, сцена 3, строки 143–144

Мы снова сталкиваемся с ошибкой Холиншеда. Наследником короны был объявлен юный граф Марч, племянник Мортимера. Однако если принимать версию Шекспира, то получается, что Вустер напоминает Хотсперу: ты не мятежник, стремящийся посадить на престол своего родственника, а лояльный подданный, сражаю-

---

[92] Примечания: 92
в переводе — Болинброк. — Е. К

щийся за законного короля.

Тут и Нортумберленд диаметрально меняет свои политические взгляды. В «Ричарде II» он изображен самым рьяным сторонником смещения Ричарда. Теперь он реагирует на реплику Вустера как заправский святоша:

> Я был при том и слышал сам указ.
> Ричард его наследником назначил
> Пред выездом в Ирландию, в поход,
> Откуда, по причине наших козней,
> Он должен был вернуться и затем
> Был свергнут и убит.

Акт I, сцена 3, строки 145–148

«…Терновник Болинброк»

И Вустер, и Нортумберленд закидывают Хотсперу крючок с наживкой. Они — старики; только Хотспер обладает энергией, необходимой для насильственных действий. Поэтому им нужно разжигать гнев Хотспера на короля и не давать ему остывать. Именно поэтому они тщательно объясняют Хотсперу, что его шурин законный наследник престола, и проливают лицемерные слезы по Ричарду.

Хотспер (очень кстати забывший, что он сам помогал свергнуть Ричарда) заглатывает крючок и сердито отчитывает отца и дядю за случившееся:

> Как люди лучшей крови, вроде вас,
> Могли содействовать такой проделке
> (А видит бог, как вы повинны в ней),
> Что вырван был Ричард, цветущий розан,
> И насажден терновник Болинброк.

Акт I, сцена 3, строки 170–174

Проглотив наживку, Хотспер готов немедленно приступить к действию. Охваченному гневом юноше и в голову не приходит, что к восстанию нужно подготовиться.

«Для стяжанья славы…»

Вустер тут же останавливает его. Ему нужен энтузиазм Хотспера, его смелость, его умение воевать. Но строить планы должны люди поумнее — такие, как сам Вустер. Он тут же излагает собственный план, которому уже успел дать ход.

Однако разгоряченного гневом Хотспера остановить нелегко. При первом упоминании о заговоре ему чудятся битвы, победа, свержение

старого короля и коронация нового. Все это принесет ему вожделенную славу:

> Поверите ли, для стяжанья славы
> Я, кажется, взобрался б на луну
> И, не колеблясь, бросился б в пучину,
> Которой дна никто не достигал,
> Но только б быть единственным и первым,
> Я в жизни равенства не признаю.

Акт I, сцена 3, строки 199–203

Таков Хотспер, дошедший до крайнего изъявления чувств. Для него не существует ничего, кроме «славы»; важно понимать, что слава для него — репутация отважного воина. Для завоевания этой репутации он готов допрыгнуть до Луны и броситься в пропасть. Это психология игрока университетской команды по регби — стремление сделать тачдаун[93], чего бы это ни стоило.

Такое стремление достойно восхищения, и мы действительно восхищаемся им. Во время монолога Хотспера биение наших сердец учащается, и все же это мальчишество. В жизни есть не только

---

[93] Примечания: 93

Сделать тачдаун — приземлить мяч за линией соперника. (*Примеч. пер.)*

тачдауны, да и стремление к личному тачдауну может стоить команде проигрыша. Бывают времена, когда можно совершить великий подвиг и при этом остаться безвестным, но этого Хотспер не поймет никогда.

На случай, если публика, восхищающаяся монологом Хотспера о славе, не поймет, что перед ней всего лишь мальчишка, Шекспир заставляет Хотспера тут же рассказать о школьной каверзе, которую он проделает с королем:

> Он платить не хочет
> За выкуп Мортимера, запретил
> О Мортимере даже заикаться,
> Но я зайду к нему, когда он спит,
> И громко крикну имя Мортимера.
> Нет!
> Я этим звукам выучу скворца
> И дам ему, чтоб злить его, в подарок.
>
> ***Акт I, сцена 3, строки 218–223***

Конечно, Хотспер обаятелен, как старшеклассник, но разве он может сравниться с принцем Хэлом? Сопоставление Хотспера и принца Хэла составляет сердцевину пьесы, но уже сейчас чувствуется, что принц Хэл (как бы охотно ни шутил он с Фальстафом) никогда не станет разыгрывать

дешевую комедию, которую только что разыграл Хотспер.

«А принца Уэльского я б отравил стаканом пива…»

Однако Шекспир не рассчитывает на то, что публика вспомнит принца Хэла без посторонней помощи. Поэтому Хотспер тут же упоминает принца — в первый раз за всю пьесу, — причем делает это чрезвычайно презрительно:

> А принца Уэльского я б отравил
> Стаканом пива, если б не боялся,
> Что этот сын в обузу королю
> И он обрадуется избавленью.

Акт I, сцена 3, строки 228–231[94]

Значительная доля презрения содержится в определении «мечещитный». Щитом пользовалось только простонародье, так что в фразе Хотспера содержится насмешливый намек на широко известную любовь принца Хэла к простолюдинам.

Хотспер не собирается драться с принцем; он не

---

[94] Примечания: 94

В оригинале: «А этого «мечещитного» принца Уэльского… я отравил бы кружкой эля…» — *Е. К.*

хочет запятнать свою честь, обращая благородное оружие против такого отребья. Его достаточно отравить, причем не бокалом вина (напитка джентльменов), а кружкой простонародного эля.

«Как предо мной тогда он рассыпался!»

Как предо мной тогда он рассыпался!
Как по-собачьи льстил и лебезил!
«Я отплачу, когда я выйду в люди»,
«Мой Гарри Перси», «Мой названый брат».
Чтоб черт тебя побрал, какой обманщик!

Акт I, сцена 3, строки 248–252

Хотспера, неспособного к дипломатии, злит то, что он сам стал ее объектом и был (как он считает) обманут.

«…Его преосвященство…»

Наконец Хотспер успокаивается и дает Вустеру возможность изложить свой план.

Шотландских пленников нужно вернуть скоттам без выкупа, но с условием, что Дуглас поддержит восстание. Конечно, Мортимер тоже

примет участие в мятеже и приведет с собой валлийцев Глендаура.

Но этого недостаточно.

Если Перси выступят в союзе с Шотландией и Уэльсом, они настроят против себя все общество. В Англии неприязнь к Шотландии и Уэльсу была очень сильна. Требовалось, чтобы на стороне повстанцев выступил известный человек, в лояльности которого никто не сомневался. Выясняется, что Вустер уже позаботился об этом. Переговоры с подходящим человеком поручены Нортумберленду:

> А вы, милорд, пока он (Хотспер) будет занят
> В Шотландии, должны расположить
> Его преосвященство в нашу пользу.
>
> ***Акт I, сцена 3, строки 263–265***

Речь идет об архиепископе Йоркском. Нортумберленд отвечает:

> Он не простил, что в Бристоле казнили
> Его родного брата. Он отмстит
> За лорда Скрупа.
>
> ***Акт I, сцена 3, строки 267–268***

Здесь Шекспир, следующий за Холиншедом, допускает еще одну ошибку, но менее значительную.

На сей раз Холиншед перепутал Уильяма ле Скрупа и Ричарда ле Скрупа, сделав вполне естественный вывод, что сыновья первого барона Скрупа должны быть «родными братьями».

Однако первых баронов Скрупов было два. Одним из них был Ричард, первый барон Скруп Болтонский, а другим — Генри, первый барон Скруп Мешемский, и эти двое приходились друг другу двоюродными братьями.

Уильям ле Скруп — сын Скрупа Болтонского; именно Уильям впоследствии стал тем графом Уилтширом, которого солдаты Болинброка взяли в плен в Бристоле, а затем казнили.

Ричард ле Скруп, сын Скрупа Мешемского, стал архиепископом Йоркским в 1398 г., последнем году царствования Ричарда II.

Таким образом, архиепископ Йоркский приходится лорду Скрупу не родным, а всего-навсего троюродным братом.

Конечно, скорбь и обида за троюродного брата не чета скорби и обиде за родного. Тем более что сам архиепископ изменил этому троюродному брату, поддержав восстание Болингброка. Тем

не менее родственные связи существовали, и архиепископа удалось уговорить присоединиться к заговору. Было заранее ясно, что лучшего прикрытия заговорщикам не найти.

Когда обсуждение подробностей заговора заканчивается, Вустер уезжает к Мортимеру и Глендауру. Не доверяя стратегическому чутью Хотспера, он предупреждает:

> Соблюдай границы,
> Которые тебе я предпишу.

Акт I, сцена 3, строки 289–290

«Медведица…»

Действие перемещается в Рочестер, где идет подготовка к разбойному нападению в Гедских холмах. Во двор трактира выходит возчик (равный современному водителю грузовика); ему нужно, чтобы лошадь навьючили товаром затемно, так как возчик собирается отправиться в путь с первым лучом солнца. Возчик называет время:

…должно быть, уже четыре часа утра, не меньше, чтоб я лопнул. *Медведица* уже вон где — над дымовой трубою, а лошадь еще не вьючена.

Акт II, сцена 1, строки 1–3[95]

Именно в четыре часа утра шайка должна встретиться в Гедских холмах, так что время разбоя приближается.

Повозка Чарльза — это состоящая из семи звезд Большая Медведица, или Большой Ковш. Конечно, это созвездие очень напоминает ковш, но зоркие крестьянские глаза видели в нем еще и деревенскую телегу с длинными оглоблями, в которые впрягали лошадь.

Роль Чарльза здесь играет сам Карл Великий (Шарлемань), правивший Западной Европой с 768 по 814 г., самый знаменитый из средневековых королей Запада.

Но какое отношение повозка имеет к Шарлеманю? Неизвестно. Существуют различные гипотезы. Согласно одной из них, Арктур (ближайшая к ней звезда) — это лошадь, везущая повозку; Арктур ассоциируется с Артуром (королем Артуром),

---

[95] Примечания: 95

В оригинале: «Повозка Чарльза…» — Е. К.

а король Артур — с Шарлеманем. Получается, что повозку тянет король Карл (Чарльз), а потому и вся повозка называется Повозкой Чарльза.

Повозка Чарльза очень близка к Полярной звезде, а потому на широте Англии видна всегда. Она окружает Полярную звезду и всегда стоит над горизонтом, так что ясными ночами видна в любое время. Ее местоположение зависит от времени, и для тех, кто не имел часов, но часто ездил по ночам (например, возчиков), ее точное положение («над дымовой трубою») указывало время.

«Из Кентского Уилда...»

После юмористического диалога возчика со своим напарником появляется Гедсхиль (Гэдсхилл). Именно он организует разбой; наводчик говорит ему, что сведения, переданные ранее, верны:

> ...владелец леса из Кента *везет с собой*
> двести фунтов *стерлингов золотом*...

Акт II, сцена 1, строки 56–58[96]

Франклин — это вольный крестьянин. (Слово

---

[96] Примечания: 96

В оригинале: «*Франклин* из Кентского Уилда везет с собой *триста марок* золотом». — *Е. К*

«франк» (frank) — устаревшая форма слова «вольный, свободный» (free). Считалось, что вольный человек более честен и открыт, чем лживый и зависимый раб; конечно, так считали сами вольные.) У вольного крестьянина было намного больше возможностей разбогатеть, чем у серва, прикрепленного к земле и определенному лорду (в наше время их называют издольщиками). Таким образом, франклин — это богатый крестьянин.

Слово «Уилд» (согласно современной орфографии оно пишется Weald) родственно немецкому Wald (лес). В Средние века на территориях графств Кент, Суррей и Суссекс, расположенных к югу и юго-востоку от Лондона, росли дремучие леса. Конечно, сейчас от них почти ничего не осталось, но равнина между Северным и Южным Даунсом (двумя цепями холмов в юго-восточной Англии) по-прежнему называется Уилдом.

Марка — денежная единица, равная тринадцати шиллингам и четырем пенсам, так что триста марок равняются двумстам фунтам; для того времени это огромная сумма.

«Первый молодчик…»

Наводчик знает, что именно собирается сделать Гэдсхилл. Он мрачно намекает на виселицу и добавляет:

> Уж коли на то пошло, вы первый молодчик и есть.

Акт II, сцена 1, строки 66–67[97]

Святой Николай был покровителем путников, а поскольку путники становились жертвами разбойников, последние тоже почитали его в надежде, что святой Николай пошлет им больше добычи. Жаргонное выражение «служители святого Николая»[98] означало разбойников; его тут же использует Гэдсхилл, говоря о франклине и его спутниках:

---

[97] Примечания: 97
В оригинале: «Я знаю, что вы — почитатель святого Николая». — *Е. К.*

[98] Примечания: 98
Saint Nicolas clerks. **(***Примеч. пер.)*

Напорются они по дороге на каких-нибудь молодчиков, даю тебе голову на отсечение.

Акт II, сцена 1, строки 63–64[99]

Похоже, в то время использование имени уважаемого святого Николая для этих целей становилось неприемлемым и постепенно вытеснялось другим вариантом того же имени — Санта-Клаус (Клаус — принятое в Голландии уменьшительное от Николаас).

«У нас, брат, компаньонами такие люди…»

Гэдсхилл парирует намек на виселицу не моргнув глазом:

У нас, брат, компаньонами такие люди, что ты бы ахнул! От скуки ради балуются нашим ремеслом, и ты сам понимаешь, если бы что вышло наружу, это сейчас же замнут, чтобы их не замарать.

---

[99] Примечания: 99

В оригинале: «Если они не встретятся со служителями святого Николая, можешь забрать мою голову». — *Е. К.*

Акт II, сцена 1, строки 71–75[100]

Упоминание о троянцах отсылает нас к древним временам осады Трои. В классических сказаниях троянцы храбро защищают свой город, а более поздние делают их предками римлян и британцев. Поэтому данное выражение носит одобрительный оттенок и соответствует выражениям «славный малый» или «молодец».

Конечно, Гэдсхилл имеет в виду принца Хэла.

Разбой проходит именно так, как было запланировано. Фальстаф и его дружки (за исключением Пойнса и принца Хэла) дожидаются купцов и нападают на них (эта картина представляет собой настоящий фарс — главным образом из-за толщины Фальстафа).

Однако, как только золото оказывается в руках Фальстафа, на воров набрасываются замаскированные принц Хэл и Пойнс, двое против четверых, и легко отбирают золото. Фальстаф удирает со всех ног, несмотря на свою тучность.

«Девятого числа следующего месяца…»

Тем временем Хотспер приступает к реализа-

---

[100] Примечания: 100

В оригинале: «У нас есть и другие троянцы, такие, что тебе и не снилось…» — *Е. К.*

ции своего плана, более продуманного, но, как и следует ожидать, продвигающегося медленнее, потому что ему предстоит сделать намного больше. Хотспер пытается собрать в своем нортумберлендском замке разные силы, которые могут принять участие в заговоре. Он выходит на сцену, читая письмо от некоего безымянного вельможи. Тот отказывается присоединяться к восстанию, но старается сделать это учтиво (на случай, если Перси все же одержат победу).

Однако Хотспер, как всегда, злится, прерывает чтение уничижительными характеристиками отправителя письма и его трусости и выражает твердую уверенность в победе. Когда пишущий упоминает об опасности, Хотспер восклицает:

> Да, но поймите, милорд дуралеевич, что в гуще крапивы, которая называется опасностью, мы срываем цветок, который называется благополучьем.
>
> ***Акт II, сцена 3, строки 9–10***

В качестве доказательства будущего успеха Хотспер приводит список уже присоединившихся к заговору (к счастью для себя, автор письма этого не слышит) и говорит:

Разве нет их письменного обещанья
присоединиться к нам девятого числа
следующего месяца и разве уже некото-
рые не в походе?

Акт II, сцена 3, строки 26–29

Если войско соберется «девятого числа следующего месяца», а известно, что восстание началось в июле 1403 г., из этого следует, что сейчас на сцене июнь 1403 г. После поражения Мортимера от Глендаура (известием о котором начинается пьеса) прошел уже год.

Ситуация заставляет Хотспера торопиться. Он готовится уйти, не обращая внимания на жену Катерину, которая неотступно следит за мужем, пытаясь понять, что он делает и куда идет. Наконец она осмеливается заговорить и оказывается недалека от истины:

Мне чудится, что занят вновь постройкой
Воздушных замков брат мой Мортимер
И, верно, требует твоей поддержки?

Акт II, сцена 3, строки 81–83

Это ясно указывает на родственную связь

между Хотспером и пленным Мортимером, объясняющую (по крайней мере, частично) цели заговора.

«Король учтивости…»

Контраст продолжается. Пока Хотспер ведет себя как туповатый, но романтичный странствующий рыцарь, принц Хэл развлекается в истчипском трактире. Он с удовольствием рассказывает Пойнсу, что подружился со здешними кабатчиками, которые якобы говорили ему:

> Для них вне сомнения, что хотя я еще только принц Уэльский, а не король Англии, но зато уже признанный король учтивости и не задираю носа, как некоторые, вроде Фальстафа. Наоборот, я совсем простой и, что называется, душа нараспашку. После коронации они обещают мне покровительство всех истчипских приказчиков.

Акт II, сцена 4, строки 9–15[101]

Как можно заметить, принц Хэл действительно учтиво обращается с теми, кто ниже его по рождению (хотя не прочь слегка подшутить над бедными кабатчиками, что и делает в следующем эпизоде). Рыцарь Фальстаф может относиться к простым людям свысока, но принц себе такого не позволяет.

Эти люди очарованы учтивостью Хэла и одобрительно называют его «коринфянином». В разные периоды истории Коринф был главным торговым городом Греции и привлекал к себе купцов и моряков, привозивших туда богатые товары и жаждавших удовольствий, которые помогли бы им расслабиться после опасного плавания по морю. Поэтому Коринф славился своими проститутками и развлечениями; иными словами, он был греческим Парижем. Во времена Шекспира и несколько столетий спустя «коринфянином» называли искателя удовольствий и веселого прожигателя жизни — одним словом, разбитного парня.

---

[101] Примечания: 101

В оригинале: «Они прямо говорят мне, что я не зазнайка вроде Фальстафа, а коринфянин, храбрый малый, отличный парень (о господи, они меня так называют!) и что, когда я стану королем Англии, все лучшие парни Истчипа будут на моей стороне». — *Е. К.*

«Далеко мне до Перси...»

Но принц Хэл тоже наслышан о Хотспере. Он передразнивает этого человека так точно, словно присутствовал при предыдущем разговоре Хотспера с женой.

Вдоволь посмеявшись над кабатчиками, принц говорит (скорее всего, уныло, понимая, что другим поступки Хотспера кажутся более благородными):

> ...я еще не остепенился. Далеко мне до Перси Готспера, этой «горячей шпоры» севера. Набьет он с утра душ до сотни шотландцев, моет руки перед завтраком и говорит жене: «Надоела мне эта безмятежная жизнь, я соскучился по настоящему делу». А она спрашивает: «Дорогой Гарри, сколько народу убил ты сегодня?» — «Напоите саврасого», — говорит он, а спустя час отвечает: «Маловато, человек четырнадцать. Не о чем толковать».

Акт II, сцена 4, строки 102–109

Впервые контраст между этими двоими людьми складывается не в пользу Перси. Рыцарство

Хотспера и его стремление к славе превращаются в гротескное стремление к убийству ради убийства. Он заботится первым делом о лошади, которая нужна для убийства, а уж потом о жене, от которой в этом деле никакой пользы.

То, что данный эпизод идет сразу вслед за розыгрышем кабатчиков, усиливает контраст. Принц Хэл забывает о важных вещах ради возможности пошутить, а Хотспер — ради возможности убивать. Можно сказать только одно: наверно, лучше забывать о делах ради смеха, чем ради убийства; тот, кто смеется над своими подданными, достоин большего восхищения, чем тот, кто убивает их.

«Кроме инстинкта»

Входит Фальстаф, сильно расстроенный неудачей на большой дороге. Деньги они добыли, но тут же потеряли. Всему виной отсутствие принца и Пойнса, помешавшее им выстоять против тех, кто ограбил грабителей.

Принц Хэл с невинным видом начинает выспрашивать у пышущего гневом Фальстафа подробности. Фальстаф тут же принимается приукрашивать события, преувеличивая число нападавших.

Вдоволь натешившись, принц открывает Фальстафу правду: они с Пойнсом без труда отняли деньги у Фальстафа и трех его товарищей.

Что скажет Фальстаф в свое оправдание?

Это кульминация зрелища. Устраивать розыгрыш было забавно, слушать вранье Фальстафа — еще забавнее, но самое смешное — это следить за тем, как Фальстаф выбирается из ямы, которую сам себе выкопал. Видимо, принц знает, что в таких ситуациях находчивость Фальстафа не знает предела.

Вполне возможно, что догадливый Фальстаф уже все понял и сознательно громоздил небылицу на небылицу, чтобы еще эффектнее выйти сухим из воды.

Момент настал. Припертый к стене Фальстаф говорит:

Я узнал вас с первого взгляда. ей-богу, как родной отец. Скажите сами, господа, мог ли я броситься с оружием на наследника престола? А вдруг я убил бы его? Ты знаешь, Гарри, я храбр, как Геркулес. Ничто не может остановить меня, когда я разойдусь. Кроме инстинкта. Лев чутьем всегда узнает настоящего принца и никогда не трогает его, вы подумайте!

Акт II, сцена 4, строки 268–273

В то время зоологию знали лишь по притчам, сочиненным для наставления человечества на путь истинный. Казалось, что весь мир создан лишь для того, чтобы стращать грешников. Лев был царем зверей, а потому из уважения к званию не причинял вреда царю людей.

«…Королевская кровь не осталась неузнанной»

Но Фальстаф — не мальчик для битья. Да, он получил по заслугам, причем обошлись с ним довольно жестоко. Украли лошадь и заставили идти пешком, отняли добычу, обратили в бегство и вдобавок высмеяли.

Не затаил ли он зла на своего обидчика? Хотя

внешне Фальстаф никак не выражает свою обиду на принца Уэльского, но исподтишка может показать это. Конечно, ему хорошо известны слабости принца Хэла.

Шекспир ни разу не упоминает о том, что принцу Хэлу не по душе то, каким образом его отец получил корону (см. в гл. 6: «…С престола свергнуты законно»). В глубине души он, возможно, считает отца узурпатором, а себя самого — наследником узурпатора. Не поэтому ли он не ценит свой титул и положение в обществе и предпочитает бродяжничать и якшаться со всякими темными личностями? Зачем вести себя как принц Уэльский, если он считает, что не имеет права на этот титул?

А вдруг Фальстаф знает или догадывается об этом и в отместку за унижение наносит удар по этому месту?

Он уважительно назвал Хэла «истинным принцем», подчеркнув это тоном и соответствующей гримасой. Теперь Фальстаф идет дальше. В неизменно уважительных выражениях, к которым невозможно придраться, он заявляет:

Я горжусь этим вдвойне. Горжусь тем, что львиный нюх не обманул меня, горжусь тем, что твоя королевская кровь не осталась неузнанной.

Акт II, сцена 4, строки 274–276

Итак, сразиться с принцем Хэлом Фальстафу помешал инстинкт. Наличие такого инстинкта — неопровержимое доказательство того, что сам Фальстаф — лев, а Хэл — истинный принц. Но сама необходимость доказывать «истинность» принца свидетельствует о том, что на этот счет существуют большие сомнения. Хуже того, всем хорошо известно, что Фальстаф — вовсе не лев. Нет ли здесь намека? Может быть, всем также хорошо известно, что Хэл — вовсе не истинный принц?

Впрочем, даже если Фальстафу всего этого не приходило в голову, чувствительный принц Хэл мог истолковать его речь именно так, но не сумел ответить подобающим образом, поскольку будущие подданные не должны догадываться о его сомнениях в законности собственного титула. Принц вынужден страдать молча; если так, то Фальстаф ловко поменялся с ним ролями.

«…Наставил рога Люциферу»

Однако в самую веселую из шекспировских сцен властно вторгается реальный мир. Приходит придворный и вызывает принца Хэла. Беспечный принц просит Фальстафа прогнать его, но Фальстаф возвращается с плохими известиями. Заговор раскрыт: войско Хотспера уже выступило в поход.

Фальстаф перечисляет врагов, среди которых есть и Глендаур. Фальстаф не называет его прямо. Он говорит:

> …этот из Уэльса, ну, знаешь, который выпорол нечистого, *налепил нос* Люциферу и держит дьявола в подчинении…

Акт II, сцена 4, строки 337–339[102]

Иными словами, Глендаур победил дьяволов и сделал их своими слугами. Согласно средневековой демонологии, перечисляющей орды дьяволов (см. в гл. 1: «…Флибертиджиббет»), Амамон — одно из главных адских созданий. Позже

---

[102] Примечания: 102

В оригинале: «…этот из Уэльса, который отдубасил Амамона, *наставил рога* Люциферу и клянется, что дьявол — его послушный вассал…» — *Е. К.*

это подтверждает сам Глендаур.

«…Попадает из пистолета в летящего воробья»

Когда Фальстаф называет имя шотландца Дугласа, становится ясно, что на англичан производило неизгладимое впечатление то, как искусно он держался в седле. Фальстаф описывает его следующим образом:

> …и этот сверхшотландец Дуглас, который берет на коне разбег вверх по отвесной горе…

Акт II, сцена 4, строки 343–345

Принц Хэл добавляет ему в тон, готовя ловушку:

> И на всем скаку попадает из пистолета в летящего воробья?

Акт II, сцена 4, строки 346–347

Фальстаф радостно подтверждает:

> Да, храбрости ему не занимать стать.

Акт II, сцена 4, строка 348[103]

И принц Хэл тут же отвечает:

> Как же ты хвалил только что его разбег?

Акт II, сцена 4, строка 349

Принц Хэл снова издевается над претензиями рыцарей. Образ могучего воина, бесподобно управляющего лошадью и стреляющего на скаку без промаха, внезапно рушится, так как скакать во весь опор и одновременно метко стрелять невозможно. (То, что пистоли появились лет на двадцать позже описываемых событий и применение самого этого слова является анахронизмом, большого значения не имеет.)

«...Недостает твоего инстинкта»

Хладнокровная шутка Хэла показывает публике, что новость его ничуть не испугала.

И все же она должна была произвести впечатление. Сам факт восстания доказывает, что далеко не все считают Генриха IV законным королем, а Хэла — истинным принцем. Фальстаф повторяет

---

[103] Примечания: 103

В оригинале: «Ты меня понял (буквально: «ты попал в цель»). — Е. К

ядовитый намек, но полученное известие делает его более серьезным.

Видимо, Хэл все же хмурится в ответ, потому что Фальстаф насмешливо спрашивает, не напугала ли его новость. На что принц Хэл ядовито отвечает:

> Честное слово, нисколько. Очевидно, мне недостает твоего инстинкта.
>
> ***Акт II, сцена 4, строка 372***

Он не забыл ядовитого намека Фальстафа.

«...В «Царе Камбизе»

Но гнев Хэла обращен вовсе не на Фальстафа; старый рыцарь не виноват в том, что дело обернулось таким образом. Если кто-то и виноват, то это король Генрих; он узурпировал корону и наградил сына чувством вины.

Если наше предположение верно, то становится понятно, почему до конца сцены принц Хэл бессердечно передразнивает своего отца, который оказался в кризисном положении в самом начале царствования.

Фальстаф предупреждает, что отец примет Хэла неласково, и они решают заранее отрепетировать

разговор. При этом Фальстаф будет играть роль разгневанного короля. Он говорит:

> Я буду играть с большим чувством, как в «Царе Камбизе».

Акт II, сцена 4, строки 386–387

Камбиз — персидский царь, правивший с 529 по 522 г. до н. э. Величайшим достижением этого царя было завоевание Египта и присоединение его к Персии. Геродот, рассказывая об этом столетие спустя со слов египетских жрецов, не питавших симпатии к персидскому монарху, изображает его гневным, безумным святотатцем.

Первой исторической драмой Елизаветинской эпохи стала пьеса «Жизнь Камбиза, царя Персии», написанная Томасом Престоном и поставленная на сцене в 1569 г. Эта кровавая трагедия имела оглушительный успех.

Естественно, Камбиз был изображен в пьесе буйнопомешанным; его имя стало характеристикой роли, в которой актер чудовищно переигрывал. В свое время Шекспир тоже отдал дань этому направлению, особенно в «Тите Андронике», но к 1597 г. он уже был опытным драматургом и охотно высмеивал современные театральные нравы; при этом Шекспира не слишком волновало, что

Камбиз, которого упоминает Фальстаф, персонаж пьесы, написанной через полтора века после смерти самого Фальстафа.

«Я поражен не только тем…»

Но Шекспир высмеивает не только стремление актеров «рвать страсть в клочки». Фальстаф начинает говорить, тщательно выбирая выражения:

> Гарри, я поражен не только тем, как ты проводишь время, но и тем, среди кого ты его проводишь. Потому что, хотя ромашка и растет тем гуще, чем больше ее топчут, иная вещь молодость. Чем больше прожигают ее, тем скорее она сгорает.
>
> ***Акт II, сцена 4, строки 398–402***

Он пародирует стиль книги, написанной английским придворным Джоном Лили и называющейся «Эвфуэс, или Анатомия остроумия». Она была опубликована в 1578 г., когда Джону Лили было всего двадцать четыре года. Это был назидательный трактат, направленный на совершенствование образования и манер, но его содержание меркнет в сравнении с формой. Каждое предложение Лили состояло из двух частей,

одинаковых по длине, но разных по смыслу. Он использовал экзотические слова и сложные сравнения, часто заимствуя их из мира природы.

Его стиль отличался чрезмерной вычурностью и резко отличался от языка простонародья. Только высокообразованные люди могли писать в такой манере и понимать прочитанное. Его с радостью восприняли снобы. На какое-то время этот стиль приобрел невероятную популярность; даже те, кто не понимал такого языка, пользовались им, чтобы не отстать от моды.

Однако в 1590–х гг. стала окончательно ясна абсурдность и смехотворность этого стиля, прозванного эвфуизмом. Шекспир, который писал для всего общества, а не для кучки самодовольных снобов, считал эвфуизм отвратительным и жестоко издевался над ним во многих пьесах (особенно в «Бесплодных усилиях любви»).

«Не прогоняйте толстого Джека...»

Внезапно Фальстаф переходит от эвфуизма к панегирику самому себе, произнося его от имени короля.

Для этого старый рыцарь заводит речь о Фальстафе (то есть самом себе) и устами короля красноречиво поносит его. Однако он мастерски

владеет ситуацией. Через мгновение Фальстаф уже от имени принца произносит еще один панегирик себе, заканчивающийся так:

> *…не смотрите косо на доброго* Джека Фальстафа, на бескорыстного и храброго Джека Фальстафа, тем более храброго, что он стар. Не разлучайте его с Гарри, не оставляйте вашего Гарри в одиночестве. Не будет с ним толстого Джека, отвернется от него и весь мир.

Акт II, сцена 4, строки 475–480[104]

Эта речь так захватывает публику, что на ответную реплику принца Хэла никто не обращает внимания. Но произнесенные слова серьезны и даже суровы. Возможно, желая отомстить Фальстафу за его насмешку насчет «истинного принца», Хэл от лица короля отвечает на просьбу не прогонять Фальстафа:

> Ничего не поможет. Я прогоню его.

Акт II, сцена 4, строка 481

Это мрачное предсказание конца Фальстафа.

---

[104] Примечания: 104

В оригинале: «Не прогоняйте толстого *Джека…*» — Е. К.

«Всем… на войну»

Но веселье прерывается снова. На этот раз у дверей трактира стоит шериф с помощниками, разыскивающий разбойников с Гедских холмов. По крайней мере, одного из них опознали. Естественно, это Фальстаф, и шериф ищет тучного мужчину. Если Фальстафа найдут, то наверняка осудят, потому что в то время разбой считался преступлением против государства. Иными словами, Фальстафу грозит не штраф и даже не тюрьма, а виселица.

Но либо Фальстаф не такой трус, каким его часто изображают, либо он очень надеется на принца. Он спокойно ждет прихода шерифа, прячется за занавеску только по приказу принца и даже засыпает там, когда принц морочит шерифу голову двусмысленностями, которые скрывают правду, но ложью при этом не являются.

Однако после ухода шерифа веселье прерывается. Сначала Хэл обыскивает карманы спящего и потешается над их содержимым (счетом из трактира), но затем становится серьезным. Глядя на спящего Фальстафа, он говорит Пето (еще одному члену шайки):

Немного попозднее я пойду во дворец. Всем нам надо будет отправиться на войну. Я тебе выхлопочу хорошее место. Этому разбойнику я достану назначение в пехоту. Надо его проучить, пусть побегает. Награбленные деньги будут возвращены с избытком.

Акт II, сцена 4, строки 545–550

Упоминание о возмещении материального и морального ущерба снимает с принца всякую вину за участие в разбое. Он не только не принимал прямого участия в преступлении, но выплачивает компенсацию купцам за причиненные неудобства и пережитый страх.

«Я духов вызывать из тьмы умею»

Но вернемся к Хотсперу. Две сцены назад он покинул свой нортумберлендский замок. За долгую сцену, в которой участвуют принц Хэл и Фальстаф, он успел добраться до Уэльса и теперь находится у самого грозного Глендаура. Рядом сидит Мортимер, ранее пленник Глендаура, а теперь союзник и зять валлийца. Здесь же и Вустер, мозговой центр заговора.

Хотспер выражает нетерпение. Для него Глендаур — фигура непонятная и чуждая. Он может быть красноречивым и даже поэтичным, когда воспевает славу, которой он предан всей душой. Во всем остальном он односложен и прозаичен. Кроме того, он уже воевал с валлийцами, которыми командовал человек, сидящий напротив. Естественно, в такой обстановке Хотсперу неуютно.

Власть Глендаура над валлийцами основана на их вере в его сверхъестественные способности; видимо, он хочет произвести такое же впечатление на своих английских союзников.

Когда Хотспер пытается польстить хозяину и говорит, что того боится сам король, Глендаур важно отвечает:

> Вполне понятно.
> При появлении моем на свет
> Пылало небо и земля дрожала.

Акт III, сцена 1, строки 12–16

Это еще один пример распространенной веры в то, что небесные тела существуют лишь для того, чтобы, как дворецкий, объявлять о приближении важного события, которое должно произойти на нашей ничтожной планете.

Хотспер же придерживается современной точки зрения (как Эдмунд в «Короле Лире», см. в гл. 1: «…Под созвездием Дракона») и говорит:

> Это событие произошло бы и в том случае, если бы у вашей матери окотилась кошка, а вас не было бы и в помине.

Акт III, сцена 1, строки 17–19

Рассерженный Глендаур снова и снова настаивает на том, что он обладает сверхъестественной силой, а упрямый Хотспер продолжает высмеивать его. Дело доходит до обмена репликами, впоследствии ставшими знаменитыми. Глендаур с напором говорит:

> Я духов вызывать из тьмы умею.

Акт III, сцена 1, строка 52

Но Хотспер тут же парирует:

> И я, как, впрочем, каждый человек.
> Все дело в том, появятся ли духи.

Акт III, сцена 1, строки 53–54

Хотя образованные люди аплодируют этой реплике, цитируют ее к месту и не к месту и

одобряют поведение Хотспера, но в сложившейся ситуации ничего хуже Хотспер сказать не мог. Он говорит с Глендауром, а без участия Глендаура никакого мятежа не будет. Зачем же он перечит хозяину и восстанавливает Глендаура против себя, вместо того чтобы попытаться завоевать его дружбу?

Это еще одна черта, которая резко отличает Хотспера от принца Хэла. Принц вежлив даже с кабатчиками, от которых ему нет никакой корысти; Хотспер же груб даже с Глендауром, от которого зависит успех восстания.

«Три равных, одинаковых куска»

Мортимеру, которого раздражает глупость зятя, удается заставить Хотспера замолчать и вернуться к вопросу, ради которого все собрались: разделу королевства после победы над Генрихом. (Конечно, они делят шкуру неубитого медведя, но это необходимо, потому что никто из союзников не станет воевать, пока не убедится, что его не обманут при дележе добычи.)

Они склоняются над картой, и Мортимер говорит:

> На карте обозначил архидьякон

Три равных, одинаковых куска.
Вся Англия от Северна и Трента
На юг и на восток дается мне.
Уэльский край от севера на запад
Получит Глендаур. Вам мы отдаем
На север вверх от Трента весь остаток.

Акт III, сцена 1, строки 71–78

Упомянутый здесь архидьякон — это архидьякон Бангора, города на северо-западном побережье Уэльса, расположенного напротив острова Англси, который отделен от валлийцев узким проливом. Видимо, архидьякона выбрали как ученого человека и нейтрального арбитра, который будет справедлив ко всем троим.

Дележ выглядит справедливым (если такое возможно в принципе). Глендаур, получив все земли к западу от Северна, приобретет не только территорию нынешнего Уэльса, но и добрую часть современной Англии — в том числе весь Херефордшир, а также часть Шропшира и Вустершира.

Если бы Перси получили все земли к северу от Трента, им досталась бы вся северная Англия вплоть до Ноттингема и Дерби. Кое-где их отделяли бы от Лондона какие-то 100 миль (160 км).

Вся остальная Англия, к югу от Трента и к востоку от Северна, достанется Мортимеру (точнее, его племяннику Эдмунду Марчу), который станет королем. Эта часть острова — самая заселенная и богатая; можно предположить, что Глендаур и Хотспер заранее принесли формальную клятву верности Мортимеру. И все же обстановка восстания такова, а услуги Глендаура и Хотспера носят такой характер, что контроль за ними невозможен. Следовательно, на карте возникнут три независимых королевства — Англия, Уэльс и (если использовать англосаксонское название древнего северного королевства) Нортумбрия.

Конечно, такая ситуация не могла оказаться устойчивой. Неизбежно начались бы трения, а потом и кровопролитная война. В Англии на несколько поколений (а то и веков) воцарилась бы анархия.

У шекспировской публики план разделения Англии на три части должен был вызвать негодование. Если до этого момента она следила за Хотспером с одобрением, восхищаясь его смелостью и удалью, то теперь с этим покончено. Шекспир исподволь помогает зрителю расстаться с иллюзиями, заставляя Хотспера действовать в этой сцене по-мальчишески.

«...На целый полукруг»

Мортимер и Глендаур переходят к следующему вопросу повестки дня — обсуждению того, где и когда встретятся союзные армии, чтобы выступить против короля единым фронтом, но Хотспер продолжает изучать карту и неожиданно заявляет с мрачным видом:

> Я все смотрю, земельный мой надел
> От Бертона на север меньше ваших.
> В него вдаются в нескольких местах
> Извилины реки и сокращают
> Мне этот край на целый полукруг.

Акт III, сцена 1, строки 95–99

Здесь имеется в виду Бертонна-Тренте, город, расположенный на южной излучине извилистой реки. От Бертона Трент течет на восток, к Ноттингему, затем сворачивает на север и впадает в Хамбер. Если бы Трент продолжал течь на восток, то он впадал бы в залив Уош; в результате Линкольншир отошел бы не к Мортимеру, а к Хотсперу. Такой дележ Хотсперу не по душе; он предлагает запрудить реку и заставить ее течь на восток.

Мортимер и Вустер начинают обсуждать этот немыслимый проект, чтобы не раздражать Хотспера, но тут внезапно возражает Глендаур, доля которого не зависит от капризов Трента. Глендаур и Хотспер снова вступают в перепалку, ставя под угрозу успех всего предприятия.

«Волшебников Мерлинов…»

Когда ссора заканчивается и Глендаур уходит, Мортимер и Вустер принимаются бранить Хотспера за то, что тот дразнит хозяина. Хотспер защищается:

> Он может ведь в отчаянье привесть.
> Я вот как сыт его абракадаброй.
> В ушах звенит от муравьев, кротов,
> *Волшебников Мерлинов*, предсказаний,
> Бескрылых грифов и бесперых рыб…

Акт III, сцена 1, строки 147–150[105]

На Мерлина, мудреца из древних валлийских мифов (играющего важную роль в цикле легенд об Артуре), позднее жители Уэльса, страстно стремившиеся к восстановлению утраченной

---

[105] Примечания: 105

В оригинале: «Иногда он злит меня, рассказывая о кроте и муравье, *о спящем Мерлине* и его пророчествах, и о драконе…» — *Е. К.*

независимости, возлагали большие надежды. Ему приписывали многие пророчества; естественно, они трактовались так, чтобы внушить валлийцам надежду.

Согласно Холиншеду, в тогдашнем Уэльсе было модно пророчество, согласно которому королевство крота должны были разделить дракон, лев и волк. Чтобы интерпретировать это пророчество, требовалось уподобить короля Генриха хитрому кроту, получившему корону с помощью тайных подземных ходов. Конечно, Глендаур был драконом, потому что его издавна отождествляли с Уэльсом и древними кельтскими легендами. Естественно, львом являлся Хотспер, а роль волка автоматически доставалась Мортимеру.

Несомненно, Глендаур изложил Хотсперу свой план с изрядной долей мистической чепухи, которой не переносил Хотспер.

«...Отсутствие манер»

Хотя Хотспер нанес делу немалый урон, но Мортимер продолжает льстить ему, стремясь не сердить союзника.

Однако Вустер ведет себя по-другому. Именно он организовал этот заговор; пока Хотспер валял дурака, Вустер молчал. Но теперь он гневно обли-

чает бестактность племянника:

Напрасно думать, будто резкий тон
Есть признак прямодушия и силы.
В основе тут отсутствие манер.
Напротив, самомненье и бахвальство
Не могут делать чести никому.

Акт III, сцена 1, строки 179–184

Обличение недостатков Хотспера позволяет даже самому недогадливому зрителю понять, что к чему. Симпатии публики все больше склоняются к принцу Хэлу…

«…В Шрусбери»

Однако совещание продолжается; место встречи уже определено. Мортимер ранее сказал:

А завтра Вустер, вы и я начнем
Передвиженье в Шрусбери к шотландцам
И к вашему отцу, как уговор.
Мой тесть Глендаур еще не кончил сборов.

Потерпим две недели без него.

Акт III, сцена 1, строки 82–87

Шрусбери — главный город Шропшира, стоящий на верхнем Северне, в 10 милях (16 км) к востоку от границы с Уэльсом. Отсюда удобно контролировать дороги, ведущие в Северный Уэльс. Занять там позицию и подождать вполне разумно; с тыла Хотспера будет прикрывать Глендаур, который присоединится к ним позже. После этого можно будет начать наступление.

После сцены, в которой жена Мортимера (она же дочь Глендаура) поет по-валлийски, а Хотспер и его жена вступают в комический диалог (Хотспер становится очень обаятельным, когда демонстрирует любовь к супруге; он из тех, кто проявляет эту любовь, давая жене шлепка), приходит пора расстаться. Все садятся на коней и уезжают. Армия повстанцев выступает в поход.

«…Твой младший брат»

Тем временем в Лондоне беседа короля и принца Хэла проходит на повышенных тонах — именно так, как предсказывал Фальстаф. Когда король осуждает принца за общение с темными личностями, он изъясняется почти как Фальстаф.

В одном месте он говорит:

> Ходить в совет ты не считаешь нужным.
> Тебя в нем заменяет младший брат.

Акт III, сцена 2, строки 32–33[106]

Это анахронизм. Во время восстания Хотспера принцу Хэлу еще не было шестнадцати лет и он не участвовал в управлении страной. Лишь в 1409 г., через шесть лет после восстания, он потребовал место в совете и получил его. В то время его отец уже был болен; естественно, принц тут же примкнул к политической оппозиции.

Это нетрудно понять. Перед нами обычный бунт сына против властного отца и желание человека, готовящегося стать королем, приступить к преобразованиям королевства на свой лад. Что же касается Генриха IV, то он, зная, что долго не проживет, видимо, боялся, что принц завладеет короной прежде, чем она достанется ему по праву; явная враждебность отца только сильнее отталкивала сына.

На какое-то время король лишил принца Уэльского места в совете и заменил его младшим

---

[106] Примечания: 106
В оригинале: *«…твой* младший брат». — *Е. К.*

братом, о чем говорит строка, процитированная выше. Однако эта замена была проведена из-за враждебности короля, а не из-за пренебрежения принцем своими обязанностями. Более того, популярность принца заставила короля вернуть его в совет.

Но кем был этот младший брат?

Мария де Бун была женой Генриха IV (тогда Генри Болингброка) двенадцать лет и умерла в 1394 г. За это время она родила шестерых детей, в том числе четверых сыновей. Конечно, принц Хэл был старшим из четверых. Вторым, на год моложе, был Томас, в конце концов ставший герцогом Кларенсом. Именно Томас Кларенс недолгое время заменял Хэла в совете. Это случилось в 1412 г., когда ему было двадцать четыре года, а принцу Хэлу — двадцать пять.

Естественно, в легендах о беспутстве принца Хэла это временное смещение с поста объяснялось его поведением. Самая известная из них гласит, что Хэл поколотил верховного судью Англии, когда этот вельможа пытался арестовать одного из мерзавцев, которых защищал принц. В результате принца тоже арестовали и посадили в тюрьму.

Почти наверняка дело было не так. Скорее

всего, эта легенда возникла лишь в XVI в. и была придумана для украшения более старых легенд. Этот инцидент включен в «Знаменитые победы», но Шекспир не использует его непосредственно — возможно, потому, что это представило бы принца Хэла слишком вульгарным и обрисовало бы его в невыгодном свете. Впрочем, драматург вернется к этому эпизоду позднее, в ряде других пьес, когда его можно будет использовать, чтобы подчеркнуть благородство принца.

«...И привораживал простонародье»

Король продолжает отчитывать принца Хэла. По его мнению, если принц будет запанибрата с каждым англичанином, то скоро надоест народу. Король приводит в пример себя. Он завоевал любовь народа тем, что старался редко появляться на людях — в отличие от короля Ричарда, который всем надоел, потому что вечно был на виду.

А когда приходилось присутствовать на публичных церемониях, Болингброк подыгрывал публике. Вспоминая те дни, он говорит сыну:

> Я был приветлив, как лазурь небес,
> И привораживал простонародье.
> Все радовались мне, как королю,

В присутствии законного монарха.

Акт III, сцена 2, строки 50–54

Приходится признать, что здесь король проявляет себя никудышным дипломатом. Разве можно произвести впечатление на чувствительного сына, открыто признавшись в том, что ты украл корону, и хвалиться своим воровским мастерством? Если мы правы и принц Хэл действительно считает свой титул и положение в обществе незаконными, то каждое слово короля только сыплет соль на его рану.

Принцу остается только уйти в себя. Когда длинный и самодовольный монолог короля заканчивается, Хэл холодно говорит:

> Стыжусь все это слышать, государь,
> И правда, постараюсь измениться.

Акт III, сцена 2, строки 92–93[107]

В обращении «трижды милостивый» слышится ирония.

Но что означает загадочная фраза «быть более собой»? Если Хэл не является истинным принцем

---

[107] Примечания: 107

В оригинале: «Трижды милостивый милорд, в дальнейшем я постараюсь быть более собой». — *Е. К.*

(как в собственном восприятии, так и согласно словам отца), то почему он должен вести себя как принц? Почему бы ему не быть «более собой», то есть оставаться простым смертным и радоваться жизни? Эту реплику можно трактовать как мрачное обещание вести еще более беспутную жизнь.

«Он мальчик, как и ты…»

Но тут король находит ключ к душе Хэла. Он сравнивает принца с Хотспером и говорит, что благодаря подвигам Хотспер более достоин трона, чем принц. Он так описывает Хотспера:

> Он мальчик, как и ты, а посмотри,
> Каких епископов и старых лордов
> Его приказы посылают в бой.

Акт III, сцена 2, строки 103–105

После этого король обвиняет принца в том, что тот закостенел в грехе. Затем, беспомощно махнув рукой, он произносит трогательный монолог:

> Кому я, впрочем, это говорю,
> Когда ты сам мой худший враг заклятый

И к ним примкнешь — я в этом убежден, —
Чтоб выкинуть проделку почуднее,
Иль попросту из трусости пойдешь
Против меня, виляя по-собачьи
Перед врагами, чтобы показать,
Как далеко зашел ты в вырожденье.

Акт III, сцена 2, строки 122–128

Этого Хэл уже не выдерживает. Может быть, он и не истинный принц, но не трус и не выродок. Он произносит страстную и взволнованную речь, заверяя отца, что тот еще будет им гордиться:

Все искуплю я головою Перси
И как-нибудь в счастливый день побед
Назваться вашим сыном буду вправе.

Акт III, сцена 2, строки 132–134

Услышав воинственную речь принца Хэла, достойную самого Хотспера и подобающую принцу Уэльскому, король радостно восклицает:

Сто тысяч раз умрут бунтовщики.
Тебя командующим я назначу.

Акт III, сцена 2, строки 160–161

«…Лорд Джон Ланкастерский, мой сын»

Но время битвы приближается. Беседу отца с сыном прерывает сэр Уолтер Блент, который приносит новость:

> Одиннадцатого числа сошлись
> Граф Дуглас и английские повстанцы
> Под Шрусбери.

Акт III, сцена 2, строки 165–166

Речь идет об 11 июля 1403 г.

Но король уже принял ответные меры. Он говорит принцу Хэлу:

> Граф Уэстморленд сегодня вышел. Следом
> Идет лорд Джон Ланкастерский, мой сын.
> Твое известье очень запоздало.
> Ты, Гарри, в среду выступишь, а я —
> В четверг. Мы в Бриджнорсе назначим встречу.

Акт III, сцена 2, строки 170–175

Настоящий полководец — Уэстморленд, а

упоминание о Джоне Ланкастерском не имеет никакого исторического значения. Джон — третий сын Генриха IV, на два года младше принца Хэла. Джон родился 20 июня 1389 г.; следовательно, в момент восстания Хотспера Джону было четырнадцать лет. Шекспир же делает его лет на десять старше.

Бриджнорс, назначенный местом встречи королевских сил, находится на реке Северн, в 20 милях (32 км) ниже по течению, чем Шрусбери.

«Деньги возвращены»

Далее следует сцена с участием Фальстафа, но принц Хэл появляется в ней только к концу; у него нет времени на ленивый обмен шутками.

Когда принц Хэл отделался от людей шерифа и обнаружил Фальстафа спящим за занавеской, он ради шутки вывернул его карманы. Теперь же Фальстаф утверждает, что воры украли у него несуществующие ценности. За этим следует фарсовая перепалка с хозяйкой постоялого двора миссис Куикли, наполненная непристойными намеками.

Пришедший принц некоторое время забавляется их перебранкой, но, когда Фальстаф спрашивает, чем закончилось дело с разбоем на

Гедских холмах, Хэл отвечает:

> …я всегда буду твоим ангелом-хранителем. Деньги возвращены.

Акт III, сцена 3, строки 183–184

Теперь руки принца чисты; Шекспир снимает с Хэла единственное обвинение, которое он осмелился ему предъявить.

Далее принц говорит, что добился для Фальстафа назначения в пехоту. Теперь Фальстаф может набрать рекрутов и возглавить отряд. Этот пост для него — большая честь.

«…А тайны доверять гонцам боялся»

Хотспер, Вустер и шотландец Дуглас разбили лагерь под Шрусбери. До сих пор все шло как по маслу, и они очень уверены в себе.

Но тут возникают трудности. Прибывает гонец с письмом от отца Хотспера, графа Нортумберлендского. Выясняется, что граф болен, а доверить командование армией кому-то другому боится. Об этом говорит Хотспер, прочитавший письмо:

> Он мне пишет,
> Что он не мог предупредить друзей,

А тайны доверять гонцам боялся.

Акт IV, сцена 1, строки 33–35

Это серьезный удар. Без людей Нортумберленда повстанцы вряд ли сумеют одолеть армию короля. Но хуже другое: все уверены, что болезнь Нортумберленда мнимая, что в последний момент граф заколебался и не нашел в себе смелости открыто присоединиться к восставшим. Если солдаты Хотспера узнают, что Нортумберленд предпочел сказаться больным, чтобы не участвовать в опасном деле, это подорвет их моральный дух.

Умный Вустер понимает это. Если бы армией командовал он, то отступил бы и выбрал для битвы другое время. Однако Хотспер думает иначе. Он всегда готов к драке. Когда Вустер предупреждает, что отступничество Нортумберленда плохо повлияет на психологический настрой солдат, Хотспер переходит в психическую контратаку:

А впрочем, знаете? Неявка графа,
Я думаю, не столь большое зло.
Мы полагали сразу бросить в дело
Все армии, какие есть у нас,

И всю игру решить одним ударом.

Акт IV, сцена 1, строки 33–35

Хотспер в своем репертуаре: чем меньше союзников, тем больше чести и славы выпадет на его долю в случае победы. Эта мысль подстегивает его; Хотспер уверен, что вся его армия думает так же, и считает, что поэтому солдаты будут сражаться с еще большим пылом.

(Следует добавить, что придет время, когда принц Хэл сам станет королем и будет вынужден принять участие в еще более важной и более неравной битве. И в своей более величественной речи, как и Хотспер, укажет на причины своего решения. Но у принца Хэла будут более веские причины поступить так, и он победит; это доказывает, что он является более величественной личностью.)

«Как некий бог…»

Сторонник Перси сэр Ричард Верной приносит еще одну дурную весть: армия короля приближается к ним с неслыханной быстротой. Уэстморленд, Джон Ланкастерский и сам король ведут войско, численно намного превосходящее силы мятежников.

Однако для Шекспира важнее контраст личностей, на котором построена пьеса. Услышав о врагах (даже о короле), Хотспер только пожимает плечами, но спрашивает:

> А где его потомство,
> Принц Уэльский, непоседа сын его,
> Который удалился к забулдыгам
> И прах мирской отряс от ног своих?

Акт IV, сцена 1, строки 93–96

Наконец характер сравнения меняется. До сих пор вся слава и честь доставались Хотсперу, а к Хэлу относились с презрением и смотрели на него свысока. Но теперь все изменилось. Верной, видевший принца не в кабаке, а в военном лагере, говорит:

> На принце шлем. Он весь закован в сталь.
> Я любовался грацией, с которой
> Он взвился над землей, вскочил в седло
> И начал горячить и пятить лошадь
> И ставить на дыбы, *как некий бог,*

Который верховой ездой увлекся.

Акт IV, сцена 1, строки 103–109[108]

Меркурия, вестника богов, обычно изображали с крылышками на лодыжках, символизирующими скорость, с которой он передвигается. Принц Хэл прыгает в седло так, словно он может летать, как Меркурий.

Его конь тоже участвует в этой метафоре; он подобен Пегасу, знаменитому крылатому коню из греческих мифов.

Такое описание для Хотспера — острый нож. Если раньше принц Хэл, подстегиваемый презрением отца, клянется встретиться с Хотспером в поединке и победой над ним заслужить право называться сыном короля, то теперь Хотспер, подстегиваемый описанием Вернона, восклицает:

Коня сюда! Меня он понесет
Навстречу принцу Уэльскому стрелою.
Сшибемся, Гарри с Гарри, конь с конем
И с поля в сторону не повернем,

---

[108] Примечания: 108

В оригинале: «Он оторвался от земли, как *оперенный Меркурий*, и опустился в седло легко, словно ангел, который, пробив облака, начал управлять яростным Пегасом так, словно хотел покорить мир своим искусством всадника». — *Е. К.*

Пока один из нас не рухнет наземь.

Акт IV, сцена 1, строки 118–122

«...Он не скоро соберет войска»

Хотсперу не терпится начать битву. Нужно дождаться прихода еще одного отряда повстанцев, и Хотспер раздосадован задержкой. Он говорит:

О, был бы Глендаур тут!

Акт IV, сцена I, строка 123

И тут он получает самый тяжелый удар. Верной отвечает:

Как раз о нем
Я слышал мимоездом в графстве Вустер,
Что он не скоро соберет войска.

Акт IV, сцена 1, строки 123–125

Для усиления драматизма следовало бы намекнуть, что Глендаур обиделся на оскорбления Хотспера; тогда получалось бы, что заговор провалился исключительно из-за поведения Хотспера. Однако прямых указаний на это в пьесе нет.

На самом деле неудача Глендаура объяснялась

умелыми действиями королевской армии. Она двигалась намного быстрее, чем рассчитывали повстанцы, и взяла Шрусбери еще до того, как к городу подошло войско Хотспера. В результате Хотспер оказался отрезанным от Глендаура. Теперь же Хотспер вынужден вступить в неравный бой и либо разбить армию короля, либо как минимум взять Шрусбери, чтобы получить возможность соединиться с Глендауром, либо вообще отказаться от сражения.

Но отказ от сражения мог привести к развалу армии, обнаружившей, что ее перехитрили, и потерявшей боевой настрой. После этого Хотсперу пришлось бы спасаться бегством. За ним устроили бы погоню, взяли в плен и казнили. Нет, такой бесславный конец — не для него.

«Сборище оборванцев вроде Лазаря...»

Однако в Шрусбери собралась еще не вся королевская армия (по крайней мере, с точки зрения Шекспира). Фальстаф застрял под Ковентри; старый рыцарь произносит длинный монолог, раскрывающий не лучшие черты его характера. После этого публика не может испытывать к нему ничего, кроме презрения.

Он получил три с лишним сотни фунтов, что-

бы нанять сто пятьдесят солдат и привести их на поле битвы. Фальстаф сознательно выбирает рекрутов, которые не хотят воевать и могут откупиться от солдатчины. Таким способом он набивает свой карман и набирает солдат из отбросов общества.

Обращаясь к публике, Фальстаф презрительно описывает новобранцев:

> …сборище оборванцев вроде Лазаря на картине, где псы богача лижут его струпья.
>
> ***Акт IV, сцена 2, строка 25***

Это заставляет нас вспомнить знаменитую притчу о Лазаре, изложенную в Евангелии от Луки. Лазарь — нищий, который дожидался объедков, сидя у ворот богатого дома. Когда нищий и богач умерли, первый отправился в рай, а второй — в ад.

Вполне понятно, что эта притча согревала души бедняков и угнетенных (составлявших подавляющее большинство), так как она обещала не только воздаяние на том свете, но и возмездие угнетателям. В результате частого повторения этой притчи Лазарь стал воплощением несчастья и нищеты, преследующих человека в его земной

жизни.

Притча эта уже цитировалась в пьесе. Потешаясь над красной физиономией своего слуги, пьяницы Бардольфа, Фальстаф говорит:

> Чуть я посмотрю на тебя, как задумаюсь о преисподней и вспомню богатого в притче, одевавшегося в пурпур и потом горевшего в пламени.
>
> ***Акт III, сцена 3, строки 32–34***[109]

В притче имя богача не названо, но в латинском варианте Библии он назван dives, что означает просто «богатый человек». Люди, плохо знавшие латынь, воспринимали это слово как имя собственное человека, отправившегося в ад.

Описывая бедолаг, набранных им в солдаты, Фальстаф использует еще одно библейское сравнение:

---

[109] Примечания: 109

В оригинале: «Стоит мне увидеть твое лицо, как я начинаю думать об адском пламени и Дайвсе, одевавшемся в пурпур…» — *Е. К.*

Можно подумать, будто это вернулись сто пятьдесят блудных сыновей, которые только еще вчера пасли свиней и питались объедками с помойки.

Акт IV, сцена 2, строки 34–36

Это ссылка на еще одну знаменитую притчу из Евангелия от Луки, повествующую о блудном сыне, который, разорившись по собственной глупости, вернулся к отцу и получил прощение. (Естественно, обещание прощения было источником утешения для всех людей; этим и объясняется популярность притчи.)

Верхом несчастий блудного сына являлось то, что он был вынужден для пропитания пасти свиней (с точки зрения евреев, животных нечистых) и был так голоден, что завидовал их еде. В распространенной версии притчи он питается свиным пойлом, но в Библии говорится следующее: «И он рад был наполнить чрево свое *рожками*, которые ели свиньи, но никто не давал ему» (Лк., 15: 16). Отсюда следует, что блудный сын их не ел.

Оправдать не только бесчестные, но и граничащие с государственной изменой действия Фальстафа можно только одним способом (да и то не слишком убедительным): другие делали то

же самое. Возможно, именно это и хотел сказать Шекспир. Во многих пьесах Шекспир выражает отвращение к войне; здесь он сатирически изображает развращающее влияние войны на людей, сопровождающееся разрушением общечеловеческих ценностей.

В конце монолога Фальстаф встречает принца Хэла и Уэстморленда, едущих к месту сбора королевских сил. Он говорит принцу:

> Откуда ты, полоумный? Какой черт носит тебя по Уорикширу?

Акт IV, сцена 2, строки 51–52

Они все еще находятся в 50 милях (80 км) от Шрусбери; правда, Уэстморленд говорит, что его армия уже там.

«Они числом сильнее»

Следующая сцена происходит в окрестностях Шрусбери. Неудержимый гнев и отсутствие самоконтроля (возможно, вызванные тем, что презренный принц Уэльский все же продемонстрировал рыцарские качества) продолжают вредить как самому Хотсперу, так и его союзникам.

Хотспер хочет атаковать противника; в этом его поддерживает Дуглас, который поднаторел в ведении пограничных войн. Верной и Вустер, у которых больше здравого смысла, призывают к осторожности: некоторые кавалерийские части только что прибыли и не успели отдохнуть, а кое-кто еще не добрался до лагеря. Наконец Вустер с отчаянием говорит:

> Они числом сильнее. Ради бога,
> Не выступай, пока не стянем сил.

Акт IV, сцена 3, строки 28–29

Хотспер пытается сдержаться, но тщетно. Когда прибывает Блент с предложением начать переговоры, Хотспер предъявляет ему длинный список своих обид, а затем ворчливо просит дать ему ночь на раздумье.

«...Многим будет пробным камнем»

Действие перемещается в город Йорк, во дворец архиепископа Йоркского. Архиепископ спешно рассылает послания по всем адресам и говорит человеку, который должен их доставить:

> Завтра — бой,

Который многим будет пробным камнем.

Акт IV, сцена 4, строки 8–10[110]

Пробный камень — это твердый темный булыжник, на котором мягкое металлическое золото оставляет отметку. Отметки, сделанные чистым золотом и золотом, содержащим различные примеси меди, различались по цвету. Образец неизвестного золотого сплава можно было потереть о пробный камень и сравнить цвет отметки с эталоном. Так определялось содержание золота в сплаве.

В переносном смысле слова «пробный камень» означали любой способ проверки. Десять тысяч человек «узнают цену своего счастья» в битве, которая определит победителя.

Следовательно, действие происходит накануне битвы при Шрусбери, состоявшейся 20 июля 1403 г. Архиепископ пытается укрепить свои позиции на случай, если его союзник Хотспер будет разбит.

---

[110] Примечания: 110

В оригинале: «Завтра, добрый сэр Майкл, наступит день, когда десять тысяч человек узнают цену своего счастья с помощью пробного камня». — Е. К.

«...И старческое тело втиснуть в латы»

Местом действия вновь становится лагерь короля у Шрусбери. Наступил рассвет; время, которое Хотспер попросил на раздумье, истекло. Он посылает к королю Вернона и Вустера, которые должны выяснить, как достичь мирного соглашения. (Как выяснится впоследствии, Хотспер задержал у себя Уэстморленда, чтобы гарантировать благополучное возвращение парламентариев.)

Король чрезвычайно холодно приветствует Вустера, являющегося организатором восстания, и говорит:

> Вы нас обманули.
> Заставили нас снять просторный плащ
> И старческое тело втиснуть в латы.

Акт V, сцена 1, строки 11–13

Поскольку автор состарил принца Хэла на десять лет, ради усиления драматизма пришлось сделать то же самое и с его отцом. Складывается впечатление, что король стар, но на самом деле в то время Генриху было всего тридцать семь лет; иными словами, он на добрых Двадцать лет

моложе Вустера, к которому обращается, жалуясь на старость.

«Вы нам клялись в Донкастере…»

Вустер повторяет (следом за Хотспером, сделавшим это сценой раньше) длинный список жалоб рода Перси на Генриха: Болингброк вернулся из ссылки с горсткой своих приверженцев; его спасла лишь поддержка Перси; без них он не победил бы. Однако добавляется кое- что новое. Вустер с сознанием собственной правоты говорит:

> Вы нам клялись в Донкастере, что вы
> Не домогаетесь верховной власти,
> Но требуете только для себя
> Оставшегося после смерти Гонта
> Ланкастерского герцогства…

Акт V, сцена 1, строки 41–45

Донкастер — город в южном Йоркшире, в 45 милях (72 км) к западу от Ревенсперга, где высадился король (тогда еще Болингброк).

Конечно, Болингброк клялся в этом, чтобы не отпугнуть возможных союзников, которые не горели желанием открыто выступить за свержение Ричарда. Однако после неожиданно быстрого

успеха восстания цели Болингброка изменились; и история, и Шекспир говорят, что Перси не отказались помочь Болингброку сесть на трон, когда тропа к нему расчистилась.

Но теперь, когда Перси порвали с новым королем, они вспоминают старую клятву и таким образом пытаются доказать, что Генрих незаконно завладел престолом. Этого тоже следовало ожидать; король просто отмахивается от обвинения.

«Я к рыцарским делам был равнодушен…»

Но принц Хэл отвечает вместо отца. Он собирается сдержать обещание, которое дал отцу при их примирении. Хэл хвалит Хотспера и честно признается:

> Сознаться должен, к своему стыду,
> Я к рыцарским делам был равнодушен, —
> Мне это Перси ставит сам в укор.

Акт V, сцена 1, строки 93–95

Затем принц вызывает Хотспера на поединок, который позволит обойтись без битвы; тем самым он преодолевает фальстафовское легкомыслие и

поднимается до хотсперовских высоких понятий о чести и славе.

Король доволен этим заявлением, но не намерен рисковать своим наследником. Вместо этого он предлагает амнистию всем мятежникам (и даже Вустеру), если те согласятся сложить оружие.

«Может ли честь приставить новую ногу?»

Вустер уходит, но уверенности в том, что предложение об амнистии будет принято, нет. На случай, если его отвергнут, королевская армия готовится к предстоящей битве.

Фальстаф, который все это время присутствовал на сцене и комическими репликами снимал напряжение, начинает нервничать. Но принц Хэл отказывается ему сочувствовать.

Оставшись на сцене в одиночестве, Фальстаф размышляет над тем, что такое честь (то же самое раньше делал Хотспер), но приходит к совсем другому выводу. В частности, он говорит:

> Может ли честь приставить новую ногу? А руку? Не может. А уврачевать рану? Тоже нет. Что же она такое? Слово.

Акт V, сцена 1, строки 131–134

Следует напомнить, что здесь слово «честь» употребляется не в широком смысле, означающем чувство собственного достоинства, чистоту, честность, прямоту и другие лучшие добродетели человечества. Для Хотсперов всего мира оно означает только воинскую доблесть, славу неизменного победителя и умение смотреть в лицо врага без признаков страха. Вот и все. Это честь кулачного бойца, меткого стрелка с Дикого Запада и (в худшем случае) гангстера.

Именно эту «честь» высмеивает Фальстаф, указывая на ее никчемность. Когда «трусливый» Фальстаф издевается над чувством чести, на первых порах это сбивает с толку, но за прошедшие века ужасы войны выросли настолько, что все больше и больше людей соглашается с его точкой зрения. Похоже, мы уже достигли стадии, когда начинает казаться, что само существование человеческой расы зависит от того, удастся ли превратить такое понимание «чести» просто в слово.

«...То будущее Англии блестяще»

Вустеру не хватает смелости сообщить Хотсперу о предложении амнистии. Он не доверяет королю. Даже если амнистия будет объявлена,

ведь род Перси будет жить как на вулкане. Король всегда будет подозревать их, перестанет доверять и рано или поздно найдет способ уничтожить.

Но Хотспер импульсивен, склонен бросаться из крайности в крайность и вполне способен отказаться от насильственных действий ради «почетного» мира.

Поэтому Вустер просит Вернона поддержать его и сказать Хотсперу, что король требует безоговорочной капитуляции, а потому сражение неминуемо. Однако Вустер вынужден добавить, что принц Хэл вызывает Хотспера на поединок.

Хотспер тут же загорается и принимается выспрашивать подробности:

> Скажите, как держался он при этом?
> Презрительно? Презрительно?
>
> ***Акт V, сцена 2, строки 49–50***

Но его снова ждет разочарование, потому что вызов принца учтив и благороден. Верной хвалит поведение и манеры принца:

> И тут мой долг сказать пред целым светом,
> Что если он останется в живых,
> То будущее Англии блестяще

Наперекор молве и несмотря
На временно обманчивую внешность.

Акт V, сцена 2, строки 66–68

Донельзя раздосадованному Хотсперу остается только одно: еще раз поклясться убить принца.

«Весь этот королевский гардероб…»

Битва при Шрусбери проходила в средневековом стиле, когда король лично возглавлял свою армию. Это было необходимо, так как король служил источником вдохновения для воинов. Когда он скакал вперед с цветом войска, состоявшим из его телохранителей, за ним бросалась остальная армия и добивалась необходимого прорыва.

Но это был большой риск. Смерть короля автоматически означала бы прекращение сражения и победу Перси. Если бы разнеслась весть, что король погиб, его армия сразу же лишилась бы боевого духа.

Поэтому существовал обычай готовить нескольких воинов (как правило, добровольцев), выходивших на поле боя с королевским гербом на латах и, если так можно выразиться, вызывавших огонь на себя. Именно так поступили и в этом случае.

Битва началась с того, что лучники Хотспера повторили обстрел, предпринятый ими в битве при Холмдоне десять месяцев назад. Солдаты короля погибали так же, как в предыдущей битве шотландцы. Однако численное преимущество было на стороне Генриха. Он ввел в бой свежие силы, провел яростную атаку и заставил мятежников отступить.

Шекспир, который не слишком хорошо разбирался в воинской тактике, ограничивается описанием поединков. Все усилия повстанцев, согласно Холиншеду, были направлены на убийство короля; в этом особенно отличился шотландец Дуглас. Шекспир следует за Холиншедом. Дуглас убил троих воинов в доспехах короля, в том числе Уолтера Блента.

Когда мертвый Блент падает к его ногам, Дуглас думает, что сражение выиграно. Но Хотспер, который хорошо знает настоящего короля, разуверяет шотландца. Дуглас, раздосадованный тем, что в битве участвуют двойники короля, пылко восклицает:

> Весь этот королевский гардероб
> Тогда я перебью поочередно,

Пока не доберусь до самого.

Акт V, сцена 3, строки 26–28

«Я поставил их в самое пекло»

Фальстаф тоже участвует в сражении. Его отряд уничтожен, но сам он не получил и царапины. В действительности он нарочно повел своих солдат в самое пекло битвы, чтобы их там перебили. Он говорит:

Бедные мои оборванцы! Я поставил их в самое пекло.

Акт V, сцена 3, строки 36–37

Этот поступок кажется бессмысленным, если не учесть, что офицеры иногда могли класть жалованье убитых себе в карман, пользуясь неразберихой в статистике потерь. Видимо, это и собирается сделать Фальстаф. Он говорит:

Из ста пятидесяти уцелели только трое, но так искалечены, что теперь им весь век придется протягивать руку у городских ворот.

Акт V, сцена 3, строки 37–39

Это еще более горький комментарий, чем тот, который несколькими строками ранее сделал Фальстаф, увидев труп Уолтера Блента:

Вы ушли с честью.

Акт V, сцена 3, строки 32–33[111]

Похоже, воинская слава состоит в том, что благородные становятся жертвой равнодушной смерти, а простые люди, получив раны, становятся инвалидами и приобретают сомнительную привилегию просить милостыню у тех, кто оставался дома и всеми силами избегал подобной «славы». Адвокаты такой славы вряд ли найдут поддержку у Шекспира, несмотря на то что в его пьесах изредка встречаются выспренние монологи.

---

[111] Примечания: 111
В оригинале: «Вот она, твоя честь!» — *Е. К.*

«Время ли паясничать?»

Тут на сцене появляется принц Хэл без меча (видимо, потерянного в жаркой схватке). Он пытается взять у Фальстафа меч или хотя бы пистоль. Но меч Фальстаф не отдает, а в кобуре у него лежит бутылка сухого вина. Принц отнимает у Фальстафа бутылку и нетерпеливо говорит:

Время ли паясничать?

Акт V, сцена 3, строка 55

Фальстаф — всегда Фальстаф, Хотспер — всегда Хотспер, но принц может играть любую роль, соответствующую случаю. На поле боя он — Хотспер, а не Фальстаф.

«Ты весь в крови…»

Хотя настоящему принцу Хэлу в то время было всего шестнадцать, он был на поле боя и дрался храбро. Стрела попала принцу в лицо (к счастью, это была всего лишь царапина), но он отказался уйти в свой шатер, настаивая на том, что рана несерьезна, а его уход может плохо повлиять на солдат.

Шекспир сохраняет и эту рану, и этот ответ. У него рану замечает сам король, нахмурившись, он говорит принцу:

Ты весь в крови, уйди отсюда, Гарри.

Акт V, сцена 4, строка 1

Но принц отказывается:

Не дай Господь, чтоб принц Уэльский мог
С пустой царапиной покинуть поле…

Акт V, сцена 4, строки 10–11

«И ты окажешься подделкой…»

Дуглас, все еще разыскивающий короля, наконец сталкивается с ним, но теперь его терзают сомнения. Осторожно приблизившись, он говорит:

Боюсь, и ты окажешься подделкой,
Хотя ведешь себя ты как король.

Акт V, сцена 4, строки 34–35

Эти две строчки отражают кульминационный момент сражения и — в каком-то смысле — всего

царствования Генриха IV. Они имеют не только буквальный, но и переносный смысл: народ боится, что король Генрих — всего лишь подделка, что он не является законным наследником престола, а если так, то его правление не может быть долгим и удачным.

Но Дуглас говорит, что он действует как король и выглядит как король. И действительно, Генрих доказал это, решительно выступив против мятежников и победив их.

Король не отступает перед Дугласом, хотя должен был бы сделать это не только потому, что его жизнь важнее любого рыцарского жеста, но и потому, что Шекспир изображает Генриха стариком, а Дугласа — искусным и практически непобедимым воином.

На самом деле во время битвы при Шрусбери король был достаточно молод, чтобы принимать активное участие в сражении. Согласно Холиншеду (который цитирует рассказы очевидцев, возможно приукрашенные льстецами), он собственноручно убил тридцать шесть человек. Более того, Холиншед указывает, что король действительно сражался с Дугласом и тот выиграл поединок, но короля успели спасти.

Холиншед не указывает имени спасителя;

скорее всего, это были телохранители Генриха, которые все вместе бросались на помощь королю, если ему грозила опасность. Естественно, Дуглас был вынужден отступить.

Однако Шекспир начинает готовить развязку пьесы, вводя подробности, которых нет ни у Холиншеда, ни в других источниках. Именно принц Уэльский приходит на помощь королю, видя, что ему грозит смерть; именно принц без труда побеждает могучего Дугласа и обращает его в бегство.

Король поднимается с земли и говорит сыну:

> Постой. Передохни. Моею жизнью
> Ты дорожишь, как видно, не шутя?
> Ты это доказал сейчас на деле.
>
> ***Акт V, сцена 4, строки 47–49***

Этими словами король извиняется за картину, которую он нарисовал раньше (принц сражается против собственного отца на стороне Перси). Принц показывает, что ничто человеческое ему не чуждо, и пользуется случаем, чтобы слегка пристыдить отца:

> Вы разве сомневались? До чего
> Меня оклеветали! Говорили,

Что будто бы я смерти вам желал.
Вы видели, какая это правда?
Когда б я Дугласу не помешал,
Он устранил бы вас без всяких ядов,
И сын — подлец остался б без пятна.

Акт V, сцена 4, строки 50–53

«…Блеск мой перейдет к тебе»

Теперь осталось только одно. Два Гарри, Хотспер и принц, должны встретиться на поле боя. Каждый поклялся убить другого.

Они действительно встречаются, обмениваются формальными вызовами и приступают к дуэли, к которой их неумолимо вел весь ход пьесы. Присутствующий при этом Фальстаф подбадривает принца криками; получается, что хотсперовская ипостась принца сражается с Хотспером, а фальстафовская ипостась наблюдает за этим поединком со стороны.

Как и следовало ожидать, единоборство заканчивается победой принца. Но Хотспер, даже сраженный, до конца остается верен себе. Он говорит:

Мне легче перенесть утрату жизни,

Чем то, что блеск мой перейдет к тебе.

Акт V, сцена 4, строки 77-78

Хотспер считает, что честь (она же слава) переходит от побежденного к победителю. Согласно этой логике, победитель титульного боксерского матча становится чемпионом мира в тяжелом весе даже в том случае, если он выиграл всего один этот бой, а проигравший победил ранее дюжину соперников. Иными словами, Хотспер оплакивает не потерю жизни, а потерю звания чемпиона.

Но этого мало. Чемпионом стал именно «мечещитный принц Уэльский». Поворот на сто восемьдесят градусов завершился.

«Прощай, покойся с миром, бедный Джек»

Во время поединка принца и Хотспера входит Дуглас и бросается на Фальстафа. У того только один выход: упасть и притвориться мертвым.

Принц Хэл, отойдя от тела Хотспера, спотыкается о тело Фальстафа и скорбно говорит:

Как, старый друг! И эти телеса
Спасти крупицы жизни не сумели?
Прощай, покойся с миром, бедный

Джек.

Есть люди много лучше, смерть которых

Я легче перенес бы, чем твою.

Акт V, сцена 4, строки 101–103

С точки зрения драматургии было бы лучше, если бы Фальстаф действительно умер. Это символизировало бы конец веселой и беззаботной жизни принца Хэла. Прощаясь с Фальстафом, принц прощался бы со своей юностью и с тех пор до конца жизни был бы вынужден играть роль Хотспера.

А может быть, и нет. Принц Хэл — во всяком случае, тот принц, портрет которого написал Шекспир, — не сумел до конца стать Хотспером даже на пике своей карьеры короля-героя. Он никогда не считал воинскую славу неивысшей ценностью и всегда оставался человечным и гармоничным.

«…Добрый час по шрусберийским башенным часам»

Далее следует символическая сцена. Как только принц уходит, Фальстаф осторожно поднимается, замечает труп Хотспера, наносит ему удар, а

затем бесстыдно волочит тело, требуя награду за то, что он убил главного бунтовщика.

Он сталкивается с двумя принцами, Хэлом и Джоном Ланкастерским, которые с изумлением смотрят на воскресшего Фальстафа.

Хэл протестует, заявляя, что это он убил Хотспера, но Фальстаф упорно настаивает на своем: он и Перси упали и лежали бездыханными после поединков с Дугласом и принцем соответственно:

> …но потом мы оба вскочили в одну и ту же минуту и дрались еще добрый час по шрусберийским башенным часам.

Акт V, сцена 4, строки 145–146

Принца Хэла, как всегда, забавляет выходка Фальстафа, но потом он машет рукой. В конце концов, Хэл не так честолюбив, как Хотспер; кроме того, ему хочется увидеть, чем закончится очередная проделка старого толстяка. К тому же в официальной истории нет указаний на то, что Хотспера сразил именно Хэл.

Хотспер действительно был убит в сражении при Шрусбери 21 июля 1403 г., но он погиб от руки неизвестного воина. Оснований считать, что его победил именно принц Уэльский, нет. Даже Холиншед не утверждает, что Хотспера убил Хэл.

Шекспир делает это для усиления драматизма, но у него принц не предпринимает усилий, чтобы запечатлеть свой подвиг в памяти потомков. Именно этим и объясняется отсутствие исторических свидетельств.

Фальстаф уходит со сцены, таща на спине труп Хотспера. Больше он в пьесе не появляется. Две ипостаси Хэла наконец встретились и соединились физически так же, как они духовно соединились в самом Хэле (это нам еще предстоит узнать).

«С победою тебя!»

Гибель Хотспера означает конец битвы. Как только эта весть распространяется, мятежники, потеряв уверенность в своих силах, спасаются бегством. Принц говорит:

> Трубят отбой. С победою тебя!
>
> ***Акт V, сцена 4, строка 157***

Вустер и Верной взяты в плен; их тут же ведут на казнь. (В действительности их казнили через два дня после битвы.) Дуглас пытался ускакать с поля боя, но упал с лошади, сильно расшибся и был взят в плен. Но Дуглас был скоттом, а не пре-

дателем англичанином, поэтому его отпустили, не взяв выкупа.

Это был дальновидный дипломатический ход. Хотспер освободил шотландских пленников с условием, что они будут сражаться на его стороне, а король освободил Дугласа в обмен на обещание соблюдать нейтралитет и убедить других скоттов, находившихся под его влиянием, сделать то же самое.

Сражение выиграно, но с мятежом еще не покончено. Сам король говорит об этом в финале пьесы:

> Ты, Джон, и вы, лорд Уэстморленд, направьтесь
> В Йорк, где граф Нортумберленд и Скруп
> Готовят, я слыхал, сопротивленье.
> А я и Гарри двинемся в Уэльс
> На усмиренье Глендаура и Марча.

Акт V, сцена 5, строки 35–40

Так что пьеса закончилась только в одном смысле: завершилось противостояние Хэла и Хотспера. Продолжение захватывающей сказки следует незамедлительно: перед нами следующая пьеса цикла, «Генрих IV» (часть вторая).

Глава 8 «Генрих IV» (часть вторая)

«ГЕНРИХ IV»
(ЧАСТЬ ВТОРАЯ)
С
ШОТЛАНДИЯ
НОРТУМБЕРЛЕНД
ЙОРКШИР
Йорк
Брэнем-Мур
УЭЛЬС
Гросмонт
Глостер
ГЛОСТЕРШИР
Лондон
Виндзор
Бейсингсток
(в переводе — Басингсток)

Во второй части «Генриха IV» возникает любопытная проблема. Является ли она самостоятельной пьесой, независимой от первой части «Генриха IV», или это одна десятиактная пьеса, слишком длинная, чтобы сыграть ее в один вечер, а потому ради удобства разделенная на две обычные по продолжительности пьесы?

Лично я считаю, что это две самостоятельные пьесы и что вторая зародилась случайно. Приведу доводы.

Согласно легендам, созданным в более поздние времена, Генри Монмутский (принц Хэл) в юности был повесой и сорвиголовой, водил дружбу с темными личностями и даже разбойничал на большой дороге. Однако, когда возникла необходимость, он исправился, пошел на войну и убил мятежника сэра Генри Перси (Хотспера). Затем Хэл помирился с отцом, Генрихом IV, унаследовал трон как герой- король Генрих V, порвал с недостойными друзьями и прогнал их с глаз долой.

Все это — превосходный сюжет для одной пьесы; такой пьесой вполне могла стать первая часть «Генриха IV». В ней присутствуют храбрый и воинственный Хотспер, веселый и беспутный принц Хэл, а также его спутник Фальстаф, великолепный комический персонаж. Принц Хэл

действительно исправляется, действительно мирится с отцом, превращается в храброго и могучего рыцаря, встречает Хотспера на поле боя и убивает его.

Пока все хорошо. Шекспиру остается заполнить пробел между битвой при Шрусбери (21 июля 1403 г.) и смертью короля (20 марта 1413 г.), за которой последовала триумфальная коронация нового короля, Генриха V.

Конечно, пробел великоват (десять лет), но его можно было легко заполнить или просто пропустить; ни один зритель жаловаться на это не стал бы.

Но Шекспир не довел пьесу до ее логического конца. Предыдущая пьеса завершается триумфальной битвой при Шрусбери, и на этом действие прерывается. Шекспир сознательно не закачивает пьесу, показывая, что продолжение неизбежно: в финальной речи король говорит о новой битве с остальными мятежниками в Йоркшире и Уэльсе.

Но почему? Легенда почти закончилась, так зачем останавливаться и писать еще пять актов второй части «Генриха IV», бедных событиями по сравнению со сжатой, энергичной и прекрасно написанной первой частью?

Давайте подумаем! Предположим, что Шекспир собирался написать одну пьесу под названием «Генрих IV» и в процессе работы придумал образ сэра Джона Фальстафа.

В середине пьесы Шекспир понял, что открыл настоящую золотую жилу. Он почувствовал, что Фальстаф будет иметь оглушительный успех, и решил выжать из этого образа все, что можно. Поэтому Шекспир решил сделать Фальстафа героем не одной пьесы, а двух. Поэтому он закончил первую пьесу битвой при Шрусбери и взялся за продолжение.

Если все было именно так, то ход событий доказал правоту Шекспира. Благодаря образу Фальстафа первая часть «Генриха IV» стала настоящим гвоздем сезона. Старый толстяк, которого публика принимала на ура, успешно выдержал бы еще пять веселых актов. Поэтому Шекспир сразу после премьеры первой части «Генриха IV» взялся за сочинение продолжения, и в 1598 г. вторая часть была готова.

Однако сделать это было нелегко. События, не имевшие отношения к Фальстафу, были недостаточно драматичны, и на целую пьесу их не хватало. При Генрихе IV случались и другие восстания, но эти бунты не шли ни в какое срав-

нение с первым, в котором участвовали такие яркие личности, как Хотспер и Глендаур.

Да и с самим Фальстафом возникало немало трудностей. Сюжет первой части «Генриха IV» был исчерпывающим. В этой пьесе принц Уэльский уже исправился, стал рыцарем-героем и помирился с отцом. Что же оставалось для второй части?

Шекспир принял дерзкое решение. Принц Хэл снова пустился во все тяжкие. Король снова отчитывает его, после чего принц кается и перерождается, в результате происходит радостное примирение. Несмотря на добавление к этому сюжету нескольких новых восстаний, вторая часть «Генриха IV» выглядит как ухудшенное повторение первой части, однако необходимо было вернуть на сцену несравненного Фальстафа. Жизнь показала, что дело того стоило.

«…Под Шрусбери разбито войско Перси»

События второй части следуют сразу за событиями первой. Первая часть заканчивается битвой при Шрусбери, а вторая начинается с отчета об этой битве.

Шекспир связывает обе части с помощью пролога (который у автора назван «индукцией», то

есть интерлюдией). Ради этого он выводит на сцену Олицетворение Молвы — актера, который говорит следующее:

> Сюда летит
> Весть о победе Генриха. Мне надо
> Неправдой эту правду предварить.
> Под Шрусбери разбито войско Перси.
>
> ***Пролог, строки 23–25 (перевод Б. Пастернака)***

Однако Олицетворение Молвы приносит совсем другое известие. Причем диаметрально противоположное по смыслу. Сначала широко распространились слухи о том, что король разбит, а победу одержал Хотспер, что Дуглас сразил короля, а Хотспер убил принца Уэльского.

Легко представить себе, что первые сообщения о сражении действительно могли быть такими. Начало битвы при Шрусбери складывалось в пользу Хотспера и его лучников, несмотря на численное превосходство армии короля. Шотландец Дуглас, сражавшийся на стороне восставших, действительно совершал чудеса храбрости и даже сумел повергнуть наземь короля.

Видимо, гонцы, стремившиеся первыми доставить хорошее известие в расчете на причитавшу-

юся за это богатую награду, тут же устремились в путь, считая, что удачное начало всегда имеет хороший конец и что отсрочка только помешает им оказаться первыми.

«Нортумберленд…»

Далее Олицетворение Молвы говорит:

> Вот я какие бредни распускала
> По мелким придорожным городкам,
> Лежащим между Шрусберийским полем
> И этой грозной каменной стеной,
> Источенной червями, за которой
> Родитель Готспера, Нортумберленд,
> Скрывается в притворном нездоровье.

Пролог, строки 33–37

Это третья пьеса, в которой участвует Генри Перси, первый граф Нортумберлендский. В «Ричарде II» он возглавлял лордов, которые бросили Ричарда и перешли на сторону Болингброка; именно благодаря Генри Перси был низложен Ричард II трон перешел к Болингброку, ныне Генриху IV.

В первой части «Генриха IV» Генри был но-

минальным главой рода Перси, порвавшего с Генрихом IV и попытавшегося свергнуть и этого короля.

Нортумберленд действительно преклонного возраста; в момент битвы при Шрусбери ему шестьдесят один год — для того времени он старик.

Настоящим главой рода и организатором заговора Перси был хитроумный младший брат Нортумберленда Томас Перси, граф Вустер. Вустер сражался бок о бок с Хотспером до самого конца; после битвы у Шрусбери он был взят в плен и казнен. Однако Нортумберленд перед решающим сражением струсил и не повел свои отряды на соединение с войском сына, сказавшись больным. Отсутствие этих отрядов стало главной причиной поражения Хотспера.

В первой части «Генриха IV» нет прямых указаний на то, что болезнь Нортумберленда была притворной; говорится лишь, что его отказ прислать войска под командованием кого-то другого выглядит подозрительно. Однако использованные в прологе слова «в притворном нездоровье» свидетельствуют, что, по мнению Шекспира, Нортумберленд просто симулировал, трусливо попытавшись избежать неприятностей ценой

жизни собственного сына.

История свидетельствует, что негероический поступок Нортумберленда достиг своей цели. Нортумберленд заявил, что не имеет к восставшим никакого отношения, а король Генрих, после битвы у Шрусбери руководствовавшийся практическими соображениями, не только сохранил ему жизнь, но даже вернул титул и земли.

«Что Цезаря триумфы перед ней!»

Первым к Нортумберленду прибывает человек, не участвовавший в битве, но слышавший о ней от одного из солдат. Нортумберленд тревожно спрашивает:

Что нового, лорд Бардольф?

Акт I, сцена 1, строка 7

Прибывший — это Томас, пятый барон Бардольф. Он примкнул к восстанию с самого начала. Это реально существовавшая личность. К несчастью, Шекспир уже использовал это имя в первой части «Генриха IV»; так зовут пьяницу из окружения Фальстафа. Он присутствует и во второй части, поэтому в пьесе два Бардольфа. Сподвижника Нортумберленда отличает то, что

его реплики озаглавлены «лорд Бардольф», в то время как спутник Фальстафа именуется просто Бардольфом.

Сообщение лорда Бардольфа оказывается таким же радостным, как и известие о триумфе и победе у Олицетворения Молвы. Он говорит:

> Не правда ли, великая победа?
> Что Цезаря триумфы перед ней!

Акт I, сцена I, строки 20–23

В Средние века Древний Рим отождествляли главным образом с Римской империей; этот взгляд был распространен вплоть до XYIII в., когда английский историк Эдвард Гиббон показал, что империей Рим был только в период своего расцвета. А самым знаменитым из римских полководцев был Юлий Цезарь. Поэтому одержать величайшую победу со времен Цезаря было трудновато.

Затем прибывает Треверс, еще один из мятежников. Он тоже не участвовал в сражении, но получил вести, которые полностью противоречат вестям лорда Бардольфа.

На какое-то время воцаряется неуверенность, но тут приезжает третий гонец по имени Мортон. Он был при Шрусбери, так что его новости, по

крайней мере, из первых рук, но все проясняется еще до того, как Мортон произносит первую реплику.

Нортумберленд смотрит на него и в отчаянии говорит:

> Так, верно, именно пришел гонец
> Сказать Приаму о пожаре Трои,
> Так бледен был, растерян и убит.
> Но прежде чем он выговорил слово,
> Из-за откинутой полы шатра
> Приам увидел сам огонь пожара.
> Так точно гибель Перси я прочел
> В твоих глазах.

Акт I, сцена 1, строки 70–75

Конечно, речь идет о десятилетней осаде Трои — города, которым правил престарелый Приам, — и ее окончательном разрушении.

«И выслал войско против вас…»

Наконец Мортон излагает новость точно и полно. Он заключает:

> Итак, сраженье выиграл король
> И выслал войско против вас, которым

Командует принц Джон и Уэстморленд.

Акт I, сцена 1, строки 131–135

Принц Джон — это герцог Ланкастерский, третий сын короля, а граф Уэстморленд — командующий королевской армией.

Этот эпизод связывает две части пьесы: в финальной речи первой части король приказывает Ланкастеру и Уэстморленду выступить на север против Нортумберленда и его союзников.

Шекспир пропускает эпизод капитуляции и прощения Нортумберленда после битвы при Шрусбери. Через два года (в 1405 г.) Нортумберленд поднял новое восстание. Его вдохновило на это то, что в правление Генриха IV то и дело возникали беспорядки: Глендаур продолжал причинять хлопоты в Уэльсе, а французы совершали успешные набеги на южное побережье Англии. (Именно эти проблемы на западе и юге заставили Генриха сделать вид, что он поверил в невиновность Нортумберленда; перспектива продолжения войны на севере ему была ни к чему.)

Шекспир не обращает внимания на этот пробел в два года; новый мятеж вспыхивает почти сразу после подавленного.

«Архиепископ Йоркский…»

Несмотря на поражение у Шрусбери, у нового мятежа есть шансы на успех. Мортон продолжает свою речь, обращаясь к Нортумберленду:

> Как я слыхал, архиепископ Йоркский
> Вооружился.

Акт I, сцена 1, строки 187–190

Архиепископ Йоркский с самого начала был одним из главных вдохновителей мятежа Перси. Он был популярен и, как один из высших иерархов церкви, мог убедить народ в справедливости требований Перси.

Архиепископ не участвовал в битве при Шрусбери, но в первой части «Генриха IV» есть сцена, в которой архиепископ собирает собственное войско на случай поражения Хотспера.

Нортумберленд тоже слышал о том, как искусно ведет пропаганду архиепископ Йоркский:

> Все вверились ему душой и телом.
> Кровь короля Ричарда соскоблив
> С Помфретских плит, над этою святыней

Он говорит, что послан оградить
Несчастный край от козней Болингброка.
И стар и мал стекаются к нему.

Акт I, сцена 1, строки 203–206

Итак, призрак Ричарда (согласно поверью, убитого в замке Помфрет два года назад) продолжает тревожить его преемника. Несмотря на победу при Шрусбери, титул Генриха все еще находится под угрозой, ибо восставшие используют любые средства, чтобы доказать сомнительность его прав на престол.

«…Каламбурю все время сам…»

Во второй сцене появляется Фальстаф. Именно ради него написана эта пьеса, а потому сразу после серьезного эпизода (окончания которого публика ждет с нетерпением) на подмостки выходит старый толстяк и начинает разыгрывать фарс.

Фальстаф получал кое-какие почести за сомнительные подвиги, якобы совершенные в битве при Шрусбери (где во всеуслышание заявил, что это он убил Хотспера), и на этом основании корчит из себя знатного вельможу.

Принц Хэл прислал ему пажа, чтобы подчеркнуть новый статус Фальстафа, но сделал это в присущем ему лукавом стиле: этот паж совсем малыш (его всегда играет самый маленький ребенок, который в состоянии запомнить несколько строчек текста).

Когда на сцену выходит толстяк, за которым семенит передразнивающий его паж, публика покатывается со смеху и не успокаивается до тех пор, пока актер, играющий Фальстафа, не останавливает ее. После короткой пикировки с пажом (в которой толстяк, к восторгу публики, оказывается посрамленным) Фальстаф описывает свое главное достоинство как персонажа:

> Каждый считает своим долгом изощрять на мой счет остроумие, точно на свете нет другого развлечения. Я не только каламбурю все время сам, но даю еще пищу чужим шуткам.

Акт I, сцена 2, строки 6–11

Здесь Шекспир расхваливает самого себя, хвастаясь успехом придуманного им персонажа и открыто заявляя, что никто не смог бы сделать это лучше.

Но теперь Фальстафу не позволяют видеться с принцем так часто и долго, как это было в первой части «Генриха IV». Конечно, принцу нужно дать возможность вновь помириться с королем, но после Шрусбери и победы над Хотспером он просто не может остаться прежним Хэлом. Во второй части «Генриха IV» ему позволено провести с Фальстафом всего *одну* сцену, где они общаются как в добрые старые времена.

Поэтому на протяжении многих сцен над Фальстафом подшучивает уже не принц, а другие персонажи.

Так, когда Фальстаф важно спрашивает, где атлас, который он заказал у некоего купца, маленький паж подчеркивает несостоятельность претензий старого рыцаря, хладнокровно отвечая, что купец не верит в кредитоспособность Фальстафа, а в поручительство Бардольфа — еще меньше. Униженному Фальстафу остается только цветисто обругать купца:

Пусть сгорит он в таком случае от жажды, как богач в притче. Что за баснословный подлец!

Акт I, сцена 2, строки 36–37[112]

Фальстаф, как всякий не слишком набожный человек, любит приводить примеры из Библии. Проклятый обжора — это Дайвс-богач, который отправился в ад, где постоянно страдал от жажды. В Евангелии от Луки описано, как этот богач просит послать к нему нищего Лазаря, попавшего в рай, чтобы тот «омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем» (Лк., 16: 24).

Ахитофел был советником Давида, но изменил старому царю и присоединился к заговору Авессалома, сына Давида. Заговор провалился, и Ахитофел покончил с собой, повесившись на суку. С тех пор его имя стало высокопарным символом предателя, причем предателя, которого ждет ужасный конец.

---

[112] Примечания: 112

В оригинале: «Будь он проклят, как тот обжора! Молю Господа, чтобы адское пламя иссушило ему язык! Сукин сын Ахитофел!» — *Е. К.*

«Должностное лицо, которое посадило принца в тюрьму…»

Но еще большее унижение выпадает на долю Фальстафа, когда на сцене появляется лорд верховный судья (настоящее имя которого Уильям Гаскойн; правда, Шекспир нигде его не упоминает). Он — символ верховенства закона и играет очень важную роль в легенде о беспутной юности принца Хэла.

Эта легенда, впервые опубликованная в 1531 г., через сто лет после смерти Хэла, была частично изложена в «Знаменитых победах Генриха V» (см. в гл. 7: «Ну, Хэл…») и является самым полезным эпизодом этой бездарной пьесы, вдохновившей Шекспира на создание своей версии. Согласно ей, верховный судья арестовал одного из безродных приятелей принца. Принц потребовал освободить его, однако верховный судья учтиво отказал ему. Принц вышел из себя и ударил верховного судью.

Верховный судья с прежней учтивостью объяснил, что как человек он стерпел бы от принца побои, но как должностное лицо он представляет его величество короля, поэтому удар принц нанес королю. Вслед за этим судья арестовал принца и

посадил его в тюрьму.

Хотя Шекспир не включил эту сцену в первую часть «Генриха IV» (возможно, чувствуя, что этот эпизод представляет принца в невыгодном свете), однако он рассчитывает на то, что публике все известно, и предполагает, что одного беглого упоминания о случившемся вполне достаточно. Когда входит верховный судья, паж говорит Фальстафу:

> Сэр, вон должностное лицо, которое посадило принца в тюрьму за то, что тот набросился на него с кулаками, заступаясь за Бардольфа.
>
> ***Акт I, сцена 2, строки 57–58***

«…К суду за ограбление»

Верховный судья замечает Фальстафа и спрашивает, кто это. У него есть основание предъявлять претензии этому человеку, потому что дело о грабеже в Гедских холмах (см. в гл. 7: «Первый молодчик…») еще не забыто. Хотя принц с лихвой вернул пострадавшим деньги, однако разбойное нападение есть разбойное нападение, а в те времена подобные преступления карались

виселицей.

Преступление осталось нераскрытым, и верховного судью это сильно волнует. Разговаривая с слугой, который узнал Фальстафа, лорд верховный судья спрашивает:

> А, это тот, который привлекался к суду за ограбление?

Акт I, сцена 2, строки 62–63

«...Из Уэльса немного расстроенным»

Фальстаф делает все возможное, чтобы избежать разговора с судьбой. Он притворяется, что принял слугу верховного судьи за нищего, а когда верховный судья подходит к нему сам, начинает пылко интересоваться его здоровьем. Затем, хватаясь за соломинку, он меняет тему:

> Я слыхал, его величество король вернулся из Уэльса немного расстроенным.

Акт I, сцена 2, строки 107–108

В той самой заключительной речи первой части «Генриха IV», где король приказывает Ланкастеру и Уэстморленду направиться на север,

Генрих говорит, что он сам и принц Уэльский поведут часть армии в Уэльс. Так и было сделано, но без заметного успеха. В боях с англичанами партизанская тактика Глендаура неизменно оправдывала себя, тем более что он получал помощь от французов. В 1404 г. он даже заключил с Францией договор, по которому его признали Оуэном, принцем Уэльским, а в 1405 г. Глендаур одержал над англичанами весомую победу при Гросмонте, у южной границы Уэльса.

Именно после этой битвы Генрих IV «вернулся из Уэльса немного расстроенным». Более того, именно результат этой битвы подвигнул Нортумберленда и архиепископа Йоркского на новый мятеж.

Упоминание Фальстафом валлийской кампании указывает на то, что между восстанием Хотспера и восстанием Нортумберленда про-

Шло два года. Иначе непонятно, как после Шрусбери король успел столь быстро добраться до Уэльса и вернуться в Лондон (расстроенным или нет, в данном случае значения не имеет).

«Своим поведением под Шрусбери…»

Верховный судья изо всех сил пытается заставить Фальстафа говорить о деле. Он напоминает,

что Фальстаф не явился в суд, а потому до сих пор находится под подозрением. Однако в конце концов судья смягчается и говорит:

> Своим поведением под Шрусбери вы немного загладили свои подвиги на Гедских холмах. Благодарите беспокойное время за то, что все обошлось для вас так спокойно, но не повторяйте больше таких проделок.

Акт I, сцена 2, строки 153–156

И Фальстаф, и Нортумберленд тесно связывают первую и вторую части «Генриха IV».

Кроме того, верховный судья предупреждает Фальстафа, что тот не должен дурно влиять на принца. Однако толстяк не реагирует на его слова и продолжает отшучиваться. Верховному судье приходится сказать, махнув рукой:

> Вот и кстати, что король решил разлучить вас. Передают, что вас посылают в действующую армию против архиепископа и графа Нортумберленда к герцогу Ланкастерскому?

Акт I, сцена 2, строки 211–214

В первой части «Генриха IV» мельком говорилось об исправлении принца, но теперь выясняется, что Хэл расстался с прежними товарищами не по своей воле. Возможно, король добился этого, забрав принца с собой в Уэльс, а Фальстафа отправив на север; именно так он разлучил их. Эта разлука не окончательная. Окончательная разлука еще впереди, но она состоится по инициативе принца, и время для нее Хэл выберет сам.

«…Лорд-маршал»

Тем временем в лагере повстанцев архиепископ излагает свой план:

> Прошу вас высказаться сообща,
> Какого мненья вы о наших силах
> И каковы надежды на успех,
> И первым говорите вы, лорд-маршал.
>
> ***Акт I, сцена 3, строки 2–4***

Он обращается к Томасу Моубрею, сыну того самого Томаса Мрубрея, герцога Норфолкского, ссорой которого с Болингброком (позднее Генрихом IV) начинается первый акт «Ричарда II».

Томас Моубрей-младший родился в 1386 г.; во время несостоявшейся дуэли отца ему было

только двенадцать лет, а когда его отец умер в Венеции, сыну было тринадцать лет.

Он унаследовал некоторые (но не все) отцовские титулы и звания. когда-то его отец был графом Ноттингемским; этот титул унаследовал Томас-младший и стал третьим графом Ноттингемским. Отцу было пожизненно присвоено звание маршала Англии; сын унаследовал и его, так что теперь Моубрея — сына называли лордом-маршалом.

Тем не менее вполне естественно, что он продолжал питать враждебные чувства к главному сопернику отца, ставшему теперь королем Англии. То, что сын так и не получил главный отцовский титул герцога Норфолкского и доходы, связанные с этим титулом, только подогревало его гнев.

Поэтому Моубрей Ноттингемский присоединился к мятежу Нортумберленда и архиепископа против короля. Он и два менее видных мятежника, лорд Хейстингс[113] и лорд Бардольф, соглашаются, что, если король обрушится на них всей своей мощью, их сил будет недостаточно и без помощи Нортумберленда им не обойтись.

---

[113] Примечания: 113
в переводе — Гастингс. — *Е. К.*

Однако они считают, что королю не удастся сделать это. В конце концов, у него есть и другие проблемы, кроме восстания на севере. Хейстингс говорит:

> Ведь ему
> Приходится бороться на три фронта.
> Треть войска против нас, а две других
> —
> Заслоном от Глендаура и французов.
> Раздробленная армия слаба…

Акт I, сцена 3, строки 70-74

Поэтому архиепископ решает расширить масштабы мятежа, используя в качестве средства пропаганды память о Ричарде II.

Однако для успеха восстания против короля-узурпатора одной памяти недостаточно. Предыдущий король мертв; он не может восстать из гроба и занять трон. Новый король (желательно законный) должен, оставаясь в тени, дождаться того момента, когда узурпатор будет свергнут, а потом предъявить свои права на корону.

История свидетельствует, что архиепископ поднял мятеж в пользу юного пятого графа Марча (см. в гл. 7: «Мортимер…»), который являлся законным наследником престола, поскольку был

потомком Лайонела, третьего сына Эдуарда III. С самого начала царствования Генриха пятый граф находился в заточении, но на короткое время, прибегнув к хитрости, сумел получить свободу, и у бунтовщиков появилась возможность выступить в защиту прав «законного короля». Однако Генрих вскоре вновь заточил молодого Марча.

Ничего этого в пьесе нет, потому что Шекспир, сбитый с толку Холиншедом, понятия не имел о юном графе, заключенном в тюрьму. Он считает законным претендентом его дядю, сэра Эдмунда Мортимера, который все еще жив и находится у Глендаура в Уэльсе.

«...Поблизости»

Фальстаф, которому нужно набрать отряд (как в первой части «Генриха IV») и присоединиться к королевским силам, направляющимся на север, не торопится делать это. Сначала ему нужно решить свои личные проблемы. Он задолжал трактирщице миссис Куикли, и та хочет, чтобы рыцарь вернул ей долг до отъезда в армию. С этой целью она вызывает полицию.

Между Фальстафом и Бардольфом с одной стороны и констеблями и миссис Куикли с другой разгорается фарсовое сражение, причем самым

грозным бойцом в нем оказывается трактирщица, обладающая зычным голосом и крепкой рукой.

Разнимать драку приходится верховному судье. Как обычно, Фальстаф пытается заморочить судье голову, но ему приказывают удовлетворить требование бедной женщины. Фальстаф делает это, но совсем не так, как думал судья. Фальстаф не платит ей ничего; наоборот, уговаривает глупую трактирщицу дать ему взаймы еще десять фунтов.

Тут прибывает гонец и сообщает верховному судье:

> Милорд, король и Генрих, принц Уэльский,
> Поблизости.
>
> ***Акт II, сцена 1, строки 138–139***

Когда его спрашивают, где именно, гонец отвечает:

> Близ Бэсингстока.
>
> ***Акт II, сцена 1, строка 175***

Бейсингсток находится в 45 милях (72 км) к западу от Лондона. Король и принц вернулись,

чтобы пополнить армию, отправляющуюся на север для подавления мятежа. Гонец говорит:

Тысяча пятьсот
Солдат пехоты и пять сотен конных
Ушло к Ланкастеру усилить фронт
Против Йорка и Нортумберленда…

Акт II, сцена 1, строки 179–181

Получается, что восставшие напрасно уповали на разделение королевской армии.

«…Изнемогаю от усталости»

Прибытие армии короля в окрестности Лондона дает принцу возможность ненадолго вырваться в город, посетить свои любимые места и немного расслабиться.

Хэл идет по лондонской улице с Пойнсом (самым приличным из членов этой лихой компании и единственным, с кем принц общается постоянно). Его первая реплика в пьесе звучит так:

Веришь ли, я изнемогаю от усталости.

Акт II, сцена 2, строка 1

Конечно, принца мог утомить долгий путь из

Уэльса, однако эту фразу можно трактовать как намек на то, что принц — повеса из первой части «Генриха IV» исчез навсегда. Ради оправдания второй части пьесы (которую на самом деле оправдывает только присутствие Фальстафа) он еще может услышать эхо былых времен, но это всего лишь эхо. Принцу хочется выпить, но он смущен собственными плебейскими вкусами (до битвы при Шрусбери эти вкусы его не смущали). Хэл говорит:

> Может быть, это тоже роняет меня, но мне страшно хочется пива.
>
> ***Акт II, сцена 2, строки 5–6***

Хэл продолжает перекидываться шутками с Пойнсом, и тот насмешливо выговаривает ему:

> Скажите, какой истинный принц мог бы празднословить в такое время? Ваш отец так опасно болен!
>
> ***Акт II, сцена 2, строки 29–31***

И тут мы видим, что принц Хэл действительно исправился. Да, он пьет пиво с простолюдином и ведет праздные беседы, в то время как его отец болен. Однако этот эпизод вставлен лишь для

того, чтобы принц Хэл в конце пьесы мог снова помириться с умирающим отцом. Шекспир возвращает Хэла в прошлое как можно более аккуратно и лишь для того, чтобы дать возможность проявиться благородной натуре принца. Так, сейчас принц говорит о болезни отца:

> Мое сердце обливается кровью при мысли об отце.
>
> ***Акт II, сцена 2, строки 46–48***

Если так, то почему же принц этого не показывает? Хэл объясняет Пойнсу, что зрелище наследника, горюющего из-за того, что он скоро станет королем, любому покажется лицемерием, а прослыть лицемером он не желает.

«Сон Алтеи!»

Входит Бардольф с пажом Фальстафа, и тут же возникают неизбежные шутки насчет огненной физиономии Бардольфа. Даже паж присоединяется к этой игре и приводит самое напыщенное сравнение:

Пошли вы сами вон! Страшилище! Сон Алтеи!

Акт II, сцена 2, строка 86

Забавляясь, принц спрашивает, при чем тут Алтея, и мальчик отвечает:

Алтее приснилось, будто она произвела на свет горящую головешку. Вот я и зову его сном Алтеи.

Акт II, сцена 2, строки 88–90

На самом деле это ошибка. Сон, будто она родила головешку, приснился не Алтее, а Гекубе, царице Троянской. Гекуба увидела его при рождении сына Париса, по вине которого началась Троянская война, закончившаяся пожаром города.

Должно быть, Шекспир знал это, потому что, когда через четыре года он писал «Троила и Крессиду», безумная пророчица Кассандра говорит: «Все брат Парис, как головня, сожжет».

Может быть, Шекспир пытался насмешить публику ошибкой пажа? В таком случае принц (которому нельзя было вменить в вину недостаток образования и знания классики) наверняка

поправил бы мальчика. Однако Хэл дает ему крону за остроумие; создается впечатление, что метафора использована правильно.

Должно быть, это одна из описок Шекспира, которые он никогда не поправлял из отвращения к редактуре и переписыванию.

Но кто такая эта Алтея? Почему так легко было совершить эту описку?

Алтея — царица Калидона, города в Этолии (области на севере Греции). Когда ее сыну Мелеагру была неделя от роду, к ней явились три Судьбы и предсказали, что Мелеагр будет жить до тех пор, пока не прогорит некое полено в очаге. Алтея тут же вынула это полено и тщательно хранила его. Мелеагр вырос и стал героем, но однажды поссорился с двумя своими дядьями (братьями Алтеи) и убил их. Разгневанная Алтея бросила полено в огонь, а когда оно сгорело, Мелеагр умер.

История была трагическая; вполне естественно, что Шекспир в спешке спутал два мифа, в каждом из которых упоминаются головешки.

«...От Яфета»

Бардольф принес письмо от Фальстафа, прослышавшего, что принц в городе. Письмо высокомерное (сразу видно, что после битвы при Шрусбери

статус его автора повысился) и начинается с хвастливого указания на то, что он, Фальстаф, является рыцарем.

Пойнс иронически сравнивает Фальстафа с дальними родственниками королевской семьи, которые при любом случае стараются упомянуть об этом родстве. Принц соглашается и с досадой говорит:

> И начинается перебирание родословной чуть ли не от Яфета.

Акт II, сцена 2, строки 117–118

Яфет[114] — один из троих сыновей Ноя. В десятой главе библейской Книги Бытия перечислены потомки каждого из троих сыновей. Некоторые народы юго-западной Азии (израильтяне, ассирийцы, финикийцы) являются потомками Сима[115], а некоторые народы Северо-Восточной Африки (египтяне и ливийцы) — потомками Хама; это семиты и хамиты соответственно.

Больше всего народов произошло от Яфета; в

---

[114] Примечания: 114

в русском переводе Библии — Иафет. — Е. К.

[115] Примечания: 115

В латинской транслитерации Сема (Shem); отсюда название семиты. *(Примеч. пер.)*

Библии говорится: «От сих [116] населились острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих» (Быт., 10: 5). Обычно эту туманную фразу понимают в том смысле, что европейцы являются потомками Яфета. Таким образом, два любых англичанина состоят в родстве, если их родословную проследить до Яфета.

«С единоверцами старого толка...»

Принц продолжает читать невероятно напыщенное письмо Фальстафа. Письмо короткое, однако в нем Фальстаф успевает оклеветать Пойнса. Развеселившийся принц интересуется, где теперь живет Фальстаф и с кем он водит компанию. На второй вопрос паж отвечает:

С единоверцами старого толка, милорд.

Акт II, сцена 2, строка 149 [117]

При римлянах большой торговый город

---

[116] Примечания: 116
семи внуков Яфета

[117] Примечания: 117
В оригинале: «С ефесянами, милорд, из старой церкви». — *Е. К.*

Эфес[118] славился своей роскошью так же, как при греках славился Коринф. «Ефесянами» и «коринфянами» в Елизаветинскую эпоху называли веселых молодых людей, кутил и прожигателей жизни.

Кроме того, Эфес знаменит тем, что в нем долго жил святой Павел. Он основал там церковь и позже написал туда письмо (Послание к ефесянам), включенное в Новый Завет. Святой Павел призывает прихожан тамошней церкви не общаться с теми своими единоверцами, которые нарушают христианские заповеди: «А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым; / Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам…» (Еф., 5: 3–4).

Судя по реплике, паж сравнивает дружков Фальстафа с теми «ефесянами старой школы», от общения с которыми предостерегал праведников святой Павел.

«Так было с Юпитером»

Принцу Хэлу хочется еще раз повидаться с Фальстафом, и Пойнс предлагает прийти в трактир,

---

[118] Примечания: 118
в Библии — Ефес. — *Е. К.*

переодевшись слугами. Принц немного смущен (он явно стал более осторожен) и говорит:

> Из Бога в быка? Какое понижение!
> Так было с Юпитером.

Акт II, сцена 2, строки 173–174

Принц утешает себя мыслью о том, что Юпитер однажды не постеснялся превратиться в быка, чтобы соблазнить финикийскую царевну Европу (Европа, очарованная красивым и ручным белым быком, вышедшим из моря, села к нему на спину. Бык тут же прыгнул в море и поплыл с царевной на остров Крит, где Европа родила Юпитеру троих сыновей.)

«Отрывистая речь…»

Тем временем Нортумберленд готовится к военным действиям, не обращая внимания на мольбы жены и невестки, Катерины Мортимер (названной в списке действующих лиц леди Перси), вдовы его сына Хотспера (см. в гл. 6: «…Юный Генри Перси»). Нортумберленд говорит, что честь требует его присутствия на поле боя, но невестка с жаром спрашивает, почему честь не требовала его присутствия у Шрусбери, где погиб Хотспер,

тщетно ожидая подхода отцовского войска.

Кроме того, леди Перси утверждает (явно преувеличивая), что архиепископ Йоркский достаточно силен и может обойтись без помощи Нортумберленда, она с горечью говорит:

> И будь у Гарри доля этих войск,
> Я б слушала, обнявши крепко мужа,
> О смерти принца Уэльского теперь.

Акт II, сцена 3, строки 43–45[119]

Монмут — это, конечно, принц Хэл (Генри Монмутский), названный так по городу, в котором родился.

В этом же монологе леди Перси (судя по всему, страстно любившая мужа) говорит о Хотспере как об идеале рыцарства, которому подражали все остальные:

> Отрывистая речь — его порок —
> Для многих стала признаком отваги,
> Так что и те, кто гладко говорил,

---

[119] Примечания: 119

В оригинале: «Будь у моего милого Гарри хотя бы половина этих войск, сегодня я не говорила бы о могиле Монмута». — *Е. К.*

Из хвастовства старались заикаться.

Акт II, сцена 3, строки 24–28

Видимо, необычное выражение вдовы Хотспера «speaking thick» (буквально: «густая речь») означает манеру говорить скороговоркой, когда одно слово набегает на другое и часто опережает мысль; нередко при этом человек заикается или спотыкается, подыскивая нужные слова.

В конце сцены женщинам удается переубедить Нортумберленда. Тот вновь избирает осторожную тактику и вновь подло предает тех, кто на него рассчитывал. Но теперь нельзя сидеть сложа руки и уповать на амнистию, как в случае с Хотспером: его участие в заговоре слишком очевидно. Поэтому граф собирается бежать в Шотландию.

«Мистрис Тершит…»

Местом действия становится трактир в Истчипе, где Фальстаф устраивает последний кутеж по случаю своего отъезда на войну. Все готово; первый слуга посылает второго за музыкантами и говорит ему:

…пойди за господином Пролазом и музыкантами. Мистрис Тершит заказала музыку.

Акт II, сцена 4, строки 11–12

Ясно, что Доль Тершит — трактирная проститутка; само ее имя[120] указывает на эту профессию. В первой части «Генриха IV» фигурировали непристойные намеки на похотливость Фальстафа, но прямых упоминаний об этом не было — возможно, потому, что Шекспир не хотел, чтобы повесу принца Хэла обвинили в половой распущенности.

Сейчас, когда принц заходит в трактир только на минутку, можно вывести в этой сцене и женщин. Доль Тершит еще не пришла в себя после перепоя; следом за ней появляется Фальстаф, напевая балладу, и эта сладкая парочка тут же вступает в перебранку, потому что в любовном ворковании старого толстяка и накрашенной потаскушки не было бы ничего смешного; другое дело — брань, ругань и взаимные оскорбления.

---

[120] Примечания: 120

Долл Рви Простыню, или Долл Рваная Простыня. — *Е. К.*

«...Прапорщик Пистоль»

Когда перебранка готова перерасти в «слоновьи ласки», входит слуга и говорит Фальстафу:

> Вас спрашивает внизу прапорщик Пистоль. Он желает вас видеть, сэр.

Акт II, сцена 4, строки 70–71

Кажется, что слово «ancient»[121] указывает на возраст, но на самом деле это искаженное ensign (флаг, а также солдат, который его несет, то есть знаменосец).

Задача перед знаменосцем стояла трудная. До введения формы в пылу сражения отличить врага от друга было трудно. Армии или входившие в них отряды должны были собираться вокруг какого-то заметного знака и держаться около него. Этим знаком и являлся флаг (знамя, штандарт).

Естественно, знаменосец должен был держать знамя в самой гуще битвы и охранять его, не щадя собственной жизни. Он становился мишенью для врага, потому что с утратой знамени по крайней мере часть отряда охватывало смятение.

---

[121] Примечания: 121
так в оригинале буквально: «древний, старый». — *Е. К.*

Об утрате такого важного предмета, как знамя, становилось известно всей армии, и это считалось сигналом поражения. Многие утрачивали воинский дух, и проигрыш сражения становился более вероятным.

Следовательно, знаменосцем (прапорщиком) мог стать только дерзкий и закаленный в боях сорвиголова; пост этот считался почетным. Эти люди чаще всего темпераментны и быстро впадают в гнев. Именно таков прапорщик Пистоль. Само его имя указывает на вспыльчивость. Узнав о приходе нового гостя, Доль Тершит (видимо, уже встречавшаяся с Пистолем и хорошо его знающая) первым Делом говорит:

> Ну его к черту! Не впускайте его. Это самый отчаянный буян и сквернослов на свете.

Акт II, сцена 4, строки 11–12

«Ломовые клячи…»

Одного слова «буян» достаточно, чтобы миссис Куикли бросило в пот. Она пытается не пустить Пистоля в зал (хотя не уверена в значении этого слова) и говорит:

Буян? Тогда пусть поворачивает оглобли.

Акт II, сцена 4, строка 75

Однако суть прапорщика Пистоля заключается в том, что он ужасно воинственный только на словах, а в глубине души — отчаянный трус. Это карикатура на Фальстафа: Пистоль еще более хвастлив и еще более труслив, чем его покровитель.

Даже красноречие Пистоля не его собственное; он то и дело цитирует отрывки из пьес эпохи Шекспира, неизменно выбирая самые напыщенные и претенциозные фразы, нещадно искажая их и применяя не к месту.

Так, когда рассерженная Доль Тершит напускается на Пистоля, он находит спасение в цитате из «Тамерлана Великого», пьесы Кристофера Марло, появившейся за десять лет до премьеры второй части «Генриха IV» и имевшей огромный успех.

Марло, родившийся в том же 1564 г., что и Шекспир, считался вторым после Шекспира драматургом Елизаветинской эпохи.

На самом деле Марло писал пользовавшиеся успехом пьесы еще тогда, когда Шекспир был начинающим актером, зарабатывавшим себе на

жизнь переделками чужих пьес. В 1593 г. Марло убили в кабацкой драке; в ту пору ему было всего двадцать девять лет; все сходятся на том, что если бы он прожил дольше, то мог бы превзойти Шекспира. Возможно, Шекспир подозревал это и слегка отомстил сопернику, спародировав один из самых знаменитых (и самых напыщенных) монологов.

Это монолог из второго акта «Тамерлана Великого», когда монгольский завоеватель Тамерлан (искаженное Тимур-ленг, то есть Тимур Хромой) — кстати говоря, бывший современником Генриха IV — триумфально вступает в захваченный им Вавилон. (На самом деле Вавилон перестал существовать за пятнадцать веков до Тимура, но зачем забивать себе голову такой ерундой?)

Колесницу Тамерлана везут цари завоеванных им стран, что подчеркивает величие Тамерлана и унижение царей. Обращаясь к побежденным монархам, монгол называет их «изнеженными азиатскими клячами». Они — клячи (точнее, ломовые лошади), которые изнежились, когда были царями.

Пистоль, оскорбленный и униженный женщинами из трактира, гневно обзывает их простыми

клячами (так называли и проституток) по сравнению с ним, великим воином:

Ломовые клячи,
О, как себя вы смеете равнять,
В день сделав тридцать миль, со скакунами!
Ничтожества, развалины, одры
Полезли в Цезари и Ганнибалы!

Акт II, сцена 4, строки 167–171[122]

Конечно, в оригинале он все перевирает — например, вместо «Ганнибалы» говорит «каннибалы», а вместо «греки, осаждавшие Трою» — «троянские греки». Наиболее образованная часть публики, знавшая этот монолог наизусть, наверняка хохотала до слез (как делаем мы, когда слышим одну из бесчисленных пародий на знаменитый монолог Гамлета «Быть или не быть»).

«…Звезды»

Пистоль постоянно хватается за шпагу, называя ее, как средневековый рыцарский меч, собственным именем Ирина. Поскольку он не знает, что

---

[122] Примечания: 122

В оригинале: «…что вы в сравнении с Цезарями, Ганнибалами и греками, осаждавшими Трою?» — *Е. К.*

Ирина по-гречески означает «мир», и, скорее всего, считает его производным от английского слова «iron» (железо, железный), это производит комический эффект. Однако в конце концов «буяна» удается убедить положить шпагу на стол.

Затем он напыщенно объясняется в любви Фальстафу:

> Бесценный рыцарь, дай я облобызаю твой кулак! Сколько ночей созерцали мы вместе с тобой звезды!
>
> ***Акт II, сцена 4, строки 125–126***[123]

В эпоху, когда приличного уличного освещения не существовало, после захода солнца в трактире оставались куда реже, чем сейчас, а потому по ночам там сидели только настоящие гуляки. Вместе «видеть семь звезд» (то есть Плеяды) означало «засидеться в пьяной компании до глубокой ночи»; таким образом, Пистоль хвастается своей тесной дружбой с Фальстафом.

«Где ты, о Атропос!»

Но ссора вспыхивает вновь. Разозлившийся

---

[123] Примечания: 123
В оригинале: «Сколько раз мы с тобой видели семь звезд». — *Е. К.*

Пистоль снова хватает шпагу и кричит:

> Тогда дай мне уснуть навеки, смерть!
> Нить дней моих прервите, сестры-пряхи!
> Где ты, о Атропос! Зову тебя!

Акт II, сцена 4, строки 135–137

Сестры-пряхи — это три богини (мойры, или парки), которые руководят судьбой людей. Это руководство изображается в греческих мифах метафорически: сестры прядут нить жизни человека. Прервать нить — значит обречь на смерть. Пистоль призывает Атропос (что буквально означает «не отклоняющаяся в сторону»), именно она в нужный момент обрывает нить человеческой жизни.

«…Витязь из сказки»

Фальстаф вынужден взять свою рапиру и прогнать Пистоля. Это его первый и последний ратный подвиг; отсюда следует, что как вояка Пистоль еще хуже Фальстафа.

Теперь Доль Тершит, благодарная Фальстафу за заступничество, может заняться своим делом; она проявляет максимальную нежность, возмож-

ную в таких обстоятельствах. Доль стирает пот с лица Фальстафа и воркует:

> Смотри, пожалуйста, а ведь я правда люблю тебя. Ты просто какой-то витязь из сказки, ей-богу. И, главное, ничего не боится, противный.

Акт II, сцена 4, строки 222–225[124]

Гектор и Агамемнон возглавляли противоборствующие армии в Троянской войне, но объяснить смысл выражения «Девять Достойных» сложнее. Это девять знаменитых воинов, заимствованных из истории и ставших героями средневекового эпоса. В их число входят три язычника (Гектор, Александр Великий и Юлий Цезарь), три иудея (Иисус Навин, Давид и Иуда Маккавей) и три христианина (Артур, Карл Великий (Шарлемань) и Готфрид Бульонский).

«…Перед этим сбродом»

Тут входят принц и Пойнс, переодетые трактирными слугами. Вероятно, Доль, увидев, узнает их (либо она была посвящена в заговор и полу-

---

[124] Примечания: 124

В оригинале: «Ты доблестен, как Гектор Троянский, стоишь пяти Агамемнонов и в десять раз лучше, чем Девять Достойных». — *Е. К.*

чила плату заранее), потому что сразу начинает спрашивать Фальстафа, что он думает о принце и Пойнсе. Естественно, Фальстаф комически описывает обоих, поливая грязью и того и другого. Тут принц и Пойнс сбрасывают маски, и принц требует объяснений, предупреждая, что на сей раз фокус с «узнаванием» (как было после разбоя в Гедских холмах) не пройдет.

Но использовать одну и ту же уловку дважды ниже достоинства Фальстафа. Он настаивает на том, что сказанное — не оскорбление;

наоборот, его слова продиктованы дружбой и любовью к принцу. Он говорит принцу:

> Я порицал тебя перед этим сбродом, чтобы отшатнуть их от тебя и обезопасить от влияния этого вертепа. Это доказывает мою дружескую заботу о тебе.

Акт II, сцена 4, строки 327–330

В итоге Фальстаф опять вывернулся.

Гонец приносит новость, что король тоже в Лондоне и что остальное войско должно немедленно выступить на север. Когда в первой части «Генриха IV» приходит весть о восстании Хотспера, принц встречает ее равнодушно и продолжает веселиться. Однако тут он сразу говорит:

Ей-богу, стыдно, Пойнс, что, как глупцы,
Мы праздно тратим золотое время…

Акт II, сцена 4, строки 370–371

Принц готов уйти немедленно.

Мой меч и плащ сюда! Прощай, Фальстаф.

Акт II, сцена 4, строка 375

Это его последнее прощание с Фальстафом как с другом. Принц ненадолго возвращается в прошлое, это нужно только для развития сюжета второй части пьесы.

«…Сходи за графом Уориком и Соррей»

Король во дворце. Глубокая ночь, Генрих в ночной рубашке, но государственные дела не дают ему покоя, нужно разделаться с восстанием. Он зовет пажа и говорит:

Сходи за графом Уориком и Соррей[125].
Скажи, чтоб перед тем они прочли

---

[125] Примечания: 125
графом Сурреем. — *Е. К.*

И вникли в эти письма. И не мешкай.

Акт III, сцена 1, строки 1–3

История двух упомянутых вельмож похожа. Граф Суррей — это Томас Фицалан, пятый из рода, носящего этот титул. Его отец, Ричард Фицалан, был четвертым графом Сурреем и правой рукой Томаса Глостера. Когда в 1397 г. Глостера убили по приказу Ричарда II (см. в гл. 6: «…Генри Херфорд»), Ричарда, графа Суррея, также арестовали и казнили, после чего род Фицаланов лишили титула.

Однако, как только Генрих IV сверг Ричарда II и стал королем, молодому Томасу Фицалану титул вернули. Король посылает за пятым графом Сурреем, в ту пору ему двадцать пять лет.

Томас де Бошан, граф Уорик, тоже выступал на стороне Томаса Глостера против Ричарда II. Во время переворота 1397 г. он тоже был арестован Ричардом, но постыдно покаялся и избежал казни. Правда, это не избавило его от тюремного заключения и потери земель. Он умер в 1401 г., через год после свержения Ричарда II.

Ричарду де Бошану, сыну Томаса, также вернули отцовский титул. В данный момент ему двадцать три года; он уже выступал на стороне Генриха IV, приняв участие в войне против Глен-

даура и в битве при Шрусбери.

Ожидая лордов, Генрих произносит монолог о том, что бедные и несчастные спокойно спят по ночам, а вот он, король, не может уснуть. Конечно, его заставляют бодрствовать государственные дела; король завершает монолог следующими знаменитыми строчками:

> Счастливый сторож дремлет на крыльце,
> Но нет покоя голове в венце.

Акт III, сцена 1, строки 30–31

«…Невиль»

Когда графы приходят, король задумчиво говорит о странных поворотах судьбы. когда-то Нортумберленд возглавлял тех, кто старался сместить Ричарда II, а теперь делает вид, что мстит за свергнутого и убитого короля. Генрих цитирует последнюю речь Ричарда, адресованную Нортумберленду, в которой король точно предсказал, какая судьба ожидает Перси.

Король призывает в свидетели Уорика и напоминает, что граф присутствовал при этом (хотя в списке действующих лиц «Ричарда II» Уорика

нет). Генрих говорит ему:

> Вы были, кажется, при этом, Невиль[126],
> И помните, как весь в слезах, Ричард,
> Задетый дерзостью Нортумберленда,
> Сказал пророчески свои слова…

Акт III, сцена 1, строки 66–69

Упоминание кузена Невила — ошибка Шекспира. Как было сказано выше, настоящее имя *этого* Уорика — Ричард де Бошан. Сын Ричарда, умерший в 1445 г., через сорок лет после описываемых событий, был последним из Бошанов. После этого титул перешел к роду Невиллов, один из которых (Ричард Невилл) стал самым знаменитым графом Уориком в истории. Шекспир по небрежности присваивает это известное имя представителю совсем другого рода.

«…Пажом у Томаса Моубрея»

На сцене появляются новые герои. Фальстаф по пути на север должен набрать солдат и с этой целью останавливается в Глостершире, где живет

---

[126] Примечания: 126
кузен Невил. — *Е. К.*

его старый школьный приятель Роберт Шеллоу, ныне мировой судья.

Старый Шеллоу, который до того вел тихую и скучную жизнь, вспоминает давние школьные дни, то время, когда он был отпетым шалопаем. Однако его маразматическое хихиканье и похвальба никого не обманывают.

Разговаривая со своим двоюродным братом Сайленсом, тоже мировым судьей и еще более незначительной личностью, чем сам Шеллоу, он хвастается своей дружбой с отчаянными сорванцами, знавшими всех проституток в этой местности, в том числе с Фальстафом. Он говорит:

> Джек Фальстаф, ныне сэр Джон, был тогда мальчиком и служил пажом у Томаса Моубрея, герцога Норфолькского.

Акт III, сцена 2, строки 25–27

Это любопытный поворот сюжета. Юного Фальстафа не помнит никто, кроме Шеллоу; все знают его как толстого пьяницу. Когда в первом акте верховный судья называет Фальстафа старым, тот отвечает, что был таким всю жизнь:

Я родился в три часа пополудни с седою головой и немного раздутым животом.

Акт I, сцена 2, строки 194–196

Но здесь Шеллоу говорит о юном паже Джеке Фальстафе.

Этот незначительный факт полностью соответствует гипотезе о том, что принц Хэл горько сожалеет о низложении Ричарда II и сознательно ведет себя так, чтобы досадить Генриху. Томас Моубрей, герцог Норфолкский, должен был драться на дуэли с королем Генрихом в те дни, когда Генрих был еще Болингброком. Разве не естественно, что принц Хэл выбрал себе в дружки беспутного рыцаря, который когда-то был пажом старого врага его отца?

С другой стороны, Шекспир всегда очень вольно (и даже небрежно) обращается со временем. Он нигде не говорит, сколько лет Фальстафу, но можно считать, что этому персонажу минимум пятьдесят, а возможно, и все шестьдесят, потому что его школьным товарищем был Шеллоу, которого всегда играют дряхлым стариком. Даже если Фальстафу всего пятьдесят, то получается, что он родился в 1355 г. В таком случае он на десять лет старше того самого Томаса Моубрея, пажом кото-

рого, по словам Шеллоу, якобы был Фальстаф.

«…Сэра Дагонета»

Появляется Фальстаф, снова набирающий солдат так же, как он это делал в первой части «Генриха IV», и снова предстающий перед нами в своем худшем обличье, не вызывающем никакой симпатии. Он жестоко издевается над именами рекрутов, приведенных Шеллоу, отпускает бессердечные шутки, бракует лучших кандидатов за небольшие взятки и отбирает худших.

Шеллоу возражает, но только для вида; его куда больше интересуют разговоры о старых школьных временах. Он то и дело предается воспоминаниям. Например, Шеллоу говорит:

> Когда я поступил в Училище правоведения и играл сэра Дагонета в школьном спектакле о короле Артуре…
>
> ***Акт III, сцена 2, строки 289–290***

Может сложиться впечатление, что в этом спектакле по мотивам легенд артуровского цикла Шеллоу играл могучего рыцаря. Ничего подобного! Дагонет был шутом Артура; король произвел его в рыцари только для смеха. Шеллоу исполнял

в той давней пьесе такую же роль, какую исполняет в реальной жизни.

Фальстаф терпеливо слушает, мало говорит, но в конце концов произносит бессмертную фразу о «веселых школьных временах»:

> Навидались всякого.
>
> ***Акт III, сцена 2, строки 220–221***[127]

Эта фраза имеет абсолютно тот же смысл, что и приведенное выше выражение Пистоля о «семи звездах» (см. в гл. 8: «…Звезды»).

Но факт остается фактом: хотя Фальстаф смотрит на Шеллоу свысока и издевается над бывшим соучеником за его спиной, однако ясно, что Шеллоу богат, в то время как Фальстафу приходится зарабатывать на жизнь собственным умом. Оставшись на сцене один, Фальстаф с завистью говорит:

> А теперь он скотовод и знатный помещик.
>
> ***Акт III, сцена 2, строки 25–27***

Такому человеку, как Фальстаф, положение

---

[127] Примечания: 127

В оригинале: «Мы слышали церковные колокола в полночь, мастер Шеллоу». — *Е. К.*

представляется неверным. Когда битва закончится, он вернется и избавит Шеллоу от части богатства.

«Теперь я сообщить считаю долгом, что мне прислал на днях Нортумберленд»

Стоит июнь 1405 г. Отряды архиепископа Йоркского и Томаса Моубрея (сына того Моубрея, пажом которого, по словам Шеллоу, когда- то был Фальстаф) противостоят королевским войскам.

Архиепископ Йоркский объявляет:

> Теперь я сообщить считаю долгом,
> Что мне прислал на днях Нортумберленд.

Акт IV, сцена 1, строки 6–7

Конечно, Нортумберленд оказывает повстанцам моральную поддержку и шлет им наилучшие пожелания, но сообщает, что сам прибыть на место сражения не сможет, так как в это время будет в Шотландии. История повторяется. То же самое произошло во время битвы при Шрусбери два года назад. Тогда Нортумберленд тоже, испугавшись, отказался принять участие в сражении, что привело к поражению восстания.

Как и при Шрусбери, король предлагает мятежникам амнистию. Томас Моубрей возражает против ее принятия (так же, как Вустер при Шрусбери), но на этот раз остается в меньшинстве.

Архиепископ Йоркский решает принять предложение короля.

«Я вас беру под стражу…»

Предложение об амнистии доставляет граф Уэстморленд. Как только принимают, на сцену выходит Джон Ланкастерский, сын короля и младший брат принца Хэла, чтобы выслушать жалобы и претензии мятежников. Он говорит архиепископу:

> По-моему, все пункты справедливы.
> Ручаюсь честью, помыслы отца
> Нередко извращали царедворцы.
> Все злоупотребленья устранят.
> Вас попрошу я распустить по графствам
> Свои войска, как сделаю и я.

Акт IV, сцена 2, строки 59–62

Предложение принято, повстанческая армия распущена. Как только лорд Хейстингс возвраща-

ется с известием, что отряды мятежников ушли, Уэстморленд говорит:

> Спасибо
> За радостную весть. Я вас беру
> Под стражу, Гастингс. Вас, лорд Моубрей, тоже.
> И, лорд-архиепископ, вас. Вы все
> Виновны в государственной измене.

Акт IV, сцена 2, строки 106–109

Потрясенный архиепископ указывает, что Джон Ланкастер нарушил слово. Ланкастер отвечает ему казуистически. Он обещал устранить все их огорчения в мгновение ока, что и сделает, казнив мятежников. Когда они умрут, то не будут испытывать никаких огорчений.

На самом деле автором этого подлого обмана был не принц Джон, в ту пору шестнадцатилетний, а граф Уэстморленд. Когда прибыл король, мятежников передали ему, привезли в Йорк и обезглавили. На граждан Йорка наложили тяжелую контрибуцию за их поддержку восставших (король, как всегда, нуждался в деньгах).

«…Скромный римлянин…»

Когда сражение кончается, так и не начавшись, прибывает Фальстаф и берет в плен сэра Колвилла[128] из Дейла, который не собирался сражаться за проигранное дело и сдался без сопротивления.

Приходит принц Джон и начинает распекать Фальстафа за опоздание. Но бессовестный Фальстаф оправдывается:

> По дороге сюда я загнал сто восемьдесят почтовых лошадей и, соскочив с последней, без передышки взял в плен сэра Джона Кольвиля, неустрашимого рыцаря и опасного врага. Прирожденная доблесть не спасла его. Едва он меня увидел, как должен был сдаться. Я тоже могу сказать, как один скромный римлянин: «Пришел, увидел, победил».

Акт IV, сцена 3, строки 37–43

Наглость Фальстафа смешит публику и выводит из себя принца Джона, потому что на доспехах сэра Колвилла из Дейла нет ни одной зарубки.

---

[128] Примечания: 128
в переводе — Кольвиль. — *Е. К.*

Кроме того, Фальстаф нахально сравнивает себя не с кем иным, как с Юлием Цезарем, и цитирует его фразу, произнесенную после битвы при Зеле.

«Рассудительный малый…»

Колвилла возвращают в Йорк и казнят вместе с остальными. Холиншед действительно приводит это имя в списке казненных (что и натолкнуло Шекспира на этот эпизод), но, конечно, не упоминает о том, кто именно взял Колвилла в плен; естественно, этим человеком никак не мог быть придуманный Фальстаф.

Ланкастер позволяет Фальстафу вернуться ко двору через Глостершир (где Фальстаф собирается поживиться за счет Шеллоу). Оставшись один, Фальстаф ворчит на юного принца Джона:

> Этот рассудительный малый не любит меня.
> Никто не видел, чтобы он когда-нибудь смеялся.

Акт IV, сцена 3, строки 89–91

Фальстафу есть из-за чего расстраиваться. Его дружба с Хэлом держится лишь на том, что он умеет рассмешить принца. На человека, который

не умеет смеяться и не обладает чувством юмора, чары Фальстафа не действуют. Один из таких людей лорд верховный судья, другой — принц Джон, а с людьми без чувства юмора старому рыцарю общаться трудно. Таким голову не заморочишь.

Возможно, встреча Фальстафа с Джоном Ланкастерским имеет большее значение, чем кажется на первый взгляд. Именно принц Джон в 1417 г., через двенадцать лет после казни Йоркских мятежников, доставил в Лондон и отдал под суд предводителя лоллардов сэра Джона Олдкасла, после чего присутствовал при его казни — сожжении на медленном огне.

Поскольку сначала Фальстаф носил имя Олдкасл, немудрено, что при виде хладнокровного и лишенного чувства юмора принца Джона ему становится не по себе. На старого рыцаря падает тень мучительной смерти его предыдущей инкарнации.

«Гемфри...»

Король ждет вестей о битве в Вестминстерском аббатстве. В каждой новой сцене он выглядит все более старым и больным, хотя в момент казни архиепископа Йоркского Генриху всего тридцать восемь лет.

Генрих чувствует неминуемость смерти и хочет, чтобы сыновья были рядом. Но больше всего Генриху нужен старший сын, наследник престола. Он говорит:

> Гемфри, где твой брат,
> Принц Уэльский?

Акт IV, сцена 4, строки 12–13[129]

Хамфри (Гемфри) — младший из четверых сыновей Генриха IV. Он родился в 1390 г.; во время несостоявшегося сражения с войском архиепископа ему было всего пятнадцать лет. Использование имени Глостер — анахронизм. Хамфри получил его только после смерти отца.

Выясняется, что Хамфри не знает, где принц Хэл, после чего король говорит:

> А не с ним ли Томас Кларенс?

Акт IV, сцена 4, строка 16

Томас Кларенс — второй сын короля Генриха. Он упоминался в первой части «Генриха IV» (хотя и не под своим именем) как младший сын, заменивший принца Хэла в совете (см. в гл. 7:

---

[129] Примечания: 129

В оригинале: «Хамфри, мой сын Глостер, где принц, твой брат?» — *Е. К.*

«…Твой младший брат»). Но Хэл не с Томасом; Томас тоже находится на сцене и говорит королю, что его старший брат проводит время с Пойнсом и другими беспутными приятелями.

Король тут же принимается оплакивать недостойное поведение сына. Он говорит:

> Где хороша земля, там и бурьян.
> Для сорных трав нет благодарней почвы,
> Чем этот мальчик, мой живой портрет.
> Тоскливо я вперед бросаю взоры,
> Заглядывая с опасеньем в дни,
> Когда меня не станет.

Акт IV, сцена 4, строки 54–57

Хотя в этой пьесе принц не совершает никаких предосудительных поступков, тем не менее король боится, что Англией будет править недостойный монарх, словно битвы при Шрусбери в версии Шекспира не было в помине и словно принц Хэл еще не продемонстрировал рыцарство и героизм. Но долгая отсрочка, которая позволяла Шекспиру вновь вернуть на сцену Фальстафа, почти подошла к концу; Генрих вновь излагает легенду о беспутстве и исправлении принца. На этот раз драматург доведет историю до конца, а

не бросит на полдороге, как случилось с первой частью «Генриха IV».

«Шотландцы и шайки бунтовавших англичан…»

Входит Уэстморленд и сообщает, что архиепископ Йоркский и его сторонники схвачены. Но это еще не все. Прибывает другой гонец и приносит радостную весть:

> Нортумберленд, лорд Бардольф, их шотландцы
> И шайки бунтовавших англичан
> Разбиты вашей армией в Йоркшире.

Акт IV, сцена 4, строки 97–99

Шекспир вновь сильно уплотняет время. Бунт Нортумберленда и Бардольфа произошел лишь в 1407 г., через два года после восстания архиепископа Йоркского. К тому времени Нортумберленд (все еще находившийся в Шотландии), воодушевленный мятежами, которые подняли в северной Англии противники повышения налогов, набрался смелости и в конце концов приступил к военным действиям.

Он возглавил войско, состоявшее из англичан

и шотландцев, вторгся в Англию, после чего в 1408 г. произошла битва у Брэнем-Мура, в 12 милях (20 км) к юго-западу от Йорка. В то время Нортумберленду было шестьдесят шесть лет (по тем временам возраст патриарха), однако даже это не вызывает у нас симпатии к нему.

В «Ричарде II» Нортумберленд предал Ричарда, а затем жестоко преследовал его; в первой части «Генриха IV» он предал сначала Генриха IV, а затем собственного сына; во второй части «Генриха IV» он предал архиепископа Йоркского. Испытываешь мстительное удовольствие при мысли, что этот человек, трусливо отказывавшийся от борьбы, когда его участие могло обеспечить победу, вдруг решился сражаться в одиночку, в результате чего потерпел поражение и был убит.

Другие противники Генриха IV, игравшие важную роль в первой части пьесы и незначительную во второй, также встретили свой конец. Мортимер, попавший в плен к Глендауру и получивший свободу ценой женитьбы на его дочери, умер в точно не установленное время, но где-то около 1409 г., через год после поражения Нортумберленда у Брэнем-Мура.

Сам Глендаур продолжал вести искусную партизанскую войну до самого конца царствования

Генриха IV, но уже не представлял серьезной опасности для трона. Его отряды постепенно рассеялись, он пустился в бегство, но его так и не поймали. Валлийцы его не выдали. Он умер около 1416 г., но никто не знает, где и когда. Хотя на Глендаура вели настоящую охоту, однако умер он свободным человеком.

«В реке прилив был трижды…»

Шекспир с помощью одной строки перемещается из 1405 в 1408 г., а с помощью еще нескольких — в 1413 г., когда король ощутил последний приступ смертельной болезни. Услышав весть о разгроме Нортумберленда, Генрих говорит:

> Как странно! От хорошего известья
> Мне стало хуже.
>
> ***Акт IV, сцена 4, строка 102***

Сыновья и придворные стараются успокоить короля, но, несмотря на бодрые слова, боятся худшего и упоминают о сверхъестественных явлениях. Томас Кларенс сообщает:

> В реке прилив был трижды без отлива,
> Как это наблюдалось, говорят,

Давным-давно, пред смертью Эдуарда.

Акт IV, сцена 4, строки 125–128[130]

Прадед, о котором идет речь, — это, конечно, Эдуард III, который умер в 1377 г., за тридцать шесть лет до смерти Генриха IV. Холиншед сообщает, что вода в Темзе трижды прибывала без отлива в 1411 г., за два года до смерти короля. В то время уже не было Хотспера, который мог бы сказать, что вода в Темзе прибыла бы даже в том случае, если бы умер не король, а кошка, что за прошедшие с той поры два года умерли многие тысячи людей и что прилив вообще не имеет к этому никакого отношения.

Кроме того, здесь Шекспир превзошел самого Холиншеда; у того нет ни слова о том, что нечто подобное происходило перед смертью Эдуарда III.

«Ты выдал тайное свое желанье…»

Наконец появляется принц Хэл и видит своего отца умирающим. Он в одиночестве дежурит у постели Генриха. Король забылся беспокойным сном; корона лежит рядом с ним.

---

[130] Примечания: 130

В оригинале: «…наш прадед Эдуард заболел и умер». — *Е. К.*

Обращаясь к короне, принц Хэл бранит ее за то, что она приносит королям несчастье. Он думает, что отец уже не проснется, и примеряет корону. Возможно, у него на уме титул, обретенный отцом не по праву, и собственный сомнительный статус «истинного принца». Хэл приходит к выводу, что ему предназначено защитить престол, надевает корону и решительно говорит:

> Корона впору.
> Храни ее на мне, Господь. Теперь,
> Хотя б весь свет простер за нею руки,
> Клянусь тебе, отцу и королю,
> Я никому ее не уступлю,
> Полученного от тебя не кину
> И, как святыню, завещаю сыну.

Акт IV, сцена 5, строки 42–45

Принц уходит из комнаты, не сняв короны. Король просыпается и видит, что корона исчезла. Генрих решает, что Хэл не может дождаться отцовской смерти, что ему не терпится поскорее стать королем, и приказывает привести к нему наследника.

Граф Уорик находит плачущего принца в соседней комнате и приводит обратно. Принц объясняет, что не чаял увидеть отца проснув-

шимся, и король печально говорит:

Ты выдал тайное свое желанье,
А я не умер и томлю тебя.

Акт IV, сцена 5, строки 92–93

Но еще более печальным ему видится будущее Англии, если учесть приятельские отношения принца с буянами и мошенниками:

На королевском троне Генрих Пятый.
Долой труды! Да здравствует тщета!
Английский двор открыт вам, дармоеды.
Сюда, сюда, бездельники всех стран!
Соседи, избавляйтесь от отбросов!
Найдись у вас какой-нибудь буян,
Обжора, вор, пропойца, ругатель,
Головорез, обманщик, душегуб,
Который изощрился в преступленьях
И совершает их на новый лад,
Вздохните легче! Я вас поздравляю.
Он больше вам не будет докучать.
Пусть едет в Англию. Он там получит
Почет и должность. Там покроет он

Двойной позор тройною позолотой.

Акт IV, сцена 5, строки 119–129

Здесь Шекспиру приходится расплачиваться за то, что он из одной пьесы сделал две. Сцену величественного и красноречивого отцовского обличения приходится повторить, однако на сей раз это обличение звучит совсем иначе, хотя и не теряет в силе. Если в первой части король рисовал картину, как Хэл пресмыкается перед Хотспером и боится его разгневать, то теперь он изображает Англию, попавшую в руки гуляк, пьяниц и прочих отпетых грешников.

Эта перспектива потрясает принца не меньше, чем первая. Он смиренно заверяет отца в своей любви и уважении, причем делает это так искренне, что получает прощение во второй раз. На этот раз перед нами примирение на смертном одре.

«Походами, заморскими делами…»

После примирения король готовится оставить принцу свой завет. Генрих считает, что теперь, когда трон не будет захвачен силой, а перейдет к законному королю по наследству, с гражданскими войнами можно будет покончить. Но есть

опасность, что знать будет устраивать заговоры просто от скуки. Поэтому Генрих говорит:

> Поставь себе за правило, мой Гарри:
> Наполни беспокойные умы
> Походами, заморскими делами,
> Отправь подальше шумных непосед
> И на чужбине дай им развернуться,
> Чтоб прошлое забвеньем поросло.

Акт IV, сцена 5, строки 212–215

Сегодняшнему читателю совет развязать внешнюю войну с целью решения внутренних проблем кажется совершенно аморальным. Но в старые времена, когда война была единственным предназначением дворянина, это было не совсем так. В действительности принц Хэл последовал совету отца (на самом деле Шекспира, воспользовавшегося преимуществом человека, которому известно будущее) сразу же, как только стал королем Генрихом V.

Впрочем, не стоит обольщаться на собственный счет: мы хорошо помним, что в 1861 г., когда президентом стал Линкольн и Соединенные Штаты разделились на две половины, готовые начать войну друг с другом, новый Государственный секретарь Уильям Генри Сьюард предложил

президенту Линкольну объявить войну Великобритании, чтобы объединить страну против общего врага. Линкольн отказался сделать это, но Сьюард продемонстрировал, что принадлежит к разряду государственно мыслящих политиков.

«...Смерть в Ерусалиме»

Затем король спрашивает Уорика, как называется зал Вестминстерского аббатства, где он впервые лишился чувств. (Вопрос странный, но он нужен Шекспиру для драматического эффекта.) Королю отвечают, что этот зал называется Иерусалимом. Тогда Генрих говорит:

> Хваленье Небу! Много лет назад
> Мне предсказали смерть в Ерусалиме.
> Я думал, что умру в Святой земле.
> Но все равно. Опять перенесите
> Меня туда и положите там.
> Хоть это залы монастырской имя,
> Я умереть хочу в Ерусалиме.
>
> ***Акт IV, сцена 5, строки 235–240***

Это последние слова, которые мы слышим от Генриха IV, все еще говорящего о Святой земле — так же, как и в финале «Ричарда II». Он умер

20 марта 1413 г. в возрасте сорока восьми лет, изнуренный болезнью и трудом, процарствовав четырнадцать лет и став жертвой (еще в большей степени, чем сам Ричард II) того дня, когда корона сменила хозяина.

Однако его царствование нельзя считать неудачным. Против короля год за годом поднимали восстания, но год за годом он подавлял их, никогда не отступал, никогда не отчаивался и в результате, благодаря неустанной работе, оставил своему наследнику единое государство, достаточно сильное (как предстояло убедиться его наследнику), чтобы одержать поразительные победы на континенте.

«Хохотать без перерыва...»

Фальстаф снова в Глостершире у судьи Шеллоу, готовясь поживиться за его счет. Шеллоу сам идет ему навстречу; он готов сделать для Фальстафа все, веря, что тот пользуется большим влиянием при дворе.

Точнее, Фальстаф, еще не зная о предстоящих переменах, и сам считает, что скоро станет великим человеком. Ему нужны не только деньги Шеллоу; он предвкушает возможность использовать старого маразматика в новом качестве, о

чем говорит в монологе:

> Этого Шеллоу хватит мне на увеселение принца Гарри в продолжение шести зим… Он будет хохотать без перерыва до тех пор, пока его лицо не сморщится, как мятый дождевой плащ.
>
> ***Акт V, сцена 1, строки 80–82***

Увы, этот день для Фальстафа не наступит никогда.

«Не Амурат вступает на престол за Амуратом…»

Тем временем Генрих IV умер, и его место занял Генрих V. Многие, как и покойный Генрих, высказавший свои опасения в знаменитом монологе (см. в гл. 8: «Ты выдал тайное свое желанье…»), ожидают, что новый король окажется таким же беспутным, каким был прежде, и опасаются, что им придется общаться с людьми вроде сэра Джона Фальстафа.

Особенно переживает лорд верховный судья, который не может забыть, что когда-то он посадил в тюрьму человека, ныне ставшего королем Генрихом V. Он не ждет от будущего ничего хоро-

шего и говорит:

> Я подготовлен к худшему на свете,
> И жизнь моя не будет тяжелей,
> Чем я ее в воображенье вижу.

Акт V, сцена 2, строки 11–13

Входят три брата нового короля (Томас Кларенс, Джон Ланкастер и Хамфри Глостер), и граф Уорик мечтает о том, чтобы новый король был так же хорош, как худший из этих троих. Таким образом, публика подготовлена к появлению необузданного принца Хэла, выступающего в роли короля Генриха V.

Но перед ней появляется легендарный король-герой, невероятно великий и невероятно человечный одновременно. Он говорит братьям, с тревогой ожидающим наступления новых времен:

> Но, братья, отчего у вас в глазах
> Помимо скорби страх? Наш двор — английский,
> А не турецкий двор. Не Амурат
> Вступает на престол за Амуратом,

А Генрих вслед за Генрихом.

Акт V, сцена 2, строки 46–49

Амурат (точнее, Мурад) — имя пяти турецких султанов. Однако к тому времени, когда королем Англии стал Генрих V, султаном успел побывать только один из них — Мурад I, правивший с 1362 по 1389 г., в царствование Эдуарда III и Ричарда II. В эту эпоху оттоманские турки вторглись на Балканы и в 1389 г. одержали решающую победу при Косове (нынешняя Сербия). Христианская армия сербов, которым тогда принадлежала эта территория, была полностью уничтожена, после чего турки владели Балканами пять веков. Однако в той битве Мурад I погиб.

Следующий султан, носивший это имя, Мурад II, занял трон только в 1421 г., через восемь лет после восшествия на престол Генриха V, поэтому Шекспир, устами Генриха утверждая, что Амурат вступает на престол за Амуратом, допускает анахронизм.

Третий монарх с тем же именем — Мурад III — правил уже во времена самого Шекспира. Он стал султаном в 1574 г., когда Шекспиру было десять лет, а умер в 1595 г., всего за два года до постановки второй части «Генриха IV». Несо-

мненно, когда Генрих V произносит эту реплику, Шекспир думал именно о Мураде III.

Турецкие султаны рождались в полигамной общественной системе. Когда султан умирал, он оставлял множество сыновей, каждый из которых мог унаследовать трон покойного. Принципа законного престолонаследия у турок не существовало. Турецкие принцы были чужими друг другу (в отличие от английских), так как рождались от разных матерей. Более того, матери сами отчаянно интриговали в пользу своих сыновей еще при жизни старого короля. (Впечатление об этом можно составить по Библии, где в двух первых главах Первой книги Царств описан двор умирающего царя Давида.)

Обычно турецкий принц, сумевший захватить престол, первым делом казнил своих сводных братьев, чтобы те не развязали гражданскую войну. В частности, когда в 1574 г. корону унаследовал Мурад III (шекспировский Амурат), он начал правление с того, что приказал убить пятерых своих братьев. Несомненно, весть об этой казни разнеслась по всей христианской Европе, считавшей, что неверные турки способны еще и не на такое.

Именно эта история была в голове у Шекспира,

когда он заставил Генриха V заверять братьев, что он не Амурат, а добрый старый Генри и что поэтому им нечего бояться. И действительно, Генрих V хорошо обращался с братьями. Именно он в 1414 г. наградил своего младшего брата Хамфри титулом герцога Глостера (через год после восшествия на престол). Правда, в пьесе допущен анахронизм: умирающий Генрих IV называет Хамфри этим титулом еще в 1413 г. В том же году Генрих V сделал Джона Ланкастера герцогом Бедфордом, и Джон известен историкам именно под этим именем.

В свою очередь, братья преданно служили Генриху, а двое оставшихся в живых верно служили его преемнику.

«Держите впредь в руках весы…»

Затем Генрих подтрунивает над лордом верховным судьей, напоминая ему, как тот посадил его в тюрьму. Верховный судья, ожидая худшего, смело отвечает, что если бы он не использовал королевский закон против принца, то в один прекрасный день сын нового короля посмеялся бы и над собственным отцом, и над его законами.

Услышав то, на что он и рассчитывал, Генрих V серьезно отвечает:

Вы были правы, лорд судья. Вы честно
Вели себя. Держите впредь в руках
Весы и меч. Дай Бог вам дни увидеть,
Когда мой сын обидит вас, как я,
Тогда я повторю слова отца:
«Я рад иметь судью, который судит
Бесстрашно сына моего. Я рад
Тому, что сын мой, несмотря на титул,
Себя закону в руки отдает».

Акт V, сцена 2, строки 102–106

Затем Генрих смиренно просит верховного судью быть его советчиком и помочь молодому королю своим богатым опытом. Тем самым король опровергает опасения отца о том, что он прогонит всех мудрых советников. Однако Генриху этого мало. Он не только демонстрирует свои достоинства, но и открыто говорит о собственных недостатках:

Кровь поднималась до сих пор во мне
С надменностью реки в часы прилива,
Но вот настал отлив. Она идет
На убыль, и теперь ее поверхность
Сольется с должным уровнем вокруг.

Акт V, сцена 2, строки 129–133

Остается только испытать эту благородную решимость. Таким пробным камнем станет для короля ничего не подозревающий Фальстаф.

«…Ваш кроткий агнец»

Фальстаф все еще гостит у Шеллоу в Глостершире, наслаждаясь деревенской роскошью, но тут появляется запыхавшийся Пистоль. Он может изъясняться только цитатами из высокопарных трагедий, а потому бедные глостерширцы ничего не понимают и постоянно перебивают поручика, пока тот не выходит из себя. Наконец Пистоль выдавливает:

> Сэр Джон, король теперь — ваш кроткий агнец.
> На троне Генрих Пятый. Если вру,
> Так съесть мне шиш, как говорят испанцы.

Акт V, сцена 3, строки 118–119

Возникает переполох. Со смертью короля срок пребывания Шеллоу мировым судьей автоматически истекает (так же, как и срок Сайленса, который падает в обморок).

Но Фальстаф тут же приказывает седлать ло-

шадей. Он не сомневается, что отныне будет распоряжаться судьбами страны, и говорит:

> Мистер Шеллоу, выбирайте любую должность, она ваша.

Акт V, сцена 3, строки 124–126

Пистоль и Бардольф ликуют, мечтают о богатстве и власти, а самомнение Фальстафа возрастает неимоверно:

> Молодой король, наверное, сгорает от нетерпения меня увидеть. Требуйте лошадей у кого угодно. Все законы Англии к моим услугам. Блаженны все, дружившие со мной, и горе лорду верховному судье. Этому несдобровать.

Акт V, сцена 3, строки 137–141

«Я тебя не знаю»

Взяв у Шеллоу тысячу фунтов, Фальстаф сломя голову скачет в Лондон. Его сопровождают всевозможные прихлебатели, в том числе и сам Шеллоу. Наступил день коронации, 9 апреля 1413 г. По улицам Лондона должна пройти про-

цессия во главе с Генрихом V. Фальстаф не может дождаться этого: его подружку Доль Тершит бросили в тюрьму по обвинению в убийстве, и Фальстаф уверен, что сумеет освободить ее.

Появляется торжественная процессия, и Фальстаф вызывает негодование публики, громко обращаясь к королю. Процессия останавливается, и наступает кульминационный момент обеих частей «Генриха IV».

Король сдержанно говорит:

> Прохожий, кто ты? Я тебя не знаю.
> Молись усердней, старый человек.
> Седые волосы, а сам как дурень.
> Такой же долго снился мне старик,
> Как ты, беспутный, спившийся и толстый.
> Я позабыть стараюсь этот сон.

Акт V, сцена 5, строки 48–52

Фальстаф публично отвергнут и унижен, ему запрещено приближаться к королю ближе чем на десять миль. (У Холиншеда указано, что именно на такое расстояние были удалены от короля его прежние беспутные дружки.)

За прошедшие века эта речь поражала в самое сердце бесчисленное множество людей. Зрители

и читатели пьесы, любившие Фальстафа (как и принц) за то, что он заставлял их смеяться, осуждали принца за бессердечие, с которым он публично отверг старого друга. Прежде я и сам твердо придерживался того же мнения.

Но с годами мне стало ясно, что осуждать Генриха Vнельзя. Если мы проанализируем ситуацию, описанную Шекспиром, то поймем, что Фальстаф сам напросился на публичное унижение, запанибрата обратившись к Генриху на людях, да еще в самый торжественный для того день — день коронации. Генрих был просто обязан заставить людей забыть, что когда-то он был беспутным гулякой. Этот образ сложился у народа главным образом благодаря общению Хэла с Фальстафом и основывался на том, как принц обращался со своим дружком на людях.

Генрих V просто не мог поступить иначе. Заговоры против него могли закончиться только в том случае, если бы все увидели в нем истинного законного короля, Божьего помазанника. Чтобы смыть пятно, брошенное на него свержением Ричарда II, Генрих был обязан говорить не как простой смертный, а как король.

На мой взгляд, Орсон Уэллс, недавно снявший экранизацию двух частей «Генриха IV», решил

эту сцену идеально.

Человек, который был принцем Хэлом, а стал Генрихом V, говорит с Фальстафом не глядя на него. Хотя произносимые им слова — это слова короля Англии, однако искаженное болью лицо — это лицо принца Хэла. А отвергнутый Фальстаф, которого играет сам Орсон Уэллс, испытывает шок, но на его лице тоже появляется выражение гордости. Беспутный юный принц, которого, казалось, ничего не стоило обвести вокруг пальца, внезапно стал великим человеком и теперь не ровня ему, Фальстафу.

Кроме того, не следует забывать, что принц, став королем, не стал бессердечным. Он говорит Фальстафу:

> Чтоб вас на преступленье не толкать,
> Я обеспечу вам существованье.
> Кто к лучшему изменится, найдет
> Работу по способностям и силам.

Акт V, сцена 5, строки 67–71

Конечно, с его стороны это благородно.

«Во Францию…»

Теперь, когда с прошлым покончено, Шекспир

получает возможность заговорить о будущем. Ланкастер, довольный тем, что король прогнал Фальстафа, больше не опасается за судьбу страны. Наступают героические времена:

> Держу пари, что год не истечет,
> Мы снарядим во Францию поход.

Акт V, сцена 5, строки 106–108

Пророчество Ланкастера сбывается, но не полностью. В течение года Генрих планировал вторжение во Францию, но это случилось только через два года.

«…Предполагает продолжать свою историю»

В эпилоге дано обещание написать еще одну пьесу. Актер обращается к публике:

Если вам еще не повредила наша жирная пища, автор предполагает продолжать свою историю. В ней он опять выведет сэра Джона и покажет в забавных чертах прекрасную Екатерину Французскую. Насколько мне известно, Фальстаф умрет от сильной испарины, если ваше презрение еще не убило его. Кстати, сказать, он и Ольдкастль — совсем разные лица, и Ольдкастль умер мучеником.

Эпилог, строки 26–32

Здесь прорывается тревога Шекспира. Дискуссия о том, что образ Фальстафа, сначала носившего имя Олдкасл[131], оскорбил влиятельный род Кобемов и радикальных протестантов, все еще не закончена. Возможно, эти люди были оскорблены сильнее, чем принято считать, потому что они являлись противниками графа Эссекса, верным сторонником которого был

Шекспир. Использовав такой ход, Шекспир заявляет об отсутствии какой бы то ни было связи между Фальстафом и Олдкаслом.

Тем не менее, несмотря на данное здесь обеща-

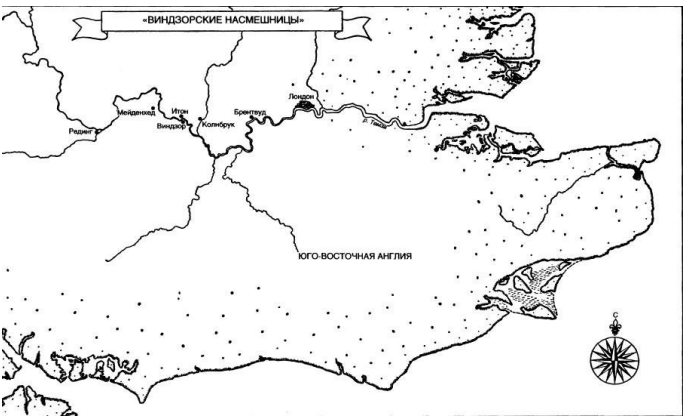
---

[131] Примечания: 131
в переводе — Ольдкастль. — *Е. К.*

ние, Фальстаф не появился в непосредственном продолжении пьесы, которым является «Генрих V». Либо Шекспир больше не желал вступать в полемику с лордом Кобемом, либо устал от десяти актов Фальстафа, либо почувствовал, что появление Фальстафа во Франции после душераздирающей сцены изгнания испортит все впечатление от пьесы.

Возможно, верно и то, и другое, и третье одновременно. Однако следует напомнить, что Фальстаф все же появился в третьей пьесе (которую мы поместили сразу вслед за этой); если верить легенде, это произошло отнюдь не по желанию Шекспира. Честно говоря, он сделал это напрасно, потому что пьеса, о которой идет речь, действительно портит впечатление, оставленное двумя частями «Генриха IV».

Глава 9 «Виндзорские насмешницы»



Согласно легенде, королеве Елизавете так понравился образ Фальстафа в двух частях «Генриха IV», что она публично высказала пожелание увидеть Фальстафа влюбленным. Королевский каприз — это приказ; далее легенда гласит, что Шекспир написал пьесу (начатую с нуля) за две недели.

Год написания «Виндзорских насмешниц» колеблется от 1597 (когда была написана вторая

часть «Генриха IV») до 1601 г. (через два года после завершения «Генриха V», являющегося продолжением предыдущей пьесы).

Установить, насколько правдива эта легенда, сейчас уже невозможно. Впервые она была изложена в комментариях 1702 г. английского критика и драматурга Джона Денниса.

Будь она правдивой, это могло бы многое объяснить. Например, почему пьеса написана почти исключительно прозой (менее поэтичной пьесы у Шекспира нет). Просто у автора не хватило времени на стихи. Кроме того, пьеса носит следы отчаянной спешки: ряд эпизодов не закончен и попросту не стыкуется друг с другом. Но хуже всего то, что пьеса является клеветой на Фальстафа, поскольку в ней нет и намека на гениальную комическую роль, которую этот толстый шут играет в двух частях «Генриха IV».

Впрочем, возможно, все это объясняется совсем иначе. Просто пьеса не получилась, а легенду о приказе Елизаветы придумали позже, чтобы объяснить непонятную неудачу Шекспира.

Место действия пьесы Виндзор — город на реке Темзе, знаменитый своим Виндзорским замком. Поскольку ее главный герой — Фальстаф, можно предположить, что события пьесы происходят

в период между 1400 и 1413 гг. Однако никаких указаний на время действия в пьесе нет, если не считать имен главных героев и *одного* упоминания о принце Хэле. Если бы не это, можно было бы считать «Виндзорских насмешниц» единственной пьесой Шекспира, где действуют его современники (и соплеменники).

«Да будь он двадцать раз сэром Джоном Фальстафом…»

Пьеса начинается с того, что на сцену рысцой выбегает старый судья Шеллоу, уже знакомый нам по второй части «Генриха IV», и с жаром, не свойственным его возрасту, восклицает:

> Нет, дорогой сэр Хью. И не уговаривайте меня. Я подам жалобу в Звездную палату. Да будь он двадцать раз сэром Джоном Фальстафом, он не смеет оскорблять меня, эсквайра Роберта Шеллоу!
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 1–4 (перевод С. Маршака и М. Морозова. Стихи в переводе С. Маршака)***

Имя Фальстафа звучит в первой же реплике, так что публика вправе ожидать скорого появления

этого персонажа. Вполне резонно предположить, что речь идет о тысяче фунтов, которую Фальстаф взял взаймы у Шеллоу в конце второй части «Генриха IV» и не смог отдать, потому что новоявленный Генрих V прогнал его.

Как вскоре выяснится, упомянутый сэр Хью — это сэр Хью Эванс (точнее, Ивенс), священник из Уэльса (в данном случае «сэр» — это уважительное обращение к священнику, а не символ принадлежности к дворянству), говорящий с сильным валлийским акцентом. (Один из заметных персонажей «Генриха V» Флюэллен тоже говорит с сильным валлийским акцентом. Кто из них стал прототипом другого, зависит от времени написания пьес, которого мы не знаем.)

Звездная палата — печально известное судебное учреждение, занимавшееся разбором дел, которые не подпадали под существующие законы, Эти дела решали судьи в отсутствие присяжных. О Звездной палате, которой боялись как огня, ходило множество мрачных слухов; говорили, что она применяет пытки и ни перед кем не отчитывается. (Поэтому в угрозе «подать жалобу в Звездную палату» таится зловещий смысл.) Слава богу, эта палата была упразднена в 1641 г. в результате реформы, предпринятой

по инициативе части английского парламента, восставшей против Карла I.

Происхождение названия палаты точно неизвестно; есть предположение, что она собиралась в помещении, потолок которого был украшен звездами.

«Мирового судью...»

За Шеллоу следует Слендер — племянник, тень и поклонник старика. Поклонником такого негероического персонажа может быть только тень тени. Слендер играет в этой пьесе ту же роль деревенского простака, которую во второй части «Генриха IV» играл Сайленс.

После реплики Шеллоу, заканчивающейся словами «эсквайра Роберта Шеллоу», Слендер молитвенным тоном добавляет официальный титул Шеллоу, как будто это сделает судью более грозным:

> Мирового судью в графстве Глостершир, и coram.
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 5–6***

Coram — это юмористически (с точки зрения тогдашней публики) искаженное quoram —

юридический термин, означавший, что судья обладает некоей специальной квалификацией, необходимой для участия в судебных сессиях.

«…Мистера Авраама…»

После того как Слендер и Шеллоу обмениваются тарабарщиной на искаженной латыни, призванной подчеркнуть роль Шеллоу в судейском мире, валлийцу Эвансу, говорящему с протяжным акцентом, удается утихомирить разгневанного Шеллоу и отвлечь его интересным предложением.

У видного виндзорского горожанина Джорджа Пейджа есть дочь Анна, красавица с приданым в семьсот фунтов. Эванс говорит:

> Вот я и думаю: не лучше ли нам бросить споры да раздоры и женить *мистера* Авраама Слендера на мисс Анне Пейдж?
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 54–56***[132]

Предложение заманчивое, поскольку «мастер Авраам» — это сам Слендер, а гнев Шеллоу (как вскоре выяснится) вызван тем, что у Слендера

---

[132] Примечания: 132
В оригинале: *«…мастера* Авраама…» — *Е. К.*

обманом выудили ничтожную сумму, так что семьсот фунтов смогут с лихвой компенсировать убыток.

«…Бардольф, Ним и Пистоль…»

Шеллоу и Слендер сразу же проявляют интерес. Шеллоу хочет встретиться с мистером Пейджем и поговорить о сватовстве. Тем более что они стоят как раз у дверей дома Пейджа, в котором в эту минуту находится Фальстаф.

Появляется Фальстаф и не моргнув глазом признается, что он действительно нанес судье Шеллоу несколько оскорблений. (Причем это произносится без намека на юмор. Прежний Фальстаф все выгернул бы наизнанку, представил в смешном свете и заставил бы Шеллоу оправдываться.)

Затем Фальстаф обращается к Слендеру и спрашивает, на что он жалуется. Слендер объясняет:

> …ваши негодяи — Бардольф, Ним и Пистоль — затащили меня в таверну, напоили пьяным и обобрали до нитки.
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 123–126***

Бардольф — это слуга Фальстафа, участвующий

в обеих частях «Генриха IV»; его лицо, красное от неумеренного потребления крепких напитков, — постоянная мишень шуток Шекспира. Пистоль, появляющийся только во второй части «Генриха IV», — воплощение хвастовства. Он выражается напыщенно и энергично, но в глубине души — отъявленный трус.

Ним не участвует ни в одной из пьес о Генрихе IV, но зато (вместе с Бардольфом и Пистолем) фигурирует в «Генрихе V». Его отличительная юмористическая черта — постоянное употребление слова «humor» (распространенный во времена Шекспира синоним слов «темперамент» или «характер»).

Юмористическим приемом доведения одной человеческой черты до абсурда широко пользовались не только драматурги эпохи королевы Елизаветы, но также их предшественники и последователи. В качестве примера можно привести бесконечные просторечия современного американского комика Джека Бенни или наигранную похотливость его коллеги Боба Хоупа. Словом «юмор» стали называть нечто смешное в результате комического переосмысления слова «humor», первоначально означавшего «основная черта характера».

«Мефистофель...»

В ответ каждый из фальстафовских «негодяев» обнажает шпагу и отвечает на обвинение в присущем только ему стиле. Бардольф использует метафору из области своих пристрастий — пьянства и чревоугодия:

Ах ты, бенберийский сыр!

Акт I, сцена 1, строка 127

Бенбери — город в 65 милях (104 км) к северо-западу от Лондона, считавшийся во времена Шекспира оплотом пуритан, а потому являвшийся мишенью острот для драматургов, которые были ярыми противниками пуританства. Фирменный бенберийский сыр имел толщину всего в один дюйм (2,54 см). Конечно, это не влияло на его качество, но позволяло насмехаться над скупостью пуритан (хотя на самом деле эти понятия не были связаны друг с другом, так как бенберийский сыр изобрели задолго до пуритан). Ремарка Бардольфа означает насмешку над худобой Слендера (у этого персонажа говорящее имя, отражающее его физическое и умственное худосочие).

В свою очередь, Пистоль восклицает:

> Эх ты, Мефистофель, черт остроборо-дый!

Акт I, сцена 1, строка 129

Основная комическая черта Пистоля — постоянное использование цитат из современных ему трагедий «грома и крови». В данном случае он цитирует пьесу Кристофера Марло «Трагедия о докторе Фаусте», где Мефистофелем зовут дьявола, искушающего заглавного героя. Это чрезвычайно неуместное сравнение для Слендера, но выражения Пистоля всегда либо преувеличенны, либо неуместны, либо соединяют в себе обе черты.

Ним говорит:

> Режь его, палка верба, режь! Это мне по характеру.

Акт I, сцена 1, строки 131–132

Характер (в смысле — характерная черта) Нима — то, что он пытается создать видимость не болтуна, а человека действия. Его повторенное дважды «раиса» — это сокращенное латинское выражение «pauca verba» (меньше слов).

Когда испуганный Слендер продолжает упорствовать, Пистоль вызывает его на дуэль, выкрикнув перед этим:

Тише ты, иностранец с Уэльских гор!

Акт I, сцена 1, строка 157

Иностранец с гор — это неангличанин с западных холмов, то есть валлиец. Само слово «валлиец» (Welsh) является производным от саксонского wealth, означающего «иностранец, чужеземец».

«…Скарлет и Джон?»

Пистоль и Ним не унимаются, поэтому Фальстаф обращается за подтверждением к Бардольфу и спрашивает:

А ты что скажешь, Скарлет и Джон?

Акт I, сцена 1, строка 168

Уилл Скарлет и Маленький Джон — два известных члена шайки Робин Гуда (которая якобы грабила богатых и помогала бедным). Сравнение своих спутников с известными разбойниками является со стороны Фальстафа циничным

признанием того, что его приятели — мелкие воришки. Поскольку Бардольф правая рука Фальстафа, тот сравнивает его с Маленьким Джоном, который был правой рукой Робин Гуда. А слово «Скарлет» (пунцовый) — более чем прозрачный намек на красную физиономию Бардольфа.

Бардольф тоже отрицает обвинение, и на этом спор заканчивается.

После 181–й строчки первой сцены Шекспир выдыхается и больше не пытается создать пьесу о новых похождениях Фальстафа и его беспутных дружков. О ссоре между Шеллоу и Слендером с одной стороны и Фальстафом с его приятелями с другой больше не упоминается до конца пьесы.

Возможно, будь у Шекспира время, он отказался бы от этого начала и написал новое; но если легенда о том, что он писал в цейтноте, верна, то каждая готовая строчка была для него на вес золота.

«…Книжка сонетов и любовных песен!»

Поспешно входит Анна Пейдж, красивая юная героиня серьезной романтической сюжетной линии этой пьесы (линия эта почти исчезает). Слендер, который впервые видит Анну, тут же влюбляется в нее. Он говорит с глубоким вздо-

хом:

> Ах, если бы у меня была сейчас при себе моя книжка сонетов и любовных песен! Она мне нужнее, чем сорок шиллингов.

Акт I, сцена 1, строки 191–192

Эта «книжка сонетов и любовных песен» называлась Tottel's Miscellany (буквально: «Смесь (то есть избранное, или сборник) Тоттела»). Это была первая антология английской поэзии, составленная и опубликованная Ричардом Тоттелом в 1557 г. У бедного Слендера в присутствии Анны Пейдж отнимался язык, и без этой книжки он был как без рук.

Слендер спрашивает своего слугу Симпла (который появляется время от времени только для того, чтобы отвечать на вопросы), где эта книжка:

> Да вы же сами, сударь, отдали их этой пышке Алисе в День Всех Святых, за две недели до Михайлова дня.

Акт I, сцена 1, строки 196–198

День Всех Святых празднуют 1 ноября, это день почитания всех святых сразу, известных и неиз-

вестных.

Михайлов день — праздник в честь святого Михаила и всех ангелов. (Согласно легендам, известным нам главным образом по «Потерянному раю» Милтона, святой Михаил — это архангел, который командует светлыми ангелами в битве с Сатаной и его падшими подручными.)

Михайлов день отмечают 29 сентября, так что реплика Симпла должна была вызывать смех у елизаветинской публики, лучше нас помнившей церковный календарь. (Мы бы лучше поняли юмор, если бы Симпл сказал: «…на Рождество, за две недели до Дня благодарения». В данном случае от переводчика требуется не столько буквальный, сколько фигуральный перевод.)

«…Секерсона спускали с цепи»

Оставшись наедине с Анной Пейдж и не имея под рукой книжки стихов, Слендер совершенно теряется. Он пытается произвести на девушку впечатление, хвастаясь своей храбростью. Слендер заводит речь о медведях и, предполагая, что Анна должна бояться медведей, говорит:

Я раз двадцать видел, как Секерсона спускали с цепи, и даже дергал его за цепь.

Акт I, сцена 1, строки 284–286

Секерсон — это знаменитый медведь времен Шекспира, которого держали на цепи в Парижском саду, находившемся на противоположном от центра Лондона берегу Темзы. Секерсон был ручным, и дергать его за цепь было любимым развлечением детворы, тем более что медведь был в намордник (на случай, если зверь забудет, что он ручной).

«Как Гвиана...»

В данный момент Фальстаф отчаянно нуждается в деньгах, а принца Хэла, который мог бы выручить его, рядом нет. (Может быть, действие пьесы происходит после того, как принц, ставший королем, удалил от себя Фальстафа?) Для экономии он рассчитывает Бардольфа, которого тут же нанимает хозяин гостиницы «Подвязка». Бардольф становится трактирным слугой (что для него самое подходящее занятие).

Затем Фальстафу приходит в голову, что он

сможет улучшить свое финансовое положение, поволочившись за миссис Форд, женой богатого горожанина. По замыслу старого толстяка в благодарность за эти услуги миссис Форд будет делать ему дорогие подарки. Чем дальше в лес, тем больше дров. Почему бы заодно не поухаживать и за миссис Пейдж, матерью Анны? У нее тоже куча денег. Фальстаф говорит:

> Эта дама тоже располагает кошельком своего мужа. Она, как Гвиана, полна золота и всяческого изобилия.

Акт I, сцена 3, строки 67–68

Гвиана — местность на северном побережье Южной Америки, никогда не славившаяся своим богатством. Однако ее легко спутать с Гвинеей (Guinea), расположенной на южном берегу северо-западной оконечности Африки. (Это название происходит от слова «Гана» (Ghana). Так называли эту местность в древние времена. Когда в конце 1950–х — начале 1960–х гг. разные африканские страны получили независимость, эту местность опять стали называть Ганой; правда, залив Атлантического океана, на берегу которого она находится, по-прежнему называется Гвинейским.)

Территория, которую сейчас называют Ганой, в прежние времена славилась своим золотом; на этом было основано ее процветание. Когда Гана была британской колонией, ее называли Золотым Берегом. В 1663 г., через много лет после смерти Шекспира, первая британская золотая монета была отчеканена именно из ганского золота. Естественно, ее назвали гинеей (guinea); со временем ее стоимость составила двадцать один шиллинг (один фунт стерлингов плюс один шиллинг). Если бы эта монета появилась веком раньше, Шекспир ни за что бы не спутал Гвиану с Гвинеей.

После 1813 г. монета достоинством в одну гинею вышла из обращения, но это слово оставалось престижным, и им продолжали пользоваться при исчислении жалованья (поскольку гинея была дороже фунта стерлингов на целый шиллинг).

«Сводником...»

Следуя своему плану, Фальстаф написал миссис Форд и миссис Пейдж одинаковые письма и велит Ниму отнести письмо первой, а Пистолю — второй.

В приступе щепетильности оба отказываются выполнять роль сводника. Пистоль величествен-

но говорит:

> Как! Сводником мне стать? Я — честный воин!
> Клянусь мечом и тысячей чертей!

Акт I, сцена 3, строки 75–76[133]

Пандар действует как сводник в сказании о Троиле и Крессиде (которое Шекспир вскоре после этого переделал в одноименную пьесу). Именно благодаря ему в английском языке появился глагол «pander» — «сводничать». Мы могли бы посочувствовать Пистолю, считающему, что сводничество несовместимо с достоинством воина, если бы не знали, что он и Ним ради денег готовы на что угодно.

Когда прихвостни отказываются выполнять поручение, ничуть не расстроенный Фальстаф поручает это дело своему маленькому пажу (видимо, тому самому, который фигурирует во второй части «Генриха IV»). Там реплики этого персонажа озаглавлены «Паж» («Page»); никто не называет его по имени. Здесь же они озаглавлены «Робин». Это вполне естественно, потому что в этой пьесе есть другие персонажи с фамилией

---

[133] Примечания: 133
В оригинале: «Сэром Пандаром Троянским…» — *Е. К.*

Пейдж (Page).

Фальстаф уходит; его люди, слишком гордые, чтобы заниматься сводничеством, но всегда готовые наябедничать, решают рассказать о плане хозяина мужьям упомянутых женщин.

«…С этакой маленькой, желтенькой бородкой»

Тем временем валлийский священник сэр Хью Эванс берет на себя обязанности сводника и решает устроить брак Слендера и Анны Пейдж. С этой целью он посылает Симпла (слугу Слендера) к миссис Куикли (служанке врача), которая, по его мнению, прекрасно подходит для роли посредницы.

В двух частях «Генриха IV» миссис Куикли звали хозяйку трактира «Кабанья голова». Там ее трактир использовался как публичный дом, так что выполнять роль посредницы этой женщине не впервой. Однако в «Виндзорских насмешницах» она занимается куда более уважаемым ремеслом, чем в первых двух пьесах.

Миссис Куикли соглашается взяться за это дело (рассчитывая, что ей хорошо заплатят), даже не зная человека, ради которого она должна потрудиться. Она делает несколько тщетных попыток выяснить это. Когда миссис Куикли спрашивает,

большая ли у него борода, Симпл отвечает:

> У него этакое маленькое, бледненькое личико с этакой *маленькой, желтенькой* бородкой.

Акт I, сцена 4, строки 22–23[134]

Каина, убившего Авеля и, если верить библейской легенде, ставшего первым убийцей в мире, по каким-то причинам изображали на гобеленах по библейским мотивам с рыжевато-желтой бородой. Борода того же цвета была также у Иуды, предавшего Иисуса.

Сравнение комическое, потому что трусливый и недалекий Слендер меньше всего похож на человека, которого неуправляемая страсть способна толкнуть на чудовищное преступление вроде убийства или предательства.

«…Один важни персон»

Врач, у которого служит миссис Куикли, — это доктор Каюс, француз, говорящий по-английски еще хуже, чем Эванс. Этот классический комический персонаж очень вспыльчив. Он не любит,

---

[134] Примечания: 134

В оригинале: «с бородкой каинова цвета». — Е. К.

когда в его отсутствие миссис Куикли принимает незнакомых людей, поэтому, когда служанка узнает, что хозяин возвращается, она прячет Симпла в чулан.

Похоже, доктор Каюс направляется во дворец по какому-то важному делу. Он говорит по-французски:

> Ma foi, il fait fort chaud. Je m'en vais a la Cour — la grande affaire.
>
> Пф, пф, пф! Какой жара! А мне надо ходиль на королевский двор лечиль один важни персон.

Акт I, сцена 4, строки 51–52

В пьесе эти слова не переводятся на английский, потому что они не имеют отношения к действию. Либо они нужны для характеристики персонажа, либо намекают на некое происшествие при дворе, которое случилось во время написания пьесы.

Возможно, требование королевы Елизаветы поторопиться с пьесой (если эта легенда правдива) было вызвано не тем, что ей не терпелось увидеть Фальстафа влюбленным, а необходимостью сыграть комедию по случаю какой-то важной — и уже назначенной — придворной церемонии.

Из реплик, встречающихся в пьесе позже, можно сделать вывод, что речь идет о представлении ко двору претендентов на награждение орденом Подвязки. Одно такое представление состоялось в мае 1597 г. Для данной пьесы это чересчур рано; получается, что «Виндзорских насмешниц» Шекспир написал, еще не успев закончить вторую часть «Генриха IV».

Но если это так, то знатных персон, присутствовавших на этом представлении (и, несомненно, бегло говоривших по-французски), должен был позабавить комический француз, торопящийся на ту самую церемонию, в которой принимают участие сами зрители.

В последнюю минуту доктор Каюс вспоминает, что забыл взять какое-то лекарство, открывает дверь чулана и обнаруживает Симпла. Разгневанный француз требует объяснений, а когда получает их, выясняется, что он сам ищет руки прекрасной Анны Пейдж.

Дымясь от злости, француз садится писать письмо, а затем говорит Симплу:

You jack'nape, give-a dis letter to Sir Hugh.
By gar, it is a shallenge.

Эй ты, обезьян! Неси это письмо мистер Эванс. Я визиваль его на дуэль.

Акт I, сцена 4, строки 106–107

Похоже, нам предстоит стать свидетелями комической дуэли между двумя типами, коверкающими английский язык.

Когда разгневанный доктор Каюс наконец убегает, приходит Фентон, красивый молодой человек, который тоже вздыхает по Анне Пейдж (конечно, публика целиком и полностью на его стороне, не говоря о самой Анне, и настроена против писклявого Слендера и вспыльчивого Каюса).

Миссис Куикли, уже обещавшая помочь Слендеру и Каюсу, соглашается помочь и Фентону. Для нее главное — деньги, а Фентон платит ей со словами:

Вот тебе деньги, и не забывай о моем деле.

Акт I, сцена 4, строки 153–154

«…Под горой Пелионом»

Миссис Пейдж получила письмо Фальстафа.

Эта добродетельная матрона, не привыкшая к интрижкам, тут же выходит из себя и говорит:

> Ах он Ирод иудейский! О порочный, порочный свет!

Акт II, сцена 1, строки 20–21

В данном случае выражение «Ирод иудейский» означает всего-навсего «злодей».

На сцене появляется миссис Форд. Она тоже получила подобное письмо и тоже разгневана. Миссис Пейдж, представив себе размеры Фальстафа и то, чем может кончиться попытка заняться с ним любовью, сердито говорит:

> Но я скорее согласилась бы стать великаншей и лежать под горой Пелионом.

Акт II, сцена 1, строки 77–78

Согласно греческим мифам, на заре истории Зевс и другие олимпийцы победили чудовищных гигантов. После этой победы ради безопасности гигантов упрятали под землю и придавили сверху горами, созданными специально для того, чтобы пленники не вырвались на поверхность. Так, один из предводителей гигантов по имени Энкелад был придавлен горой Этной.

Легко предположить, что причиной возникновения этих мифов было стремление объяснить вулканическую активность.

Гора Пелион упоминается в другом мифе, который очень близок к мифу о восстании гигантов. В этом мифе повествуется о двух молодых гигантах, решивших захватить Олимп, высочайшую гору Греции и жилище богов. Чтобы создать площадку нужной высоты, они собирались взгромоздить Пелион на Оссу. Миссис Пейдж объединяет два этих мифа в один.

Миссис Пейдж и миссис Форд решают проучить Фальстафа; они будут водить его за нос, а потом оставят ни с чем. Именно решение этих двух дам повеселить себя и публику за счет Фальстафа (которому от этого веселья придется несладко) и делает их «виндзорскими насмешницами».

«...Как сэр Актеон»

Но эти две женщины — не единственные, кто знает о намерениях Фальстафа. Ним и Пистоль из вредности выдали Фальстафа их мужьям. Пистоль говорит им:

Не допусти! Или навек заслужишь Ты
украшенье страшное…

Акт II, сцена 1, строки 116–118[135]

Согласно греческим мифам, Актеон был охотником, который увидел, как купается Диана (Артемида), и начал наблюдать за ней. Девственная охотница Диана почувствовала себя оскорбленной и превратила Актеона в оленя, после чего беднягу разорвали собственные собаки. (Рингвуд — распространенная в Елизаветинскую эпоху кличка гончей.)

Поскольку Актеон, превращенный в оленя, носил рога, а рога были символом обманутого мужа, реплику Пистоля следует считать красноречивым предупреждением. В последнюю минуту он стесняется произнести нужное слово, которое слишком «одиозно» для его утонченных чувств. Это слово известно каждому зрителю: «рогоносец».

---

[135] Примечания: 135

В оригинале: «Не допусти, иначе будешь бежать как сэр Актеон, за которым по пятам гонится Рингвуд; о, это одиозное имя». — *Е. К.*

«...Этому проходимцу»

Пейдж — спокойный и рассудительный человек, не склонный к ревности, — не верит Пистолю и говорит:

> Ни за что не поверю этому проходимцу...

Акт II, сцена 1, строка 140

Слово «Cataian»[136], означающее «китаец», появилось в Англии за несколько веков до Шекспира, когда северный Китай завоевало кочевое племя киданей (Khitan), или китаев (Kitai). Они владели этой территорией с 907 по 1125 г. — достаточно долго, чтобы дать ей свое имя. В 1213 г. эту область завоевали монголы под предводительством Джучи, старшего сына Чингисхана. В конце XIII в. северный Китай посетил венецианский путешественник Марко Поло. Хотя с тех пор прошло больше полутора веков, однако эти места продолжали называть именем древнего кочевого племени. Марко Поло назвал северный Китай Катаем (Cathay), поэтому в Англии жите-

---

[136] Примечания: 136
так в оригинале. — *Е. К.*

ли Китая превратились в катаев, или катайцев (Cataian). Поскольку в Средние века ксенофобия была куда сильнее, чем сейчас, считалось, что такое экзотическое создание, как китаец, просто обязано быть лжецом.

Современное англоязычное название этой страны (China) происходит от имени еще более древней династии Цинь (Ch'in), которая правила Китаем менее полувека — с 259 по 210 г. до н. э. Большую часть этого времени императором был Цинь Шихуанди, могучий правитель, при котором построили Великую Китайскую стену. Император Цинь собрал все исторические трактаты того времени и сжег их, чтобы прославить свое правление и показать, что история начинается с него. И это ему удалось; во всяком случае, первые сведения о Китае, дошедшие до нас благодаря позднейшим легендам, относятся к его царствованию. Естественно, страну, которой он правил, назвали по имени ее императора.

В отличие от Пейджа Форд патологически ревнив, и известие о планах Фальстафа приводит его в ярость. Он решает провести собственное расследование и обратиться прямо к Фальстафу, представившись ему как «мистер Брук».

«Пусть устрицей мне будет этот мир…»

Фальстаф ждет в гостинице «Подвязка», чем закончится его интрига. Пистоль, только что предавший своего хозяина, нахально просит у него денег. Фальстаф отказывает, и тут Пистоль произносит самую знаменитую реплику в этой пьесе:

> Пусть устрицей мне будет этот мир,
> Его мечом я вскрою!

Акт II, сцена 2, строки 2–3

Профессия солдата-наемника существовала практически всегда и была выгодной. Если дела шли успешно, наемник получал не только плату, но и свою долю трофеев, взятых в разграбленных городах. Если же удача отворачивалась от наемника, он грабил лично для себя. Конечно, его могли убить, но таковы были издержки профессии.

Выражение «пусть устрицей мне будет этот мир» стало девизом тех, кто смело вступает в жизнь, не имея ничего, кроме природного дарования, и завоевывает себе состояние.

«…Меркурий в юбке»

Приходит вездесущая сводня миссис Куикли и приносит Фальстафу послания от замужних женщин. Она заливается соловьем до тех пор, пока нетерпеливый Фальстаф не обрывает ее:

> Да что ж мне-то она велела передать? Говори покороче, мой дорогой Меркурий в юбке.
>
> ***Акт II, сцена 2, строки 79–80***

Конечно, Меркурий — это посланник богов, а «Меркурий в юбке» означает посланника-женщину.

Выслушав это понукание, миссис Куикли сообщает, что миссис Форд назначила Фальстафу свидание между десятью и одиннадцатью утра, когда мистер Форд уйдет из дома. В письме миссис Пейдж содержится обещание назначить свидание при первой возможности. Фальстаф доволен.

«Ах, гнусный волокита!»

Входит Форд, переодетый мистером Бруком, Фальстаф с ним незнаком. Пытаясь выяснить,

действительно ли Фальстаф завоевал благосклонность миссис Форд, он говорит, будто влюблен в эту женщину, но не может добиться взаимности. Затем он просит Фальстафа обольстить ее и сообщить об этом Бруку, а тот, используя свое знание, заставит женщину уступить его желаниям.

Фальстаф тут же клюет на эту неправдоподобную историю и заверяет Брука, что у него уже назначено свидание с этой женщиной, и бессовестно лжет, заранее называя Форда рогоносцем.

Фальстаф уходит, а оставшийся в одиночестве Форд, вне себя от гнева, говорит:

Ах, гнусный волокита!

Акт II, сцена 2, строка 286[137]

Эпикур — древнегреческий философ, основавший в Афинах школу в 306 г. до н. э. Он проповедовал здоровую и практичную материалистическую философию, свободную от предрассудков и считавшую удовольствие главной целью человеческого существования; однако максимального наслаждения можно достичь только умеренным потреблением того, что доставляет тебе удовольствие.

---

[137] Примечания: 137
В оригинале: «Проклятый эпикурейский мошенник!» — *Е. К.*

Более поздние последователи Эпикура часто забывали о требовании соблюдать умеренность, в результате чего эпикурейство выродилось в обычный гедонизм, то есть ничем не ограниченное стремление к наслаждению. Вследствие этого слово «эпикуреец» приобрело уничижительный оттенок; так по ошибке стали называть всякого, кто стремится к чисто физическим наслаждениям — роскоши, обжорству, пьянству и разврату. Ясно, что Форд называет Фальстафа эпикурейцем в самом оскорбительном смысле этого слова.

«Рогач...»

Бедный Форд выходит из себя, вспоминая эпитеты, которыми его награждал Фальстаф. Он чувствует, что заслужил их, и не в силах этого вынести. Имена дьяволов не так отвратительны, как клички, которыми его награждали. Изнывая от боли, он восклицает:

> Сатанаил, Вельзевул, Люцифер, Барбазон — все это звучит красиво. А вот «рогач», «рогоносец»... Да самого дьявола так не называют!

Акт II, сцена 2, строки 295–298[138]

Имена дьяволов Амаймона и Барбазона встречаются среди многочисленных изобретений средневековых и современных демонологов (см. в гл. 1: «…Флибертиджиббет»). Так, в 1584 г., всего лет за двенадцать с небольшим до написания «Виндзорских насмешниц», появился трактат под названием «Раскрытие колдовства» Реджинальда Скотта. Там описан один из главных дьяволов по имени Марбас, иначе Барбас. Возможно, именно этот трактат подсказал Шекспиру имя Барбазон. Что же касается Амаймона, то он, согласно представлениям средневековой демонологии, правил восточной частью ада.

Все эти старые имена дьяволов ныне забыты (и поделом); остались только те, которые упомянуты в Библии, в том числе Люцифер. Это имя присутствует в Книге пророка Исаии, где пророк радуется падению Вавилона и говорит: «Как упал ты с неба, о *Люцифер*, сын *утра!»* (Ис., 14: 12)[139].

Древнееврейское слово, переведенное в Библии как Люцифер, — это «hetel». Буквально оно означает «сияющий, сверкающий, блестящий»;

---

[138] Примечания: 138
В оригинале: «Амаймон…» — *Е. К.*

[139] Примечания: 139
в русском переводе: «Как упал ты с неба, *денница*, сын *зари!»* — *Е. К.*

считают, что это был эпитет планеты Венера. Планета Венера появляется на небе в одном конце своей орбиты как утренняя звезда, а в другом конце — как вечерняя. Греки называли ее утренний аспект phosphoros (несущий свет), потому что он символизировал приближение рассвета. В переводе на латынь это стало звучать как lucifer. Так слово «hetel» превратилось в «Люцифер».

Возможно, использование этого имени в строке из книги пророка Исаии звучало как ирония над гордостью вавилонского царя, среди титулов которого, придуманных льстивыми придворными, был и титул Утренняя Звезда (это очень напоминает Людовика XIV Французского, которому нравилось, когда его называли «король-солнце»).

Однако со временем этот стих приобрел более эзотерический смысл. К времени написания Нового Завета иудаисты сочинили пространную легенду о группе ангелов, восставших против Господа во время сотворения человека и в результате низвергнутых в ад. Стих из Книги пророка Исаии был истолкован как указание на это, после чего для христиан слово «Люцифер» стало одним из имен предводителя падших ангелов.

Таким образом, прекрасная утренняя звезда, *настоящий* Люцифер, действительно упала с неба.

Но для Форда все эти дьявольские имена — ничто по сравнению с кличкой «рогоносец» или, еще того хуже, «рогач».

Использованное Шекспиром слово «wittol» является искаженным witwall (дятел); оно почему-то ассоциировалось со словом «кукушка» (cuckoo), от которого произошло слово «cuckold» (рогоносец). Первый слог, «wit», — это старое английское слово «знать»; видимо, этим и объясняется поверье, что рогач — это рогоносец, знающий о своем несчастье.

Действительно, Форд теперь не только рогоносец, но и рогач; он узнал о своем положении благодаря острому приступу ревности, предпочтя твердое знание неуверенности.

«Мой Эскулап...»

Но что стало с вызовом на дуэль, который доктор Каюс послал сэру Хью? Видимо, подготовить поединок попросили хозяина «Подвязки», а тот ради потехи назвал дуэлянтам разные места встречи. Каждый тщетно ждет противника и приходит к выводу, что тот не явился из трусости.

Каюс ждет, изнывая от нетерпения и гнева и бормоча угрозы в адрес отсутствующего Эванса. Тут появляется хозяин «Подвязки» и выражает

притворную уверенность, что дуэль уже закончилась. Он говорит:

> Ну что, он уже убит, мой эфиоп? Отвечай, мой храбрый Гален, мой Эскулап, мое бузинное сердце!

Акт II, сцена 3, строки 25–27[140]

Хозяин «Подвязки» — болтун, который повторяет одно и то же под разным соусом; таково его понимание юмора. Он называет Каюса эфиопом, потому что тот смуглый (англичане эпохи королевы Елизаветы такими представляли французов). А Франциск (или Франсиско) — юмористически искаженное англичанами французское слово «fran3ais».

Клички Эскулап и Гален — намек на профессию Каюса. Гален — самый знаменитый врач эпохи Древнего Рима. Эскулап (или, по-гречески, Асклепий) был мифическим сыном Аполлона и великим врачевателем. Он даже мог воскрешать мертвых. Но когда Эскулапа уговорили сделать это, Юпитер разгневался на него за вмешательство в естественный порядок вещей и

---

[140] Примечания: 140

В оригинале: «Он мертв, мой Франциск? Ах, задира! Что скажешь, мой Эскулап? Мой Гален?» — Е. К

убил ударом молнии.

«…В латыни и медицине»

Тем временем Эванс тщетно ждет противника на другом конце Виндзора. Хозяин «Подвязки» посылает Пейджа, Шеллоу и Слендера (которые присутствовали при том, как он дразнил Каюса) через весь Виндзор посмотреть, что делает Эванс.

Эванс менее вспыльчив, чем Каюс, но он тоже сильно разгневан и говорит о своем сопернике:

> …миска овсяной каши столько же понимает в латыни и медицине, сколько ваш знаменитый доктор!

Акт III, сцена 1, строки 62–63[141]

Гиппократ — греческий врач, который достиг вершины славы в 400 г. до н. э., он был первым настоящим учителем медицины, которого мы знаем по имени; впоследствии его прозвали «отцом медицины». Он основал школу, которая существовала несколько веков; труды всех учеников этой школы неукоснительно приписывались

---

[141] Примечания: 141

В оригинале: «Этот жулик понятия не имеет ни о *Гибократе* (Гиппократе), ни о Галене». — *Е. К.*

самому Гиппократу. Знаменитая клятва Гиппократа, которую по традиции дают выпускники многих медицинских вузов, также изобретение этой школы.

Гиппократ и Гален были двумя величайшими врачами Древнего мира; их труды считались последним словом медицины вплоть до начала XIX в. Обвинить Каюса в том, что он не знает трудов Гиппократа, значило нанести ему смертельное для врача оскорбление.

«… Макиавелль?»

Приходит хозяин «Подвязки», таща за собой Каюса, и радостно рассказывает своим жертвам, как он подшутил над ними. Он, мол, слишком ценит обоих, чтобы позволить им причинить вред друг другу. Хозяин гостиницы очень гордится собой и приговаривает:

> Ну, кто из вас посмеет сказать, что я не политик, не хитрец, не Макиавелль?
>
> ***Акт III, сцена 1, строки 95–96***

Николо Макиавелли — гражданин Флоренции, который честно служил своему городу, но был отставлен от должности после политического

переворота 1512 г. Вынужденный подать в отставку и опечаленный тем, что более сильные народы, вторгшиеся в то время в Италию из-за Альп, уничтожают его страну, он изложил свои политические теории в трактате «Государь».

В этой книге он назвал принципы, которыми должны руководствоваться правители. Сам Макиавелли был честным и добрым человеком, но понимал, что в жестоком мире того (и, возможно, любого) времени правители должны быть реалистами, а в ряде случаев прибегать к жестокости и насилию.

Иностранцам принципы Макиавелли казались типично итальянскими фокусами и интригами, поэтому имя Макиавелли стало синонимом заговоров, интриг и закулисной борьбы. кое-кто считает так и сейчас.

Когда все уходят и Эванс с Каюсом остаются наедине, выясняется, что они совсем не так довольны хозяином «Подвязки», как он сам. Они заключают мир и клянутся отомстить обидчику.

«...С беспутным принцем»

Вновь возникает вопрос об Анне Пейдж. Пока все занимались другими делами, Слендер неустанно вздыхал: «Ох, прекрасная Анна

Пейдж!» и «Ах, прелестная Анна Пейдж!». Теперь он идет на обед к Пейджам, где должен обручиться с девушкой своей мечты. Сам Пейдж склоняется в пользу Слендера, но миссис Пейдж предпочитает соперника Слендера, доктора Каюса.

Хозяин «Подвязки» спрашивает, что Пейдж думает о молодом Фентоне, но Пейдж резко обрывает его:

> Но только не с моего согласия! У этого джентльмена нет никакого состояния. Он водил дружбу с беспутным принцем Гарри и Пойнсом. Да и слишком он высокого круга…
>
> ***Акт III, сцена 2, строки 67–69***

Итак, Фентон не только беден (у него «нет никакого состояния»), но он входит в ту компанию, которая привнесла столько забавного в обе части «Генриха IV». Для такого респектабельного представителя среднего класса, как Пейдж, подобное аристократическое беспутство хуже бедности.

Это единственное упоминание в пьесе о принце Хэле; только оно позволяет отнести время действия к 1400–м гг., потому что все остальное (в том числе упоминание королевы Елизаветы) указывает на начало 1600–х гг.

«Плутишка…»

Миссис Куикли, связанная с Фальстафом, убедила толстого рыцаря одолжить Робина миссис Пейдж, сделав вид, что та давно мечтала о таком паже. Конечно, насмешницы используют его как помощника в исполнении собственных планов. Они хотят заставить Фальстафа прийти в дом Форда на свидание с миссис Форд. Затем они притворятся, что Форд вернулся, заставят Фальстафа спрятаться в большой корзине с грязным и вонючим бельем, вынесут его из дома и бросят в сточную канаву неподалеку от Темзы.

Конечно, если Фальстаф догадается о розыгрыше, все пойдет прахом. Поэтому миссис Пейдж спрашивает Робина:

> А скажи нам, маленький плутишка, ты остался нам верен?
>
> ***Акт III, сцена 3, строки 25–26***[142]

Конечно, Робин одет очень пышно; контраст кричащего наряда с мальчишеским телом производит комическое впечатление. В этом наряде

---

[142] Примечания: 142

В оригинале: «Ну что, маленький «постный Джек», ты был верен нам?» — *Е. К.*

он действительно похож на аляповатое чучело, которое использовалось на Масленицу, перед наступлением Великого поста. Такое чучело подвешивали на веревке и колотили палками до тех пор, пока оболочка не разрывалась и из чучела не сыпался дождь подарков, которые расхватывали присутствующие. Такое чучело по-английски называли Jack-a-lent (то есть «постный Джек»).

«...Алмаз небесный!»

Робин истово клянется, что не выдал заговорщиц; видимо, это правда, потому что пришедший в дом Форда Фальстаф принимается всерьез ухаживать за хозяйкой. Он приводит галантную цитату из книжки сонетов:

«Тебя ли я нашел, алмаз небесный!»

Акт III, сцена 3, строка 41

Эта цитата из сонета в сборнике стихов «Астрофель и Стелла» сэра Филипа Сидни, который вышел в 1584 г. или чуть раньше. По качеству сонеты Сидни не уступали сонетам других поэтов (конечно, за исключением сонетов самого Шекспира).

«…Как в аптеке лекарствами»

Миссис Форд притворяется смущенной этим романтическим приветствием, после чего Фальстаф берет быка за рога, заявляя:

> Я уже сказал, что не умею льстить, рассыпаться в любезностях, доказывать тебе, что ты-то, да се, да это, как это делают тощие, шепелявые щеголи, которые похожи на женщин в мужском наряде и от которых пахнет духами, *как в аптеке лекарствами.*
>
> ***Акт III, сцена 3, строки 68–71***[143]

Иными словами, Фальстаф не относит себя к записным денди. Словом «simples» (простые) в эпоху Шекспира называли лекарственные травы. Считалось, что каждая трава лечит только одну болезнь; таким образом, это было «простое» лекарство. Многие лекарственные растения обладали ароматом, а потому торгующие ими рынки пропитывались приятными запахами (резко контрастировавшими с вонью, царившей

---

[143] Примечания: 143

В оригинале: «…от которых пахнет, как на Баклерсбери в разгар торговли травами». — Е. К.

в грязном Лондоне 1600–х гг., в котором не было ни водопровода, ни канализации).

Баклерсбери — название лондонской улицы, где в то время собирались продавцы трав и целители-травники. Во время года, когда торговали лекарственными травами, их запах можно было ощутить за несколько кварталов.

Однако зайти далеко Фальстаф не успевает. Вбегает Робин с фальшивым известием о возвращении Форда. Но вслед за ним входит запыхавшаяся миссис Пейдж и приносит ужасную новость: Форд *действительно* идет сюда. Фальстаф прячется в корзину с грязным бельем (как и планировали обе дамы), после чего в дом врывается Форд.

Его сопровождают Пейдж, Каюс и Эванс, пытающиеся успокоить ревнивца, но Форд *точно* знает, что Фальстаф здесь (не зря же он выдавал себя за мифического Брука), и не желает утихомириться. Он пытается вывести свою жену на чистую воду, однако по рассеянности позволяет слугам унести корзину с грязным бельем.

Естественно, найти Фальстафа Форду не удается. В результате он приходит к мысли, что Фальстаф просто похвастался, будто миссис Форд назначила ему свидание. Ревнивцу не остается

ничего иного, как просить прощения.

«Пронырливый рогач...»

Интрига развивается полным ходом. Анна Пейдж по-прежнему притягивает к себе, как магнит, Слендера, Каюса и Фентона. Пейджу нравится первый, миссис Пейдж — второй, а самой Анне — третий.

Что же касается Фальстафа, то он сидит в трактире и оплакивает свое невезение. Его любовному свиданию помешали, самого его похоронили под кучей вонючего белья и чуть не утопили в сточной канаве. Но тут приходит миссис Куикли и уговаривает Фальстафа попытаться еще раз. (Виндзорские дамы тут ни при чем; они слышали, как Форд говорил, что узнал о первом свидании от самого старого хвастуна.)

Затем входит Форд в обличье мистера Брука и с тревогой спрашивает, почему Фальстаф не был у миссис Форд. Если бы Фальстаф сказал, что миссис Форд ему отказала, это пролило бы бальзам на раны ревнивого мужа. Однако ничего подобного Фальстаф не говорит. Да, он был там:

Но, едва только мы успели с ней обняться, поцеловаться, объясниться друг другу в любви, словом, разыграть пролог к нашей любовной комедии, как в дом ворвался ее муж, этот пронырливый рогач, который следит за ней днем и ночью и живет в вечной тревоге.

Акт III, сцена 5, строки 69-73

В оригинале использовано слово «cornuto», образованное от латинского прилагательного «рогатый»; это еще один из множества синонимов слова «рогоносец», имевших хождение в Елизаветинскую эпоху.

Фальстаф объясняет, что его вынесли в корзине с грязным бельем и что на следующий день ему назначено новое свидание. Несчастный Форд вспоминает, что он действительно видел, как выносили злополучную корзину, и впадает в отчаяние.

«Толстой старухи…»

Затем следует интерлюдия, в которой Эванс с его валлийским акцентом дает урок латыни юному Уильяму Пейджу (младшему брату Анны).

При этом присутствует миссис Куикли. Акцент Эванса и наивность миссис Куикли вызывают ряд непристойных ассоциаций, смысл которых для нас во многом утрачен из-за постоянного обновления словаря непристойностей.

Однако эта интерлюдия создает впечатление, что прошло много времени, и подготавливает публику ко второму свиданию, которое проходит точно так же, как и первое. Форд снова вбегает в дом и принимается искать Фальстафа. Фокус с грязным бельем уже не пройдет, но миссис Форд приходит в голову нарядить Фальстафа женщиной. Она говорит:

> Наверху у нас висит платье тетки моей служанки, толстой старухи из Бренфорда.
>
> ***Акт IV, сцена 2, строки 71-72***

Видимо, речь идет об известной во времена Шекспира толстухе, владелице трактира в Бренфорде (впоследствии Брентвуде) — городе на Темзе, находившемся на полпути между Виндзором и Лондоном. (Ныне Лондон разросся до такой степени, что полностью поглотил Брентвуд.) Эта женщина славилась своими размерами; публика хорошо знала, кого имеет в виду Шекспир, и сме-

ялась над толщиной Фальстафа.

«…Дьяволу станет жарко!»

Форд обыскивает дом, а друзья пытаются успокоить его так же, как в прошлый раз. Миссис Форд снова приказывает слугам вынести корзину; Форд роется в ней и злорадно говорит:

> Но сейчас самому дьяволу станет жарко!

Акт IV, сцена 2, строки 115–116[144]

Здесь Шекспир цитирует самого себя. В первой части «Генриха IV» нетерпеливый Хотспер в диалоге с Глендауром использует пословицу. Когда Глендаур предлагает Хотсперу научить его управлять чертом, Хотспер в ответ предлагает Глендауру научить его срамить дьявола: «Любите правду. Это черту смерть».

Возможно, заставляя Форда заявить, что он посрамит дьявола, достав Фальстафа из-под кучи грязного белья, и установив правду, Шекспир сознательно хотел напомнить публике эпизод из первой части «Генриха IV», чтобы связать эту

---

[144] Примечания: 144

В оригинале: «Но сейчас будет посрамлен сам дьявол». — *Е. К.*

пьесу с более ранней.

Однако горькая реплика Форда пропала втуне. Он выкинул из корзины все белье, но Фальстафа не нашел и в результате посрамил не дьявола, а самого себя.

В этот момент из дверей выходит Фальстаф, переодетый женщиной. Форд ненавидит эту толстую старуху, считая ее ведьмой. Ему нужно сорвать на ком-то досаду. Он хватает палку, нещадно лупит Фальстафа, выгоняет его из дома, затем обыскивает все комнаты и, конечно, никого не находит.

«Немцы...»

Эванс и Кайюс еще не расквитались с хозяином «Подвязки» за его дурацкий розыгрыш. Теперь происходит нечто, отдаленно напоминающее месть Эванса-Каюса, но эта сцена написана в спешке и плохо согласуется с сюжетом пьесы.

Ни с того ни с сего хозяин говорит Бардольфу:

> Сэр, немцы требуют у нас трех лошадей. Завтра во дворец прибудет сам герцог, и они хотят встретить его.

Акт IV, сцена 3, строки 1–3

В предыдущем тексте о предстоящем визите немецкого герцога нет ни слова; по окончании пьесы и публика, и читатели также остаются в недоумении, что это за герцог. Обычно в примечаниях указывают, что речь идет о герцоге Фридрихе I Вюртембергском (Вюртемберг — герцогство в юго-западной Германии, находящееся в междуречье Рейна и Дуная).

Фридрих I был герцогом как раз во время написания «Виндзорских насмешниц» (он умер в 1610 г.). Он был очень настойчивым малым и сумел освободить Вюртемберг из-под власти Австрии, убедив австрийского императора принять крупную сумму в обмен на независимость герцогства.

Фридриху очень хотелось вступить в орден Подвязки, куда входили только сливки общества. Он замучил просьбами Елизавету, и в конце концов та дала разрешение на его избрание; это случилось в 1597 г. Однако, несмотря на отчаянные усилия Фридриха, в орден он был принят только после смерти Елизаветы.

Если премьера «Виндзорских насмешниц» действительно состоялась по случаю чествования новых членов ордена в 1597 г. (на котором Фридрих не присутствовал), то весь этот эпизод,

возможно, был написан ради того, чтобы посмеяться над несносным немцем, который был, Во-первых, иностранцем, а Во-вторых, всем до смерти надоел. Лично я не удивился бы, если бы узнал, что неполнота и незаконченность этой сюжетной линии объясняется тем, что после премьеры пьеса подверглась цензуре, чтобы избежать возникновения небольшого международного скандала.

Хозяина «Подвязки» требования немцев ничуть не беспокоят. Эти типы забронировали все номера в его гостинице, и он собирается содрать с них побольше.

«Охотник Герн...»

Тем временем миссис Форд и миссис Пейдж все рассказали своим мужьям, и Форд искренне клянется исправиться. Отныне он всегда будет доверять жене. Но может быть, напоследок сыграть еще одну шутку с Фальстафом?

Миссис Пейдж говорит:

> Я вам напомню сказку прежних дней.
> Охотник Герн, который был лесничим
> В тенистом нашем Виндзорском лесу, —

И после смерти навещает лес.
Зимою в полночь тихую он бродит
Вокруг большого дуба на опушке.
Огромнейшие острые рога
На лысой голове его ветвятся.

Акт IV, сцена 4, строки 27–30

Это типичная средневековая легенда о духе, который причиняет людям всякие мелкие пакости — например, портит деревья, вредит скоту и так далее; примером такого духа является Пэк из «Сна в летнюю ночь». Об этих лесных духах разные народы сложили множество сказок. Правда, вполне возможно, что эти сказки являются отголосками древних языческих мифов, нещадно искоренявшихся христианством, и этот Герн — древний бог охоты, который из-за недостатка почитателей стал мрачным и завистливым.

Миссис Пейдж предлагает уговорить Фальстафа переодеться Охотником Герном и встретиться с миссис Форд под дубом. Там его окружит толпа детей, переодетых эльфами и феями, а возглавлять их будет Анна Пейдж, которая станет Царицей Фей. Они будут щипать и мучить Фальстафа за то, что он вторгся в священное для них место.

Форд соглашается в последний раз сыграть роль

мистера Брука, чтобы заманить Фальстафа в лес.

«…В Итоне»

Пейдж одобряет этот план; ему приходит в голову, что Слендер может сыграть на этом маскараде особую роль. Анна Пейдж будет в белом платье Царицы Фей.

> Сегодня дочке предстоит венчаться:
> Ее похитит мой любезный Слендер
> *И в белом платье в церковь поведет.*

***Акт IV, сцена 4, строки 12–14*[145]**

Итон — маленький городок, расположенный на северном берегу Темзы, напротив Виндзора. Он знаменит на весь мир своим закрытым учебным заведением, основанным Генрихом VI в 1440 г. Итон закончило большинство английских аристократов.

«…Три доктора Фауста!»

Внезапно хозяин «Подвязки» получает страшную весть. Немцы, требовавшие трех лошадей, ускакали на них, не заплатив. Как говорит Бар-

---

[145] Примечания: 145
В оригинале: «…обвенчается с ней в Итоне». — Е. К.

дольф,

> Все трое пришпорили коней и умчались прочь, как три немецких дьявола, три доктора Фауста!

Акт IV, сцена 5, строки 61–69

Перед нами еще одна ссылка на «Доктора Фауста» Кристофера Марло. В этой пьесе рассказывается о сделке Фауста с дьяволом, поэтому непосвященному легко спутать одного с другим.

Возможно, это еще одна пощечина Фридриху Вюртембергскому, значение которой забылось. Дело в том, что во время визита 1592 г. в Англию у Фридриха возникли проблемы с почтовыми лошадьми. В результате недоразумения у Фридриха произошла ссора с важным французским дипломатом. Конечно, никаких лошадей Фридрих не крал, но француз обвинил герцога в таком намерении. Разразился небольшой скандал, воспоминания о котором еще сохранились во время премьеры «Виндзорских насмешниц».

«…В Рединге, Мейденхеде, Кольбруке»

Видимо, кража лошадей как-то подстроена Эвансом и Каюсом в отместку хозяину гостини-

цы, но об этом остается только догадываться, потому что либо Шекспир слишком торопился и не успел свести концы с концами, либо пьеса подверглась цензуре.

Как бы там ни было, но Эванс и Каюс приходят порознь, чтобы позлорадствовать над несчастьем хозяина, и делают вид, что хотят по-дружески предупредить его о готовящемся мошенничестве. Так, Эванс насмешливо говорит:

> Один из моих приятелей, который только что прибыл в город, рассказывает, что три мошенника немца обобрали всех содержателей гостиниц в Рединге, Мейденхеде, Кольбруке; выманили у них деньги и угнали лошадей.
>
> ***Акт IV, сцена 5, строки 74–78***

(Английское выражение «cozen-german» означает «немец-обманщик»; оно созвучно выражению «cousin-german», то есть «двоюродный брат», так что перед нами игра слов.)

Рединг, Мейденхед и Кольбрук (точнее, Колнбрук) — города, расположенные по соседству от Виндзора. Мейденхед расположен в 10 милях (16 км) выше по течению Темзы, а Рединг — примерно в 40 милях (64 км); Колнбрук находится

не на Темзе, а в 10 милях (16 км) к востоку от Виндзора.

Таким образом, Эванс и Каюс полностью отомщены, и даже Фальстафа слегка утешает мысль о том, что зло подшутили не только над ним одним.

«...Голиафа с палицей»

Интрига продолжает развиваться. Пейдж собирается одеть Анну Пейдж в белое, чтобы Слендер мог узнать ее и похитить. Миссис Пейдж собирается одеть дочь в зеленое, чтобы ее мог узнать Каюс. Тайком друг от друга они предупреждают дочь. Однако та собирается провести обоих и бежать с Фентоном.

Фентон обещает хозяину «Подвязки» возместить потерю почтовых лошадей, если тот найдет священника, который тайно обвенчает Фентона с Анной и согласится быть свидетелем церемонии.

Миссис Куикли удается еще раз уговорить Фальстафа пойти на свидание. Когда появляется Форд, переодетый Бруксом, Фальстаф тут же рассказывает ему, как было дело, и объясняет, что он не дал Форду сдачи, потому что был переодет женщиной. Это единственный эпизод в пьесе, где

мы видим намек на прежнего Фальстафа. Старый рыцарь говорит:

> О, если бы я в то время был в образе мужчины, мистер Брук, я бы не побоялся не только Форда с палкой, но и самого Голиафа с *палицей.*

Акт V, сцена 1, строки 22–24[146]

Голиаф — это, конечно, великан-филистимлянин, которого сразил Давид. В Библии говорится, что он имел рост в шесть локтей и пядь (больше девяти футов, то есть 270 см) и был вооружен чудовищным копьем, древко которого было «как навой у ткачей» (1 Цар., 17: 7).

«…Когда ты влюбился в Леду?»

«Феи» ждут, спрятавшись в овраге. Фальстаф приходит к дубу Герна в полночь, с рогами на голове. В этом заключена своя ирония; Фальстаф собирался наставить рога Форду, а теперь носит их сам.

Фальстаф утешает себя тем, что сам царь богов Юпитер (Зевс) не гнушался ради любви превра-

---

[146] Примечания: 146

В оригинале: «…я бы не побоялся и Голиафа с *его ткацким навоем…*» — *Е. К.*

щаться в животных. (когда-то той же мыслью утешался и принц Хэл в гл. 8: «Так было с Юпитером»), Фальстаф говорит:

> Вспомни, старый Юпитер, тот день, когда ты сделался быком ради своей Европы. Любовь украсила и твою голову рогами. О могущественная любовь! Зверя она превращает иной раз в человека, а человека — в зверя. Ты, Юпитер, превратился однажды в лебедя — помнишь, когда ты влюбился в Леду?
>
> ***Акт V, сцена 5, строки 3-7***

Миф о том, как Юпитер превратился в быка, чтобы похитить финикийскую царевну Европу и уплыть с ней на остров Крит, Шекспир использует неоднократно.

Миф о том, как Юпитер соблазнил царицу Спарты Леду, известен не меньше. Он приблизился к Леде в образе лебедя и овладел ею. После этого Леда снесла два яйца, из которых в общей сложности вылупилось четверо детей. Самой знаменитой из этих четверых была не кто иная, как Елена Троянская.

«Царица Фей…»

Приходит миссис Форд; Фальстаф счастлив. Затем появляется миссис Пейдж, но Фальстафа это не смущает, он готов любить обеих. Однако внезапно раздается какой-то шум, и женщины убегают.

Надежды Фальстафа не сбываются и в третий раз: входят «феи» во главе с Эвансом, переодетым сатиром, а также Пистоль в образе хоб-гоблина (он же Робин Добрый Малый, или Пэк — см.: Шекспир У. Сон в летнюю ночь. Акт И, сцена 1). Пистоль обращается к одной из фей и в совсем не свойственном ему стиле говорит:

> Сверчок, в дома виндзорские скачи!
> Где не метен очаг, зола в печи, —
> До черных синяков щипли хозяек.
> Царица Фей не жалует лентяек.

Акт V, сцена 5, строки 46–49[147]

Можно больше не притворяться, что действие пьесы относится к 1400–м гг. и что Фентон товарищ беспутного принца Хэла. «Наша лучезарная

---

[147] Примечания: 147

В оригинале: «Наша лучезарная Королева не любит нерях и неопрятность». — *Е. К.*

Королева» — это Елизавета I, которая сидит в зале и улыбается, услышав намек на собственную любовь к чистоте и порядку.

«На кресла ордена…»

Затем наступает очередь царицы фей, но в этой роли выступает не Анна Пейдж, а миссис Куикли, которая тоже дает феям задания по уборке дворца:

> Пускай цветы сладчайшие струят
> На кресла ордена свой аромат.
>
> ***Акт V, сцена 5, строки 64–65***[148]

Имеются в виду особые кресла в часовне Святого Георгия (Виндзор), которые предназначались для рыцарей ордена Подвязки; упоминание «кресел ордена» недвусмысленно указывает на то, что пьеса действительно входила в «культурную программу» (выражаясь современным языком), сопровождавшую собрание рыцарей ордена в честь приема новых членов.

Это становится окончательно ясно, когда миссис Куикли говорит:

---

[148] Примечания: 148

В русском переводе эту фразу произносит Анна Пейдж, а не миссис Куикли. — *Е. К.*

А из цветов сложите вы слова
«Honi soit qui mal y pense», окраски
Такой же, как на ордене Подвязки.
Пусть зеленеют буквы этих слов
Меж красных, синих, белых лепестков…

Акт V, сцена 5, строки 72–73[149]

«Honi soit qui mal y pense» (буквально: «Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает») — девиз ордена Подвязки. Согласно легенде, история происхождения этого девиза такова: около 1348 г. король Эдуард III давал придворный бал, на котором Джоанна, графиня Солсбери, умудрилась потерять подвязку. Это поставило ее в смешное и неловкое положение, но галантный король отвлек от графини всеобщее внимание, подняв подвязку и надев ее на собственную ногу. А на случай, если кто-нибудь сделал бы из этого непристойный вывод, добавил: «Honi soit qui mal y pense».

Эдуард III считал, что поступил как настоящий рыцарь (с его стороны это действительно было высшим проявлением куртуазности), и в

---

[149] Примечания: 149

В русском переводе эту фразу тоже произносит Анна Пейдж. — Е. К

честь этого случая основал рыцарский орден, официально называвшийся Благороднейшим орденом Подвязки. В него входили только избранные — члены королевской семьи, некоторые иностранные монархи и их ближайшие родственники, а также двадцать пять рыцарей из знатнейших родов Англии. Это самый аристократический рыцарский орден в мире, и количество принятых в него лиц незнатного происхождения можно пересчитать по пальцам. В 1953 г. его членом стал Уинстон Черчилль.

«…Сделали осла!»

Все это время Фальстаф, испугавшийся, что феи и эльфы заколдуют его, лежит на животе, закрыв глаза. Феи делают вид, что обнаружили Фальстафа, и начинают щипать, щекотать и бить его.

Под шумок Слендер убегает с феей в белом платье, но это не Анна Пейдж; Каюс убегает с феей в зеленом платье, но это тоже не Анна Пейдж; с Анной убегает Фентон.

Приходит Форд, склоняется над Фальстафом, и тут наконец старый рыцарь начинает что-то понимать. Он говорит:

Я вижу, что из меня уже сделали осла!

Акт V, сцена 5, строка 122

Фальстаф из пьес о короле Генрихе разобрался бы во всем намного раньше.

«Угощу тебя славным кубком вина…»

Все от души потешаются над Фальстафом, но потом отпускают с миром. В конце концов, это комедия, в финале которой недовольных быть не должно. Пейдж говорит:

> А впрочем, не унывай, рыцарь! Сегодня ночью я угощу тебя *славным кубком вина* за свадебным ужином…

Акт V, сцена 5, строки 173–174[150]

Поссет — стакан горячего молока, щедро приправленного каким- нибудь крепким алкогольным напитком. Пейдж собирается подшутить над женой, рассказав ей, как он устроил брак Анны со Слендером.

Но тут приходит Слендер, ведя за собой мальчика в белом платье. Он похитил вовсе не Анну.

---

[150] Примечания: 150

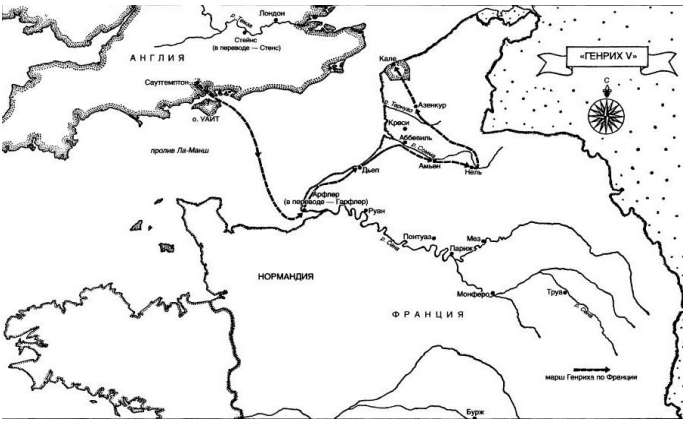
В оригинале: «Угощу тебя *поссетом*». — *Е. К.*

Миссис Пейдж объясняет, что она перехитрила мужа и велела Анне надеть не белое, а зеленое платье, в котором Анна только что обвенчалась с доктором Каюсом. Но она спотыкается на полуслове, когда появляется Каюс и тоже говорит, что убежал с мальчиком.

Затем входят Фентон и Анна. Они поженились; Фальстаф ехидно улыбается и утешает себя тем, что в дураках остался не он один.

Но мистер и миссис Пейдж ведут себя достойно, принимают все как должное, и все идут к Пейджам праздновать «победу жен виндзорских», так что обиженным не остается никто.

Глава 10 «Генрих V»



В 1599 г., сразу после завершения второй части «Генриха IV», Шекспир взялся за «Генриха V».

Человек, в честь которого названа пьеса, — принц Хэл, беспутный принц Уэльский из двух пьес о Генрихе IV. Принц Хэл очень обаятелен, и чем ближе мы его узнаем, тем обаятельнее он становится. Король Генрих вызывает восхищение, которое со временем только усиливается.

В пьесе отношение Шекспира к этому персонажу меняется. Нельзя писать о короле-герое так

же, как писал о беспутном принце. Драматург даже ощущает некоторую неловкость (или делает вид, что ощущает) при мысли о значимости темы. Шекспир описывает величайшую сухопутную кампанию и не знающую себе равных в истории Англии победу на суше. Для этого ему приходится использовать всю мощь своего гения.

«…Генрих принял образ Марса»

Если Шекспир и не испытывал священного трепета от сложности стоявшей перед ним задачи, то чувствовал, что публика ждет от него чего-то невозможного. Повествование о славной битве и короле-герое, одержавшем в ней победу, должно было поражать своей величественностью.

Поэтому Шекспир начинает с пролога, восхваляющего короля. Он жалуется на недостаток средств, имеющихся в его распоряжении, и просит публику заполнить пробел, прибегнув к воображению:

> Восполните несовершенства наши,
> Из одного лица создайте сотни
> И силой мысли превратите в рать,

Когда о конях речь мы заведем.

Пролог, строки 23–26 (перевод Е. Бируковой)

Если бы сцена равнялась по величине полю боя, а труппа была такой же многочисленной, как сражающиеся армии,

Тогда бы Генрих принял образ Марса,
Ему присущий, и у ног его,
Как свора псов, война, пожар и голод
На травлю стали б рваться.

Пролог, строки 5–8

Шекспир сразу предупреждает нас, что в этой пьесе мы не увидим принца Хэла. Прежний «воинственный Гарри» примет свой истинный облик — то есть станет воплощением Марса, бога войны.

Отражая события, происшедшие в царствование Генриха V, Шекспир сталкивается с сильнейшим соблазном впасть в шовинизм и даже откровенный ура — патриотизм, поскольку ему предстоит описать головокружительную победу, одержанную в чрезвычайно неблагоприятных условиях. Шекспир действительно был крайним шовинистом и ура — патриотом, но даже

в этой пьесе дают себя знать свойственные ему пацифизм и ненависть к войне. Он мог бы написать, что Генриху сопутствуют слава и победа, но не сделал этого. Наоборот, «война, пожар и голод» только и ждут случая, чтобы вырваться на свободу.

«В одиннадцатый год...»

Сама пьеса начинается в приемной королевского дворца в Лондоне. Стоит 1414 год; прошел год после коронации, которой заканчивается вторая часть «Генриха IV».

На сцене два высших церковных иерарха — архиепископ Кентерберийский и епископ Илийский.

Архиепископа Кентерберийского зовут Генри Чичли; ему шестьдесят два года. Чичли занял этот пост после смерти своего предшественника и оставался на этом посту двадцать девять лет. Архиепископа чрезвычайно тревожит внутреннее положение страны, неблагоприятное для церкви. Он говорит епископу Илийскому:

> Милорд, узнайте: вновь грозит нам билль,
> Рассмотренный при короле покойном

В одиннадцатый год его правленья;
Лишь смуты и раздоры прекратили
В палате общин прения о нем.

Акт I, сцена 1, строки 1–5

Одиннадцатым годом правления покойного короля (то есть Генриха IV) был 1410–й; значит, речь идет о событии четырехлетней давности. Билль, который тогда едва не утвердил парламент и теперь снова поставленный на обсуждение, давал королю право секуляризировать (то есть отчуждать в пользу государства) земли, пожалованные церкви.

В Средние века все монархи Западной Европы испытывали такой соблазн. Не говоря об остальном, со временем владения церкви становились все более обширными, поскольку у богатых людей был обычай оставлять церкви часть своего движимого и недвижимого имущества — либо из набожности, либо в расчете, что такие пожертвования помогут им искупить свои грехи и попасть в рай. Пожертвования церковь принимала, но сулить что-то взамен не имела права, поскольку загробная жизнь была не в ее компетенции.

Во владения церкви, не платившей королю налогов, переходило все больше и больше земель, в

результате чего налоговое бремя мирян, проживавших на постоянно уменьшавшейся светской территории, неуклонно росло.

Напряжение постоянно увеличивалось, и рано или поздно церкви приходилось расставаться либо с частью своей казны, либо с частью земельных владений. Естественно, церковь всегда протестовала против этого.

Для подавления постоянных восстаний, которые попортили немало крови Генриху IV, требовались деньги. Однако наложить лапу на собственность церкви королю было трудно, поскольку для этого требовалось официальное разрешение парламента, на которое в тогдашних непростых условиях рассчитывать не приходилось.

Когда с приходом к власти нового короля в стране воцарился относительный мир, пришло время снова вернуться к этому вопросу.

«И падшего Адама…»

Оба прелата мрачно соглашаются, что, если парламент примет билль, для церкви это обернется катастрофой. Но как ее избежать?

Чрезвычайно важная деталь: архиепископ Кентерберийский принимает в расчет личность

нового короля. Он указывает, что Генрих — вовсе не тот принц Уэльский, которого все считали беспутным шарлатаном. После коронации принц переродился. Архиепископ говорит, что в тот момент,

> Как некий ангел, появился разум
> И падшего Адама прочь изгнал,
> Преображая тело принца в рай…

Акт I, сцена 1, строки 28–30

Одна из наиболее известных библейских легенд рассказывает об Адаме и Еве, проживавших в саду Эдема. Отведав запретный плод, они согрешили, за что и были наказаны (вместе со змеем, который искушал их).

Адама и Еву (видимо, и змея тоже, хотя об этом в Библии не говорится) изгнали из Эдема, который после этого стал настоящим раем. То же самое, пользуясь метафорой архиепископа, произошло с принцем.

> И никогда волна прекрасных чувств
> Так бурно не смывала злых пороков,
> И гидра своеволья никогда
> Так быстро недр души не покидала,

Как в этот раз.

Акт I, сцена 1, строки 33–37

Гидра — чудовище из греческих мифов, жившее возле города Аргоса. Это была огромная змея с девятью головами, которые выдыхали яд. На месте отрубленной головы тут же вырастали две новые, а одна из голов была бессмертной.

Гидру убил Геркулес. Для этого понадобилось, чтобы помощник героя прижигал разрубленную шею. А бессмертную голову, все еще шипевшую и плевавшуюся ядом, Геркулес зарыл в землю и положил сверху огромный камень.

Несмотря на подвиг Геркулеса, ужас перед Гидрой был так велик, что люди навсегда сохранили воспоминания о ней и стали называть «многоголовой гидрой» любую неблагоприятную ситуацию, которая с каждой попыткой решить ее только усугубляется.

«Узел гордиев…»

Архиепископ продолжает свою речь, восхваляя не только моральные качества Генриха, но и его ум. Знание королем теологии и военного дела не имеет себе равных. А что касается политики, то

Затроньте с ним политики предмет, —
И узел гордиев быстрей подвязки
Развяжет он.

Акт I, сцена 1, строки 45–48

В драматической истории о гордиевом узле участвует Александр Великий, умение которого решать сложные проблемы позволило ему стать великим завоевателем (см. в гл. 2: «Узел гордиев…»).

Англия могла похвастаться тем, что из правителей нового времени Генрих V больше всех напоминал Александра Великого. Он стал королем в двадцать шесть лет (Александру в этот момент было двадцать один год); он нападал на более многочисленные народы и сражался с более многочисленными армиями в том же стиле (по крайней мере, однажды), в каком это делал Александр. И наконец, Генриху было суждено умереть в тридцать пять лет (Александр умер в тридцать три).

«Ввиду французских дел…»

Епископ Илийский спрашивает, какое это имеет отношение к биллю, и архиепископ Кентерберийский тут же отвечает:

Его величеству я предложил
От имени церковного собора —
Ввиду французских дел, о чем беседу
Я с государем только что имел, —
Внести ему значительную сумму,
Крупнее, чем когда-либо давало
Его предшественникам духовенство.

Акт I, сцена 1, строки 75–81

Короче говоря, умный архиепископ раскусил характер Генриха. Король набожен и не станет без нужды оскорблять церковь. Он стремится к военной славе и будет рад получить благословение церкви на войну с Францией.

Архиепископ должен решить, угодна ли такая война Господу и стоит ли предложить королю деньги на ее ведение. Если эта сумма будет меньше той, которую церкви придется отдать в случае принятия билля, тогда церковь только выиграет. Кроме того, если Генрих получит деньги, не ставя этот вопрос на обсуждение парламента, со всеми вытекающими отсюда неопределенностями и враждебными настроениями, он также не возбудит против себя ожесточенной неприязни всегда могущественной высшей церковной иерархии.

На самом деле современные историки не

считают, что епископ Кентерберийский действительно одобрял нападение Генриха на Францию или что глава церкви действительно поощрял развязывание войны, чтобы спасти церковное имущество. Однако Холиншед в своей истории упрекает за это архиепископа Кентерберийского, а Шекспир, найдя это у Холиншеда, принял его точку зрения.

«...Салический закон»

Архиепископ сообщает, что он уже начал объяснять Генриху, почему тот имеет законные права на французский престол, но эти объяснения были прерваны внезапным прибытием посольства из Франции.

Действие перемещается в тронный зал дворца, к Генриху и его Советникам. Выясняется, что перед беседой с французскими послами король хочет поговорить с архиепископом. Предполагается, что от этого разговора будет зависеть его ответ французам. Генрих говорит архиепископу:

> Ученый лорд, мы просим разъяснить нам,
> Согласно праву и воззреньям церкви,
> Препятствует ли нашим притязаньям

На Францию Салический закон.

Акт I, сцена 2, строки 9–12

Архиепископ отвечает:

Притязаньям вашим
Преградой служит лишь один закон, —
Его приписывают Фарамонду:
«In
terram Salicam mulieres ne succedant»…

Акт I, сцена 2, строки 35–39

Салический закон (или Салическая правда) сыграл важную роль в возникновении Столетней войны, начатой Эдуардом III в первые годы его правления (что произошло почти за век до описываемых событий). Салическим этот закон назвали потому, что впервые он был принят салическими франками — племенем, жившим на берегах реки Салы (ныне Эйсел), протекающей по территории Голландии и впадающей в залив Эйселмер близ Амстердама.

Это племя стало известным около 420 г. н. э.; согласно легенде, им правил вождь Фарамонд, о котором не сохранилось никаких сведений, кроме имени. Внука Фарамонда звали Меровей. Он правил с 448 по 458 г. и дал свое имя династии,

правившей после него, — так называемым Меровингам. Внуком Меровея был Хлодвиг I, который стал вождем салических франков в 481 г. Именно Хлодвиг является первым франкским монархом, существование которого подтверждают исторические источники. К этому времени салические франки занимали небольшую территорию в северо-западной Галлии. При Хлодвиге они вели успешные завоевательные войны и к 511 г., когда Хлодвиг умер, владели почти всей нынешней Францией.

Именно при Хлодвиге были впервые записаны законы франков, получившие название Lex Salique (Салическая правда); среди них был и закон, запрещавший наследование земель по женской линии. При этом права наследования лишалась не только дочь, но и мужские потомки дочери.

На первых порах казалось, что в этом законе идет речь о наследовании не столько титулов, сколько земельных владений, но от него оставался только один шаг до наследования престола. Франция неукоснительно следовала этому правилу четырнадцать веков после смерти Хлодвига. Другими народами могли править королевы, даже выдающиеся (вроде Елизаветы I Англий-

ской, Изабеллы Кастильской, Марии-Терезии Австрийской, Екатерины II в России), но во Франции это было невозможно. Более того, с X в. н. э. там не позволялось наследовать престол мужчине, который не мог доказать свое родство с одним из предыдущих королей исключительно по мужской линии; если среди его прямых предков попадалась хотя бы одна женщина, такой кандидат немедленно исключался из списка претендентов на престол.

Таким образом, именно Салический закон мешал Генриху V претендовать на французский трон, поскольку он был потомком дочери французского короля Филиппа IV (правившего с 1285 по 1314 г.).

«Пипин Короткий…»

Архиепископу остается только одно: доказать несостоятельность Салического закона, что он и делает в длиннейшем монологе, заимствованном Шекспиром у Холиншеда.

Во-первых, архиепископ указывает, что земли салических франков являются частью не Франции, а Германии (что в целом верно, поскольку во времена Генриха V Нидерланды действительно принадлежали Германии). Кроме того, он гово-

рит, что Салический закон был принят Карлом Великим через три века после Хлодвига и был назван так в честь недавнего завоевания Карлом земель салических франков. Тут архиепископ несколько увлекается. Салический закон всегда действовал на всей территории, которой правили франкские монархи.

Затем архиепископ продолжает утверждать, что если даже Салический закон и распространяется на Францию, то в нескольких случаях французы сами нарушали его:

> …свергший Хильдерика
> Пипин Короткий предъявил права
> На Франции корону как потомок
> Блитхильды, дщери Лотаря законной.

Акт I, сцена 2, строки 65–68

К 638 г. династия Меровингов, являвшихся наследниками Хлодвига по крови и варварскому праву, совершенно выродилась. Корона то и дело переходила от одного недолговечного наследника к другому, не имевшему ни возможности, ни желания править и находившемуся под влиянием того или иного энергичного вельможи, который называл себя мажордомом, то есть управляющим дворцовым хозяйством, или

министром двора.

В 741 г. мажордомом стал Пипин Короткий и возвел на трон последнего марионеточного короля из династии Меровингов, которого звали Хильдериком III (а иногда — Хильдериком Глупым).

Пипину надоело исполнять обязанности короля, не имея титула, и он убедил папу римского передать ему корону официально. Таким образом, в 751 г. Хильдерик с папского благословения был низложен, и мажордом Пипин стал французским королем Пипином I. Новую династию в честь отца Пипина Карла (или, по-латыни, Carolus) назвали Каролингами.

Для усиления законности его власти в глазах народа, которым два с половиной века правили Меровинги, Пипин возвел свою родословную к предыдущему королю Лотарю (которых в династии Меровингов было целых четыре) по женской линии. Сделать это было нетрудно, поскольку родословную по женской линии вели кое-как и ее ничего не стоило подделать.

Впрочем, являлся ли Пипин потомком Меровингов или нет, никакого значения не имело. Главным было то, что его признал папа, а по средневековым представлениям ничего другого и не

требовалось. С практической точки зрения это означало, что новую династию начали, обойдя Салический закон.

Однако, как только Пипин стал королем, его наследники стали строгими блюстителями этого закона. Подобно Меровингам, которые наследовали трон исключительно по мужской линии начиная с Фарамонда, Каролинги наследовали трон по мужской линии начиная с Пипина.

Таким образом, ссылка архиепископа на Пипина как на прецедент нарушения Салического закона беспочвенна.

«Гуго Капет…»

Затем ученый архиепископ переходит к следующему прецеденту:

> Гуго Капет, похитивший корону
> У Карла Лотарингского, что был
> Карла Великого прямым потомком…

Акт I, сцена 2, строки 69-71

Перед нами еще один случай нарушения законного престолонаследия.

Каролинги, ведшие родословную от Пипина, достигли пика славы при сыне Пипина Карле

Великом (Шарлемане), но вскоре тоже выродились, и Францией начали править короли либо слишком юные, либо слишком бездарные (либо обладавшие обоими качествами). Последний из них, Людовик V (он же Луи Бездельник), умер в 986 г.

Единственным Каролингом, бывшим наследником Пипина Короткого по мужской линии, к тому времени оставался только Карл Лотарингский, дядя Людовика. Однако Карл Лотарингский правил герцогством, которое подчинялось германскому императору, а потому французская знать и слышать о нем не хотела. Пэры Франции решили выбрать короля из собственных рядов.

В то время наиболее могущественным из них был Гуго Капет. Капет сумел уговорить архиепископа Реймсского, высшего церковного иерарха во Франции, короновать его; впоследствии папа признал Капета законным королем.

«От Лингарды...»

Архиепископ Кентерберийский указывает, что Гуго Капет претендовал на родство с Каролингами по женской линии. По его словам, Капет

> ...стал производить свой род

(Хотя неверно в корне) от Лингарды —
От Карломана дочери и внучки
Людовика, что сыном был родным
Карла Великого.

Акт I, сцена 2, строки 74-77

Здесь Шекспир говорит о Шарлемане (Карломане) и Карле Великом так, словно это были два разных человека.

Карломан (который в этой части монолога назван отцом Лингарды) — на самом деле Карл Лысый, правивший на территории Франции с 840 по 877 г. Он был сыном императора Людовика (в исторических источниках называемого Людовиком Благочестивым) и внуком Карла Великого, настоящего Шарлеманя.

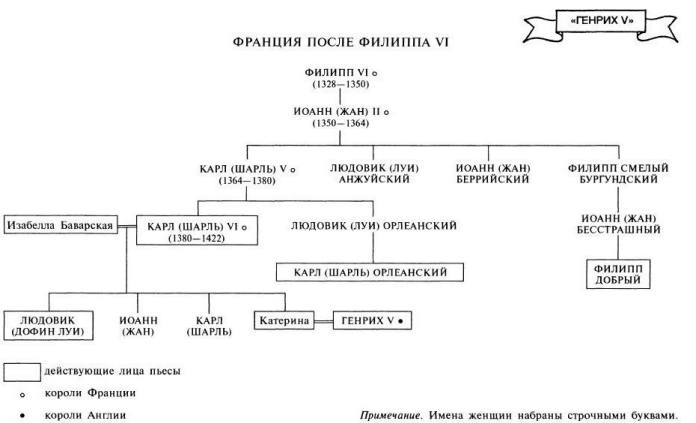
Здесь архиепископ принимает всерьез явную фальшивку, с помощью которой Гуго Капет пытался доказать свою кровную связь с Каролингами. На самом деле Капет (как и Пипин) получил корону и титул благодаря церкви, а не родословной.

«…Людовику Десятому»

Затем архиепископ указывает:

Вот почему
Покоя не было на гордом троне
Потомку узурпатора Капета,
Людовику Десятому, пока он
Не доказал, что род его от бабки,
Прекрасной королевы Изабеллы,
Восходит к королеве Эрменгарде,
Что Карлом Лотарингским рождена.

Акт I, сцена 2, строки 77–83



Людовик X заимствован Шекспиром у Холин-

шеда, который говорит, что этого Людовика также называли Святым; конечно, на самом деле имеется в виду Людовик IX. Претендовал ли Людовик IX на родство с Каролингами по женской линии, не имеет никакого значения. Его право на трон основано на происхождении по прямой мужской линии от Гуго Капета, получившего благословение церкви.

Кроме того, приведенная Холиншедом версия едва ли правдива. У Людовика не было бабки по имени Изабелла. Его бабушкой по отцовской линии была Елизавета Энольская, а по материнской — Беренгуэла Кастильская.

Архиепископ заключает, что, поскольку французские короли дважды наследовали трон по женской линии (Пипин и Гуго Капет), они не имеют права препятствовать требованиям Генриха V только на том основании, что он является потомком Капетингов по женской линии.

Конечно, это не имеет ничего общего с французской точкой зрения на престолонаследие. Во время правления династии Меровингов наследование осуществлялось только по мужской линии; то же самое было и при Каролингах.

Если считать Гуго Капета законным королем Франции на основании благословения папы и

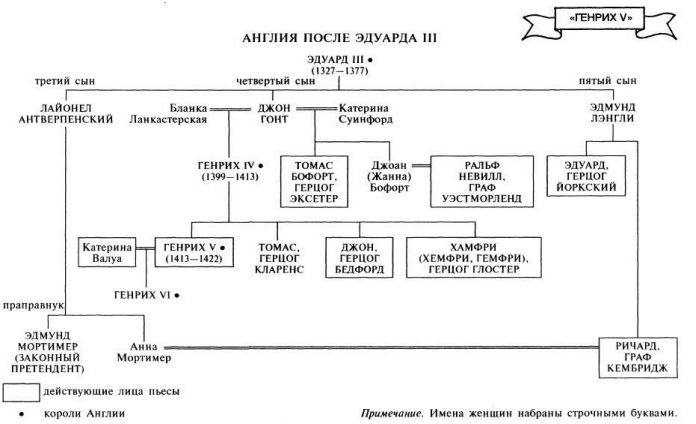
начинать династию с него, то получится, что наследование по мужской линии не прерывалось более трех веков. В течение одиннадцати поколений каждому королю наследовал его старший сын: за Гуго Капетом шли Роберт (Робер) И, Генрих (Анри) I, Филипп I, Людовик VI, Людовик VII (см. гл. 5 «Король Иоанн»), Филипп II (см. там же), Людовик VIII (см. в гл. 5: «…Людовику-дофину»), Людовик IX, Филипп III, Филипп IV и Людовик X соответственно.

В 1316 г. Людовик X умер, и цепочка прервалась. Его сын Иоанн (Жан) умер на несколько месяцев ранее отца, не оставив наследников, и Людовика пережила его единственная дочь.

Трон унаследовал младший брат Людовика, второй сын Филиппа IV, ставший Филиппом V. Он правил шесть лет и умер в 1322 г., оставив после себя лишь двух дочерей. Поэтому трон унаследовал его младший брат, третий сын Филиппа IV, также правивший шесть лет под именем Карл (Шарль) IV и умерший в 1328 г., оставив единственную дочь.

Четвертого сына у Филиппа IV не оказалось. Конечно, у Карла IV была дочь Изабелла. По английскому обычаю она стала бы королевой, а затем трон унаследовал бы ее сын. Однако у фран-

цузов это было запрещено Салическим законом.



Поэтому, когда линия сыновей Филиппа IV угасла, французы обратились к линии младшего брата последнего. Этим младшим братом был Карл (Шарль), граф Валуа, умерший в 1325 г., но оставивший после себя сына Филиппа.

Именно этот Филипп Валуа (см. генеалогическое древо на с. 264) и унаследовал в 1328 г. французский трон, став королем Филиппом VI. Он был внуком Филиппа III и вел свою родословную от Гуго Капета через десять поколений только

мужских предков.

А что стало с Изабеллой, дочерью Филиппа VI? Она вышла замуж за короля Эдуарда II Английского, а ее сыном стал знаменитый Эдуард III, унаследовавший английский трон в 1327 г.

Если Филипп VI был внуком Филиппа III, то Эдуард III приходился внуком Филиппу IV, более позднему королю.

«…Книге Чисел»

Но Генриху мало юридических казусов; тогда архиепископ принимается цитировать закон Божий. Он говорит:

> Написано в священной Книге Чисел,
> Что если сын умрет, то переходит
> Наследство к дочери.
>
> ***Акт I, сцена 2, строки 98–100***

Это ссылка на Четвертую книгу Моисееву, которая гласит: «…если кто умрет, не имея у себя сына, то передавайте удел его дочери его» (Числ., 27: 9).

> На мощных предков обратите взор;
> И на могиле прадеда-героя,
> Вам давшего на Францию права,

Его бесстрашный дух вы призовите
И деда, Принца Черного Эдварда,
Который, разгромив войска французов,
Трагедию на славу разыграл,
В то время как отец его могучий
С холма взирал с улыбкою, как львенок
Ручьями проливал французов кровь.

Акт I, сцена 2, строки 103–109

Прелат имеет в виду битву при Креси, когда Эдуард III был так уверен в победе, что отказался послать подкрепление сыну, Черному принцу, зная, что мальчик может сам позаботиться о себе.

Напоминая Генриху о самом славном эпизоде (по меркам того времени), архиепископ пытается пробудить в короле воинский дух. Но

Генрих проявляет странную нерешительность, и придворным приходится воодушевлять его. Можно предположить, что Шекспир преднамеренно изобразил нежелание короля начинать войну, наделив его собственным отвращением к этой кровавой бойне.

Если бы мы имели дело с реальностью, а не с фантазией, то предположили бы, что мысли Генриха заняты не войной, а чем-то другим.

Может быть, слова архиепископа заставили короля вспомнить о существовании Эдмунда Мортимера, пятого графа Марча, который приходился Эдуарду III праправнуком от третьего сына, в то время как сам Генрих являлся правнуком Эдуарда только от четвертого сына?

Правда, Эдмунд Марч являлся наследником только по женской линии (он приходился внуком дочери этого третьего сына), но, поскольку Англия не признавала Салического закона, а наследник по женской линии Генрих сам претендовал на французский трон и готов был ради этого начать войну, он не мог отрицать, что у Марча больше прав как на английский, так и на французский престол.

Преимущественное право Марча на английскую корону косвенно признавал и Генрих IV, державший графа под почетным домашним арестом в течение всего своего царствования; именно это преимущественное право было одной из причин восстания Хотспера.

Став королем, Генрих V чувствовал себя увереннее, чем отец. Он освободил Марча, но продолжал внимательно следить за ним.

В этой пьесе сомнительность прав Генриха V (как и его отца) на престол не подчркивается.

Главный упор делается на войну во Франции и одержанную там блестящую победу. Но в последующие десятилетия вопрос о нарушении порядка престолонаследия возник вновь, что и отражено в исторических хрониках Шекспира, посвященных этому периоду.

«Все братья-короли…»

Придворные поддерживают предложение архиепископа. Первым высказывается герцог Эксетер:

> Все братья-короли, земли владыки,
> Ждут с нетерпеньем, чтоб восстали вы…

Акт I, сцена 2, строки 122–123

Эксетер — это Томас Бофорт, третий (и младший) сын Джона Гонта от его любовницы Катерины Суинфорд. Поскольку Джон Гонт — дед Генриха V, то Эксетер приходится королю дядей. По рождению Эксетер был бастардом, но в конце концов Джон Гонт женился на Катерине и в 1397 г., за два года до смерти, добился признания нажитых с нею детей законными. Претендовать на престол, унаследованный старшим сыном

Гонта от первого брака Генри Болингброком, они не могли, но все имели громкие титулы и занимали высокие посты.

Впрочем, здесь Шекспир (следуя за Холиншедом) немного торопится: в то время Томас Бофорт был всего-навсего графом Дорсетом. Герцогом Эксетером он стал лишь через два года, в 1416 г.

«Все знают, государь, что есть у вас и сила и права…»

Ему вторит граф Уэстморленд:

> Все знают, государь, что есть у вас
> И сила и права…

Акт I, сцена 2, строка 125

Уэстморленд играл важную роль в двух предыдущих пьесах, поскольку был главнокомандующим Генриха IV. Вторым браком он женат на Джоанне Бофорт, сестре Томаса, а потому также приходится королю дядей. В настоящее время и ему, и Эксетеру около пятидесяти.

«Короля шотландцев…»

Однако король Генрих еще не готов присту-

пить к действию. Остается нерешенным вопрос с Шотландией. Со времен Эдуарда I (деда Эдуарда III) Англия находится в состоянии непрерывной войны с Шотландией, которая длится уже больше века, поскольку шотландцы постоянно получают помощь от французов. Как только у Англии возникают другие проблемы (например, война с Францией или внутренние междоусобицы), скотты тут же вторгаются в ее северные графства.

Генрих говорит об этом, но архиепископ, который не хочет, чтобы король отказался от похода во Францию, презрительно отметает угрозу с севера. Он доказывает, что Англия сумеет постоять за себя:

> Когда все рыцарство ушло сражаться
> Во Францию, то горькая вдова
> Не только защитить себя сумела,
> Но захватила короля шотландцев,
> Как зверя, и во Францию послала,
> Эдварда новым лавром увенчав…

Акт I, сцена 2, строки 157–162

Речь идет о событиях первых лет правления Эдуарда III. В 1329 г., через два года после воцарения Эдуарда, шотландским королем стал Давид Брюс, правивший под именем Давида II. В то

время ему было всего пять лет. Король Эдуард, поддерживавший другого кандидата на престол (который мог бы стать английской марионеткой), был очень недоволен этим.

Чтобы посадить на трон своего ставленника, он послал в Шотландию войско. 19 июля 1333 г. две армии встретились у Халидон-Холл, неподалеку от побережья Северного моря, на восточном конце границы двух государств. Англичане имели лучников, которых у шотландцев не было. Когда скотты устремились в безрассудную атаку и обнаружили себя, англичане расстреляли их с дальней дистанции и одержали такую же решительную победу, какую семьдесят лет спустя одержал Хотспер в битве при расположенном неподалеку Холмдоне.

Верные сторонники переправили юного короля Давида, в ту пору девятилетнего, во Францию. Он прожил при дворе короля Филиппа VI семь лет и вернулся в Шотландию только в 1341 г.

В 1346 г. Эдуард III повел армию во Францию. На первых порах казалось, что он вот-вот потерпит поражение и армия будет разгромлена. Давид II воспользовался удобным моментом и повел на Англию большое войско. Шотландцы проникли в глубь страны на 70 миль (112 км) от границы

и дошли почти до Дарема. Там, в местности под названием Невиллс-Кросс, 17 октября 1346 г. состоялось сражение скоттов с англичанами, закончившееся для скоттов так же плачевно, как и предыдущее: английские лучники вновь перестреляли шотландскую конницу. Давид II был взят в плен и провел в английской тюрьме десять лет.

В пьесе архиепископ объединяет два этих события в одно. Давид бежал во Францию после первой битвы, а был взят в плен после второй, однако у прелата получается, что пленного короля отправили к Эдуарду во Францию. Тем не менее архиепископу удается добиться желаемого: он рассеивает сомнения Генриха, опасающегося угрозы с севера, и благословляет его на экспедицию во Францию.

«...Не королем»

Теперь Генрих может принять французов. Входят послы, и он обращается к ним со следующими словами:

> Теперь готовы мы принять привет,
> Что нам дарит дофин, кузен прекрасный;

Ведь вы им посланы, не королем.

Акт I, сцена 2, строки 234–236

Королем Франции в то время был Карл VI. Он правил целое поколение, потому что занял престол в 1380 г., будучи двенадцатилетним мальчиком. Карл VI был правнуком того самого Филиппа VI, главным противником которого являлся Эдуард III, прадед Генриха V.

Карл VI царствовал в период правления Ричарда II и Генриха IV. За это время Франция могла бы совершенно оправиться от ран, нанесенных ей Эдуардом III и Черным принцем, если бы не внезапная катастрофа.

В апреле 1392 г. Карл VI заболел лихорадкой, сопровождавшейся конвульсиями, и в результате повреждения мозга стал душевнобольным. С тех пор до конца жизни (то есть в течение тридцати лет) приступы буйного помешательства перемежались у него периодами относительного просветления. Его прозвали Карлом Безумным. Поскольку править он не мог, это делали за него другие. В это время во Франции тоже шла многолетняя гражданская война, так что для вторжения Генриха сложилась благоприятная ситуация.

Следует заметить, что хаос и анархия, царившие во Франции, были для короля более убедительным аргументом, чем доводы архиепископа.

В пьесе впрямую не говорится о безумии французского короля (возможно, потому, что английские монархи эпохи Шекспира были его потомками; королева Елизавета I приходилась Карлу прапраправнучкой). Тем не менее упоминание о том, что послов прислал дофин, а не король, — косвенное указание на неспособность Карла править страной самостоятельно.

Наиболее знаменитый дофин этого периода французской истории — тот, чьей сподвижницей являлась Жанна д'Арк. Но это произойдет только через пятнадцать лет. *Того* дофина звали Карлом; в «Генрихе V» речь идет о совсем другом человеке.

Дофина, направившего послов к Генриху, зовут Людовиком (Луи). Он — старший сын Карла VI и в списке действующих лиц значится как «Луи, дофин».

«Буйства дней былых...»

Видимо, дофин Луи прислал ответ на требование Генриха передать Англии провинции, которые после одержанных Эдуардом III великих

побед отошли к Англии, но после беспорядков, сопровождавших правление Ричарда II и Генриха IV, были постепенно утрачены. Это требование не означало, что Генрих V планирует вторжение; оно было лишь напоминанием о том, что он не отказался от этих земель и оставляет за собой право на свободу действий.

Во всяком случае, дофин воспринял это требование именно так. Он мог решить, что Генрих все тот же принц Хэл, искатель удовольствий, и не станет развязывать трудную французскую кампанию. Стремясь подчеркнуть свое презрение к новому королю, дофин послал ему в подарок теннисные мячи. Это означало, что Генриху следует забавляться играми и забыть о Франции.

Генрих прекрасно понимает намек дофина и говорит:

> Мы видим:
> На буйства дней былых он намекает,
> Не зная, что из них мы извлекли.

Акт I, сцена 2, строки 266–268

Затем Генрих обещает ответить на теннисные мячи пушечными ядрами и наконец принимает решение начать войну.

«Три подлеца...»

Второй акт начинается выходом на сцену пролога, теперь названного хором. Хор будет появляться перед началом каждого акта и сообщать публике то, что она должна знать.

Хор описывает Англию, готовящуюся к войне, и Францию, которая пытается предотвратить вторжение, разжигая новую гражданскую войну в Англии из-за порядка престолонаследия. Кроме того, французы пытаются организовать убийство короля Генриха. Хор так излагает ситуацию, сложившуюся в Англии перед экспедицией Генриха V:

> Но вот вина твоя: нашел француз
> В тебе гнездо пустых сердец и тщится
> Их гнусными червонцами набить.
> Три подлеца: один — граф Ричард Кембридж,
> Другой — лорд Генри Скруп Мешемский, третий —
> Сэр Томас Грей, нортемберлендский рыцарь,
> Продав себя (о, страшная вина!),
> Вступили в заговор с врагом трусли-

вым.

Коль сдержит слово яд и преступленье,
От их руки падет краса монархов…

Акт II, пролог, строки 22–28

Кто эти люди?

Ричард, граф Кембридж — младший сын Эдмунда, герцога Йоркского, с которым мы знакомы по «Ричарду II», беспомощного дяди тогдашнего короля. Следовательно, Ричард Кембридж — младший брат Омерля, друга Ричарда II и участника заговора против Генриха IV, который только что стал королем.

В наказание за слишком долгую дружбу с Ричардом II Омерля лишили герцогского достоинства, оставив ему лишь титул графа Ретленда. Однако, когда в 1402 г. старый Эдмунд Йорк умер (именно в этом году начинается действие первой части «Генриха IV»), Ретленду позволили унаследовать отцовский титул и доходы, после чего он стал герцогом Йоркским. Кроме того, он был графом Кембриджем, но еще до начала пьесы «Генрих V» уступил этот титул младшему брату, ставшему Ричардом, графом Кембриджем.

У Ричарда Кембриджа были основательные причины желать смерти Генриху V; никакого

французского золота для этого не требовалось. Ричард был женат на Анне Мортимер, младшей сестре пресловутого Эдмунда Мортимера, пятого графа Марча. Именно Эдмунд Марч был «законным» королем; если бы Генрих V умер бездетным (а в ту пору он не был женат), то престол, скорее всего, достался бы Эдмунду. Если бы Эдмунд умер, не оставив наследников (а так и случилось), то следующей по очереди была бы сестра Эдмунда Анна, приходившаяся Кембриджу женой, а после нее трон унаследовал бы сын Ричарда. (Следует напомнить, что в свое время сын Ричарда предъявит права на престол, а внук Ричарда в один прекрасный день действительно получит корону.)

Таким образом, свара из-за престолонаследия, начавшаяся после свержения Ричарда II, продолжалась и в царствование Генриха V.

Что же касается лорда Генри Скрупа Мешемского, то у него были личные причины ненавидеть Генриха V. Его дядя Ричард был архиепископом Йоркским, поднявшим восстание против Генриха IV; после подавления восстания его казнили. Эта история рассказана во второй части «Генриха IV». А троюродный брат Скрупа Мешемского был тем самым графом Уилтширом, которого Генри

Болингброк казнил, едва успев стать Генрихом IV (см. в гл. 6: «К графу Уильтширу…»). Таким образом, Скрупы имели причину ненавидеть отца короля, но отплатить решили сыну.

Третий заговорщик — сэр Томас Грей — фигура второстепенная, но любопытно, что он родом из Нортумберленда, вотчины Перси, которые дважды восставали против Генриха IV.

«…Лейтенант Бардольф»

Однако второй акт начинается не с короля и не с заговора против него. Сначала идет вставная сцена в Лондоне с участием персонажей, с которыми король проводил время, будучи принцем Уэльским.

Встречаются два таких персонажа, и один говорит другому:

> Здорово, капрал Ним.
>
> ***Акт II, сцена 1, строка 1***

Это Ним из «Виндзорских насмешниц» с его «нравом», темными намеками **и** потугами на отчаянную храбрость. Мы не можем сказать, где он появляется впервые — здесь или в «Виндзорских насмешницах» — и из какой пьесы он

перекочевал. Все зависит от того, какая пьеса была написана раньше, а единого мнения на этот счет нет.

Ним отвечает:

Доброго утра, лейтенант Бардольф.

Акт II, сцена 1, строка 2

Бардольф (видимо, получивший повышение, потому что во второй части «Генриха IV» он был всего лишь капралом) замечателен тем, что участвует в целых четырех шекспировских пьесах: двух частях «Генриха IV», «Генрихе V» и «Виндзорских насмешницах».

Остальные члены группы этим похвастаться не могут. Пистоля нет в первой части «Генриха IV», принца Хэла нет в «Виндзорских насмешницах», Фальстафа нет в «Генрихе V» и так далее. Миссис Куикли тоже присутствует во всех четырех пьесах, но персонаж «Виндзорских насмешниц» сильно отличается от персонажа трех остальных, в то время как Бардольф всюду узнаваем.

Сразу выясняется, что Ним враждует с Пистолем, потому что тот женился на миссис Куикли, которая раньше была обручена с Нимом.

Ним изрыгает страшные угрозы, но, когда на сцене появляются новобрачные, враги обмени-

ваются цветистыми ругательствами, однако до драки дело не доходит. Правда, Пистоль и Ним вытаскивают шпаги, но, когда Бардольф грозит убить первого, кто сдвинется с места, вкладывают их в ножны с явным облегчением.

«Он совсем расхворался…»

Но где же Фальстаф?

На сцену выходит его паж и сообщает новости. Это тот самый паж, который сопровождал Фальстафа в начале второй части «Генриха IV». Видимо, тот же паж участвовал и в «Виндзорских насмешницах». Во второй части «Генриха IV» его реплики озаглавлены «Паж», в «Виндзорских насмешницах» — «Робин», а в «Генрихе V» — «Мальчик».

Мальчик говорит:

> Хозяин Пистоль, идите скорей к моему господину, и вы, хозяйка, тоже. Он совсем расхворался и хочет лечь в постель.

Акт II, сцена 1, строки 84–86

Миссис Куикли, чьи реплики в этой пьесе принадлежат трактирщице, с тревогой отвечает:

Честное слово, не сегодня завтра он станет колбасой для ворон. Король разбил ему сердце.

Акт II, сцена 1, строки 90–91

В конце второй части «Генриха IV» актер, игравший роль Эпилога, обещал, что Фальстаф появится в новой пьесе, но затем Шекспир явно передумал. Может быть, к тому времени «Виндзорские насмешницы» уже были написаны и на Шекспира так повлияла неудачная попытка передать характер главного героя?

«…Предателям доверился»

Но о судьбе Фальстафа мы узнаем позже. Действие перемещается в Саутгемптон, где собирается войско короля. Саутгемптон находится в центре южного побережья Англии; остров Уайт прикрывает его от бурь и нападений врага. Предатели, которых возглавляет Ричард Кембридж, собираются убить короля еще до того, как начнется посадка на корабли. Впрочем, заговор уже раскрыт, но Генрих медлит, собираясь нанести убийственный упреждающий удар. Однако это рискованно, и его приближенные нервничают.

Бедфорд говорит:

> Скажу, как перед Богом: наш король
> Предателям доверился беспечно.

Акт II, сцена 2, строка 1

Бедфорд — третий сын Генриха IV, один из младших братьев Генриха V. Он участвует во второй части «Генриха IV» под именем Джон Ланкастерский. Однако в 1414 г. король Генрих, готовясь к французской кампании, пожаловал приближенным новые титулы, и Джон стал герцогом Бедфордом.

«…Что ложе с ним делил»

Приближенных короля изумляет самоуверенность заговорщиков и их способность сохранять личину преданности. Более того, один из них отплатил Генриху черной неблагодарностью, поскольку Эксетер говорит:

> Как! Человек, что ложе с ним делил
> И милостями был осыпан щедро,
> Подкуплен недругами и задумал

Предательски монарха умертвить!

Акт II, сцена 2, строки 8-11

Речь идет о Генри Скрупе Мешемском, который был близким другом короля, являлся его казначеем и выполнял отдельные дипломатические поручения. То, что Скруп Мешемский, два близких родственника которого были казнены, дружит с королем, способно вызвать удивление. Однако следует учитывать особенности эпохи. В дни, когда должностными лицами короля были представители узкого круга семейств, постоянно роднившихся друг с другом, было невозможно найти среди них человека, чьи родственники не были бы наказаны, понижены в звании, сосланы или казнены королем или его предшественником.

Упоминание о французском золоте подтверждает слова Хора. Но на самом деле заговор был составлен в пользу Мортимеров; если его участники и получали французские деньги, то они лишь следовали примеру Болингброка, восстание которого против Ричарда II также финансировали французы. Если бы Болингброк (будущий Генрих IV) потерпел неудачу, его тоже обвинили бы в продажности. В случае победы фракции

Мортимера над Генрихом IV или Генрихом V не всплыло бы обвинение, что ее члены подкуплены иностранцами. Не следует забывать, что историю всегда пишут победители.

«Как лев...»

Король Генрих расставляет ловушку. Он заставляет лицемеров демонстрировать сверхпреданность и требовать сурового наказания для какого-то мелкого хулигана, который спьяну выкрикивал в адрес короля угрозы. Затем Генрих величественно обличает лицемеров; те приходят в ужас и тут же сознаются в заговоре. Король красноречиво стыдит их, но самые горькие слова приберегает для закадычного друга и наперсника Скрупа Мешемского:

> И если демон, соблазнитель твой,
> Весь мир пройдет, как лев, ища добычу, —
> Вернувшись в Тартар, скажет он собратьям:
> «Ничьей души отныне не пленить
> Мне так легко, как этого британца».

Акт II, сцена 2, строки 121–125

Конечно, демон — это Сатана, «львиная походка» которого — цитата из Первого послания Петра: «…противник ваш диавол ходит как рыкающий лев, ища кого поглотить» (5: 8).

Тартар в греческой мифологии — подземный мир, где мучаются души умерших.

Приказав казнить изменников в назидание другим, король Генрих V готов отплыть. 11 августа 1415 г. английские корабли поднимают паруса. В последней строчке этой сцены король говорит, что готов поставить на карту все, чтобы сорвать банк:

> Пускай лишусь я английского трона,
> Коль не надену Франции корону.

Акт II, сцена 2, строка 194

«…До Стенса»

Члены компании Фальстафа тоже отправляются на войну, и миссис Куикли выражает желание сопровождать Пистоля хотя бы часть пути. Она говорит:

Прошу тебя, сахарный ты мой муженек,
позволь мне проводить тебя до Стенса.

Акт II, сцена 3, строки 1–2

Стейнс[151] — городок, находящийся примерно в 20 милях (32 км) от центра Лондона по направлению к Саутгемптону.

«В лоне Артуровом…»

Но Пистоль в траурном настроении, потому что Фальстаф умер. Он искренне скорбит, и никакие напыщенные фразы не могут заглушить его горя. Что же касается Бардольфа, то он выражает свое горе очень простодушно; это доказывает, что Фальстаф умел внушать людям любовь, несмотря на все свои недостатки. Бардольф говорит:

Хотел бы я быть с ним, где бы он ни был
сейчас, на небесах или в аду.

Акт II, сцена 3, строки 7–8

Трактирщица Куикли с жаром возражает, что Фальстаф не может попасть в ад. Она говорит:

---

[151] Примечания: 151
в переводе — Стене. — *Е. К.*

Нет, он наверняка не в аду, а в лоне Артуровом…

Акт II, сцена 3, строки 9–10

Конечно, фраза «в лоне Артуровом» — это ошибка наивной трактирщицы, исказившей выражение «на лоне Авраама» (см. в гл. 6: «…На лоне Авраама!»). Не слишком образованные англичане знали только одного великого героя прошлого — короля Артура — и путали его со всеми выдающимися людьми прошедших веков.

«…О вавилонской блуднице»

Об умершем Фальстафе горюют только его друзья из простонародья, а его принц Хэл, ставший великим королем, отправляется на великие свершения.

Трактирщицу Куикли спрашивают, как умер Фальстаф, и она, в частности, говорит:

Да, случалось, он затрагивал женщин; но ведь он был *ревматик* (распутник?) и все толковал о вавилонской блуднице.

Акт II, сцена 3, строки 38–40

Выражение «вавилонская блудница» должно было вызывать у шекспировской публики смех: недалекая миссис Куикли считает эту особу женщиной (возможно, легкого поведения), которую Фальстаф знал, а она нет.

На самом деле это цитата из Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсиса): «И жена облачена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ее. / И на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» (17: 4–5).

Это символическое видение, называющееся «вавилонская блудница», во время написания Откровения означало державный Рим. Римские власти преследовали первых христиан, и упоминать их не следовало из страха перед репрессиями, но обличать Вавилон (где когда-то томились в плену древние евреи) не возбранялось, хотя аналогия была достаточно прозрачной.

Протестанты XVI в., восставшие против Римско-католической церкви и особенно против верховной власти папы, быстро поняли, что любое упоминание о Риме — удобный способ опорочить папство. Поэтому фраза миссис Куикли о

вавилонской блуднице заставляла образованных людей смеяться не только над святой простотой трактирщицы, но и над чересчур рьяными протестантами.

«…Орлеанский»

В следующей сцене впервые появляется французский король. Карл VI (безумие которого никак не проявляется) обеспокоен известием о вторжении англичан. Уверенный в том, что Франция готова к войне, он распределяет обязанности между пэрами:

> Вы, герцоги Беррийский и Бретонский,
> Брабантский, Орлеанский, двиньтесь в путь…

Акт II, сцена 4, строки 4–5

Самый известный из названных лиц герцог Орлеанский; именно он был причиной катастроф, последовавших за безумием Карла VI и давших англичанам возможность вторгнуться на континент. У Карла был младший брат, Людовик, человек честолюбивый, но недалекий. В 1392 г. он стал герцогом Орлеанским; примерно в это время король ощутил первый приступ безумия.

Кому-то следовало взять на себя управление государством, а кто подходит для этой роли лучше, чем брат короля? Во всяком случае, так думал сам Людовик.

Но остальные думали иначе. У Карла VI был дядя Филипп, младший из троих братьев предыдущего короля Карла V. Став королем, Карл V сделал Филиппа герцогом Бургундским; этот герцог был известен под именем Филипп Смелый.

Филипп пережил своего царственного брата (с которым прекрасно ладил). Когда Карл VI был еще слишком мал, чтобы править страной, реальную власть осуществляли Филипп и его братья. Поскольку французский король сошел с ума и снова превратился в ребенка, Филипп решил, что имеет право вернуться к своим прежним обязанностям регента.

В результате Франция раскололась на два лагеря, одни поддерживали младшего брата короля, Людовика Орлеанского, а другие — дядю короля, Филиппа Бургундского. В 1401 г. вражда двух лагерей достигла апогея. Страна балансировала на грани гражданской войны; чаша весов склонилась в сторону Филиппа.

Однако в 1403 г. Филипп умер, и титул герцога Бургундского перешел к его сыну Иоанну (Жа-

ну), которого прозвали Жаном Бесстрашным. Он приходился Людовику (Луи) Орлеанскому двоюродным братом. Людовик Орлеанский воспользовался смертью Филиппа и захватил не только власть в стране, но и получил опеку над дофином. Он пытался завоевать популярность своими нападками на Англию, которой в то время правил Генрих IV (занятый сложными отношениями с Перси). Естественно, Жан Бесстрашный выступил против Людовика Орлеанского, ратуя за улучшение отношений с Англией. 20 ноября 1407 г. два вождя заключили что-то вроде перемирия, но через три дня (23 ноября) Людовик Орлеанский был убит бандитами, которых нанял Жан Бесстрашный.

Если Жан рассчитывал таким образом получить власть над страной, то он просчитался. После этого началась гражданская война.

Людовик Орлеанский оставил после себя сына и наследника Карла (Шарля), который теперь стал герцогом Орлеанским. Хотя тогда Карлу было всего тринадцать лет, годом раньше он успел жениться, причем не на ком-нибудь, а на хорошо знакомой нам Изабелле, вдове Ричарда II Английского. Она была дочерью Карла VI, а потому приходилась двоюродной сестрой своему

новому мужу. Изабелла была старше супруга на пять лет и умерла в 1409 г. Новый герцог Орлеанский нуждался в помощи и вскоре получил ее от богатого и влиятельного Бернара VII, графа Арманьяка. В 1410 г. дочь графа Бонна стала второй женой Шарля. Впоследствии партию сторонников герцога Орлеанского прозвали арманьяками, а когда в 1413 г. королем Англии стал Генрих V, в стране вовсю полыхала гражданская война между арманьяками и бургиньонами.

В 1414 г. временно верх одержали арманьяки и официально осудили убийство Людовика Орлеанского, скончавшегося семь лет назад. После этого Жан Бесстрашный обнаружил, что он практически лишился власти. В дальнейших событиях, которые не заставили себя ждать, разгневанный Жан и Бургундия, которой он управлял (она составляла значительную часть Франции), сохраняли принципиальный нейтралитет. Генриху V, когда он высадился во Франции, предстояло сражаться только с арманьяками; при этом им приходилось все время оглядываться назад, опасаясь удара в спину от бургиньонов.

Именно этому Карлу Орлеанскому, возглавлявшему партию арманьяков, король поручает организовать оборону; именно ему предстояло

стать одним из вождей той армии, которая должна была противостоять Генриху V. Карл (Шарль) Орлеанский был бездарным полководцем, но, как ни странно, хорошим поэтом; некоторые даже считали его последним трубадуром.

Остальные лица, упомянутые королем, — это Жан, герцог Беррийский, старший брат Филиппа Храброго и последний из дядьев безумного короля Карла VI. В то время ему было семьдесят четыре года; он проживал в роскоши за счет крестьян, которых обложил непосильными налогами; в конце концов крестьяне, доведенные до отчаяния, взбунтовались. В войне между арманьяками и бургиньонами Жан Беррийский пытался играть роль посредника (за четверть века до того в Англии такую же роль пытался сыграть Джон Гонт, см. в гл. 6: «Джон Гонт…»). Однако он не добился успеха (как и Гонт); в конце концов Жану Беррийскому пришлось перейти на сторону арманьяков. Однако преклонный возраст мешал ему действовать активно (к чему он, впрочем, и не слишком стремился).

Пятым герцогом Бретонским был Жан Доблестный. Он являлся сторонником Филиппа Смелого, но после убийства Людовика Орлеанского порвал с бургиньонами. Хотя формально он перешел

на сторону арманьяков, однако делал все, чтобы сохранить традиционный бретонский нейтралитет в войне между Англией и Францией. Его отряды появлялись на поле боя слишком поздно, после окончания сражения с Генрихом V, причем складывалось впечатление, что эти опоздания были преднамеренными.

Герцога Брабантского звали Антонием; он был родным братом вождя бургундцев Жана Бесстрашного, так что ожидать от брабантца решительных действий против англичан не приходилось.

Получается, что из четырех упомянутых герцогов оказать серьезное сопротивление Генриху V мог только Шарль Орлеанский, но, как уже говорилось выше, он был бездарным полководцем.

«...Римлянина Брута»

Поскольку Шекспир был ярым патриотом Англии, следовало ожидать, что он преувеличит страх французов перед вторжением англичан. Однако у французов действительно были серьезные основания бояться этого вторжения. Хотя Англия была намного меньше, беднее и малочисленнее, но в то время во Франции царил хаос; кроме того, там еще не забыли горечь поражений при Креси

и Пуатье, которые французы потерпели семьдесят лет назад.

Французский король напоминает об этих битвах, но дофин Луи отметает страхи отца и говорит, что английский король Генрих V — никчемная личность и занят только удовольствиями.

Ему резко возражает человек, названный в списке действующих лиц коннетаблем Франции. Он говорит о короле Генрихе:

> И вы поймете: буйство юных дней
> Повадкой было римлянина Брута,
> Что прикрывал свой ум безумья маской…

Акт II, сцена 4, строки 36–38

Римлянин Брут — это Луций Юний Брут, живший в Древнем Риме в эпоху, описанную в пьесе У. Шекспира «Лукреция», и скрывавший свой острый ум под личиной глупости.

Но кто этот коннетабль и что означает его титул?

Это французское слово происходит от латинского comes stabuli (смотритель конюшен). В эпоху, когда главной воинской силой были рыцари в тяжелых доспехах, к состоянию лошадей относились с повышенным вниманием. Сначала

коннетаблем называли главного конюха, затем — командира кавалерии, а в конце концов — командующего армией.

Во Франции это был высший военный титул, означавший главнокомандующего всей французской армией. В то время этот пост занимал Шарль д'Альбре.

Беседу французов прерывает прибытие из Англии герцога Эксетера; он доставляет требование, чтобы Карл VI передал корону Генриху V. Карл не дает немедленного ответа и просит время на раздумье.

«В Гарфлер…»

На сцену снова выходит Хор и начинает третий акт. Он говорит:

> Вообразите,
> Что с берега вы смотрите на город,
> Качающийся на крутых валах, —
> Так представляется могучий флот,
> В Гарфлер плывущий.

Акт III, Хор, строки 13–17

Арфлер[152] — порт в устье Сены; англичане стремились захватить его по множеству причин. Генрих V понимал важность господства на море. Англия владела Кале уже более полувека (Эдуард III захватил этот город в 1347 г.), в результате чего восточная часть пролива Ла-Манш (Па-де-Кале) находилась под ее полным контролем. В то время Арфлер был важнейшим французским портом на Ла-Манше (правда, со временем верх одержал Гавр, находившийся всего на пару миль (3 км) западнее, в результате Арфлер превратился в захолустный порт).

Одним ударом захватив Арфлер и установив контроль над всем Ла- Маншем, Генрих мог бы беспрепятственно снабжать свои войска во Франции и одновременно мешать французам нанести ответный удар по Англии. Более того, поскольку Арфлер находился в устье Сены, захватив его, можно было доплыть по реке до самого Парижа.

Впрочем, существовала также причина психологического характера. Арфлер находился на территории Нормандии, а Генрих принадлежал к династии английских королей родом из Нормандии; именно это позволяло ему претендовать на

---

[152] Примечания: 152
в переводе — Гарфлер. — Е. К.

французскую корону.

Отплыв из Саутгемптона И августа 1415 г., английский флот пересек Ла-Манш и 13 августа прибыл в Арфлер (находившийся в 120 милях (192 км) к юго-востоку).

«Предлагает дочь ему король…»

Тем временем Эксетер доставляет Генриху ответное предложение короля Карла. Хор говорит:

> Представьте, что из лагеря французов
> Посол, вернувшись, сообщает Гарри,
> Что предлагает дочь ему король
> И герцогства ничтожные в придачу.
> Отвергли предложенье.

Акт III, Хор, строки 28–32

Предложение французского короля имело смысл. В глазах Европы английский король (что бы он ни думал о самом себе) был второстепенным монархом и не шел ни в какое сравнение с королем Франции. Раньше английские короли гордились, когда им предлагали в жены французских принцесс.

Так, Эдуард II, отец завоевателя Эдуарда III, женился на Изабелле, дочери Филиппа IV Фран-

цузского, а Ричард II, внук того же Эдуарда III, женился на Изабелле, дочери Карла VI.

Катерина приходилась Изабелле младшей сестрой; в ту пору ей было всего четырнадцать лет, однако по тогдашним представлениям (особенно королевским) она уже достигла брачного возраста. Если же в приданое король давал ей какие-то «ничтожные» герцогства, то, с его точки зрения, предложение было очень щедрое.

Кстати, над саркастической шекспировской характеристикой этих герцогств стоит задуматься. «Генрих V» — пьеса шовинистическая, посвященная самой знаменитой в истории Англии военной победе, но тем не менее все соглашаются, что даже в этой пьесе ненависть Шекспира к войне то и дело дает себя знать. Похоже, пространные и подробные аргументы архиепископа приведены Шекспиром сознательно, чтобы продемонстрировать искусственный характер этой войны; здесь же Генрих решительно отвергает щедрое предложение исключительно из жадности. Далее нам будут часто попадаться эпизоды, изображающие Генриха отнюдь не в лучшем свете, но написаны они осторожно — так осторожно, чтобы публика (особенно шовинистически настроенная елизаветинская публика) их не заметила и доставила

Шекспиру сомнительное удовольствие тайно поиздеваться над ней.

«…Подносит к пушке дьявольский фитиль»

Хор объявляет о начале военных действий:

> Канонир
> Подносит к пушке дьявольский фитиль.
> Все сметено.

Акт III, Хор, строки 32–34

Артиллерия, которая в битве при Креси была всего-навсего опасной игрушкой, пугавшей лошадей и убивавшей собственную прислугу, за прошедшие с тех пор семьдесят лет сильно продвинулась вперед. Пушки стали более надежными, а ядра — более разрушительными.

При поединках от пороха не было пользы, так как ручное огнестрельное оружие еще не придумали, но пушки пробивали крепостные стены намного эффективнее, чем тараны, причем без всякого ущерба для обслуживавших их солдат.

«...В пролом»

Войско Генриха высадилось на побережье Франции, не встретив сопротивления. Коннетабль принял не слишком героическое, но мудрое решение сосредоточить армию в Руане, расположенном в 50 милях (80 км) выше по течению реки, перекрыть дорогу на Париж и бросить Арфлер на произвол судьбы. Такая выжидательная политика была продиктована финансовым хаосом, царившим во Франции. Двадцатилетняя гражданская война, которую усугубляло безумие короля, довела страну до банкротства, так что на широкомасштабные военные действия денег не было.

Видимо, д'Альбре прекрасно понимал, что долгая осада существенно ослабит англичан, а потом у него будет достаточно времени, чтобы взяться за них как следует.

Он был недалек от истины. Арфлер не сдался, и 17 августа 1415 г. началась осада. Она продолжалась пять недель, в течение которых англичане сильно пострадали от болезней.

Боевой дух тоже упал, потому что на войне нет ничего ужаснее скуки. Генрих с трудом воодушевлял своих солдат, о чем говорит начало его

известного монолога:

> Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом,
> Иль трупами своих всю брешь завалим!

Акт III, сцена 1, строки 1–2

Он посылает воинов в брешь, пробитую в стене Арфлера, с искусством опытного полководца. Король называет солдат храбрецами и героями, надеясь, что они поверят ему и докажут его правоту.

Но такие чувства испытывают далеко не все воины. Шекспир не может противиться искушению показать это, потому что Бардольф тут же пародирует короля:

> Вперед, вперед, вперед! К пролому! К пролому!

Акт III, сцена 2, строки 1–2

Кричать-то он кричит, но при этом сам не трогается с места.

А вот Ним даже и кричать не пробует. Он говорит Бардольфу (по старой памяти или недосмотру Шекспира называя приятеля капралом):

Прошу тебя, капрал, погоди минутку. Уж больно горяча потасовка! А у меня ведь нет про запас лишней жизни.

Акт III, сцена 2, строки 3–5

Когда на сцене появляется более смелый офицер и гонит их в атаку, Ним убегает за кулисы. Больше в пьесе Ним не участвует; можно догадаться, что он дезертировал. Бардольф и Пистоль тоже уходят, но, должно быть, на штурм крепости, потому что с ними мы еще встретимся.

Оставшийся в одиночестве бывший паж Фальстафа, который тоже отправился на войну, произносит монолог, в котором иронически говорит о всей троице как о трусах и ворах. В частности, он говорит:

Ним и Бардольф даже побратались, чтобы вместе красть.

Акт III, сцена 2, строки 45–46

Конечно, слава у солдат дурная, но им нужно как-то добывать себе пропитание. В Средние века (и даже позже) офицеры обращались с солдатами как с рабами и часто оставляли их умирать с голоду, так что беднягам оставалось только воро-

вать. Однако Ним, Бардольф и Пистоль — воры профессиональные. Все трое обобрали Слендера в начале «Виндзорских насмешниц», а Бардольф был участником разбоя в Гедских холмах, описанного в первой части «Генриха IV».

Что же касается Нима, то само его имя — производное от немецкого слова «nehmen» (брать) и вышедшего из употребления английского слова «nim», или «пут», означающего «красть».

«...К подкопу»

Стремясь показать, что на свете есть действительно храбрые люди (в конце концов, армия Генриха состоит не из одних Бардольфов, Нимов и Пистолей), Шекспир вставляет сцену с участием четырех капитанов. Это англичанин Гауэр, валлиец Флюэллен, шотландец Джеми и ирландец Мак-Моррис.

Сомневаться не следует: представители четырех национальностей выбраны автором не случайно. Шекспир хочет показать, что король-герой объединил Британские острова. Кроме того, Шекспир получает возможность юмористически обыграть три разных акцента ломаного английского языка (увы, этот юмор до нас почти не доходит, так как со времен Шекспира

диалекты сильно изменились). Это напоминает ужасные фильмы времен Второй мировой войны, в которых американские солдаты выступали под кличками Дакота, Техас, Калифорния и Бруклин (все в одной картине), что подчеркивало национальное единство.

Самый интересный персонаж из четверых Флюэллен. Именно он гонит Бардольфа и Пистоля к бреши в стене, а труса Нима заставляет дезертировать.

Флюэллен говорит с таким же ярко выраженным валлийским акцентом, как сэр Хью Эванс в «Виндзорских насмешницах». Более того, у него есть свои «пунктики» вроде страсти к истории и стремления по всякому поводу приводить примеры из древних войн.

При всей своей чудаковатости Флюэллен честен и храбр. Такое отношение к валлийцам сложилось в эпоху Шекспира, когда валлийцы настолько приспособились к английскому владычеству, что англичане могли признавать их заслуги; при Генрихе V была слишком свежа память о недавнем восстании Глендаура (см. в гл. 6: «Сразиться с Глендауром…»).

Первую реплику в этой сцене произносит Гауэр, обращаясь к валлийцу:

Капитан Флюэллен, вас требуют к подкопу: герцог Глостер хочет с вами поговорить.

Акт III, сцена 2, строки 56–58

Герцог Глостер — самый младший из братьев короля Генриха, произведенный в герцоги перед самой французской кампанией. Он играл эпизодическую роль во второй части «Генриха IV» (и уже там был назван Глостером — см. в гл. 8: «Гемфри», хотя в то время еще не получил герцогского титула). Я буду называть его Хамфри Глостером, в отличие от Томаса Глостера, много раз упоминавшегося в «Ричарде II».

Хамфри Глостер командовал английской артиллерией, а также саперами. Под стенами выкапывали тайные лазы, чтобы разместить там пороховые заряды и затем взорвать в надежде, что после этого обрушится значительная часть стены.

«…Контрмину»

Флюэллен бракует подкоп, педантично указывая, что тот неправильно сделан:

Скажите герцогу, что к подкопу не следует подходить. Этот подкоп сделан, видите ли, не по всем правилам воинского искусства, он недостаточно глубок. Противник, видите ли, подвел контрмину на четыре ярда глубже, — так и доложите герцогу.

Акт III, сцена 2, строки 62–65

Порох имелся не только у англичан. Флюэллен хочет сказать, что защитники Арфлера сделали собственный подкоп, который на четыре ярда глубже английского. Это **и** называется «подвести контрмину». Заряд, взорванный в нижнем подкопе, уничтожил бы верхний, а вместе с ним и английских саперов, не нанеся существенного ущерба стене — особенно если бы защитники города захватили англичан в участке подземного хода, находившемся не под стеной.

На самом деле во время осады англичане дважды пытались подвести подкоп под стену и дважды натыкались на контрмины. Саперы противоборствующих сторон устраивали под землей собственные маленькие битвы.

«Он осел...»

Гауэр объясняет, что саперами командует ирландец, капитан Мак- Моррис, и тут Флюэллен взрывается:

> ей-богу, он (Мак-Моррис) осел, каких на свете мало; я готов сказать это ему в лицо. Он смыслит в военном искусстве — я имею в виду римское военное искусство — не больше, чем щенок.

Акт III, сцена 2, строки 72— 75

Входит несчастный Мак-Моррис. Глостер отозвал саперов, несмотря на то что ирландец клялся через час закончить работу и взорвать стену.

Флюэллен выбирает именно этот момент, чтобы поиздеваться над бедным ирландцем, которому хватает храбрости, но не хватает знания военной истории. Когда Флюэллен заставляет Мак-Морриса принять участие в обсуждении какой-то запутанной стратегической проблемы, ирландец резонно отказывается: время для этого неподходящее. А когда Флюэллен пренебрежительно высказывается об ирландцах, Мак-Моррис выходит из себя.

Ясно, что Мак-Моррис является мишенью для шуток всей троицы. Это тоже отражение шекспировской эпохи. В 1597 г., за год до премьеры «Генриха V», ирландцы подняли восстание, которое к моменту постановки еще не было подавлено. Поэтому, скорее всего, публика была настроена антиирландски и с удовольствием смеялась над любым выведенным в пьесе ирландцем.

«...Иудейки»

В случае продолжения осады английская армия, и без того ослабленная болезнями, могла вообще исчезнуть с лица земли. Поэтому Генрих решает штурмовать Арфлер. Если штурм закончится успешно, город будет беспощадно разграблен. (Только обещание богатой добычи и безнаказанного насилия могло заставить солдат штурмовать стены, обороняемые гарнизоном, а гнев от неминуемых больших потерь вызывал желание отомстить.)

Генрих грозит Арфлеру последствиями такого штурма. Он кричит защитникам города, стоящим на стене:

> Иначе вы увидите тотчас же,
> Как, весь в крови, от ярости слепой,

Солдат ухватит грязною рукой
За косы ваших дочерей кричащих;
Рванув отцов за бороды седые,
Им головы о стены раздробит;
Проткнет копьем детей полуодетых,
И, обезумев, матери рыданьем
Свод неба потрясут, как иудейки,
Когда младенцев Ирод избивал.
Что скажете? Вы город нам сдадите?
Иль это все вы претерпеть хотите?

Акт III, сцена 3, строки 33–43

Шекспир вкладывает в уста короля страшные слова. Можно утешать себя тем, что это всего лишь психическая атака с целью заставить арфлерцев сдаться, а на самом деле ничего подобного не произойдет.

Но все же ясно, что отвращение, которое Шекспир испытывает к войне, еще раз проявилось в этой официозной и помпезной пьесе. Война заставляет совершать подлости даже такого человека, как Генрих. король-герой говорит, что английские солдаты способны на неслыханные зверства. Он даже сравнивает своих воинов с Иродом. Согласно Евангелию от Матфея (2: 16), этот иудейский царь приказал перебить всех

вифлеемских детей мужского пола в возрасте до двух лет, надеясь, что среди них окажется младенец Иисус. Это так называемое «избиение младенцев».

Хуже того, Генрих ставит арфлерцам в вину то, что они защищают город; мол, жертвы насилия будут сами виноваты в зверствах, потому что они слишком решительно сопротивлялись. В том же монологе, но чуть раньше Генрих говорит:

> Моя ль вина — о нет, скорее ваша, —
> Коль ваши девы в руки попадут
> Горячего и буйного насилья?
>
> ***Акт III, сцена 3, строки 19–21***

Можно сколько угодно убеждать себя в том, что это всего лишь стратегия, что на самом деле Генрих ни о чем подобном не думает, и все же эти слова не дают нам покоя. Такими доводами всегда руководствуются агрессоры, в том числе самые жестокие. Именно так поступал Гитлер. Получается, англичане получили бы по заслугам, проиграй они битву за Британию и позволь нацистам вторгнуться на «слишком решительно сопротивлявшийся» остров.

«...Город мы сдаем»

Но осажденные страдали не меньше осаждавших. В Арфлере не хватало продуктов питания, стены были сильно повреждены, а гарнизон понес большие потери. Однако хуже всего было то, что на помощь извне осажденные не надеялись. На горизонте не было и следов французской армии. Жителей Арфлера бросили на произвол судьбы.

Комендант Арфлера попросил перемирия на пять дней, пообещав сдаться, если за это время не подойдет помощь. Генрих знал, что французы парализованы, а потому согласился на отсрочку, надеясь, что это позволит избежать кровопролитного штурма.

Его расчеты оправдались; помощь не пришла, и Арфлер капитулировал. Однако Шекспир пропускает эти пять дней; капитуляция происходит сразу после угрозы Генриха. Комендант Арфлера говорит со стены:

> Итак, король великий,
> На вашу милость город мы сдаем.
>
> ***Акт III, сцена 3, строка 48***

22 сентября 1415 г. город капитулировал после пятинедельной осады и был занят спокойно и без всяких зверств. Большую часть населения англичане заставили уйти, после чего захватили порт. 23 сентября в город торжественно въехал Генрих V.

«…Вернемся временно в Кале»

Однако это была пиррова победа. В результате потерь на поле боя, дезертирства и болезней от первоначальной армии Генриха осталась лишь одна треть, а зима была не за горами.

Многие советовали Генриху удовлетвориться взятием Арфлера, вернуться в Англию, пополнить армию и продолжить кампанию на следующий год.

Но поступить так Генрих не мог. Вернуться, заплатив за один несчастный город двумя третями армии, было немыслимо. Он был обязан оставаться во Франции до тех пор, пока не добьется более весомого успеха.

Но Арфлер для зимовки не годился. Это только подтолкнуло бы французскую армию к решительным действиям, и французы в свою очередь осадили бы город.

Поэтому король говорит своему дяде Эксетеру:

Всем окажите милость, добрый дядя.
Близка зима; растут в войсках болезни,
И мы вернемся временно в Кале.

Акт III, сцена 3, строки 54–56

Город Кале был сильной английской крепостью, где армия могла бы отдохнуть и переформироваться так же, как в самой Англии, но в Кале это происходило бы не у всех на глазах; мало кто увидел бы, в каком плачевном состоянии находится английское войско. Затем следовало одержать несколько незначительных побед, после которых можно было бы вернуться на родину.

8 октября 1415 г. сильно поредевшая армия Генриха V, в которой осталось всего пятнадцать тысяч бойцов, начала 125–мильный (200 км по прямой) марш от Арфлера до Кале.

«Сомму…»

Время, которое ушло на этот переход, Шекспир заполняет короткой сценой (исключительно на французском языке!), в которой юная принцесса Екатерина Валуа[153] пытается учить английский с помощью пожилой камеристки. Весь юмор был

---

[153] Примечания: 153
в переводе — Катерина. — *Е. К.*

понятен только образованной публике, знавшей французский, а остальных веселило то, что абсолютно приличные английские слова казались Екатерине французскими вульгаризмами, которыми называют половой акт и вагину.

Затем местом действия становится французский лагерь в Руане, столице Нормандии. Руан расположен в 50 милях (80 км) от Арфлера и в 70 милях (112 км) к северо-западу от Парижа. Сцена начинается репликой короля Карла:

Сомнений нет: он Сомму перешел.

Акт III, сцена 5, строка 1

«Он» относится к королю Генриху, который совершил одиннадцатидневный переход в чрезвычайно тяжелых условиях. Генрих отдал строжайший приказ никого не грабить и ничего не разрушать. Это было не только гуманно, но и разумно. Английская армия должна была двигаться как можно быстрее, а грабежи, вошедшие в привычку, задержали бы ее продвижение. Более того, колонны на марше очень уязвимы, а если бы обиженные крестьяне начали мстить, вскоре вся армия была бы перебита.

Войско Генриха совершало марш в Кале вдоль побережья, по кратчайшему маршруту. Все это

время погода стояла отвратительная, непрерывно шел дождь, а по ночам было сыро и холодно. (Как-никак стоял октябрь.) Армию продолжали донимать дизентерия и диарея.

Тем не менее за три дня она одолела 50 миль (80 км) и достигла окрестностей Дьепа. Англичане были на полпути к цели.

Через два дня, 13 октября 1415 г., они добрались до Аббевиля, расположенного в устье Соммы (она течет параллельно Сене, но находится от нее в 70 милях (112 км) к северо-востоку). До безопасного Кале оставалось пройти 60 миль (96 км) на север.

Однако французы придерживались вполне разумного плана, лишенного героизма, но практичного. Они медленно отходили, не вступая в соприкосновение с англичанами, и позволяли климату и болезням довершить то, что началось во время осады Арфлера. (То же самое сделали русские четыреста лет спустя, преследуя отступавшего от Москвы Наполеона; если такая стратегия действует, то действует безотказно.)

Когда англичане достигли Соммы, выяснилось, что мосты через реку сожжены, а на другом берегу их ждет французская армия.

Если бы англичане решили переплыть быструю и холодную реку, то уцелевшим пришлось

бы вступить в бой сразу же, как только они выбрались бы на берег.

Это было невыполнимо. Чрезвычайно осторожному Генриху нужно было найти другой способ форсировать реку. Он направился вверх по течению, пытаясь найти брод. Далее случилось самое худшее, что может быть на войне. Запасы продовольствия иссякли, но англичане по-прежнему опасались опустошать деревни. У них не было четкой цели, потому что бродов они не знали, каждый день марша вверх по течению удалял их все дальше и дальше от Кале, и силы солдат таяли.

Более того, англичане не сомневались, что силы французов, находившихся на другом берегу реки, только прибывают. Французов вполне устраивало (по крайней мере, на данный момент), что обе армии разделяет река. Они шли параллельным курсом, также не делая попыток форсировать реку, и ждали, пока вторгшиеся англичане не погибнут от болезней.

Англичане миновали Амьен, расположенный в 30 милях (48 км) выше Аббевиля, но безопасного места для переправы так и не нашли. К 18 октября они одолели еще 24 мили (38 км), добрались до Неля и наконец нашли брод. Добираться до

него нужно было через болото, но они разобрали несколько домов, соорудили грубую деревянную гать и в ту же ночь форсировали Сомму.

Именно этот подвиг и имеет в виду король Карл: французы опростоволосились. Они не верили в то, что англичане смогут воспользоваться этим бродом, и французская армия оказалась совсем не там, где нужно. Если бы французы узнали о переправе, то смогли бы атаковать армию Генриха в тот момент, когда та была разделена рекой на две части, и тогда они, несомненно, разгромили бы англичан.

В конце концов англичане оказались на правом берегу Соммы, не понеся при этом потерь. Но теперь они находились более чем в 90 милях (150 км) от Кале. Пять дней тяжелого марша удалили их от цели еще на 30 миль (48 км), а путь к желанному Кале был перекрыт огромной французской армией.

В такой ситуации шансы Генриха на спасение равнялись нулю. Если бы французы не потеряли голову и продолжили свою выжидательную тактику, ограничиваясь мелкими стычками, Генрих наверняка потерпел бы поражение.

«…На острове зубчатом Альбиона»

К несчастью для французов, выжидательная тактика не приносила славы. В конце концов, они были средневековыми рыцарями, и им было тяжело придерживаться ее. У рыцарей были тяжелые доспехи, могучие кони, толстые копья и подавляющее численное превосходство над измученной горсткой пехотинцев и лучников.

Зачем же в такой ситуации избегать сражения? Риска никакого, дело верное. После того как Генрих форсировал Сомму, коннетабль проанализировал вновь сложившуюся ситуацию и решил одержать блестящую победу. Он говорит королю Карлу:

> И коль теперь мы не сразимся с ним,
> Во Франции не жить нам, государь;
> Покинем все и варварам пришельцам
> Мы виноградники свои уступим.

Акт III, сцена 5, строки 2–4

Остальные французские полководцы пытаются перещеголять друг друга, понося Англию и англичан. Несомненно, шекспировская публика, хорошо знавшая, чем кончится дело, получала от

этого удовольствие. С каждой новой насмешкой и оскорблением ее ожидание справедливого возмездия только усиливалось, тем более что Шекспир сознательно затягивал это ожидание. Например, герцог Бретонский говорит:

> Коль мы его не сможем
> Остановить, я герцогство продам
> И ферму грязную себе куплю
> На острове *зубчатом* Альбиона.

Акт III, сцена 5, строки 11–14[154]

Альбион — древний синоним Великобритании, часто используемый в поэзии. Во многих легендах происхождение этого названия объясняется существованием некоей мифической личности по имени Альбион (или Альбия), однако на самом деле все гораздо проще. Это производное от латинского слова «albus», означающего «белый». Тому, кто стоит в Кале и видит мерцающие на горизонте белые скалы Дувра, не требуется напрягать воображение, чтобы назвать остров Альбионом, то есть Белой землей.

(Несмотря на эту речь, вложенную в его уста

---

[154] Примечания: 154

В оригинале: «…на этом *уродливом захолустном* острове Альбион». В переводе эти слова произносит герцог Бурбонский. — *Е. К.*

Шекспиром, подлинный Жан (Иоанн) Бретонский, как указывалось выше, в бой не рвался и всегда приводил свои отряды слишком поздно.)

«Шарль Делабре…»

Французский король посылает к Генриху парламентера с предложением сдаться, а в случае отказа — с вызовом на битву. Потом он перечисляет многих французских полководцев и призывает их уничтожить английскую армию:

> Шарль Делабре [155], французский коннетабль,
> Вы, герцоги Бурбонский и Беррийский,
> Брабантский, Орлеанский, Алансонский,
> Бургундский, Барский; Водемон, Рамбюр,
> Жак Шатильон, Бомон, Фуа, Фоконбер,
> Гранпре, Русси, Лестраль и Бусико…

Акт III, сцена 5, строки 40–45

Список внушительный, но мрачная ирония заключается в том, что в него (согласно Холин-

---

[155] Примечания: 155
д'Альбре

шеду) вошли все те, кто в скором времени будет убит или попадет в плен после проигранного сражения, на которое их сейчас посылают.

Правда, одно имя в этом списке неуместно. Герцог Бургундский, враг арманьяков, регент французского короля и дофина, сохранял нейтралитет. Однако герцог Брабантский, брат герцога Бургундского, в список Холиншеда включен; видимо, Шекспир заметил последнее имя и добавил его к Брабантскому и Барскому (который в списке идет сразу за Брабантеким), так что все трое составили красивую аллитерацию на «б».

«С моста?»

Тем временем король Генрих и его измученное войско медленно продвигались на север. К 23 октября, через пять дней после форсирования Соммы, они одолели 50 миль (80 км) и добрались до речушки под названием Тернуаз. До Кале оставалось еще 40 миль (64 км).

Сцена начинается словами Гауэра, обращенными к его валлийскому коллеге:

Ну, как дела, капитан Флюэллен? Откуда вы? С моста?

Акт III, сцена 6, строки 1–2

Речь идет о мосте через Тернуаз, который англичане захватили и теперь переправляются по нему на другой берег. Флюэллен в свойственном ему чудаковатом стиле красноречиво описывает бой за мост, сравнивая его с битвами древних. Эксетера, командовавшего армией, он приравнивает к Агамемнону (см.: *Шекспир У.* Троил и Крессида. Акт I), а какого-то младшего офицера — к Марку Антонию[156].

Выясняется, что этот «Марк Антоний» — не кто иной, как Пистоль, который своими воинственными речами, а не славными делами сумел произвести впечатление на доверчивого Флюэллена.

«Распятие похитил…»

На сцене появляется Пистоль. Он знает, что поразил Флюэллена, и на этом основании просит оказать ему услугу:

---

[156] Примечания: 156

Антоний Марк (ок. 83–30 до н. э.) — римский политический деятель и полководец. (*Примеч. ред.)*

Фортуна Бардольфу — суровый враг:
Распятие похитил он — и будет
Повешен. Злая смерть!
Пусть вешают собак, не человека;
Веревка пусть ему не сдавит глотку.

Акт III, сцена 6, строки 40–44

У Холиншеда описан этот случай, но имя солдата не названо. Это произошло 17 октября, за день до форсирования Соммы; Холиншед включил эпизод в свою хронику, стремясь доказать, что на марше в армии царил образцовый порядок.

Было украдено распятие, которое прихожане целуют во время мессы. Стоимость этой вещи ничтожна, но для местной церкви, которую обворовал Бардольф, она наверняка представляла ценность. Вора повесили по личному приказу короля; армия вышла в поход только после окончания публичной казни.

Конечно, на солдат это произвело сильное впечатление, но еще большее впечатление это произвело на местное население. Если бы французы восстали, они просто растерзали бы несчастных английских вояк.

Пистоль просит Флюэллена заступиться за Бардольфа (которого Шекспир заставил украсть

распятие), но тот бессилен. Он — честный воин и понимает разумность приказа короля, запретившего грабеж, и суровую необходимость проведения этой казни. Валлиец говорит Пистолю, что в такой ситуации он не стал бы просить даже за родного брата. После этого взбешенный Пистоль оскорбляет Флюэллена непристойным жестом и уходит.

(Пистоль удивляет нас и начинает нравиться. Он не только заступился за друга, но ради этого не побоялся поссориться с самим грозным Флюэлленом. Ай да Пистоль!)

Входит король и спрашивает, как прошел бой. Ему отвечают, что единственная потеря — это англичанин, который обокрал церковь. Флюэллен подробно описывает Бардольфа, и мы, уже знакомые с двумя частями «Генриха IV», понимаем, что король просто не мог не узнать своего старого знакомого. Но Генрих тоже ничего не может поделать. Он объясняет, почему нужно запретить воровство и беспощадно казнить грабителей:

…ибо там, где кротость и жестокость спорят о короне, выиграет тот из игроков, который более великодушен.

Акт III, сцена 6, строки 117–119

Так что бедному Бардольфу пришел конец.

«Монжуа»

Тут к Генриху прибывает герольд от короля Карла и зачитывает длинное и благородно составленное послание, смысл которого сводится к одному: англичанам предлагают сдаться, иначе они будут уничтожены.

Генрих терпеливо слушает, а потом спрашивает парламентера, как его зовут. Тот отвечает:

Монжуа.

Акт III, сцена 6, строка 146

На самом деле это не имя, а титул. В древние времена на римских дорогах стояли небольшие холмики, указывавшие направление. Эти холмики называли Mons Jovis (холм Юпитера), поскольку Юпитер был богом гостеприимства, а, конечно, указание направления незнакомцу

было жестом гостеприимным.

Этим выражением, превратившимся у французов в «montjoie», а у англичан в «montjoy», называли все, что имеет отношение к указанию направления. Герольды на рыцарских турнирах, командуя участниками, пользовались кличем «montjoie»; в результате это слово стало официальным титулом главного герольда Франции.

«В Кале…»

Генрих с грустью честно отвечает Монжуа:

> Вернись, Монжуа, и королю скажи,
> Что битвы с ним пока я не ищу
> И предпочел бы нынче без препятствий
> В Кале вернуться.

Акт III, сцена 6, строки 148–150

В сложившихся обстоятельствах это вполне разумно, но Генрих загнан в угол; если француз настаивает, то он примет бой.

Француз настаивает — значит, битва неизбежна. Она пройдет у деревушки под названием Азенкур (Agincourt), примерно в 5 милях (8 км) от реки Тернуаз. (На современных картах Франции

это название пишется Azincourt.)

«…Свирелью Гермеса»

Французская армия расположилась прямо на дороге, перекрыв Генриху путь в Кале. Если бы он попытался продвинуться дальше, то столкнулся бы с французами и (как замыслили) был бы уничтожен. Если бы он попробовал отступить, его оборванное войско просто разбежалось бы. Если бы Генрих остался на месте, французы атаковали бы его сами.

Сейчас ночь 24 октября 1415 г. Французы абсолютно уверены, что завтрашний день станет последним для Генриха и его армии. Во французском лагере (являющемся местом действия этой сцены) царят оптимизм и нетерпение.

Дофина, изображенного Шекспиром глуповатым фатом, интересует только его конь. Он говорит:

> …земля звенит, когда он заденет ее копытом. Самый скверный рог его копыт поспорит в гармонии со свирелью Гермеса.
>
> ***Акт III, сцена 8, строки 16–18***

Это один из редких случаев, когда Шекспир использует греческое имя бога. Для него куда обычнее называть Гермеса на римский лад Меркурием.

Еще будучи ребенком, Гермес срезал камыш, росший на берегу реки, и сделал из него первую пастушескую свирель. (То же самое рассказывают о боге природы Пане, так что иногда этот музыкальный инструмент называют свирелью Пана.)

Дофин продолжает:

> Настоящий конь Персея.
>
> ***Акт III, сцена 8, строки 20–21***

Он имеет в виду Пегаса, крылатого коня из греческого мифа. На Пегасе ездил Беллерофонт, так что дофину следовало использовать имя этого героя. Но Персей тоже имел отношение к Пегасу. Персей убил чудовищную Медузу, и Пегас взвился в воздух, шарахнувшись от брызг ее крови.

«Брат Бедфорд…»

А что в это время происходит в английском лагере?

Тут все по-другому. На сцену выходит Хор и начинает четвертый акт, описывая, с какой тре-

вогой солдаты ждут наступления дня.

Король Генрих обходит лагерь и старается поднять боевой дух, демонстрируя свою уверенность. Результат этого обхода запечатлен в бессмертной строке, которую произносит Хор:

> Страх тает: каждый, знатный и простой,
> Глядит на облик Генриха в ночи…

Акт IV, Хор, строка 47

В первой сцене четвертого акта Генрих разговаривает с братьями. Он говорит:

> Да, правда, Глостер, велика опасность:
> Тем больше быть должна отвага наша.
> Брат Бедфорд, с добрым утром.

Акт IV, сцена 1, строки 1–3

На самом деле герцог Бедфорд (средний брат Генриха) в битве при Азенкуре не участвовал. Он оставался в Англии, замещая короля. В битве участвовали герцог Кларенс (старший из братьев) и герцог Глостер (самый младший брат короля). Замена Кларенса Бедфордом является результатом последующих событий. Через несколько лет Кларенс умер во Франции, но Бедфорд выжил

и стал вторым после Генриха великим английским полководцем, одерживавшим победы на континенте. Тем, кто хорошо знал историю, имя Бедфорда говорило намного больше, чем имя Кларенса, поэтому было вполне естественно сделать участником битвы при Азенкуре именно Бедфорда.

«…Сэр Томас Эрпингем»

Затем король приветствует старого военачальника, который, однако, сражается с пылом юноши:

День добрый вам, сэр Томас Эрпингем.

Акт IV, сцена 1, строка 13

Сэр Томас отвечает королю весело и любезно. На следующий день именно он будет удостоен чести дать англичанам сигнал к бою (сегодня мы сказали бы «открыть огонь»).

«В Давидов день…»

Затем король встречает Пистоля. Тот не узнает Генриха, так как король закутан в плащ и представляется валлийским офицером. (Это не совсем

ложь, поскольку Генрих родился в Монмуте — городе, расположенном на самой границе с Уэльсом и часто считающемся валлийским.)

Пистоль, все еще обиженный на Флюэллена за отказ помочь бедняге Бардольфу, свирепо говорит королю:

> Скажи ему: в Давидов день сорву я
> С его башки порей.

Акт IV, сцена 1, строки 54–55

Святой Давид — легендарный валлийский священник VI в. н. э., якобы основавший в Уэльсе множество церквей. Давид считался покровителем Уэльса, поэтому так звали многих уроженцев этой страны. На валлийском диалекте это имя произносится как Таффид, а уменьшительное от него — Таффи. Поэтому каждый валлиец — это Таффи; известный английский детский стишок начинается строчкой: «Таффи был валлийцем; Таффи воровал…»

О святом Давиде рассказывают, что в 540 г., накануне битвы валлийцев с саксами, Давид посоветовал валлийцам прицепить к шапке веточку порея, чтобы отличать своих от чужих. (Военная форма, предназначенная для той же цели, появилась позже.) Это помогло валлийцам

одержать победу. Предполагают, что порей выбрали в качестве эмблемы потому, что сражение должно было произойти на поле, где этого порея было видимо-невидимо.

У валлийцев возник обычай: в День святого Давида, отмечаемый 1 марта, прицеплять к головному убору порей. Во-первых, таким образом они отличали своих от саксов; Во-вторых, утверждали свою национальную принадлежность даже после того, как веками находились под чужеземным игом. Этот обычай очень напоминает другой, куда более распространенный (во всяком случае, в Америке), когда в День святого Патрика ирландцы прикрепляют к одежде изображение трилистника.

Угроза сбить с шапки порей в День святого Давида была оскорбительна не только для данного человека, но и для всех валлийцев. Она должна была подействовать на Флюэллена как красная тряпка на быка.

«В лагере Помпея...»

Пистоль уходит, но король остается на сцене и незаметно подслушивает разговор вошедших Гауэра и Флюэллена. Не успевает Гауэр открыть рот, как Флюэллен шикает на него и тут же при-

водит исторический пример:

> Если вы потрудитесь изучить войны Помпея Великого, уверяю вас, вы увидите, что в лагере Помпея никогда не было никакой болтовни и трескотни.

Акт IV, сцена 1, строки 68–71

Помпей Великий больше всего известен не своими победами, а тем, что его разбил Юлий Цезарь. Для педанта Флюэллена характерно, что он ставит Помпея выше Цезаря.

Флюэллен производит на короля сильное впечатление. И он, и публика понимают, что валлиец хоть и чудак, но очень достойный человек.

«Если дело короля неправое…»

Затем король сталкивается с тремя простыми солдатами: Джоном Бетсом, Александером Кортом и Майклом Уильямсом. Они подавлены и со страхом ждут того, что им готовит грядущий день.

Майкл Уильямс, самый речистый из них, даже дерзает вслух усомниться в справедливости этой войны. Он говорит:

Да, но если дело короля неправое, с него за это взыщется, да еще как. Ведь в судный день все ноги, руки, головы, отрубленные в сражении, соберутся вместе…

Акт IV, сцена 1, строки 136–139

Иными словами, в Судный день обнаружится, что многие солдаты умерли во грехе, а поскольку они погибли, выполняя приказ короля, то отвечать за это придется именно ему.

Король (притворяясь простым солдатом) спорит с Уильямсом, утверждая, что каждый сам отвечает за собственную душу и не должен сваливать свои грехи на других.

Уильямс мрачно возражает, что король не стал бы так уверенно посылать своих людей в бой, если бы не знал, что, в случае если он проиграет сражение и попадет в плен, его освободят за выкуп. Когда Генрих говорит, что слышал, будто король не позволит выкупать себя (иными словами, будет сражаться до конца), Уильямс цинично отвечает:

Ну да, он сказал это нарочно, чтобы мы лучше дрались; но, когда всем нам перережут глотку, все равно его выкупят, а нам от этого лучше не будет.

Акт IV, сцена 1, строки 197–199

Для его цинизма есть все основания. В битве при Пуатье французские солдаты умирали тысячами, в то время как король Иоанн Французский сидел в уютном шатре вражеского полководца и дожидался выкупа.

Самой ужасной особенностью средневековых войн было то, что аристократов, являвшихся зачинщиками войн и предводителями отрядов, очень редко убивали. Их брали в плен учтиво, по рыцарским правилам, обращались с ними вежливо и освобождали за выкуп (в конце концов, сегодняшний победитель мог оказаться пленником в следующей битве), в то время как плохо вооруженных или вовсе безоружных крестьян, сражавшихся только за собственную жизнь, убивали без всякой пощады, потому что у них не было денег на выкуп.

Король (все еще в обличье простого солдата) отвечает с таким жаром, что вспыхивает ссора. Конечно, сейчас не до драки, но соперники со-

глашаются встретиться после битвы. В знак этого они обмениваются перчатками и договариваются носить их на шапках, чтобы узнать друг друга. Уильямс злобно говорит:

> Я буду тоже носить ее на шапке; и, если ты подойдешь ко мне завтра после битвы и скажешь: «Это моя перчатка», — клянусь рукой, я влеплю тебе пощечину.
>
> ***Акт IV, сцена 1, строки 218–221***

«На сегодня, Боже, позабудь...»

Хотя на людях король держится уверенно, но, когда остается один, его начинают грызть сомнения и чувство вины. Как и его отец (см.: Шекспир У. Генрих IV. Акт III, сцена 1), Генрих завидует простым людям, которые могут спать спокойно, в то время как заботы не дают королю сомкнуть глаз.

Внезапно Генрих решает, что происходящее может быть наказанием за грехи, и он молит Небо:

> На сегодня,
> О, на сегодня, Боже, позабудь
> Про грех отца — как он добыл корону!
> Прах Ричарда я царственно почтил,

И больше горьких слез я пролил,
Чем крови вытекло из жил его.

Акт IV, сцена 1, строки 297–302

Тема, объединяющая четыре пьесы (начиная с «Ричарда II»), достигает своего апогея. Если над Плантагенетами продолжает тяготеть проклятие, которое последовало за убийством Томаса Глостера (см. в гл. 6: «…Герцог Норфольк), то армия Генриха будет уничтожена, сам он погибнет, и это станет последним ударом. В Англии снова вспыхнет гражданская война. Воспользовавшись хаосом, французы, стремящиеся отомстить, вторгнутся в страну и завоюют ее — иными словами, сделают то, что сейчас пытается сделать сам Генрих.

Но даже если армия Генриха одержит победу, будет ли это означать, что смерть Томаса Глостера наконец искуплена и Англия прощена?

Торжественное перезахоронение останков Ричарда, оплакивание его праха, покаяние и (как подробно описывает Генрих) благотворительные мероприятия в его честь могли быть проявлением искреннего сожаления; есть все причины предполагать, что Генрих любил Ричарда II скорбел о его судьбе. Возможно, он пытался таким

образом умилостивить Небеса. Кроме того, это было разумной политикой. Публичное покаяние могло убедить английский народ, боявшийся, что Генриха накажет Бог, и помешать воинственным баронам воспользоваться отсутствием короля и, используя в своих целях призрак Ричарда, поднять новый мятеж.

«...Тысяч шестьдесят»

Наступил рассвет. Войска заняли позиции. Шансы неравны. Уэстморленд говорит о французах:

> Их будет тысяч шестьдесят бойцов.
>
> ***Акт IV, сцена 3, строка 3***

А Эксетер отвечает:

> Да, по пяти на одного — и свежих.
>
> ***Акт IV, сцена 3, строка 4***

Иными словами, двенадцати тысячам англичан, измученных тяжелым маршем, противостоят шестьдесят тысяч отдохнувших французов. Возможно, эти данные преувеличены (в некоторых английских источниках соотношение

вообще оценивается как десять к одному), но, по самой минимальной оценке, у французов было тройное превосходство, что тоже немало.

«…Мой Солсбери!»

На сцене впервые появляется некий английский лорд. Он произносит смелую речь и уходит к своему отряду, после чего Бедфорд говорит:

Прощай, мой Солсбери! Желаю счастья.

Акт IV, сцена 3, строка 11

Речь идет о Томасе Монтекьюте, четвертом графе Солсбери. Он сын того самого Джона Солсбери, который пытался собрать в Уэльсе армию для Ричарда II (см. в гл. 6: «Милорд, мы ожидали десять суток…») и был до конца предан своему королю.

Солсбери — старший был видным лоллардом (см. в гл. 7: «Ну, Хэл…») и в 1400 г. погиб, растерзанный толпой католиков. Теперь Солсбери-младший преданно служит сыну человека, с которым воевал его отец, и королю, уничтожившему лоллардизм. Назовем это патриотизмом.

«…День святого Криспиана»

Входит король и успевает услышать слова Уэстморленда, жалеющего, что часть армии осталась в Англии; ее присутствие позволило бы немного улучшить соотношение сил. После этого Генрих произносит прекрасный монолог, доказывая, что солдат должно быть не больше, а меньше. Если их ждет поражение, то потеря не нанесет Англии особого вреда, а если они победят при значительном меньшинстве, то тем больше славы выпадет на долю их страны. Он говорит:

> Но, если грех великий — жаждать славы,
> Я самый грешный из людей на свете.
>
> ***Акт IV, сцена 3, строки 28–29***

Тут Генрих играет роль Хотспера (см. в гл. 7: «Для стяжанья славы…»), но делает это с большей осмотрительностью и терпением.

Король продолжает:

> Сегодня День святого Криспиана…
>
> ***Акт IV, сцена 3, строка 40***

Согласно легенде, возникшей не позднее VIII в. н. э., в Риме жили два брата-христианина, Криспин и Криспиан. Во время преследований христиан при римском императоре Диоклетиане братья бежали в Суассон на территории Галлии (ныне Франции) и зарабатывали себе на жизнь шитьем обуви. Но в 286 г. их схватили и обезглавили; видимо, это случилось 25 октября, потому что именно в этот день отмечают их память. Отсюда следует, что битва при Азенкуре состоялась 25 октября 1415 г.

«О горсточке счастливцев…»

Далее Генрих предсказывает, что все участники этой битвы будут с гордостью вспоминать о ней до конца своих дней, и заканчивает монолог проникновенными словами:

> С ним сохранится память и о нас —
> О нас, о горсточке счастливцев, братьев.
> Тот, кто сегодня кровь со мной прольет,
> Мне станет братом; как бы ни был низок,
> Его облагородит этот день;

И проклянут свою судьбу дворяне,
Что в этот день не с нами, а в кровати:
Язык прикусят, лишь заговорит
Соратник наш в бою в Криспинов день.

Акт IV, сцена 3, строки 60–67

Неужели Генрих действительно был настолько уверен, что в этом неравном бою англичане победят? Или этот монолог сочинил человек, заранее знавший результат сражения? Речь Генриха Шекспир не выдумал (просто гениально улучшил стиль); она изложена у Холиншеда. Однако Холиншед и сам писал о битве, уже зная, чем она закончилась.

С другой стороны, все указывает на то, то Генрих V действительно был талантливым полководцем. На рассвете он тщательно изучил поле боя, оценил силы французов и составил план сражения. Возможно, король действительно считал, что у него есть хорошие шансы на успех. Если так, то (как нам вскоре предстоит убедиться) он не ошибся.

«…Шкуру льва»

Главный герольд Франции прибывает снова и предлагает англичанам сдаться. С точки зрения

французов, только так Генрих сможет сохранить жизнь. Король спокойно, но гордо отвечает, что сначала нужно одержать победу, а уже потом решать, что делать с разбитыми англичанами. Он говорит:

> Был человек: он продал шкуру льва
> Еще живого — и убит был зверем.

Акт IV, сцена 3, строки 93–94

Это цитата из Библии. Именно так израильский царь Ахав, очутившийся в подобной ситуации, ответил на требование сирийцев сдаться: «…скажите: пусть не хвалится подпоясывающийся, как распоясывающийся» (3 Цар., 20: И).

Далее Генрих говорит, что его убитые солдаты будут мстить французам и после смерти. Говоря о будущих трупах англичан, он пророчит:

> …солнце их пригреет
> И вознесет их доблесть к небесам,
> Останки ж их отравят воздух ваш
> И разнесут по Франции чуму.

Акт IV, сцена 3, строки 100–103

Слышать такие ужасные слова от короля-рыцаря крайне неприятно; можно догадаться, что

Шекспир вновь выражает свое отвращение к войне и ее ужасам.

«…Поручить передовой отряд»

К королю устремляется герцог Йоркский и говорит:

> О государь, молю вас
> Мне поручить передовой отряд.

Акт IV, сцена 3, строки 130–131

Это тот самый Омерль, друг покойного Ричарда II; пятнадцать лет назад он участвовал в заговоре против Генриха IV. Всего несколько месяцев назад его младший брат граф Кембридж устроил заговор против самого Генриха V и был за это повешен.

Возможно, герцог Йоркский делает этот благородный жест, стремясь искупить как собственные былые грехи, так и грехи брата и не попасть в опалу.

«…Обоих повесили»

Битва начинается комической сценой между хвастуном Пистолем и испуганным французским

пленником. Пистоль требует выкуп, но оба не знают языка друг друга, а потому ничего не понимают.

Мальчик (бывший паж Фальстафа) вынужден взять на себя роль переводчика. Конечно, в это время он уже не может быть мальчиком. Он стал пажом Фальстафа сразу после битвы при Шрусбери, которая состоялась в 1403 г., а сейчас идет 1415–й. Если мальчику, сопровождавшему Фальстафа в начале второй части «Генриха IV», тогда было восемь лет, то сейчас ему двадцать.

Однако Шекспира не интересует хронология; у него мальчик еще недостаточно вырос, чтобы принимать участие в боевых действиях. Здесь ему лет двенадцать-тринадцать.

Наконец француз понимает, что от него требуется, и уходит вместе с Пистолем. Оставшийся в одиночестве Мальчик презрительно говорит о Пистоле:

Бардольф и Ним были в десять раз храбрее этого рыкающего дьявола из старинной комедии, — которому, однако, всякий может обрезать когти деревянным кинжалом, — а все-таки их обоих повесили. Да и с ним, наверно, то же случится, если у него хватит храбрости что-нибудь стибрить.

Акт IV, сцена 4, строки 72–77

Мы уже знаем, что Бардольфа повесили за кражу распятия, но впервые слышим, что Нима повесили тоже. Можно догадаться, что это было наказанием за дезертирство.

Затем Мальчик говорит, что его, как и остальных подростков, отрядили охранять обоз, потому что все взрослые мужчины отправлены в строй; англичан слишком мало, чтобы способные носить оружие занимались второстепенными делами.

«Все погибло!»

Тут мы молниеносно перемещаемся во французский лагерь. Царившая здесь прежде почти истерическая уверенность в победе вдруг смени-

лась глубочайшим отчаянием. Герцог Орлеанский кричит коннетаблю:

> O Seigneur! Le jour est perdu, tout est perdu!
>
> ***Акт IV, сцена 5, строка 2***

Это значит: «О боже! Погиб день! Все погибло!»

Что случилось? Почему французы потерпели поражение, когда казалось, что преимущество целиком на их стороне?

Ни у Шекспира, ни у елизаветинской публики вопросов не возникало. В конце концов, французы численно превосходили англичан только в пять раз, а в те времена англичане свято верили, что один английский солдат равняется по меньшей мере пяти несчастным французам, так что, естественно, англичане победят.

Но нам этого недостаточно — впрочем, как и современному англичанину. Французы — такие же храбрые солдаты, как и все прочие, и проявляли свою храбрость столько раз, что нет смысла повторять это. Достаточно сказать, что в конце концов они изгнали англичан из Франции.

Но в таком случае что же произошло при Азенкуре?

Если принять во внимание все факторы, то

окажется, что преимущество было вовсе не на стороне французов.

Во-первых, слишком самоуверенные французы во главе с бездарными полководцами сами отказались от своего главного преимущества — значительного численного превосходства, — решив сражаться фронтом, не превышавшим в ширину километра, поскольку с обоих флангов его прикрывали густые леса. В результате англичане имели дело с передовой линией, не превосходившей по численности их собственную.

Конечно, у французов были огромные резервы, но в данном случае это не сыграло никакой роли.

Главной ударной силой французской армии были тяжеловооруженные рыцари. Могучие лошади, прикрытые броней и несущие на спине рыцаря в латах, во время атаки представляют собой огромную массу, но могла ли состояться эта атака? Земля была пропитана влагой: бесконечные дожди, причинившие столько неудобств армии Генриха и сделавшие ее передвижение сплошным кошмаром, превратили почву в непролазную грязь. Поле боя представляло собой настоящее болото. Когда наступило время атаки,

кавалерия остановилась: лошади просто не могли вытащить копыта из вязкой глины.

Напротив, английская армия, состоявшая исключительно из пехотинцев, сохранила подвижность. Более того, эта пехота состояла главным образом из опытных лучников, умело обращавшихся с длинными луками. Длинные и тяжелые стрелы летели с огромной скоростью и пробивали латы при выстреле с удивительно большого расстояния. (Даже сейчас многие из нас знают, какой звук издают в полете длинные стрелы. Наверно, лучшая сцена фильма, снятого по этой пьесе сэром Лоуренсом Оливье, — та, в которой стрелы со свистом взлетают в небо. От этого звука кровь застывает в жилах.)

Смертоносные стрелы вонзались в плотные французские шеренги, которые с трудом трогались с места. Когда хаос в рядах французов достиг апогея, Генрих послал вперед пехотинцев, вооруженных боевыми топорами и мечами. Началась бойня, в которой у французов не было ни единого шанса на победу.

Даже если бы им удалось начать конную атаку (чего не случилось), это не принесло бы им успеха. Генрих окружил своих лучников копьеносцами, которые воткнули толстые концы копий в землю

и направили острые наконечники вверх. Атака захлебнулась бы, как только на них налетели бы первые лошади.

Мог ли Генрих предвидеть такой ход битвы?

А почему же нет? Разве трудно заметить, что поле боя недостаточно широко, а земля превратилась в непролазную грязь? Разве трудно предугадать исход сражения между искусными лучниками и тяжелыми, неповоротливыми всадниками? Конечно, Генрих прекрасно помнил блестящие победы, которые английские лучники неизменно одерживали над шотландской кавалерией в течение последних двадцати лет.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Генрих сохранял самообладание, хотя ситуация складывалась не в его пользу. В этом свете не выглядит парадоксальным даже утверждение короля, что он предпочел бы иметь меньше солдат; тогда психологический эффект подобной победы был бы еще сильнее.

Действительно, битва при Азенкуре стала самой знаменитой победой в истории Англии вплоть до битвы за Британию 1940 г. Прошли годы, прежде чем французы сумели оправиться от этой катастрофы и понять, что они способны сражаться с англичанами на равных.

«Сеффолк, благородный граф»

Потери англичан были ничтожны: из знатных вельмож погибли только двое. Один из них — герцог Йоркский, который просил поручить ему командование авангардом. Король Генрих спрашивает о его судьбе, и Эксетер отвечает, что Йорк мертв:

> …рядом с ним,
> Товарищ верный по кровавым ранам,
> Лежит и Сеффолк, благородный граф.
>
> ***Акт IV, сцена 6, строки 8–10***

Так закончил свою жизнь Омерль из «Ричарда II». Что же касается графа Суффолка[157], то Холиншед включил его в список потерь, но мне не удалось узнать больше об этом человеке.

«…Пленников своих убьет!»

Однако у ошеломляющей победы при Азенкуре был один недостаток. У каждого англичанина оказалось слишком много пленных, которых отпускали за выкуп. Когда английским военачаль-

---

[157] Примечания: 157
в переводе — Сеффолк. — *Е. К.*

никам показалось, что французы опомнились или ввели в бой свежие силы, англичане были вынуждены избавиться от всего, что мешало им сражаться. Их было слишком мало, чтобы выделить людей для охраны пленников; но без конвоиров те могли бежать и присоединиться к своим.

Поэтому король Генрих был вынужден принять решение необходимое, но достойное сожаления:

> Рассеянные силы враг собрал.
> Пусть каждый пленников своих убьет!
> Отдать приказ.
>
> ***Акт IV, сцена 6, строки 36–38***

Это неслыханно жестокое распоряжение было вызвано ошибочным впечатлением, что французы в силах продолжать сражение. На самом деле противник был не способен на это, так что пленникам можно было спокойно сохранить жизнь и получить за них выкуп.

Сами англичане, не позволяющие никому умалять славу победы при Азенкуре, тем не менее ощущают неловкость и пытаются оправдать такой приказ. Его отдали в горячке боя и якобы в ответ на зверства французов; позже возникла легенда о том, что бежавшие с поля боя французские

солдаты, разозленные поражением, разграбили английский обоз и перебили всех защищавших его мальчиков.

Шекспир тоже не пользует это объяснение. На сцену выходят Гауэр и Флюэллен, и Гауэр говорит:

> Да, ни одного мальчика не оставили в живых. И резню эту устроили трусливые мерзавцы, бежавшие с поля битвы!
>
> ***Акт IV, сцена 7, строки 5-7***

Поскольку Мальчик ранее упомянул, что его отправили охранять обоз, можно догадаться, что он тоже погиб. Значит, с пажом Фальстафа и Робином из «Виндзорских насмешниц» мы тоже должны проститься.

Однако этот предлог для оправдания зверского приказа не так убедителен, как может показаться на первый взгляд. Согласно последним данным, преступление совершили не французские солдаты, а местное гражданское население, воспользовавшееся сражением, чтобы напасть на лагерь.

Но сейчас дело не в этом. Одобряет ли сам Шекспир убийство пленников, даже если для этого была причина? Или считает это чудовищной же-

стокостью, неразрывно связанной с войной? Если верно последнее предположение, то он не может сказать об этом открыто; в конце концов, речь идет о великой и славной битве при Азенкуре и короле-рыцаре Генрихе V. Публика ни за что не простила бы автора, а Шекспир был не из тех, кто дерзал бросать ей вызов.

Но для этого и существует эзопов язык. Шекспир вкладывает в уста Гауэра, описывающего смерть мальчиков, следующие слова:

> И король поступил вполне справедливо, приказав, чтобы каждый перерезал глотку своему пленнику. О, наш король молодец!
>
> ***Акт IV, сцена 7, строки 8–11***

Конечно, слово «справедливо»[158] здесь не к месту. Король мог поступить так «сгоряча», «с горя», «от обиды» и даже «со зла», но слово «справедливо» в данном контексте звучит саркастически. А слово «молодец»[159] — и подавно.

В этой ситуации Шекспир по мере сил стре-

---

[158] Примечания: 158
в оригинале: «достойно». — *Е. К.*

[159] Примечания: 159
в оригинале: «О, наш галантный (или храбрый) король!» — *Е. К.*

мится показать, что война губит все, к чему прикасается, и делает чудовищем даже великодушного и человечного короля.

«…Александр Большой?»

Сразу за репликой Гауэра об убийстве пленников и «справедливом» и «галантном» короле следует фраза Флюэллена, как всегда сравнивающего современных воинов с воинами древности. Флюэллен говорит, что король Генрих родился в Монмуте (что делает последнего валлийцем если не по крови, то по месту рождения), а затем спрашивает:

> Скажите, как называется город, где родился Александр Большой?
>
> ***Акт IV, сцена 7, строки 13–14***

Гауэр тут же поправляет его (не Большой, а Великий), но нетерпеливый Флюэллен только отмахивается; для него «великий» и «большой» — синонимы. В публике раздается легкий смешок, потому что Флюэллен по валлийской привычке произносит «б» как «п», после чего «Александр Большой» (big) превращается в «Александр Свинья» (pig). Но что, если Шекспир вставил эту фразу

не только для увеселения публики? Не намекает ли он, что даже в идеальном воине и величайшем из завоевателей Александре Македонском было что-то свинское?

И случайно ли, что после этого Флюэллен сравнивает Генриха с Александром?

«…Своего лучшего друга Клита»

У Александра и Генриха действительно много общего (см. в гл. 10: «Узел гордиев…»). Однако Флюэллен начинает сравнение нелепой фразой о том, что и в Монмуте (месте рождения Генриха), и Македонии (месте рождения Александра) есть река

> …и в обеих водятся лососи.
>
> ***Акт IV, сцена 1, строка 32***

Но потом валлиец собирается с мыслями и произносит что-то очень важное:

Александр, как Богу и вам известно, в гневе, в ярости, в бешенстве, в исступлении, в недовольстве, в раздражении и в негодовании, а также в опьянении, напившись эля и разъярившись, — как бы это сказать, — убил своего лучшего друга Клита.

Акт IV, сцена 1, строки 35–41

Это случилось на пиру в 327 г. до н. э. в Мараканде (нынешний Самарканд), после победы Александра над персами, когда он достиг самого дальнего, северо-восточного конца Персии. У Александра кружилась голова от успеха; его называли богом, и он сам начинал верить в это. Кроме того, великий полководец слишком много пил.

Александр благосклонно слушал льстецов, которые воспевали его завоевания, намного превосходившие, как ему говорили, достижения его отца, Филиппа Македонского.

Клит, друг детства Александра, спасший ему жизнь во время первого сражения в Азии, слушал эти речи с нараставшим гневом. Сам изрядно пьяный, он принялся защищать Филиппа, нападая на Александра. Разгневанный Александр схватил копье, метнул его в Клита и убил на месте.

Гауэр сердито говорит, что этот случай не имеет никакого отношения к Генриху, и тут Флюэллен напоминает ему об изгнании Фальстафа. Конечно, сравнение притянуто за уши, однако оно наводит валлийца на новую мысль.

Почему он выбрал для сравнения самый неприятный эпизод из жизни великого полководца? Зачем подчеркивать, что Александр дал волю гневу под влиянием выпитого? Не затем ли, чтобы заставить нас понять, что Генриху ударил в голову хмель победы?

Может быть, это намек на убийство пленных? Может быть, Шекспир хочет исподволь подвести публику к этому выводу, используя окольные пути?

Версия очень правдоподобная. Тем более что сразу после реплики Флюэллена на сцену выходит разъяренный король (видимо, узнавший об избиении мальчиков в обозе), так что аналогия с разъяренным Александром становится вполне доступной, и говорит:

> Не гневался во Франции ни разу
> Я, как сейчас.
>
> ***Акт IV, сцена 1, строки 57–58***

А затем — совершенно излишне с точки зрения

сюжета, но в полном соответствии с намерением Шекспира — Генрих повторяет свой страшный приказ. Он говорит:

> К тому ж мы перережем глотку пленным,
> Не пощадим и одного из тех,
> Кого еще возьмем.

Акт IV, сцена 7, строки 65–67

Он приказывает сообщить это тем французам, которые еще не покинули поле боя.

«…Где рос порей»

После окончания битвы Флюэллен подходит к королю Генриху и говорит:

> С разрешения вашего величества, я читал в хрониках, что ваш прославленный прадед, равно как и ваш двоюродный дед, Эдуард, Черный принц Уэльский, также одержал во Франции блистательные победы.

Акт IV, сцена 7, строки 94–98

Он может иметь в виду только битву при Креси.

Кстати, оба этих сражения состоялись в одной местности. Креси находится всего в 20 милях (32 км) к северо-западу от Азенкура.

Флюэллен продолжает описывать подробности того давнего боя:

> …уэльсцы весьма отличились в огороде, где рос порей, а потому украсили свои монмутские шапки пореем…
>
> ***Акт IV, сцена 7, строки 101–103***

Это придает обычаю носить на шапках порей патриотический оттенок. Флюэллен (конечно, по ошибке) заменяет сражение с саксами сражением с французами. Более того, он называет всех валлийцев монмутцами, потому что в Монмуте родился Генрих.

Поэтому, когда Флюэллен просит короля в Давидов день прицепить к шапке веточку порея, Генрих соглашается и добавляет:

> Ведь я уэльсец[160], добрый мой земляк.
>
> ***Акт IV, сцена 7, строка 108***

Валлиец он только в том смысле, что родился в

---

[160] Примечания: 160
валлиец — *Е. К.*

Монмуте, но смысл его признания намного шире: после этой великой победы Уэльс и Англия стали одной страной.

Но какие-то разногласия все же остаются. Флюэллен, гордый тем, что король считает себя валлийцем, ведет себя так, словно это честь не для Уэльса, а для самого Генриха. Он говорит с королем покровительственно и даже немного свысока:

> Слава богу, мне нечего стыдиться вашего величества, пока ваше величество честный человек.
>
> ***Акт IV, сцена 7, строки 116–118***

Король отвечает ему вежливо и учтиво, но вполне вероятно, что таким способом Шекспир хочет сказать, что даже Генрих V не всегда проявляет честность и доброту, а если так, то можно стыдиться знакомства даже с королем-героем.

«Когда мы в схватке с герцогом Алансонским…»

Входит Уильямс — тот самый солдат, который обменялся перчатками с королем, приняв его за простого солдата.

Генрих, желая подшутить над вспыльчивым Флюэлленом (или отомстить за сомнение в честности короля?), передает ему перчатку, полученную ночью, и говорит валлийцу:

> Вот, Флюэллен, носи этот залог вместо меня на своей шапке. Когда мы в схватке с герцогом Алансонским свалились на землю, я сорвал эту перчатку с его шлема.

Акт IV, сцена 7, строки 155–158

Здесь Шекспир следует традициям Гомера и легендам о битве при Азенкуре, возникшим позже. Говорили, что Генрих сошелся в поединке с Жаном (Иоанном) Алансонским, произведенным в герцоги меньше года назад. Легенда гласит, что Генрих был выбит из седла и неминуемо погиб бы, если бы вовремя подоспевший телохранитель не убил Алансона. Генрих якобы хотел сохранить Алансону жизнь, но не смог остановить разъяренного охранника.

Дед Жана, Шарль (Карл) Алансонский, был братом короля Филиппа VI Французского и погиб в битве при Креси.

Флюэллен соглашается носить перчатку; при этом валлийца предупреждают, что человек, который попытается его ударить, друг герцога

Алансонского и, следовательно, враг.

«Лорд Уорик…»

Генрих хочет всего-навсего пошутить; ему не нужны неприятности. Поэтому требуется, чтобы кто-то присутствовал при потехе. Он говорит:

> Прошу вас, брат мой Глостер и лорд Уорик,
> За Флюэлленом следом вы идите…

Акт IV, сцена 7, строки 173–174

Уорик уже играл эпизодическую роль во второй части «Генриха IV», но в этой пьесе ему уделено еще меньше внимания.

Флюэллен встречается с Уильямсом, и тот бьет его. Вспыльчивый валлиец, выйдя из себя, лезет в драку, но король разводит их в стороны и раскрывает правду.

Уильямс держится гордо и уверенно, говорит, что король сам представился ему простым солдатом, а потому получил то, что заслуживал. Король признает справедливость его доводов и награждает упрямого Уильямса перчаткой, набитой кронами; щедрый Флюэллен добавляет к этому подарку целый шиллинг.

«…Французов в поле десять тысяч»

Тем временем герольды обходят поле боя и составляют то, что сегодня называется бодикаунт (прямой подсчет человеческих потерь). Эксетер докладывает, что среди знатных пленных находится

> Карл, герцог Орлеанский, — королю
> Племянник он…

Акт IV, сцена 8, строка 78

Взятого в плен Карла (Шарля) Орлеанского отвезли в Англию, где он провел двадцать пять лет. Однако обращались с герцогом в соответствии с его положением, и он жил в покое и уюте, сочиняя стихи для собственного удовольствия.

Во время битвы при Азенкуре ему было двадцать один год; на родину герцог вернулся только в 1440 г. пожилым (по тогдашним понятиям) человеком. Возвращаться во французскую политику у Шарля уже не было сил, поэтому он жил как частное лицо и оказывал покровительство поэтам.

В каком-то смысле последнее слово осталось за Карлом Орлеанским. Сын Карла в свое время

стал французским королем; в отличие от него сын Генриха перед смертью лишился не только французской, но и английской короны.

Правда, до этого еще далеко. Король Генрих, выслушав имена пленников, говорит:

> Легло французов в поле десять тысяч, —
> Так в списке значится…

Акт IV, сцена 8, строки 82–83

Ему передают список убитых титулованных дворян, приведенный Холиншедом, а также список убитых англичан. Король Генрих зачитывает его вслух:

> Граф Сеффолк[161], герцог Йоркский Эдуард,
> Сэр Ричард Кетли, Деви Гем, эсквайр;
> И больше знатных нет, а прочих всех —
> Лишь двадцать пять.

Акт IV, сцена 8, строки 105–108

Соотношение двадцать пять к десяти тысячам

---

[161] Примечания: 161
Суффолк — *Е. К.*

кажется невероятным, однако такое случалось даже в более поздние времена, когда учет потерь вели намного более тщательно. Например, в битве у Нового Орлеана, состоявшейся 8 января 1815 г. (через четыреста лет после битвы при Азенкуре), роли переменились: англичане, сражавшиеся с американцами, потеряли больше двух тысяч человек, в то время как у американцев было восемь убитых и тринадцать раненых.

Однако сам Холиншед указывает, что цифра двадцать пять явно занижена и что на самом деле потери англичан составили от пятисот до шестисот человек. кое-кто даже доказывает, что потери доходили до тысячи шестисот. Однако в самом худшем для англичан случае соотношение их потерь к потерям французов составило один к десяти.

«Твоя десница, Боже…»

Ознакомившись со списком потерь, Генрих восклицает:

> Твоя десница, Боже,
> Свершила все! Не мы, твоя десница…
>
> ***Акт IV, сцена 8, строки 108–110***

Накануне битвы Генрих просил Бога не карать его за свержение Ричарда II, и Бог ответил. Таким образом, тетралогия, начинающаяся «Ричардом II» и заканчивающаяся «Генрихом V», посвящена преступлению, наказанию и прощению; Англия еще раз получает отпущение грехов и достигает (или почти достигает) залитой солнцем вершины славы и процветания.

(Конечно, это пребывание оказалось временным. В истории нет ничего постоянного.)

«...Потом — в свою страну»

После окончания битвы Генрих может направиться с войском в Кале. Конечно, его солдаты уже ничем не напоминают беглецов, пытавшихся ускользнуть от французов и зализать раны, это самая победоносная армия, которую когда-либо видела Англия.

Однако материально эта победа ничего Англии не дала. Армия ее изрядно поредела численно, была измучена болезнями и не могла оставаться во Франции. Но в данный момент она получила возможность благополучно добраться до Кале.

Однако этих солдат окружал ореол славы. Кто теперь будет подсчитывать потери и понесенные расходы? Генрих с восторгом произносит:

…в Кале; потом — в свою страну.
Счастливей нас никто не вел войну.

Акт IV, сцена 8, строки 127–128

Они добрались до Кале 29 октября, через четыре дня после битвы при Азенкуре и через три недели после выхода из Арфлера.

«…Навстречу цезарю-победоносцу»

Английская армия отдыхала в Кале до 17 ноября, а затем вернулась на родину. Генрих V триумфально вступил в Лондон 23 ноября 1415 г., откуда отбыл три с половиной месяца назад.

Открывая пятый акт, Хор описывает реакцию англичан:

Как Лондон буйно извергает граждан.
Лорд-мэр и олдермены в пышных платьях,
Как римские сенаторы, идут;
За ними вслед толпой спешат плебеи
Навстречу цезарю-победоносцу.

Акт V, Хор, строки 24–28

Эту пышность можно сравнить только с триумфами Древнего Рима. Это верно: если бы Генрих

был римским полководцем времен республики и выиграл битву при Азенкуре, он бы заслужил триумф и отпраздновал его.

«Полководец королевы...»

Затем Шекспир вкладывает в уста Хора слова, которые позволяют с необычной точностью установить дату первого представления пьесы. Хор сравнивает пышность, с которой Лондон праздновал возвращение Генриха, с пышностью, которая ждет другого победителя:

> Когда бы полководец королевы
> Вернулся из похода в добрый час —
> И чем скорее, тем нам всем отрадней! —
> Мятеж ирландский поразив мечом.
> Какие толпы б, город покидая,
> Его встречали б!

Акт V, Хор, строки 30–34

Полководец королевы — это граф Эссекс, ревностным членом кружка которого был Шекспир.

Эссексу было поручено командовать армией, направленной на подавление восстания ирландцев, которым руководил Хью О'Нил, граф

Тайронский. Эссекс отплыл из Англии 27 марта 1599 г.; первое представление пьесы, должно быть, состоялось во время наступившего после этого трехмесячного интервала, потому что к концу июня стало ясно, что Эссекс потерпел полное поражение.

Он вернулся не «цезарем-победоносцем», а наголову разбитым полководцем, возлагавшим вину за свое поражение на тех, кто недостаточно снабжал армию и подрывал его усилия.

В Ирландию послали другого полководца, который преуспел там, где Эссекс потерпел неудачу. После этого обиженный Эссекс восстал против «милостивой императрицы», то есть Елизаветы I, и был казнен. Эта казнь сильно подействовала на Шекспира[162].

«Вмешался в дело даже император...»

Хор сообщает публике, что пропускает события, прошедшие в течение двух лет после возвращения короля:

Он в Лондоне; французы умоляют,

---

[162] Примечания: 162

А. Азимов имеет в виду, что, возможно, Шекспир написал «Троила и Крессиду» под впечатлением несчастий, обрушившихся на Эссекса и Саутгемптона. *(Примеч. ред.)*

Чтоб оставался в Англии король.
Вмешался в дело даже император,
Чтобы наладить мир. Теперь опустим
События, что произошли пред тем,
Как наш король во Францию вернулся.

Акт V, Хор, строки 35–41

«Мольбы французов», чтобы король оставался в Англии, после битвы при Азенкуре возросли неизмеримо. Территориальных приобретений эта победа Генриху V не принесла, но ее психологический эффект был огромным.

В сокрушительном поражении обвинили арманьяков, вождем которых был пленный Карл (Шарль) Орлеанский, поскольку бургиньоны в этом сражении участия не принимали. Если бы Жан Бесстрашный Бургундский после Азенкура действовал энергично, он мог бы без сопротивления взять Париж и захватить французский трон, настолько низок был престиж арманьяков.

Однако вскоре лидером арманьяков вместо Карла Орлеанского стал Бернар VII, граф Арманьяк и тесть герцога Орлеанского. Поскольку коннетабль д'Альбре погиб при Азенкуре, новым коннетаблем Арманьяк назначил себя и командовал остатками армии. Арманьяк оказался

решительнее Жана Бесстрашного и взял Париж.

Дофин Луи, который послал королю Генриху мячи для тенниса и в ночь перед битвой воспевал своего коня, умер в декабре, через два месяца после битвы при Азенкуре. Дофином стал его младший брат Жан (Иоанн), но в 1417 г. умер и он.

После этого дофином стал младший и единственный оставшийся в живых сын безумного короля Карла (тоже Карл, в ту пору четырнадцатилетний).

В последующие годы дофин Карл находился под полной опекой арманьяков. Бывали годы, когда французский дофин, являвшийся гарантом соблюдения законов, становился единственным козырем арманьяков.

Однако Жан Бесстрашный Бургундский, не сумевший вовремя взять Париж, постепенно пришел в себя и фактически осадил город. Ему оставалось только одно: разбить арманьяков. Герцог Бургундский назначил регентшей королеву, которая правила страной вместо своего супруга, умственно неполноценного Карла. (Правление это было чисто номинальным, поскольку за спиной королевы всегда стоял сам герцог.)

Франция с каждым днем все больше скатыва-

лась к анархии, и Генрих V испытывал глубокое удовлетворение оттого, что в стане врага царит хаос, в то время как сам он спокойно сидит дома, приводит в порядок внутренние дела и одновременно собирает армию для нового вторжения на континент.

Вторым преимуществом, полученным Генрихом в результате битвы при Азенкуре, было то, что он внезапно стал самым важным человеком в Европе. Слух о великой победе облетел весь христианский мир. Ему решили нанести визит даже император Священной Римской империи, величайший светский правитель Запада, и римский папа (по крайней мере, в теории), являвшийся временным духовным правителем всех христиан, признававших его духовное главенство.

В то время императором был Сигизмунд, сын императора Священной Римской империи Карла IV (правившего с 1346 по 1378 г.) и младший брат пришедшего к власти после Карла императора Венцеслава (1378–1400). Кроме того, он был братом «доброй королевы» Анны Богемской, первой жены Ричарда II.

В 1387 г. Сигизмунд стал королем Венгрии, но в то время венгерский трон был далеко не ложем из лепестков роз. На Юго-Восточную Европу надви-

гались турки, одерживавшие куда более громкие победы, чем победа при Азенкуре, захватывавшие огромные территории и удерживавшие их так долго, что Генриху приходилось об этом только мечтать. Когда Сигизмунд, собрав объединенное христианское войско, сразился с турками у Никополя на нижнем Дунае (территория современной Болгарии), он был разбит наголову.

В 1411 г., за четыре года до Азенкура, Сигизмунд добился, что маркграфы избрали его императором Священной Римской империи, но на положении Венгрии это не сказалось. Реальной власти у императора практически не было; он находился в постоянной зависимости от всесильных князей раздробленной Германии (которая объединилась только в середине XIX в.).

Самым важным событием правления Сигизмунда был суд над чешским (точнее, богемским) религиозным реформатором Яном Гусом. Гус согласился прибыть во вражеский стан, чтобы защищать свои взгляды, так как Сигизмунд гарантировал ему личную безопасность. Однако это обещание ничего не стоило. В 1414 г., за год до битвы при Азенкуре, Гуса судили, обвинили в ереси и сожгли на костре. Эта казнь стала поводом для многолетней гражданской войны.

В принципе Сигизмунд был способным человеком, но правил в очень трудное время. Он потерпел поражение на поле боя, после чего имперские князья и венгерские магнаты потеряли к нему всякое уважение. Тем не менее он носил громкий титул императора, впервые учрежденный Октавием Цезарем, и ничто не могло помешать этому. В 1416 г. маленькая Англия с удивлением убедилась, что император — человек не гордый: он приплыл, встретился с Генрихом в Кентербери и даже подписал с ним договор. Для короля и страны это была большая честь.

23 июля 1417 г. началось второе вторжение Генриха во Францию. На этот раз условия складывались для него намного благоприятнее. Жан Бесстрашный пытался взять Париж штурмом, и Генрих мог рассчитывать на то, что арманьяки будут деморализованы и охвачены страхом, когда увидят, что им в глотку вот-вот вцепятся страшные английские чудовища, а в бок — разъяренные бургиньоны.

«...Нить Парки?»

Пятый акт опять начинается во Франции. С битвы при Азенкуре прошло три с половиной года, но Флюэллен все еще хочет отомстить Пистолю за

его оскорбительную фразу насчет порея. (Вскоре выясняется, что Пистоль повторил оскорбление.)

Миновал Давидов день, — следовательно, сегодня 2 марта 1418 г. За семь месяцев, которые Генрих провел во Франции, он завоевал значительную часть Нормандии, захватывая город за городом. Никто не смел долго сопротивляться герою Азенкура, тем более что Генрих действительно оказался прекрасным полководцем. Этой кампанией следует восхищаться больше, чем скоропалительной битвой при Азенкуре, какой бы блестящей победой та ни закончилась.

Разгневанный Флюэллен жалуется Гауэру, что накануне Пистоль подошел к нему с хлебом и солью и предложил Флюэллену съесть порей, который тот прикрепил к шапке. Флюэллен в тот момент не смог ответить ему должным образом, но сегодня снова прицепил веточку порея и теперь ждет Пистоля. Когда тот появляется, Флюэллен с насмешливой учтивостью называет его подлым мошенником и негодяем.

Пистоль отвечает ему с обычным красноречием:

Ты из Бедлама? Жаждешь ты, троянец,

Чтоб я порвал тебе нить Парки? Прочь!

Акт V, сцена 1, строки 20–21

Парками римляне называли богинь Судьбы. Пистоль грозит заставить богинь прервать нить жизни, которую они прядут. Иными словами, он угрожает убить Флюэллена.

«…Кадуаладер…»

Но Флюэллен на угрозу не реагирует. Холодно, с закипающим гневом он предлагает Пистолю съесть порей. Пистоль отвечает:

Сам Кадуаладер с козами своими
Меня бы не заставил съесть его.

Акт V, сцена 1, строка 29

Кадуаладер (или Кадвалладер) — легендарный король кельтских бриттов, правивший в IV в. н. э. Он возглавил экспедицию на северозападный полуостров Галлии, который тогда именовался Арморикой, а после этого похода получил название Бретань. «Его козы» — уничижительный намек на валлийцев, якобы питающихся травой (в том числе пореем).

Терпение Флюэллена истощается. Он колотит

Пистоля и заставляет его съесть порей.

«…Нелль…»

Бедный Пистоль уходит со сцены. Больше мы его не увидим. Напоследок он наносит нам еще один удар. Пистоль говорит:

> Узнал я, от французской хвори *Нелл*ь
> В больнице умерла…

***Акт V, сцена 1, строки 84–85*[163]**

На первый взгляд кажется, что речь идет о Доль Тершит, проститутке из второй части «Генриха IV» (см. в гл. 8: «Мистрис Тершит…»). Действительно, когда в начале «Генриха V» Пистоль и Ним ссорятся из-за того, что пистоль женился на миссис Куикли, Пистоль советует Ниму жениться на Доль Тершит, но уже тогда становится известно, что Доль больна сифилисом и лежит в больнице.

Но женился-то Пистоль именно на Нелл Куикли, так что очень похоже, что «Долл» — это просто опечатка; следует читать «Нелл».

Пистолю предстоит вернуться в Англию, где он будет добывать себе пропитание воровством

---

[163] Примечания: 163
В оригинале: «Я получил новость, что моя *Долл* умерла…» — *Е. К.*

и сводничеством, притворяясь израненным ветераном французской войны. (Впрочем, в те дни старому солдату ни на что другое рассчитывать не приходилось.)

Пистоль — последний осколок компании Фальстафа.

«Мир всем, собравшимся…»

Между первой и второй сценами пятого акта проходит еще два года, но в пьесе об этом не говорится.

1418 год оказался для Франции ужасным. В мае и июне парижане восстали против арманьяков и перебили многих из них, включая самого Бернара д'Арманьяка. Поэтому герцогу Бургундского не составило никакого труда 14 июля (поразительное совпадение!) войти в Париж и захватить как столицу, так и безумного короля.

А королева находилась у него уже давно. Если бы Жан Бесстрашный сумел добраться и до дофина, то в его руках оказалась бы вся Франция (за исключением Нормандии, которую надежно удерживал Генрих).

Однако дофин попал в плен к тем арманьякам, которым удалось покинуть Париж в разгар восстания и перебраться в Бурж, находящийся

в 120 милях (290 км) к югу от столицы. Все последующие годы дофин, совершенно никчемная личность, оставался символом национального сопротивления английским захватчикам.

Тем временем Генрих завершал завоевание Нормандии. Он осадил крупнейший нормандский город Руан, древнюю столицу Вильгельма Завоевателя (приходившегося Генриху прапрапрапрапрапрапрапрапрадедом). Руан держался семь месяцев, терпя лишения и голод. Жан Бесстрашный находился всего в 75 милях (120 км) выше по течению реки, но даже не попытался прийти на помощь городу. В январе 1419 г. уцелевшие жители Руана, напоминавшие живые скелеты, были вынуждены сдаться.

В таких условиях, когда Франции грозила смертельная опасность, продолжение гражданской войны было непозволительной роскошью. Жан Бесстрашный и дофин были просто обязаны достичь взаимопонимания и объединить силы против англичан. 11 июля 1419 г. они неохотно подписали мир.

Однако к тому времени англичане уже подходили к столице. Они взяли Понтуаз, находящийся всего в 20 милях (32 км) к северо-западу от Парижа, и Жан Бесстрашный (кто и за что его так

прозвал, неизвестно) решил сдать столицу без боя. Забрав несчастного безумного короля, он перебрался в город Труа, расположенный примерно в 80 милях (130 км) к юго-востоку от Парижа.

Арманьяки считали, что со стороны бургиньонов это было предательством; мол, Жан Бесстрашный, усыпав бдительность арманьяков с помощью фальшивого мира, покинул Париж по предварительному соглашению с англичанами.

Разъяренные арманьяки потребовали новой встречи, которая состоялась в Монтре, примерно на полпути между Парижем и Труа. Там 10 сентября 1419 г. Жак Бесстрашный был убит одним из сторонников арманьяков. С ним поступили так же, как он сам поступил с Людовиком Орлеанским двенадцать лет назад.

Переговоры о мире между арманьяками и бургиньонами стали невозможны, что обеспечило победу Генриху V. Одна из партий должна была одержать сомнительную победу над другой, чтобы первыми склонить голову перед английскими захватчиками и подчиниться их «новому порядку».

Первыми эту возможность получили бургиньоны. Весной 1420 г. Генрих, который теперь овладел всей северной Францией, включая Па-

риж, встретился с ними в Труа, чтобы заключить (точнее, продиктовать) мир. Вторая сцена пятого акта посвящена именно этой встрече. Король Генрих говорит:

> Мир всем, собравшимся для примиренья!

Акт V, сцена 2, строка 1

«…И кузине»

Генрих приветствует французскую мирную делегацию по старшинству, начиная с королевских особ:

> Желая счастья вам, наш брат король,
> Прелестнейшей принцессе и кузине.

Акт V, сцена 2, строки 2–3[164]

Это первое упоминание в пьесе о французской королеве. Это Изабелла Баварская, которую французы называли Изабо. (В списке действующих лиц она названа Изабель.) Изабелла вышла замуж за Карла VI в 1385 г.; тогда ей было всего

---

[164] Примечания: 164

В оригинале: «Желаю здоровья и счастья нашему брату французскому королю и нашей сестре французской *королеве*». — *Е. К.*

пятнадцать лет. Теперь ей пятьдесят; после помешательства короля жизнь у нее была нелегкая. Она пыталась заботиться о Карле, родила ему кучу детей, самыми младшими из которых были девятнадцатилетняя Катерина и семнадцатилетний дофин Карл, которые, естественно, тоже присутствовали на мирной конференции.

Изабелла была немкой, иностранкой, а потому внушала французам подозрения. Как и намного более поздняя французская королева немецкого происхождения — Мария-Антуанетта. Изабелла не отличалась осторожностью и давала повод сплетникам обвинять ее в легкомысленном поведении. Распространяя о ней всевозможные истории, ее просто смешивали с грязью.

Так, после сумасшествия мужа она всюду появлялась в сопровождении Луи Орлеанского. Для этого имелась веская причина, поскольку в то время Луи практически принадлежала вся полнота власти (см. в гл. 10: «…Орлеанский»). Однако ходил слух, что они были любовниками; многие были уверены, что Изабелла свела короля с ума своими чарами, хотя на самом деле бедная женщина всячески пыталась вылечить его.

После убийства Луи Орлеанского, когда страну разрывали на части арманьяки и бургиньоны,

Изабелла чувствовала неуверенность и вела себя очень непоследовательно. Она постоянно шарахалась от одних к другим и вызывала недоверие у обеих сторон. В конце концов Изабелла перешла к бургиньонам и на мирной конференции в Труа играла довольно жалкую роль.

«…Бургундский герцог…»

Затем Генрих переходит к тем, кто рангом ниже:

> И вас приветствуем, Бургундский герцог,
> Сочлен и отрасль царственной семьи,
> Созвавший это славное собранье!
> И принцам всем и пэрам мой привет!

Акт V, сцена 2, строки 7–8

Упомянутый здесь герцог Бургундский известен под именем Филиппа Доброго. Он унаследовал титул после своего отца, убитого полгода назад.

Поскольку в этом убийстве была виновата партия дофина, а сам дофин присутствует на сцене, новому молодому герцогу (в ту пору двадцатитрехлетнему) не терпится отомстить. Он неохотно принимает сторону Генриха V и готов

признать его наследником Карла VI, лишь бы лишить короны ненавистного дофина.

Именно Филипп организовал эту встречу и сейчас красноречиво призывает к миру; нетрудно заметить, что он выражает пацифистские взгляды самого Шекспира.

«Не смастерить ли нам… мальчишку…»

Пока члены противоборствующих фракций торгуются из-за условий мирного договора, Генрих любезничает с французской принцессой, прекрасной Катериной[165].

Катерина — выгодная партия, потому что между нею и троном стоит только дофин Карл. Если он лишится права престолонаследия и Салический закон будет отменен, то следующим французским королем станет ее сын, а если на ней женится Генрих, то это будет их общий сын и, следовательно, он станет одновременно и королем Англии.

Генрих ухаживает за ней так, как подобает воину: простодушно и без уловок. Он говорит об их будущем сыне:

---

[165] Примечания: 165
в русском переводе — Екатерина Валуа. — *Е. К.*

Не смастерить ли нам между Днем святого Дионисия и Днем святого Георга мальчишку, полуфранцуза-полуангличанина, который отправится в Константинополь и схватит турецкого султана за бороду? Хочешь? Что ты скажешь мне на это, моя прекрасная белая лилия?

Акт V, сцена 2, строки 214–218

Святой Георгий — покровитель Англии, а святой Денис (Сен-Дени) — покровитель Франции. (Дени — французский эквивалент греческого имени Дионис.) Согласно легенде, святой Денис был первым епископом Парижа и стал мучеником в III в. н. э., когда ему перевалило за сто лет. Денису отрубили голову, но легенда гласит, что после этого он встал и прошел значительное расстояние, держа в руках собственную голову.

Белая лилия (чаще называемая флер-де-лис) — это стилизованная лилия, используемая в геральдике. Раньше щит на королевском гербе был буквально испещрен изображениями этого цветка, но Карл VI уменьшил их количество до трех.

Здесь Генрих говорит о сыне, который объединит Англию и Францию, и мечтает, что такое королевство будет достаточно сильным, чтобы

разбить турок, которые, как указывалось выше, во время правления Генриха (и еще дольше века) стремительно завоевывали Юго-Восточную Европу и приближались к самому сердцу Европы.

Трудно сказать, является ли анахронизмом упоминание Константинополя, потому что фраза составлена двусмысленно. Во время мирной конференции в Труа Константинополь еще оставался христианским. Практически это было все, что осталось от древней Римской империи, однако там еще существовал великий монарх, называвший себя римским императором, родословная которого насчитывала две с лишним тысячи лет. Римская империя начиналась с единственного города, называвшегося Римом, и заканчивалась тоже единственным городом по имени Константинополь.

Константинополь был окружен турками, но продолжал держаться и держался еще целое поколение, пока не пал в 1453 г. Во времена Шекспира он был турецким уже полтора века и символизировал тот ужас, который турки внушали народам Европы.

Шекспир (который не был силен в тонкостях хронологии) мог допустить этот анахронизм намеренно. Либо он заставляет Генриха назвать

Константинополь турецкой столицей, имея в виду, что сын Генриха проникнет в самое сердце Оттоманской Порты, либо хочет сказать, что этот сын придет на выручку Константинополю, который к тому времени еще останется христианским.

Впрочем, это не важно. Бедный Генрих! Его сыну не было суждено возглавить Крестовый поход против турок. Этот мальчик обладал доброй душой, был больше похож на своего деда с материнской стороны, чем на собственного отца, и в конце концов не удержал ни Францию, ни Англию.

«…Наследник Франции»

Остальные возвращаются. Французская делегация принимает все условия. Единственная неувязка — нежелание Карла согласиться на то, как в документах о землях и титулах, которые подпишут оба короля, будет именоваться Генрих. Англичане настаивают на следующей формулировке:

«Notre tres cher fils Henri, Roi cTAngleterre, Heritier de France»…

Буквально это значит следующее: «Наш дражайший сын Анри, король Англии, наследник

Франции».

Но в конце концов французы соглашаются и на это.

Иными словами, безумный король будет носить корону пожизненно; это жалкая попытка спасти лицо. Как только он умрет, престол унаследует его зять, Генрих V.

А как же дофин? Его лишили права престолонаследия под тем предлогом, что он незаконнорожденный. Королеву Изабеллу заставили подписать документ и дать клятву, что Карл *не* является сыном короля.

Договор в Труа был подписан 21 мая 1420 г., через пять с половиной лет после битвы при Азенкуре; средневековая Англия достигла пика своей славы.

В тот момент существовала надежда на то, что Англия и Франция станут единым государством. Как сказала королева Изабелла:

> Дружите с англичанами, французы!
> Пусть Бог скрепит навеки эти узы!

Акт V, сцена 2, строки 379–380

(Увы, этого не произошло. Вторая возможность такого объединения возникла лишь через пятьсот с лишним лет. Когда в 1940 г. Франция вновь

оказалась на краю пропасти, такое предложение сделал английский премьер-министр Уинстон Черчилль. Но и тогда оно было отвергнуто.)

Однако пока надежда есть, и первый шаг к ее реализации делает Генрих, который говорит:

> Мы к свадьбе приготовимся.
>
> ***Акт V, сцена 2, строка 382***

Это его последняя реплика в пьесе; Шекспир оставляет короля на вершине его славы.

«И стал младенец Генрих королем…»

В эпилоге пьесы содержится намек на приближение трагедии. На сцену возвращается Хор и произносит последний монолог (написанный в форме сонета). Он говорит:

> И стал младенец Генрих королем,
> И Англии, и Франции владыкой.
> За власть боролись многие при нем, —
> Отпала Франция в разрухе дикой.
> Все это представляли мы не раз…
>
> ***Эпилог, строки 9–13***

Генрих V женился на Катерине Валуа 2 июня

1420 г. и через полгода увез ее в Англию. 23 февраля 1421 г. Катерину короновали в Вестминстере.

Брат Генриха Томас Кларенс оставался во Франции и выполнял там обязанности вице-короля. Несмотря на договор, подписанный в Труа, война продолжалась и приобрела характер национального сопротивления, которое возглавил дофин Карл. Более того, англичанам начало изменять счастье. После битвы при Азенкуре кое-кто поверил, что англичане и в самом деле могут малыми силами победить любую французскую армию, даже самую многочисленную.

Видимо, Кларенс был слишком беспечен, потому что 22 марта 1421 г. у Боже, в 140 милях (224 км) к юго-западу от Парижа, он попал в грандиозную засаду, устроенную французами, и погиб вместе со своим отрядом еще до прибытия подкреплений, посланных ему на помощь.

Генриху пришлось срочно вернуться во Францию. 12 июня 1421 г. он высадился в Кале и начал свою третью (и последнюю) экспедицию на континент. Как обычно, ему сопутствовало воинское счастье, хотя на осаду сильной крепости Мез, находящейся в 30 милях (48 км) к востоку от Парижа, у него ушло семь месяцев. (Азенкур Азенкуром, но в итоге выяснилось, что разбить

французов вовсе не так легко.)

Пока Генрих осаждал Мез, Катерина в Виндзоре родила сына. Юный принц родился 6 декабря 1421 г. и был назван Генрихом. (В истории он известен как Генрих Виндзорский.) Мать и ребенок прибыли в Париж весной 1422 г., когда казалось, что Генрих все еще находится в зените славы.

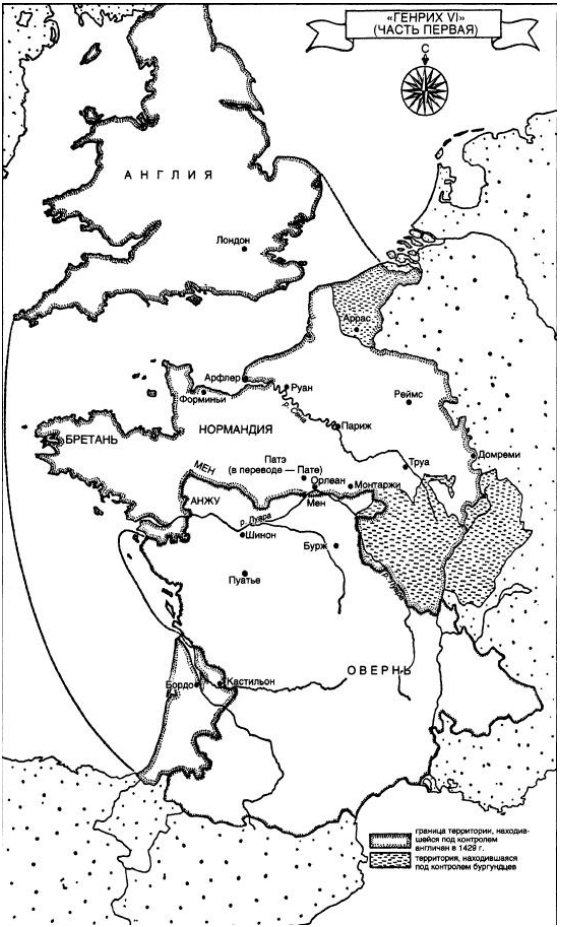
Но во время осады Меза у него появились симптомы дизентерии, затем усилившейся. Что это была за болезнь, сейчас сказать трудно, но справиться с ней средневековая медицина не смогла.

Генрих V умер 31 августа 1422 г. Королю было всего тридцать пять лет; его правление продолжалось менее десяти лет. По иронии судьбы безумный французский король пережил своего зятя; Генрих так и не унаследовал завоеванный им трон.

Корона Англии перешла к сыну Генриха, Генриху VI, а когда через несколько месяцев после этого сумасшедший Карл VI все же умер, Генрих стал одновременно и королем Франции. Но при Генрихе VI Англия потеряла все, что завоевала при Генрихе V. Эту печальную историю Шекспир уже изложил лет шесть-семь назад в целых трех пьесах, которые действительно были представлены на сцене.

Именно к ним мы сейчас и перейдем.

Глава 11 «Генрих VI» (часть первая)


«ГЕНРИХ VI»
(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)
С
АНГЛИЯ
Лондон
Кале
Арфлер
Руан
Формильи
Реймс
БРЕТАНЬ
НОРМАНДИЯ
Париж
Труа
Домреми
Патэ
(в переводе — Пате)
МЕН
Орлеан
Монтаржи
АНЖУ
Мен
р. Луара
Шинон
Бурж
Пуатье
ОВЕРНЬ
Бордо
Кастильон
граница территории, находившейся под контролем англичан в 1428 г.
территория, находившаяся под контролем бургундцев

Если следовать хронологии описываемых событий, то за «Генрихом V» идут три пьесы, посвященные долгому, неспокойному и трагическому царствованию Генриха VI, несчастного сына победоносного Генриха V. Они относятся к числу самых первых пьес, написанных Шекспиром, и созданы между 1590 и 1592 гг.

Худшая из трех — первая часть «Генриха VI». В ней столько недостатков, что многие шекспироведы считают ее не совсем шекспировской; скорее всего, драматург просто переделывал уже существовавшую пьесу.

Кое-кто предполагает, что Шекспир написал две пьесы (которые сейчас называются второй и третьей частями «Генриха VI»), посвященные гражданским войнам в Англии 1450–1460-х гг. Затем драматург (возможно, повинуясь импульсу) вернулся к более старой пьесе, посвященной событиям начала царствования Генриха VI, и сделал из нее первую часть «Генриха VI», внеся поправки, которые должны были обеспечить ее стыковку с двумя другими частями.

Действительно, в 1592 г. (примерно тогда, когда создавалась первая часть «Генриха VI») Роберти Грин написал язвительный памфлет, один фрагмент которого, похоже, посвящен Шекспиру.

Некоторые думают, что гнев Грина был вызван переделкой Шекспиром этой пьесы. Может быть, ее автором был Грин, который возражал против изменений своего творения (как на его месте поступил бы любой писатель)? Скорее всего, мы уже никогда не узнаем ни подробностей, ни ответа на этот вопрос.

«...Генриха кончине обрекли!»

Первая часть «Генриха VI» начинается похоронами Генриха V в Вестминстерском аббатстве, состоявшимися в сентябре 1422 г., через два года после триумфального финала «Генриха V».

На сцену под похоронную музыку выносят гроб с телом короля. Английские вельможи оплакивают потерю. Первый из них говорит:

> Кометы, вестницы судьбы народов,
> Взмахните косами волос хрустальных,
> Бичуйте возмутившиеся звезды,
> Что Генриха кончине обрекли!

Акт I, сцена 1, строки 2–5 (перевод Е. Н. Бируковой)

Говорящего зовут Джон, герцог Бедфорд; он — старший из оставшихся в живых братьев короля.

Бедфорд был второстепенным участником битвы при Шрусбери, описанной в первой части «Генриха IV» (там он еще Джон Ланкастерский); зато во второй части «Генриха IV» его роль карателя мятежников намного значительнее.

В «Генрихе V» он описан под именем герцога Бедфорда (этот титул был ему пожалован после восшествия Генриха на престол). Данная пьеса — четвертая, в которой участвует этот персонаж.

«Хитрые французы...»

Бедфорду отвечают его младший брат Хамфри[166] Глостер, который командовал действиями саперов при осаде Арфлера в «Генрихе V», а позже был ранен в битве при Азенкуре, и Томас Бофорт, герцог Эксетер, также сражавшийся при Азенкуре.

Эксетер не поддерживает мнение Бедфорда о том, что в смерти Генриха виноваты звезды (они же судьба или Божья воля). Он говорит:

> Иль допустить, что хитрые французы
> Из страха подлого прибегли к чарам

---

[166] Примечания: 166
в этом переводе — Хемфри. — *Е. К.*

И колдовством ему наслали смерть?

Акт I, сцена 1, строки 25–27

В этих словах главный смысл пьесы, цель которой — объяснить, каким образом французы ухитрились победить англичан. Для английских патриотов это было загадкой; ведь битва при Азенкуре показала, что англичане могут победить значительно превосходящих их в численности французов. Эти патриоты не обращали внимания на то, что у французов не было достойных руководителей и что во Франции много лет шла гражданская война. Достаточно было прекратить эту войну и найти умелых полководцев, чтобы ситуация изменилась, однако это тоже никому в голову не приходило.

Куда естественнее было объяснить победы французов колдовством. Это одна из двух главных причин поражения англичан (как выяснится уже по ходу пьесы).

«Молитвы церкви…»

Четвертый участник беседы духовное лицо, он так говорит о покойном короле:

Во имя Бога Сил сражался он:

Ему успех молитвы церкви дали.

Акт I, сцена 7, строки 31–32

Это епископ Уинчестерский Генри Бофорт. Он — второй из троих сыновей Джона Гонта от третьей и последней жены Катерины Суинфорд и, следовательно, старший брат того самого Томаса Эксетера, которому принадлежала предыдущая реплика.

И Уинчестер, и Эксетер единокровные братья Генриха IV и приходятся покойному Генриху V дядьями.

Генри Бофорт занимал важные посты в администрации Генриха IV; так, в 1403 г. он стал канцлером и епископом Уинчестерским, получив один из высших титулов в английской церковной иерархии.

В 1405 г. он оставил пост канцлера и перешел на службу к принцу Уэльскому (будущему Генриху V), в чем сказалась главная черта характера этого человека: холодная расчетливость и неуемное честолюбие. Когда в 1413 г. Генрих V унаследовал корону, Уинчестер снова стал канцлером, но в 1417 г. опять подал в отставку ради того, чтобы принять участие в знаменитом Констанцском соборе, проходившем на юго-западе Германии. В

результате он вернулся оттуда кардиналом.

При жизни Генриха власть Уинчестера была ограниченна; властный король не слишком доверял ему и в конце концов заставил отказаться от поста кардинала. Однако после смерти Генриха среди ближайших родственников нового короля-мальчика должна была начаться борьба. Уинчестер тоже собирался вмешаться в эту борьбу: во- первых, он был способным человеком; Во-вторых, занимал высокий чин в церковной иерархии и, в-третьих (возможно, это главное), был несметно богат.

«Безвольный государь…»

Скорее всего, борьбу за опеку над новым королем и, следовательно, за власть над Англией будут вести именно эти четверо, присутствующие на сцене: два дяди Генриха VI (Бедфорд и Глостер) и два его двоюродных деда (Уинчестер и Эксетер). Но Бедфорд и Эксетер прежде всего воины; они не желают ввязываться в опасные политические интриги.

Следовательно, остаются два профессиональных политика — Глостер и Уинчестер. Оба являются потомками Джона Гонта (Глостер — внук, а Уинчестер — сын), но от разных жен, а потому

соперничают не на жизнь, а на смерть.

Глостер тут же набрасывается на Уинчестера, отвечая на его замечание, что успех покойного короля объясняется «молитвами церкви». Он говорит:

> Что церковь? Не молись попы так рьяно,
> Не кончилась бы жизнь его так рано.
> Безвольный государь желанен вам,
> Который слушался бы вас, как школьник.

Акт I, сцена 1, строки 33–36

Он намекает на то, что Уинчестер молился не столько о победах, сколько о смерти Генриха, которой желал всей душой. С этим можно согласиться: при жизни Генриха Уинчестер не мог в полной мере удовлетворить свое честолюбие и втайне ненавидел человека, заставившего его отказаться от звания кардинала.

Реплика Глостера о «безвольном принце»[167] является предсказанием того, что случится с королем-мальчиком. Конечно, сам Глостер этого еще не знает, но публике прекрасно известно,

---

[167] Примечания: 167
так в оригинале. — *Е. К.*

что, повзрослев, Генрих VI станет чрезвычайно набожным и будет ненавидеть войну, то есть будет «безвольным» и окажется под каблуком у Уинчестера.

«Ты протектор…»

Уинчестер желчно отвечает:

> Чего б мы ни желали — ты протектор
> И хочешь править принцем и страной.
> Твоя жена горда…

Акт I, сцена 1, строки 37–39

Согласно завещанию Генриха V, Джон Бедфорд становился командующим вооруженными силами во Франции, а Хамфри Глостер должен был отвечать за внутренние дела. Кроме того, он был обязан защищать маленького Генриха VI — следовательно, становился лордом-протектором (буквально: «защитником»). Звание лорда-протектора делает Глостера самым влиятельным человеком в стране, и Уинчестер это прекрасно понимает.

К несчастью для себя, Глостер (не менее честолюбивый, чем Уинчестер) был плохим политиком и интриговать не умел.

(Реплика Уинчестера о жене Глостера здесь совершенно неуместна, но она готовит почву для событий, описанных во второй части «Генриха VI». Возможно, это одна из вставок, сделанных Шекспиром для более тесной связи этой пьесы с двумя последующими.)

Этот эпизод, следующий сразу за репликой о колдовстве, наглядно демонстрирует, по мнению англичан, вторую половину поражения во Франции. Свирепая грызня английских лордов за власть отвлекала страну от военных действий. Что ж, по крайней мере, это объясняло проигрыш войны более убедительно, чем колдовство.

«…Чем Цезарева»

Бедфорд пытается успокоить ссорящихся. Он нетерпеливо говорит:

Оставьте распрю и смиритесь духом.

Акт I, сцена 1, строка 44

Бедфорд тогда действительно был миротворцем; точнее, пытался играть эту роль, но дела во Франции занимали слишком много времени, так что на улаживание внутренних дел его уже не хватало.

Бедфорд старается продолжить разговор о похоронах и говорит о покойном короле:

> Звезда твоей души славнее будет,
> Чем Цезарева…

Акт I, сцена 1, строки 55–56

Это цитата из «Метаморфоз» Овидия, где говорится, что после убийства Цезаря его душа превратилась в звезду.

В действительности Бедфорд взял на себя роль миротворца далеко не сразу. После жестокой ссоры между Глостером и Уинчестером в стране началась гражданская война, заставившая Бедфорда спешно вернуться из Франции, но это произошло только в апреле 1425 г., через два с половиной года после смерти Генриха V.

Конечно, уплотнять время в исторических драмах необходимо, и одного этого недостаточно, чтобы назвать пьесу неудачной. Однако в первой части «Генриха VI» это уплотнение доведено до абсурда, в результате чего реальная картина сильно искажается. В других исторических хрониках Шекспир не позволяет себе так далеко отклоняться от летописей; именно это является главным доводом литературоведов, доказывающих, что пьеса написана не Шекспиром; он лишь

слегка переделал ее.

«...Злые вести»

Теперь, когда две главные причины потери Франции названы (колдовство и междоусобицы), мы тут же видим их последствия.

Прибывает гонец из Франции и сообщает:

> Из Франции принес я злые вести:
> Потери, неудачи, пораженья.
> Шампань, Гюйенну [168], Реймс и Орлеан,
> Жизор, Париж, Пуатье мы потеряли.

Акт I, сцена 1, строки 58–61

Складывается впечатление, что все это произошло за одну ночь, после смерти Генриха V. Однако англичане удерживали Орлеан вплоть до 1429 г., целых семь лет после смерти Генриха; описанию сражения за этот город будет посвящена значительная часть пьесы. Что же касается Парижа, то французы отбили его лишь в 1437 г., через пятнадцать лет после смерти Генриха V.

Конечно, перечень названий не следует пони-

---

[168] Примечания: 168
Гиень

мать буквально. Это просто скорбь от потерь, откат маятника после блистательных побед Генриха. Гонец также во всем винит внутренние междоусобицы и говорит:

По войску ходят слухи,
Что здесь на партии разбились вы.
В то время как спешить на битву надо,
О полководцах вы ведете споры…

Акт I, сцена 1, строки 70— 73

«…Карл, дофин»

Прибывает второй гонец с еще более неутешительными новостями:

Был в Реймсе коронован Карл, дофин,
В союзе он с бастардом Орлеанским,
Рене, Анжуйский герцог, за него;
Спешит к нему и герцог Алансонский.

Акт I, сцена 1, строки 92–95

Дофин Карл — тот самый младший сын Карла VI, который был лишен престола по договору в Труа. Престола он был лишен, но не канул в небытие.

Дофин оставался в Бурже, городе в центральной Франции, куда его отвезли, когда сначала бургиньоны, а затем англичане взяли Париж. Его поддерживала та часть Франции, которая не принадлежала ни англичанам, ни бургундцам.

Карл VI Французский, правивший сорок два года и большую часть этого времени страдавший безумием, умер 21 октября 1422 г., менее чем через два месяца после смерти Генриха V. (Этого ничтожного срока Генриху не хватило, чтобы реализовать свою заветную мечту — короноваться в Реймсе и стать королем Франции.)

1 сентября 1422 г. английским королем стал малолетний сын Генриха, Генрих VI. На тех французских территориях, которыми владели англичане, Генриха VI также признали королем Франции.

В ноябре 1422 г. дофин Карл короновал сам себя в Пуатье и теоретически стал Карлом VII. Однако народ отказался признать его законным королем. Для этого требовалась официальная коронация в Реймсе, проведенная по освященному веками обряду, а Реймс находился в руках англичан. (Впрочем, Генрих VI тоже не был коронован в Реймсе.)

Поэтому Карл оставался просто дофином вплоть

до 17 июля 1429 г., когда его наконец короновали в Реймсском соборе. Но это случилось только через семь лет после смерти Генриха V, а не в день его похорон.

Среди лиц, упомянутых в этом отрывке, значится бастард Орлеанский. Это Жан, герцог Дюнуа. Он был незаконным сыном Луи Орлеанского, убитого Жаном Бесстрашным Бургундским; следовательно, Дюнуа приходился единокровным братом тому самому Карлу (Шарлю) Орлеанскому, который был взят в плен при Азенкуре.

Дюнуа был способным полководцем; в 1420 г., после подписания договора в Труа, он объединил силы дофина. Впервые имя бастарда Орлеанского стало известно в 1427 г. (через пять лет после похорон Генриха V), когда англичане осадили город Монтаржи, находящийся в 65 милях (104 км) к югу от Парижа.

Другие осажденные города могли ждать помощи целую вечность; у французов не было ни сил, ни желания выручать их. В качестве примера можно привести Арфлер, Руан и Мез. Однако на этот раз дофин направил к Монтаржи «армию избавления» под командованием Дюнуа, и тот провел операцию столь успешно, что англичане понесли тяжелые потери и были вынуждены

снять осаду.

Ренье, герцог Анжуйский, более известен как Рене I Добрый. На самом деле в год смерти Генриха V ему было всего тринадцать лет, а титул герцога Анжуйского он унаследовал только в 1434 г. Ренье упомянут здесь не потому, что в то время представлял собой важную фигуру, а потому, что был отцом женщины, которой позже было суждено стать английской королевой и погубить страну.

Герцог Алансонский — это Жан II, сын и наследник Жана I Алансонского, согласно легенде убитого при Азенкуре после поединка с Генрихом V. Жану — младшему к моменту смерти Генриха также было только тринадцать лет.

«…Толботом достойным…»

Затем прибывает третий гонец с сообщением о конкретном сражении. Он говорит:

> О лорды! Я сейчас умножу слезы,
> Что льете вы над гробом государя,
> Вам рассказав о злополучной битве
> Меж Толботом достойным и врагами.
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 105–106***

Настоящим героем первой части «Генриха VI» является именно Толбот. Можно сказать, что эта пьеса имеет большое сходство с фильмом «Зеленые береты»; Толбот — тот же герой Джона Уэйна.

Джон Толбот принадлежал к аристократическому английскому роду; он был вторым сыном четвертого барона Толбота. Его жизнь — настоящая хроника войны, потому что этот человек был рожден для битвы. В царствование Генриха IV он воевал в Уэльсе, а в год битвы при Азенкуре командовал экспедиционным корпусом в Ирландии.

Впервые Толбот прибыл во Францию в 1419 г., через четыре года после битвы при Азенкуре, а после смерти Генриха V стал главной ударной силой английской армии. Он одержал победы в сорока стычках и сражениях и считался непобедимым.

Впервые его имя упоминается в этой пьесе в связи с поворотным моментом войны — осадой Орлеана. Эта осада началась в 1429 г., через шесть лет после смерти Генриха V, когда англичане (несмотря на все, сказанное в первой сцене) еще наступали.

Бедфорд набрал около десяти тысяч солдат,

которые подошли к стенам Орлеана 12 октября 1428 г. и осадили город. Эта осада, длившаяся полгода, решила судьбу Столетней войны.

Орлеан расположен в среднем течении Луары, в 70 милях (112 км) к югу от Парижа, как раз на полпути между Парижем и Буржем, где находился двор дофина.

Если бы Орлеан удалось взять, ничто не помешало бы англичанам устремиться на юг. Французы, которые потерпели столько поражений, что это неоднократно могло бы сломить дух нации, понимали, что это последняя соломинка и на кон (хотя бы временно) поставлена судьба страны.

В этой осаде принимали участие многие видные английские полководцы, в том числе и непобедимый Джон Толбот. В то время ему было около сорока лет.

«Осаду сняв…»

Однако осаду Орлеана пришлось прекратить. Позже мы убедимся, что это произошло при весьма необычных обстоятельствах. Во-первых, Толбот не сумел одержать победу. Третий гонец объясняет:

Десятого числа наш грозный лорд,
Осаду сняв, ушел от Орлеана.
Шесть тысяч войска он имел, не больше,
Когда французов двадцать с лишним тысяч
Напали, быстро окружив его.

Акт I, сцена 1, строки 110–114

Согласно легенде, рассказанной третьим гонцом, Толбот три часа сражался с противником, численно превосходившим его вчетверо, и лично убил многих. (Впоследствии поклонники назвали его «английским Ахиллом».)

Но на самом деле события развивались иначе. Можно быть героем и при этом совершать неразумные поступки. Версия, изложенная в этой пьесе, не имеет ничего общего с фактами. Толбот не попал в окружение и мог легко избежать сражения, когда столкнулся с французским отрядом (насчитывавшим всего восемь тысяч, а не двадцать три) у Патэ, примерно в 15 милях (24 км) к северо-западу от Орлеана. Это случилось в июле 1429 г., а не 10 августа, как сказано в пьесе.

Беда заключалась в том, что Толбот после отступления от Орлеана чувствовал себя уни-

женным и решил сразиться с противником при соотношении три к четырем (а вовсе не один к четырем, как указано в пьесе). Конечно, домоседы любят потолковать о чести, но никому не нужная битва при Патэ унесла жизнь двух тысяч английских солдат; Толбот заплатил слишком высокую цену за желание отомстить унизившему его врагу.

«…Сэр Джон Фастолф»

Толбот потерпел поражение не только потому, что попал в окружение в результате засады, но и в результате измены. Третий гонец объясняет, что стойко сражавшийся Толбот непременно одержал бы победу, если бы не трусость некоего сэра Джона Фастолфа.

> Победа наша славно б завершилась,
> Когда бы не был трусом сэр Джон Фастолф.
> Он, будучи поставлен в арьергарде,
> Чтоб в нужный миг прийти на помощь войску,
> Бежал, как трус, не обнажив меча.
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 131–134***

На самом деле имеется в виду не рыцарь Фальстаф, а сэр Джон Фастолф (так его называют в других изданиях пьесы). (Именно этот эпизод и несколько других заставили Шекспира назвать так своего величайшего комического персонажа, участвующего в первой и второй частях «Генриха IV»).

Увы, этот эпизод оставил пятно на репутации честного и храброго офицера, которого сделали козлом отпущения, дабы оправдать поражение Толбота.

Фастолф отличился в битве при Азенкуре и преданно служил Генриху V, будучи его представителем в Нормандии. Он храбро дрался и при осаде Ордеана, победив в так называемой «селедочной битве», состоявшейся в феврале 1429 г. Такое название битва получила потому, что английская колонна везла съестные припасы войскам, осаждавшим Орлеан. На нее напали французы из «армии избавления», но благодаря умелому командованию Фастолфа атака была отбита. Однако в ходе схватки разбили несколько бочонков, и селедка рассыпалась по всему полю боя.

Когда колонна отступала к Патэ, Фастолф командовал арьергардом. Будучи вдумчивым

военачальником, а не отчаянным рубакой, как Толбот, он убеждал, что разумнее всего ускорить темпы отступления, чтобы избежать встречи с французами; это позволило бы сохранить армию и использовать ее в более выгодной обстановке. Но пока он спорил с Толботом, французы атаковали, и спокойное отступление стало невозможно. Те англичане, которые считали, что один британский солдат равен десяти французам, сочли совет Фастолфа изменой и обвинили его в поражении Толбота. Перед нами еще один пример явления, хорошо известного людям, изучавшим историю. Когда глупость называют проявлением патриотизма, проявлять благоразумие опасно.

«Валлонец подлый…»

Среди потерь значится имя и самого Толбота. Случившееся описывает третий гонец:

> Валлонец подлый, угождая Карлу,
> Направил в спину Толбота копье…

Акт I, сцена 1, строки 137–138

Валлонами называют франкоговорящих обитателей юга Бельгии. Во времена Толбота эта часть Франции принадлежала бургундцам, а валлоны

вовсе не стремились сражаться за французов.

Однако во времена Шекспира валлоны, которые были католиками, склонялись к союзу с испанцами, пытавшимися подавить мощное восстание голландских протестантов, которых, в свою очередь, поддерживали англичане. Возможно, здесь слово «валлон» применено просто в уничижительном смысле, и елизаветинская публика это хорошо понимала.

«…Лорды Скелс и Хенгерфорд»

Но Толбот не убит. Третий гонец сообщает:

> О нет, он жив, хотя захвачен в плен,
> С ним взяты лорды Скелс и Хенгерфорд…

Акт I, сцена 1, строки 145–146

Лорд Уолтер Хангерфорд[169] служил с Генрихом V во Франции и был участником битвы при Азенкуре. Это он, а не Уэстморленд перед началом сражения мечтал о подкреплениях в десять тысяч человек.

---

[169] Примечания: 169
в переводе — Хенгерфорд. — *Е. К.*

Толбот, Хангерфорд и Скейлс[170] провели в плену много лет. Скейлс появляется также в эпизодической роли во второй части «Генриха VI».

«Граф Солсбери…»

Хотя первый гонец сообщил о потере Орлеана (который на самом деле никогда не принадлежал англичанам, так что речь могла идти только о снятии осады), а третий гонец принес весть о поражении Толбота, что случилось уже после снятия этой осады, внезапно мы возвращаемся в то время, когда осада Орлеана еще продолжается.

Когда Бедфорд клянется вернуться во Францию с новой армией, третий гонец говорит:

> Спешите же: в осаде Орлеан:
> Устало и ослабло наше войско;
> Граф Солсбери о подкрепленье просит…

Акт I, сцена 1, строки 157–159

Солсбери (Томас де Монтегью, четвертый граф Солсбери) появлялся в «Генрихе V» как раз перед битвой при Азенкуре. После смерти Генриха V

---

[170] Примечания: 170
то есть Томас де Скейлс, в переводе — Скелс. — *Е. К.*

Солсбери был первым заместителем Бедфорда во Франции; именно он командовал англичанами, осадившими Орлеан.

«В Элтем…»

Оплакивающие Генриха расходятся: Бедфорд идет собирать армию, а Глостер — готовить коронацию Генриха VI. Эксетер говорит:

> Я — в Элтем, к молодому государю;
> Ведь избран я в наставники ему…

Акт I, сцена 1, строки 170–171

Элтем — восточный пригород столицы, находящийся в 11 милях (18 км) от центра Лондона.

Уинчестер, видя, что Бедфорд занят войной, а Глостер и Эксетер — хлопотами о малолетнем короле, чувствует, что его обошли, но не намерен сдаваться. Оставшись один, он бормочет себе под нос:

> У каждого свой пост, своя забота;
> Лишь я один забыт и обездолен,
> Но не останусь долго не у дел…

Акт I, сцена 1, строки 173–175

«Историк Фруассар...»

Действие перемещается во Францию, где дофин и его окружение пребывают в прекрасном настроении, потому что англичанам, у которых не хватает ни бойцов, ни припасов, не удастся долго осаждать Орлеан.

Французы наступают, но, несмотря на обычное десятикратное численное превосходство, бегут, понеся большие потери. (Во всех английских легендах ощущается отзвук битвы при Азенкуре.)

Алансон говорит:

> Историк Фруассар нам сообщает,
> Что Англия Роландов, Оливье
> При Эдуарде Третьем порождала.
> Теперь мы убедились: это правда.
> Как на подбор, Самсонов, Голиафов
> Шлет против нас — один десятка стоит!

Акт I, сцена 2, строки 29–34

Жан Фруассар — французский историк, который посетил Англию, Шотландию и Италию, а затем написал книгу под названием «Хроники Франции, Англии, Шотландии и Испании», охва-

тывавшую историю этих стран с 1325 по 1400 г. и включавшую описание первого этапа Столетней войны и сражений времен Эдуарда III.

Оливье и Роланд — главные герои «Песни о Роланде», легенды времен Карла Великого. Они — такие же сказочные богатыри, как и рыцари Круглого стола, при необходимости способные сражаться один с десятью. Конечно, то же самое было под силу библейским силачам Самсону и Голиафу.

Цель этого фрагмента пьесы ясна: автору нужно доказать, что французы просто не способны победить англичан в честной борьбе даже в том случае, если англичане истощены, потеряли своего лучшего воина (Толбота) и численно вдесятеро уступают противнику.

Но тогда почему же они терпят поражение? Ответ дается немедленно.

«Святую девушку...»

Конечно, это колдовство.

Прибывает бастард Орлеанский (он же Дюнуа) и говорит:

> Но не тревожьтесь: помощь вам близка.

Святую девушку я к вам привел.
Видение, ниспосланное с неба,
Велело ей избавить Орлеан
От этой изнурительной осады
И англичан из Франции прогнать.

Акт I, сцена 2, строки 50–54

Конечно, святая девушка — это Жанна д'Арк, одна из самых удивительных личностей в истории. Если бы она была персонажем литературного произведения, все решили бы, что автор явно переусердствовал.

Жанна родилась в 1412 г. в Домреми, в 160 милях (260 км) от Парижа; название этой деревни известно лишь потому, что там родилась эта героиня. Ее настоящее имя Жанна Дарк, но со временем букву «д» стали писать через апостроф, словно она была дворянского происхождения и родилась в Арке. Конечно, это не так, но традиция слишком сильна, и дело уже не исправишь.

Кроме того, Жанну называли по-французски Joan la Pucelle (Жанна Девственница), поскольку она оставалась девушкой, и это помогало ей, потому что соответствовало имиджу святой девы, вдохновленной Небесами. Шекспир называет ее именно так; все ее реплики озаглавлены

«Pucelle». Более того, место ее рождения сейчас называется Домреми-ля-Пюсель. Поскольку ее самый известный подвиг был совершен во время осады Орлеана, ее также называют Орлеанской девой.

В подростковом возрасте у Жанны были видения, в которых она представляла себя спасительницей Франции. Когда в 1428 г. эти видения заставили ее действовать, дофин еще не был коронован в Реймсе, хотя после смерти его отца прошло целых шесть лет. Более того, потеря Орлеана могла закончиться его окончательным поражением. Жанна решила действовать безотлагательно; она считала своей миссией снятие осады с Орлеана и коронацию дофина.

Тогда дофин находился в Шиноне, в 90 милях (144 км) к юго-западу от Орлеана (а не в самом Орлеане, как изображено в пьесе) и в 270 милях (430 км) от Домреми. В январе 1429 г. Жанна оставила Домреми и 24 февраля 1429 г. прибыла в Шинон. Для этого ей пришлось пересечь территорию, контролируемую англичанами, и она переоделась в мужское платье, чтобы избежать опасностей, в те времена (впрочем, и в нынешние тоже) подстерегавших девушку при встрече с солдатами.

«Ты амазонка!»

Отношение Шекспира к Жанне д'Арк сбивает нас с толку. Мы привыкли к точке зрения французов, считавших ее героиней и святой. (Кстати, она действительно святая. Жанну канонизировали в 1920 г., но к тому времени Шекспир уже триста лет лежал в могиле.)

Англичане же считали ее ведьмой. Когда Жанна попала к ним в плен, они обращались с ней соответствующим образом. Шекспир тоже относился к ней как к ведьме, и нельзя было требовать от него другого, поскольку он хотел увидеть свою пьесу на сцене. Поэтому он чудовищно исказил биографию Жанны (или воспользовался биографией, чудовищно искаженной до него).

Так, у Шекспира Жанна, чтобы доказать дофину существование своей миссии, вооружается мечом и не только вступает с дофином в поединок, но побеждает его (это, несомненно, доказывает, что она колдунья; иначе женщине мужчину не победить — даже если это всего лишь француз). Побежденный ею дофин восклицает:

> Стой! Руку опусти! Ты амазонка!

Мечом Деборы бьешься ты со мной.

Акт I, сцена 2, строки 104–105

Амазонки — женщины-воины из греческих народов, а Дебора — женщина-судья из ранней истории Иудеи, которая нанесла поражение ханаанеям, хотя сама в руки оружие не брала. Хотя Шекспир сравнивает Жанну с Деборой иронически, тем не менее сравнение весьма уместное.

Можно не говорить, что в действительности никакого поединка не было. Сразу после прибытия ко двору дофина высшие церковные власти почти месяц проверяли ее искренность. В конце концов священники посоветовали дофину использовать способности Жанны в Орлеане. Это вовсе не значит, что ей поверили; просто решили, что хуже не будет. Если французов воодушевит дева, заявляющая, что она послана Небом, а англичане, наоборот, утратят боевой пыл, то это пойдет на пользу Франции. А если так, то какая разница, послана она Небом или нет?

«Настанет сразу ясная погода…»

Жанна продолжает предъявлять французам доказательства своей святости. Она заявляет:

Настанет сразу ясная погода,
Как только я приму в войне участье.

Акт I, сцена 2, строки 131–132[171]

«Лето святого Мартина» — французский аналог американского выражения «индейское лето»[172], период теплой погоды в ноябре, после которого, как правило, наступают первые морозы. Этот период короток, но, поскольку он наступает, когда в воздухе уже чувствуется приближение зимы, им очень дорожат; это время кажется более теплым и безветренным, чем бывает в действительности.

Упоминание лета святого Мартина возвращает нас к древнему обычаю называть дни месяца по именам святых. День святого Мартина Турского празднуют 11 ноября; именно в этот день обычно и приходит потепление.

Выражение же «дни Альционы» восходит к греческим мифам. Супруги очень любили друг

---

[171] Примечания: 171

В оригинале: «Теперь, когда я приняла участие в войне, ждите наступления лета святого Мартина, дней Альционы[269]» (точнее, дней зимородка, поскольку слово «halcyon» написано со строчной буквы). — *Е. К.*

[172] Примечания: 172

и русского «бабье лето». — *Е. К.*

[269] Примечания: 269

Альциона (точнее, Алкиона) — дочь бога ветров Эола, жена фессалийского царя Кеика. *(Примеч. пер.)*

друга. Когда Кеик отправился в путешествие, не вняв просьбам жены и не взяв ее с собой, и погиб при кораблекрушении, Алкиона бросилась в море и утонула.

Сочувствовавшие им боги превратили супругов в зимородков. Затем греки усложнили миф и придумали, что зимородки откладывают яйца в гнездо, которое плавает по морю. В память о древней трагедии боги на две недели успокаивают море, чтобы волнение не повредило яйцам. Обычно это бывает в зимнее солнцестояние (последние две недели декабря). Такие дни и называют днями Альционы.

Кажется странным, что Жанна сулит французам наступление лучших времен, пользуясь метафорами, которые свидетельствуют лишь о кратковременном потеплении. (В конце концов, за летом святого Мартина и днями зимородка приходит настоящая зима.) Однако на самом деле это обещает не Жанна, а Шекспир; ничего большего он давать французам не хочет — даже вопреки истории.

«Цезаря с его судьбой…»

Гордость (естественно, Шекспир не изображает Орлеанскую деву святой, которой приличеству-

ет смирение) заставляет Жанну самоуверенно заявить:

Но я подобна дерзостной галере,
Что Цезаря с его судьбой несла.

Акт I, сцена 2, строки 138–139

Это отсылка к эпизоду из жизни Юлия Цезаря. Когда Цезарь переправлялся через узкую полоску воды, вода внезапно прибыла, и капитан корабля, боясь за его безопасность, уже хотел повернуть обратно, но Цезарь, с величественным презрением протянув руку вперед, сказал: «Не бойся, кормчий. Ты везешь Цезаря и его счастье».

Использованное Шекспиром слово «fortune» в данном случае означает «удача, везение». Цезарь верил, что Судьбы сулят ему триумф и успех во всех делах и что он не может умереть до тех пор, пока не достигнет желаемого, — следовательно, везущий его корабль утонуть не может. Поэтому ликующая Жанна сравнивает себя с кораблем, а дофина — с Цезарем.

«Дочерей Филиппа…»

Дофин, окончательно покоренный ее уверенностью в себе и убежденный, что ей действительно

покровительствует Небо, говорит:

> Елену, мать *святого* Константина,
> И дочерей Филиппа превзошла ты.

Акт I, сцена 2, строки 142–143[173]

Здесь дофин сравнивает Жанну с другими христианскими пророчицами. Считается, что у Елены, матери римского императора Константина, было видение, благодаря которому обнаружили Святой Истинный Крест, на нем был распят Иисус. Это случилось в 326 г. н. э.

Дочери святого Филиппа упоминаются в новозаветной книге Деяния святых апостолов (21: 9): «У него[174] были четыре дочери девицы, пророчествующие».

После этого французы клянутся снять осаду с Орлеана, и Жанна сулит им победу.

«Здесь твой Дамаск...»

Пока Жанна д'Арк воодушевляет дофина, раздоры между англичанами усиливаются. Глостер

---

[173] Примечания: 173

В оригинале: «...мать *великого* Константина и дочерей *святого* Филиппа». — *Е. К.*

[174] Примечания: 174

святого Филиппа. — *Е. К.*

спешит в лондонский Тауэр, одновременно являющийся арсеналом, за оружием для англичан, сражающихся во Франции (но, возможно, и для себя), но обнаруживает, что Тауэр находится в руках Уинчестера.

Вооруженные вассалы обоих ссорятся, и Уинчестер сам выходит к Глостеру. Как духовное лицо, он не имеет права носить оружие и предлагает Глостеру убить его:

> Ты отойди! Не двинусь ни на шаг.
> Здесь твой Дамаск; будь Каином проклятым;
> Коль хочешь, брата Авеля убей.

Акт I, сцена 3, строки 38–40

Уинчестер приходится Глостеру сводным дядей (единокровным братом его отца): это достаточно близкая родственная связь, чтобы вызвать аналогию с Каином и Авелем. (Ту же аналогию использовал Болингброк, угрожая Ричарду II, — см. в гл. 6: «Жертвенная, Авеля…») Упоминание о Дамаске — отсылка к более поздней легенде, согласно которой город Дамаск стоит на том месте, где когда-то Каин убил Авеля.

Входит лорд-мэр Лондона и с опаской читает указ о мятеже. После этого каждый, кто нанесет

удар другому, будет считаться нарушителем закона. Ссора тут же прекращается, потому что Глостер, как добропорядочный англичанин, говорит:

Закона не нарушу, кардинал…

Акт I, сцена 3, строка 73

Естественно, лорд-мэр, изображенный толстым купцом средних лет, не обладающим такими аристократическими добродетелями, как любовь к насилию, вызывает смех публики, заканчивая сцену следующей репликой:

Как разъярились эти господа!
Я в жизнь свою не дрался никогда.

Акт I, сцена 3, строки 83–84

Несмотря на то что в данном случае кровопролития удалось избежать, можно не сомневаться, что смертельная феодальная вражда между дядей и племянником не утихает.

«Как Нерон…»

Действие снова перемещается в Орлеан — на этот раз в стан осаждающих. На сцене появляет-

ся Толбот, которого обменяли на французского пленника.

Солсбери, командующий англичанами, радостно приветствует Толбота и показывает ему башню и железную решетку, сквозь которую он следит за французами. Он не догадывается, что французский бомбардир[175], узнавший о привычке Солсбери пользоваться этой башней, навел на нее пушку и три дня поджидал в засаде. Уставший бомбардир уходит, оставляя вместо себя сына, и приказывает выстрелить, если тот заметит что- то подозрительное.

Мальчик стреляет, и смертельно раненный Солсбери падает. Обезумевший от ярости Толбот клянется отомстить за своего командира. Он говорит:

> Отмщу, Плантагенет, и, как Нерон,
> На лютне стану я играть, любуясь
> Горящим городом.

Акт I, сцена 4, строки 95–96

В 64 г. н. э. в Риме был большой пожар. Это часто случалось в городе, состоявшем из деревянных лачуг, сколоченных на скорую руку, и имевшем

---

[175] Примечания: 175
в переводе — оружейный мастер. — *Е. К.*

самое примитивное оборудование для тушения пожара. Император Нерон, который в это время находился на своей вилле в Анциуме, поспешил вернуться, чтобы разобраться в случившемся и сделать все возможное для облегчения страданий горожан. С пожаром удалось справиться только через шесть дней.

Согласно легенде, однажды ночью, наблюдая за пожаром, Нерон (считавший себя великим артистом) взял лютню и спел мрачную песню о пожаре Трои. Это было не слишком тактично, но безвредно. Однако Нерона по ряду причин не любили — в частности, потому, что впоследствии он организовал гонения на христиан под предлогом того, что именно они подожгли Рим.

Поэтому возник слух, что Нерон сам устроил этот пожар (чего в действительности не было), а затем играл на лютне и пел, наслаждаясь зрелищем. Именно это и грозит сделать Толбот. почему-то принято считать, что Нерон играл на скрипке; отсюда возникла поговорка «играть на скрипке во время пожара Рима», означающая крайнюю степень черствости и равнодушия. Вообще-то скрипку изобрели через много веков после Нерона, так что Толбот совершенно прав, когда говорит, что будет играть на лютне.

«...Пророчица и новая святая»

В момент смерти Солсбери англичане узнают о Жанне д'Арк. Прибывший гонец и говорит:

> Милорд, французы двинулись на нас.
> Идет дофин, с ним Девственница Жанна,
> Пророчица и новая святая.
> Хотят заставить нас осаду снять.

Акт I, сцена 4, строки 100–103

Главный конфликт определен; остаток пьесы будет посвящен главным образом противоборству простого храброго солдата Толбота, сражающегося за Англию, со злобной ведьмой Жанной д'Арк, сражающейся за Францию.

Но здесь Шекспир грубо нарушает хронологию событий. У него сначала Толбот попадает в плен, потом Жанна д'Арк прибывает ко двору дофина, а затем погибает Солсбери. На самом деле все было наоборот:

1. Солсбери был смертельно ранен в результате удачного выстрела мальчишки-бомбардира 27 октября 1428 г. Его отвезли на лечение в Менна-Луаре, находящийся в 10 милях (16 км) ниже

по течению, где он и умер 3 ноября 1428 г. В результате моральный дух англичан значительно ослаб.

2. Жанна д'Арк прибыла ко двору дофина 24 февраля 1429 г., через четыре месяца после ранения Солсбери. Когда она наконец добралась до Орлеана, в воинском духе французов уже произошел перелом. 4 мая 1429 г. наступление французов заставило англичан снять осаду и отступить. (Орлеан был Сталинградом Столетней войны.)

3. Битва при Патэ состоялась во время отступления; Толбот был взят в плен 29 июня 1429 г., через четыре месяца после прибытия Жанны ко французскому двору. Кстати говоря, Толбот пробыл в плену четыре года и был освобожден лишь в 1433 г.

«...Ведьма»

В пьесе первое столкновение Толбота и Жанны происходит у стен Орлеана. Они вступают в поединок, и Толбот, который одной левой крошит сотни французов, не может справиться с французской девушкой. Вывод ясен, и Толбот кричит:

Я кровь тебе пущу, лихая ведьма…

Акт I, сцена 5, строка 6

Конечно, никакой дуэли на самом деле не было. Жанна двигалась вместе с армией и даже командовала ею, облаченная в латы, но сама никогда не сражалась. Дело было в присутствии Жанны на поле боя и вере в нее солдат, а не в воинских подвигах, которые она могла совершить.

«Святая Франции…»

Французы прорвали блокаду, заставили англичан отступить и вошли в Орлеан 7 мая 1429 г. Поворотный момент в Столетней войне наконец наступил; это случилось через тринадцать с половиной лет после Азенкура. Дофин в экстазе восхваляет Жанну, используя классические сравнения. Он восклицает:

Небесное созданье, дочь Астреи,
За этот подвиг чем тебя почтить?
Как сад Адониса — твои обеты:

Цветут сегодня, завтра ж плод приносят.

Акт I, сцена 6, строки 4–8

Астрея — богиня справедливости и милосердия, которая осталась на земле после окончания первобытного золотого века. Когда усилившаяся порочность людей в конце концов заставила уйти и ее, Астрея вознеслась на небо и стала созвездием Девы. Естественно, Жанна Девственница должна была напоминать ее.

Во время древних сельскохозяйственных праздников в честь Адониса, проводившихся в середине лета, грядки засевали быстрорастущими растениями, которые цвели восемь дней, после чего им давали засохнуть и бросали в море или реку вместе с изображениями мертвого Адониса. Это прозрачная аллегория рождения и смерти растительного мира, вызванных сменой времен года, которую и символизирует миф об Адонисе. Садами Адониса называли все, что быстро выполняет свое предназначение (и в том числе быстро умирает; перед нами такая же не слишком подходящая метафора, как и приведенная выше «лето святого Мартина»).

Дофин продолжает:

Я пирамиду ей воздвигну выше,
Чем памятник Родопы…

Акт I, сцена 6, строки 21–22

Согласно греческому мифу, Родопа (точнее, Родопис) была египетской проституткой, якобы построившей на собственные средства пирамиду Менкура. Конечно, это всего лишь миф, но, как бы там ни было, сравнение девственницы Жанны с проституткой Родопой по меньшей мере бестактно. Конечно, Шекспир сделал это не случайно.

Дофин завершает свой монолог следующим утверждением:

Святая Франции — лишь Жанна д'Арк.

Акт I, сцена 6, строки 28–29

Несомненно, Шекспир хотел всего-навсего привести пример напыщенной риторики женоподобного дофина, однако вышло так, что его предсказание полностью сбылось.

В наш век, когда святые покровители вышли из моды, Жанна д'Арк единственное исключение из правила. Для французов эта святая олицетворение всего лучшего, что есть во Франции и что способно вывести страну из самого глубокого кризиса. Не только Франция, но и весь мир счи-

тают ее символом спасения в ситуации, когда кажется, что не осталось никакой надежды.

«Артуа, Валлонь и Пикардия…»

Сразу после прорыва блокады Орлеана англичане начали терять завоеванные территории. К Орлеану они так и не вернулись. Напротив, французы преследовали англичан и разбили их в сражении у Патэ. Эта была первая крупная победа французов на поле боя, развеявшая миф о непобедимости англичан вообще и Толбота в частности.

В тот момент французы могли нанести более серьезное поражение англичанам и даже вернуть себе Париж, но у Жанны была другая забота: она стремилась короновать дофина и сделать его законным королем Франции.

Битва при Патэ открыла французам дорогу на Реймс. Карл и Жанна повели французскую армию к Реймсу, находившемуся в 140 милях (225 км) к северо-востоку от Орлеана. Коронация состоялась 17 июля 1429 г., после чего дофин наконец стал французским королем Карлом VII.

Однако в пьесе происходит возмутительная фальсификация исторических событий в угоду английскому тщеславию.

В начале второго акта Толбот, Бедфорд и герцог Бургундский встречаются у Орлеана, пытаясь вернуть потерянное. Толбот говорит двум собеседникам:

> Милорд-регент, и вы, Бургундский герцог,
> Благодаря которому Артуа,
> Валлонь и Пикардия с нами в дружбе…

Акт II, сцена 1, строки 8–10

Артуа, Валлонь[176] и Пикардия — области в северо-восточной Франции; их упоминание лишний раз свидетельствует о том, что англичане побеждали французов в основном потому, что часть французов перешла на их сторону. Англичане продержались во Франции так долго главным образом благодаря союзу с бургундцами, но шекспировские хроники, как правило, об этом умалчивают.

Однако после смерти Генриха V союз с бургундцами ослабел, и виновата в этом была некомпетентность лорда-протектора Хамфри Глостера.

В 1423 г., через год после смерти Генриха V, Глостер женился на Жаклине Энольской, которой

---

[176] Примечания: 176
в переводе — Валлония. — *Е. К.*

принадлежали большие владения в Нидерландах. Это не понравилось Филиппу Бургундскому по нескольким причинам. Во-первых, ранее Жаклина была замужем за герцогом Брабантским, родственником Бургундца. Эта дама бежала с Глостером и добилась признания брака с герцогом Брабантским недействительным, обратившись к папе, которого никто на Западе не признавал. Это оскорбило Бургундца, считавшего, что с его родственником, герцогом Брабантским, обошлись несправедливо. (Кстати говоря, герцог Брабантский был вторым мужем Жаклины. А в первом браке она была замужем за тем самым дофином Луи, который послал Генриху V теннисные мячи, — см. в гл. 10: «Буйства дней былых…»)

Во-вторых, жадный Глостер решил присвоить нидерландские территории, на которых находились имения его жены, и даже высадил в Кале пять тысяч солдат, чтобы начать войну в Нидерландах. Это не только отвлекло английские силы от гораздо более важной войны с дофином, но и нанесло Бургундцу новое оскорбление, потому что он считал Нидерланды сферой своих интересов.

Все это едва не привело к дуэли между Глостером и герцогом Бургундским, несмотря на

отчаянные попытки Бедфорда примирить их. Дело кончилось тем, что в 1428 г. брак Глостера был объявлен недействительным. Затем Глостер женился на своей любовнице Элеоноре Кобем, женщине относительно низкого происхождения. (Именно о ней, упреждая дальнейшие события и при этом допуская грубейший анахронизм, вдруг невпопад упомянул Уинчестер на похоронах Генриха V: «Твоя жена горда…», см. в гл. 11: «Ты протектор…»)

Все это сильно осложнило дружбу Бургундии и Англии, а поражение англичан под Орлеаном охладило ее еще больше. Тем не менее Бургундия, хотя и без прежнего энтузиазма, продолжала оставаться союзником Англии, и это сыграло важнейшую роль в судьбе Жанны д'Арк.

«Трусливый враг!»

Толбот объясняет, что французы празднуют победу (которую он, конечно, приписывает колдовству) и потеряли бдительность, поэтому город можно взять внезапным штурмом.

Герцог Бургундский соглашается с тем, что тут не обошлось без колдовства, потому что он имеет все причины ненавидеть дофина и примет любую точку зрения, порочащую его врага. Он говорит:

Трусливый враг! Он посрамил себя,
Когда, в оружии своем изверясь,
В союз вступил он с *ведьмою* и с адом.

Акт II, сцена 1, строки 16–18[177]

В результате Орлеан взят (чего в действительности никогда не было). Французы, включая Жанну и дофина, вынуждены с позором бежать из города в ночных рубашках.

Однако в пьесе Орлеан больше не упоминается, а французские владения англичан продолжают неуклонно сокращаться. Англичане отступают, а Шекспир так и не объясняет, почему каждая якобы одержанная победа приближает англичан к полному поражению.

«Скифянка Томирис…»

После взятия Орлеана Шекспир закладывает почву (абсолютно фиктивную) для демонстрации непобедимости Толбота не только на поле боя: англичанин получает приглашение посетить замок графини Овернской, находящийся в 150 милях (240 км) к югу от Орлеана.

---

[177] Примечания: 177

В оригинале: «…с *ведьмами*». В переводе эти слова принадлежат Бедфорду. — *Е. К.*

Видимо, это должно стать маленькой любовной интрижкой, потому что Бедфорд и Бургундец подсмеиваются над Толботом. Никого не волнует, что Толбота приглашают углубиться на территорию, контролируемую французами. Прозорливый Толбот, неизмеримо превосходящий французских дам так же, как и французских воинов, вынашивает собственные планы, о которых публика пока не догадывается. (Он подзывает капитана и о чем-то шепчется с ним.)

Зато дама в следующей сцене недвусмысленно заявляет, что она замышляет убить Толбота. Графиня говорит:

> Не меньше подвигом своим прославлюсь,
> Чем скифянка Томирис смертью Кира.

Акт II, сцена 3, строки 5–6

Кир был великим завоевателем, создавшим Персидскую империю — величайшую из когда-либо существовавших в Западной Азии — в VI в. до н. э. В 529 г. до н. э. страсть к захвату как можно большего количества земель привела его на восточное побережье Каспийского моря, тогда принадлежавшее кочевому племени массагетов. Согласно Геродоту, этим племенем правила цари-

ца Томирис. В битве с массагетами Кир потерпел свое первое поражение — оно же и последнее, потому что в этой битве он погиб. Томирис нашла труп царя, отрезала ему голову и бросила его в чан с человеческой кровью, что символизировало кровожадность Кира и его ненасытное стремление к сражениям.

Шекспир называет Томирис скифянкой — именем, которое легко дать любому кочевому племени. На самом деле массагеты вытеснили скифов из области за Каспием и заняли их место.

Когда Толбот прибывает в замок, поначалу графиня разочарована тем, что он оказался таким тщедушным, а затем пытается арестовать его.

Однако Толбот только смеется и зовет своих солдат (именно об этом он шептался с капитаном). Толбот привел с собой сильный отряд; он не так глуп, чтобы прибыть на зов французской дамы без провожатых.

Французская графиня тут же влюбляется в Толбота (что елизаветинская публика считает само собой разумеющимся), и сцена заканчивается к всеобщему удовольствию.

«...За правду?»

Но затем следует сцена, которую все признают шекспировской. Ее вставили, чтобы рассказать о начале Войны Алой и Белой розы — долгой и кровопролитной гражданской войны, описанной во второй и третьей частях «Генриха VI». Благодаря этой сцене и нескольким вставным эпизодам старая пьеса, первоначально посвященная исключительно описанию подвигов Толбота, становится почти приемлемой первой частью «Генриха VI».

Причиной гражданской войны стал набивший оскомину вопрос о престолонаследии. Кто был законным наследником Ричарда II?

Возможно, Генрих IV, Генрих V, а теперь и Генрих VI. Все они потомки Джона Гонта, герцога Ланкастерского и четвертого сына Эдуарда III (ветвь Ланкастеров).

А возможно, Эдмунд Мортимер, пятый граф Марч, который (по материнской линии) является потомком Лайонела Антверпенского, третьего сына Эдуарда III.

Права Мортимера защищал Хотспер, выступавший против Ланкастеров в лице Генриха IV; эта история описана в первой части «Генриха IV»,

а также граф Кембридж, составивший заговор против Ланкастера Генриха V в «Генрихе V».

Теперь права Мортимера собирается защищать другой человек. Именно с его вопроса начинается четвертая сцена второго акта:

> Что значит, господа, молчанье ваше,
> Ужель никто не вступится за правду?

Акт II, сцена 4, строки 1–2

Эти слова произносит Ричард Плантагенет, сын уже упомянутого нами графа Кембриджа. Ричарду дали такое прозвище, потому что он являлся наследником по нерушимой мужской линии, восходящей к уже упомянутому прапрадеду — Эдуарду III Плантагенету (об Эдуарде III см. с. 261, 263).

Прадедом Ричарда Плантагенета был Эдмунд Лэнглийский (он же герцог Йорк из «Ричарда II»), а дядей — Эдуард, герцог Йоркский (Омерль в «Ричарде II», погибший в битве при Азенкуре). К тому времени отец Ричарда Плантагенета, заговорщик граф Кембридж (младший брат упомянутого Эдуарда Йоркского), был казнен. Мальчик, которому во время битвы при Азенкуре было всего четыре года, в обычных условиях унаследовал бы титул и стал герцогом Йоркским. Однако, как сын осуж-

денного изменника, он был лишен этого права и остался просто Ричардом Плантагенетом.

Несмотря на лишение титула, по крови он пэр Англии, а потому ведет себя с другими лордами как равный. В данном случае Ричард требует, чтобы ему объяснили происшедшее исходя из буквы закона. Этот закон в пьесе не упоминается, но ясно, что речь идет о жестком порядке престолонаследия. Видимо, Плантагенет хочет выяснить, не имеют ли потомки Мортимера больше прав на английскую корону.

Следует помнить, что во времена Шекспира английский престол прочно удерживали Ланкастеры, которым и принадлежали все симпатии. Шекспир обнаружил, что все исторические источники написаны с сугубо проланкастерских позиций и полностью отрицают права Мортимера на корону. Драматург разделяет эту точку зрения и не позволяет себе включать в пьесу эпизоды, которые могли бы оскорбить современную ему высшую власть.

Поэтому в ряде мест Шекспир относится к Ричарду Плантагенету несправедливо, показывая, что тот поднимает вопрос о престолонаследии и плетет интриги, пытаясь завладеть короной лично для себя, хотя на самом деле Ричард был

предан престолу и поднял мятеж только из-за неспособности Генриха VI управлять страной и происков окружавших его вельмож.

Вкратце дело Ричарда выглядит так. Если принимать в расчет потомков только по мужской линии, он не мог бы претендовать на трон, поскольку вел свою родословную от Эдмунда Лэнгли, *пятого* сына Эдуарда III.

Однако отец Плантагенета был женат на Анне Мортимер, младшей сестре графа Эдмунда Марча. Если бы граф Марч умер, не оставив потомства, то Ричард Плантагенет стал бы первым кандидатом на трон, поскольку он был сыном дочери сына дочери Лайонела, *третьего* сына Эдуарда III.

Ветвь Плантагенетов, к которой принадлежал Ричард, обычно называли Йорками, потому что Ричард был потомком Эдмунда Лэнгли, герцога Йоркского, и потому что в один прекрасный день ему самому предстояло стать герцогом Йорком. Породнившись с родом Мортимеров, Йорки имели больше прав на престол, чем Ланкастеры.

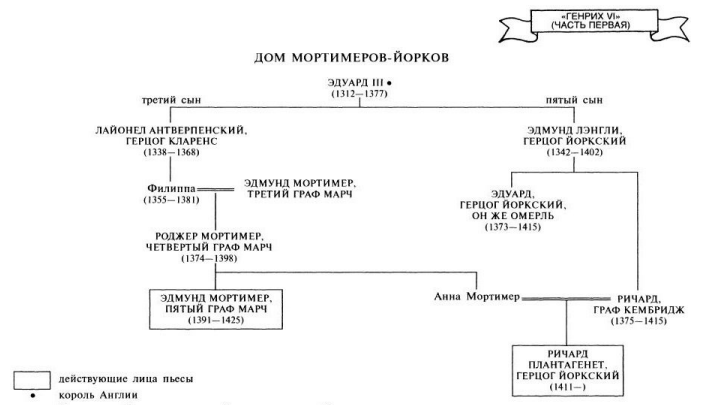
Поскольку Йорки ведут свою родословную от третьего сына, а Ланкастеры — только от четвертого, Ричард Плантагенет считает, что он имеет полное право требовать от других лордов восстановления справедливости.

«...В зале Темпля»

Один из присутствующих вельмож несколько нервозно отвечает Плантагенету:

Там, в зале Темпля [178], было слишком шумно;
В саду удобней будет говорить.

Акт II, сцена 4, строки 3–4



[178] Примечания: 178
Темпла

Темпл-Холл был любимым местом сборища студентов-юристов, поэтому трудно было найти лучшее место для обсуждения законодательных проблем. Однако, поскольку обсуждаемая проблема легко могла привести к заявлениям, граничащим с государственной изменой, действительно следовало подыскать более безопасное место.

Плантагенету отвечает Уильям де ла Поль, граф Суффолк[179]. Этот человек провел молодость во Франции, где сначала преданно служил Генриху V, а затем графу Солсбери и герцогу Бедфорду. Когда Солсбери погиб в Орлеане, именно Суффолк принял командование английской армией (хотя, чтобы повысить значение Толбота, в пьесе об этом не упоминается).

Во время отступления от Орлеана Суффолк тоже попал в плен, но вскоре его выкупили.

Судя по участию Суффолка в этой сцене, можно сделать вывод, что после осады Орлеана прошел значительный срок; видимо, дело происходит в 1432 г. Однако указаний на время действия в тексте нет, а поскольку эта сцена полностью выдумана, уточнять сроки бесполезно.

---

[179] Примечания: 179
в переводе — Уильям Де-Ла-Пуль, граф Сеффолк. — *Е. К.*

«…Сомерсет»

В Темпл-Холл Ричард Плантагенет молчал из боязни, что их подслушают, но в саду он чувствует себя свободнее и говорит:

> Признайте же, что я *стою* за правду,
> Иль хоть скажите, прав ли Сомерсет.

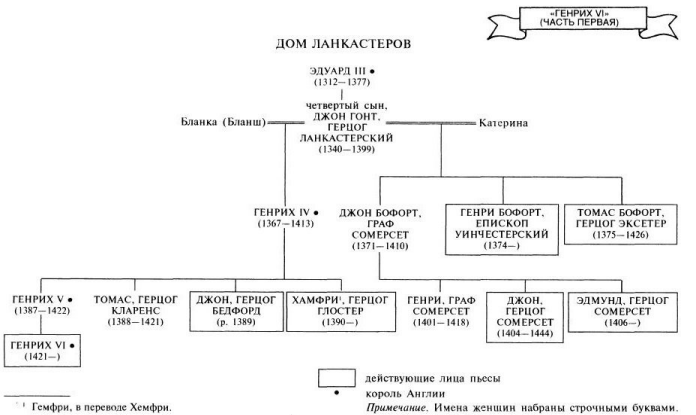
Акт II, сцена 4, строки 5–6

Кто такой Сомерсет? Чтобы понять это, придется вернуться к роду Бофортов.

Потомки Джона Гонта делились на две ветви. От первой жены Гонт имел сына Генри Болингброка (будущего Генриха IV), потомками которого являются король-мальчик Генрих VI и его родные дядья Джон Бедфорд и Хамфри Глостер.

Третья жена родила Гонту троих сыновей — Джона Бофорта, Генри Бофорта и Томаса Бофорта. Все они родились, когда третья жена Гонта еще была его любовницей, а потому считались незаконными детьми. Однако, когда Джон Гонт женился на своей любовнице, он убедил короля подписать указ, согласно которому Бофорты признавались его законными сыновьями. Генрих IV (тогда еще Болингброк) проявил осторожность

и добился включения в указ оговорки о том, что никаких прав на трон у этих детей не будет. Правда, некоторые исследователи доказывают, что этот пункт вставили в указ намного позже и он является фальшивкой. Но как бы там ни было, если бы ветвь Генриха IV пресеклась, у Бофортов появились бы серьезные права на трон.



И такая возможность появилась, причем достаточно основательная. Взрослые представители ветви Ланкастеров Бедфорд и Глостер в то время наследников не имели (и действительно умерли

бездетными). Таким образом, младенец Генрих VI был последним представителем старшей ветви Ланкастеров, а крепким здоровьем он не отличался.

Но что собой представляли братья Бофорт? Младший, Томас, герцог Эксетер, умер в 1426 г., за три года до прорыва блокады Орлеана, и не оставил наследников.

Средний Бофорт — Генри, епископ Уинчестерский, жив и здоров, однако он служитель церкви, а потому детей оставить не может.

Старшего Бофорта, Джона, Генрих IV (его единокровный брат) сделал графом Сомерсетом, но насладиться всеми преимуществами своего титула Джон не успел, потому что умер в 1410 г. в возрасте примерно двадцати семи-двадцати девяти лет.

У этого Джона Бофорта также было трое сыновей. Старший, Генри Бофорт, унаследовал титул графа Сомерсета, но умер в 1418 г. в возрасте семнадцати лет, также не оставив наследников.

Двое остальных сыновей — Джон и Эдмунд. Джон получил титул графа Сомерсета после смерти старшего брата. Он воевал во Франции, попал в плен и пробыл в нем четырнадцать лет. В 1443 г. он стал герцогом Сомерсетом, но через год умер

во Франции, оставив после себя единственную дочь, Маргариту Бофорт. Титул герцога Сомерсета перешел к его младшему брату, Эдмунду.

Трудно сказать, кого из братьев — Джона или Эдмунда — имеет в виду Шекспир, говоря о «спорщике Сомерсете». В списке действующих лиц значится Джон Бофорт, но в конце пьесы описаны события, происшедшие уже после смерти Джона, поэтому упоминающийся там Сомерсет может быть только Эдмундом.

Таким образом, нам остается только одно: считать Сомерсета из первой части «Генриха VI» объединенным образом Джона и Эдмунда — братьев, представлявших второе поколение Бофортов.

Ясно, что Бофорты являются Ланкастерами; именно это позволяет им претендовать на трон. Более того, Сомерсет (Джон — Эдмунд Бофорт), как потомок старшего из братьев Бофорт, по строгому порядку престолонаследия должен был унаследовать трон, если бы Генрих VI умер бездетным. Однако ветвь Йорков считала по-другому: в этом случае престол занял бы Ричард Плантагенет. Более того, Ричард имел право сместить Генриха VI, поскольку по женской линии он вел родословную от третьего сына Эдуарда III, а Генрих — лишь от

четвертого (хотя только по отцовской линии).

Линия фронта определена: Ричард Плантагенет против Джона — Эдмунда Сомерсета. Присутствующим при этом лордам остается выбрать, на чьей они стороне.

«В тонкостях закона…»

Нетрудно заметить, что никто из присутствующих лордов не хочет примыкать к одной из партий. Сторонников Ричарда Плантагенета могут обвинить в государственной измене; ясно, что Сомерсет этого не забудет. Сторонников Сомерсета также сочтут изменниками, если Плантагенет когда-нибудь унаследует трон; ясно, что он тоже этого не забудет.

Суффолк отговаривается тем, что он не силен в законах. Тогда Ричард Плантагенет обращается к графу Уорику, но граф, осторожный, как ласка, повторяет те же доводы:

> Но в этих хитрых тонкостях закона,
> Клянусь душой, я не умней вороны.
>
> ***Акт II, сцена 4, строки 17–18***

Уорик — это Ричард Бошан, граф Уорик, игравший эпизодические роли во второй части

«Генриха IV» и в «Генрихе V».

Ричард Уорик сражался в битве при Шрусбери на стороне Генриха IV, затем два года путешествовал по Европе и даже совершил паломничество в Святую землю. Когда Генрих V воевал во Франции, Бошан был комендантом Кале. Он был послом во Франции и принимал императора Сигизмунда, когда тот посетил Англию.

Согласно завещанию Генриха V, Уорик стал воспитателем малолетнего Генриха VI и занимал этот пост до 1437 г. В 1430 г. он сопровождал юного Генриха в поездке во Францию; в это время произошло главное событие, благодаря которому его имя осталось в истории: именно Уорик был председателем суда, который приговорил Жанну д'Арк к сожжению на костре.

«...Розу белую»

Поняв, что никто не станет говорить открыто, Ричард Плантагенет предлагает сделать символический выбор. Он говорит:

> Пускай же тот, кто истый дворянин
> И дорожит рождением своим,
> Коль думает, что я стою за правду,

Сорвет здесь розу белую со мной.

Акт II, сцена 4, строки 27–30

Сомерсет следует его примеру и выбирает алую розу.

Этот эпизод должен объяснить, почему в последовавшей за этим гражданской войне эмблемой Йорков стала алая роза, а эмблемой Ланкастеров — белая.

На самом деле белая роза стала эмблемой Йорков только во время разразившейся затем гражданской войны, а алая роза Ланкастеров появилась только после ее окончания в пику хорошо известной к тому времени Белой розе.

Уже через столетие историки не могли объяснить происхождение этих символов; в результате возникла легенда, которой и воспользовался Шекспир. Именно благодаря этой легенде серию гражданских войн, продолжавшуюся тридцать лет (с 1455 по 1485 г.), стали называть Войной Алой и Белой розы.

«Беседовать с мужланом…»

Наконец пэры Англии делают выбор. Например, Уорик срывает белую розу, а Суффолк — алую. Вспыхивает ссора; Сомерсет перед тем, как уйти,

отпускает едкое замечание в адрес Плантагенета, говоря Суффолку:

> Беседовать с мужланом — много чести.
>
> ***Акт II, сцена 4, строка 81***[180]

Йомен — это простолюдин; таким способом Сомерсет хочет сказать, что, поскольку отец Плантагенет казнен за государственную измену, а у самого Плантагенета нет титула, он недостоин разговаривать с лордами.

«Третьим сыном…»

Уорик парирует обвинение в том, что Плантагенет — не дворянин. Он говорит:

> Ведь герцог Кларенс, Лайонел, который
> Эдварда Третьего был третьим сыном,
> Дед Ричарду.
>
> ***Акт II, сцена 4, строки 83–84***

«Дед» в данном случае — обобщающее слово, поскольку в действительности Лайонел приходился Ричарду прапрадедом.

---

[180] Примечания: 180

В оригинале: «Мы оказываем йомену слишком большую честь…» — *Е.К.*

Подчеркивая слова «третьим сыном», Уорик также издевается над Сомерсетом, поскольку Сомерсет потомок всего лишь четвертого сына.

«…В заседании ближайшем парламента»

Когда Сомерсет и его сторонники уходят, Уорик так утешает Плантагенета:

> Пятно, которым ваш порочат род,
> Сотрется в заседании ближайшем
> Парламента, что должен примирить
> Уинчестера и Глостера вражду.
> И если ты не будешь сделан Йорком,
> Пусть Уориком меня не величают.

Акт II, сцена 4, строки 116–120

Парламент, о созыве которого идет речь, собрался в 1426 г.; если бы эта сцена не была чистой фантазией, она поставила бы исследователя в тупик. В 1426 г. до осады Орлеана, о которой идет речь в первом акте, оставалось еще три года, Сомерсет (Джон) был в плену у французов и не мог присутствовать на сессии, его брат (Эдмунд) еще не был Сомерсетом, а Ричарду Плантагенету в то время еще не исполнилось пятнадцати лет.

Впрочем, разбираться в безнадежно перепутан-

ной хронологии этой пьесы не имеет смысла.

«…Вещают Мортимеру про конец»

В следующей сцене хронологическая путаница продолжается; мы оказываемся в лондонском Тауэре, где якобы заточен Эдмунд Мортимер. Сидящий в кресле старик говорит тюремщику:

> А смерти вестники, седые кудри,
> Что средь скорбей состарились, как Нестор,
> Вещают Мортимеру про конец.
>
> ***Акт II, сцена 5, строки 5–7***

Здесь Шекспир сильно ошибается. Если речь идет об Эдмунде Мортимере, пятом графе Марче, который согласно строгому порядку престолонаследия является законным претендентом на трон, то он умер в 1425 г., за год до «следующего парламента», о котором Уорик говорил в предыдущей сцене. Можно было бы предположить, что сцена с розами имела место в 1425 г., незадолго до смерти Мортимера, и не обращать внимания на многочисленные анахронизмы вроде несоответствия возраста Плантагенета и пребывания Сомерсета в плену.

Однако Мортимер умер в возрасте всего-навсего тридцати четырех лет, так что состариться, «как Нестор» (то есть дожить до возраста легендарного старца — см.: *Шекспир.* Троил и Крессида. Акт I, сцена 3), он попросту не успел.

Конечно, в первой части «Генриха VI» Шекспир путает Эдмунда Мортимера, графа Марча, с его дядей (также Эдмундом Мортимером), который был взят в плен Оуэном Глендауром[181] (см. в гл. 7: «Мортимер…»). Если же Шекспир действительно имел в виду этого дядю, то тот родился в 1376 г.; следовательно, в 1425 г. ему было бы сорок девять. Но он не мог сидеть в Тауэре, потому что из валлийского плена так и не вернулся и умер в Уэльсе в 1409 г. в возрасте тридцати трех лет. Так что ни дядя, ни племянник образу, созданному Шекспиром, никак не соответствуют.

«В проклятом заточенье…»

Эдмунд Мортимер ждет свидания с Ричардом Плантагенетом, сыном его сестры, которому он может передать свое право на престол. Имея в виду Ричарда, он говорит:

---

[181] Примечания: 181

Ту же ошибку он многократно повторяет впоследствии. *(Примеч. пер.)*

Бедняга! Он обижен, как и я.
Я нахожусь в проклятом заточенье
С тех пор, как воцарился Генрих Монмут,
А до того я в битвах был велик.

Акт II, сцена 5, строки 22–25

Со стороны Эдмунда Мортимера говорить о «проклятом заточенье», которому якобы подверг его Генрих V, — значит бесстыдно клеветать на умершего. На самом деле Эдмунда заточил Генрих IV (причем условия содержания в тюрьме вовсе не были тяжелыми), а Генрих *V выпустил его на свободу!*

Генрих V взял Эдмунда Марча с собой в первую французскую экспедицию, и Эдмунд честно сражался при Арфлере и во всех последующих битвах. В 1423 г., уже после смерти Генриха V, Эдмунда Мортимера послали в Ирландию, и он возглавил тамошнюю английскую колонию. Он оставался в Ирландии до самой смерти, в 1425 г. он умер от чумы.

Эдмунд Мортимер не был заключенным, умершим в лондонском Тауэре. Он умер свободным человеком, занимавшим видный государственный пост.

Более того, при жизни граф Марч вовсе не враждовал с Ланкастерами. Кое-кто считает, что именно он сообщил Генриху V о заговоре Ричарда Кембриджа — то ли в благодарность за освобождение, то ли в обмен на свободу. Если так, то его поступок достоин презрения, поскольку заговорщики хотели сделать королем именно его, Мортимера.

Это означает, что Эдмунд, изображенный в этой сцене ожидающим своего племянника, который «обижен, как и я», обрек на смерть отца этого племянника. (Напомним, что Кембридж приходился Марчу зятем, то есть мужем сестры.)

«...Моего отца»

Прибывает Ричард Плантагенет, все еще не успокоившийся после выпада Сомерсета в адрес его казненного отца, и просит Эдмунда Мортимера рассказать ему правду:

> Итак, прошу тебя, любезный дядя,
> По чести, ради нашего родства,
> Как истинный Плантагенет, поведай
> Причину казни моего отца.

Акт II, сцена 5, строки 51–54

В ответ Эдмунд Мортимер подробно перечисляет сыновей Эдуарда III и объясняет, что по закону трон принадлежит ветви Мортимеров. Конечно, с этой точки зрения граф Кембридж никакой государственной измены не совершал, а боролся против узурпатора, защищая права законного короля.

Затем Ричард говорит:

> Но, думается, казнь отца была
> Лишь деспота кровавою расправой.
>
> ***Акт II, сцена 5, строки 99–100***

Эдмунд Мортимер советует племяннику соблюдать осторожность и никому не говорить о своих планах, а затем умирает. После его смерти Ричард получает в наследство богатые земельные владения, а также автоматически становится шестым графом Марчем.

Однако Ричарду важнее избавиться от двусмысленности своего положения, вызванной казнью отца. Уместнее всего это сделать на следующей сессии парламента, который должен признать законность его прав на титул герцога Йоркского.

Думая об этом, Ричард говорит:

А потому я поспешу в парламент.

Акт II, сцена 5, строка 127

«...Побочный сын?»

Сессия парламента, созванная для того, чтобы как-то примирить Хамфри Глостера и Генри Уинчестера, приходит в ужас от их распрей. Доходит до того, что сторонники Глостера и Уинчестера, которым запрещено пользоваться оружием, закидывают друг друга камнями. (Ради достижения компромисса Бедфорду пришлось вернуться из Франции, но об этом в пьесе не говорится.)

Ссора переходит на личности. Когда Уинчестер хочет сказать, что он равен Глостеру, тот злобно бросает в ответ:

Равен?
Ты, деда моего побочный сын?

Акт III, сцена 1, строки 41–42

В принципе это верно: Уинчестер — один из троих братьев Бофортов, родившихся бастардами. Однако, поскольку впоследствии Джон Гонт узаконил их, подобное утверждение несправедливо.

После этого начинается размежевание. Сомерсет, племянник Уинчестера, принимает его сторону. Уорик выступает за Глостера.

Следует сказать, что соперничество Уинчестера и Глостера оказало влияние на ход войны во Франции. Глостер, который не мог забыть, что он брат Генриха V и сражался при Азенкуре, был, выражаясь современным языком, «ястребом». Его устраивала только полная победа над Францией. Поэтому Уинчестер, решив противоречить Глостеру во всем, стал «голубем», выступал за более умеренную политику по отношению к Франции и полной победы не требовал.

Естественно, существование в Англии сильной «партии мира» ослабляло английские позиции во Франции.

«...Очень юн годами»

Тут вмешивается король Генрих VI, председательствующий на сессии парламента, и произносит свою первую реплику в пьесе, названной в его честь. Он говорит:

Прошу вас, дяди Уинчестер и Глостер...

Акт III, сцена 1, строка 65

Это довольно точно. Глостер приходится королю дядей, а Уинчестер — двоюродным дедом. (В данный момент Глостеру тридцать пять лет, а Уинчестеру — около пятидесяти.) Король продолжает:

> Поверьте мне, милорды, я могу
> Сказать, хотя и очень юн годами:
> Раздор гражданский — ядовитый червь,
> Грызущий внутренности государства…

Акт III, сцена 1, строки 71–73

Король снова прав, но «годами юн» он намного более, чем следует из его слов: в 1426 г. Генриху VI было всего пять лет. Он продолжает, обращаясь к двоим дядьям:

> Я вас прошу, коль вы не глухи к просьбам,
> Соединить сердца в любви и дружбе.

Акт III, сцена 1, строки 67–68

Это хорошее вступление к описанию характера Генриха, обладавшего нежной душой и верившего в царство всеобщей любви; для короля такая душа была слишком нежна. И это правда, несмот-

ря на то что приложили немало усилий, чтобы научить королевского отпрыска аристократической вере в то, что лучший аргумент — не любовь, а удар по голове.

Уорик, отвечавший за воспитание короля, неукоснительно следовал тогдашнему педагогическому принципу, требовавшему сурово наказывать ребенка за малейшую провинность, и в детстве Генрих VI был запуган до смерти.

Однако учебе наказания не помогали: высокоразвитым интеллектом этот ребенок не обладал. Похоже, он унаследовал умственную неполноценность своего деда по материнской линии Карла VI Французского (см. в гл. 10: «…Не королем»), однако она никогда не доходила до крайних пределов. Побои не сделали мальчика умнее; даже в конце жизни Генрих оставался добрым ничтожеством, милым благодаря своей искренней набожности и нежеланию причинять людям зло, но никуда не годным королем, который невзначай причинил Англии больше вреда, чем мог бы принести самый жестокий тиран.

«…Вновь пожалованный герцог Йоркский»

По приказу короля Глостер и Уинчестер скрепя сердце заключают ненадежное перемирие.

После этого парламент переходит к рассмотрению дела Ричарда Плантагенета. Возвращение ему титула проходит без всякого труда. Король говорит:

> Встань, Ричард, истинный Плантагенет,
> Встань, вновь пожалованный герцог Йоркский.

Акт III, сцена 1, строки 173–174

Ричард (теперь Йорк) оправдан, но врагов у него меньше не становится. Все произносят слова ритуала:

> Привет тебе, могучий герцог Йорк!

Акт III, сцена 1, строка 178

Однако Сомерсет, глава партии Ланкастеров, бормочет себе под нос:

> Погибни ты, презренный герцог Йорк!

Акт III, сцена 1, строка 179

«В Уиндзоре рожденный Генрих…»

Все уходят; на сцене остается лишь Эксетер,

дядя Сомерсета, младший из братьев Бофорт. Он принадлежит к Ланкастерам, но в первую очередь он английский полководец, участвовавший вместе с Генрихом V в первой французской экспедиции десять лет назад. Он считает разделение английской аристократии на разные партии губительным для ведения войны во Франции и говорит:

> Боюсь я рокового предсказанья,
> Что было у младенцев на устах,
> Когда страною правил Генрих Пятый:
> «Что добыл в Монмуте рожденный Генрих,
> Утратит в Уиндзоре [182] рожденный Генрих»…

Акт III, сцена 1, строки 196–200

В том, что такое пророчество было, сомневаться не приходится. Во все века существовало множество пророков разных мастей. Впоследствии помнят только те предсказания, которые сбылись, а в пересказе они выглядят еще более точными, чем были на самом деле.

Эксетер считает, что пророчество очень похоже

---

[182] Примечания: 182
Виндзоре. — *Е. К.*

на правду:

> Так явно это, что хотел бы я
> Окончить дни до той поры злосчастной.

Акт III, сцена 1, строки 201–202

Желание Эксетера сбылось. Герцог умер еще до окончания войны, когда ему было около пятидесяти, а британские позиции во Франции еще были достаточно сильны. Поворотный момент в войне (снятие осады Орлеана) наступил лишь через два года после его смерти в 1427 г.

После смерти Эксетера из троих братьев Бофорт живым оставался только Генри, епископ Уинчестерский.

«Трусливый рыцарь…»

Далее следует еще одна сцена, не имеющая ничего общего с действительностью: Жанна д'Арк и французы захватывают Руан благодаря предательству, а добрый старый Толбот в тот же день отбивает город благодаря собственной смелости. Французы же в этой сцене изображены изнеженными трусами.

Однако ничего подобного не было. При корот-

кой жизни Жанны д'Арк взять Руан французы так и не сумели. Когда же они захватили город (через восемнадцать лет после смерти Жанны), то уже никому его не отдавали — ни в тот же день, ни позже. Более того, предательство, приписываемое французам, которые якобы проникли в город, переодевшись крестьянами, на самом деле совершили англичане; именно так они взяли город Эвре в 1441 г.

Но самой большой фальсификацией является короткий эпизод, в котором сэр Джон Фальстаф (в некоторых изданиях — Фастолф) бежит с поля боя. Некий капитан кричит ему вслед:

Трусливый рыцарь, да погибнешь ты!

Акт III, сцена 2, строка 109

Этот эпизод так же далек от действительности, как и предыдущее сообщение о взятии Руана.

«Храбрый Пендрагон...»

На сцене появляется Бедфорд. Теперь он стар, болен и передвигается в кресле. Тем не менее он отказывается покинуть поле боя и говорит:

Читал я, помню,

Как храбрый Пендрагон, больной, в носилках
На бой явился и разбил врагов.

Акт III, сцена 2, строки 94–96

Он имеет в виду Утера Пендрагона, легендарного отца легендарного короля Артура. Истории действительно известны такие подвиги: например, нечто подобное совершил Пипин Эристальский, прапрадед Карла Великого. Одно присутствие на поле боя любимого вождя — пусть даже неспособного наносить удары и передвигавшегося на носилках — может поднять моральный дух солдат и даже способствовать победе.

«…Разгром французов»

Однако сразу после повторного захвата Руана Бедфорд произносит свой последний монолог. Он говорит перед смертью:

Теперь, душа, спокойно отлетай,
Затем что видел я разгром французов.

Акт III, сцена 2, строки 110–111

Джон Плантагенет, герцог Бедфорд, действительно умер в Руане, но это случилось лишь

14 сентября 1435 г., когда город был в руках англичан (что продолжалось еще четырнадцать лет).

Более того, Жанна д'Арк, хотя и не предводительствовала французами, взявшими город, но умерла именно в Руане. Девушка попала в плен к бургундцам, была передана англичанам, ее судили, признали виновной в ереси и сожгли на костре в Руане 30 мая 1431 г., когда ей еще не было и двадцати лет. Место, где сожгли Жанну д'Арк, и по сей день называют площадью Девственницы.

В этот период войны Бедфорд был еще не так стар; он умер в возрасте сорока шести лет. Его смерть стала большой потерей для Англии. После смерти Солсбери, Эксетера и Бедфорда эпоха великих полководцев Генриха V закончилась. Оставался один Толбот, который в этой пьесе изображен сказочным героем. Он действительно был решительным и стойким бойцом и никогда не сдавался; пока он был жив, Столетняя война продолжалась.

«Без выкупа его освободили...»

Потеря Руана вынуждает Жанну Девственницу искать другие пути для одержания победы. Она решает, прибегнув к лести (а с точки зрения англичан — к черной магии), заставить Бургундца

разорвать традиционный союз с англичанами.

Жанна встречается с герцогом, взывает к его патриотическим чувствам и, в частности, напоминает, что он никогда не завоюет полностью доверия агличан. Она говорит:

> Не враг ли твой был герцог Орлеанский
> И не попал ли к англичанам в плен?
> Когда ж узнали, что он недруг твой,
> Без выкупа его освободили…

Акт III, сцена 3, строки 69–72

После этого Бургундец разрывает союз с англичанами, а Жанна презрительно произносит в сторону:

> Вот истинный француз: то их, то наш.

Акт III, сцена 3, строка 85

В этой пьесе над французами издеваются даже сами французы.

Вообще-то разрыв герцога Бургундского с англичанами произошел лишь в 1435 г., и Жанна не имела к нему никакого отношения, потому что умерла на четыре года ранее.

Этот разрыв был вызван более серьезными

причинами, чем несколько льстивых слов. В действительности англичанам с самого начала стоило неимоверных усилий привлечь герцога Бургундского на свою сторону.

Филипп Добрый Бургундский перешел на сторону англичан только потому, что хотел отомстить за убийство своего отца, Жана Бесстрашного, людьми дофина (см. в гл. 10: «Мир всем, собравшимся…»).

Он хотел только отомстить дофину, но не собирался играть роль главного французского лакея англичан.

При жизни грозного Генриха V Филипп был вынужден лавировать, а когда великий король умер, союз с бургундцами поддерживался только бесконечными взятками в виде денег и земель. В 1423 г. Бедфорд согласился жениться на сестре Филиппа Анне, установив родственную связь с Бургундцем.

Однако трения между союзниками продолжались. Начало положила глупая женитьба Глостера и его попытка начать войну в Нидерландах, которую пресек только Бедфорд. Затем воспрянувшие духом французы прорвали блокаду Орлеана, нанесли поражение англичанам при Патэ и короновали Карла VII в Реймсе.

Превосходство англичан больше не казалось бесспорным, а Филипп не желал участвовать в войне, которой не видно было конца. Кроме того, его сестра Анна умерла в ноябре 1432 г., не оставив детей, после чего родственная связь между Бургундцем и Бедфордом распалась.

В результате Филипп стал настойчиво требовать заключения мира, чтобы он и англичане сохранили хотя бы часть того, что было завоевано за последние пятнадцать лет. Бедфорд же по-прежнему стремился добиться полной победы.

Однако в начале 1435 г. Бедфорд поддался уговорам Бургундца и направил своих представителей в Аррас (на территории Бургундии) для подписания мирного договора с дофином, которого теперь следовало называть Карлом VII.

Но англичане не смогли пойти на уступки. Они не приняли условий, предложенных королем Карлом, и прервали переговоры. Филипп Бургундский только пожал плечами. Если англичане настолько глупы, что отказываются получить половину, желая получить все, то им вообще ничего не достанется. (Кстати, так и вышло.) Но это не означало, что Бургундия тоже должна потерять все. Филипп продолжил сепаратные переговоры с Карлом; тот, стремясь привлечь Бургундию на

свою сторону и втянуть ее в войну с Англией, предложил щедрые условия.

Бедфорд умер не ликуя, как в пьесе, от радости при известии о якобы захваченном Руане. На самом деле он умер в мрачном расположении духа, узнав, что Бургундия разрывает союз и Англия лишается последнего шанса завоевать Францию. Аррасский договор между Карлом Французским и Филиппом Бургундским был подписан 21 сентября 1435 г., ровно через неделю после смерти Бедфорда. Англо-бургундский союз, который едва не уничтожил Францию, просуществовал всего шестнадцать лет.

Но виной всему было не колдовство Жанны, а глупость англичан.

Имело ли к этому какое-то отношение освобождение Карла (Шарля) Орлеанского? Абсолютно никакого!

Реплика Жанны о том, что Карл Орлеанский враг Филиппа и в данный момент находится в плену у англичан, была правильной. Орлеанец был врагом Бургундца, потому что их отцы возглавляли соперничавшие партии и потому что отца Филиппа обвиняли в убийстве отца Карла.

Кроме того, Карл Орлеанский действительно был взят в плен в битве при Азенкуре и после

этого много лет провел в Англии. Без выкупа его не освободили; более того, Карл был вынужден заплатить громадный выкуп. Его освободили только в 1440 г., через пять лет после перехода Бургундца на сторону французов.

На самом деле Карла освободили в результате внутренних раздоров англичан. К 1440 г. «партия мира» во главе с Уинчестером значительно усилилась, поскольку Англия продолжала терять французские территории. Сторонники епископа считали, что освобождение Орлеанца может приблизить окончание войны. Кроме того, поскольку «ястребу» Хамфри Глостеру нравилось держать в плену живое напоминание о победе при Азенкуре, это только подогревало желание Уинчестера освободить Орлеанца в пику сопернику.

Как ни странно, это ему удалось. После освобождения Карла Орлеанского авторитет Глостера пошатнулся. Он утратил былую предприимчивость, и его карьера медленно, но верно пошла на спад.

Кстати, после своего освобождения Карл Орлеанский тихо и мирно прожил еще четверть века. Он расстался с политикой, писал стихи и покровительствовал литераторам. Затем Карл женился на богатой невесте (что помогло ему заплатить

выкуп) и в 1462 г., в шестидесятивосьмилетием возрасте у него родился сын, которому впоследствии было суждено стать французским королем. Хотя условия содержания Карла в английском плену были достаточно мягкими, однако сути дела это не меняет: во многих отношениях судьба человека, потерпевшего поражение в битве при Азенкуре, сложилась куда более счастливо, чем судьба победителя.

«Когда был юн я…»

Анахронизмам нет конца. Мы снова оказываемся в Париже, где юному Генриху VI преподносят французскую корону. Англичане были вынуждены блефовать. 17 июля 1429 г. Карл VII короновался в Реймсе, и, как бы англичане ни издевались над этим, коронация дофина нанесла им сильный психологический удар.

Оставалось только в ответ короновать Генриха, но англичанам следовало сделать это в те годы, когда Реймс находился в их руках. Теперь же Реймс перешел к французам, и коронацию пришлось устроить в Париже. Официальной такая коронация не считалась, но ничего другого англичане сделать не могли.

Поэтому 23 апреля Генриха VI переправили в

Кале. (Это был День святого Георгия, покровителя Англии, но даже святой Георгий не смог бы исправить непоправимое.) 17 декабря 1430 г. Генриха с помпой привезли в Париж. Хотя в пьесе это событие происходит после смерти Бедфорда и измены Бургундца, однако в реальной истории оно произошло на пять лет раньше упомянутых событий.

В пьесе на этой церемонии присутствует Толбот, чего в действительности не было, поскольку он еще находился в плену, куда попал после битвы при Патэ.

Король Генрих разговаривает с Толботом весьма любезно. Шекспир вкладывает в его уста следующие слова:

> Когда был юн я, —
> Хоть и теперь не стар, — отец мой, помню,
> Говаривал, что не бывало ввек
> Бойца отважней вас.

Акт III, сцена 4, строки 17–19

Король действительно «не стар». Во время коронации в Париже ему исполнилось девять лет. А помнить слова отца, якобы сказанные ему в детстве, он и вовсе не мог, так как в момент смерти

отца ему было девять месяцев.

«...Графом Шрусбери»

В награду Толбот получает титул. Король Генрих говорит:

Мы жалуем вас графом Шрусбери.

Акт III, сцена 4, строка 26

На самом деле Толбот стал графом Шрусбери только в 1442 г., через двенадцать лет после французской коронации Генриха. Этим титулом род Толботов владеет и по сей день.

Толбот награжден, а тот, кто предал его (согласно легенде, которой следует Шекспир), наказан. Когда входит сэр Джон Фальстаф (Фастолф), Толбот набрасывается на своего врага и срывает с его ноги подвязку (это означает, что Фальстаф был рыцарем ордена Подвязки) и называет трусом.

Однако всеобщего ликования не получается, потому что Фальстаф приносит известие об измене Бургундца.

«Брат Йорк...»

Чтобы показать, что измена Бургундца и смер-

тельный удар, который она нанесла англичанам, не мешает лордам продолжать междоусобицу, Шекспир изображает дело так, будто новая ссора между сторонниками Алой и Белой розы произошла уже в день коронации.

Король Генрих пытается найти компромисс. Стремясь успокоить Сомерсета, он принимает у него алую розу, а затем демонстрирует Йорку, что это не означает личной неприязни к нему, назначая герцога на очень высокий пост:

> Брат Йорк, мы вашу светлость назначаем
> Наместником во Франции.
>
> ***Акт IV, сцена 1, строки 162–163***

Иными словами, Йорк получает должность, которую ранее занимал Бедфорд.

Это верно. Йорк стал наместником французских территорий в январе 1436 г., через восемь месяцев после смерти Бедфорда (но только через пять лет после коронации Генриха в Париже).

Похоже, что в тот момент Ричард Йорк был искренне предан короне. Даже если в соответствии со строгим порядком престолонаследия он и считал, что обладает преимущественным правом на трон, все же он чувствовал, что заявлять о своих

правах в данный момент не стоит.

В его пользу были лишь некоторые тонкости закона о престолонаследии, известные только юристам, но абсолютно несущественные для всех остальных. На стороне Ланкастеров была всенародная память о великом завоевателе Генрихе V, и эти воспоминания англичане бережно хранили и лелеяли.

Более того, после казни отца за государственную измену Генрих V окружил мальчика теплом и заботой и Ричарду было трудно оскорбить память покойного короля, обвинив его в узурпации трона. Возвращение титула и назначение на высокий пост также сильно подействовали на Йорка.

Хотя Шекспир разделяет взгляды противников Йорка, господствовавшие в его время, и изображает дело так, будто Йорк давно мечтал о троне, однако в поддержку такого утверждения говорит только один поступок Йорка, да и то совершенный уже в самом конце жизни. Далее мы убедимся, что если бы Йорк в самом деле стремился стать королем, то многие его поступки невозможно было бы объяснить.

«...Разгром и смуты»

После ритуала коронации Эксетер вновь остается в одиночестве, как было после сцены в парламенте, когда Ричард получил титул герцога Йоркского, и вновь произносит скорбный монолог:

> Беда, когда в руках ребенка скипетр,
> Но хуже, коль разлад родится лютый:
> Приходят вслед за ним разгром и смуты.

Акт IV, сцена 1, строки 192–194

Эксетер прав, но это и в самом деле «голос из могилы». Он умер за три года до парижской коронации Генриха и за девять лет до назначения Йорка на пост командующего английским экспедиционным корпусом во Франции.

Однако его предсказание «разгрома и смут», увы, сбывается. Оказавшись во Франции, Ричард Йорк понял, что он бессилен изменить ход событий. Толбот исправно опустошал владения бургундцев, однако друзей англичанам это не добавляло.

Кроме того, сам Ричард почувствовал, что у

своего родного правительства он не пользуется особой поддержкой. Бофорты (Уинчестер и Сомерсет) медленно, но верно одолевали Хамфри Глостера. Они не только возглавляли «партию мира», но и сильно подозревали Йорка. Как бы тот ни демонстрировал свою лояльность трону, они никогда не забывали о происхождении Ричарда от Лайонела, а потому не могли доверять ему. Естественно, Бофортам не нужны были победы англичан под предводительством Йорка, так как это сделало бы его имя популярным в Англии. Они скорее предпочли бы проиграть войну, чем позволить Йорку выиграть ее.

Йорк это понимал. Вскоре после его назначения на пост французы взяли Париж, а в 1437 г., пробыв наместником немногим больше года, он махнул рукой и попросил об отставке.

Йорка заменил Уорик, который тоже ничего не добился и умер на этом посту в 1439 г. Йорк снова получил назначение во Францию и отправился туда крайне неохотно.

Правда, на этот раз ему повезло. Париж снова принадлежал французам, а английские владения в юго-западной Франции стремительно уменьшались, но Йорк и Толбот стойко удерживали остальное, а в Нормандии даже укрепили свои

позиции.

После 1445 г. между воюющими сторонами воцарилось долгое перемирие, но за это время силы французов окрепли, а англичан — ослабели, в частности благодаря браку Генриха VI (этот брак занимает центральное место в сюжетной линии второй части «Генриха VI»).

В 1447 г. командующим английскими войсками во Франции стал Сомерсет, и на сей раз личность его уже можно установить. Старший брат, Джон Бофорт, умер в 1444 г., и в 1448 г. титул унаследовал его младший брат Эдмунд. За это время титул вырос в цене, потому что в 1443 г. Джон стал герцогом Сомерсетом, и этот титул впоследствии получил и Эдмунд.

Итак, в 1447 г. Эдмунд Бофорт, внук Джона Гонта и будущий герцог Сомерсет, был назначен командующим английскими войсками во Франции. (В первой части «Генриха VI» нет никаких указаний на то, что в пьесе действуют два Сомерсета, а не один.)

Как бы там ни было, но на этом посту Сомерсет продемонстрировал свою полную некомпетентность. В 1449 г. французы начали наступление на Нормандию и отбили Руан и Арфлер, взятые Генрихом V тридцать с лишним лет назад. При

падении Руана Толбот вновь попал в плен, где провел около года. (Эта история диаметрально противоположна изложенной в пьесе, в ней Толбот отбил у французов Руан.)

Англичане предприняли последнее усилие и послали в Нормандию новую армию. 15 апреля 1450 г. эта армия столкнулась с французами на побережье Нормандии, у деревни Форминьи, находившейся примерно в 50 милях (80 км) к западу от Арфлера. Увы, дни Креси и Азенкура миновали. Англичанам больше не противостояли многочисленные, но плохо организованные французские армии. На самом деле при Форминьи французов было даже меньше, чем англичан, но долгие годы войны и несчастий закалили их. Сражение кончилось блестящей победой французов; англичане потеряли две трети войска.

В течение года вся Нормандия оказалась в руках французов; труды Генриха V пропали даром.

«...К воротам Бордо»

После сцены парижской коронации Генриха мы внезапно оказываемся в Бордо, на юго-западе Франции. Толбот, приведший к стенам города армию, восклицает:

Трубач, приблизься к воротам Бордо
И вызови на стену их вождя.

Акт IV, сцена 2, строки 1–2

Что случилось? Ничего особенного. Просто после коронации Генриха прошло больше двадцати лет; бесследно исчез огромный срок, в течение которого англичане потеряли почти всю Францию. После 1451 г. в их руках оставались только Кале на северо-востоке и район вокруг Бордо на юго-западе. Иными словами, они оказались там же, где были до восшествия Генриха V на престол. Бордо принадлежал англичанам триста лет. В XII в. здесь правил Ричард Львиное Сердце и считал своей родиной скорее Аквитанию, чем Англию. Затем здесь правил Черный принц Эдуард, а его сын, которому предстояло стать Ричардом II, вообще родился в Бордо.

Но теперь, когда англичан преследуют катастрофы, в опасности оказывается даже Аквитания. Богатые области, так долго входившие в английскую империю, исчезают одна за другой, и наконец 5 июня 1451 г. Бордо захватывают французы.

Из великих английских полководцев в живых остается только несгибаемый Толбот. почему-то

потеря Бордо оказывается для англичан болезненнее потери Нормандии, и Толбота посылают на юго-запад, чтобы отбить Аквитанию.

К этому времени Толботу было около семидесяти лет, но его боевой дух ничуть не уменьшился.

«…Негодяю Сомерсету»

В сентябре 1452 г. армия под командованием Толбота взяла Бордо, после чего обширные окружающие территории вновь признали власть англичан.

Но если англичане надеялись, что после этого в ходе войны наступит коренной перелом, то их ждало жестокое разочарование. Толбот был слишком стар и не мог один выносить все тяготы войны, а другого полководца у англичан не было.

Карл VII (который в пьесе все еще именуется дофином, хотя он стал королем за четверть века до этого) просто собирает войско и направляется к Бордо. В то время отвоевать потерянное французам уже ничего не стоило.

В пьесе не упоминается, что сражение за Бордо происходит уже в самом конце войны, когда вся остальная Франция была очищена от англичан. Складывается впечатление, что где-то на севере

находятся сильные английские армии, которые должны прийти на помощь Толботу. Почему же они этого не делают? Согласно Шекспиру, дело обстоит так: одной армией командует Сомерсет, другой — Йорк, и их соперничество оборачивается для Толбота катастрофой.

Так, узнав, что Карл VII с несметным войском идет на Бордо, Йорк, ничего не предпринимая, с огорчением говорит:

> Проклятье негодяю Сомерсету,
> Что медлит в подкрепленье мне прислать
> Отряд кавалеристов…

Акт IV, сцена 3, строки 9–11

А когда гонцы Толбота прибывают к Сомерсету, тот мрачно заявляет:

> Теперь уж поздно, не могу послать.
> Толбот и Йорк с поспешностью чрезмерной
> Затеяли поход.

Акт IV, сцена 4, строки 1–3

«…Мой сын, Икар»

14 июля 1453 г. французы осадили Кастильон, находящийся в 30 милях (48 км) к востоку от Бордо. Неугомонный Толбот торопится на выручку к осажденным.

Толбот ничуть не изменился и по-прежнему считал, что полководцу нужна только храбрость. 17 июля 1453 г. он атаковал французов без поддержки артиллерии и погиб, как и большинство его солдат. Перед битвой к нему присоединился сын, также Джон Толбот. Джон-младший погибает первым, и старый Толбот, сам умирающий, качает сына в своих объятиях и оплакивает его:

> И в этом море крови утолил
> Своей души воспламененный жар, —
> И доблестно погиб мой сын, Икар.

Акт IV, сцена 7, строки 15–16

Согласно греческим мифам, Икар был сыном великого изобретателя Дедала. За оскорбление царя Крита обоих посадили в тюрьму. Дедал изобрел крылья из перьев, крепившиеся к легкой раме с помощью воска; на этих крыльях Дедал и Икар улетели с Крита.

Дедал предупредил сына, чтобы тот не поднимался слишком высоко, но Икар не послушался отца. Он поднялся чуть ли не к самому солнцу, и от его жара воск растопился. Перья рассыпались, и Икар упал в ту часть Эгейского моря, которая расположена севернее Крита и западнее Малой Азии; по его имени это море иногда называют Икарийским.

Толбот также умирает, однако перед смертью успевает произнести знаменитую строку. Он утверждает, что его мертвый сын, перед гибелью убивший множество французов, улыбается, словно хочет сказать:

> «Будь Смерть французом, нынче умерла бы».

Акт IV, сцена 7, строка 28

Битва при Кастильоне была последним значительным сражением Столетней войны, закончившейся полным поражением Англии через тридцать восемь лет после сражения при Азенкуре. Официально мирного договора не заключали; война иссякла сама собой. В руках англичан остался только Кале, взятый Эдуардом III сто лет назад; они удерживали эту крепость еще целых сто лет.

В год окончания Столетней войны, всего за полтора месяца до гибели Толбота, произошло еще более драматическое событие. Турки взяли Константинополь, одиннадцать веков бывший столицей императоров, которые вели свою родословную от римского Августа.

Это событие ознаменовало конец целой эпохи в истории Европы — как на западе, так и на востоке. На востоке были уничтожены последние остатки Древнего мира, а на западе кончилась самая долгая средневековая война. В ходе Столетней войны постепенно возникли те нации, которые мы сегодня называем англичанами и французами.

«...В Париж»

Однако в этой пьесе, полной чудовищных анахронизмов, ничто не предвещает конца Столетней войны.

Среди победителей появляется Жанна д'Арк и с презрением смотрит на мертвого Толбота, олицетворяя победу французского колдовства, наконец одолевшего английскую храбрость. На самом деле Жанна умерла еще за двадцать два года до битвы при Кастильоне.

После окончания сражения дофин говорит:

Теперь в Париж. К победам путь открыт:
Всем завладеем, — Толбот ведь убит.

Акт IV, сцена 7, строки 95–96

Да, конечно. Тем более что французы уже давно владеют всем.

«Граф д'Арманьяк...»

Действие перемещается в Лондон. Складывается впечатление, что англичан настолько поразила смерть Толбота, что победу немедленно одержала «партия мира».

И здесь мы возвращаемся на несколько лет назад. «Партия мира» действительно одержала победу, но это произошло примерно за десять лет до гибели Толбота.

В 1437 г. мальчику исполнилось шестнадцать лет, и детство Генриха VI закончилось. Пост лорда-протектора, который занимал Глостер, был упразднен. Набожность юного короля позволяла Уинчестеру, заклятому врагу Глостера, оказывать сильное влияние на Генриха VI, способности которого управлять страной с возрастом ничуть не увеличились.

Позиция Глостера стала еще более неустойчи-

вой после провала кампании за освобождение Карла Орлеанского (см. в гл. 11: «Без выкупа его освободили...») и суда над женой Глостера, обвиненной в колдовстве (это событие Шекспир переносит в более позднюю эпоху, оно становится важной сюжетной линией второй части «Генриха VI»).

Глостер отчаянно боролся за победу «партии войны» и старался удержать хотя бы Нормандию. В начале 1440–х гг. он пытался устроить брак Генриха VI, который заставил бы короля вести более жесткую и агрессивную внешнюю политику. Глостер говорит Генриху:

> Граф д'Арманьяк, дофину кровно близкий
> И человек с влиянием огромным,
> Единственную дочь вам предлагает
> В супруги, с крупным, царственным приданым.

Акт V, сцена 1, строки 17–20

Граф Арманьяк, о котором идет речь, — это Жан IV, потомок Бернара VII. Карл VII становился все сильнее и распространял свое влияние на южную Францию (вотчину Арманьяка). Жану IV это не нравилось, Он был готов перейти на сторону

англичан, и Хамфри Глостер видел в нем нового Бургундца.

Арманьяка подталкивали к восстанию; распространились слухи о браке дочери графа с королем Генрихом, что должно было укрепить связи Жана IV с англичанами.

«Молод я...»

План, предложенный Глостером, Генриху не по душе. Он говорит:

> В супруги, дядя? Ах, как молод я,
> И мне к лицу скорей ученье, книги,
> Чем нежности игривые с любезной.

Акт V, сцена 1, строки 21–23

Однако к этому времени (1444 г.) Генрих уже не так юн, чтобы не помышлять о браке; ему двадцать три года.

Тем не менее во многих отношениях король оставался ребенком до конца жизни. Он никогда не мог принять самостоятельного решения и с готовностью подчинялся более сильной личности. Он действительно отдавал предпочтение книгам и молитвам и никогда не интересовался женщинами.

Но эта опасность Генриху не грозила. Французское влияние на юге росло быстрее, чем ожидалось, и Арманьяк не мог противостоять этому. Стало ясно, что для Англии он не представляет интереса, и предлагаемый Хамфри брак Генриха с его дочерью не состоялся. Это был последний шанс Глостера, но он не сумел им воспользоваться.

«...Французская красотка!»

Но война продолжается (по крайней мере, в пьесе). Дофин и Бургундец вместе с Жанной д'Арк продолжают наступление на Париж. Им противостоят англичане, которыми командует Ричард Йорк.

Перед битвой демоны появляются на сцене и покидают Жанну, суля ей катастрофу. Сражение выигрывают англичане. После поединка с Бургундцем Йорк берет Жанну в плен, восклицая:

Поймал тебя, французская красотка!

Акт V, сцена 3, строка 30[183]

Крупица правды в этой чудовищной лжи за-

---

[183] Примечания: 183

В оригинале: *«Дева Франции*, похоже, теперь ты моя...» — *Е. К.*

ключается в том, что Жанна д'Арк действительно попала в плен во время сражения за Париж. Однако это случилось на двадцать лет раньше и задолго до того, как Йорк стал командовать английской армией во Франции.

После коронации Карла VII, состоявшейся в Реймсе в июле 1429 г., Жанна решила наступать прямо на Париж, но сил для этого было недостаточно, а французские полководцы ее не поддерживали. Ее ранили стрелой в бедро и она была вынуждена отступить. После этого миф о непобедимости Жанны развеялся, но она по-прежнему настаивала на наступательной политике французов. Дело кончилось тем, что 23 мая 1430 г. Жанну взяли в плен в Компьене, находящемся в 40 милях (64 км) к северо-востоку от Парижа.

Это произошло до заключения Аррасского мира. Бургундцы еще воевали на стороне англичан, и герцог Бедфорд был еще жив. Бургундцы пока не помышляли о том, чтобы сражаться на стороне Жанны; наоборот, именно они и взяли ее в плен. Потом они продали Жанну за десять тысяч франков англичанам, и в январе 1431 г. она попала в руки англичан (которыми тогда командовал не Йорк, а Уорик).

В каком-то смысле Йорк действительно отобрал Жанну у бургундцев; правда, это был не он, а его предшественник, который не отбил Орлеанскую деву у ее союзников силой оружия, а купил у врагов Жанны, и все это произошло не после битвы у Кастильона, а на двадцать два года раньше.

«...Мой отец — Неаполя король»

Тем временем Суффолк в ходе все той же битвы повторил подвиг Йорка и также взял в плен женщину. Две пленницы в одной сцене добавляют действию драматизма, поскольку вторая пленница причинила Англии намного больше вреда, чем Жанна д'Арк.

Суффолк, на которого произвела сильное впечатление красота этой женщины, спрашивает, как ее зовут, и пленница отвечает:

> ...зовусь я Маргаритой,
> И мой отец — Неаполя король.

Акт V, сцена 3, строки 51–52

Реальная картина настолько же далека от действительности, как и история пленения Жанны.

После провала попытки Глостера женить Генриха на дочери Арманьяка «партия мира»

одержала в Англии окончательную победу. Руководили ею Уинчестер, Сомерсет и Суффолк.

Когда срок полномочий Йорка во Франции истек, ему было приказано вернуться в Англию (это становится ясно во второй части «Генриха VI»). Частично это было вызвано личной ненавистью к нему Бофортов и их союзников, а частично тем, что он был настроен слишком воинственно.

Затем Суффолк заключил перемирие с Францией и начал в Аррасе вести переговоры о браке, который помог бы англичанам достичь надежного мира и сохранить хотя бы Нормандию.

Для этой цели Суффолк выбрал Маргариту, дочь короля Ренье (или Рене) I Анжуйского. Теоретически Неаполитанское королевство принадлежало Рене после смерти в 1435 г. бездетной королевы Иоанны, но он никогда не правил Неаполем. Испанцы из королевства Арагон, которые тогда владели Сицилией, захватили также и Неаполь.

Однако Рене Анжуйского все же называли королем. Этот титул не давал ему ни власти, ни доходов, зато обеспечивал престиж. Английскому королю было гораздо легче жениться на дочери короля Неаполя, чем на дочери графа Анжуйского, несмотря на то что титул короля был фиктивным. Во всяком случае, Маргарита имела

полное право называть себя «дочерью короля».

Маргарита родилась в 1429 г.; следовательно, когда Суффолк начал готовить брак, ей было всего пятнадцать лет. С точки зрения дипломатии это была подходящая партия. Во-первых, благодаря номинальному титулу отца невеста была достаточно знатной; Во-вторых, она принадлежала к семье лояльной по отношению к французскому королю, а потому могла оказаться полезной при заключении мира с Францией (во всяком случае, того мира, к которому стремились Суффолк и его партия).

Однако для более поздних английских летописцев Маргарита была ненавистной француженкой, которая не только не принесла с собой приданого, но, наоборот, за нее пришлось заплатить несколькими английскими провинциями. Во время последовавшей за этим серии гражданских войн Маргариту невзлюбили еще больше, поэтому на нее было легко свалить все беды, которые не успели приписать Жанне д'Арк.

Всеобщая нелюбовь позволила мифотворцам сочинять небылицы о ее неразборчивости и ненасытности в любви. Так, в соответствии с легендой, Суффолк сначала заводит с Маргаритой роман, а потом сватает ее Генриху, чтобы с помощью

своей любовницы управлять как слабовольным английским королем, так и самой Англией.

«Ты вовсе не отец мне...»

На сцене в последний раз появляется Жанна д'Арк. Она предстает перед судом, на котором председательствует Ричард Йорк, но этот суд, как все, что связано в пьесе с Жанной, не соответствует реальности (кроме того, что суд все-таки был).

Вкратце перечислим факты. 13 января 1431 г. Жанна, обвиненная в ереси, предстала перед церковным судом во главе с епископом Бове Пьером Кошоном. Суд продолжался несколько месяцев, в течение которых Жанна не утратила достоинства и решительности. В конце концов ее сожгли на базарной площади Руана 30 мая, сразу после вынесения приговора.

Однако в этой пьесе (и особенно в этой сцене) Жанна в угоду английским националистам изображена настолько враждебно, предвзято и тенденциозно, что в наши дни эту пьесу едва ли когда-нибудь поставят на сцене. Недостатков в первой части «Генриха VI» множество, но с современной точки зрения главным является именно этот.

В пьесе Жанна первым делом отрекается от

своего отца-пастуха. Она кричит:

> Я рождена от благородной крови.
> Ты вовсе не отец мне, не родня.

Акт V, сцена 3, строки 8–9

Благородные английские лорды шокированы поведением Жанны, а ее разгневанный отец уходит, пожелав напоследок, чтобы ее сожгли.

Затем Жанна пытается спастись, сначала заявляя, что она девственница, а потом — что она беременна, причем поочередно называет отцом ребенка троих разных мужчин. Наконец ее уводят — видимо, на казнь.

К счастью, эта сцена не оказала влияния на отношение к Жанне следующих поколений. Осквернить память о ней не смогло даже решение суда; наоборот, оно превратило Жанну в мученицу.

Когда в 1450 г. король Карл VII отбил у англичан Руан, он приказал провести судебное расследование. (В конце концов, он был коронован с помощью Жанны и просто не мог позволить, чтобы этот подвиг приписали той, кого официально признали еретичкой и ведьмой. В 1456 г. следствие закончилось, и приговор суда был отменен.)

«…Торжественно мы водворяем мир»

После того как Жанну д'Арк уводят на казнь (ведьм нужно убивать), подписывается мирный договор. На самом деле никакого мира не заключали; в 1445 г. в ходе переговоров о браке Генриха с Маргаритой Анжуйской Суффолк подписал с французами перемирие.

В пьесе описание условий этого мира (или перемирия) не просто коренным образом противоречит фактам, но носит откровенно шовинистический характер. Король Карл (которого в пьесе именуют просто Карлом и лишают титула) вынужден признать короля Генриха своим сувереном (и, следовательно, королем Франции), а также платить ему дань. Эта^возмутительно сфальсифицированная сцена заканчивается словами Йорка:

> Так. Распустите же свои войска.
> Свернуть знамена! Пусть замолкнут трубы.
> Торжественно мы водворяем мир.

Акт V, сцена 4, строки 173–175

«...Его нарушить»

Если бы в 1445 г. удалось заключить прочный мир, а не перемирие, то для Англии сто лет спорадических войн закончились бы тем, что по крайней мере Нормандия осталась бы в ее руках. То, что это завоевание стоило такой крови и таких лишений, весьма сомнительно, но зато следующим поколениям англичан было бы чем гордиться.

Однако уже в момент подписания перемирия Алансон шепчет на ухо королю Карлу:

Ведь вы всегда вольны его нарушить.

Акт V, сцена 4, строка 164

Естественно, нельзя было ожидать, что Карл когда-нибудь смирится с потерей Нормандии. (Впрочем, нельзя было надеяться и на то, что Англия откажется от своей агрессивной политики, если Франция ослабеет.)

Однако годы, последовавшие за заключением перемирия, показали, что Франция становится все сильнее, а Англия продолжает скользить по наклонной плоскости. В 1447 г. Йорк, лучший из английских полководцев, был отправлен не

доверявшими ему сторонниками Ланкастеров в неофициальную ссылку в Ирландию, а в 1448 г. Карл разорвал перемирие и начал новое наступление.

Как было описано выше (см. в гл. 11: «…Разгром и смуты»), это быстро привело к утрате Нормандии и финальной битве у Кастильона в юго-западной Франции.

«…Чтоб королевой стала Маргарита»

Если Шекспир действительно переделывал какую-то более старую пьесу, резонно предположить, что та заканчивалась триумфальным подписанием мира; это было бы вполне естественно.

Однако Шекспиру пришлось добавить еще одну сцену, которая дополняет старую концовку, чтобы связать эту пьесу со второй частью «Генриха VI».

В лондонском королевском дворце Суффолк описывает красоту Маргариты Анжуйской так красноречиво, что побеждает даже целомудренного Генриха и заставляет его забыть про учебу и книги. Король говорит Глостеру:

Итак, милорд протектор, согласитесь,

Чтоб королевой стала Маргарита.

Акт V, сцена 5, строки 23–24

Шекспир наделяет Глостера большей властью, чем тот обладал в то время; его карьера близится к концу. Однако падение Глостера произойдет уже во второй части пьесы, и автор готовит для него почву.

Глостер возражает против женитьбы Генриха на Маргарите и высказывается в пользу дочери Арманьяка, так как Арманьяк богат, а Рене Анжуйский беден. Суффолк выдвигает свои доводы: королевский титул и красоту девушки; он с презрением отвергает саму мысль о том, что английского короля могут интересовать деньги.

И Генрих, поддавшись страсти, настаивает на том, что его женой станет Маргарита.

«Парис…»

В результате пьеса кончается на полуслове. Суффолк, которому поручено привезти Маргариту, произносит последние строки этой пьесы, после того как посрамленный Глостер уходит:

Вот Сеффолк [184] победил и отплывает,
Как некогда плыл в Грецию Парис…

Акт V, сцена 5, строки 103–104

Но в этих словах одновременно содержится намек на грядущие грозные события, потому что в Греции Парис похитил Елену Троянскую и это закончилось гибелью города, в который он ее привез. То же самое (или почти то же самое) должно было случиться и с Англией.

Вторая часть «Генриха VI» начинается практически без перерыва. Суффолк возвращается, успешно выполнив свою миссию.

---

[184] Примечания: 184
Суффолк. — *Е. К.*

Глава 12 «Генрих VI» (часть вторая)

Вторая часть «Генриха VI» начинается с того, чем заканчивается первая часть. Первая часть завершалась тем, что Уильям де ла Поль, граф Суффолк отплывает во Францию, чтобы договориться о браке Генриха VI с Маргаритой Анжуйской. Эта пьеса начинается возвращением Суффолка, успешно исполнившего свою миссию.

«Древний, славный Тур…»

Первая сцена происходит в лондонском королевском дворце. Король Генрих VI сидит на троне в окружении вельмож, Суффолк[185], обращаясь к нему, говорит:

> Когда меня вы, государь, послали
> Во Францию, то повелели мне,
> Чтоб я, ваш представитель, вместо вас
> С принцессой Маргаритой обручился.
> И вот явились в древний, славный Тур

---

[185] Примечания: 185
в переводе — Сеффолк. — *Е. К.*

Французский государь и Сицилийский
И герцогов четыре: Орлеанский,
Бретонский, Калабрийский, Алансонский,
Семь графов и *четырнадцать* баронов
И двадцать почитаемых прелатов;
При них в соборе был я обручен.

Акт I, сцена 1, строки 2–9 (перевод Е. Н. Бируковой)[186]

Брак по доверенности[187] был заключен в Туре, центральная Франция. Этот город на реке Луаре находится примерно в 70 милях (110 км) к западу от стоящего на той же реке Орлеана, сыгравшего решающую роль в ходе Столетней войны.

---

[186] Примечания: 186

В оригинале: «*двенадцать* баронов». — *Е. К.*

[187] Примечания: 187

То есть в отсутствие одного из супругов, роль которого исполняет заместитель. *(Примеч. пер.)*

Обручение состоялось 23 апреля 1445 г. Необходимо напомнить, в каком состоянии находились Англия и Франция в это время. После неудачной

осады Орлеана в 1429 г. французские территории, принадлежавшие англичанам, начали медленно, но неуклонно сокращаться. К 1444 г. Англии принадлежали только Нормандия, расположенная южнее и непосредственно граничащая с последней провинция Мен, Кале на северо-востоке и область вокруг Бордо (Аквитания) на юго- западе. Если бы англичанам удалось удержать эти земли, они сохранили бы значительную долю того, что было завоевано Генрихом V.

Английские «голуби», лидером которых теперь был Суффолк, чувствовали, что удержать эти оккупированные территории можно будет только с помощью мирного договора. Несмотря на отчаянное сопротивление остатков «ястребов», призывавших к войне до победного конца, чего бы это ни стоило, они вели подготовку к такому миру.

В 1444 г. было заключено десятилетнее перемирие; этого времени должно было с лихвой хватить для заключения окончательного мира. Стремясь сделать перемирие более прочным, Суффолк начал переговоры о брачном союзе между английским королем Генрихом VI и французской принцессой Маргаритой Анжуйской.

Маргарита вела свою родословную от фран-

цузского короля Иоанна (Жана) II (того самого, который проиграл битву при Пуатье Черному принцу). Ее отец, Рене Анжуйский, был номинальным королем Неаполя (см. в гл. 11: «...Карл, дофин») и шурином (братом жены) ныне царствовавшего Карла VII Французского. Поскольку Неаполь и Сицилия в разные периоды своей истории входили в одно королевство[188] (именно так было и в 1444 г.; беда заключалась лишь в том, что Неаполем и Сицилией правил король испанского Арагона, а не Рене), упомянутым в строке 6 «сицилийским государем» был отец невесты.

В это время Маргарите (как мы уже поняли, приходившейся французскому королю племянницей) было всего пятнадцать лет.

«Герцогство Анжу...»

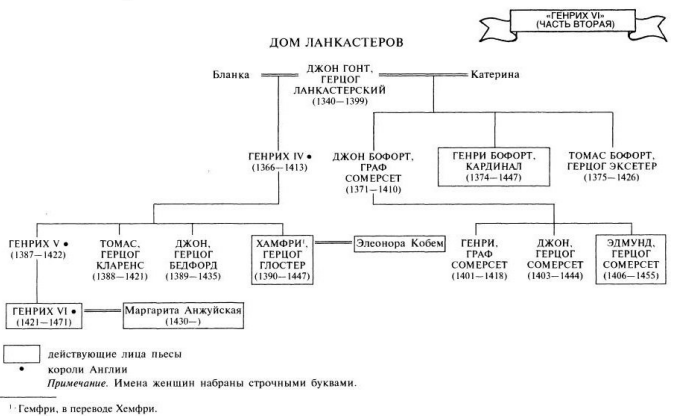
Суффолк доставляет нареченную супругу Генриху VI, и тот радостно приветствует ее. Затем Суффолк передает королю документ, описывающий условия перемирия, заключенного им с французами.

Зачитать его доверено Хамфри Глостеру. Хамфри — единственный оставшийся в живых дядя

---

[188] Примечания: 188
Называвшееся Королевством обеих Сицилий. *(Примеч. пер.)*

короля и человек, ближайший к трону; иными словами, наследник престола, потому что детей у короля пока нет. Хамфри был назначен лордом-протектором короля, так как Генрих унаследовал корону в возрасте девяти месяцев.



Официально Глостер перестал быть лордом-протектором в 1429 г., когда королю было семь лет, но в некоторых отношениях Генрих оставался семилетним мальчиком всю свою жизнь и нуждался в опекуне постоянно. К тому времени влияние Глостера существенно уменьшилось, но он был ближайшим родственником короля, а

потому продолжал считать себя лордом-протектором даже после того, как официально сложил с себя эти полномочия. В начале пьесы Шекспир еще называет его этим титулом, хотя королю Генриху в то время уже двадцать три года.

Хамфри, которому, как дяде короля, предоставлена честь прочитать договор, доходит до следующего пункта:

> …далее, герцогство Анжу и графство Мен будут очищены от войск и переданы королю, отцу ее…
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 50–52***

Как указывалось выше, Мен — французская провинция, находящаяся к югу от Нормандии, а Анжу лежит к югу от Мена.

Условие это справедливо. Анжу и Мен были наследственными владениями отца Маргариты, Рене Анжуйского, так что он просил только то, что принадлежало ему по праву.

Обе провинции в ходе Столетней войны были ограблены английскими солдатами, но более южный Анжу оккупирован не был. Даже в период максимальной экспансии англичан Анжу оставался французским (хотя Шекспир усиленно пытается доказать обратное).

С точки зрения «голубей», уступка не так велика, как выглядит на первый взгляд, ибо вернуть предстоит только графство Мен, а это небольшая плата за возможность сохранить остальные английские завоевания.

Однако с точки зрения «ястребов» такое умиротворение подлых французов было недопустимо. Да, провинции всего-навсего возвращали их законному владельцу, который к тому же теперь становился тестем английского короля. Однако было ясно, что никакой реальной власти (кроме той, что дана французским королем) у герцога Анжуйского нет, а потому Карл VII, смертельный враг Англии, сразу же приберет к рукам уступленные провинции.

Действительно, Рене стал последним герцогом Анжуйским, при котором сохранялась видимость независимости Анжу. После его смерти в 1480 г. герцогство отошло к французской короне и с тех пор являлось неотъемлемой частью Франции.

«...Без какого-либо приданого»

Прочитав пункт об уступке Анжу и Мена, Глостер (последний из братьев короля-завоевателя Генриха V и главный «ястреб» Англии) теряет дар речи, и бумага выпадает из его рук. Ее поднимает

Генри

Бофорт, епископ Уинчестерский (см. в гл. 11: «Молитвы церкви...») и продолжает чтение. В царствование Генриха V Уинчестер какое-то время был кардиналом. По требованию Генриха V он был вынужден отказаться от этого титула, но в 1426 г. вновь получил его. Если в первой части «Генриха VI» его реплики были озаглавлены «Уинчестер», то здесь они озаглавлены «Кардинал». В этой пьесе я буду называть его кардиналом Бофортом.

В последнем пункте соглашения говорится, что Маргарита

> ...будет доставлена за собственный счет короля Английского, без какого-либо приданого.
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 60–62***

Час от часу не легче. Согласно обычаю, невесте полагалось иметь приданое. При заключении брака будущий муж всегда принимал его в расчет. Если же речь шла о браке с королем, то приданым могли быть какие-нибудь города или провинция, переходившие во владение мужа.

Для англичан (которые все еще считали себя завоевателями и относились к французам

с презрением) новость о том, что французская принцесса выходит замуж за их короля вообще без приданого, а король оплачивает доставку невесты и сам выплачивает ей приданое в виде двух провинций, означала слишком большое унижение. С этого момента они Маргариту возненавидели.

В более поздние годы возникла легенда (которую и использует Шекспир в своем толковании исторических событий), что уступка этих двух провинций неизбежно вела к потере Англией всех своих французских владений. Однако это не так. Анжу англичанам никогда не принадлежал; что же касается Мена, то Англия не соблюдала условия соглашения и удерживала это графство до последнего. Поэтому ни о каком «приданом мужа» говорить не приходилось; поражение Англии имело совсем другие причины.

«Францию удержим...»

Король доволен условиями. Он, Маргарита и Суффолк уходят, но оставшиеся тут же затевают громкую ссору.

Главный «ястреб» Глостер кричит громче всех. Он называет договор позорным; по его мнению, тем самым Англия отказывается от всех завоева-

ний во Франции. Он говорит:

Исчезнет все, как вовсе не бывало.

Акт I, сцена 1, строка 103

Кардинал Бофорт, лидер «голубей» и единокровный дядя Глостера (см. в гл. 12: «Он взрослым стал…»), отрицает, что это приведет к «исчезновению всего»:

Мы Францию удержим за собой.

Акт I, сцена 1, строка 106

Иными словами, ситуация описана точно так, как она выглядела в финале первой части «Генриха VI», где излагались условия перемирия, подписанного в 1444 г. Там дело изображалась так, словно Франция потерпела поражение и король Карл VII признал английского короля своим сувереном. Эта фантастическая трактовка событий сохраняется и в этой пьесе, призванной доказать, что Англия проиграла долгую войну только из-за глупого и невыгодного договора о браке с французской принцессой.

«…К Нормандии ключи»

Другой «ястреб» высказывает более разумную точку зрения:

Те герцогства — к Нормандии ключи.

Акт I, сцена 1, строка 114

Нормандия, находящаяся на северо-западе Франции, была английской аристократии дороже всех остальных французских провинций, вместе взятых. Именно из Нормандии приплыл в Англию Вильгельм Завоеватель, именно там жили предки большинства английских пэров, и именно там находились их родовые владения. Иными словами, для английской знати Нормандия была родным домом.

Генрих V завоевал Нормандию в ходе своей второй французской экспедиции 1417–1419 гг., и англичане сражались за нее с особым рвением. Даже в 1445 г. они владели Нормандией весьма уверенно. Поэтому угроза ей с юга казалась англичанам непереносимой.

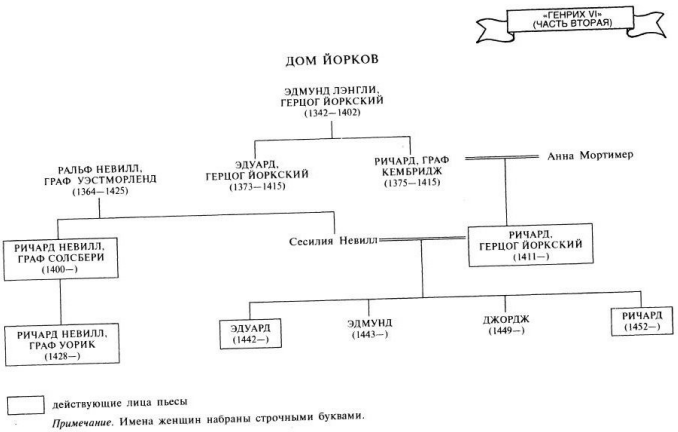
Кстати говоря, произносит эти слова граф Солсбери.

В первой части «Генриха VI» упоминается граф

Солсбери, но здесь речь идет о другом человеке. Предыдущий граф, Томас де Монтегью, был убит во время осады Орлеана, за шестнадцать лет до начала событий, описанных во второй части пьесы.

Томас де Монтегью сыновей не оставил, но имел от первой жены единственную дочь Алису (Элис), которая в 1428 г. (затри года до гибели Томаса) вышла замуж за Ричарда Невилла, сына графа Уэстморленда (того самого Уэстморленда, который был одним из главных действующих лиц первой и второй частей «Генриха IV», а также «Генриха V»).

После смерти Томаса де Монтегью Ричард унаследовал титул тестя. Именно Ричард является действующим лицом этой пьесы.



«...Уорик, храбрый сын мой»

Произнеся реплику о «ключах к Нормандии», Солсбери осекается и спрашивает:

> Но что ж ты плачешь, Уорик, храбрый сын мой?

Акт I, сцена 1, строка 115

Мы снова сталкиваемся с путаницей в именах. В первой части «Генриха VI» участвует граф Уорик, видный сторонник Ричарда Йорка, отвечавший за учебу Генриха VI, некоторое время

занимавший пост регента Франции и бывший председателем суда, который приговорил Жанну д'Арк к сожжению на костре.

Тот граф Уорик уже умер. Он скончался в 1439 г. в возрасте пятидесяти семи лет, за шесть лет до начала второй части «Генриха VI». Точнее, он умер еще до конца первой части пьесы, но хронология там настолько перепутана, что Уорик присутствует при подписании перемирия 1444 г.

Новый граф Уорик — сын графа Солсбери; как и отца, его тоже зовут Ричардом Невиллом.

Ричард Невилл (он же граф Уорик), игравший важнейшую роль в последующие десятилетия, родился в 1428 г.; следовательно, в начале второй части «Генриха VI» ему всего семнадцать лет. Его жена была наследницей покойного Уорика, и Ричард получил свой титул благодаря ей (так же, как его отец получил свой). Строго говоря, титул перешел к нему только в марте 1450 г., так что называть сына Уориком в первой сцене пьесы Солсбери еще не имел права.

«Завоевала их моя рука...»

Уорик объясняет, что он оплакивает потерю двух провинций. Он говорит:

Завоевала их моя рука;
И города, что приобрел я кровью,
Возвращены французам с мирной речью!

Акт I, сцена 1, строки 119–120

Конечно, это бред. Семнадцатилетний мальчик никогда не воевал во Франции, да и Анжу в том веке никто не завоевывал. Похоже, что Шекспир по небрежности спутал Ричарда Невилла-младшего с Ричардом Бошаном — графом Уориком из первой части «Генриха VI».

«…Добрый герцог Глостер»

Ричард Йорк тоже осуждает условия договора, но больше всех разгневан Хамфри Глостер. Он отменяет налог, который Суффолк провел через парламент для покрытия расходов на брак короля, и предсказывает, что вскоре Англия потеряет все свои французские владения.

Но стоит ему уйти, как кардинал Бофорт Уинчестерский возобновляет свою старую интригу. Он вполголоса говорит присутствующим, что Глостер, как наследник престола, будет недоволен любым браком Генриха, ибо в результате у того может появиться ребенок. Поэтому Глостера

следует остерегаться,

Хотя его и любит чернь,
Зовет: «Наш добрый Хемфри, герцог Глостер!»

Акт I, сцена 1, строки 158–159

Действительно, народ любил Глостера, несмотря на все его промахи как политика. В конце концов, тот был единственным оставшимся в живых братом великого Генриха V и, следовательно, напоминал о великой эпохе. Сам Глостер храбро сражался, прослыл великим патриотом, а патриотизм всегда высоко ценится.

Кроме того, он славился своим гостеприимством, покровительствовал ученым и делал щедрые пожертвования Оксфордскому университету. Поскольку историю писали именно ученые, помнившие своего покровителя с лучшей стороны, они и создали легенду о «добром герцоге Глостере».

«Он взрослым стал…»

Один из лордов, до сих пор молчавший, соглашается с кардиналом и говорит о Хамфри Глостере:

Зачем теперь протектор государю?
Он взрослым стал и может править сам.
Брат Сомерсет, соединись со мною,
И, к Сеффолку примкнув, мы вместе с ним
Проворно выбьем Хемфри из седла.

***Акт I, сцена 7, строки 165–169*[189]**

Эти слова произносит тезка Глостера Хамфри Стаффорд, герцог Бекингем. Он тоже приобрел титул, женившись на единственной дочери графа Бекингема, а в 1444 г., незадолго до начала пьесы, стал первым герцогом Бекингемом.

В жилах Бекингема тоже текла королевская кровь. Его мать была дочерью Томаса Глостера, младшего сына Эдуарда III. Таким образом, Бекингем приходился этому плодовитому монарху правнуком, а Генриху VI — троюродным братом. Кроме того, Бекингем — троюродный брат Эдмунда Бофорта, второго герцога Сомерсета (см. в гл. 11: «…Разгром и смуты»), которого он здесь называет кузеном.

Однако вскоре выясняется, что возмущение,

---

[189] Примечания: 189
В оригинале: «Кузен Сомерсет…» — *Е. К.*

вызванное опекой лорда-протектора над королем, достаточно взрослым, чтобы править самостоятельно, — чистое лицемерие. Все знают, что возраст Генриха не имеет значения: самостоятельно король править не может и не сможет никогда, поэтому Бекингем тут же предлагает Сомерсету либо самому стать лордом-протектором, либо доверить этот пост ему, Бекингему.

«Твои в Ирландии деянья…»

Бекингем и Сомерсет уходят, и Йорк остается наедине с отцом и сыном — Солсбери и Уориком. Йорк — самый важный член королевской семьи, не являющийся потомком Джона Гонта. Поскольку по женской линии он возводит родословную к старшему брату Гонта Лайонелу (см. в гл. 11: «…За правду?»), то обладает большими правами на трон, чем Генрих VI.

Поэтому Солсбери, не одобряющий высокомерие кардинала Бофорта и разделяющий воинственные взгляды Глостера, обращается к Йорку как к своему естественному союзнику против кардинала и говорит:

> Брат Йорк, твои в Ирландии деянья,
> Где ты гражданский водворил порядок,

И в сердце Франции твои победы,
Когда ты был регентом в этом крае,
Внушили всем почет к тебе и страх.
Для блага родины объединимся…

Акт I, сцена 1, строки 194–199

Йорк, действительно, славно потрудился во Франции в годы, предшествовавшие перемирию: он надежно удерживал Нормандию и в результате приобрел большую популярность. Однако это внушило страх сторонникам Ланкастеров, имевшим серьезные основания не доверять человеку способному и популярному, который мог предъявить преимущественные права на трон.

Поэтому, когда срок полномочий Йорка во Франции истек, его не продлили. Недаром чуть раньше в той же сцене, сразу после чтения рокового договора, король Генрих сказал:

Кузен наш Йорк,
Вас от регентства мы освобождаем…

Акт I, сцена 1, строки 66–67

«Деянья в Ирландии», о которых говорил Солсбери, обращаясь к Йорку, также были достойными, однако их еще предстояло совершить. Это случилось позже; поездка Йорка в Ирландию еще

сыграет свою роль в пьесе. Впрочем, он провел некоторое время в Ирландии в начале 1430–х гг., но тогда там никаких серьезных беспорядков не было.

«Как роковая головня Алфеи…»

Солсбери и Уорик тоже уходят, и наконец Йорк остается на сцене один.

Шекспир по-прежнему остается противником Йорка, что характерно для его времени, и заставляет Йорка размышлять над его попранным правом на престол. Оставшись наедине с собой, Йорк осуждает временщиков, отказавшихся от двух провинций:

> Что их винить? Не все ли им равно?
> Они дарят ведь не свое — чужое.

Акт I, сцена 1, строки 220–221

Раздосадованный тем, что другие распоряжаются его собственностью, Йорк говорит:

> Три королевства: Англия моя,
> Ирландия и Франция — как будто
> Так тесно с плотью связаны моей,
> Как роковая головня Алфеи

Срослась когда-то с сердцем Мелеагра.

Акт I, сцена 1, строки 232–235

Йорк имеет в виду Мелеагра Калидонского, жизнь которого зависела от сохранности полена, спрятанного у его матери Алтеи (Алфеи — см. в гл. 8: «Сон Алтеи!»). Ричард чувствует, что потеря королевства убьет его так же, как сгоревшая головня убила Мелеагра.

Поэтому Йорк решает бороться за корону, дождавшись подходящего момента и обзаведясь союзниками. Он говорит:

Ланкастер не похитит прав моих,
Не сдержит скипетр детскою рукою…

Акт I, сцена 1, строки 244–245

Здесь Ланкастер — это король Генрих. Йорк мысленно лишает Генриха королевского титула и оставляет ему лишь титул, который тот унаследовал от своего прадеда Джона Гонта, герцога Ланкастера.

В конце монолога Йорк приходит к выводу, что его час пробил:

Лишу венца того, кто безрассудно

Правленьем книжным губит остров чудный.

Акт I, сцена 1, строки 258–259

Следует повторить: история не сохранила свидетельств того, что Йорк питал далекоидущие планы в начале своей карьеры. Судя по поведению Йорка во Франции до перемирия, которым начинается пьеса, а после перемирия по его поведению в Ирландии, он был искренне предан короне.

«…В Сент-Олбенс»

Действие перемещается в дом герцога Глостера, где он беседует с женой, герцогиней Элеонорой (Элинор).

Психологический настрой у супругов совершенно противоположный. Хамфри подавлен и напуган. Он мечтает избавиться от своего поста. Напротив, Элеонора возбуждена: она мечтает стать королевой (в конце концов, Хамфри — наследник престола).

Глостер бранит жену, но он слишком добродушен и быстро меняет гнев на милость.

Прибывает гонец и объявляет:

Милорд, его величеству угодно,
Чтоб вы сегодня прибыли в Сент-Олбенс,
Где будет *королевская* охота.

Акт I, сцена 2, строки 56–58[190]

Сент-Олбанс[191] — город примерно в 20 милях (32 км) к северо-западу от центра Лондона; он был назван в честь первого английского мученика, святого Альбана, который, согласно легенде, умер там в 303 г. н. э. Именно в Сент-Олбансе жил Иоанн (Жан) II Французский, взятый в плен после битвы при Пуатье. В царствование Генриха VI этому городу было суждено стать местом двух решающих сражений.

«…Новоиспеченный герцог Сеффолк»

Хамфри Глостер торопится присоединиться к королю; герцогиня обещает приехать следом. Однако она немного задерживается, чтобы посоветоваться с Джоном Юмом[192], расстриженным

---

[190] Примечания: 190
В *оригинале:* «…соколиная *охота*». — Е. К.

[191] Примечания: 191
в переводе — Сент-Олбенс. — Е. К.

[192] Примечания: 192
в оригинале — Хам. — *Е. К.*

священником, играющим на честолюбии герцогини. Он связан с ведьмами и колдунами, которые, как считает герцогиня, помогут ей достичь исполнения желаний: стать королевой. Элеонора отдает Юму деньги и уходит.

Юм остается один и произносит монолог, из которого выясняется, что он играет роль двойного агента. Он говорит:

> А деньги
> Всегда ведь кстати нам, хотя б от черта.
> Но и другие руки деньги дарят.
> Осмелюсь ли сказать? То кардинал
> И новоиспеченный герцог Сеффолк.

Акт I, сцена 2, строки 93–95

Иными словами, враги Глостера знают об интригах несчастной герцогини и готовят ей ловушку, надеясь вместе с Элеонорой погубить и ее мужа.

В пьесе Суффолк становится герцогом, как только привозит Маргариту в Англию. После прочтения рокового договора довольный король говорит Суффолку:

> Маркиз, склони колени.
> Отныне герцог Сеффолк будешь ты.

Тебе вручаем меч.

Акт I, сцена 1, строки 64–65

В действительности Суффолк получил этот титул тремя годами позже, причем в куда менее благоприятный для себя момент.

«…Законный наследник престола»

Мы вновь возвращаемся в королевский дворец. Жалобщики ждут выхода лорда-протектора, который должен ответить на их челобитные и разрешить спорные вопросы. Но вместо Глостера выходят Суффолк и королева Маргарита, и Суффолк заявляет, что он сам примет петиции.

Один из жалобщиков — подмастерье оружейника, пришедший с доносом на своего хозяина. Он говорит, подавая Суффолку челобитную:

> …на моего хозяина, Томаса Хорнера, сказавшего, что герцог Йорк — законный наследник престола.

Акт I, сцена 3, строки 26–28

Конечно, Йорк попадает в опасное положение. Согласно строгому порядку престолонаследия он действительно был законным наследником,

и многие англичане, недовольные неудачным правлением короля и имевшие множество доказательств компетентности Йорка, помнили это.

Несмотря на свою лояльность, Йорк не мог запретить людям возлагать на него свои надежды; одного этого было достаточно, чтобы укрепить подозрения сторонников Ланкастеров. В конце концов эти подозрения должны были заставить Ланкастеров предпринять какие- то действия против Йорка и подвигнуть его на мятеж. Это было неизбежно.

«К святости стремится он...»

Естественно, королева Маргарита теряет терпение. Если законный король — Йорк, то каково же ее положение? Маргарита разрывает петиции и прогоняет жалобщиков.

Обиженная Маргарита заявляет Суффолку, что верховная власть, которая вынуждена выслушивать какие-то петиции, расписывается таким образом в собственной слабости. Она недовольна тем, что ее муж проявляет слабость и находится под башмаком у лорда-протектора. И наконец она с жаром заявляет, что, когда Суффолк сватал ее от имени короля, все выглядело иначе:

Я думала, что Генрих схож с тобою
Любезностью, и мужеством, и ростом.
Но к святости стремится он…

Акт I, сцена 3, строки 55–57

Честно говоря, в этом браке мужу и жене следовало поменяться ролями. Из Маргариты Анжуйской, будь она мужчиной, получился бы властный государь, а Генрих, родись он женщиной, стал бы прекрасной королевой. К несчастью, судьба распорядилась иначе.

Маргарита, презиравшая мужа (и, судя по всему, сексуально неудовлетворенная), с горя занялась политикой. Естественно, как француженка, она выступала за мир с Францией, неустанно поддерживала Суффолка и кардинала Бофорта и со всей присущей ей энергией боролась с «ястребами» Глостером и потенциально опасным соперником Йорком.

Однако в результате Маргарита утратила возможность сохранять позицию «над схваткой», втянула Генриха в борьбу политических партий, закончившуюся гражданской войной, вызвала к себе ненависть противников Суффолка и стала козлом отпущения для всех, кто не мог простить поражения во Франции.

Приходится признать, что злобность и мстительность Маргариты во многом способствовали развязыванию гражданской войны, а ее энергия и упрямство стали причиной того, что война оказалась чрезвычайно продолжительной и привела страну к катастрофе.

«...Гордая протектора жена»

Королева Маргарита перечисляет лордов, которые не нравятся ей по тем или иным причинам, но главный объект ее ненависти — женщина. Королева говорит:

> Но все они[193] не так мне досаждают,
> Как гордая протектора жена.

Акт I, сцена 3, строки 77-78

Эта ненависть вполне естественна, если учесть, что герцогиня претендует на титул королевы, а Маргарита боится потерять корону. Более того, герцогиня намного богаче Маргариты. Несомненно, она выставляет напоказ свое богатство и издевается над нищей француженкой, которой посчастливилось на какое-то время стать

---

[193] Примечания: 193
пэры Англии. — *Е. К.*

королевой.

Шекспир искусно обыгрывает антагонизм двух женщин; может быть, с точки зрения драматургии это гениально, но с точки зрения истории абсолютно неверно. Печальный конец настиг герцогиню за четыре года до брака Маргариты и Генриха. Когда Маргарита прибыла в Англию, Элеонора уже умерла; королева и герцогиня не только не были соперницами, но даже не знали о существовании друг друга.

Однако нам приходится следовать шекспировской версии Войны Алой и Белой розы.

«...Пока Париж измором не был взят»

Снова входят придворные, обсуждая вопрос, сможет ли Сомерсет разумно распоряжаться остатками британских владений во Франции, или следует продлить срок регентства Йорка.

Король Генрих пытается погасить намечающуюся ссору, но королева Маргарита с жаром вмешивается в спор, помогая партии кардинала и Суффолка сместить Хамфри Глостера с его поста. Глостер, затравленный окружавшими его со всех сторон противниками, покидает зал.

После его ухода Маргарита, притворившись, что приняла герцогиню за служанку, дает ей

пощечину. Разгневанная герцогиня также удаляется.

Хамфри Глостер, справившись со своим гневом и не зная об оскорблении, нанесенном его жене, возвращается и просит, чтобы его стороннику Йорку продлили срок полномочий во Франции.

Однако Йорк понимает, что Глостер беспомощен и что партия Суффолка одержала победу. Он объясняет, что возвращаться во Францию нет смысла. Даже если его вновь назначат на пост регента, положение дел не изменится:

> Лорд Сомерсет меня удержит здесь
> Без отпуска, без денег и оружья,
> Пока дофин не заберет весь край.
> Уж я плясал под дудку Сомерсета,
> Пока Париж измором не был взят.

Акт I, сцена 3, строки 170–174

Ричард Йорк был регентом Франции дважды — с 1437 по 1439 и с 1440 по 1445 г. Его первый срок завершился настоящей катастрофой, и Йорк объяснял это отсутствием поддержки из Лондона. Но Париж был взят раньше. Французы отбили у англичан Париж еще в 1436 г., за год до назначения Йорка на пост регента. Второй же срок Йорка оказался успешным, и тогда на отсутствие под-

держки он не жаловался. (Именно этот второй срок и истек в настоящий момент.)

Однако пост регента достался Сомерсету, потому что Суффолк вовремя дал ход жалобе подмастерья на оружейника Томаса Хорнера и заставил ученика повторить свое обвинение против хозяина, якобы утверждавшего, что Йорк законный английский король. Разгневанный Йорк называет всех сторонников этой точки зрения изменниками, но дело уже сделано. Даже Глостер вынужден признать, что если такое мнение получило широкое распространение, поручать Йорку ответственный пост во Франции опасно.

Поэтому во Францию едет Сомерсет.

«Тот герцог жив...»

Герцогиня Элеонора, взбешенная полученной пощечиной, теряет всякую осторожность и устраивает в саду у своего дома спиритический сеанс, который проводит некая Марджери Джорден. Герцогиня хочет узнать будущее — очевидно, для того, чтобы выбрать правильную линию поведения, — и с этой целью вызывает демонов.

Как часто бывает в пьесах Шекспира, демоны, вызванные с помощью черной магии, действи-

тельно приходят. В данном случае появляется Дух и отвечает на заданные вопросы в классическом стиле оракула. Первый вопрос задает Роджер Болингброк — астролог, которому покровительствует Глостер. Он спрашивает о судьбе короля Генриха. Ответ гласит:

> Тот герцог жив, что Генриха низложит,
> Однако он переживет его,
> И смертью он насильственной погибнет.

Акт I, сцена 4, строки 31–32

Фраза нарочито темна и составлена двусмысленно, как все ответы оракулов, которые сбываются в любом случае. Благодаря недостаточной флективности английского языка, первая строка пророчества может означать и «еще жив герцог, который низложит короля», и «еще жив герцог, которого низложит король». Выбор значения зависит от того, кто задал вопрос. Только он может решить, кто кого переживет, а затем погибнет насильственной смертью.

Собственно говоря, оба варианта оракула верны или почти верны (в таких вопросах елизаветинская публика разбиралась лучше нас). В каком-то смысле ныне живущий герцог действительно

низложит короля, но затем сам будет низложен королем; а насильственной смертью умрут оба.

«От воды…»

Следующий вопрос касается будущего герцога Суффолка; Дух дает следующий ответ:

> Он от воды свою кончину примет.
>
> ***Акт I, сцена 4, строка 34***

Тоже звучит двусмысленно. By water по-английски значит и «поблизости от воды», и «посредством воды» (то есть утонув в воде). Впоследствии выяснится, что и это предсказание исполнится, но сформулировано оно так, что его подлинный смысл становится ясным лишь в последний момент.

«…Избегает замков»

Последний вопрос относится к судьбе герцога Сомерсета. Дух отвечает следующее:

> Пусть избегает замков.
> Он безопаснее в степях песчаных,

Чем там, где замки громоздятся.

Акт I, сцена 4, строки 36–37

Это может означать, что Сомерсету грозит опасность либо погибнуть при осаде замка, либо угодить в темницу, либо быть казненным в замке, но какой толк от такого прорицания? Грядущее событие угадать заранее невозможно. Как всегда бывает с оракулами, их предсказания правдивы, но бесполезны.

«Aio te, Aeacida…»

Но сеть вокруг герцогини уже сплетена. Агенты короля Генриха предупреждены заранее и находятся поблизости, чтобы поймать герцогиню с поличным.

В пьесе подготавливают ловушку Йорк и Бекингем. Позиция Йорка здесь выглядит довольно странно, поскольку в данном случае он служит интересам клики Сомерсета — Суффолка, а все считали, что Йорк в этом никак не заинтересован. И в самом деле, присутствие Йорка на месте преступления — выдумка Шекспира.

Йорк читает три пророчества, записанные участниками спиритического сеанса, и делает паузу, чтобы посмеяться над первым, посвя-

щенным герцогу и королю. Он видит явную двусмысленность ответа о том, кто кого низложит, и говорит:

> Звучит совсем как
> «Aio te, Aeacida, Romanos vincere posse».

Акт I, сцена 4, строки 62–63

Такой ответ получил от оракула Пирр, царь Эпира, когда в 282 г. до н. э. готовился к вторжению в Италию и наступлению на римлян. В переводе прорицание звучит так: «Говорю тебе, потомок Эака, что римская победа возможна».

Как по-латыни, так и по-английски эта фраза может означать и «ты можешь победить римлян», и «тебя могут победить римляне». И здесь тоже оказалось правдиво и то и другое, потому что Пирр победил римлян в двух битвах, а римляне Пирра — только в одной, однако эта единственная победа была последней.

В каком-то смысле описание ареста герцогини верно, но не во всем. На самом деле попытка колдовства и арест Элеоноры случились в 1441 г., за четыре года до брака Генриха VI и Маргариты. Более того, Йорк не присутствовал при аресте герцогини и не мог при нем присутствовать; в 1441 г. он был во Франции и пытался сохранить

Нормандию.

Однако Шекспир, поручив эту миссию Йорку, с точки зрения драматургии поступил совершенно правильно. То, что Йорк получил возможность прочитать пророчества, добавило сцене драматизма. Елизаветинская публика прекрасно знала, что таинственным герцогом, которому суждено сместить короля, является сам Йорк, что по прошествии некоторого времени Йорк, в свою очередь, будет смещен королем и умрет трагической насильственной смертью. (Однако это случится только в следующей пьесе.)

«Хоть зрение...»

Во время ареста герцогини король и королева находятся на соколиной охоте в Сент-Олбансе. Кардинал и Глостер тоже здесь; как обычно, они яростно ссорятся и готовы вызвать друг друга на дуэль. (Во время ареста герцогини Хамфри Глостеру пятьдесят лет, а кардиналу за шестьдесят, так что искусно орудовать мечами они вряд ли могли бы.)

За этим следует комический эпизод, в котором некий деревенский житель Симпкокс притворяется, что произошло чудо: якобы он был слеп от рождения и неожиданно прозрел.

Король изображен в этой сцене доверчивым простофилей, потому что каждая его фраза говорит о набожности святоши, что несовместимо с его светским положением и не соответствует настроению всех остальных (а особенно кардинала). Так, услышав, что слепой внезапно прозрел, король говорит:

> Как велика его земная радость, —
> Хоть зрение грехи его умножит…

Акт II, сцена 1, строки 70–71

Иными словами, вновь обретенное зрение увеличит количество соблазнов, которые раньше слепого не тревожили, поэтому везение может превратить его в грешника. Эта мысль почерпнута в Евангелии от Иоанна: «Иисус сказал им: если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас» (Ин., 9: 41).

В Библии речь идет о слепоте символической. Фарисеи, к которым обращается Иисус, претендуют на значение истины, а потому не хотят внимать учению и остаются грешниками. Если бы они признали, что ничего не знают (то есть слепы), то стали бы учиться и перестали бы грешить.

Однако поводом для этой фразы является предыдущий эпизод, в котором Иисус излечивает слепого от рождения; видимо, набожный король вспомнил именно его.

«В Бервике…»

Король спрашивает Симпкокса, где он родился, и тот отвечает:

> На севере, в Бервике, государь.
>
> ***Акт II, сцена 1, строка 83***

Город Берик[194] находится на побережье Северного моря всего в 3 милях (5 км) от границы с Шотландией.

Но тут Глостер устраивает обманщику перекрестный допрос, подробности которого Шекспир заимствует из книги под названием «Деяния и памятники этих последних и опасных дней», написанной англичанином Джоном Фоксом и опубликованной в 1563 г. Фокс собрал все доступные ему легенды о людях, которых преследовали, подвергали пыткам и убивали за их религиозные убеждения, поэтому вскоре его труд стали назы-

---

[194] Примечания: 194
в переводе — Бервик. — *Е. К.*

вать «Книгой мучеников».

Глостер заставляет Симпкокса называть цвета, которых слепой от рождения и прозревший лишь полчаса назад знать не может. Самозванца приговаривают к наказанию, хотя его жена восклицает:

> Ах, сэр, мы от нужды пошли на это.

Акт II, сцена 1, строка 157

Эта фраза очень важна. Столетняя война легла тяжелым бременем на плечи англичан и создала им множество дополнительных трудностей. Слабость верховной власти при Генрихе VI позволяла лордам (в том числе Глостеру и кардиналу) создавать собственные армии, которые воевали друг с другом и терроризировали население. Более того, основу английского сельского хозяйства составляло овцеводство, которое нуждалось в обширных пастбищах. Но если раньше эти пастбища предназначались для выпаса стада, принадлежавшего городу или общине, то теперь лорды огораживали их для выпаса своих собственных стад.

Положение английских крестьян неуклонно ухудшалось в течение нескольких десятилетий; простой народ терял доверие к верховной власти

и стремился сменить ее. Страна созрела для революции, гражданской войны или того и другого вместе.

Глостера хвалят за то, что он разоблачил Симпкокса, но тут приходит известие об аресте жены Глостера, занимавшейся колдовством. Глостер, ошеломленный этой новостью, уже не помышляет о дуэли с кардиналом. Бедняга может сказать только одно: если его жена действительно занималась колдовством, пусть она отвечает за это по всей строгости закона.

«Когда б Глендаур...»

Тем временем в Лондоне Ричард Йорк снова мечтает о троне. Во время тайных переговоров с Солсбери и Уориком он раскрывает природу своих династических притязаний, снова повторяет рассказ о семи сыновьях Эдуарда III и снова подчеркивает свое происхождение (по материнской линии) от третьего сына, в то время как Генрих является потомком лишь четвертого сына. (Трудно представить себе, что Солсбери и Уорик этого не знают, но публике нужно напомнить об этом.) Когда Ричард упоминает Эдмунда Мортимера, графа Марча (брата его матери) и «законного» преемника Ричарда II, Солсбери, прервав его,

говорит:

Тот Эдмунд в царствованье Болингброка,
Как я читал, потребовал корону
И стал бы королем, когда б Глендаур
До смерти не держал его в плену…

Акт II, сцена 2, строки 39–42

Снова повторяется старая путаница. В плену у Оуэна Глендаура находился не граф Марч и наследник престола, а его дядя и полный тезка (см. в гл. 7: «Мортимер…»). По крайней мере, здесь говорится о его смерти в плену, что соответствует истине; точнее, он умер в Уэльсе, сражаясь на стороне Глендаура, зятем которого стал. В первой части «Генриха VI» описана смерть Эдмунда Мортимера в лондонском Тауэре, но это не имеет никакого отношения ни к дяде, ни к племяннику.

Шекспир опускает одну важную деталь: Ричард Йорк женат на Сесили Невилл, сестре графа Солсбери. Ричард Йорк и Солсбери — зять и шурин, так что у Невиллов есть все основания быть сторонниками Йорка.

«…Йорка возведет на трон»

Солсбери и Уорик становятся союзниками Йорка и обещают поддержать его притязания на трон. Йорк убеждает их не торопиться и ждать подходящего момента. Действуя в духе Макиавелли, Йорк предлагает дождаться падения Глостера, предсказывая, что оно пойдет на пользу его сторонникам. (Шекспир, симпатии которого на стороне Ланкастеров, намеренно приписывает Йорку поступки в духе Макиавелли; исторических подтверждений этому нет.)

Собеседники соглашаются, и Уорик говорит:

> Подсказывает сердце мне, что Уорик
> Однажды Йорка возведет на трон.

Акт II, сцена 2, строки 79–80

Это одно из пророчеств оракула, которые сбываются всегда, но лишь наполовину. Уорик действительно сплотил сторонников Йорка и в свое время был известен под прозвищем «делатель королей», но королем он сделал вовсе не Ричарда Йорка.

Йорк отвечает:

А я, мой Ричард, глубоко уверен,
Что Ричард Уорика поставит первым
В земле английской после короля.

Акт II, сцена 2, строки 82–83,5

Это еще одна полуправда. В свое время Уорик действительно станет вторым человеком в Англии после короля, но этим королем будет не Ричард Йорк.

«В Смитфильде…»

В следующей сцене король Генрих судит герцогиню Элеонору. Ее помощники из простонародья осуждены на страшную смерть. Король Генрих говорит:

Колдунью эту в Смитфильде сожгут,
А вас троих на виселицу вздернут.

Акт II, сцена 3, строки 7–8

Смитфилд[195] — восточный район центрального Лондона. Сначала там проводили рыцарские турниры, затем ярмарки, а потом публичные казни. Сейчас на этом месте находятся главные

---

[195] Примечания: 195
в переводе — Смитфильд. — *Е. К.*

мясные рынки.

Ведьму Марджери Джорден действительно сожгли на костре. Однако из троих оставшихся всю строгость закона испытал на себе лишь астролог Роджер Болингброк. Его повесили и четвертовали — иными словами, вздернули на виселицу, затем живым сняли с нее и отрубили руки и ноги. Один из его помощников умер в тюрьме, но доносчика Хама простили.

«...На Мене»

Что же касается Элеоноры, то ее наказание значительно мягче, поскольку она знатная дама и тетка самого короля. Король Генрих говорит ей:

> Трехдневному подвергшись покаянью,
> В изгнании должны вы поселиться
> На Мене, под надзором Джона Стенли.

Акт II, сцена 3, строки 11–13

Остров Мэн[196], имеющий 30 миль (48 км) в длину и 10 миль (16 км) в ширину, расположен в Ирландском море между северной Англией и северной Ирландией. когда-то Мэн принадлежал

---

[196] Примечания: 196
в переводе — Мен. — Е. К.

Шотландии, но Эдуард III захватил его.

Впоследствии остров сначала принадлежал роду Монтегью (представителями которого были Солсбери из «Ричарда II» и Солсбери из первой части «Генриха VI»).

Затем дядя Солсбери из «Ричарда II» продал остров Уильяму Скрупу (ле Скроупу), графу Уилтширу (см. в гл. 6: «К графу Уильтширу...»), наследники которого утратили это владение после казни графа во время восстания Болингброка. В 1406 г. Болингброк (в то время уже Генрих IV) передал остров сэру Джону Стенли; с тех пор Мэн стал их родовым владением.

Этот удаленный остров был дикий, пустынный и малонаселенный, он служил англичанам Сибирью.

«...Соберется в Бери»

Падение Глостера происходит быстро. Его жена осуждена, и король приказывает ему оставить должность лорда-протектора.

После комического эпизода, в котором оружейник Томас Хорнер опровергает обвинение в измене, выдвинутое против него собственным подмастерьем, вновь возникает тема Глостеров.

Убитый горем герцог встречается с измученной

герцогиней, которой предстоит пережить публичное покаяние. Герцогиня, босая и обернутая в белую простыню, к которой прикреплена бумага с перечислением ее грехов, должна пройти по лондонским улицам, подвергаясь насмешкам толпы.

Глостер пытается утешить жену, а Элеонора пытается предупредить мужа о новых происках врагов, но их разговор прерывает прибытие герольда, который сообщает:

> Призываю вашу светлость в парламент
> его величества, который соберется в Бери
> первого числа будущего месяца.

Акт II, сцена 4, строки 70–71

Здесь Шекспир, как обычно, уплотняет время. Хроника падения Глостера выглядит примерно так:

1. В 1440 г., несмотря на все возражения Глостера, был освобожден из плена Карл Орлеанский; это сильно подорвало влияние Глостера.

2. В 1441 г. была осуждена и сослана герцогиня Элеонора, что явилось для Глостера большим унижением. Герцогиню отправили на остров Мэн, где она прожила два года и умерла в 1443 г.

3. В 1445 г. Маргарита Анжуйская вышла замуж

за Генриха VI и стала самым непримиримым врагом Глостера, потому что тот, несмотря на все поражения и унижения, оставался наследником престола до тех пор, пока Маргарита не родит ребенка.

В 1447 г., когда Маргарита, пробыв замужем два года, оставалась бесплодной, от Глостера решили избавиться раз и навсегда. С этой целью созвали парламент, но собраться он должен был не в Лондоне; жители столицы любили Глостера и не дали бы его в обиду.

Поэтому сессия парламента состоялась в Бери-Сент-Эдмундсе, в 60 милях (96 км) к северо-востоку от Лондона. Бери находился в графстве Суффолк, то есть на территории врага Глостера герцога Суффолка.

Более того, парламент был созван в спешке и без предварительного уведомления Глостера, чтобы тот не успел собрать людей для своей защиты. Услышав о вызове на сессию парламента, изумленный Глостер говорит:

> Не испросивши моего согласья,
> Решили тайно! Хорошо, приду.
>
> ***Акт II, сцена 4, строки 72— 73***

Если бы парламент действительно созвали

сразу после серии постигших Глостера катастроф, его, несомненно, ожидал бы арест (если не что-нибудь похуже), и Глостер постарался бы держаться от парламента как можно дальше.

Однако в пьесе Глостер изображен человеком поразительно наивным. На самом деле парламент был созван через шесть лет после осуждения герцогини, и Глостер, уже униженный и лишенный власти, не ожидал, что враги предпримут против него какие-нибудь новые меры. Поэтому он отправился на сессию парламента, не ожидая ничего дурного.

«...Погибло все»

Парламент собрался, но Глостер опаздывает. Королева тут же обращается к Генриху и называет Глостера изменником. Шекспир еще раз показывает, что английская аристократия способна только на ссоры и раздоры. Подчеркивая это, драматург поручает Сомерсету сообщить королю новость. В последний раз мы встречались с Сомерсетом, когда его назначили регентом Франции. Теперь, когда король спрашивает его о тамошних делах, Сомерсет мрачно отвечает:

Вы всех владений ваших в этом крае

Лишились, государь; погибло все.

Акт III, сцена 1, строки 84–85

Это говорит прежде всего о некомпетентности самого Сомерсета. Однако в свете подлинной истории заявление Сомерсета выглядит несколько преждевременным.

К моменту сессии парламента в Бери (1447) Англия еще владела Нормандией и областями вокруг Бордо. Решающее французское наступление, в ходе которого англичан изгнали из Нормандии (1450) и Бордо (1451), началось только через год. Последняя попытка отвоевать Бордо, закончившаяся гибелью Толбота у Кастильона, провалилась лишь в 1453 г. Таким образом, «все погибло» только через шесть лет.

Тем не менее с точки зрения драматургии было вполне логично отнести окончательное падение Глостера к времени полного банкротства его курса на войну до победного конца.

«За измену…»

Наконец Глостер появляется, и Суффолк приветствует его так:

Тебя я за измену арестую.

Акт III, сцена 1, строка 97

В действительности Глостера арестовали на второй день сессии парламента, 11 февраля 1447 г.

Но сам арест не имел особого значения. Признать человека виновным в государственной измене мог только суд, а предъявить такое обвинение Глостеру было бы трудно, учитывая его популярность у простого народа. Поэтому королеве и ее партии было гораздо проще организовать смерть Глостера. Идея убийства носится в воздухе.

«Я прибыл из Ирландии...»

Внезапно прибывает гонец с неутешительными известиями из-за границы. Он говорит:

Я прибыл из Ирландии, милорды,
Вам сообщить: мятежники восстали,
Подняв оружие на англичан.

Акт III, сцена 1, строки 282–284

В этом нет ничего удивительного. Восстания

в Ирландии не прекращались начиная с эпохи Эдуарда III. А поскольку четыре поколения англичан тщетно тратили все усилия на завоевание Франции, это мешало им как следует закрепиться в Ирландии.

Даже сам железный Толбот, воин-супермен из первой части «Генриха VI», лорд-наместник Ирландии с 1414 по 1419 г. (когда Генрих V сражался при Азенкуре и завоевывал Нормандию), не сумел справиться с ирландцами.

Однако Англия никогда не отказывалась от прав на Ирландию и время от времени направляла туда войска для подавления очередного восстания.

У членов партии Суффолка появляется блестящая идея: отправить в Ирландию Йорка.

«…В Ирландию их переправить»

Положение Йорка как «законного наследника» представляет для Ланкастеров серьезную угрозу. Арест и близкая смерть Глостера только приближают Йорка к трону, он становится старшим членом королевской семьи, вторым после самого короля (поскольку считается, что Бофорты унаследовать трон не могут). Поэтому лучше отправить его как можно дальше.

Ирландия — идеальное место для этой цели, тем более что там легко подорвать репутацию Йорка как блестящего полководца, завоеванную во Франции. Он и сам может погибнуть там, как его дед по материнской линии, Роджер Мортимер (см. в гл. 7: «Мортимер…»).

Йорку остается только подчиниться. Он говорит:

> Лорд Сеффолк, через десять дней я буду
> В Бристоле поджидать своих солдат,
> Чтобы в Ирландию их переправить.

Акт III, сцена 1, строки 327–329

На самом деле для этого потребовалось куда больше времени. Йорк сумел оттянуть свой отъезд в Ирландию на два года и отплыл туда лишь в 1449 г.

«Джон Кед…»

Дело в том, что у Йорка (описанного Шекспиром предвзято) есть свои планы. Негласная ссылка не помешает ему насолить своим врагам. Для этого у него уже есть средство. Йорк говорит:

> Я смельчака из Кента подстрекнул:

Джон Кед из Эшфорда
Поднять в стране восстание сумеет,
Принявши имя Джона Мортимера.

Акт III, сцена 1, строки 356–359

Кент — графство, расположенное на юго-восточной оконечности Англии, а Эшфорд — довольно крупный город примерно в 40 милях (64 км) к юго-востоку от Лондона. Именно там семьдесят лет назад бушевало восстание Уота Тайлера, и народ этого не забыл. С тех пор положение там ничуть не улучшилось, поэтому Кент был готов восстать. Однако, как всегда происходит в таких случаях, те, против кого готовится восстание, уверены, что во всех бедах виноваты внешние подстрекатели.

Нет никаких доказательств того, что Джон Кед служил орудием в руках герцога Йоркского. Конечно, позднейшая ланкастерская пропаганда, ставшая во времена Шекспира, если так можно выразиться, официальным партийным курсом, сообщала, что Кед был урожденным ирландцем и приехал в Кент во время пребывания Йорка в Ирландии. В этом утверждении содержался намек на то, что Кеда заслал в Кент именно Йорк. Сам герцог говорит, что в Ирландии Кед был его

шпионом:

> Не раз, одевшись как лохматый керн,
> Ходил он разговаривать с врагами
> И возвращался к нам, никем не узнан,
> И мне об их злодействах сообщал.

Акт III, сцена 1, строки 367–370

(Но когда это могло случиться? Йорк только сейчас взял курс на гражданскую войну. Во время своего предыдущего пребывания в Ирландии он был молодым человеком лет двадцати с небольшим и ездил туда осмотреть свои тамошние имения, а не воевать.)

«На умершего Джона Мортимера…»

Более того, если Кед действовал как агент Йорка, то он наверняка не стал бы называть себя его соперником в борьбе за трон.

Однако Йорк говорит о своем намерении назвать Кеда Джоном Мортимером, то есть членом семьи Мортимер и законным наследником престола. Это придало бы словам Кеда намного больший вес в глазах крестьян, которых всю жизнь учили уважать королевский титул, но едва ли пошло бы на пользу самому Йорку.

Можно возразить, что таким образом было удобно напомнить народу о правах семьи Мортимер, не называя прямо самого Йорка. Однако на каждый довод есть контрдовод: если бы восстание было подавлено (а оно действительно было подавлено), эти права были бы дискредитированы бесчинствами толпы и интересы Йорка пострадали бы.

В изображении Шекспира Йорк — сознательный последователь Макиавелли (которого из него сделала официальная пропаганда сторонников Ланкастеров), но все это лишено практического смысла.

В подкрепление своего утверждения Шекспир вкладывает в уста Йорка следующие слова:

> На умершего Джона Мортимера
> Лицом, походкой, речью он похож.

Акт III, сцена 1, строки 372–373

Конечно, в этом нет никакой необходимости. История учит, что от самозванца, претендующего на престол, внешнего сходства не требуется. В то время фотографии еще не существовало, и мало кто из простых людей знал, как выглядят члены королевской семьи. Радио тоже не было, а потому никто не знал их голосов. Люди готовы

были признать любого самозванца, лишь бы он обещал улучшить их жизнь.

«…Спровадили мы Хемфри»

Действие снова переносится в Бери-Сент-Эдмундс. По сцене пробегают люди. Один из них говорит другому:

> Беги к милорду Сеффолку; скажи,
> Что, как велел, спровадили мы Хемфри.

Акт III, сцена 2, строки 1–2

Как указывалось выше, Хамфри[197] Глостер был арестован 11 февраля 1447 г. Суд над ним так и не состоялся. Утром 28 февраля его нашли мертвым в собственной постели.

Безусловно, было объявлено, что герцог умер естественной смертью; в доказательство предъявили труп, на котором не было следов насилия. Конечно, в пятьдесят шесть лет Глостер вполне мог умереть от сердечного приступа, особенно учитывая тяжелые поражения и огорчения, которые он пережил за последние семь лет.

---

[197] Примечания: 197
в переводе — Хемфри. — *Е. К.*

С другой стороны, избавление от Глостера было до такой степени выгодно его врагам, что в его естественную смерть никто не поверил. Вся страна единодушно решила, что герцога приказал убить Суффолк.

Глостер был популярен и раньше, а после смерти его популярность только возросла. Соответственно упала популярность Суффолка. Поскольку прямых наследников Глостер не оставил, его собственность было легко присвоить. Суффолк, проявив такую же непростительную близорукость, как и Ричард II после смерти Джона Гонта (см. в гл. 6: «…Всю движимость, казну, доходы, утварь»), тут же захватил львиную долю земель Глостера, раздав остальное своим родным и друзьям. А в 1448 г. по настоянию королевы он получил титул герцога.

Конечно, трудно представить себе более необдуманные действия. Люди и так считали Суффолка убийцей, а теперь он стал в глазах народа еще и разбойником, ограбившим убитого. Но окончательно подорвали его репутацию слухи о том, что Суффолк — любовник королевы.

Через три года после смерти Глостера ненависть к Суффолку достигла апогея и грозила вот-вот разразиться восстанием. Этот взрыв и

произошел после известия о потере Нормандии.

Однако в пьесе изображено, что Нормандия была потеряна еще до ареста Глостера, а Суффолк стал герцогом сразу после того, как доставил Маргариту Анжуйскую в Англию. Поэтому Шекспиру остается только одно решение (динамичное и одновременно сценичное): причиной падения Суффолка становится убийство Хамфри Глостера.

«Просит вам сказать народ...»

Узнав о смерти Глостера, король Генрих падает в обморок, а когда приходит в себя, тут же заявляет, что это убийство. Королева Маргарита в длинном и страстном монологе безуспешно пытается разубедить мужа.

Входит Уорик и публично обвиняет Суффолка в убийстве, после чего оба хватаются за шпаги. Наконец появляется Солсбери (отец Уорика) и сообщает, что у парламента собирается народ. Он говорит Генриху:

> Властитель, просит вам сказать народ,
> Что, если Сеффолка не обезглавят
> Иль не изгонят из страны родной, —

Они его отсюда вырвут силой…

Акт III, сцена 2, строки 243–246

Генрих тут же прогоняет Суффолка, приказывая ему покинуть Англию в трехдневный срок.

На самом деле это произошло не сразу после смерти Глостера, а через три года. Когда в январе 1450 г. собрался парламент, палата общин потребовала ареста Суффолка. 17 марта он был приговорен к пятилетней ссылке и получил предписание покинуть Англию до 1 мая.

«Бофорт умирает…»

Но Суффолк — не единственный из врагов Глостера, кого ждет смерть. Не успевают огласить решение о высылке Суффолка, как входит придворный и сообщает:

…кардинал наш Бофорт умирает,
Недугом тяжким он сражен внезапно.

Акт III, сцена 2, строки 369–370

Король торопится к нему, и, когда кардинал Бофорт с трудом произносит последние слова, Генрих говорит:

Лорд-кардинал, коль думаешь о рае,
Приподними хоть руку в знак надежды.
Кончается, не подавая знака.

Акт III, сцена 3, строки 27–29

В пьесе кардинал Бофорт умирает от сознания собственной вины перед убитым Глостером и, как прямо говорит Шекспир, отправляется в ад.

Испытывал кардинал муки совести или нет, неизвестно, но в отличие от Суффолка Бофорт действительно умер сразу после Глостера. Он умер в своем дворце 11 апреля 1447 г., через шесть недель после смерти своего единокровного племянника. В то время кардиналу было около семидесяти лет; это был последний из сыновей Джона Гонта и внуков Эдуарда III.

Теперь последними представителями ветви Ланкастеров, являвшимися прямыми потомками Джона Гонта по мужской линии, оставались лишь Генрих VI (правнук Гонта от его первой жены) и Эдмунд Сомерсет (правнук Гонта от его третьей жены), а также сыновья Гонта.

«…От воды умру я»

Однако отправиться в ссылку Суффолку толком

так и не пришлось. Народный гнев против него все нарастал, и у многих (особенно в Лондоне) вызывало возмущение то, что Суффолк избежит смерти и отправится в ссылку, из которой еще может вернуться. Казалось, что беспорядками охвачена вся Англия. Чтобы избежать народного восстания, судно, на котором Суффолк отплыл 1 мая, перехватил военный корабль. Герцог перешел на борт военного корабля, и 5 мая его казнили — видимо, по приказанию властей, которые решили пожертвовать им, чтобы избежать худшего. В то время Суффолку было пятьдесят четыре года; этот возраст плохо согласуется с любовными сценами, где Шекспир изображает его рядом с двадцатилетней королевой.

В пьесе судно, везущее замаскированного Суффолка (что должно было уберечь его от ярости толпы по дороге в порт), действительно останавливает военный корабль. Герцога передают человеку, который называет себя Уолтером Уитмором.

Суффолк потрясен; он объясняет свой испуг так:

> Мне страшно это имя — в нем погибель.

Один мудрец мой гороскоп составил
И говорил, что от воды умру я.

Акт IV, сцена 1, строки 33–35

Это намек на предсказание, полученное на спиритическом сеансе (который на самом деле состоялся за девять лет до ссылки Суффолка). В Средние века имя Уолтер часто произносили как Уотер, так что его распространенная сокращенная форма была Уот (например, Уот Тайлер). Широкое распространение имени Уот привело к возникновению распространенной фамилии Уотсон.

Итак, Суффолку было суждено умереть не только «by water» — «от воды» (то есть в море), но и «by Water» (от руки человека по имени Уолтер).

«Как честолюбивый Сулла…»

Ясно, что Суффолку грозит смерть, но он отказывается просить пощады. Герцог спрашивает командира захватившего его корабля, почему он должен умереть, и получает ответ: он был жаден и присвоил значительную часть королевской казны, был любовником королевы и убил Глостера.

Командир корабля говорит Суффолку:

Возвысился ты хитростью бесовской,
И, как честолюбивый Сулла, ты
Пресыщен, сердце матери пожрав.

Акт IV, сцена 1, строки 83–85

Сулла один из римских полководцев, в последний век существования Римской республики он способствовал уничтожению ее конституции и проложил путь к созданию империи. В 82 г. до н. э. Сулла повел армию против своих врагов, которые тогда владели городом Римом. Он был первым полководцем, штурмовавшим Рим силами римской армии, и именно в этом смысле пресытился, пожрав сердце собственной матери. Более того, после победы Сулла конфисковал движимое и недвижимое имущество своих врагов и за счет этого обогатился сам и обогатил своих сторонников. Все это напоминает то, как Суффолк получил владения Глостера.

«Разбойник, гладиатор…»

Суффолк все еще бросает вызов своим врагам. Он говорит, что многие великие люди погибли от рук ничтожных убийц:

Разбойник, гладиатор, римский раб

Зарезал Туллия; бастардом Брутом
Заколот Юлий Цезарь; дикарями —
Помпей, а Сеффолка убьют пираты.

Акт IV, сцена 1, строки 135–138

Туллий — это Цицерон, которого убили солдаты, посланные Марком Антонием. А Брута многие считали незаконным сыном Юлия Цезаря. Помпей был убит не свирепыми дикарями, а цивилизованными жителями Египта эпохи Птолемеев.

Суффолк называет своих убийц пиратами, потому что те захватили его судно в открытом море.

После смерти Суффолка два дворянина, сопровождавшие его в поездке, отвозят его тело обратно в Лондон.

«Подонки Кента, мразь…»

Настала пора описать восстание Джека Кеда (или Джона Кеда), которого Йорк отправил в Кент перед своим отъездом в Ирландию (см. в гл. 12: «Джон Кед…»).

После смерти Суффолка у Ланкастеров не осталось никого, кроме Сомерсета, который благодаря своей неудаче во Франции был почти так же непопулярен, как и Суффолк, кто мог бы руково-

дить недалеким королем.

Поэтому многие возлагали надежды на Ричарда Йорка. Он хорошо зарекомендовал себя во Франции и был последним способным администратором периода окончания Столетней войны; более того, он сумел добиться успеха и в Ирландии. Ему удалось усмирить тамошних повстанцев и продемонстрировать такую смесь решительности с мягкостью, что в ходе последовавших за этим гражданских войн симпатии большинства ирландцев были на стороне партии Йорка.

Мало того, он был единственным Плантагенетом (потомком Эдуарда III исключительно по мужской линии), не принадлежавшим к ветви Ланкастеров. Ему не требовалось подкупать людей: все и без того говорили, что Йорк должен стать вторым человеком в стране после короля. То, что после 1450 г. в стране возобладали настроения сторонников Йорка, вовсе не означает, что за спиной восставших стоял Йорк; просто люди сохранили здравый смысл и видели то, что само бросалось в глаза.

Примерно тридцать тысяч жителей Кента и Суссекса под командованием Джека Кеда отправились в Лондон, чтобы передать королю петицию с требованием вернуть Йорка. Они

требовали изменения внутренней политики и хотели, чтобы страной правил Йорк. Сначала у людей были исключительно мирные намерения; они вели себя прилично; в толпе было много мелких землевладельцев, искренне преданных короне и доброму королю (но не чужеземной королеве).

Как все движения фермеров, крестьян и ремесленников, на это восстание возвели напраслину тогдашние летописцы, которые были связаны с учеными; ученые же пользовались поддержкой аристократии и ассоциировали себя с ней. Поэтому объективную картину происходившего составить трудно. Но конечно, Шекспир, не упускавший возможности посмеяться над ремесленниками и крестьянами, превращает восстание в настоящий фарс.

К середине июня 1450 г. (примерно через пять недель после казни Суффолка — жертвы, посредством которой партия королевы тщетно пыталась предотвратить народные волнения) армия Кеда разбила лагерь в Блэкхите[198], находившемся южнее Темзы, примерно в 5 милях (8 км) к востоку от центра Лондона.

---

[198] Примечания: 198
в переводе — Блекхит. — *Е. К.*

Королевский двор выигрывал время, получая петиции и отвечая на них, и делал вид, что сочувствует народу, а сам тем временем втайне поспешно собирал войска. Как только армия была собрана, против кентцев выслали отряд под командованием двух братьев Стаффорд [199].

Жалобщики, смущенные и напуганные появлением вооруженных людей, явно не помышляли о сражении и начали быстро отступать в направлении Кента. Но в местечке Севеноукс (Семь Дубов), расположенном в 23 милях (37 км) к юго-востоку от Лондона, солдаты их догнали.

В пьесе об отступлении не говорится ни слова. Дело изображено так, словно люди Кеда по-прежнему находятся в Блэкхите. Старший Стаффорд кричит им:

> Подонки Кента, мразь, мятежный сброд!
> Сложить оружье, висельники! Живо!

Акт IV, сцена 2, строки 119–120

Аристократы, посланные против восставшего простонародья, привыкли обращаться к нему именно так. Существовала теория, что собаки

---

[199] Примечания: 199
в переводе — Стеффорд. — *Е. К.*

должны знать свое место; достаточно быть решительным и показать простым людям ваше презрение, как они убегут поджав хвост. Это срабатывает, но не всегда.

Иногда в отместку аристократов разрывают на части.

«…Дочку Кларенса»

В данном случае Кед хвост не поджал. Наоборот, он тоже называет себя аристократом; более того — претендентом на престол. Он говорит:

> …Эдмунд Мортимер, граф Марч,
> Взял в жены дочку Кларенса, не так ли?

Акт IV, сцена 2, строки 133–134

Упомянутый Кларенс — это Лайонел Антверпенский, третий сын Эдуарда III. У него была дочь Филиппа, которая действительно вышла замуж за Эдмунда Мортимера, третьего графа Марча. Стаффорды вынуждены признать это.

Кед продолжает объяснять, что у Филиппы родились близнецы — факт, который Стаффорды категорически отрицают. Кед говорит, что старшего из близнецов украла нищенка. Когда тот

вырос, стал каменщиком, а сам Кед — сын этого старшего сына Эдмунда Мортимера.

Если бы дело обстояло так, то Кед был бы двоюродным братом Эдмунда, пятого графа Марча, но имел бы преимущественное право на престол. Кроме того, Кед стал бы двоюродным братом Ричарда Йорка, однако и в этом случае преимущественное право было бы у Кеда.

Все же из уважения к отцу нынешнего короля, Генриху V, Кед согласен не претендовать на трон. Он удовольствуется и должностью лорда-протектора.

«...Голову лорда Сея»

Один из подручных Кеда предъявляет дополнительное требование:

> А вдобавок мы требуем голову лорда
> Сея за то, что он продал герцогство Мен.

Акт IV, сцена 2, строки 158–159

Лорд Сей — это Джеймс Финнес: его полный титул — лорд Сей и Сил. Он был очень близок к покойному Суффолку и служил Генриху VI в качестве лорд-камергера и лорд-казначея. Поскольку Джеймс Финнес ведал финансами, было логично

обвинять его в высоких налогах. (Его потомок участвовал в колонизации Новой Англии, и его имя сохранилось в названии города Олд-Сейбрук, Коннектикут.)

8 июня состоялось сражение, в котором победу одержали сторонники Кеда, убившие обоих Стаффордов. Однако отряд под командованием Стаффордов был лишь авангардом армии, главные силы которой еще находились в Блэкхите.

«...В Саутуорке»

Тем временем в Лондоне мягкосердечный король Генрих размышляет, как следует вести себя с Джеком Кедом, чтобы не допустить кровопролития, в то время как безутешная королева Маргарита прижимает к себе голову казненного Суффолка, оплакивая его.

Быстро входит гонец и говорит:

Враг в Саутуорке. Спасайтесь, государь!

Акт IV, сцена 4, строка 27

Победа над Стаффордами оказала на врагов Кеда сильное психологическое воздействие. Когда люди Кеда снова двинулись вперед, никто не посмел остановить их. В начале июля мятежники

достигли Саутуорка, находящегося на другом берегу Темзы прямо напротив центра Лондона.

Казалось, восставшие без помех могут войти в Лондон, но позволить им захватить короля было бы верхом глупости. Поэтому Бекингем говорит Генриху:

> Мой государь, укройтесь в Киллингуорте,
> Пока сберем войска, чтоб их сломить.

Акт IV, сцена 4, строки 39–40

Киллингуорт (точнее, Кенилуорт) — замок, расположенный к югу от Ковентри, примерно в 90 милях (144 км) к северо-западу от Лондона. Сегодня он хорошо известен по роману «Кенилуорт» сэра Вальтера Скотта, в котором описаны романтические события, происшедшие там именно в эпоху Шекспира.

Король готовится к побегу, но в это время прибывает второй гонец и кричит:

> Кед овладел уж Лондонским мостом.
> Бегут, дома бросая, горожане…

Акт IV, сцена 4, строки 49–50

3 июля 1450 г. Джек Кед, не встретив сопротив-

ления, вошел в Лондон. Это действительно был подвиг.

«...Тауэр захватить»

Джек Кед вошел в Лондон не только без всякого кровопролития (что было согласовано с лорд-мэром), но и сумел удержать своих людей от грабежей и тому подобных эксцессов.

Напротив, в пьесе Кед приказывает своим людям сжечь Лондонский мост и взять Тауэр. Действительно, надолго овладеть Лондоном, не захватив Тауэр, нельзя, но Тауэр надежно удерживает лорд Скейлс[200], объявляющий собравшимся горожанам:

> Могу лишь дать вам небольшой отряд;
> Ведь и меня враги тревожат здесь:
> Они пытались Тауэр захватить.
>
> ***Акт IV, сцена 5, строки 7–9***

Лорд Скейлс мельком упомянут в первой части «Генриха VI», поскольку после битвы при Патэ он попал в плен вместе с Толботом. Со дня той битвы прошло двадцать лет, но лорд Скейлс был полон

---

[200] Примечания: 200
в переводе — Скелс. — *Е. К.*

сил и прожил до 1460 г. Действительно, во время восстания Джека Кеда Толбот тоже еще был жив. Он погиб при Кастильоне лишь три года спустя, в 1453 г.

«Если они не умели читать…»

Однако люди Кеда каким-то образом сумели захватить лорда Сея; видимо, король отправил лорда в Тауэр ради его спасения. Как повстанцам удалось взять его в плен, Шекспир не объясняет; исторические источники тоже хранят молчание.

Кед устраивает пародийный суд над лордом Сеем, обвиняя его главным образом в поддержке грамотных. Таким образом Шекспир высмеивает воинствующий антиинтеллектуализм простонародья.

Однако следует признать, что антинеинтеллектуализм тоже существует; во всяком случае, простые люди эпохи Шекспира считали, что ученые наказывают их только за то, что они неграмотны. Так, Кед говорит Сею:

> …ты сажал их[201] в тюрьмы, а если они не умели читать — вешал их.

---

[201] Примечания: 201
бедняков — *Е. К.*

Акт IV, сцена 7, строки 45–47

Здесь речь явно идет о знаменитой системе «неприкасаемости духовенства», следующей из 104–го псалма (14–15): «[202] никому не позволял обижать их [203], и возбранял о них царям: / «Не прикасайтесь к помазанным Моим, и пророкам Моим не делайте зла».

Этот тезис служил священнослужителям охранной грамотой от светских властей. В Средние века его использовали для защиты священников от мирского суда, поскольку даже король не должен причинять вреда пророкам Божьим (это понятие трактовалось расширительно и относилось ко всему духовенству). Это шло священникам на пользу, так как церковные суды (единственные, которые могли судить священнослужителя) не имели права приговаривать человека к смертной казни.

Постепенно система «неприкасаемости духовенства» распространилась на всех, кто умел читать (поскольку в Средние века грамотными были почти исключительно священники). Если человек, обвиненный в убийстве, мог прочитать

---

[202] Примечания: 202
Господь

[203] Примечания: 203
своих служителей

фрагмент из Библии, он не подлежал смертной казни; дело ограничивалось клеймом на руке. Однако второе убийство уже каралось смертью. Иными словами, грамотность позволяла человеку безнаказанно совершить только одно убийство.

Грамотных это вполне устраивало, но неграмотные возмущались несправедливостью: почему за то же преступление неграмотного наказывают сильнее? Поэтому для людей Кеда это было не просто проявлением мракобесия, но чем-то вроде мести.

«В своих «Записках»…»

Лорд Сей пытается защищаться и начинает свою речь так:

> В своих «Записках» пишет Цезарь: Кент
>
> —
>
> На острове *приятнейшая* область…

Акт IV, сцена 1, строки 62–63[204]

Это завуалированная попытка польстить восставшим.

---

[204] Примечания: 204

В оригинале: «Кент — самая *цивилизованная* часть острова». — *Е. К.*

Во время завоевания Англии Цезарь высадился именно в Кенте, так как Кент — ближайшая часть острова по отношению к континенту. А поскольку он был ближайшим к континенту, то имел налаженные торговые связи с Галлией и опосредованно испытывал влияние далекого Рима. Поэтому вполне естественно, что Цезарь считал Кент наиболее цивилизованной частью острова.

«…Генриха Пятого»

Что бы ни говорил Сей в свое оправдание, это ему не помогает: люди Кеда отрубают лорду голову. На следующий день, 4 июля, Кед уже не смог удерживать своих сторонников, и несколько домов было разграблено. Возмущенные этим лондонцы организовали сопротивление и призвали на помощь солдат, находившихся в Тауэре.

Армия Кеда провела ночь на противоположном берегу реки, а когда рано утром 5 июля она снова попыталась войти в Лондон, ее встретили разъяренные горожане и заставили отступить. После этого двор решил прибегнуть к дипломатии. Были даны обещания исправить недостатки, и те, кто еще верил в такие обещания, разошлись по домам. В версии Шекспира люди Кеда изоб-

ражены сбродом, который грабил Лондон. К ним выходят придворные Бекингем и Клиффорд, предлагают прощение и дают щедрые обещания. Клиффорд (восьмой барон Уэстморленд) использует и другую тактику: он произносит магическое имя Генриха Пятого:

> Кто любит короля и ждет прощенья,
> Пусть шапку бросит вверх и закричит:
> «Бог, короля храни!»
> Кто враг ему, не чтит его отца[205],
> Перед которым Франция дрожала,
> Взмахни мечом и мимо проходи.

Акт IV, сцена 8, строки 14–18

Упоминание Генриха V производит на сторонников Кеда сильное впечатление. (Именно это мешало Йорку предъявить свои права на трон. Имя Генриха V все еще пользовалось популярностью у народа, и хотя бездарное правление Генриха VI уменьшило уважение к королевской власти, однако это уважение все еще было достаточно сильным, а потому восстание, основанное только на защите прав законного претендента, не имело бы ни малейшего шанса на успех.)

---

[205] Примечания: 205
В оригинале: «…его отца, Генриха Пятого…» (*Примеч. ред.)*

Кед пытается сплотить своих сторонников, но Клиффорд выкрикивает имя человека, одержавшего великую победу при Азенкуре, и произносит воинственную антифранцузскую речь, спекулируя на патриотизме. После этого почти все сторонники покидают Кеда, и ему приходится спасаться бегством.

На самом деле все было далеко не так просто. После ухода части сторонников у Кеда оставалось достаточно людей, чтобы продержаться в Лондоне еще два дня, но затем они перессорились между собой, а лондонцы по-прежнему были настроены против восставших. После этого Кед сдался, сел на коня и галопом поскакал на юг, к побережью. Сомневаться не приходится: он надеялся бежать во Францию.

«Эсквайр из Кента...»

За голову Кеда была назначена награда в тысячу марок. В пьесе говорится, что умиравший с голоду Кед доскакал до Кента и забрался в чей-то сад, надеясь после пяти дней бегства найти что-нибудь съестное. Там его обнаруживает хозяин — мелкий землевладелец, образцовый английский йомен, который отказывается звать людей на помощь и сражается с Кедом в одиночку, про-

изнеся следующие слова:

> Покуда Англия стоит, никто не скажет,
> Что Айден Александр, эсквайр из Кента,
> Вел с голодающим кровавый бой.

Акт IV, сцена 10, строки 44–46

Получив смертельное ранение, Кед падает. И только тогда честный Иден[206] узнает, кого он победил. И удивленный эсквайр восклицает:

> Так мной убит изменник гнусный Кед?

Акт IV, сцена 10, строка 68

Однако в жизни все выглядело совсем не так героически. Иден действительно победил Кеда в поединке, но прекрасно знал, с кем он сражается. И стремление защитить свою собственность было здесь ни при чем. Когда Кед галопом скакал на юг, Иден преследовал его по пятам, проявив при этом не больше благородства, чем гончая, потому что он стремился получить награду в тысячу марок. Он догнал беглеца, убил его и получил свои деньги.

---

[206] Примечания: 206
в переводе — Айден. — *Е. К.*

«…С мощной, многочисленною ратью»

Не успел Генрих VI, благополучно укрывшийся в Кенилуорте, услышать о разгроме армии Кеда, как он получил куда менее приятное известие. Входит гонец и говорит:

> Вернулся из Ирландии наш Йорк
> И с мощной, многочисленною ратью…

Акт IV, сцена 9, строки 24–25

Сочувствуя противникам Йорка, Шекспир утверждает, что Йорк привел свою армию из Ирландии с целью воспользоваться неразберихой, вызванной восстанием Кеда (которое он же якобы и организовал).

На самом деле все выглядело иначе. Восстание Кеда было подавлено в июле, а Йорк прибыл из Ирландии только в сентябре 1450 г. Факты доказывают, что Йорк прибыл в Англию скорее из чувства долга, чем из честолюбия. Было ясно, что самостоятельно править Генрих VI не может, а его первый министр Сомерсет не только непопулярен, но и некомпетентен.

Йорк был старшим принцем крови и унаследовал бы трон, если бы Генрих VI умер бездетным

(на сомнительные права Бофортов можно было не обращать внимания). Почему бы в таком случае Йорку не попытаться реорганизовать систему управления, став лордом-протектором? Многим англичанам это понравилось бы, а один член парламента в это время даже внес предложение сделать Йорка официальным наследником престола. (Правда, за одно это предложение он тут же угодил в Тауэр.)

«...Я пошлю герцога Эдмунда в Тауэр»

Ланкастеры прекрасно понимают, что их слабым местом является Сомерсет. Поэтому король Генрих пытается задобрить Йорка и одновременно защитить Сомерсета. Он посылает к Йорку Бекингема со следующим поручением:

> Спроси, зачем оружье поднял он,
> И передай ему, что герцог Эдмунд
> *Немедленно отправлен будет* в Тауэр.
> Ты в заточенье будешь, Сомерсет,
> Пока войска его не разойдутся.
>
> ***Акт IV, сцена 9, строки 37–40***

«…Аякс»

Приписывая Йорку стремление захватить престол, Шекспир вынужден перегрузить следующую сцену чередой странных событий. Так, она начинается с заявления Йорка, прибывшего из Ирландии:

> Йорк прибыл предъявить свои права,
> Снять с Генриха бессильного корону.

Акт V, сцена 1, строки 1–2

Но когда к нему прибывает эмиссар короля Бекингем, Йорк без всякой видимой причины чувствует свою беспомощность и с досадой говорит:

> И, словно в древности Аякс, готов я
> Обрушить ярость на быков и коз.

Акт V, сцена 1, строки 26–27

Это намек на конец Аякса, сына Теламона, который, обезумев от гнева, что ему не достались доспехи погибшего Ахилла, начал избивать стада домашних животных, думая, что это его враги — греки.

На самом деле Йорк вернулся из Ирландии не для захвата короны. Он совершил марш в Кент — скорее для изучения общественного мнения, чем для подавления восстания (возможно, он и поднял бы восстание, если бы мнение общества склонялось в его пользу, но этого не было). Увиденное убедило Йорка, что он может потребовать устранения Сомерсета и сам занять место лорда-протектора.

Именно это он и говорит Бекингему:

> Привел я войско, чтобы отстранить
> От короля злодея Сомерсета…

Акт V, сцена 1, строки 35–36

«…Отдать я сына старшего»

Бекингем красноречиво заверяет Йорка, что Сомерсет уже отправлен в Тауэр, и Йорк, поверив этому, распускает армию. Это не выдумка Шекспира; так было на самом деле.

Если бы Йорк действительно был интриганом в стиле Макиавелли, каким его изображает Шекспир, и прибыл в Англию для того, чтобы захватить престол, едва ли он распустил бы армию только на основании слов Бекингема о том, что

Сомерсет брошен в тюрьму. Но если Йорк был предан королю и хотел стать всего лишь лордом-протектором, слов монарха было для него вполне достаточно.

Распустив армию (на самом деле это случилось лишь в марте 1452 г., через полтора года после прибытия Йорка из Ирландии, а не сразу же, как изображено в пьесе), Йорк радостно говорит:

> Готов монарху доброму отдать
> Я сына старшего, — нет, всех сынов
> В залог любви и верности своей;
> Пришлю их всех с охотой величайшей.
> Коней, оружье, земли — все ему
> Отдам я, лишь бы умер Сомерсет.

Акт V, сцена 1, строки 48–53

Упоминаемые Ричардом Йорком сыновья играют важную роль в следующих исторических хрониках, но в этой пьесе на сцене еще не появлялись.

Сыновей у Йорка четверо. В порядке старшинства это Эдуард, Эдмунд, Джордж и Ричард. В момент роспуска армии первым троим сыновьям десять, девять и три года соответственно. Младший, Ричард, еще не родился.

«…Ахиллово копье»

Вскоре выясняется, что Сомерсета не только не казнят, но он даже не посажен в тюрьму. Сомерсет появляется на сцене вместе с ликующей Маргаритой, ненависть которой к Йорку так велика, что она больше не в силах ее скрывать.

Взбешенный Йорк забывает об осторожности. Он прямо называет Генриха обманщиком, недостойным короны. Королем должен быть только он, Йорк. Ричард говорит:

> Мне увенчать должна чело корона,
> И взор мой, как Ахиллово копье,
> То хмурясь, то блеснув улыбкой, будет
> Попеременно ранить и целить.

Акт V, сцена 1, строки 99–101

Ахиллово копье упоминается в одном не слишком широко известном мифе о греческом герое Ахилле. Когда греки высадились в Малой Азии, они оказались в Мизии, далеко от Трои, поскольку географических карт в то время не было. Царь Мизии Телеф пытался оказать сопротивление захватчикам, и Ахилл, копье которого было таким тяжелым, что управляться с ним мог только

хозяин, ранил его.

Рана Телефа воспалилась, и оракул предсказал ему, что исцелить ее может только тот, кто нанес рану. Поэтому Телеф предложил грекам провести их к Трое, если Ахилл, воспользовавшись своим копьем, исцелит его. Ахилл согласился, соскреб с наконечника немного ржавчины и посыпал ею рану. В другом варианте мифа Ахилл посыпал ржавчиной землю, на ней выросла трава тысячелистник (Achillea millefolium), которая и излечила рану.

В результате копье Ахилла вошло в пословицу как нечто обоюдоострое, способное и ранить, и лечить одновременно. Конечно, король может либо хмуриться, либо улыбаться, поэтому одно и то же лицо способно и убивать, и исцелять.

«...За измену королю»

Безусловно, речь Йорка — это измена, и Сомерсет тут же заявляет:

> Чудовищный изменник! Арестую
> Тебя я за измену королю.
>
> ***Акт V, сцена 1, строки 107–108***

Но Клиффорд идет еще дальше. Он говорит о

Йорке:

> Изменник он; отправьте Йорка в Тауэр
> И отсеките дерзкую башку.

Акт V, сцена 1, строки 134–135

После роспуска армии Йорк действительно был арестован; конечно, Ланкастеры были бы рады казнить его, но политические соображения не позволили этого сделать. Йорк был слишком популярен в народе; к тому же власти еще не забыли, что убийство Глостера закончилось необходимостью казнить Суффолка. Поэтому чрезвычайных мер против Йорка не предпринимали, тем более что на самом деле он никогда не произносил публичных речей, призывавших к государственному перевороту, и не раскрывал своих честолюбивых намерений (если они у него тогда вообще были).

«Неаполя презренное исчадье…»

Йорку тоже не по душе роль мученика. После роспуска армии он уже предлагал отдать королю сыновей в залог своей лояльности и благонадежного поведения, и теперь он предлагает то же самое.

Королева Маргарита высмеивает это предложение и называет сыновей Йорка ублюдками:

…бастарды Йорка…

Акт V, сцена 1, строка 115

Йорк отвечает на оскорбление оскорблением и говорит королеве:

Забрызганная кровью чужестранка!
Неаполя презренное исчадье
И Англии окровавленный бич!

Акт V, сцена 1, строки 117–118[207]

Может сложиться впечатление, что Маргарита — итальянка. На самом деле это не так; она чистокровная француженка. Но ее отец номинальный король Неаполя, отстраненный от правления арагонцами. Королева является «неаполитанкой, отвергнутой Неаполем» только в этом смысле. Конечно, на елизаветинскую публику, привыкшую слышать об итальянском коварстве и неразборчивости в средствах (см. в гл. 6: «…Молве про жизнь Италии роскошной»), несовместимых с английскими честностью и прямодушием,

---

[207] Примечания: 207

В оригинале: «…неаполитанка, отвергнутая Неаполем…» — Е. К.

использование привычных эпитетов по отношению к Маргарите как к итальянке должно было произвести сильное впечатление.

«…Меч поможет»

Входят два сына Йорка, Эдуард и Ричард, и высказывают готовность стать заложниками, гарантируя лояльность отца. Младший, Ричард, который во второй и третьей частях «Генриха VI» изображен отчаянным сорвиголовой, говорит, имея в виду предложенный ими способ спасти отца от грозящего ареста:

> А не поможет слово — меч поможет.
>
> ***Акт V, сцена 1, строка 140***

Речь замечательная — особенно если учесть, что во время ареста отца Ричард еще не родился.

Далее Шекспир пропускает два года, даже не указав на это. А жаль, потому что эти два года были чрезвычайно важными.

В пьесе Йорк, только что лишившийся армии и обвиненный в государственной измене, за что ему грозит арест, внезапно переходит в контратаку. Армия возникает словно из-под земли, и Йорк готовится к войне. Все это очень странно и

совершенно необъяснимо, если не учесть реальных событий прошедших двух лет.

Йорк был арестован 10 мая 1452 г. Поскольку отрубать ему голову было неблагоразумно, король простил его и сослал Йорка в его имение. Там Йорк спокойно жил некоторое время, видимо убежденный, что события развиваются в его пользу и его время еще наступит.

А в 1453 г. независимо друг от друга произошли три события колоссального значения.

Во-первых, 17 июля 1453 г. Толбот проиграл битву при Кастильоне. Это положило конец долгой французской авантюре, которую начал Эдуард III и довел до апогея Генрих V. Англия раз и навсегда лишилась всех своих французских владений (кроме Кале), и англичане должны были понять это. Требовался козел отпущения, который ответил бы за эти потери и за смерть превращенного в идола Толбота. Естественно, таким козлом отпущения стал всесильный первый министр Сомерсет. Честно говоря, он заслужил такую участь.

Во-вторых, через месяц после упомянутой битвы, в августе, психическое состояние Генриха резко ухудшилось. Он никогда не отличался умом, но душевнобольным не был. Теперь

утверждать это никто бы не осмелился. Король невпопад отвечал на обращенные к нему фразы и вел себя настолько неадекватно, что его решили не показывать публике. Придворные делали вид, что все в порядке, но, конечно, шила в мешке не утаишь.

И наконец, в октябре 1453 г. Маргарита родила мальчика. Естественно, тут же распространился слух, что его отец — не Генрих. (Действительно, учитывая темперамент короля, это утверждение казалось вполне правдоподобным.)

Однако слух — это одно, а реальность — совсем другое. Никто не осмелился доказывать незаконность наследника престола (в случае неудачи последствия для такого смельчака оказались бы роковыми). Мальчика назвали Эдуардом и тут же сделали его принцем Уэльским, дабы все знали, что он является наследником престола.

К концу 1453 г. ситуация сложилась следующим образом. Состояние короля рано или поздно стало бы известно (и скорее рано, чем поздно), поэтому нужно было восстановить пост лорда-протектора. Сомерсет для этой должности не годился; он был слишком непопулярен. Маргарита сосредоточила все силы на защите своего ребенка; впоследствии она тратила всю свою

энергию на то, чтобы ее сын в один прекрасный день унаследовал корону. Казалось ясным, что ей придется подавить свою гордость и согласиться на назначение Йорка. Если бы королева не согласилась частично уступить власть, ей пришлось бы лишиться всего, потому что народ, узнав о состоянии Генриха, наверняка посадил бы на трон Йорка. Йорку предложили стать членом Государственного совета, после чего он потребовал устранения Сомерсета. С ним согласились и отправили Сомерсета в Тауэр.

В феврале 1454 г. Йорк открыл сессию парламента. В его интересах было объяснить народу, почему этого не сделал сам король. Случилось так, что в это время умер Джон Кемп, архиепископ Кентерберийский. Существовал обычай, согласно которому к королю приходила делегация лордов, чтобы обсудить вопрос о преемнике. Йорк позаботился о том, чтобы такая делегация была создана и получила доступ к королю. Все бы сразу убедились, что править страной король не может.

Если Йорк действительно был хладнокровным интриганом, каким его изобразил Шекспир, и если бы он действительно мечтал о троне, то теперь сделать это было бы нетрудно. На безумного

короля Генриха можно было не обращать внимания, его смерть всех устроила бы. Малолетнего принца Уэльского можно было объявить незаконным сыном (кто стал бы в этом сомневаться?), а королеву Маргариту посадить в тюрьму и даже казнить, обвинив в супружеской измене.

Йорк мог сделать это на совершенно законных основаниях и, не прилагая особых усилий, унаследовать трон.

Однако даже в 1454 г. Йорк все еще не проявлял признаков того, что он действительно стремится к короне. Когда безумие короля стало явным, парламент назначил Йорка лордом-протектором, и он принял этот пост, не помышляя о чем-то большем. Мало того, когда в конце 1454 г. король Генрих оправился и стал похож на нормального человека, Йорк тут же отказался от поста протектора; это был поступок человека, искренне преданного короне.

Но в награду за преданность он получил очередной оглушительный удар. Стоило Йорку уйти в отставку, как король Генрих (точнее, королева Маргарита, действовавшая от его имени) освободил Сомерсета из тюрьмы и снова поставил его во главе правительства.

Ничего хуже королева придумать не могла (но

у нее всегда страсти побеждали здравый смысл — если он у Маргариты был вообще). Нанести народу более страшное оскорбление было нельзя. Люди не хотели видеть во главе государства человека, который потерял Францию и предал Толбота.

Не менее страшное оскорбление Маргарита нанесла лично Йорку. Только теперь он наконец пришел к выводу, что король Генрих неисправим и что Англию может спасти лишь немедленная революция. Ему оставался только один выход: собрать армию и начать Войну Алой и Белой розы. Естественно, его главными сторонниками были граф Солсбери и его сын, граф Уорик.

«...Гнусный недоносок»

Целых два года, наполненные сложнейшими политическими событиями (потерей Франции, безумием короля, рождением наследника престола, временным протекторством Йорка, падением и новым взлетом Сомерсета), опущены Шекспиром.

Сразу после требования арестовать его Йорк подает сигнал Солсбери и Уорику. Они вырастают как из-под земли, после чего начинается гражданская война. Клиффорд, наиболее агрессивный

из Ланкастеров, и Ричард, наиболее агрессивный из Йорков, тут же устраивают словесную дуэль. Клиффорд злобно говорит юному Ричарду:

> Прочь, куча злобы, *гнусный недоносок,*
> Урод, горбатый телом и душой!

Акт V, сцена 1, строки 157–158[208]

Так Шекспир приступает к созданию портрета юного Ричарда, которого он в конце концов сделает величайшим злодеем всех времен и народов. Поскольку Шекспир есть Шекспир, этот портрет запечатлелся в сознании многих поколений, однако следует сразу сказать, что образ этот абсолютно недостоверен.

Как будет видно впоследствии, главной и практически единственной мишенью Тюдоров, настроенных против Йорка, в эпоху которых жил и творил Шекспир, был именно этот Ричард (впоследствии король Ричард III). Первым его бесстыдно и искусно оболгал сэр Томас Мор, который около 1514 г. написал книгу под названием «История Ричарда III». В этом труде Мор тщательно повторил все самые худшие слухи о Ричарде, которые придумывали и распространяли Тюдо-

---

[208] Примечания: 208

В оригинале: «Прочь, куча злобы, непереваренный комок…» — Е. К.

ры, однако предусмотрительно воздержался от утверждения, что эти слухи являются неопровержимыми фактами. В отличие от Мора Шекспир изображает дело так, словно эти злобные домыслы действительно правдивы.

Так, живописные и словесные портреты той поры не свидетельствуют о том, что Ричард был уродом. Возможно, он был мал ростом, но лишь по сравнению со своим старшим братом Эдуардом, рост которого составлял больше 6 футов (183 см); по меркам того времени Эдуард был настоящим гигантом.

Возможно, что одно плечо у Ричарда было выше другого. Мор описывает Ричарда так: «Он был короток и мал ростом, потому что его тело было сильно деформировано, одно плечо выше другого…» Однако Мор осторожно избегает указаний на то, каким именно образом было деформировано тело Ричарда.

Но и этого достаточно. Позднейшие легенды превратили Ричарда в чудовищного колченогого горбуна. Недаром Клиффорд называет его «непереваренным комком».

В той же сцене сын Клиффорда, названный здесь «молодым Клиффордом», наделяет Ричарда новым эпитетом:

Клейменый зверь…

Акт V, сцена 1, строка 215[209]

Стигматик — это тот, кто отмечен стигмой, то есть меткой. Такой стигмой может быть клеймо, накладываемое в наказание за преступление, или большое и бросающееся в глаза родимое пятно. Клиффорд имеет в виду именно это (что весьма правдоподобно, поскольку далее говорится, что Ричард родился деформированным). Родимое пятно считалось отметкой, оставленной Богом.

«Позор твоим сединам…»

Король Генрих, в свою очередь, стыдит графа Солсбери, самого важного из вельмож, поддерживающих Йорка. Он говорит:

Позор твоим сединам, Солсбери,
Безумный вождь помешанного сына!

Акт V, сцена 1, строки 162–163

В начале Войны Алой и Белой розы Солсбери пятьдесят пять лет; для того времени возраст достаточно почтенный.

---

[209] Примечания: 209
В оригинале: «Мерзкий стигматик…» — *Е. К.*

Любопытно, что Шекспир, ни словом не заикающийся о безумии Генриха VI (как и о безумии его деда, короля Карла VI Французского), заставляет Генриха называть безумными других. Здесь король называет Уорика «помешанным», а Солсбери — «безумным». Ранее в той же сцене Генрих говорит о Йорке:

> …бешеное честолюбье
> Его толкнуло против нас восстать.

Акт V, сцена 1, строки 132–133[210]

«…Каменеет сердце»

В действительности Йорк начал свой поход из Ладлоу (западная Англия, на границе с Уэльсом). Эти места были родовым уделом графов Марчей (то есть Мортимеров, к семье которых Йорк принадлежит по материнской линии). Затем он быстро повел своих людей к Лондону и встретился с армией Ланкастеров у Сент-Олбанса 22 мая 1455 г.

Йорк выразил готовность подчиниться королю, если тот устранит (иными словами, казнит)

---

[210] Примечания: 210

В оригинале: «…безумие и честолюбивый нрав заставляют его перечить своему королю». — *Е. К.*

Сомерсета. Даже в это время он не претендовал на корону. Но король (или, точнее, королева, которая всегда была упряма) отказался, и битва началась.

Ланкастеры прочно удерживали Сент-Олбанс, но часть войска Йорка обошла холм, на котором стояла королевская армия, внезапно атаковала ее с тыла и ворвалась в город. Захваченные врасплох сторонники Ланкастеров почти сразу обратились в бегство.

Армия Ланкастеров понесла тяжелые потери. Шекспир (который всегда изображает войны в стиле Гомера, то есть как последовательность поединков, если считает нужным изображать их) сталкивает Йорка с Клиффордом. В этом бою Клиффорд погибает.

Йорк уходит; на сцене появляется молодой Клиффорд и видит труп отца. Юноша приходит в ужас и говорит:

> Смотрю на это,
> И каменеет сердце; будет камнем,
> Пока я жив.

Акт V, сцена 2, строки 49–51

Через несколько лет Клиффорд действительно станет самым жестоким из сторонников Ланка-

стеров и получит за это кличку Мясник.

Он продолжает:

> Отныне жалости не буду знать
> И, повстречав дитя из дома Йорка,
> Его в куски изрежу, как Медея
> Изрезала Абсирта молодого.

Акт V, сцена 2, строки 56–59

Этот монолог предвещает одну из самых трагичных сцен следующей пьесы.

Медея и Абсирт — герои классического древнегреческого мифа об аргонавтах. Герой Язон (или Ясон) завладел золотым руном царя Колхиды и бежал, прихватив с собой дочь царя и ее младшего брата. Как ни старались грести товарищи Язона, но было ясно, что корабль разгневанного царя их догоняет. Тогда Медея разрезала тело своего брата Абсирта на куски и бросила их за борт. Пришедший в ужас царь собрал эти куски и повернул к Колхиде, чтобы похоронить сына. Так Язон спасся, а Медея начала свое шествие по литературным произведениям в роли одной из самых ужасных злодеек.

Унося с поля боя тело отца, молодой Клиффорд говорит:

Как некогда Эней Анхиза нес,
Так на плечах я понесу тебя.

Акт V, сцена 2, строки 62–63

Когда Эней, один из немногих уцелевших троянцев, бежал из горевшего города, он забрал с собой отца. Отец был стар и немощен, самостоятельно передвигаться не мог, и Эней посадил его к себе на плечи, хотя дополнительная ноша замедляла побег и подвергала его опасности. С тех пор в литературе этот поступок стал олицетворением сыновней любви.

«…Вывеске трактирной»

Во втором поединке на улицах Сент-Олбанса юный Ричард Йорк убивает Сомерсета.

Сомерсет действительно погиб в этой битве, но, как бы ни старался Шекспир доказать обратное, на войне не всякий из двух злейших врагов погибает в поединке. Кто именно убил Сомерсета, неизвестно, зато известно другое: это был не юный Ричард. Во время битвы при Сент-Олбансе Ричарду было всего три года, так что его поединки носили очень ограниченный характер.

Здесь Ричард изображен отчаянно смелым воином; это качество за ним признают все. Хотя

более поздние сочинители наградили Ричарда всеми мыслимыми и немыслимыми душевными и физическими уродствами, они не могли отрицать его храбрости; это не рискнул сделать даже Шекспир. Конечно, искусство и смелость, которые проявлял Ричард в сражении, сами по себе являются доказательством того, что он не мог быть калекой; колченогий горбун вряд ли мог бы так сражаться.

Место гибели Сомерсета также имеет значение, потому что он умирает под трактирной вывеской. Ричард говорит:

> Так, здесь лежи. Прочесть прохожий может
> На этой вывеске трактирной: «Замок
> Сент-Олбенс». Так-то герцог Сомерсет
> Своею смертью колдуна прославил.

Акт V, сцена 2, строки 67–69

Во время спиритического сеанса Духу задали вопрос о судьбе Сомерсета, и тот ответил: «Пусть избегает замков»; конечно, предсказание, как всегда, было двусмысленным и указывало не на настоящий замок, а на вывеску с нарисованным на ней замком.

«Бой Сент-Олбенский…»

На этом кончается вторая часть «Генриха VI». Смертельный враг Йорка Сомерсет убит; если Йорк пожелает стать королем, то станет им — путь к престолу свободен. Последние слова в пьесе произносит Уорик:

> Это славный день,
> И бой Сент-Олбенский, победа Йорка,
> Потомками увековечен будет.
> Гремите, трубы! В Лондон поспешим!

Акт V, сцена 3, строки 29–32[211]

Этот бой действительно могли «увековечить» потомки, если бы он навел порядок. Но Война Алой и Белой розы только начинается. Англичанам предстоит сражаться еще целое поколение.

Вторая часть «Генриха VI» завершается маршем победоносной армии Йорка на Лондон. Третья часть «Генриха VI» начинается в Лондоне.

---

[211] Примечания: 211
В оригинале: «Сент — Олбянский». — *Е. К.*

Глава 13 «Генрих VI» (часть третья)

Третья часть «Генриха VI» начинается там, где кончается вторая часть, — по крайней мере, с виду. В последней реплике предыдущей пьесы граф Уорик призывает сторонников Йорка, одержавших победу, идти на Лондон. В первой сцене первого акта третьей части «Генриха VI» сторонники Йорка уже в Лондоне — точнее, в здании парламента — и обсуждают, как можно догадаться, только что закончившуюся битву у Сент-Олбанса.

«…Как мог король спастись»

Уорик, произнесший последнюю реплику предыдущей пьесы, произносит и первую реплику новой. Он говорит:

> Дивлюсь, как мог от нас король спастись.

Акт I, сцена 1, строка 1 (перевод Е. Н. Бируковой)

На самом деле это свидетельствует о том, что Шекспир, как обычно, вновь уплотняет время. Речь идет не о первом сражении в Войне Алой и Белой розы. Дело в том, что после битвы у Сент-Олбанса король не бежал.

Возможно, бедный Генрих VI, который страдал слабоумием, просто не понял, что означал бой на улицах Сент-Олбанса. Он был легко ранен стрелой в шею, а когда сражение закончилось, сторонники Йорков нашли его спрятавшимся в доме дубильщика. Победители обошлись с ним почтительно и привезли с собой в Лондон.

Йорк вполне мог сместить Генриха и заставить парламент (или позволить ему) провозгласить себя королем. Но он этого не сделал. Когда 12 ноября 1455 г. собрался парламент (через полгода после сражения у Сент-Олбанса), Йорк удовлетворился тем, что принял пост лорда-протектора при короле, во второй раз официально объявленном безумным. Разница между первым и вторым приступами болезни состояла в том, что во время первого приступа Сомерсет (смертельный враг Йорка) был еще жив, хотя и находился в Тауэре, сейчас его не было: он погиб на улице города Сент-Олбанс.

«ГЕНРИХ VI» (ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ)
С
ШОТЛАНДИЯ
Берик
(в переводе — Бервик)
Хексем
Тоутон
(в переводе — Таутон)
Йорк
Уэйкфилд
(в переводе — Уэкфилд)
А Н Г Л И Я
Мортимерс-Кросс
(в переводе — Крест Мортимера)
Ладлоу
Ковентри
УЭЛЬС
Нортгемптон
Эджкоут
Тьюкобери
Глостер
Сент-Олбанс
(в переводе Сент — Олбенс)
Барнет
Лондон
Бат
Уэймут
Кале
ФРАНЦИЯ

Поэтому Йорк, бывший протектором в период обоих приступов, теперь чувствовал себя в безопасности.

Тем не менее, когда во время празднования Рождества 1455 г. Генрих появился на людях и вел себя разумно, Йорк снова отказался от протекторства. В феврале 1456 г. он оставил этот пост и вторично выпустил из рук бразды правления.

Нежелание Йорка пользоваться плодами победы у Сент-Олбанса и его настойчивое стремление считать законным королем слабоумного Генриха доказывают, что Йорк был лояльно настроен к существующей власти и поднял восстание только из-за враждебного отношения таких людей, как Сомерсет и королева Маргарита.

Однако Шекспир, будучи противником Йорка, изображает его интриганом, давно мечтавшим о троне, и приглушает (или просто не упоминает) события, свидетельствовавшие о преданности Йорка Генриху.

«...Великий лорд Нортумберленд»

Но вернемся к версии Шекспира. На вопрос Уорика отвечает Ричард Йорк. Он говорит, что король бежал после битвы у Сент-Олбанса, бросив свою армию:

Тогда великий лорд Нортемберленд,
Чей слух воинственный не переносит
Позорного сигнала к отступленью,
Ободрил оробевшие войска,
И разом он, лорд Клиффорд и лорд Стеффорд
На центр наш ринулись и в лютой схватке
Погибли от мечей простых солдат.

Акт I, сцена 1, строки 4–9

«Великий лорд Нортумберленд»[212] — это сэр Генри Перси, второй граф Нортумберленд. Он сын хорошо известного нам Хотспера. Второй граф родился в 1394 г.; следовательно, в момент гибели отца в битве у Шрусбери этому мальчику было девять лет.

Осторожный и подозрительный Генрих IV держал ребенка под домашним арестом, но, как только королем стал Генрих V, юный Перси воспользовался решимостью нового монарха покончить со всеми старыми междоусобицами до своего отъезда во Францию. Перси, в ту пору двадцатилетний, был освобожден; ему вернули

---

[212] Примечания: 212
в переводе — Нортемберленд. — *Е. К.*

родовые земли, доходы и титул.

В данном случае расчет Генриха V оправдал себя. Молодой человек был благодарен ему, и Перси больше никогда не восставали против Ланкастеров. Второй граф был верен им до самой смерти и погиб в битве у Сент-Олбанса в возрасте шестидесяти одного года, хотя никто не упрекнул бы его, если бы он не участвовал в этом сражении. (Кстати, второй граф Нортумберленд во второй части «Генриха VI» не появляется, а в самом начале третьей части пьесы имя Нортумберленда упомянуто только в связи с сообщением о его смерти.)

Напротив, лорд Клиффорд играл важную роль в предыдущей пьесе, где в конце описана его смерть. Но там сказано^ что его убил не простой солдат (что было бы верно), а сам Ричард Йорк в поединке (конечно, это очень сценично, но не соответствует фактам).

Лорд Стаффорд[213] — это Хамфри, граф Стаффорд. Он был сыном Хамфри, первого герцога Бекингема — того самого Бекингема, который фигурирует во второй части «Генриха VI» как сторонник Ланкастеров, заставший герцогиню

---

[213] Примечания: 213
в переводе — Стеффорд. — *Е. К.*

Глостер за совершением магического ритуала.

«А Стеффорда отец…»

При этом разговоре присутствует старший сын Ричарда Йорка. Это Эдуард, граф Марч (унаследовавший злосчастный титул рода Мортимеров). Вообще-то во время битвы при Сент-Олбансе Эдуарду было всего тринадцать лет и он не принимал в ней участия. Однако Шекспир делает его старше, потому что, как обычно, уплотняет время ради усиления драматизма.

Эдуард Марч сообщает еще одну новость:

> А Стеффорда отец, лорд Бекингем,
> Или убит, иль ранен тяжело…
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 10–11***

На самом деле Бекингем пережил это сражение и погиб лишь через пять лет в другой битве. Поскольку Шекспир эти пять лет пропускает, он предпочитает избавиться от этого персонажа немедленно.

«…Кровь графа Уильтшира»

Другой персонаж вторит Марчу, хвастаясь тем,

что на его одежде застыла кровь:

> А вот (брат)
> Кровь графа Уильтшира, с которым я
> В разгаре жаркой битвы повстречался.

Акт I, сцена 1, строки 14–15

Это слова маркиза Монтегью. Его зовут Джон Невилл, и он брат Ричарда Уорика. (Именно к Уорику он и обращается, называя его братом.)

Уилтшир[214], о гибели которого он говорит, не имеет никакого отношения к Уилтширу, участвующему в «Ричарде II».

Этот новый Уилтшир — Джеймс Батлер, пятый граф Ормонд и граф Уилтшир, помощник Йорка во время пребывания того в Ирландии. Когда в 1450 г. Йорк покинул Ирландию, Батлер остался там и защищал английские интересы. Он женился на девушке из рода Бофортов, став благодаря этому родственником Сомерсета, и перешел на сторону Ланкастеров. Батлер сражался со сторонниками Йорка в Ирландии и в Англии и, как свидельствуют письменные источники, был ранен в битве у Сент-Олбанса.

---

[214] Примечания: 214
в переводе — Уильтшир. — *Е. К.*

«...Всех потомков Джона Ганта!»

Но кульминацией этой сцены описания битвы является появление Ричарда, младшего сына Йорка. Ричард выходит на сцену с головой Сомерсета, которого он убил в конце второй части «Генриха VI», а теперь доставил в Лондон свой трофей.

Один из присутствующих лордов с садистским удовлетворением говорит:

> Ждет то же всех потомков Джона Ганта!

Акт I, сцена 1, строка 19

Это Джон Моубрей, третий герцог Норфолк, которому в тот момент было сорок лет. Его дедом был тот самый Томас Моубрей, первый герцог Норфолк, чьей ссоре с Болингброком (сыном Джона Гонта) посвящен первый акт «Ричарда II». Дядя Джона Моубрея, другой Томас Моубрей, являлся союзником архиепископа Йоркского во второй части «Генриха IV» и был казнен в результате предательства Джона Ланкастера, внука Джона Гонта[215].

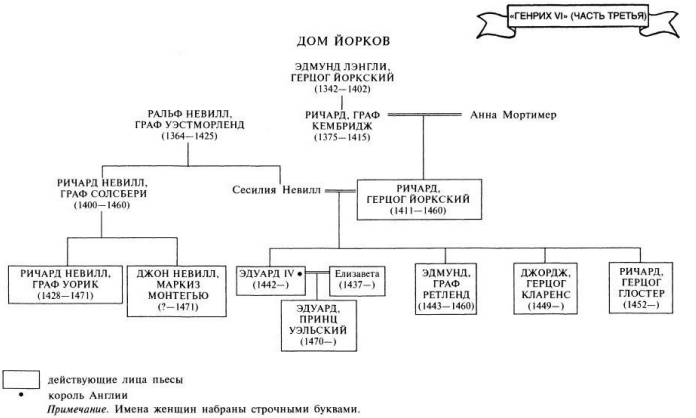
---

[215] Примечания: 215
в переводе — Гант. — *Е. К.*

У третьего герцога Норфолка есть серьезные личные причины ненавидеть потомков Джона Гонта, а мертвый Сомерсет, на голову которого он указывает, — внук Гонта. Конечно, все присутствующие прекрасно знают, что Генрих VI приходится Джону Гонту правнуком, и понимают, что слова Норфолка звучит как государственная измена.

«Владей им, Йорк…»

Однако Уорик поступает еще хуже. Он совершает государственную измену не только на словах, но и на деле. Указывая на трон, приготовленный для короля, которому предстоит открыть сессию парламента, он говорит Йорку:



Вот короля трусливого дворец
И там престол его. Владей им, Йорк;
Тебе по праву он принадлежит,
А не потомству Генриха Шестого.

Акт I, сцена 1, строки 25–27

Поэтому Йорк (при явном одобрении остальных, присоединившихся к изменникам) садится на трон, что символизирует передачу королевской власти.

Именно здесь Шекспир пропускает пять лет; ибо, как указывалось ранее, после битвы при Сент-Олбансе Йорк снова стал лордом-протекто-

ром и на трон вовсе не претендовал.

Что же случилось?

После того как в феврале 1456 г. (через девять месяцев после сражения у Сент-Олбанса) Йорк вновь сложил с себя протекторство, королева Маргарита снова захватила власть. К октябрю 1456 г. она назначила на все видные государственные посты сторонников Ланкастеров. Она пыталась избавиться от Йорка, вновь послав его в Ирландию, но на этот раз он решительно воспротивился и, вернувшись в свои имения, занял выжидательную позицию.

Сыновья лордов, убитых при Сент-Олбансе, требовали крови Йорка, но власть еще не была готова к возобновлению войны и, пытаясь выиграть время, старалась как-то умиротворить потенциально опасного герцога. Возможно, король Генрих искренне хотел примирения, но королева и ее сторонники стремились всего лишь усыпить бдительность Йорка.

Переговоры началисьв октябре 1457 г., и 25 марта 1458 г. примирение было достигнуто. Йорк и Уорик согласились построить часовню в память о лордах, павших при Сент-Олбансе, и возместить ущерб их вдовам и детям. Затем обе стороны приняли участие в крестном ходе вокруг собора

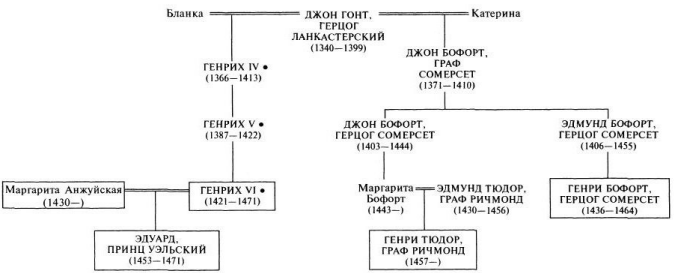
Святого Павла, причем королева Маргарита и Ричард Йорк во время процессии шли рука об руку.

Однако Маргарита всего лишь выигрывала время. Даже после официального примирения она тайком продолжала собирать армию.

Первое откровенно враждебное действие было направлено против Уорика. Сразу после победы при Сент-Олбансе, в августе 1455 г., Уорик был назначен комендантом Кале (последнего английского владения во Франции) и после того, как Йорк сложил с себя протекторство, оставался единственным его сторонником, занимавшим высокий государственный пост.

Естественно, Уорик был обеспокоен враждебным отношением двора, он не получал никакой финансовой помощи из Лондона. В результате он был вынужден совершать пиратские нападения на торговые суда, и в мае 1458 г., через два месяца после примирения, его вызвали в Лондон, чтобы он ответил на жалобы, поданные на него владельцами судов.

ДОМ ЛАНКАСТЕРОВ



Примечание. Имена женщин набраны строчными буквами.

Уорик понимал, что находящиеся у власти сторонники Ланкастеров готовы расправиться с ним, несмотря на примирение, а потому долго в Лондоне не пробыл. Он провел короткие встречи с отцом (Солсбери) и самим Йорком, а потом поспешно вернулся в Кале.

После этого сторонники Йорка тоже стали собирать силы для возобновления войны, к которой явно готовилась Маргарита. Йорк снова отправился в Ладлоу собирать армию; к нему присоединился Солсбери, по дороге разбивший небольшой отряд ланкастерцев. Следом прибыл Уорик с отрядами из Кале.

Однако благодаря энергии Маргариты и времени, выигранному за счет примирения с чересчур доверчивым Йорком, на этот раз ланкастерцы подготовились к войне намного лучше, чем четыре года назад. Тогда инициатива принадлежала сторонникам Йорка, которые начали наступление и встретились с ланкастерцами неподалеку от их основного месторасположения. Теперь уже ланкастерцы повели наступление на Ладлоу, и 13 октября 1459 г. Йорк обнаружил, что окружен армией врага.

Дать сражение Йорк не мог. Ночью большинство его солдат (несомненно, решивших, что ланкастерцы победят) дезертировало и перешло на сторону противника. Сторонникам Йорка оставалось только спасаться бегством. Ричард Йорк бежал в Ирландию, где пользовался популярностью и мог чувствовать себя в безопасности. Уорик, взяв с собой Солсбери и графа Марча, вернулся в Кале, где тоже был популярен.

После этого примерно полгода Маргарита и сторонники Ланкастеров безраздельно правили Англией. 29 ноября 1459 г. они созвали парламент, который объявил всех сторонников Йорка (в том числе Солсбери, Уорика и самого Йорка) изменниками.

Затем Маргарита попыталась распространить свою власть на другой берег Ла-Манша, назначив комендантом Кале сторонника Ланкастеров. Им стал Генри Бофорт, третий герцог Сомерсет, сын главного врага Йорка, погибшего при Сент-Олбансе. В то время Генри было всего двадцать три года. Он и два его младших брата были последними Бофортами и последними прямыми потомками Джона Гонта по мужской линии (они приходились Гонту правнуками).

Однако Сомерсетов по-прежнему ненавидели. Когда Генри попытался высадиться в Кале, Уорик без труда сбросил его в море, после чего весь английский флот перешел на сторону Йорка.

Обеспечив себе превосходство на море, Уорик без труда наладил сообщение между Дублином и Кале. Договорившись с Йорком, он в конце июня 1460 г. направил в Кент небольшой отряд численностью в полторы тысячи. Люди начали стекаться под его знамя, и поход скорее напоминал триумфальное шествие, чем военную кампанию.

2 июля 1460 г. Уорик и его люди без сопротивления вошли в Лондон, радостно встреченные горожанами. Сопровождавший его молодой Эдуард Марч, старший сын Ричарда Йорка, завоевал

всеобщую любовь: этот восемнадцатилетний светловолосый гигант был очень красив. В юноше видели нового Ричарда Львиное Сердце (но гетеросексуального), и толпа восторженно приветствовала его.

Ланкастерцы поспешно отступили на север, и Уорик без промедления пустился за ними в погоню. Он настиг врага в Нортгемптоне 10 июля 1460 г. и вступил в сражение. На сей раз ситуация была диаметрально противоположной той, которая сложилась у Ладлоу девять месяцев назад. Теперь уже дезертировали предвидевшие поражение ланкастерцы, а оставшиеся на поле боя потерпели поражение и были вынуждены отступить.

Именно в сражении у Нортгемптона был убит герцог Бекингем, якобы раненный Эдуардом Марчем в битве при Сент-Олбансе, и именно в этом сражении состоялось боевое крещение Марча (во время Сент- Олбанской битвы он был слишком мал). Это доказывает, что Шекспир объединил две битвы в одну и пропустил промежуток между ними.

В ходе этой битвы король Генрих был снова взят в плен и снова привезен в Лондон торжествующими сторонниками Йорка. Созванный

затем новый парламент послушно отменил собственные решения годичной давности и принял новые, полностью устраивавшие сторонников Йорков.

Когда его приверженцы овладели Лондоном и большей частью страны, Ричард Йорк вернулся из Ирландии. Он торжественно вступил в Лондон в сопровождении пышного эскорта, проследовал в здание парламента и тщательно осмотрел королевский трон. Видимо, он устал от обманов Маргариты, которой столько раз верил на слово, и впервые серьезно задумался над тем, чтобы самому занять престол. Сохранились свидетельства, что Йорк нерешительно прикоснулся к трону, словно борясь с искушением, но так и не сел на него (в отличие от описания Шекспира).

«Нортемберленд...»

16 октября 1460 г. Ричард Йорк решил объявить себя королем и потребовал от парламента принятия соответствующего решения. Единственным препятствием на его пути оставался король Генрих. Он был настолько жалок и безобиден, что бороться с ним было трудно; люди считали набожного короля святым и во всем винили только королеву и министров.

Йорку приходилось считаться с тем, что безжалостное отстранение доброго Гениха от власти может оттолкнуть от него сторонников. Чтобы избежать этого, требовался какой-то хитрый ход.

Однако Шекспир игнорирует эти соображения и представляет про исходящее как прямое столкновение Йорка и короля.

Когда Йорк садится на трон, входит Генрих в сопровождении уцелевших ланкастерцев. Генрих с негодованием называет Йорка узурпатором и обращается к своим сторонникам, напоминая о зле, которое им причинили сторонники Йорка. Он говорит:

> Нортемберленд, отец им твой убит,
> И твой, лорд Клиффорд. Оба вы клялись
> Отмстить ему, и сыновьям, и близким.

Акт I, сцена 1, строки 54–55

Мы знакомы с лордом Клиффордом по второй части «Генриха VI», где его называют молодым Клиффордом, а его отца — просто Клиффордом. Именно молодой Клиффорд обещал жестоко отомстить за отца; вскоре сын (в пьесе он назван Клиффордом) сдержит свою клятву.

Нортумберленд, к которому сейчас обращается

король, — это еще один Генри Перси, третий граф Нортумберленд, унаследовавший этот титул после гибели отца в битве при Сент-Олбансе. Третий граф родился в 1421 г., за год до смерти Генриха V; сейчас (если следовать хронологии Шекспира) ему тридцать четыре года.

«…Достойный Уэстморленд»

Нортумберленд и Клиффорд подтверждают, что они действительно жаждут мести. Третий сторонник Ланкастеров предлагает немедленно сбросить Йорка с трона, но король Генрих говорит ему:

> Терпение, достойный Уэстморленд.
>
> ***Акт I, сцена 1, строка 61***

Это Ральф Невилл, второй граф Уэстморленд, внук и тезка первого графа, который командовал армией Генриха IV в первой части «Генриха IV». Следовательно, он приходится Солсбери племянником, а Уорику — двоюродным братом, но представляет ланкастерскую ветвь семьи Невилл. (Как все династические гражданские войны, Война Алой и Белой розы шла между близкими родственниками.)

«Эксетер…»

После битвы у Нортгемптона Генрих явно не в том положении, чтобы использовать против Йорка силу. Поэтому он говорит лорду, который присоединился к Клиффорду и Уэстморленду, требуя активных действий:

> Знай, Эксетер, угрозы, речи, взгляды
> Моим единственным оружьем будут.

Акт I, сцена 1, строки 72–73[216]

Эксетер не является ни наследником, ни родственником того Эксетера, который появляется в «Генрихе V». Тот Эксетер был младшим из Бофортов, сыновей Джона Гонта, и владел этим титулом только пожизненно.

До него первым герцогом Эксетером был некий Джон Хоуленд. Его овдовевшая мать вышла замуж за Черного принца, став матерью Ричарда II. Следовательно, Хоуленд приходился этому королю старшим единоутробным братом и стал первым герцогом Эксетером в 1397 г. за то, что помог Ричарду одолеть Томаса Глостера. Ко-

---

[216] Примечания: 216
В оригинале: *«кузен* Эксетер». — *Е. К.*

гда Болингброк сверг Ричарда II стал королем Генрихом IV, Хоуленда лишили этого титула за причастность к смерти Глостера. Однако Хоуленд не успокоился и продолжал устраивать заговоры против Генриха IV. Кончилось тем, что его казнили, лишив всех титулов. Именно поэтому данный титул можно было пожаловать Томасу Бофорту (иными словами, он перешел от единоутробного брата бывшего короля к единокровному брату нынешнего).

Сын Джона Хоуленда (тоже Джон Хоуленд) верой и правдой служил Генриху V (а позднее Генриху VI) во Франции, до конца оставаясь преданным сторонником Ланкастеров, несмотря на судьбу отца и на то, что он был женат на Анне, дочери самого Ричарда Йорка.

В 1444 г. за верную службу ему возвратили родовой титул (к тому времени прошло семнадцать лет после смерти Томаса Бофорта), и Джон Хоуленд снова стал герцогом Эксетером. Именно к этому Эксетеру и обращается в данный момент Генрих.

«…Пожизненно пусть буду королем»

Генрих вступает в спор с Ричардом Йорком. К спору присоединяются сторонники обеих партий,

и дискуссия о престолонаследии начинается снова. Узурпировал Генрих IV корону или завоевал ее? Были ли Мортимеры законными наследниками или нет?

Чаша весов склоняется на сторону Йорков, и даже сам Генрих колеблется. Когда Уорик, устав от споров, вызывает верных ему солдат, король восклицает:

> Лорд Уорик, выслушай одно лишь слово:
> Пожизненно пусть буду королем.

Акт I, сцена 1, строки 170–171

Иными словами, Шекспир изображает дело так, словно Генрих добровольно согласился лишить наследства собственного сына, чтобы самому занимать трон до конца своих дней.

На самом деле этот компромисс свидетельствовал о дальновидности Йорка. Оставляя Генриха на троне, Йорк не совершал насильственного захвата власти и тем самым привлекал на свою сторону общественное мнение. Сын Генриха устраивал всех куда меньше, тем более что многие считали его незаконным. Более того, в качестве официального наследника Генриха Йорк получал всю полноту власти в стране и фак-

тически становился королем, а бедный Генрих оставался им чисто номинально.

Когда 23 октября 1460 г. был достигнут компромисс, обнаружилось его странное сходство с компромиссом сорокалетней давности. В 1420 г. безумный король Карл VI Французский был вынужден лишить наследства собственного сына и назначить своим преемником доблестного Генриха V Английского. Генриху следовало лишь дождаться смерти больного короля — но, увы, Генрих умер первым. Теперь же безумный Генрих VI Английский (даже римская нумерация королей совпадает) был вынужден лишить наследства собственного сына и назначить своим преемником доблестного Ричарда Йорка. Ричарду следовало лишь дождаться смерти больного короля, но…

После этого компромисса практически сбылось предсказание Духа во время спиритического сеанса, описанного во второй части «Генриха VI». Там было сказано: «Тот герцог жив, что Генриха низложит»; Ричард, герцог Йоркский, в каком-то смысле действительно низложил короля.

«...И обездолить собственного сына»

Казалось, компромисс, достигнутый за счет принца Уэльского, был разумным, поскольку решал все проблемы, но по крайней мере одна персона никогда бы с ним не согласилась. Это королева Маргарита. Ее сыну Эдуарду тогда было семь лет, и, пока он был жив, Маргарита ни за что не отказалась бы от попыток в конце концов сделать его королем.

Королева Маргарита присутствовала при сражении у Нортгемптона, но сумела бежать, взяв с собой сына. Вместе они добрались до Шотландии.

Однако в пьесе они с принцем Уэльским оказываются в Лондоне, в здании парламента. Конечно, это совершенно невозможно: если бы в 1460 г. они очутились в Лондоне, то были бы схвачены победившими сторонниками Йорка и отправлены в Тауэр, откуда их вряд ли быстро освободили бы (если бы освободили вообще).

Однако с точки зрения драматургии здесь необходимо противостояние. Когда появляется королева, Эксетер — единственный из сторонников Ланкастеров, кто согласился на компромисс, — пытается исчезнуть. То же самое делает

несчастный король, боящийся своей сварливой супруги больше, чем Йорка.

Однако Маргарита останавливает их и с презрением говорит своему жалкому мужу:

> Когда б его (принца) любил ты хоть немного
> Иль мучился, как я, его рожая,
> И выкормил, как я, своею кровью, —
> Скорей бы отдал ты всю кровь свою,
> Чем завещать венец злодею Йорку
> И обездолить собственного сына.

Акт I, сцена 1, строки 220–225

Действительно, пока был жив принц, Маргарита не сдавалась. Она не стеснялась обращаться за иностранной помощью, и если не могла найти сторонников в Англии, то приводила в страну наемников.

Маргариту возненавидела вся Англия, но ей не было до этого дела. По рождению королева не была англичанкой и не считала себя обязанной любить страну, в которой ее ждали одни несчастья.

Разгневанная Маргарита уходит, бросив короля, но клянется собрать на севере армию и лично возглавить ее.

«Все лорды северные…»

Место действия второй сцены первого акта — один из замков Ричарда Йорка. Он расположен у Уэйкфилда, в 25 милях (40 км) к югу от города Йорка.

Будучи противником Йорка, Шекспир изображает дело так, словно соратники Йорка готовы нарушить достигнутое соглашение: сыновья Йорка убеждают отца стать королем немедленно, не дожидаясь смерти Генриха.

Так, Ричард искушает Йорка:

> Отец, подумай,
> Как сладко на челе носить корону:
> Элизиум она тебе дарит.
> И все восторги, что поэты славят.

Акт I, сцена 2, строки 28–31

На самом деле в это время Ричарду было всего восемь лет, так что обвинение его в попытке вероломно нарушить договор является еще одной тенденциозной клеветой, поскольку во времена Шекспира Ричард был главной мишенью власти. (Впрочем, эта речь преследует и другую цель: вскоре судьба жестоко посмеется над Йорками.)

Слова сына пробуждают в Ричарде Йорке сомнения, он уже соглашается стать королем прямо сейчас, как вдруг прибывает гонец со страшным известием:

> Все лорды северные с королевой
> Намерены ваш замок осадить;
> Они уж близко — двадцать тысяч войска.

Акт I, сцена 2, строки 49–51

На самом деле Йорк не собирался нарушать соглашение, так как в этом не было необходимости. Ему не хватало только официального титула короля, а для его приобретения не стоило возобновлять гражданскую войну.

Договор был нарушен из-за враждебных действий Маргариты. Она собрала на севере армию (в которую вошли скотты, жаждавшие добычи) и была просто обязана отдать приказ о наступлении. В начале декабря 1460 г., всего через месяц после объявления его наследником престола, Йорк спешно отправился на север. Сил у него было мало; возможно, Йорк считал главным фактором скорость и не верил, что женщина может успешно командовать армией.

Но он не знал Маргариту. В Уэйкфилде Йорка

окружило войско, численно намного превосходившее его собственное.

«...Когда был в десять раз сильнее враг»

Ричард Йорк мог остаться в замке и переждать осаду. Конечно, вскоре к нему пришли бы на помощь. Но видимо, он не мог смириться с позором, который выпал бы на его долю при известии о том, что он попал в осаду, устроенную женщиной.

Пылкий юный Ричард (который уже в этой пьесе становится главным злодеем) жаждет битвы, и Йорк позволяет убедить себя. Он говорит:

> Во Франции я часто побеждал,
> Когда был в десять раз сильнее враг, —
> Так почему ж не победить и нынче?
>
> ***Акт I, сцена 2, строки 73— 75***

Это полностью соответствует распространенной в Англии легенде о том, что все битвы во Франции были такими же, как битва при Азенкуре. Однако можно не сомневаться, что сам Йорк так не думал. Те сражения, в которых он участвовал во Франции, ничем не напоминали Азенкур.

«...Кровавый Клиффорд!»

У Шекспира сыновья Йорка Эдуард и Ричард тоже находятся в Уэйкфилде. На самом деле все было не так. Эдуард с частью армии Йорков находился в городе Глостере, в 125 милях (200 км) юго-западнее. А восьмилетний Ричард был еще слишком мал, чтобы участвовать в войне.

С Йорком был только его второй сын Эдмунд, граф Ретленд; он появляется в пьесе только в этот момент. В книге Эдуарда Холла, которой Шекспир пользовался как источником, говорится, что в то время Эдмунду исполнилось двенадцать лет, поэтому у Шекспира он изображен школьником. На самом деле он достиг семнадцатилетия; Эдмунд был всего на год моложе Эдуарда Марча, к тому времени уже закаленного воина.

Йорк пытается отправить Эдмунда Ретленда из замка вместе с его учителем (священником сэром Томасом Эсполлом, имя которого в пьесе не приводится). Видимо, Йорк сделал это, надеясь спасти сына, если битва будет проиграна, но мальчику не повезло. Ретленд говорит своему воспитателю:

Куда мне скрыться? Как врагов избег-

нуть?

Смотри, наставник, вот кровавый Клиффорд!

Акт I, сцена 3, строки 1–2

Отец Клиффорда погиб при Сент-Олбансе, и сын поклялся убивать всех Йорков, которые попадут в его руки. В конце второй части «Генриха VI» он угрожал детям Йорка, и это предвещало трагическую сцену, которая происходит сейчас.

«Как фурия…»

Юный Ретленд умоляет пощадить его, но Клиффорд свирепо отвечает:

Вид каждого, кто носит имя Йорка,
Как фурия терзает душу мне.
Пока не истреблю их род проклятый,
Всех до последнего, мне жизни нет…

Акт I, сцена 3, строки 1–2

Фурии (или эринии, как называли их греки) — три богини мщения, которые преследовали виновных в страшных преступлениях, наполняли их души ужасом и сводили с ума. Они являлись воплощением угрызений совести, доводящих

человека до безумия.

Ретленд продолжает умолять Клиффорда. Он сам не сделал Клиффорду ничего плохого; Йорк убил его отца еще

> До моего рожденья.

Акт I, сцена 3, строка 39

Это неверно. Отец Клиффорда погиб в битве при Сент-Олбансе в 1455 г. В то время Ретленду было двенадцать лет.

«Но у тебя есть сын…»

Ретленд делает последнюю попытку убедить Клиффорда. Он говорит:

> Но у тебя есть сын, и ради сына
> Мне окажи пощаду, а не то
> В отмщение — ведь справедлив Господь
> —
> И сын твой смертью страшною умрет.

Акт I, сцена 3, строки 40–42

Эти слова звучат как грозное пророчество, которое неминуемо сбудется, но в жизни все сложилось иначе. Клиффорд погиб в бою вскоре

после этой сцены и оставил после себя единственного сына, Генри Клиффорда, в ту пору семи лет. Юного Генри спрятали, чтобы спасти от мести Йорков, поэтому иногда его называли «лордом-пастухом».

После окончательного поражения Йорков он перестал скрываться, дожил до семидесяти лет и умер в своей постели.

«Пал здесь Фаэтон...»

Сражение состоялось 30 декабря 1460 г. и закончилось полным поражением Ричарда Йорка, отряд которого численно сильно уступал противнику. На сцену, пошатываясь, выходит Йорк, который пытается спастись бегством. Он говорит о подвигах своих сыновей Эдуарда и Ричарда, которые пытались прийти к нему на выручку, но не смогли. (На самом деле никто из них в битве не участвовал.) Йорк ни слова не говорит о своем шурине графе Солсбери, который действительно принимал участие в этом сражении.

После битвы Солсбери тоже пытался бежать, но его схватили, отвезли в Помфрет (где умер Ричард II) и в последний день года казнили. В то время Солсбери было шестьдесят лет.

Что же касается Йорка, то он якобы попал в

плен на поле боя. Клиффорд, находящийся среди тех, кто его схватил, сообщает:

Но с колесницы пал здесь Фаэтон…

Акт I, сцена 4, строка 33

Туже метафору Шекспир использует через несколько лет, описывая падение Ричарда II (см. в гл. 6: «…Фаэтон блестящий»).

«Эдвард распутный…»

Конечно, Клиффорду хотелось бы убить Йорка на месте, но мстительная Маргарита замыслила другое. Она намерена перед смертью поиздеваться над Йорком, однако предпочитает душевные пытки физическим.

Королева принимается насмехаться над связанным и беспомощным Йорком:

Где кучка сыновей, твоя защита, —
Эдвард распутный и веселый (похотливый) Джордж?
И где отважный твой урод горбатый,
Сынок твой Дик…

Акт I, сцена 4, строки 73-76

Эдуарда называют распутным впервые. Он и в самом деле был большим любителем женщин (впрочем, неизвестно, успел ли Эдуард проявить себя в этом качестве к 1460 г.), и его сластолюбие сыграло значительную роль в конечном поражении Йорков.

«Урод горбатый» — это, конечно, Ричард; Шекспир не упускает случая лишний раз напомнить о его мнимых физических недостатках.

«Похотливый Джордж» — это третий сын Йорка, который еще не появлялся на сцене. Он родился 21 октября 1449 г. в Дублине, где его отец служил лордом-наместником Ирландии. Во время пленения Йорка ему было всего одиннадцать лет.

А затем Маргарита опускается до беспредельной низости. Она говорит:

> И, наконец, где твой любимец Ретленд?
> Йорк, погляди! Платок я омочила
> В его крови, которую из сердца
> Исторг мечом победоносный Клиффорд.
> Коль хочешь сына милого оплакать,
> Возьми платок, чтоб слезы утереть.

Акт I, сцена 4, строки 78–83

Проланкастерская позиция Шекспира на

француженку Маргариту не распространялась. Действительно, только ненависть к ней заставляла англичан поддерживать Йорка. Несомненно, легенду о смерти Ретленда использовали для того, чтобы восстановить против Маргариты всю Англию, а возраст Ретленда уменьшили, чтобы история выглядела еще ужаснее.

Если убийство Хамфри Глостера привело к смерти Суффолка, то убийство Ретленда должно было уничтожить Маргариту и всю партию Ланкастеров, окончательно лишившихся народного сочувствия. А смерть самого Йорка стала настоящим апофеозом. В этот момент Шекспир сам переходит на сторону Йорка; возможно, драматург просто не мог не довести эту сцену до мрачного совершенства, зная, что никому не удастся сделать это лучше его.

«Корону Йорку!»

Но Маргарита еще недостаточно поиздевалась над Йорком. Она восклицает:

> Корону Йорку! Лорды, преклоняйтесь.
> Держать его, пока ему надену.
>
> ***Акт I, сцена 4, строки 94–95***

На голову Йорка водружают бумажную корону, после чего все присутствующие склоняются перед ним в насмешливом поклоне. Это отклик на фразу, сказанную Йорком в последнем акте второй части «Генриха VI»: «Это золото должно увенчать мое чело». Ту реплику Шекспир вложил в уста Йорка намеренно, заранее зная, что наступит момент, когда золото заменит бумага.

Но еще более очевидна связь со словами юного Ричарда, сказанными всего двумя сценами ранее: «Как сладко на челе носить корону». Теперь Йорк знает, как это сладко; в свое время то же самое узнает и Ричард.

К счастью, то, что случилось в действительности, выглядело не так страшно. Труп Йорка обнаружили на поле боя, так что Маргарита не могла устроить этот садистский спектакль. Йорку отрубили голову и выставили на крепостной стене для всеобщего обозрения, надев на нее бумажную корону в знак тщетности надежд Йорка на престол. (Однако эта бумажная корона оказалась ошибочным пропагандистским ходом. Она позволила сторонникам Йорка сочинить легенду, которой воспользовался Шекспир в этой пьесе, а затем Маргарита стала выглядеть чудовищем в глазах всего мира.)

«Французская волчица…»

Все это время Йорк молчал, ошеломленный катастрофой, но Маргарита требует от него ответа, желая насладиться воплями своего измученного врага.

Но Йорк не доставляет ей такого удовольствия. В своем последнем монологе (лучшем, что есть во всех трех частях «Генриха VI») он не дает королеве насладиться триумфом и награждает Маргариту кличкой, под которой она навсегда осталась в истории. Этот монолог начинается так:

> Ты злей волков, французская волчица,
> И твой язык ехидны ядовитей!
> Как не пристало полу твоему
> Торжествовать, подобно амазонке…

Акт I, сцена 4, строки 111–114

Йорк дразнит Маргариту бедностью ее отца, отказывает ей в красоте, уме и добродетели, а потом говорит:

> Ты далека от всякого добра,
> Как антиподы далеки от нас (от Септентриона),

Или как юг от севера далек.
О сердце тигра в женской оболочке!
Смочила ты платок в крови ребенка
И слезы утирать даешь отцу, —
И все же образ женщины ты носишь?

Акт I, сцена 4, строки 134–140

Антиподы (буквально: «ногами к ногам») — жители двух диаметрально противоположных пунктов земного шара. Септентрион (буквально: «семь звезд») — это созвездие Большой Медведицы, которое всегда находится на северном небе, а потому является синонимом севера.

Кроме того, следует обратить внимание читателя на энергичную строку о сердце тигра в женской оболочке. Возможно, это самая важная фраза во всей пьесе.

В 1592 г. английский драматург Роберт Грин написал злую сатиру, озаглавленную «На грош ума, купленного за миллион раскаяний». Там он злобно высмеивает некоего человека, о котором пишет следующее: «…среди них[217] завелась одна ворона — выскочка, разукрашенная нашим опереньем. Этот человек *«с сердцем тигра в шку-*

[217] Примечания: 217
актеров. — *Е. К.*

ре лицедея» считает, что также способен греметь белыми стихами, как лучший из вас, тогда как он всего-навсего «мастер на все руки», возомнивший себя единственным *потрясателем сцены* в стране»[218].

Шекспир начинал как актер и на скорую руку переделывал пьесы, в которых играл (вызывая вполне естественное раздражение их авторов). Когда же он сам принялся писать пьесы, пользовавшиеся успехом, люди, подобные Грину, стали ему завидовать. Как простой актеришка смеет думать, что он пишет лучше профессионалов?

Грин не называет Шекспира по имени, но шпильки «потрясатель сцены» («shake — scene») вполне достаточно, чтобы понять, о ком идет речь. А для непонятливых Грин пародирует самую известную к тому времени строку Шекспира, написанную всего около года назад («О сердце тигра в женской оболочке»), меняя в ней всего одно слово — «woman's» на «player's».

«...Злее гирканских тигров»

Тут Йорк вспоминает убитого сына и наконец заливается слезами. Он говорит:

---

[218] Примечания: 218
Перевод А. Аникста. *(Примеч. пер.)*

Его лицо голодный каннибал —
И тот бы пощадил, не залил кровью;
Но вы жесточе и бесчеловечней,
О, злее в десять раз гирканских тигров!
Смотри, безжалостная королева,
На слезы злополучного отца!
В кровь отрока ты окунула ткань, —
А я слезами смою эту кровь.
Возьми платок, иди и хвастай им;
И если правду страшную расскажешь,
Клянусь душою, люди станут плакать;
Мои враги — и те слезу уронят
И скажут: «Это жалости достойно».
Бери же мой венец и с ним проклятье…

Акт I, сцена 4, строки 152–164

Йорк поменялся с Маргаритой ролями. Его речь исторгает слезы у присутствующего при этом Нортумберленда. Должно быть, и сама Маргарита ощущает правоту слов Йорка; теперь вражеская пропаганда окончательно погубит ее репутацию. Теперь она — «французская волчица», она хуже «голодного каннибала» и «гирканских тигров» (Гиркания — область на берегу Каспийского моря, в древности славившаяся обилием диких животных, которые на расстоянии казались еще

страшнее).

Йорка, бывшего наследником престола всего шесть недель, закалывают Клиффорд и Маргарита, но ни о каком триумфе больше нет и речи.

Сбывается еще одно пророчество, полученное во время спиритического сеанса. Герцог, который низложил Генриха (см. в гл. 12: «Тот герцог жив…»), действительно погиб насильственной смертью.

«К Сент-Олбенсу отправился…»

Эдуард и Ричард узнают, как именно погибли их отец и брат, и чуть не лишаются рассудка от скорби и гнева.

Когда входит Уорик, они устремляются к нему, чтобы сообщить о случившемся, но он уже все знает. Его новости тоже неутешительны.

После смерти Йорка и уничтожения его небольшого отряда Маргарита, воодушевленная победой, отправилась на юг. Дикие скотты, входившие в ее армию и ненавидевшие англичан, грабили всех подряд, а Маргарита даже не пыталась остановить их. Поскольку королеву люто ненавидели и терять ей было нечего, она стремилась лишь к победам и мести.

Уорик не упоминает о том, что в битве при

Уэйкфилде погиб его собственный отец (Шекспир намеренно концентрирует внимание только на Йорке). Он говорит:

> Я, в Лондоне стерегший короля,
> Стянул войска, собрал толпу друзей
> И, как мне думалось, вполне готовый,
> К Сент-Олбенсу отправился с войска-
> ми,
> Чтобы пресечь дорогу королеве.
> Я короля с собою взял вам в помощь…

Акт II, сцена 1, строки 111–115

Бедному Генриху VI всю Войну Алой и Белой розы (или, по крайней мере, ту ее часть, свидетелем которой он был) ни разу не удалось проявить собственную волю. Он был просто живым знаменем, символом королевской власти, использовавшимся то одной, то другой стороной. В данном случае Уорик взял его с собой, демонстрируя, что он сражается за короля, в то время как королева является мятежницей и изменницей.

После неожиданного поражения и гибели Йорка войско королевы достигло Сент-Олбанса. Там 17 февраля 1461 г., через шесть лет после первой, состоялась вторая битва. На этот раз уже армия Ланкастеров обошла фланг сторонников Йор-

ков и ударила им в тыл. Уорик был вынужден поспешно отступить, оставив на поле боя множество трупов. Маргарита одержала вторую победу.

«Лорд Джордж…»

После второго сражения у Сент-Олбанса Маргарите удалось отбить у сторонников Йорка короля Генриха. Она позволила своим солдатам разграбить аббатство Сент-Олбанс и казнила нескольких пленников; вслед за этим королева дала понять, что намерена направиться к Лондону. Лондонцы, боявшиеся Маргариты и ее шотландцев, начали спешно готовиться к обороне.

Столица оставалась незащищенной, потому что Уорик с остатками войска поспешно направился на запад, чтобы объединиться с Эдуардом, который теперь, после смерти отца, был не только графом Марчем, но и герцогом Йорком.

Уорик говорит Эдуарду:

> Лорд Джордж, ваш брат, я сам и герцог Норфолк
> Соединиться с вами поспешили…

Акт II, сцена 1, строки 138–139

Джордж еще не появлялся на сцене; впрочем, к этому времени ему не исполнилось и двенадцати лет. Однако его отсутствие объясняется не детским возрастом, ибо Шекспир делает всех сыновей Йорка старше своих лет (за исключением Ретленда, который искусственно омоложен). Джордж на три года старше Ричарда, которого Шекспир изображает лихим рубакой.

Поэтому Шекспир отправляет Кларенса в Бургундию. Уорик говорит:

> А что до брата вашего, он послан
> Бургундской герцогиней, вашей теткой,
> С отрядом войск, чтоб вам помочь в войне.

Акт II, сцена 1, строки 145–147

Попытка объяснить отсутствие Кларенса заставляет Шекспира очередной раз прибегнуть к анахронизму. Во время второй битвы при Сент-Олбансе (1461) герцогом Бургундским еще был Филипп Добрый. Он умер лишь в 1467 г., после чего титул унаследовал его сын Карл Смелый. Через год Карл женился на Маргарите Йоркской, дочери Ричарда Йорка. Таким образом, герцогиня Бургундская приходилась Кларенсу не теткой, а

сестрой, но герцогиней она стала лишь в 1468 г.

«…Рать сбираете для новой битвы»

Уорик тщательно объясняет, что он не отступил на запад, а просто решил воспользоваться возможностью перегруппировать силы и начать новое наступление,

Узнав, что пребываете вы здесь
И рать сбираете для новой битвы.

Акт II, сцена 1, строки 140–141[219]

Здесь Шекспир несправедлив к Эдуарду. Тот не просто «отращивал новую голову» (то есть собирал новую армию). Получив известие о смерти отца, он тут же собрал войско и был готов к новой битве гораздо быстрее Уорика.

2 февраля 1461 г. Эдуард сразился с валлийскими сторонниками Ланкастеров у Мортимерс-Кросс (Креста Мортимера), примерно в 12 милях (20 км) к югу от Ладлоу, одержал победу и направился на восток, навстречу Уорику. Узнав о поражении Уорика у Сент-Олбанса, Эдуард не остановился. Объединение сил стало возможно

---

[219] Примечания: 219

В оригинале: «…отращиваете новую голову, чтобы сражаться снова». — Е. К.

не потому, что Уорик отступил на запад, а потому, что Эдуард быстро наступал на восток.

Объединение сил Эдуарда и Уорика произошло, когда до Лондона оставалось лишь дня два пути. Это случилось 23 февраля 1461 г., всего через неделю после второй битвы у Сент-Олбанса; свирепые конники Маргариты уже ворвались в северное предместье столицы.

Маргарита узнала, что к ней быстрым маршем приближается войско Эдуарда. Ее собственная армия была дезорганизована; к тому же она слишком далеко углубилась во вражескую территорию. Поэтому королева решила отступить на север, и угроза Лондону миновала.

Лондонцы чуть не сошли с ума от радости; Эдуард стал их спасителем, посланным самим Небом. Когда 25 февраля Эдуард вошел в столицу во главе «армии избавления», его встретили как героя.

«...В славном Йорке»

Отступление Маргариты было долгим — около 160 миль (256 км) на север, к Йорку. Следующая сцена происходит у стен этого города. Маргарита показывает королю Генриху, который теперь в ее руках, на голову старого Йорка, все еще разлагающуюся на колу в одной из стен города, и говорит:

Привет вам, государь мой, в славном Йорке.
Вот голова проклятого врага,
Что вздумал завладеть короной вашей.
Не радует ли этот вид вам сердце?

Акт II, сцена 2, строки 1–4

Возможно, «этот вид» радует сердце самой Маргариты, но одобрить ее трудно, так как жестокость королевы вскоре обернется против нее самой.

За полгода до этого Ричард Йорк решил, что захватывать трон нехорошо, и ограничился тем, что стал наследником престола. Но теперь, после распространившихся слухов о мученической смерти Ричарда Йорка и его сына Эдмунда Ретленда, симпатии народа перешли на сторону рода Йорков, а марш Маргариты на юг вызвал ненависть к Ланкастерам. На общественное мнение не смог повлиять даже бедный Генрих; теперь он был рядом с женой и нес ответственность за ее деяния.

В результате всего лишь через два месяца после гибели Йорка его сын смог сделать то, чего не удалось отцу. 2 марта 1461 г. Государственный совет провозгласил Эдуарда королем, а 4 марта

молодой человек возглавил большой крестный ход в Вестминстере и занял престол, к которому его отец (несмотря на утверждение Шекспира) дерзнул только прикоснуться. Новому королю Эдуарду IV еще не исполнилось двадцати одного года.

Но Эдуард не остался в Лондоне, чтобы отпраздновать свое воцарение. Маргарита отступила на север, и с ней нужно было покончить. Война Алой и Белой розы продолжилась.

«Подходит Уорик…»

Естественно, мягкосердечный Генрих не испытывает удовольствия при виде головы мертвого Йорка. Ему ненавистно кровопролитие, и он даже жалеет о кровавых победах своего отца Генриха V (подобных заявлений больше у Шекспира не встречается, возможно, это единственный случай, когда Шекспир откровенно декларирует свои пацифические взгляды и осуждает подвиги короля-героя).

Генрих VI говорит:

> Я добрые дела оставлю сыну,
> И был бы рад, когда бы мой отец
> Мне ничего другого не оставил!

За прочее мы слишком много платим:
Хранить его — заботы больше стоит,
Чем радости приносит обладанье.

Акт II, сцена 2, строки 49–53

Можно сделать вывод, что корона тяготит Генриха; его точка зрения на бремя королевской власти диаметрально противоположна точке зрения юного Ричарда, который считает, что корона дарит ее обладателю райское наслаждение.

Но кровь будет литься, потому что сторонники Йорков гонятся за отрядами ланкастерцев по пятам. Прибывает гонец и сообщает:

С отрядом в тридцать тысяч человек
Подходит Уорик, чтоб за Йорка биться;
Его они по городам и селам
Везде провозглашают королем…

Акт II, сцена 2, строки 68-71

Итак, на место герцога Йорка, убитого за желание стать королем, пришел другой герцог Йорк, который уже овладел короной.

«Красивее тебя была Елена…»

Две армии сходятся, и, как обычно, начина-

ется словесный поединок. Так, Эдуард говорит Маргарите:

> Красивее тебя была Елена;
> Хоть Генрих может зваться Менелаем,
> Но брат Агамемнона никогда
> Так не был оскорблен женой коварной,
> Как твой супруг тобой.

Акт II, сцена 2, строки 146–149

Это заставляет вспомнить реплику Суффолка, которой заканчивается первая часть «Генриха VI». Суффолк плывет во Францию за королевой так же, как когда-то Парис плыл в Грецию. Парис обрел прекрасную Елену, которая предала мужа и превратила в руины принявшую ее Трою. Эдуард намекает, что до красоты Елены Маргарите далеко, но она принесла не меньше горя.

Однако этого мало. В утверждении, что Генрих VI играет роль Менелая, то есть обманутого супруга, содержится намек на незаконное происхождение сына Маргариты, юного принца Уэльского. Аргументы Йорков ясны. Эдуард — законный король Англии благодаря происхождению от Мортимера, но, даже если бы этого не было, Генрих не способен править, а его сын — бастард, поэтому трон принадлежит Эдуарду

по праву.

«Измучен, словно бегом скороход…»

Две армии вступают в яростное сражение, накал которого проясняется с самого начала следующей сцены. Уорик говорит:

> Измучен, словно бегом скороход,
> Прилягу здесь, чтоб дух перевести…

Акт II, сцена 3, строки 1–2

Арена битвы — Тоутон[220], маленький городок примерно в 15 милях (24 км) к юго-западу от Йорка. Битва состоялась 28 марта 1461 г. Она началась в метель и продолжалась шесть часов.

Никакой особой тактики не использовали. Оба войска яростно набросились друг на друга, и началась резня, в которой погибло тридцать восемь тысяч англичан с каждой стороны, такой кровавой бойни не было ни в одном сражении во Франции за все время Столетней войны.

Бессмысленность этого кровопролития комментирует Генрих, который сидит в углу поля, мечтая умереть или стать мирным пастухом,

---

[220] Примечания: 220
в переводе — Таутон. — *Е. К.*

и следит за трагедией гражданской войны, когда члены одной семьи сражаются друг против друга. Он видит горе отца, убившего собственного сына, и горе сына, убившего собственного отца.

«…В Бервик!»

Однако ближе к концу битвы становится ясно, что победу одерживают сторонники Йорков. Ланкастерцы разгромлены, и королева Маргарита бежит с поля боя. Вместе с матерью на сцену выходит принц Уэльский (которому на самом деле в момент битвы при Тоутоне было всего восемь лет) и кричит королю Генриху:

> Отец, бегите! Все друзья бежали.
>
> ***Акт II, сцена 5, строка 125***

Королева Маргарита выражается точнее. Она говорит:

> Супруг мой, на коня! Скачите в Бервик!
>
> ***Акт II, сцена 5, строка 128***

Город Берик[221] находится на границе с Шотландией. После сражения при Тоутоне короле-

---

[221] Примечания: 221
в переводе — Бервик. — *Е. К.*

ве, ее сыну и мужу пришлось снова бежать в Шотландию, как и год назад после битвы при Нортгемптоне.

«Не уступая почвы…»

Когда королевское семейство исчезает, на сцене появляется Клиффорд, который с трудом держится на ногах. Согласно Шекспиру, его смертельно ранил в поединке юный Ричард. На самом деле все было куда прозаичнее. Когда после битвы Клиффорд снял шлем, ему в горло попала стрела, выпущенная неизвестным солдатом.

Клиффорд умирает, так и не раскаявшись и, как всякий экстремист, утверждая, что все беды происходят из-за компромиссов и только непреклонность принесет победу. Он говорит, обращаясь к отсутствующему королю Генриху:

> Если б, Генрих,
> Ты правил, как пристало королю,
> Как правили отец твой и твой дед,
> Не уступая почвы дому Йорка,
> Враги бы не размножились, как мухи…

Акт II, сцена 6, строки 14–17

Победившие приверженцы Йорков глумятся

над трупом Клиффорда. Голову Йорка снимают с городской стены и водружают вместо нее голову Клиффорда. Мясник пережил свою жертву всего лишь на три месяца.

Граф Нортумберленд (внук Хотспера), который был до слез тронут последним монологом Йорка, тоже погиб в этом сражении.

«Там Англии корону ты наденешь…»

Эдуард IV был провозглашен королем, но для совершения полного ритуала у него не было времени: нужно было преследовать Маргариту, направившуюся на север. Теперь, после одержанной при Тоутоне победы, он получит возможность сделать это. Уорик говорит Эдуарду:

> Теперь — торжественным походом в Лондон.
> Там Англии корону ты наденешь…
>
> ***Акт II, сцена 6, строки 87–88***

Пышная коронация Эдуарда с соблюдением всех правил (несмотря на то, что Генрих VI был еще жив) состоялась 29 июня 1461 г., ровно через три месяца после битвы при Тоутоне.

«Герцог Глостер…»

Одна из прерогатив короля состоит в раздаче титулов пэров. После Тоутона Эдуард обещает сделать своих братьев герцогами (и после коронации выполняет обещание):

> Отныне, Ричард, будешь герцог Глостер,
> Ты
> — герцог Кларенс будешь, Джордж…

Акт II, сцена 6, строки 103–104

У обоих титулов есть своя история. Прежде титул герцога Кларенса присваивали второму сыну короля. Так, Лайонел Антверпенский стал первым герцогом Кларенсом в 1362 г. Конечно, номинально он был третьим сыном Эдуарда III, но второй сын умер в детстве, так что Лайонел стал вторым сыном, дожившим до зрелости. (То, что Эдуард вел родословную именно от Лайонела, с точки зрения сторонников Йорков делало его законным королем, поэтому титул герцога Кларенса считался особенно почетным.)

В 1368 г. Лайонел умер, не оставив потомков мужского пола, так что следующий герцог Кла-

ренс появился только в 1412 г. Им стал Томас, второй сын Генриха IVи младший брат Генриха V. Он умер в 1421 г., также не оставив сыновей. Теперь третьим герцогом Кларенсом предстояло стать Джорджу, второму сыну Ричарда Йорка и младшему брату Эдуарда IV.

Ричарду это не нравится, потому что он говорит:

> Пусть буду Кларенс я, а Глостер — Джордж,
> В том герцогстве есть что-то роковое.

Акт II, сцена 6, строки 106–107

И для такого утверждения у него есть все основания. Первый герцог Глостер, Томас, который долгое время правил вместо Ричарда II, в конце концов был посажен в тюрьму и убит; второй Глостер, Хамфри, который долгое время правил вместо Генриха VI, тоже был посажен в тюрьму и убит. Легко заподозрить, что та же судьба ожидает и третьего, однако продолжить этот сценарий Ричарду было не суждено. Он создал новый, причем гораздо худший.

Впрочем, титул герцога Кларенса был не менее зловещим. Первый герцог, Лайонел, умер в тридцать лет. Он не был первым из сыновей Эдуарда

III, достигшим зрелого возраста, но умер первым. Второй герцог, Томас, умер в тридцать три года. Он тоже не был первым сыном Генриха IV, дожившим до совершеннолетия, но умер первым. Интересно, подозревал ли Джордж, что его ждет та же судьба? Если да, то он был прав, потому что так и вышло.

Однако нетерпеливый Уорик высмеивает предрассудки Ричарда, и договор вступает в силу.

«Воздвигну на твоих плечах…»

После Тоутона Эдуард благодарит Уорика. Он говорит:

> Воздвигну на твоих плечах свой трон,
> И никогда не предприму я дела
> Без твоего совета и согласья.

Акт II, сцена 6, строки 100–102

Благодарность была заслуженной. Именно энергия и решительность Уорика помогли Йоркам пережить черные дни; именно его богатство и влияние помогали набирать армии, которые сражались за дело Йорков. А теперь, когда Уорик вдобавок стал еще и графом Солсбери (после смерти отца), его богатство и влияние небывало

возросли.

Во время коронации Эдуарда Уорику было тридцать три года; как и было обещано, он стал самым влиятельным человеком в Англии после короля (которому приходился двоюродным братом), но взамен был вынужден взвалить на свои плечи все тяготы управления страной.

Даже после коронации в Англии оставались области, охваченные мятежом (особенно на севере); подавлением восстаний и занялся Уорик. У него были для этого личные причины. Невиллы и Перси испокон веков соперничали за право владеть севером, и, когда Невиллы примкнули к Йоркам, а Перси — к ланкастерцам, старые феодальные споры просто получили новое название.

Кроме того, на севере находился и Сомерсет (сын смертельного врага Ричарда Йорка), который после Торнтона бежал и пытался собрать войско. Уорик послал против Сомерсета своего брата Джона Монтегью. После второй битвы при Сент-Олбансе Монтегью взяли в плен и посадили в тюрьму, но после сражения при Тоутоне выпустили на свободу.

15 мая 1464 г. Монтегью застал Сомерсета врасплох на дальнем севере у Хексема, находящегося всего в 30 милях (48 км) от шотландской границы.

Ланкастерцы потерпели еще одно поражение, а Сомерсет был убит. Законных сыновей у него не было, зато были два младших брата — последние представители рода Бофортов, потомков Джона Гонта от третьей жены (по крайней мере, последние представители по непрерывной мужской линии).

После этого организованное сопротивление ланкастерцев на время прекратилось. Невиллы отпраздновали победу, когда Монтегью получил титул графа Нортумберлендского, который до того носили четыре поколения Перси (первым из них был отец Хотспера). Более того, в 1465 г. еще один Невилл (брат Уорика Джордж) стал архиепископом Йоркским. В то время Невиллы достигли пика своего могущества и были некоронованными королями севера.

Что же касается Эдуарда IV, то он наслаждался жизнью в Лондоне. Он любил вкусную еду и женщин, а еды и женщин в столице хватало. Эдуард был красив и обаятелен, а лондонцы так устали от слезливого монашка (таким они уже считали Генриха), что поведение Эдуарда только прибавляло ему популярности.

Казалось, что для нового короля все складывается удачно.

«Принцессу Бону…»

Только одна персона из ланкастерцев не прекратила и не захотела прекращать сопротивления — королева Маргарита. После разгрома у Тоутона она добралась до Шотландии и сумела убедить тамошних правителей оказать ей помощь. Однако Эдуард предложил им больше, и отчаявшаяся Маргарита уплыла с сыном во Францию.

Она надеялась заинтересовать французского короля и даже предложила в обмен на помощь отдать ему Кале. Но у Франции не было никакой охоты возобновлять Столетнюю войну. Кроме того, в это время у французов возник опасный конфликт с Бургундией, достигшей пика своего могущества, и у Франции были связаны руки.

Однако Уорик прекрасно понимал, что, как только у французов появится возможность, они с удовольствием помогут Маргарите, причем сделают это тайно, чтобы избежать обвинений во вмешательстве во внутренние дела Англии. Требовалось как-то нейтрализовать Францию; легче всего это было сделать с помощью династического брака.

Два последних брака с французскими принцессами обернулись для Англии катастрофой.

Катерина Французская, вышедшая замуж за Генриха V, передала психическую болезнь отца своему сыну, Генриху VI. А о браке Генриха VI с Маргаритой Анжуйской и говорить нечего. Но надежда умирает последней…

Эдуард IV был молод и красив; наверняка в недрах королевской семьи ему подыскали бы подходящую пару, это укрепило бы отношения Англии и Франции и сделало бы тщетными усилия Маргариты.

В пьесе Уорик сразу после битвы при Тоутоне говорит, что им нужно вернуться в Лондон и короновать Эдуарда, а затем…

> Затем во Францию поедет Уорик,
> Чтобы тебе *принцессу* Бону сватать.

Акт II, сцена 6, строки 89–90[222]

Леди Бона — третья дочь Амадея VIII Савойского и младшая сестра французской королевы. Однако Уорик отправился во Францию не сразу после Тоутона (как показано в пьесе), а в середине 1464 г., после битвы при Хексеме. Как обычно, три года между этими битвами у Шекспира исчезли бесследно.

---

[222] Примечания: 222
В оригинале: *«…леди* Бону…». — *Е. К.*

«…А короля легко словами тронуть»

Уехав во Францию, Маргарита взяла с собой обожаемого сына, но не Генриха, присутствие которого ей только мешало бы. Генрих остался на севере Англии, где прожил несколько лет на положении беглеца. Ему тайно помогали ланкастерцы, не побоявшиеся гнева Уорика и его клевретов. где-то в середине 1465 г. короля либо опознали приверженцы Йорков, либо его выдали им. В июле 1465 г. его арестовали, привезли в Лондон и посадили в Тауэр.

Шекспир приписывает опознание и арест короля двум лесничим, пытаясь как-то объяснить последующие события. Бродя по северным лесам, Генрих произносит монологи. Так, ему откуда-то известно о миссии Маргариты и соперничающем с ней посольстве Уорика. Он говорит:

> Если весть правдива, —
> Ах, бедные мой сын и королева,
> Пропал ваш труд: оратор ловкий — Уорик,
> А короля легко словами тронуть.

Акт III, сцена 1, строки 31–34[223]

Принц Луи — это Людовик XI, который в тот момент правил Францией. Его отцом был пресловутый Карл VII, он же Дофин, занимавший французский престол последние тридцать лет Столетней войны и доживший до полного изгнания англичан с континента. Он умер в 1461 г., вскоре после битвы при Тоутоне.

Его сын, Людовик XI, был коронован в Реймсе 15 августа 1461 г., через шесть недель после коронации Эдуарда IV. Когда в 1464 г. Уорик отправился во Францию, Людовик был королем уже три года.

Возможно, он еще не успел зарекомендовать себя, но фраза Генриха о том, что «принца Луи легко тронуть словами», чудовищная ошибка. Этот Людовик был отъявленным хитрецом среди всех монархов. (Людовика XI иногда называли «королем-пауком», потому что казалось, будто он сидит в середине сети и управляет делами во всей Европе, осторожно подергивая за ниточки.) Конечно, ни Маргарите, ни Уорику, ни кому другому не удалось бы заставить Людовика делать то, что ему не хотелось.

---

[223] Примечания: 223

В оригинале: «И быстро победит принца Луи своим краснобайством». — *Е. К.*

«Ричард Грей…»

Тем временем в Лондоне Эдуард вынужден принимать решения, касающиеся прискорбных последствий гражданской войны. Одно такое прошение он обсуждает со своим младшим братом Ричардом, говоря:

> Брат Глостер! Ричард Грей, муж этой леди,
> В Сент-Олбенском сраженье был убит.
> Его владенья победитель взял;
> Она теперь вернуть ей просит земли…

Акт III, сцена 2, строки 1–4

Леди, о которой идет речь, простолюдинка — в том смысле, что она не королевской крови и не связана родственными узами ни с одной европейской королевской семьей. Тем не менее она титулованная аристократка. Ее мужем был не некий «сэр Ричард Грей» (как говорится у Шекспира), а сэр Джон Грей, седьмой барон Феррерс оф Гроби. Он был сторонником Ланкастеров и погиб во второй битве у Сент-Олбанса в 1461 г. В то время ему было двадцать девять лет. Поскольку Грея обвинили в государственной измене, его земли

были конфискованы.

Теперь, три года спустя, его вдова просит Эдуарда вернуть ей конфискованную собственность ради детей, оставшихся после мужа. Эта вдова — Елизавета (Элизабет) Грей, урожденная Елизавета Вудвилл, дочь сэра Ричарда Вудвилла.

Сэр Ричард Вудвилл был с Ричардом Йорком, тогда командовавшим английской армией во Франции, и в 1448 г. за примерную службу был награжден титулом барона Риверса. В 1450 г. он помогал подавлять восстание Джека Кеда. Более того, около 1436 г. он женился на Жакетте Люксембургской, которая была вдовой герцога Бедфорда, умершего двумя годами раньше.

Когда Англия раскололась на два лагеря, сэр Ричард Вудвилл стал ланкастерцем, воевал на стороне Генриха и участвовал в битве при Тоутоне. Однако после этой битвы он перешел на сторону Йорков и принес Эдуарду клятву верности.

Когда Эдуард IV приехал с визитом в поместье Жакетты Люксембургской, ее дочь Елизавета воспользовалась этим и вручила королю прошение.

Любвеобильный Эдуард был очарован красавицей Елизаветой; несомненно, он с удовольствием занялся бы с ней любовью в обмен на удовлетво-

рение просьбы. Подробностей мы не знаем, но Шекспир вставляет в пьесу комическую сцену, в которой Эдуард пытается уговорить Елизавету лечь с ним в постель, а Елизавета всячески отнекивается и не хочет раздеваться, в то время как братья короля Джордж и Ричард наблюдают за ними со стороны и отпускают грубые шутки.

Каким-то образом Елизавете удалось убедить Эдуарда жениться на ней; бракосочетание состоялось 1 мая 1464 г.

Брак по любви, заключенный Эдуардом, был чрезвычайно недипломатичным. Конечно, раздражение аристократов вызвало не то, что Елизавета не принадлежала к королевскому роду. Их оскорбило то, что один из их среды возвысился над другими. Кроме того, Елизавета, вдова с тремя детьми, была на пять лет старше Эдуарда (ей было двадцать семь, а ему двадцать два). Можно представить себе, какие слухи и сплетни распространялись при дворе.

Эдуард, сильно смущенный такой реакцией части аристократии, держал свой брак в тайне шесть месяцев и даже (что совершенно невероятно) не сообщил о нем Уорику, когда тот отправился во Францию сватать принцессу для своего короля. (О чем в то время думал Эдуард,

сказать трудно. Возможно, он надеялся, что миссия Уорика провалится или что отсрочка позволит ему найти какой-то выход из создавшегося положения.)

«…К златому дню желанную дорогу!»

Эдуарду приходится прервать беседу с леди Елизаветой и встретить арестованного короля Генриха, которого доставили в Лондон. Ричард Глостер, младший брат короля, остается на сцене в одиночестве и получает возможность излить свои чувства.

Мысль о женитьбе Эдуарда нестерпима ему, потому что от этого брака появятся дети, которые окажутся ближе к трону, чем он сам. Ричард с ненавистью говорит об Эдуарде:

> О, если бы все силы, кровь и мозг
> Он истощил, чтоб не произошло
> Вовек от чресл его надежной ветви,
> Которая могла бы мне пресечь
> К златому дню желанную дорогу!

Акт III, сцена 2, строки 125–127

Внезапно Шекспир сообщает о стремлении Ричарда завладеть короной. Вновь сказывается

неприязнь к партии Йорков, что проявляется в принижении Ричарда при любой возможности. Причины такого отношения выясняются уже в этой пьесе, но еще яснее они станут в следующей.

Поскольку поступки Ричарда не соответствуют его позднейшей репутации, Шекспир заставляет его произносить злодейские речи практически с первого появления на сцене. В предыдущих пьесах Ричард неустанно говорит об измене именно потому, что в жизни ни одной измены не совершил.

На самом деле в год женитьбы Эдуарда на Елизавете Грей Ричарду было всего двенадцать лет, поэтому он просто не мог иметь честолюбивых намерений, приписанных ему в пьесе. Судя по тому, что нам известно о Ричарде, он был искренне предан брату в течение всего времени правления Эдуарда.

Тем не менее Шекспир заставляет Ричарда перечислить тех, кто стоит между ним и троном даже в том случае, если Эдуард не женится или умрет бездетным. Ричард говорит:

> Все ж между мною и желаньем сердца
> Коль даже сгинет линия прямая

Распутного Эдварда, — встанет Кларенс,
Иль Генрих с юным сыном Эдуардом:
Они со всем потомством их незваным
Займут места пред тем, как сяду я.

Акт III, сцена 2, строки 128–131

В 1464 г. Генрих VI и его сын Эдуард, принц Уэльский, еще живы. Кроме того, существует ветвь Бофортов, которые также являются потомками Джона Гонта; она представлена двумя младшими сыновьями Сомерсета. Иными словами, на свете существуют четыре человека, являющиеся потомками Джона Гонта только по мужской линии.

Можно считать, что права потомков Гонта на престол уступают правам потомков Лайонела Кларенса; в таком случае, если Эдуард умрет бездетным, трон перейдет к Кларенсу, который младше Эдуарда, но старше Ричарда.

«Я в чреве матери Любовью проклят…»

Ричард чувствует, что его может удовлетворить только корона, потому что он не может найти утешения в любви. Он говорит:

Я в чреве матери Любовью проклят:

Чтоб мне не знать ее законов нежных,
Она природу подкупила взяткой,
И та свела, как прут сухой, мне руку,
И на спину мне взгромоздила горб,
Где, надо мной глумясь, сидит уродство;
И ноги сделала длины неравной;
Всем членам придала несоразмерность:
Стал я как хаос иль как медвежонок,
Что матерью своею не облизан
И не воспринял образа ее.

Акт III, сцена 2, строки 153–162

Этот полный список его уродств фальшивка от первого до последнего слова. Разве горбатый, сухорукий и колченогий человек способен сражаться в битве как дьявол и искусно орудовать мечом в поединке? Свидетельства этому есть не только в истории, но и у самого Шекспира.

Ричард сравнивает себя с не облизанным матерью медвежонком, следуя легенде, возникшей благодаря тому, что медведица производит потомство зимой, еще находясь в спячке. При рождении медвежата необыкновенно малы, но у них в запасе есть еще несколько месяцев, чтобы

жить в покое и безопасности во время вскармливания.

Не слишком внимательные наблюдатели за новорожденными медвежатами удивлялись тому, что они так малы по сравнению с матерью и даже с теми медвежатами, которых обычно впервые видели после прекращения периода зимней спячки. В результате возникла легенда о том, что они рождаются бесформенными и становятся медведями лишь после того, как их вылижет мать.

Таким образом, здесь Ричард горько сетует на то, что сам он так и остался бесформенным.

«…В коварстве превзойду Макиавелли»

Поэтому Ричард решает бороться за корону всеми доступными ему средствами и перечисляет собственные таланты, которые позволят ему добиться успеха:

> Я стану речь держать, как мудрый Нестор,
> Обманывать хитрее, чем Улисс,
> И, как Синон, возьму вторую Трою;
> Игрой цветов сравнюсь с хамелеоном;
> Быстрей Протея облики сменяя,

В коварстве превзойду Макиавелли.
Ужели так венца не получу?
Будь вдвое дальше он, его схвачу.

Акт III, сцена 2, строки 188–195

Нестор, Улисс и Синон — широко известные участники осады Трои, ставшие в литературе символами мудрости, хитрости и предательства соответственно.

Протей — морское божество из греческих мифов, обычно изображавшееся в виде старика, окруженного морскими тварями. Он обладал способностью предсказывать будущее и постоянно менять свой облик. Если кто-то хотел узнать, что его ждет в будущем, он бросался на Протея, хватал его и не выпускал, какую бы форму ни принимал старик — льва, чудовищной змеи и даже пляшущего огня. Если этот человек не ослаблял хватки, Протей принимал свой обычный облик и делился с ним информацией.

Поэтому Протей стал символом непостоянства, и определение «протеический» означает «переменчивый».

Что же касается Макиавелли (см. в гл. 6: «…Молве про жизнь Италии роскошной»), то для елизаветинцев (и многих наших современников) он

был воплощением итальянского лицемерия и интриганства. Однако обещание Ричарда превзойти в коварстве своего учителя несколько преждевременно, потому что Макиавелли родился только через пять лет после женитьбы Эдуарда, которая и послужила причиной этого монолога.

«...Испании завоеватель славный»

Действие перемещается во Францию. Маргарита и Уорик спорят у трона французского короля. Маргарита просит у короля помощи, а Уорик предлагает брачный союз. Снова звучат набившие оскомину доводы о престолонаследии. Уорик дерзко называет Генриха IV узурпатором и намекает на то, что вся ветвь Ланкастеров правила незаконно, отобрав трон у рода Мортимеров.

Присутствующий при споре английский вельможа замечает:

> Тогда отвергнут Уориком Джон Гант,
> Испании завоеватель славный.
>
> ***Акт III, сцена 3, строки 81–82***[224]

Это упоминание об испанской экспедиции

---

[224] Примечания: 224

В оригинале: «Тем самым Уорик умаляет великого Джона Гонта, который подчинил себе большую часть Испании». — *Е. К.*

Гонта, в ходе которой тот не захватил и пяди испанской земли. Та экспедиция закончилась полным провалом, но елизаветинцам, которые всего за четыре года до написания пьесы разбили огромную испанскую Армаду, нравилось тешить себя иллюзиями.

Эти слова произносит Джон де Вер, тринадцатый граф Оксфорд, убежденный ланкастерец и один из немногих, кому было суждено уцелеть в Войне Алой и Белой розы.

«Ваш король на леди Грей женился...»

В конце концов Уорик убеждает Людовика XI принять предложение. Оно не лишено смысла; Людовик здраво рассудил, что лучше дружить с монархом, который пользуется доверием своих подданных, чем тратить время и силы на поддержку того, кого народ отверг.

Но тут прибывает почта из Англии. Король читает адресованные ему письма и приходит в совершенно закономерную ярость. Он восклицает:

> Как! Ваш король на леди Грей женился
> И, чтоб загладить свой и ваш обман,
> Мне шлет письмо, стараясь успокоить!
> Такого ль ищет с нами он союза?

Как он посмел над нами так глумиться?

Акт III, сцена 3, строки 174-178

Скрывая несколько месяцев от всех свой брак, Эдуард понял, что дальше так вести себя невозможно. Все знали, что король состоит с леди Грей в интимных отношениях, а леди Грей, будучи законной женой, не соглашалась играть роль любовницы. Более того, Эдуард начинал опасаться, что, если он будет и дальше держать свой брак в тайне, детей от этого брака могут признать незаконными, что впоследствии станет поводом для новой гражданской войны.

Поэтому 29 сентября 1464 г. был созван большой Государственный совет, на котором леди Грей представили как жену Эдуарда и, следовательно, королеву Англии.

Вследствие этого переговоры о браке с французской принцессой пришлось прервать. Людовик счел это смертельным оскорблением, а Уорик — чудовищным унижением.

Оскорблена была и Бона Савойская, но, возможно, для нее все сложилось удачно. Она вышла замуж за Джангалеаццо, герцога Миланского, пережила его, а затем правила Миланом от имени

своего малолетнего сына. Во всяком случае, ее жизнь сложилась более счастливо, чем жизнь той, кому было суждено стать женой Эдуарда.

«…К Генриху вернусь»

Униженный Уорик клянется во что бы то ни стало отомстить Эдуарду. Он вспоминает великие подвиги, совершенные им ради Йорков, гибель своего отца и даже оскорбления короля, которые он стоически переносил. Уорик говорит:

> Иль я простил племянницы обиду?
>
> ***Акт III, сцена 3, строка 188***

Здесь Шекспир использует легенду о том, что коварный соблазнитель Эдуард, приехав в гости к Уорику, пытался обольстить его племянницу. Королю было простительно то, чего никому другому не простили бы, и Уорик посмотрел на это сквозь пальцы.

Однако на этот раз Эдуард зашел слишком далеко, и Уорик говорит:

> Чтоб честь восстановить, что с ним утратил,

Его отвергну, к Генриху вернусь.

Акт III, сцена 3, строки 193–194

Шекспир опять уплотняет время, на этот раз пропуская целых шесть лет.

Согласно историческим источникам, Уорика уязвила женитьба Эдуарда, однако ему пришлось смириться. Восстание против короля даже Уорик не мог организовать, как фокусник, — щелкнув пальцами. Для этого было нужно найти сообщников, собрать армию и склонить на свою сторону общественное мнение. Короче говоря, Уорику требовалось время.

Поэтому Уорик вернулся в Англию, всячески демонстрируя свое смирение и согласие с решением короля. На самом деле он начал плести паутину, стремясь свергнуть Эдуарда.

Для этого у Уорика имелись серьезные основания, женитьба Эдуарда была для него неприемлема по ряду причин. В конце концов, новая королева была дочерью и женой сторонников Ланкастеров, и это оскорбляло многих людей, преданных роду Йорков. За что вдове ланкастерца выпало такое счастье, когда в окружении Йорков полно дочерей?

Может быть, со временем недовольство раз-

веялось бы, но у Елизаветы имелось много родственников, которые тут же слетелись ко двору и начали требовать земель, титулов и должностей. У Елизаветы было пять братьев и семь сестер, каждому требовалось подобрать выгодную партию и наградить богатым приданым. Ее отец, сэр Ричард Вудвилл, стал сначала казначеем, а потом лордом-констеблем (то есть командующим армией в отсутствие короля).

Все это нужно было откуда-то добыть. Если в первые годы царствования Эдуарда власть была сосредоточена в руках Невиллов, то теперь они начали ее терять. Например, Уорик хотел, чтобы его племянник женился на наследнице герцога Эксетера, но королева Елизавета использовала все свое влияние, чтобы женить на ней Томаса Грея, своего старшего сына от предыдущего брака.

Чем больше Вудвиллов и Греев толпилось при дворе, тем меньше становилась власть Невиллов. Уорик негодовал, мечтал о мести и вел переговоры с теми, кто тоже был недоволен сложившейся ситуацией.

Чашу терпения переполнила внешняя политика, проводимая королем, Уорик все еще поддерживал отношения с Францией, но Эдуард

принял другое решение.

В то время у Франции возник конфликт с Бургундией. В 1467 г. Филипп Добрый умер, и герцогом Бургундским стал его сын, Карл Смелый. При Карле Бургундия достигла пика своего могущества; честолюбивый Карл решил разгромить Францию и стать ее королем. Карл правил Бургундией десять лет и все это время соперничал с Людовиком XI. Воинственность Карла натыкалась на терпеливую хитрость Людовика; возможно, именно поэтому у Людовика не хватало времени заниматься английскими делами.

В результате перед Англией встал выбор. Поддерживать дружеские отношения с Францией и Бургундией одновременно было невозможно. Следовало сделать ставку на победителя, но сказать заранее, кто победит, было трудно.

Уорик выступал за Францию, но Эдуард снова не прислушался к советам своего бывшего главного сторонника и выбрал Бургундию. В 1467 г. Англия заключила союз с Бургундией, а в 1468 г. Эдуард выдал за Карла Смелого свою сестру Маргариту.

Чаша терпения Уорика переполнилась. Если раньше оставалась возможность примирения с Эдуардом, то теперь она исчезла.

«А что до Кларенса…»

По версии Шекспира, Уорик обращается к королю Людовику сразу, как только стало известно о браке Эдуарда, и заводит речь о союзниках. Он говорит:

> А что до Кларенса, — как пишут мне, —
> Готов от брата он отпасть за то,
> Что из-за похоти женился Эдуард,
> Не ради чести или укрепленья
> И безопасности страны родной.

Акт III, сцена 3, строки 208–210

Очень странно! Судя по речам, которые Шекспир вложил в уста Ричарда Глостера, складывалось впечатление, что при первой возможности готов предать брата именно Ричард; это существенно облегчило бы ему путь к трону. Глостер наверняка сделал бы это, будь он таким чудовищем, которым его изобразили в следующем веке. Однако на самом деле Ричард был неизменно предан брату, несмотря на заключенный им брак, и никогда не поддавался на посулы Уорика.

Зато перед ними не устоял Джордж Кларенс. Он был честолюбив и проявлял недовольство

растущим влиянием при дворе родственников королевы. Возможно, он действительно мечтал о короне, а потому клюнул на приманку Уорика.

У Уорика не было сыновей, зато имелись две красивые дочери, считавшиеся самыми богатыми невестами в Англии. После возмутительного брака сестры Эдуарда с Карлом Смелым Уорик предложил Кларенсу выдать за него свою старшую дочь Изабеллу. Король Эдуард не был глуп; он понял, чем ему грозит такой брак, и запретил его. Однако упрямый Кларенс нашел повод отправиться в Кале и там в июле 1469 г. обвенчался с Изабеллой Уорик. После этого Уорик решил, что может рассчитывать на мальчика (в ту пору Джорджу было двадцать лет).

И вот был дан сигнал начать восстание. После брака Маргариты Йоркской король Людовик Французский резонно решил, что Англия намерена поддержать Бургундию, и в ответ на это постарался сделать все возможное, чтобы низложить Эдуарда.

Благодаря влиянию Уорика и деньгам Людовика на севере Англии собралась армия, к которой присоединились те, кто был недоволен родственниками королевы и совсем недавно поддерживал Ланкастеров. Старший брат Уорика Джон Невилл,

получивший титул графа Нортумберлендского, проявлял нерешительность. Ему не хотелось воевать против родного брата. Эдуард поспешно (может быть, слишком поспешно) отобрал у Джона титул и вернул его роду Перси. Если раньше Джон Невилл колебался, то после этого тут же примкнул к восставшим.

Король Эдуард послал на север армию, чтобы подавить мятеж, и 26 июля 1469 г. состоялась битва при Эджкоуте, примерно в 20 милях (32 км) юго-западнее Нортгемптона, где десять лет назад сторонники Йорков победили ланкастерцев.

На сей раз история не повторилась. Армия короля была разбита, а Ричарда II Джона Вудвиллов (отца и брата королевы) взяли в плен и казнили.

Теперь Уорик со своим новоявленным зятем Кларенсом мог с триумфом вернуться из Кале в Англию. Он продемонстрировал свою силу и доказал, что без него Эдуард королем быть не может. Уорика не зря называли «делателем королей», и Эдуард должен был это признать.

Однако Эдуард проявил способности полководца и политика (нужно было только заставить себя сделать усилие) и нашел союзников, которые были рады сбить спесь со всесильного Уорика. Началась утомительная игра в «перетягивание

каната», и в апреле 1470 г. Уорик и Кларенс с семьями отплыли в Кале, чтобы передохнуть.

Но оказалось, что Эдуард переиграл их и тут. Гарнизон отказался подчиниться Уорику и навел на корабль жерла пушек. Уорику пришлось уплыть во Францию и открыто объявить себя сторонником Ланкастеров. Хитрый Людовик XI сумел организовать примирение между Маргаритой Анжуйской и человеком, который был ее вторым величайшим врагом после самого Ричарда Йорка. Это случилось в июне 1470 г., так что Шекспир, заставивший Уорика стать ланкастерцем сразу после женитьбы Эдуарда, пропустил (как было сказано выше) целых шесть трудных лет.

«Дочь старшую мою…»

После той пропасти, что разделяла Маргариту и Уорика в прошлом, помириться они могли только на словах. Требовалось что-то более весомое, поэтому Уорик, который использовал одну свою дочь, чтобы приманить Кларенса, использует вторую, чтобы успокоить Маргариту. Он говорит поджавшей губы королеве:

Вот верности моей залог неложный.

Коль вам угодно, с принцем неотложно
Дочь старшую мою, отраду жизни,
Свяжу с ним узами святыми брака.

Акт III у сцена 3, строки 240–243

Шекспир путает дочерей. Старшая, Изабелла, уже год как замужем за Кларенсом. Речь идет о младшей дочери, Анне, которую Уорик сватает за Эдуарда, принца Уэльского, сына Генриха VI. В то время принцу Эдуарду семнадцать лет.

«Англии никто не страшен…»

Четвертый акт начинается с того, что Эдуард представляет жену недовольным придворным. Братья короля Кларенс и Глостер открыто выражают свое несогласие с ним, а Монтегью (брат Уорика) говорит о преимуществах несостоявшегося брака с французской принцессой.

Разгневанный Эдуард заявляет, что не боится ни Франции, ни Уорика. Его поддерживает один из придворных, который говорит брату Уорика:

Иль ты забыл, мой добрый Монтегью,
Что нашей Англии никто не страшен,

Покуда Англия себе верна?

Акт IV, сцена 1, строки 40–41

Эту стандартную фразу английского патриота произносит Уильям Хейстингс[225]. В данный момент Хейстингсу сорок лет; он на двенадцать лет старше Эдуарда, но это не мешает ему быть закадычным другом короля. Молодые короли, любящие удовольствия, часто сходятся с более опытными мужчинами, которые устраивают для них игры и развлечения. Хейстингс забавлял короля и в результате стал его фаворитом.

«…Наследницу взять лорда Хенгерфорда»

Естественно, Хейстингса награждали за его услуги, он был распорядителем празднеств, а временами и сводником. Парируя его реплику в защиту короля, Джордж Кларенс саркастически замечает:

Лорд Хестингс заслужил своею речью
Наследницу взять лорда Хенгерфорда.

Акт IV, сцена 1, строки 47–48

---

[225] Примечания: 225
в переводе — Хестингс. — *Е. К.*

Лорд Хангерфорд[226] — один из второстепенных персонажей первой части «Генриха VI», он попал в плен в битве при Патэ. Лорд умер еще в 1449 г., но у него осталась дочь — наследница его богатых имений. Женившись на ней, Хейстингс получит титул барона, вследствие чего его также придется называть лордом.

Похоже, завистливый Кларенс считает, что такое богатство должно принадлежать ему.

«…Дочь лорда Скелса»

Ричарду Глостеру не нравится, как Эдуард распоряжается богатыми невестами. Он говорит королю:

> И все ж вы, думается, государь,
> Напрасно отдали дочь лорда Скелса
> За брата вашей любящей жены.

Акт IV, сцена 1, строки 51–53

Лорд Скейлс[227] также упоминался в первой части «Генриха VI» среди тех, кто попал в плен при Патэ. Кроме того, лорд мельком появляется

---

[226] Примечания: 226
в переводе — Хенгерфорд. — Е. К.

[227] Примечания: 227
в переводе — Скелс. — *Е. К.*

во второй части «Генриха VI»; он комендант лондонского Тауэра во время восстания Джека Кеда. Скейлс умер в 1460 г., оставив все свое состояние дочери, которая в 1461 г. вышла замуж за Энтони Вудвилла, брата королевы Елизаветы, в результате ее брат стал лордом Сейлсом.

Однако обвинять в этом браке короля несправедливо, брак был заключен за три года до женитьбы Эдуарда на Елизавете Вудвилл.

«Младшая — за мной»

Приходит известие об измене Уорика, его союзе с Маргаритой и браке дочери Уорика с ее сыном. Услышав это, Кларенс задумывается, пытается понять, о которой из дочерей идет речь, и приходит к выводу:

> На старшей, верно. Младшая — за мной.
>
> Прощайте ж, брат король…

Акт IV, сцена 1, строки 118–119

Здесь даже не одна, а две ошибки. Джордж Кларенс женился на дочери Уорика еще до его примирения с Маргаритой. И женился он на старшей дочери, а не на младшей.

«…И Сомерсет, и Кларенс!»

С этого момента Шекспир еще интенсивнее уплотняет время. Измена Кларенса состоялась намного раньше примирения Уорика с Маргаритой. Как и измена Монтегью. Ни один из них не мог находиться при дворе короля Эдуарда, когда тому сообщили о примирении Уорика с Маргаритой. После получения этой новости Шекспир заставляет Кларенса немедленно изменить королю. Уже через несколько строк после реплики Кларенса Эдуард восклицает:

За Уорика — и Сомерсет, и Кларенс!

Акт IV, сцена 1, строка 127

Откуда взялся этот Сомерсет? Никакого Сомерсета в то время официально не существовало. Генри Бофорт, третий герцог Сомерсет, погиб в битве при Хексеме в 1464 г. После его смерти победившие сторонники Йорков лишили семью Бофорт права на этот титул.

У Генри Бофорта детей не было, но имелись два младших брата, и один из них (Эдмунд) называл себя четвертым герцогом Сомерсетом. Право на этот титул признавали за ним только ланкастер-

цы, а при дворе короля Эдуарда Эдмунду просто нечего было делать.

«Пембрук и Стеффорд…»

Эдуард тут же начинает приготовления. Он говорит:

> Пембрук и Стеффорд, именем моим
> Войска сберите и к войне готовьтесь…

Акт IV, сцена 1, строки 130–131

Пембрук — это Уильям Херберт, которому Эдуард пожаловал титул графа Пембрука в 1462 г.

Видимо, Шекспир переходит к изображению событий перед битвой у Эджкоута. Дело в том, что граф Пембрук в этой битве погиб, а примирение Уорика и Маргариты состоялось лишь через год после нее.

Упомянутый в этом отрывке Стаффорд — сэр Хамфри Стаффорд, двоюродный брат Стаффордов, убитых во время восстания Джека Кеда (см. в гл. 12: «Подонки Кента, мразь…»). Сэр Хамфри, как и Пембрук, погиб в битве у Эджкоута.

«…Фракийских роковых коней»

Сделав последний решительный рывок, Уорик действовал очень энергично. Примирение с Маргаритой состоялось в июне 1470 г., а уже 13 сентября он высадился в южной Англии. Король Эдуард в это время находился на севере, подавляя мятеж, специально поднятый сторонниками Уорика, чтобы облегчить его высадку на юге.

Уорик совершил марш в глубь острова, готовясь сразиться с королем Эдуардом. Тот, застигнутый врасплох, поспешно направился на юг.

Согласно Шекспиру, армии встретились где-то в Уорикшире. Уорик ликует: Эдуарда плохо охраняют, и его можно похитить. Он говорит:

> И, как Улисс и храбрый Диомед,
> С отвагою и хитростью прокравшись
> К палаткам Реса, вывели оттуда
> Фракийских роковых коней…

Акт IV, сцена 2, строки 19–21

Это ссылка на десятую песнь Илиады. К троянцам пришел на помощь фракийский царь Рес, который привел с собой великолепную конни-

цу. Ночью греки, накануне потерпевшие самое сокрушительное поражение за все годы войны, послали в разведку Улисса и Диомеда. Те, уверенные в собственной безопасности, проникли в лагерь Реса, где все спали мертвым сном. Двое греков убили Реса и угнали всех его коней.

В более поздние времена к этой истории добавили предсказание оракула о том, что Троя не падет, если кони Реса хоть раз пощиплют траву на ее пастбищах. Кони названы роковыми, потому что их действия выражают приговор трех богинь Судьбы.

Уорик успешно осуществляет свой план. Эдуард взят в плен в собственной палатке, но Ричарду Глостеру и лорду Хейстингсу удается бежать. Уорик не собирается убивать Эдуарда. Он только отбирает у него корону, чтобы вернуть ее Генриху. Уорик — действительно «делатель королей».

Однако эта драматическая сцена не имеет ничего общего с историей. Столкновение состоялось не в Уорикшире, а в Линкольншире, у восточного побережья Англии. Эдуард не был взят в плен, но он понимал, что сражаться бесполезно, так как Уорику подчиняло его войско, а армия Эдуарда разбежалась. Королю оставалось только спасаться бегством. Король прискакал на побережье и

сел на корабль, направлявшийся в Голландию. Это случилось в октябре 1470 г.

(Однако за год до примирения Уорика с Маргаритой Эдуард действительно ненадолго попал в плен к архиепископу Йоркскому Джорджу Невиллу, брату Уорика. Король пробыл в плену с июля по октябрь 1469 г. В то время Эдуард еще не знал, что Уорик готовит восстание; именно поэтому он был столь беспечен. Ради усиления драматизма Шекспир переносит это событие на год вперед.)

«Брат Риверс...»

В лондонском дворце королева Елизавета узнает о поражении мужа и спрашивает:

> Как! Брат Риверс, не слыхали
> Вы о беде, постигшей Эдуарда?

Акт IV, сцена 4, строки 2–3

Она говорит со своим братом Энтони Вудвиллом, лордом Скейлсом. Когда их отец погиб на севере, подавляя мятеж, поднятый сторонниками Невиллов, Скейлс унаследовал отцовский титул и стал вторым графом Риверсом.

Хотя лорд Скейлс не был популярен при дворе, как и все Вудвиллы, стремившиеся воспользо-

ваться своей неожиданной родственной связью с королем, однако похоже, что он был незаурядным человеком, преданным сторонником Эдуарда и большим любителем искусства.

«К плоду любви Эдварда…»

В это время Елизавете тридцать три года; она еще достаточно молода, чтобы рожать детей. Действительно, она беременна и говорит, что не позволяет себе расстраиваться, заботясь о здоровье будущего ребенка:

> А я отчаиваться не должна
> Из нежности к плоду любви Эдварда,
> Что я ношу под сердцем…

Акт IV, сцена 4, строки 17–18

Пока Уорик празднует победу, Елизавета спасается бегством в Вестминстерское аббатство, где и рожает сына Эдуарда 2 ноября 1470 г.

«Сэр Вильям Стенли…»

В 1469 г., когда Эдуард действительно находился в плену у архиепископа Йоркского, Уорик все еще разрабатывал тайные планы, пытаясь

обойтись без восстания. К восстанию он еще не был готов, а Эдуард был достаточно популярен, особенно среди лондонцев, поэтому держать его в плену было опасно с политической точки зрения. Вышедший на свободу Эдуард был убежден, что его пленение подстроил Уорик, именно это заставило Уорика и Кларенса отправиться сначала в Кале, а потом во Францию.

Но когда Уорик и Кларенс объявили себя ланкастерцами и заручились поддержкой французского короля, терять им было уже нечего. Если бы в 1470 г. Эдуард действительно попал к ним в плен, его посадили бы в Тауэр и тайно держали там.

Шекспир относит эти события к 1470 г., но вынужден описывать то, что произошло в 1469 г. Он помещает Эдуарда в некий йоркширский замок, где пленника почти не охраняют. Короля можно освободить; с этой целью к замку прибывают несколько преданных сторонников Йорков во главе с Ричардом Глостером.

Ричард, который организовал это рискованное предприятие, но еще не раскрыл всех деталей, говорит своим товарищам:

> Теперь, лорд Хестингс и сэр Вильям Стенли,

Не удивляйтесь больше, что я вас
Привел сюда, в глухое место парка.

Акт IV, сцена 5, строки 1–2

Уильям Стенли принадлежал к богатой семье; он и его брат Томас Стенли были одними из вождей сторонников Йорков. Но еще более важную роль тот и другой сыграли в годы правления следующего короля.

План Ричарда удается. Эдуард IV выбирается из темницы и снова оказывается на свободе.

«Уорик, волей Божьей…»

Тем временем в Лондоне Генрих VI, просидевший в Тауэре пять лет, тоже обретает свободу. В октябре 1470 г. он снова становится королем и говорит:

Ты, Уорик, волей Божьей спас меня…

Акт IV, сцена 6, строка 16

Так Уорик отомстил Эдуарду IV.

Сбылось еще одно предсказание о герцоге и короле, полученное во время спиритического сеанса (см.: *Шекспир* У. Генрих VI. Акт I, сцена 4). Герцог (или сын герцога, то есть Эдуард IV) низло-

жен Генрихом VI. Однако тому, кто его низложит, обещана насильственная смерть, и она постигнет короля Генриха VI так же, как уже постигла герцога Ричарда Йорка.

«...Граф Ричмонд»

В данный момент все прекрасно. Уорик и Кларенс состязаются в похвалах друг другу. Генрих спрашивает, скоро ли прибудут из Франции его жена и сын, а затем, обернувшись к присутствующему на сцене Сомерсету, спрашивает, как зовут сопровождающего его мальчика.

Сомерсет отвечает:

> Мой государь, то молодой граф Ричмонд.
>
> ***Акт IV, сцена 6, строка 67***

Этот мальчик (которому в тот момент тринадцать лет) — Генри Тюдор, родословная которого представляет большой интерес.

Род Тюдоров — валлийский; его основателем официально считается человек, занимавший высокую должность при дворе последнего независимого принца (то есть князя) Уэльского. Первым представителем этого рода, сыгравшим

роль в истории Англии, был Оуэн Тюдор. Этот красивый молодой человек прибыл к английскому двору вскоре после смерти Генриха Vи обратил внимание на Катерину Французскую, вдову Генриха.

В то время Катерине было немного больше двадцати, вполне естественно, что она полюбила молодого валлийца. В 1427 г. они тайно сочетались браком. Конечно, королевской семье не нравились их близкие отношения (как вдова великого завоевателя могла опуститься до какого-то валлийского эсквайра?), и Оуэн жил под постоянной угрозой казни. Тем не менее они были очень счастливы; несмотря на тайный характер их отношений, Катерина родила от второго мужа троих сыновей и дочь.

Оуэн Тюдор, как отчим Генриха VI, оставался стойким сторонником Ланкастеров, несмотря на то что дважды был под арестом за связь с матерью короля. Катерина умерла в 1437 г. в возрасте тридцати шести лет, а Оуэн в 1461 г. попал в плен после битвы у Мортимерс-Кросс, или Креста Мортимера, и впоследствии был обезглавлен.

Двое сыновей Оуэна Тюдора от Катерины сыграли важную роль в истории Англии. Старшего сына звали Эдмундом Тюдором, а младшего —

Джаспером Тюдором. Они приходились Генриху VI единоутробными братьями, и король хорошо обращался с ними. Он объявил обоих законными детьми, в 1449 г. посвятил их в рыцари, а в 1453 г. дал им титулы. Эдмунд стал графом Ричмондом, а Джаспер — графом Пембруком.

Джаспер был могучим воином и принимал участие в первой битве у Сент-Олбанса на стороне ланкастерцев; в ту пору ему было двадцать четыре года. Джаспер уцелел в битве у Мортимерс-Кросс, после которой был казнен его отец, и покинул страну. Джаспер вернулся вместе с Уориком, когда Генрих VI был восстановлен на троне.

Что же касается Эдмунда, старшего брата Джаспера, то он умер молодым. Этослучилосьв 1456 г. Эдмунд прожил всего двадцать шесть лет и не успел прославиться на поле брани. Однако одно важное дело он успел совершить. Он женился на Маргарите Бофорт, дочери Джона Бофорта, который под именем Сомерсет участвовал в сцене из первой части «Генриха VI», когда сторонники разных партий срывали розы в саду Темпла. Мало того, уже после смерти Эдмунда его жена родила от него сына.

Это произошло через три месяца после его смерти, 28 января 1457 г.

Мальчика назвали Генри. По материнской линии он был праправнуком Джона Гонта, а по отцовской приходился племянником Генриху VI.

В детстве Генри (который унаследовал от отца титул графа Ричмонда) опекал и защищал его дядя, Джаспер Тюдор.

«…Англии надежда»

Король Генрих подзывает к себе юного Генри Ричмонда и говорит:

> Ко мне приблизься, Англии надежда.
> Коль силы тайные вещают правду
> Пророческому духу моему,
> Красивый этот мальчик принесет
> Благословение родной стране.

Акт IV, сцена 6, строки 68-70

Это драматический момент, потому что старый и немощный король внезапно становится пророком. Но даже если это не легенда, придуманная впоследствии, то для такого прорицания не нужно быть оракулом.

Наследником Генриха является его сын, принц Уэльский; если с ним что-то случится, следующими по очереди будут Бофорты, причем Генри

Тюдор представляет их старшую ветвь. Короче говоря, по счету Ланкастеров Генри Тюдор является вторым в очереди на трон; король Генрих понимает это и надеется на лучшее.

«В Бургундию...»

В этот момент приходит новость от архиепископа Йоркского. Гонец говорит удивленному Уорику:

> От брата вашего бежал Эдвард;
> Потом в Бургундию, как слышно, скрылся.

Акт IV, сцена 6, строки 78— 79

Матримониальная политика Эдуарда все же оправдала себя; она сослужила ему хорошую службу. Два года назад он выдал свою сестру Маргариту за Карла Смелого Бургундского и теперь отправился ко двору зятя.

Карл визиту шурина не обрадовался; он понимал, что это вызовет осложнение отношений с Францией. Оставался единственный выход: оказать Эдуарду необходимую помощь и как можно скорее спровадить его обратно в Англию. Если бы Эдуард сумел вернуть себе трон, то Франция

потеряла бы своего нового союзника Уорика, а Бургундия (во всяком случае, на это надеялся Карл) завоевала бы благодарность короля. Помня об этом, Карл Смелый снабдил Эдуарда людьми, деньгами и кораблями.

Видимо, Сомерсет предвидел такое развитие событий, потому что он говорит Оксфорду:

> Милорд, не нравится мне бегство это:
> В Бургундии помогут Эдуарду…

Акт IV, сцена 6, строки 89–90

Очевидно, исход новой битвы Сомерсет тоже предвидел, потому что он первым делом заботится о будущем юного Генри Ричмонда. Он говорит:

> …Лорд Оксфорд, чтобы зла избегнуть,
> Скорей отправим юношу (Ричмонда) в Бретань.

Акт IV, сцена 6, строки 96–97

В результате юный Ричмонд уцелел и появился в Англии в решающий момент ее истории.

«Из порта Ревенсперга…»

Действие перемещается в Йорк, где находится армия Эдуарда. Эдуард говорит:

> Я дважды переплыл счастливо море
> И помощь из Бургундии привез.
> Теперь, когда из порта Ревенсперга
> К воротам Йорка мы пришли, осталось
> Нам только в наше герцогство войти.

Акт IV, сцена 1, строки 5–9

12 марта 1471 г., через пять месяцев после поспешного бегства из Англии, Эдуард вернулся с новым войском, оплаченным Бургундией, и высадился в Ревенсперге — там же, где почти три четверти века назад высадился Болингброк, чтобы поднять восстание против Ричарда II, перешедшее в столетнюю гражданскую войну.

«…И прямо к Лондону ведет войска»

Оказавшись в Англии, Эдуард в полной мере проявил свой талант полководца. Уорик двинулся на север, чтобы перехватить его, но Эдуард сумел проскользнуть мимо своего прежнего сто-

ронника. Огорченный Уорик остался в Ковентри, а Эдуард повел наступление на Лондон.

Но Шекспир меняет порядок действий. Он сначала описывает марш Эдуарда на Лондон, а потом возвращается в Ковентри.

Так, Уорик, еще находящийся в Лондоне и не успевший отправиться на север навстречу Эдуарду, говорит, что тот

> Пролив благополучно переплыл
> И прямо к Лондону ведет войска.
> Немало сброда вкруг него теснится.

Акт IV, сцена 8, строки 3–5

Не успевают Уорик и остальные покинуть сцену, бросив несчастного Генриха, как врываются Эдуард и его люди. Эдуард восклицает:

> Взять труса Генриха! Прочь увести!
> Вновь королем меня провозгласить!

Акт IV, сцена 8, строки 52–53

11 апреля 1471 г. Эдуард захватил Лондон и направился к собору Святого Павла, где искал спасения Генрих VI. Лондонский епископ выдал Генриха, и его вновь посадили в Тауэр. Его повторное правление продолжалось всего полгода.

«В Ковентри…»

Теперь Шекспир возвращается в прошлое и описывает события в Ковентри, предшествовавшие взятию Эдуардом Лондона. Эдуарду, находящемуся в Лондоне, приходится говорить:

> Милорды, путь свой в Ковентри направим,
> Где пребывает ныне дерзкий Уорик.

Акт IV, сцена 8, строки 58–59

Все выглядит так, словно Эдуард выбил Уорика из Лондона и теперь преследует его. Это не так. Мы просто возвращаемся в прошлое.

«…Чем Иеффай»

В Ковентри Уорик сталкивается с двумя братьями Йорками, Эдуардом и Глостером, и ждет подкреплений. Действительно, прибывают Оксфорд и брат Уорика Монтегью.

Но появившийся следом за ними Кларенс неожиданно бросает тестя и переходит на сторону Йорков. Кларенс понимает, что поступок его отвратителен, он предает то одних, то других и

пытается защищаться. Он вспоминает клятву верности, которую недавно дал Уорику, и говорит:

> Быть может, ты напомнишь мне о клятве?
> Сдержав ее, я был бы нечестивей,
> Чем Иеффай, принесший в жертву дочь.
>
> Акт V, сцена 1, строки 90–91

Речь идет о хорошо известной легенде из одиннадцатой главы Книги Судей. Перед битвой с аммонитянами Иеффай поклялся в случае победы принести в жертву Богу первое живое существо, которое встретит его по возвращении домой. Первой оказалась его дочь, и Иеффай принес ее в жертву, предпочтя больший грех человеческого жертвоприношения меньшему — нарушению клятвы, данной Богу.

Это драматическое второе предательство, действительно, Кларенс совершил при Ковентри, но (как было сказано выше) произошло это до взятия Эдуардом Лондона, а не после.

После примирения Уорика с Маргаритой Кларенс перестал поддерживать тестя. Трон снова перешел к Генриху, наследником которого был

сын, принц Эдуард. А как же он, Кларенс? Что удовлетворит его честолюбие? Когда Эдуард вернулся в Англию, Джордж вычислил, что победа все же останется за братом. Если так, то он, Джордж, поставил не на ту лошадь. В лучшем случае его ждет ссылка, в худшем — смертная казь. Когда Эдуард ускользнул от Уорика и обошел Ковентри, Кларенс заторопился к нему навстречу, боясь опоздать. Если Эдуард успеет войти в Лондон, то поймет (возможно), что в Джордже он больше не нуждается.

Встретившись с братом, Кларенс покаялся, и Эдуард простил его.

«Направлюсь тотчас в Барнет…»

Уорик, разгневанный изменой Кларенса, говорит королю Эдуарду:

> Нет, я не заперся для обороны!
> Направлюсь тотчас в Барнет и тебе
> Сраженье дам, коль ты дерзнешь принять.

Акт V, сцена 1, строки 109–111[228]

---

[228] Примечания: 228
В оригинале: «Увы, здесь я не готов к обороне…» — Е. К.

Это слабое место пьесы. Если Уорик чувствует, что он не готов к обороне, то почему Эдуард не осаждает город? А если Эдуард не осаждает город, то почему Уорик хочет дать сражение именно в Барнете?

Потому что оно действительно состоялось именно там. Проскользнув мимо Ковентри и соединившись с раскаявшимся Кларенсом, Эдуард совершил марш на Лондон, посадил Генриха в Тауэр и снова провозгласил себя королем. Но разъяренный Уорик следовал за ним по пятам.

Уорик надеялся напасть на Эдуарда, когда тот будет праздновать взятие Лондона. Он ожидал пьяного разгула, потому что приближалась Пасха, и надеялся застать Эдуарда врасплох.

Однако Эдуард, впервые пожертвовав удовольствиями, не мешкал. Лондон был взят в четверг, 11 апреля 1471 г. На следующий день была Страстная пятница, а уже 13 апреля, в канун Пасхи, Эдуард двинулся на север. Вечером он достиг Барнета, находящегося в 10 милях (16 км) к северу от центра Лондона. В Барнете он столкнулся с передовыми отрядами Уорика. Именно там и состоялось сражение.

«…Умирай»

Битва у Барнета оказалась жестокой. Обе армии ждали рассвета, но, когда рассвело, поле оказалось покрыто густым черно-серым туманом.

Сгоравшие от нетерпения армии врезались друг в друга, не зная, что происходит с противником. На левом фланге ланкастерец Оксфорд разбил йоркиста Хейстингса. Ряды армии Йорков смешались, но Эдуард в центре и Ричард на правом фланге не знали этого и поэтому не отступили.

Ричард атаковал на правом фланге и разбил ланкастерцев, которыми командовал сам Уорик. Когда Оксфорд вернулся после преследования Хейстингса, ланкастерцы Уорика испугались, что солдаты, почти невидимые в тумане, — это резерв армии Йорков, и встретили их тучей стрел.

Вслед за этим возникла паника, и через три часа полной неразберихи армия Йорков одержала победу. А когда смертельно раненный Уорик упал, ланкастерцы сдались.

В пьесе Эдуард вытаскивает раненого Уорика на сцену и говорит:

Так, здесь лежи и умирай: с тобою

Умрет наш страх…

Акт V, сцена 2, строка 1

Умирающий Уорик узнает, что дравшийся с ним бок о бок Монтегью уже мертв, потому что наклонившийся над ним Сомерсет говорит:

Ах, Уорик, Монтегью окончил жизнь…

Акт V, сцена 2, строка 40

Так на Пасху 1471 г. погибли оба брата Невилла.

«С могучим войском…»

Но победа Эдуарда висела на волоске. Если бы не второе предательство Кларенса в решающий момент и если бы марш из Лондона не был таким стремительным, Уорик действительно мог бы застать короля врасплох. А если бы утро у Барнета не выдалось таким туманным, Уорик мог бы одержать победу.

С другой стороны, если бы Уорик проявил больше терпения и не пытался застать новоявленного короля врасплох, Эдуард оказался бы между молотом и наковальней. Действительно, стоя над умирающим Уориком, Сомерсет говорит:

Сейчас узнали мы: с могучим войском
Из Франции вернулась королева.

Акт V, сцена 2, строки 31–32

Тут Шекспир (наверно, в первый и последний раз) не уплотняет время. Королева Маргарита, действительно, высадилась в Уэймуте 14 апреля, в то самое пасхальное воскресенье, когда состоялась битва при Барнете.

Она собрала внушительную армию из бежавших из Англии и иностранцев, подняла паруса и отправилась в Англию 24 марта, всего через двенадцать дней после высадки Эдуарда в Ревенсперге. По всем расчетам, Маргарита должна была прибыть вовремя, чтобы нанести Эдуарду сокрушительный удар, но, к несчастью для Ланкастеров, ее задержали штормы и встречный ветер.

И все же если бы Уорик подождал еще два дня и задержал армию Эдуарда, он успел бы получить известие о прибытии королевы, и тогда сражение закончилось бы совсем по-другому.

Маргарита узнала о поражении и гибели Уорика через день после высадки, и это известие на какое-то время подорвало ее воинственный и неукротимый дух.

«…Из Галлии прибывшее»

Эдуард тоже узнал о высадке армии королевы, и это испортило ему всю радость победы, одержанной при Барнете. В конце битвы Эдуард говорит:

> Но среди дня блистательного вижу
> Я черную, грозящую нам тучу,
> Что повстречает наше солнце прежде,
> Чем ложа своего оно достигнет.
> Я разумею войско королевы,
> Из Галлии прибывшее; на берег
> Они уже вступили и, как слышно,
> Навстречу нам идут, чтобы сразиться.
>
> ***Акт V, сцена 3, строки 4–9***

Однако армии королевы пришлось потратить некоторое время на перегруппировку и пополнение своих рядов сторонниками из Англии. Она совершила марш в Бат, находящийся в 55 милях (88 км) к северу от Уэймута. Эдуард же провел десять дней в Лондоне; за это время он успел пополнить армию и дать ей передохнуть. Лишь 24 апреля он выступил на запад, навстречу последней ланкастерской армии.

«В Тьюксбери…»

Еще в Барнете Эдуард сказал о силах королевы:

> Нам сообщили верные друзья,
> Что в Тьюксбери направились они.
> При Барнете победу одержав,
> Мы поспешим туда…

Акт V, сцена 3, строки 18–21

Как обычно, Шекспир пропускает десятидневное возвращение в Лондон и продолжает действие прямо в Тьюксбери.

Армия Маргариты, совершавшая марш на север в поисках местности, где можно было бы создать укрепление и усилить свое положение за счет дружественного окружения, получила известие о быстром приближении армии Эдуарда.

В этот момент самой сильной и легко достижимой позицией был город Тьюксбери; именно там армия Маргариты приготовилась к битве. Тьюксбери — город в западной Англии, в 40 милях (64 км) к юго- западу от Ковентри.

«…Оксфорда отправят в Гамский замок»

Подробностей этой битвы Шекспир не приводит. Армии сошлись, и 4 мая 1471 г., через три недели после Барнета, началось сражение. Эдуард и Ричард снова провели стремительную атаку, и ланкастерцы снова не выдержали. При этом были взяты в плен некоторые вожди ланкастерцев.

Согласно Шекспиру, одним из них был Оксфорд. Когда после битвы на сцене появляется Эдуард, он говорит, видя пленных:

> Пусть Оксфорда отправят в Гамский замок…
>
> ***Акт V, сцена 5, строка 2***

Это странно. Если удавалось взять в плен вождей враждебной партии, их казнили как изменников сразу после битвы. Почему же Оксфорду была уготована другая участь?

Дело в том, что Оксфорда при Тьюксбери не было. Он храбро сражался в битве при Барнете, но затем бежал во Францию. Лишь в 1473 г., через два года после битвы при Тьюксбери, в которой он не участвовал, Оксфорд попытался совершить новое вторжение в Англию и вдохнуть новую

жизнь в дело Ланкастеров, лежавшее в руинах. Оксфорда осадили в Корнуолле, и после четырех с половиной месяцев осады он был вынужден сдаться.

К тому времени страсти утихли, и Оксфорда не казнили, а посадили в тюрьму. Тюрьмой Оксфорду служил Хеймский (Гамский) замок неподалеку от Кале, — похоже, сторонники Йорков стремились держать этого человека как можно дальше от Англии.

«...Голову долой»

Однако судьба другого пленника ясна с самого начала. Эдуард IV говорит:

> А Сомерсету — голову долой.
>
> ***Акт V, сцена 5, строка 3***

Его приказ был выполнен. Эдмунда Бофорта, сына Эдмунда Сомерсета из второй части «Генриха VI», казнили 6 мая 1471 г. Его младший брат Джон погиб во время битвы; это означало, что род Бофортов вымер. Эти двое были последними, кто вел свою родословную от Джона Гонта и Катерины Суинфорд только по мужской линии.

Оставался лишь юный Генри Тюдор, граф Ри-

чмонд, правнук Джона Гонта с материнской стороны.

«Вот тебе…»

Эдуард, принц Уэльский, сын королевы Маргариты и (предположительно) Генриха VI, был также взят в плен в битве при Тьюксбери, где, согласно легенде, распространенной позднее среди поклонников Ланкастеров, он вел себя геройски.

Согласно более ранним свидетельствам, принц пал в бою от руки неизвестного воина. Однако его поздним поклонникам нравится думать, что он попал в плен.

Оказавшись в плену, принц дерзко отстаивал свое право на трон, глядя в лицо братьям Йорк. Доведенный словами принца Эдуарда до белого каления, король Эдуард кричит:

Так вот тебе, исчадье злобной ведьмы!

Акт V, сцена 5, строка 38

С этими словами король закалывает принца, которому в этот момент всего восемнадцать лет.

Джордж Кларенс и Ричард Глостер тоже наносят Эдуарду удары кинжалами, создается представление, что храбрый принц из ветви

Ланкастеров пал от руки трех убийц. Эта история о зверствах сторонников Йорков должна как-то уравновесить историю о зверствах ланкастерцев, убивших Ретленда и Йорка (см. в гл. 13: «Эдвард распутный…»).

Но истории о зверствах обычно внушают подозрения (хотя и не всегда; это могут подтвердить люди, пережившие сравнительно недавние исторические события в Германии и России). Скорее всего, юный принц Эдуард просто погиб на поле боя вместе с двумя тысячами своих сторонников. Если бы его взяли в плен, то, скорее всего, казнили бы так же, как Сомерсета, и уж совсем невероятно, что принца убили кинжалами три царственных брата.

«Убей же и меня!»

Королева Маргарита, присутствовавшая при смерти сына, наконец не выдерживает. Теперь все ее надежды рухнули. Сын был светом ее очей, средоточием ее надежд и чаяний. Сейчас Маргарите сорок один год, на другого ребенка рассчитывать не приходится, так что жить ей незачем. Впервые в жизни она не грозит, а умоляет о единственном даре, который ей могут преподнести враги:

Убей же и меня!

Акт V, сцена 5, строка 41

Безжалостный Ричард Глостер хочет выполнить ее просьбу, но Эдуард отталкивает его. Он боится, что, убив принца, они и без того слишком скомпрометировали себя.

Вообще-то эта трагическая сцена — плод фантазии Шекспира. Королева Маргарита не попала в плен при Тьюксбери; даже если ее сына и убили, она не могла присутствовать при этом. Маргарита бежала с поля боя и добралась до Ковентри, где укрылась в монастыре. Однако, когда после битвы армия Эдуарда проходила через Ковентри, Маргариту обнаружили и арестовали.

«…Кровавый ужин»

После сражения при Тьюксбери Эдуард вдруг замечает, что Ричард исчез. На вопрос брата отвечает Кларенс:

Он спешно отбыл в Лондон, государь;

Должно быть, на кровавый ужин в Тауэр.

Акт V, сцена 5, строки 84–85

В Тауэре заключен Генрих VI; Кларенс намекает, что теперь, когда принц Эдуард мертв, а королева Маргарита попала в плен, Ричард намерен заняться Генрихом.

Действительно, следующая сцена происходит в Тауэре. Ричард Глостер смотрит на бывшего короля, сжавшегося от страха, а тот добавляет к перечню уродств Ричарда, выдуманных позднее противниками Йорков:

С зубами ты родился в знак того,
Что в мир пришел, чтобы терзать людей.

Акт V, сцена 6, строки 53–54

После этого рассвирепевший Ричард закалывает короля кинжалом.

Хорошо известно, что на самом деле все было не так. Король Эдуард и его армия снова триумфально вошли в Лондон 21 мая 1471 г., через две с половиной недели после победы у Тьюксбери. На следующее утро Генриха нашли в Тауэре мертвым. К тому времени ему было всего сорок девять

лет. Всю свою жизнь он был королем, хотя не имел для этого ни сил, ни способностей. Им всегда управляли и командовали другие, своего мнения он не имел, шарахался из стороны в сторону, был (мягко говоря) человеком недалеким, а иногда просто душевнобольным и после долгой жизни, полной несчастий, возможно, приветствовал смерть, избавившую его от мучений.

Конечно, вряд ли можно считать смерть Генриха естественной; таких совпадений не бывает. Никто не сомневается, что король Эдуард приказал без лишнего шума убить бывшего короля; надо признать, что причины для этого у него были. Если бы Генрих был жив, для сторонников Ланкастеров он по-прежнему служил бы поводом для восстаний, мятежей и заговоров, а Эдуард был сыт ими по горло. Генриха VI убили по той же причине, по какой убили Ричарда II (см. в гл. 6: «Иль друга нет…»), а до Ричарда — Эдуарда II.

Однако весьма неправдоподобно, что Ричард Глостер, доставивший приказ короля в Тауэр, собственноручно убил Генриха. Наемных убийц в то время вполне хватало, никаких доказательств личной вины Ричарда нет, если не считать позднейших рассказов любителей жутких историй, которые обвиняли Ричарда во всех смертных

грехах, стараясь оправдать сомнительное с точки зрения закона положение его непосредственного преемника. (Историю пишут победители.)

«Кларенс, берегись…»

Шекспир следует официальной, антийоркистской и антиричардовской версии событий, но улучшает ее всей силой своего гения. В следующей пьесе этого цикла Ричард — главный герой, и список его чудовищных преступлений достигает умопомрачительных размеров. В нескольких эпизодах этой пьесы можно увидеть намек на это, и вот теперь обо всем говорится открыто.

Стоя над безжизненным телом Генриха, Ричард говорит:

> Кларенс, берегись: ты застишь
> Мне свет, — я черный день тебе готовлю.
> Я брату нашепчу таких пророчеств,
> Что станет Эдуард за жизнь страшиться;
> Чтоб страх унять, твоею смертью стану.
> И Генриха, и принца нет в живых.

Сперва тебе, потом другим черед.

Акт V, сцена 6, строки 84–90

После смерти короля Генриха VI мужская линия потомков Джона Гонта пресеклась. Генри Тюдор не был Плантагенетом. Он являлся потомком Генриха II и Эдуарда III по материнской линии.

«Мой Нед…»

Однако за это время у английского престола появился новый наследник.

В заключительной сцене пьесы Эдуард, вновь захвативший трон, соединяется со своей королевой и говорит ей:

Приблизься, Бесс, я поцелую сына.
Ведь для тебя, мой Нед, отец и дяди
В броне зимою проводили ночи;
Пешком шагали в летний зной палящий —
Чтоб ты владел своей короной в мире
И наших всех трудов пожал плоды.

Акт V, сцена 1, строки 15–19

Первому сыну Эдуарда, родившемуся, когда его отец находился в изгнании, во время победы при

Тьюксбери было пять месяцев. 26 июля 1471 г., когда Эдуарду еще не исполнилось семи месяцев, его сделали принцем Уэльским, поскольку прежний носитель этого титула умер.

Джордж Кларенс и Ричард Глостер приносят младенцу клятву верности, но елизаветинская публика прекрасно знает, что речь Эдуарда, обращенная к сыну, звучит иронически, потому что этот мальчик не будет «владеть своей короной в мире». А если кто-то этого не знает, достаточно реплик Глостера, брошенных в сторону, чтобы понять: Ричард замышляет злодейство, которое ярко проявится в следующей пьесе.

«…Во Францию отправить!»

Остается решить только один вопрос: как поступить с бывшей королевой Маргаритой, за которую заплатили выкуп?

Король Эдуард в приступе благодушия говорит:

> Убрать ее, во Францию отправить!
>
> ***Акт V, сцена 7, строка 41***

В действительности выкуп поступил не так скоро. Эдуард продержал Маргариту в тюрьме

пять лет; условия содержания были не роскошными, но вполне сносными. Только после этого Маргариту выкупил Людовик XI Французский, и в 1476 г. она вернулась во Францию, которую оставила пятнадцатилетней невестой тридцать лет назад. Время ее царствования было самым несчастным как для нее, так и для Англии.

Пока все выглядит безмятежным. Третья часть «Генриха VI» заканчивается триумфом и праздником. Вот последние слова короля Эдуарда (и последняя строка в этой пьесе):

Счастливые нас ожидают годы.

Акт V, сцена 7, строка 46

Однако на заднем плане маячит темная фигура Ричарда — символ опасности. Следующая пьеса, «Ричард III», откроется его монологом, после чего начнется самая мелодраматическая из историй, рассказанных Шекспиром.

Глава 14 «Ричард III»

В «Ричарде III» описаны события, последовавшие сразу за событиями третьей части «Генриха VI»; очень похоже, что Шекспир приступил к работе над этой пьесой без перерыва, как только закончил трилогию «Генрих VI». Скорее всего, она была завершена не позднее 1593 г.

В то время Шекспир еще только начинал свою карьеру. Он написал две эпические поэмы, несколько сонетов, пару «легких» комедий и трилогию «Генрих VI». Все эти произведения пользовались успехом, но настоящую славу Шекспиру принес именно «Ричард III».

Это такая же пьеса в стиле Сенеки, как «Тит Андроник», над которой Шекспир работал примерно в то же время, но пользовавшаяся намного большим успехом.

В «Ричарде III» такое количество душераздирающих сцен, а ее главный герой такой небывалый злодей, хотя он наделен умом, отвагой и блещет остроумием, что пьеса получила всеобщее признание, а сам Шекспир засиял на литературном небосклоне, как звезда первой величины. Хотя по

сравнению с отточенным мастерством позднего Шекспира пьеса выглядит сыроватой, она и в наши дни является одним из самых известных и часто представляемых на сцене произведений драматурга.

«…Солнце Йорка»

На сцене появляется Ричард Глостер, младший из двоих братьев короля Эдуарда IV, и начинает пьесу следующими словами:

> Здесь нынче солнце Йорка злую зиму
> В ликующее лето превратило.
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 1–2 (перевод А. Радловой)***

«РИЧАРД III»
С
ШОТЛАНДИЯ
Понтефракт
(Помфрет)
А Н Г Л И Я
Шрусбери
Тэмуорт
Лестер
Маркет-Босуорт
Ладлоу
Нортгемптон
(в переводе — Нортемптон)
Стони-Стратфорд
(в переводе — Стони-Стратфорд)
Брекон
(Брекнок)
Милфорд-Хейвен
Р. Темза
Лондон
Чартси
(в переводе — Чартси)
Солсбери

Эта фраза прекрасно сочетается с последней фразой третьей части «Генриха VI», в которой счастливый Эдуард IV говорит, что все тревоги остались позади и теперь всех ждет только счастье.

В 1471 г. под Тьюксбери была подавлена^ последняя серьезная попытка Ланкастеров одержать победу над Йорками (см. в гл. 13: «…Оксфорда отправят в Гамский замок»). Прежний король Генрих и его сын Эдуард сразу после этого сражения были убиты, и больше никто не мог оспаривать право на трон короля Эдуарда IV.

Казалось, что «солнце Йорка» — один из символов данной ветви Плантагенетов — действительно растопило злую зиму.

«Я клеветой…»

Однако «солнце Йорка» Ричарда не удовлетворяет. В своем вступительном монологе, напоминающем монологи предыдущей пьесы, он жалуется, что физическое уродство мешает ему получать удовольствие от занятий любовью или танцами. Ему доступна только радость удовлетворенного честолюбия, поэтому он решил стать королем. В третьей части «Генриха VI» Ричард воспевал счастье обладания короной (см. в гл. 13:

«Все лорды северные…»), поэтому неудивительно, что он стремится достичь этого счастья.

Но для этого Ричард должен устранить со своего пути всех претендентов на трон. Среди них и его старший брат Джордж Кларенс. В своем монологе Ричард объясняет:

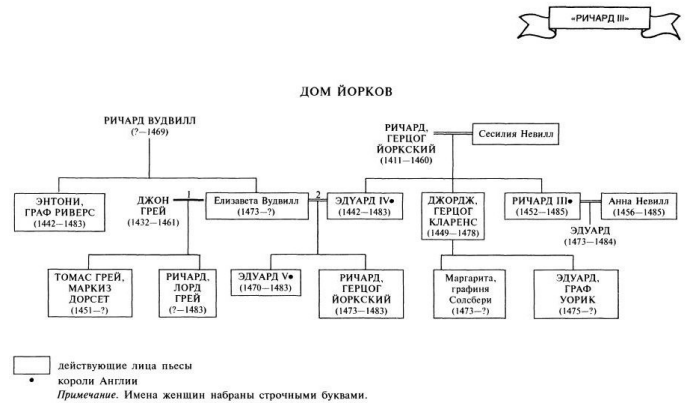
> Я клеветой, внушением опасным
> О прорицаньях пьяных и о снах
> Смертельную вражду посеял в братьях
> —
> Меж братом Кларенсом и королем.
> И если так же справедлив и верен
> Король Эдвард, как я лукав и лжив,
> Сегодня будет Кларенс в заключенье,
> Ибо предсказано, что буква «Г»
> Убьет наследников Эдварда.

Акт I, сцена 1, строки 32–40

Здесь Шекспир опять уплотняет время. Разрыв Кларенса с его старшим братом произошел в 1478 г., через шесть лет после решающей битвы при Тьюксбери, хотя из первых двух строк монолога можно понять, что речь идет об утре следующего дня после этой победы.

Почему между братьями произошел разрыв? В действительности для этого не требовалось

никаких интриг Ричарда, потому что все отрицательные черты, которыми многие более поздние мифотворцы сознательно наделили Ричарда Глостера, на самом деле были свойственны Джорджу Кларенсу.



Именно Джордж был честолюбив и вероломен. В 1470 г. он бросил Эдуарда и переметнулся на сторону Уорика. Можно с уверенностью сказать, что Кларенс вернулся к брату только потому, что предвидел предстоящее поражение своего тестя и решил таким образом спасти собственную шкуру.

Эдуард простил Джорджу его двойную измену, но это не заставило Кларенса прекратить интриги. В конце концов Эдуард заподозрил, что брат претендует на трон.

Например, Джордж сделал все, чтобы присвоить себе огромное состояние Уорика. Конечно, это могло быть только проявлением алчности, однако Кларенс знал, насколько необходимы деньги для осуществления государственного переворота. В те дни, когда Кларенс и Уорик были друзьями и союзниками, Джордж женился на старшей дочери Уорика Изабелле. Младшую дочь, Анну, Уорик выдал за Эдуарда, принца Уэльского, сына прежнего короля Генриха. Теперь, когда принц погиб, Анна осталась вдовой. Джордж был против ее повторного брака, потому что новый муж потребовал бы свою половину наследства Уорика. Кларенс полностью подчинил себе несчастную Анну и держал ее под домашним арестом.

Естественно, стремление Джорджа разбогатеть любой ценой возмущало Эдуарда.

А затем возникло новое обстоятельство. В 1477 г. Карл Смелый Бургундский погиб в бою, оставив своей наследницей единственную дочь, двадцатилетнюю Марию. (Женой Карла была Маргарита Йоркская, сестра Эдуарда, Джорджа

и Ричарда, но Мария была дочерью Карла от первого брака.)

Бургундия в течение полувека считалась богатейшим государством Европы и в годы правления Карла достигла пика своего политического могущества. Карл практически покорил Францию и сделал Бургундию независимым государством. Теперь, когда страной правила молоденькая девушка, казалось, что дни герцогства сочтены, поскольку на западе Бургундию осаждала Франция, а на востоке — Священная Римская империя. Марии срочно требовался влиятельный муж, который мог бы продолжить политику Карла Смелого. К этому времени Джордж Кларенс остался вдовцом; он мечтал стать супругом Марии и новым герцогом Бургундским.

Этот план очень беспокоил короля Эдуарда. Если бы его алчный и вероломный братец стал герцогом Бургундским и получил возможность распоряжаться богатством страны, у него появились бы деньги для организации заговора против Эдуарда и обретения двойной короны.

Поэтому Эдуард запретил этот брак, и братья стали врагами. У короля были причины опасаться за собственную жизнь. Двух приспешников Джорджа судили за колдовство с целью причи-

нения вреда Эдуарду. Когда Кларенс попытался настаивать на их невиновности, разгневанный Эдуард приказал посадить его в лондонский Тауэр.

Трудно сказать наверняка, посягал ли Джордж на жизнь брата, но его характер и прошлое давали основания для такого подозрения, а в те тревожные времена этого было вполне достаточно.

А какова в те годы была репутация Ричарда? Достоверно известно, что, когда Уорик отнял у Эдуарда трон, Ричард вел себя совершенно лояльно по отношению к старшему брату. Он доблестно сражался при Барнете и Тьюксбери; вероятно, именно Ричард выполнил грязную работу по устранению прежнего короля Генриха, заключенного в Тауэр. Иными словами, он был настолько же преданным братом, насколько вероломным был Кларенс.

Поэтому к многочисленным злодействам, приписанным ему в пьесе, следует относиться критически. В действительности Ричард не был злодеем.

Теперь рассмотрим вопрос о пророчестве, которое якобы настроило короля против Кларенса: некто, чье имя начинается на букву «Г», предаст короля. Вполне возможно, что такое пророчество

действительно было; астрологи и пророки существовали во все времена, но в нашей памяти остались только те предсказания, которые сбылись — хотя бы частично. Король решил, что это пророчество относится к Джорджу Кларенсу[229]. А почему не к Ричарду Глостеру? Потому что Кларенс это заслужил, в то время как непоколебимая преданность Ричарда не давала повода для подозрений.

Может быть, Ричард искусно подогревал эти подозрения? Это совершенно бездоказательно. Известно, что Ричард открыто заступался за брата, но позднейшие сторонники Ланкастеров доказывали, что он делал это, стремясь скрыть свои тайные интриги. Однако эти «интриги» были придуманы теми же сторонниками; никаких фактов, подтверждающих этот домысел, не существует. Но даже эти люди не отрицали, что Ричард защищал своего брата, а для этого требовалось мужество.

«Леди Грей, жена его...»

Пока Ричард (в версии Шекспира) раскрывает

---

[229] Примечания: 229

В оригинале с буквы «G» начинается имя George (Джордж). *(Примеч. пер).*

свои злодейские планы, на сцене появляется Джордж, которого ведут в Тауэр. Это случилось 16 января 1478 г. Ричард, сердечно сочувствуя брату, говорит:

> Вот какова власть женщин над мужьями!
> Вас посылает в Тауэр не король,
> А леди Грей, жена его; она
> До этих крайностей его доводит.

Акт I, сцена 1, строки 62–65

Иными словами, Ричард относится к королеве враждебно. Вудвиллы (родственники королевы) не пользовались любовью аристократии, потому что благодаря родству с королем захватывали львиную долю земель и власти. Если бы Ричард согласился возглавить оппозицию Вудвиллам, союзников у него было бы немало.

Непопулярность королевы тоже сыграла бы на руку Ричарду; люди были готовы поверить, что в ее браке с королем есть что-то подозрительное. Ричард намекает на это, называя ее леди Грей (эту фамилию Елизавета носила до брака с королем), словно у нее нет прав на другое имя. Если ее брак с королем будет признан незаконным, их дети тоже будут признаны незаконными и потеряют

право на трон.

Более того, совершенно ясно, что королева Елизавета относится к Кларенсу враждебно. Переход Кларенса на сторону Уорика отчасти объяснялся тем, что он не одобрял брак Эдуарда. Если Джордж действительно стремился стать королем, он мог сделать это, только устранив с пути детей Елизаветы. Как бы там ни было, у королевы были веские причины ненавидеть Джорджа.

«Энтони Вудвил…»

Ричард продолжает подогревать ненависть к Вудвиллам. Он говорит:

> Она и брат ее благочестивый,
> Энтони Вудвил, королю внушили
> Отправить лорда-камергера в Тауэр,
> Откуда он освобожден лишь нынче.

***Акт I, сцена 1, строки 66–69*[230]**

Энтони Вудвилл[231], второй граф Риверс, брат королевы, не пользовался при дворе уважением,

---

[230] Примечания: 230

В оригинале: «…лорда *Хейстингса…*» (в переводе — Хестингс) вместо «…лорда-камергера…». — *Е. К.*

[231] Примечания: 231

в переводе — Вудвил. — Е. К

хотя вполне заслуживал его. Он сопровождал Эдуарда в изгнании (в которое тот был вынужден отправиться главным образом из-за измены Кларенса) и храбро сражался на его стороне в битве при Барнете.

Лорд Хейстингс также был фаворитом короля и получил пост коменданта Кале. На этот пост претендовал Риверс, и это назначение стало причиной их взаимной неприязни.

Но к числу любимцев королевы Хейстингс не принадлежал, причем по вполне понятной причине. Елизавета была любящей и плодовитой супругой (она родила Эдуарду двоих сыновей и пять дочерей), но король никогда не довольствовался одной женщиной. Именно Хейстингс устраивал его многочисленные внебрачные связи и любовные похождения, так что теплых чувств к этому своднику королева не испытывала.

«...Миссис Шор»

Однако Хейстингса освободили. Король не стал применять крайних мер, и Кларенс горестно говорит:

> В опасности здесь всякий, поклянусь.
> Одни лишь родственники королевы

Да те гонцы, что между королем
И миссис Шор таскаются ночами,
Здесь в безопасности. Слыхали вы,
Как Хестингс умолял ее о воле?

Акт I, сцена 1, строки 71–75

Миссис Шор — это Джейн Шор, жена лондонского ювелира. У Эдуарда было немало любовниц, но Джейн Шор была его главной фавориткой. Она заняла это место в 1470 г., когда ей было двадцать пять лет, и оставалась с Эдуардом до самого конца его правления.

Несомненно, Хейстингс был одним из тех гонцов, которые «таскались ночами» между королем и миссис Шор. Не исключено, что Хейстингс тоже состоял с ней в связи, которую после смерти короля он перестал скрывать. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Хейстингс мог воспользоваться влиянием Джейн Шор на короля.

«Король и слаб, и болен…»

Кларенса ведут в Тауэр. Ричард посочувствовал ему и пообещал помочь, но в глубине души он ликует. Не успевает уйти Кларенс, как появляется только что освобожденный Хейстингс и клянется отомстить родственникам королевы. На вопрос

Ричарда о новостях Хейстингс отвечает:

> Король и слаб, и болен, и печален;
> Врачи весьма боятся за него.

Акт I, сцена 1, строки 136–137

В момент заточения Кларенса Эдуарду всего тридцать шесть лет, но он преждевременно состарился (даже по меркам той эпохи).

Конечно, следует признать, что жизнь у него была тяжелая. Она была наполнена сражениями, изгнаниями, возвращениями и стремительными походами. Даже после битвы у Тьюксбери он не знал покоя. Хотя гражданская война на время прекратилась, однако Эдуард совершал заграничные походы (о которых Шекспир не упоминает).

Король не забыл, что Людовик XI Французский помог Уорику и королеве Маргарите, в результате Эдуарду, проигравшему битву, пришлось спасаться бегством. Поэтому в 1473 г., через два года после битвы при Тьюксбери, Эдуард, объединившись с Бургундией, начал готовиться к вторжению во Францию, как в дни величия Генриха V. (В то время Карл Смелый был еще жив, а он с готовностью принял бы любое предложение, направленное на ослабление Франции.)

20 июня 1475 г. Эдуард собрал самую многочис-

ленную в истории Англии армию из воевавших за пределами страны и высадился в Кале.

Но по сравнению с эпохой Генриха V многое изменилось. Во-первых, Бургундия не оправдала надежд Эдуарда: Карл не был готов оказать обещанную помощь.

Во-вторых, Людовик XI был весьма необычным королем, и Эдуард IV во многом ему уступал. Вместо того чтобы сражаться, Людовик отправил Эдуарду льстивое послание и триста возов вина. Естественно, английские солдаты тут же перепились.

За вином последовало золото. Английские лорды приняли его с удовольствием (правда, Хейстингс сильно занервничал и не решился принять его; он предложил подержать это золото у себя, пока он не найдет другого выхода). Самого короля Людовик подкупил обещанием со временем женить своего сына на дочери Эдуарда. Эдуард стремился выгодно пристроить пять своих дочерей, и это предложение вполне его удовлетворило.

В результате англичане, армия которых во Франции намного превышала армию Генриха V, уплыли обратно без боя.

Против этого позора протестовал лишь один

человек — Ричард Глостер. Естественно, позднейшие официальные историки, занимавшие антийоркистскую позицию, не упоминали об этом.

Однако преждевременная дряхлость Эдуарда была вызвана не столько тяготами королевской жизни, сколько его невоздержанностью. Он слишком много ел и занимался любовью, отчего растолстел и износился. Недаром Ричард отвечает Хейстингсу:

> О, он давно вел пагубную жизнь
> И царственное тело истощал…

Акт I, сцена 1, строки 139–140

«На Анне Уорик…»

Эта новость радует Ричарда. За смертью Джорджа последует смерть Эдуарда, в результате он останется последним сыном покойного Ричарда Йорка. Он говорит:

> Тогда на Анне Уорик я женюсь.

Акт I, сцена 1, строка 153

Анна, вдова принца Уэльского, наследника

Ланкастеров, была младшей дочерью Уорика. (В третьей части «Генриха VI» Шекспир называет ее старшей дочерью — см. в гл. 13: «Дочь старшую мою...» — но здесь эта ошибка исправлена.)

Именно эту Анну держал под домашним арестом Джордж Кларенс, стремясь сохранить для себя наследство Уорика. Между тем Ричард страстно желал жениться на Анне, чтобы обеспечить себе прочную финансовую базу. (Однако это вовсе не значит, что он не питал к ней любви. Во-первых, обе дочери Уорика были красавицами; Во-вторых, кто сказал, что деньги препятствуют нежным чувствам?)

В этом вопросе король Эдуард поддерживал Ричарда. Он стремился вознаградить младшего брата за преданность и вовсе не жаждал, чтобы вероломный Джордж умножал свои богатства. Однако Джордж противился этому и соглашался на брак брата только в том случае, если Ричард откажется от притязаний на половину наследства Уорика (вторая половина уже и так принадлежала Кларенсу).

«Бледный прах...»

Не успевает Ричард уйти, как появляется леди Анна Невилл — та самая, о которой он только что

упоминал. Она сопровождает тело своего свекра Генриха VI и оплакивает его смерть. Это означает, что сцена происходит вскоре после 21 мая 1471 г. (именно тогда был убит король), то есть за семь лет *до* заточения Кларенса в Тауэр.

Анна обращается к мертвому королю:

> Лик ледяной святого короля!
> Бескровные останки царской крови!
> Ты, бледный прах Ланкастерского дома!

Акт I, сцена 2, строки 5–6

Анна проклинает человека, который убил доброго короля. В версии Шекспира ей известно, что это сделал Ричард Глостер. Обращаясь к трупу, она говорит:

> Жену ль возьмет — пускай она вдовою
> Оплачет горше смерть его, чем я
> Над юным мужем и тобою плачу.

Акт I, сцена 2, строки 26–27

Затем она обращается к несущим гроб:

> Идите в Чартси, груз святой несите,

Что взят для погребения из церкви…

Акт I, сцена 2, строки 29–30

После смерти Генриха в Тауэре открытый гроб выставили для прощания в соборе Святого Павла, чтобы все желающие увидели, что это действительно Генрих и что он действительно мертв. В противном случае наверняка нашлись бы самозванцы, которые объявили бы себя Генрихом и подняли мятеж, как было с Джеком Кедом (см. в гл. 12: «Подонки Кента, мразь…»).

После прощания тело было перевезено в аббатство Чертей[232], расположенное в 20 милях (32 км) к юго- западу от центра Лондона.

«Пускай беда живет там, где ты спишь»

Пока Анна оплакивает мертвого короля и проклинает его убийцу, возвращается этот убийца (по версии Шекспира), и начинается очень странное ухаживание.

Несмотря ни на что, Ричард осмеливается просить Анну стать его женой. Когда Глостер говорит, что мечтает попасть в ее спальню, Анна язвительно отвечает:

---

[232] Примечания: 232
в переводе — Чартси. — *Е. К.*

Пускай беда живет там, где ты спишь.

Акт I, сцена 2, строка 112

Это еще одно проклятие: Анна проклинает любую женщину, которая согласится выйти замуж за Ричарда.

Однако в конце концов Анна смягчается и начинает отвечать на тонкую лесть Ричарда. Глостер предлагает взять на себя похороны покойного короля, и Анна уходит.

Когда его спрашивают, нести ли гроб в Чертей, Ричард отвечает:

В Уайт-Фрайерс, господа; меня там ждите.

Акт 1, сцена 2, строка 226

Аббатство Уайтфрайерс [233] расположено к северу от Темзы.

Ричард действительно убрал тело Генриха из Чертей, но это случилось намного позже, когда начали распространяться слухи, что на месте погребения доброго короля творятся чудеса. Сочувствие мертвому святому могло повредить

---

[233] Примечания: 233
так в оригинале. — *Е. К.*

Йоркам и пойти на пользу сторонникам Ланкастеров. Поэтому Ричард (к тому времени уже ставший королем) распорядился перенести мощи Генриха в другое место. Куда именно, никто не знает, потому что их так и не нашли.

«Мужа, Эдварда…»

Оставшись на сцене один, Ричард упивается своей игрой. Он ощущает гордость: урод, злодей и преступник сумел завоевать красавицу одной только лестью. Он саркастически спрашивает:

> Уж своего она забыла мужа,
> Эдварда храброго, что мной в сердцах
> Убит три месяца тому назад?

Акт I, сцена 2, строки 239–241

Но задавать себе вопрос, как это могло случиться, бесполезно. На самом деле Ричард вовсе не был уродом, злодеем и преступником; такая репутация возникла в легендах, созданных позднее. Несмотря на сцену из третьей части «Генриха VI» (см. в гл. 13: «Вот тебе…»), Эдуарда никто не убивал — принц погиб в бою.

Кстати, когда принц Эдуард погиб при Тьюксбери, Анне было всего пятнадцать лет, а принцу

восемнадцать. Достоверно известно, что молодые люди были обручены, но неизвестно, успели ли они стать мужем и женой.

Конечно, история об ухаживании, рассказанная Шекспиром, не имеет ничего общего с реальностью. Во всяком случае, ни в одном источнике ее нет. Скорее всего, Шекспир придумал ее сам для большего драматического эффекта.

Реальная история взаимоотношений Ричарда и Анны не менее драматична, но значительно более романтична. Ричард тайно проник в имение своего брата и нашел там Анну, переодетую служанкой. Он похитил девушку и тайно женился на ней в 1474 г., когда Анне было восемнадцать лет. Но это произошло через три года после битвы при Тьюксбери (а не через три месяца, как сказано у Шекспира) и за четыре года до заточения Кларенса.

Однако Кларенс так и не выделил Анне ее долю наследства. Ричард получил приданое жены только после рассмотрения этого вопроса в парламенте. (В ходе этого рассмотрения Джордж вел себя так же отвратительно, как и в других случаях.) В 1476 г. Анна родила сына; других детей у Ричарда не было. Таким образом, к моменту ареста Кларенса Ричард уже был не только мужем,

но и отцом. Сын Ричарда в пьесе не участвует, потому что это помешало бы очернению его отца.

Половина имений Уорика, доставшаяся Ричарду, находилась на севере; вместе с землями он унаследовал от покойного ту роль, которую в этом регионе всегда играли Невиллы (см. в гл. 13: «Воздвигну на твоих плечах…»). В последние годы царствования Эдуарда Ричард проявил себя талантливым правителем. Он всегда трудился на благо Эдуарда и неизменно сохранял ему верность. В 1480–1483 гг. Ричард управлял севером так умело и справедливо, что приобрел большую популярность. Ричард прославился не только в мирных делах, но и на военном поприще, потому что вторгся в Шотландию и установил границу Англии там, где она проходит и в настоящее время.

«…Доверил Глостеру»

Действие перемещается во дворец, где королева сходит с ума от горя, предчувствуя смерть Эдуарда. Рядом с Елизаветой находятся три ее родственника: брат Энтони Вудвилл (он же граф Риверс), ровесник короля, и два ее сына от первого брака. Один из них — двадцатишестилетний Томас Грей, первый маркиз Дорсет, а второй

— Ричард, его младший брат (в пьесе он носит титул лорда Грея).

Когда родственники пытаются утешить Елизавету тем, что в случае смерти Эдуарда королем станет ее сын, она отвечает:

> Он очень юн, и юность всю его
> Доверил Глостеру король, тому,
> Кто ни меня, ни вас совсем не любит.

Акт I, сцена 3, строки 11–13

Как мог Эдуард доверить своих сыновей жестокому и корыстному брату? Без малейших сомнений, потому что в истории тот брат был верным, талантливым и храбрым. Естественно, он стал бы лордом-протектором, как был предыдущий герцог Глостер при прежнем короле Генрихе, унаследовавшем корону, когда ему не было и года.

Ко времени заточения Джорджа Кларенса принцу Уэльскому (тоже Эдуарду) было восемь лет.

«…Бекингем и Стенли»

Приближаются двое придворных, и лорд Грей говорит:

Сюда идут лорд Бекингем и Стенли.

Акт I, сцена 3, строка 17

Лорд Бекингем — это Генри Стаффорд, второй герцог Бекингем. Он приходится внуком Хамфри Стаффорду, первому герцогу Бекингему — тому самому, который во второй части «Генриха VI» заманил в ловушку и арестовал герцогиню Элеонору Глостер.

Дед этого Бекингемапогиб в битве при Нортгемптоне в 1460 г., сражаясь на стороне Ланкастеров. Отец Бекингема (также Хамфри, граф Стаффорд) погиб еще раньше, в 1455 г., в первой битве при Сент-Олбансе; он также был на стороне Ланкастеров.

В 1460 г. шестилетний Генри унаследовал титул деда. Эдуард IV взял мальчика под свою опеку и позаботился, чтобы он вырос верным сторонником Йорков. В 1466 г. двенадцатилетнего мальчика женили на Катерине Вудвилл, сестре королевы Елизаветы, стремясь крепче привязать его к дому Йорков и одновременно повысить аристократический статус Вудвиллов.

Тем не менее Бекингему доверяли не полностью. Пользуясь неведением мальчика, Эдуард IV присвоил значительную часть его родовых вла-

дений, в том числе герцогство Херефорд. Когда Кларенса заточили в тюрьму, Бекингему было двадцать четыре года.

Лорд Дерби[234] — это сэр Томас Стенли. (Его брат, Уильям Стенли, упоминается в третьей части «Генриха VI» и даже присутствует в сцене освобождения Эдуарда из плена у архиепископа Йоркского, не признося ни слова.)

Сэр Томас Стенли был чрезвычайно удачливым авантюристом и в трудные времена гражданской войны всегда оказывался на стороне будущего победителя. Он женился на Элеоноре Невилл, сестре Уорика, именно в тот момент, когда положение сторонника Йорков способствовало получению высокой должности при дворе короля Эдуарда. В 1475 г. он участвовал в неудачном походе во Францию, а в начале 1480–х сражался на севере под командованием Ричарда. В момент заточения Кларенса ему тридцать три года.

«Графиня Ричмонд…»

Придворные учтиво высказывают королеве наилучшие пожелания, но она, обращаясь к Стенли, желчно говорит:

---

[234] Примечания: 234
в переводе — Стенли. — *Е. К.*

На это пожелание, лорд Стенли,
Едва ль аминь графиня Ричмонд скажет.

Акт I, сцена 3, строки 20–21

После смерти первой жены Стенли женился снова, и его второй женой оказалась Маргарита Бофорт, овдовевшая правнучка Джона Гонта и мать Генриха Тюдора, юного графа Ричмонда, претендента на престол со стороны Ланкастеров. Таким образом, Стенли удалось обзавестись поддержкой во вражеском лагере и в то же время сохранить высокое положение при дворе Йорка. Так продолжалось до тех пор, пока не пришлось сделать выбор, чью сторону принять.

«Не радость быть…»

Бекингем и Стенли сообщают, что королю стало лучше и он хочет примирить враждующие партии при своем дворе.

Но тут входят Ричард Глостер и Хейстингс. Ричард играет роль прямого и грубого человека, разгневанного тем, что Вудвиллы заточили Джорджа Кларенса в Тауэр. Он язвительно упрекает королеву в том, что она с помощью интриг вышла замуж за молодого и неопытного Эдуарда.

Не выдержав упреков, Елизавета восклицает:

> Не радость быть английской королевой.

Акт I, сцена 3, строка 109

В этот момент на заднем плане возникает пресловутая королева Маргарита, вдова покойного Генриха VI, и мстительно бормочет:

> Молю, чтоб Бог убавил эту радость!

Акт I, сцена 3, строка 110

Откуда она взялась и что делает при дворе короля Эдуарда, ее злейшего врага?

Конечно, ничего подобного на самом деле не было. После неудавшегося вторжения Эдуарда во Францию в 1475 г. Людовик XI выкупил Маргариту из плена; это входило в условия общего соглашения. Затем Маргарита вернулась в свое родовое имение и прожила там в нищете до конца своих дней. В Англию она больше не возвращалась.

Во время заточения Джорджа Кларенса Маргарита была еще жива, но находилась во Франции. Ее появление при дворе Эдуарда — чистый вымысел, но вымысел гениальный, позволяющий

резко повысить драматизм происходящего. (Маргарита участвует уже в четвертой пьесе Шекспира, поскольку она является героиней всех трех частей «Генриха VI».)

«…Проклял он тебя»

Ричард продолжает пререкаться с остальными, а никем не замеченная Маргарита внимательно слушает их. Глостер обвиняет Вудвиллов в том, что когда-то они были на стороне Ланкастеров. Это верно (см. в гл. 13: «Ричард Грей…»), но те отвечают, что просто хранили верность законному королю.

В этот момент Маргарита выступает вперед; соблазн еще раз предъявить свои права на титул законной королевы слишком велик.

Все поворачиваются к ней. Ричард холодно говорит, что Маргарита сама виновата в своих несчастьях:

> Когда отца ты моего венчала
> Венцом бумажным, проклял он тебя.
> Потом своим безжалостным глумленьем
> Ты реки слез из глаз его исторгла.
> Чтоб осушить их, герцогу дала ты

Платок в невинной Ретленда крови.

Акт I, сцена 3, строки 173–177

Это ссылка на лучшую сцену третьей части «Генриха VI».

«…Дайте путь проклятьям!»

Когда все начинают ханжески бранить Маргариту за жестокость, она проклинает всех присутствующих:

Проклятье может долететь до неба?
Раздвиньтесь, тучи, дайте путь проклятьям!
Да сгинет от обжорства ваш король,
Что королем стал, короля сгубив!
Эдвард, принц Уэльский, сын твой — за Эдварда,
Что сыном был моим и принцем Уэльским,
Безвременно пусть сгинет злою смертью!
Ты, королева, власть переживи,
Как я, несчастнейшая королева!
Живи подольше и оплачь детей;
Гляди, как я гляжу, на королеву,

Укравшую твои права и сан!
Будь долговечней счастья своего,
А умирая горестно, ты будешь
Не королева, не жена, не мать!
Вы зрителями были, Риверс, Хестингс,
Дорсет, когда кровавыми ножами
Зарезан был мой сын, — молю я Бога,
Чтобы никто из вас своею смертью
Не умер! Чтоб злой случай вас сгубил!

Акт I, сцена 3, строки 194–213

Если бы Маргарита действительно прокляла своих врагов именно в то время, это было бы поразительно, поскольку практически все ее пожелания сбылись. Увы, это проклятие было написано намного позже событий, которые оно якобы предсказывает, так что никакого чуда в ее пророчестве нет. Тем не менее проклятие Маргариты — это кульминация пьесы. Далее лишь описано то, как медленно, но верно сбываются ее проклятия.

«Пусть совесть душу изгрызет твою!»

От таких проклятий станет не по себе даже рационалисту, а в XVI в. рационалистов было немного. Тогда считали, что проклятия действу-

ют на всех. Обеспокоен даже скептик Ричард. Он пытается заставить бывшую королеву замолчать, пока та не принялась за него.

Пусть совесть душу изгрызет твою!
Всю жизнь друзей своих считай врагами,
Врагов друзьями лучшими считай!
Пусть сон коснется грешных глаз твоих
Лишь для того, чтоб в тяжких сновиденьях
Рой гнусных дьяволов тебя пугал!

Акт I, сцена 3, строки 221–226

Это проклятие тоже постепенно сбывается по ходу пьесы.

А когда Елизавета уговаривает Ричарда не обращать внимания на слова Маргариты, бывшая королева говорит нынешней:

Наступит день — меня умолишь ты
Проклясть с тобой кривую, злую жабу!

Акт I, сцена 3, строки 244–245

Маргарита не проклинает только Бекингема, который не причинил ей вреда и не поддерживал других в их злодеяниях. Она пытается предосте-

речь его от Ричарда, но Бекингем насмехается над ней. Тогда Маргарита пронзительно кричит:

> О, вспомни это в день, когда печалью
> Твое пронзит он сердце, и скажи:
> «Пророчицей была ты, Маргарита».

Акт I, сцена 3, строки 298–300

И этот день тоже наступит.

«Иду я, Кетсби»

Маргарита уходит; она сделала свое дело. Затем появляется придворный и говорит, что король Эдуард желает видеть королеву. Елизавета отвечает:

> Иду я, Кетсби. Вы со мной, милорды?

Акт I, сцена 3, строка 321

Этого придворного зовут Уильям Кетсби; впоследствии он станет одним из верных советников Ричарда.

«…Мои ребята»

Ричард снова остается на сцене один и упивается своим злодейством. Тут входят два человека,

и Ричард говорит:

Но тише! Вот идут мои ребята.

Акт I, сцена 3, строка 338

Видимо, Ричард не намерен дожидаться вынесения Кларенсу смертного приговора; а вдруг Эдуард сменит гнев на милость? Нет, от Джорджа надо избавиться как можно скорее.

Конечно, ничего подобного в реальности не было; Ричарду помог закон. Когда 16 января 1478 г. Кларенса заточили в Тауэр, он предстал перед судом английских пэров. Обвинителем на нем выступал сам король Эдуард и потребовал осуждения брата. Отказать королю пэры не могли. Бекингем, как старшина присяжных, зачитал Кларенсу смертный приговор.

7 февраля спикер палаты общин потребовал, чтобы приговор был приведен в исполнение, и вскоре после этого поступило сообщение, что Джордж Кларенс умер. Очевидно, он был казнен по приговору суда.

Какую роль сыграл в этой смерти Ричард Глостер? Никакой. Даже в тенденциозном трактате сэра Томаса Мора говорится, что он яростно протестовал против суда над братом.

«...В Бургундию плыву»

Тем временем брошенный в Тауэр Кларенс беседует с тюремщиком и рассказывает о кошмаре, приснившемся ему ночью. Он говорит:

> Мне снилось, что из Тауэра бежал я,
> На корабле в Бургундию плыву.

Акт I, сцена 4, строки 9–10

Конечно, Бургундия была самым подходящим местом для бегства Кларенса, потому что его сестра была вдовствующей герцогиней Бургундской.

В этом сне рядом с Джорджем находился Ричард. Когда Ричард споткнулся, Джордж хотел его поддержать, но выпал за борт. Прежде всего он испытал страх:

> И будто — боже! — тяжко мне тонуть.

Акт I, сцена 4, строка 21

Видимо, во сне Кларенс действительно утонул, потому что он говорит:

> И будто мрачный лодочник, воспетый
> Поэтами, через поток печальный

Меня в край вечный ночи перевез.

Акт I, сцена 4, строки 45–47

Мрачный лодочник — это, конечно, Харон.

«…Великий Уорик»

Сон продолжается. После смерти Джордж оказался в аду и встретил тени других людей. Он говорит:

Скитальческую душу первый встретил
Мой знаменитый тесть, великий Уорик,
И крикнул мне: «Какая кара, Кларенс,
Клятвопреступника ждет в черном царстве?»

Акт I, сцена 4, строки 48–51

Рассказ о двойном клятвопреступлении Джорджа Кларенса, который сначала перешел от Эдуарда к Уорику, а потом от Уорика к Эдуарду, приводится в третьей части «Генриха VI».

К Кларенсу приближается другая тень и кричит:

«Здесь Кларенс, лживый, вероломный

Кларенс,
Злодей, под Тьюксбери меня убивший.
Тащите, фурии, его на муку!»

Акт I, сцена 4, строки 55–57

Конечно, это тень юного принца Уэльского, сына Генриха VI. Именно эти строки навсегда пригвоздили Джорджа к позорному столбу; в исторических источниках эпитеты «лживый» и «вероломный» постоянно характеризуют его личность.

«В мальвазии…»

Когда Кларенс снова засыпает, в Тауэр приходят его убийцы.

В длинной сцене они сначала рассуждают, стоит ли убивать Кларенса, а затем, когда Джордж просыпается, обсуждают этот вопрос с ним. Наконец первый убийца, потеряв терпение, ударяет его кинжалом:

Вот! Вот! А если этого вам мало,
В мальвазии сейчас вас утоплю.

Акт I, сцена 4, строки 272–273

Мальвазия — сладкое вино, которое производят

в таких средиземноморских странах, как Кипр, Италия и Испания. Кларенса утопили в бочонке вина, и он наяву испытал мучения, о которых рассказывал с таким ужасом.

Неужели Джордж действительно умер такой смертью? Конечно нет. Способ его казни хранили в тайне; был оглашен лишь сам факт смерти. Однако вряд ли его утопили. Сплетня о бочонке мальвазии распространилась после его казни, но как именно его казнили, непонятно. История была слишком драматичной, поэтому впоследствии возникла такая легенда.

Конечно, Шекспир использовал эту легенду для нагнетания ужаса, однако в рассказе Кларенса о его сне присутствует не только лирический, но также иронический элемент.

«...Бог меня накажет»

Второй акт начинается первым и единственным появлением на сцене короля Эдуарда. Во второй части «Генриха VI» Эдуард — юный граф, в третьей части он король, молодой, энергичный и чувственный. Теперь же он выглядит больным и дряхлым, стремится уладить раздоры между своими придворными и со спокойной душой оставить трон юному сыну. Эдуард заставляет

членов враждующих группировок обнять друг друга. Под его давлением Хейстингс и Бекингем мирятся с Вудвиллами и королевой.

Все лицемерно клянутся в любви друг к другу. Так, Бекингем говорит королеве:

> Коль Бекингем когда-нибудь вражду
> На вашу милость обратит, отринув
> Долг и любовь, — пусть Бог меня накажет
> Враждою тех, чьей дружбы жду всех больше…

Акт II, сцена I, строки 32–35

Впоследствии выяснится, что по иронии судьбы Бекингем проклинает себя самого — так же, как это сделала леди Анна.

Но где же Ричард Глостер? Почему он не присоединяется к этой вакханалии ханжества?

Бекингем замечает его издалека и говорит:

> Вот, кстати, здесь и благородный герцог.

Акт II, сцена 1, строка 46[235]

---

[235] Примечания: 235

В оригинале: «Сюда идут сэр Ричард Рэтклифф (в переводе — Ретклиф) и герцог». — *Е. К.*

Рэтклифф — это еще один худородный, но верный советник Ричарда.

Ричард с наслаждением присоединяется к игре во всеобщее примирение, а затем потрясает присутствующих известием о том, что Джордж Кларенс мертв. Король Эдуард с трудом произносит:

> Как! Кларенс мертв? Был отменен приказ!
>
> ***Акт II, сцена 1, строка 88***

Что это значит? В действительности все было не так. Это приведено здесь только для того, чтобы показать, что вся ответственность за смерть Джорджа ложится на плечи Ричарда.

«Пришел он мне на помощь...»

Король Эдуард оплакивает смерть брата. И действительно, Холиншед приводит любопытные подробности: когда в последние годы своего царствования Эдуард миловал преступника (если тот подавал апелляцию), он неизменно выражал сожаление, что никто не вступился за жизнь Джорджа. Шекспир использует свидетельство Холиншеда и дает королю возможность выразить

свою печаль, но делает это довольно неловко. Вбегает Стенли и просит помиловать его помощника, который только что совершил убийство.

Эдуард говорит:

> Кто мне сказал, что в Тьюксберийском поле,
> Когда меня одолевал уж Оксфорд,
> Пришел он мне на помощь и воскликнул:
> «Живи, мой милый брат, будь королем»?
> Кто мне напомнил, как мы замерзали
> На поле, как меня он укрывал
> Своей одеждой, сам же, непокрытый,
> Дрожал и цепенел в ночи морозной?

Акт II, сцена 1, строки 113–119

Все это очень театрально. Возможно, Эдуард действительно жалел брата (или разыграл жалость, чтобы не выглядеть тираном), но характерны ли для Кларенса такие поступки? Разве он стал бы спасать брата, которого совсем недавно пытался убить? Был ли он настолько бескорыстен, чтобы ради брата терпеть лютый холод? Нет, на Кларенса это не похоже. Возникает подозрение, что Шекспир вложил эти слова в уста

Эдуарда только ради ложного пафоса.

«Бабушка…»

В следующей сцене появляются сама старая герцогиня Йоркская, а также малолетние сын и дочь Джорджа Кларенса. Сын (в пьесе — Мальчик) спрашивает:

Скажите, бабушка, отец наш умер?

Акт II, сцена 2, строка 1

Герцогиня Йоркская пытается скрыть от детей правду, но в конце концов признается, что их отец умер. Это много выстрадавшая Сесилия Невилл. Сесилия приходится теткой графу Уорику, которого предал ее сын Кларенс и убил сын Эдуард. Она вдова Ричарда Йорка, погибшего в Уэйкфилде восемнадцать лет назад, мать Ричарда и убитого Эдмунда Ретленда.

Сын Джорджа — Эдуард Плантагенет. Его мать — старшая дочь Уорика, поэтому мальчик унаследовал титул деда по материнской линии. Но задать такой вопрос бабушке он не мог: к моменту смерти отца ему было всего три года. А его сестре Маргарите, которая тоже участвует в этой сцене, — пять.

«… Король наш — мертв!»

Старая герцогиня Йоркская оплакивает вероломство своего сына Ричарда. В пьесе она называет его чудовищем (хотя в жизни у них были прекрасные отношения; Сесилия считала его самым лучшим и самым талантливым из своих сыновей).

Герцогиня оплакивает смерть Джорджа, но вошедшая Елизавета причиняет ей новую боль. Она говорит:

> Эдвард, мой муж, твой сын, король наш
> — мертв!
>
> ***Акт II, сцена 2, строка 40***

У Шекспира все выглядит так, словно Эдуард умер сразу вслед за Джорджем — видимо, от угрызений совести.

Однако это не имеет ничего общего с реальностью.

Эдуард умер 9 апреля 1483 г., через пять с лишним лет после казни Джорджа. Его погубил скорее гнев, чем угрызения совести, потому что около года назад Людовик XI отказался от обещания женить своего сына на дочери Эдуарда. Взбешен-

ный Эдуард тут же взялся за подготовку нового вторжения.

Однако совершить задуманное король не успел. Обессилевший от обжорства и распутства, он заболел и через десять дней умер. Через три недели ему исполнился бы сорок один год. Так сбылось первое проклятие королевы Маргариты: «Пусть ваш король, убивший нашего и занявший его место, умрет не на войне, а от обжорства».

«…Подумайте о сыне вашем, принце»

Женщины и дети оплакивают умершего, но затем Риверс, брат королевы, нетерпеливо напоминает:

> Как мать заботливая, королева,
> Подумайте о сыне вашем, принце.
> За ним скорей пошлите: пусть его
> Венчают королем…

Акт II, сцена 2, строки 96–98

Юный принц Эдуард появляется в последней сцене третьей части «Генриха VI», будучи еще новорожденным младенцем. Его тут же делают принцем Уэльским, наследником престола.

В 1473 г., когда принцу было всего три года, его

отвезли в Ладлоу, провозгласив номинальным правителем пограничных земель (или марчей), примыкавших к Уэльсу. Это был родовой удел Мортимеров, или графов Марчей. (До смерти своего отца Эдуард сам носил этот титул.) Во время пребывания на западе мальчика отдали под опеку

Риверса, его дяди со стороны матери и единоутробного брата лорда Грея,

Возможно, принца отправили в Ладлоу, чтобы научить управлять государством, но противники Вудвиллов усмотрели в этом нечто зловещее. Принца Уэльского удалили от двора и окружили Вудвиллами, которые постараются воспитать его как истинного Вудвилла. В результате, когда принц станет королем, положение Вудвиллов упрочится.

Самыми опасными врагами Вудвиллов были Ричард Глостер и Генри Бекингем. Они представляли старую аристократию и вели свою родословную от Эдуарда III. (Впрочем, в родословной Бекингема были женщины, поэтому Плантагенетом он не являлся.)

Может быть, Вудвиллы и пытались воспитать принца в своих интересах, но король Эдуард умер слишком рано. В то время юному принцу было

всего тринадцать лет, и он был слишком мал, чтобы править самостоятельно; ему требовался регент, или протектор. По причине малолетства король не мог сыграть важную роль в политической борьбе, которая должна была начаться со дня на день.

«…Утешьтесь»

В тот момент, когда Риверс говорит о коронации, входит Ричард и пытается успокоить королеву:

> Сестра, утешьтесь. Все должны рыдать мы
> Над нашей закатившейся звездой…

Акт II, сцена 2, строки 101–102

Однако в действительности Ричард при смерти короля не присутствовал. В это время он находился на севере, сражался с шотландцами, защищая честь Англии.

Узнав о смерти Эдуарда, Ричард прискакал в Лондон с эскортом в шестьсот человек, одетых в траур. Он наблюдал за величественной похоронной процессией и первым принял присягу, признав принца Уэльского Эдуардом V, законным

королем Англии. (Конечно, позднее противники Йорков называли это лицемерием, но никаких доказательств у них не было.)

Однако отсутствие Ричарда сделало свое дело. У Вудвиллов было достаточно времени, чтобы повлиять на принца. Эдуард V должен был прибыть в Лондон в сопровождении целой армии. Было ясно, что Вудвиллы не выпустят короля-мальчика из своих рук.

Естественно, враги Вудвиллов не могли этого позволить, иначе их дело было бы окончательно проиграно. Согласно версии Шекспира, за принцем посылают эскорт. Поэтому, когда Бекингем и Ричард остаются наедине, Бекингем говорит ему:

> Милорд, кого б за принцем ни послали,
> Нельзя нам с вами дома оставаться.
>
> ***Акт II, сцена 2, строки 146–147***

«Дядьями, чья доблесть…»

Противостояние между Вудвиллами и старой аристократией могло привести к новой вспышке гражданской войны. Шекспир включает в пьесу сцену, где взволнованные горожане обсуждают новость.

Один из них (значащийся в перечне действующих лиц как Третий горожанин) уныло говорит:

Беда стране, где царствует ребенок.

Акт II, сцена 3, строка 11

Это цитата из Библии. В Екклесиасте (10: 16) сказано: «Горе тебе, земля, когда царь твой отрок, и когда князья твои едят рано!» Правда, эту фразу можно толковать и в переносном смысле: горе той стране, царю которой недостает мудрости.

Первый горожанин настроен более оптимистично. Дети-короли правили страной и раньше, но это не всегда заканчивалось гражданской войной. Он говорит:

При Генрихе Шестом все было так же:
Он королем стал, будучи младенцем.

Акт II, сцена 3, строки 16–17[236]

(Конечно, Генрих VI унаследовал трон в возрасте девяти месяцев, но в Париже он короновался лишь через много лет.)

Третий горожанин отвечает, что тогда все было иначе:

---

[236] Примечания: 236

В оригинале: «Он был коронован в Париже в возрасте девяти месяцев». — *Е. К.*

Тогда король был окружен дядьями,
Чья доблесть королю была защитой.

Акт II, сцена 3, строки 20–21

Если речь идет о том, что не было гражданской войны, то сравнение неудачно. Пока Генрих VI оставался ребенком, страна балансировала на грани гражданской войны, и виноваты в этом были «доблестные дядья» короля. Дядя короля Хамфри Глостер и двоюродный дед Генриха Генри Бофорт, епископ Уинчестерский, были смертельными врагами. Их распря принесла Англии много вреда и значительно способствовала потере французских территорий.

Очевидно, ни Первый, ни Третий горожанин этого не помнят, потому что Первый горожанин наивно утверждает:

У принца есть дядья, и с двух сторон.

Акт II, сцена 3, строка 22

Именно наличие дядей с двух сторон (Ричарда Глостера с отцовской и Энтони Риверса с материнской) и создает проблему, поскольку они принадлежат к враждующим группировкам.

Третий горожанин это понимает и говорит о дядьях:

Уж лучше были б только по отцу,
Иль по отцу их не было бы вовсе;
А то, избави бог, они заспорят
О том, кто ближе, — все на нашу шею.

Акт II, сцена 3, строки 23–26

«… Стони-Стретфорд»

Во дворце королева Елизавета ждет прибытия сына, сопровождаемого Вудвиллами. Рядом с ней архиепископ Йоркский, он сообщает новость:

Вчера они уж были в Нортемптоне,
А нынче в ночь приедут в Стони-Стретфорд.
Здесь завтра или послезавтра будут.

Акт II, сцена 4, строки 1–3

Архиепископ Йоркский — это Томас Ротерем, английский прелат, который долгое время был духовником и фаворитом королевы Елизаветы. Благодаря ее влиянию он приобрел ряд епархий, а в 1480 г. стал архиепископом. Кроме того, он был лорд-канцлером (главным администратором) с 1474 г. до конца правления Эдуарда IV.

Если бы молодой король «вчера ночевал» в

Стони-Стратфорде[237], это означало бы, что кортеж преодолел 80 миль (128 км) на юго-восток от Ладлоу и находится всего в 50 милях (80 км) от Лондона. Однако ехать ночевать в Нортгемптон[238], который находится в 13 милях (21 км) строго на север от Стони-Стратфорда, не было смысла; это означало бы удаляться от Лондона.

На самом деле все было так: Ричард Глостер и Бекингем поехали на запад, чтобы встретить молодого короля и, если удастся, вырвать его из рук Вудвиллов. С точки зрения позднейших противников Йорков это было безнравственно, но с точки зрения практической политики вполне естественно.

Умирающий король Эдуард назвал Ричарда протектором фного короля, но было ясно, что Вудвиллы попытаются воспрепятствовать этому. Ричард всего лишь защищал свои интересы. Это могло! быть вызвано не честолюбием, а чем-то более серьезным. Возможно, Ричард считал себя более подходящим воспитателем, чем Вудвиллы; если так, то он имел для этого все основания.

Едва ли Ричард собирался нападать на эскорт;

---

[237] Примечания: 237
в переводе — Стони-Стретфорд. — Е. К.

[238] Примечания: 238
в переводе — Нортемптон. — Е. К.

такой инцидент мог закончиться гражданской войной, а Глостер хотел сохранить мир. Когда молодой король с эскортом прибыл в Стони-Стратфорд, Ричард со своим эскортом приехал в Нортгемптон.

Оттуда он послал к Риверсу и Грею гонца, предлагая встретиться в Нортгемптоне, чтобы обсудить план коронации. Вудвиллы предпочли принять предложение (отказ от него означал бы первый шаг к открытой вражде) и назначили встречу в Нортгемптоне на следующую ночь. Очевидно, именно поэтому архиепископ говорит, что из Стони-Стратфорда кортеж Вудвиллов отправится в Нортгемптон.

«Сын мой Йорк…»

Вдовствующая герцогиня Йоркская, как положено заботливой бабушке, надеется, что за прошедшее время король сильно вырос, на что Елизавета отвечает:

> Мне говорят, что нет, и сын мой Йорк
> Его уже намного перерос.
>
> ***Акт II, сцена 4, строки 6-7***

Это первое упоминание о младшем сыне Ели-

заветы и Эдуарда, а также его первое появление в пьесе, потому что он присутствует на сцене. Этот второй сын, названный Ричардом в честь деда, на два года моложе нового короля. Герцог Йоркский родился в 1472 г.; следовательно, сейчас ему одиннадцать лет[239].

«...Отправлены все в Помфрет»

Тут поспешно входит гонец. С молодым королем все в порядке, чего нельзя сказать об его эскорте. Он говорит:

> Лорд Грей, лорд Риверс и сэр Томас Воген —
> Под стражею отправлены все в Помфрет.

Акт II, сцена 4, строки 42–43

Пока Вудвиллы пировали в Нортгемптоне, люди Ричарда прибыли в Стони-Стратфорд и нейтрализовали эскорт Вудвиллов то ли угрозами, то ли подкупом, то ли и тем и другим. На следующее утро Ричард, Бекингем и Вудвиллы прискакали в

---

[239] Примечания: 239

В генеалогической таблице в гл. 14 указано, что Ричард Йоркский родился в 1473 г.; следовательно, он на три года младше Эдуарда и сейчас ему десять лет!!! *(Примеч. пер.)*

Стони-Стратфорд, где Ричард арестовал Риверса и Грея. Это произошло 30 апреля 1483 г., всего через три недели после смерти Эдуарда IV.

Затем Ричард и Бекингем поскакали туда, где ночевал сам король, и преклонили перед ним колени. Однако это не помешало Ричарду арестовать Томаса Вогена, личного советника короля-мальчика. Воген всегда был ревностным сторонником Йорков, сражался во многих битвах, но принадлежал к партии Вудвиллов, а потому его следовало устранить.

Эти аресты были жестокими и вероломными, однако вполне вероятно, что таким образом Ричард выполнил свой долг перед покойным королем и предотвратил гражданскую войну. Он мгновенно устранил противника и, предприняв решительные действия против трех человек, не допустил всеобщего кровопролития.

Подобные аргументы приводили все сильные правители в мировой истории (например, так оправдывали атомную бомбежку Хиросимы). Конечно, применение подобной тактики чести Ричарду не делает, но и не превращает его в чудовище.

Королева Елизавета признает действенность этого удара, восклицая:

Увы, увы! Я вижу, дом наш гибнет.

Акт II, сцена 4, строка 49

«…Скорее в храм»

Вероятно, Елизавета встретила ситуацию мужественно. Как на ее месте поступила бы прежняя королева Маргарита? Набросилась бы на Ричарда, потребовала бы освободить ее родственников, попыталась бы собрать армию и развязать гражданскую войну. Или постаралась бы задобрить Ричарда, выигрывая время, необходимое для организации сопротивления.

Но Елизавета не сделала ни того ни другого. Боясь худшего и будучи не в силах предпринять какие-либо активные действия, она просто бежала. Королева говорит младшему сыну:

Идем, идем, мой сын, скорее в храм.

Акт II, сцена 4, строка 66

Однажды она уже скрывалась в Вестминстерском аббатстве, когда Уорик заставил ее мужа бежать из Англии. Тогда она чувствовала себя в безопасности, поскольку Уорик не собирался

осквернять святилище; именно там она родила ребенка, который нынче стал королем. Теперь Елизавета просто вернулась туда же. Она взяла с собой не только юного герцога Йоркского, но и пять дочерей от Эдуарда и сына от первого брака, маркиза Дорсета (правда, в пьесе об этом не говорится).

Архиепископ Йоркский за организацию этого бегства и преданность королеве, которая всегда покровительствовала ему, был освобожден от должности лорд-канцлера и даже на короткое время посажен в тюрьму.

«Лорд-кардинал...»

Юный король Эдуард V под эскортом Ричарда Глостера и Бекингема прибыл в Лондон 4 мая 1483 г. И без того обеспокоенный исчезновением Вудвиллов, он удивляется, почему мать и брат не пришли его встречать.

Причина вскоре выясняется: появляется Хейстингс и объясняет, что Елизавета и юный Ричард Йоркский находятся в убежище.

Глостер раздосадован. Королева, ее дочери и Дорсет ему не нужны, но Ричард Йоркский — совсем другое дело.

Младший сын покойного Эдуарда — первый

претендент на трон и потенциальное знамя тех, кто замышляет гражданскую войну. Если Ричард хочет сохранить в Англии мир, он не должен сводить глаз с юного короля и его брата.

Тут Бекингем говорит:

> Лорд-кардинал, угодно ль будет вам
> Уговорить сейчас же королеву,
> Чтоб герцога она послала к принцу?

Акт III, сцена 1, строки 32–34

Лорд-кардинал — это Томас Бучер, шестьдесят пятый архиепископ Кентерберийский. Он занял этот пост в 1454 г., еще при Генрихе VI, и тщетно пытался примирить Ланкастеров и Йорков в первые годы Войны Алой и Белой розы. В 1461 г. именно он короновал Эдуарда Йорка и сделал его королем Эдуардом IV.

«…В Тауэре»

Под давлением Бекингема архиепископ неохотно удаляется, после чего молодой король спрашивает, где он будет жить. Ричард вкрадчиво отвечает:

> Где вашему высочеству угодно.

Но я советовал бы день иль два
Пожить вам в Тауэре…

Акт III, сцена 1, строки 63–65

Лондонский Тауэр приобрел зловещую репутацию места заточения и казни государственных преступников не в последнюю очередь из-за событий XV в., когда там заточили и убили Генриха VI и Джорджа Кларенса.

Тем не менее Тауэр одновременно служил и королевской резиденцией даже при Эдуарде V. Предлагая мальчику отправиться в Тауэр, Ричард явно хочет обезопасить себя от захвата короля сторонниками Вудвиллов или каким-то другим противником протекторства Глостера. Короля будут держать там под домашним арестом.

Однако не следует считать короля узником только на том основании, что он живет в Тауэре. Вряд ли Ричард считал Тауэр только тюрьмой.

«…А доблести умом запечатлел он»

Упоминание о Тауэре всегда вызывает у Шекспира одну и ту же историческую ассоциацию. Юный король тут же вспоминает Юлия Цезаря:

Великий человек был Юлий Цезарь,

Был вскормлен ум всей доблестью его,
А доблести умом запечатлел он.
Так смерть над властелином не властна:
Он хоть и мертв, но в славе жив поныне.

Акт III, сцена 1, строки 84–88

В Средние века Цезаря считали идеалом, поскольку в нем удивительно сочетались мыслитель и деятель. Считалось, что в ораторском искусстве он уступал только Цицерону. Как писатель-прозаик он также уступал только Цицерону; в его «Записках» мастерски описана галльская война. Именно благодаря им «он хоть и мертв, но в славе жив поныне».

Сентенциозное замечание Эдуарда V, якобы свидетельствующее о его уме и таланте будущего правителя, призвано подчеркнуть злодейство Ричарда. Согласно Шекспиру, юный Эдуард также проявляет храбрость и благородство, говоря Бекингему:

…если вырасту большим,
Старинные владенья отвоюю
У Франции обратно иль умру

Я воином, как королем я жил.

Акт III, сцена 1, строки 91–93

Английская мечта о завоевании Франции оказалась живучей и продержалась до середины XV в., когда король Генрих VIII, правивший через поколение после Эдуарда V, совершил последнее вторжение на континент, в глубине души надеясь на успех. Эта долгая и тщетная мечта угасла лишь во второй половине XVI в., когда главным врагом Англии вместо Франции стала Испания.

Правда, впоследствии англичане несколько раз побеждали французов (последняя победа была одержана в 1815 г. при Ватерлоо), но после правления Елизаветы I Англия вела эти войны уже без всякой надежды на континентальные завоевания.

«…Герцог Йоркский»

Кардинал возвращается с братом короля, и Бекингем так приветствует их:

Ну, в добрый час подходит герцог Йоркский.

Акт III, сцена 1, строка 95

Складывается впечатление, что кардиналу ничего не стоило убедить королеву отказаться от права на престол ее младшего сына. Однако в действительности это был тяжелый труд, потребовавший не только лести, но и угроз. Ричард наверняка дал понять, что в случае неповиновения королевы он применит силу.

Со стороны Ричарда это и вправду жестоко, однако необходимо, поскольку позволяет предотвратить гражданскую войну.

Как бы там ни было, но 16 июня 1483 г., через шесть недель после прибытия юного короля в Лондон, его младшего брата забрали из аббатства и отправили к Эдуарду V в Тауэр. После этого Ричард утратил всякий интерес к королеве и ее детям. В конце пьесы им не грозит опасность.

«...Взойти на королевский трон лорд Глостер»

В течение нескольких месяцев после смерти старшего брата Ричард вел опасную игру. Он нанес быстрый и дерзкий удар, уничтожил партию Вудвиллов и стал регентом при малолетнем короле.

Однако в самом этом успехе таилась новая опасность. Раньше Ричард возглавлял союз, направленный против Вудвиллов, но теперь этот

союз мог распасться. Например, Хейстингс враждовал с Вудвиллами, но особой любви к Ричарду не испытывал. Можно ли было ему доверять?

В какой-то момент (когда именно — неизвестно) Ричард почувствовал, что пост лорда-протектора его не удовлетворяет. Его власть была недостаточно прочной. Через три года молодой Эдуард V достаточно повзрослеет, чтобы править самостоятельно, а за это время враги накопят достаточно сил, чтобы уничтожить Ричарда. Менее полувека назад именно так случилось с другим лордом-протектором — тоже герцогом Глостером (см. в гл. 12: «…Спровадили мы Хемфри»).

Кроме того, в свое оправдание Ричард мог сказать, что Англии нужен сильный король, а не король-ребенок, советники которого не могут прийти к согласию. Опыта правления несовершеннолетнего Генриха VI для страны было вполне достаточно.

Не следует делать из Ричарда ангела. Искушение стать королем велико, и мало кто может ему противостоять.

Но если Ричард решил стать королем (в данный момент причина значения не имеет), то он должен был убедиться в надежности своих союзников. Оппозицию нужно было победить

или уничтожить заранее, иначе ему удалось бы победить, только возглавив армию одной из сторон и начав гражданскую войну, как было с Эдуардом IV.

Бекингем начинает интриговать в пользу Ричарда. Он привлекает на свою сторону Кетсби, сказав ему:

> Как думаешь? Легко ль нам убедить
> Вильяма, лорда Хестингса, что должен
> Взойти на королевский трон лорд Глостер,
> Над славным островом став королем?

Акт III, сцена 1, строки 161–164

Кетсби сомневается в этом. Дружеские отношения Хейстингса с покойным королем не позволят ему покинуть сына Эдуарда. Более того, он считает, что Стенли последует примеру Хейстингса.

«…О коронации поговорить»

Тем не менее Бекингем убеждает Кетсби испытать Хейстингса. Он говорит:

> И пригласи его на завтра в Тауэр

О коронации поговорить.

Акт III, сцена 1, строки 172–173

Сначала коронацию назначили на 4 мая, день фактического прибытия короля Эдуарда в Лондон. Но арест Вудвиллов послужил Ричарду предлогом, чтобы отложить ритуал, дабы убедиться, что в стране все спокойно.

Назначили новую дату — 22 июня 1483 г., но до нее оставалось всего две недели. Если Ричард хотел стать королем, ему следовало поторопиться. Устранить Эдуарда после коронации было бы значительно сложнее.

«Пусть поцелует миссис Шор…»

Кетсби уходит на встречу с Хейстингсом, и Ричард грубовато кричит ему вслед:

Приветствуй от меня милорда, Кетсби.
Скажи, что куче злых его врагов
В Помфретском замке завтра пустят кровь.
Пусть поцелует миссис Шор послаще
На радостях от этой доброй вести.

Акт III, сцена 1, строки 181–185

Похоже, Джейн Шор, фаворитка покойного короля, перешла от него по наследству к Хейстингсу.

Намерения Ричарда понятны. Если Хейстингс узнает, что Ричард отомстил его врагам, то почувствует себя в долгу и согласится помочь. Избавиться от Хейстингса ничего не стоит, но Ричард предусмотрителен и понимает, что помощь Хейстингса выгоднее, чем его смерть.

«...Графство Херифорд»

Верный Бекингем хочет выяснить, какая награда его ожидает. Ричард отвечает:

> Смотри, когда я буду королем,
> Потребуй графство Херифорд, которым
> Эдвард Четвертый, брат мой, обладал.

Акт III, сцена 1, строки 194–196

Херефорд[240] Бекингем унаследовал от своих родственников Бунов, но Эдуард IV оставил графство за собой, так как отец и дед Бекингема были сторонниками Ланкастеров.

---

[240] Примечания: 240
в переводе — Херифорд. — *Е. К.*

«Что видел сон, как будто вепрь...»

Однако Кетсби опережают; первым к Хейстингсу прибывает гонец от лорда Стенли и говорит:

> ...он (Стенли) сообщает вам,
> Что видел сон, как будто вепрь сорвал
> Шлем с головы его...

Акт III, сцена 2, строки 10–11

На знамени Глостера изображен вепрь; следовательно, вепрем (или, в оскорбительном смысле, боровом) можно называть самого Ричарда.

Подозрительный Стенли, который в совершенстве овладел искусством выживания, не верит Глостеру и чувствует опасность. Стенли иносказательно предупреждает Хейстингса (говорить открыто небезопасно), что Ричард намерен отрубить несколько голов. Он советует бежать, но Хейстингс только смеется в ответ. Он знает, что Кетсби и Ричард — его друзья.

«Голову свою...»

Затем приходит Кетсби и заявляет, что Ричард должен стать королем. Хейстингс отвечает:

Скорей дам голову[241] свою срубить,
Чем так перенести венец позволю.

Акт III, сцена 2, строки 43–44

Такой ответ решает его судьбу, но сам Хейстингс этого еще не знает. Он радуется и поздравляет себя с удачей.

«Проклятье Маргариты…»

Перед собранием в Тауэре, куда должен прийти Хейстингс, действие ненадолго перемещается в замок Помфрет, где почти сто лет назад умер король Ричард II и где сейчас казнят Вудвиллов, приговоренных к смертной казни. Исполняется второе проклятие Маргариты, пожелавшей, чтобы все, кто безучастно следил за убийством ее сына в Тьюксбери, погибли по воле какого-нибудь «злого случая».

Однако здесь ее пророчество оправдывается не полностью. Маргарита упоминала Риверса и Дорсета (поскольку в данном случае Шекспир следовал Холиншеду), однако Дорсет нашел убежище в аббатстве. Риверса сопровождал

---

[241] Примечания: 241

В оригинале игра слов: по-английски crown — и венец (корона), и голова (макушка). *(Примеч. пер.)*

младший брат Дорсета, лорд Грей. Шекспир мог легко изменить проклятие так, чтобы оно точно соответствовало реальному историческому событию, но поленился внести в текст необходимое исправление.

По иронии судьбы проклятие Маргариты вспоминает именно лорд Грей, хотя к нему оно и не относилось:

На нас проклятье Маргариты пало…

Акт III, сцена 3, строка 14

Точный срок казни не установлен, но принято считать, что она состоялась в тот день, когда Хейстингс посетил собрание в Тауэре. Если это так, то Вудвиллов, уже видевших себя властителями Англии, казнили 13 июня 1483 г., ровно через шесть недель после их отъезда в Лондон с юным королем.

«…Прекрасную клубнику»

Тем временем в Тауэре собирается тайный совет. Наивный Хейстингс все еще уверен в дружбе Глостера. Когда все рассаживаются по местам, появляется Ричард, любезный и уверенный в себе, и заводит никчемную беседу с одним из гостей:

Недавно я у вас в Холборне
В саду видал прекрасную клубнику.
Пожалуйста, за ней сейчас пошлите.

Акт III, сцена 4, строки 31–33[242]

Милорд Илийский — это Джон Мортон, пожилой прелат шестидесяти с лишним лет. Он был сторонником Ланкастеров и перешел на сторону Йорков только после битвы при Тьюксбери. Эдуард IV использовал его в качестве дипломата при заключении договора с Людовиком XI в 1475 г. после неудачного вторжения во Францию.

В конце концов Мортон был вознагражден за усердие и в 1479 г. стал епископом Илийским. Однако в душе он всегда был на стороне Ланкастеров, и проницательный Ричард не доверял ему. Некоторые считают, что именно епископ Илийский написал историю Ричарда III, которую приписывают Томасу Мору (см. в гл. 12: «…Гнусный недоносок»), или предоставил тому свою рукопись. Если так, становится понятно, почему эта история оказалась столь пристрастной.

---

[242] Примечания: 242

В оригинале: «Милорд Илийский, когда я был в Холборне…» — *Е. К.*

«…С непотребной шлюхой Шор…»

По окончании совета Хейстингса, Стенли и епископа Илийского арестовывают. Несомненно, это было сделано внезапно и под личиной дружеских чувств (так же Ричард поступил и с Вудвиллами), чтобы парализовать всякую попытку сопротивления. Впрочем, возможно, порядок ареста был обычным, с общепринятым обвинением в измене.

Однако в более поздней легенде утверждается, что Ричард сделал это в своей излюбленной садистской манере. Продемонстрировав свое дружелюбие, он вышел, а потом вернулся разгневанный и заявил, что стал жертвой колдовства. Ричард говорит:

> Смотрите, околдован я; рука,
> Как ветка пораженная, иссохла.
> Жена Эдварда, пакостная ведьма,
> В союзе с непотребной шлюхой Шор
> Тавро такое наложили мне.

Акт III, сцена 4, строки 67–71

Сторонники Елизаветы, твердо убежденные, что Ричард был чудовищем и калекой, прекрасно

знали, что рука Ричарда была сухой с детства и что в эту минуту он просто насмехался над своими жертвами, предъявляя дурацкие обвинения, чтобы найти повод к действию.

На самом деле руки у Ричарда были в полном порядке, так что эта история явно придумана. Во-вторых, незачем было так дурачиться; достаточно было просто арестовать их.

Если так, то откуда возникла история об усохшей руке и колдовстве? Был ли это чистый вымысел, или за ним что-то скрывалось? Остается только гадать.

Факт налицо: Ричард действительно наказал Джейн Шор. Эта женщина не была похожа на других фавориток. Она не оказывала давления на Эдуарда и не пользовалась своим положением, чтобы обогатиться, свести счеты или причинить кому-то вред.

Тем не менее само ее существование было нестерпимо для реального Ричарда, который в жизни был настоящим пуританином, опередившим свое время. Возможно, он искренне считал Шор виновной в излишествах, которые привели к преждевременной смерти его любимого брата. Поэтому он предал Джейн Шор церковному суду, который приговорил женщину к публичному

покаянию, заставив пройти по улицам Лондона босиком, в одной рубашке и с зажженной свечой в руках.

(Тот, кто обвиняет Ричарда в макиавеллизме, мог бы приписать ему более серьезный мотив для расправы над бедной женщиной: стремление публично объявить брата развратником. Это вполне соответствует последующим событиям.)

Джейн Шор была наказана только за свое непристойное поведение, но ее покаяние было таким же, как покаяние Элеоноры, герцогини Глостерской, состоявшееся сорок лет назад (см. в гл. 12: «…Соберется в Бери»). Тогда Элеонору обвинили в колдовстве. Задним числом было легко предположить, что Джейн Шор наказали за то же самое, а затем придумать, что Ричард воспользовался этим, чтобы напасть на Хейстингса, любовницей которого Джейн Шор стала после смерти Эдуарда.

«Ретклиф и Ловел…»

Когда Хейстингс, сбитый с толку обвинениями Ричарда, начинает что-то бормотать в свое оправдание, Ричард немедленно приказывает отрубить ему голову и говорит:

Должны вы,
Ретклиф и Ловел, дело это сделать.

Акт III, сцена 4, строки 31–33

Френсис Ловелл[243] был третьим (наряду с Кетсби и Рэтклиффом) советником Ричарда, не отличавшимся знатным происхождением. Примерно в это время он получил титул виконта.

Обычно худородные советники являлись объектом презрения и ненависти аристократии, а простой народ обвинял их во всех смертных грехах, не смея осуждать самого короля. Так, во время правления Ричарда по стране гулял оскорбительный для короля стишок, приписываемый некоему Уильяму Коллингборну; в этом стишке были следующие строки: «Крыса, Кот и Пес Ловелл / Правят всей Англией под началом Борова».

Крыса (по-английски — rat) — это, конечно, Рэтклифф[244], Кот (cat) — Кетсби, а Боров (hog) — Ричард, на знамени которого был изображен вепрь.

---

[243] Примечания: 243
в переводе — Ловел. — Е. К.

[244] Примечания: 244
в переводе — Ретклиф. — Е. К.

«…Твое проклятье!»

Согласно Холиншеду, Хейстингс также безучастно наблюдал за убийством принца Уэльского при Тьюксбери, а потому Маргарита упомянула его в своем проклятии, которое только что сбылось в третий раз. Хейстингс говорит о себе:

> О Маргарита, тяжко нынче пало
> На жалкую главу твое проклятье!

Акт III, сцена 4, строки 91–92

Считается, что Хейстингс умер в один день со своими смертельными врагами Вудвиллами; однако если бы это было так, то Рэтклиффу пришлось бы оказаться в двух местах одновременно. Именно Рэтклифф в предыдущей сцене наблюдает за казнью Вудвиллов, и именно он вместе с Ловеллом организует казнь Хейстингса.

«Смерть он заслужил»

Стенли и Мортона Ричард не обезглавливает, видимо решив, что смерть Хейстингса послужит им уроком. Теперь вряд ли найдется такой безумец, который посмеет мешать его восшествию на

престол — по крайней мере, открыто.

(Однако тут Ричард допустил ошибку, поскольку именно Стенли и епископ Илийский предали его в решающий момент. Это четвертый случай исполнения проклятия Маргариты, пожелавшей Ричарду: «Всю жизнь друзей своих считай врагами, / Врагов друзьями лучшими считай!»)

Однако Ричарду недостаточно, что он не встречает сопротивления, ему нужно восторженное признание. В следующей сцене Ричард и Бекингем учтиво объясняют лорд-мэру Лондона причину внезапной казни Хейстингса. Оказывается, тот покушался на их жизнь. Потрясенный лорд-мэр говорит:

> Бог да хранит вас! Смерть он заслужил.
> Вы правильно, милорды, поступили:
> Другим злодеям неповадно будет.

Акт III, сцена 5, строки 47–49

Лорд-мэром Лондона в то время был сэр Эдмунд Шоу. Он, как и все население столицы, являлся активным сторонником Ричарда. Такая поддержка значила для Глостера очень много; без нее он вряд ли смог бы получить корону.

«…Дети короля — ублюдки»

Ричард действовал быстро. Казни Вудвиллов и Хейстингса сломили сопротивление баронов, захват юного герцога Йоркского лишил потенциальных мятежников знамени, а теперь Ричард заручился поддержкой городского населения.

Чтобы укрепить свою популярность, Ричард провел хитрую пропагандистскую кампанию, рассчитанную на средних горожан. Лорд- мэр в сопровождении Бекингема отправляется в ратушу на встречу с другими руководителями города. Ричард говорит своему союзнику, на чем следует заострить внимание:

> В толпе в момент удобный ты шепни
> О том, что дети короля — ублюдки…

Акт III, сцена 5, строки 74–75

Видимо, Ричард действительно организовал кампанию клеветы против детей покойного брата, воспользовавшись тем, что Эдуард частенько обещал жениться на молодых женщинах, которые не отвечали на его ухаживания. Прекрасная леди Елизавета Грей оказалась настолько стойкой, что заставила Эдуарда выполнить свое

обещание. Она стала королевой, но до нее было немало претенденток на этот титул. Согласно распространенной сплетне, одной из тех, на ком обещал жениться Эдуард, была Элеонора Батлер, овдовевшая дочь Джона Толбота, графа Шрусбери и героя первой части «Генриха VI»; второй — леди Елизавета (Элизабет) Люси. Ходили слухи, что с ней король действительно вступил в тайный брак, а затем бросил ее. Если так было на самом деле, то женитьба Эдуарда на леди Елизавете Грей была недействительной, а дети, рожденные от этого брака, — незаконными.

Насколько правдиво такое утверждение, доказать невозможно. Впрочем, в тот момент Ричард вовсе не старался искать доказательства. Речь шла о возведении на английский престол сильного короля (то есть его самого).

«О похоти Эдварда…»

Горожане (а особенно обеспеченные и консервативные представители среднего класса) легче поверили бы любым выдумкам об Эдуарде, если бы узнали о его необузданном сладострастии. Это не только очернило бы покойного короля, но и создало бы предубеждение против его детей. Поэтому Ричард говорит Бекингему:

О похоти Эдварда ты вверни.
Как с зверской жадностью менял он женщин,
Как лез к чужим служанкам он и женам;
Как сердце дикое и яркий глаз
Без удержу кидались на добычу.

Акт III, сцена 5, строки 80–84

Почву для таких слухов подготовило наказание Джейн Шор, самой известной из его фавориток. В конце концов, эта женщина была замужем за уважаемым и обеспеченным представителем среднего класса, но ее бесцеремонно отняли у мужа, чтобы удовлетворить похоть короля. Каждый горожанин должен был оскорбиться, почувствовав себя потенциальным рогоносцем. И конечно, каждая горожанка, вероятно, оскорбилась бы при мысли о той опасности, которая ей грозила, а возможно, и тем, что не привлекла к себе внимание короля.

Эта клеветническая кампания была так точно рассчитана и так умно проведена, что общество тут же забыло о юном короле Эдуарде и переметнулось на сторону его воинственного дяди.

«…Не признал он, чтоб им ребенок этот зачат был»

Более поздние легенды, придуманные противниками Ричарда, шли еще дальше и, скорее всего, чудовищно преувеличивали масштабы клеветнической кампании. Так, у Шекспира Ричард говорит Бекингему:

> Скажите — в год, когда рожала мать
> Эдварда ненасытного, отец мой,
> Достойный Йорк, во Франции сражался
> И, сопоставив сроки, не признал он,
> Чтоб им ребенок этот зачат был.

Акт III, сцена 5, строки 86–90

Это неправдоподобно по нескольким причинам.

Во-первых, в таком утверждении просто не было необходимости. Достаточно было, чтобы малолетних принца Эдуарда Уэльского и герцога Ричарда Йоркского признали незаконнорожденными; признание незаконнорожденным самого короля Эдуарда было бы излишне. Это бросило бы тень на самого Ричарда (где один бастард, там и два).

Во-вторых, это навлекло бы неслыханный позор на мать Ричарда, старую герцогиню Йоркскую. Даже если бы Ричард действительно был чудовищем и придумал такое очернительство, это оскорбило бы его мать до глубины души. Но даже Ричарду, изображенному Шекспиром, реакция королевы-матери небезразлична:

> Но этого касайтесь осторожно:
> Вы знаете, что мать моя жива.
>
> ***Акт III, сцена 5, строки 93–94***

Реальный же Ричард всегда любил мать. Нет никаких свидетельств тому, что она считала сына чудовищем (хотя в пьесе герцогиня Йоркская делает это при любой возможности).

В-третьих, такое утверждение было бы слишком легко опровергнуть. Если бы старый Йорк считал своего старшего сына бастардом, разве в последние годы жизни он относился бы к нему с такой любовью и доверием, что было известно всем?

«…За Шоу»

Когда Бекингем уходит, Ричард обращается к Ловеллу и говорит:

Идите, Ловел, поскорей за Шоу;
А ты (Кетсби) — за братом Пенкером.

Акт III, сцена 5, строки 103–104

Кампания очернительства должна закончиться еще до коронации. 22 июня, в тот самый день, когда была назначена коронация юного Эдуарда, монах доктор Ральф Шоу (брат лорд-мэра) публично объявил детей Эдуарда IV незаконнорожденными, рассказав сказку о предыдущем тайном браке покойного короля. Это подтвердил и монах Пенкер.

Если бы тогда же объявили, что сам король Эдуард тоже незаконнорожденный, эта весть привела бы людей в ужас. Бастард не может быть королем милостью Божьей; если бы такое случилось, это навлекло бы на страну несчастье.

«Отродье Кларенса…»

Оставшись на сцене один, Ричард говорит:

Теперь отдать приказ мне тайный надо,
Чтобы отродье Кларенса убрали,
Да повелеть, чтоб ни одна душа

До принцев молодых не допускалась.

Акт III, сцена 5, строки 106–109

Логика событий заставляла Ричарда идти дальше. Если он хочет стать королем, то должен держать детей своих старших братьев Эдуарда и Джорджа (имеющих преимущественные права на трон) в тюрьме — хотя бы для того, чтобы уберечь их от посягательств потенциальных мятежников.

Такие прецеденты в Англии уже были. В любой стране, где монарх обладал сомнительными правами на трон, более законных претендентов всегда либо бросали в темницу, либо убивали. Это считалось в порядке вещей. Так, король Генрих IV, права которого на престол были такими же спорными, как и самого Ричарда, держал в заточении законного претендента графа Марча все время своего правления.

Мы снова сталкиваемся с поступками, которые не красят Ричарда, и снова повторяем: таковы были обычаи той эпохи. Герцог Глостер был не чудовищем, а трезвым политиком и поступал так же, как все остальные.

«…Во Франции послом был заключен»

Более поздние летописцы сообщали, что горожане согласились на коронацию Ричарда с большой неохотой, их вынудили сделать это под угрозой физической расправы. У Шекспира Бекингем, возвращаясь, рассказывает Ричарду, что народ безмолвствовал, несмотря на то что он выполнил все данные ему инструкции:

> …сказал о договоре брачном
> И с леди Люси и о том, который
> Во Франции послом был заключен…
>
> ***Акт III, сцена 7, строки 5–6***

О брачном договоре, заключенном во Франции, Ричард не говорил ни слова. Дело вот в чем: двадцать лет назад граф Уорик отправился во Францию, чтобы договориться о браке Эдуарда IV с Боной Савойской. Переговоры провалились из-за женитьбы Эдуарда на леди Грей (именно это со временем привело Уорика к разрыву с королем).

Если тогда Эдуард согласился жениться на леди Боне, то в силу божественности и нерушимости брака этого было достаточно, чобы признать его последующую женитьбу недействительной.

Однако простой народ остался безучастным к словам Бекингема. В результате приходится разыгрывать продолжительный фарс, в ходе которого Бекингем умоляет Ричарда стать королем, а тот, притворившись, что занят благочестивой беседой с двумя священниками, сначала отказывается, но в конце концов со слезами на глазах дает согласие. После чего Бекингем восклицает:

> Я с титулом вас поздравляю ныне:
> Да здравствует король английский Ричард!

Акт III, сцена 7, строки 238–239

На самом деле либо Ричард вовсе не был таким непопулярным, каким его изобразили позднейшие историки, либо его клеветническая кампания оказалась более эффективной, чем они думали. 25 июня 1483 г., через три дня после того, как выдумку о незаконном происхождении принцев предали публичной огласке, собрание представителей аристократии, духовенства и горожан признало брак Эдуарда IV и Елизаветы Грей недействительным, поскольку король к тому времени был уже женат. Сыновей покойного короля исключили из числа претендентов на трон, и престол перешел к Ричарду.

26 июня Глостера объявили королем Ричардом III; правление Эдуарда V, так и не дождавшегося коронации, продолжалось менее трех месяцев.

«… Короноваться?»

Бекингем спрашивает:

Угодно ль завтра вам короноваться?

Акт III, сцена 7, строка 241

Ричард соглашается. На самом деле он был коронован не в день своего восшествия на престол, а одиннадцать дней спустя, 6 июля 1483 г.

Коронация прошла очень пышно и совершенно спокойно. Видимо, Ричард решил покорить сердца всех граждан своей сердечностью и широтой взглядов. Завоевав трон сомнительным способом, он, вероятно, надеялся стереть это из памяти людей долгим, мудрым и справедливым правлением. Конечно, Ричард надеялся оставаться на престоле не меньше двадцати лет, поскольку в момент коронации Ричарду было всего тридцать один год. Он успешно проявил на практике свои многосторонние способности управлять страной. (Что касается возможности искупить сомнительное начало царствования, достаточно

только вспомнить, как великие победы Генриха V заставили людей забыть о том, что его отец получил корону с помощью мятежа и убийства.)

В день коронации Ричард распорядился, чтобы о вдове и детях Хейстингса позаботились должным образом. То же самое относилось к вдове Риверса. Содержание было назначено даже жене живого графа Оксфорда, самого последовательного из сторонников Ланкастеров.

Ричарду и его супруге, королеве Анне, удалось добиться процветания всей Англии. Народ восторженно приветствовал царственных супругов, где бы те ни появлялись. С особыми почестями их встречали на севере, где еще не успели забыть сравнительно недавнюю победу Ричарда над шотландцами.

«...К Ричмонду беги»

Новость о том, что Ричард сделал себя королем, доходит до королевы Елизаветы в тот момент, когда она тщетно пытается навестить своих сыновей в Тауэре. С ней находится сын от предыдущего брака, маркиз Дорсет. Елизавета понимает, что Ричард будет беспощадно преследовать всех сторонников низложенного Эдуарда V. Обезумев от горя, она говорит Дорсету:

Чтоб смерть и ад тебя здесь не настигли,
Ты за море, ты к Ричмонду беги.

Акт IV, сцена 1, строки 41–42

Ричмонд, который изображен в третьей части «Генриха VI» мальчиком, все годы, прошедшие после битвы при Тьюксбери, прожил в Бретани. В момент восшествия на престол Ричарда III ему было двадцать шесть лет. Вокруг него сплотились все сторонники Ланкастеров, а также те, кто ранее поддерживал Йорков, но по той или иной причине был недоволен Ричардом III.

«…Мужа и детей»

Королева Елизавета помнит проклятие Маргариты и умоляет Дорсета бежать. Она говорит:

Счет трупов ты собой не умножай:
Не дай проклятью Маргариты сбыться,
Что я умру, все потеряв при жизни, —
Венец английский, мужа и детей.

Акт IV, сцена 1, строки 44–46

Дорсет и в самом деле сумел избежать проклятия Маргариты, которая пожелала ему умереть

«от злого случая». Он действительно бежал со временем, перешел на сторону Ричмонда и умер в своей постели в возрасте пятидесяти лет.

Однако сама Елизавета стала пятой, с кем сбылось проклятие Маргариты. Елизавета больше не была ни женой, ни королевой, и хотя всю свою жизнь оставалась матерью (поскольку несколько детей, включая Дорсета, пережили ее), но к этому моменту она уже потеряла своего младшего сына от первого брака, лорда Грея.

Однако проклятие Маргариты, в котором говорилось, что Елизавета проживет долго, оплакивая смерть своих детей и видя, как другая занимает ее место, исполнилось лишь частично. Елизавета прожила после смерти мужа еще девять лет и действительно видела правление другой королевы. Однако перед смертью ей было суждено увидеть королевой Англии свою дочь. Это несколько утешило ее.

«И часа одного…»

Супруга Ричарда, леди Анна, ныне королева Англии (правление которой суждено увидеть Елизавете), тоже наказана. Она оплакивает свою судьбу, вспоминая, что однажды пожелала будущей жене Ричарда еще худших несчастий, чем те,

которые выпали на ее долю после смерти первого мужа (см. в гл. 14: «На Анне Уорик…»). Теперь она понимает, что прокляла саму себя:

И часа одного в его постели
Я не вкусила золотого сна.
От снов его ужасных просыпаюсь…
Дочь Уорика — меня он ненавидит,
И скоро он развяжется со мной.

Акт IV, сцена 1, строки 82–86

Между мужем и женой случается всякое, но нет никаких доказательств того, что брак Ричарда и Анны был несчастливым. К моменту коронации Ричард прожил с Анной уже девять лет; у супругов был семилетний сын, которого они горячо любили. Кроме того, Ричард обладал незапятнанной репутацией; в отличие от своего брата Эдуарда он никогда не был замечен в половой распущенности; даже Шекспир не рискнул обвинить Ричарда в похотливости.

Сын Ричарда в пьесе не упомянут, потому что совместить наличие любимого сына с чудовищным поведением его отца невозможно.

Ужасные сны Ричарда — также сбывавшееся уже в шестой раз проклятие Маргариты. Старая королева предрекла ему: «Пусть сон коснется

грешных глаз твоих / Лишь для того, чтоб в тяжких сновиденьях / Рой гнусных дьяволов тебя пугал!»

«Хочу, чтоб умерли ублюдки…»

Ричард стал королем Англии, но даже теперь он не чувствует себя в безопасности. Он пытается намекнуть своей правой руке Бекингему о принцах, находившихся в Тауэре, но тот вдруг утрачивает присущую ему сметливость. В конце концов Ричард кричит:

> Ясней? Хочу, чтоб умерли ублюдки,
> Чтоб это выполнено было сразу.

Акт IV, сцена 2, строки 18–19

Приближается кульминационный момент, из-за которого так возненавидели Ричарда английские историки следующего века, это величайшая загадка его правления с точки зрения официальной истории.

Что случилось с принцами? После восшествия Ричарда на престол их больше никто не видел. Через месяц после коронации распространился слух, что они мертвы. В том, что сыновья Эдуарда умерли, сомневаться не приходится: со временем

в Тауэре были найдены два детских скелета, которые вполне могли быть останками принцев. Вопрос в другом: действительно ли Ричард приказал их убить?

В английской истории в период между правлением Генриха II и Ричарда III известны четыре случая, когда монарха свергали и убивали, а бразды правления переходили к его преемнику. Первые трое — это Эдуард II, Ричард II и Генрих VI.

1. Эдуард II был низложен 7 января 1327 г. по решению парламента. После этого страной правили его жена Изабелла и ее любовник Мортимер. Трон унаследовал пятнадцатилетний сын Эдуарда Эдуард III, но он долгое время оставался марионеткой в руках матери и ее сожителя. В сентябре 1327 г. Эдуард II был тайно убит по приказу правящей четы.

2. Ричард II был низложен 30 сентября 1399 г., и трон унаследовал его двоюродный брат, правивший под именем Генриха IV. В феврале 1400 г. Ричард был убит. Никто не сомневается, что это было сделано по приказу его преемника (см. в гл. 6: «Иль друга нет…»).

В каждом из этих случаев убийство произошло через несколько месяцев после свержения мо-

нарха. В каждом случае приходили к выводу, что нельзя сохранить жизнь низвергнутому монарху, ибо это означает самому организовать заговор против себя. Только смерть прежнего короля может обеспечить безопасность его преемнику.

3. Генриха VI свергали дважды. В первый раз это произошло 4 марта 1461 г., когда королем был провозглашен Эдуард IV. Генриха захватили победившие сторонники Йорков только в июле 1465 г., а затем его посадили в Тауэр.

Эдуард IV не последовал примеру своих предшественников и сохранил жизнь прежнему королю. В течение пяти лет Генрих оставался узником Тауэра, но в награду за терпимость Эдуарду пришлось подавлять восстание Уорика. Использовав Генриха как знамя, Уорик сплотил силы и восстановил прежнего короля на троне. Это случилось в октябре 1470 г. Когда Эдуард IV снова вернул корону после битвы при Тьюксбери, он не повторил прежней ошибки. Генрих VI был немедленно убит.

Теперь Ричард столкнулся с четвертым таким же случаем. Эдуард V правил лишь несколько недель и так и не был коронован, но, несомненно, пока Эдуард был жив, Ричарда ожидали крупные неприятности. А если бы Эдуард умер,

трон унаследовал бы его младший брат. Ричард чувствовал, что для блага государства принцы должны умереть.

Если бы после их гибели Ричард правил достаточно долго и мирно, принцев забыли бы. Эдуарду III никогда не ставили в вину то, что его отца пришлось убить, чтобы корона досталась ему (хотя сам Эдуард в этом виноват не был). У Генриха IV возникли трудности с устранением Ричарда II, но сам он правил до конца жизни, а его преемником стал сначала сын, а потом внук. До смерти Генриха правление Эдуарда оставалось неспокойным, зато после его смерти в стране воцарился мир.

То же самое могло случиться с Ричардом; правда, тут есть одна особенность, которая делает ситуацию необычной. Прежний король и его брат — дети. Убийство двоих детей — слишком гнусное преступление; оправдать его не могут даже соображения высшей государственной важности. Если бы Ричард действительно приказал убить малолетних принцев, то в ужас пришли бы даже самые стойкие из его сторонников.

Но был ли отдан такой приказ?

«…Тиррел»

Поскольку, согласно версии Шекспира, Бекингем, который до тех пор помогал Ричарду совершать его чудовищные злодеяния, не смог переступить черту и убить принцев, Ричард вынужден искать другое орудие. Он вызывает пажа и просит подыскать не слишком щепетильного человека. И — о, чудо! Паж знает такого человека. Он говорит:

…Тиррел.

Акт IV, сцена 2, строка 40

Ричард что-то слышал о Тирреле. Когда впоследствии король встречает этого типа, он просит его продемонстрировать свои способности. Создается впечатление, что Тиррел — кто-то вроде наемного убийцы.

Ничего подобного. Сэр Джеймс Тиррел принадлежал к славному роду и был ярым сторонником Йорков. В 1471 г. он был посвящен в рыцари, а в 1477 г. стал членом парламента.

И позже в его жизни не было ничего такого, что позволило бы заподозрить в нем убийцу. Он оказывал Ричарду III всевозможные услуги. Если

бы Тиррел убил принцев, Ричард (будь он таким чудовищем, каким его изобразили) наверняка распорядился бы убрать ненужного свидетеля.

Но этого не случилось. Тиррел пережил Ричарда и до самой смерти служил его преемнику Ричмонду, правившему под именем Генриха VII. У Генриха были все основания убеждать окружающих, что убийство принцев организовал Ричард. Он сознательно вызывал ненависть к своему предшественнику с целью повысить собственный авторитет, однако Ричард нанял Тиррела.

В 1502 г., через семнадцать лет после прихода к власти Генриха, Тиррел впал в немилость. Его обвинили в измене, арестовали и казнили. Перед смертью он признался, что в тот день дежурил в Тауэре и был свидетелем того, как принцев убили два человека.

Было ли это признание правдивым, неизвестно. Можно утверждать лишь одно: смерть принцев была крайне выгодной для Генриха VII.

Некоторые рьяные защитники Ричарда III утверждают, что принцы оставались в живых в течение всего короткого правления Ричарда III и были убиты Генрихом VII по тем же самым государственным соображениям, которыми ру-

ководствовался и Ричард. Естественно, Генриху мешали свидетели, которые могли сообщить правду о его бесчестном поступке.

Но почему Тиррел? Почему признания стали добиваться именно от него, а не от кого-то другого? Возможно, здесь присутствовал тонкий психологический расчет.

Один из английских королей был убит. Вильгельм II умер 2 марта 1100 г., пораженный стрелой в спину во время праздничной охоты. Возможно, это был несчастный случай, но Вильгельм вызывал всеобщую ненависть, а потому случившееся сразу сочли убийством. Виновник этого события точно не установлен, но один человек бежал, испугавшись предстоящего расследования. Хотя он, уже будучи за границей, во всеуслышание заявлял, что невиновен, общественное мнение все равно считало его убийцей.

Но кем был этот человек? Его звали Уолтером Тиррелом, и ходили слухи, что род Джеймса Тиррела происходит от него. Может быть, Генрих использовал Тиррела для роли убийцы принцев, полагаясь на общественное мнение, связывавшее *этого* человека с *тем* Тиррелом?

В любом случае версия, выдвинутая в отчете о признании Тиррела, совпадает с версией Шекс-

пира в «Ричарде III» и официально принята во всем мире.

«Сын — глуп...»

Впрочем, на юных принцах свет клином не сошелся. Есть и другие люди, которых Ричарду нужно устранить. Он говорит Кетсби:

> Слух распусти повсюду,
> Что леди Анна тяжко заболела;
> А я велю ее держать в затворе.
> Да дворянина поищи в мужья
> Для дочки Кларенса, из захудалых.
> Сын — глуп, и потому он мне не страшен.

Акт IV, сцена 2, строки 49–54

Из этого отрывка следует, что Ричард намерен избавиться от жены — скорее всего, прибегнув к яду. (Во всяком случае, такова версия Шекспира.) На самом деле в апреле 1484 г. в возрасте восьми лет умер сын Ричарда. Это случилось через девять месяцев после коронации. Даже у самых фанатичных противников Ричарда не было оснований предполагать, что он как-то способствовал этому. Напротив, все дружно свидетельствуют,

что Ричард и Анна были сломлены горем; скорее всего, именно горе, а не мифический яд сократило жизнь матери.

16 марта 1485 г. королева Анна умерла. Ей было всего двадцать девять лет, но в ту эпоху человеческая жизнь была коротка. Нет никаких реальных свидетельств тому, что Ричард как-то ускорил смерть жены. Конечно, Ричард был обеспокоен существованием детей Кларенса (особенно сына, который обладал преимущественным перед Ричардом правом на трон, как принц королевской крови).

Поэтому Ричард хочет выдать дочь Кларенса Маргариту (которая унаследовала от бабушки титул графини Солсбери) замуж за человека незнатного, чтобы лишить ее потомков права на трон.

Это вполне в духе шекспировского Ричарда, но не имеет ничего общего с реальностью. Маргарита действительно вышла замуж за худородного дворянина сэра Ричарда Пола, но этот брак устроил не Ричард, а его преемник Генрих VII.

Что же касается малолетнего Эдуарда, графа Уорика, единственного сына Джорджа Кларенса, то он в течение всего периода правления Ричарда находился в заключении. Мера суровая, но

преемник Ричарда Генрих VII (изображенный в этой пьесе как воплощение благородства) делал то же самое.

Возможно, Эдуард и страдал умственной неполноценностью, но откуда нам это известно? Шекспир был вынужден как-то объяснить, почему чудовище Ричард не убил его. Обвинить злодея в еще одном убийстве, которого он не совершал, было нельзя, потому что все знали, как умер Эдуард Уорик. Он был казнен по приказу не Ричарда III, а того же Генриха IV, и случилось это в 1499 г.

«Дочь брата...»

Но зачем Ричарду нужно было избавиться от Анны? Ее родство с Уориками укрепляло позиции Ричарда на севере. На самом деле ее смерть стала для него не только личной утратой, но и политическим ударом.

Однако это плохо согласуется с образом Ричарда из легенды. Для смерти Анны должен существовать корыстный мотив, а главная корысть Ричарда — сохранение трона. Он говорит:

> Дочь брата в жены я себе возьму,

А то мой трон — на хрупком хрустале.

Акт IV, сцена 2, строки 59–60

Это понятно. Если он женится на Елизавете, старшей дочери Эдуарда IV, и она родит ему сына, этот сын будет внуком Эдуарда. Если титул Ричарда окажется недостаточным для короны, то его сын взойдет на престол по всем правилам — благодаря титулу деда.

Однако в таком случае Ричард женится на собственной племяннице, то есть совершит инцест. После смерти королевы Анны действительно распространился слух о предстоящем браке Ричарда с Елизаветой. Но реального Ричарда ужаснуло такое предположение, и 11 апреля 1485 г. в присутствии лорд-мэра и нескольких влиятельных граждан он официально заявил, что у него не было такого намерения.

Однако противники Йорков следующего поколения продолжали приписывать ему намерение совершить инцест.

«Дарить сегодня я не расположен»

Входит Бекингем и напоминает, что Ричард обещал вернуть ему графство Херефорд. Но Ричард, обеспокоенный угрозой Ричмонда, напомнив-

шего, что Генрих VI предрек ему корону (см. в гл. 13: «…Англии надежда»), и разгневанный тем, что Бекингем не захотел участвовать в убийстве принцев, восклицает:

Дарить сегодня я не расположен.

Акт IV, сцена 2, строка 115

Таким образом, он отказывается от обещания, данного своему верному клеврету (выполнявшему все его поручения, кроме последнего), и делает Бекингема своим врагом. Так сбывается седьмое проклятие Маргариты, пожелавшей Ричарду всю жизнь принимать врагов за друзей, а друзей за врагов.

Но Ричарда оболгали и тут. На самом деле Ричард передал Бекингему Херефорд и доходы от него через неделю после своей коронации.

«В Брекнок…»

Потрясенный Бекингем, оставшись на сцене один, говорит:

Для этого его короновал я?
О, вспомни Хестингса — и в Брекнок в путь,

Чтоб голову спасти мне как-нибудь.

Акт IV, сцена 2, строки 119–121

Брекнок — графство в Южном Уэльсе; его столица также называется Брекнок (ныне Брекон). Этот город расположен в 140 милях (225 км) к западу от Лондона; ясно, что Бекингем выбрал эту дальнюю и дикую местность, заботясь о собственном спасении.

Но на самом деле Ричард вручил ему обещанную награду, так что Бекингем бежал не ради безопасности, а чтобы набрать армию из отважных валлийцев и свергнуть короля.

Почему? Точно неизвестно, однако предположение, что Бекингем бежал из-за плохого обращения Ричарда, — выдумка позднейших историков.

Возможно, опыт, полученный в борьбе Ричарда за престолонаследие, заставил Бекингема вспомнить, что он сам потомок Эдуарда III и троюродный брат Ричарда III? Не задумался ли он над тем, как самому заполучить корону?

Если Бекингем сам не догадался об этом, то нашлись люди, которые внушили ему эту мысль, чтобы использовать его как орудие для свержения Ричарда. Епископ Илийский, арестованный

вместе с Хейстингсом несколько месяцев назад, ранее был помощником Бекингема. Некоторые предполагают, что именно епископ посеял в нем семена честолюбия и подбил на мятеж.

Скорее всего, правды мы уже не узнаем.

«Кровавое свершилось злодеянье»

Какое-то время сцена остается зловеще пустой. Наконец входит Тиррел и говорит:

> Кровавое свершилось злодеянье,
> Ужасное и жалкое убийство,
> В каком еще не грешен был наш край!

Акт IV, сцена 3, строки 1–3

Иными словами, принцы убиты, и проклятие Маргариты, предрекшей королеве, что ее сын, принц Уэльский, умрет преждевременной насильственной смертью так же, как и принц Уэльский, сын самой Маргариты, сбывается в восьмой раз.

И тут снова возникает вопрос (забудем о признании Тиррела, сделанном при другом короле): действительно ли принцы погибли в Тауэре в правление Ричарда III?

Увы, вероятнее всего, да. Со стороны Ричарда

это была неоправданная жестокость.

Слух о смерти принцев возник в августе 1483 г. и распространился по всей стране. В январе 1484 г. французские власти, всегда стремившиеся вызвать в Англии политические беспорядки, официально обвинили Ричарда в этом убийстве. (Правда, хитрец Людовик XI был тут уже ни при чем; он умер в 1483 г., почти одновременно со своим врагом Эдуардом IV, и теперь Францией правил его тринадцатилетний сын Карл VIII.)

Если бы в тот момент принцы были живы, Ричард ответил бы на обвинение, объяснив их заключение политической необходимостью. Если бы они умерли естественной смертью, Ричард сообщил бы об этом, хотя и знал бы, что ему никто не поверит.

Однако король упорно отмалчивался.

Можно предположить, что Ричард, узнав об измене Бекингема и опасаясь, что существование принцев будет способствовать восстанию, поспешно приказал их убить. В таком случае он должен был терзаться угрызениями совести. Возможно, он не оправдывался, потому что уже ничего нельзя было изменить. Возможно, Ричард считал грозившее ему бесчестье заслуженным и думал, что смерть собственного сына через де-

вять месяцев после коронации была возмездием за это злодейство.

Убийство принцев было больше чем преступлением: это была ошибка. Легенда о жестокости Ричарда способствовала мятежу больше, чем существование принцев. Именно то, что Ричард не опровергал слухов об убийстве, заставило общественность поверить всем клеветническим обвинениям, выдвинутым против несчастного Ричарда в правление следующего короля. Одного этого преступления (в котором, скорее всего, он был виновен, какими бы мотивами ни руководствовался и какие бы оправдания ни приводил) было достаточно, чтобы Ричарда сочли чудовищем и приписали ему сотню злодеяний, которых он не совершал.

«С валлийцами в союзе...»

Согласно версии Шекспира, не успевает Ричард узнать о смерти принцев, как получает известие об измене Бекингема. (Похоже, в реальной истории все было наоборот, но твердых доказательств этому нет.)

Входит Рэтклифф и говорит:

С плохой (вестью), милорд: у Ричмонда

Джон Мортон[245];
С валлийцами в союзе Бекингем
Уж выступил, и войско все растет.

Акт IV, сцена 3, строки 46–48

В октябре 1483 г. стало ясно, что Бекингем не только замыслил восстание в Уэльсе, но и организовал его. Ричард объявил Бекингема изменником, после чего 18 октября 1483 г. Бекингем повел свою валлийскую армию в Англию.

«Ущерб врагов моих…»

Ход событий прерывается длинной сценой с участием женских персонажей пьесы. Первой входит прежняя королева Маргарита, радуясь тому, что сторонники Йорков уничтожают друг друга. Она говорит:

В пределах этих пряталась хитро я,
Ущерб врагов моих подстерегая.

Акт IV, сцена 4, строки 3–4

Ее появление в Англии — полный абсурд. Во-первых, последние годы царствования Эдуарда

---

[245] Примечания: 245
Епископ Илийский. *(Примеч. пер.)*

она провела во Франции, так что просто не могла участвовать ни в одной сцене «Ричарда III»; Во-вторых, одинокая, нищая, несчастная и озлобленная Маргарита умерла в возрасте пятидесяти трех лет в 1482 г. — иными словами, за год до коронации Ричарда. Она не могла ни проклясть его, ни увидеть, как сбываются проклятия, приписанные ей в этой пьесе.

К Маргарите присоединяются ее бывшая соперница, вдовствующая королева Елизавета, и еще более старая соперница, вдовствующая герцогиня Йоркская, и женщины принимаются дружно оплакивать свои несчастья. Елизавета находит в своей участи так много общего с участью Маргариты, что говорит ей:

> Останься здесь, искусница в проклятьях,
> И научи, как клясть моих врагов!

Акт IV, сцена 4, строки 116–117

Таким образом, проклятие Маргариты сбывается в девятый раз, поскольку она говорила Елизавете: «Наступит день — меня попросишь ты / Проклясть с тобой кривую, злую жабу».

Тут входит Ричард, и ему удается уговорить Елизавету согласиться (или сделать вид, что она

согласилась) выдать за него дочь, принцессу Елизавету; именно так он в начале пьесы уговаривал леди Анну стать его женой.

Следует еще раз повторить, что подобных намерений у реального Ричарда никогда не было.

«Флот сильный…»

Снова входит Рэтклифф и сообщает очень неприятную весть:

> У западного берега, милорд,
> Флот сильный появился, и туда
> Неверные друзья толпой бегут,
> Но без оружия и не для боя.
> Все думают, что Ричмонд флот ведет…

Акт IV, сцена 4, строки 433–437

Генрих Тюдор, граф Ричмонд, много лет просил помощи у своих континентальных покровителей, которые осторожно уклонялись от обещаний, не желая брать на себя никаких обязательств. Только теперь, после начала восстания Бекингема, они рискнули помочь Ричмонду сделать то, что однажды с их помощью сделал Болингброк (см. в гл. 6: «…И восемь кораблей…»).

Попытку вторжения Ричмонд совершил по

предварительному сговору с Бекингемом. Это выясняется из дальнейших слов Рэтклиффа:

> И на море подмоги ожидает,
> Что с берега подаст лорд Бекингем.

Акт IV, сцена 4, строки 438–439

«…К Норфолку…»

Ричард вынужден принять безотлагательные меры. Он восклицает:

> Скорее шлите к Норфолку гонца…

Акт IV, сцена 4, строка 440

Герцог Норфолк — Джон Говард, первый из Говардов, который носит этот титул. Однако его мать была дочерью Томаса Моубрея, того самого герцога Норфолка, который должен был участвовать в знаменитой несостоявшейся дуэли с Болингброком (см. в гл. 6: «…Бросил жезл король»).

Норфолк был убежденным сторонником Йорков, и в 1483 г., сразу после коронации Ричарда, его сделали герцогом Норфолком и гофмаршалом Англии — иными словами, командующим арми-

ей Ричарда в отсутствие самого короля.

«…Изменником я не был и не буду»

Ричард чувствует опасность со всех сторон. Он недоверчиво смотрит на лорда Стенли (графа Дерби и отчима Ричмонда), но Стенли тут же заверяет:

> Государь,
> Причины нет меня подозревать:
> Изменником я не был и не буду.

Акт IV, сцена 4, строки 491–493

Это звучит саркастически, потому что Стенли хитрец и обманщик, умевший выкрутиться из любого трудного положения. А Ричарду он лгал больше и искуснее, чем кому бы то ни было.

Однако Ричарда его заверения не удовлетворяют. Он требует заложника:

> Иди сбирай войска; но здесь оставь
> Георга, сына.

Акт IV, сцена 4, строки 494–495

Неужели проницательный и подозрительный (по версии Шекспира) Ричард мог поверить тако-

му отъявленному приспособленцу, как Стенли?

Но Стенли был не единственным, кто пользовался снисходительностью короля. Некоторые сторонники Йорков, недовольные правлением Ричарда, тайно замышляли предать его и перейти на сторону Ричмонда; видимо, король не сумел их вовремя раскусить. Похоже, смерть принцев сломила его дух. Он больше не хотел проливать кровь.

«Рассеяны отряды Бекингема…»

Новости о бесконечных изменах поступают со всех сторон, но тут прибывает третий гонец и сообщает:

> Принес я, государь, вам весть о том,
> Что бурею внезапною и ливнем
> Рассеяны отряды Бекингема;
> Что сам он убежал совсем один…

Акт IV, сцена 4, строки 510–512

Восстание Бекингема провалилось. Продвигаясь на восток, его армия не смогла форсировать разлившиеся реки Уай и Северн. Несколько дней задержки оказались роковыми; воинский дух солдат угас. Суеверные валлийцы восприняли

разлив рек как неодобрение Небес и дурное предзнаменование и дезертировали. Бекингем, оказавшийся разбитым без единого выстрела, был вынужден бежать.

Та же непогода помешала Ричмонду высадиться на берег Англии. Четвертый гонец сообщает:

Бретонский флот рассеян бурей…

Акт IV, сцена 4, строка 521

Бретанью, в которой жил Ричмонд, тогда правил Франциск И, ее последний полунезависимый герцог. Он умер в 1488 г. (через пять лет после неудачного вторжения Ричмонда), оставив своей единственной наследницей дочь Анну. Анна вышла замуж за короля Карла VIII Французского, и с тех пор Бретань стала неотъемлемой частью Франции.

«В Солсбери…»

Бекингем оказался столь же невезучим беглецом, как и предводителем восстания. Входит Кетсби и говорит:

Мой государь, захвачен Бекингем.

Акт IV, сцена 4, строка 531

Ричард со злорадным удовлетворением приказывает:

Пусть кто-нибудь доставит
Мне Бекингема. Ну, вперед, за мной.

Акт IV, сцена 4, строки 537–538[246]

Сам Ричард уже находится в Солсбери, куда он прибыл для подавления восстания на западе. Бекингем просит принять его, но король отказывается разговаривать со своим старым товарищем и приказывает тотчас же казнить его. Идя на казнь, Бекингем с горечью говорит:

Я в этот день при короле Эдварде
Звал на себя погибель, если я
Его детей и братьев обману;
И в этот день звал гибель на себя…

Акт V, сцена 1, строки 13–15

Он вспоминает день, когда перед смертью

---

[246] Примечания: 246

В оригинале: «Пусть кто-нибудь доставит Бекингема в *Солсбери…*» — *Е. К.*

король Эдуард пытался примирить враждующие придворные группировки. Тогда Бекингем попросил Бога в случае измены покарать его ненавистью тех, от кого он ждал любви. «Всевидящий… / той ложной клятвой поразил меня». Кроме того, Бекингем вспоминает проклятие Маргариты и говорит:

Как тяжко пало
Проклятье королевы Маргариты…

Акт V, сцена 1, строка 25

Маргарита предупреждала Бекингема, что однажды Ричард «печалью пронзит ему сердце». Сбывается ее десятое пророчество.

Бекингема казнили 2 ноября 1483 г. Ему было двадцать девять лет.

«У Милфорда…»

Казнью Бекингема завершились шесть месяцев смятения, наступившего после смерти короля Эдуарда IV, и Ричард вздохнул спокойно.

Именно в это время он достиг самых больших успехов. 23 января 1384 г. Ричард созвал парламент (как выяснилось, единственный при его жизни) и провел на нем множество законов, на-

правленных против несправедливых налогов и высоких процентов, которые брали ростовщики.

Все эти либеральные законы были изданы не на латыни, как прежде, а на английском языке, так что прочитать их мог каждый грамотный, а не только ученый. Чтобы сделать их общедоступными, Ричард содействовал развитию книгопечатания в стране.

Можно предположить, что, если бы Ричард дожил до старости, если бы его сын не умер в детстве, если бы соседние страны прекратили свои интриги, Ричард стал бы одним из самых лучших и самых любимых королей за всю историю Англии. Но этого не произошло.

Именно в этот мирный и спокойный период умерли его сын и жена, а недовольные сторонники Йорков вступали в сговор с Ричмондом.

Ричард попытался уговорить бретонского герцога Франциска выдать ему Ричмонда, но Ричмонд успел бежать во Францию, где нашел еще более могущественного покровителя в лице самого короля.

Франция больше всех стремилась привлечь Ричмонда на свою сторону. Ричард был талантливым полководцем и самым решительным английским монархом со времен Генриха V. Он

оспаривал неравноправный договор, заключенный его братом с Людовиком XI (см. в гл. 14: «Король и слаб, и болен…»), и французы боялись, что стоит Ричарду уладить свои внутренние дела, как он снова вторгнется на континент. Следовательно, для Франции было выгодно, чтобы внутренние беспорядки в Англии не утихали.

С помощью Франции Ричмонд подготовил новое вторжение. Шекспир пропускает два года, прошедшие после первой неудачной попытки графа высадиться в Англии, и заставляет Кетсби в той же речи, в которой он говорит об аресте Бекингема, сказать (хотя только что предыдущий гонец сообщил, что флот Ричмонда рассеял шторм):

> Ричмонд
> У Милфорда с могучим войском вышел.

Акт IV, сцена 4, строки 532–533

Отбыв из Арфлера 1 августа 1485 г., 7 августа Ричмонд высадился в Милфорд-Хейвене. Этот валлийский порт являлся идеальным местом для высадки. Напомним, что Ричмонд был Тюдором, отпрыском местных принцев. Считалось, что валлийцы сбегутся под его знамена.

«…Дочь Елизавету»

Тем временем Стенли, замысливший измену, посылает Ричмонду сообщение, объясняя, что он вынужден соблюдать осторожность, так как его сын находится в заложниках у Ричарда. Он говорит посланцу:

> Скажи ему, что королева рада
> Ему дать в жены дочь Елизавету.
>
> ***Акт IV, сцена 5, строки 7–8***

Только теперь выясняется, что Елизавета обманула Ричарда. Сделав вид, что уступает королю и согласна выдать за него дочь, она на самом деле вела тайные переговоры с Ричмондом.

В сложившейся ситуации этот брак был необходим Ричмонду по политическим соображениям. Его мощь зависела не столько от ланкастерцев, сколько от недовольных сторонников Йорков. Они противостояли Ричарду, но не горели желанием подчиняться королю из рода Ланкастеров. Женившись на Елизавете, Ричмонд мог обзавестись сыном, который будет внуком короля Эдуарда IV. В этом ребенке вновь соединятся две ветви, и закончится долгая вражда. Так и вышло

на самом деле.

Стенли разговаривает с преподобным сэром Кристофером Эрсвиком, духовником Маргариты Бофорт, матери Ричмонда и нынешней супруги лорда Стенли. Этот священник действительно вел переговоры, закончившиеся браком Ричмонда и Елизаветы.

«Сэр Уолтер Херберт…»

Стенли спрашивает, кто сопровождает Ричмонда, и сэр Кристофер отвечает:

> Сэр Уолтер Херберт, знаменитый воин.
> Сэр Гилберт Толбот и сэр Вильям Стенли,
> Великий Пембрук, Оксфорд, сэр Джемс Блент
> И Райс-ап Томас…

Акт IV, сцена 5, строки 12–15

Некоторые из этих людей достойны комментариев.

Сэр Уолтер Херберт — сын Уильяма Херберта, графа Пембрука. Старший Херберт — эпизодический персонаж третьей части «Генриха VI», взятый в плен в битве при Эджкоуте и впослед-

ствии казненный ланкастерцами. Сэр Уолтер сражается на стороне Ричмонда, несмотря на родовую вражду с Ланкастерами.

Сэр Вильям (Уильям) Стенли — родной брат того Стенли, с которым в данный момент разговаривает сэр Кристофер.

Оксфорд — предводитель ланкастерцев в третьей части «Генриха VI»; он сражался при Барнете и через семь лет после битвы при Тьюксбери предпринял тщетную попытку реставрировать власть Ланкастеров. Его посадили в тюрьму в Кале, но он сумел бежать и присоединился к Ричмонду.

Сэр Джемс (Джеймс) Блент (точнее, Блант) — внук того самого сэра Уолтера Бланта, который появляется в первой части «Генриха IV» и погибает в битве при Шрусбери, надев на себя доспехи короля.

«От Тэмуорта...»

Наконец на сцене появляется Ричмонд. Он уже достиг центра Англии, но прерывает поход, чтобы обратиться к своим людям. Граф говорит о Ричарде:

...гнусный боров

Залег здесь, как мы только что узнали,
У Лестера, в одном лишь переходе.

Акт V, сцена 2, строки 11–13[247]

Высадившись в Милфорд-Хейвене, Ричмонд двигался маршем через Уэльс на северо-восток, не встречая ни противодействия, ни решительной поддержки местных жителей, которые считали, что Ричард наверняка разобьет его.

Когда Ричмонд вышел из Уэльса и 15 августа 1485 г. без боя взял город Шрусбери, у него было всего четыре тысячи человек. Из Шрусбери он прошел 45 миль (72 км) на восток и добрался до Тэмуорта, расположенного в 15 милях (24 км) к северо-востоку от современного Бирмингема.

Ричард узнал о вторжении только через неделю после высадки Ричмонда. Он собрал армию и спешно направился в Лестер, расположенный в 25 милях (40 км) восточнее Тэмуорта. 20 августа обе армии встретились лицом к лицу. Армия Ричарда была больше и лучше, а сам Ричард был намного талантливее Ричмонда.

Исходя из одного этого, следовало ожидать

---

[247] Примечания: 247

В оригинале: «Как нам стало известно, эта дикая свинья находится в самом центре острова, неподалеку от города Лестера. От Тэмуорта туда лишь день пути». — Е. К.

победы Ричарда.

«…Здесь, на Босуортском поле»

Ричард держится очень уверенно. Появившись на сцене, он говорит:

> Разбить шатры здесь, на Босуортском поле.
> Лорд Серри, почему вы так печальны?

Акт V, сцена 3, строки 1–2

Две армии сошлись на поле в 12 милях (19 км) западнее Лестера и всего в 3 милях (5 км) от городка Маркет-Босуорт. По имени этого городка и названа последняя битва Войны Алой и Белой розы, продолжавшейся целое поколение (1455–1485).

Лорд Суррей — это Томас Говард, граф Суррей[248]. Он сын Джона Норфолка, который также находится на сцене.

«Нортемберленда…»

Суррей опровергает слова Ричарда. Они с отцом доблестно сражаются на стороне Ричарда,

---

[248] Примечания: 248
в переводе — лорд Серри. — Е. К.

но выясняется, что многие военачальники королевской армии настроены по-другому. Это в первую очередь относится к Стенли, но он не единственный.

Ричард спрашивает Рэтклиффа:

> Нортемберленда грустного ты видел?
>
> ***Акт V, сцена 3, строка 68***

Нортумберленд[249] — это Генри Перси, титулы и земли которого временно принадлежали Джону Невиллу в начале правления Эдуарда IV.

Ричарду сообщают, что Нортумберленд старается поднять боевой дух солдат, но у графа есть основания для уныния. Он переметнулся к Ричмонду, а в такие игры трудно играть на поле битвы.

Ричмонд прилагает все усилия, чтобы обратить эту измену себе на пользу. Например, он пытается наладить связь со Стенли, говоря одному из своих военачальников:

> Мой милый Блент, коль это не опасно
> Для жизни, способ вы найдите к Стенли

---

[249] Примечания: 249
в переводе — Нортемберленд. — *Е. К.*

Снести вот это важное письмо.

Акт V, сцена 3, строки 40–41

«Джек Норфолк…»

Вряд ли Ричард не был предупрежден об измене. На исходе ночи (ночи, в которую, по версии Шекспира, Ричарду в соответствии с проклятием Маргариты являлись призраки убитых им людей, проклинали его и благословляли Ричмонда) герцог Норфолк находит в своем шатре подброшенную записку, приносит ее Ричарду, и тот читает:

«Джек Норфолк, ты дерзок, но все равно:
Хозяин твой Дикон уж продан давно».

Акт V, сцена 3, строки 305–306

Джоки[250] — это уменьшительное от Джон, а Дикон — от Ричард.

Записка правдива, но Ричард игнорирует ее, принимая за пропаганду противника, направленную на подрыв боевого духа.

---

[250] Примечания: 250
в переводе — Джек.

«...Идти он отказался»

Можно предположить, что Ричард не желает видеть измену, потому что в глубине души стремится к смерти. Смерть жены и сына лишила его надежды на будущее; убийство малолетних принцев отяготило душу; Элизиум, который, по мнению Шекспира, он собирался обрести, добившись короны (см. в гл. 13: «Все лорды северные...»), — все ускользает от него. За короткий период его правления все попытки стать хорошим и справедливым королем не помешали разрастись гидре мятежей и восстаний.

Тем не менее, когда 22 августа 1485 г. начинается битва при Босуорте, Ричард сражается с прежним искусством и отвагой. Кетсби говорит Норфолку:

> Чудеса
> Невиданные там король творит...
>
> ***Акт V, сцена 4, строка 2***

Но все уже бесполезно. Когда наступает критический момент и приходит пора бросить в бой отряды Стенли, прибывший гонец сообщает:

К вам, государь, идти он (Стенли) отказался.

Акт V, сцена 3, строка 344

Ричард в бешенстве приказывает отрубить сыну Стенли голову, но в пылу битвы для этого нет времени.

Наступает развязка (хотя подробности в пьесе не приводятся). Когда Ричмонд напал на Ричарда с фланга, Нортумберленд мог легко отбить эту атаку, но его люди бездействовали.

Если подсчитать воинов Ричарда, которые действительно сражались, то получится, что армия Ричмонда имела колоссальное численное превосходство.

«Венец мой за коня!»

Ричард, сражавшийся как гигант, тем не менее лишился коня. Он, пошатываясь, выходит на сцену и произносит самую знаменитую из шекспировских цитат:

Коня! Коня! Венец мой за коня!

Акт V, сцена 4, строка 7

Честно говоря, Ричард мог остаться в живых. Ему ничего не стоило покинуть поле боя. Предыдущие короли выживали, проиграв битву; даже его брат Эдуард бежал от Уорика за границу, а потом вернулся в Англию и одержал победу.

Кетсби говорит Ричарду:

Спасайтесь, государь! Коня достану.

Акт V, сцена 4, строка 8

Однако Ричард отказывается. Он не хочет жить в изгнании, как его брат и Ричмонд.

Легко представить себе, что Ричард устал от жизни, от политики, от казней, от короны, от нескончаемых трудов по завоеванию популярности, которая так и не пришла, от бесконечных измен и (возможно) от сознания того, что он должен жить, до самой смерти испытывая муки совести из-за убийства принцев.

«…Кровавый пес»

В пьесе Ричард и Ричмонд сходятся в единоборстве (у Шекспира исход битвы всегда решается гомеровским поединком), и Ричард погибает. Ричмонд ликует:

Победа наша; сдох кровавый пес.

Акт V, сцена 5, строка 2

В действительности битва закончилась тем, что отчаявшийся Ричард намеренно бросился в самую гущу врагов с криком: «Измена! Измена!» Он зарубил несколько человек, прежде чем его стащили с коня и убили. Ричард погиб в возрасте тридцати двух лет.

Сразу вслед за этим Ричмонд принял корону и стал королем Англии Генрихом VII.

Ричард III был последним представителем правившей в Англии династии Плантагенетов, последним из королей, который вел свою родословную в течение нескольких поколений исключительно по мужской линии от Генриха II Английского. Теперь на свете оставался один-единственный живой Плантагенет: им был все еще находившийся в Тауэре малолетний Эдуард, сын Джорджа Кларенса. Этому внуку Ричарда Йорка и прапраправнуку Эдуарда III предстояло оставаться в заточении и в царствование Генриха VII.

«…С Белой розой Алую»

Но народ Англии уже не беспокоила судьба Плантагенетов. Больше всего люди хотели мира. Генрих VII (черствый, холодный, алчный человек, совсем не похожий на святого, которого изобразил Шекспир) удержался на троне лишь потому, что английский народ хотел жить в мире.

Понимая и уважая это желание, Генрих говорит:

> …соединим
> Мы с Белой розой Алую навек…

Акт V, сцена 5, строка 19

Имеется в виду, что Генрих женится на Елизавете Йоркской, дочери короля Эдуарда IV. Он продолжает:

> Теперь же Ричмонд и Елизавета,
> Наследники двух царственных домов,
> Соединятся Божьим изволеньем!
> А если Бог благословит, их дети
> Вернут на землю нежноликий мир…

Акт V, сцена 5, строки 29–33

Генрих VII действительно женился на Елизавете 18 января 1486 г., через полгода после битвы при Босуорте. В то время ей было двадцать один год. Их брак длился семнадцать лет, поскольку в 1503 г. Елизавета умерла, родив Генриху дочь и двоих сыновей. Младший сын, родившийся 28 июня 1494 г., впоследствии унаследовал трон и стал Генрихом VIII. Именно он осуществил союз Алой и Белой розы, поскольку был сыном Генриха VII Тюдора (потомка Ланкастеров) и внуком Эдуарда IV (Йорка).

Глава 15 «Генрих VIII»

Шекспир написал свою последнюю пьесу, посвященную истории Англии XV в., в 1599 г. Это был «Генрих V». Он завершил цикл из восьми пьес, охватывавший английскую историю с 1399 по 1485 г. — период войн за престолонаследие, начавшийся низложением Ричарда II.

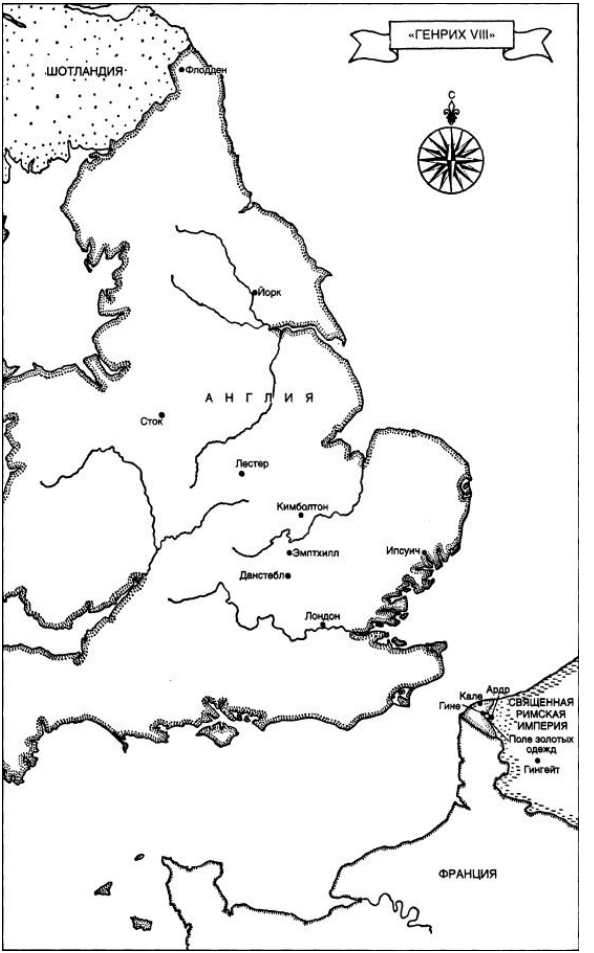
Промежуток между смертью Томаса Глостера в Кале и смертью Ричарда Глостера у Босуорта представляет собой цельный эпизод английской истории с четким началом, четким концом и четкой кульминацией — битвой при Азенкуре. У него даже есть своя мораль («законного короля нельзя свергать даже в том случае, если он не прав») и свой хеппи-энд, потому что после битвы у Босуорта в Англии началась эпоха, которую по сравнению с предыдущей можно назвать мирной и спокойной.

После завершения цикла исторических хроник о XV в. Шекспир получил возможность перейти к трагедиям, «римским» пьесам и «горьким комедиям». (Можно заметить, что после 1599 г., попытки мятежа и последовавшей за ним казни

графа Эссекса Шекспир как драматург потерял интерес к английской истории. Она слишком приблизилась к его времени.)

Нам осталось рассмотреть последнюю хронику, в которой Шекспир снова возвращается к истории Англии. Это «Генрих VIII». В этой пьесе описана эпоха более поздняя в сравнении с остальными и ближайшая к эпохе самого Шекспира. Пьеса была написана около 1612 или 1613 г., и многие исследователи считают ее плодом коллективного творчества. Создается впечатление, что «Генрих VIII» написан Шекспиром в соавторстве с Флетчером — как и созданная примерно в то же время пьеса «Два знатных родича».

Однако вклад Шекспира в «Генриха VIII» намного значительнее, чем в «Двух знатных родичах», поэтому на титульном листе первым обычно стоит его имя. Более того, «Генрих VIII», в отличие от «Двух знатных родичей», всегда включается в собрания сочинений Шекспира.


«ГЕНРИХ VIII»
С
ШОТЛАНДИЯ
Флоддэн
Йорк
А Н Г Л И Я
Сток
Лестер
Кимболтон
Эмптхилл
Ипсуич
Данстебл
Лондон
Кале
Гине
Ардр
СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
Поле золотых одежд
Гингейт
ФРАНЦИЯ

События, описываемые в «Генрихе VIII», начинаются в 1520 г., то есть через тридцать пять лет после финала «Ричарда III». Битва при Босуорте положила конец Войне Алой и Белой розы, и политика Генриха VII (выведенного в «Ричарде III» под именем Ричмонд) была в основном направлена на предотвращение новых вспышек. Иными словами, его целью было то же, к чему стремился сам Ричард III, — мир и сильная королевская власть, — но Генриху это удалось, а Ричарду нет.

Генрих VII строго следовал политике примирения. Он запретил казни без суда и следствия. Он уважал парламент, соблюдал все необходимые формальности, короновался 30 октября 1485 г. и выполнил обещание, данное сторонникам Йорков, выступавшим против Ричарда, которые стали его союзниками после женитьбы Генриха VII на Елизавете Йоркской (дочери Эдуарда IV) 18 января 1486 г.

Кроме того, Генрих VII укрепил собственную позицию, намеренно превращая Ричарда III в злодея. Это лишило народной поддержки претендентов на престол со стороны Йорков. Это было проделано так удачно (благодаря биографии Ричарда, написанной Томасом Мором, см. в гл. 12: «…Гнусный недоносок», но главным образом

благодаря посвященной ему пьесе Шекспира), что бедный Ричард навсегда предстал перед всем светом как самое кошмарное чудовище (которым он, конечно, не был).

Кроме того, Генрих VII старательно и безжалостно устранил со своего пути тех, кто мог стать знаменем сторонников Йорков. Так, он продолжал держать в заточении Эдуарда Уорика (сына Джорджа Кларенса и последнего живого Плантагенета).

Однако был другой представитель Йорков, находившийся на свободе и, возможно, представлявший еще большую опасность, чем Уорик. Это был Джон де ла Поль, граф Линкольн и сын сестры Эдуарда IV и Ричарда III. Когда сын Ричарда умер, этот король назвал наследником престола своего племянника.

Джон Линкольн присоединился к неудачному мятежу, поднятому неким Ламбертом Симнелом, который называл себя Эдуардом Уориком, бежавшим из заключения. Мятеж не представлял никакой опасности для власти и был быстро подавлен после сражения при Стоуке (примерно в 110 милях (175 км) к северу от Лондона) в 1487 г. Джон Линкольн погиб в бою. Ловелл (который был одним из главных советников Ричарда III

(см. в гл. 14: «Ретклиф и Ловел…) также принимал участие в этой битве на стороне заговорщиков, но сумел бежать, и с тех пор его больше никто не видел.

Симнел получал материальную поддержку от вдовствующей герцогини Маргариты Бургундской, еще одной сестры Эдуарда IV и Ричарда III. Она до конца жизни оставалась заклятым врагом ланкастерцев, будучи своего рода зеркальным отражением другой Маргариты — Анжуйской.

Маргарита Бургундская поддерживала любую акцию, направленную против Генриха VII. Например, она, должно быть, знала, что Симнел самозванец, но ее это не тревожило. Кроме того, она поддерживала некоего Перкина Уорбека, который выдавал себя за Ричарда Йоркского, младшего сына Эдуарда IV (см. в гл. 14: «Сын мой Йорк…»), и заявлял, что бежал из Тауэра.

Уорбек действовал намного успешнее Симнела, но в конце концов тоже был разбит, взят в плен, посажен в Тауэр и повешен в 1499 г. В том же году казнили и Эдуарда Уорика, и последний Плантагенет исчез с лица земли.

Что же касается Маргариты Бургундской, то она умерла в 1503 г., после чего защитников дела Йорков больше не осталось.

Впрочем, заговоры сторонников Йорков в эпоху правления Генриха VII не оказывали почти никакого влияния на жизнь народа. Генрих, человек хитрый и жадный, сделал своей главной целью пополнение королевской казны. Когда он умер в 1509 г., Англия была процветающей, богатой и мирной страной, вставшей на путь превращения в мировую империю. Именно в царствование Генриха VII англичане начали осваивать Новый Свет. Экспедиция под командованием итальянского первопроходца Джованни Кабото (более известного под английским именем Джон Кэбот) открыла Ньюфаундленд и первой достигла американского материка.

Претендентов на престол из рода Йорков Генрих уничтожил с помощью военной силы и политики, а остальных покорил с помощью династического брака. Когда он умер, его сын (тоже Генрих) унаследовал престол и стал править под именем Генрих VIII. Он был не только сыном Генриха VII и, следовательно, потомком Джона Гонта, то есть Ланкастером, но и сыном Елизаветы Йоркской и внуком Эдуарда IV. В его лице вновь объединились ветви Ланкастеров и Йорков, Алая и Белая роза.

Как по заказу, Генрих VIII, ставший королем

в восемнадцать лет, был копией Эдуарда IV. Он был высок, силен, любил бороться и писал любовные баллады. Светловолосый, красивый, умный и любезный, Генрих был чрезвычайно популярен у своих подданных и пользовался этой популярностью до самого конца своего долгого царствования — даже тогда, когда красота сменилась омерзительной тучностью, а любезность — патологической жестокостью. В последние годы своего правления Генрих стал именно таким тираном и садистом, каким Ричарда представляли только более поздние легенды.

В начале пьесы Генрих VIII владеет английским престолом уже одиннадцать лет; значит, ему около тридцати.

«С добрым утром!»

Пьеса начинается с того, что в приемную лондонского королевского дворца входят трое мужчин. Один из них говорит:

> Добро пожаловать и с добрым утром!
> В последний раз во Франции как будто
> Мы виделись?

Акт I, сцена 1, строки 1–2 (перевод Б.

Томашевского)

Это говорит Эдуард Стаффорд, третий герцог Бекингем. Он старший сын того Бекингема, который сыграл такую важную роль в «Ричарде III» (см. в гл. 14: «…Бекингем и Стенли»), сначала посадив этого короля на трон, а вскоре после этого подняв мятеж.

Когда Ричард казнил Генриха Бекингема, его сыну Эдуарду (репликой которого начинается пьеса) было всего пять лет. Через два года после поражения и гибели Ричарда III новый монарх Генрих VII передал юному Эдуарду отцовские земли и титул.

При следующем короле, Генрихе VIII, Бекингем был в большом фаворе; одним из первых актов нового короля стало назначение Генриха лордом-констеблем (командующим армией в отсутствие короля). Этот пост занимали предки Бекингема.

«…Я восхищаюсь»

Собеседник Бекингема отвечает:

> Милорд, благодарю вас. Я здоров.
> А всем, что там увидеть довелось мне,

Я восхищаюсь.

Акт I, сцена 1, строки 2–4

Эти слова произносит Томас Говард, второй герцог Норфолк. Он сын герцога Джоки Норфолка, главного сторонника Ричарда в битве при Босуорте, погибшего в этом сражении. Томас и сам участвовал в нем и упоминается в «Ричарде III» под именем графа Суррея (см. в гл. 14: «…Здесь, на Босуортском поле»).

Томас Говард был тяжело ранен при Босуорте, но выжил и просидел в тюрьме до 1489 г. Затем его освободил Генрих VII (который предпочитал по возможности мириться с бывшими сторонниками Йорков) и стал графом Норфолком (получив отцовский титул с понижением на одну ступеньку). С тех пор Томас верно служил Тюдорам.

В 1513 г., в период правления Генриха VIII, Томас Говард командовал английской армией, одержавшей громкую победу над шотландцами в битве при Флоддене, и в 1514 г. был сделан герцогом Норфолком, наконец полностью обретя отцовский титул.

«Два солнца славы…»

Какие французские события столь восхитили

Норфолка? Бекингем тоже хочет это знать, потому что:

> Приступ лихорадки
> Меня к постели приковал, когда
> Два солнца славы, два светила в блеске
> Сошлись в долине *Ард.*

Акт I, сцена 1, строки 4–7[251]

Многообещающий новый король унаследовал трон не только в Англии. Во всей Западной Европе на смену Средневековью приходила эпоха Возрождения. Словно для того, чтобы отметить это событие, на сцене появился целый ряд выдающихся молодых монархов.

Во Франции во время битвы при Босуорте правил Карл VIII. Достигнув зрелости, он начал войны в Италии, в ходе которых столкнулся с немцами и испанцами (они заменили традиционного для Франции врага — англичан). Карл умер в 1498 г., не оставив сыновей и передав трон своему двоюродному брату, некогда отстраненному от престолонаследия. Этот новый король, Людовик XII, был сыном нашего старого знакомого Карла (Шарля) Орлеанского, проигравшего

---

[251] Примечания: 251
В оригинале: «…в долине *Андрен*». — *Е. К.*

битву при Азенкуре (см. в гл. 10: «…Французов в поле десять тысяч»).

Людовик XII продолжал итальянские войны и сражался с немцами и испанцами. Когда в 1515 г. он умер, также не оставив сыновей, трон унаследовал его двоюродный брат (также в свое время лишенный права на трон) Франциск I. В то время Франциску было двадцать один год; Генриху VIII — двадцать четыре.

Затем в 1516 г. молодой человек по имени Карл (всего шестнадцати лет) начал получать в наследство огромные территории. По матери он был внуком Фердинанда и Изабеллы Испанских; когда Фердинанд умер, он стал королем Карлом I Испанским. Когда умер его собственный отец Максимилиан, Карл унаследовал земли в Бургундии и Германии. (Карл был праправнуком Филиппа Доброго.) Наконец в 1519 г. он был избран императором Священной Римской империи и стал императором Карлом V. Именно как император Карл V он и фигурирует в истории Европы.

Таким образом, в 1520 г. (к моменту начала пьесы) главными монархами Европы были трое: двадцатилетний император Карл V, двадцатишестилетний французский король Франциск I и двадцатидевятилетний английский король

Генрих VIII.

К этому времени Франция уже целое поколение воевала с немцами и испанцами в Италии, а теперь испанцы и немцы объединились под властью Карла V. На смену великой феодальной войне между Францией и Англией, продолжавшейся весь XV в., пришла еще более великая феодальная война между Францией и Священной Римской империей плюс Испанией, продолжавшаяся весь XVI в.

В то время Англия сильно уступала и Франции, и Священной Римской империи по территории, народонаселению и богатству, но представляла собой важный противовес. Если бы она присоединилась к той или иной воюющей стороне, то могла бы обеспечить ей победу.

Сначала Англия, которая не могла отрешиться от традиционной враждебности к Франции, автоматически выступила против нее. В 1513 г. Генрих VIII послал армию в Кале, и островная нация снова, как было при Эдуарде III и Генрихе V, приготовилась вторгнуться во Францию. Тогда еще королем Франции был Людовик XII, императором — Максимилиан, а королем Испании — Фердинанд II.

Однако Генрих VIII не был Генрихом V, и он

сумел только осадить (причем безуспешно) несколько ближайших французских городков.

16 августа 1513 г. французы решили доставить продовольствие в один из осажденных городов под прикрытием отвлекающего боя. С этой целью они дислоцировали армию в Гингейте, примерно в 30 милях (48 км) к юго-востоку от Кале. (Сейчас это французская территория, но в то время она принадлежала Фландрии, входившей в империю.)

Как и надеялись французы, англичане заглотнули крючок и приготовились к битве. Французы атаковали, доставили в город продовольствие, а как только цель была достигнута, быстро отступили. Однако англичане преследовали их гораздо энергичнее, чем ожидалось, и французское отступление превратилось в бегство. Среди французов началась паника, и англичане одержали серьезную победу, захватив много пленных, причем это было сделано практически без единого выстрела. Речь идет о знаменитой «битве шпор», получившей такое название из-за того, что перепуганные французы без конца пришпоривали своих лошадей.

А 9 сентября, всего три недели спустя, при Флоддене была одержана решительная победа над

союзниками французов шотландцами.

Этот двойной триумф принес Генриху VIII всю славу, в которой он нуждался, и, когда показалось, что его союзники, преследуя собственные интересы, готовы заключить мир с Францией, Генрих, не желая продолжать войну в одиночестве, в 1514 г. сам заключил мир с Людовиком XII.

Поэтому вполне естественно, что, когда новые монархи Франциск и Карл решили продолжить войну, начатую их предшественниками, они принялись обхаживать молодого английского короля, так успешно воевавшего в 1513 г.

Победу в этой пропагандистской войне одержал Франциск, убедивший Генриха прибыть во Францию для того, чтобы, как теперь говорят, провести «встречу в верхах».

В конце мая Генрих направился во Францию с мирной миссией, и в июне Генрих и Франциск с невиданной прежде пышностью встретились в долине Ард, примерно в 8 милях (13 км) к югу от Кале.

Видимо, именно этих двух королей Бекингем и имеет в виду, называя их «двумя солнцами славы, двумя светилами в блеске».

«…Между Гине и Ардом»

Норфолк так описывает эту встречу:

> Да, я там был
> И видел, как два всадника друг друга
> Приветствовали.
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 7–8***[252]

Гине и Ард (точнее, Ардр) — два городка в 5 милях (8 км) друг от друга, первый к западу от долины Андреи, второй — к востоку. В Гине расположились англичане, а в Ардре — французы.

7 июня 1520 г. два монарха прибыли в долину, съехались и обнялись, выражая доверие друг к другу.

Хотя в этом диалоге Бекингем жалуется на болезнь, которая приковала его к постели, а Норфолк ведет себя так, словно был очевидцем происходившего, на самом деле все было наоборот. Бекингем присутствовал на этой встрече, как и все самые знатные придворные короля. А вот Норфолка на ней не было. Он, как победитель при Флоддене, исполнял в Англии обязанности

---

[252] Примечания: 252

В оригинале: «Они встретились *между Гине и Ардом. Я* там был и видел…» — *Е. К.*

короля, пока тот находился во Франции.

«Звенящие доспехами французы, все в золоте...»

Англичане и французы, присутствовавшие на этой встрече, стремились перещеголять друг друга нарядами, демонстрируя мощь и славу своих королевств. Как говорит Норфолк:

> Звенящие доспехами французы,
> Все в золоте, как дикарей кумиры,
> Сегодня затмевают англичан,
> А завтра — словно Индия пред нами,
> И каждый бритт как золотой рудник.
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 18–22***

Действительно, изысканность костюмов и украшений на этой встрече была такой, что долина Андреи вошла в историю под названием Поле золотых одежд.

«...Поверить мы могли и в Бевиса»

Но это было не только зрелище. Франциск пытался угодить Генриху, потому что агличанин был нужен французу больше, чем француз ан-

гличанину. У Франциска был длинный нос; все видели, что англичанин намного красивее, но француз не обращал на это внимания и позволял английскому королю блистать. Более того, он рискнул прибыть в английский лагерь без оружия и приказал своим приближенным вести себя с англичанами по-дружески, не боясь предательства. Менее доверчивые англичане старались держаться вместе и вели себя высокомерно.

Развлечений было множество, включая рыцарские турниры в средневековом стиле, в роскошных доспехах и с соблюдением сложных правил. Норфолк говорит:

> Когда два солнца — так их называли —
> Через герольдов вызвали на бой
> Славнейших рыцарей, то началось
> Такое, что нельзя себе представить.
> Все легендарное вдруг стало былью —
> Настолько, что поверить мы могли И в Бевиса.

Акт I, сцена 1, строки 33–38

Бевис — персонаж одного из средневековых рыцарских романов, которые высмеял и уничтожил «Дон-Кихот». Роман назывался «Сэр Бевис Хэмтонский»; как и во всех подобных романах,

там описывались невероятные битвы, страшные раны (как нанесенные, так и полученные) и чудеса, совершаемые добрыми и злыми волшебниками. Гипербола Норфолка означает, что поединки на Поле золотых одежд были такими потрясающими, что перед ними меркнут даже легенды о Бевисе.

Конечно, все было подстроено заранее. Короли выигрывали каждую схватку, в которой участвовали, потому что соперники падали прежде, чем их успевало коснуться королевское копье. Кому нужны лишние неприятности, если невзначай выбьешь короля из седла?

Впрочем, одна неприятность все же испортила этот праздник всеобщей любви. В какой-то момент Генрих, очень гордившийся своим борцовским искусством, внезапно обхватил руками щуплого Франциска и сказал: «Брат, я хочу побороться с тобой».

Возможно, если бы Франциск не был захвачен врасплох, все бы кончилось благополучно: короли немного повозились бы и завершили поединок вничью. Однако Франциск, не успев подумать, продемонстрировал в схватке свое борцовское искусство. Почти автоматически он провел прием, и английский король рухнул на

землю. Генрих встал, красный от унижения, и вся французская льстивая дипломатия пошла насмарку.

Честно говоря, она пошла бы насмарку в любом случае, потому что Карл V не сидел сложа руки. Пока Франциск тратил деньги на то, чтобы пустить Генриху пыль в глаза, Карл добивался своего обещаниями и взятками. В конце концов Поле золотых одежд обернулось для Франции оглушительным фиаско, потому что в последовавших за этим континентальных войнах Генрих соблюдал строгий нейтралитет, а когда все же нарушал его, то склонялся на сторону Карла, а не Франциска.

«...Достопочтенный кардинал Йоркский»

Бекингем спрашивает, кто организовал столь впечатляющее зрелище, и Норфолк отвечает:

> Все это с мастерством осуществил
> Достопочтенный кардинал Йоркский.

Акт I, сцена 7, строки 50–51

Упомянутый здесь кардинал Йоркский — это Томас Вулси, родившийся около 1473 г. и посвященный в сан в 1498 г. Впервые он занял се-

рьезную должность воспитателя троих сыновей Томаса Грея, первого маркиза Дорсета, пасынка Эдуарда IV, он фигурировал в «Ричарде III» как один из немногих Вудвиллов, переживших то царствование.

Карьера Вулси возрастала стремительно; каждый из работодателей восхищался его способностями и помогал ему подняться на следующую ступень, пока Вулси не стал духовником Генриха VII. При сыне Генриха VII Вулси стал самым влиятельным из королевских советников. Именно он посоветовал Генриху VIII вторгнуться во Францию в 1513 г.; после двойной победы под Гингейтом и у Флоддена именно Вулси заключил с Людовиком XII Французским чрезвычайно выгодный мир. За это в 1514 г. его сделали архиепископом Йоркским (этот пост он занимал in absentia[253]). В 1515 г. папа сделал его кардиналом, а 22 декабря того же года Вулси стал лорд-канцлером Генриха.

Как кардинал Йоркский и лорд-канцлер, Вулси стал самым могущественным человеком в Англии после короля и воспользовался своим положением в полной мере. Он любил богатство

---

[253] Примечания: 253
Без личного присутствия *(лат.). (Примеч. пер.)*

и власть, обладал и тем и другим и немилосердно хвастался этим. Он покровительствовал художникам и литераторам и превзошел в этом всю знать.

Встреча на Поле золотых одежд отражала его любовь к великолепию и пышности; он понимал, что это мероприятие пойдет на пользу не Франциску и Карлу, а Англии, которая должна оставаться нейтральной силой и пользоваться своим влиянием, чтобы помешать Франции или империи стать слишком могущественными. Именно Вулси первым заговорил об Англии как о страже «баланса силы»; это положение Англия занимала четыре века, успешно препятствуя любому континентальному завоевателю — от Карла V и Франциска I до Гитлера — властвовать над всей Европой.

«Черт бы его побрал!»

При упоминании о Вулси Бекингем взрывается:

> Черт бы его побрал! В любой пирог
> Сует он свой честолюбивый палец.
>
> ***Акт I, сцена 1, строки 52–53***

Всесильный временщик всегда вызывал зависть у остальных. Если же этот временщик был человеком относительно низкого происхождения да еще хвастался своим могуществом и получал удовольствие, унижая людей, стоявших по рождению выше его, такая зависть превращалась в лютую ненависть.

Бекингем и Норфолк наперебой обвиняют низкорожденного Вулси в интриганстве, и тут вмешивается третий присутствующий, до сих пор хранивший молчание:

> …вижу я отлично, что надменность
> В нем так и прет на свет из каждой щели.

Акт I, сцена 1, строки 68–69

Это Джордж Невилл, лорд Эбергенни, отпрыск младшей ветви семейства, самым знаменитым представителем которого был Ричард Уорик. Джордж Невилл женат на Марии Стаффорд, дочери герцога, а потому приходится Бекингему зятем.

«Пес мясника…»

Бекингем, первый вельможа королевства, осо-

бенно негодует на кардинала Вулси (который на короткое время появляется на сцене, обмениваясь с герцогом презрительным взглядом) и говорит:

Пес мясника взбесился, брызжет ядом…

Акт I, сцена 1, строка 120

Враги Вулси распространяли слух о том, что его отец был мясником; почему-то это занятие казалось аристократам особенно низким и мерзким. Этот слух почти наверняка фальшивка. Отец Вулси принадлежал к среднему классу, был богатым купцом, имел стада овец и торговал овечьей шерстью; в тогдашней Англии это было весьма уважаемое занятие.

«…Ипсуичского нахала»

Разгневанный Бекингем чувствует, что даже Поле золотых одежд, которым они с Норфолком только что восхищались, преступное деяние Вулси. В конце концов, многие присутствовавшие там вельможи разорились, продав свои имения, чтобы показаться во всем блеске, а каков результат? Никакого.

Бекингем уверен, что если король узнает об

этом, то придет в ужас. Он говорит:

> Я брошусь к королю, и голос чести
> Изобличит ипсуичского нахала…

Акт I, сцена 1, строки 136–138

Вулси родился в Ипсуиче, который находится в 65 милях (104 км) к северу от Лондона.

«…Королевой, своею теткой…»

Норфолк пытается успокоить Бекингема и уговаривает его отказаться от неравной борьбы, но Бекингем считает, что у него есть смертельное оружие против Вулси. Он говорит:

> К нам прибыл в гости император Карл
> Под видом встречи с нашей королевой,
> Своею теткой, а на самом деле
> Чтоб с Вулси побеседовать тайком.

Акт I, сцена 1, строки 176–179

У Фердинанда и Изабеллы Испанских было две дочери, Хуана и Катерина. Старшая, Хуана, была матерью императора Карла V. Младшая, Катерина[254], была женой Генриха VIII. Таким образом,

---

[254] Примечания: 254
в переводе — Екатерина. — *Е. К.*

английская королева приходилась императору Священной Римской империи теткой.

Бекингем объясняет, что император Карл, стремясь ликвидировать успехи, достигнутые на Поле золотых одежд, вместе с Вулси строит козни и преуспел в этом. Бекингем ликует:

> Так пусть же от меня король узнает,
> Что честью королевской кардинал
> Торгует с пользой для себя!

Акт I, сцена 1, строки 190–193

Конечно, верить в это наивно. Король ничуть не честнее своего канцлера, тем более что торговля с обеими сторонами и составляла смысл политики Вулси.

«…Арестую вас по обвиненью в измене»

Но привести свой глупый план в действие Бекингем не успевает. Входит офицер и приказывает сержанту зачитать объявление. Сержант говорит:

Милорд, светлейший герцог Бекингем,

Граф *Херфордский, Стеффордский, Нортемптонский,*

Я арестую вас по обвиненью

В измене. Это воля короля.

Акт I, сцена 1, строки 199–202[255]

Согласно списку действующих лиц, дежурного офицера зовут Брендон. Это имя выдумано. Бекингема арестовал некто Генри Марни. Лорда Эбергенни арестовали вместе с тестем.

«…Мы вместе делим власть»

Во второй сцене появляется Генрих VIII и благодарит Вулси за то, что кардинал раскрыл измену Бекингема. Однако в чем его обвиняют, мы узнать не успеваем, потому что входит королева Катерина. (В истории она известна как Катерина Арагонская.)

Супружеская пара тепло приветствует друг друга. В самом деле, когда Катерина преклоняет перед мужем колени, как просительница, Генрих говорит:

> Садись здесь рядом. Половину просьбы
> Не называй — мы вместе делим власть.
> Другую же считай уже свершенной.
>
> ***Акт I, сцена 2, строки 10–13***

---

[255] Примечания: 255

В оригинале: «…граф Херефорд, Стаффорд и Нортгемптон…» — Е. К.

В это время Катерине тридцать шесть лет; она на шесть лет старше своего супруга, которому около тридцати. Она отнюдь не была красавицей, но известно, что Генрих любил ее (по крайней мере, первые двенадцать лет брака).

Этот брак был частью политики Генриха VII, который считал, что таким образом сможет вступить в союз с набиравшей силу Испанией против своего старого врага Франции. Однако в зависимости от колебаний курса значение Катерины для Англии то уменьшалось, то увеличивалось. В конце правления Генриха VII казалось, что на этот брак рассчитывать не приходится, потому что старый король решил отказаться от союза с Испанией.

Однако после смерти Генриха VII новый король, молодой и красивый, поспешно женился на Катерине. Этот брак не был продиктован политическими соображениями; кроме того, Генрих легко мог найти невесту помоложе. Однако, несмотря на возраст и не слишком красивую внешность, Катерина привлекла Генриха умом, энергией и сходством вкусов. Генрих был уверен, что во время зарубежных визитов сможет доверить власть жене и та справится с этой задачей.

Он оказался прав. Когда король воевал во Фран-

ции, Катерина правила страной. Именно в этот период Норфолк разбил шотландцев при Флоддене.

В 1521 г., во время суда над Бекингемом, королевский супружеский союз еще был крепким (во всяком случае, тогда Генрих лишь время от времени изменял жене).

«…Обиды терпит»

Однако королева просит не за себя, а за народ. Она говорит:

> Уж многие докладывали мне,
> Все люди честные, что ваш народ
> Обиды терпит.
>
> ***Акт I, сцена 2, строки 18–20***

Это верно. Генрих VIII, как всякий молодой король, желал, чтобы его обожали, а потому завел дорогостоящий двор. В этом его поощрял Вулси, также стремившийся к роскоши и великолепию. Расходы на Поле золотых одежд превысили все допустимые пределы и привели к катастрофе.

Казна, накопленная болезненно бережливым Генрихом VII на черный день, при его преемнике растаяла как дым, и вскоре Генриху VIII пришлось

выжимать соки из своих подданных.

Однако подданные оказались непослушными. В 1523 г., через два года после суда над Бекингемом, Вулси был вынужден употребить все свое влияние, чтобы заставить парламент утвердить новые налоги.

«Если король умрет бездетным…»

Катерина открыто винит в этом кардинала Вулси (своего врага). Вулси отвергает обвинения. Затем король приказывает придворным удалиться и начинает разбирать донос на Бекингема.

Доносчик назван в перечне действующих лиц управляющим. Управляющего зовут Чарльз Невет (правда, это имя нигде не упоминается). Он управляет (точнее, управлял) имениями Бекингема. Невет входит, готовый дать показания против своего бывшего хозяина. Он говорит:

> Во-первых, он обычно каждый день
> Такую мерзость повторял, что если
> Король умрет бездетным, то на трон
> Он сядет сам.

Акт I, сцена 2, строки 132–135

В браке Генриха VIII был один недостаток.

Королева Катерина родила четырех девочек и двух мальчиков, но почти все они родились либо мертвыми, либо умерли вскоре после рождения. Выжила только одна девочка — принцесса Мария.

Мария родилась 18 февраля 1516 г.; следовательно, во время суда над Бекингемом ей было пять лет. Она не была очаровательным ребенком и не выросла красавицей, но, как и ее мать, отличалась умом и способностями.

К несчастью, на роль наследницы престола она не годилась. Во Франции действовал Салический закон (о Салическом законе см. с. 263), запрещавший оставлять престол женщине или ее потомкам, как мужским, так и женским. В Англии такого закона не существовало, поэтому женщина могла стать наследницей престола. Генрих VII мог претендовать на престол лишь потому, что его мать, Маргарита Бофорт, вела свою родословную от Джона Гонта; отцом Генриха был простой валлийский эсквайр.

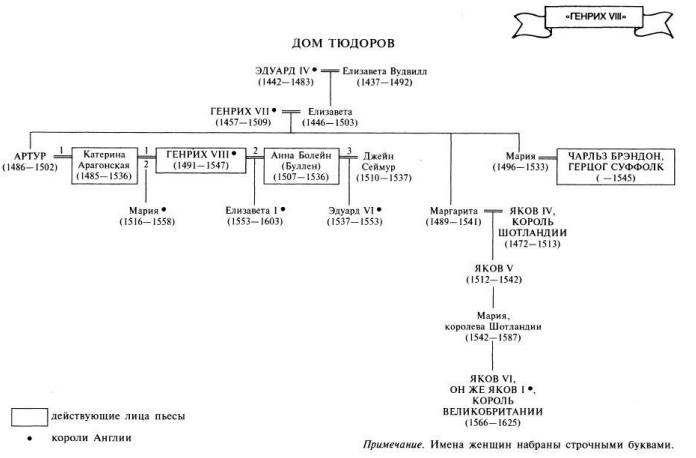
Поэтому, если бы Генрих VIII прожил достаточно долго, чтобы дать Марии подрасти, выйти замуж и родить сына, этот сын получил бы престол без всяких хлопот.

Однако, если бы даже этот сын родился, весьма

вероятно, что к моменту смерти деда он был бы ребенком, а англичане, хлебнувшие горя с королями — детьми Генрихом VI и Эдуардом V, относились к такой перспективе с большим предубеждением.

А что было бы, если бы Генрих VIII умер еще до появления на свет внука? Могла бы Мария сама занять престол?

До тех пор в истории Англии была только одна королева — Матильда (мать Генриха Анжуйского и дочь Генриха I Английского). Да и та была королевой чисто номинально, поскольку в то время в Англии шла гражданская война и страной правил ее двоюродный брат Стефан. Так что прецедент имелся, но радости он никому не доставлял.



Примечание. Имена женщин набраны строчными буквами.

Со времени правления Генриха II женщина не только никогда не правила страной, но подобный прецедент даже не рассматривали. Всегда находился мужской потомок, которому можно было завещать трон. Большинство королей оставляло после себя сыновей, а если они умирали бездетными, королями становились их родные или двоюродные братья. Если при этом права женщины на престолонаследие были предпочтительными (по очередности рождения), то на них никто не обращал внимания (чего не случилось бы, родись она мужчиной). Например, когда в

1485 г. Генрих VII унаследовал трон, его мать была еще жива. Если бы она была мужчиной, то обладала бы преимущественным правом на трон и стала бы королем Англии, поскольку была на одно поколение ближе к Джону Гонту. Генрих мог бы стать королем только после ее смерти. Точнее, он не стал бы им вообще, потому что Маргарита Бофорт умерла в том же 1509 г., что и сам Генрих VII.

Однако в действительности о Маргарите и не вспомнили, а корона досталась ее сыну. А что было бы, если бы Маргарита не родила сына?

Таким образом, у Генриха VIII были все основания считать, что для продолжения династии (что является самым горячим желанием любого монарха) ему необходим сын. Дочери для этого было недостаточно.

Сыновья у него рождались, но не выживали. Согласно тогдашним суевериям, это заставляло Генриха всерьез считать, что его брак неугоден Небесам. Как выяснилось впоследствии, у короля имелись другие, более уважительные причины быть недовольным своим браком, так что позднее небесный гнев как предлог для расторжения брака считали образцом королевского лицемерия. И все же основания для беспокойства у

Генриха были.

Но какое отношение к вопросу о престолонаследии имел Бекингем? Его прапрабабушкой была Анна, дочь Томаса Глостера (см. в гл. 6: «…Генри Херфорд»), а потому Бекингем приходился прапра- праправнуком Эдуарду III. Более того, матерью его отца была Маргарита Бофорт (не мать Генриха VII, а ее двоюродная сестра); через нее Бекингем приходился прапраправнуком Джону Гонту. Таким образом, если бы Генрих VIII действительно умер, а Марию, как женщину, сочли бы недостойной трона, Бекингем легко мог стать следующим законным претендентом на престол.

«Герцог уволил вас…»

Вопрос: было ли свидетельство управляющего правдивым?

Судя по всему, он лгал. Во-первых, он был недоволен Бекингемом. Королева сразу указывает на это:

> Как мне известно,
> Вы были управителем, и герцог
> Уволил вас из-за того, что много

На вас скопилось жалоб от крестьян.

Акт I, сцена 2, строки 171–173

Управляющий брал взятки, притеснял крестьян-арендаторов, и благородный Бекингем встал на их сторону против своего бесчестного помощника. Однако уволенный служащий затаил зло на своего бывшего работодателя, поэтому доверять его свидетельству не следовало (впрочем, это не значит, что оно непременно было лживым). Тем более что Вулси, которому не терпелось избавиться от Бекингема, подозревали в том, что он щедро заплатил Невету за это свидетельство.

«…Сэр Томас Ловел…»

Но даже если управляющий сказал правду, это нельзя считать изменой. Если бы Генрих VIII умер, не оставив наследников, тогда Бекингем стал бы королем на законных основаниях; конечно, герцог мог питать честолюбивые намерения, но это не преступление. Честолюбие должно было бы сопровождаться злоумышлением на жизнь короля. Тогда это действительно сочли бы изменой, но каковы доказательства?

Управляющий добавляет к сказанному новое обвинение:

Он (Бекингем) намекнул, что если бы король
Не справился с последнею болезнью,
То кардинал, а с ним сэр Томас Ловел
Лишились бы голов.

Акт I, сцена 2, строки 184–186

Сэр Томас Ловелл[256] был комендантом Тауэра; в те дни, когда Тауэр использовали как место заключения государственных преступников, это был ответственный пост. На самом деле исторический Томас Ловелл ушел в отставку в 1518 г., но у Шекспира он еще занимает свою должность.

Однако угрозы жизни королевских чиновников еще недостаточно, чтобы приговорить к смертной казни такого высокопоставленного вельможу, как Бекингем.

«Когда сэр Уильям Бломер…»

Однако управляющий еще не все сказал. Он продолжает:

Когда сэр Уильям Бломер
На герцога навлек ваш грозный гнев,

---

[256] Примечания: 256
в переводе — Ловел. — *Е. К.*

То в Гринвиче…

Акт I, сцена 2, строки 188–190

Сэр Уильям Балмер [257] был одним из служащих короля, но отказался от своей должности и перешел к Бекингему. Легко понять, почему Балмер сделал это. Король был придирчивым и деспотичным хозяином, обладавшим такой властью, что одно неудачно сказанное слово могло стоить человеку головы (и, как показывают дальнейшие события, такое действительно случалось). Напротив, Бекингем был куда более достойным человеком.

Естественно, король Генрих воспринял этот уход как оскорбление. Вряд ли королю польстило, что ему предпочли Бекингема. Его неудовольствие заслужил не только Балмер; у Бекингема, принявшего Балмера, тоже возникли неприятности. Балмера привлекли к суду, он не смог оправдаться и обратился к королю с просьбой о помиловании; Генрих в конце концов удовлетворил его просьбу, но крайне неохотно.

Судя по тому, что нам известно о личности Генриха, этот человек был крайне злопамятен и

---

[257] Примечания: 257
в переводе — Бломер. — *Е. К.*

не простил случившегося ни Балмеру, ни Бекингему. Когда пришло время, он отомстил обоим.

«…Нож вонзил в него»

Управляющий наносит последний удар. Он свидетельствует, что Бекингем, взбешенный делом Балмера, якобы сказал следующее:

> Сказал он: «Ежели б за это в Тауэр
> Я был посажен, я бы сделал так,
> Как мой отец собрался поступить
> С убийцей Ричардом. Он в Солсбери
> Просил свиданья с ним, а если б тот
> Пришел, он бы склонился перед ним
> И нож вонзил в него».

Акт 1, сцена 2, строки 194–199

После неудачного мятежа против Ричарда III отца Бекингема привезли на казнь в Солсбери. Он действительно просил у Ричарда последней аудиенции, но получил отказ.

Угрозы убийством (если показаниям управляющего можно верить) вполне достаточно для обвинения в измене, и король тут же отдает Бекингема под суд. Согласно историческим свидетельствам, этот суд состоялся 13 мая 1521 г., почти

через год после встречи на Поле золотых одежд.

«Во время Лотаря с Пипином…»

Следующая сцена (все еще во дворце) позволяет публике посмеяться над французами; этот драматургический прием в Англии всегда пользовался популярностью. Входят лорд-камергер и лорд Сэндс[258] и с неодобрением говорят о том, что после Поля золотых одежд англичане стали подражать французской моде.

Лорд-камергер (имя которого в пьесе не названо) — это старый Чарльз Сомерсет, граф Вустерский (или просто Вустер), незаконный сын Генри Бофорта, третьего герцога Сомерсета, погибшего почти шестьдесят лет назад в битве у Хексема (см. в гл. 13: «Воздвигну на твоих плечах…»).

Лорд Сендс — это сэр Уильям Сэндс, который на самом деле получил право именоваться лордом только в 1526 г., через пять лет после суда над Бекингемом, когда Генрих VIII сделал его бароном. В том же году Уильям Сэндс стал лордом-камергером вместо покойного к тому времени Чарльза Вустера. Однако в пьесе указаний на это нет, и Вустер по-прежнему остается лордом-камергером.

---

[258] Примечания: 258
в переводе — Сендс. — *Е. К.*

Одна из реплик камергера относится к моде на французские выражения, популярной среди англичан, обожающих иностранные обычаи:

> … поклясться можно,
> Что уж во время Лотаря с Пипином
> Советниками были их носы.

Акт I, сцена 3, строки 8–10[259]

Пипин был одним из древних французских монархов, отцом Карла Великого, первым королем из династии Каролингов, правившим с 751 по 768 г.

Лотарь (или Лотар) — широко распространенное имя королей предыдущей династии Меровингов. Последний из Лотарей, Лотарь IV, правил с 717 по 719 г.

Несомненно, это досадливое упоминание о древних французских королях — проявление английского комплекса неполноценности. Французы могли говорить о своих великих королях и могущественных королевствах раннего Средневековья, в то время как Англия была раздроблена на карликовые королевства, вскоре оказавшиеся

---

[259] Примечания: 259

В оригинале: «…можно подумать, что их чванные предки были советниками Пипина или Лотаря». — *Е. К.*

под игом вторгшихся на остров датчан.

«Дочь рыцаря… Такой есть Томас Буллен…»

Выясняется, что лорд-камергер, лорд Сэндс и вскоре присоединившийся к ним сэр Томас Ловелл идут на пир, который дает кардинал Вулси.

Этот пир дает возможность показать первое из нескольких зрелищ, украшающих эту пьесу (и в то же время ослабляющих ее, поскольку они замедляют развитие сюжета).

Дамы и господа ведут светские беседы; в это время входят король, переодетый пастухом, и сопровождающие его лица. (Видимо, как раз в день премьеры этой пьесы, состоявшейся 29 июня 1613 г., от выстрела пушки в честь прибытия театрального короля начался пожар, в результате чего театр «Глобус» сгорел дотла.)

Внимание короля привлекает молодая женщина, флиртовавшая с лордом Сэндсом. Когда Генрих снимает маску и спрашивает, как зовут даму, камергер отвечает ему:

> Дочь рыцаря… Такой есть Томас Буллен,

Виконт Рочфорд. Она одна из фрейлин.

Акт I, сцена 4, строки 92–93

Даму зовут Анна Буллен (которую в исторических трудах обычно называют Анной Болейн). Ее отец, сэр Томас Буллен, был богатым купцом; если следовать фактам, то король Генрих к тому времени уже был знаком с этой семьей, причем достаточно близко.

Хотя до сих пор король был относительно верен жене, однако у него было несколько увлечений, вполне обычных для большинства тогдашних мужчин, а тем более для королей. Пока Генрих держал свои романы в тайне и не хвастался ими перед придворными, даже самая придирчивая жена не могла бы требовать от него большего.

В 1519 г. одна из любовниц Генриха родила сына. Мальчика назвали Генри Фицроем (на норманно-французском это означает «Генри, сын короля»), намек был весьма прозрачен. Король пожаловал этому мальчику титул герцога Ричмонда; кое-кто даже думал, что за неимением законных сыновей Генрих оставит престол незаконному. Возможно, это и так. Во всяком случае, король очень баловал ребенка; это доказывало, что он, в отличие от королевы Катерины, может

иметь сыновей. Однако юный Фицрой умер, не дожив до девятнадцати лет, так что эта надежда угасла.

Мать юного Фицроя недолго пользовалась вниманием короля (это не удавалось ни одной из его фавориток; похоже, единственной женщиной, которую Генрих по-настоящему любил, была Катерина Арагонская). Следующей любовницей короля стала не кто иная, как Мария Буллен, старшая сестра Анны.

В 1522 г. Анна Буллен стала фрейлиной королевы Катерины. Сколько лет ей было в то время, точно неизвестно: где-то между пятнадцатью и двадцатью, причем большинство историков склоняется к пятнадцати годам.

Анна привлекла к себе внимание Генриха (когда именно — неясно), и его интерес к ней все возрастал. Этот роман оказался серьезнее предыдущих; частично потому, что королю все больше надоедала стареющая и больная жена, а частично потому, что его все сильнее тревожил вопрос о наследнике престола. Видимо, суд над Бекингемом сыграл в этом решающую роль. Даже если бы Бекингема удалось устранить, сомневаться не приходилось: неопределенность вопроса с престолонаследием станет причиной

новых интриг и даже измен. Поэтому Генриху позарез требовался законный сын — если не от Катерины, то от другой женщины.

«…Графом Серри…»

Суд над Бекингемом мог кончиться только осуждением. Мы при нем не присутствуем, но узнаем о ходе разбирательства из диалога двух дворян. Они уверены, что осуждение Бекингема — результат интриг Вулси. Первый дворянин приводит доказательства этого:

> Сначала Килдера он обвинил,
> Правителя Ирландии в то время.
> Затем сменил его он графом Серри,
> Скорей, чтоб тот не мог помочь бы тестю.

Акт II, сцена 1, строки 41–44

Килдэр[260] — это Джеральд Фивджеральд, девятый граф Килдэр, потомок ирландского рода норманнского происхождения, веками правившего значительной частью Ирландии. Фицджеральды сохраняли независимость и

---

[260] Примечания: 260
в переводе — Килдер. — Е. К.

подчинялись Лондону чисто номинально. Они соперничали с главами кланов как норманнского, так и местного происхождения, объявляли войны и заключали мир по собственному усмотрению и не давали этой стране покоя.

Стремясь усилить авторитет центральной власти, Вулси сместил Килдэра с поста наместника Ирландии и заменил его графом Сурреем.

Этот граф Суррей[261] — Томас Говард, сын и тезка герцога Норфолка. В 1495 г. он женился на Анне, младшей дочери Эдуарда IV, и стал свояком Генриха VII, который был женат на старшей сестре Анны. Сестра Суррея Елизавета была матерью Анны Буллен. Таким образом, граф Суррей приходился Анне Буллен дядей.

Жена Суррея умерла в 1512 г. и в 1513 г. граф женился на Елизавете, дочери герцога Бекингема. Следовательно, во время суда над Бекингемом тот приходился Суррею тестем (а не отцом[262], как утверждает первый дворянин).

Суррей был закоренелым врагом Вулси; возможно, именно поэтому его отправили в Ирландию (когда-то ланкастерцы так же поступили со

---

[261] Примечания: 261
в переводе — Серри. — Е. К.

[262] Примечания: 262
так в оригинале. — Е. К.

своим врагом Ричардом Йорком). Однако вряд ли эта почетная ссылка имела непосредственную связь с судом над Бекингемом.

Во-первых, Килдэра заменили Сурреем в 1520 г., за несколько месяцев до предъявления Бекингему обвинения; едва ли Вулси заглядывал так далеко вперед. Кроме того, опасаться Суррея у него не было никаких оснований, поэтому спешно отсылать графа вовсе не требовалось. Канцлер пользовался полной поддержкой короля Генриха, а воля короля оставалась священной до самого конца его правления. Так, смертный приговор Бекингему был вынужден зачитать не кто иной, как Норфолк — тот самый человек, который так дружески разговаривал с Бекингемом в первой сцене пьесы, он был отцом Суррея и являлся таким же врагом Вулси, как и сам Бекингем.

Если уж герцог Норфолк оказался бессилен, то что могло изменить присутствие какого-то графа Суррея?

«...Бедный Эдвард Бун»

Бекингем, которого ведут на казнь (состоявшуюся 17 мая 1521 г.), произносит монолог, доказывая свою невиновность. В частности, он говорит следующее:

Прибыв сюда, я звался лорд-констебль
И герцог Бекингем, ну а теперь
Я снова только бедный Эдвард Бун.

Акт II, сцена 1, строки 102–103

На самом деле он Эдуард Стаффорд, однако в то же время принадлежит к роду Бунов (точнее, Боэнов). Элеонора Бун (см. с. 273) вышла замуж за Томаса Глостера, а Бекингем был потомком этого брака. Сестра Элеоноры Мария Бун вышла замуж за Болингброка и стала матерью Генриха V. В данном случае родовое имя Бун заменило имя Стаффорд, потому что для елизаветинской публики оно подчеркивало королевское происхождение Бекингема и делало более ясной подлинную причину его казни.

«…Разводится король с Екатериной?»

После ухода Бекингема два дворянина продолжают беседу; новая сплетня заставляет их забыть о казни. Второй дворянин спрашивает:

Не слышали ли вы недавно толки
О том, что наш разводится король

С Екатериной?

Акт II, сцена 1, строки 147–149

Здесь Шекспир снова уплотняет время. Бекингема казнили в 1521 г. Анна Буллен привлекла внимание короля не раньше 1522 г. (хотя в пьесе это происходит еще до казни), но несколько лет их отношения ограничивались мимолетным флиртом — возможно, даже без интимной близости.

Однако в 1527 г. произошли два важных события. Генриха все сильнее интересовала очаровательная Анна и все больше тревожило отсутствие наследника. К тому времени Катерине было уже сорок два года, и не приходилось надеяться на то, что она сумеет родить сына.

Поскольку умирать Катерина явно не собиралась, пришедший в отчаяние Генрих возбудил дело о разводе, чтобы вступить во второй законный брак и произвести на свет законного наследника.

«…Кардинал Кампейус…»

Второй дворянин продолжает:

По-видимому, или кардинал,

Иль кто-то из его людей, желая
Вред учинить достойной королеве,
Ему сомненье в душу заронил,
Чтоб королеву погубить. Недавно
Сюда и кардинал Кампейус прибыл,
Как полагают все, с такой же целью.

Акт II, сцена 1, строки 156–161

Винить во всех бедах Вулси было легко, потому что у англичан он становился все более непопулярным. Именно он пытался заставить парламент утвердить новые налоги для покрытия безудержных расходов короля внутри страны и за рубежом. Именно он осуществлял проимперскую политику, закончившуюся провалом.

Несмотря на все договоры, заключенные Вулси с императором Карлом, тот при ведении иностранных дел не учитывал интересы Англии. Более того, император обещал жениться на Марии, дочери Генриха VIII (и его собственной двоюродной сестре), но затем отказался от своего обещания, нанеся английскому королю личное оскорбление.

Вулси мог бы активнее противостоять Карлу, если бы не имел собственных амбиций. Но даже его робкие попытки были отвергнуты. Первый

дворянин считает, что Вулси решил развести короля с Катериной, желая отомстить ее племяннику.

> Да, это все устроил кардинал!
> В отместку императору за то,
> Что отказался тот его назначить
> Потом архиепископом Толедским.

Акт II, сцена 1, строки 161–164

На самом деле Вулси лелеял куда более честолюбивые планы: он хотел стать папой. Сегодня это стремление кажется нам абсурдным; мы слишком привыкли к тому, что папой неизменно становится итальянец. Однако так было не всегда. Вплоть до XVI в. существовали папы разных национальностей. Например, в 1154 г. папой стал англичанин Николас Брейкспир, правивший под именем Адриан IV. (Правда, он до сих пор остается единственным англичанином, избранным папой.)

Когда в 1521 г. умер папа Лев X, выбор нового папы во многом зависел от Карла V. Императору ничего не стоило сделать Вулси папой, но он не захотел этого. В результате папой стал датчанин Адриан Флорис Бойенс, пожилой человек, единственное отличие которого (не считая без-

упречной добродетели) заключалось в том, что он был наставником малолетнего императора. Новый папа (тоже единственный датчанин в истории) правил под именем Адриан VI, и даже это, возможно, вызвало досаду Вулси, потому что он сам хотел принять это имя в память о папе — англичанине.

Однако папа Адриан VI был старым человеком; он пробыл понтификом немногим более года, а затем умер. Вулси снова мог получить этот пост и снова не получил его. На этот раз выбор пал на Джулио де Медичи, члена знаменитой династии правителей Флоренции. Он стал папой Климентом VII, после чего Вулси уже не на что было надеяться. Собственно говоря, Адриан VI был последним папой-неитальянцем. Климент VII положил начало династии итальянских пап, которая[263] составляет сорок четыре человека.

Таким образом, к 1527 г. и король Генрих, и Вулси были готовы разорвать отношения с императором и заключить договор с французами. Именно такой договор и пытался подготовить Вулси, хотя большинству англичан союз с Францией еще казался немыслимым.

---

[263] Примечания: 263
к времени написания этой книги. — Е. К.

Эта перемена внешней политики была на руку планам Генриха, замыслившего развестись с Катериной; если бы король оставался другом и союзником императора, ему было бы трудно развестись с теткой Карла. Более того, Генрих был готов объявить императору войну (что и произошло в 1528 г.), и это давало ему еще один повод избавиться от королевы.

Идею развода Вулси одобрял. Кардинал питал к королеве личную неприязнь; кроме того, он понимал, насколько важен вопрос о престолонаследии. Вулси заверил короля, что развод можно получить и что он сам попросит об этом папу.

Вначале все складывалось удачно: Вулси убедил папу Климента прислать в Англию кардинала Лоренцо Кампеджо (Кампейус — латинизированная форма этого имени) для слушания дела. Кампейус прибыл в Лондон 7 октября 1528 г.

Несомненно, и Генрих, и Вулси рассчитывали на то, что со стороны папы это всего лишь попытка сохранить лицо и что после соблюдения всех формальностей разрешение на развод будет дано.

Однако ни тот ни другой не понимали, в какое положение они ставят бедного папу перед всесильным императором. В 1527 г. армия им-

ператора разграбила Рим, а Карл V захватил всю Италию. Фактически папа был пленником императора и не смел противоречить ему. Если бы французы отобрали у Карла Италию, папа Климент, возможно, согласился бы нанести оскорбление тетке императора. Но в случае поражения французов Климент был бы бессилен. Это было ясно как день.

«…С женою брата…»

В следующей сцене, в диалогах нескольких вельмож раскрывается, как продвигается дело о разводе, среди них и герцог Норфолк. Может сложиться впечатление, что это тот самый Норфолк, который беседовал с Бекингемом в первой сцене. На самом деле второй герцог Норфолк из первой сцены умер в 1524 г., через три года после казни Бекингема. Титул унаследовал его сын и тезка — тот самый граф Суррей, который был назначен наместником Ирландии; таким образом, сейчас перед нами *третий* герцог Норфолк.

Но Шекспир не обращает на это внимания. У него на всем протяжении пьесы действует один и тот же Норфолк; никаких указаний на то, что перед нами другой человек, нет. Более того, третий Норфолк продолжает участвовать в пьесе под

своим прежним именем и менее значительным титулом графа Суррея.

Присутствующий при этом камергер говорит, что король погружен в печаль, и объясняет Норфолку:

> Я думаю, что брак с женою брата
> В нем совесть пробудил.

Акт II, сцена 2, строки 16–17

В пьесе впервые упоминается о том, что у Генриха VIII был брат. Однако эта краткая реплика не оставалась не замеченной елизаветинской публикой, прекрасно знавшей, о чем идет речь.

У Генриха VIII действительно был брат, причем старший. Этого старшего брата звали Артуром, он был принцем Уэльским и наследником престола. Именно с ним обручилась Катерина, когда Генрих VII был заинтересован в союзе с набиравшей силу Испанией. Обручение состоялось, когда и Артур, и Катерина были детьми, причем его провели в отсутствие Катерины, остававшейся в Испании.

Однако в 1501 г., когда Артуру исполнилось четырнадцать лет (а его брату Генриху десять), было решено, что пора заключить брак. За Катериной отправили посольство, и она прибыла в Англию 2 октября 1501 г. Венчание состоялось 14 ноября

того же года.

Однако Артур оказался таким же несчастливым, как его тезка принц Артур, племянник короля Иоанна (см. в гл. 5: «Известье ложное…»); он не дожил до восшествия на престол. 2 апреля 1502 г. принц Уэльский умер от болезни.

Для союза Англии и Испании это могло обернуться катастрофой. Фердинанд Испанский, отец Катерины, употребил все свое влияние, чтобы выдать Катерину замуж за младшего брата ее покойного мужа и сохранить династическую связь.

Сделать это было сложно по нескольким причинам. Во-первых, церковь не разрешала женщине выходить замуж за двоих братьев поочередно. Конечно, можно было усомниться в том, что брак Катерины с Артуром был действительным; он продолжался всего несколько месяцев, а муж и жена были очень молоды. Подлинных супружеских отношений там могло и не быть; во всяком случае, Катерина всегда заявляла, что их не было. В этом случае получить специальное решение папы о признании первого брака недействительным и позволении вступить во второй не составляло труда. Такое решение действительно было получено, после чего состоялось новое обручение.

Но после этого браку начали мешать политические трудности. Отношения Генриха Английского и Фердинанда Испанского ухудшились, и Генрих VII пользовался Катериной как пешкой в игре против ее отца. Когда в 1509 г. Генрих VII умер, Катерина все еще была не замужем и жила в бедности. Но как только молодой Генрих VIII стал королем, этот брак состоялся.

Однако спустя почти двадцать лет, когда Катерина постарела, начала болеть и не смогла родить ему сына, Генрих VIII пожалел о своей юной поспешности. Какими бы ни были тайные мотивы короля, с точки зрения религии его сомнения были оправданны, поскольку в библейской Книге Левит (20: 21) черным по белому написано: «Если кто возьмет жену брата своего: это гнусно; он открыл наготу брата своего, бездетны будут они».

Конечно, папа разрешил этот брак, но его могли ввести в заблуждение, возможно, он поторопился и принял неправильное решение. Так или иначе, но результат был налицо: Генрих совершил грех и поэтому оставался бездетным (иными словами, не имел наследников мужского пола). Конечно, нынешний папа должен был понять весомость этого аргумента и отменить прежнее разрешение.

«...От новой дамы»

Однако в искренность сомнений короля никто не верит, потому что большинство придворных знает об увлечении Генриха Анной Буллен.

Один из присутствующих (Суффолк[264]) бормочет себе под нос, имея в виду слова камергера о том, что в короле пробудилась совесть:

> О нет, в нем совесть
> Вдруг пробудилась вновь от новой дамы.

Акт II, сцена 2, строки 17–18

Эти слова принадлежат Чарльзу Брэндону, сыну сэра Уильяма Брэндона. Сэр Уильям упоминается в «Ричарде III». Перед битвой при Босуорте его имя называет Ричмонд (впоследствии Генрих VII), а после битвы выясняется, что он числится в списке убитых. Согласно легенде, его убил сам Ричард III.

Юный Чарльз, которому во время битвы при Босуорте было всего одиннадцать лет, стал фаворитом молодого Генриха VIII, который в 1514 г.

---

[264] Примечания: 264
в переводе — Сеффолк. — *Е. К.*

сделал его первым герцогом Суффолком. Чарльз Суффолк любил Марию Тюдор, сестру Генриха VIII, но после «битвы шпор» ее выдали замуж за старого короля Людовика XII Французского; это было предусмотрено условиями мирного договора.

Но Людовик прожил недолго, и, когда Мария овдовела, они с Суффолком поженились. Генрих этот брак не одобрил, потому что незамужняя сестра короля в то время, когда политику вершили с помощью браков, была ходовым товаром. Однако молодая чета передала королю значительную сумму, и это смягчило его гнев.

Впрочем, полностью доверять циничной фразе Суффолка не следует. Любовь Генриха к Анне в данном случае значения не имела; главным для него была забота о наследнике. Если бы Катерина родила ему сына, Генрих, вероятно, не перестал бы любить Анну, но вряд ли ему пришла бы в голову мысль о разводе.

«...Сестру французского монарха»

Камергер, как и все остальные, осуждает Вулси. По его мнению, за всем этим стоит кардинал. Он говорит:

А кто дерзнет всмотреться чуть поглубже,
Наверно, цель конечную уловит —
Сестру французского монарха.

Акт II, сцена 2, строки 39–41

По примеру Уорика (см. в гл. 13: «Принцессу Бону…»), Вулси считал династический брак главным средством дипломатии и стремился к союзу с Францией, выгодному как с военной, так и с политической точки зрения. Но, как и в случае с Уориком, король предпочел брак по любви. Вулси не видел, что чувство Генриха к Анне настолько сильно, что может привести к их браку.

Французская принцесса, которую Вулси присмотрел для Генриха, — Маргарита Наваррская, сестра короля Франциска I. Она вдова, потому что в 1509 г., за год до восшествия на трон Генриха VIII, вышла замуж за Карла (Шарля), герцога Алансонского, который мельком упоминается в первой части «Генриха VI». Герцог умер в 1525 г., и Маргарита, овдовевшая после шестнадцати лет брака, снова появилась на ярмарке невест.

С политической точки зрения брак был выгодным, но у него имелись свои недостатки. Во-первых, тридцатипятилетняя Маргарита была

уже немолода (всего на год моложе Генриха), а король устал от пожилых жен и мечтал о молодой королеве. Возможно, он доказывал себе, что Маргарита едва ли сможет рожать детей и поэтому брак обернется для него катастрофой. (Если так, то он ошибся. Маргарита снова вышла замуж и родила дочь, которой было суждено стать матерью знаменитого французского короля Генриха IV.)

«Мой новый секретарь…»

Норфолк и Суффолк пытаются увидеться с королем и обсудить с ним важные государственные дела, но тот раздраженно отказывает им в аудиенции. Генриху нужно встретиться с Вулси и кардиналом Кампейусом и как можно скорее покончить с разводом.

Король здоровается с кардиналами и говорит Вулси:

> Вы Гардинера к нам сюда пришлите.
> Мой новый секретарь — умелый малый.

Акт II, сцена 2, строки 115–116

Речь идет о Стивене Гардинере, ровеснике ко-

роля. В его предыдущей жизни есть много общего с жизнью Вулси. Он, сын суконщика, поступил в семинарию и оказался блестящим студентом.

Вулси обратил внимание на способного молодого человека и в 1525 г. сделал его своим секретарем. Гардинер вел с папой переговоры о разводе и справился с этим делом так хорошо, что в 1529 г. стал секретарем Генриха.

«…какой-то доктор Пейс?»

Услышав реплику короля о Гардинере, кардинал Кампейус спрашивает Вулси:

> Милорд Йорк, не состоял ли раньше
> В сей должности какой-то доктор Пейс?

Акт II, сцена 2, строки 121–122

Да, верно. До Гардинера секретарем Вулси был Ричард Пейс.

Кампейус предупреждает Вулси, что за границей о Вулси ходят нехорошие слухи, в том числе и о том, как он обошелся со своим секретарем:

> Вас в зависти бесстыдной обвиняют:
> Он, дескать, был так чист и благороден,
> Что вы его тайком от короля,

Боясь соперничества, отдаляли,
От горя он сошел с ума и умер.

Акт II, сцена 2, строки 127–129[265]

Это пример того, как Вулси очерняли после его падения, приписывая бедняге поступки, которых он не совершал. В пьесе Вулси не оправдывается — наоборот, цинично объясняет: беда Пейса заключалась в том, что он был слишком чист и благороден.

Конечно, Вулси использовал Пейса на дипломатическом поприще — например, поручал ему договориться с швейцарцами об их нападении на Францию (когда Франция еще была врагом Англии) и использовал в качестве своего агента в переговорах об избрании Вулси папой. Вулси не было необходимости мешать карьере Пейса, удаляя его от двора; просто этот Пейс оказался очень способным агентом.

Самое забавное, что Пейс и не думал сходить с ума и умирать. Да, Вулси заменил его, но во время пребывания Кампейуса в Англии Пейс был жив и здоров. В действительности он на шесть лет пережил самого Вулси.

---

[265] Примечания: 265

В оригинале: «…боясь, что Пейс возвысится (он был так даровит), вы заставляли его заниматься только иностранными делами». — *Е. К.*

«…На Карнарвоншир…»

Мы снова возвращаемся к Анне Буллен, которую мельком видели на пиру у Вулси. Теперь она беседует с безымянной старой дамой. Анна сожалеет о несчастье королевы Катерины и говорит, что она сама не мечтает о высоком титуле. Старая дама не соглашается с возражениями Анны и говорит:

> Нет, вас можно
> И крошечною Англией прельстить.
> А я и на Карнарвоншир согласна,
> Будь королевством он.

Акт II, сцена 3, строки 46–48

Карнарвон — самое северо-восточное графство Англии, гористая местность, бедная и настолько удаленная от Лондона, что ее всегда считали символом сельской глуши.

Анне почти тут же предоставляется возможность доказать свою искренность. К ней прибывает камергер с подарком от короля. Он говорит Анне:

> Король вам шлет свое благоволенье,

И вам оказана большая честь:
Дается вам маркизы Пембрук титул…

Акт II, сцена 3, строки 60–63

На самом деле этот титул был пожалован Анне 1 сентября 1532 г. — намного позже, чем сказано здесь. В пьесе Анну награждают этим титулом, когда Кампейус находится в Англии, хотя в действительности она получила его через три года после отъезда кардинала.

Несмотря на предыдущие возражения, Анна с благодарностью принимает титул. Вопреки ожиданиям публики, камергер не делает никаких широковещательных заявлений, только бормочет себе под нос:

Кто знает, может быть, от этой леди
Зажжется вдруг алмаз и озарит
Весь остров наш.

Акт II, сцена 3, строки 77-79

Чтобы сделать такой прогноз, камергер должен быть настоящим пророком, но Шекспир пользуется преимуществом человека, которому все известно задним числом, и срывает аплодисменты публики, не хуже автора знающей, что Анна Буллен стала матерью королевы Елизаветы I.

«…К папе я взываю»

Королева предстает перед судом так же, как в свое время Бекингем. Дело о разводе было заслушано 18 июня 1529 г., через восемь лет после казни Бекингема.

Одинокая и не имеющая друзей королева противостоит всесильному королю и его всесильному министру, и моральная победа остается на ее стороне. Катерина отказывается отвечать на вопросы и настаивает на некомпетентности суда. Она гордо заявляет, что была Генриху хорошей женой, и обличает Вулси. Наконец она говорит:

> Я повторяю — вы (Вулси) мне не судья!
> Здесь, перед всеми, к папе я взываю…
>
> ***Акт II, сцена 4, строки 118–119***

Катерина смело воспользовалась своей козырной картой. Если бы король, Вулси или Кампейус сумели убедить Катерину согласиться на развод, дело можно было бы завершить, не обращаясь к папе, испытывавшему серьезные политические трудности. От Катерины требовалось только одно: заявить о своем желании уйти в монастырь, и папа согласился бы с таким решением.

Но, отказав королю в разводе, отвергнув суд и громко воззвав к папе, Катерина придала делу совсем другое направление. Согласиться на просьбу тети императора о разводе — одно, а расторгнуть королевский брак против ее воли — совсем другое. Как ни крути, а император держал папу за горло.

«…Мэри, моею дочерью»

Королева уходит. В отсутствие Катерины король Генрих начинает рассказывать, как он впервые понял, что его брак следует считать незаконным:

> Впервые растревожили мне совесть
> Епископа Байонского слова,
> Он был тогда у нас послом французским
> И прислан был для обсужденья брака
> Меж Орлеанским герцогом и Мэри,
> Моею дочерью…

Акт II, сцена 3, строки 171–175

Конечно, принцесс королевского рода выбирали для брака, руководствуясь политической целесообразностью. В 1518 г., когда Англия была

в дружеских отношениях с Францией, Марию предложили в жены сыну короля Франциска, хотя в то время ей было всего лишь два года. Когда союз с Францией был разорван и Англия перешла на сторону Священной Римской империи, потенциальным женихом Марии считался сам император. Но 30 апреля 1527 г. был заключен новый союз с Францией, забрезжила возможность брака Марии если не с самим Франциском, то с его вторым сыном Генрихом (Анри) Орлеанским (который через двадцать лет стал французским королем Генрихом II).

Вполне возможно, что епископ Байонский в ходе переговоров о браке усомнился в законности происхождения Марии, стремясь принизить ценность брака с французской точки зрения и добиться от Англии уступок в других отношениях. Однако можно предположить и другое: это было сделано с подачи самого Генриха VIII, который уже тогда прикидывал в уме возможность развода и решил, что будет лучше, если такую инициативу проявит человек со стороны.

«...Милорд Кентерберийский»

Изложив эту трогательную историю, король просит высказать свое мнение церковных иерар-

хов и обращается к самому высокопоставленному из них. Он говорит:

> Призвал я вас, милорд Кентерберийский,
> И дали вы на суд свое согласье.

Акт II, сцена 3, строки 217–219

В то время архиепископом Кентерберийским был Уильям Уорем. Он занял этот пост в 1504 г. Именно этот человек короновал Генриха и Катерину в 1509 г. В данный момент ему около восьмидесяти лет, и тягаться с Вулси (который занимает второй по значимости пост архиепископа Йоркского) он уже не может.

Уорем дает согласие на развод; ничего другого старику, запуганному королем и кардиналом, не остается.

«Слуга любимый, Кранмер…»

Но на папского легата Кампейуса слова Генриха влияния не оказывают. Апелляция Катерины к папе заставила его только развести руками, потому что без рассмотрения этой апелляции папой он ничего сделать не может. Он предлагает отложить суд до тех пор, пока королева не согласится

на нем присутствовать.

Это заявление застает Генриха врасплох и выводит его из себя. Видимо, он ждал, что суд над Катериной продолжится в ее отсутствие и быстро примет решение о разводе, после чего все пройдет как по маслу. Поняв, что так не будет, он бормочет:

> Ученый муж, слуга любимый, Кранмер,
> Скорей вернись! Я знаю, твой приезд
> Мне возвратит покой.

Акт II, сцена 3, строки 238–240

Кранмер — ученый клирик, на два года старше самого короля; он один из тех, кто весьма заинтересован событиями, происходящими в Германии.

Там в 1517 г. некий монах по имени Мартин Лютер начал оспаривать некоторые тезисы католической церкви, до того казавшиеся незыблемыми. Затем произошло то, что на первый взгляд казалось одним из теологических диспутов, часто возникавших в среде интеллектуальных теологов, но не оказывавших серьезного влияния на организационную структуру церкви.

Однако благодаря ряду обстоятельств доктрины Лютера распространились, как степной пожар.

(Одним из этих обстоятельств стало то, что хитрый монах использовал для проповеди своих взглядов недавно изобретенный печатный станок и широко распространял свои убедительные и красочно изложенные брошюры.) К 1520 г. они достигли Англии, после чего Кранмер и другие теологи начали оживленно обсуждать тезисы Лютера. Главным из них был тезис о том, что папа не обладает властью над всей церковью и что значительную часть Писания, одобренную католической церковью, вовсе не следует принимать на веру только потому, что так велел папа.

Генриха VIII, считавшего себя ученым, взгляды Лютера очень раздражали. В 1521 г. он написал книгу в защиту традиционного католицизма, отвергавшую учение Лютера. Король настаивал на том, что написал ее сам, хотя многие подозревали, что она была составлена каким-то ученым клириком. Настоятель Виндзорского аббатства отвез книгу в Рим, и догадливый папа (под сильным нажимом этого настоятеля) присвоил Генриху титул Защитник веры. (Этот титул остался за Генрихом даже после окончательного разрыва с папой и принадлежит английским монархам по сей день.)

Сейчас, когда речь шла о разводе, Генрих наде-

ялся на помощь папы, но тщетно. Его предыдущая убежденность в том, что папа является высшей инстанцией, поколебалась. Именно поэтому внимание короля привлекла деятельность Кранмера.

Похоже, что в 1527 г. Кранмер сумел встретиться с несколькими советниками короля, в том числе со Стивеном Гардинером. В диспуте о разводе Кранмер выразил мнение, что в этом вопросе папе не принадлежит последнее слово. Интересовавшийся лютеранством и сочувствовавший ему, Кранмер предложил королю обсудить эту проблему в крупнейших университетах Европы. Общее мнение ведущих христианских теологов могло бы очень помочь королю; в этом случае мнение самого папы потеряло бы всякое значение.

Сейчас, два года спустя, Генрих увидел в этом выход из тупика и до самой смерти сохранил благодарность Кранмеру.

«В Рим тайно отбыл...»

Вулси и Кампейус изо всех сил пытаются убедить Катерину подчиниться решению суда. Только это позволит избежать неминуемого противостояния короля и папы. Однако Катерина непоколебима, она отвергает суд и требует вос-

становления справедливости.

Это серьезное поражение Вулси. Его знатные враги ликуют и предвкушают скорое падение кардинала. Норфолк говорит:

> Король располагает документом,
> Навек убившим мед его речей.

Акт III, сцена 2, строки 20–22

Кардинал с опозданием понял, что Генрих добивается развода, чтобы жениться вовсе не на французской принцессе, а на Анне Буллен. После этого Вулси пришел в ужас, и дело о разводе потеряло для него всякую притягательность. Он заколебался, а проницательному и расчетливому королю этого было достаточно.

Суффолк говорит:

> Посланье кардинала к папе как-то
> Попало к королю.

Акт III, сцена 2, строки 30–31

Но худшее известие впереди. Суффолк продолжает:

> В Рим тайно отбыл кардинал Кампейус,

Ни с кем перед отъездом не простился
И дело о разводе не закончил.

Акт III, сцена 2, строки 56–58

Беда заключалась в том, что Генрих VIII обладал неограниченной властью у себя в Англии, но не в силах был повлиять на важные события, происходившие на континенте. Примерно во время суда попытка Франции вырвать Италию из состава Священной Римской империи потерпела крах. В августе 1529 г. французский король и император подписали договор, согласно которому Италия оставалась под властью Карла. Это означало, что папа Климент тоже остается под властью Карла, а потому на его одобрение развода Генриха с теткой императора рассчитывать не приходится.

Суд отложили до июля, но Катерина на него так и не явилась, решить вопрос полюбовно не захотела и настаивала на своем праве обратиться к папе. 23 июля суд прекратил свою работу. Папа, которому оставалось только затягивать дело, отозвал кардинала Кампейуса, и тот покинул Англию. Однако он сделал это вовсе не тайно; 19 сентября кардинал Кампейус получил последнюю аудиенцию у короля.

С этого момента судьба Вулси была решена. Он

обещал королю добиться развода, но это обернулось для Генриха величайшим унижением. Было ясно, что Вулси не тот человек, который способен помочь королю преодолеть сопротивление папы, и что королю придется поискать какой-то другой путь.

«Архиепископом…»

Шансы Вулси падают, а шансы Кранмера растут. Кранмер чувствует, что может преодолеть сопротивление папы, и уже собирает мнения теологов разных стран, благоприятные для короля. Вельможи одобряют его действия, и Суффолк говорит:

> Архиепископом еще он станет
> За это все.
>
> ***Акт III, сцена 2, строки 73-74***

Время уплотняется снова. Генриху удалось обойти папу лишь через два с половиной года после завершения работы суда. В 1532 г. король послал Кранмера в Германию. Официально он был отправлен туда для консультаций с императором, но на самом деле для установления связей с лютеранскими князьями, сбора мнений

лютеран и подтверждения симпатии английских властей к новым доктринам. Кранмер действительно нарушил обет безбрачия и женился на собственной племяннице, потому что, согласно лютеранским доктринам, в безбрачии священников не было никакого смысла.

В августе 1532 г. умер старый архиепископ Кентерберийский, и в марте 1533 г. Кранмер занял вакантное место, став шестьдесят девятым архиепископом Кентерберийским.

«Пакет мой, Кромвель…»

Вулси еще не знает, что он в опале. Он входит с помощником и спрашивает его:

> Пакет мой, Кромвель,
> Ты отдал королю?

Акт III, сцена 2, строки 76–77

Вулси говорит с Томасом Кромвелем, человеком чрезвычайно низкого происхождения, о жизни которого до 1520 г. ничего не известно. Затем тридцатипятилетний Кромвель поступил на службу к Вулси и в конце концов стал его доверенным секретарем.

Как выяснится позже, именно пакет, о котором

идет речь, станет причиной стремительного падения Вулси (во всяком случае, в пьесе). Входит разгневанный король и возвращает Вулси документ, случайно попавший в пакет. Это секретная опись имущества кардинала. Когда король уходит, Вулси рассматривает бумагу и в ужасе бормочет:

> Здесь полный список всех моих богатств,
> Накопленных для личных целей мною,
> Чтобы добиться папского престола
> И подкупить друзей, живущих в Риме.

Акт III, сцена 2, строки 210–213

Теперь король может воспользоваться алчностью Вулси как поводом для удаления кардинала. Наконец-то Генрих убедился в его продажности, заигрываниях с Римом и так далее. Вулси обречен.

«Печать большую…»

Почти сразу же к Вулси подходят вельможи, и Норфолк говорит:

> Вот, кардинал, желанье короля:

Печать большую вы вручите нам,
А сами удалитесь в Эшер-Хаус,
Милорд Уинчестер…

Акт III, сцена 2, строки 228–231

Большая печать — символ должности лорд-канцлера. Вулси лишился этого поста, для нас эквивалентного премьер-министру. Это случилось 17 октября 1529 г., всего через четыре месяца после начала суда над Катериной, председателем которого был Вулси.

Однако лишение большой печати — это только развитие процесса, начавшегося раньше. Суффолк продолжает:

Поскольку ваши прошлые деянья
Легатской власти в нашем государстве
Подходят под закон о praemunire (конфискации),
То следует о вас такой приказ:
Конфисковать все ваше состоянье,
Именье, земли, замки, мебель, утварь
И прочее.

Акт III, сцена 2, строки 338–343

Закон о конфискации был принят в 1392 г. при Ричарде II. Он был направлен на ограничение

власти папы в Англии; согласно этому закону, в некоторых вопросах никто не имел права общаться с папой без разрешения короля. 9 октября 1529 г. (за восемь дней до лишения должности) Вулси обвинили в нарушении этого закона и конфисковали все его имущество в пользу короля. Однако в знак королевской милости кардиналу позволили оставить за собой должность архиепископа Йоркского.

«Сэр Томас Мор…»

Вельможи уходят, насмехаясь над падением всесильного министра. Оставшись один, Вулси произносит эмоциональный монолог о своем утраченном величии. Входит Кромвель и сообщает ему новость:

> Затем сэр Томас Мор уже лорд-канцлер
> На вашем месте.

Акт III, сцена 2, строки 393–394

Сэр Томас Мор был самым образованным человеком своего времени и во многих отношениях заслуживал восхищения. Например, он выступал за образование для женщин; во всяком случае, его дочери были прекрасно образованы.

Кроме того, он был писателем. В 1514 г. Мор написал биографию Ричарда III, в которой противопоставил плохого правителя Ричарда хорошему — Эдуарду IV. (Следует напомнить, что Эдуард IV приходился Генриху VIII дедом с материнской стороны.) Эти книги Тюдоры использовали как средство пропаганды, а Шекспир — при написании пьесы «Ричард III». Кстати, Мор ее так и не закончил — видимо, поняв, что это не история, а пропаганда, и возненавидев свой труд. Вскоре после этого он написал «Утопию» (это греческое слово означает «нигде»), картину идеального общества, обогатив английский язык новым словом и положив начало целому литературному жанру.

Мор был обаятельным человеком, и Генрих VIII любил его общество. Назначив Мора лорд-канцлером, он сделал правильный выбор, потому что сэр Томас был трудолюбив, добр, справедлив и популярен. При Генрихе VII Мор протестовал против непомерных налогов и в качестве спикера палаты общин в 1523 г. имел мужество сопротивляться всесильному Вулси, в очередной раз потребовавшему ввести новые налоги.

Однако в другом отношении Генрих допустил грубейшую ошибку. Мор был убежденным ка-

толиком и не мог согласиться с разводом, не одобренным папой. Поскольку папа разрешения на развод не давал, Мор (человек принципа) не видел способа обойти этот запрет и не пошевелил бы и пальцем ради того, чтобы его найти. Когда король окончательно порвал с папой, Мор тоже попал в опалу[266].

«…Повенчанная тайно…»

Кромвель сообщает Вулси и другие новости, но допускает при этом анахронизмы. За падением Вулси последовал долгий период, наполненный головокружительными поворотами, которые Шекспир был вынужден пропустить.

Кромвель говорит:

> С приветом встречен Кранмер.
> Архиепископом Кентерберийским
> Уже назначен он.

Акт III, сцена 2, строки 400–401

Однако это произошло лишь в марте 1533 г., через три с половиной года после падения Вулси.

Кромвель продолжает:

---

[266] Примечания: 266
Но в отличие от Вулси был казнен. *(Примеч. пер.)*

Последняя же новость — леди Анна,
Повенчанная тайно с королем,
Как королева нынче появилась
Открыто в церкви с ним.

Акт III, сцена 2, строки 402–404

На самом деле Генрих окончательно расстался с Катериной и отказался видеться с ней только в июле 1531 г., спустя полтора года после опалы Вулси. После этого Анна стала открыто сопровождать короля, в том числе и в заграничных поездках. Они тайно обвенчались 25 января 1533 г., а 28 марта Кранмер, к тому времени уже архиепископ Кентерберийский, официально объявил брак Генриха и Анны законным.

«…Тебе при нем откроется дорога»

Вулси советует Кромвелю покинуть тонущий корабль и поискать спасения. Он говорит:

Войти старайся в милость королю.
Пусть это солнце не придет к закату!
Я говорил ему, что ты был честен,
Тебе при нем откроется дорога…

Акт III, сцена 2, строки 414–416

Кромвель поступил так, как ему советовали. Обычно секретари уходили вместе со своими хозяевами, но Кромвель почти сразу получил место в парламенте и придумал план, как обойти папу. Для этого король должен был сам возглавить английскую церковь. Теологическое обоснование английской Реформации принадлежало Кранмеру, но именно Кромвель претворил теорию в практику.

Генрих согласился, принял его услуги и начал покровительствовать ему. В результате Кромвель стал пэром Англии. В апреле 1540 г. простолюдина Томаса Кромвеля сделали графом Эссексом.

Но Шекспир наделяет Вулси пророческим даром. Кардинал советует своему секретарю избегать корысти и честолюбия. Он говорит:

> И если, Кромвель, ты тогда падешь,
> Ты примешь смерть как мученик святой.

Акт III, сцена 2, строки 448–449

В конце концов Кромвель действительно пал. К моменту получения титула он успел разойтись с Генрихом во взглядах на второй развод и третий брак. В июне 1540 г. Кромвель был арестован, а 28 июля его (успевшего побыть графом всего

четыре месяца) казнили.

Однако это произошло через много лет после событий, которыми завершается данная пьеса, так что падение Кромвеля к ней отношения не имеет.

«Служи я Небесам…»

Наконец Вулси заканчивает свой монолог следующими знаменитыми словами:

> О Кромвель, Кромвель,
> Служи я Небесам хоть вполовину
> С таким усердьем, как служил монарху,
> То в старости меня бы он не предал,
> Столь беззащитного моим врагам.
>
> ***Акт III, сцена 2, строки 454–457***

Согласно легенде, эту фразу Вулси произнес на смертном одре. После отставки кардинал какое-то время прожил под Лондоном, надеясь на примирение с королем. Похоже, он еще получал знаки внимания по старой памяти.

Затем Вулси вступил в тайную переписку с папой, королем Франциском и императором Карлом — видимо, пытаясь убедить их заступиться

за него перед королем.

Однако в конце концов Вулси отправили в Йорк, чтобы он мог впервые в жизни исполнить обязанности архиепископа, которым до сих пор только числился. В апреле 1530 г. Вулси выехал в Йорк.

Он назначил на ноябрь пышное вступление в должность, и это не понравилось королю. Узнав о тайной переписке, Генрих решил, что Вулси виноват в государственной измене. 4 ноября 1530 г., за три дня до вступления в должность, Вулси арестовали и отвезли в Лондон на суд.

Однако здоровье кардинала было подорвано, и этой поездки он уже не перенес. Вулси ехал медленно, но у Лестера ему стало плохо, и 29 ноября 1530 г., через год после своей отставки, он почил, предварительно (если верить легенде) произнеся знаменитые слова: «Служи я Небесам хоть вполовину…»

«…Проследует обратно королевой?»

Четвертый акт начинается новой встречей двух дворян. Они уже встречались во время суда над Бекингемом и его казни (то есть двенадцать лет назад). Но сейчас произошло радостное событие. Первый дворянин говорит второму:

Пришли сюда взглянуть, как леди Анна
Проследует обратно королевой?

Акт IV, сцена 1, строки 2–3

Коронация состоялась 31 мая 1533 г., сразу после того как Кранмер благословил брак Генриха и Анны.

«Недавно в Данстебле…»

Второй дворянин спрашивает о судьбе королевы Катерины, которую он теперь называет вдовствующей принцессой. Первый дворянин отвечает:

Недавно в Данстебле, что близ Эмптхилла,
Где ждет судьбы она, архиепископ
Кентерберийский и его собратья
Ученые из ордена святого
В судебном заседании собрались.
Они туда принцессу приглашали
Настойчиво, но все же безуспешно.

Акт IV, сцена 1, строки 24–28

Генрих окончательно расстался с Катериной

в 1531 г., после чего ее отправили в Эмптхилл, городок в 40 милях (64 км) к северу от Лондона. В 1533 г. ее вызвали на второй суд в Данстебле, в 10 (а не в шести, как говорится в пьесе) милях (16 км) к югу от Эмптхилла. Этот второй суд сильно отличался от первого, состоявшегося четыре года назад.

Катерина снова отказалась на нем присутствовать, несмотря на настойчивые приглашения, но на этот раз не было ни папского легата, ни папы, к которому можно было обратиться с жалобой. Кранмер действовал самостоятельно, и 23 мая 1533 г. брак Генриха с Катериной был объявлен недействительным. Именно это решение позволило Кранмеру благословить брак Анны и Генриха, а через неделю провести коронацию Анны как новой королевы.

Но Катерина не сдавалась. Она отказалась принять решение Кранмера и все, что за ним последовало (в частности, объявление ее дочери Марии незаконнорожденной). Она оставалась королевой до самого конца, но потрясение оказалось слишком сильным. Первый дворянин говорит:

Потом ее в Кимболтон увезли,

И там она занемогла.

Акт IV, сцена 1, строки 34–35

Кимболтон расположен в 20 милях (32 км) севернее Эмптхилла.

«Опять у Гардинера не в почете…»

Описание коронации Анны третьим дворянином приводит к обсуждению последних перемен. Например, в 1531 г. Гардинер сменил должность королевского секретаря на должность епископа Уинчестерского. Этот пост в церковной иерархии считался самым прибыльным; когда-то его занимал Генри Бофорт (см. в гл. 11: «Молитвы церкви…»).

Второй дворянин упоминает о вражде между новыми епископами. Он говорит:

> Как говорят,
> Опять у *Гардинера* не в почете
> Наш дорогой архиепископ Кранмер.

Акт IV, сцена 1, строки 103–105[267]

Причина этой вражды не указана, но можно

---

[267] Примечания: 267

В оригинале: «…у Уинчестера…» — Е. К.

догадаться, что в ней виновато уязвленное самолюбие Гардинера. Гардинер сам надеялся стать архиепископом Кентерберийским, и пост епископа Уинчестерского явился для него слабым утешением.

Однако третий дворянин указывает на то, что у Кранмера есть союзник:

> Томас Кромвель,
> Которого король высоко ценит.
> Он верный и достойный друг. Король
> Ему дал пост хранителя алмазов,
> Назначив членом тайного совета.

Акт IV, сцена 1, строки 108–112

Кромвель заменил Гардинера в должности королевского секретаря, и его быстрое возвышение тоже не понравилось честолюбивому Гардинеру.

Однако расхождения между Гардинером с одной стороны и Кромвелем и Кранмером с другой были вызваны не только честолюбием. Здесь была замешана и религия.

Кромвель и Кранмер участвовали в английской Реформации, которая началась после развода короля. Гардинер, напротив, был религиозным консерватором; он не протестовал против развода, но не хотел менять католическую доктрину.

Сам Генрих был скорее на стороне Гардинера, потому что в глубине души он оставался Защитником веры и ни за что не отказался бы от католицизма, если бы на кону не стояли его собственные интересы.

Дело было не только в разводе, но и в деньгах. Генриху были нужны средства, а после разрыва с папой богатые (и в некоторых случаях далеко не безгрешные) монастыри оказались в его распоряжении. Чопорные монахи неизменно занимали сторону папы, выступали против развода и были богаты. Никаких других доказательств вины не требовалось.

Сэр Томас Мор выступил против решения короля лично возглавить английскую католическую церковь, за что и был казнен 6 июля 1535 г., став жертвой тирании, ошибочно приписанной им Ричарду III. После смерти Мора канцлером стал Кромвель, которому было поручено руководить ограблением монастырей. Король получил нужные ему деньги и поделился ими с английским правящим классом, заставив таким образом поддерживать Реформацию и противостоять попыткам реставрации католицизма.

Поэтому корыстные интересы заставляли Генриха способствовать продвижению Кромвеля и

Кранмера и отвернуться от Гардинера, теологическим взглядам которого он симпатизировал в глубине души.

«Капуциус зовут вас»

Тем временем в Кимболтоне умирает Катерина. Принимая последнего посетителя, она говорит:

> Ах, если мне не изменяет зренье,
> Прислал вас император, мой племянник.
> Капуциус зовут вас. Вы посол?

Акт IV, сцена 2, строки 108–110

Капуциус — латинизированная форма фамилии Шапюи. Этот человек действительно посол Священной Римской империи при английском дворе.

Похоже, Катерина, упрямо сопротивляющаяся разводу, все еще относится к Генриху с любовью и уважением, как к мужу и королю. Она неистово цеплялась за свои права, но не сказала о своем жестоком супруге ни одного худого слова.

Перед смертью Катерина написала Генриху письмо, в котором содержалась лишь одна просьба — позаботиться об их дочери Марии

и нескольких слугах, которые до самого конца сохраняли верность своей опальной хозяйке.

Видимо, Генрих почувствовал угрызения совести и передал ей через Капуциуса какое-то утешительное послание. (В конце концов, теперь он был счастлив, а она умирала.) Похоже, что в действительности Капуциус прибыл слишком поздно и обнаружил, что Катерина уже умерла, но Холиншед сообщает, что посол приехал до того, как она отправила письмо, и пообещал ей передать послание по назначению. Шекспир, как всегда, следует Холиншеду.

Визит Капуциуса свидетельствует о том, что император Карл еще не забыл свою тетку. Он ничего не мог для нее сделать, потому что был не в состоянии начать войну с Генрихом; а о вторжении в Англию вообще не могло быть речи. Тем не менее он запретил папе идти на компромисс с Генрихом, хотя это и означало потерю Англии для католического мира.

В результате 23 марта 1534 г. папа Климент VII вынес окончательное решение о том, что брак между Генрихом и Катериной является действительным. (Через полгода он умер, пробыв папой одиннадцать лет, которые обернулись катастрофой для Римско-католической церкви.)

Генрих должен был как-то отреагировать на это. Его реакция была внушительной. 30 марта он провел через парламент указ, согласно которому англиканская церковь полностью порывала с папством, а ее официальным главой становился король. (Год спустя Мор был казнен именно за то, что отказался признать этот указ.)

Так в январе 1536 г. рухнуло все, что было дорого Катерине (брак и вера). Остались только руины, и Катерина умирала.

«…Дочь юную»

Катерина просит Капуциуса передать королю ее последнее письмо:

> В нем доброте его я поручаю
> Дочь юную; как знак любви чистейшей…
>
> ***Акт IV, сцена 2, строки 131–132***

Когда началась бесконечно долгая история с разводом родителей, принцессе Марии было десять лет. После этого жизнь девочки превратилась в сплошной кошмар. В конце 1531 г. Марию разлучили с матерью и не позволили увидеться с ней даже перед смертью Катерины.

В момент смерти матери Марии было двадцать лет. Девушка была копией своей матери. Как и ее мать, Мария упорно настаивала на своих правах. Она не признала развода, не отреклась от титула принцессы и твердо придерживалась католической веры, от которой отрекся Генрих.

Яростная приверженность Марии католицизму (с точки зрения которого ее мать всегда оставалась королевой, а она сама никогда не переставала быть принцессой — в отличие от англиканства, которое сделало ее незаконнорожденной) привела к пяти трагическим годам в истории Англии, когда душевно травмированная Мария Тюдор через семнадцать лет после смерти матери сама стала королевой.

Обратившись к Генриху с последней просьбой, Катерина умерла. Это случилось 7 января 1536 г. Катерине было пятьдесят лет. Хотя ее упрямое нежелание согласиться на развод обернулось для Англии долгими годами религиозных войн, но эти войны, скорее всего, вспыхнули бы в любом случае, потому что доктрины протестантства распространились в стране куда шире и глубже, чем этого хотел сам Генрих.

Даже величайшие враги Катерины признают, что она была виновата только в одном: эта жен-

щина не смогла родить здорового сына.

«Королева, как говорят, лежит в тяжелых родах»

Пришел черед Анны Буллен сделать то же самое. Пятый акт начинается словами сэра Томаса Ловелла, которые обращены к Стивену Гардинеру, епископу Уинчестерскому:

> Королева,
> Как говорят, лежит в тяжелых родах.
> За жизнь ее боятся.
>
> ***Акт V, сцена 1, строки 18–20***

Анна Буллен не заставила долго ждать появления потомства. Она забеременела сразу после заключения тайного брака; возможно, именно это заставило королевскую чету поторопиться с официальным браком и коронацией. После того, на что пошел Генрих ради обзаведения наследником мужского пола, он не мог позволить, чтобы кто-то усомнился в законности происхождения его отпрыска.

Поэтому в начале сентября 1533 г., через семь месяцев после официального бракосочетания (но за два с лишним года до смерти Катерины,

описанной в предыдущей сцене), у Анны начались роды.

Услышав новость, Гардинер желает ребенку счастья, но не пытается скрыть своего враждебного отношения к королеве и двум ее сторонникам, Кранмеру и Кромвелю.

«Ужели королева разрешилась?»

Естественно, король Генрих очень волнуется, ожидая появления долгожданного наследника. Он появляется на сцене и рассеянно разговаривает с присутствующими, включая Кранмера; он проявляет внимание лишь при появлении старой леди (видимо, присутствовавшей при родах королевы). Король восклицает:

> По взгляду твоему я догадался…
> Ужели королева разрешилась?
> Скажи, что да! И мальчиком, конечно?

Акт V, сцена 1, строки 161–163

Однако управлять судьбой Генрих не мог. 7 сентября 1533 г. у него родилась дочь, и король ужасно расстроился. Конечно, он не мог предположить, что четверть века спустя эта девочка унаследует трон и станет величайшим монархом

в истории Англии. Генрих понимал только одно: опять девчонка!

Старая леди, прекрасно знавшая, что эта новость никого не обрадует, постаралась позолотить пилюлю. Она подтверждает слова короля, но потом объясняет:

> Хоть это и девчонка, но она
> Мальчишек вам в дальнейшем обещает.

Акт V, сцена 1, строки 165–166

Увы, ее пророчество не сбылось. Девочке, родившейся в тот день, не было суждено иметь ни сыновей, ни дочерей. Она всю жизнь оставалась незамужней и, согласно легенде (впрочем, может быть, и правдивой), сохранила девственность. В истории Елизавета известна под именем Королева-Девственница (the Virgin Queen); это выражение было настолько популярно, что в ее честь один из американских штатов назвали Виргинией.

Поэтому Елизавета не оправдала честолюбивых надежд отца на продолжение рода и стала последней из династии Тюдоров, основанной Генрихом VII. Эта династия находилась у власти всего 118 лет и насчитывала лишь три поколения.

Тем не менее Яков I, который стал преемником Елизаветы I, был правнуком (по матери) сестры Генриха VIII и, следовательно, праправнуком Генриха VII. Все английские монархи, начиная с Генриха VIII, были потомками Генриха VII, но (не считая Елизаветы) не потомками Генриха VIII.

«...Немецкие соседи...»

Две следующие сцены описывают попытку Гардинера уничтожить Кранмера. Гардинер обвиняет архиепископа Кентерберийского в ереси и пытается добиться, чтобы это подтвердил Государственный совет. (На самом деле это произошло в 1540 г., хотя пьеса заканчивается крещением маленькой принцессы, состоявшимся в 1533 г.)

Гардинер указывает на опасность ереси и описывает ее последствия:

> Начнется смута, бунт...
> Над государством
> Нависнет беспрестанная угроза.
> Недавно нам *немецкие* соседи
> Напомнили об этом очень ясно.

Об этом память все еще свежа.

Акт V, сцена 3, строки 28–30[268]

Гардинер имеет в виду крестьянскую войну в Германии 1524–1525 гг. Лютер повел яростную атаку на церковь и преуспел в этом. Беднейшие крестьяне Верхнего Рейна восприняли его пропаганду как призыв к свержению власти, которая причиняла им неслыханные мучения и довела их до положения рабов и животных, и подняли восстание.

Когда восстают угнетенные и необразованные массы, не имеющие опытных вождей, это обычно приводит к анархии и бессмысленному разрушению, от которого страдает множество невинных и беспомощных людей. Поскольку крестьяне стремились отомстить своим аристократическим хозяевам (которые были наиболее грамотной частью общества), их действия описывались как неслыханные зверства. Когда крестьянское восстание наконец подавили (по-другому в истории не бывает) и начали безжалостно наказывать восставших из расчета десять за одного, это мало кого возмущало, ибо никого не волнует судьба

---

[268] Примечания: 268

В оригинале: «…соседи из верхней Германии…» — Е. К.

бессловесных роботов, находящихся в самом низу экономической пирамиды.

Как бы там ни было, но крестьянская война привела Лютера в ужас. Он полностью зависел от поддержки германских князей, которые считали, что разрыв с Римом усилит их политическую власть и (как в случае с Генрихом) позволит присвоить богатства и земли церкви. Но те же самые князья быстро смекнули, что, когда начинается революция, остановить ее трудно. Грабить церкви легко и приятно, но кому понравится, если после этого тебя станут грабить собственные крестьяне?

Естественно, церковь пришла к выводу, что революция — болезнь заразная (именно эту точку зрения сейчас выражает Гардинер), и Лютер, не желавший, чтобы его учение погибло из-за измены напуганных князей, решил пересмотреть свои доктрины в угоду правящей верхушке. Он обрушил на крестьян невероятные проклятия и призывал подавлять их восстания, прибегая к самым крайним мерам. Это позволило Лютеру сохранить доверие протестантских князей, но зато доверие крестьян он утратил. Области, в которых бушевало крестьянское восстание, остаются католическими и по сей день.

Несмотря на оппортунизм Лютера, крестьянская война осталась ужасным примером для тех, кто считал себя сторонником ереси. Если в европейской стране не было сильной королевской власти (как в Англии или Скандинавских странах), тамошняя аристократия предпочитала не бунтовать, помня о восстании против власть имущих. На первых порах казалось, что лютеранство без труда завоюет всю Западную Европу, однако вскоре выяснилось, что оно имеет свои пределы и ограничивается главным образом немецкоговорящими странами.

«…Эту ересь…»

Гардинер обвиняет Кранмера в сочувствии доктринам Лютера (и, видимо, в желании подвергнуть Англию опасности крестьянских восстаний). Он говорит Кранмеру:

> Не знаю разве я, что эту ересь
> Вы поощряли?

Акт V, сцена 3, строки 80–81

Кранмеру грозит арест и заточение в Тауэре, но тут входит Генрих, решительно вмешивается в происходящее и спасает архиепископа.

Пока был жив сильный и властный Генрих VIII, противоположные мнения не перерастали в открытые конфликты. Генрих держал под контролем и Гардинера, и Кранмера.

Однако после смерти Генриха все изменилось. Сначала поднялись протестанты. Тогда верх одержал Кранмер, а Гардинера отправили в тюрьму. Но затем возобладали католики, которых возглавил Гардинер, а Кранмера сожгли на костре.

Нового компромисса достигли только при Елизавете I, которой удалось покончить с догматизмом официальной государственной религии.

«…Поток благодеяний»

В финальной сцене пьесы Кранмер крестит маленькую Елизавету. Драматург, знающий, что случится потом, делает его пророком. Кранмер говорит:

> Сей царственный младенец (с Небесами
> Пока что не утративший единства)
> Уже и в колыбели обещает
> Британии поток благодеяний.

Акт V, сцена 5, строки 17–20

Если бы Кранмер мог это предвидеть, он действительно был бы пророком. Во всяком случае, Генрих на такое не рассчитывал.

После рождения девочки король разочаровался в Анне; возможно, Генрих решил, что Небо все еще гневается на него, и решил поискать себе другую жену. Со временем он стал подумывать о разводе с Анной, но народ мог решить, что Генрих делает это для того, чтобы вернуть Катерину. Это значило, что Генрих должен сначала дождаться смерти Катерины, а уж потом решить судьбу Анны.

Но позволить себе новые романы он мог. Вскоре после рождения Елизаветы Анна пережила то же самое, что до нее пережила Катерина.

Когда Катерина наконец умерла, бедная Анна возликовала, почувствовав себя настоящей королевой, на права которой никто не посягает. Кроме того, она снова была беременна и не сомневалась, что на этот раз родит мальчика…

«…Не уступит в добре и мудрости»

Кранмер продолжает читать панегирик принцессе:

Она царице Савской не уступит

В добре и мудрости. Все благородство
И добродетель — спутница добра,
Все, что царицу эту отличало,
Умножится в сем царственном младенце.

Акт V, сцена 5, строки 23–25

Царица Савская упоминается в десятой главе Первой книги Царств. Там говорится, что она проделала долгое путешествие в Иерусалим, чтобы сесть у ног мудрого царя Соломона и учиться у него.

Но назвать детство Елизаветы счастливым никто не решился бы. Как и ее старшую единокровную сестру Марию, Елизавету объявляли незаконнорожденной; временами ей грозили тюрьма и казнь. Правда, она получила хорошее образование. Девочка говорила по-французски, по-итальянски, по-латыни и по-гречески, хорошо знала классическую литературу, могла на равных вести беседы с придворными учеными, а как королева показала себя соперницей, превосходившей любого европейского монарха и интеллектом, и политической дальновидностью.

«…Взойдет в сиянье славы, как звезда»

Когда Кранмер заканчивает панегирик Елизавете, его речь становится до смешного напыщенной. Он говорит о девочке:

> Так и она, вспорхнув из мрака к небу,
> Свои заслуги передаст другому,
> Который из ее святого пепла
> Взойдет в сиянье славы, как звезда…

Акт V, сцена 5, строки 43–46

В этом отрывке речь идет о преемнике Елизаветы Якове I; правда, узнать его по такому описанию практически невозможно. По сравнению с Елизаветой этот человек выглядел пигмеем, однако в момент премьеры именно он занимал трон, так что прославлять Елизавету и при этом не прославлять Якова было невозможно.

На этом пьеса кончается. Генрих VIII, который на всем протяжении пьесы ни у кого восторгов не вызывал, внезапно превращается в ангела, потому что он защищает Кранмера и становится счастливым отцом будущей великой королевы.

Однако жизнь на этом не кончилась. После смерти Катерины Арагонской Генри начал

преследовать Джейн Сеймур, одну из фрейлин Анны.

Анна застала короля флиртующим с Джейн, после чего с ней случился припадок. Поскольку она была на последних месяцах беременности, Генрих испугался последствий и принялся успокаивать жену, но это не помогло. У Анны начались преждевременные роды, и 29 января 1536 г. (всего через три недели после смерти Катерины и в день ее официальных похорон) она родила мальчика, о котором так мечтал Генрих, но, увы, мертвого…

Король разгневался, и это стало концом для бедной Анны. Генрих обвинил ее в супружеской неверности. 2 мая ее судили и отправили в Тауэр, а 19 мая казнили. Она пробыла супругой короля всего три года. Этот брак был еще более неудачным, а судьба самой Анны еще более печальной, чем брак и судьба Катерины.

На следующий день Генрих женился на Джейн Сеймур, и та наконец подарила Генриху желанного наследника. Мальчик родился 12 октября 1537 г., но сама Джейн умерла 24 октября.

Остаток царствования Генриха превратился в сплошной кошмар, потому что король женился в четвертый раз, развелся с женой, женился на

пятой, казнил ее и умер, не успев придумать, как ему поступить с шестой женой. Все это время он правил перепуганными придворными как абсолютный монарх и казнил всякого, кто навлекал на себя его гнев или внушал подозрения.

Генрих VIII умер 28 января 1547 г., оставив престол своему девятилетнему сыну от Джейн Сеймур, который правил под именем Эдуард VI. Однако мальчик был болезненным и умер 6 июля 1553 г. в возрасте пятнадцати лет. Трон унаследовала его старшая единокровная сестра Мария, дочь Катерины, и занимала его пять страшных лет, настойчиво, но безуспешно пытаясь силой вернуть Англию в католичество.

Когда 17 ноября 1558 г. Мария Тюдор умерла в возрасте сорока двух лет, трон наконец заняла ее младшая единокровная сестра, дочь Анны Буллен. Это было начало славного царствования, которое продолжалось сорок пять лет и полностью оправдало напыщенное предсказание Кранмера.